

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Brian J. Conley
Class of 1966

for generous support of the
Harvard College Fund

1990-1991

The Harvard College Library

LIBRARY, MASS.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XVII.

1908.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТОСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	3
II. Узаконенія	—
III. Высочайшія повелѣнія	78
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	79
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	81
VI. Опреждленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	83
VII. Опреждленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	—
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ	84

G. B. Баллицкій. Зарожденіе періодической печати въ Россіи .	1
B. O. Миллеръ. О братьяхъ оудальцахъ	77
H. A. Тихомірройъ. Отрешная книга города Пензы, какъ матеріалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ XVII вѣкѣ	93
A. H. Яцимирскій. Значеніе румынской филологіи для славистикъ и романскихъ изученій	121
A. Г. Бекитремиъ. Медицинскій факультетъ въ Монпелье до середины XIV вѣка	143

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

C. J. Аваліани. Къ вопросу объ учебныхъ пособіяхъ для высшей школы	170
D. M. Синцовъ. По поводу „одной теоремы элементарной геометріи“	178
A. A. Васильевъ. <i>Дмитрій Петрушевскій</i> . Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Москва. 1907	180
C. Г. Вилнискій. Новые труды по изученію дѣятельности Ивана Чересвѣтова	185
M. C. Грушевскій. Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. С.-Пб. 1907	193
H. K. Козминъ. Отвѣтъ И. И. Замотину	203
— Книжныя новости	205

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

A. Ф. Никитинъ. Школьныя эпидеміи и мѣры борьбы съ ними .	1
---	---

См. 3-ю страницу обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVII.

1908.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТОСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1908.

PSlav 318.10

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (14-го іюля 1908 года). „Нижегородскому губернскому предводителю дворянства, магистру государственнаго права, коллежскому совѣтнику *Прутченко* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Рижскаго учебнаго округа“.

II. УЗАКОНЕНІЯ.

1. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства 40.000 рублей на выдачу пособій женскимъ профессиональнымъ учебнымъ заведеніямъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВЫТЬ ПО СФМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства 40.000 рублей на выдачу пособій женскимъ профессиональнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства министерству народнаго просвѣщенія въ 1908 году *сорокъ тысячъ* рублей

на выдачу пособій жёнамъ профессиональнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Собр. узак. и расп. прав., 18-го іюля 1908 г., № 105, ст. 732).

2. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на устройство и содержаніе въ городѣ Воронежѣ средняго восьмикласснаго механико-техническаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.
3-го іюля 1908 года

БЫТЬ ПО СЕМУ.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на устройство и содержаніе въ городѣ Воронежѣ средняго восьмикласснаго механико-техническаго училища.

I. Учредить въ городѣ Воронежѣ среднее восьмиклассное механико-техническое училище на основаніи статей 1814—1854 уставовъ учебныхъ учреждений и учебныхъ заведеній (Свод. зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г. и по прод. 1906 г.).

II. Установить прилагаемый, при семъ штатъ названнаго (отд. I) училища.

III. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означеннаго (отд. I) училища: въ 1908 году—*восемь тысячъ четыреста пятьдесятъ пять рублей*, въ 1909 году—*восемнадцать тысячъ сто восемьдесятъ одинъ рубль*, въ 1910 году—*двадцать четыре тысячи триста три рубля*, въ 1911 году—*тридцать тысячъ пятьсотъ пятнадцать рублей*, въ 1912 году—*тридцать три тысячи восемьсотъ четырнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1913 году—*тридцать семь тысячъ двести одиннадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1914 году—*тридцать девять тысячъ восемьсотъ девяносто одинъ рубль*, а начиная съ 1915 года—*по сорокъ одной тысячѣ ста сорокати рублей въ годъ*.

IV. Возложить на городъ Воронежъ обязательство производить пособіе казѣ на содержаніе означеннаго (отд. I) училища въ размѣрѣ: въ 1908 году—*двухъ тысячъ двухсотъ шестидесяти двухъ рублей*

двадцати трехъ копѣекъ, въ 1909 году—четырехъ тысячъ восьмисотъ шестидесяти четырехъ рублей пятидесяти копѣекъ, въ 1910 году—шести тысячъ пятисотъ двухъ рублей пятидесяти копѣекъ, въ 1911 году—восьми тысячъ ста шестидесяти четырехъ рублей шестидесяти пяти копѣекъ, въ 1912 году—девяти тысячъ сорока семи рублей пятидесяти копѣекъ, въ 1913 году—девяти тысячъ девятисотъ пятидесяти шести рублей сорока копѣекъ, въ 1914 году—десяти тысячъ шестисотъ семидесяти трехъ рублей тридцати копѣекъ, а начиная съ 1915 года — по одиннадцати тысячъ рублей въ годъ.

V. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе означеннаго (отд. I) училища, въ дополненіе къ ста тысячамъ рублямъ, жертвуемымъ на тотъ же предметъ изъ средствъ города Воронежа, въ 1908 году—восемьдесятъ восемь тысячъ рублей и въ 1909 году—сто тысячъ семьсотъ восемьдесятъ восемь рублей восемьдесятъ одну копѣйку, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

VI. Могушіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе указаннаго (отд. I) училища, остатки дѣлить на двѣ части пропорціонально участію казны и города въ содержаніи означеннаго училища, съ тѣмъ, чтобы часть, причитающаяся на долю казны, обращалась, на общемъ основаніи, въ ресурсы государственнаго казначейства, а другая часть оставалась въ распоряженіи воронежскаго городского управленія, для употребленія согласно его усмотрѣнію на нужды училища.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта М. Акимова.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написанно:
Въ Петергофѣ. „ВЪТЪ ПО СЕМУ“.
3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ Икскуль.

Ш Т А Т Ъ

Воронежскаго средняго 8-ми-класснаго механико-техническаго училища.

ПРЕДМЕТЪ РАСХОДА.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсїи.
		Р у б л и.						
Директору	1	1.560	1.040	нат.	2.600	V	V	} По учебной службѣ.
Испектору.	1	720	480	нат.	1.200	VI	VI	
Законоучителю.	—	—	—	—	975			
Преподавателямъ за уроки.	—	—	—	—	15.435	VIII		
Руководителямъ практическихъ занятій	—	—	—	—	3.012	VIII		
Пяти преподавателямъ добавочныхъ за вѣклассныя занятія	—	—	—	—	1.200			
Пяти преподавателямъ добавочныхъ за исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ	—	—	—	—	800			
Помощникамъ классныхъ наставниковъ	2	300	—	нат.	600	X		
За исполненіе обязанностей секретаря совѣта	—	—	—	—	240			

За исполненіе обязанностей библиотекаря	—	—	—	—	240			По уч. служб.
Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ).	1	480	240	нат.	720	IX		VII
Врачу	1	600	—	—	600	VIII		Помед. служб.
Надзирателю (онъ же смотритель дома и завѣдывающій хозяйствомъ).	1	480	240	нат.	720	VIII		По уч. служб.
На наемъ машиниста, кузнеца, мастера, подмастерьевъ и лѣтнія практическія занятія.	—	—	—	—	5.000			
На учебныя пособія	—	—	—	—	1.600			
На матеріалы и инструменты	—	—	—	—	2.100			
На приготовленіе опытовъ	—	—	—	—	720			
На канцелярскіе расходы	—	—	—	—	350			
На наемъ прислуги и содержаніе дома	—	—	—	—	3.000			
И т о г о:					41.112			

Примѣчанія:

1) Директоръ пользуется пенсіонными правами наравнѣ съ директорами среднихъ техническихъ училищъ по Высочайше утвержденному, 26-го іюня 1889 г., штату VI промышленныхъ училищъ (П. с. з. № 6138).

2) Преподаватели специальныхъ предметовъ пользуются всѣми правами, предоставленными преподавателямъ среднихъ техническихъ училищъ, а преподаватели общеобразовательныхъ предметовъ и помощники классныхъ наставниковъ приравниваются къ соответствующимъ должностнымъ лицамъ реальныхъ училищъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта М. Акимовъ.

(Тамъ же, ст. 733).

3. (3-го іюля 1908 года). *О преобразованіи Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ въ ремесленное училище по штату 26-го іюня 1889 года съ отпускомъ изъ казны на содержаніе сего училища въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ и суммамъ, ассигнуемымъ изъ казны на содержаніе Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ, по 3.695 рублей въ годъ и одновременно 4.200 рублей на дополнительное оборудованіе училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

3-го іюля 1908 года.

ВЪ БЫТЬ ПО СЕМУ.

Скрѣпиль: государственный секретарь баронъ Икскуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о преобразованіи Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ въ ремесленное училище по штату 26-го іюня 1889 года съ отпускомъ изъ казны на содержаніе сего училища въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ и суммамъ, ассигнуемымъ изъ казны на содержаніе Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ, по 3.695 рублей въ годъ и одновременно 4.200 рублей на дополнительное оборудованіе училища.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе образуемаго изъ Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ Чистопольскаго ремесленнаго училища, начиная съ 1908 года, по *двадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на городъ Чистополь, Казанской губерніи, и Чистопольское уѣздное земство производить пособіе казнѣ на содержаніе этого училища, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ *одной тысячи* рублей отъ каждаго въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на дополнительное оборудованіе названнаго (отд. I) училища *четыре тысячи двести* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта М. Акимовъ.

(Тамъ же, ст. 734).

4. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпуску средствъ на устройство и содержаніе художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеній.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
 Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
 3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на устройство и содержаніе художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеній.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, по *сто двадцать тысячъ* рублей въ годъ на выдачу пособій земствамъ, городамъ, сословіямъ, обществамъ, а также частнымъ лицамъ и товариществамъ, для устройства и содержанія новыхъ учебныхъ заведеній исключительно художественно-промышленнаго характера, и для устройства и содержанія существующихъ художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеній и музеевъ, въ томъ числѣ: въ пособіе Екатеринбургской художественно-промышленной школѣ по *сорокъ пять тысячъ восемьсотъ четырнадцать* рублей въ годъ, Красносельской мастерской золото-серебрянаго дѣла по *девятнадцать тысячъ триста восемьдесятъ* рублей въ годъ, Тульской художественно-ремесленной учебной мастерской по *пятнадцать тысячъ четыреста* рублей въ годъ, Миргородской школѣ имени Н. В. Гоголя по *пятнадцать тысячъ* рублей въ годъ, Кіевской мастерской печатнаго дѣла по *три тысячи шестьсотъ* рублей въ годъ, Ростовскому музею церковныхъ древностей по *тысячѣ* рублей въ годъ и Воронежскому кружку любителей рисованія по *десяти* руб. въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 735).

5. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на удовлетвореніе квартирнымъ довольствіемъ служащихъ въ низшей ремесленной школѣ при Николаевскомъ среднемъ техническомъ училищѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
 Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
 3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на удовлетвореніе квартирнымъ довольствіемъ служащихъ въ низшей ремесленной школѣ при Николаевскомъ среднемъ техническомъ училищѣ.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году

на наемъ квартирнаго помѣщенія мастерамъ-техникамъ и подмастерьямъ низшей ремесленной школы при среднемъ техническомъ училищѣ въ городѣ Николаевѣ, Херсонской губерніи, *сто восемьдесятъ* рублей, а начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать на тотъ же предметъ по *триста шестьдесятъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 737).

6. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на переустройство зданія Грозненской низшей ремесленной школы.*

На поданномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО ОЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на переустройство зданія Грозненской низшей ремесленной школы.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *сорокъ тысячъ двести шестьдесятъ три* рубля *восемьдесятъ два* копейки на переустройство зданія Грозненской низшей ремесленной школы.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году — въ суммѣ 20.000 рублей и въ 1909 году — 20.263 рублей 82 копейки.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 738).

7. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 20.000 рублей на возстановленіе сгорѣвшихъ зданій низшей ремесленной школы въ селѣ Старомъ Буянѣ, Самарскаго уѣзда.*

На поданномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 20.000 руб. на возстановленіе сгорѣвшихъ зданій низшей ремесленной школы въ селѣ Старомъ Буянѣ, Самарскаго уѣзда.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *двадцать тысячъ* рублей на возстановленіе сгорѣвшихъ зданій низшей ремесленной

школы въ селѣ Старомъ Буянгѣ, Самарскаго уѣзда и губерніи, съ тѣмъ, чтобы зданія эти были назначены исключительно для учебныхъ цѣлей.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 739).

8. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шеллапутина на Міусской площади.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВНѢ ПО СЕМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шеллапутина на Міусской площади.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, въ дополненіе къ ассигнуемой нынѣ суммѣ, на содержаніе дома и прислуги Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шеллапутина на Міусской площади по *двѣ тысячи восемьсотъ* рублей въ годѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 740).

9. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ въ пособіе среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и другимъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ учебно-просвѣтительныя цѣли.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВНѢ ПО СЕМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ въ пособіе среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и другимъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ учебно-просвѣтительныя цѣли.

III. Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства:

1) *пятьдесятъ тысячъ* рублей въ пособіе на содержаніе Императорскаго Строгановскаго центрального училища технического рисованія въ Москвѣ, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на сей предметъ средствамъ;

2) *пятьсотъ тридцать два* рубля на ремонтъ сельской ремесленной учебной мастерской;

3) *три тысячъ* рублей на наемъ помѣщенія для Уральского горнаго училища;

4) *одну тысячу пятьсотъ* рублей въ пособіе художественной и ремесленной школѣ искусственныхъ цвѣтовъ и модъ графини А. А. Олсуфьевой;

5) *пятьсотъ* рублей въ пособіе дѣтскому приюту трудолюбія Св. Ольги;

6) *десять тысячъ пятьсотъ* рублей въ пособіе С.-Петербургской школѣ цитоваренія имени С. Ю. Витте.

II. Отпускать, начиная съ 1908 года, изъ средствъ государственнаго казначейства:

1) въ пособіе на содержаніе Симбирскому ремесленному училищу графа Орлова-Давыдова по *одинадцати тысячъ* рублей въ годъ, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на сей предметъ средствамъ;

2) въ теченіе пяти лѣтъ, по *двѣ тысячъ пятьсотъ* рублей въ годъ въ пособіе профессиональной женской школѣ и учебнымъ мастерскимъ дамскихъ нарядовъ М. И. Ермодовой и М. М. Линдеманъ въ Москвѣ;

3) въ теченіе пяти лѣтъ, по *шесть тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе Императорскому обществу поощренія художествъ на содержаніе художественно-ремесленныхъ мастерскихъ общества;

4) въ теченіе пяти лѣтъ, по *пять тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе Маріинской практической школѣ кружевницъ въ С.-Петербургѣ;

5) въ теченіе пяти лѣтъ, по *десять тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе торговымъ классамъ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія;

6) въ теченіе пяти лѣтъ, *шесть тысячъ пятьсотъ тридцать* рублей въ годъ Гнѣдинскому ремесленному училищу;

7) въ теченіе пяти лѣтъ, по *семьдесятъ пять тысячъ* рублей въ годъ на выдачу пособій земствамъ, городскимъ поселеніямъ, сословіямъ и мѣстнымъ обществамъ на первоначальное устройство и содер-

жаніе торговыхъ школъ, торговыхъ классовъ и курсовъ коммерческихъ знаній;

8) въ теченіе трехъ лѣтъ, по *тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе Литейно-Таврическому кружку общества пособія бѣднымъ женщинамъ;

9) въ теченіе трехъ лѣтъ, по *три тысячи* рублей въ годъ въ пособіе ремесленному отдѣлу при дѣтскомъ приютѣ Петергофскаго общества вспомошествованія бѣднымъ;

10) въ теченіе пяти лѣтъ, по *четыре тысячи* рублей въ годъ въ пособіе женскимъ коммерческимъ курсамъ П. И. Ивашиной въ С.-Петербургѣ;

11) въ теченіе пяти лѣтъ, по *четыре тысячи* рублей въ годъ въ пособіе Козловскому коммерческому училищу;

12) въ теченіе девяти лѣтъ, въ пособіе Московскому музею прикладныхъ знаній по *двадцать девять тысячъ* рублей въ годъ;

13) въ теченіе трехъ лѣтъ, по *тысячъ пятьсотъ* рублей въ годъ въ пособіе журналу „Вѣстникъ учителей рисованія“;

14) въ теченіе пяти лѣтъ, по *тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе подвижному музею учебныхъ пособій при постоянной комиссіи Императорскаго Русскаго Техническаго Общества;

15) по *три тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ въ пособіе журналу „Техническое Образование“.

Подписаль: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 743).

10. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на расширеніе зданія Рижской низшей ремесленной школы.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпили: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о кредитѣ на расширеніе зданія Рижской низшей ремесленной школы.

1. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *пять тысячъ* рублей на расширеніе зданія Рижской низшей ремесленной.

школы, учрежденной въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 744).

11. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе въ городѣ Брянскѣ женскаго ремесленнаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственнымъ душою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе въ городѣ Брянскѣ женскаго ремесленнаго училища.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на содержаніе въ городѣ Брянскѣ женскаго ремесленнаго училища *одну тысячу девятьсотъ двадцать пять рублей*, а начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать ежегодно изъ того же источника на означенную потребность по *три тысячи восемьсотъ пятьдесятъ рублей*.

II. Установить прилагаемый при семъ штатъ названнаго училища (отд. I).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:
„ВЫТЬ ПО СЕМУ“.

Въ Петергофѣ.
3-го іюля 1908 года.

Скрѣпиль: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Ш Т А Т Ъ

женскаго ремесленнаго училища въ городѣ Брянскѣ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классъ по должности.
		Жалованья.	Столовыя.	Квартирныя.	Всего.	
		Р у б л и.				
Завѣдывающая училищемъ, она же руководительница работъ одного отдѣла	1	550	—	нат.	550	
Ей же добавочныхъ за уроки	—	200	—	—	200	
Мастерица-руководительница работъ одного отдѣла, она же помощница завѣдывающей училищемъ	1	400	—	нат.	400	
Ей же за уроки товаровѣдѣнія и счетоводства	—	150	—	—	150	
Мастерица-руководительница работъ второго отдѣла	1	400	—	—	400	
Законоучитель	1	150	—	—	150	
Преподавательницы общеобразовательныхъ предметовъ	2	300	—	—	600	
Учитель техническаго черченія и рисованія	1	400	—	—	400	X

На учебныя пособія и бібліотеку . . .	—	—	—	100
На матеріалы и инструменты . . .	—	—	—	500
На содержаніе дома, прислуги, хозяйственныя и канцелярскіе расходы . . .	—	—	—	1.000
Итого . . .	—	—	—	4.450

Примѣчаніе. Пенсіонныя права служащихъ въ женскомъ ремесленномъ училищѣ въ городѣ Брянскѣ, кромѣ законоучителя, приглашаемаго по найму, опредѣляются по учебному положенію и на основаніи пп. 4—7, ст. 392 Устава о пенсіяхъ (Свод. зак., т. III, по прод. 1906 г.) слѣдующимъ образомъ: учителю черченія и рисованія пенсія исчисляется изъ оклада жалованья въ 400 рублей, завѣдывающей училищемъ изъ оклада въ 550 рублей, мастерницамъ—изъ оклада въ 400 рублей, преподавательницамъ общеобразовательныхъ предметовъ (имѣющимъ званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ)—изъ оклада въ 300 рублей.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 746).

12. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на устройство и содержаніе госпитальныхъ клиникъ Томскаго университета въ зданіи втораго студенческаго общежитія.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

3-го іюля 1908 года.

„БЫТЬ ПО СЕМУ“.

Свѣдѣнія: государственный секретарь *баронъ Искухъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на устройство и содержаніе госпитальныхъ клиникъ Томскаго университета въ зданіи втораго студенческаго общежитія.

1. Установить прилагаемый при семъ штатъ госпитальныхъ клиникъ Томскаго университета и ввести его въ дѣйствіе съ 1-го января 1908 года.

II. Съ того же срока упразднить положенныя по временному штату Томскаго университета (П. С. З. № 5231) и штатамъ клиникъ того же университета (П. С. З. № 21520) должности двухъ ординаторовъ госпитальныхъ клиникъ, двухъ ординаторовъ, одного лаборанта и трехъ фельдшеровъ факультетскихъ клиникъ.

III. Исключить: 1) изъ временнаго штата Томскаго университета (П. С. З. № 5231) кредитъ въ 1.200 рублей на содержаніе госпитальныхъ клиникъ и кредитъ въ 1.200 рублей на содержаніе упраздняемыхъ (отд. II) въ семь штатъ должностей; 2) изъ штатовъ клиникъ того же университета (П. С. З. № 21520) кредитъ въ 3.800 рублей на содержаніе упраздняемыхъ (отд. II) въ сихъ штатахъ должностей.

IV. Исключить изъ § 6 смѣты министерства народнаго просвѣщенія кредитъ въ 3.000 рублей, отпускаемый съ 1-го января 1904 года, на содержаніе общежитія для студентовъ Томскаго университета.

V. На покрытіе предусмотрѣнныхъ въ отдѣлѣ I расходовъ: 1) обратитъ въ 1908 году сумму въ 8.480 рублей, освобождающуюся вслѣдствіе указанныхъ въ отдѣлахъ III—IV мѣръ; 2) отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства *сорокъ девять тысячъ семьсотъ пятьдесятъ два рубля*, и 3) начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать по *пятьдесятъ восемь тысячъ двести тридцать два* рубля въ годъ.

VI. Распространить на вновь открываемыя госпитальныя клиники Томскаго университета дѣйствіе Высочайше утвержденного, 16-го января 1906 года, мнѣнія государственнаго совѣта объ установленіи сбора за леченіе больныхъ въ общихъ палатахъ и въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ факультетскихъ клиникъ Новороссійскаго, Казанскаго и Томскаго университетовъ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

Въ Петергофѣ.
3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Ш Т А Т Ъ

госпитальныхъ клиникъ Императорскаго Томскаго
университета.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.	
		О д н о м у .			Всего.	По должности.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартир-ныхъ.			
Р У Б Л И.							
<i>Г. Личный составъ.</i>							
Ассистенты	3	800	200	200	3.600	VII	} По мед. службѣ.
Ординаторы	6	480	120	нат.	3.600	VIII	
Лаборанты	3	650	150	—	2.400	VIII	По учебн. службѣ.
Смотритель клиникъ	1	600	200	нат.	800	X	VIII
Письмоводитель	1	480	—	нат.	480		
Кастелянша	1	300	—	нат.	300		
Помощница кастелянши (она же буфетчица)	1	240	—	нат.	240		

Фельдшера и фельдшерницы	}	3	240	—	120	1.800
		3	240	—	нат.	720
Сестры милосердія		3	240	—	нат.	720
<i>II. Учебно-вспомогательныя установленія и хозяйственныя расходы.</i>						
1) Содержаніе трехъ кабинетовъ		—	—	—	—	2.800
2) Медикаменты, перевязочныя и дезинфекціонныя средства для приходящихъ больныхъ.		—	—	—	—	1.500
3) Содержаніе больныхъ		—	—	—	—	19.250
4) Наемъ слугителей и ихъ со- держаніе		—	—	—	—	7.942
5) Канцелярскіе расходы		—	—	—	—	300
6) Отопленіе, освѣщеніе и во- доснабженіе		—	—	—	—	9.500
7) Ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій		—	—	—	—	3.000
Всего		—	—	—	—	58.232

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 747).

2*

13. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ: 1) на содержаніе мужской гимназіи въ городѣ Мстиславль и 2) на содержаніе и обзаведеніе реальнаго училища въ городѣ Барь, Подольской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
Въ Петергофѣ.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ Пхскуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ: 1) на содержаніе мужской гимназіи въ городѣ Мстиславль и 2) на содержаніе и обзаведеніе реальнаго училища въ городѣ Барь, Подольской губерніи.

I. На содержаніе мужской гимназіи въ городѣ Мстиславль отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *двѣнадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять рублей*, въ 1909 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять рублей*, въ 1910 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1911 году—*двадцать одну тысячу двести двадцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1912 году—*двадцать четыре тысячи двести десять рублей* и, начиная съ 1913 года, отпускать по *двадцать пять тысячъ сто шестьдесятъ рублей* въ годъ.

II. На содержаніе реальнаго училища въ городѣ Барь, съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ и съ VII дополнительнымъ классомъ, отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: въ 1908 году—*четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь рублей*, въ 1909 году—*шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два рубля*, въ 1910 году—*двѣнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь рублей*, въ 1911 году—*двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три рубля*, и начиная съ 1912 года, отпускать по *двадцать девять тысячъ сто восемьдесятъ восемь рублей* въ годъ, съ возложеніемъ на городъ Барь обязательства производить, начиная съ 1 января 1907 года, пособіе казгѣ на указанную надобность по *десяти тысячъ рублей* въ годъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на первоначальное обзаведеніе названнаго (отд. II) училища мебелью и учебными пособіями *двѣнадцать тысячъ рублей* и на устройство при немъ физическаго кабинета *восемь тысячъ рублей*, а всего *двадцать тысячъ рублей*, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ строительнаго

кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году—въ суммѣ 6.000 рублей и въ 1909 году—14.000 рублей.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 748).

14. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Дриссѣ, Витебской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„ВЫТЬ ПО СЕМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Дриссѣ, Витебской губерніи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой въ городѣ Дриссѣ, Витебской губерніи, низшей ремесленной школы въ 1908 году *дѣвять тысячъ триста тридцать пять* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на витебскій губернский комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства и Юстиніановскую и Филипповскую волости производить пособие казны на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году—отъ перваго *одной тысячи* рублей, отъ второй—*тридцати семи* рублей *пятидесяти* копѣекъ и отъ третьей—*тридцати одного* рубля *двадцати пяти* копѣекъ, а начиная съ 1909 года, отъ перваго—*двухъ тысячъ* рублей, отъ второй—*семидесяти пяти* рублей и отъ третьей—*шестидесяти двухъ* рублей *пятидесяти* копѣекъ въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы *семнадцать тысячъ двести пятьдесятъ* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 749).

15. (3-го іюля 1908 года). *Объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе Ирбитской школы ремесленныхъ учениковъ и на постройку зданій для названной школы.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „**БЫТЬ ПО СЕМУ**“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе Ирбитской школы ремесленныхъ учениковъ и на постройку зданій для названной школы.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе Ирбитской школы ремесленныхъ учениковъ, образуемой изъ Ирбитскаго ремесленнаго училища, въ 1908 году *три тысячи восемьсотъ семьдесятъ семь* рублѣй *пятьдесятъ* копѣекъ, а начиная съ 1909 года, отпускать по *семь тысячъ семьсотъ пятьдесятъ пять* рублѣй въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на городъ Ирбитъ, Пермской губерніи, и ирбитское уѣздное земство производить пособие казны на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году—*одной тысячи* рублѣй отъ каждаго, а начиная съ 1909 года, *двухъ тысячъ* рублѣй въ годъ отъ каждаго.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на постройку зданія для названной (отд. I) школы въ 1908 году *двадцать тысячъ* рублѣй и въ 1909 году *дѣнадцатъ тысячъ сорокъ восемь* рублѣй *тридцать семь* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 750).

16. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Никольскомъ-Торжкѣ, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „**БЫТЬ ПО СЕМУ**“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Никольскомъ-Торжкѣ, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на со-

держаніе учреждаемой въ селѣ Никольскомъ-Торжкѣ, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи, низшей ремесленной школы въ 1908 г.— одну тысячу шестьсотъ двадцать пять рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по три тысячи двѣсти пятьдесятъ руб. въ годъ съ возложеніемъ обязательства на Кирилловское уѣздное земство производить пособіе казнѣ на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году— трехсотъ руб., а начиная съ 1909 года шестисотъ руб. въ годъ.

П. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году на устройство означенной (отд. I) школы *восемьдесятъ тысячъ двѣсти восемьдесятъ восемь рублей двадцать копѣекъ*, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 751).

17. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе учреждаемой въ 1908 году въ городѣ Сорокахъ, Бессарабской губерніи, средняго семикласснаго сельско-хозяйственно-техническаго училища съ низшей ремесленной при немъ школой.*

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. *„ВНѢ ПО СЕМУ“.*

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Пискуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе учреждаемаго въ 1908 году въ городѣ Сорокахъ, Бессарабской губерніи, средняго семикласснаго сельско-хозяйственно-техническаго училища съ низшей ремесленной при немъ школой.

I. Учредить въ городѣ Сорокахъ, Бессарабской губерніи, среднее семиклассное сельско-хозяйственно-техническое училище съ низшей ремесленной школой на основаніи статей 1814—1854 уставовъ учебныхъ учреждений и учебныхъ заведеній (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г. и по Прод. 1906 г.).

II. Установить прилагаемый при семъ штатъ Сорокскаго средняго семикласснаго сельско-хозяйственно-техническаго училища съ низшей ремесленной школой.

III. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означеннаго (отд. I) училища въ 1908 году—*девятнадцать*

тысячъ *двѣсти семьдесятъ* рублей, въ 1909 году—*двадцать семь тысячъ восемьсотъ семьдесятъ пять* рублей, въ 1910 году—*тридцать три тысячи двѣсти семьдесятъ восемь* рублей, въ 1911 году—*тридцать шесть тысячъ девятьсотъ семьдесятъ три* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, а начиная съ 1912 года, по *тридцать восемь тысячъ шестьсотъ* одному рублю въ годъ.

IV. Возложить обязательство на Сорокскія городское общество и уѣздное земство производить пособие казнѣ на содержаніе означеннаго (отд. I) училища въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ: а) отъ перваго: въ 1908 году—*тысячу четыреста девяносто четыре* рубля, въ 1909 году—*три тысячи триста девяносто четыре* рубля, въ 1910 году—*четыре тысячи пятьдесятъ одинъ* рубль *девяносто* копѣекъ, въ 1911 году—*четыре тысячи пятьсотъ одинъ* рубль *девяносто* копѣекъ, а начиная съ 1912 года—*четыре тысячи семьсотъ* рублей въ годъ, и б) отъ втораго: въ 1908 году *тысячу семьсотъ шестнадцать* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1909 году—*три тысячи восемьсотъ девяносто девять* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1910 году—*четыре тысячи шестьсотъ пятьдесятъ пять* рублей *тридцать* копѣекъ, въ 1911 году—*пять тысячъ сто семьдесятъ два* рубля *двадцать* копѣекъ, а начиная съ 1912 года—*пять тысячъ четыреста* рублей въ годъ.

V. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе означеннаго (отд. I) училища, въ дополненіе къ жертвуемымъ на тотъ же предметъ *двадцати пяти тысячамъ* рублей отъ города Сорокъ и *сорока тысячамъ* рублей отъ Сорокскаго уѣзднаго земства, въ 1908 году—*семьдесятъ пять тысячъ* рублей и въ 1909 году—*сто тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ одинъ* рубль *девяносто девять* копѣекъ, съ отнесеніемъ этихъ расходовъ на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

VI. Могушіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе означеннаго (отд. I) училища, остатки дѣлить на три части пропорціонально участію казны, города и земства въ содержаніи указаннаго училища, съ тѣмъ, чтобы часть, причитающаяся на долю казны, обращалась, на общемъ основаніи, въ ресурсы государственнаго казначейства, а двѣ другія части оставались, по принадлежности, въ распоряженіи Сорокскихъ городского управленія и уѣзднаго земства для употребленія, согласно ихъ усмотрѣнію, на нужды училища.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„ВѢТЬ ПО СЕМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ Шккуль.

Ш Т А Т Ъ

Сорокского средняго семикласснаго сельско-хозяйственно-техническаго училища, съ нижней ремесленной школой.

ПРЕДМЕТЪ РАСХОДА.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсін.
		Р У Б Л И.						
Директору	1	1.560	1.040	нат.	2.600	V	V	По учебной службѣ.
Преподавателю добавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора	—	—	—	нат.	750	VI	VI	
Законоучителю	1	—	—	—	825			
Преподавателямъ за уроки	—	—	—	—	13.740	VIII		
Руководителямъ практическихъ занятій	—	—	—	—	2.916	VIII		
Завѣдывающему учебною фермою	1	—	—	—	1.500	VIII		
Пяти преподавателямъ добавочныхъ за исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ пяти младшихъ классовъ	—	—	—	—	800			
Изъ помощникамъ	2	300	—	нат.	600	X		
За исполненіе обязанностей секретаря совѣта и бібліотекаря	—	—	—	—	240			

Врачу	1	—	—	—	300	VIII	По мед. службѣ.
Письмоводителю	1	480	240	нат.	720	IX	
На приготовленіе опытовъ	—	—	—	—	240		
На учебныя пособия	—	—	—	—	840		
На матеріалы и инструменты	—	—	—	—	1.600		
На наемъ машиниста, масте- ровъ, подмастерьевъ и на лѣтнія практическія занятія учениковъ	—	—	—	—	4.000		
За преподаваніе гимнастики и лѣнія	—	—	—	—	500		
На канцелярскіе расходы	—	—	—	—	250		
На наемъ прислуги и содер- жаніе дома	—	—	—	—	3.000		
На содержаніе низшей реме- ленной школы	—	—	—	—	3.180		
Итого					38.601		

Примечанія:

1) Директоръ пользуется пенсіонными правами наравнѣ съ директорами среднихъ техническихъ училищъ по Высочайше утвержденному, 26-го іюня 1889 г., штату VI промышленныхъ училищъ (П. С. З. 6138).

2) Преподаватели специальныхъ предметовъ пользуются всѣми правами, предоставленными преподавателямъ среднихъ техническихъ училищъ, а преподаватели общеобразовательныхъ предметовъ и помощники классныхъ наставниковъ приравниваются къ соответствующимъ должностнымъ лицамъ реальныхъ училищъ.

3) Завѣдывающій учебною фермою пользуется тѣми же правами, какія присвоены руководителямъ практическихъ занятій въ среднихъ техническихъ училищахъ.

4) Мастера-техники, мастера и подмастерья низшей ремесленной школы пользуются квартирами въ натурѣ.

Подписалъ: председатель государственнаго совѣта М. Акимовъ.

(Тамъ же, ст. 752).

18. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *бироузъ Иксуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи, начиная съ 1908 года, по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на городъ Кашинѣ и кашинское уѣздное земство производить пособіе казѣ на содержаніе этой школы, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ *шести сотъ* рублей отъ каждаго въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *во семь тысячъ* рублой и въ 1909 году *одиннадцать тысячъ двести десять* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 753).

19. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Вознесенскомъ, Архангельскаго уѣзда и губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *бироузъ Иксуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Вознесенскомъ, Архангельскаго уѣзда и губерніи.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Вознесенскомъ, Архан-

гельскаго уѣзда и губерніи, начиная съ 1908 года, по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ, съ обращеніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доходъ казны изъ процентовъ завѣщаннаго крестьяниномъ Амосовымъ капитала по *тысячъ двести тридцать* рублѣй въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы *шестнадцать тысячъ* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ, общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительноя ея надобности.

III. Зданіе поименованной въ отдѣлѣ I школы признать собственностью казны.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 758).

20. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ казны кредита на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селеніи Краснонъ-Кутъ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„БЫТЬ ПО СЕМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ казны кредита на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селеніи Краснонъ-Кутъ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой въ селеніи Краснонъ-Кутъ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, низшей ремесленной школы въ 1908 году—*дѣтъ тысячи триста тридцать пять* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на Новоузенское уѣздное земство производить пособіе казны на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году—*ста восьмидесяти* рублей, а начиная съ 1909 года, *трехсотъ шестидесяти* рублѣй въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы *четыре тысячи семьсотъ восемьдесятъ шесть* рублей *восемьдесятъ девъ* копѣйки, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ

кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 757).

21. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ с. Ловжѣ, Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*ВЫТЬ ПО СЕМУ*“.
3-го іюля 1908 года.

Свѣдѣнія: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ с. Ловжѣ, Полоцкаго уѣзда, Витебской губ.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой въ с. Ловжѣ, Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи, низшей ремесленной школы въ 1908 году *одну тысячу шестьсотъ двадцать пять рублей*, а начиная съ 1909 года, отпускать по *три тысячи двести пятьдесятъ рублей* въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *двадцать тысячъ рублей* и въ 1909 году *девять тысячъ пятьсотъ восемьдесятъ рублей*, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 758).

22. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Аланаевскѣ, Пермской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*ВЫТЬ ПО СЕМУ*“.
3-го іюля 1908 года.

Свѣдѣнія: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственной думою законъ о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Аланаевскѣ, Пермской губерніи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на со-

держаніе учреждаемой въ городѣ Алапаевскѣ, Пермской губерніи, низшей ремесленной школы въ 1908 году—*дѣтъ тысячи триста тридцать пять* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на Верхотурское уѣздное земство производить пособіе казнѣ на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году *пятисотъ* рублей, а начиная съ 1909 года, *одной тысячи* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *пятнадцать тысячъ* рублей и въ 1909 году *три тысячи девятьсотъ сорокъ четыре* рубля *сорокъ шесть* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 759).

23. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе низшей сельскохозяйственной ремесленной, имени М. С. Иванины, школы въ селѣ Чеботаркѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе низшей сельскохозяйственной ремесленной, имени М. С. Иванины, школы въ селѣ Чеботаркѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

I. Установить прилагаемый при семъ штатъ низшей сельскохозяйственной ремесленной, имени Максима Степановича Иванины, школы въ селѣ Чеботаркѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

II. Включить въ число членовъ попечительнаго совѣта (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 3339, п. 1, доп. 7, по Прох. 1906 г.) при названной (отд. I) школѣ представителя отъ мѣстнаго комитета по дѣламъ земскаго хозяйства.

III. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на

содержаніе названной (отд. I) школы, начиная съ 1908 года, по *шесть тысячъ сто шюдцать* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на Чеботарское, Подольской губерніи, Ольгопольскаго уѣзда, сельское общество производить пособие казнѣ на содержаніе этой школы, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ *шестисотъ чотырнадцати* рублей въ годъ.

IV. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *четыре тысячи* рублей и въ 1909 году *десять тысячъ семисотъ девять* рублей *восемьдесятъ* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Алхимовъ*.

На подлинномъ Собственною Кго Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„ВНѢ ПО СЕМУ“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Ш Т А Т Ъ

нижней сельско - хозяйственной ремесленной, имени Максима Степановича Иванни, школы въ селѣ Чеботаркѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Рубл.	Классы и разряды.	
			По долж-ности.	По пенсіи.
Завѣдывающій школою (онъ же руководитель работъ одного отдѣленія)	1	700	IX	} По учеб. службѣ.
Ему добавочныхъ за уроки	—	420		
Мастеръ-техникъ, руководитель другого отдѣленія (онъ же помощникъ завѣдывающаго школою) .	1	500		

Ему добавочныхъ за уроки	—	310	} По учебн. службѣ.
Мастеръ-техникъ (руководитель третьяго отдѣ- лснія)	1	500	
Ему добавочныхъ за уроки	—	260	
За преподаваніе Закона Божія	—	200	
За преподаваніе русскаго языка и ариметики	—	300	
Подмастерья	—	600	
На хозяйственные расходы	—	650	
На учебныя пособия и бібліотеку	—	200	
На приобрѣтеніе и ремонтъ орудій, станковъ и инструментовъ и на приобрѣтеніе матеріаловъ	—	900	
На врачебную помощь	—	90	
На содержаніе фермы	—	500	
Итого	—	6.130	

Примѣчаніе. Завѣдывающій школою, мастера-техники, мастера и под-
мастерья пользуются квартирами въ патурѣ.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 760).

24. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Брацлавѣ, Подольской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
3-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь баронъ Икскуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Брацлавѣ, Подольской губерніи.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Брацлавѣ, Подольской губерніи, начиная съ 1908 года, по *шесть тысячъ шестьсотъ двадцать* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на городъ Брацлавъ производить пособие казгѣ на содержаніе этой школы, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ *одной тысячи пятисотъ* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *тридцать тысячъ* рублей и въ 1909 году *семнадцать тысячъ семьсотъ двадцать четыре* рубля *восемьдесятъ пять* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта М. Акимовъ.
(Тамъ же, ст. 761).

25. (3-го іюля 1908 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Городкѣ, Витебской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
3-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь баронъ Икскуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Городкѣ, Витебской губерніи.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Городкѣ, Витебской

губерніи, начиная съ 1908 года, по *три тысячи двести пятьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательствъ на городъ Городецъ и Селищскую волость производить пособие казнѣ на содержаніе этой школы, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ: отъ перваго—*ста* и отъ второй *сорока двухъ* рублей *девятиста восьми* копѣекъ въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы *девять тысячъ сто тридцать восемь* рублей *шестьдесятъ девять* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 762).

26. (3-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны кредита на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ Шемогодской волости, Велико-Устюгскаго уѣзда, Вологодской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

3-го іюля 1908 года.

Скрѣпялъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны кредита на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ Шемогодской волости, Велико-Устюгскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой въ Шемогодской волости, Велико-Устюгскаго уѣзда, Вологодской губерніи, низшей ремесленной школы въ 1908 году *одну тысячу шестьсотъ двадцать пять* рублей, а начиная съ 1909 г., отпускать по *три тысячи двести пятидесяти* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на Вологодское губернское и Велико-Устюгское уѣздное земства производить пособие казнѣ на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году—по *пятисотъ* рублей отъ cadaго, съ 1909 года по 1917 годъ включительно—по *одной тысячѣ* рублей отъ cadaго, въ 1918 году—*пятисотъ* рублей отъ Вологодскаго губернскаго и *одной тысячи пятисотъ* рублей отъ Велико-Устюгскаго уѣзднаго земства, а начиная съ 1919 года *двухъ тысячъ* рублей отъ названнаго уѣзднаго земства ежегодно.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы *девять тысячъ семьсотъ четыре* рубля, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 764).

27. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ двумъ ученымъ секретарямъ Русскаго археологическаго института въ Константинополь квартирныхъ денегъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Ведичества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпиль: государственный секретарь *баронъ Пкскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ двумъ ученымъ секретарямъ Русскаго археологическаго института въ Константинополь квартирныхъ денегъ.

Отпускать ежегодно изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ согласно Высочайше утвержденнымъ, 23-го мая 1894 года (П. С. З. № 10647), штату Русскаго археологическаго института въ Константинополь и, 2-го іюня 1899 года (П. С. З. № 17040), миѣнію государственнаго совѣта объ учрежденіи второй должности секретаря сего института, на удовлетвореніе квартирными деньгами двухъ ученыхъ секретарей означеннаго института, взамѣнъ положенныхъ имъ въ натурѣ квартиръ, по *шестисотъ* рублей каждому, а всего *одну тысячу двести* рублей.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Собр. узак. и расп. прав., 8-го августа 1908 г., № 117, ст. 891).

28. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства суммъ на разѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы инспекторамъ народныхъ училищъ Сыр-Дарьинской области.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
 Въ Петергофѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“*.
 6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ Икскуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства суммъ на разъѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы инспекторамъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. на разъѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы двумъ инспекторамъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области по *пятистамъ* рублей каждому, а всего *одну тысячу* рублей, а съ 1-го января 1909 года отпускать ежегодно на указанную потребность по *одной тысячѣ* рублей каждому изъ означенныхъ должностныхъ лицъ, а всего *дѣвъ тысячъ* рублей.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта М. Акимовъ.

(Тамъ же, ст. 892).

29. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 6.625 рублей въ годъ на выдачу квартирныхъ денегъ служащимъ въ учительскихъ семинаріяхъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
 Въ Петергофѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“*.
 6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ Икскуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 6.625 рублей въ годъ на выдачу квартирныхъ денегъ служащимъ въ учительскихъ семинаріяхъ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, по *шести тысячъ шестисотъ двадцати пяти* рублей въ годъ на выдачу квартирныхъ денегъ въ нижеуказанныхъ размѣрахъ должностнымъ лицамъ, служащимъ въ слѣдующихъ учительскихъ семинаріяхъ: въ Иркутской и Красноярской—четверымъ паставникамъ по 300 рублей каждому; въ Свислочской и Петрозаводской—двумъ

учителямъ пѣнія по 125 рублей каждому; въ Пензенской—учителю графическихъ искусствъ 125 рублей; въ Херсонской одному наставнику 300 рублей и учителю пѣнія и учителю графическихъ искусствъ по 125 рублей каждому; въ Воронежской, Поневѣжской, Вольмарской, Юрьевской и Прибалтійской—пяти учителямъ пѣнія и пяти учителямъ графическихъ искусствъ по 125 рублей каждому; въ Череповецкой—учителю графическихъ искусствъ 125 и законоучителю 250 рублей; въ Псковской (добавочно)—законоучителю 100 рублей, двумъ наставникамъ по 150 рублей каждому и учителю пѣнія 125 рублей и, кромѣ того, учителю приготовительнаго класса 300 рублей; въ Велико-Сорочинской—директору 500 рублей, законоучителю 300 рублей, четыремъ наставникамъ по 300 рублей каждому, учителю рисованія и чиstopисанія 125 рублей, учителю пѣнія 125 рублей, учителю ручнаго труда 150 рублей и учителю начальнаго при сей семинаріи училища 125 рублей и въ Омской—учителю пѣнія 125 рублей.

Подписаль: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 893).

30. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на нужды учебнаго дѣла въ Кавказскомъ учебномъ округѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *баронъ Пискуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на нужды учебнаго дѣла въ Кавказскомъ учебномъ округѣ.

1.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе въ городѣ Владикавказѣ втораго реальнаго училища, учреждаемаго въ составѣ шести классовъ съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ и съ VII дополнительнымъ классомъ: въ 1908 г.—*пять тысячъ шестьсотъ тридцать два* рубля, въ 1909 г.—*двѣнадцать тысячъ триста семьдесятъ пять* рублей, въ 1910 году—*четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1911 г.—*шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1912 году—*девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1913 году—

двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три рубля, а начиная съ 1914 года, отпускать по двадцать девъ тысячи сто восьмидесяти восьми рублѣй ежегодно.

II. На покрытіе части расходовъ, предусмотрѣнныхъ въ отдѣлѣ I, производить пособіе казніъ изъ специальныхъ средствъ Владикавказскаго втораго реального училища въ размѣрѣ: въ 1909 году—*одной тысячи рублѣй*, въ 1910 году *двухъ тысячъ рублѣй*, въ 1911 году—*трехъ тысячъ рублѣй*, въ 1912 году—*четырехъ тысячъ рублѣй*, въ 1913 году—*пяти тысячъ рублѣй*, а начиная съ 1914 года—*по шести тысячъ рублѣй* ежегодно.

III. Расходы по обзаведенію упомянутого (отд. I) училища мебелью и учебными пособіями, а также на устройство при немъ физическаго кабинета и на наемъ помѣщеній—отнести на специальные средства открываемаго училища.

IV. Могущіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе означеннаго (отд. I) училища, остатки дѣлить на двѣ части, пропорціонально участію въ содержаніи училища казны и специальныхъ средствъ этого учебнаго заведенія, съ тѣмъ, чтобы часть, причитающаяся на долю казны, обращалась, на общемъ основаніи, въ ресурсы государственнаго казначейства, а другая часть оставалась бы въ специальныхъ средствахъ училища для удовлетворенія различныхъ его потребностей.

2.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1908 года, городскому общественному управленію города Дербента, въ пособіе на содержаніе мѣстнаго реального училища, существующаго на городскія средства,—*по девятнадцати тысячъ восьмисотъ пятидесяти рублѣй* ежегодно.

3.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе въ городѣ Карсѣ реального училища въ составѣ приготовительнаго и шести классовъ съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ и съ VII дополнительнымъ классомъ: въ 1908 году—*семнадцать тысячъ пятьсотъ сорокъ восемь рублѣй*, въ 1909 году—*девятнадцать тысячъ семьсотъ четыре рублѣй*, въ 1910 году—*двадцать одну тысячу девятьсотъ десять рублѣй*, въ 1911 году—*двадцать пять*

тысячь сто десять рублей, въ 1912 году—*двадцать восемь тысячъ четыреста семь* рублей, а начиная съ 1913 года, отпускать по *двадцати восьми тысячъ шестисотъ восьмидесяти восьми* рублей ежегодно.

II. Возложить на городъ Карсъ обязательство производить пособие казвъ на содержаніе означеннаго (отд. I) училища, начиная съ 1908 г., въ размѣрѣ *пяти тысячъ* рублей въ годъ.

III. Могущіе образоваться изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе Карскаго реального училища, остатки дѣлить на двѣ части, пропорціонально участию въ содержаніи сего училища казны и города, съ тѣмъ, чтобы часть, причитающаяся на долю казны, обращалась, на общемъ основаніи, въ ресурсы государственнаго казначейства, а другая часть оставалась въ распоряженіи города для употребленія по его усмотрѣнію на училищныя нужды.

4.

I. Учредить, съ 1-го іюля 1908 года, въ Карсской области вторья должности инспектора народныхъ училищъ и дѣлопроизводителя при инспекторѣ, съ предоставленіемъ имъ служебныхъ правъ и преимуществъ, окладовъ содержанія, а также канцелярскихъ и разъѣздныхъ денегъ въ размѣрѣ, присвоенномъ подобнымъ же должностямъ въ означенной области, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 12-го мая 1897 года (П. С. З. № 14095) и 23-го декабря 1902 года (П. С. З. № 22322), мѣній государственнаго совѣта, и съ непосредственнымъ подчиненіемъ упомянутаго инспектора попечителю Кавказскаго учебнаго округа.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на покрытіе вызываемыхъ означенною (отд. I) мѣроу расходовъ въ 1908 г. *одну тысячу шестисотъ* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *три тысячи девяти* рублей ежегодно.

5.

Учредить въ Кутаисскомъ реальномъ училищѣ: а) двѣ должности воспитателей съ служебными правами и преимуществами, присвоенными подобнымъ должностямъ при мужскихъ гимназіяхъ (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 1564—1568, изд. 1893 г.), съ окладомъ содержанія въ 910 рублей (въ томъ числѣ 700 р. жалованья и

210 рублей квартирныхъ) и б) должности: надзирателя при больницѣ (онъ же фельдшеръ) и эконома—съ предоставленіемъ: первому—IX класса по должности и пенсія по медицинской службѣ и оклада содержанія въ 200 рублей въ годъ, при казенной квартирѣ, и второму—XII класса по должности и IX разряда по пенсіи и оклада содержанія въ 250 рублей въ годъ, также при казенной квартирѣ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемыхъ должностей (отд. I), а также и на нижеупомянутые расходы, вызываемые открытіемъ пансіона при Кутаисскомъ реальномъ училищѣ, начиная съ 1908 года, по *пяти тысячъ семисотъ семидесяти* рублей въ годъ, распредѣляя ежегодно означенную сумму слѣдующимъ образомъ: инспектору училища, за завѣдываніе пансіономъ, добавочныхъ—750 рублей, двумъ воспитателямъ, надзирателю при больницѣ (онъ же фельдшеръ) и эконому—2.270 рублей, на канцелярскіе расходы—100 рублей, на вознагражденіе учителя танцевъ, учителя гимнастики и учителя музыки и пѣнія—450 рублей, на вознагражденіе врача 200 рублей и на хозяйственные нужды пансіона, содержаніе прислуги, а также на его освѣщеніе и отопленіе—2.000 рублей.

6.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, по *три тысячи* рублей ежегодно, на содержаніе въ пансіонѣ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища 60 казеннокоштныхъ воспитанниковъ и 10 стипендіатовъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, въ дополненіе къ отпускаемымъ нынѣ на этотъ предметъ средствамъ.

7.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, на содержаніе 90 казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ пансіонѣ при Майкопскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ Императора Александра III, въ дополненіе къ отпускаемымъ нынѣ на эту же надобность изъ казны средствамъ по *двѣ тысячи семисотъ* рублей ежегодно, съ возложеніемъ на Кубанское казачье войско обязательства производить пособие казны на содержаніе означенныхъ воспитанниковъ, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ: *одной тысячи семисотъ семидесяти пяти* рублей въ годъ.

8.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, ежегодно, начиная съ 1908 года:

1) на содержаніе 50 казеннокоштныхъ воспитанниковъ Закавказской учительской семинаріи и 60 казеннокоштныхъ воспитанниковъ татарскаго при сей семинаріи отдѣленія, въ дополненіе къ нынѣ отпускаемымъ на этотъ предметъ средствамъ,—по *три тысячи триста* рублей и

2) на хозяйственные расходы: а) татарскаго отдѣленія, состоящаго при Закавказской учительской семинаріи,—по *одной тысячѣ десяти* рублей и б) Эриванской учительской семинаріи—по *двѣ тысячи шестисотъ* рублей, въ дополненіе къ средствамъ, отпускаемымъ нынѣ на указанныя надобности упомянутыхъ учебныхъ заведеній.

9.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, особое денежное пособіе женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находящимся въ предѣлахъ Кавказскаго Намѣстничества, въ дополненіе къ ранѣе разрѣшеннымъ на надобности сихъ учебныхъ заведеній ассигнованіямъ въ размѣрѣ *тридцати тысячъ пятисотъ* рублей ежегодно.

II. Предоставить Намѣстнику Его Императорскаго Величества на Кавказѣ утверждать представленія попечителя Кавказскаго учебнаго округа, касающіяся распредѣленія (Свод. Зак., т. XI, ч. I, Уст. Уч. Завед., ст. 2717, изд. 1893 г.) указанной въ отдѣлѣ I суммы между женскими гимназіями и прогимназіями, состоящими въ означенномъ округѣ.

10.

I. Преобразовать съ 1-го іюля 1908 года существующее въ г. Грозномъ, Терской области, двухклассное женское училище въ Маринское женское училище.

II. Примѣнить къ означенному (отд. I) училищу правила, изложенныя въ статьяхъ 2904 (кромя примѣчаній 1 и 2 къ ней, по Прод. 1906 г.), 2905, 2906 (кромя примѣчанія къ ней), 2907—2912 (кромя примѣчанія къ сей послѣдней) и 2913—2925 Уставовъ Ученыхъ Учре-

жденій и Учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (Сводъ Зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г. и по Прод. 1906 г.), съ указанными ниже (ст. 1—8) дополненіями и измѣненіями:

1) Ученицамъ Маріинскаго женскаго училища въ г. Грозномъ предоставляется право перехода въ соотвѣтствующіе классы женскихъ прогимназій и гимназій по выдержаніи дополнительнаго испытанія изъ тѣхъ предметовъ, которые не преподаются въ училищѣ, но изученіе коихъ обязательно въ женскихъ прогимназіяхъ и гимназіяхъ.

2) Вѣдѣнію попечительнаго совѣта, кромѣ обязанностей, указанныхъ въ статьѣ 2909 упомянутыхъ уставовъ, подлежитъ избраніе кандидатовъ для замѣщенія должностей смотрительницы, законоучителя и учительницы училища.

3) Члены попечительнаго совѣта имѣютъ право присутствовать на экзаменахъ въ училищѣ.

4) Изученіе церковно-славянскаго языка обязательно только для ученицъ православнаго исповѣданія.

5) Смотрительница, законоучитель и учительница назначаются попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора народныхъ училищъ, изъ числа кандидатовъ, избранныхъ попечительныхъ совѣтомъ. Въ случаѣ, если встрѣятся препятствія къ назначенію указанныхъ лицъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ попечительнымъ совѣтомъ, попечитель учебнаго округа можетъ замѣщать сіи вакансии по своему усмотрѣнію. Для назначенія законоучителя требуется сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ.

6) При училищѣ учреждается дополнительный профессиональный классъ, съ учебной мастерской по бѣлошвейному и дамско-портняжному ремесламъ.

7) Курсъ обученія въ означенномъ (ст. 6) дополнительномъ профессиональномъ классѣ продолжается для ученицъ училища, прошедшихъ четыре общеобразовательныхъ класса, два года, а для поступившихъ изъ другихъ училищъ безъ необходимой подготовки по рукодѣліямъ—три года.

8) Ученицы, получившія одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи полнаго общеобразовательнаго курса означеннаго (отд. I) училища, имѣютъ право подвергаться сокращенному испытанію для полученія званія учительницы начальнаго училища (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 1516, прим. 3, по Прод. 1906 г., прил. ст. 15 и 16). Ученицы, съ успѣхомъ окончившія курсъ дополнительнаго класса, получаютъ отъ педагогическаго совѣта училища свидѣ-

тельство въ знаніи изученнаго ремесла, дающее имъ право на преподаваніе сего ремесла въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

III. Отпустить на содержаніе означеннаго (отд. I) училища изъ средствъ государственнаго казначейства: въ 1908 году—*девять тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ пять рублей*, а начиная съ 1909 года отпустить по *пяти тысячъ семисотъ десяти рублей* ежегодно.

IV. Возложить на городъ Грозный обязательство производить по собіе казны на содержаніе означеннаго (отд. I) училища въ размѣрѣ: въ 1908 году *двухъ тысячъ ста двадцати семи рублей пятидесяти копѣекъ*, а начиная съ 1909 года *четырехъ тысячъ двусотъ пятидесяти рублей* въ годъ.

V. Производить пособіе государственному казначейству изъ специальныхъ средствъ означеннаго (отд. I) училища въ размѣрѣ: въ 1908 году *четырехсотъ семнадцати рублей пятидесяти копѣекъ*, а начиная съ 1909 года *восемисотъ тридцати пяти рублей* ежегодно.

Подписаль: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 903).

31. (6-го іюля 1908). *Объ отпускъ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе низшихъ ремесленныхъ школъ въ слободѣ Маньково-Калитвенской, Донецкаго округа, области Войска Донскаго, въ городѣ Мценскѣ, Орловской губерніи, и селѣ Степановкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, а также объ ежегодномъ дополнительномъ отпускъ изъ казны по 600 рублей на содержаніе такой же школы въ городѣ Рѣжницѣ, Витебской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ.

„ВѢТЬ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускъ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе низшихъ ремесленныхъ школъ въ слободѣ Маньково-Калитвенской, Донецкаго округа, области Войска Донскаго, въ городѣ Мценскѣ, Орловской губерніи, и селѣ Степановкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, а также объ ежегодномъ дополнительномъ отпускъ изъ казны по 600 рублей на содержаніе такой же школы въ городѣ Рѣжницѣ, Витебской губерніи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ

1908 году на содержаніе учреждаемыхъ 1-го іюля того же года низшихъ ремесленныхъ школъ:

- а) въ слободѣ Маньково-Калитвенской, Донецкаго округа, области Войска Донскаго,—*одну тысячу шестьсотъ двадцать пять* рублей;
- б) въ городѣ Мценскѣ, Орловской губерніи,—*одну тысячу восемьсотъ шестьдесятъ пять* рублей;
- в) въ селѣ Степановкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи,—*два тысячи четыреста восемьдесятъ пять* рублей.

II. Отпускать ежегодно, начиная съ 1909 года; изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе низшихъ ремесленныхъ школъ:

- а) въ слободѣ Маньково-Калитвенской, Донецкаго округа, области Войска Донскаго,—*три тысячи двести пятьдесятъ* рублей;
- б) въ городѣ Мценскѣ, Орловской губерніи,—*три тысячи семьсотъ тридцать* рублей;
- в) въ селѣ Степановкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи,—*четыре тысячи девятьсотъ семьдесятъ* рублей.

III. Отпустить въ 1908 году въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Рѣжницѣ, Витебской губерніи, средствамъ—*триста* рублей, а съ 1909 года отпускать на тотъ же предметъ по *шестьсотъ* рублей въ годъ.

IV. На покрытіе предусмотрѣнныхъ въ отдѣлѣ I расходовъ произвести ежегодно пособіе государственному казначейству: а) изъ земскихъ средствъ области Войска Донскаго въ 1908 году — *триста двадцать* рублей, а начиная съ 1909 года, по *шестьсотъ сорокъ* рублей ежегодно и изъ средствъ Маньково-Калитвенскаго общества въ 1908 году — *сто пятьдесятъ* рублей, а начиная съ 1909 года, по *триста* рублей ежегодно; б) изъ средствъ Мценскаго уѣзднаго земства въ 1908 году—*двести двѣнадцать* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, а начиная съ 1909 года, по *четыреста двадцать пять* рублей ежегодно; в) изъ средствъ города Мценска и изъ процентовъ принадлежащаго городу капитала имени Жюгалкина въ 1908 году: изъ первыхъ—*сто пятьдесятъ* рублей и изъ вторыхъ—*семьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, а начиная съ 1909 года, по *триста* рублей изъ первыхъ и *ста сорока пяти* рублей изъ вторыхъ ежегодно.

V. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе учреждаемыхъ съ 1-го іюля низшихъ ремесленныхъ школъ: въ слободѣ Маньково-Калитвенской, Донецкаго округа, области Войска Донскаго, въ городѣ Мценскѣ, Орловской гу-

берни, и въ селѣ Степановкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, *пятьдесятъ семь тысячъ триста шестьдесятъ шесть рублей восемьдесятъ четыре копейки.*

VI. Указанный въ отдѣлѣ V расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году— въ суммѣ 52.081 рубля (въ томъ числѣ на школу въ слободѣ Маньково-Калитвенской 25.000 рублей, въ городѣ Мценскѣ 14.400 рублей и въ селѣ Степановкѣ 12.681 рубль) и въ 1909 году въ суммѣ 5.285 рублей (на низшую ремесленную школу въ слободѣ Маньково-Калитвенской).

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 905).

32. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и обзаведеніе: мужскихъ гимназій въ городахъ Ирбитѣ и Новохоперскѣ, реальныхъ училищъ въ городахъ Кунгурѣ, Ядринѣ, Хоролѣ, Саранскѣ, Владимірѣ (губернскомъ), Торонцѣ, Бузулукѣ, Петровскѣ (Саратовской губерніи) и Орѣховѣ и мужскихъ прогимназій въ городахъ Чистополѣ, Дорогобужѣ и Ельнѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„ВНѢ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Пискуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и обзаведеніе: мужскихъ гимназій въ городахъ Ирбитѣ и Новохоперскѣ, реальныхъ училищъ въ городахъ Кунгурѣ, Ядринѣ, Хоролѣ, Саранскѣ, Владимірѣ (губернскомъ), Торонцѣ, Бузулукѣ, Петровскѣ (Саратовской губерніи) и Орѣховѣ и мужскихъ прогимназій въ городахъ Чистополѣ, Дорогобужѣ и Ельнѣ.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства слѣдующія суммы:

1) На содержаніе мужскихъ гимназій въ городахъ Ирбитѣ и Новохоперскѣ каждой изъ нихъ: въ 1908 году—по *пяти тысячъ семьсотъ шестьдесятъ* рублей, въ 1909 году—по *двадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей, въ 1910 году—по *пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1911 году—по *восемнадцать*

тысячь шестьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ; въ 1912 году— по двадцать одной тысячь девъсти двадцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ, въ 1913 году—по двадцать четыре тысячи девъсти десять рублей и, начиная съ 1914 года, по двадцать пять тысячь сто шестьдесятъ рублей въ годъ;

2) на содержаніе реальныхъ училищъ въ городахъ Кунгурѣ, Идринѣ, Хорожѣ, Саранскѣ, Владимірѣ (губернскомъ) и Торонцѣ, каждаго изъ нихъ: въ 1908 году— по пять тысячь шестьсотъ тридцать два рубля, въ 1909 году—по двѣнадцать тысячь триста семьдесятъ пять рублей, въ 1910 году—по четырнадцать тысячь четыреста семьдесятъ семь рублей, въ 1911 году—по шестнадцать тысячь восемьсотъ двадцать два рубля, въ 1912 году—по девятнадцать тысячь сто шестьдесятъ семь рублей, въ 1913 году— по двадцать одной тысячь сто семьдесятъ три рубля и, начиная съ 1914 года, по двадцать девъ тысячи сто восемьдесятъ восемь рублей въ годъ;

3) на содержаніе реального училища въ городѣ Бузулукѣ въ 1908 году—двѣнадцать тысячь триста семьдесятъ пять рублей, въ 1909 году—четырнадцать тысячь четыреста семьдесятъ семь рублей, въ 1910 году—шестнадцать тысячь восемьсотъ двадцать два рубля, въ 1911 году—девятнадцать тысячь сто шестьдесятъ семь рублей, въ 1912 году—двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три рубля и, начиная съ 1913 года, по двадцать девъ тысячи сто восемьдесятъ восемь рублей въ годъ;

4) на содержаніе реального училища въ городѣ Петровскѣ, Саратовской губерніи, въ 1908 году—шесть тысячь семьсотъ сорокъ три рубля, въ 1909 году—четырнадцать тысячь четыреста семьдесятъ семь рублей, въ 1910 году—шестнадцать тысячь восемьсотъ двадцать два рубля, въ 1911 году—девятнадцать тысячь сто шестьдесятъ семь рублей, въ 1912 году—двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три рубля и, начиная съ 1913 года, по двадцать девъ тысячи сто восемьдесятъ восемь рублей въ годъ;

5) на содержаніе реального училища въ городѣ Орѣховѣ въ 1908 году—четырнадцать тысячь четыреста семьдесятъ семь рублей, въ 1909 году—шестнадцать тысячь восемьсотъ двадцать два рубля, въ 1910 году—девятнадцать тысячь сто шестьдесятъ семь рублей, въ 1911 году—двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три рубля и, начиная съ 1912 года, по двадцать девъ тысячи сто восемьдесятъ восемь рублей въ годъ;

6) на содержаніе мужской шестиклассной прогимназіи въ городѣ

Чистополь въ 1908 году—*четыре тысячи восемьсот* рублей, въ 1909 году—*десять тысяч пятьсот шестьдесят* рублей, въ 1910 году—*дѣвятинадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей, въ 1911 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1912 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ* и, начиная съ 1913 года, по *дѣвятинадцать тысячъ сто восемьдесятъ пять* рублей въ годъ;

7) на содержаніе мужской четырехклассной прогимназіи въ городѣ Дорогобужъ въ 1908 году—*четыре тысячи восемьсот* рублей, въ 1909 году—*десять тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ* рублей, въ 1910 году—*дѣвятинадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей и, начиная съ 1911 года, по *тринадцать тысячъ четыреста пятьдесятъ* рублей въ годъ, и

8) на содержаніе мужской шестиклассной прогимназіи въ городѣ Ельнѣ въ 1908 году—*десять тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ* рублей, въ 1909 году—*двѣнадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей, въ 1910 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1911 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ и, начиная съ 1912 года, по *двѣнадцать тысячъ сто восемьдесятъ пять* рублей въ годъ.

II. Возложить на нижепоименованныя городскія общества, а также губернскія и уѣздныя земства обязательства производить пособія казгѣ на содержаніе означенныхъ ниже учебныхъ заведеній:

1) на содержаніе Ирбитской гимназіи: отъ Ирбитскихъ городского общества и уѣзднаго земства въ 1908 году—по *одной тысячѣ дѣсяти пятьдесятъ* рублей отъ каждаго и, начиная съ 1909 года, по *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ отъ каждаго; отъ Пермскаго губернскаго земства въ 1908 году—*одну тысячу пятьсотъ* рублей и, начиная съ 1909 года, по *три тысячи* рублей въ годъ;

2) на содержаніе Новохоперской гимназіи: отъ Новохоперскаго городского общества въ 1908 году—*три тысячи сто двадцать пять* рублей и, начиная съ 1909 года, по *шесть тысячъ дѣсяти пятьдесятъ* рублей въ годъ; отъ Новохоперскаго уѣзднаго земства въ 1908 году—*одну тысячу пятьсотъ* рублей и, начиная съ 1909 года, по *три тысячи* рублей въ годъ;

3) на содержаніе Кунгурскаго реальнаго училища: отъ Кунгурскихъ городского общества и уѣзднаго земства въ 1908 году—по *одной тысячѣ пятьсотъ* рублей отъ каждаго и, начиная съ 1909 года, по *три тысячи* рублей въ годъ отъ каждаго; отъ Пермскаго губернскаго

земства въ 1908 году—*одну тысячу двести шестьдесятъ девять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1909 году—*девять тысячъ семьсотъ восемьдесятъ девять рублей*, въ 1910 году—*три тысячи двести шестьдесятъ три рубля*, въ 1911 году—*три тысячи семьсотъ девяносто одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1912 году—*четыре тысячи триста девятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1913 году—*четыре тысячи семьсотъ семьдесятъ два рубля* и, начиная съ 1914 года, по *пяти тысячъ рублей* въ годъ;

4) на содержаніе Ядринскаго реальнаго училища: отъ Ядринскаго городского общества и Казанскаго губернскаго земства въ 1908 году— по *пятистамъ рублей* отъ cadaго и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ рублей* въ годъ отъ cadaго; отъ Ядринскаго уѣзнаго земства въ 1908 году—*одну тысячу пшисотъ рублей* и, начиная съ 1909 года, по *три тысячи рублей* въ годъ;

5) на содержаніе Хорольскаго реальнаго училища: отъ Хорольскаго городского общества въ 1908 году—*одну тысячу рублей* и, начиная съ 1909 года, по *девять тысячъ рублей* въ годъ; отъ Хорольскаго уѣзнаго земства въ 1908 году—*одну тысячу двести пятьдесятъ рублей* и, начиная съ 1909 года, по *девять тысячъ пшисотъ рублей* въ годъ; отъ Полтавскаго губернскаго земства въ 1908 году—*шестьсотъ двадцать пять рублей* и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ двести пятьдесятъ рублей* въ годъ;

6) на содержаніе Саранскаго реальнаго училища: отъ Саранскаго городского общества въ 1908 году—*девять тысячъ пшисотъ рублей* и, начиная съ 1909 года, по *пяти тысячъ рублей* въ годъ; отъ Саранскаго уѣзнаго земства въ 1908—*одну тысячу пшисотъ рублей* и, начиная съ 1909 года, по *три тысячи рублей* въ годъ, отъ Пензенскаго губернскаго земства въ 1908 году—*одну тысячу рублей* и, начиная съ 1909 года, по *девять тысячъ рублей* въ годъ;

7) на содержаніе Владимірскаго реальнаго училища: отъ Судогодскаго уѣзнаго земства въ 1908 году—*двести пятьдесятъ рублей* и, начиная съ 1909 года, по *пшисотъ рублей* въ годъ;

8) на содержаніе Торопецкаго реальнаго училища: отъ Псковскаго губернскаго и Торопецкаго уѣзнаго земствъ въ 1908 году—по *семьсотъ пятьдесятъ рублей* отъ cadaго и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ пшисотъ рублей* въ годъ отъ cadaго; отъ Торопецкаго городского общества въ 1908 году— *пшисотъ рублей* и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ рублей* въ годъ;

9) на содержаніе Бузулукскаго реальнаго училища: отъ Бузулук-

скихъ городского общества и уѣзднаго земства, начиная съ 1908 года, по *пяти тысячъ* рублей въ годъ отъ cadaго; отъ Самарскаго губернскаго земства съ того же времени по *одной тысячѣ* рублей въ годъ;

10) на содержаніе Петровскаго реального училища: отъ Петровскихъ городского общества и уѣзднаго земства въ 1908 году—по *три тысячи* рублей отъ cadaго и, начиная съ 1909 года, по *шести тысячъ* рублей въ годъ отъ cadaго;

11) на содержаніе Орѣховскаго реального училища: отъ Орѣховскаго городского общества, начиная съ 1908 года, по *двѣнадцати тысячъ* рублей въ годъ;

12) на содержаніе Дорогобужской мужской прогимназіи: отъ Дорогобужскихъ городского общества и уѣзднаго земства въ 1908 году—по *пятисотъ* рублей отъ cadaго и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячѣ* рублей въ годъ отъ cadaго;

13) на содержаніе Ельнинской мужской прогимназіи: отъ Ельнинскихъ городского общества и уѣзднаго земства, начиная съ 1908 года, по *одной тысячѣ пятисотъ* рублей въ годъ отъ cadaго.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: а) на первоначальное обзаведеніе мужскихъ гимназій въ городахъ Ирбитѣ и Новохоперскѣ, реальныхъ училищъ въ городахъ Кунгурѣ, Ядринѣ, Хоролѣ, Владимірѣ (губернскомъ), Бузулукѣ, Торопцѣ и Петровскѣ (Саратовской губ.)—по *двѣнадцати тысячъ* рублей на каждое учебное заведеніе; реального училища въ городѣ Орѣховѣ—*шесть тысячъ* рублей, мужской прогимназіи въ городѣ Чистополѣ—*девять тысячъ* рублей, мужской прогимназіи въ городѣ Дорогобужѣ—*шесть тысячъ* рублей и мужской прогимназіи въ городѣ Ельнѣ—*девять тысячъ* рублей, итого *сто тридцать восемь тысячъ* рублей и б) на устройство физическихъ кабинетовъ при поименованныхъ въ пунктѣ „а“ сего (III) отдѣла гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ по *восемь тысячъ* рублей на каждое, при прогимназіяхъ: въ Чистополѣ и Ельнѣ—по *четыре тысячи* рублей каждой, итого *восемьдесятъ восемь тысячъ* рублей, а всего на обѣ указанныя надобности *двѣсти двадцать шесть тысячъ* рублей.

IV. Указанный въ отдѣлѣ III расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году—въ суммѣ *сорокъ четыре тысячи* рублей (въ томъ числѣ на гимназію въ Новохоперскѣ, на реальные училища въ Кунгурѣ, Ядринѣ, Хоролѣ, Владимірѣ, Торопцѣ по *три тысячи* рублей, реальные училища въ

Бузулукъ и Петровскъ по *четыре тысячи* рублей, на реальное училище въ Орѣховѣ *шесть тысячъ* рублей, на прогимназіи: въ Чистополѣ и Ельнѣ—по *пяти тысячъ* рублей и въ Дорогобужѣ—*девять тысячъ* рублей) и въ 1909 году—въ суммѣ *сто восемьдесятъ девять тысячъ* рублей (въ томъ числѣ на гимназію въ Ирбитѣ—*двадцать тысячъ* рублей, въ Новохоперскѣ—*семнадцать тысячъ* рублей, на реальныя училища въ Кунгурѣ, Мдринѣ, Хорогѣ, Владимірѣ и Торощѣ—по *семнадцати тысячъ* рублей, въ Бузулукѣ и Петровскѣ—по *шестнадцати тысячъ* рублей, въ Орѣховѣ—*восемь тысячъ* рублей, на прогимназіи въ Чистополѣ и Ельнѣ—по *восеми тысячъ* рублей и въ Дорогобужѣ—*четыре тысячи* рублей).

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 908).

33. (6-го іюля 1908 года). *Объ измѣненіи штата Коммисаровскаго технического училища въ Москвѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„ВНѢ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственнымъ думою законъ объ измѣненіи штата Коммисаровскаго технического училища въ Москвѣ.

I. Установить прилагаемый при семъ штатъ Коммисаровскаго технического училища въ Москвѣ.

II. Лицъ, которыя съ введеніемъ въ дѣйствіе означеннаго (отд. I) штата, не получаютъ назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

III. Отпускать съ 1-го января 1908 года изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе названнаго (отд. I) училища, взаимнѣ отпускаемыхъ иныѣ на эту надобность суммъ, по *пятидесяти тысячъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„ВНГЪ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *бюро* *Искусств.*

Ш Т А Т Ъ

Комиссаровскаго технического училища въ Москвѣ.

НАИМЕНОВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у .			Всего.	По должности.	По штату на мѣсяцъ.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.				
Р у б л и .								
Директоръ училища	1	1.800	1.200	нат.	3.000	V	V	П о у ч е с б н о й с л у ж б ѣ .
Ему добавочныхъ за завѣдываніе параллельными отдѣленіями	—	—	—	—	1.000	—	—	
Инспекторъ	1	1.200	600	нат.	1.800	VI	VI	
Ему добавочныхъ за завѣдываніе параллельными отдѣленіями	—	—	—	—	600	—	—	
Завѣдывающій учебными мастерскими	1	960	840	нат.	1.800	VII	—	
Ему добавочныхъ за техническій надзоръ за училищными зданіями и ремонтомъ	—	—	—	—	600	—	—	
Помощники завѣдывающаго учебными мастерскими	2	750	450	300	3.000	VIII	—	
Законоучитель, онъ же настоятель домовоі церкви, преподающій въ классахъ отъ III до VII	1	—	—	нат.	525	—	—	
Ему же за совершеніе богослуженія	—	—	—	—	450	—	—	
Діаконъ, онъ же законоучитель въ I и II классахъ	1	—	—	нат.	300	—	—	
Ему же за совершеніе богослуженія	—	—	—	—	250	—	—	

Имѣ обоимъ добавочныхъ за преподаваніе въ параллельныхъ классахъ	—	—	—	1.650	—	—	По учебной службѣ.
Учителямъ за уроки:							
а) въ основныхъ классахъ	—	—	—	13.939	VIII	—	
б) въ параллельныхъ классахъ	—	—	—	22.418	VIII	—	
На вознагражденіе за исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ	—	—	—	3.360	—	—	
Надзирателя: старшій	1	600	800	300	1.200	VIII	
„ младшій	5	400	200	300	4.500	IX	
На вознагражденіе за исполненіе обязанностей секретаря совѣта.	—	—	—	—	240	—	
На вознагражденіе библиотекарей.	—	—	—	—	360	—	
Учитель пѣнія	1	—	—	—	400	По найму.	
Учитель гимнастики	1	—	—	—	600	По найму.	
Врачъ	1	—	—	нат.	500	VIII	
Зубной врачъ	1	—	—	—	800	По найму.	
Фельдшеръ	1	—	—	—	480	По найму.	
Смотритель дома, онъ же казначей.	1	750	450	нат.	1.200	VIII	
Письмоводитель	1	540	360	нат.	900	IX	
Бухгалтеръ	1	540	360	нат.	900	IX	
На наемъ писцовъ, канцелярскіе, почтовые и другіе мелочные расходы	—	—	—	—	4.360	—	
Содержаніе доховой церкви при училищѣ	—	—	—	—	500	—	
На наемъ прислуги и содержаніе дома	—	—	—	—	36.891	—	
На приобрѣтеніе медикаментовъ для амбулаторіи	—	—	—	—	300	—	

На устройство образовательных экскурсій на фабрики и заводы	—	—	—	500	—	—	—
На пополненіе библиотеки, кабинетовъ, содержаніе лабораторій и лаборантовъ	—	—	—	10.500	—	—	—
На содержаніе мастеровъ, кладовщика и рабочихъ	—	—	—	20.250	—	—	—
На материалы и инструменты, содержаніе мастерскихъ, двигателей и уходъ за ними	—	—	—	13.000	—	—	—
В с е г о	—	—	—	152.573	—	—	—

Примѣчанія:

1) Директоръ пользуется пенсіонными правами наравнѣ съ директорами среднихъ техническихъ училищъ по Высочайше утвержденному, 26-го іюня 1889 года, штату IX промышленныхъ училищъ. Инспекторъ получаетъ пенсію изъ оклада жалованья. Завѣдывающій учебными мастерскими пользуется тѣми же пенсіонными правами, какія присвоены руководителямъ практическихъ работъ въ среднихъ техническихъ училищахъ. Помощники завѣдывающаго мастерскими, имѣющіе высшее спеціальное образованіе, получаютъ пенсію наравнѣ съ руководителями практическихъ работъ въ низшихъ техническихъ училищахъ, а такового не имѣющіе приравниваются по правамъ на пенсію къ руководителямъ практическихъ работъ въ ремесленныхъ училищахъ. Законоучители получаютъ пенсію наравнѣ съ законоучителями среднихъ техническихъ училищъ. Преподаватели спеціальныхъ предметовъ пользуются всѣми правами, предоставленными преподавателямъ среднихъ техническихъ училищъ, а преподаватели общеобразовательныхъ предметовъ приравниваются къ соответствующимъ должностнымъ лицамъ реальныхъ училищъ. Старшіе надзиратели, имѣющіе высшее образованіе, приравниваются по пенсіоннымъ правамъ къ надзирателямъ гимназій, а такового не имѣющіе получаютъ пенсію изъ оклада въ 600 р. Младшіе надзиратели приравниваются по пенсіоннымъ правамъ къ помощникамъ надзирателей въ техническихъ училищахъ.

2) Въ случаѣ перерасхода по какой-либо изъ статей, онъ покрывается сбереженіями по другимъ статьямъ, съ разрѣшенія почетнаго нечестнаго училища.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта М. Акимовъ.

(Тамъ же, № 118, ст. 911).

34. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпуску средств на пополненіе учебно-вспомогательныхъ учреждений Московскаго учительскаго института и состоящаго при немъ городского училища необходимыми приборами и пособиями.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БНТЬ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпуску средствъ на пополненіе учебно-вспомогательныхъ учреждений Московскаго учительскаго института и состоящаго при немъ городского училища необходимыми приборами и пособиями.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *четыре тысячи пятьсотъ* рублей на пополненіе учебно-вспомогательныхъ учреждений Московскаго учительскаго института и состоящаго при немъ городского училища необходимыми приборами и пособиями.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 912)

35. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпуску средствъ на постройку зданія для Благовѣщенской мужской гимназіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БНТЬ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпуску средствъ на постройку зданія для Благовѣщенской мужской гимназіи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *десяти восемьдесятъ тысячъ восемьсотъ сорокъ два* рубля *тридцать шесть* копѣекъ на постройку зданія для Благовѣщенской мужской гимназіи.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строитель-

наго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году—въ суммѣ *ста тысячъ* рублей и въ 1909 году—въ суммѣ *ста восьмидесяти тысячъ восьмисотъ сорока двухъ* рублей *тридцати шести* копѣекъ.

III. Занимаемый зданіемъ Благовѣщенской мужской гимназій земельный дворовый участокъ, размѣромъ въ 2.400 кв. саж., составляетъ собственность казны.

IV. По переходѣ названной гимназій въ собственное зданіе прекратить отпускъ изъ казны кредитовъ: 1) въ *два тысячи пятисотъ* рублей въ годъ на наемъ для нея помѣщенія и 2) въ *пятисотъ шестидесятъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ въ годъ на выдачу квартирныхъ денегъ инспектору названнаго учебнаго заведенія.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 914).

36. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытие части расходовъ по постройкѣ зданія для Бугурусланской женской гимназій.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СФМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытие части расходовъ по постройкѣ зданія для Бугурусланской женской гимназій.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *двадцать тысячъ* рублей въ безпроцентную ссуду на 20 лѣтъ Бугурусланскому уѣздному земству, съ обязательствомъ для него вносить въ государственное казначейство въ погашеніе означенной ссуды по *шестисотъ* рублей въ годъ, начиная съ 1-го января 1909 года.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *три тысячи* рублей въ пособіе Бугурусланскому уѣздному земству на покрытие позаймствованія въ той же суммѣ изъ специальныхъ средствъ Бугурусланской женской гимназій на постройку зданія для названнаго учебнаго заведенія.

III. Указанные въ отдѣлахъ I и II расходы отнести на ассигнуемую

министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*:
(Тамъ же, ст. 915).

37. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Пензенской учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственнымъ думою законъ объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Пензенской учительской семинаріи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *пять тысячъ пятьсотъ двадцать два* рубля на постройку при Пензенской учительской семинаріи каменной бани, съ прачечной при ней.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 916).

38. (6-го іюля 1908 года). *Объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Благовѣщенской и Новоторжской учительскихъ семинаріяхъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственнымъ думою законъ объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Благовѣщенской и Новоторжской учительскихъ семинаріяхъ.

I. Увеличить съ начала 1908—1909 учебнаго года число казенныхъ стипендій въ учительскихъ семинаріяхъ: Благовѣщенской—съ *сорока пяти* до *шестидесяти*, по *сто двадцать* рублей каждая, и въ Новоторжской—съ *шестидесяти* до *девяноста двухъ* по *сто* рублей каждая.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на ука-

занную (отд. I) надобность въ 1908 году *девять тысячъ пятьсотъ* рублей; начиная же съ 1-го января 1909 года, отпускать на этотъ предметъ по *пяти тысячъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 917).

39. (6-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе учителя начальнаго училища при Красноярской учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе учителя начальнаго училища при Красноярской учительской семинаріи.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учителя образцоваго начальнаго училища при Красноярской учительской семинаріи въ 1908 году—*семьдесятъ пять* рублей, а начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать по *сто пятидесяти* рублей въ годъ въ дополненіе къ ассигнуемой нынѣ на эту надобность суммѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 919).

40. (6-го іюля 1908 года). *О назначеніи Императорскому русскому техническому обществу пособія на содержаніе С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о назначеніи Императорскому русскому техническому обществу пособія на содержаніе С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства въ пособіе Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе

С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища по пяти тысячъ рублей въ годъ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1-го января 1908 года.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 922).

41. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской школы десятичниковъ строительнаго дѣла.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВНѢ ПО СЕМУ“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской школы десятичниковъ строительнаго дѣла.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году семь тысячъ рублей въ пособіе Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской школы десятичниковъ строительнаго дѣла.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 923).

42. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на окончаніе постройки зданія для Ставропольской учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВНѢ ПО СЕМУ“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Ихскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на окончаніе постройки зданія для Ставропольской учительской семинаріи.

1. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *двенадцать тысячъ пятьсотъ два рубля двадцать семь копѣекъ* на окончаніе постройки зданія для Ставропольской учительской семинаріи.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 924).

43. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на постройку зданія для Елатомской, Тамбовской губерніи, женской прогимназіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВМѢ П О С Е М У Ч“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною душою законъ объ отпускѣ средствъ на постройку зданія для Елатомской, Тамбовской губерніи, женской прогимназіи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *шестнадцать тысячъ* рублей въ пособіе на постройку зданія для Елатомской, Тамбовской губерніи, женской прогимназіи.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ кредита, ассигнуемаго министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности въ 1908 году.

III. Зданіе, занимаемое названной (отд. I) прогимназіей, составляетъ собственность казны.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 926).

44. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на строительныя надобности Туркестанской учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВМѢ П О С Е М У Ч“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною душою законъ объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Туркестанской учительской семинаріи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *пятнадцать тысячъ четыреста пятьдесятъ два рубля тридцать*

дѣть копѣйки на постройку зданія для начальнаго училища при Туркестанской учительской семинаріи съ квартирою для учителя.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 927).

45. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на строительныя надобности Царкосельскаго, Никольскаго, Великоустюгскаго, Александровскаго на Мурманѣ, Дмитровскаго, Орловской губерніи, и Веррооскаго городскихъ училищъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“*.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *бюрокъ Пискуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Царкосельскаго, Никольскаго, Великоустюгскаго, Александровскаго на Мурманѣ, Дмитровскаго, Орловской губерніи, и Веррооскаго городскихъ училищъ.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на строительныя надобности городскихъ училищъ Царкосельскаго—*шестьдесятъ тысячъ рублей*, Никольскаго—*двадцать восемь тысячъ девятьсотъ восемьдесятъ девять рублей шестьдесятъ семь копѣекъ*, Великоустюгскаго—*тридцать четыре тысячи девятьсотъ шестьдесятъ восемь рублей тридцать шесть копѣекъ*, Александровскаго на Мурманѣ—*двадцать четыре тысячи девятьсотъ двадцать одинъ рубль шесть копѣекъ*, Дмитровскаго, Орловской губерніи—*девять тысячъ сто двадцать рублей двадцать три копѣйки* и Веррооскаго—*двадцать одну тысячу семьсотъ тринадцать рублей двадцать четыре копѣйки*, а всего *сто семьдесятъ девять тысячъ семьсотъ девятнадцать рублей пятьдесятъ шесть копѣекъ*.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году—въ суммѣ *девятиста семи тысячъ двухсотъ девятнадцати рублей девятиста трехъ копѣекъ* (въ томъ числѣ на Царкосельское училище—*тридцать тысячъ рублей*, Никольское—*пятнадцать тысячъ рублей*,

Великоустюгское—*двадцать тысяч* рублей, Александровское на Мурмангь—*пятнадцать тысяч* рублей, Дмитровское—*два тысяч* *сто двадцать* рублей *двадцать три* копѣйки и Верроское—*пятнадцать тысяч* *девяносто девять* рублей *семьдесят* копѣекъ) и въ 1909 году въ суммѣ *семидесяти пяти тысяч* *четырехсот* *девяноста двух* рублей *шестидесяти трех* копѣекъ (въ томъ числѣ на Царскосельское училище—*тридцать тысяч* рублей, Никольское—*тринадцать тысяч* *двѣсти* *восемьдесят девять* рублей *шестидесяти семи* копѣекъ, Великоустюгское—*четыре* *дцать* *тысяч* *двѣсти* *шестьдесят* *восемь* рублей *тридцать* *шесть* копѣекъ, Александровское на Мурмангь—*девять тысяч* *двѣсти* *двадцать один* рубль *шесть* копѣекъ и Верроское—*шесть тысяч* *шестьсот* *тринадцать* рублей *пятьдесят* *четыре* копѣйки).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 930).

46. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ 25.000 рублей на сооруженіе служительскихъ казармъ при Томскомъ университетѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВЫТЬ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *бироу Пискуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ 25.000 рублей на сооруженіе служительскихъ казармъ при Томскомъ университетѣ.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *двадцать пять тысяч* рублей на окончаніе постройки служительскихъ казармъ при Томскомъ университетѣ.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году — въ суммѣ *десяти тысяч* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *пятнадцати тысяч* рублей.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Собр. узак. и расп. прав. 12-го августа 1908 г., № 122, ст. 965).

47. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ: 1) на содержаніе столярно-токарнаго отдѣленія при низшей ремесленной школѣ въ селѣ Рождественской Хавѣ, Воронежскаго уѣзда и губерніи; 2) на устройство и содержаніе сто-*

лярной мастерской и дополнительное оборудование слесарной мастерской при Азовской низшей ремесленной школе; 3) на устройство и содержание столярно-токарного отделения при Подольской, имени Н. Н. Козлова, низшей ремесленной школы; 4) на содержание третьего кузнечнаго отделения при Новороссійской низшей ремесленной школе, на оборудованіе сего отдѣленія и на устройство кухни для учениковъ; 5) на введеніе въ курсъ Юрьевецкой, Костромской губерніи, низшей ремесленной школы преподаванія кузнечнаго дѣла и рациональной ковки лошадей; 6) на устройство при Ананьевской, Херсонской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ помѣщеній для кузницы и двигателя и на пополненіе оборудованія; 7) на содержаніе литейнаго отдѣленія при Александровской Елабужской школы ремесленныхъ учениковъ, учрежденной на средства Гирбасовыхъ; 8) на содержаніе литейнаго отдѣленія низшей ремесленной школы, состоящей при Рыбинскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ, имени д. с. с. Комарова; 9) на окончательное устройство низшей ремесленной школы въ городѣ Молодь; 10) на устройство и содержаніе школы ремесленныхъ учениковъ въ городѣ Луганскѣ; 11) на расширеніе зданія Елизаветинскаго Милгайловскаго ремесленнаго училища, и 12) на пособіе низшей ремесленной школы въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нижнелюбачинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, на устройство кузницы и пополненіе ея оборудованія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написало:

Въ Петербургѣ, 6-го іюля 1908 года. **ВЪ БИТЬ ПО СЯМУ!**

Скрѣпялъ: государственный секретарь бироуъ Искучъ.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ: 1) на содержаніе столярно-токарнаго отдѣленія при низшей ремесленной школѣ въ селѣ Рождественской Хавѣ, Воронежскаго уѣзда и губерніи; 2) на устройство и содержаніе столярной мастерской и дополнительное оборудованіе слесарной мастерской при Азовской низшей ремесленной школѣ; 3) на устройство и содержаніе столярно-токарнаго отдѣленія при Подольской, имени Н. Н. Козлова, низшей ремесленной школѣ; 4) на содержаніе третьяго кузнечнаго отдѣленія при Новороссійской низшей ремесленной школѣ, на оборудованіе сего отдѣленія и на устройство кухни для учениковъ; 5) на введеніе въ курсъ Юрьевецкой, Костромской губерніи, низшей ремеслен-

ной школы преподаванія кузнечнаго дѣла и рациональнойковки лошадей; 6) на устройство при Агапьевской, Херсонской губерніи, школѣ ремесленныхъ учениковъ помѣщеній для кузницы и двигателя и на пополненіе оборудованія; 7) на содержаніе литейнаго отдѣленія при Александровской Елабужской школѣ ремесленныхъ учениковъ, учрежденной на средства Гирбасовыхъ; 8) на содержаніе литейнаго отдѣленія низшей ремесленной школы, состоящей при Рыбинскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ, имени д. с. с. Юмарова; 9) на окончательное устройство низшей ремесленной школы въ городѣ Мологѣ; 10) на устройство и содержаніе школы ремесленныхъ учениковъ въ городѣ Луганскѣ; 11) на расширеніе зданія Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища, и 12) на пособіе низшей ремесленной школѣ въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, на устройство кузницы и пополненіе ея оборудованія.

1.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе столярно-токарнаго отдѣленія, открываемаго при Рождественско-Хавской, Воронежскаго уѣзда и губерніи, низшей ремесленной школѣ въ 1908 году — *семьсотъ десять рублей*, а начиная съ 1909 года, отпускать по *одной тысячь четыреста двадцати рублей* ежегодно.

2.

I. Учредить при Азовской низшей ремесленной школѣ должность мастера-техника со всѣми правами, этой должности присвоенными.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе столярной мастерской, устриваемой при Азовской низшей ремесленной школѣ, въ 1908 году *четыреста семьдесятъ рублей*, а начиная съ 1909 года, отпускать по *двѣсти сорока рублей* въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на городъ Азовъ производить пособіе казнѣ на содержаніе этой мастерской въ размѣрѣ: въ 1908 г. *пятидесяти рублей*, а начиная съ 1909 года — *ста рублей* въ годъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство названной (отд. II) мастерской, а также на пополненіе оборудованія слесарной мастерской, бібліотеки и кабинета учебныхъ пособій означенной школы — *три тысячи четыреста пятьдесятъ рублей*, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ креди-

товъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

3.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе столярно-токарнаго отдѣленія, открываемаго при Подольской низшей ремесленной школѣ имени Я. И. Козлова, въ 1908 году *семьсотъ десять* рублей, а начиная съ 1909 года отпускать по *одной тысячѣ четыреста двадцати* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство и оборудованіе названнаго (отд. I) отдѣленія— *три тысячи* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

4.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе третьяго кузнечнаго отдѣленія, открытаго при Новороссійской низшей ремесленной школѣ, начиная съ 1908 года, по *одной тысячѣ триста восьмидесяти* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на оборудованіе названнаго (отд. I) отдѣленія и на устройство при означенной школѣ кухни для учениковъ *девять тысячъ пятьсотъ тридцать* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

5.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на преподаваніе въ Юрьевецкой, Костромской губерніи, низшей ремесленной школѣ кузнечнаго дѣла и рациональнойковки лошадей, начиная съ 1908 года, по *семьсотъ десять* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на Юрьевецкое уѣздное земство производить пособие казнь на указанную надобность въ размѣрѣ *двухсотъ восьмидесяти* рублей въ годъ.

6.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г.: на устройство при Ананьевской, Херсонской губерніи, школѣ ремес-

ленныхъ учениковъ помѣщеній для кузницы и двигателя и на пополненіе оборудованія школы *восемь тысячъ сто двадцать три* рубля *двадцать три* копейки, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

7.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе литейнаго отдѣленія при Александровской Елабужской школѣ ремесленныхъ учениковъ, учрежденной на средства Гирбасовыхъ, начиная съ 1908 года, по *шестисотъ шестидесяти* рублей въ годъ.

8.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе литейнаго отдѣленія низшей ремесленной школы, состоящей при Рыбинскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова, въ 1908 году *пятьсотъ тридцать* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *одной тысячѣ шестидесяти* рублей въ годъ.

9.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. на окончаніе постройки зданія и оборудованія мастерскихъ низшей ремесленной школы въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, *три тысячи восемьсотъ тридцать* рублей *тридцать восемь* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

10.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой въ городѣ Луганскѣ, Екатеринославской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ въ 1908 году *три тысячи семьсотъ тридцать два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, а начиная съ 1909 года, отпускать по *семи тысячѣ четыреста шестидесяти пяти* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства на Славяносербское уѣздное земство и городъ Луганскъ производить пособіе казны на содержаніе этой школы въ размѣрѣ: въ 1908 году отъ перваго *семьсотъ пятидесяти* рублей и отъ втораго *шестисотъ* рублей, а начиная съ 1909 года, отъ перваго *одной тысячи пятисотъ* рублей и отъ втораго *одной тысячи двѣхсотъ* рублей ежегодно.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *тридцать тысячъ рублей* и въ 1909 году *тридцать четыре тысячи девятысотъ сорокъ рублей пятьдесятъ три копейки*, съ отнесеніемъ означенныхъ расходовъ на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

11.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на расширеніе зданія Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища въ 1908 году *двадцать тысячъ рублей* и въ 1909 году *девятнадцать тысячъ рублей*, съ отнесеніемъ означенныхъ расходовъ на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

12.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. въ пособіе низшей ремесленной школы въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, на расширеніе помѣщенія кузницы и пополненіе ея оборудованія *одну тысячу триста рублей*, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія, на строительныя его надобности.

Подписаль: предѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 966).

48. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ изъ казны средствъ на расширеніе зданій Бахмутскаго ремесленнаго училища, а также на устройство при немъ и содержаніе электро-техническаго класса и литейнаго отдѣленія.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Шккуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на расширеніе зданій Бахмутскаго ремесленнаго училища, а также на устройство при немъ и содержаніе электро-техническаго класса и литейнаго отдѣленія.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на со-

держаніе литейнаго отдѣленія и электро-техническаго класса при Бахмутскомъ ремесленномъ училищѣ въ 1908 году *одну тысячу девятьсотъ* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *три тысячи восьмисотъ* рублей ежегодно, съ возложеніемъ обязательства на Бахмутское уѣздное земство производить пособіе казнѣ на содержаніе указанныхъ отдѣленія и класса въ размѣрѣ: въ 1908 году — *четыре-рехсотъ двадцати* рублей, а начиная съ 1909 года — *восьмисотъ со-рюка* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство указанныхъ (отд. I) отдѣленія и класса, а также на расширение зданія Бахмутскаго ремесленнаго училища въ 1908 году — *тридцать тысячъ* рублей и въ 1909 году — *тринадцатъ тысячъ семьсотъ семь* рублей *семьдесятъ семь* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общаго кредита, ассигнуемаго министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 967).

49. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на внутреннее устройство подвального этажа въ зданіи Николаевскаго средняго механико-техническаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петербургѣ: *ВЪ ТИПЪ ЛЮ СЕМУЧЪ*.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Шкуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною душою законъ объ отпускѣ средствъ на внутреннее устройство подвального этажа въ зданіи Николаевскаго средняго механико-техническаго училища.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *тринадцатъ тысячъ пятьдесятъ пять* рублей *два* копѣйки на внутреннее устройство подвального этажа въ зданіи Николаевскаго, Херсонской губерніи, средняго механико-техническаго училища.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 968).

50. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ изъ казны средствъ на расширеніе мастерскихъ Клинцовскаго средняго технического училища и на устройство классныхъ комнатъ для состоящей при немъ низшей ремесленной школы.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною ду-
мою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на расширеніе
мастерскихъ Клинцовскаго средняго технического училища и
на устройство классныхъ комнатъ для состоящей при немъ низ-
шей ремесленной школы.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ
1908 году *десять тысячъ триста восемьдесятъ пять рублей семь-
десятъ шесть копѣекъ* на расширеніе мастерскихъ Клинцовскаго сред-
няго семикласснаго технического училища и на устройство классныхъ
комнатъ для состоящей при немъ низшей ремесленной школы.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые мини-
стерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надоб-
ности въ 1908 году.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *М. Ахимовъ*.
(Тамъ же, ст. 970).

51. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на окончаніе постройки зданія для Кашинскаго Алексѣевскаго реальнаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною ду-
мою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на окончаніе по-
стройки зданія для Кашинскаго Алексѣевскаго реальнаго учи-
лища.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ
1908 году *двадцать шесть тысячъ* рублей на окончаніе построе-
нн зданія для Кашинскаго Алексѣевскаго реальнаго училища съ отне-

снѣмъ этого расхода на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія.

II. Означенное въ отдѣлѣ первомъ зданіе, а равно и земельный участокъ, на которомъ оно построено, составляютъ собственность казны.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 971).

52. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому русскому техническому обществу на постройку и оборудованіе зданія для С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

Въ Петергофѣ:

„ВНѢ ПО СЕМУ“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною дукою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому русскому техническому обществу на постройку и оборудованіе зданія для С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *сто тридцать четыре тысячи двести шестидесять рублей семнадцать копѣекъ* въ пособіе Императорскому русскому техническому обществу, въ томъ числѣ: 126.260 рублей 17 копѣекъ на постройку и оборудованіе зданія С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища и 8.000 рублей въ возмѣщеніе расходовъ названнаго общества по покупкѣ участка земли для означеннаго училища.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году — въ суммѣ *восемьдесятъ тысячъ рублей* и въ 1909 году въ суммѣ *пятидесяти четырехъ тысячъ двести шестидесяти рублей семнадцати копѣекъ*.

III. Зданіе, занимаемое указаннымъ въ отдѣлѣ I училищемъ, а также и земельный участокъ, на которомъ построено это зданіе, составляютъ собственность казны.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 969).

53. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ изъ казны средствъ на постройку зданія для Юрьевецкой низшей ремесленной школы.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною ду-
мою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на постройку зданія
для Юрьевецкой низшей ремесленной школы.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ
1909 году на постройку новаго зданія для Юрьевецкой, Костромской
губерніи, низшей ремесленной школы *двадцать тысячъ шестьсотъ*
двадцать рублей, съ отнесеніемъ этого расхода на строительный кре-
дитъ министерства народнаго просвѣщенія.

II. Означенное въ отдѣлѣ первомъ зданіе, а равно и земельный
участокъ, на которомъ оно построено, составляютъ собственность
казны.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 972).

54. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ изъ казны дополнительно
по 300 рублей въ годъ на содержаніе учителя тѣня при Читинской
учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною ду-
мою законъ объ отпускѣ изъ казны дополнительно по 300 рублей
въ годъ на содержаніе учителя пѣнія при Читинской учитель-
ской семинаріи.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содер-
жаніе учителя пѣнія при Читинской учительской семинаріи въ до-
полненіе къ 450 рублямъ, ассигнуемымъ нынѣ на этотъ предметъ, въ
1908 году *сто пятьдесятъ* рублей, а начиная съ 1909 года отпускать
по *триста* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 974).

55. (6-го іюля 1908 года). *Объ учрежденіи учительскаго института въ городѣ Ярославль.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Шкуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи учительскаго института въ городѣ Ярославль.

I. Учредить съ 1-го іюля 1908 года въ городѣ Ярославль учительскій институтъ на основаніи Положенія о таковыхъ институтахъ (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 2252—2308, изд. 1893 г. и по Прод. 1906 г.).

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержание означеннаго (отд. I) института въ 1908 году *тринадцать тысячъ пятьсотъ* рублей, въ 1909 году—*двадцать девять тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ* рублей и, начиная съ 1910 года, отпускать по *тридцать два тысячи сто* рублей ежегодно.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на первоначальное обзаведеніе названнаго (отд. I) института *два тысячи пятьсотъ пятьдесятъ* рублей.

Подписалъ: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 975).

56. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на содержаніе Кавказской Археографической Комиссіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Шкуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на содержаніе Кавказской Археографической Комиссіи.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1908 года, по *восемь тысячъ семьсотъ девяносто* рублей въ годъ на содержаніе и хозяйственные расходы Кавказской Археографической Комиссіи.

Подписалъ: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 989).

57. (6-го іюля 1908 года). *О преобразованіи Тимоновскаго, Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, ремесленную класса въ низшую ремесленную школу.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофт. **„БНТЬ ПО СЕМУ“.**

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о преобразованіи Тимоновскаго, Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, ремесленного класса въ низшую ремесленную школу.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на содержаніе Тимоновской, Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, низшей ремесленной школы, преобразуемой изъ ремесленного класса, *девять тысячъ триста тридцать пять рублей*, а начиная съ 1909 года, отпускать по *четыре тысячи шестисотъ семидесяти рублей* въ годъ, съ возложеніемъ на нижепоименованныя крестьянскія общества Климовичскаго уѣзда обязательства производить пособие казпѣ на содержаніе названной школы: въ 1908 году въ общей суммѣ *семисотъ семидесяти рублей* (въ томъ числѣ отъ общества крестьянъ Тимоновской волости—52 рубля 8 копѣекъ, Хотовижской—89 рублей 4 копѣйки, Надѣйковичской—70 рублей 56 копѣекъ, Загустинской—107 рублей 8 копѣекъ, Шумячской—75 рублей 54 копѣйки, Милославичской—59 рублей 12 копѣекъ, Роднянской—79 рублей 24 копѣйки, Забѣлышинской—60 рублей 92 копѣйки, Костюковичской—88 рублей 42 копѣйки, Бѣлынковичской—44 рубля 29 копѣекъ и Мошевской—43 рубля 74 копѣйки), а начиная съ 1909 года—въ общей суммѣ *одной тысячи пятисотъ сорока рублей* въ годъ (въ томъ числѣ отъ общества крестьянъ Тимоновской волости—104 рубля 16 копѣекъ, Хотовижской—178 рублей 7 копѣекъ, Надѣйковичской—141 рубль 12 копѣекъ, Загустинской—214 рублей 16 копѣекъ, Шумячской—151 рубль 7 копѣекъ, Милославичской—118 рублей 23 копѣйки, Роднянской—158 рублей 47 копѣекъ, Забѣлышинской—121 рубль 81 копѣйка, Костюковичской—176 рублей 83 копѣйки, Бѣлынковичской—88 рублей 58 копѣекъ и Мошевской—87 рублей 48 копѣекъ).

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы въ 1908 году *двадцать пять тысячъ рублей* и 1909 году *восемь тысячъ триста*

девяносто семь рублей девяносто три копейки, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народного просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*
(Тамъ же, ст. 991).

58. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на окончаніе постройки зданія и оборудованіе кожевеннаго завода при Богородскомъ ремесленномъ училищѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВНѢ ПО СЕМУ“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *бироуъ Искуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною ду-
мою законъ объ отпускѣ средствъ на окончаніе постройки зданія
и оборудованіе кожевеннаго завода при Богородскомъ ремеслен-
номъ училищѣ.

I. Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначей-
ства *четырнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ одинъ рубль
шестьдесятъ копѣекъ* на окончаніе постройки зданія и оборудованіе
кожевеннаго завода при Богородскомъ ремесленномъ училищѣ.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ кредита,
ассигнуемаго на строительныя надобности министерства народного
просвѣщенія въ 1908 году.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*
(Тамъ же, ст. 992).

59. (6-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ
на содержаніе низшей ремесленной школы въ селеніи „Пороховые За-
воды“ близъ С.-Петербурга.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВНѢ ПО СЕМУ“.
6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *бироуъ Искуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною ду-
мою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе
низшей ремесленной школы въ селеніи „Пороховые Заводы“
близъ С.-Петербурга.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная

съ 1908 года, по *триста* рублей ежегодно на содержаніе низшей ремесленной школы въ селеніи „Пороховые Заводы“ близъ С.-Петербурга, въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ нынѣ на ту же надобность.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 993).

60. (6-го іюля 1908 года). *Объ открытіи при Карачевской, Херсонской и Благовѣщенской учительскихъ семинаріяхъ четвертыхъ классовъ и объ учрежденіи при названныхъ семинаріяхъ четвертыхъ штатныхъ должностей наставника.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ, 6-го іюля 1908 года. *БЖТЪ ПО СЕМУ*

Скрѣпили государственный секретарь *бироу: Искуль*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ открытіи при Карачевской; Херсонской и Благовѣщенской учительскихъ семинаріяхъ четвертыхъ классовъ и объ учрежденіи при названныхъ семинаріяхъ четвертыхъ штатныхъ должностей наставника.

I. Открыть съ 1-го іюля 1908 года при Карачевской, Херсонской и Благовѣщенской учительскихъ семинаріяхъ четвертые классы и учредить при названныхъ семинаріяхъ съ того же срока четвертыя штатныя должности наставника, на одинаковыхъ съ существующими таковыми же должностями основаніяхъ.

II. На покрытіе расходовъ, вызываемыхъ указанною выше (отд. I) мѣрою, отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *два тысячи четыреста семьдесятъ пять* рублей, въ томъ числѣ на Карачевскую учительскую семинарію 975 рублей (изъ нихъ 750 рублей на содержаніе четвертой штатной должности наставника и 225 рублей на выдачу квартирныхъ денегъ директору семинаріи) и на Херсонскую и Благовѣщенскую учительскія семинаріи по 750 рублей на каждую, а начиная съ 1909 года, отпускать по *четыре тысячи девятисотъ пятидесяти* рублей въ годъ, въ томъ числѣ: на Карачевскую учительскую семинарію по 1.950 рублѣй (изъ нихъ по 1.500 рублей на содержаніе четвертой штатной должности наставника и по 450 рублей на выдачу квартирныхъ денегъ директору семинаріи)

и на Херсонскую и Благовѣщенскую учительскія семинаріи по 1.500 рублей каждой.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 995).

61. (6-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ: 1) на содержаніе мужскихъ гимназій въ Тифлисѣ (Кукахъ) и Армавирѣ и мужской прогимназіи въ Екатеринодарѣ, 2) на содержаніе мужской гимназіи въ Сочи и 3) на образованіе 15 стипендій въ пансіонахъ учебныхъ заведеній Общества Св. Нины для дѣвицъ магометанскаго исповѣданія въ городахъ Тифлисѣ, Баку и Эривани.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ: 1) на содержаніе мужскихъ гимназій въ Тифлисѣ (Кукахъ) и Армавирѣ и мужской прогимназіи въ Екатеринодарѣ, 2) на содержаніе мужской гимназіи въ Сочи и 3) на образованіе 15 стипендій въ пансіонахъ учебныхъ заведеній Общества Св. Нины для дѣвицъ магометанскаго исповѣданія въ городахъ Тифлисѣ, Баку и Эривани.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на содержаніе мужскихъ гимназій въ Армавирѣ и Тифлисѣ (Кукахъ) и мужской прогимназіи въ Екатеринодарѣ по *четыре тысячи рублей* на каждое изъ означенныхъ учебныхъ заведеній; а всего *дванадцать тысячъ рублей*.

II. Отпустить въ 1909 году изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означенныхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ заведеній съ 1-го января по 1-ое іюля 1909 года по *три тысячи рублей* на каждое, а всего *девять тысячъ рублей*.

III. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, на содержаніе мужской прогимназіи въ Сочи по *пяти тысячъ рублей* въ годъ.

IV. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на образованіе пятнадцати стипендій въ пансіонахъ учебныхъ заведеній

Св. Нины въ городахъ Тифлисѣ, Баку и Эривани въ 1908 году *десять тысячъ девяти пятьдесятъ* рублей, а начиная съ 1-го января 1909 года отпускать на ту же надобность въ теченіе девяти лѣтъ, по *четыре тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ.

V. Означенныя въ отдѣлѣ IV стипендіи назначаются, съ разрѣшенія главнаго начальника края, двѣицамъ-мусульманкамъ съ обязательствомъ для тѣхъ изъ нихъ, которыя будутъ пользоваться ими стипендіями въ трехъ старшихъ классахъ (VI, VII и VIII), прослужить, по назначенію попечителя Кавказскаго учебнаго округа, не менѣе трехъ лѣтъ въ должности начальной учительницы.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 996).

62. (6-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а также на организацию курсовъ профессиональныхъ знаний при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и введеніе преподаванія ручнаго труда.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпяль: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а также на организацию курсовъ профессиональныхъ знаний при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и введеніе преподаванія ручнаго труда.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а также на организацию курсовъ профессиональныхъ знаний при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и введеніе преподаванія ручнаго труда—*десять тысячъ* рублей въ дополненіе къ *двѣнадцати тысячамъ* рублей, отпускаемымъ нынѣ на тотъ же предметъ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 994).

63. (6-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе инженерно-механическаго зданія и лабораторій Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *баронъ Шкуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе инженерно-механическаго зданія и лабораторій Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе инженерно-механическаго зданія и находящихся въ немъ лабораторій Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, отпускаемымъ нынѣ на содержаніе этого института, въ 1908 году—*семь тысячъ пятьсотъ рублей*, а начиная съ 1909 года, отпускать по *пятнадцати тысячъ рублей* въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 1002).

64. (6-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на выдачу третного не въ зачетъ жалованья лицамъ, опредѣляемымъ къ учительскимъ должностямъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ: „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюля 1908 года.

Скрѣпить: государственный секретарь *баронъ Шкуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на выдачу третного не въ зачетъ жалованья лицамъ, опредѣляемымъ къ учительскимъ должностямъ.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *сорокъ пять тысячъ рублей* въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ

на выдачу третного не въ зачетъ жалованья лицамъ, опредѣляемымъ къ учительскимъ должностямъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1003).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (9-го февраля 1908 года). *О присвоеніи Ученской земской школы, Старорусскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 9-й день февраля 1908 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Ученской земской школы, Старорусскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Собр. узак. и расп. прик., 1908 г., № 114, ст. 823).

2. (9-го февраля 1908 года). *О присвоеніи двухклассному женскому училищу въ с. Городицъ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 9-й день февраля 1908 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе двухклассному женскому училищу въ селѣ Городицѣ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 824).

3. (2-го апрѣля 1908 года). *Объ утвержденіи рисунковъ форменныхъ знаковъ для фуражекъ и кушаковъ учениковъ Орловской Алексѣевской гимназіи.*

Министръ народнаго просвѣщенія, 31-го мая 1908 года, представилъ въ правительствующій сенатъ, для республикованія, Высочайше утвержденные во 2-й день апрѣля 1908 года, рисунки форменныхъ

знаковъ для фуражекъ и кушаковъ учениковъ Орловской Алексѣевской гимназіи.

(Тамъ же, ст. 825).

IV. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(14-го іюля 1908 года № 50). *Назначается* преподаватель Петергофской Императора Александра II гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Шмидтъ*—ученымъ секретаремъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

Утверждаются, согласно избранію: заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ламе*—директоромъ Варшавскаго ветеринарнаго института, съ 29-го мая; отставной штабъ-капитанъ *Корволюскій-Гриневскій*—почетнымъ попечителемъ Черниговскаго дворянскаго пансіона-пріюта; потомственный почетный гражданинъ *Наставинъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища и купецъ второй гильдіи *Замяткинъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Тотемской учительской семинаріи, всѣ на три года, изъ нихъ Наставинъ съ 1-го мая.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія Нижегородскій губернскій предводитель дворянства, магистръ государственнаго права, коллежскій совѣтникъ *Прущенко*—попечителемъ Рижскаго учебнаго округа.

Увольняются отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ агрономіи, статскій совѣтникъ *Бодиновъ*, съ 1-го ноября 1907 г., на основаніи ст. 776¹ уст. служб. прав. (св. зак., т. III, по прод. 1906 г.), за избраніемъ его въ члены государственной думы; согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ русско-словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Архангельскій*.

(21-го іюля 1908 года, № 52). *Назначаются*: попечитель дѣтскихъ пріютовъ при главномъ комитетѣ для сбора пожертвованій въ пользу пріютовъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, докторъ римскаго права, статскій совѣтникъ *Соколовскій*—попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ дол-

жности; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ гражданскаго права, надворный совѣтникъ *Третицкий* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства.

Утверждаются, согласно избранію: купецъ первой гильдіи *Моховъ* и потомственные почетные граждане: *Каменскій* и *Скачковъ* — почетными попечителями: *Моховъ* — Шадринскаго реальнаго училища, *Каменскій* — Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища и *Скачковъ* — Камышловской четырехклассной прогимназіи, всѣ на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Житомирской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Яцинскій*.

(28-го іюля 1908 года, № 54). *Назначаются*: директоръ Луцкой шестиклассной прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ястремскій* и инспекторъ Золотоношской частной четырехклассной прогимназіи Тутолмина, статскій совѣтникъ *Сергиджанецъ* — директорами: *Ястремскій* — Луцкой гимназіи, а *Сергиджанецъ* — Золотоношской частной шестиклассной прогимназіи Тутолмина, изъ нихъ послѣдній съ 1-го іюля; въ званіи камергера Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-*Дервизъ* и потомственный почетный гражданинъ *Пимоновъ* — вновь почетными попечителями гимназій: фонъ-*Дервизъ* — Рязанской первой, а *Пимоновъ* — Оренбургской, съ 4-го іюня, оба — на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ фонъ-*Дервиза* въ придворномъ званіи.

Утверждается преподаватель, исполняющій обязанности инспектора реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ *Рамматъ* — директоромъ того же училища, согласно избранію.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, директоръ Тульской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Высокій*; согласно прошенію, по болѣзни, дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демантъ*, съ муляромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(2-го августа 1908 года, № 56). *Назначаются*: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ полицейскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Держимскій* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ полицейскаго права; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ славянской филологіи, статскій совѣтникъ *Попруженко* — экстра-

ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ славянской филологіи.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пржевоскій*, за выслугою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; статскіе совѣтники, директора гимназій: Влоццеровской, *Константиновъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ, и Рыбинской, *Михайловъ*, за выслугою срока, оба—съ 1-го августа.

Умершіе исключаются изъ списковъ: директора: частныхъ гимназій и реального училища Гуровича, въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вейбертъ*—съ 3-го іюля, и Глуховской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лазаренко*—съ 13-го іюля.

У. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (14-го іюля 1908 года, № 17083). *О дополнительныхъ экзаменахъ для поступления въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.*

Въ дополненіе къ циркулярному предложенію отъ 22-го марта 1908 г., за № 8261, увѣдомляю ваше превосходительство для подлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, что я разрѣшаю освободить, при сдачѣ дополнительныхъ экзаменовъ для поступления въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ, отъ повторнаго испытанія по латинскому языку тѣхъ лицъ, кои выдержали испытаніе по означенному предмету до изданія циркулярнаго предложенія за № 8261.

2. (14-го іюля 1908 года, № 17084). *О студенческомъ представительствѣ.*

По имѣющимъ въ министерствѣ свѣдѣніямъ, въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до настоящаго времени продолжаетъ существовать институтъ студенческаго представительства. Означенный институтъ, носящій различныя наименованія, какъ-то: факультетскіе старосты, факультетскіе представители и т. п., въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ образуетъ особые совѣты, при чемъ учебное начальство нашло возможнымъ легализовать указанный видъ студенческаго представительства.

Принимая во вниманіе, что Высочайше утвержденными 11-го іюля

1907 г. правилами студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній разрѣшается образовывать организаціи, кои преслѣдуютъ цѣли, не противныя существующимъ узаконеніямъ и правиламъ, а между тѣмъ избраніе студентами факультетскихъ старостъ и представителей дѣйствующими узаконеніями и правилами не предусмотрено, прошу ваше превосходительство предложить начальствамъ высшихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа не допускать впредь дѣятельности названной студенческой организаціи.

3. (14-го іюля 1908 года, № 17085). *Объ условіяхъ опредѣленія на учительскія должности лицъ, окончившихъ курсъ университетовъ.*

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 2-го апрѣля сего года, за № 9926, мною указано было на необходимость отмѣны въ будущемъ дѣйствіи распоряженія министерства отъ 24-го ноября 1889 г., за № 19612, объ освобожденіи лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ, при опредѣленіи на учительскія должности въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, отъ испытанія на званіе учителя гимназіи и о сохраненіи сего порядка лишь впредь до отмѣны упомянутаго распоряженія министерства.

Но изъ поступающихъ нынѣ въ министерство учебныхъ плановъ различныхъ университетовъ усматривается, что нѣкоторые университеты, вводя, такъ называемую, предметную систему преподаванія и экзаменовъ, допустили такое дробленіе факультетскихъ предметовъ по специальности, при которомъ оканчивающіе курсъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ не могутъ получить настолько полнаго научнаго образованія, чтобы занимать должности преподавателей гимназій или реальныхъ училищъ по соответствующимъ разрядамъ наукъ. Въ виду сего считаю нужнымъ указать вашему превосходительству, что на учительскія должности въ среднія учебныя заведенія могутъ быть опредѣляемы вами лишь такія лица изъ окончившихъ курсъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, которые представляютъ дипломы, свидѣтельствующіе о прохожденіи ими курса и выдержаніи испытаній по всемъ тѣмъ предметамъ, которые требуются соответствующими программами испытательныхъ комиссій, установленными въ 1896 году.

Объ этомъ прошу поставить въ извѣстность также начальство ввѣреннаго Вамъ университета.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Допустить слѣдующія книги:

въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

- „*Коноплевъ, Николай.* Священная исторія ветхаго завета. Вологда. 1905. Стр. 155+V. Цѣна 55 коп.“
- „*Коноплевъ, Николай.* Священная исторія новаго завета. Вологда. 1905. Стр. 123+V. Цѣна 55 коп.“

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

- „*Вихтеревъ, В. II.* Русскій букварь для обученія письму и русскому чтенію (для инородцевъ). М. 1908. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ инородческихъ училищъ).
- „*Острогорскій, А. Я.* Русское правописаніе. Вып. I. Статьи для списыванія. С.-Пб. 1908. Стр. 110. Цѣна 15 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).
- „*Позднѣвъ, А.* Калмыцкая хрестоматія. Изд. 2-о, испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр. IV+195. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для калмыцкихъ народныхъ школъ).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— *Четыркинъ, Ѡ.* Опытъ плана и программы по естественной исторіи, въ основу которыхъ положенъ биологическій методъ. С.-Пб. 1908. Стр. 33. (для городскихъ училищъ).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— *Струтинскій, П.* „Христіанинъ есмь“. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 160. Цѣна 50 коп.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— *Калестинцовъ, Н.* Великій старецъ. Очеркъ жизни преи. Пила Сорскаго. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 200. Цѣна 50 коп.

— *Сенкевичъ, Генрикъ.* Крестоносцы. Историческій романъ. Переводъ съ польскаго *Е. и И. Лептискиныхъ.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 324. Цѣна 1 р.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВЪ РОССИИ.

I. Вѣдомости времени Петра Великаго.

1.

Начало нашего первого печатнаго періодическаго органа давно занимало изслѣдователей и по этому вопросу не мало было высказано догадокъ и предположеній. Однако онѣ всѣ были далеко неудовлетворительными. Только недавно окончательно и достовѣрно удалось опредѣлить день выхода въ свѣтъ перваго номера русской газеты. Этотъ знаменательный день является *2-ымъ января 1703 года*.

Намъ трудно теперь, когда газета читается всякимъ мало мальски грамотнымъ, представить то время, когда не было ни газетъ, ни журналовъ, ни телеграфа и телефона. Трудно представить, какъ люди жили, какъ они узнавали хотя бы о выдающихся событіяхъ своей родины и за ся предѣлами. Поэтому невольно обращаешься ко времени до появленія петровской газеты и ищешь тамъ, нѣтъ-ли чего похожаго на газету и въ то время. И вотъ въ такихъ поискахъ мы какъ будто наталкиваемся на слѣдъ, по которому прошли „Вѣдомости времени Петра“; въ „курантахъ“ мы хотимъ видѣть ихъ предшественниковъ. Нечего говорить, что одного желанія еще мало; надо посмотрѣть, можемъ ли мы въ нихъ видѣть хотя бы намекъ на газету. Если у насъ мало изслѣдована исторія первой русской газеты—а въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, желающій познакомиться поближе съ „Вѣдомостями времени Петра“, то еще меньше мы имѣемъ данныхъ по исторіи и значенію „курантовъ“. Появившійся второй выпускъ „Вѣдомостей“ въ изданіи Синодальной типографіи въ этомъ отношеніи приподнимаетъ завѣсу и даетъ достаточный матеріалъ. Посмотримъ, что

же мы можемъ оттуда почерпнуть и къ какому результату приведемъ изслѣдованіе этого матеріала?

Редакторъ второго выпуска приходитъ къ тому заключенію, что „куранты“ были несомнѣнно русской рукописной газетой и прототипомъ для печатной. Куранты онъ называетъ не иначе, какъ „газетой“. „Хранящіяся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ—говоритъ онъ—рукописныя русскія газеты начинаются съ 1621 года. Итакъ этотъ годъ можно считать началомъ русскихъ газетъ, хотя и послѣ него есть пробѣлы“¹⁾.

Такъ ли это? Можно ли согласиться съ этимъ выводомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, нужно выяснитъ, что такое газета? Какимъ требованіямъ она должна отвѣчать и каковы ея характерныя черты, отличающія ее отъ частнаго, напримѣръ, письма, отъ официального приказа, наконецъ, отъ протокола какого-либо засѣданія. Не претендуя на полноту отвѣтовъ, мы должны прежде всего сказать объ аудиторіи, для которой предназначается тотъ или иной печатный трудъ—о его читателѣ. Несомнѣнно, что существованіе газеты обуславливается прежде всего читателемъ. Онъ можетъ быть многочисленный или нѣтъ, газета можетъ быть рассчитана на „широкую публику“ или специалистовъ (напримѣръ, экономическая газета, военная и т. п.), но безъ читателя она не мыслима. Подъ читателемъ надо понимать непремѣнно *безличную публику*, хотя бы это и были извѣстные по именамъ подписчики. Безличность ея заключается въ томъ, что подписчики не были извѣстны первоначально, а также въ томъ, что къ нимъ можетъ присоединиться во всякую минуту каждый пожелавшій, и ему никто не можетъ въ этомъ воспрепятствовать. Въ этомъ вся разница газеты отъ частнаго письма. Послѣднее тоже можетъ представлять собою газету, въ отдѣльномъ ли оттискѣ или какъ часть номера, т. е. частное письмо тоже можетъ быть достояніемъ безличной публики; но разница въ томъ, что частное письмо можетъ появиться на свѣтъ лишь съ согласія автора или адресата, газета же предназначается уже непремѣнно для читателя, въ то время какъ письмо адресуется только извѣстному лицу.

Нельзя сравнить газету и съ официальнымъ документомъ, приказомъ, манифестомъ и проч.; послѣдній тоже предназначается для безличнаго читателя, но онъ публикуется или какъ обязательное руководство, или какъ непремѣнное для всѣхъ свѣдѣніе, незнаніемъ котораго въ случаѣ нарушенія нельзя отговариваться; газета же преподносится читателю

¹⁾ Вид. ир. Петра. Вып. второй. Изд. Синод. тип. 1906 г., 11--12 стр.

единственно для его любопытства, для его добровольнаго желанія узнать, что дѣлается на „бѣломъ свѣтѣ“. Если въ настоящее время чтеніе газетъ и освѣдомленность считается для извѣстной части народа обязательной, то это лишь вызвано посторонними причинами, а не самой газетой, какъ знаніе, напримѣръ, указа обязательно съ его появленія. Мы уже не говоримъ о такихъ обязательныхъ для нашего времени признакахъ газеты, какъ ея періодичность и другіе.

Вотъ почему, категорически отрицая возможность видѣть въ частныхъ, хотя бы и обширныхъ и крайне интересныхъ письмахъ начало прототипа нашей первой газеты, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію той позиціи, которую „куранты“ занимали къ поднятымъ вопросамъ.

Для кого составлялись куранты? Кто былъ ихъ читателемъ? На эти вопросы отвѣтить намъ очень легко, такъ какъ мы имѣемъ достаточно матеріала на страницахъ самихъ же „курантовъ“. (Обыкновенно на нихъ отмѣчалось, что „государю чтено“, или „государю чтено и боярамъ“, или „1677 г. сентября въ 1 великому государю чтено въ комнатѣ, а болре слушали въ передней“; „1677 года сентября въ 9 великому государю чтено въ комнатѣ, при комнатныхъ боярахъ, челъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ“. Эти записи такъ краснорѣчивы, что совершенно не допускаютъ разногласій. „Куранты“ предназначались лишь для царя. (Онъ же въ силу того, что внутреннее управленіе Россіи и внѣшнія сношенія съ сосѣдними государствами не могли происходить единоличными силами царя, а лишь при содѣйствіи различныхъ приближенныхъ къ нему сановниковъ (тогдашнихъ бояръ), принужденъ былъ почти всегда приглашать къ такому чтенію и ихъ, чтобы и они были освѣдомлены и поступали соотвѣтственно требованіямъ жизни и сообразно происходившимъ событіямъ. Главная же суть въ томъ, что *царь былъ воленъ приглашать бояръ или не приглашать къ чтенію курантовъ. Отъ воли бояръ не зависѣло всегда присутствовать на чтеніи „курантовъ“. На одно такое чтеніе царь звалъ однихъ бояръ, а на второе они могли и не получить приглашенія. Все зависѣло отъ желанія и воли царя. И въ приведенныхъ надписяхъ мы видимъ это различіе. Одинъ разъ присутствуютъ лишь „комнатные бояре“, а другой разъ бояре безъ указанія, какіе именно. Очень часто случалось, что царь слушалъ „куранты“ и безъ бояръ.*

Кругъ читателей „курантовъ“ не распространялся дальше царя и его приближенныхъ, даже мѣсто чтенія ихъ *не выходило за предѣлы дворца*. На то, что „куранты“ появлялись въ народѣ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, напротивъ, мѣры, которыя принимались для ихъ

охраны отъ гласности, указываютъ, что они не попадали ни въ коемъ случаѣ въ народъ. Кильбергеръ, бывшій въ Москвѣ со шведскимъ посольствомъ въ 1674 году, говоритъ, что „по приходѣ почты пакеты посылаются тотчасъ въ замокъ (кремль), въ посольскій приказъ и тамъ распечатываются для того, чтобы ни одинъ частный человекъ не узналъ прежде двора того, что происходитъ внутри государства и за границею, а болѣе всего для того, чтобы каждый остерегался писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное; съ почтой приходятъ и другія, какъ печатныя, такъ и письменныя вѣдомости... онѣ всегда переводятся на русскій языкъ и читаются царю“. Такъ куранты охранялись отъ гласности; и когда однажды въ посольскомъ приказѣ пропали рукописи такихъ курантовъ, поднялся страшный переполохъ.

Все это вѣсть взятое достаточно убѣждаетъ, что на куранты смотрѣли, какъ на государственную тайну, на дѣло государя, какъ на государственные акты, т. е. куранты не удовлетворяютъ главному условію, чтобы назваться газетою—у нихъ не было гласности, они предназначались опредѣленному, конкретному лицу—царю, а не безличной публикѣ.

Къ тому же выводу насъ приводятъ источники и содержаніе курантовъ. Источникомъ курантовъ являются главнѣйшимъ образомъ иностранныя газеты. Сначала эти газеты получаютъ очень неаккуратно и даже прямо случайно: то какой-нибудь повгородскій купецъ привезетъ съ собою нѣсколько номеровъ, то польскій или нашъ посоль пришлетъ изъ-за границы, то иностранецъ-путешественникъ случайно завезетъ—все это охотно принималось и дорого оплачивалось, такъ какъ дворъ и правительство прямо нуждались въ свѣдѣніяхъ объ иностранной жизни. Кромѣ газетъ, источникомъ для курантовъ служили различныя устныя и письменныя „вѣсти“, доходившія или случайно, или отъ специально посланныхъ людей „провѣдывать о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ“, вообще обо всемъ, „что нынѣ въ нѣмецкихъ государствахъ дѣлается“. О существованіи такихъ провѣдывателей у насъ сохранились довольно опредѣленныя свѣдѣнія. Но всѣ эти свѣдѣнія и газеты были очень случайны, а близость и общность съ западомъ чувствовалась все болѣе и болѣе. Правительство озаботилось о постоянной доставкѣ свѣдѣній. Съ этой цѣлью было заключено въ 1665 году условіе со Сведеномъ, чтобы онъ привозилъ изъ всѣхъ „земель всякія вѣсти по времени, что въ тѣхъ царствахъ и городахъ дѣется воинскихъ и торговыхъ и иныхъ

всякихъ дѣлъ“. Въ 1667 году любецкій купецъ старается получить такую же миссію, прося за нее 3—4 тысячи офимковъ, такъ какъ „нѣ-который князь въ нѣмецкой землѣ, который далеко къ его царскому Величеству не примѣненъ, на годъ отъ него за такія посылки и вѣсти исходитъ по 2.000 и по 3.000 офимковъ“, а главное потому, что „въ томъ дѣлѣ (доставкѣ свѣдѣній) *немалое надлежитъ ево царскому Величеству и великимъ думнымъ ево* черезъ такіе вѣдомые пересылки“.

Такова цѣль огромныхъ затратъ и заботъ о полученіи газетъ и свѣдѣній для „курантовъ“; въ нихъ „надлежитъ“ „немалая нужда“ по управленію Россіей и въ сношеніяхъ съ иностранными государствами „*ево царскому Величеству и великимъ думнымъ ево*“. Отсюда опредѣляется и содержаніе „курантовъ“. Царю дѣлаются выдержки изъ всего доставляемаго матеріала и прежде всего съ новостями дипломатическаго и политическаго характера: смерть короля, рожденіе наследника престола въ какомъ-либо государствѣ, смѣна правительства, перомѣна правленія, войны или мирныя договоры и переговоры, побѣды и пораженія. Встрѣчаются часто и упоминанія о нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ жизни природы—сильныя грозы, ураганы, затменія, наводненія, землетрясенія, голодъ, болѣзни и т. п. Эта часть курантовъ была отнюдь не для празднаго любопытства; она въ глазахъ тогдашняго читателя была очень важной. Суевѣрный и трусливый читатель боялся появленія какой-либо кометы или звѣзды. Стоило ей только появиться, какъ онъ уже гадалъ и придумывалъ, что это означаетъ, что предвѣщаетъ. Появленіе голода въ странѣ или наводненіе толковалось, какъ Божеское наказаніе за грѣхи народа, и сейчасъ же придумывалось, какіе могутъ быть грѣхи за нимъ и т. д. Словомъ эта часть была, пожалуй, для правительства въ равной мѣрѣ важной, какъ и часть политическая.

Въ курантахъ мы находимъ описаніе русскихъ событій. Можетъ показаться, что эти извѣстія брались изъ иностранныхъ газетъ единственно для любопытства. Однако такое мнѣніе было бы очень ошибочно. Какъ въ курантахъ, такъ и въ настоящихъ газетахъ XVIII вѣка, мы много находимъ выдержекъ изъ иностранныхъ газетъ о Россіи, и онѣ брались для того, чтобы царь могъ знать, какъ думаютъ о насъ за границей, что говорятъ о немъ, о его правленіи, о Россіи. Уже въ то время наши цари и наше правительство сильно начало прислушиваться къ голосу и мнѣнію Запада. Такимъ образомъ и со стороны содержанія куранты разнятся отъ газеты, а главное они отличаются цѣлью, съ какой это содержаніе сообщалось—оно должно быть руко-

водствомъ въ государственной дѣятельности правительства, оно должно руководить дипломатическими сношеніями, торговыми договорами и условіями. Именно этими государственными требованіями вызваны куранты къ жизни. Такой характеръ и такое же значеніе они сохранили до появленія первой русской газеты.

Если мы возьмемъ внѣшнюю сторону курантовъ, т. е. ихъ составленіе, то увидимъ, что все, что относится къ нимъ — всѣ челобитныя, всѣ справки, всѣ допросныя рѣчи, всѣ договоры — все это направлялось и адресовалось на имя царя, рѣже — въ посольскій приказъ или приказъ тайныхъ дѣлъ.

Съ появленіемъ правильныхъ посольскихъ миссій при иностранныхъ дворахъ, куранты были замѣнены донесеніями пословъ, а отчасти и „Вѣдомостями времени Петра“; послѣднимъ не мѣшало исполнять это назначеніе, оставаясь первой русской газетой въ полномъ смыслѣ этого слова. Этого факта не могутъ поколебать ни появившіеся въ частныхъ спискахъ отрывки изъ курантовъ, ни единство въ составленіи курантовъ и вѣдомостей ¹⁾, ни исторія газетъ на западѣ.

Вѣдь отрывки изъ курантовъ могли попасть въ частные списки по болтливости приближеннаго боярина, который разболталъ какую-нибудь новость, сообщенную ему изъ курантовъ во дворцѣ; онъ даже могъ самъ записать услышанное лично для себя, чтобы не забыть; наконецъ, частный списокъ могъ только совпадать съ извѣстіемъ въ курантахъ, а попасть туда изъ иностранныхъ же газетъ, которыя получались иностранцами или завозились купцами и путешественниками и попадали въ частныя руки ²⁾. Что касается процесса составленія „Вѣдомостей“ и курантовъ, которое находилось въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, такъ это еще нисколько не можетъ ихъ отождествить: изъ-подъ одного и того же пера можетъ выходить и номеръ газеты, и секретное частное письмо.

Ко всему сказанному надо добавить, что куранты составлялись въ одномъ экземплярѣ. Какимъ образомъ эту официальную бумагу можно считать газетой, печатающейся и расходящейся во множествѣ, — мы положительно не понимаемъ. Очевидно, это можно сдѣлать лишь подъ вліяніемъ нашего непониманія, какъ жили люди безъ газетъ, и въ силу желанія во всемъ видѣть ихъ подобіе.

¹⁾ Куранты и Вѣдомости времени Петра первое время составлялись въ посольскомъ приказѣ.

²⁾ На это у насъ есть прямые доказательства.

Исторія газеты на западѣ также едва ли можетъ насъ смущать, такъ какъ жизнь въ Россіи далеко не шла тѣмъ путемъ, какимъ она течетъ на западѣ; очень многое она брала уже прямо въ готовомъ видѣ. Частныя письма, отъ которыхъ беретъ свое начало газета на западѣ, у насъ не могли играть такой роли, какъ за границей; у насъ не была развита такъ сильно частная переписка, какъ тамъ. У насъ слишкомъ мало умѣли налагать свои мысли, да въ большинствѣ случаевъ и побивались это дѣлать. При томъ сыскѣ, который царилъ и раньше, при существованіи почти всегда „слова и дѣла“ у насъ трудно было развиться политической перепискѣ; при томъ и грамотныхъ было крайне мало. Когда же мало-мальски научились писать, то не умѣли излагать своихъ мыслей. Припомнимъ хотя бы знаменитую книжку „Приклады“, расходившуюся въ большомъ количествѣ, и мы поймемъ все ничтожное значеніе частной переписки у насъ.

И мы остановились на курантахъ не потому, что мы желали бы въ нихъ видѣть предшественниковъ первой печатной газеты, а потому, что у нѣкоторыхъ есть тенденція выдать ихъ за газету, и въ силу этого мы не могли обойти этого вопроса молчаніемъ: но, какъ оказывается, этому желанію куранты не могутъ удовлетворить, и первоисточникъ „Вѣдомостей времени Петра“ надо искать среди заграничной периодической печати. Какъ и многое другое, образецъ для газеты мы взяли прямо готовымъ съ Запада. До своего появленія 2-го января 1703 года газета не имѣла себѣ предшественника и, вступивъ на русскую почву уже въ сформировавшемся видѣ, она здѣсь продолжала на протяжении тяжелой 200-лѣтней жизни дальнѣйшую эволюцію, далеко еще не закончившуюся.

2.

Появленіемъ первой русской газеты мы обязаны исключительно Петру Первому.

Сознавая всю трудность и громадность своего плана преобразованія Россіи и желая возможно шире распространить среди русскихъ сознание необходимости реформъ и познакомить ихъ съ жизнью Запада, откуда черпались всѣ реформы и на который смотрѣли, какъ на царство дьявола и безбожія, Петръ внесъ печатную газету и въ русскую жизнь. Еще задолго до ея появленія Петръ самъ лично убѣдился въ силѣ печати и старался деньгами привлечь иностранныя газеты на свою сторону. Тѣмъ болѣе онъ нуждался въ такомъ орудіи внутри государства для привлеченія народнаго мнѣнія, которое далеко не

было на сторонѣ Петра, чтобы не сказать, что оно было прямо враждебно Петру.

16-го декабря 1702 года былъ изданъ указъ: „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестнаго государства людямъ, печатать куранты, а для напечатанія тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впередъ будутъ, присылать изъ тѣхъ же приказовъ въ монастырскій приказъ, безъ молчанія и изъ монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ“.

Этимъ указомъ было положено начало нашей періодической печати, а непосредственнымъ слѣдствіемъ его является—„журналъ или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Потебурха сентября 26 числа въ томъ 1702 году чпилось“; онъ вышелъ 27-го декабря 1702 года. Тогда же было составлено нѣсколько пробныхъ номеровъ „Вѣдомостей“, которыя, впрочемъ, не вышли въ свѣтъ, а лишь частями вошли въ номеръ 1703 года. Въ этихъ рукописныхъ пробныхъ номерахъ разрѣшился послѣдній споръ о началѣ „Вѣдомостей“. Дѣло въ томъ, что въ одномъ изъ номеровъ 1703 года говорится, что въ прежнемъ (не указано, въ какомъ именно) номерѣ было приведено извѣстіе объ открытіи въ Сибири желѣза. Между тѣмъ въ номерахъ 1703 года этого извѣстія не находимъ. Опираясь на это, академикъ Гамель предполагаетъ, что, слѣдовательно, „Вѣдомости издавались и въ 1702 году, а можетъ быть и раньше“. Теперь же ясно, что такое извѣстіе существуетъ въ пробномъ номерѣ, *первый же печатный номеръ нашей газеты вышелъ 2-ю января 1703 года.*

Слѣдующій документъ, имѣющій большой интересъ въ исторіи нашей газеты, совершенно уничтожаетъ всякія дальнѣйшія недоразумѣнія о началѣ нашей періодической печати.

Вслѣдъ за указомъ 16-го декабря въ московскую типографію былъ присланъ указъ: „1702 года декабря въ 15 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ по имянному своему великаго Государя указу: Куранты, по нашему „Вѣдомости“, которые присылаются изъ разныхъ государствъ и городовъ въ Государственный Посольскій и въ иные приказы, изъ тѣхъ приказовъ присылать тѣ вѣдомости въ приказъ книгъ печатнаго дѣла, а какъ тѣ вѣдомости присланы будутъ и еще на печатномъ дворѣ початать и тѣ печатныя вѣдомости, что останется за подносомъ—продавать въ міръ по надлежащей цѣнѣ. Дьякъ Матвѣй Власовъ Великаго Государя указъ ска-

заль и въ книгу приказовъ записалъ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ" 1).

Пробные номера имѣютъ заголовокъ: „Вѣдомости Московскаго государства“; послѣ онъ встрѣчается тамъ, гдѣ внутреннія извѣстія занимаютъ весь номеръ газеты или преобладаютъ надъ иностранными. Но уже первый номеръ вышелъ подъ простымъ названіемъ „Вѣдомости“; это измѣненіе несомнѣнно произошло отъ того, что въ первомъ же номерѣ, хотя и въ концѣ, помѣщены иностранныя извѣстія.

Заголовокъ „Вѣдомости“ сохранился довольно долго; лишь когда номеръ состоялъ изъ однихъ русскихъ извѣстій, то названіе измѣнялось на „Вѣдомости Московскія“ или „Вѣдомость Московская“. Иногда „Вѣдомости“ имѣютъ совсѣмъ особое названіе, припоровленное къ событію, въ нихъ оновѣщаемому; напримѣръ № 31 за 1705 годъ носить названіе „Подлинное доношеніе“; другіе—„Вѣдомость о литовской осадѣ“ или „Вѣдомость о Боушской осадѣ“ или „Реляція“; въ концѣ существованія „Вѣдомостей“ находимъ названіе „Россійскія Вѣдомости“, или „эссенція изъ французскихъ печатныхъ газетовъ“, „квинтэссенція изъ Лейденскихъ газетовъ“; но бывали случаи, что Вѣдомости выходили совсѣмъ безъ заглавія. Настоящій, такъ сказать, ихъ титулъ слѣдующій: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“ 2).

Паданіе „Вѣдомостей“ началось въ Москвѣ и продолжалось здѣсь до 1711 года. Въ 1710 году царь счелъ необходимымъ устроить типографію и въ Петербургѣ. Ему необходимо было имѣть у себя подъ рукою орудія издательской дѣятельности, такъ сильно занимавшей вниманіе Петра. Онъ пишетъ Мусину-Пушкину отъ 29-го октября: „Станокъ друкарный съ новыми литерами извольте сюда прислать по первому зимнему пути со всѣмъ, что къ нему принадлежитъ также и людьми“ 3). Согласно этому приказу въ 1711 году изъ Московской типографіи были отправлены въ Петербургъ 4 наборщика, 2 тередорщика, 2 батырщика и съ ними одинъ станокъ съ гражданскими буквами, да гравировальный станокъ съ мастерами и печатниками 4).

Тотчасъ по открытіи типографіи въ Петербургѣ, туда же были переведены и „Вѣдомости“. 11-го мая 1711 года уже вышелъ первый

1) Вѣдомости времени Петра, выш. II, стр. 61.

2) Здѣсь же приписывалось мѣсто и время паданія номера.

3) *Лекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Велик., т. II, стр. 656.*

4) Тамъ же.

номеръ ихъ въ Петербургѣ. Однако еще нѣсколько лѣтъ большее количество ихъ выходило въ Москвѣ. Лишь съ 1714 года количество номеровъ петербургскихъ стало превышать московскіе. Съ этого года газета выходитъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ, и лишь нѣкоторые номера перепечатывались въ Москвѣ. Мы можемъ съ точностью указать мѣсто изданія относительно почти всѣхъ номеровъ, такъ какъ оно стояло на каждомъ номерѣ; кромѣ того мы еще имѣемъ письма кабинетъ-секретаря Макарова къ директору С.-Петербургской типографіи Аврамову. Въ одномъ изъ такихъ писемъ Макаровъ пишетъ: „Посылаю Вамъ ресстръ, который велите напечатать для вѣденія въ народъ, также извольте также же вѣдомости і въ Москвѣ на печатный дворъ посылать чтобъ і тамъ печатали, о чемъ я къ вамъ і на прошлой почте писалъ. Слуга вашъ А. Макаровъ августа въ 7 день 1719 года“ ¹⁾.

Но перепечатываніе номеровъ въ Москвѣ происходило далеко по всегда. Перепечатывались номера, наиболѣе казавшіеся интересными и важными; большею частью это дѣлалось съ „реляціями“, такъ какъ ихъ содержаніе было важно сообщить въ обѣихъ столицахъ. Встрѣчаются номера, которые выходили или только въ Петербургѣ, или только въ Москвѣ безъ перепечатокъ. Въ 1722 и 1723 гг. „Вѣдомости“ переведены опять въ Москву и выходили только тамъ.

„Вѣдомости“ печатались на восьмушкѣ почти безъ полей мелкимъ церковнымъ шрифтомъ, „какое печатаніе,—говорится въ одномъ документѣ,—«Вѣдомостей и журналовъ» производилось по 1708 годъ церковнымъ шрифтомъ“, такъ какъ, прибавимъ, другого шрифта въ то время не было. Лишь въ 1708 году Петръ указалъ напечатать „новопозобретенными амстердамскими литерами разнаго знанія гражданскія книги“.

Этотъ новый гражданскій шрифтъ привезенъ изъ Амстердама въ 1707 году словолитцемъ Антономъ Демей, который, кромѣ шрифта, привезъ съ собою „лушоны, матрицы и формы, да два стана на ходу со всякимъ управленіемъ“. И уже 14-го января 1708 года было приступлено къ напечатанію книгъ новымъ шрифтомъ. Первый же номеръ газеты, напечатанный гражданскимъ шрифтомъ, вышелъ 1-го февраля 1710 года, т. е. 2-ой № этого года. Церковный шрифтъ съ этого времени встрѣчается лишь въ реляціяхъ: соответственно ихъ важ-

¹⁾ В. Лопорьковъ. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 г., стр. 43. Орфографія почти вездѣ сохранена подлинника.

ности и обстановка выбиралась подходящая. Удержаніе газетой церковнаго прифта на протяжении двухъ лѣтъ надо объяснять тѣмъ, что типографіи наши въ то время располагали весьма скудными средствами печатнаго дѣла; а между тѣмъ Петръ неустанно занимается огромнымъ по тому времени издательствомъ; волей неволей, а приходилось употреблять и для Вѣдомостей старый церковный прифтъ.

Листы „Вѣдомостей“ нумеровались лишь тѣ, которые заключали въ себѣ болѣе двухъ, т. е. болѣе 4-хъ страницъ; самые выпуски нумеруются только съ 1705 года, и цифра эта помѣщается въ концѣ текста первой страницы.

Кто составлялъ „Вѣдомости“ и откуда брался для нихъ матеріалъ? Это весьма интересные, но трудно поддающіеся рѣшенію вопросы. Однако мы попытаемся хотя нѣсколько разобрать тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ архивахъ и на самихъ (рукописныхъ корректурахъ или оригиналахъ) „Вѣдомостяхъ“.

Изданіе „Вѣдомостей времени Петра“ находилось въ зависимости отъ нѣсколькихъ учреждений; это вытекало изъ самаго указа 16-го декабря. Въ немъ говорится:.. „вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ“, другими словами монастырскій приказъ играетъ пассивную роль, въ то время какъ отъ воли другихъ приказовъ и учреждений зависитъ, присылать свѣдѣнія для газеты или нѣтъ. Монастырскій приказъ былъ лишь центральнымъ мѣстомъ; но пожелаи другіе приказы давать извѣстій, и Вѣдомости прекратятъ свое существованіе, что и случилось въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ ниже.

Указъ 16-го декабря исполнялся приказами довольно неохотно. Мы очень рѣдко можемъ встрѣтить какое-нибудь извѣстіе, присланное для напечатанія въ Вѣдомостяхъ. Очевидно, приказы не считали свою дѣятельность достойной интереса русскихъ или же предпочитали молчаливую и безгласную отписку входящихъ и исходящихъ бумагъ.

Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ посольскій приказъ и позже коллегія иностранныхъ дѣлъ. Ея дѣятельность для первой газеты такова, что едва-ли бы Вѣдомости могли существовать, если бы не эта дѣятельность. Рѣдкій номеръ выходилъ безъ матеріала, доставленнаго посольскимъ приказомъ, и масса номеровъ содержитъ лишь этотъ матеріалъ. Такимъ образомъ главный матеріалъ первой русской газеты составляютъ иностранныя извѣстія. Послѣднія выбирались изъ иностранныхъ газетъ, во множествѣ получавшихся въ посольскомъ приказѣ,

и переводились для газеты. Заслуга передъ нашей печатью этого приказа огромная. И переводчикъ впоследствии вполне вѣрно опредѣлилъ его дѣятельность. Жалуясь на молчаніе другихъ коллегій, онъ пишетъ: „Указано вѣдомости изъ всѣхъ коллегій, а не изъ одной нашей, которая *трудолюбивая* и *милостивая* пожелала Вамъ вѣдомостями служить за всѣ канцеляріи же“¹⁾. Эти слова, повторяемъ, вполне точно опредѣляютъ положеніе вещей и заслугу коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ то время какъ другія предпочитали молчать, она неустанно доставляла матеріалъ для газеты.

Однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Вѣдомостей былъ Петръ Великій. Его гениальность и неутомимость позволяли постоянно слѣдить за газетой и самому принимать въ ней участіе. Въ синодальной библіотекѣ есть не одинъ номеръ съ корректурой самого Петра; онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы прислать какое-нибудь извѣстіе для газеты въ видѣ-ли донесенія военачальника о побѣдѣ надъ неприятелемъ, въ видѣ-ли сообщенія культурнаго характера.

Для русской повременной печати прямо знаменательны такія, напримеръ, надписи на листахъ первой газеты: „изъ кабинета Его Императорскаго Величества въ Санктпетербургскую типографію для напечатанія въ газеты сямъ сообщаетца“, или—„сей переводъ присланъ отъ великаго государя за его царскимъ правленіемъ“. Кроме того, въ Вѣдомости вошло не мало собственноручныхъ писемъ Петра; такъ напримеръ, номеръ шестой за 1708 годъ состоитъ исключительно изъ его писемъ, заключая въ себѣ цѣлыхъ три. Многія письма вошли въ основаніе русскихъ извѣстій или статей.

Такими же добровольными сотрудниками Вѣдомостей были и нѣкоторые изъ сподвижниковъ Петра. Обыкновенно всѣ реляціи, донесенія объ успѣхѣ нашего оружія составлялись непосредственно начальствующими лицами и присылались для напечатанія прямо изъ похода. Въ доказательство сказаннаго мы приведемъ письмо Головкина къ Мусину-Пушкину.

„Мой государь, Иванъ Алексѣевичъ—писалъ онъ. На прошедшей почтѣ съ Кирѣвскимъ послалъ я къ милости Вашей реляцію, какова здѣсь сочинена о бывшемъ воинскомъ походѣ, о бою съ турки и о постановленіи мира... а понеже потомъ господинъ генераль Ренъ прислалъ реляцію о взятіи того города со обстоятельствами, того ради оную я при семъ къ милости Вашей посылаю и когда будете тѣ ре-

¹⁾ *Полнотомъ*. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей.

ляціи печатать, то прежнюю о Браилѣ отмѣнить, вмѣсто той печатать приказать. Слуга Головкинъ. Изъ обозу отъ Могилева 1708 г.“

Къ той же категоріи сотрудниковъ надо причислить и русскихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ, донесенія которыхъ нерѣдко попадали на страницы Вѣдомостей. Донесенія ихъ касаются, впрочемъ, не только русскихъ дѣлъ, но и событій въ другихъ государствахъ, которыми въ извѣстное время особенно интересовался Петръ или которыя такъ или иначе затрагивали интересы Россіи. Изъ западныхъ государствъ такими во время Петра были Польша, Швеція и Данія, изъ южныхъ—Турція. О жизни этихъ странъ болѣе всего встрѣчается донесеній нашихъ пословъ, которыя напечатаны въ Вѣдомостяхъ.

Однако этими добровольными сотрудниками газета существовать не могла. Ощущался, и очень сильно, недостатокъ въ правильной организаціи.

Молчаніе приказовъ и коллегій обратило, наконецъ, вниманіе директора петербургской типографіи Аврамова, и онъ 15-го іюля 1719 года дѣлаеть запросъ Макарову: „раболѣпно прошу, изволь ко мнѣ, мой государь, отписать: однѣ-ли печатать чужестранныя вѣдомости, которыя изъ курантовъ и присылаются изъ посольской канцеляріи или сообщать со оными и о своихъ публичныхъ дѣлахъ и о строеніяхъ, которыхъ здѣсь довольно. И ежели позволить (царь?), то позвольте отписать до Графа Ивана Алексѣевича, чтобы въ сенатъ и въ коллегіи о томъ отъ себя писали, дабы о публичныхъ дѣлахъ въ типографіи пріобщали, понеже по словеснымъ моимъ запросамъ ничего не успѣю“¹⁾.

Въ планы Петра никакъ не могло входить уничтоженіе русскаго отдѣла въ его газетѣ, и, очевидно, чувствуя свое безсиліе противъ поведенія коллегій, онъ приказываетъ опредѣлять извѣстное лицо для собиранія свѣдѣній и завѣдыванія этимъ отдѣломъ. Изъ той же коллегіи иностранныхъ дѣлъ 11-го апрѣля 1720 года былъ назначенъ для этого переводчикъ Яковъ Синявичъ. „Понеже его ц-ое в-во указалъ въ типографію давать вѣдомости публичныя, говорится въ указѣ отъ этого числа, такожъ и къ министрамъ о всѣмъ давать здѣшнемъ, то къ тому опредѣляется переводчикъ Яковъ Синявичъ, который тѣ вѣдомости, по данному ему образцу, сочинять и въ посылку къ министрамъ и въ отдѣленіе потребнаго въ печать исправлять и стараніе въ томъ предлагать имѣеть. И когда изготovitъ показывать совѣтни-

¹⁾ Пекарскій, т. II, стр. 459.

камъ и стараться ему провѣдывать о такихъ публичныхъ вѣдомостяхъ¹⁾).

Итакъ, лишь въ 1719 году, т. е. послѣ 17—18 лѣтняго изданія газеты, убѣдились въ бездѣйствіи коллегій и въ необходимости поставить дѣло на другихъ началахъ: не рассчитывать на добровольную присылку свѣдѣній, а имѣть своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сотрудничество Якова Синявича отразилось на Вѣдомостяхъ довольно наглядно; со времени его назначенія мы чаще встрѣчаемъ извѣстія о русской жизни, особенно начиная съ 1724—5 годовъ. Къ сожалѣнію, его сотрудничество было нѣсколько односторонне; мимо его вниманія текла почти вся политическая и экономическая жизнь Россіи, а что его особенно занимало — это придворная жизнь — для насъ теперь не представляетъ такого интереса; впрочемъ это не вина Синявича — онъ лишь отдалъ дань времени; хроника придворной жизни, занявъ въ первой русской газетѣ почтенное мѣсто, долго не сойдетъ со страницъ газетъ; какъ печать, такъ и литература долго будутъ ее описывать и воспѣвать на всѣ лады, пока жизнь народа не займетъ интереса публицистовъ и писателей.

Повторяемъ вниманіе Синявича — этого перваго хроникера русской газеты — почти не выходило за предѣлы придворной жизни. Изъ-подъ его пера вышло довольно много различныхъ описаній придворныхъ нравовъ, поѣздокъ, гуляній и проч.

Что касается главнаго матеріала, составлявшаго Вѣдомости, иностранныхъ извѣстій, то онъ былъ очень разнообразенъ и обширенъ. Онъ весь выходилъ сначала изъ посольскаго приказа, а потомъ изъ преобразованной изъ него коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ брался прямо изъ иностранныхъ газетъ, которыхъ тамъ получалось достаточное количество. На рукописныхъ оригинальныхъ номерахъ газеты почти всегда отмѣчалось, изъ какихъ иностранныхъ газетъ дѣлался переводъ; такимъ образомъ мы съ большою точностью можемъ знать иностранные источники нашей первой газеты. Кромѣ того, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ не мало сохранилось иностранныхъ оригиналовъ. Интересно то обстоятельство, что для газеты первоначально не понадобилось новыхъ иностранныхъ газетъ, такъ какъ онѣ уже получались въ посольскомъ приказѣ. Но крайней мѣрѣ въ первые года иностранный отдѣлъ курантовъ и Вѣдомостей времени Петра составлялся изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Съ 1700 года по

¹⁾ Тамъ же, стр. 451.

1704 годъ въ приказѣ получались слѣдующія газеты: *Ordinari Post Zeitung*; *Relation aus dem Parnasso*; *Relation Courier*; *Die Europäische Relation*; *Nordischer Mercurius* и *Foglio Straordinario*.

Для насъ, конечно, не такъ важно знать, какое мѣсто или извѣстiе изъ какого изъ перечисленныхъ органовъ взято — это было бы излишнею, на нашъ взглядъ, подробностью, особенно въ общемъ очеркѣ. Для насъ было бы, конечно, не мало важно знать подробности, различались ли тогдашнія газеты по своимъ направленiямъ и взглядамъ; но этого мы не видимъ еще въ иностранныхъ органахъ того времени. Поэтому достаточно вполнѣ лишь установить источникъ Вѣдомостей въ общихъ чертахъ; а это сдѣлать при существующемъ материалѣ намъ не трудно.

Редакторъ второго выпуска „Вѣдомостей времени Петра“, изданнаго Синодальной типографiей, приводитъ слѣдующую таблицу иностранныхъ газетъ, взятую изъ Фабрициуса: *Zur Geschichte des russischen Postwesens, 1865 г.*:

1703 г.	1704 г.	1705 г.	1706 г.	1707 г.
	Die Europäische Relation.			
	R e l a t i o n C o u r i e r .			
	N o r d i s c h e r M e r c u r i u s .			
	R e l a t i o n a u s d e m P a r n a s s o .			
	K ö n i g s b e r g i s c h e r O r d i n a r i P o s t Z e i t u n g .			
	Breslauer Nouvelles.			
	Foglio adjunto all'ordinario.			
Reichs Post Reiter.	Wienerisches Diarium. Ordinarie Stok- holmiske Post Tijender. Leipziger Post und Ordinar Zeitung.	Cursor ordina- rius, sive nova universalia. Extract in der XXII Woche eingelauffenen Nouvelles.	Couriesse Eura- päische A m s t e r d a m . Gazzete (Paris). Leipziger Post und Ordinar Zeitung.	Reichs Post Reiter. Fog- lio adjunto all'ordinario.

Тотъ же редакторъ пишетъ: „Если отвѣтить на вопросъ, какія иностранныя газеты приблизительно послужили главными оригиналами русской, то намъ приходится назвать прежде всего: *Pamburger Relation Courier*. Это была первая нѣмецкая газета, издаваемая въ Гамбургѣ со спеціальной цѣлью — служить для потребностей высшихъ образованныхъ классовъ. Минуя не менѣе распространенный *Relation aus dem Parnasso*, мы должны указать еще: *Nordischer Mercurius*. По-

слѣдняя газета была однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ политическихъ органовъ... Далѣе еще слѣдуетъ назвать *Breslauer Nouvelles*, *Ordinari Post Zeitung* и другія. Общей чертой, свойственной всѣмъ этимъ газетамъ, является прежде всего ихъ популярность. Всѣ эти газеты принадлежатъ къ старѣйшимъ и лучшимъ нѣмецкимъ газетамъ, которыя тогда были очень распространены¹⁾. Многія изъ указанныхъ газетъ служили источникомъ для Вѣдомостей и впоследствии, такъ какъ нѣмецкія газеты предпочитались и потому: но къ нимъ присоединились и новыя; особенно часто встрѣчаемъ газету „*Nouvelles des divers endroits*“. Это самая распространенная газета, выходившая въ Лейденѣ на французскомъ языкѣ и просуществовавшая болѣе ста лѣтъ. Къ ней выходили приложенія подъ названіемъ „*Supplément des divers endroits*“. Она настолько понравилась составителю русской газеты, что послѣдняя въ 1719 году, напримѣръ, почти весь матеріалъ почерпнула изъ нея. Повидимому, она же служила и до конца Вѣдомостей времени Петра. Такъ въ 1724—26 гг. постоянно находимъ приписки, подобныя слѣдующимъ: „Эссенція изъ французскихъ печатныхъ Лейденскихъ газетовъ 1725 года“, или „которые печатаны въ Лейдене 7-го и 16-го декабря 1723 года въ опредѣленные дни: во вторникъ и пятницу“. Но кромѣ этого свѣдѣнія брались и изъ другихъ газетъ; такъ мы читаемъ: „При семъ дается экстрактъ изъ французскихъ амстердамскихъ печатныхъ вѣдомостей сего 1724-го года подъ № 83“ (очевидно изъ *Amsterdam's*).

Вотъ источники первой русской газеты, вотъ сотрудники „Вѣдомостей времени Петра“. Ихъ роль и должность мы подробнѣе выяснимъ при знакомствѣ съ составленіемъ газеты.

3.

Гдѣ составлялись „Вѣдомости времени Петра“ и кто ихъ редактировалъ? Послѣдній вопросъ наиболѣе труденъ для разрѣшенія изъ всѣхъ поднимавшихся до сихъ поръ. Очевидно, понятія о редакторѣ съ тѣмъ содержаніемъ, которое мы теперь въ него вкладываемъ, тогда еще не существовало. Издавало газету само правительство для своихъ цѣлей и видовъ, а потому оно не могло издавать помимо своихъ канцелярій, но, при всемъ сознаніи важности изданія газеты, не могло создать отдѣльнаго штата; къ тому же для этого не было специалистовъ. Благодаря этому „Вѣдомостямъ“ пришлось перетерпѣть

¹⁾ Вѣдомости времени Петра стр. 42, виш. II.

много неудобствъ. Матеріаль, которымъ мы располагаемъ, рисуеть намъ довольно скудно механизмъ, приводившій въ движеніе всю машину издательства газеты, но мы постараемся возможно старательнѣе разобраться въ этомъ матеріалѣ.

Какъ мы выше видѣли, матеріаль для газеты получался отъ различныхъ учрежденій и даже отдѣльныхъ лицъ на печатный дворъ нъ Москвѣ и въ петербургскую типографію, когда газета издавалась въ Петербургѣ. Чрезвычайно важно выяснитъ, въ какой мѣрѣ эти два учрежденія распоряжались доставляемымъ имъ матеріаломъ и участвовали въ его обработкѣ. На это надо сказать, что оба учрежденія несомнѣнно имѣли дѣло съ сырымъ матеріаломъ, который они обрабатывали для номера. Конечно, переработка эта не была очень большой, въ большинствѣ случаевъ она касалась лишь внѣшней стороны, не касаясь сущности матеріала; при этомъ нельзя не отмѣтить разницу въ отношеніи къ матеріалу, который поступалъ изъ посольскаго приказа, въ зависимости отъ того, издавалась ли газета въ Москвѣ или Петербургѣ.

Въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ составлялись Вѣдомости тотчасъ по полученіи номера съ почты; на другой или на третій день, судя по надписямъ, номеръ относился на печатный дворъ какимъ-либо подъячимъ, толмачемъ или приставомъ. Здѣсь этотъ матеріаль просматривался снова, и изъ него выбирались тѣ статьи, которыя находили подходящими, отмѣчая ихъ крестикомъ или буквой д (дѣлать). Эти мѣста снова переписывались и вмѣстѣ съ другими извѣстіями, если такія бывали, отдавались въ печать.

На редакторскую работу Печатнаго двора надъ „Вѣдомостями“ указываетъ то, что имѣются многіе номера въ двухъ рукописяхъ—пространной и короткой; кромѣ того, встрѣчаются такія надписи: „сей курантъ присланъ изъ посольскаго приказа, а на Печатномъ дворѣ тѣ статьи выписаны къ тисненію, которыя откращены“. Такимъ образомъ иностранныя извѣстія (да и другія) проходили двѣ редакціи—въ посольскомъ приказѣ, гдѣ они переводились, и на Печатномъ дворѣ. При этомъ Печатный дворъ распоряжался рукописями довольно свободно и вообще держался самостоятельно по отношенію къ посольскому приказу и другимъ учрежденіямъ.

Кто же завѣдывалъ этимъ дѣломъ на Печатномъ дворѣ, т. е. чью редакцію или черезъ чьи руки проходили Вѣдомости въ окончательномъ видѣ?

Предполагали, что всѣмъ завѣдывалъ лично Мусинъ-Пушкинъ,

начальникъ Монастырскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго находилась типографія. Дѣйствительно у насъ есть нѣкоторыя указанія на участіе Мусина-Пушкина. Къ нему, очевидно, адресовалась официальная переписка, касавшаяся Вѣдомостей, и сообщенія различныхъ учреждений. Такъ мы имѣемъ письмо Макарова отъ 4-го августа 1709 года, гдѣ онъ посылаетъ Пушкину реляцію и проситъ ее отпечатать и продавать поскорѣе. Однако у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы сказать, что Пушкинъ редактировалъ Вѣдомости, что онъ прочитывалъ доставлявшіяся для нихъ рукописи. Это, конечно, не исключаетъ случаевъ, когда къ нему обращались за какими-нибудь разъясненіями, даже и редакціоннаго характера. На одинъ изъ такихъ, очевидно, запросовъ Пушкинъ пишетъ Поликарпову: „Куранты, о которыхъ ты писалъ, уже давно я къ тебѣ писалъ, чтобы, напечатать, подавалъ, а для чего не подашь, причины не знаемъ; въ первомъ письмѣ къ тебѣ писалъ я, напечатать, подавать, не мѣшкать, по всѣмъ моимъ письмамъ исправлять все не мѣшкать. Иванъ Мусинъ-Пушкинъ изъ Воронежа въ 14-ое марта 1709 года“. Когда же Поликарповъ все еще задерживалъ номеръ, Пушкинъ пишетъ 23-го марта: „О курантахъ я уже тебѣ дважды писалъ,—выправлять ихъ нечего, можно и тебѣ знать, какъ прилично“¹⁾.

Эти письма рисуютъ намъ картину взаимоотношеній между лицами, въ вѣдѣніи которыхъ находились Вѣдомости. Изъ нихъ видно, что начальникъ Монастырскаго приказа только разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія, а непосредственно редактировалъ газету Поликарповъ, т. е. директоръ Московской типографіи. Ему можно „знать, какъ прилично издавать газету, что въ ней помѣщать“. И дѣйствительно, слѣды редакціи Поликарпова очень ясны на рукописныхъ матеріалахъ Вѣдомостей: его рукой отмѣчены почти всѣ статьи за время изданія газеты въ Москвѣ. Исправленные и провѣренныя (въ сомнительныхъ случаяхъ) матеріалы для номера отдавались уже для переписки или печатанія.

Въ виду такой выдающейся роли Поликарпова интересно познакомиться съ нимъ и его трудами поближе. Несомнѣнно, мы имѣемъ передъ собою выдающагося дѣльца, которыхъ такъ умѣлъ отыскивать и создавать Петръ.

„Должность, которую занималъ Поликарповъ, говоритъ Цекарскій, требовала и опытности и знаній“; но и помимо этой должности Поли-

¹⁾ Вѣдомости времени Петра, вып. II, стр. 57.

карповъ постоянно занимался научными или переводными работами. Онъ былъ даже не чуждъ литературнаго творчества. „Поликарповъ, говоритъ Пекарскій,—лицо, довольно извѣстное въ письменности той эпохи: приложный ученикъ грековъ Лихудъ, онъ, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ, писалъ извѣстія о московской духовной академіи и трудахъ своихъ учителей, управлялъ московскою типографіей. Поликарповъ, кромѣ того, занимался переводами и составленіемъ книгъ разнохарактернаго содержанія; такъ изъ его трудовъ изданы: нѣсколько словъ Ефрема Сирина (въ переводѣ), географія (въ переводѣ же), словарь трехъязычный, предисловія и незначительныя дополненія къ грамматикѣ Смотрицкаго. Онъ обязанъ былъ братья за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія. Онъ былъ, подобно Симеону Полоцкому, большой любитель слагать syllabicескія вирши; во многихъ изъ изданій московской типографіи встрѣчаются эти вирши, то какъ подписи къ изображеніямъ, то какъ объясненія въ назиданіе и услажденіе читателямъ.

Этотъ ученый воспитывался въ московской школѣ и сначала смотрѣлъ подозрительно на то, что напоминало Западъ: въ предисловіи къ своему букварю онъ говоритъ неодобрительно о произведеніяхъ классической древности, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Петръ вообще былъ не охотникъ до намековъ противъ того, что онъ одобрялъ.

Служа въ царствованіе Петра Великаго, Поликарповъ имѣлъ достаточно времени, чтобы измѣнить свое мнѣніе, и въ 1721 году говорить уже о необходимости переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій“.

Поликарпова въ 1722 году постигло большое несчастье; онъ былъ уволенъ отъ занимаемой должности, съ начетомъ на него 4.456 р. слишкомъ, и уличенъ во взяткахъ со служащихъ типографіи¹⁾.

Не признавая себя виновнымъ, Поликарповъ писалъ: „Въ которомъ похищеніи по изслѣдованію дѣла, я оправданъ мастеровыми сказками, а приносимое въ почестъ не изъ принужденія, за недостатками монми, принималъ“. Кромѣ того, приношенія Поликарповъ объяснялъ „обыкlostью“. Лишь черезъ два года по высочайшему указу былъ снятъ съ него долгъ, а въ 1726 году онъ опять былъ назначенъ директоромъ типографіи; въ этой должности онъ и умеръ въ 1731 году.

¹⁾ Пекарскій. Наука при Петрѣ Великомъ т. I, стр. 174—5.

Если Поликарповъ и сдѣлался жертвой „обычности“, то во всякомъ случаѣ онъ былъ усерднымъ труженникомъ времени Петра, не мало употребившимъ своихъ силъ и энергій на дѣло просвѣщенія. Ему несомнѣнно многимъ обязаны Вѣдомости времени Петра, пока онъ печатались въ Москвѣ.

Когда изданіе газеты было перенесено въ Петербургъ, то обязанность и роль печатнаго двора замѣнила петербургская типографія. Она также распоряжается газетнымъ матеріаломъ и составляетъ номера. Здѣсь неугомиаго Поликарпова замѣстлялъ достойный ему преемникъ Михаилъ Аврамовъ. Онъ былъ убѣжденный и стойкій послѣдователь старины и противникъ Запада. Онъ не разъ подавалъ проекты Петру, шедшіе совершенно въ разрѣзъ съ желаніями послѣдняго. Однако это не мѣшало Петру оцѣнивать по достоинству Аврамова и держать его на такомъ видномъ посту. Въ свою очередь взгляды Аврамова не мѣшали заботиться о распространеніи печатнаго дѣла въ Россіи. Такъ въ 1721 году онъ возсталъ противъ предположеній объ умоньшеніи петербургской типографіи и представлялъ, напротивъ, донесеніе о расширеніи дѣятельности типографіи. „И хотя, писалъ онъ, сія типографія наиболѣе для обученія въ общенародную пользу російскихъ людей учена... И того ради, по мнѣнію моему, оную типографію умалить и контору оставлять не надлежитъ, по наниначо, для государственной славы и общенародной пользы, распространять надобно“ ¹⁾. На приверженность старины Пётръ умѣлъ не обращать вниманія, но за то всегда пользовался такими мыслями, какія излагалъ въ своемъ доносеніи Аврамовъ. За нихъ, очевидно, по провскамъ синода, онъ былъ смѣщенъ и два года занимался въ бергъ-коллегіи, когда въ 1724 году опять былъ назначенъ директоромъ типографіи.

Кончилъ свою жизнь Аврамовъ очень печально. Онъ не могъ быть спокойнымъ за старину, и вотъ уже при Аннѣ Іоанновнѣ подаетъ опять проектъ объ управленіи государственными дѣлами. За это его заключили въ Иверскій, а потомъ въ Охотскій монастыри. Казалось бы, что теперь должны были кончиться и его проекты, и его мытарства, однако при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны онъ снова является съ своимъ задушевными мыслями и снова попадаетъ... въ застѣнокъ тайной канцеляріи.

Тамъ Шуваловъ положилъ слѣдующую резолюцію: „оный Аврамовъ

¹⁾ *Историческіи*, т. II, стр. 660.

за сочиненіе имъ противныхъ книгъ, и паче, что онъ всѣми своими сочиненно-противными и до него, Аврамова, ни мало принадлежащими книгами подачею дерзновенно утруждалъ Ваше Императорское Величество—подлежитъ онъ жестокому наказанію, по неже какъ изъ распросу Аврамова, такъ и по приводѣ въ застѣнокъ и съ пристрастнаго распроса оказалось, что онъ тѣ противныя книги сочинялъ съ сущей простоты своей¹⁾. А также Аврамовъ уже въ „престарѣлыхъ лѣтахъ“ ходатайствуетъ передъ Вашимъ Величествомъ объ его освобожденіи отъ наказаній и заточенія въ монастырь. „Дѣйствія Аврамова, пишетъ Пикарскій, хотя и заблудившагося, могутъ казаться героическими“. Во всякомъ случаѣ участь его достойна сожалѣнія, а труды памяти потомства.

Таковъ преемникъ Поликарпова и новый редакторъ первой русской газеты. Отношеніе Аврамова къ иностраннымъ матеріаламъ Вѣдомостей было нѣсколько иное, чѣмъ Поликарпова. Посольскій приказъ, а потомъ коллегія иностранныхъ дѣлъ понемногу завоевали себѣ полную самостоятельность въ составленіи и редактированіи иностранныхъ извѣстій для газеты. Сохранился документъ, по которому мы можемъ съ точностью возстановить весь механизмъ этой работы, именно указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 23-го іюля 1719 года. „И во оныхъ доношеніяхъ,—читаемъ мы изъ указа, написано о присылкѣ въ канцелярію коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ штатсъ-конторы коллегіи указу объ отсылкѣ Вѣдомостей къ Михайлу Аврамову, для печатанія курантовъ въ народъ, о чемъ при семъ и кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ указомъ Его Царскаго Величества писалъ, чего для велѣли вы переводчику Борису Волкову у Санкт-петербургскаго почтъ-мейстера куранты на французскомъ языкѣ брать, и, переводя, приличное къ печати отсылать, и что онъ переводчикъ Вамъ объявилъ, что почтъ-мейстеръ ему тѣхъ французскихъ курантовъ нѣсколько времени не присылалъ, и чтобы отсюда къ нему почтъ-мейстеру о присылкѣ тѣхъ курантовъ подтвердить, и понеже сіе потребно учинить со основаніемъ, чтобы и впредь всегда уже непремѣнно съ почтъ-печатные куранты въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ присланы были, дабы изъ оныхъ, по указу его Царскаго Величества о всемъ приличномъ выписывая, къ печати отсылать; того для по полученіи сего привозите въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ помянутого Санкт-петербургскаго почтъ-мейстера и объявите ему,

¹⁾ Пикарскій, т. I, стр. 511.

чтобъ онъ по вся почты въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ куранты на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ разныхъ рукъ письменные и печатные присылалъ, чегобъ для оныя нарочно отъ корреспондентовъ своихъ вышсалъ; а по прошествіи года во что тѣ куранты ему цѣною стануть, подалъ счетъ, по которому за оныя надлежащія деньги изъ канцеляріи заплачены ему будутъ, о чемъ къ нему и отсюда писано; а межъ тѣмъ, бравъ куранты французскіе велѣтъ немедленно оныя переводить Борису Волкову съ прилежаніемъ и смотрѣть, чтобъ было исправно и отсылать къ печати; ибо усмотрено въ переводъ его въ реляціи мѣсяца іюня, что онъ въ пунктѣ изъ Риму переводъ Басиліеу (что именуется соборная церковь святаго апостола Петра) вмѣсто того домомъ судебнымъ, Басилика нареченнымъ, которое напоминаніе только для извѣстія при семъ учинено“.

Переводчикъ приказа Борисъ Волковъ сначала (въ 1719 г.) очень робко приписываетъ свой совѣтъ о порядкѣ печатанія номеровъ, но потомъ съ каждымъ годомъ его голосъ раздается сильнѣе, требованія становятся рѣшительнѣе и видна большая самостоятельность. 24-го декабря 1719 года онъ пишетъ: „всякую вѣдомость лучше печатать порознь нежели двѣ или три вмѣсте а въ протчемъ какъ вамъ велено такъ и извольте дѣлать. Мы вамъ въ томъ не имѣемъ права указывать“¹⁾.

Но уже въ началѣ слѣдующаго года онъ выражаетъ свое неудовольствіе типографіи: „Извольте приказать печатать № 64 и 65 вмѣстѣ, а не порознь; и не вычеркивайте изъ нихъ ничего, какъ то сдѣлано въ вѣдомости 10-ой. Сначала выпущено слово: только: безъ котораго складъ сталъ быть безтолковый; и знать потому что чернитель неучъ; и складу не разумѣть“; или въ другомъ мѣстѣ онъ приписываетъ—„впредь не извольте въ нашихъ вѣдомостяхъ словъ перемѣнять, какъ вы чините“²⁾. Типографія не слушала его совѣтовъ и замѣчаній, но онъ не унимается и дѣлаетъ замѣчанія все чаще и чаще. „Понеже во многихъ курантахъ явился въ печати не противъ моихъ черныхъ, разныя прибавочки и убавки, по случаю которыхъ и шумъ и осужденіе было, еже не въ честь ни вамъ ни намъ: того ради извольте всякую напечатанную вѣдомость самую первую ко мнѣ присылать, а уже отдавать въ публику послѣ моего прочтенія: и такъ,

¹⁾ Погорьловъ. Мат. и орг. Вѣдомости, стр. 47.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

кто впредь како-либо проступится, тотъ по своему жребикю и осудится, а безъ вины бы виновату не быть“ ¹⁾).

Постепенно отвосянное положеніе Волкова съ переходомъ временно Вѣдомостей въ Москву (въ 1722-3 гг.) падаетъ опять; но онъ и здѣсь не покидаетъ воинствующаго отношенія къ печатному двору; его голосъ и здѣсь громко раздается за самостоятельность коллегіи и цѣлостъ посылаемыхъ имъ вѣдомостей. „Ежели что возмнится вамъ не вразумительно быть, то извольте Господа корректоры приказать со мною справливаться, а сами не извольте ни чернить ни прибавлять, о чемъ уже присмотрено въ первыхъ вѣдомостяхъ, а въ С. пп. б. за то великие шумы были съ штатсконторь Коллегією и съ нашею“ ²⁾).

Когда Аврамова смѣнилъ архимандритъ Бужинскій, назначенный протекторомъ всѣхъ типографій, то онъ оставляетъ рукописи Волкова совершенно нетронутыми и печатаетъ ихъ цѣликомъ безъ всякихъ поправокъ или измѣненій. Мы встрѣчаемъ лишь его надписи, сдѣланныя южно-русскою скорописью: *печатать обыкновенно* (годъ и число). Въ это время вѣдомости поступали въ типографію непосредственно отъ самого Бужинскаго; это видно изъ отмѣтокъ на рукописяхъ (получено отъ отца протектора, годъ и число).

Правда, Волковъ самъ прибѣгаетъ къ авторитету Бужинскаго. Онъ пишетъ: „Господина секретаря Михаила Марсочникова прошу о отпускѣ ко мнѣ таковыхъ печатныхъ вѣдомостей съ 5-го іюля, о чемъ Его священное изясество (sic) протекторъ типографій давно изволилъ приказывать дяку I. М. Гаментову по письменному моему прошенію“, или въ другомъ мѣстѣ: „Господа наборщики извольте сегодня всеконечно набрать все сіе отъ слова до слова въ самой скорости, чтобъ ко утру къ дѣлу было готово. Сіе пишу вамъ по приказанію его преподобія Господина отца Архимандрита“ ³⁾). Однако изъ этихъ надписей никакъ нельзя заключить, что Бужинскій редактировалъ Вѣдомости, въ нихъ скорѣе проглядываетъ только его власть распорядителя, какъ протектора типографіи, въ которой печаталась газета. Характерны случаи, когда Волковъ обращается къ Бужинскому. Онъ не обращается къ нему за какими-нибудь разъясненіями редакціоннаго характера, а лишь тогда, когда ему нужно, напримѣръ, поскорѣе

¹⁾ *Полтораховъ. Мат. и орг.*, стр. 55—6.

²⁾ Тамъ же, стр. 60.

³⁾ Тамъ же стр. 60.

напечатать номеръ газеты или получить вышедшіе номера, если типографія задерживала высылкой.

Словомъ Волковъ является полновластнымъ распорядителемъ иностраннаго (переводнаго) отдѣла первой нашей газеты. А такъ какъ за 1722-3 годы и позже номера состояли почти изъ однихъ переводовъ, то Волкова можно считать фактическимъ редакторомъ Вѣдомостей не только многихъ номеровъ, но и нѣсколькихъ лѣтъ изданія.

Несомнѣнно, и современники считали его таковымъ, судя по тому, что именно къ нему адресовались запросы о выходѣ газеты и всѣ неудовольствія на различныя оплошности. „Наки ко мнѣ присылаъ была, пишеть онъ, изъ коллегіи съ такимъ вопросомъ для чего мѣшкатио сія вѣдомости печатають и чего ради не продають ихъ.—На то отвѣтствовалъ, что косно ихъ печатають для того, что есть де много иныхъ дѣлъ, а продають ихъ не въ лавке, но въ приказе (чего не надлежало было чинить, но продавать было изъ лавки) но сие не въ моей винѣ“ ²⁾.

„Прошу меня увѣдомить чрезъ писульцу о причинѣ которая мѣшаетъ сіи вѣдомости печатать, а мнѣ онѣ уже тоску нагнали не престанными вопросами для чего вѣдомости не печатають, а что говорю что за недосугомъ и то въ дѣло не ставятъ но вмѣняютъ въ презираніе и пренебреженіе“ ³⁾. „О таковыхъ печатныхъ вѣдомостяхъ частенько поспрашиваютъ, а иногда и изъ дворца для чего гораздо поздно онѣ являются въ выходе изъ печати. Сие извѣстие вамъ почтеннымъ господямъ корректорамъ“ ⁴⁾. Изъ подобныхъ приписокъ ясно, что Волкова считали отвѣственнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣло изданіе газеты.

Но не надолго суждено было Волкову завоевать свою самостоятельность. Типографія не могла видѣть и хладнокровно переносить возвышеніе Волкова. Она всячески старается подъ него подкнаться; всякій промахъ ставится ому въ вину и подаетъ поводъ къ жалобамъ. „Извѣствую Вашей милости, пишеть Волковъ, что я страдаю нѣкими злыми болѣзнями, и для того насилу могу переводить сіи куранты; можете напомнить что съ моея стороны всегда я типографію довольствовалъ, а она не печатала иногда мѣсяца 3—4. Сего ради не пад-

¹⁾ См. рукописныя вѣдомости за 1722 годъ.

²⁾ *Писульцовъ*. Мат. и ориг. Вѣдомости, стр. 61.

³⁾ Тамъ же, стр. 61—62.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 68.

ложитъ на чловѣка напрасно находить жалобами“¹⁾). Повидимому, эти напрасныя въ дѣйствительности жалобы однако взяли верхъ, и положеніе Волкова съ 1725 года пошатнулось. Съ этого времени мы видимъ, что извѣстія печатаются не всѣ сплошь, какъ раньше, а лишь тѣ, которыя въ рукописи отмѣчены крестикомъ; съ этого времени опять начинается редакторская работа типографіи, и Волковъ пишетъ: „*Ежели кому понравится который нумеръ отставить, и о томъ извольте меня увѣдомить чтобъ я вѣдалъ какъ вести течение и слѣдство вѣдомостей, ибо естли отставлять напримѣръ: Судъ дука-де ринпиреда, а кончину его отдадутъ въ публику и то было бы absurdus vic. etc.*“²⁾).

Къ этому же времени относятся и другія подобныя приписки, но уже менѣе снокойнаго характера. „Указывать вамъ не мое дѣло,—лишьеть онъ, очевидно на замѣчаніе типографіи о томъ, что онъ не имѣетъ права имъ указывать,—только долженствую васъ увѣдомить, что № 52-ой напечатанъ не справно, и противъ добраго разсужденія“³⁾). Еще печальнѣе положеніе Волкова становится по смерти Петра, когда реакція высоко подняла свою голову. Престарѣлый редакторъ замирающей газеты впадаетъ въ полное отчаяніе. „Конфирмуую вамъ господиямъ, пишетъ онъ, что важнаго, досадительнаго, сумнительнаго, негоднаго, переводить я опасенъ: и прямо сказать не смѣю. И тако извольте ждаты только курьознаго да знатнаго не досадительнаго, время-бо настоящее мутно, трудно, хлопотливо и не надежно: *Вновь* объявляю. Что съ полуанрѣля сего 1726 года газеты получаютъ не по вся почты, но вдругъ пуками, и для той вѣдомости всегда будутъ къ вамъ доходить зачисленныя, однакожь печататы ихъ можно такъ какъ возможно было печататы. Сія газеты по цѣлой книжке: скопя почтъ по 20-ти здѣсь: а въ Москвѣ почтъ по 50-ти“⁴⁾).

Такъ чередуются распоряженія Волкова съ приписками, видимо, раздраженнаго и оскорбленнаго чловѣка. Въ нихъ видно, что Волкова не только не оцѣнили за двадцатилѣтнюю службу, но даже предпочли другому. Это обстоятельство, конечно, не могло не оскорбить Волкова, и онъ, посылая переводъ Вѣдомостей, приписываетъ: „а больше можетъ переводить тотъ кто переводилъ № 8, онъ знатно

¹⁾ Тамъ же, стр. 70.

²⁾ *Полнорусск. Мат.* и ориг. Вѣдомост. стр. 71.

³⁾ Тамъ же, стр. 73, 3.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 75, 4.

теченіе дѣлъ вѣдасть" и проч. „А въ чемъ я погрѣшу въ томъ да благоволите поправить есмь бо человекъ и не былъ я на третьемъ небѣ яко О. Павсъ. Судитися имамы всѣ: а мы будемъ судито (справедные) и агловъ (отпадшихъ)"¹⁾.

Такова трудящаяся и многострадальная фигура Волкова, такова его редакторская дѣятельность для первой русской газеты. Условія, при которыхъ она протекала, весьма характерны для того времени. Съ одной стороны неурядки и запаздываніе въ выпускѣ номеровъ высккиваются съ Волкова, съ другой же стороны онъ не имѣетъ никакой власти, ни опредѣленнаго положенія къ издацію газеты. Последняя проходитъ много инстанцій, зависитъ отъ цѣлаго ряда учрежденій, но ни одно изъ нихъ не чувствуетъ себя хозяиномъ дѣла, сколько-нибудь компетентнымъ и самостоятельнымъ. Словомъ изданіе Вѣдомостей характеризуется спутанностью, чрезмѣрною сложностью и полною неопредѣленностью. Ни одно учрежденіе, ни одно лицо, причастное къ изданію, не знало вполнѣ своихъ правъ и обязанностей, никто не чувствовалъ на себѣ отвѣтственности и никто не желалъ нести ее. Отсюда поливѣйшая случайность въ участи первой русской газеты. Находила она такихъ исполнителей воли Петра, какъ Поликарповъ, Аврамовъ и особенно Волковъ, и она влчила свое существованіе. Не будь ихъ и постоянныхъ понуканій и запросовъ самого Петра, она едва ли бы просуществовала до появленія академической газеты. Такова ея участь до самой смерти „по естеству“.

Мы выше поставили вопросъ, кто былъ редакторомъ Вѣдомостей, и тамъ же отмѣтили, какъ трудно отвѣтить на него въ окончательной формѣ; но несомнѣнно передъ нами три видныя личности—Поликарповъ, Аврамовъ и Волковъ. Дѣятельность каждаго изъ нихъ очерчена выше.

4.

Не менѣе интересенъ и важенъ для насъ вопросъ, насколько были распространены Вѣдомости вромни Петра и насколько они имѣли вліянія на современниковъ.

Хотя мы не имѣемъ положительно ни одного свидѣтельства современниковъ или указанія о вліяніи и значеніи Вѣдомостей для общества, но мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, болѣе или ме-

¹⁾ Тамъ же, стр. 78.

нѣе близко подходящимъ къ интересующему насъ вопросу, чтобы на него отвѣтить.

Такъ мы почти съ точностью можемъ знать, сколько номеровъ вышло за каждый годъ изданія Вѣдомостей; то же самое можемъ сказать о количествѣ экземпляровъ, въ какомъ печатались, продавались и „безденежно“ раздавались номера; наконецъ, мы можемъ знать затрудненія, которыя встрѣчались въ издательствѣ газеты и учесть ихъ вліяніе на успѣшность выхода Вѣдомостей въ свѣтъ. Всѣ эти данныя помогутъ намъ отвѣтить на этотъ весьма важный и интересный вопросъ въ исторіи нашей первой газеты.

Въ первый годъ изданія всего номеровъ вынущено 39. То же число удержалось и въ слѣдующемъ 1704 году, но уже въ 1705 году оно возросло до сорока шести. Однако эти цифры получались совершенно случайно, такъ какъ выпускъ номеровъ не былъ приуроченъ къ какому-нибудь сроку, не имѣлъ опредѣленнаго времени. Поэтому уже въ 1706 году номеровъ было вынущено лишь 28, а съ теченіемъ времени это число все уменьшалось и уменьшалось, пока, наконецъ, въ 1717 году не дошло до трехъ номеровъ, а въ слѣдующемъ вышелъ всего одинъ номеръ.

Не удивительно, что Петръ при подобномъ положеніи дѣла желалъ издавать газету для русскихъ за границей. Въ собственноручномъ письмѣ къ князю Куракину 31-го декабря 1713 года онъ пишетъ: „Также (хотя поврѣмени), чтобы курацты печатныя на русскомъ языкѣ присылать, и о томъ поговори съ друкарями, за какое число денегъ на каждый годъ они могутъ сію учинить, о томъ отнени“¹⁾.

Неправдоподобный самъ по себѣ, этотъ фактъ легко объясняется сказаннымъ выше. Царь видѣлъ, что дѣло его не клеится и не подвигается, а между прочимъ онъ зналъ силу печати. Почему-то указанный проектъ не состоялся, и Петръ принимаетъ другія мѣры, про которыя Волковъ пишетъ, что „великіе шумы были“ и „судъ и осужденіе“. Одной изъ такихъ мѣръ былъ, приведенный выше, указъ отъ 23-го іюля 1719 года. Онъ несомнѣнно имѣлъ огромное вліяніе на участь газеты. До указа въ этомъ году вынущено всего лишь два номера (№ 1—31-го мая и № 2—1 іюля), а послѣ указа 38 до конца года. Эти цифры говорятъ сами за себя. Въ 1720 году было вынущено еще больше номеровъ, а именно 70. Въ слѣдующемъ году коллегія иностранныхъ дѣлъ послала много матеріалу для газеты, но типографія его

¹⁾ *Историческія извѣстія о Петровѣ-Волковѣ*, т. II, стр. 313.

не печатала, такъ что Волковъ даже предлагаетъ бросить все дѣло. „Увѣдомьте меня, пишетъ онъ въ типографію—присылать ли въ вамъ такіе потребныя вѣдомости, или прократить за снѣмъ я остановлюсь здѣсь, о семъ извольте доложить и меня увѣдомить, а мнѣ кажется пора сіе дѣло оставить“.

Однако предложеніе Волкова не встрѣтило сочувствія, и Вѣдомости продолжали издаваться. Правда, печатаніе ихъ было переведено въ Московскую типографію, которая выпустила въ 1722 г. 44 номера. Но уже въ слѣдующемъ году Вѣдомости опять печатаются въ Петербургѣ, и здѣсь дѣло пошло опять хуже и хуже, такъ что въ 1727 году не было выпущено ни одного номера, хотя текстъ и былъ приготовленъ для нѣсколькихъ номеровъ; но матеріалъ ихъ нѣсколько разъ переверстывался, измѣнялся и въ результатѣ не получилъ окончательно редакціи и не вышелъ.

Такое печальное положеніе нашей первой газеты объясняется отсутствіемъ настоящей организаціи и опытности. Во всемъ видна случайность, косность и канцелярщина. Самый пустой вопросъ восходилъ до самыхъ высшихъ инстанцій и очень часто до царя, и въ силу этого тормозилъ дѣло. Живое само по себѣ, оно не могло ужиться съ канцелярской рутинной и обойтись безъ преданныхъ людей. А таковыя, если и были, или не имѣли силы и власти, или постоянно встрѣчали себѣ препятствія. Почитайте приписки Бориса Волкова, одного изъ самыхъ преданныхъ дѣлу лицъ, и вы убѣдитесь въ этомъ и будете удивляться, какъ при подобныхъ условіяхъ могла еще просуществовать газета въ продолженіе 24 лѣтъ.

Волковъ постоянно заваленъ исполненіемъ самыхъ неотложныхъ и постороннихъ дѣлъ; занятіе его переводами для Вѣдомостей считается неважнымъ, побочнымъ; а между тѣмъ ему постоянно приходится имѣть столкновенія изъ-за нихъ самаго непріятнаго характера. Онъ пишетъ: „еще у меня осталось нѣсколько номеровъ, да и въ полученіи не явилось еще нѣсколькихъ же номеровъ, а между тѣмъ почта приходитъ дважды въ недѣлю. И если въ такое время случатся *еще тисма для перевода*, то вамъ не видать будетъ нѣсколько времени ни зачисленныхъ (прошлыхъ) ни новѣйшихъ газетовъ, отъ которыхъ мнѣ лишняя *напрасная скорбь и печаль*, а я и безъ того въ гробъ смотрю. Я чаю вы признаете, что весело тому здоровому человѣку, который награжденъ, а печально тому скорбному, который забытъ служба больше 20-ти лѣтъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ, что и переписывать Вѣдомости некому и ему самому уже приходится „на-

морать корявымъ письмомъ“, и онъ не знаетъ, какъ быть ему впредь, и „понеже видно что хотятъ такъ дабы все дѣлалось само собою: а крику-бѣ не было: тамъ же наименьше гнѣва, отъ котораго и риторы буй бываютъ“. Постоянно слышатся жалобы Волкова на запаздываніе почты. Газеты постоянно запаздываютъ или не приходятъ совсѣмъ. Онъ уже совѣтуетъ типографіи „такъ печатать, чтобы всегда одна новая вѣдомость въ запасе была“.

.. Но болѣе всего тормозила дѣло сама типографія. Ея неуспѣшность и задержка въ печатаніи Вѣдомостей сильно вліяли на упадокъ газеты. Она даже „изволить гнѣваться“ за частую присылку номеровъ. „Не извольте гнѣваться, просить Волковъ типографію, что много и къ вамъ вѣдомостей наслалъ, я имѣю на то указъ да къ тому-жъ исправляю свою должность, какъ и вы. Только, кажется что пора отдавать вѣдомости въ народъ“. Изъ приписокъ переводчика видно, какъ много скопилось въ типографіи номеровъ и какъ долго она не печатала ихъ.

„Теперь у вашей милости, пишетъ онъ, Вѣдомостей сего года 1724 нумеровъ одиннадцать. Сего часа пришелъ № 12, а завтра придетъ № 13: а прошлогодскіе № еще не всѣ изъ печати вышли, а на меня гнѣваться не извольте, ибо принужденъ посылать, а дѣлъ у меня и кромѣ Вѣдомостей много бываетъ но все то даромъ де“. Такого рода запаздываніе Вѣдомостей, конечно, лишало ихъ интереса и новизны, т.-е. существенныхъ чертъ газеты. Въ данномъ случаѣ необыкновенно остроумно замѣчаніе того же неутомимаго Волкова: „Сие пишется токмо для престоюга и мнится что 5 или 6 или болше Вѣдомостей въ одной печати не поправятся и не почтутся за новости, но за какой-либо меморій ради гисториковъ. Впрочемъ подвергается сие въ разсужденіе свѣдующихъ настоящие конъюнктуры“. Однако такая печальная участь не останавливаетъ Волкова, напротивъ онъ усиленно хлопочетъ, чтобы и старыя Вѣдомости были напечатаны. Интересны мотивы, влѣдствію которыхъ онъ желаетъ выпуска газеты. „Симъ еще напоминаю, что понеже наши авизіи *почитаются за краткую смьдовательную исторію* и печатанію предаются для народиой пользы и подноса высочайшимъ лицамъ. Того ради, конечно, надобно всѣмъ прошлогодскимъ Вѣдомостямъ изъ печати выходить не умедля, хотя уже задними числами или заднимъ числомъ; *ибо есть въ нихъ много курьознаго и надобнаго*, да къ тому же *надобно ихъ на свѣтъ вытти для порядку и смьдства въ нихъ*. Какъ напримѣръ, естли выдетъ изъ тиснѣнія что сеймъ польскій вер-

шился в средину и начала не видали, то было бы буйство и опасно: или если впродъ въ Вѣдомостяхъ упоминается о большой рыбѣ, о великомъ и прожорливомъ челоуѣкѣ, о великой бурѣ въ Португаліи и проч., а всего того въ печати не видно было, то было бы вина, не досмотреніе, стыдъ и конфузія и почти преступленіе въ Вѣдомостяхъ: и тако не надлежитъ мѣшать вышеупомянутые Вѣдомости печатать“.

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, Волковъ выставляетъ мотивомъ скорѣйшаго печатанія номеровъ интересъ, съ которымъ самъ царь относится къ Вѣдомостямъ. „А по всему дознавать что есть нѣкоторые письма изъ походу о сихъ Вѣдомостяхъ и того ради совѣтую вашей милости печатать ихъ неотложно, и сей совѣтъ да не извольте принять за зло. Чаю впродъ его напомянете, и увидите каковы сіи куранты нравны сго Императорскому Величеству, который самъ соизволяетъ ихъ прочитывать и погодно собирать яко все куріозный въ литературе монархъ“.

Но какъ бы Волковъ ни былъ преданъ Вѣдомостямъ, препятствій и затрудненій было столько, что онъ приходитъ въ уныніе и теряетъ всякую охоту заниматься. И теперь онъ хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь избѣжать гнѣва и сбыть работу „съ юстиціею“, теперь и онъ говоритъ, что „черезъ мочь и конь нести не можетъ“, а челоуѣку и подавно можно утомиться и остыть, „коли 20 лѣтъ безъ благодаренія работаетъ“. Мало того, отчаяніе Волкова доходитъ до такой степени, что онъ начинаетъ сомнѣваться, нужны-ли Вѣдомости и не пора-ли прекратить ихъ изданіе. „А мнѣ кажется пора сие дѣло оставить“¹⁾.

Такое охлажденіе Волкова къ Вѣдомостямъ нельзя ставить ему въ вину. Вѣдомости искусственно были вызваны къ жизни, искусственно и поддерживались велѣніемъ и любовію царя. Ихъ замираніе объясняется условіями времени. Едва-ли можно требовать, чтобы Вѣдомости аккуратно выходили въ свѣтъ, когда печатное дѣло, т.-е. важнѣйшее оружіе, безъ котораго немислима газета, стояло чрезвычайно низко. Стоять только мелькомъ взглянуть на положеніе типографіи, въ которой печатались Вѣдомості, чтобы убѣдиться въ этомъ. Известный намъ Бужинскій доноситъ, напримѣръ, что, хотя ему и поручено завѣдывать двумя типографіями (въ Москвѣ и Петербургѣ), „однако онъ не представляютъ ему никакихъ отчетовъ, слѣдующихъ

¹⁾ Всѣ выдержки взяты у Погорьлова и просмотрѣны по оригиналамъ.

на содержаніе денегъ не выдается, и во всемъ оказывается скудость и остановка; „а на меня, прибавляетъ протекторъ, есть нареканіе, то въ выдачѣ книгъ есть несправа, а происходятъ онѣ не въ такомъ чистомъ печатаніи“.

Результатомъ „не такого чистаго печатанія“ было то, что, по словамъ Поликарпова, директора московской типографіи, „вуппы книгъшнихъ книгъ обѣгаютъ и больше со стороны покунають прежнія книги чисто печатныя съ наддачею, нежели новыя *марашки* меньшею цѣною“. Изъ отчетовъ типографіи видно, какъ быстро, дѣйствительно, падала выручка отъ продажи книгъ. Такъ въ 1721 году было продано книгъ на 7.720 р. 93¹/₄ коп.; въ 1722 г.—5.891 р. 69 коп.; въ 1723 г.—3.108 р. 94 коп.; въ 1724 г.—2.057 р. 44 коп.; въ 1725 г.—3.210 р. 76 коп.; въ 1726 г.—1.878 р. 33 коп., т. е. за пять лѣтъ выручка уменьшилась почти въ 5 разъ.

То же пониженіе выручки отъ продажи книгъ было и въ петербургской типографіи: въ 1715 г. выручено тамъ 820 р. 24 алт. 4 деньги; въ 1716 г.—827 р. 21 алт.; въ 1718 г.—3.062 р. 25 алт. 4 д.; въ 1719 г.—2.814 р. 11 алт.; въ 1720 г.—2.494 р. 10 алт.; въ 1721 г.—1.857 р. 25 алт.; въ 1722 г.—618 р. 14 алт. 4 деньги. Такое же разстройство было и въ денежныхъ дѣлахъ петербургской типографіи, какъ и московской. Протекторъ типографій Бужинскій доносить синоду въ 1722 году слѣдующее: „Санктпетербургской типографіи мастеровые люди бьютъ челомъ о жалованьѣ непрестанно, а дать нечего... и ежели вскорѣ денегъ ни откуда въ присылкѣ не будетъ, и въ печатаніи книгъ конечно остановка будетъ, понеже оныя мастеровые люди за скудостью и голодомъ хотятъ дѣла всѣ оставить, и того ради опасенъ въ печатаніи книгъ остановки и гнѣва“...

Въ 1724 году „за неимуществомъ“ въ казнѣ денегъ, выдано разнымъ мастеровымъ въ жалованье книгами ¹⁾ на 3.603 р. 63¹/₄ коп. и за поставку бумаги Евреннову 2 т. руб. Чтобы улучшить какъ-нибудь дѣло, Поликарповъ въ 1726 году вноситъ просктъ объ уменьшеніи дѣлствій типографіи; онъ полагаетъ, что совершенно достаточно 4-хъ станковъ церковныхъ и одного гражданскаго при 10 человекѣхъ у каждаго станка, отчего онъ ожидаетъ и „чистоту въ книжномъ дѣлѣ и облегченіе мастеровымъ“. Едва ли можно только предположить, чтобы

¹⁾ Интересно, что служащіе и мастеровые въ такихъ случаяхъ просили церковныхъ книгъ московской и кievской печати.

отъ проекта Поликарпова печатаніе могло пойти успѣшнѣе и быстрѣе, что особенно важно было для Вѣдомостей въ виду ихъ сильнаго запаздыванія за послѣднія 5—7 лѣтъ.

Замѣчательно то, что директоръ петербургской типографіи Аврамовъ вноситъ контръ-проектъ и, приведя историческую справку о типографіяхъ, приписываетъ: „И того ради, по мнѣнію моему, оную типографію умалять и контору оставлять не надлежитъ, но наипаче; для государственной славы и общенародной пользы, распространять надобно“...

Какъ бы то ни было, но проектъ Поликарпова не коснулся Вѣдомостей, такъ какъ онѣ черезъ годъ послѣ этого прекратили свое существованіе. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что во время существованія газеты типографія влчила жалкое существованіе и годъ отъ году падала. Подобное положеніе необходимѣйшаго орудія существованія Вѣдомостей не могло не отразиться на нихъ пагубнымъ образомъ. И дѣйствительно мы видимъ, что для напечатанія газеты не хватало даже шрифта. Тотъ же Поликарповъ пишетъ: „сіе набрать мѣлкаго понеже крупныхъ литеръ не достанетъ“.

Таковы препятствія, встрѣчавшіяся на пути изданія первой русской газеты, и таково ихъ вліяніе на выпускъ номеровъ. Лишь неутомимое вниманіе самого Петра и желаніе угодить ему со стороны сотрудниковъ не разъ спасали отъ гибели это истинное дѣтище преобразователя.

Какъ же встрѣтило само общество появленіе Вѣдомостей, какъ оно къ нимъ отнеслось, другими словами въ сколькихъ экземплярахъ расходилась русская газета, сколько она имѣла читателей? Какихъ-нибудь свидѣтельствъ или воспоминаній современниковъ по этому вопросу мы не имѣемъ, мы можемъ только судить по сухимъ цифрамъ, которыя находимъ въ архивахъ Синодальной бібліотеки. Однако эти сухія цифры, если не совсѣмъ, то достаточно открываютъ прошлое русскаго общества и русской печати.

Самое большое количество экземпляровъ, въ которомъ когда-либо печатались Вѣдомости, было четыре тысячи; это былъ 10-ый номеръ за 1703 годъ, на корректурномъ листѣ котораго читаемъ: „Сихъ Вѣдомостей дѣлано 4.000“. Но это было число, больше котораго никогда не достигали Вѣдомости. За первые годы ихъ изданія мы имѣемъ не много цифръ, которыя не превышаютъ двухъ тысячъ, но которыя быстро спускаются въ 1705 году до одной или двухъ сотенъ. Позже это количество увеличивается, и до 1719 года газета эта печаталась

въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ. Но уже въ 1721 году оно спустилось до нѣсколькихъ десятковъ и въ этой нормѣ кончили свое существованіе Вѣдомости. Такъ №№ 30, 31, 32 и 33—1721 года печатались лишь по 50 экземпляровъ. Въ 1723 году № 2 дѣлано 100 экземпляровъ, слѣдующіе номера по 70, а съ № 9—по 53 и съ № 2—1724 года по 30 экземпляровъ ¹⁾).

Естественно, что цифры не могутъ быть одинаковы на протяженіи почти четверти вѣка, но странно, что эти цифры не только не возрастаютъ, но неуклонно и быстро падаютъ. Этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ, что газета не встрѣтила сочувствія у читателя, не пользовалась его расположеніемъ и не сумѣла привлечь его вниманія. Вѣдь тѣ же цифры намъ показываютъ, что долгое время читателей было довольно много. Въ 1708 году № 13, напримѣръ, раскупленъ въ 680 экземплярахъ, при цѣнѣ въ 2 доньги за номеръ, а всего за этотъ годъ было продано 3.812 номеровъ, кромѣ розданныхъ „безденежно“ (1508 номеровъ), что составляетъ въ среднемъ 254¹/₃ экземпляра на каждый номеръ. Нельзя сказать, чтобы цифра была маленькой. А въ слѣдующемъ году было продано еще больше—5.050 экземпляровъ, т. е. 420 экземпляровъ cadaго номера. Третій номеръ 1711 года, напримѣръ, печатался нѣсколько разъ, такъ какъ былъ быстро раскупаемъ. Его напечатали 500 экземпляровъ „библейскимъ“ шрифтомъ и 100—„бѣлорусскимъ“, но послѣднихъ не хватило и было отпущено для печати его 25 листовъ бумаги (приблизительно на 100 экз.). Позже и то, и другое изданіе перепечатывались еще по 200 экземпляровъ cadaго шрифта. Но уже въ 1712 году замѣчается сильное пониженіе спроса на газету; только два номера разошлись въ количествѣ, превышающемъ одну сотню, а всѣ остальные имѣли нѣсколько десятковъ проданныхъ, и № 4 былъ проданъ въ количествѣ всего трехъ экземпляровъ. Всего же за этотъ годъ, не считая перваго номера, продано 719 экземпляровъ, что въ среднемъ составляетъ 79⁹/₁₀ на каждый номеръ. Это пониженіе очень сильное, чтобы его можно было не замѣтить. И это пониженіе продолжается все время. Случается, что нѣкоторые номера по чему-либо расходились и въ большемъ количествѣ, но тенденція къ пониженію сохранялась неизмѣнно, и съ теченіемъ времени остатокъ все болѣе и болѣе возрасталъ.

Такъ въ описяхъ бумагъ и книгъ петровскихъ изданій, употреблен-

¹⁾ *Почерковскъ*, Мат. и ориг. Вѣдом., стр. 64—57.

ныхъ на обертки въ XVIII вѣкѣ, находятся: 11 тысячъ Вѣдомостей разныхъ годовъ и между ними 3.462 экз. журнала о взятіи Потенбурга, Вѣдомостей же за 1722 и 1723 годы — 2.498 и 1.453 экземпляра. Эти цифры очень краснорѣчивы. Онѣ будутъ еще значительнѣе, если мы припомнимъ, что типографія, какъ мы видѣли, сама стала печатать по 50 и по 30 экземпляровъ.

Чтобы объяснить этотъ фактъ, намъ пришлось бы повторить все сказанное выше, что Вѣдомости въ концѣ концовъ стали походить, по мѣткому выраженію Волкова, на „какіе либо меморіи ради гисторіюмъ“, но никакъ не могли „почитаться за новость“. Дѣйствительно, мало новаго было въ номерахъ, выходившихъ черезъ 3—5 мѣсяцевъ или черезъ полгода послѣ совершившагося событія. Описание годовяго торжества при дворѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ составляло въ буквальномъ смыслѣ скорѣе „меморію для гисториковъ“, нежели интересъ для обывателей.

Конечно, при оцѣнкѣ этого интереса мы не должны его слишкомъ преувеличивать. Въ данномъ случаѣ намъ придется сильно разочароваться. Потребность къ чтенію въ русскомъ обществѣ начала XVIII вѣка была слишкомъ слабо развита; обыватель „московской земли“ еще не создалъ себѣ привычки къ чтенію, онъ мало интересовался политикой и былъ совершенно къ ней не подготовленъ. Безъ этого и безъ самаго необходимаго — безъ грамотности и какого-либо просвѣщенія, газета прямо рисковала остаться безъ читателя. Къ этому присоединялись всѣ недостатки, про которые мы уже говорили, и все это, взятое вмѣстѣ, могло способствовать лишь умиранию, а не развитію газеты.

Это и случилось.

5.

Газету издавало само правительство своими средствами и для своихъ цѣлей; поэтому Вѣдомости не имѣли препятствій цѣнзурнаго характера. Да въ то время цензуры, какъ особаго учрежденія, и не было. Не было не потому, что духъ правительства былъ очень либераленъ, а просто потому, что ее нкуда было примѣнять. Общественной инициативы совершенно не было; издательство книгъ, указовъ, листовъ и газеты — все находилось въ рукахъ правительства. А уже не его ли агентамъ знать, что дозволено и что запрещено видами высшихъ властей, что не соответствовало ихъ интересамъ, что могло повредить непосредственнымъ ихъ выгодамъ?

Это, конечно, еще не избавляло издателей от тщательнаго разбора печатнаго матеріала именно съ цензурной стороны. Такой оцѣнкѣ подвергались больше всего извѣстія, касающіяся международныхъ отношеній и военныхъ событій, особенно послѣднихъ. Если правительство стремилось всегда выставить слабость нашего противника и значеніе одержанныхъ нами побѣдъ, то еще больше оно старалось заглушать или совсѣмъ скрыть проигранныя сраженія и неудачи нашихъ войскъ. Противъ такихъ извѣстій всегда можно найти помѣтку въ родѣ слѣдующей: „свои статьи межъ скобкою въ народъ не пускать“, или, на примѣръ, извѣстія, какъ слѣдующія: „(Ген. Кроніорть) и съ однимъ подвѣздомъ счастливейшій бой имѣлъ противъ Москвы, и на переправе одной королевской Сисербокъ нареченной сильнаго войска Московскаго побѣдъ“ или „противъ русской вѣдомости напечатано, будто адмираль Нуммеръ 10 русскихъ ладей разорилъ, и торговліи корабль взялъ, въ немъ жъ было мушкетровъ, пороху, и иныхъ товаровъ, и хотѣлъ къ Шлоесбургу плыти“—тщательно вычеркивались. Извѣстіе изъ Львова, на примѣръ, объ отнятій сана у князя волошскаго и молдавскаго за переписку съ Москвою зачеркнуто и даже заключено кусочкомъ бумаги. Даже реляціи о неудачахъ русскихъ составлялись такъ, чтобы по возможности скрыть неблагопріятное впечатлѣніе, которое заключалось въ извѣстіи. Въ данномъ случаѣ очень интересна „реляція о поведѣніи бывшемъ въ арміи Его царскаго Величества майя съ тридесятаго числа 1711 году и о бою съ турки, и о постановленіи вѣчнаго мира“, т. е. о неудачномъ Прутскомъ походѣ Петра. Реляція эта, повидимому, написана съ тою цѣлью, чтобы устранить неблагопріятное для правительства толки, неминуемо бывшіе по полученіи извѣстія о понесенныхъ нами потеряхъ. Въ этихъ видахъ, реляція сначала говоритъ о передвиженіи русскихъ войскъ съ 23-го мая; подъ 7-мъ іюля возвѣщается, что непріятель „разрѣзалъ коммуникацію“ между главною арміею и генераломъ Реномъ; что 9-го и 10-го числа были сраженія, въ которыхъ турки проиграли, и тогда уже военскій совѣтъ положилъ предложить туркамъ миръ, который и былъ заключенъ 12-го іюля. Послѣ этого помѣщено извѣстіе о взятіи Браилова генераломъ Реномъ, что также, вѣроятно, сдѣлано съ расчетомъ успокоить нѣсколько національное самолюбіе. Вся реляція потомъ перешла въ журналъ Петра Великаго, но извѣщенная; это любопытно въ томъ отношеніи, что все скрытое въ Вѣдомостяхъ объясняется съ большею подробностью въ журналѣ, откуда можно судить, почему русскіе, повидимому, одержавшіе побѣды, первые сильно хлопотали о мирѣ.

Переписку и запросы цензурнаго характера мы видимъ и по вопросамъ внутренней политики. Среди нихъ мы не можемъ не упомянуть о запросѣ, сдѣланномъ печатнымъ дворомъ, можно ли напечатать извѣстіе, „что царское Величество католикамъ вольное употребленіе вѣры въ своей (русской) землѣ позволилъ“. Конечно, такого позволенія не было, и печатать это извѣстіе было запрещено.

Петръ Великій умеръ. Не умерло его дѣло преобразования Россіи, но оно должно было замереть: враждебныя ему силы подняли голову и стремились къ старому. Указъ отъ 4-го октября 1727 года Санктъ-Петербургскую типографію отдалъ въ вѣдѣніе Академіи Наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скончалась первая русская газета; ей на смѣну явилась новая газета, издаваемая Академіей Наукъ — С.-Петербургскія Вѣдомости.

Переходя къ описанію этой второй русской газеты за первую четверть вѣка ея существованія, мы подведемъ здѣсь итогъ нашего ознакомленія съ первыми Вѣдомостями времени Петра. Изъ приведеннаго выше несомнѣнно то, что Вѣдомости возникли не въ силу потребности въ нихъ общества, а по волѣ великаго преобразователя, который былъ первымъ русскимъ публицистомъ и редакторомъ русской газеты; держались Вѣдомости тоже лишь волею и силою царскаго указа.

Уменьшеніе числа экземпляровъ Вѣдомостей, стремленіе наполнить ихъ юмористическимъ матеріаломъ и „легкимъ чтеніемъ“, потребность въ сообщеніи самыхъ элементарныхъ свѣдѣній — все это обнаруживаетъ крайнюю некультурность и невѣжественность русскихъ начала XVIII в., отсутствіе у нихъ политическихъ и умственныхъ интересовъ.

Съ другой стороны, зависимость изданія Вѣдомостей отъ нѣсколькихъ учреждений, изъ которыхъ каждое старалось избавиться отъ нихъ, отсутствіе какой-либо правильной организаціи дѣла, создаютъ медлительность и неаккуратность выхода въ свѣтъ номеровъ до такой степени, что къ нимъ пропадалъ всякій интересъ и потребность. Эти условія пагубно отражались на ростѣ газеты и были причиною того печальнаго факта, что первая русская газета не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ литературѣ, ни въ общественномъ сознаніи русскаго общества. Вѣдомости времени Петра Великаго не нашли себѣ читателя и заживо умирали...

II.

С.-Петербургскія (Академическія) Вѣдомости (1727 — 1756 г.).

1.

II коллегія иностранныхъ дѣлъ, гдѣ составлялась первая русская газета, и С.-Петербургская типографія, гдѣ она печаталась, какъ мы видѣли, не знали, какъ избавиться отъ навязанной, лишней работы: отъ нея они получали лишь „шумъ и осужденіе“. Характерна для отношеній къ Вѣдомостямъ времени Петра приписка на поляхъ, сдѣланная въ 1726 году неизвѣстной рукой:— „куранты не тишеютъ какъ древо нудово“¹⁾. Надо думать, что приписка сдѣлана въ типографіи, такъ какъ Волковъ продолжалъ доставлять матеріалъ для газеты, но типографія его почти не печатала; по крайней мѣрѣ печатныхъ номеровъ меньше, чѣмъ рукописныхъ, и извѣстія печатались по всѣмъ, а по выбору. Но и самъ Волковъ, утомленный и заваленный работой, говорилъ о томъ, чтобы какъ-нибудь отбыть повинность и печатать газету „по дѣлой книжке: скопя почтъ по 20-ти здѣсь: а въ Москвѣ почтъ по 50-ти“²⁾.

Изъ этого легко видѣть, что въ Россіи со смертью Петра газета перестала существовать. Видя это, не задолго до того основанная Академія Наукъ рѣшила взять газетное дѣло въ свои руки. Оно какъ нельзя болѣе подходило къ роли, которую Академія должна была выполнить, а съ другой стороны газета не могла найти болѣе подходящихъ условій и лучшаго издателя, какъ высшее ученое и при томъ правительственное учрежденіе. Дѣло въ томъ, что газета въ то время еще не могла быть въ рукахъ частныхъ лицъ: они не могли располагать тѣми средствами, какія были въ рукахъ правительства; частному лицу, напримѣръ, едва-ли позволили бы выписывать столько иностранныхъ газетъ, сколько нужно для изданія періодическаго органа, желающаго слѣдить за жизнью всего міра. У частныхъ лицъ не было и не могло быть переводчиковъ, которые регулярно переводили бы извѣстія изъ иностранныхъ газетъ—этихъ главныхъ источниковъ русской газеты; у нихъ не было, наконецъ, типографіи; а правительственная типографія едва ли бы стала исполнять частные заказы,

¹⁾ Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 г. М. 1903 г., стр. 62.

²⁾ Тамъ же, стр. 75.

разъ она тяготилась печатаніемъ Вѣдомостей, издаваемыхъ иривительствомъ. Академія же Наукъ, за исключеніемъ типографіи, имѣла всѣ средства къ изданію газеты: у нея былъ цѣлый кадръ переводчиковъ; редакторомъ газеты она могла назначить специальное лицо съ извѣстнымъ и необходимымъ въ этомъ дѣлѣ научнымъ цензомъ; да и само издательство газеты ей подходило болѣе всего, разъ она была призвана не только разрабатывать науку, но и насадить просвѣщеніе въ Россіи. Академія сама сознавала огромную роль, которую газета могла сыграть въ насажденіи просвѣщенія въ странѣ. Она пишетъ Кипріянову въ 1728 г., что если ея газета будетъ выписываться всѣми учрежденіями, то „и самому народу великая польза быть имѣеть. И такимъ легкимъ образомъ можно онымъ часть отъ часу охоту и желаніе къ наукамъ присовокуплять“ ¹⁾). Сознвая такую силу печати, Академія вообще желала выступить на поприщѣ издательства. Такъ въ 1727 году она начала издавать свои мемуары, подъ заглавіемъ *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, состоящие изъ трудовъ академикомъ. Съ этого же года она рѣшила издавать газету. Еще въ 1726 году Академія начала хлопоты по ея изданію: она назначила специальное лицо для редактированія Вѣдомостей и повела перспивску о печатаніи ихъ въ С.-Петербургской типографіи, такъ какъ своей типографіи у Академіи не имѣлось. Въ то время и такое разрѣшеніе давалось кабинетомъ Ея Величества. Туда-то Академія и входитъ съ доношеніемъ 1-го декабря 1726 года слѣдующаго содержания: „По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академіи наукъ опредѣлено нарочный профессоръ для собиранія публичныхъ Вѣдомостей и газетовъ, и оныя надлежить печатать. А понеже въ рѣченной Академіи собственная типографія не учреждена, того ради всепокорно прошу дабы повѣлно было, указомъ Ея Императорскаго Величества, помянутыя вѣдомости, газеты и прочая, что сочинится въ Академіи, печатать въ Санкт-петербургской типографіи, не токмо на латинскомъ, на нѣмецкомъ, но и на російскомъ (*sic*) языкахъ, дондеже учредится въ Академіи собственная типографія. О семъ доносить лейбъ-медикъ и президентъ Академіи наукъ Л. Блюментрость“ ²⁾).

На эту скромную и законную просьбу Кабинетъ Ея Величества охотно далъ свое согласіе, благо всѣми дѣлами въ немъ вѣдалъ дѣловитый и просвѣщенный, еще слуга Петра Великаго, кабинетъ-се-

¹⁾ *Сухомлиновъ*, Матеріалы для ист. Рос. Акад. наукъ, т. I, стр. 370.

²⁾ *Сухомлиновъ*, Матеріалы, т. I, стр. 207.

кретарь Алексѣй Макаровъ, который принималъ участіе въ Вѣдомостяхъ времени Петра. Онъ обращается въ С.-Петербургскую типографію съ распоряженіемъ, чтобы „присылаемая изъ Академіи газеты и всякія вѣдомости печатались на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ до тѣхъ мѣстъ (sic), пока учреждена будетъ въ той Академіи особая типографія“ ¹⁾. Макаровъ не ограничился этимъ распоряженіемъ, а постарался помочь Академіи въ составленіи газеты, въ чемъ она, конечно, нуждалась, какъ неискушенная еще опытомъ. Съ этой цѣлью изъ Кабинета Ея Величества посылается приказаніе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отсылать всѣ извѣстія, „какія случаются въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ въ Академію Наукъ.

Получивъ разрѣшеніе печатать свою газету, Академія спѣшитъ узнать въ С.-Петербургской типографіи, „обрѣтаются ли литеры на латинскомъ, нѣмецкомъ и руссійскомъ языкахъ, которыми бы справиться было въ печатаніи вышеозначенныхъ газетовъ и вѣдомостей можно“ ²⁾).

Такою переписку вела Академія Наукъ въ стремленіи издавать свою газету съ начала 1727 года.

До сихъ поръ неизвѣстно, удалось-ли ей выпустить въ этомъ году газету или же приведенныя хлопоты остались не использованными. Напротивъ того, до сихъ поръ считали, что Академія начала выпускать свою газету лишь съ начала 1728 года. Такъ говоритъ Неустровъ въ своемъ „Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“ ³⁾.

Академикъ П. Пекарскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что въ 1728 году „С.-Петербургскія Вѣдомости“ могли считать второй годъ своего существованія ⁴⁾. Это указаніе Пекарскій дѣлаетъ вскользь, не упоминая, кѣмъ издавалась газета первый годъ; а это крайне важно въ виду того, что, какъ онъ говоритъ, Академія начала издавать газету съ 1728 года ⁵⁾.

Такъ рѣшается вопросъ о началѣ С.-Петербургскихъ Академиче-

¹⁾ *Сухомлиновъ*, Матеріалы, т. I, стр. 211.

²⁾ Тамъ же, стр. 210.

³⁾ Изданіе 1875 г. С.-Иб., стр. 2-ая: „Редакція ихъ (вѣдомостей) поступила въ завѣдываніе Академіи Наукъ, которая 2-го января 1828 года и выдала первый номеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

⁴⁾ „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ“.

⁵⁾ Записки Императорской Академіи Наукъ, томъ II. С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 86.

скихъ Вѣдомостей. Здѣсь мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта, но помимо того, что Академіи не было надобности откладывать изданіе газеты на цѣлый годъ, когда ей такъ счастливо удалось разрѣшить техническія условія задания, мы имѣемъ прямое свидѣтельство современника и при томъ близко знакомаго съ положеніемъ дѣла, что *Вѣдомости издавались при Академіи Наукъ съ 1727 года*. Это свидѣтельство дастъ намъ позднѣйшій редакторъ академической газеты— Г. Ф. Миллеръ.

„Съ начала 1727 года, нишеть онъ, начали печататься при Академіи газеты на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ такомъ размѣрѣ, какъ этого еще никогда не было въ Россіи. Петръ Великій велѣлъ въ 1702 году печатать въ Москвѣ первыя газеты, но только тогда, когда происходило въ его царствованіе что-либо замѣчательное, о чемъ онъ желалъ повѣстить своихъ подданныхъ. Академія выпускала свои вѣдомости первый годъ еженедѣльно по разу, величиною въ листъ, а съ начала 1728 года два раза въ недѣлю отпечатывала поль-листа, чтобы они съ каждой почтой могли быть отправлены“¹⁾.

Этимъ словамъ современника и редактора газеты мы не имѣемъ основаній не довѣрять, т. е., другими словами, нельзя сомнѣваться, что С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости издавались съ начала 1727 года. Это свидѣтельство Миллера подтверждается у него же въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, передавая о профессорскихъ лекціяхъ въ Академіи, на которыхъ не было охотниковъ, въ своей исторіи онъ говоритъ, что „когда сдѣлалось явнымъ, что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8-го и 14-го марта 1727 года объявлено было въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювориуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи съ экспериментами“. Такого объявленія въ Вѣдомостяхъ времени Петра нѣтъ, слѣдовательно, оно подтверждаетъ существованіе другой газеты, т. е. при Академіи.

Да Вѣдомости времени Петра за этотъ годъ почти и не существовали. Все, что мы имѣемъ отъ этого года, очень ничтожно. Коллегія иностранныхъ дѣлъ не выпустила ни одного номера за весь годъ. Лишь одинъ новогодній номеръ о торжествахъ при дворѣ представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное, законченное, но и тотъ едва-ли былъ выпущенъ; по крайней мѣрѣ можно въ этомъ сомнѣваться. Весь же матеріалъ предполагаемаго второго номера представляетъ лишь пере-

¹⁾ Миллеръ. Исторія Акад. Наукъ.

становку статей и извѣстій, не принявшихъ, повидимому, окончательной формы. Его составленіе настолько затянулось, что онъ могъ выйти, если это даже и было, не раньше 17-го іюля, т. е. черезъ *полгода* послѣ перваго. Эта задержка сама по себѣ уже показываетъ, какъ вяло шло дѣло и что оно вотъ-вотъ должно было прерваться.

Такъ и случилось. Скоро Вѣдомостей времени Петра не было. II коллегія иностранныхъ дѣлъ уже въ октябрѣ обращается сама въ Академію съ просьбой помѣстать въ академической газетѣ опроверженіе „на иностранныя куранты и разглашенія“, ходившія за границей о Петрѣ II, что будто онъ желаетъ „по отправленіи въ Москвѣ коронаціи своей, тамо впредъ и резиденцію свою учредить, коммерцію по прежнему въ городѣ Архангельскомъ возстановить, не стараясь только много о своемъ на Балтическомъ морѣ имѣющемъ флотѣ и о здѣшнихъ провинціяхъ“. Гораздо проще было бы коллегіи иностранныхъ дѣлъ напечатать подобное опроверженіе въ своей газетѣ, если бы она существовала; но ея уже не было, ее смѣнили С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости.

Конечно, и теперь вопросъ можетъ быть спорнымъ, но вся бѣда въ томъ, что несмотря на свидѣтельство Миллера, что Вѣдомости выходили еженедѣльно, мы не имѣемъ ни одного номера отъ этого года, и намъ приходится оставаться въ области болѣе или менѣе приблизительныхъ догадокъ.

Уже во времена Миллера, по его словамъ, номера газеты въ академическомъ архивѣ найти было очень трудно: „Г. Гольдбахъ самъ ихъ не сохранялъ“. Намъ нигдѣ не удалось видѣть ихъ.

Указать прямыя причины такому отсутствію академической газеты за первый годъ существованія, конечно, очень трудно. Должно, однако, принять во вниманіе, что наступило какъ разъ смутное, переходное и даже реакціонное время, когда было не до газетъ и просвѣщенія. Съ другой стороны общество еще совсѣмъ не нуждалось въ подобной роскоши, какъ газета, что видно по тому ничтожному количеству, въ которомъ печатались Вѣдомости времени Петра за послѣдніе годы. Наконецъ, читатели даже могли и не знать, что Академія основала свой органъ, и поэтому могли не выписывать газеты. Это очень легко могло случиться при тогдашнихъ средствахъ оповѣщенія населенія о всѣхъ новостяхъ и при отсутствіи книжной лавки или торговли отъ Академіи даже въ Москвѣ.

Принявъ во вниманіе эти соображенія, мы, можетъ быть, приблизимся

къ истинной причинѣ отсутствія повсюду академической газеты за первый годъ ¹⁾).

2.

Въ Петербургѣ С.-Петербургскія Вѣдомости печатались въ старой типографіи до октября мѣсяца 1727 года, когда она была упразднена, а при Академіи открылась собственная типографія. Произошло это по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 4-го октября: „О бытіи въ Санктпетербургѣ типографіямъ только при Сенатѣ и при Академіи, о переводѣ въ Москву для печатанія церковныхъ книгъ типографій, находящихся при Синодѣ и при Александровскомъ монастырѣ“ ²⁾. Указъ этотъ вызванъ былъ стремленіемъ реакціонной партіи во главѣ съ Долгорукими возвратитъ жизнь Россіи къ тому состоянію, „какъ было прежде сего издревнѣ жъ“, по выраженію указа. Съ этой цѣлью имъ былъ совершено полный разгромъ ненавистныхъ типографій, какъ наслѣдія Петровскаго времени.

Осталось лишь три типографіи во всей Россіи, кромѣ Кіевской: одна для печатанія указовъ—въ Сенатѣ, другая для печатанія „историческихъ книгъ“, которыя на Россійскій языкъ переведены и въ Синодѣ „пробованы будутъ“ — при Академіи, и третья только для однихъ церковныхъ книгъ—въ Москвѣ. Съ этой цѣлью всѣ книги были отданы въ цензуру Синода, „чтобъ никакихъ въ печатаніи тѣхъ книгъ погрѣшностей и противности, какъ закону, такъ и церкви быть не могло, того Синоду по должности своего званія смотрѣть прилежно“.

Новсюду были сокращены штаты и прекращена выдача денегъ изъ казны на содержаніе типографій: „Служителей и мастеровыхъ людей—говоритъ указъ—опредѣлить безъ излишества, и жалованье имъ давать изъ типографскихъ доходовъ по тому, какъ было прежде сего издревнѣ жъ; а директору Михаилу Аврамову и прочимъ мастеровымъ людямъ, которые при вышеупомянутой Синодальной типографіи обрѣтаются, съ сего нашего указа жалованья не давать“.

Однако послѣдствія указа превзошли всякія ожиданія; типографія не могла найти болѣе подходящаго хозяина, чѣмъ Академія, и въ ея

¹⁾ Въ самое послѣднее время, когда эта статья уже была набрана, намъ пришлось услышать вѣсть, что въ частныхъ собраніяхъ гор. Кіева есть какіе-то номера С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, и весьма возможно, что даже именно за 1727 годъ. Однако это извѣстіе не давало намъ точныхъ данныхъ даже объ указанныхъ собраніяхъ, чтобы мы могли произвести осмотръ этихъ номеровъ.

²⁾ Полное собраніе законовъ № 5175.

рукахъ типографія была устроена, по выраженію Пекарскаго, „въ такихъ размѣрахъ, которыхъ никогда не достигала ни одна изъ прежде существовавшихъ въ Россіи книгопечатней, до самаго разрѣшенія учреждать подобныя заведенія частнымъ лицамъ“¹⁾. Она снабжала всѣмъ необходимымъ и другія казенныя типографіи; у нея же учились или отъ нея поступали и рабочіе. Подобной помощью позже пользовались всѣ казенныя типографіи: морского вѣдомства, Московскаго университета, сухопутнаго шляхетскаго корпуса, артиллерійская, сенатская.

Открывъ свою типографію, Академія Наукъ съ начала 1728 года начала издавать газету два раза въ недѣлю. Объ этомъ извѣщалось въ концѣ перваго номера: „Сіи вѣдомости будутъ впродъ дважды въ недѣль, а именно: во вторникъ и въ пятницу, на почтовомъ дворѣ и въ новой библіотекѣ выданы; которые охоту имѣютъ оныя держать, и за оныя половину денногъ напередъ платить, тѣмъ будутъ оныя порядочно присланы“. Въ 1729 году, вмѣсто пятницы, газета выходила въ субботу, а съ 1730 года—по понедѣльникамъ и четвергамъ. Форматъ ея былъ съ 1728 по 1804 годъ въ 4 листа; форматъ перваго года изданія установить нельзя. Каждый номеръ состоялъ изъ 4-хъ страницъ, перенумерованныхъ съ начала года, такъ что въ 1728 году всего страницъ 424. Первый листъ каждого номера имѣлъ слѣдующій заголовокъ: „Санктпетербургскія Вѣдомости № 1“. Въ срединѣ гербъ—двуглавый орелъ (онъ измѣнялся нѣсколько разъ, напримѣръ съ 7-го ноября 1729 года и др.). Во вторникъ 2 дня генваря 1728 года. Початаны въ типографіи Академіи Наукъ“. Со втораго года изданія газета выходила очень аккуратно; на слѣдующій день по выходѣ она уже была въ рукахъ петербургскаго читателя. Это видно изъ надписей, сдѣланныхъ неизвѣстной рукой на нѣкоторыхъ номерахъ, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ. Вѣдомости издаются, какъ мы видѣли, первый годъ при помощи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но непосредственно отъ Академіи. Позже для ихъ изданія былъ составленъ цѣлый штатъ сотрудниковъ съ редакторомъ—профессоромъ во главѣ. Такъ какъ академическая газета состояла большею частью изъ иностранныхъ извѣстій, почерпаемыхъ изъ газетъ, то главными сотрудниками ея были академическіе переводчики; ихъ всегда былъ цѣлый штатъ; такъ въ 1742 году было семь переводчиковъ: В. Третьяковскій—зналъ языки латинскій и французскій; Горлецкій—французскій; И. Голубевъ—латинскій и нѣмецкій; В. Ле-

¹⁾ Пекарскій, Исторія Ак. Наукъ, т. I.

бедсвь—латинскій и нѣмецкій; И. Поповъ—латинскій и нѣмецкій; И. Сочихинъ, Л. Рассохинъ—китайскій и манджурскій. Работа переводчиковъ производилась чисто канцелярскимъ путемъ: они лѣнились, маскировали своими обязанностями, не желали работать, за что получали угрозы и наказанія. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ указъ переводчику Фрейгангу 1742 года. „Ежели вы по сему исполнять, или же по вышеозначеннымъ днямъ прежде и послѣ обѣда для вѣдомостной работы со вѣщи къ тому принадлежностями ходить и оныхъ въ Академіи при своихъ мѣстахъ дѣлать не будете, а притомъ станете прежде того изъ Академіи уходить, и ежели послѣдняя ревизія и корректура вами отправится, или велите корректуру Вѣдомостей и примѣчаній къ себѣ на домъ носить, а отъ того сдѣлается въ отправленіи на почту Вѣдомостей съ примѣчаніями остановка, то во первыхъ будете штрафованы по регламенту вычетомъ жалованья, а послѣ де съ вами по силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества поступлено быть имѣетъ“. Подобными мѣрами и при подобной постановкѣ дѣла можно было заставить находиться на своихъ мѣстахъ, но отъ этого работа все же была за страхъ, а не за совѣсть. Къ тому же трудно было переводчикамъ иначе относиться къ дѣлу, при тѣхъ условіяхъ жизни, при которыхъ имъ приходилось работать. Отъ этихъ условій, несомнѣнно, многое зависѣло въ качествѣ академической газеты; и съ этой стороны интересно взглянуть на жизнь переводчиковъ, хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ, которые доступны намъ по архивнымъ документамъ.

Матеріальное положеніе ихъ было прямо бѣдственное. Переводчикъ Илья Петровъ получаетъ съ 1729 года „награжденіе токмо по два рубля на мѣсяцъ отъ чего въ крайней бѣдности и нищетѣ пребываетъ“. Онъ едва не умеръ съ голода, и скоро ему „не токмо не охотно“ будетъ работать, но и не возможно. Вслѣдствіе этого онъ проситъ Академію, „ежели его труды нынѣ и впредь угодны будутъ, чтобъ за оныя награжденія по 8 рублей на мѣсяцъ, съ нынѣшняго 1731 года, милостивѣйше опредѣлено было, дабы и впредь съ такою же охотою и прилежаніемъ могъ, съ какою и нынѣ, хотя съ превеликою трудностью, однакъжъ отправлять; что впредь, не имѣя ни пищи, ни одежды, учинить не токмо весьма неохотно, но и невозможно будетъ“¹⁾.

„Я въ твердомъ надѣяніи пребываю, — продожаетъ переводчикъ, что

¹⁾ Сухомлиновъ, т. II, стр. 50.

Государственная Академія Наукъ и сама моей работы напрасно не потребуетъ, также и того не пожелаетъ, чтобъ я, въ оя услуги будучи, безъ хлѣба и безъ одежды былъ: такъ какъ и нынѣ уже бы давно съ голоду умеръ, ежели бы нѣкоторый изъ моихъ милостивыхъ благодѣтелей, видя толикое мое бѣдное и весьма убогое состояніе, мнѣ пропитаніе не давалъ“¹⁾.

Казалось бы, что подобное положеніе переводчика Вѣдомостей обязывало Академію улучшить его, на самомъ же дѣлѣ Академія прибавила Петрову всего 4 рубля, но за то обязала новой работой: „а для совершеннаго нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ понятія и въ наукѣ искусства быть ему при адъюнктахъ Адольфъ Бергардъ, Крамеръ, Василии Адобуровъ и при Василии Третьяковскомъ переводчикъ. Кромѣ того, ему, Петрову, касающіяся до академической канцеляріи нѣмецкія письма переводить, и показанныя отъ адъюнктовъ и переводчика науки прилежно обучаться, и въ переводѣ остановки не чинить“²⁾.

Однако и на 6 рублей существовать можно было лишь при даровомъ столѣ изъ милости, какъ то пишетъ переводчикъ Илья Яхонтовъ: „По оному моему прошенію опредѣлено мнѣ тогда токмо по 6 рублей и за неизмѣнимъ свободной пищи, которую прежде отъ помянутого господина Шванвица получалъ, нынѣ себя содержать не могу и отъ того прихожу въ крайнюю бѣдность и превеликое разореніе“. Если къ этому мы прибавимъ, что и такое малонькое жалованье Академія платила неисправно, такъ какъ сама всегда нуждалась въ деньгахъ, то получается картина очень безотрадная. Надо принять еще во вниманіе, что переводчики были люди возмужалые и даже семейные; да ихъ профессія была все же изъ интеллигентныхъ, которая тоже обязывала къ извѣстному образу жизни и соответствующимъ расходамъ.

Переводчики несли массу обязанностей и всегда были завалены работой; такъ, кромѣ переводовъ для Вѣдомостей, они должны были слушать лекціи, заниматься науками и быть въ услуженіи у канцеляріи тоже въ качествѣ переводчиковъ большой корреспонденціи, происходившей на иностранныхъ языкахъ. Корректуру Вѣдомостей вели тоже переводчики. При такихъ условіяхъ, конечно, они не могли сколько-нибудь добросовѣстно относиться къ переводамъ иностран-

¹⁾ *Сухомлиновъ*, т. II, стр. 70.

²⁾ *Сухомлиновъ*, т. II, стр. 262—3.

ныхъ газетъ, отчего прежде всего страдали С.-Петербургскія Вѣдомости. Но едва-ли возможно ихъ винить въ этомъ.

Изъ отдѣльныхъ лицъ, участвовавшихъ въ газетѣ, надо отмѣнить ревностнаго сотрудника, оберъ-секретаря Ивана Кирилова. Онъ то сообщаетъ „для внесенія въ куранты о ярмаркахъ въ Ригѣ и въ Кіевѣ“, то шлетъ „малое нѣкоторое увѣдомленіе, что до коммерціи касается“. то его просятъ, чтобы онъ прислалъ что-нибудь; „ежели что куріозное найдеть въ архивахъ о фамиліяхъ“ и проч. — Словомъ онъ занимаетъ крупное мѣсто среди сотрудниковъ газеты 18-го вѣка, его первой половины, когда сотрудниками могли быть лишь люди съ положеніемъ, дѣлавшіе это лишь по охотѣ.

Во главѣ редакціи стоялъ назначенный Академіей редакторъ. Первымъ редакторомъ Вѣдомостей до сихъ поръ считался Миллеръ; однако, по его же свидѣтельству, первымъ редакторомъ былъ профессоръ Гроссъ. „Онъ писалъ, пишетъ Миллеръ, шесть мѣсяцевъ; слѣдующіе мѣсяцы писалъ г. Бекенштейнъ. Съ начала 1728 года это занятіе выпало на долю мнѣ“. Стало быть, Миллеръ былъ третьимъ редакторомъ академической газеты. На эту должность онъ былъ назначенъ указомъ президента 6-го января 1728 года. „По указу Ея Императорскаго Величества надлежитъ опредѣлить въ архивъ и для сочиненія нѣмецкихъ курантовъ изъ гимназій студента Миллера“¹⁾.

Онъ редактировалъ газету до половины 1730 года, когда былъ посланъ за границу въ командировку, а его мѣсто занялъ Крамеръ. Благоволившій къ Миллеру всесильный Шумахеръ писалъ по этому поводу за границу слѣдующее: „но на мой вкусъ онъ (Вѣдомости) были бы пріятнѣе, когда бы проходили черезъ ваши руки. Поэтому и для вашей выгоды я бы очень желалъ, чтобы вы посетили, какъ возможно скорѣе вашимъ возвращеніемъ“. По возвращеніи изъ-за границы Миллеру опять было возвращено редакторство Вѣдомостей. „Профессоръ Господинъ Герхардтъ-Фридрихъ Миллеръ, говорится въ постановленіи Академіи, долженъ, какъ прежде, писать С.-Петербургскія нѣмецкія вѣдомости и въ этомъ ему долженъ помогать адъютантъ г. Крамеръ; къ окончанію будетъ имъ прикомандированъ копіистъ Иванъ Шмидтъ, чтобы онъ могъ пужно какъ по нѣмецки, такъ и по русски писать и переписывать“²⁾...

Дружба Миллера съ Шумахеромъ скоро порвалась, и онъ прину-
ж-

¹⁾ *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 316.

²⁾ *Сухомлиновъ*, т. II.

день былъ даже ѣхать въ Сибирскую экспедицію, чтобы избавиться отъ преслѣдованій Шумахера. Вотъ какъ говорить объ этомъ самъ Миллеръ въ письмѣ къ Теплову: „Независть Шумахера противъ меня началась съ 1732 года, когда Сенатъ прислалъ указъ профессорамъ рассмотреть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоединиться при этомъ рассмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ, и такъ какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ меня... Для избѣжанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ“ ¹⁾.

Мы нарочно остановились на участіи Миллера въ Вѣдомостяхъ, такъ какъ онъ былъ выдающимся ихъ редакторомъ, послѣ котораго, можно съ увѣренностью сказать, академическая газета не имѣла подобныхъ. Миллера можно назвать организаторомъ Вѣдомостей, послѣ котораго въ нихъ долго ничто не измѣнилось. Выходившія при нихъ „Примѣчанія“ сыграли огромную просвѣтительную роль — этимъ Россія обязана всецѣло Миллеру. Поэтому нельзя не пожалѣть, что всевластіе Шумахера лишило газету такого незамѣнимаго труженника, каковымъ былъ Миллеръ.

Послѣ него редакторы С.-Петербургскихъ Вѣдомостей мѣнялись довольно часто; такъ въ 1733 году редакторомъ былъ назначенъ Таубертъ, который „при прочей своей обязанности отправлялъ по 1736 годъ“. Но и послѣ онъ не разъ занималъ эту должность. Въ 1743 году Академія Наукъ, „усмотрѣвъ въ прежнихъ, какъ Россійскихъ, такъ и нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, многіе неисправности приказала: для отвращенія оныхъ впредь поручить попрежнему сочиненіе вѣдомостей интерь-библіотекарю Господину Тауберту, которому при томъ же имѣть смотрѣніе надъ академическими переводчиками и исправляя ихъ переводы, прилагать возможное стараніе“ ²⁾. Послѣ пожара въ Академіи въ 1748 году Таубертъ отчисляется отъ должности редактора, и ему поручаютъ „привести въ извѣстность уцѣлѣвшія отъ огня книги и вещи, а выборка для газеты иностранныхъ извѣстій возлагается на Штелина“ ³⁾. Но и позже мы видимъ Тауберта у Вѣ-

¹⁾ *Пекарскій*, т. I, стр. 25—6.

²⁾ *Сужолинновъ*, т. V, стр. 1005—6.

³⁾ *Пекарскій*, т. I, стр. 617.

домостей; въ 1751 году, когда Ломоносовъ отказался отъ редакторства, онъ снова принялъ на себя эту обязанность. Не смотря на такое долгое занятіе академической газетой, Таубертъ не оставилъ какого-нибудь по себѣ слѣда. Вообще должность редактора замѣщалась тѣми, кто былъ угоденъ Шумахеру въ всякой зависимости отъ дарованій и наклонностей, что видно уже по одному поступку съ Миллеромъ. Да со временемъ роль редактора становилась только номинальной. За массою дѣлъ редакторы не успѣвали исполнять редакторскихъ обязанностей, и хозяевами газетнаго матеріала были переводчики. Одинъ изъ редакторовъ — Ломоносовъ довольно оригинально понималъ обязанности редактора: онъ пишетъ президенту Академіи слѣдующее: „По давной мнѣ академической канцеляріей инструкція должнъ я разсматривать только одинъ переводъ Россійской; а до Россійскихъ артикуловъ нѣтъ мнѣ никакого дѣла. Ибо оные присылаются отъ канцеляріи въ экспедицію, и такъ, какъ есть, печатаются; затѣмъ въ нихъ и ничего перемѣнять не должнъ, кромѣ погрѣшностей въ Россійскомъ языкѣ“ ¹⁾...

Но помимо такого взгляда на роль редактора, послѣдніе не могли удѣлить много своего труда на газету, какъ мы сказали, вслѣдствіе другихъ обязанностей. Миллеръ, напримѣръ, кромѣ изданія газеты и занятій въ архивѣ, велъ протоколъ академическихъ засѣданій и канцеляріи и иностранную переписку, держалъ корректуру въ типографіи и выдавалъ изъ библіотеки книги. Въ 1729 году, уѣзжая въ Москву, Шумахеръ еще передаетъ всѣ свои дѣла Миллеру же; „по присланнымъ отъ разныхъ коллегій и канцелярій промеморіямъ, и журнальной запискѣ, и прочее отправлять и подписывать Господину Миллеру“ ²⁾, говорится въ приказѣ Шумахера.

Этимъ порученіемъ, правда, Шумахеръ дѣлаетъ большую честь Миллеру, но отъ этого только могло ухудшиться дѣло изданія газеты: обремененный трудами Миллеръ не могъ ему отдавать много времени. Надо только удивляться энергіи и работоспособности Миллера, благодаря которой онъ могъ еще по своему личному почину издать „Примѣчанія“ къ академической газетѣ.

Подобное обремененіе работой редакторовъ было и позже. Напримѣръ, Нартову, стоявшему во главѣ всего управленія Академіи, поручается „въ главномъ надзираніи, во объявленіи всякихъ вѣдомостей.

¹⁾ *Вилерскій*, стр. 137.

²⁾ *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 595.

и газетовъ и прочаго, по силѣ именныхъ указовъ“ ¹⁾). Мудрено-ли, что вслѣдствіе этого переводчики часто были единственными распорядителями матеріала для газеты. И это не смотря на то, что въ редакціонной газетѣ принимала участіе еще и канцелярія. Это участіе ея носило скорѣе цензорскій характеръ. Но крайней мѣрѣ такой смыслъ можно придать по инструкціи Кейзерлинга, гдѣ въ 24 пунктѣ говорится: „нѣмецкія и русскія вѣдомости,... которыя доколѣ въ печать не придутъ, отъ господина Крамера... въ канцелярію принесены и отъ присутствующихъ членовъ цензурованы, то есть разсмотрѣны и гдѣтъ“. Позже по инструкціи 1748 года канцелярія цензуровала лишь русскія извѣстія газеты. Второй параграфъ инструкціи говоритъ: „Никакова артикула изъ Россіи, изъ какова бы мѣста ни было, безъ вѣдома президента или въ отсутствіи его канцеляріи, въ Вѣдомости не вносить же“. То же повторено и въ § 5: „Прежде нежели Вѣдомости въ народъ пущены будутъ, то напередъ по одному экземпляру русскихъ и нѣмецкихъ Вѣдомостей на почтовой бумагѣ Канцлеру въ домовую канцелярію вносить“ ²⁾).

Исполнялись эти инструкціи или нѣтъ, то есть цензуровала ли канцелярія академическую газету или нѣтъ, сказать трудно; но всегда, когда вслѣдствіе какихъ-либо ошибокъ въ газетѣ возникали недоразумѣнія, то взыскивали съ редакторовъ или переводчиковъ, а не съ „присутствующихъ членовъ“ канцеляріи.

3.

С.-Петербургскія Вѣдомости раздѣлялись на два отдѣла: вѣшнихъ извѣстій и внутреннихъ. Первый изъ нихъ всегда былъ обширнѣе и разнообразнѣе; напротивъ, русскихъ событій въ академической газетѣ было такъ же мало, какъ и въ Вѣдомостяхъ времени Петра. Онѣ помѣщаются въ концѣ номера и рѣдко когда занимаютъ больше одной двухъ страницъ. Лишь указы или какія-либо чрезвычайныя событія занимаютъ цѣлый номеръ. Внутренній отдѣлъ газеты носилъ officialный характеръ, и извѣстія для него собирались почти всѣ канцелярскимъ путемъ. Уже въ 1728 году Академія ходатайствуетъ передъ Сенатомъ, „чтобы повелѣно было изъ Коллегій и канцелярій и конторъ всякія вѣдомости къ печатанію тѣхъ газетовъ прислать въ оную Академію“. 1-го мая того же года, по представленію Алексѣя

¹⁾ Судомлиновъ, т. II, стр. 418.

²⁾ Искарскій, т. II, стр. 395—6.

Макарова, сенатъ удовлетворилъ ходатайство Академіи и разослалъ указъ, чтобы, „какъ изъ Сената, такъ и изъ Штатскихъ Коллегій и канцелярій и конторъ о принадлежащихъ къ вѣденію народному публичныхъ дѣлахъ, кромѣ секретныхъ и не подлежащихъ къ народному извѣстію, вѣдомости для печатанія въ газеты послать въ Академію Наукъ“¹⁾.

Этотъ указъ сената, вѣроятно, всюду былъ принятъ лишь къ свѣдѣнію, и Академія не получала ни откуда никакихъ извѣстій. Черезъ четыре года она опять ходатайствуетъ о присылкѣ извѣстій для газеты. „Понеже въ Академіи извѣстно учинилось, — читаемъ въ ходатайствѣ, что въ полицмейстерскую канцелярію присылаются изъ Москвы, изъ Правительствующаго Сената, о разныхъ дѣлахъ печатные указы и чинятся публичныя экзекуціи, а во Академію по выше описанному Ея Императорскаго Величества Указу для сообщенія въ куранты извѣстія не присылаются, опредѣлено: куда надлежитъ, и въ полицмейстерскую канцелярію, послать промеморію и требовать: ежели вновь какіе имѣются будутъ для публикаціи печатные указы, чтобъ для всенароднаго извѣстія сообщенія въ куранты во Академію Наукъ присланы были“. „Печатныхъ указовъ“, конечно, никому не нужно было скрывать, а потому учрежденія очень довольны были отдѣлаться отъ навязчивой Академіи этими указами. Съ этихъ поръ русскій отдѣлъ академической газеты состоитъ изъ скучнѣйшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій, за которыми скрывалась дѣйствительная жизнь страны. Лишь адмиралтейская коллегія сообщала о событіяхъ, происходившихъ въ ея судостроеніи, Такихъ извѣстій довольно много, и по нимъ можно прослѣдить развитіе нашего флота.

Гораздо большіи отдѣлъ Вѣдомостей былъ иностранный. Это былъ переводъ изъ иностранныхъ газетъ. Первый годъ изданія всѣ иностранныя извѣстія получались черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, позже же Академія сама получала много газетъ, откуда академическіе переводчики переводили для Вѣдомостей. Въ 1734 году Академіей получались слѣдующія иностранныя газеты²⁾: 1) Ганаускія; 2) Мангеймскія, 3) Франкфуртскія, 4) Лейпцигскія, 5) Гелскія, 6) Алтонайскія, 7) Прусская Фама, 8) Вѣискія, 9) Голандскія, 10) Французскія, 11) Амстердамскія, 12) Лейденскія французскія, 13) Швеція,

¹⁾ *Сухомлиновъ*, т. II-ой, стр. 85—6.

²⁾ Названія приводимъ въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ихъ въ архивныхъ бумагахъ.

14) ученые Лейпцигскія, 15) Ученныя нижней Саксоніи, 16) Ле пуръ и конгръ, 17) Письменные вѣдомости ¹⁾).

Перечисленныхъ названій достаточно для того, чтобы видѣть, что матеріалъ былъ очень богатъ и обширенъ. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ онъ не распредѣлялся по рубрикамъ или отдѣламъ; здѣсь политическія извѣстія первой важности стоятъ рядомъ съ полѣннымъ слухомъ суевѣрнаго характера, или съ извѣстіемъ о мошеннической продѣлкѣ. Такъ продолжалось довольно долго. Позже однако важныя извѣстія старались помѣстить впереди номера, и попадали они быстрѣе другихъ. Обыкновенно извѣстія изъ иностранныхъ газетъ перепечатывались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ черезъ мѣсяць послѣ совершенія событія ²⁾). Этотъ срокъ нуженъ былъ для того, чтобы иностранная газета пришла почтой въ Россію, была переведена въ Академіи, нужное выбрано для академической газеты и вышло изъ печати. Когда же С.-Петербургскія Вѣдомости стали цензуроваться въ сенатѣ, то извѣстія попадали въ нихъ гораздо позже, чѣмъ черезъ мѣсяць. Однако, когда у насъ началась въ сороковыхъ годахъ военная компанія, то важныя извѣстія помѣщаются черезъ 10 дней послѣ событія. Очевидно, они доставлялись особыми курьерами и печатались тотчасъ по полученіи, въ ближайшемъ номерѣ.

Долгое время С.-Петербургскія Вѣдомости издавались за отвѣтственностью и по усмотрѣнію редакторовъ; имъ не давалось никакихъ инструкцій или руководствъ. Только по прошествіи 20-ти лѣтъ изданія газеты при редакторѣ Штелинѣ была дана инструкція „Вѣдомостной экспедиціи“ относительно составленія вѣдомостей. Эта инструкція ясно намъ характеризуетъ то время и тѣ условія, при которыхъ издавался академическій органъ. Въ трехъ параграфахъ инструкціи излагается техническая сторона составленія Вѣдомостей. Эта часть ея тоже очень интересна; она раскрываетъ намъ весь канцелярскій механизмъ, черезъ который проходили Вѣдомости. „Господину надворному совѣтнику—читаемъ въ инструкціи—и профессору Штелину вѣдомости изъ иностранныхъ нѣмецкихъ и французскихъ письменныхъ и печатныхъ извѣстій, по понедѣльникамъ и четверткамъ, въ вѣдомостной экспедиціи писать и Лебедеву, Фрейдангу, Барсову и студенту Теплому оныя по прежнему переводить, а профессору Ломоносову оныя ихъ переводы править и послѣднюю оныхъ ревизію отправ-

¹⁾ *Сужожиносъ*, т. II-ой, стр. 525—6.

²⁾ Смотри газету за 1737 годъ.

лять. Корректуры какъ нѣмецкихъ, такъ и Россійскихъ Вѣдомостей въ вѣдомостной экспедиціи; а не дома — подѣ штрафомъ — дѣлать, чего ради имъ всѣмъ въ вѣдомостные дни въ экспедицію приходитъ и каждому должность свою притомъ вѣрно и радѣтельно исполнять“¹⁾.

Составленныя подобнымъ канцелярскимъ путемъ Вѣдомости по инструкціи „прежде нежели въ народъ будутъ пущены, то напередъ по одному экземпляру“ должны были вноситься въ домовую контору канцлера. Наиболѣе интересная часть инструкціи заключается въ руководствахъ принципиальнаго характера, именно: „Никакова артикуль изъ Россіи изъ какова бы мѣста не было, безъ вѣдома президента или въ отсутствіи его канцеляріи, въ вѣдомости не вносить же“. И „въ писаніи отъ всякаго умствования и предосудительныхъ экспресій удерживаться; особливо, что къ предосужденію Россіи или ея союзниковъ касается въ Вѣдомости не вносить“²⁾.

Несомнѣнно, правительству нежелательно было какое бы то ни было „умствование“, даже выходящее изъ подѣ цѣлаго ряда цензуръ, которыя проходили С.-Петербургскія Вѣдомости. Не удивительно, что въ нихъ мы не находимъ никакихъ статей или разсужденій, и что извѣстія все время походили на наши „телеграфскія“ извѣстія, гдѣ сообщаются лишь голые факты. Однако и эти краткія сообщенія по инструкціи запрещалось печатать, коль скоро они касались Россіи. Вотъ почему Вѣдомости состояли изъ малоинтересныхъ переводовъ и сухихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій.

Взглядъ на печать и право обсужденія политическихъ вопросовъ былъ въ самомъ обществѣ крайне примитивенъ: имъ совершенно не допускалось обсужденія политическихъ вопросовъ или распоряженій правительства. Въ такомъ видѣ онъ проводился и на страницахъ академической газеты. Въ № 88 за 1728 годъ въ письмѣ изъ Амстердама говорится: „Воинскихъ и мирныхъ дѣлъ основательно разсуждать суть, по моему мнѣнію, токмо тѣ достойны, которые случаи имѣютъ съ знат-

¹⁾ Пекарскій, т. II, стр. 395. О подробностяхъ технической стороны мы знаемъ еще изъ указа Фрейдангу отъ 1742 года: „въ каждой недѣлѣ со вторника на среду и съ пятницы на субботу съ нѣмецкаго на русскій языкъ переведены и Розе въ типографію вами исправно отданы были, дабы она въ среду и въ субботу по вечерамъ напечатаны, а въ четвертокъ и понедѣльникъ на почтовый дворъ отнесены и въ Москву отправлены быть могли“.

²⁾ Пекарскій, т. II, стр. 396.

ными министрами обходиться и которые о ихъ тайныхъ дѣлахъ извѣстны. Нѣкоторые принуждены скорлупами довольствоваться вмѣсто того, что сіи ядра находятъ; и когда такой, который сіе счастье не имѣеть, думаетъ, что онъ подлинно прицѣпился, то находится часто, что онъ въ средину цѣли не потрафилъ“.

„Что есть страніе, яко то, когда кто дѣйствительныя и важныя дѣла смѣшно изображаетъ. Что есть обыкновеннымъ правиламъ въ разсужденіи противіе, яко то, когда кто склоненіемъ нрава надъ мудростью власть даетъ и въ самомъ началѣ измѣняетъ, къ какой партіи онъ склоняется“.

Удѣляя столь незначительному количеству лицъ право заниматься политикой, авторъ письма требуетъ еще и того, чтобы всѣ политическія извѣстія приводить „въ прежнее состояніе, чисто и безъ фальши“, если онѣ искажены людьми повѣдущими.

Подобное мнѣніе о свободѣ слова проводилось на страницахъ газеты и позже. Въ 1728 году мы встрѣчаемъ слѣдующее обращеніе редактора къ публикѣ: „Но токмо сіе напередъ себѣ выговариваемъ, чтобы отъ насъ такъ именуемые резонеры или разсужденія не ожидать, какія на другихъ мѣстахъ со оными примѣчаніями сообщать обыкновенно есть. Сіе есть нашему намѣренію противно, которое токмо туды склоняется, чтобы оными публичные вѣдомости нашимъ читателямъ толь лучше и вразумительнѣе изъяснить“.

Столь же „противно“ было всякое затрогиваніе политики въ журналахъ и газетахъ другому редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей—Ломоносову. Но онъ идетъ даже дальше и совершенно изгоняетъ политику изъ періодическихъ органовъ, удѣляя имъ лишь выборки изъ академическихъ изданій и мемуаровъ. Взглядъ на печать и „должность журналистовъ“ Ломоносова крайне для насъ интересенъ, какъ выраженіе возрѣнія его современниковъ, и современниковъ, если можно такъ выразиться о нихъ, либерально настроенныхъ къ наукѣ и печати, а не мало было и такихъ, которые исповѣдывали Скалозубовское пожеланіе: „собрать всѣ книги, да и сжечь“.

„Всякій знаетъ, — говоритъ Ломоносовъ въ своемъ разсужденіи, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства, и мѣсто его заступила свобода разсужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожь не было бы такъ велико, еслибъ большая часть пишущихъ не смо-

трѣли на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы имѣть точное и основательное изслѣдованіе истины". Указавъ далѣе цѣль образованія академій и обществъ, Ломоносовъ переходитъ къ обязанностямъ журналовъ. „Что касается до журналовъ, пишеть онъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій, съ присоединеніемъ къ нимъ иногда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о какихъ-нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполненію. Цѣль и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобъ быстрѣе распространять въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами". Признавая за журналами подобную цѣль и возможность черезъ нихъ приращенія челоуѣческихъ знаній, Ломоносовъ однако очень недоволенъ издателями журналовъ и даже ихъ быстрымъ увеличеніемъ въ числѣ. „Журналы могли бы много способствовать къ приращенію челоуѣческихъ знаній, еслибъ издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля—вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнообразныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ; воля—чтобы, не имѣя въ виду ничего инаго, кромѣ истины, нисколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположенія, не сдѣлали бы этого, еслибъ ихъ не подстрекалъ къ тому голодъ и не заставилъ ихъ судить и рядить о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалили и не провознесъ какой-нибудь журналъ, и, наоборотъ, какъ бы превосходенъ не былъ трудъ, его непремѣнно очернить и растерзать какой-нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ. Послѣ того, количество журналовъ такъ умножилось, что уже некогда было бы читать книги полезныя и нужныя или самому думать и трудиться, еслибъ кто захотѣлъ собирать у себя и только перелистывать Эфемериды, Ученыя газеты, Литературныя записки, Библіотеки, Коментаріи и другія періодическія изданія этого рода. Поэтому разсудительные читатели и держатся только такихъ журналовъ, которые признаны за лучшіе, и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жалкія компеляціи, которыя только переписываютъ или искажаютъ сказанное другими, и которыхъ вся заслуга въ томъ, что онѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, расточаютъ желчь и ядъ. Журналистъ свѣдующій,

проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ то въ родѣ феникса¹⁾).

Далѣе Ломоносовъ предписываетъ „точные границы, въ которыхъ сдѣдуетъ оставаться“ критикамъ. Этими границами лишь „позволяется опровергнуть то, что по его (журналиста) мнѣнію, заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это вовсе не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе“; журналистъ долженъ всегда помнить, что „выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже несприятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрагиваетъ“. Что же касается сочиненій, изданныхъ какимъ-либо обществомъ или академіей, то ихъ и того меньше можно затрагивать, такъ какъ они уже носятъ на себѣ „печать уважительнаго одобренія“, и такъ какъ они признаны достойными лицами, которыхъ совокупность знанія естественно превосходить свѣдѣнія журналиста.

Достаточно этихъ выдержекъ, чтобы видѣть нанивность и первобытность взгляда на роль журналистики человѣка, который все же стоялъ цѣлой головой выше толпы. Этотъ взглядъ еще не доросъ до признанія за печатью и въ частности за журналистикой общественно-политическаго служенія народу...

4.

Однако сановники и правительство были настолько требовательны и щепетильны ко всему, что касалось ихъ, что Вѣдомости не были спасены отъ цензуры даже строжайшимъ соблюденіемъ приведенныхъ правилъ. Издававшіяся долгое время безъ цензуры, С.-Петербургскія Вѣдомости были отданы подъ цензуру сената. Казалось бы, что при отиѣченномъ характерѣ ихъ изданія, этого никакъ не могло случиться, однако въ исторіи нашей періодической печати случалось самое невозможное.

Въ 1742 году изъ сената присылается въ Академію указъ, по которому и была ограничена свобода академическихъ Вѣдомостей. „Понеже — говорится въ указѣ — въ Правительственномъ Сенатѣ усмотрѣно, что въ печатныхъ Санктпетербургскихъ Россійскихъ Вѣдомостяхъ отъ Академіи Наукъ являются напечатанныя многія несправодливости, какъ и въ печатныхъ февраля 26-го дня сего году подъ № 17 напечатано, якобы того числа Ея Императорское Величество дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Безстужева пожаловала

¹⁾ А. Пятковский. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. ч. II, стр. 27—30.

кавалерію святаго апостола Андрея, котораго пожалованія отъ Ея Императорскаго Величества не бывало, того ради по указу Ея Императорскаго Величества Правительственный Сенатъ приказалъ: Академіи Наукъ въ Сенатъ отвѣтствовать, съ чего оное въ тѣхъ Вѣдомостяхъ напечатано. А впредь той Академіи Наукъ показанія *Россійскія Вѣдомости печатать съ апробаціи Сенатской конторы, а безъ того отнюдь не печатать, дабы впредь такихъ же несправедливостей не было; и по нѣскольку тѣхъ печатныхъ Вѣдомостей присылать въ Москву въ Правительственный Сенатъ*“.

По такому пустому случаю газета была отдана подъ цензуру. И чтобы понять всю тяжесть постигшей кары, нужно припомнить, что почта въ Москву отправлялась лишь два раза въ недѣлю; шла она никакъ не меньше трехъ дней; обратно газета шла столько же; на цензуру номера нужно положить самое меньшее дней 5—6. Такимъ образомъ номеръ академической газеты вслѣдствіе цензуры ея въ Москвѣ терялъ дней 10—12, если удачно попадалъ къ почтовымъ днямъ и если его скоро разсматривали въ сенатѣ.

Академія Наукъ, какъ и слѣдовало ожидать, приняла эту кару безропотно и безъ всякихъ попытокъ отстоять свободу своей газеты. Она постаралась канцелярски отнестись отъ такого „казуса“, который грозилъ спокойствію, но она не пыталась защитить привилегію своей газеты. На приведенный указъ она затрбовала объясненія отъ редактора и запретила продавать номера безъ цензуры сената.

„Къ унтеръ-библіотекарю, господину Тауберту, послать справку, говорится въ резолюціи Академіи,—съ чего онъ сіе взялъ и отъ кого слышалъ и въ Вѣдомости внесъ 26-го февраля, якобы Ея Императорское Величество тогожъ числа тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Михаила Бестужева пожаловала кавалерію св. апостола Андрея, котораго пожалованія никогда не было. А въ контору Правительственнаго Сената послать нынѣшнія Вѣдомости для апробаціи, при допошеніи; а къ Розе дать ордеръ, чтобъ онъ Вѣдомости безъ апробаціи Сенатской конторы не отдавалъ“¹⁾.

Такое быстрое подчиненіе можно объяснить лишь тѣмъ, что газета находилась въ рукахъ чиновниковъ, которые относились совершенно безразлично къ газетѣ. Иначе Академія Наукъ могла бы вполне оправдаться передъ сенатомъ въ своемъ „преступленіи“. Это ясно изъ отвѣта Тауберта. Изъ него видно, что виновенъ былъ кто угодно, но

¹⁾ *Сугом. лнпость*, т. V, стр. 75—6.

но редакція Вѣдомостей; а виновны несомнѣнно были различныя учрежденія, которыя такъ боязливо относились ко всякой гласности и оставались глухи къ просьбамъ Академіи о доставленіи свѣдѣній для печатанія въ Вѣдомостяхъ.

„Понеже большая часть Санктпетербургскихъ артикуловъ—пишетъ Таубертъ — сочиняется по одному слуху или словесному объявленію, а для внесенія въ Вѣдомости весьма рѣдко письменное что сообщается, то и оное погрѣшеніе произошло отъ слуху, который тотчасъ послѣ его (Бестужева) пріѣзду при дворѣ носился, будто Ея Императорское Величество изволила на него надѣть голубую ленту“¹⁾.

Однако и предварительная сенатская цензура Вѣдомостей не могла избавить Академію отъ непріятностей, и редакторовъ еще и отъ взысканій. Въ томъ же 1742 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ сенатъ дѣластъ запросъ Академіи по словесному предложенію князя Пиколая Юрьевича Трубецкаго, „съ какого увѣдомленія внесено и для чего такъ неисправно было напечатано въ № 40 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей въ экстрактѣ изъ журнала о придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, происходившихъ Ея Императорскаго Величества при дворѣ“. Неисправность заключалась въ томъ, что въ описаніи аудіенціи представлявшихся грузинскихъ и милитинскихъ принцессъ Вѣдомости упомянули про двухъ монахинь, не приведя ихъ происхожденія. А онѣ были, какъ говоритъ сенатскій указъ, „не изъ простыхъ, но изъ знатнѣйшихъ фамилій, а именно: одна — царица грузинская, другая — царевна“. Сенату проще было бы обратиться къ своей конторѣ и спросить, почему она пропустила такой „экстрактъ“. На вину, если можно считать это виной, Сенатской конторы прямо указываетъ отвѣтъ Академіи, гдѣ говорится, что въ тѣхъ Вѣдомостяхъ напечатано было по силѣ присланнаго отъ находящагося въ Москвѣ Академіи Наукъ профессора Штелина письма, которымъ объявлено, что тотъ московскій артикулъ *уже въ Москвѣ* апробованъ. „А впредь, опять добавляетъ Академія, безъ апробаціи Правительственнаго Сената конторы русскихъ вѣдомостей въ печать она издавать не будетъ“.

Характерно въ этомъ больше всего то, что запросы и отвѣты начались по *словесному предложенію* кн. Трубецкаго, который, очевидно, находилъ, что цензура сенатской конторы недостаточно строга и одно только словесное предложеніе котораго было сильнѣе „апробаціи“ конторы сената.

¹⁾ *Сужомлинговъ*, т. V, стр. 81.

Взысканія съ редакціи газеты бывали даже по частному письму какого-нибудь сановника, заботившагося о чистотѣ и непогрѣшимости академической газеты. Такъ въ канцеляріи Академіи чинилась расправа въ 1749 году по письму ассессора Теплова къ совѣтнику Шумахеру, гдѣ говорилось о недостаточной учтивости въ помѣщенномъ на страницахъ газеты извѣстїи о пожалованїи Шувалова въ камеръ-юнкеры. Недостаточную учтивость Тепловъ усматривалъ въ отсутствїи отчества Шувалова. По этому письму канцелярія Академіи „учинила“ выговоръ переводчику и корректору, „дабы они впредь чины особливаго достоинства всегда вносили въ газеты съ ихъ именами и отчествомъ и съ надлежащею учтивостью“, а отъ Ломоносова потребовала отвѣта.

Ни переводчикъ, ни корректоръ, ни Ломоносовъ не были нисколько виновны въ случившемся. Первые доносили Академіи, „что мы тогда у многихъ людей объ отечествѣ (sic) его спрашивали, но никто намъ того объявить не могъ; чего ради мы, отчества его не зная, такъ и оставили; а ежели бы знали, то бѣ оного поставить никакъ не преминули“. Ломоносовъ по свойству своего самостоятельнаго характера доносилъ Академіи нѣсколько въ иномъ стилѣ. „Въ присланномъ отъ Вашего Вы-родїя ко мнѣ—писалъ онъ—отъ 15-го числа сего мѣсяца письмѣ объявлено мнѣ, яко бы несмотрѣніемъ моимъ въ Московскомъ артикулѣ здѣшнихъ вѣдомостей пропущено отчество двора Ея Величества камеръ-юнкера И. И. Шувалова. На сіе Вашему В-дію доношу, что по данной мнѣ отъ Академической Канцеляріи инструкціи долженъ я разсматривать только одинъ переводъ Россійской; а до Россійскихъ артикуловъ *мнѣ мнѣ никакого дѣла*. Ибо оныя присылаются отъ канцеляріи въ экспедицію, и такъ, какъ есть, печатаются: затѣмъ въ нихъ я ничего перемѣнять не долженъ, кромѣ погрѣшностей въ Россійскомъ языкѣ ¹⁾, а особливо что въ данной мнѣ инструкціи предписано отъ всякихъ умствованїй удерживаться“ ²⁾.

Мы приведемъ еще одинъ очень интересный фактъ. Если въ указанныхъ случаяхъ Академія имѣла столкновенїя съ правительствомъ, то на этотъ разъ она нажила себѣ непрїятности изъ-за Вѣдомостей отъ своего же сочлена, именно отъ академика Ломоносова, который самъ же пострадалъ отъ нападокъ на редакцію газеты. Но это не помѣшало ему требовать „штрафованїя“ редакціи по пустому дѣлу, которое Ломоносовъ старался раздуть въ государственное преступленіе, угрожавшее будто бы чести русской арміи.

¹⁾ *Сухомлиновъ*, т. IV.

²⁾ *Биллерскій*, стр. 36—7.

„Съ сожалѣніемъ я слышалъ—представлялъ Ломоносовъ въ Академію—что не токмо въ городѣ, но и при дворѣ Ея Императорскаго Величества знатныя особы негодуютъ на канцелярію Академическую (за) несправедливый поступокъ, что она по сіе время не учинила изысканія и рассмотрѣнія о томъ, какимъ образомъ и отъ кого произошла непростительная погрѣшность при переводѣ и печатаніи реляціи о взятіи Берлина, и не учинено виновнымъ въ томъ штрафа. Напротивъ же того корректора Барсова штрафовали за то, что сдѣлалъ ошибку при корректурѣ въ титулѣ знатнаго человека. И какъ сію ость дѣло приватное, а *онѣе до чести и славы войскъ Ея Императорскаго Величества касаетца и требуется* стращайшаго изслѣдованія и штрафа“. Въ виду опасности для чести войскъ онъ требуетъ „штрафованія“ редакціи. Это свое ходатайство со ссылками на дворъ Ея Императорскаго Величества и на отвѣтственность самой канцеляріи Академіи Ломоносовъ возобновлялъ нѣсколько разъ.

Дальше этого уже кажется идти некуда. До такого абсурда можно дойти лишь при указанныхъ условіяхъ времени. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять домогательство Ломоносова враждой къ вѣщамъ и особенно Тауберту, редактировавшему академическую газету.

5.

Что сказать о сферѣ вліянія академическихъ Вѣдомостей на русское общество? Въ первую половину 18-го вѣка наша газета не имѣла многихъ читателей и не оставила по себѣ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда въ русскомъ обществѣ. Последнее еще само не вышло изъ поголовной неграмотности и не успѣло развить въ себѣ потребности къ чтенію, особенно газетъ. Однако и С.-Петербургскія Вѣдомости могли заинтересовать очень немногихъ; они могли быть интересными лишь для придворныхъ сановниковъ, такъ какъ тамъ часто сообщались свѣдѣнія изъ придворной жизни, для должностныхъ лицъ, такъ какъ тамъ помѣщались указанія, манифесты, новые законы и другія распоряженія, наконецъ, эту газету могли читать люди, интересующіеся жизнью иностранныхъ государствъ. Но такихъ было очень мало. Академія принимала съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы улучшить свою газету и, аккуратно ее выпуская въ свѣтъ, распространить ее среди общества. Но ей удавалось лишь одно—аккуратное издательство газеты; улучшеній же за цѣлую четверть вѣка не замѣтно почти никакихъ. Такъ же мало ей удалось привлечь на нее подписчиковъ, а

съ этой стороны не мало было старанія. Очень рано Академія ходатайствуетъ передъ сенатомъ о томъ, чтобы всѣ правительственныя учрежденія выписывали Вѣдомости по указу сената. Въ 1728 году 12-го января Академія писала: „Понсже при Академической типографіи печатаются газеты (или куранты) на нѣмецкомъ, на латинскомъ и на Россійскомъ діалектахъ, съ иностранныхъ газетовъ; того ради Академія Наукъ покорно проситъ, дабы Высокій Сенатъ благоволилъ объявить въ коллегіяхъ и конторахъ указомъ Ея Императорскаго Величества, чтобы, ежели сблаговолитъ коллегіи для вѣдома брать, какъ отъ российскихъ, такъ и нѣмецкихъ, отъ всякаго выхода по одному газету (sic), и за оныя платить бы въ годъ по осми рублевъ отъ каждой коллегіи“. Это ходатайство Академія повторяла не разъ съ большою настойчивостью; она дѣлала всякія льготы по уплатѣ подписной платы и даже уменьшала ее до половины.

Такъ въ письмѣ къ Кипріянову изъ Академіи находимъ напоминаніе о платѣ Академіи, при чемъ плата понижается до трехъ рублевъ въ годъ; „когда бъ по подданному отъ насъ доношенію о вѣдомостяхъ— ипнуть къ Кипріянову — такое рѣшеніе учинено было, чтобы всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и магистраты и въ завоеванныхъ провинціяхъ по экземпляру брали, при заплаченіи четырехъ, или хотя бы и трехъ рублевъ, то бъ мы нашу типографію скоро въ состояніе привели, отчего и самому народу великая польза быть имѣетъ. И такимъ образомъ можно онымъ часть отъ часу охоту и желаніе къ наукамъ присовокупить“.

Но смотря на такія вѣскія доказательства и мотивы просьбы, или сенатъ не исполнялъ ея, или же коллегіи и конторы оставались глухи къ народной пользѣ и къ охотѣ къ наукамъ; по крайней мѣрѣ свое ходатайство Академія возобновляла въ 1732 и 1733 годахъ. Трудно сказать, по своему желанію или по указу сената, наконецъ, конторы и коллегіи стали получать академическую газету. Такъ въ 1743 году мы видимъ въ числѣ должниковъ Академіи за газету почти всѣ правительственныя учрежденія Петербурга и нѣкоторыя провинціальныя.

Но мало стараній приложила Академія къ тому, чтобы распространить свою газету и среди частныхъ лицъ. Въ 1728 года она публикуетъ, что ою паводона особая книга для того, „ежели кто пожелаетъ изъ любопытныхъ людей имѣть чрезъ весь нынѣшній 1728 годъ оныя куранты, отъ перваго нумера до послѣдняго, въ каждую недѣлю по два выхода и оный да подпишется въ той книгѣ, чтобъ ему за оныя куранты платитъ въ годъ по четыре рубля. И долженъ тотъ на первую

половину года напередъ заплатить два рубли, а остальные при окончаніи года два рубли жъ. Такжеже и обычная реляція безденежно быть людямъ даваны будутъ“ ¹⁾. Въ Петербургѣ Вѣдомости продавались на почтовомъ дворѣ и въ новой библиотекѣ, а позже въ академической книжной лавкѣ. Помера для продажи посылались и въ Москву. Въ апрѣлѣ 1728 года туда было послано 20 экземпляровъ по письму оберъ-секретаря Н. Кирилова. При посылкѣ просили „ежели на оныя охотники сыщутся—продать. А мы здѣсь за цѣлый годъ беремъ по четыре рубли, а ремарки и что еще при томъ случится при оныхъ курантахъ, такъ отдаемъ. А ежели которыя по частямъ оныя покупаютъ, тѣмъ платить за всякую вѣдомость: за пол-листа — двѣ копейки, за три четверти—три копейки, за цѣлый листъ четыре копейки“. Тогда же Академія желала открыть свою лавку въ Москвѣ и даже „въ прочихъ мѣстахъ“, подъ которыми надо понимать большіе города, какъ Кіевъ и другіе. Объ этомъ планѣ идетъ рѣчь въ упомянутомъ только что письмѣ: „Мы думаемъ нынѣ прямую академическую книжную лавку какъ въ Москвѣ и въ прочихъ мѣстахъ завести. Впрочемъ прошу васъ, моего государя, о семъ мнѣ ваше мнѣніе открыть и въ семъ помоществовать, какъ оное учинить надлежитъ. А я уже прежде съ господиномъ оберъ-секретаремъ о семъ говорилъ“ ²⁾.

Но продажа Вѣдомостей, очевидно, въ Москвѣ пошла плохо, и осуществитъ этотъ планъ Академіи долго не удавалось. На это прямо указываетъ письмо Василя Адабурова изъ Москвы въ 1742 году. „Вѣдомостями, пишетъ онъ, мы здѣсь такъ скудны, что оныхъ нигдѣ сыскать не можемъ. На почтовый дворъ приходятъ онѣ только для тѣхъ, которые ихъ нарочно выписываютъ; чего ради почель бы я то за многое отъ Вашего благородія одалженіе ежели бы ихъ здѣсь чрезъ ваше благодѣяніе получать могъ“.

На этотъ холодный пріемъ академической газеты Академія такъ жалуется Кипріянову: „Когда бы всѣ люди такое усердіе и инклинацію къ наукамъ имѣли, какъ ваше благородіе, то бы сихъ прошеній (о подискѣ на Вѣдомости всѣми правительственными учрежденіями) и не надобно было; но мало такихъ находится“.

Вотъ каковъ пріемъ и успѣхъ должна была испытывать на издательскомъ поприщѣ Академія. Возможно-ли здѣсь говорить о какомъ-

¹⁾ Сухомятиновъ, т. I, стр. 358.

²⁾ Сухомятиновъ, т. V, стр. 103.

либо вліяніи газеты на общество или о какомъ-либо слѣдѣ, который можетъ оставлять въ наше время серьезный періодическій органъ въ такое продолжительное время, какъ 25 лѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Ни вліянія, ни слѣда академическая газета не оставила по себѣ за этотъ промежутокъ времени. Не достаточно еще аккуратно выпускать номера, надо ихъ заполнить интереснымъ содержаніемъ и сумѣть заинтересовать читателя, а въ то время еще пробудить его, приучить къ чтенію.

Это еще не лишаетъ права Вѣдомостей на свое значеніе въ исторіи нашей періодической печати и даже въ нашемъ просвѣщеніи. Вѣдь не надо забывать, что Вѣдомости времени Петра и С.-Петербургскія Вѣдомости за первые 25 лѣтъ своего существованія составляютъ не только дѣтство, но даже младенческую пору нашей печати и нашего просвѣщенія, и, какъ таковыя, онѣ не могли имѣть большого вліянія, онѣ не могли даже имѣть большей аудиторіи. Но онѣ подготовили почву для лучшаго времени нашей періодической печати, ея дѣтскаго и юношескаго возраста, когда печать выросла изъ правительственныхъ пеленокъ и когда она вырвалась изъ узкихъ рамокъ и перешла въ частныя энергичныя и болѣе способныя руки. До этого момента ей нужно было завоевать себѣ еще право на существованіе и привить это право въ умы общества.

Въ этомъ значеніе періодической печати первой половины 18-го вѣка. Во второй половинѣ сего печати уже не пришлось тратить на это время—она могла прямо приступить къ своему развитію, не боясь, что ея голосъ останется „вопіющимъ въ пустынь“.

6.

Однимъ изъ важныхъ усгѣховъ періодической печати является удобопонимаемость текста, легкость чтенія, иначе сказать, доступность текста и простота слога, которымъ издается газета. Нельзя сказать, чтобы академическія Вѣдомости достигли этого въ разбираемый періодъ изданія, какъ и другія изданія Академіи. На это по безъ основанія роптала читающая публика. По свидѣтельству Миллера, напримеръ, краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ, изданное Академіей, „никто не хотѣлъ похвалить, *не умѣли понять что читали*, и свое неумѣніе называли *темнотою изложенія* и невѣрностью перевода“. Подобныя неудовольствія высказывались и на переводчиковъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. И послѣдніе во многомъ оставляли желать лучшаго.

Мы уже указывали, какой переворотъ долженъ былъ произойти въ языкѣ со вступленіемъ Россіи на новый путь, съ наплывомъ новыхъ понятій, представленій, новыхъ неизвѣстныхъ словъ и оборотовъ рѣчи. Этотъ переворотъ еще не былъ урегулированъ во время академической газеты, но крайней мѣрѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ ся паданіи. И Академія Наукъ была бессильна его урегулировать и что-нибудь сдѣлать въ улучшеніи русскаго языка.

Дѣло въ томъ, что мѣсто, отведенное въ Академіи для историко-филологическихъ наукъ, было ничтожно, и онѣ подавлялись прикладными науками, а на ряду съ ними страна болѣе всего нуждалась въ историко-филологическихъ наукахъ, и скорѣе всего именно онѣ могли привиться въ обществѣ. Но Академія Наукъ была основана по проекту Петра, симпатіи котораго склонялись къ утилитарнымъ наукамъ; поэтому Академія сначала мало обращала вниманія на изученіе русскаго языка. Лишь по собственному почину академическихъ профессоровъ это изученіе нѣсколько двинулось впередъ. Такъ какъ занялся церковно-славянскою литературой, Байеръ, занимаясь изученіемъ Россіи, побуждалъ своего молодого адъюнта къ занятіямъ славянскимъ и русскимъ языками. Студентъ Адауровъ составилъ русскую грамматику, напечатанную въ видѣ прибавленія къ нѣмецко-русскому словарю въ 1731 году. Вотъ и все, что было предпринято къ усовершенствованію языка; эти личные починны были очень ничтожны, чтобы справиться съ переворотомъ. Лишь въ 1735 году при Академіи было образовано „Россійское собраніе“ для очищенія и облагороженія русскаго слова. Потребность въ этомъ уже чувствовалась всѣми. 14-го марта въ первомъ засѣданіи собранія В. Третьяковскій сказалъ рѣчь, ярко рисующую намъ положеніе русскаго языка и его нужды. „При благосклонной державѣ — началъ онъ съ традиціонной хвалы монарху — сего дождались мы щастія, мои господа, что и совершенства Россійскаго языка понеченіе воспріемлютъ. Сіе дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Императорской Академіи командиръ остроумный, искусный и мудрый мужъ, на васъ полагаемъ, вамъ ввѣряемъ, и всего къ тому возможнаго прилѣжанія, къ вящему прославленію Россійскаго народа и его слова, отъ васъ ожидаемъ. Однако сіе коль не полезно есть Россійскому народу, то есть возможное дополненіе языка, чистота, красота, и желаемое потомъ его совершенство, но мнѣ толь трудно быть кажется, что не страшитъ упаваю и васъ, мои господа, трудностью и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ и

новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и единно, и если собою колько проливаетъ пота извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, а вамъ самимъ, которые нынѣ трудятся; но и о грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію, и основанной на ономъ, въ которой колы много есть нужды, толь много есть и трудности; но и дікціонаріѣ полномъ и довольномъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословной Сизифѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самаго почитай верха на низъ его не хотя опускаться; но и о Реторикѣ, и стихотворной наукѣ, что все чрезъ мѣру затрудить васъ можетъ" 1).

Какъ видно, программа Россійскаго собранія намѣчалась очень обширная и работа ея членовъ не легкая, тѣмъ болѣе несложная. Въ этомъ убѣждаютъ насъ только что приведенные отрывки рѣчи Третьяковскаго; нельзя сказать, чтобы она отличалась ясностью, простотой и чтобы нечего было требовать отъ ея автора въ этомъ отношеніи. Тяжелые и едва понятные для насъ періоды рѣчи не легки были и для современниковъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Однако Россійское собраніе не принесло пользы русскому языку—оно скоро прекратило свое существованіе „естественною смертью“. Позднѣ Ломоносовъ старался возвратить его къ жизни, но безъ успѣха. Такимъ образомъ русскій языкъ былъ оставленъ на разрѣшеніе судьбы и времени, и послѣдняго много потребовалось, чтобы довести рѣчь до настоящаго состоянія. Извѣстно, что главная заслуга нашихъ писателей 18-го вѣка заключается въ трудахъ по изученію и улучшенію языка. Въ первую же половину этого вѣка наша газета не могла не страдать отъ того состоянія языка, которое мы только что характеризовали. Самы редакторы Вѣдомостей сознавали, что слогъ ихъ газеты тяжелъ и требуетъ поясненій и поправокъ.

Большое значеніе для вліянія на общество газеты имѣеть ея содержаніе: Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ оно было немного богаче и обширнѣе, чѣмъ въ предшествующихъ, но все еще недостаточно. Для исторіи быта, правоты и внутренней жизни русскаго народа историкъ не найдетъ въ нихъ много матеріала. Но за то онъ будетъ въ болѣе счастливомъ положеніи, если пожелаеть изобразить официальную жизнь государства, особенно атмосферу и бытъ русскаго двора, или политическую жизнь иностранныхъ государствъ и ихъ

1) *Куникъ*. Сборникъ матер. для ист. Н. А. Н., т. I.

войнъ. Въ официальной жизни Россіи за описываемый періодъ совершилось много перемѣнъ важнаго свойства, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ развитія преобразованій Петра Великаго; жизнь текла далеко ненормальнымъ путемъ, и академическая газета, конечно, волею или неволею не могла не отражать на собѣ этой быстрой смѣны событій.

Мы, въ заключеніе, должны сказать, что Академія поддержала начатое Петромъ дѣло и спасла его; она не дала умереть совершенно періодической печати въ Россіи и всѣми средствами старалась ее развить.

Въ этомъ ея заслуга передъ русской газетою, печатью, просвѣщеніемъ и обществомъ.

III,

„Примѣчанія“, первый русскій журналъ.

1.

Наша первая газета появилась волею великаго преобразователя. Путь первый журналъ могъ появиться лишь по почину частныхъ лицъ, хотя бы и входившихъ, какъ часть, въ правительственный аппаратъ. Такими лицами являлись профессора и адъюнкты Академіи Наукъ. Собственно они были тѣ же чиновники, тѣ же ставленники правительства; такъ смотрѣло на нихъ правительство, такъ принималось это и самими профессорами. Только въ ихъ вѣдѣніи была наука и народное просвѣщеніе.

Это положеніе членовъ Академіи Наукъ однако не отнимаетъ заслугъ у тѣхъ трудовъ и начинаній, которые были сдѣланы отдѣльными лицами. Особенно полезно и важною для нашего просвѣщенія дѣятельностью была дѣятельность адъюнкта Миллера. По его личному почину начался у насъ журналъ, играющій такую огромную просвѣтительную роль; благодаря неутомимой его дѣятельности совершилось развитіе нашего перваго журнала и завоевано было право періодической печати.

Намъ не разъ приходилось упоминать о „Примѣчаніяхъ“ къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ. Ихъ-то и можно съ полнымъ правомъ назвать первымъ русскимъ журналомъ. Правда, издатель самъ не представлялъ собѣ ясно, для чего онъ издастъ „Примѣчанія“, но дѣло было набросана очень широко ихъ программа, да и тотъ видъ, который они приняли, вполне отвѣчаетъ задачамъ журнала, особенно

если принять во вниманіе время изданія и то, что это былъ лишь *первый* опытъ.

Происхожденіе „Примѣчаній“ не оставляетъ никакихъ сомнѣній: Само ихъ названіе—мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ вѣдомостяхъ или просто Примѣчанія на Вѣдомостя (при Вѣдомостяхъ)—уже показывають, что они призывались на служебную роль: служить поясненіемъ неясныхъ или незнакомыхъ мѣстъ, встрѣчавшихся въ текстѣ Академической газеты. Такъ это первоначально понималось редакторомъ газеты Миллеромъ. Объ изданіи „Примѣчаній“ онъ доводитъ до свѣдѣнія лишь „охотниковъ Россійскихъ Вѣдомостей“; въ предисловіи на второй годъ цѣль „Примѣчаній“ онъ видитъ въ томъ, „чтобъ оными публичныя Вѣдомости нашимъ читателемъ толь лучше и вразумительнѣе изъяснить“... Еще въ Вѣдомостяхъ времени Петра намъ приходилось отмѣчать нерѣдкіе случаи поясненія текста или какихъ-либо его словъ, но эти поясненія были случайны и малы, читателю же было очень трудно ориентироваться въ новыхъ свѣдѣніяхъ и разобраться въ новыхъ словахъ. Недостатокъ самыхъ необходимыхъ знаній очень чувствовался среди читателей газеты, черпавшей матеріалъ изъ иностранной печати. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ и чтобы облегчить трудъ читателя, Миллеръ и задумалъ издавать „Примѣчанія“.

Задуманная такъ скромно, „Примѣчанія“ въ своемъ исполненіи росли до крупныхъ размѣровъ и заняли почетное мѣсто въ исторіи русской періодической печати и просвѣщенія.

Уже въ первый годъ изданія Миллеру удалось помѣстить довольно обширныя статьи, интересныя по содержанію. Статьи эти знакомили большею частью съ жизнью иностранныхъ государствъ и были цѣлымъ откровеніемъ для русскаго читателя. На второй годъ Миллеръ могъ уже издавать при каждомъ номерѣ газеты по два раза въ недѣлю по листу, изъ четырехъ, а иногда и болѣе страницъ. Всего за второй годъ „Примѣчанія“ занимають 416 страницъ, вмѣсто 96 въ первый годъ изданія. Скоро Миллеру удалось вокругъ себя собрать дѣятельныхъ сотрудниковъ изъ членовъ Академіи, и „Примѣчанія“ могли еще болѣе расширить свою программу. Вотъ какъ Миллеръ оповѣщалъ своихъ читателей объ этомъ преобразованіи: „что до сихъ поръ нашихъ трудовъ касается, то издавали мы мѣсячныя примѣчанія уже въ прошломъ году и были намѣрены оныя по воспріятому обыкновенію и впредь непремѣнно производить. Но понеже до оныхъ многіе охотники нашлись, которые желаютъ, чтобы оныя такожде и

на нѣмецкомъ языкѣ читать возможно было, то воспріять намѣреніе, желаніе оныхъ, не смотря на всѣ помянутыя трудности, исполнить, и отъ нынѣшняго времени повседѣльно дважды по половинѣ листа оныхъ примѣчаніевъ издавать. Ко исполненію сего намѣренія собрались разные персоны, изъ которыхъ всякой трудиться будетъ къ пользѣ и къ удовольствію читателей нѣчто сообщать. И тако не имѣемъ причины опасаться, чтобъ намъ въ томъ какой недостатокъ приключиться могъ, понеже мы оныя *такъ распространить намѣрены*, что нетоко, какъ въ прочемъ обыкновенно, новую политическую історію, генеалогію и географію изъяснять, но и во всемъ прочемъ, что токмо въ вѣдомостяхъ приключиться можетъ, на наше мнѣніе объявлять будемъ, мы не будемъ стужать, временемъ на древніе и средніе времена обращаться, и о тогдашнемъ состояніи государствъ, земель и высокихъ фамилиевъ разсматривать. Такожде не оставимъ при даномъ случаѣ изъ разныхъ частей натуральной, церковной и ученой історіи многое прибавлять, что мы нашимъ читателемъ пріятнаго и полезнаго извѣщаемъ“. Какъ видно, Миллеръ задавался широкой программой, которую онъ обѣщаль исполнить въ „Примѣчаніяхъ“. Одно исключаль онъ изъ программы нашего перваго журнала, что впоследствии стало едва ли не главнымъ матеріаломъ и не лучшей заслугой нашихъ журналовъ, это „такъ именуемые резонеры или разсужденія“. Какъ мы уже видѣли, время было таково, что журналъ могъ быть исключительно научнымъ, какъ газета—лишь сборникомъ краткихъ сообщеній. Миллеръ откровенно предупреждаетъ читателя о программѣ журнала, „чтобъ отъ насъ такъ именуемые резонеры или разсужденія не ожидать, какія на другихъ мѣстахъ со оными примѣчаніями сообщать обыкновенно есть. Сіе есть нашему намѣренію противно, которое токмо труды склоняется, чтобъ оными публичныя вѣдомости нашимъ читателемъ толь лучше и вразумительнѣе изъяснить“.

Но съ первыхъ же номеровъ „Примѣчаній“ стало ясно, что Вѣдомости являются лишь поводомъ къ выполненію приведенной обширной программы научнаго журнала. Это скоро почувствовалось читателями и созналось авторами. Такъ въ 1733 году въ „Предсказаніи“ (т. е. предисловіи) „сочинители примѣчаній“ сочли нужнымъ объяснить планъ изданія журнала слѣдующимъ образомъ. „Мы нѣкоторые члены Академіи, которыхъ должность есть всѣми надлежащими средствами о распространеніи наукъ въ такомъ народѣ, въ которомъ она еще продѣтсколькими не многими годами въ возвращеніе пришла, стараніе

имѣтъ и наши примѣчанія ни для какого иного конца не выдаются, какъ для сегожь. И такъ всякъ самъ легко увидѣтъ можетъ, что мы отъ другихъ, надъ вѣдомостями равныхъ же трудъ имѣющихъ, весьма различествуемъ, и по сему основанію никому сіе дивно не покажется, хотя бы кто и малѣйшее разсужденіе употребилъ, что части матеріи отъ части переведенныя, а отъ части отъ насъ самихъ здѣланныя находятся, но которыя, какъ мы въ томъ сами призналися, либо весьма никакого либо очень малое сходство съ вѣдомостями имѣють. Понеже Академія Наукъ распространеніе высочайшихъ частей науки, что не всякаго человѣка дѣло есть другимъ родомъ писанія, на латинскомъ языкѣ, свѣту сообщаетъ: то осталось намъ къ описанію въ нашихъ листочкахъ отъ части многого размышленія, искусствомъ вѣдомыя, а отчасти такія истины, которыя легко понять можно“.

Такимъ образомъ „Примѣчаніями“ ставится задача не пояснять текстъ Вѣдомостей, а популяризировать науку. Страна наша болѣе, чѣмъ въ другомъ, нуждалась въ просвѣщеніи, и Академія, трудясь надъ „высочайшей“ наукой, старается распространить среди общества „такія истины, которыя легко понять можно“. При этомъ академики не рѣшаются еще покинуть заведенный пріемъ приурочивать статьи „Примѣчаній“ къ тексту газеты, но они признаются, что онъ весьма часто нарушался. Но хотя бы онъ и не нарушался, это еще не указываетъ на зависимость „Примѣчаній“ отъ газеты и на ихъ служебную роль. Что, напримѣръ, общаго между сообщеніемъ о прибытіи кораблей Остендской компаніи въ Голландію и исторіей возникновенія этой компаніи и ея могуществомъ въ торговомъ мірѣ? Или что общаго между извѣстіемъ о рѣшеніи нашими академиками задачи, предложенной Парижской академіей, и исторіей академіи, начиная съ Платона, „прадѣда всѣхъ философовъ“, которую даютъ „Примѣчанія“? Или между извѣстіемъ о покупкѣ купцомъ египетской муміи и цѣлымъ трактатомъ о муміяхъ и іероглифахъ и т. д.

Между поводомъ для статьи и ея развитіемъ было очень мало общаго или даже ничего. Отсюда ясно, что „Примѣчанія“, задуманныя съ цѣлью пояснять академическую газету, очень скоро превратились въ самостоятельный органъ, цѣлью котораго было популяризировать науку и вообще различныя знанія.

2.

Выпуская свои „Примѣчанія“, издатель еще не зналъ, какъ приметъ его труды читатель, и угодить ли онъ ему. Такъ заключаетъ свое

предисловіе Миллеръ не разгаданнымъ предположеніемъ: „Любезный читатель, ты будешь оныя употреблять по твоему соизволенію, изволишь ли оныя того удостоить, чтобъ тебѣ оными нѣсколько праздныхъ око мгновеня препроводить, или ты оныя къ чему послѣдпѣйшему употреблять изволишь. Оныя рекомендовать разсудили мы занотребно, понеже всякіи пользу такихъ трудовъ самъ отъ себя увидить. И тако можемъ мы тебя сими вмѣсто предисловія удовольствовать, вручая себя твоей любви и склонности, а въ прочемъ ничего болѣе не желаемъ, какъ всякому угоднымъ быть“.

Это свое намѣреніе Миллеръ и его преемники осуществляли, руководясь умственными потребностями читателя; а онѣ сводились къ сообщенію историческихъ, географическихъ и другихъ свѣдѣній, къ ознакомленію читателя съ жизнью естественнаго міра, явленія котораго толковались исключительно съ суевѣрной точки зрѣнія; подобныя толкованія нуждались въ опроверженіяхъ и объясненіяхъ естественныхъ явленій, по выраженію „Примѣчаній“, „подлинныхъ тому причинъ по естественнымъ законамъ и по свойству тѣлъ“.

Словомъ, „Примѣчанія“ съ большимъ достоинствомъ могли исполнять ту задачу, которая имъ была поставлена издателями, а послѣдніе могли вполне разсчитывать отъ современниковъ на благодарность, которую не можемъ не воздать и мы. Своимъ серьезнымъ трудомъ по издашію „Примѣчаній“ издатели принесли огромную пользу Россіи; это подтверждаетъ тотъ успѣхъ, которымъ пользовались „Примѣчанія“, о чемъ мы скажемъ ниже. Теперь же мы должны отмѣтить тѣ перемѣны, которыя произошли въ „Примѣчаніяхъ“ за послѣднее время ихъ существованія. Уже въ 1733 году въ инструкціи Академіи наукъ Кейзерлинга дается совѣтъ помѣщать статьи съ нравственнымъ или правоучительнымъ содержаніемъ; „съ нравственнымъ направленіемъ предпочтительнѣе“, говорится въ упомянутой инструкціи. Этого предпочтенія замѣтить нельзя; очевидно, его не дѣлали; но въ это время вносили новую часть, именно литературную, помѣщая стихотворенія и прозаическія описанія правднествъ при дворѣ. Это было цѣннымъ приобритеніемъ для „Примѣчаній“. Литература тогда не могла не носить характера официальности. Она была у насъ еще въ зародышѣ. Поэтому эта литература, хотя и не выходила изъ предѣловъ панегирическаго сочинительства различныхъ „символовъ“, аллегорій для „торжественныхъ вратъ“ или фейерверковъ, сожигаемыхъ при дворѣ, не могла пройти незамѣтной, и появленіе ея на страницахъ перваго журнала надо только привѣтствовать. Это появленіе, надо сказать, первое;

чуть ли не здѣсь произошло зарожденіе нашей литературы. Здѣсь начали печататься первые русскіе писатели — Третьяковскій, Ломоносовъ и др. Оставляя подробности для другого мѣста, мы замѣтимъ, что труды этихъ писателей, предназначаемые „къ пользѣ и удовольствію“ читателя, приносили ему и пользу и удовольствіе. Такимъ образомъ „Примѣчанія“ становились не только научнымъ, но и литературнымъ журналомъ, поскольку можно усматривать въ то время зарожденіе нашей литературы.

Единственно, что не подходило къ программѣ журнала—это помѣщенія въ послѣднее время его существованія различныя допесенія съ театра войны. Ихъ помѣщали здѣсь за неимѣніемъ мѣста на страницахъ газеты; но и они лишь могли увеличить вниманіе къ „Примѣчаніямъ“ и такимъ образомъ увеличить ихъ значеніе, такъ какъ такое событіе, какъ война, такое сообщеніе, какъ донесеніе съ театра военныхъ дѣйствій, могли скорѣе заинтересовать русскаго читателя.

Легко видѣть изъ сказаннаго, что „Примѣчанія“, сообщая читателю злобу дня, давая ему плоды литературнаго творчества, служили главнымъ образомъ цѣлямъ самообразованія, замѣняя недостаточность школы, отсутствіе учебниковъ и вообще книгъ учебно-научнаго содержанія. Эту сторону „Примѣчаній“ особенно ясно отгѣняютъ переизданія ихъ много лѣтъ спустя. Значить, была потребность въ обществѣ въ сообщаемыхъ въ „Примѣчаніяхъ“ свѣдѣніяхъ, она чувствовалась въ продолженіе всего XVIII вѣка. Отсюда и тотъ продолжительный успѣхъ, которымъ „Примѣчанія“ пользовались.

Говоря объ успѣхѣ „Примѣчаній“, его можно легко смѣшать съ тѣмъ количествомъ, въ которомъ ихъ номера расходились среди читателей; а между тѣмъ это далеко не все равно. „Примѣчанія“ дѣйствительно нравились и имѣли успѣхъ у читателя даже больше, чѣмъ сами Вѣдомости, къ которымъ они были приложеніемъ. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство Миллера, который со второго года благодаря успѣху сталъ издавать примѣчанія и на нѣмецкомъ языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ, въ предисловіи къ „Ежемесячнымъ сочиненіямъ“, онъ подтверждаетъ это же самое: „Многіе и нынѣ—пишетъ онъ—съ удовольствіемъ читаютъ оныя примѣчанія, которыя съ 1729 по 1742 годъ отъ нѣкоторыхъ здѣшней академіи членовъ, при вѣдомостяхъ издаваны были“. На это указываетъ письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 1754 года, гдѣ говорится, какъ трудно найти „примѣчанія“ и какъ важно было бы издавать вновь подобный періодическій органъ. „По приказу вашего превосходительства — пишетъ

Ломоносовъ — старался я достать примѣчанія на Вѣдомости, но получить ихъ не могъ. Уже многіе и за нѣсколько мѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли, за тѣмъ, что ихъ по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго государства, а особливо нынѣ, узнавъ нашъ народъ пользу наукъ, больше такіа книги хронить для ихъ рѣдкости. Господинъ совѣтникъ Нартовъ сказалъ, что у него есть, только не переписанныя и не въ одномъ мѣстѣ между политическимъ разсѣяніемъ, и обѣщается собрать для вашего превосходительства. Я уповаю не лучше ли поискать у частныхъ охотниковъ въ Москвѣ на время, пока для вашего превосходительства собственно здѣсь случится. Весьма было бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ періодическія сочиненія“ ¹⁾).

Мы нарочно привели здѣсь почти цѣликомъ письмо Ломоносова, такъ какъ оно очень интересно въ разрѣшеніи поднятаго вопроса. Въ немъ мы видимъ, что среди читающей публики, которая все больше и больше нарождалась и которая сознала „пользу науки“, ощущалась потребность въ „Примѣчаніяхъ“; этимъ же объясняется хотя бы письмо самого Ломоносова; изъ письма же видно, что „Примѣчаній“ несомнѣнно не было въ употребленіи. Ихъ не было, во-первыхъ, потому, что многіе берегли у себя, какъ драгоценность, а во-вторыхъ, потому, что „что по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго государства“. Иначе не могло и быть. Вѣдь „Примѣчанія“ были *безплатнымъ приложеніемъ* къ академической газетѣ, а послѣдняя, какъ мы видѣли, не имѣла много подписчиковъ. Поэтому и „Примѣчанія“ расходились въ очень ограниченномъ количествѣ и скоро сдѣлались библиографической рѣдкостью.

Это обстоятельство не можетъ намъ говорить, что „Примѣчанія“ не имѣли успѣха; оно можетъ только показывать, что въ то время было вообще мало читателей. А что „Примѣчанія“ нравились читателю и пользовались у него извѣстнымъ авторитетомъ, что читатель прислушивался и уважалъ голосъ „Примѣчаній“, убѣждаетъ насъ слѣдующее письмо Татищева отъ 1731 года въ редакцію: „Мой государь... Прежде отъѣзда моего, по случаю бывшей здѣсь жестокой погоды, которою домъ въ Москвѣ и одну деревню въ близости сожгло, и нѣколько человекъ убило, случился о причинѣ онаго разговоръ, и кто что зналъ случаяхъ сказывалъ отъ гисторей, яко то: шпага растони-

¹⁾ Биларскій, стр. 250.

лась, а пожны цѣлы, и прочая, тому подобная. Нѣкоторые весьма желали вѣдать причинъ оныхъ доказательства отъ физики, о которомъ я что малое отъ чтанія упамятоваль-доносилъ. Однакожь двѣ персоны, изъ первыхъ, просили, дабы въ Академію наукъ отписать съ прошеніемъ отъ нихъ о томъ достойнаго истолкованія въ „Примѣчанія“ или особо, напечатавъ, издать. При томъ же князь Трубецкой спрашивалъ у меня докончанія „Разсужденія о мамонтѣ“, на которое я ничего извѣстнаго довести ко удовольствованію его вещелюбія не могъ, хотя архіепископъ Новгородскій его свѣтлости нѣчто отъ его разсужденія объявилъ. Того ради прошу о томъ въ Академію предложить, и что опредѣлять меня увѣдомить, дабы ихъ также безъ отвѣта не оставить“¹⁾. Изъ этого письма видно, что читатели живо интересовались „Примѣчаніями“; изъ него же видно, что читатели ихъ принадлежали къ высшимъ слоямъ русскаго народа. Кругъ читателей былъ очень небольшой и долгое время не выходилъ за предѣлы придворныхъ сферъ, „первыхъ особъ“, князей Трубецкихъ и т. п. Мы перечислимъ всѣхъ читателей, если къ нимъ еще прибавимъ членовъ Академіи. Со временемъ, съ распространеніемъ образованія, кругъ этотъ расширился и русскій народъ узналъ „пользу наукъ“ по выраженію Ломоносова.

Русскій народъ проснулся, вышелъ изъ дѣтскихъ пеленокъ и сдѣлался ученикомъ. Но у него не оказалось учебниковъ, пришлось обратиться къ „Примѣчаніямъ“, и они-то оказались лучшимъ пособіемъ для самообразованія. Они стали ходить изъ рукъ въ руки, ими положительно зачитывались и берегли какъ рѣдкость. Это случилось уже послѣ того, какъ „Примѣчанія“ прекратили свое существованіе, а на ихъ мѣсто ничего новаго не появлялось. Въ этот-то время они „такъ умалились, что не безъ трудности ихъ сыскать можно“. Не напрасно Ломоносовъ хлопоталъ издавать „періодическія сочиненія подобныя симъ“, а изданіе „Примѣчаній“ въ выдержкахъ, сдѣланное Миллеромъ въ 1765—1766 годахъ²⁾, было встрѣчено болѣе чѣмъ со-

¹⁾ Сухожлинновъ, т. II, стр. 62—3. Просьба „первыхъ“ особъ была исполнена, и въ томъ же году мы находимъ рядъ статей подъ заглавіемъ: „О громовой погодѣ (о громѣ)“, именно въ 74, 75, 88, 89 номерахъ „Примѣчаній“. Продолженіе же „Разсужденія о мамонтѣ“ было помѣщено въ 100 и 101 частяхъ за 1732 годъ; начало было напечатано въ 1730 году въ цѣломъ рядѣ статей подъ названіемъ „О мамонтовыхъ костяхъ“.

²⁾ Это изданіе принадлежитъ несомнѣнно ему, такъ какъ оно печаталось въ

чувственно. Изъ предисловія редактора достаточно ярко видно, какая сильная была потребность въ „Примѣчаніяхъ“. Въ немъ онъ пишетъ: „Хотя предлагаемыя въ сей книжкѣ разсужденія и извѣстія не вновь сочинены, однако тѣмъ не менше достойны вниманія. Пбо оныя заимствованы изъ такихъ сочиненій, въ которыхъ оказанное искусство и тщаніе *всегда и отъ всегда заслуживало особенное почтеніе и похвалу*, именно-жъ изъ извѣстныхъ называемыхъ такъ примѣчаній Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ. Причина-жъ сего изданія есть та, что съ 1740 года ¹⁾ ихъ больше издаваемо не было, а прежнія до того изданія такъ умалились, что по безъ трудности ихъ сыскать можно. А какъ оныя по большей части весьма полезнаго содержанія: того ради за нужное разсуждено наилучшія изъ нихъ для любопытныхъ читателей вторично въ печать издать“. Кромѣ удовлетворенія насущной потребности, издатель доставлялъ читателю „ту выгоду, какъ онъ говорилъ, что по избранію своему, проходя одну матерію непрерывно, читатели удобнѣе могутъ оную помять и затвердить въ памяти“ ²⁾).

3.

Возникли „Примѣчанія“ по личному почину Миллера; первый номеръ ихъ былъ напечатанъ 23-го февраля 1728 года въ академической типографіи.

Это замѣчательный день русской журналистики подобно тому, какъ 2-го января 1703 года замѣчательенъ для русской газеты; онъ положилъ начало нашимъ журналамъ, ставшимъ довольно многочисленными и необыкновенно „пухлыми“. Въ нихъ нашла себѣ пріютъ умственная жизнь и политическія стремленія русскаго народа, въ нихъ выливалось все его творчество какъ въ области литературы, такъ и науки.

По указанному характеру „Примѣчаній“, они были бесплатнымъ приложеніемъ къ академической газетѣ и выходили первый годъ ежемесячно. Такую публикацію мы находимъ о Примѣчаніяхъ отъ 13-го апрѣля 1728 года: „Охотникамъ Россійскихъ Вѣдомостей чрезъ сіе извѣстно читается, что понынѣ на всякій мѣсяцъ листъ историческихъ,

Москвѣ, гдѣ въ это время жилъ Миллеръ, и такъ какъ именно къ этому времени онъ началъ издавать „Ежемесячныя Сочиненія“.

¹⁾ Здѣсь ошибка: „Примѣчанія“ прекратились въ 1742 году.

²⁾ *Неустрашевъ*. Историч. изысканія стр. 102.

генеалогическихъ и географическихъ примѣчаній въ Вѣдомостяхъ на русскомъ языкѣ заданы, которые въ Академической конторѣ Вѣдомостей и на почтовомъ дворѣ получить можно, и будутъ оныя и впредь по вся мѣсяцы издаваны, и тѣмъ, которые Россійскія Вѣдомости по всегодно держать, при окончаніи мѣсяца безъ денежно раздаваны¹⁾.

Въ слѣдующемъ году и до окончанія изданія „Примѣчанія“ выходили по два раза въ недѣлю по четыре, а иногда и болѣе страницъ. Въ такомъ видѣ онѣ дожили до 1742 года, не выходя, однако, въ теченіе одного года (1737)²⁾.

Уже Миллеру удалось собрать вокругъ себя помощниковъ по изданію „Примѣчаній“ изъ членовъ Академіи, а его преемникъ Крамеръ привлекъ къ нимъ лучшія силы; среди нихъ были Бекенштейгъ, Эйлеръ, Гмелинъ, Крифтъ, Вейброхтъ, Штеслингъ, Рихманъ, Времъ—все выдающіеся профессора и адъюнкты современной „Примѣчаніямъ“ Академіи. Образовалось цѣлое общество, по выраженію Миллера, которое по субботамъ, вечеромъ, собиралось у Шумахера, и здѣсь обсуждались статьи для слѣдующихъ выпусковъ. По этому поводу Миллеръ говоритъ, что „благодаря многочисленности и разнообразію разбираемыхъ предметовъ „Примѣчанія“ сдѣлались чѣмъ дальше, тѣмъ излюбленнѣе“. Къ этимъ извѣстнымъ членамъ Академіи присоединялись еще и неизвѣстные по своимъ именамъ; такими были переводчики. Ихъ работа, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе для перваго русскаго журнала. Дѣло въ томъ, что, за скудостью въ оригинальныхъ русскіихъ произведеній, переводная литература—будь то беллетристика или научныя статьи—въ Россіи 18-го вѣка играла немаловажную роль и имѣла большую долю вліянія и на словесность и на просвѣщеніе. Въ то время обязанность переводчика была труднѣе и почетнѣе, чѣмъ теперь. Труднѣе потому, что тогда русскій литературный языкъ только что начиналъ образовываться, и не существовало почти совсѣмъ сколько-нибудь сносныхъ пособій для изуче-

¹⁾ См. Вѣдомости 1728 года 13-го апрѣля.

²⁾ Неустровъ говоритъ, что ему не удалось найти номеровъ за этотъ годъ. Оно и не удивительно: „Примѣчанія“ по свидѣтельству Миллера не выходили. „До сихъ поръ, пишетъ онъ въ 1736 году, Примѣчанія съ самаго начала ихъ выходили безпрерывно, но съ 19-го апрѣля онѣ начали прерываться. Такимъ образомъ, томъ этого года содержитъ всего не болѣе 36 номеровъ. Довольно продолжительное время онѣ совсѣмъ не издавались, пока вновь не начались съ 1738 года“. Миллеръ. Т. 5, стр. 438.

нія иностранныхъ языковъ. Мы видѣли, какимъ труднымъ дѣломъ представлялъ Третьяковскій въ своей рѣчи занятіе переводами. Почтиже — такъ какъ переводчикъ оказывалъ рѣдкую услугу, когда знакомилъ читателей съ произведеніями недоступныхъ для большинства читателей иностранныхъ литературъ въ переводахъ, переданныхъ хорошимъ языкомъ и близкихъ къ подлиннику. Несомнѣнно, значеніе нашей первой газеты состояло, между прочимъ, въ томъ, что она познакомила съ жизнью Запада; на который тогда у насъ смотрѣли, какъ на „исчадіе ада“, отъ знакомства съ которымъ каждому грозитъ гибель. Это знакомство происходило при посредствѣ переводчиковъ, переведившихъ весь текстъ газеты. Такое значеніе за переводчиками несомнѣнно остается и во времена „Примѣчаній“. Периодическая печать многимъ обязана академическимъ переводчикамъ — это были неизвѣстные никому труженики, бѣдственное положеніе которыхъ мы уже отмѣтили выше ¹⁾.

Кромѣ этихъ обязательныхъ сотрудниковъ, надо упомянуть и добровольныхъ, которые помѣщали свои работы въ журналѣ. Такимъ былъ, напримѣръ, Кириловъ; его просить редакторъ увѣдомить, „какимъ образомъ изъ онаго камня въ Сибири дѣлается, дабы мы оное въ будущихъ „Примѣчаніяхъ“ употребить могли“ ²⁾.

Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить того, что въ „Примѣчаніяхъ“ участвовали наши первые свѣтскіе писатели, составлявшіе цвѣтъ русской литературы 18-го вѣка. Это были Третьяковскій и Ломоносовъ. Оба они пробовали здѣсь свои силы и помѣщали свои оды на придворныя празднества, на тотъ міръ, изъ круга котораго долго не могла выйти фантазія поэтовъ этого времени.

Примѣчанія были освобождены отъ всякой цензуры; это произошло послѣ запроса Шумахера у „высокаго сената оберъ-секретаря Пвана Кирилловича“: „надлежитъ ли Академіи Наукъ для опробаціи свѣтѣйшему Синоду предложить сочиненныя на газеты историческія толкованія, германо-россійскій лексиконъ и грамматику. И на оное ему отъ онаго оберъ-секретаря объявлено, что, по мнѣнію его, означенный лексиконъ, грамматику и прочее для опробаціи оному свѣтѣйшему синоду предлагать не надобно“ ³⁾.

¹⁾ См. *Лекарскій*. Редакторъ, сотрудникъ и цензура въ рус. журн. С.-Пб. 1867 г., стр. 2 и 3.

²⁾ *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 388.

³⁾ (*Сухомлиновъ*, т. I, стр. 354—5. По указу всѣ изданія Академіи должны были цензуроваться въ Синодѣ.

Позже Примѣчанія должны были по инструкціи Кейзерлинга цензуроваться въ самой Академіи. § 2 инструкціи говоритъ: „Съ примѣчаніями должно поступать также, какъ съ газетами, то-есть до напечатанія должны быть принесенными въ канцелярію и процонзурованы присутствующими членами. И такъ какъ 5 старшихъ членовъ Академіи могутъ быть заняты, то могутъ остальные члены, а также гг. адъюнкты означенныя примѣчанія между собою раздѣлять и возвращать въ канцелярію для дальнѣйшаго назначенія“.

Припомнивъ тѣ случаи, которые вызвали недоразумѣнія цензурнаго характера съ академической газетой, мы не можемъ думать, чтобы Академіи мало было хлопотъ съ Примѣчаніями. Конечно, въ нихъ могло быть еще меньше поводовъ къ недоразумѣніямъ, но вѣдь и въ газетѣ-то въ сущности ихъ не было.

Г. Баллицій.

О БРАТЬЯХ СУЗДАЛЬЦАХЪ.

Просматривая былины о Камскомъ побоищѣ, о Мамаѣ, о царѣ Калинѣ, мы находимъ въ концѣ большинства изъ нихъ эпизоды о похвальбѣ нѣкоторыхъ богатырей, поведшей за собою чудо воскресенія убитыхъ въ бою татаръ и гибель хвастуновъ. Имена богатырей, навлекшихъ на себя, иногда и на всѣхъ русскихъ богатырей, небесную кару за похвальбу, варьируются, но, въ большинствѣ, выборъ сказателями тѣхъ или другихъ именъ не трудно мотивировать. Такъ, въ былинѣ сибирской, записанной Меемъ, похвальба влагается въ уста Алеши Поповича, который вообще отличается хвастливостью ¹⁾. Въ былиналѣ г. Маркова о Камскомъ побоищѣ неосторожными хвастунами являются тотъ же Алеша Поповичъ и Гаврило Долгополый ²⁾. Въ одной былинѣ г. Григорьева о царѣ Калинѣ ³⁾ хвастунами представлены два поповича, не названные по именамъ. Въ другой былинѣ того же собирателя ⁴⁾ о Камскомъ побоищѣ въ роли хвастливыхъ богатырей выступаютъ „Лука и Матвѣй дѣти боярскіе“, согласно съ тѣмъ, что боярскіе роды въ былинахъ называются хвастливыми. По тутъ же отмѣтимъ, что эти богатыри въ томъ же вариантѣ названы и *суздальцами*. Въ третьей былинѣ г. Григорьева ⁵⁾ похвальба приписывается, какъ слѣдъ какихъ-то древнихъ реминисценцій, занесенныхъ лѣтописями, Добрынѣ и его слугѣ Торопу. Наконецъ, въ былинѣ, записанной А. М. Никольскимъ въ г. Мезени въ половинѣ

¹⁾ Куршевскій, IV, стр. 113.

²⁾ Вѣломорскія былины, №№ 81 и 94.

³⁾ Зап. въ Мезенск. уѣздѣ отъ Мартынова (печатается).

⁴⁾ Зап. въ Мезенскомъ уѣздѣ отъ Шуваева (печатается).

⁵⁾ Зап. въ Пинежскомъ уѣздѣ отъ Кривокозьновой (печатается).

прошлаго столѣтія ¹⁾), объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Мамаѣ причиной чуда воскресенія татарь являются *два брата суздальца*. Оставленные въ шатрахъ въ то время, когда Илья и другіе богатыри бьются съ татарами, они не утерѣли, оставили шатры, выѣхали въ поле и стали похваляться:

„Кабы была теперь сила небесная,
И всѣ бы мы побили ея по полю“.
Вдругъ отъ ихъ словъ сдѣлалось чудо великое:
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше вятеро.
И пріѣхали они ко старому,
И ко тѣмъ дружинникамъ хоробримъ,
И начали они рассказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы вятеро,
И сами имъ во всемъ повинилися“ ²⁾).

Является вопросъ, почему какіе-то братья суздальцы представлены хвастунами въ битвѣ съ врагами и наказаны за свою похвальбу. Повидимому, здѣсь передъ нами отголосокъ какого-то преданія о суздальцахъ, повторяемый бессознательно архангельскими сказителями. Въ настоящее время о старомъ городѣ Суздаль и о его быломъ значеніи въ удѣльномъ періодѣ, конечно, ничего неизвѣстно населенію Архангельской губерніи. Незвѣстны и пословицы-прозвища, ходящія о суздальцахъ въ центральныхъ губерніяхъ ³⁾. Не даютъ объясненія интересующему насъ вопросу и рѣдкія упоминанія Суздаля и суздальцевъ въ былинахъ. Олопецкимъ былиннымъ неизвѣстенъ ни городъ Суздаль, ни суздальцы. Единственное упоминаніе города Суздаля находимъ въ одной былинѣ печорскаго сборника г. Опчукова объ Олешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ, гдѣ Олеша и паробокъ Екимъ разговариваютъ между собой:

„Куды намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будѣтъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздаль-градъ?
Да въ Суздаль-градѣ питья много,
Да будѣтъ добрыхъ молодцамъ испропитися,
Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая?“ ⁴⁾

¹⁾ Былины старой и новой записи, № 8, стр. 23—30.

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

³⁾ Напримѣръ: суздальцы—сальники, суздальцы—богомазы. Георгія заиѣсть Пятницы промѣнили. Собирались кулины, на болотѣ сплочи—они суздальцы и володимирцы (изъ вѣсни). См. Дале, Пословицы русскаго народа, стр. 350.

⁴⁾ Печорскія былины, № 85, стр. 333.

Здѣсь опять отголосокъ старины, такъ какъ современный уѣздный городъ Суздаль неизвѣстенъ въ архангельскомъ простонародьѣ на Печорѣ, да и не соотвѣтствуетъ тому, что о немъ говорится въ былинѣ.

Какіо-то слѣды прежней извѣстности Суздаля сохранились въ четырехъ былинахъ о богатырѣ Суровцѣ или Суровенѣ, сильно пострадавшихъ отъ времени.

Одна изъ нихъ, начинающаяся странной прибауткой, въ которой, вслѣдъ за „высотой поднебесной, глубиной окіянгъ моремъ“ и проч., поминаются царь „Давыдъ Евсеевичъ, старецъ Макарій Захарьевичъ и разныя бывшія при нихъ „беззаконства великія“, вошла въ послѣднее изданіе Кириши Данилова и рассказываетъ, какъ изъ далеча чиста поля выскакалъ Суровецъ богатырь *суздалецъ*, богатаго гостя заморяннигъ сынъ, ища себѣ супротивника. „Не нашель онъ въ полѣ супротивника и поѣхалъ онъ ко городу Покидашу, и прїѣзжалъ ко городу Покидашу. Во славномъ городѣ Покидашѣ у князя Михайла Ефимонтьевича, у него князя почетный пиръ. А и тутъ молодцу пригодилося: приходилъ на княжеснцкой дворъ, походилъ во гридню во свѣтлую, Спасову образу молится, великому князю поклоняется; а князь Михайла Ефимонтьевичъ наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра, подаетъ ему доброму молодцу, а и самъ говорилъ таково слово: „какъ, молодецъ, именовъ зовуть, какъ величать по изотчеству?“ Сталъ молодецъ онъ рассказывати: „князь, де, Михайла Ефимонтьевичъ, а мене зовуть добра млодда—Суровецъ богатырь суздалецъ, богатаго гостя заморенигъ сынъ“. А и тутъ князю то слово полюбилося, посадилъ его за столы убранные, въ ту сямью богатырскую, хлѣба съ солью кушати и довольно пити проклажати“¹⁾.

Обрываясь, повидимому, при самомъ началѣ, этотъ искалѣченный отрывокъ былинны Кириши Данилова нисколько не уясняетъ личности Суровца, родомъ изъ Суздаля, и представляетъ ипісип своимъ упомианіемъ какого-то князя Михайла Ефимонтьевича, повидимому, въ роли Владиміра, но сидящаго въ городѣ Покидашѣ, быть можетъ, легендарномъ Китежѣ.

Другая сибирская былина о Суровцѣ, записанная въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи въ половинѣ прошлаго столѣтія и доставленная Безсонову В. И. Ламанскимъ, по содержанію довольно близка къ киршевской, но Суровецъ не называется въ ней суздаль-

¹⁾ Сборн. К. Данилова, изд. 1901 г., стр. 166.

цемъ, такъ что для нашего вопроса она не имѣетъ значенія. Содержаніе ея вкратцѣ состоитъ въ томъ; что Суровецъ богатырь, сынъ Ивановичъ, ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ и три года, наѣхалъ на дубъ кряковистый съ сидящимъ на немъ ворономъ, хотѣлъ застрѣлить его, но воронъ указалъ ему на достойнаго его супротивника князя Кургана, перевозящагося съ татарами черезъ Нову (очевидно, Нѣпру) рѣку. Суровецъ скачетъ къ князю Кургану съ воинственными намѣреніями, но былина кончается совершенно неожиданно слѣдующими стихами:

И приближатъ онъ ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлой шатеръ,
Они пили-ѣли, веселилися,
И, попробовавъ силы, разлучилися ¹⁾.

Третья былина о Суровцѣ, болѣе полная чѣмъ обѣ сибирскія, была напечатана въ Новиковскомъ пѣсенникѣ 1780 г., слѣдовательно по времени записи не уступаетъ киршевской. Содержаніе ея близко къ предыдущей (енисейской), но болѣе полно и толково. Былина рассказываетъ, что „въ старые вѣки, прежніе“

Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь, онъ суроженинъ,
По роду гѣрода Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго.

Затѣмъ слѣдуетъ неудачная охота за гусями-лебедями, встрѣча съ вѣщимъ ворономъ, сидящимъ на дубу въ полѣ, указаніе ворона на царя Курбана Курбановича и нападеніе Суровца на царскія полчища, при чемъ богатырь перескочилъ черезъ два рва и упалъ съ конемъ въ третій. Враги обступили его и повели къ царю, но онъ схватываетъ татарина и, махая имъ, пробивается къ шатру самого Курбана. Царь взмолился ему о пощадѣ:

„Ты гои еси, Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь и суроженинъ!
Погляди-ко ты, что въ книгѣ написаю:
Что не велѣно вамъ князей казнить,
Что князей казнить и царей убивать“ ²⁾.

Этой подозрительной ссылкой на книгу кончается былина, интересная лишь той подробностью, что Суровецъ называется сурожени-

¹⁾ *Киршевскій*, IV, Прибавленіе, стр. XXVII—XXIX.

²⁾ *Киршевскій*, III, стр. 110—112.

номъ (т. е. изъ города Сурожа, нынѣш. Судака), извѣстнаго въ XIV—XV вв. своей торговлей, когда онъ входилъ въ число генуезскихъ владѣній на Черномъ морѣ, и онъ же (Суровецъ) по роду изъ города Суздаля, сынъ богатаго гостя.

Послѣдняя былина того же сюжета, записанная въ Симбирской губерніи ¹⁾, называетъ богатыря Суровеномъ, богатымъ суздальцемъ, и совпадаетъ по содержанію съ предыдущей съ тѣмъ отличіемъ, что татарскій царь носитъ имя Кумбала Самородовича, и что Суровень, на предложеніе напуганнаго царя стать ему названнымъ братомъ и получить отъ него казны золотой и копей, отвѣчаетъ ему:

„Ой ты гой еси, Кумбалъ царь!
Вида смерть, отговариваешься,
Братомъ нарекаешься,
Судишь палаты золотой казны,
Отдаешь табуны заповѣдны!“

Судьба Кумбала остается неизвѣстной.

Вотъ все немногое, что наши былины знаютъ о богатырѣ Суровцѣ, называемомъ, почему-то, суздальцемъ. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ былинъ, сводится къ тому, что былинная традиція сохранила глухое воспоминаніе о богатствѣ стараго города Суздаля, такъ какъ происходящій изъ него богатырь Суровецъ называется *богатымъ* или сыномъ богатаго суздальскаго гостя, почему онъ же въ одномъ вариантѣ называется сурожениномъ, что, вѣроятно, находится въ связи съ сурожской торговлей. Хотя въ этихъ данныхъ звучитъ какой-то отголосокъ стараго времени, но они нисколько не уясняютъ занимающаго насъ вопроса, почему въ былинахъ типа Камскаго побойща хвастливые братья называются суздальцами. Если былины не даютъ на это отвѣта, то остается поискать его въ другомъ источникѣ; изъ котораго иногда почерпается кое-что для комментарія былинъ. Не занесли-ли лѣтописи такого широко извѣстнаго въ свое время случая, когда въ битвѣ похвалялись братья суздальцы и были судьбой наказаны за похвальбу? Мнѣ кажется, что такой случай произошелъ съ суздальскими князьями-братьями въ 1216 году въ извѣстной битвѣ на р. Лицицѣ близъ Юрьева-Польскаго. Припомнимъ обстоятельства дѣла, какъ ихъ сообщаетъ извѣстіе суздальской лѣтописи по академическому списку, предпославъ ему нѣкоторыя историческія справки.

¹⁾ Куртесскій, III, стр. 107—110.

По смерти великаго князя Всеволода III въ Суздальской землѣ произошла усобица между его сыновьями, вызванная необычнымъ распоряженіемъ отца: Всеволодъ, разсердившись на старшаго сына Константина, перенесъ старшинство на втораго сына Юрія. Константинъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ, и въ семьѣ Всеволодовичей произошла распря, въ которой приняли участіе и другіе князья, особенно неутомный Мстиславъ Удалой. Вступая за новгородцевъ, тѣснимыхъ враждовавшимъ съ ними княземъ Переяславля-Рязанскаго Ярославомъ Всеволодовичемъ, человекомъ страстнымъ и жестокимъ, Мстиславъ искалъ себѣ союзниковъ противъ него и воспользовался распрей между суздальскими князьями. Сторону Ярослава приняли старшій братъ, его великій князь Владимірскій Юрій Всеволодовичъ и младшій братъ Святославъ Юрьевскій. Мстиславъ призвалъ себѣ на помощь своего роднаго брата Владиміра Мстиславича со псковитянами и двоюроднаго Владиміра Рюриковича со смольнянами. Кромѣ того, онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, обѣщая вернуть ему законное старшинство въ Суздальской землѣ. Такимъ образомъ, обѣ воюющія стороны располагали значительными силами. Мстиславъ вторгся въ Суздальскую землю вмѣстѣ со смольнянами, новоевалъ тверскую волость и направился на самый Переяславль-Залѣсскій, стольный городъ Ярослава. На пути присоединился къ нему Константинъ Всеволодовичъ со своими ростовскими полками. Противъ нихъ выступило союзное ополченіе суздальскихъ князей Ярослава, Юрія и младшихъ братьевъ Святослава и Владиміра. Суздальская рать расположилась недалеко отъ города Юрьева-Польскаго, на берегахъ рѣчки Гзы, впадающей въ Колокшу. Подъ самымъ городомъ сталъ Мстиславъ съ новгородцами, а далѣе, на берегахъ ручья Липиси, Константинъ съ ростовцами. Слѣдовательно, тутъ, по словамъ Иловайскаго, почти въ самой серединѣ Суздальской земли, сошлась едва-ли не вся ратная сила сѣверной Руси.—Войска князя Юрія и Ярослава оказались несравненно многочисленнѣе непріятелей: они собрали изъ своихъ волостей всѣхъ кого могли, городскихъ и сельскихъ жителей, конныхъ и пѣшихъ ¹⁾). Мстиславъ дѣлалъ попытки къ примиренію, убѣждая братьевъ Юрія и Ярослава: перваго уступить великокняжескій Владимірскій столъ Константину Всеволодовичу, втораго—примириться съ новгородцами. Но братья, сознавая

¹⁾ Исторія Россіи, II, стр. 238.

свою силу, отвергли мирныя предложенія. Ярославъ сказалъ гордо: „Мира не хочу, вы шли далече, а очутились какъ рыба на сухомъ мѣстѣ“ ¹⁾. Юрій сказалъ: „пусть Константинъ одолѣетъ насъ, тогда ему вся земля“. „Такъ князи възнеслися славою Юрьи и Ярославу“, говоритъ расположенный въ пользу старшаго Всеволодовича Константинъ лѣтописецъ: „видѣвше у себя силу великую, не прияста мира и начаста ширити в шатрѣ съ своими бояры“. Тутъ на миру раздавалась дальнѣйшая похвальба.

Когда одинъ старый бояринъ уговаривалъ младшихъ братьевъ помириться со старшимъ, указывая на то, что новгородцы и смольняне „дерзи к бою“, а Мстиславъ Удалой извѣстенъ во всемъ племени „оже дана ему отъ Бога храбрость изъ всѣхъ“, то не любя была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу ²⁾. И вотъ одинъ изъ юрьевыхъ бояръ, въ угоду имъ, сказалъ знаменательныя, занесенныя лѣтописью и ставшія широко извѣстными, слова: „Княже Юрьи и Ярославе! не было того ни при праѣдѣхъ, ни при дѣдѣхъ, ни при отцѣ вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышелъ цѣль, хотя бы и вся русская земля, и Галичская и Киевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязанская, никакъ противу сей силѣ успѣють; аже ииношніи полци, право навержомъ ихъ сѣдлы“ ³⁾. „И любя бысть, прибавляетъ лѣтописецъ, рѣчь князю, Ярославу“. Въ предвкусеніи побѣды младшіе Всеволодовичи начали заранѣе дѣлить между собою русскую землю. Юрій бралъ

¹⁾ Никоновская лѣтопись передаетъ эти слова Ярослава подробнѣе и картиннѣе: „Но убо сего неѣсто от великия вашей глупости, яко далеча ести зашли, яко овци ко лвомъ, яко теленки к медвѣдямъ, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо“. Изд. 1768 г., II, стр. 324.

²⁾ Къ такой оцѣнкѣ Мстислава въ Николов. лѣтописи прибавлены слѣдующія слова: „И есть у него мужи храбри zelo и велицы богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша бо на себѣ ранъ“. Тамъ же, стр. 325.

³⁾ Лѣтопись по Академ. списку, стр. 470. Ник. лѣтопись излагаетъ эту рѣчь пространнѣе: „Господне наши князи Юрьи и Ярославе! Вѣстели, яко иикогда ни было ни при праѣдѣхъ, ни при дѣдѣхъ, ни при отцѣхъ вашихъ, кто бы ратью вшелъ в землю вашу Суздальскую, а вышелъ бы добръ здоровъ совѣтъ, и свое хотѣние получилъ; никакъ же бывало сего, аще бы и вси Руская земля, и Галичская, и Киевская, и Черниговская, и Рязанская, и Смоленская, и Новгородская, и Полоцкая, и Псковская никакъже противу сей силѣ возмогутъ усидѣти, но что глаголю сихъ, аще и вся земля Половецкая придетъ к нимъ, то воистину всѣхъ тѣхъ седмъ наместъ и кулаками побьемъ, точно аще бы усердно воинство твое было на бой и со всѣмъ сердцемъ и со всею яростію стали противу супостатныхъ, никто же можетъ востати, противу нихъ“. Тамъ же, стр. 326.

себѣ лучшую волость Ростово-Владимірскую, второй братъ Ярославъ— волость Новгородскую, Святославъ долженъ былъ получить волость Смоленскую. Эта заносчивость суздальцевъ была страшно наказана на другой же день (23-го апрѣля) въ несчастной для нихъ битвѣ при Авдовой горѣ, близъ рѣки Липицы. Побѣда Мстислава Удалого и Константина съ ихъ союзниками была полная. Однихъ павшихъ въ битвѣ лѣтопись насчитываетъ болѣе 9000 человекъ, кромѣ раненыхъ и погибшихъ во время бѣгства въ рѣчкахъ и трясинахъ. Вопль и стоны раздавались въ Суздальской землѣ. Князья-братья суздальцы Ярославъ и Юрій едва не попали въ плѣнъ. Когда побѣдители подступили къ г. Владимиру, Юрій вышелъ съ поклономъ и отдался на ихъ волю. Точно то же сдѣлалъ и старшій братъ Ярославъ, когда союзники подступили къ его городу Переяславлю. Гордость суздальскихъ князей была унижена, и они должны были уступить великокняжескій столъ Константину Всеволодовичу.

Объ этомъ громкомъ событіи 1216 года, о наказанной страшнымъ пораженіемъ гордости суздальскихъ князей, широко разнеслась молва на Руси, и обыкновенно скудная словами лѣтопись посвящаетъ ему подробное описаніе, драматизируя рассказъ рѣчами дѣйствующихъ лицъ, при чемъ главная роль выпадаетъ обоимъ братьямъ, суздальскимъ князьямъ Ярославу и Юрію. Поэтому мы считаемъ возможнымъ предположить, что наказанные за хвастовство въ бою бывшіе два брата-суздальца могутъ быть отголоскомъ народнаго преданія именно объ этихъ историческихъ суздальскихъ князьяхъ-братьяхъ, жестоко поплатившихся за свою похвальбу въ роковой для нихъ битвѣ при Липицѣ.

Наше предположеніе, представляющееся на первый взглядъ слишкомъ смѣлымъ, сдѣлается правдоподобнѣе, если мы обратимъ вниманіе на изложеніе тѣхъ же историческихъ событій въ, такъ называемой, Никоновской лѣтописи. Въ этомъ сводѣ мы находимъ пространную повѣсть о липицкомъ пораженіи суздальскихъ князей, въ которой въ лѣтописную основу влетены народныя сказанія, точнѣе—нѣкоторые эпизоды изъ нихъ, связанные съ именами Алеши Поповича и другихъ богатырей. Такъ, старый благоразумный бояринъ, убѣждавшій суздальскихъ князей-братьевъ Юрія и Ярослава помириться съ Константиномъ и съ Мстиславомъ Удалымъ, Андрей Станиславичъ (Львядемическій списокъ не занесъ его имени), говоря о первомъ князѣ, наставляетъ не только на его правахъ на великое княженіе, какъ старшаго, но напоминаетъ, что у него въ дружинѣ извѣстные „храбры“:

„Тако же вашего брата Костянтина вѣсте сами, яко его правда есть, и ему подобаетъ быти старѣйшему, еще же и храбрыхъ ныгѣ певѣмъ у него Александра, Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Резанича Златаго пояса и Пецедья Дикюна“¹⁾. Одинъ изъ этихъ богатырей, внесенныхъ въ лѣтописную повѣсть изъ народныхъ сказаній, упоминается въ ней далѣе въ одномъ эпизодѣ битвы. Въ самомъ разгарѣ сраженія, рассказываетъ повѣсть: „Князь Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) с своими полки проѣха трижды сквозѣ полки Юрьевы и Ярославли, и бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ и велику силу имѣя и усердство, и въ руцѣ имѣя топоръ и сѣчаше нещадно и загнася смѣшавшеся. И прииде на него Александръ Поповичъ, имѣя мечъ нагъ, хотя разсѣчи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же (т. е. Мстиславъ) возоши глаголя, яко азъ осмъ князь Мстиславъ Мстиславичъ Повгородцки; онъ же уставися, и тако спасе его Богъ отъ смерти. И рече ему Александръ Поповичъ: „Княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты главы убьнешъ будещи, и что суть нынѣ, и камо си имъ дѣти“²⁾? Покойный академикъ П. Дашкевичъ, приведя это мѣсто въ своемъ изслѣдованіи „Былицъ объ Алешѣ Поповичѣ“, говоритъ: „Кажется, должно признать въ этомъ случаѣ несообразность: трудно предположить, чтобы Александръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ дружинниковъ Константина, не зналъ Мстислава, его союзника, да и наставленіе, преподанное Мстиславу, нѣсколько странно“³⁾. Я также не стану отставивать правдоподобность передаваемого повѣстью факта, но произошла или нѣтъ такая ошибка въ пылу битвы, въ этомъ извѣстїи замѣтно желаніе возвеличить мѣстнаго ростовскаго богатыря, и потому слѣдуетъ думать, что извѣстіе о столкновеніи Мстислава Удалого съ Александромъ Поповичемъ восходитъ къ ростовскимъ сказаніямъ о послѣднемъ. Всмотримся пристальнѣе въ рассказъ. Сначала возвеличенъ Мстиславъ Удалой, который, подобно быдиннымъ богатырямъ, трижды проѣзжаетъ съ топоромъ въ рукѣ сквозъ нещпрительскіе полки и поражаетъ ихъ нещадно. Затѣмъ, на него насканиваетъ силенъ и славенъ богатырь Александръ Поповичъ съ обнаженнымъ мечомъ. И этотъ Мстиславъ Удалой, только

¹⁾ Въ Хронографѣ 1-й ред. въ рассказѣ о той же битвѣ говорится, что „поможетъ Богъ Константину Всеволодовичу брату, а правда его же пришла, и было со княземъ Константиномъ два храбры: Добрыня Златый поясъ, да Александръ Поповичъ с своимъ слоугомъ с Торопомъ“, *А. Поповъ. Обз. хрон.*, I, 196.

²⁾ Никоновская лѣт., II, 330—331.

³⁾ Былины объ Алешѣ Поповичѣ и проч., стр. 18 (отд. оттискъ).

что кропившій враговъ топоромъ, не оказываетъ сопротивленія, а только вопить: „азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславовичъ“, и „такъ спасе его Богъ“. Послѣ этого Александръ даетъ ему наставленіе, чтобы онъ не „дерзалъ“ (т. е. самъ лично не бился съ врагами), а стоялъ и смотрѣлъ, какъ будто биться съ непріателемъ не княжеское, а богатырское дѣло. Едва-ли здѣсь не проскальзываетъ желаніе поставить своего ростовскаго богатыря выше прославленнаго князя Мстислава Удалого, самаго знаменитаго изъ современныхъ ему князей. Если мы допустимъ, что въ приведенномъ извѣстїи объ Александрѣ Поповичѣ отразилось народное сказаніе о немъ, то, быть можетъ, послѣдній, уже искаженный временемъ, отголосокъ этого ростовскаго преданія найдемъ въ современныхъ былинахъ. Вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины объ Алешѣ и Тугаринѣ находится эпизодъ, напоминающій лѣтописный, именно: два богатыря-товарища вступаютъ въ бой по *ошибкѣ*—Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, и этотъ бой, въ которомъ „своя своихъ не познаша“, едва не кончился смертью одного изъ нихъ, какъ встрѣча въ пылу липицкой битвы Александра Поповича съ Мстиславомъ Удалымъ. Въ вариантѣ Кириши Данилова рассказывается, что Алеша Поповичъ, переодѣтый каликой, бился съ Тугариномъ и, убивъ его, надѣлъ на себя его платье. Когда онъ подѣхалъ къ товарищу своему Екиму Ивановичу, тотъ и принялъ его за Тугарина, съ испугу поскакалъ отъ него и бросилъ въ него палицу боевую, которою сшибъ его съ коня. Бросившись затѣмъ пороть ему груди бѣлымъ, онъ увидалъ на немъ крестъ и призналъ его. Екимъ заплакалъ и сказалъ: „по грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилось, что убилъ своего братца родимова. И стали его оба (Екимъ и калика) трести и качать и потомъ подали ему питья заморскова, отъ того онъ здравъ сталъ“ ¹⁾. Въ вариантѣ А. В. Маркова ²⁾ столкновеніе Екима и Алеши заходитъ еще дальше. Принявъ одѣтаго въ платье Тугарина Алешу за Тугарина, Екимъ убиваетъ его стрѣлою и даже отсѣкаетъ ему буйну голову. Когда ошибка выяснилась, калика взбрызгиваетъ Алешу сначала мертвой, потомъ живой водой и оживляетъ его. Въ прозаической передачѣ г. Потанинымъ былины, пропѣтой ему однимъ казакомъ въ Бухтармѣ, рассказывается, что Алеша Поповичъ, отрубивъ голову Тугарину, сталъ звать къ себѣ Екима Ивановича. „Екимъ Ивановичъ разбѣжался, не разглядѣвъ хорошеянько, схватилъ

¹⁾ Кириша Д., стр. 77.

²⁾ Вѣдомор. былины, № 47, стр. 237—238.

самого Алешу, повалили и началъ его бить; только когда тотъ началъ кричать, онъ увидѣлъ, что въ запальчивости не понялъ, въ чемъ дѣло, и извинился передъ Алешей¹⁾. Наконецъ, въ былинѣ записанной С. И. Гуляевымъ на Сузунскомъ заводѣ, богатыри помѣнялись ролями. Съ змѣемъ Тугаретникомъ бьется не Алеша, а Екимъ и отсѣкаетъ ему голову.

Туть то миновалось два часа.
 Побѣжалъ Алеша на выручку;
 Не видитъ онъ свѣта бѣлаго,
 Не видитъ онъ солнца краснаго.
 Сбѣгался онъ со Екимомъ на встрѣчу
 И билъ его палицей боевой
 И сшибъ со добра коня,
 Притыкалъ его въ грудь бѣлую
 Коньемъ муромецкимъ²⁾.

Такимъ образомъ только „крестъ чувственный“ спасъ Екима отъ смерти.

Намъ кажется, что этотъ, довольно стойко повторяемый вариантами, эпизодъ представляетъ позднѣйшее неудачное осмысленіе какого-то существовавшаго въ старинномъ преданіи эпизода о столкновеніи Алеши (Александра) Поповича въ бою съ дружественнымъ ему лицомъ *по ошибкѣ*, при чемъ имя этого лица и обстоятельства стычки были уже забыты преданіемъ. Былина сдѣлала такимъ лицомъ ближайшаго товарища Алеши Екима Ивановича и, чтобы мотивировать ошибку, придумала переодѣванье Алеши въ платье Тугарина, подробность, во всякомъ случаѣ, довольно неудачную. Впрочемъ, иногда дѣло обходится, какъ въ бухтарминскомъ и сузунскомъ вариантахъ, и безъ переодѣванья, и ошибка объясняется послѣдностью и боовымъ шлоомъ. Трудно себѣ представить, чтобъ первый слагатель былинны о боѣ Алеши съ Тугариномъ самостоятельно сочинилъ этотъ странный и безцѣльный эпизодъ, не служащій, во всякомъ случаѣ, къ славлѣ популярнаго ростовскаго богатыря и не ведущій ни къ какимъ послѣдствіямъ. Но этотъ эпизодъ—столкновеніе двухъ товарищей по ошибкѣ—получить нѣкоторое осмысленіе, если мы взглянемъ на него, какъ на продуктъ позднѣйшаго видоизмѣненія или искаженія въ народномъ оборотѣ глухого преданія, которое въ своемъ первоначальномъ видѣ было зане-

¹⁾ Былины стар. и новой записи, II, стр. 263.

²⁾ Тамъ же, № 28, стр. 97.

сею въ лѣтописное сказаніе, имѣвшее явную тенденцію возвеличить мѣстнаго ростовскаго богатыря.

Еще ближе подойдемъ мы къ рѣшенію вопроса о хвастливыхъ братьяхъ суздальцахъ, если просмотримъ внимательно народныя ростовскія сказанія объ Александрѣ Поповичѣ, замесенныя въ, такъ называемую, Тверскую лѣтопись, лѣтописный сборникъ, составленный въ 1534 году какимъ-то ростовскимъ селяниномъ. Въ ней мы находимъ цѣлый рядъ отголосковъ ростовскихъ народныхъ преданій, во-первыхъ, въ описаніи битвы при Липицѣ въ 1216 г., во-вторыхъ въ разсказѣ о Калкскомъ побойницѣ 1224 г. Не приводя подробно описанія усобицы между суздальскими князьями (Юріемъ и Ярославомъ) и Константиномъ Ростовскимъ, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты, отсылающіяся народнымъ преданіемъ. При описаніи пира суздальскихъ князей наканунѣ роковой для нихъ битвы, бояринъ, дававшій имъ благоразумный совѣтъ уступить старѣйшинство князю Константину, названъ *Творимиромъ* согласно съ его совѣтомъ „сътворити миръ“ ¹⁾. Другое лицо, хваставшееся, что суздальцы закидаютъ враговъ сѣдлами, не названо здѣсь по имени („Рече ивъ нѣкто князю: правъ еси, княже, право ихъ навръжомъ сѣдлы“), но далѣе въ „повѣсти о Калкацкомъ побойницѣ“ въ числѣ убитыхъ при Липицѣ суздальцевъ упоминается „храбрый и безумный бояринъ Ратиборъ, иже похвалися сѣдлы наметати супротивныхъ“ ²⁾. Нетрудно замѣтить, что ему дана кличка по шерсти: какъ Творимиръ *творитъ миръ*, такъ Ратиборъ побуждаетъ къ *рати*. Здѣсь замѣтны яркіе признаки народнаго сказанія. Далѣе, послѣ побѣды князя Константина упоминается, что у него „тогда баше въ полку два челоуѣка храбрыхъ, *Олешко* Поповичъ и челоуѣкъ его *Торопъ*, и Тимоня Золотой поясъ“ ³⁾. Названіе Олешка Поповичъ вмѣсто Александра Поповича прямо свидѣтельствуетъ о народномъ источникѣ этого лѣтописнаго извѣстія.

Еще интереснѣе для вопроса объ отголоскахъ ростовскихъ народныхъ преданій въ лѣтописи вставленная въ Тверской сборникъ подъ 1224 г. повѣсть съ отдѣльнымъ заглавіемъ: „Повѣсть о Калкацкомъ побойницѣ и о князехъ русскихъ и о храбрыхъ 70“, на значеніе которой для нашего эпоса было указано покойнымъ академикомъ Дашкевичемъ. Для нашей цѣли особенно важно обратить вниманіе на ея

¹⁾ Иолл. Собраніе русс. лѣтоп., т. XV, столб. 321.

²⁾ Тамъ же, столб. 337.

³⁾ Тамъ же, столб. 328.

составъ. Это компиляція, составленная авторомъ изъ повѣствованія о Калескомъ побойщѣ, довольно близко слѣдующая тексту того же сказанія, въ, такъ называемой, суздальской лѣтописи ¹⁾ (XV в.), и изъ какого-то *письменнаго* источника, который авторъ называетъ „описаніемъ“. Начавъ повѣсть о нашествіи татаръ, согласно суздальскому тексту, словами: „по грѣхомъ нашимъ придоша языци незнаеми, безбожнии Моавитяне, ихъ же никто же добрѣ не вѣсть ясно, кто суть и отколѣ изидоша“ и проч. ²⁾, онъ, оставивъ свой источникъ послѣ словъ: „мы же ихъ не вѣмы кто суть, но ꙗ здѣ написахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ“, прибавляетъ отъ себя слѣдующее назиданіе, составляющее переходъ къ другому источнику его компиляціи: „но не сихъ же ради сіе случися, но гордости ради и величанія русскихъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози и високоумны и мяшеса своею храбростию съдѣловающе: имѣяхуть же дружину многу и храбру, и тою величающеся, отъ нихже о единомъ въспомнемъ здѣ, *описанія на-мѣше*“ ³⁾. Этотъ единственный изъ храбрыхъ—Александръ Поповичъ, о подвигахъ котораго подъ руками компилятора было *рукописное* сказаніе, въ которое какой-то старинный книжникъ занесъ мѣстные преданія объ этомъ богатырѣ, прикрѣпленныя къ разнымъ урочищамъ ростовской земли. Изъ этого письменнаго источника компиляторъ почерпнулъ свѣдѣнія, приводимыя въ его вставкѣ въ начатый имъ рассказъ о Калескомъ побойщѣ. Мотивъ вставки тотъ, чтобъ объяснить читателю, кто такой былъ Александръ Поповичъ, павшій, по преданію, въ этой битвѣ вмѣстѣ съ другими 70-ю храбрыми. Въ извлеченіи компилятора изъ „описанія“ мы находимъ данныя изъ героической біографіи Александра Поповича вплоть до перехода его изъ родной ростовской области на службу къ великому князю Киевскому Мстиславу Романовичу. Припомнимъ для дальнѣйшаго эти данныя.

Александръ съ прозвищемъ Поповичъ („глаголемый Поповичъ“) былъ ростовскимъ жителемъ и имѣлъ слугу Торона. Онъ служилъ сначала въ дружинѣ вел. кн. Всеволода, а по его смерти въ дружинѣ его сына Константина, князя Ростовскаго, и храбро нѣсколько разъ отстаивалъ родной городъ отъ дружинъ вел. князя Владимірскаго

¹⁾ См. Суздальскую лѣтопись по академическому списку, помѣщенную въ изданіи Арх. Комиссіи вслѣдъ за лѣтописью по Лаврентьевскому списку (1872 г.), стр. 477—483.

²⁾ Тверская лѣтопись; столб. 335.

³⁾ Тамъ же, столб. 336.

Юрія, хотѣвшаго выгнать брата «Константина» изъ Ростова. Тамъ, когда однажды, въ отсутствіе кн. Константина, вел. князь Юрій подступилъ къ Ростову, Александръ Поповичъ, выѣхавъ изъ города, избилъ многихъ его людей; „ихъ же костей накладыны могилы велики и донинѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а нини по ону страну рѣки Уси... а нини побіени отъ Александра же подъ Угодичами на Узѣ“¹⁾. Далѣе компиляторъ упоминаетъ битву Константина съ вел. княземъ Юріемъ на р. Гзѣ, въ которой „побѣда Константина молитвами Пречистыя, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоия Золотой поясъ“. Юрій долженъ былъ смириться съ братомъ. Затѣмъ припоминается громкая побѣда князей Константина Ростовскаго и Мстислава Удалого надъ Суздальскими князьями—вел. кн. Юріемъ и его братомъ Ярославомъ при р. Липицѣ и на Юрьевой горѣ. Въ этой битвѣ, какъ мы уже упомянули, былъ убитъ и безумный хвастливый бояринъ Ратиборъ. Послѣ пораженія братьевъ кн. Константинъ сталъ великимъ княземъ, но прожилъ только два года. Послѣ его смерти, когда великимъ княземъ сдѣлался Юрій, Александръ Поповичъ, опасаясь его мщенія за убитыхъ имъ его дружинниковъ, созвалъ чрезъ своего слугу другихъ „храбрыхъ“ къ себѣ въ городъ „обрыть подъ Громачимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопь стоитъ пусть“. Тутъ собравшіеся у Александра Поповича „храбры“ положили перейти на службу къ „единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“. Они били челомъ вел. князю Мстиславу Романовичу, „о нихъ же великій князь велми гордяшеса и хваляшеса“²⁾. Рассказавъ о подвигахъ Александра Поповича въ Ростовской землѣ, раньше его перехода къ Кіевскому князю, компиляторъ возвращается къ прерванному повѣствованію о нашествіи татаръ и Калкской битвѣ, пользуясь своимъ первымъ источникомъ—суздальскимъ сказаніемъ. Держась послѣдняго довольно близко, онъ, доведя свою печальную повѣсть до конца, снабжаетъ ее поучительнымъ заключеніемъ, подчеркивающимъ еще разъ, что бѣдствіе, постигшее русскую землю, было Божимъ наказаніемъ за грѣхи и „за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича“, при чемъ приводитъ, по слуху, слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій объ этомъ свойствѣ кіевского

¹⁾ Тверская летопись, столб. 837.

²⁾ Тамъ же, столб. 338. Известно, что это преданіе отразилось въ былинѣ: въ побѣдѣ ростовскаго богатыря Алехи Поповича вмѣстѣ со слугою Екимомъ изъ Ростова въ Кіевъ на службу къ бывшему князю Владимиру.

князя: „Глаголють бо, яко приде слухъ про сихъ татарь, яко многы земли плѣнують, а приближаются русскимъ странамъ, и сновѣдаша ему (т. е. ки. Мстиславу) о нѣхъ; онъ же отрече: „дондеже осмь на Киевъ, то по Лико и по Понтійское море и по рѣку Дунай саблѣ не махивати“. Въ компиляторѣ здѣсь сказывается ростовецъ, но расположенный къ южному князю и готовый приписать ему главную вину въ поражени русскихъ татарами. И тотъ же ростовецъ съ радостнымъ чувствомъ заявляетъ далѣе про своего ростовскаго князя Василька: „Василька же Константиновича тогда Богъ съблюде, приде бо съ полки ко Чернигову въ помочь, слышавъ се зло, случившеса на Руси (т. е. на югѣ), возвратися въ свой Ростовъ съхранень Богомъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, компиляторъ лѣтописныхъ извѣстій о суздальской усобицѣ, окончившейся громкой битвой при Липицѣ, и о калкинскомъ поражени южно-русскихъ князей татарами вводитъ насъ въ цѣль ростовскихъ народныхъ сказаній первой четверти XIII вѣка. У насъ нѣтъ другого болѣе драгоцѣннаго свидѣтельства для исторіи нашего богатырскаго эпоса, столь скуднаго письменными документами. Эти извѣстія вводятъ насъ въ народную психологію ростовцевъ, дорожившихъ преданіями о своемъ мѣстномъ „храбрѣ“ Алешкѣ Поновичѣ и старавшихся возвеличить его подвиги, при чемъ въ этихъ преданіяхъ проскальзываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстный партикуляризмъ—желаніе унижить суздальцевъ, т. е. суздальскихъ князей, не только отказавшихъ ростовскому князю въ признаніи его правъ на великокняжескій столъ, но даже якобы пытавшихся изгнать его изъ его ростовскаго удѣла. Въ ростовскомъ жителѣ, компиляторѣ разсказа о Калкской битвѣ, въ которой палъ и знаменитый ростовскій богатырь, проявляется также тенденція, вѣроятно, раздѣляемая его ростовскими современниками, приписать этотъ татарскій погромъ гордости, похвальбѣ и легкомыслию южно-русскихъ князей, особенно вел. князя кievскаго, въ чемъ точно также нельзя не видѣть историческаго отношенія сѣверно-русскаго населенія къ южной Руси. Если мы вдумаемся въ настроеніе ростовскаго населенія въ первой четверти XIII в., то, быть можетъ, намъ уяснится, какимъ образомъ хвастающіеся братья-суздальцы припомнились въ былинѣ, историческимъ субстратомъ которой, въ чемъ, повидимому, согласны наши изслѣдователи, послужило многократно видоизмѣненное глухое преданіе о гибели богатырей русскихъ въ Калкской битвѣ. Слухи, разсказы, приукрашенные молвой,

¹⁾ Тверская лѣтопись, столб. 348.

о липицкой (1216 г.) побѣдѣ ростовцевъ надъ суздальцами, о наказанной жестокииъ поражениѣ похвальбоѣ братьевъ-суздальцевъ — князей Юрія и Ярославъ—были еще въ свѣжей памяти ростовскаго населенія, когда 8 лѣтъ спустя среди него же разнеслась молва о Калкскомъ пораженіи южно-русскихъ князей (въ 1224 г.) новымъ доселѣ невѣдомымъ и страшнымъ врагомъ. Хотя ростовская земля и князь не пострадали отъ этого погрома, но въ битвѣ палъ славный ростовскій богатырь, о подвигахъ котораго въ войнѣ съ суздальцами въ его родной области ходили разукрашенные вымысломъ рассказы, дѣлавшіе изъ него главнаго виновника пораженія суздальскихъ князей (при Липицѣ) и даже возвеличивавшіе его надъ самымъ славнымъ богатыремъ-княземъ того времени—Мстиславомъ Удалымъ. Если ростовскій патриотъ, компиляторъ „Повѣсти о Калкскомъ побойщѣ“ (въ Тверскомъ лѣтописномъ сборникѣ) счелъ необходимымъ вставить въ свой рассказъ ростовскія преданія о подвигахъ Александра Поповича, совершенныхъ имъ въ родной области, и припомнить липицкую битву, посрамившую хвастливыхъ суздальскихъ князей-братьевъ, то не мудрено, что и въ былинный отголосокъ Калеской битвы могли также попасть хвастливые братья-суздальцы. Внутренней связью двухъ громкихъ событій—Липицкой и Калеской битвы—послужила, во-первыхъ, ихъ близость по времени, во-вторыхъ, личность Алеши Поповича, совершившаго подвиги храбрости на Липицѣ и павшаго при Калкѣ, въ-третьихъ, тотъ психологическій мотивъ, согласный съ духомъ времени, что и то и другое поражение было вызвано со стороны пострадавшихъ ихъ гордыиъ самоувѣиеніемъ, ихъ похвальбою своею силою, ибо, по народному убѣжденію, „гнило слово похвальное“.

Всев. Миллеръ.

Въ „Повѣсти о Калкскомъ побойщѣ“ (въ Тверскомъ лѣтописномъ сборникѣ) счелъ необходимымъ вставить въ свой рассказъ ростовскія преданія о подвигахъ Александра Поповича, совершенныхъ имъ въ родной области, и припомнить липицкую битву, посрамившую хвастливыхъ суздальскихъ князей-братьевъ, то не мудрено, что и въ былинный отголосокъ Калеской битвы могли также попасть хвастливые братья-суздальцы. Внутренней связью двухъ громкихъ событій—Липицкой и Калеской битвы—послужила, во-первыхъ, ихъ близость по времени, во-вторыхъ, личность Алеши Поповича, совершившаго подвиги храбрости на Липицѣ и павшаго при Калкѣ, въ-третьихъ, тотъ психологическій мотивъ, согласный съ духомъ времени, что и то и другое поражение было вызвано со стороны пострадавшихъ ихъ гордыиъ самоувѣиеніемъ, ихъ похвальбою своею силою, ибо, по народному убѣжденію, „гнило слово похвальное“.

СТРОЕЛЬНАЯ КНИГА ГОРОДА ПЕНЗЫ, КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНІЯ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Обширная Европейская восточная равнина, на которой широко раскинулось русское государство, издавна заселена была разнообразными народами, число которыхъ постоянно измѣнялось вслѣдствіе прилива изъ Азіи, чрезъ великія уральскія ворота, новыхъ народовъ. Часть ихъ, какъ извѣстно, откочевывала далѣе на западъ, выдѣляя только незначительныя остатки на восточной равнинѣ, часть же, какъ, напримѣръ, татары, и совсѣмъ осталась на ней. Вслѣдствіе этого, можно безъ преувеличенія сказать, каждая губернія нынѣшней Европейской Россіи представляетъ изъ себя микрокосмъ, заключающій болѣе или менѣе значительное число ея разнообразныхъ жителей. Не говоря уже о восточныхъ заволожскихъ губерніяхъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства сравнительно въ недавнее время, даже центральныя губерніи, считающіяся коренными великорусскими губерніями, заключаютъ въ своей номенклатурѣ указанія на когда-то жившее здѣсь, а теперь совершенно исчезнувшее инородческое населеніе. Болѣе же восточныя губерніи, къ числу которыхъ принадлежитъ и Пензенская, заключаютъ въ географической номенклатурѣ указанія какъ на народы, исчезнушіе въ болѣе или менѣе отдаленное время, такъ и исчезающіе въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, у восточнаго писателя Ибнъ-Даста упоминается жившій въ хазарскомъ царствѣ народъ буртасы; въ настоящее время въ Керенскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи есть рѣчка Буртась, на которой находится два села Большой и Малый Буртасы; есть деревня Буртась въ Краснослободскомъ уѣздѣ. Эти поселенія названіями своими указываютъ на исчезнувшій народъ, когда-то, по описаніямъ, многочисленный и занимавшій обширное пространство—и именно въ данной мѣстности. Въ Первоначальной

Лѣтописи упоминаются между народами, населявшими восточно-европейскую равнину, мордва и мещера. Теперь осталась только мордва и занимает между прочимъ всѣ сѣверные и восточные уѣзды Пензенской губерніи (Краснослободскій, Инсарскій, Саранскій и Городищенскій). Къ югу отъ мордвы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ Мокшанскаго, Нижеломовскаго и Пензенскаго жило племя мещера; племя это значительно уже обрусѣло и говорить порусски, но слѣды его существованія указываютъ названія селъ: Мещерская Варнишка, Мещерскіе Выселки въ Нижеломовскомъ уѣздѣ, деревни Мещерина и Мещерское въ Наровчатскомъ, села Среднее и Новое Мещерское въ Саратовской губерніи, недалеко отъ границы съ Пензенскимъ уѣздомъ и другія. Но рядомъ съ старинными обитателями мы видимъ въ Пензенской губерніи и позднѣйшихъ пришельцевъ—татаръ. Такъ какъ Золотая Орда включала въ свои предѣлы пространство нынѣшней Пензенской губерніи, то они поселились тутъ же въ сосѣдствѣ съ старинными обитателями; поэтому рядомъ съ Мордовской Пишлей мы видимъ Татарскую Пишлю (Инсар. у.), рядомъ съ Мордовской Тавлою—Татарскую Тавлу (Саранск. у.), недалеко отъ Мордовскихъ Юнокъ—Татарскіе Юнки (Красн. у.) и т. д. И только послѣ завоеванія Казани и Астрахани начинается колонизація въ этотъ край и русскаго племени, что отражается и на номенклатурѣ поселеній; такъ, рядомъ съ Мордовскими Парками мы видимъ Русскіе Парки, противъ Мордовской Маскины—Русскую Маскину (Красн. у.), недалеко отъ Татарскаго Умыса—Русскій Умысь (Сар. у.), отъ Мордовскаго Коломасова—Русское Коломасово, Мордовскіе и Русскіе Вочкинины (Наровч. у.), Русскую Баймакову и Мордовскую Баймакову (Инс. у.), Русскіе и Мордовскіе Пошаты (Красн. у.), Мордовскій и Русскій Ишимъ, Мордовскій и Русскій Качимъ (Город. у.), Русскій Нимбургъ (Кер. у.) и недалеко, но уже въ предѣлахъ Спасскаго у. Тамб. губ., Мордовскій Нимбургъ и др. Но рядомъ съ этнографическими названіями мѣстностей встрѣчается масса названій, указывающихъ на характеръ поселеній; такъ, въ Саранскомъ уѣздѣ находимъ село Воротники и деревню Рейтары, въ Инсарскомъ село Потижскій Острогъ и деревню Рейтарскую слободку, въ Нижеломовскомъ Пѣшее Атмись, въ Мокшанскомъ Пособную Пелестьму; попадаютъ два села Засѣчныхъ—одно къ сѣверу отъ Инсара, а другое на рѣкѣ Сурѣ къ югу отъ Пензы, два Городка (въ Пенз. и Чемб. у.), деревня Засѣцкая въ Краснослободскомъ уѣздѣ и другія. Основываясь на послѣднихъ названіяхъ, слѣдуетъ признать, что заселеніе края русскимъ племенемъ происхо-

дило не только мирнымъ путемъ, но производилось при помощи и военного элемента; о такомъ заселеніи свидѣтельствуетъ и „Строельная книга города Пензы“, изданная г. В. Л. Борисовымъ въ 1-й книгѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1899 года ¹⁾.

Что же такое строельныя книги? Это официальные документы, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о времени и мѣстѣ основанія города, о лицахъ, на которыхъ была возложена постройка его, и о первоначальномъ его населеніи; онѣ указываютъ, изъ какихъ мѣстъ прихотили первые поселенцы: явились-ли они добровольно, или по распоряженію правительства, т. е. были-ли они сходцами, или сведенцами; наконецъ, въ нихъ сообщается подробный подворный списокъ мужскаго населенія съ указаніемъ иногда возраста дѣтей ²⁾. Помимо свѣдѣній о поселенцахъ въ „Строельной книгѣ г. Пензы“ находятся подробныя указанія межевыхъ признаковъ поземельныхъ владѣній новыхъ поселенцевъ. Если по списку послѣднихъ она приближается, къ такъ называемымъ, переписнымъ книгамъ, то второю своею частью она напоминаетъ одинъ изъ видовъ межевыхъ актовъ—именно раздѣзжія грамоты.

Общее значеніе строельныхъ книгъ для русской исторіи заключается въ томъ, что ихъ сохранилось очень немного, и къ 1899 г. ихъ было издано для 19 городовъ.

¹⁾ Интересна судьба этого памятника. Рукопись „Строельной книги“, современная основанію города, въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія хранилась въ архивѣ Пензенскаго уѣзднаго суда, но затѣмъ оттуда исчезла неизвѣстно куда. Въ 1861 г. она совершенно случайно найдена была г. Мѣшковымъ въ Саратовѣ, откуда опять была имъ возвращена въ Пензу, въ канцелярію губернатора, но уже безъ перваго листа. Въ концѣ 70-хъ годовъ была временно передана въ распоряженіе Казанскаго общества археологій, исторіи и этнографіи. Потери перваго листа, небольшая въ количественномъ отношеніи, важна въ качественномъ, такъ какъ на немъ, по свидѣтельству г. Мѣшкова, которому и обязана наша „Строельная книга“ своимъ спасеніемъ, означенъ годъ основанія Пензы и имя восводи, ее построившаго; вѣроятно, на немъ находилось и описаніе укрѣпленія и, несомнѣнно, было указаніе, откуда и изъ кого, т. е. изъ переведенцевъ или ссыльныхъ, состояла первая группа поселенцевъ, зачисленныхъ въ посадскіе люди. Послѣдній вопросъ теперь рѣшати представляется невозможнымъ, для рѣшенія же первыхъ трехъ вопросовъ приходится прибѣгать къ домысламъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, или пользоваться свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ.

²⁾ Указанія на возрастъ по большей части очень тщательныя; указываются дѣти въ возрастѣ полугодовомъ, десятинедѣльномъ и даже, пятинедѣльномъ, хотя, но вѣдѣ; возрастъ дѣтей старше 10 лѣтъ обыкновенно не указывается.

Обращаясь къ содержанію нашей Стрельной книги, извлечемъ изъ нея нѣкоторые факты, касающіеся, такъ сказать, первыхъ страницъ исторіи города Пензы, и прежде всего, на основаніи ея, отвѣтить, на какіе классы раздѣлялись съ первоначальные жители, и изъ какихъ элементовъ состояло первоначальное ея населеніе.

Первую и сравнительно небольшую группу насельниковъ составляли посадскіе люди; они преимущественно состояли изъ ссыльныхъ „за воровское денежное дѣло“, т. е. дѣлателей фальшивой монеты, для которыхъ, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, существовало единственное наказаніе — заливъ горла расплавленнымъ металломъ. Указывая, съ одной стороны, на смягченіе нравовъ, замѣнъ смертной казни ссылкой, съ другой стороны, произошелъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе сильнаго распространенія этого рода преступленій среди жителей Московскаго государства. Припомнимъ, что въ началѣ шестидесятихъ годовъ XVII столѣтія въ Москвѣ появилось много „воровскихъ“ (фальшивыхъ) денегъ—вотъ нѣкоторые виновные въ этомъ преступленіи и попали въ ссылку въ Пензу. Изъ 38 человекъ, поверстанныхъ въ число посадскихъ людей, 30 человекъ сослано за литье фальшивой монеты—все это невольные поселенцы; добровольныхъ же переселенцевъ была всего одна семья изъ казаковъ Шишкѣвскаго Острога (теперь заштатный городъ Шишкѣвъ, Пенз. губ.), состоявшая изъ 7 человекъ мужскаго пола (изъ кого состояла первая группа посадскихъ людей, мы не знаемъ, а потому и не можемъ считать ихъ ссыльными). Такимъ образомъ, главный контингентъ пензенскихъ посадскихъ людей—это фальшивые монетчики; ихъ сослали изъ разныхъ мѣстъ не только центральной Россіи, но и окраинныхъ городовъ; наряду съ ссыльными изъ Москвы и Суздаля въ „Стрельной книгѣ“ упоминаются ссыльные изъ Красной Слободы (теперь у. гор. Краснослободскъ, Пенз. губ.), Алатыря и Троицкаго острога Темниковскаго уѣзда (теперь заштатный городъ Троицкъ, Пензенской губ.). Такимъ образомъ, для жителей послѣднихъ городовъ, которые сами служили ссылочными пунктами, вновь устроенный городъ явился мѣстомъ ссылки.

Вторую категорію пензенскихъ поселенцевъ — болѣе многочисленную — представлялъ служилый и, главнымъ образомъ, военный элементъ, переведенный сюда по распоряженію правительства. Онъ состоялъ изъ конныхъ казаковъ — самая многочисленная группа, — пѣшихъ казаковъ, пушкарей, воротниковъ и сторожей съѣзжей избы. Конные казаки составились изъ бѣлопомѣстныхъ казаковъ, переведен-

ныхъ изъ Троицкаго Острога и Красной Слободы и поверстанныхъ въ конные казаки, изъ переведенцевъ изъ города Нижняго Ломова и его уѣзда, поверстанныхъ „по разбору“, изъ шацкихъ драгунъ, „старыхъ черкасъ“, изъ черкасъ Пикиты Буд-Зюзина, изъ переведенцевъ „Шацкого уѣзду государевыхъ дворцовыхъ сель“. По кромѣ переведенцевъ поверстаны были въ конные казаки присланные въ ссылку „за воровское денежное дѣло“ изъ Москвы, изъ Красной Слободы и Алатыря; послѣднихъ, ничтожное количество, пять домовъ съ 10 человѣками мужского пола. Всего же конныхъ казаковъ было 347 человѣкъ, а дѣтей, братьевъ, дядей, племянниковъ, зятьевъ и прѣмышей 470 человѣкъ. Другую группу воинскихъ людей, менѣе численную, составляли пѣшие казаки. Они были скомплектованы изъ нижеломовскихъ переведенцевъ, „первыя высылки“, изъ „старыхъ черкасъ“, изъ черкасъ Пикиты Буд-Зюзина. Затѣмъ, какъ и при комплектованіи конныхъ казаковъ, въ составъ пѣшихъ казаковъ вошли сосланные „за денежное воровское дѣло“ изъ Шацка и ссылные изъ Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, — всего ссылныхъ 23 двора при наличности 41 душа мужского пола. Всего же пѣшихъ казаковъ было 229 человѣкъ. Пушкари составились изъ Ломовскихъ, Краснослободскихъ и Шишкѣвскихъ переведенцевъ—кромѣ того, фальшивыхъ монетчиковъ, ссылныхъ изъ Алатыря и Краснослободска. Пушкарей было 14 человѣкъ, городскихъ воротниковъ 2 человѣка и оба ссылные—одинъ между прочимъ изъ Алатыря. Кромѣ того, были 2 сторожа при сѣнахъ избѣ—и тоже ссылные (одинъ изъ Москвы). Такимъ образомъ, весь контингентъ жителей, значащихся въ „Строельной книгѣ гор. Пензы“, состоялъ изъ 632 человѣкъ ¹⁾. — Въ томъ числѣ военныхъ 594 человѣка и 38 посадскихъ.

Распределеніе первыхъ поселенцевъ г. Пензы по ихъ прежнему мѣстожителству и по службѣ ихъ въ г. Пензѣ яснѣе видно изъ слѣдующей таблицы (См. табл. на стр. 98).

Изъ этой таблицы видно, что почти треть населенія, 207 дворовъ или 32,7%, были изъ Польско-Литовскаго королевства; Нижній Ломовъ съ уѣздомъ далъ 25,9% населенія, Шацкъ съ уѣздомъ 166 дворовъ или 26,2%, Красная Слобода 4,9%, Москва съ Троицкимъ Острогомъ по 2,6 и Алатырь 2%. Остальная мѣстности дали поселенцевъ очень малый %. Въ числѣ первоначальныхъ жителей было 566 переведенцевъ и 66 ссылныхъ. Если изъ послѣдней цифры исключить 7 семействъ, сосланныхъ изъ Бѣльскаго уѣзда (Смол. губ.), которые,

¹⁾ Въ Строельной книгѣ итоговъ указанъ ошибочно въ 642 ч. (31 стр.).

могутъ быть, были военно-плѣнными, то останется 59 чел. собственно ссыльныхъ, и почти всѣ они были фальшивыя монетчики.

Это взрослого населенія и только мужского, полноправнаго и, вообще, хозяевъ, владѣтелей домовъ. Дѣтей же, внучатъ, братьевъ, дядей, племянниковъ, пасынковъ, пріемышей — вообще, неполноправныхъ, кромѣ женщинъ, было 793 человекъ. Это населеніе собственно низшаго служилого класса. Кромѣ того, въ городѣ была администрація—военная и гражданская. Такъ, первымъ воеводою и строителемъ города, по „Описанію“, составленному подполковникомъ Свѣчиннымъ, который былъ посланъ въ 1765 г. для ревизіи лѣсовъ въ Казанской губ., былъ Елисей Прогасъевичъ Логинновъ, казненный въ 1671 г., во время Разинскаго бунта, Донскимъ казакомъ атаманомъ Мишкою Харитоновымъ¹⁾. Затѣмъ въ самой Стрельной книгѣ упоминаются: „Драгунскаго строю“ поручикъ Осипъ Ивановъ Луининъ, подполковникъ Манартъ Милевскій, капитанъ Романъ Тимоѣевъ Селиверстовъ и боярскіе дѣти: Алексѣй Корниловъ Телѣгинъ и Василій Ермолаевъ Мантуровъ. Кромѣ того, при стѣзжей избѣ было шесть подъячихъ: Иванъ Савинъ, Матвѣй Телеповъ, Иванъ Аникѣевъ, Михаилъ Русновъ, Степья Дертевъ и Семѣй Дмитріевъ. Для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ была устроена соборная церковь Всемилостиваго Спаса съ придѣломъ во имя Сергія Чудотворца, при которой было два поиа Лука Степановъ да Гаврилъ Ивановъ, дьяконъ Лаврентій, дьячекъ, пономарь и просвирня. Итакъ, пензенскіе переселенцы были переведены изъ разныхъ мѣстностей, для удобства переселенія изъ болѣе близкихъ, какъ-то: Красной Слободы, Троицкаго и Шишкѣвскаго остроговъ, Нижняго Ломова, Шацка и Алатыря, изъ Москвы, Суздаля, изъ Бѣльскаго уѣзда и черкасы. По и на своихъ прежнихъ мѣстахъ эти переведенцы не были коренными жителями, а тоже пришлецами, на что указываютъ фамиліи нѣкоторыхъ ссыльныхъ людей; такъ, въ числѣ сосланныхъ изъ Москвы упоминается „Лысковецъ“, въ числѣ ссыльныхъ изъ другихъ мѣстностей есть съ фамиліями „Карачевъ“, „Старицынъ“, „Москвитинъ“, „Резановъ“, „Рязанцевъ“, „Саратовкинъ“, „Полянскій“, „Смоляновъ“, „Шатченинъ“, „Качелаевскій“; нѣкоторыя фамиліи указываютъ на происхожденіе: „Татаркинъ“, „Мурзинъ“, „Салминъ“ (2 раза), „Мамаевъ“; на сословіе указываетъ фамилія Пономаревыхъ.

¹⁾ *Костомаровъ* (Монографія, II, 309 стр., 2-е изд.) Пензенскаго воеводу, убитаго атаманомъ Мишкою Харитоновымъ, называетъ Логиновымъ.

Мы видѣли, что главный контингентъ ссыльныхъ въ Пензу состоялъ изъ фальшивыхъ монетчиковъ; но, кромѣ этой профессіи, первоначальные пензенскіе жители были знакомы и съ другими производствами; такъ, въ числѣ фамилій встрѣчаются Сапожниковъ (7 разъ), Овчининъ (2 раза), Сятниковъ (4 раза), Золотаревъ, Гранатчикъ, Масленникъ, Калашникъ, Мясниковъ, Рудникъ, Рудометовъ, Топорокъ, Лепешниковъ, Шерстобитъ, Теачъ, Бочваръ, Борова—всѣ по одному разу и Кузнецъ 7 разъ. Изъ другихъ фамилій отмѣтимъ слѣдующія: Скоробогатовъ, Сабуровъ, Анкудиновъ, Кудрявцевъ, Клещевъ, Заботыкинъ, Мещеряковъ и Барсуковъ, какъ встрѣчающіяся и до послѣдняго времени среди невысокаго купечества и мѣщанства города Пензы. Попадаются и курьезныя фамиліи; напримѣръ, Собачій Барышникъ, Лебязій Голось, указывающія на занятія и на качество голоса обладателей этихъ фамилій.

Для своего содержанія всѣ жители получили около новостроеннаго города пашенныя и сѣнокосныя угодья. Духовенство въ двухъ мѣстахъ получило: въ одномъ пашенной земли по 70 четвертей въ каждомъ полѣ; въ другомъ мѣстѣ отведено было священникамъ сѣнныхъ покосовъ по 200 копенъ, дьякону 150, дьячку, пономарю и просвирнѣ по 100 копенъ. Такимъ образомъ, и русская женщина, въ лицѣ пензенской просвирни, въ XVII в. состояла на государственной службѣ, а потому и пользовалась казеннымъ пайкомъ. Кромѣ того, всему церковному причту дана была „на прокормленіе рыбная ловля озера Ева ¹⁾“, и с истокомъ, до Суры рѣки, потому что х той церкви: прихожанъ нѣтъ“. Посадскіе люди получили только по 100 копенъ сѣнныхъ покосовъ за рѣкой Пензой ²⁾. Конные казаки получили надѣлъ по 12 четвер-

¹⁾ Около плытшей д. Куриловки.

²⁾ Грань земель, отведенныхъ новымъ поселенцамъ, въ „Строевной книгѣ“ указаны какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вездѣ далѣе съ достойной удивленія подробностію. Для примѣра приведемъ описаніе границъ земли, отведенной посадскимъ людямъ: „А отведено им, и грани и всякіе признаки учинено за рекою Пензою, поляна; въ верхъ идучи отъ пензенскаго мосту, подле пензенскаго лугу и озера; на берегу на вязу грань; а от того вязу суходоломъ в малой липяжек; в томъ липяжке стоитъ дуб голенаст, а на немъ грань: на леве—покосы к городу соборныхъ спасскихъ поповъ с причетники и пензенскихъ посадскихъ людей; а от того дуба, черезъ болотину и перешедъ кустъ и грязь к озеру Ери, на поляне стоитъ столбъ, а на немъ двѣ грани, подле столба яма, а в ней уголья; а отъ того столба—к озеру Ери на березу, а на ней двѣ грани. А та береза стоитъ на берегу озера Ери в осиновои кусту; а отъ тое березы—на низъ подле озера Ери до истоку, что впаи в тонкое озеро, а от истоку подле лугу того топкова озера и от лугу березинкомъ до Сур-

тей въ каждомъ полѣ ¹⁾ и сѣнныхъ покосовъ по концамъ полей, между полями и по ржавцамъ по 100 копенъ на человѣка ²⁾, пѣшіе казаки, пушкарн, сторожа и воротники получили по 6 четвертей въ каждомъ полѣ и по 50 копенъ на человѣка. Необходимо замѣтить, что земля была нарѣзана въ большемъ количествѣ сравнительно съ наличностью служилаго люда; такъ, шацкихъ драгунъ, поверстанныхъ въ конные казаки, было 88 человѣкъ, земли же имъ было отведено на 100 человѣкъ; конныхъ казаковъ, поверстанныхъ изъ тронцкихъ, краснослободскихъ и ломовскихъ переводенцевъ, изъ ссыльныхъ людей, изъ драгунъ и черкасъ, было 259 человѣкъ (по Стр. кн. 270), а земли они получили на 300 человѣкъ; часть пѣшихъ казаковъ, пушкарн, сторожа и воротники получили земли на 150 человѣкъ, хотя ихъ было только 129 человѣкъ (по Стр. кн. 132). Только пѣшіе казаки, составленные изъ „старыхъ черкасъ“ и черкасъ Пикиты Буд-Зюзина, не получили никакой прибавки; какъ ихъ было 115 человѣкъ, такъ на это количество имъ и земля была нарѣзана.

Причина, почему земельный надѣлъ назначенъ былъ въ большемъ количествѣ сравнительно съ наличнымъ числомъ вооружаго населенія, заключается, вѣроятно, въ томъ, что Московское правительство соста-

ского дугу“ (Стр. кн. 10—11). Въ настоящее время совершенно невозможно восстановить эти границы, тѣмъ болѣе, что онѣ указаны преимущественно по предметамъ, которыхъ теперь, безъ сомнѣнія, не существуетъ, и нерѣдко случайнымъ; не только срублены всѣ дубы кудрявые, тонковатые, толстоватые, съ разнородными, „съ накладкомъ“, яловы, холостыя, но вырублены всѣ эти липы и зябляки, осинники, березнички, тальнички, шивовые кусты; болота простые, топкія, съ камышомъ и ржавцы пересохли, мочожны высохли, а водомоны и ручейки превратились въ огромные овраги, сурковыми и лосиными ямы уничтожены. Хотя и вырыты были ямы съ положенными въ нихъ не поддающимися гніенію матеріалами, какъ, напримѣръ, желѣзной изгарной, черепными, угольными, камешными, печной, беретон, но такъ какъ между ямами разстояніе и ихъ направленіе не указаны, то ихъ въ настоящее время восстановить представляется совершенно невозможнымъ. Остается признать за данными описаніями общихъ указаній значеніе границъ; напримѣръ, для поселеній по Суру—самая Сура, отъ нея вправо и влево рѣчки, существующія и до сихъ поръ, а съ четвертой стороны—съ западной—земли посолковъ упирались въ „дикое поле ковыля“.

¹⁾ Хозяйство, какъ и теперь, велось при трехпольной системѣ. Обычная формула надѣла: „по двенадцати четей в поле, а в дву потомужъ человекѣ“. Четъ или четверть равна $\frac{1}{2}$ дес. *Перешатковичъ*, Поволжье въ XV и XVI вв., стр. 252.

²⁾ Она ставилась по 15, 20 и 30 копенъ съ десятины. Принимая среднюю цифру 20 копенъ, для сѣнокоса отводилось 5 десятинъ. *Перешатковичъ*, Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., стр. 132, 134, 152 и 266.

было опредѣленные штаты, сколько должно быть въ Пензѣ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, и хотя во время составленія Строевской книги комплектъ ихъ былъ еще не полонъ, но земля все-таки наръзалась и на тѣхъ, которые придутъ послѣ, „прибылыхъ“ по тогдашней терминологіи. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что „черкасы старые“ и „черкасы Буд-Зюзина“, приписанные къ пѣшимъ казакамъ и составившіе отдѣльное общество, не могли увеличиваться чрезъ приливъ одноименныхъ черкасъ, представляли изъ себя вполне сформированное цѣлое, а потому и получили надѣлъ земельный только на наличныя души.

Коннымъ казакамъ отведена была земля въ сѣверо-западномъ направленіи отъ города по нижеломовской дорогѣ за рѣчку Пензенку и до вершинъ рѣки Шелдаиса; шацкіе драгуны, приписанные въ конную, и шацкіе ссыльные, приписанные въ пѣшую казачью службу, пушкари, воротники и сторожа получили землю по другую сторону города къ Саратовской стени, т. е. къ югу—отъ города Пензы до устья рѣки Ардыма, затѣмъ сыртомъ вплоть до городскихъ надолбъ; пѣшимъ казакамъ изъ старыхъ черкасъ и черкасъ Буд-Зюзина отведена была земля отъ Ломовской проѣзжей башни до рѣки Пензенки и внизъ по ней до Саранской дороги и сурскаго большого лѣса, до городскихъ надолбъ и до Саранской проѣзжей башни. Рядомъ съ землею пѣшихъ казаковъ изъ черкасъ за городскимъ рубежомъ за рѣкой Пензенкой получили землю подъячіе пензенской съѣзжей избы: Иванъ Савинъ, Матвѣй Телеповъ и Иванъ Анникѣевъ по четыре десятины въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по рѣкѣ Пензенкѣ по 100 копенъ на человѣка. Кроме того, было позволено „градскимъ всякихъ чинов жилацкимъ людемъ по хороменной и дровяной лѣсѣ вѣдять имъ в большой лѣс за Суру реку и за Пензу“.

Что касается до времени основанія Пензы, то Строевская книга, вслѣдствіе потери перваго листа, не даетъ намъ никакихъ указаній на этотъ счетъ, а потому приходится довольствоваться показаніемъ Свѣдѣнія, который по этому вопросу говоритъ слѣдующее: „Какъ у всего оного строенія, такъ и у поселенія жителей, въ 7172 года, по указу царя Алексѣя Михайловича, определенъ былъ воевода Елисей Протасѣвичъ Лачиновъ, а въ 7174 году, въ ноябрѣ сего же года онымъ новопоселеннымъ земли дѣлилъ, давая на службу по 12 четвертей“¹⁾. За отсутствіемъ болѣе точныхъ и документальныхъ свѣдѣній,

¹⁾ Предисл. къ Стр. кн. 6 стр.

и ученые, касавшіеся года основанія Пензы, рѣшали этотъ вопросъ различно; такъ, покойный профессоръ Замысловскій полагалъ, что Пенза основана между 1640 и 1650 г. г. ¹⁾, Артемьевъ относилъ ея основаніе ранѣе 1666 г., Перетятковичъ говорить, что, по преданію, острогъ Пензенскій былъ выстроенъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ XVII ст. ²⁾. Не находя категорическаго разрѣшенія этого вопроса въ Стрельной книгѣ, правда, по случайной причинѣ, все-таки найдемъ въ ней указанія на то, что Пенза была населена не вдругъ, а въ нѣсколько пріемовъ.

Между переведенцами въ г. Пензу упоминаются „старые черкасы“, принятые у Юрія Котрацкаго, черкасы Никиты Вуд-Зюзина и переведенцы, „первые высылки Нижняго города Ломова“. Вотъ на нихъ мы и остановимся. Извѣстно, что въ первой половинѣ XVII в., когда только что начиналось движеніе Хмѣльницкаго, и малороссійскимъ жителямъ стало не въ мочь жить подъ владычествомъ Польши, многіе изъ нихъ убѣгала въ Московское государство, особенно въ Путивль. Въ виду этого въ іюль 1649 г. Московское правительство распорядилось черкасъ, перешедшихъ изъ Литовской стороны, жепатыхъ и семьянистыхъ, принимать и устраивать на службу отъ Крымской стороны, одинокихъ же не принимать, а сказывать имъ, чтобы они шли на Донъ ³⁾. Дѣйствительно, въ концѣ 1651 г. послѣ Берестечкаго пораженія прибылъ въ Путивль на вѣчное жительство на Государево имя полковникъ Дзиковскій съ тремя сотниками и 2 т. казаковъ и по указу

¹⁾ Учебный атласъ по Русской исторіи, 2 изд. 1869 г. Объясненія къ картѣ № 5.

²⁾ Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и XVIII в., стр. 234, прим.

³⁾ Соловьевъ, Исторіи Россіи X, 227. Отмѣтимъ, что какъ черкасы Ю. Котрацкаго, такъ и черкасы Вуд-Зюзина по большей части или были безсемейные, или малосемейные; такъ у черкасъ, зачисленныхъ въ иѣшіе казаки, на 118 взрослыхъ приходится дѣтей, зятьевъ, пасынковъ и приемныхъ 83 чел. (по Стр. кн. 82), у черкасъ, зачисленныхъ въ конную службу, на 82 двора приходится 71 малолѣтокъ. Между тѣмъ у великорусскихъ переселенцевъ иѣшнихъ казаковъ, пушкарей, городковъчъ воиритниковъ и сторожей—на 129 дв. (по Стр. кн. 132) дѣтей, братьевъ, внучатъ и племянниковъ было 250 чел., у Ломовскихъ переведенцевъ „первые высылки“ въ 88 дворахъ было дѣтей и вообще неполноправныхъ 165 чел., есть дворы, въ которыхъ было 7 дѣтей. Хотя встрѣчается и среди великорусскихъ переселенцевъ превышеніе численности взрослыхъ надъ малолѣтками, но это только среди позднѣйшихъ переведенцевъ; такъ, у переселенцевъ изъ „государевыхъ дворцовыхъ селъ“ Шацкого уѣзда въ 88 дворахъ дѣтей, пасынковъ и племянниковъ было 70 чел., въ 14 дв. ссыльныхъ изъ Москвы дѣтей было всего 5 чел., изъ 16 дв. солдатъ, переведенныхъ изъ Москвы въ Пензенскую слободу, только въ одномъ дворѣ были дѣтя. Такимъ образомъ, прийдитъ Московскаго правительства не высылать въ далекую ссылку лицъ многосемейныхъ пригнѣдся и къ великорусскимъ переселенцамъ.

изъ Москвы основать на Тихой Соснѣ г. Острогожскъ ¹⁾. Переселенія продолжались и послѣ, такъ какъ Московское правительство съ радостію принимало переселенцевъ, знакомыхъ съ военной службой. Вотъ изъ подобныхъ переселенцевъ и были черкасы, принятые у Юрія Котрацкаго. Вместе съ Ломовскими переселенцами, первоходцами изъ Красной слободы (21 дв.), Шишкѣвскаго и Троицкаго остроговъ и Шацкими драгунами они составили первоначальное ядро пензенскихъ поселенцевъ и основали городъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ XVII в. Вторую группу поселенцевъ, сравнительно весьма незначительную, составляли ссыльные изъ Бѣлскаго уѣзда, прибывшіе послѣ взятія Московскими войсками г. Бѣлаго (14 іюля 1654 г. ²⁾), т. е. въ концѣ 1654 г. или въ 1655 г. Третья присылка переселенцевъ была сдѣлана Никитою Буд-Зюзинымъ. Никита Зюзинъ, какъ извѣстно, былъ Путивльскимъ воеводой въ 1657 г. и до октября 1658 г. ³⁾. Зная изъ предыдущаго, что въ Путивлѣ собиравсь казаки, перебѣжавшіе изъ Польши, что тамъ была, такъ сказать, переселенческая контора, мы съ вѣроятностью можемъ предположить, что черкасы были высланы Никитою Буд-Зюзинымъ въ Пензу во время его воеводства въ Путивлѣ; послѣ прибытія партіи новыхъ черкасовъ, черкасы, принятые у Ю. Котрацкаго, стали называться „старыми черкасами“. Затѣмъ остаются ссыльные „за воровское денежное дѣло“. Какъ извѣстно, воровскихъ денегъ развелось въ Москвѣ особенно много послѣ 1660 г. Въ 1660—1663 г.г., вѣроятно, послѣдовало выселеніе фальшивыхъ монетчиковъ. Въ послѣднихъ же годахъ послѣдовало переселеніе драгунъ изъ „государевыхъ дворцовыхъ сельъ“ Шацкаго уѣзда ⁴⁾. Въ 1664 г. назначенъ былъ воеводою въ г. Пензу Лачиновъ,

¹⁾ Тамъ же X, 266. Костомаровъ, Монографія II, 315. По Костомарову съ Дзиковскимъ было 1000 чел. XI, 5.

²⁾ Исторія Россіи Соловьева X, 320 стр.

³⁾ Тамъ же X, 392 стр. 8 октября 1658 г. гетманъ Выговскій написалъ письмо къ Путивльскому воеводѣ уже князю Григорію Долгорукову. Костомаровъ, Монографія II, 136 стр.

⁴⁾ Свѣдѣнія говорятъ, что „конные служилые люди двоекратно присланы“ были въ Пензу изъ Шацка. Хотя прямыхъ указаній на это въ Стрелецкой книгѣ не находимъ, но можно предположить, что показаніе его вѣрно, потому что драгуны, переведенные изъ дворцовыхъ сельъ Шацкаго уѣзда, были поверстаны въ конные казаки, но поселены были отдѣльно отъ первыхъ, земля имъ была отведена не вместе съ остальными товарищами по оружію, а въ другой, противоположной сторонѣ отъ нихъ, и въ Стрелецкой книгѣ они значатся послѣ итога, подведеннаго коннымъ казакамъ, какъ бы записанные дополнительно. Отмѣлимъ другія данныя, сообщаемыя Свѣдѣніемъ

произвелъ разборъ всѣмъ Пензенскимъ жителямъ и надѣлялъ ихъ въ 1665 и 1666 г.г. земельными угодьями. Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія Строельной книги вытекаетъ, что Пенза населена была не вдругъ, а въ нѣсколько пріемовъ, и что Строельная книга рисуетъ намъ не первый моментъ основанія города, а послѣдній, заключительный, когда онъ окончательно сформировался, принявъ, такъ сказать, опредѣленную фizioномію.

На основаніи Строельной книги можемъ указать и время ея составленія. Какъ извѣстно, бояринъ Никита Зюзинъ за переписку съ патриархомъ Никономъ былъ преданъ суду, и бояре приговорили его къ смертной казни, но царь замѣнилъ ее ссылкой въ Казань. Это было въ мартъ 1665 г. Какъ смѣлый, Зюзинъ, вѣроятно, былъ лишенъ боярскаго сана, а потому въ Строельной книгѣ онъ и не титулуется бояриномъ, хотя титулы другихъ лицъ неукоснительно приводятся. Значитъ, Строельная книга составлена послѣ марта 1665 г. и, вѣроятно, не позже 1666 г., по окончательномъ надѣленіи переселенцевъ землей.

Самый г. Пенза, по „Строельной книгѣ“, былъ окруженъ надолбами, т. е. деревяннымъ укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ дубовыхъ стояковъ, вбитыхъ въ землю сплошною стѣной; въ надолбахъ надъ воротами были устроены „проѣзжые башни“ къ дорогамъ, ведущимъ къ Нижнему Ломову и Саранску. Съ восточной стороны городъ непосредственно примыкалъ къ рѣкамъ Сурѣ и Пензѣ, чрезъ которую былъ мостъ, а съ западной къ липовому лѣсу (липягу Шипин-бору), въ которомъ была впоследствии устроена засѣка. Когда составлена была Строельная книга, земляного вала вокругъ города еще не было, хотя „рубежь“, т. е. черта, гдѣ его предполагалось провести, былъ уже назначенъ¹⁾.

Кромѣ статистическихъ данныхъ о первоначальныхъ жителяхъ Пензы, въ Строельной книгѣ есть данныя и о другихъ насельникахъ края—о поселеніяхъ внизъ по Сурѣ до нынѣшняго Лѣснаго Вьеса

о первоначальномъ устройствѣ Пензы. По его словамъ, переселенцы Лачиновымъ поселены были отдѣльными слободами, которыя потому и получили названія: черкасская, конная, стародрагунская и новодрагунская. Это, конечно, вѣрно; но названіе въ числѣ черкасъ-переселенцевъ какого-то Байгуга—является莫名其妙.

¹⁾ Строельн. кн. 9—31 стр. Свѣдѣнія такъ описывалъ г. Пензу въ 1765 году: „Городовое укрѣпленіе сделано стоячье, на подобіе острога, изъ весьма толстаго дубоваго дерева; по угламъ и въ срединѣ оного семь башенъ, сделанные по тогдашнему обыкновенію; всего въ окруженіи 418 сажень и одинъ аршинъ, около оного ровъ, ширины не меньше 5-ти, а глубиною 2-хъ сажень“. Предисловіе къ Стр. кн. 6 стр.

включительно. Первый поселокъ, находившійся въ 2 верстахъ отъ городскихъ надолбъ къ сѣверу—это была Пензятская слобода ¹⁾; она состояла изъ 25 чел., конныхъ казаковъ, ломовскихъ переведенцевъ, да къ нимъ, по Государевой грамотѣ, прислано съ Москвы 16 человекъ солдатъ, которые тоже были записаны въ конные казаки. Всего, такимъ образомъ, въ слободѣ было 41 человекъ взрослыхъ и 79 дѣтей и вообще неполноправныхъ. Земли имъ было отведено на 50 человекъ отъ Суры до сырта, дагѣ до р. Шелданса и внизъ по правой сторонѣ этой рѣчки до р. Суры. Между фамиліями пензятскихъ казаковъ встрѣчаются два дома съ фамиліями Новокрещеновыхъ, одинъ съ фамиліей Муромцева и одинъ Кузнецъ—достаточно ясно указывающими на происхождение, прежнее мѣстожителство и профессію ихъ владѣтелей.

Дагѣ шла деревня Шелдансъ, населенная татарами—конными казаками; ихъ было 17 дворовъ и неполноправныхъ 39 человекъ. Земли имъ было отведено на 50 чел. отъ р. Суры вверхъ по р. Шелдансу „до правой росошины Шелдайской вершины“, до граней рейтарской земли и до Суры. Какъ пензятскимъ, такъ и шелданскимъ казакамъ пахатной земли было назначено по 12 четей въ каждомъ полѣ, а сѣнныхъ покосовъ по 100 копенъ на человека.

За Шелдансомъ находилась Рейтарская Колоярская слобода изъ 22 человекъ ²⁾. Земли имъ отведено на 30 чел. по 15 четей въ каждомъ полѣ, сѣнныхъ покосовъ по концамъ полей и по р. Колояру по 100 копенъ на человека. Граница земли шла отъ границы съ шелданскими татарами по Сурѣ до р. Колояръ и вверхъ до дикаго ковыльнаго поля. Тутъ же рядомъ была наръзана земля начальнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ, служившимъ въ рейтарахъ, „всѣмъ вопчѣ“: панни драгунскому поручику Павлу Аонасьеву Прокофьеву по 50 четей въ каждомъ полѣ, сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ, рейтарскаго строю прапорщику Федору Осипову Стрижкову пахатной земли по 45 четей и покосовъ на 80 копенъ и боярскимъ дѣтямъ Ивану Аристову Монакову, Родиону Логинову Маркову и Степану Иванову Иноземцеву по 30 четей въ полѣ и сѣна на 300 копенъ ³⁾. Кромѣ того, въ гра-

¹⁾ На мѣстѣ Пензятской слободы находится теперь д. Ухтинка, въ 7 в. отъ Пензы.

²⁾ Между фамиліями рейтаръ встрѣчаются: Григорьевскій, Самотайнъ, Подъябланскій, указывающіе на то, что владѣтели ихъ происходили изъ иноземцевъ, встрѣче малороссовъ.

³⁾ Въ Стр. книгѣ „по 300“ (35 стр.); вѣроятно, ошибка, такъ какъ по Стр. князюму изъ служилыхъ людей такого количества сѣна отведено не было.

ницахъ ихъ земель предоставлялись имъ рыбныя ловли въ Сурѣ „до озера Лавзерки (вѣроятно, Вазерки), и с истокомъ, и всякие озера, истоки, и перевѣсья ¹⁾), и всякие угодыя“, сѣнныя угодыя по концѣ полей и по р. Колояру. Кромѣ того, имъ разрѣшалось по хороменній и дровяной лѣсѣ ѣздить за Суру, въ большой Сурскій лѣсѣ. Граница ихъ земли была опредѣлена отъ Сурскаго лѣса, отъ оз. Ванзыбей вверхъ до государевой земли, „дикое поле ковыла“, лѣвѣмъ берегомъ. Затѣмъ по лѣвому берегу р. Колояра вплоть до ея устья.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ переведенцами. Ванзыбейская слобода было первое поселеніе отъ Пензы, населенное сходацами. Они были „охотники лосиной ловли“, пришедшіе „изъ разныхъ родов, от отцовъ дѣти, и от братьевъ братья, и от дядь племянники, волные великаго государя люди, не помѣщиковъ, и не монастырскіе бѣдные крестьяне, и не кобальныя дворовые люди“. Ихъ было 10 (по Стр. кн. 12) человѣкъ, земли же имъ было отведено на 20 человѣкъ по 12 четей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по концѣ полей по 100 копенъ на человѣка. Кромѣ того, имъ же, охотникамъ, отведены были въ границахъ ихъ земельныхъ угодій „рыбныя ловли и всякія угодыя... в Сурскомъ лугу, — озера, истоки, и озера Зыибѣя, и с истокомъ, и малыя всякія озера и перевѣсья“. По хороменній и дровяной лѣсѣ разрѣшалось имъ ѣздить въ Сурскій большой лѣсѣ. Грань ихъ земель шла отъ Сурскаго лугу до „дикаго поля ковыла“, и затѣмъ поворачивала опять къ Сурскому лугу и озеру Зыибѣю.

За ванзыбейскими охотниками нарѣзана была земля Пензенской сѣважей избы подъячому Михаилу Русинову по 5 десятинъ въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ отъ Сурскаго лѣса и оз. Зыибѣя съ одной стороны, до земли вазерскихъ казаковъ и до Сурскаго лѣса съ другой ²⁾).

Вазерская слобода конныхъ казаковъ отличалась наибольшимъ разнообразіемъ населенія сравнительно съ другими поселеніями Пензенской линіи; въ ней были переведенцы ломовскіе, изъ г.г. Саранска и Верхняго Ломова; но и на своихъ прежнихъ мѣстахъ они были переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Руси, какъ это можно судить по фамиліямъ: „Стародубовъ“, „Корачевъ“, „Шечениновъ“, „Геминковецъ“, „Туденниъ“, „Арзамасецъ“; среди Ломовскихъ переведенцевъ встрѣ-

¹⁾ *Перевѣсье*, большія сѣти для ловли птицъ и зѣбрей, вѣшавшаяся на мѣстахъ или съ дерева на дерево; мѣсто, гдѣ устроена такая сѣть. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка Срезневскаго. II т., 900 стр. *Истоки*, потоки, ручьи.

²⁾ Стрельн. кн. 31—38 стр.

чаются малороссійскія фамиліи: Черномясь, Попадцій, Солома, Сырыща, Черношейка; нѣкоторыя фамиліи указываютъ на профессіи ихъ владѣтелей, какъ-то: Серебренникъ, Гусельникъ, Горшечникъ, Кузнецъ, Барышниковъ. Всего жителей было 56 человѣкъ и неполноправныхъ 131 (по Стр. кн. 51 и 133), земля имъ было раздѣлена на 100 человѣкъ въ границахъ отъ р. Суры, по ручью, впадающему въ нее, до Шукшинской вершины и рѣчки Вазерки и правой стороной послѣдней до ея устья. За этой рѣчкой находилась деревня Усть-Вазерскихъ лебедчиковъ 6 человѣкъ съ 16 (по Стр. кн. 17) дѣтьми и внучатами; земли имъ отведено на 10 человѣкъ отъ р. Суры, вверхъ по оврагу до лянга Васпомры, мимо его до р. Вазерки и лѣвой стороной до ея устья.

Пыркинская слобода конныхъ казаковъ состояла изъ 19 человѣкъ, а дѣтей и внучатъ у нихъ было 36 (по Стр. кн. 35) чел.; земли имъ было отведено на 100 чел. Жители слободы были народъ довольно ремесленный; такъ, среди нихъ упоминаются фамиліи: Гребенщиковъ, Лаптовъ, Кузнецъ, Овчинниковъ, Плотникъ; на пришлый элементъ указываетъ фамилія Резанова; въ числѣ жителей было двое братьевъ дѣтей Поповыхъ, своими фамиліями указывающихъ на происхожденіе, а также и на сбродный составъ населенія. Земля имъ была отведена отъ р. Суры до лянга Васпомры, до степи— „дикое поле ковыла“, и черезъ рѣчку Ольшанку и Пензенскую дорогу до Суры. По хормный и дровяной лѣсъ пыркинскимъ казакамъ разрѣшалось ѣздить въ Сурскій большой лѣсъ.

Далѣе жили въ деревнѣ Синоровѣ конные казаки, татары, ломовскіе переведенцы, 52 человѣка полноправныхъ и неполноправныхъ 133 человѣка; земля имъ отведена была отъ Суры до Липовскаго ржавца и до ковыльной степи и до р. Шукши. И этимъ казакамъ разрѣшалось ѣздить по хормный и дровяной лѣсъ въ большой Сурскій лѣсъ.

Всѣмъ казакамъ—вазерскимъ, пыркинскимъ, синоровскимъ—и лебедчикамъ земли было отведено по 12 четвертей въ каждомъ полѣ; сѣнныхъ покосовъ лебедчикамъ и пыркинскимъ казакамъ отведено по 100 копенъ на человѣка; количество сѣна синоровскимъ казакамъ не указано, а относительно сѣна вазерскимъ казакамъ и совсѣмъ ничего не сказано; такъ что выходитъ, будто-бы сѣнокосовъ у нихъ совсѣмъ не было.

За деревней Синоровой находилась мордовская деревня Усть-Шукша. Земля мордвамъ отведена была подъ пашню изъ пособнаго хлѣба на

12 четвертей ржи, а также и овса и изъ денежнаго оброка 3 руб. и 20 алтынъ (рублей 40—42 на наши деньги), т. е. мордва за отведенную ей землю должна была платить ежегодный оброкъ хлѣбомъ и деньгами ¹⁾. Граница ихъ земли была: отъ Сурскаго большого лѣса вверхъ черезъ сараяскую дорогу, черезъ р. Шукшу, черезъ вершину р. Верхазовки, внизъ по этой рѣкѣ, потомъ повернувъ къ р. Шукшѣ до ея устья. Шукшинской мордвѣ по хорошему и дровяной лѣсу также разрѣшалось ѣздить въ Сурскій большой лѣсъ за р. Суру ²⁾.

За Шукшинскими мордвами могъ образоваться, если можно такъ выразиться, интеллигентный уголокъ, такъ какъ онъ былъ предоставленъ въ распоряженіе пензенскаго служилаго люда, конечно, болѣе культурнаго сравнительно съ простыми поселенцами—казаками. Такъ, за р. Суру, въ большомъ Сурскомъ лѣсу на Ваньрѣ (она же Сергѣевская поляна), отведено было въ помѣстьѣ отставному сокольнику Моисею Жинину (онъ же Иванъ) по 15 четей въ каждомъ изъ трехъ полей и сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ. За р. Ваньромъ на сѣножита предоставлены были ему рыбныя ловли, бобровыя озера и въ границахъ озера, истоки и перевѣсы и всякія угодья до устья рѣки. Помѣстье, отведенное Моисею Жинину, было единственное на правой сторонѣ Суры, описанное въ Стрельной книгѣ, такъ какъ все описанное въ ней какъ раньше, такъ и послѣ, находится на лѣвомъ берегу ея. За р. Шукшею отведено было драгунскому поручику Осипу Иванову Лунину въ помѣстьѣ по 50 четей въ каждомъ изъ двухъ полей, сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ сѣна и рыбныя ловли и всякія угодья въ границахъ его земли; за Лунинымъ была отведена земля въ помѣстьѣ подполковнику Макару Милевскому по 80 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 150 копенъ сѣна. Затѣмъ шли отведенныя въ помѣстья земли пензенскихъ боярскихъ дѣтей Алексѣя Корнилова Телѣгина и Василья Ермолаева Мантурова въ размѣрѣ по 15 четей въ каждомъ полѣ, а сѣнныхъ покосовъ по 100 копенъ на человекъ. Земля ихъ простиралась отъ Сурскаго лѣса до праваго берега р. Верхазовки; въ этихъ же границахъ имъ были предоставлены рыбныя ловли и всякія угодья. За р. Верхазовкой было отведено въ помѣстьѣ капитану Роману Тимоѣеву Селиверстову по

¹⁾ Оброкъ шукшинцами платился менше, чѣмъ, напр., въ Чалнахъ на Камѣ въ сороковыхъ годахъ XVII ст., гдѣ крестьяне платили оброку съ выти по 4 руб. и по 12 четвертей ржи и овса. Выть равнялась 56 чет., въ каждомъ изъ трехъ полей. Перетятковичъ. Повозжье въ XVII в., стр. 136, 175.

²⁾ Стрельн. кн. 38—47 стр.

70 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ сѣна по концамъ полей, между полями и по ржавцамъ. Въ границахъ этихъ владѣній ему предоставлены были рыбныя ловли въ Сурѣ и всякія угодыя въ лугу около рѣки. По хорошему и дровяной лѣсъ Селиверстовъ имѣлъ право ѣздить за р. Суру въ большой лѣсъ.

Затѣмъ опять шли слободы. Деревня Сандерки заселена была конными казаками „лебединыя ловли“. Кромѣ того, въ ней же была отведена земля пензенскому степному „вожою“ Науму Русинову. Вожами назывались люди, знакомые съ мѣстными условіями, услугами и знаніями которыхъ правительство пользовалось при устройствѣ линий, украинскихъ городовъ и т. п. Русинову отведено было подъ пашню по 25 четей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по концу полей на 100 копенъ. Лебедчикамъ же, которыхъ было 5 человекъ, отведено было земли на 10 человекъ по 12 четей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по 100 копенъ на человека; кромѣ того, имъ предоставлены были рыбныя ловли и всякія угодыя въ граняхъ владѣнія и право ѣздить за лѣсомъ въ большой Сурскій лѣсъ ¹⁾.

Кутлинская слобода конныхъ казаковъ состояла изъ двухъ видовъ поселенцевъ—казаковъ, переведенцевъ ломовскихъ и изъ волостей; но этихъ поселенцевъ было всего 7 дворовъ; главный же контингентъ поселенцевъ были „вольные великаго государя люди“, т. е. сходцы— всего было 59 человекъ тяглыхъ и не тяглыхъ 119 человекъ. Имъ отведено было земли на 100 человекъ; грань шла отъ Сурскаго большого лѣса черезъ р. Кутлю, имѣя „налеве земля—дикое поля ковыла“, спустилась до р. Ломовки и шла правой ея стороной до Сурскаго большого лѣса. Относительно жителей Кутлинской слободы слѣдуетъ сказать, что семья ихъ отличалась сравнительною многочисленностію и сложностію; состояли изъ 6 и 8 человекъ, включая нерѣдко братьевъ, зятчьевъ и племянниковъ; затѣмъ между ними находилось изрядное количество ремесленниковъ, какъ это видно по фамиліямъ Овчинниковъ (4 раза), Кожевниковъ (2), Плотникъ, Лошкаревъ, Бочкарь; на занятіе указываетъ фамилія Рыбакъ, на прежнее мѣсто жительства Казанецъ и нерусское происхожденіе Выходецъ ²⁾.

Въ Пелетьминской слободѣ конныхъ казаковъ было 28 человекъ и неполноправныхъ 28 чел. (по Стр. кн. 22 и 27); земли имъ подъ

¹⁾ Стрелын. кн. 47—50 стр.

²⁾ Кромѣ того, жители Кутлинской слободы, т. е. собственно вольные люди, вѣроятно, не отличались смиреннымъ характеромъ, на что указываетъ ея названіе, происходящее отъ татарскаго слова *кутлякъ*, гулящій человекъ.

нашю было отведено на 50 человекъ отъ слободы вверхъ по р. Пелетьмъ, черезъ поле до р. Мордвинки и правую ея стороною до р. Суры. Между фамиліями пелетьминскихъ казаковъ встрѣчаются Сибуховскій и Елатолецъ, указывающія, откуда ихъ владѣтели попали въ среду пелетьминскихъ казаковъ, фамилія Серебренникъ указываетъ на профессию, а фамилія Новокрещенова на происхождение. Кутлинскимъ и пелетьминскимъ казакамъ отведено было пахатной земли по 12 четей въ каждомъ полѣ, а сѣнныхъ покосовъ по конецъ полей, между полями, по рѣкамъ и по ржавцамъ по 100 копекъ на человека.

Послѣднее поселеніе, описанное въ Строельной книгѣ, это деревня Вясь (теперь Лѣсной Вясь), заселенная мордвами. Земля имъ была отведена изъ пособнаго хлѣба изъ 12 четвертей ржи и овса да изъ денежнаго оброка съ четверти по 5 алтынъ. Граница ихъ земли шла отъ Суры лѣвой стороною р. Вяся и вверхъ до самыхъ верховьевъ р. Олышяки, далѣе разными урочищами до правой стороны р. Мордвинки и правую ея стороною до р. Суры ¹⁾).

Итакъ, изъ рассмотрѣнія поселеній, обозначенныхъ въ Строельной книгѣ, мы видимъ, что населеніе состояло главнымъ образомъ изъ военнаго элемента, т. е. колонизація была вполне правительственная. Мы видимъ, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія течение Суры отъ Пензы до нынѣшняго Лѣснаго Вяся, т. е., примѣрно, на протяженіи 70—75 верстъ, было покрыто довольно густою сѣткою военныхъ поселеній, составлявшихъ Пензенскую сторожевую линію. Около половины нынѣшнихъ поселеній на этомъ пространствѣ восходить своимъ началомъ къ срединѣ XVII столѣтія. Конечно, они были мало населены сравнительно съ нынѣшними—это были какъ бы зерна, изъ которыхъ выросли такія большія села, какъ, напримѣръ: Безсоновка, Вазерки, Кутля и др. На военный характеръ края и пригомъ именно сторожевой, охранный, указываетъ упоминаемое въ Строельной книгѣ существованіе маровъ ²⁾, т. е. небольшихъ земляныхъ насыпей,

¹⁾ Строельн. кн. 50—55 стр.

²⁾ Земля Колоирскихъ рейтаръ доходила до столба, поставленнаго „противъ дву маровъ“; одинъ изъ граничныхъ столбовъ на землѣ вазерскихъ казаковъ стоялъ „противъ мару“ (Строельн. к. 35, 40 стр.). Остатки маровъ и въ настоящее время встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ среди полей между Мокшапомъ и Пензою, т. е. приблизительно около мѣстностей, упомянутыхъ въ Строельной книгѣ. Вышней они, по сандѣтельству одного мѣстнаго жителя, до 3 млн 4 с., круглой формы, поставлены на одной линіи и одинъ съ другого видны простымъ глазомъ.

на которыхъ были устроены вышки или сторожи, откуда постоянные часовые наблюдали за происходившимъ въ окружающей мѣстности и, въ случаѣ замѣченной гдѣ-либо опасности, тотчасъ же зажигали снопы соломѣ на верху вышки и такимъ образомъ извѣщали жителей о грозящей имъ опасности. По этому сигналу жители собирались въ отряды и шли на встрѣчу врагу. Кромѣ того, для наблюденія посылались за линію разъѣзды изъ нѣсколькихъ человекъ, на что тоже есть указаніе въ Строевной книгѣ; при описаніи земли Вьясской мордвы упоминается „стоичная дорога, что ѣздить (караулы от чердака“, т. е. вышки ¹⁾.

Противъ кого же была устроена эта укрѣпленная линія? По показанію Кириллова, одного изъ образованныхъ и видныхъ администраторовъ, дѣятельность котораго протекала въ восточной окраинѣ Россіи въ XVIII столѣтіи ²⁾, и по преданіямъ, сохранявшимся среди старожиловъ Пензенскаго края еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, послѣдній въ XVIII столѣтіи терпѣль частыя несчастія отъ набѣговъ кубанцевъ, т. е. татарской орды Малыхъ Ногаевъ, жившихъ на рѣкѣ Кубани. Безъ сомнѣнія, эти набѣги производились кубанцами и въ XVII вѣкѣ ³⁾. Вотъ противъ этого-то врага и была устроена Пензенская линія. По своему положенію она была продолженіемъ Симбирской черты, устроенной въ половинѣ того же XVII вѣка, и служила связующимъ звеномъ между нею и Сызранскою чертою, устроенной въ восьмидесятыхъ годахъ (1683 г.) того же столѣтія. И дѣйствительно, сѣверная часть Пензенской линіи подходила къ Саранску, Атемару, Сурскому Острогу и Аргашу, укрѣпленнымъ пунктамъ Симбирской черты, съ Сызранскою же чертою ее связывала идущая къ югу отъ Пензы по теченію Суры засѣка, при окончаніи которой, вѣроятно, и стояло су-

¹⁾ Строевн. кн. 55 стр.

²⁾ Выдержки изъ его сочиненія „Цѣлѣущее состояніе Всерос. государ.“ у Перетковича. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, стр. 338—339.

³⁾ Въ 1637 г. Московское правительство, говоря въ окружной грамотѣ о пользѣ построенныхъ въ 1636 г. городовъ: Тамбова, Козлова, Верхняго и Нижняго Ломова, построенныхъ для того, чтобы „войну отъ татаръ отнять“, выражается такъ: „за тѣми новыми городами и крепостями... татарская война отъ приходовъ укрѣплена... и въ 144 году съ весны и въ нынѣшнемъ 145 году... въ осень татарская война не бывала и въ тѣхъ во всѣхъ мѣстахъ православные крестьяне жили въ покоѣ, безо всякаго страхованія“. Поэтому, говорится далѣе, правительство рѣшило построить укрѣпленія и въ другихъ мѣстахъ на югѣ и юго-востоцѣ, „чтобы тѣми городами и острогами отъ крымскихъ, отъ погайскихъ и отъ азовскихъ людей... во всѣхъ украинскихъ городахъ войну отнять“. А. А. Э. III т. № 263.

существующее въ настоящее время с. Засѣчное (верстахъ въ 15 отъ Пензы). Такимъ образомъ верхнее теченіе Суры до того мѣста, гдѣ она поворачиваетъ съ востока на сѣверъ, было укрѣплено Сызранской чертой, а отъ поворота ея на сѣверъ шла Пензенская линія почти до того пункта, гдѣ Сура входитъ въ границу Симбирской черты.

Частная колонизація выражена была крайне незначительными размѣрами; только жители слободъ Анзыбейской и Кутлинской состояли изъ вольныхъ сходцевъ, но изъ нихъ Кутлинская слобода имѣла нѣсколько конныхъ казаковъ. Помѣщичья же колонизація и совсѣмъ не начиналась. Но со времени основанія Пензы и ей положено было начало пензенскими начальными людьми Лунинымъ, Телѣгинимъ и Мантуровымъ, давшими свое имя въ настоящее время богатому и торговому селу Луцину съ лежащими около него деревнями Телѣгинимъ и Мантуровкой.

Изъ Строельной книги видно, что русскія поселенія по Суры существовали ранѣе постройки Пензы; такъ, при описаніи земли, отведенной начальнымъ людямъ Колоярской ройтарской слободы, сказано, что новая грань сдѣлана по старой грани: „а на томъ дубу старыя грани; а поверхъ старыхъ граней набита новая грань“; то же и при описаніи земли, нарѣзанной Анзыбейскимъ лесной ловли охотникамъ; при описаніи земель усть-Вазерскихъ лебедчиковъ и пыркинскихъ казаковъ упоминается о „вотчинномъ знамени“. Значить, какъ эти поселки, такъ и Кутлинская слобода, населенная „сходцами“, несомнѣнно, существовали еще до постройки Пензы. Это положеніе подтверждается и слѣдующими доказательствами. Въ Строельной книгѣ упоминается о Нижегородской и особенно часто о Саранской дорогахъ; упоминанія эти производятъ такое впечатлѣніе [„черезъ Пензенскую (Саранскую) дорогу, что ѣздить с Пензы на Саранскъ и ис Саранска на Пензу“¹⁾], что по этимъ дорогамъ уже давно ѣздили, что фактъ сообщенія по нимъ общезвѣстенъ, а не то, чтобы онѣ продѣланы были недавно, съ устройствомъ гор. Пензы. О болѣе раннемъ знакомствѣ русскихъ съ мѣстностью, гдѣ построена Пенза, говоритъ и выборъ вожжа. Обыкновенно при устройствѣ другихъ пограничныхъ линій, напримѣръ, закамской черты²⁾, въ вожжи выбирались инородцы, знакомые съ мѣст-

¹⁾ Пензенская и Саранская дорога одно и то же. Строельн. кн. 19, 40, 42, 46 стр. До шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія по этой линіи пролегалъ почтовый трактъ отъ Пензы до Саранска.

²⁾ Перетятковичъ. Поводья въ XVII в., стр. 140.

ностью; при постройкѣ же Пензы вожемъ служилъ русскій человекъ Наумъ Русиновъ; слѣдовательно, ко времени ея постройки русскіе люди хорошо знали Пензенскій край, и потому правительству не представлялось необходимости прибѣгать къ услугамъ инородца. Наконецъ, зачатки обрусенія среди инородцевъ не явились вдругъ, а могли возникнуть только вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго сожительства среди нихъ русскаго элемента. Такимъ образомъ построение Пензы было послѣднимъ, заключительнымъ актомъ, окончательно обезопасившимъ среднее теченіе Суры для русскихъ поселеній.

Но колонизація шла только по Сурѣ, не отходя отъ ея береговъ и не проникая въ глубь степей; такъ, изъ той же Стросельной книги мы видимъ, что въ недалекомъ разстояніи отъ линіи мѣстность была совершенно пустынная, и земля тамъ не была зарегистрирована; такъ, земля болѣе части сельскихъ поселеній примыкала къ дикимъ ковыльнымъ полямъ; почти постоянно встрѣчаются выраженія: „по концѣ ихъ поль-дикое поле ковыла“ или „земля государева — дикое поле ковыла“, или „государева порозжее земля“; шла эта земля „до Мокшанскихъ вершинъ“ и „до Мокшанскаго большаго лѣсу и до Инсарскаго города и до Шешкѣва“ ¹⁾. Это дикое поле стало заселяться только въ концѣ XVII вѣка.

Обращаетъ на себя вниманіе упорное молчаніе Стросельной книги о городѣ Мокшагѣ ²⁾. А по всему онъ долженъ былъ бы быть извѣстенъ ея составителямъ: вѣдь, часть Вазерскихъ переселенцевъ была взята изъ г. Верхняго Ломова; они часто посѣщали свое старое пенилице и настолько часто, что образовалась особая дорога, „что ѣздятъ с Вазерокъ на Ломов“, и если отъ Вазерокъ провести прямую линію по направленію къ Верхнему Ломову, то она какъ разъ проходитъ черезъ пылншній Мокшагъ, слѣдовательно, ѣхавшимъ изъ Ломова и обратно мимо Мокшана проѣхать было невозможно.

¹⁾ Стросельная книга 43, 53 стр.

²⁾ Отмѣтимъ кстати, что въ „Росписи воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, вѣдомыхъ въ приказахъ Казанскаго дворца“, составленной послѣ августа 1602 года, значатся слѣдующія мѣстности пылншной Пензенской губерніи: Верхній Ломовъ, Инсаръ, Керенскъ, Пенза, Потижскій острогъ, Саранскъ и его пригороды: Инсарскій и Шешкѣвскій и Атемарскій острогъ (Лаппо-Данилевскій, Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 547, 548). Списокъ, очевидно, не полный: не упомянуты Нижній Ломовъ, Троицкъ и Краснослободскъ, существовавшіе во время основанія г. Пензы. Умолчаніе же о Мокшагѣ должно только усиливать сомнѣніе въ его существованіи въ данное время.

Это игнорированіе Мокшана тѣмъ болѣе удивительно, что онъ въ то время, когда была составлена Стрельная книга, былъ не новымъ, незамѣтнымъ поселеніемъ, а довольно старымъ, насчитывавшимъ себѣ въку не менѣе 130 лѣтъ. Чѣмъ же объясняется это молчаніе? Просто тѣмъ, что и упоминать-то было не о чемъ, такъ какъ Мокшана, какъ города, тогда еще не существовало. Извѣстіе о постройкѣ Мокшана обыкновенно приурочиваютъ къ слѣдующему мѣсту лѣтописи подь 1535 г. „Тоя же осени, Декаврія 17, князь великій Иванъ Васильевичъ и мати его великая княгиня Елена повелѣ градъ здѣлати древянъ въ Мещерѣ, на рѣкѣ на Мокшѣ, на мѣстѣ зовомомъ Рунза, того ради, что въ тѣхъ мѣстѣхъ нѣсть градовъ близу: и додѣланъ тоя же зимы, марта 27“. (Ник. лѣт. II. С. Р. Л. XIII т. 1-я ч. 105 стр. Это же извѣстіе кратко на 88 стр.). Карамзинъ, ничто же сумняся, назвалъ новопостроенный городъ Мокшаномъ (VIII т. 27 стр. Изд. Эйнерлинга). Вслѣдъ за нимъ пошли и другіе ученые, какъ, напр., покойный профессоръ Замысловскій (Учебный атласъ по Русской исторіи, объясненія къ картѣ № 4) и Милюковъ (Карта разселенія русскаго племени, приложенная къ очеркамъ по исторіи Русской культуры. 5 изд. 1904 г.). Соловьевъ (Исторія Россіи VI т. 30 стр.) оставляетъ городъ безъ названія, какъ и лѣтопись. Намъ кажется, приурочивать извѣстіе подь 1535 г. къ Мокшану невозможно по слѣдующимъ причинамъ. Если бы онъ былъ построенъ въ этомъ году, то онъ былъ бы отрѣзанъ отъ остальной Московской Руси довольно широкой полосой инородческаго населенія, признававшего себя въ зависимости отъ Казанскаго царства, и представлялъ бы изъ себя своего рода Дальній XVI в. Но Московское правительство было неспособно на подобныя авантюры; а потому и не могло сдѣлать столь рискованнаго шага—поставить городъ въ чужихъ владѣніяхъ. Говорить противъ существованія Мокшана въ XVI ст. и направленіе Симбирской черты, построенной въ 1648—1654 г.г. Если бы существовалъ Мокшанъ, то зачѣмъ было московскому правительству проводить послѣднюю чрезъ Саранскъ и Писаръ на В. и Нижній Ломовы, а не направить ее на укрѣпленную же мѣстность—Мокшанъ, который при проведеніи Симбирской черты является обойденнымъ, въ сторонѣ. Кромѣ того, проведеніе черты на Мокшанъ было бы удобнѣе и въ томъ отношеніи, что этимъ направленіемъ занималось бы внутрь ся болѣе пространство. Но если мы считаемъ невозможною постройку Мокшана въ XIV ст., то къ какому же времени ее нужно относить? По нашему мнѣнію, Мокшанъ, какъ городъ, сталъ существовать уже послѣ по-

стройки Пензы. Въ концѣ XVII в. правительство рѣшило соединить Пензу съ Нижнимъ Ломовомъ укрѣпленной линіей и такимъ образомъ закрыть съ юга отъ испріятелей пространство между Симбирской чертой и Пензенской линіей. Въ виду этого въ 1682 г. устроено было въ 17 в. отъ Пензы на р. Рамзайкѣ поселеніе Рамзай, населенное казаками, стрѣльцами и пушкарями; вокругъ поселенія проходилъ земляной валъ, слѣдовательно, оно имѣло видъ крѣпости и съ 1686 г. стало называться „Рамзаевскимъ острогомъ“. (За доставленіе этихъ свѣдѣній, основанныхъ на старинныхъ грамотахъ, хранящихся при Рамзайской церкви, мы приносимъ искреннюю благодарность о. протоіерею села Рамзал Θεодору Охотскому). Дальнѣйшее направленіе этой линіи шло на Мокшанъ, къ которому, въ свою очередь, съ другой стороны отъ Нижняго Ломова тянулась линія укрѣпленныхъ мѣстъ, изъ которыхъ ближайшимъ къ П. Ломову было село Пѣшее Атмисъ ¹⁾. Вотъ тогда-то, т. е. въ концѣ XVII в., и основанъ былъ Мокшанъ, какъ русскій укрѣпленный городъ. Что касается до безымяннаго города, построеннаго, по лѣтописи, въ 1535 г., то точно, съ опредѣленностію назвать его трудно, за неимѣніемъ основаній. Обращаемъ вниманіе на то, что подъ тѣмъ же годомъ находится рядъ лѣтописныхъ извѣстій о постройкѣ и укрѣпленіи городовъ; такъ, на Мокшѣ переставленъ былъ на новое мѣсто Темниковъ, поставленъ былъ Пронскъ, Балахна (Ник. л. П. С. Р. Л. XIII т. 1-я ч. 89, 90, 109, 113, 114 стр.). Можетъ быть, и вновь построенный городъ былъ гдѣ-либо неподалеку отъ этихъ городовъ. Мы съ вѣроятностію склонны видѣть въ немъ Красную Слободу, находящуюся вверху по теченію Мокши верстъ на 160 отъ Темникова и въ концѣ XVI в. уже бывшую административнымъ центромъ цѣлаго округа дворянскихъ селеній ²⁾. Что касается до мѣстности Мурунзы, на которой будто бы былъ построенъ Мокшанъ, то объ ней расходятся мнѣнія русскихъ ученыхъ: одни считаютъ Мурунзу на мѣстѣ нынѣшняго Мокшана, другіе

¹⁾ По преданію, село Пѣшее Атмисъ основано въ концѣ XVII в. переселенцами изъ Пѣшей Слободы и затѣнной улицы г. Нижняго Ломова; первое населеніе состояло изъ пѣшихъ казаковъ, пушкарей, воротниковъ и затѣнщиковъ; между Атмисомъ и П. Ломовомъ находится лѣсъ, и до сихъ поръ называемый „караульнымъ“; самая земля, на которой основано село, по показаніямъ старожилъ, называлась „мамаевой“; о земельныхъ граняхъ жителей имѣются записи 1693 г. (изъ Географическаго и топографическаго описанія прихода села Атмиса, составленнаго священникомъ означеннаго села П. С. Маіорановымъ, которому приносимъ искреннюю благодарность за возможность пользоваться описаніемъ въ рукописи).

²⁾ Ист. ст. оп. Пенз. еп., изд. редакціей Пенз. Еп. Вѣд.

на мѣстѣ Большого Буртаса въ Керенскомъ уѣздѣ; наконецъ, есть мнѣніе, что эта столица мордвы находилась на мѣстѣ нынѣшняго Ширингушскаго городища въ Спасскомъ у. Тамб. губ. („Россія“. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и акад. В. И. Ламанскаго, С.-Пб. 1902 г., стр. 344, 495, 502). Неупомянута въ Стр. кн. и Ломовская Слобода, вѣроятно, потому что и ея не существовало, хотя, по сообщенію „Россія“ (стр. 351), въ ней съ 1579 г. находился женскій Богородицкій монастырь. Вообще, къ вопросу о колонизаціи русскаго племени въ XVI в. въ предѣлы нынѣшней Пензенской губерніи слѣдуетъ относиться съ осторожностью: кажется, она не проникала еще далѣе сѣверо-западнаго края Краснослободскаго уѣзда, а потому проведеніе сторожевой линіи на картѣ № 4 атласа Замысловскаго по верховьямъ рр. Барыша и Вада, по нашему мнѣнію, совершенно неправильно,—линію слѣдуетъ провести около ихъ устья. Припомнимъ, что Симбирская черта проходила недалеко отъ устья р. Барыша.

Что касается до земельного надѣла, назначеннаго поселенцамъ Пензенской линіи, то, по сравненію его съ надѣлами, нарѣзанными поселенцамъ Симбирской и Закамской черты, первый оказывается много меньше послѣднихъ; такъ, конные казаки на Пензенской линіи всѣ получили по 12 четвертей въ каждомъ полѣ, а пѣшіе по 6 четвертей; сѣнныхъ покосовъ первые получили на 100 коней и послѣдніе по 50 копенъ на человѣка. На Симбирской же и Закамской чертѣ простые казаки и солдаты получили по 20 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по 5 или 10 десятинъ, т. е. по 100 или 150 копенъ на человѣка. Начальные люди, напримѣръ, пятидесятники на Симбирской и Закамской чертѣ, получали земли болше—по 40 четвертей; изъ Строельной книги г. Пензы не видно, получали-ли они болше и сколько именно на Пензенской линіи. Меньше получили и начальные люди офицерскаго званія служившіе въ Пензѣ: поручики по 50 четей въ каждомъ полѣ противъ 70 четей, выдѣленныхъ, напримѣръ, офицерамъ изъ полоцкой шляхты, поселенной на Закамской чертѣ; капитанъ Селиверстовъ получилъ 70 четей въ полѣ; между тѣмъ ротмистрамъ изъ полоцкой шляхты отведено было каждому по 80 четей; нарѣзка въ послѣднемъ размѣрѣ сдѣлана на Пензенской линіи подполковнику ¹⁾.

¹⁾ Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, стр. 151, 170, 235, 261, 266, 313, 317, 318.

Слѣдовательно, какъ высшіе чины служилого сословія, такъ и низшіе были какъ бы припжнены оравнительно съ служившими на Закамской чертѣ. Почему это сдѣлано, опредѣленно сказать не рѣшаемся. Можетъ быть, это объясняется лучшими качествами земли сравнительно съ землею на Закамской и Симбирской чертѣ¹⁾; вѣроятно, послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и то, что о ея качествахъ нигдѣ не упоминается ни слова²⁾; слѣдовательно, признается несомнѣннымъ фактомъ, что вся земля была самага высокаго качества, „добрая“ (что и вѣрно). Можетъ быть, на количество надѣла вліяла и сравнительная близость Пензенской линіи къ Москвѣ и бдльшая ея безопасность, но мнѣнію правительства, сравнительно, напр., съ Закамской чертой.

Земли наръзано было больше сравнительно съ наличнымъ количествомъ жителей; вѣроятно, потому, что въ поселеніяхъ находился еще не полный комплектъ казаковъ противъ предполагаемаго правительства, наръзка же земли была сдѣлана на полный комплектъ; такъ, въ Пыркинской и Кутлинской слободахъ были предположены сотни, на сотаго и была отведена земля, въ Пензятской и Пелстмнской слободахъ были пятидесятники, и земли было отведено на 50 человекъ; въ Вазерской слободѣ хотя и былъ тоже пятидесятникъ, но населеніе ея было настолько значительно (56 чел.) и могло скоро дойти до сотни, что и ея жителямъ земли наръзано на 100 чел. Въ остальныхъ поселеніяхъ наръзка была сдѣлана небольшая, а въ татарскихъ слободахъ и совсѣмъ ея не было.

Желая соединить интересы служилыхъ людей съ мѣстностью, гдѣ они служили, московское правительство назначало послѣднимъ земельные участки въ данной же мѣстности. Мы уже упоминали о служилыхъ людяхъ г. Пензы, получившихъ помѣстья на Пензенской линіи; укажемъ еще, что Степка Дертевъ, справившій папу Строевскую книгу, получилъ помѣстье къ югу отъ Пензы и далъ ими тремъ поселеніямъ подъ названіемъ Дертевка въ Пензенскомъ уѣздѣ; получилъ земельный участокъ и Семенъ Дмитриевъ, скрѣпившій папу документъ, па что могутъ указывать деревни въ томъ же Пензенскомъ уѣздѣ съ названіями Дмитриевка, Дмитриево.

¹⁾ Хотя въ Саранскомъ уѣздѣ, входившемъ въ Симбирскую черту, земля и была хорошаго качества, но также наръзалась въ размѣрѣ 20 четей въ каждомъ полѣ. Тамъ же, 292.

²⁾ Только единственный разъ обозначена земля достоинствомъ „средние земли“, отведенная въ помѣстье Мосѣю Жяину на правомъ берегу Суры. Тамъ дѣйствительно земля много хуже сравнительно съ землею на лѣвомъ берегу.

Обращаясь къ поселенцамъ, мы видимъ, что правительство переселяло, да и сами добровольные переселенцы старались водворяться на новыхъ мѣстахъ жительства родственными группами; такъ, въ Кутлинской слободѣ мы видимъ сотникомъ Тимошку Домашнева, среди домовскихъ переведенцовъ той же слободы Федьку Иванова Домашнева же, между переведенцами изъ волостей Матюшку Иванова Домашнова и среди сходцевъ Кондрашку Иванова Домашнева — очевидно, всѣ они были братья; въ той же слободѣ среди сходцевъ было 4 дома Овчинниковыхъ—Гараськи, Лепки, Еромки и Гаврилки Ивановыхъ; въ Пензяцкой слободѣ было два дома Ростегаевыхъ, Ивашки и Оетки Степановыхъ; Куземка Осиповъ Стрижковъ, казакъ Вазерской слободы, вѣроятно, приходился братомъ поручику Колоярскихъ рейтаръ Федору Осипову Стришкову; въ числѣ Шацкихъ переведенцовъ г. Пензы встрѣчаемъ два дома Шмыревыхъ, Захарки и Трошки Петровыхъ, и 3 дома Боровиковыхъ, Мирошки, Васьки и Аюныки Михайловыхъ, два дома братьевъ Ситниковыхъ, два дома братьевъ Дунашинныхъ, два дома братьевъ Комаревыхъ, два дома Позняковыхъ, Савки и Ермошки Кузьминныхъ и среди Краснослободскихъ переведенцовъ два дома Мулиныхъ, Сеньки и Алешки Яковловыхъ. Безъ сомнѣнія, родственниковъ было больше, но при отсутствіи фамилій трудно опредѣлить ихъ.

Московское правительство привлекало и инородцевъ къ защитѣ охранѣ русскаго государства; такъ, на Пензенской линіи къ участию въ охранѣ предѣловъ государства отъ своихъ же соплеменниковъ и единовѣрцевъ привлечены были татары, какъ наиболѣе воинственный народъ сравнительно съ мордвою.

Въ Строельной книгѣ, какъ мы видѣли, есть указанія, что среди русскихъ поселенцевъ были люди знакомые съ разными ремеслами; но указаній на существованіе какихъ либо ремеселъ среди инородцевъ — мордвы и татаръ — не встрѣчается; это говоритъ въ пользу болѣе культурности русскихъ сравнительно съ инородцами. Зато, вѣроятно, среди Вьяскихъ мордвовъ процвѣтало скотоводство, такъ какъ въ Строельной книгѣ упоминается объ отводѣ имъ, мордвѣ, луговъ „для животинного выпуска“ „сопча“, впрочемъ, „Пелетми(нской) слободы с конными казаками“ ¹⁾.

Вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго сожителства инородцевъ съ русскими замѣтно вліяніе послѣднихъ на первыхъ—главнымъ образомъ на мордву; такъ въ Усть-Шукшѣ изъ трехъ мордов-

¹⁾ Строельн. кн. 55 стр.

скихъ дворовъ одинъ показанъ принадлежавшимъ новокрещену Якушкѣ Степанову; были-ли новокрещены въ д. Вьясь, не указано, хотя среди мордвы встрѣчаются русскія имена; какъ-то: Костка и Алешка Шиндяшны, Певѣрка Сергѣевъ, Демка Виргясовъ, русскія фамилии при инородческомъ имени—Салтанка Певѣжевъ, Еоайкалка Чернышевъ, и русское имя при инородческой фамилии Песмянка Пороватовъ. Фактъ заимствования отъ русскихъ именъ и фамилій, какъ стремленіе и первый шагъ къ ассимиляціи съ русскими, отмѣченъ г. Перетятковичемъ и относительно мордвы, поселенной на Закамской чертѣ ¹⁾. Въ настоящее время Усть-Шукша вся состоитъ изъ православныхъ и называется Русской Шукшей въ отличіе отъ Татарской Шукши, какъ чаще называютъ д. Синорова. Жители Вьяса въ настоящее время вполнѣ обрусѣли, и только протекающая среди села р. Мордвинка напоминаетъ своимъ названіемъ о происхожденіи ея обитателей. Что касается до татаръ, то хотя нѣкоторые жители д. Синорова, по Строевской книгѣ и носятъ русскія имена (Исайка, Куземка, Тимошка, Обралка, Саюнка, Ивашка, Артюшка, Алешка, Стенка, Сергушка ²⁾), она осталась и до настоящаго времени татарской и магометанской—единственной въ Мокшанскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Судьба жителей Шелдаисской слободы, населенной татарами (и среди ея жителей есть съ русскими именами: Петрушка Невѣровъ, Ромашка, Микишка, Матюшка), неизвѣстна; переселились-ли они впослѣдствіи куда-либо на другое мѣсто, или перешли въ христіанство и такимъ образомъ окончательно слились съ господствующимъ племенемъ,—но только въ настоящее время ни въ стоящемъ на мѣстѣ этой слободы большомъ русскомъ селѣ Безсоновкѣ, ни около ея татарскаго населенія нѣтъ.

О природныхъ богатствахъ этого неочатаго въ XVII в. края много говорить не приходится. Достаточно упомянуть, что цѣлыя поселенія занимались охотой за цѣнной птицей и лосемъ, въ настоящее время рѣдкими гостями въ Пензенской губерніи,—лѣса были обильны дичью, въ озерахъ водились бобры, а воды Суры кишѣли рыбой, такъ что въ XVII в. и простой поселенецъ, вѣроятно, нерѣдко имѣлъ на своемъ столѣ знаменитую Сурую стерлядь.

Ив. Тихомировъ.

¹⁾ Поволжье въ XVII в., стр. 296, 311.

²⁾ Строевск. кн. 43—45 стр. Но это, вѣроятно, явилось слѣдствіемъ обычая русскихъ людей чужія имена передѣлывать на русскій ладъ, въ особенности если они сходны съ русскими именами по произношенію.

ЗНАЧЕНИЕ РУМЫНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДЛЯ СЛАВИСТИКИ И РОМАНСКИХ ИЗУЧЕНИЙ.

Ни одинъ изъ народовъ, сосѣдящихъ со славянами, не подвергся такому глубокому, яркому и всестороннему вліянію славянъ, какъ румыны.

Окруженные со всѣхъ сторонъ славянами и отрѣзанные ими отъ остальныхъ романскихъ народовъ, румыны формировались этнически при очень сходныхъ со славянами условіяхъ, а потому весь этотъ одинокій романскій островъ, историческими судьбами заброшенный среди огромнаго славянскаго моря, повидимому, несминемо долженъ былъ исчезнуть, потерять свои характерныя особенности, или совершенно ассимилироваться съ болѣе численными и болѣе культурными сосѣдями. Но на дѣлѣ случилось иное. Впитавъ въ себя такую массу славянскихъ элементовъ въ области языка, внѣшняго бытія, письменности и культуры (понимая послѣдній терминъ въ самомъ обширномъ смыслѣ), какъ ни одинъ изъ сосѣдей славянъ, румыны въ то же время сохраняли иногда такія могучія по своей яркости римскія черты, какъ ни одинъ изъ остальныхъ романскихъ народовъ. Это дѣлаетъ особенно важнымъ и интереснымъ знакомство съ румыновѣдѣніемъ одновременно и для славистовъ, и для романистовъ.

Романское происхожденіе румынъ въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, и только внесеніе націоналистическихъ тенденцій въ научную разработку этого вопроса еще недавно нѣсколько затемняло окончательное его рѣшеніе и ясность отдѣльныхъ пунктовъ. Изъ исторіи этого вопроса остановимся хотя бы на нѣсколькихъ моментахъ. Впервые онъ былъ затронутъ въ половинѣ XV вѣка авторомъ русскаго „Сказанія вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ“, внесеннаго въ Воскресенскую лѣтопись. Интересовались имъ, конечно, и молдавскіе

хронисты XVI—XVII в.в., но они смотрѣли на дѣло слишкомъ просто, считая свой народъ прямыми потомками римскихъ колонистовъ Траяновой Дакіи, никогда не покидавшими тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ застала исторія. Уже въ концѣ XVIII и особенно въ XIX вѣкѣ взглядъ на этническое происхожденіе румынскаго племени вообще и на родину румынскаго элемента въ частности значительно измѣнился. Помимо того, что мѣста нынѣшнихъ поселеній румынъ, главнымъ образомъ сѣверная придунайская долина, были признаны совершенно неудобными для пребыванія на нихъ предковъ румынъ въ періодъ переселенія народовъ,—и на этотъ періодъ нужно было перемѣстить румынъ на сѣверъ или на югъ, т. е. въ Карпаты или Балканы,—нельзя было игнорировать такой важный въ данномъ случаѣ матеріалъ, какъ вліяніе славянскаго языка на румынскій. Особенно замѣтно это вліяніе на румынскомъ словообразованіи, отчасти морфологій, еще больше на словарѣ; наиболѣе самостоятельной осталась фонетика, и едва-ли много измѣненъ въ сторону славянскаго синтаксисъ. При такихъ данныхъ, естественно, является болѣе узкій и въ то же время болѣе существенный вопросъ для сужданія о колыбели румынской націи: при какихъ условіяхъ румыны могли воплію добровольно и въ такой значительной степени подвергнуться славянскому вліянію въ области языка? Во-первыхъ, мы почти не видимъ слѣдовъ борьбы латинскаго элемента въ языкѣ со славянскимъ. Во-вторыхъ, славянскія слова у румынъ очень часто обозначаютъ слишкомъ примитивныя понятія. Невольно рождается предположеніе, что славянское вліяніе началось слишкомъ скоро за латинскимъ, и что это могло произойти только въ области Карпатъ, во всякомъ же случаѣ—на сѣверѣ отъ Дуная, а не на югѣ, такъ какъ появленіе славянъ въ Мизіи относится къ довольно позднему времени, несомнѣнно, къ тому времени, когда румынская нація должна была почти сформироваться.

Благодаря талантливому изслѣдованію Рёсслера, удачно, на первый взглядъ, обосновавшаго „балканскую“ теорію, сущность которой сводится къ тому, что родиной румынъ могли быть только земли на югъ отъ Дуная,—этотъ вопросъ снова поставленъ былъ на очередь и заставилъ заговорить о себѣ многихъ славянскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ: Юнга, Томашка, Пича, Гунфалви, Хыждеу, Васильевскаго, Успенскаго, Грота и другихъ, взаимный споръ которыхъ, правда, значительно выяснилъ спорные пункты о мѣстностяхъ, гдѣ началось образованіе румынской народности, тѣмъ по менѣе, послѣднее рѣшающее слово принадлежало все-таки не имъ. Около 25 лѣтъ тому назадъ

одинъ изъ видныхъ румынскихъ историковъ, А. Д. Ксенополъ, ректоръ яесскаго университета и авторъ самой полной до сихъ поръ исторіи румынъ, выступилъ на защиту прежней „карпатской“ теоріи и въ значительной степени подорвалъ довѣріе въ нѣмецко-мадьярскому толкованію темнаго періода въ жизни румынской націи, предшествовавшего вторичному появленію этого романскаго племени въ земляхъ траяновой Дакии. Нѣмецко-мадьярское толкованіе имѣло въ виду доказать, что румыны явились въ Австро-Венгрію позднеѣ венгровъ; поэтому „балканская“ теорія въ данномъ случаѣ представлялась необыкновенно удобной. Иначе смотрять на это А. Ксенополъ и другіе румынскіе историки.

Прежде всего, въ настоящее время считается вполне установленнымъ этническое происхожденіе румынъ отъ смѣшенія оракійскихъ народностей, дако-гетовъ, съ римскими колонистами. Могущественное и правильно организованное гето-дакійское царство существовало на лѣвомъ берегу Дуная, въ долинѣ между Днѣстромъ и Тисой, захватывая въ свои предѣлы и южныя Карпаты. Извѣстны также подробности римскихъ завоеваній Дакии, начавшихся въ I вѣкѣ до Р. Х. и окончившихся въ 106 году двумя экспедиціями Траяна, давшего новой провинціи имя Траяновой Дакии; при этомъ римскіе историки передаютъ два случая массоваго принудительнаго переселенія даковъ въ Мизію. Романизация дако-гетовъ пошла быстро и продолжалась въ теченіе 164 лѣтъ, пустивъ за этотъ періодъ настолько прочныя корни, что римская культура Дакии немногимъ уступаетъ такой же культурѣ остальныхъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Остатки городовъ, великолѣпныя шоссе и валы, связанные съ именемъ Траяна, надписи, монеты, топическая номенклатура, наконецъ, переживанья римскаго культа въ народной литературѣ румынъ, масса словъ латинскаго корня и даже самое имя румынъ—все это свидѣтельствуетъ о живучести римскаго элемента на лѣвомъ берегу Дуная.

Въ III вѣкѣ начинается переселеніе народовъ, и въ результатъ его крупныя перемѣны въ этнографической картѣ сѣвера Балканскаго полуострова. Бурный потокъ варварскихъ толпъ, лившихся изъ азіатскихъ степей, засталъ на сѣверномъ берегу Дунай дако-римское населеніе съ довольно развитыми формами общественной жизни и культурой почти вполне римской. Движеніе переселенческихъ массъ шло съ востока, изъ-за Днѣстра и, врѣзавшись клиномъ въ мѣстности съ осѣдлымъ дако-римскимъ населеніемъ, погнало его въ двѣ стороны: одна часть пошла на югъ и вѣстѣ съ Авреліановыми легіонами въ

270 или 271 году перешла Дунай, другая — на сѣверо-западъ, удаляясь постепенно въ глубь Карпатъ и оставляя старыя мѣста новымъ пришельцамъ. На горныхъ карпатскихъ площадяхъ романизованные даки снова вернулись къ полу-кочевой пастушеской жизни, и занятіе земледѣліемъ сдѣлалось у нихъ второстепеннымъ. Неоспоримымъ доказательствомъ такого предположенія служить языкъ нынѣшнихъ румынъ: термины, касающіеся скотоводства, сохранились у нихъ латинскіе, а на долю славянскаго языка въ той же области падаетъ такое незначительное число словъ, что ихъ можно считать болѣе поздними дубликатами, вытѣсненными, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, латинскіе. Въ то же время все земледѣліе и атрибуты осѣдой жизни представлены славянскими корнями, а латинскіе занимаютъ второстепенное мѣсто. Эти лингвистическія данныя, нисколько не противорѣча историческимъ свидѣтельствамъ, только подтверждаютъ теорію „карпатскую“, — и картина получается такая.

Какъ мы упоминали, легіоны Аврелиана оставили Дакию въ 270 или 271 году. Если съ ними добровольно перешла въ Мизію часть населенія, жившаго неподалеку отъ Дуная, то болѣе огромная часть покидала насиженные мѣста постепенно, при приближеніи отдѣльных массъ готовъ, и естественно, искала убѣжища скорѣе въ недалекихъ Карпатахъ, въ прилегающихъ частяхъ которыхъ и до того времени жили предки румынъ, чѣмъ въ задунайскихъ Балканахъ, съ которыми органической связи у нихъ было сравнительно мало.

Единственная ошибка „карпатской“ теоріи въ формулировкѣ А. Д. Ксенопола заключается въ томъ, что онъ слишкомъ прямолинейно проводитъ мысль, будто предки румынъ никогда (?) не покидали трайповой Дакии. Поэтому первые три пункта доказательствъ не могутъ быть приняты:

1) Сообщая о переселеніи всего населенія въ Мизію, историкъ Евтропій желалъ этимъ нѣсколько смягчить обвиненія своего друга, императора Адриана, въ трусости и безпомощности передъ нашествіемъ готовъ.

2) Богатая латинская географическая номенклатура въ Дакии могла сохраниться только при томъ условіи, если населеніе не покидало страны.

3) Формы землевладѣнія у современныхъ намъ румынъ показываютъ его исконное, такъ-сказать, національное происхожденіе земледѣлія, которое никогда не прерывалось въ трайповой Дакии.

4) Вторичное переселеніе румынъ въ придунайскія долины въ XIII и XIV вв. идетъ съ сѣвера, изъ Трансильваніи, причемъ характерно хотя бы то наблюденіе, что столицы Валахій перемѣщаются постепенно на югъ, а не обратно, что было бы при условіи балканскаго происхожденія румынъ. Примемъ на вѣрть слѣдующіе пункты: въ Валахіи — Кымнолунгъ, Арджешъ, Тырговище и Букурещъ; въ Молдавіи — Сочава и Исси.

5) Слѣды долгаго пребыванія румынъ въ Карпатахъ видны изъ того, что

географическія названія вышней Трансильваніи, Баната, Криша и Мераму-реша, главнымъ образомъ,—латинскаго происхожденія.

Итакъ, въ ущельяхъ, на малодоступныхъ горныхъ площадяхъ, среди уединенныхъ долинъ и между высокихъ скалъ карпатскихъ румыны жили много вѣковъ, сохраняя римское наслѣдіе въ области языка, обычаяхъ, повѣртіи, народной поэзіи, нѣкоторыхъ формъ частной и общественной жизни. Живая память о Траянѣ, латинская полуязычская мнѳология (zinc, ursite, frumouse, vintouse, zbrător, meazănoapte, măiestre, strigă), свособычная буколическая поэзія и т. д.—все это, по мнѣнію румынскихъ ученыхъ, могло сохраниться во всей первобытной „римской“ чистотѣ и красотѣ только при условіи полной изолированности предковъ балканскихъ романцевъ, при отсутствіи столкновеній съ тѣми народами, которые въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ продолжали свое шумное и всеразрушающее движеніе съ востока по придунайской долигѣ. Только въ VII вѣкѣ румыны впервые знакомятся со славянами, но не выходя изъ области гостеприимныхъ Карпатъ. Начиная съ XII вѣка, можетъ быть, и раньше они понемногу спускаются въ придунайскія долины, на старыя пепелища своихъ предковъ, а въ XIII и XIV вѣкѣ получаютъ основаніе ихъ господства Валахія и Молдавія.

Вотъ въ общихъ чертахъ та „карпатская“ теорія, которую А. Д. Ксенополь противопоставляетъ „балканской“ теоріи Рёсслера и другихъ, несвободныхъ отъ привнесенія въ науку политики.

Недавно профессоръ румынскаго языка букурештскаго университета Овидь Денсушяну предложилъ новую теорію о родинѣ румынъ, перенося ее снова на югъ отъ Дуная, но нѣсколько болѣе на западъ, чѣмъ Рёсслеръ. О. Денсушяну выдвигаетъ свою теорію на основаніи сходства румынскаго языка съ остатками вѳглотскаго нарѣчія, родной котораго считается Далмація. Присутствіе въ румынскомъ языкѣ элементовъ иллирійскихъ объясняется у него, съ одной стороны, многочисленными далматинскими колоніями въ предѣлахъ древней Дакии; съ другою, признавая за иллирійскимъ элементомъ его южно-дунайское происхожденіе, а также то, что вліяніе колонистовъ встаки едва ли было въ состояніи такъ сильно сказаться на сѣверо-дунайскихъ латинскихъ нарѣчіяхъ (точнѣе—повліять не только на словарь), онъ приходитъ къ выводу о болѣе тѣсномъ общеніи романскаго населенія съ иллирійскимъ, чѣмъ это представляли себѣ до сихъ поръ. Мѣстностью для такого общенія могли быть только какія-нибудь земли на югѣ Дуная, откуда вышли и потомки албанцевъ—между

Дунаемъ и Адриатикой. При этомъ выводѣ будетъ вполне понятенъ переходъ сочетаній *cl, cs*, въ *pl, ps* въ фонетикѣ румынской, албанской и воглотской, а также другихъ сочетаній, которыя произошли въ мѣстностяхъ древней Иллирии (O. Densusianu, Histoire de la langue roumaine, pp. 293—295). „Такимъ образомъ,—говоритъ онъ въ заключительномъ отдѣлѣ,—до VI вѣка румынскій языкъ является небольшою частицей того обширнаго цѣлага, какимъ былъ первобытный романскій міръ, еще не разбитый на лингвистическія группы съ болѣе рѣзкими особенностями. Въ то далекое время румынскій языкъ представляетъ одно цѣлое съ итальянскимъ и ретическимъ, и нерѣдко развитіе румынскаго языка сливается съ развитіемъ итальянскаго и ретическаго. Но скоро судьба румынскаго языка мѣняется. Событіе болѣе важное, чѣмъ напоствѣію готовъ, рѣзко вліяетъ на его положеніе. На балканскомъ полуостровѣ появляется новый народъ, славяне; они приносятъ съ собою свой, своеобразный языкъ, и подъ вліяніемъ славянства румынское нарѣчіе принимаетъ совершенно новый отпечатокъ“. Такимъ образомъ, романское происхожденіе румынъ теперь не подлежитъ уже сомнѣнію. Румынскій языкъ представляетъ собой драгоценный матеріалъ для знакомства съ тѣмъ народнымъ латинскимъ языкомъ, точнѣе—восточными (балканскими) его діалектами, отъ котораго въ памятникахъ письменности осталось лишь нѣсколько случайныхъ словъ и формъ.

Новѣйшій историкъ румынскаго языка рисуетъ такую картину. „Перенесенный на Балканскій полуостровъ, латинскій языкъ встрѣчаетъ тамъ нарѣчія еракійское, иллирійское и греческое. Въ борьбѣ, которая завязывается между латинскимъ языкомъ и этими нарѣчіями,—еракійскій и иллирійскій элементы теряютъ большую часть своего вліянія. Поглотивъ въ себя известное число мѣстныхъ элементовъ, „балканскій“ латинскій языкъ превращается съ теченіемъ времени въ специальный романскій говоръ, развитіе котораго въ известной мѣрѣ продолжается до VI вѣка—на ряду съ развитіемъ албанскаго и особенно дамматинскаго, итальянскаго и отчасти ретическаго языковъ. Этотъ романскій говоръ становится собственно-румынскимъ языкомъ съ того времени, когда нашествіе славянъ отдѣляетъ его отъ остальнаго романскаго міра. Отъ Иллирии, центра своего образованія, румынское нарѣчіе въ средніе вѣка дало развѣтвленія къ сѣверу до Дакіи; между этими сѣверными румынскими нарѣчіемъ и румынскимъ нарѣчіемъ по другую сторону Дуная въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ происходилъ частый обменъ. Въ этомъ обменѣ и особенно въ эмиграціи въ Дакію южнаго элемента въ значительномъ количествѣ нужно искать причину того поразительнаго сходства между различными румынскими діалектами, которое мы должны признать. Тѣ же факты объясняютъ діалекте румынскаго языка на три известные діалекта. Это раздѣленіе было закончено въ XIII вѣкѣ, эпоху, когда румынскій языкъ припалъ ту форму,

которую сохранили въ самыхъ яркихъ своихъ чертахъ по наши дни; иностраннаго вліанія, наиболѣе важнаго и сообщившаго ему большую часть его особенностей, относятся ко времени, предшествовавшему этой датѣ“.

Въ румынской этнографіи также наблюдается нѣсколько безусловно романскихъ чертъ, связывающихъ румынъ съ римлянами. Меньше романскихъ чертъ, пожалуй, въ антропологическихъ особенностяхъ румынъ, хотя послѣдній вопросъ изученъ очень мало. Чтобы судить о томъ, насколько несомнѣнная римскія черты можно найти у современныхъ румынъ, достаточно указать на слѣдующій юридическій обычай, до сихъ поръ живущій во многихъ мѣстностяхъ у совершенно неграмотныхъ пастуховъ. Получалъ весной стадо мелкаго рогатаго скота отъ хозяевъ и уходя съ нимъ въ горы или въ степь, пастухъ вырѣзываетъ на поверхности небольшой палочки цифру, означающую число головъ скота, затѣмъ разрѣзаетъ палочку на двѣ части, одну беретъ себѣ, другую отдаетъ хозяину. Когда осенью пастухъ возвращается со стадомъ и сдаетъ его обратно, пользуясь при этомъ согласно уговору извѣстной частью прилода, онъ требуетъ у хозяина половину палочки, прикладываетъ ее къ своей, какъ бы проверяя подлинность „документа“, и по этой цифрѣ производитъ расчетъ. Цифра до сихъ поръ пишется римскими обозначеніями, и у изслѣдователей не остается никакого сомнѣнія, что здѣсь—непрерывная традиція отъ тѣхъ временъ, когда въ степяхъ Дакии бродили принадлежавшія римскимъ колонистамъ стада. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько. Уже въ началѣ второй половины XVII вѣка нѣмецъ изъ г. Сибіу (въ Трансильваніи), Іоганнъ Трѣстеръ, замѣтилъ слѣдующее: „Несмотря на жалкую жизнь этого валацкаго народа въ Трансильваніи,—все-таки опытный любитель старины можетъ увидѣть въ немъ *живой типъ древнихъ римлянъ*“. Авторъ описываетъ головной уборъ румынъ, платье, обувь, оружіе, пастушескую жизнь со всеми ея классическими атрибутами, нѣкоторыя кушанья румынъ и т. д.,—и во всемъ видитъ непосредственную связь съ бытомъ римлянъ. За румынскими названіями, записанными довольно точно, Трѣстеръ приводитъ цитаты изъ латинскихъ писателей, описывавшихъ тотъ или иной обычай римскаго народа, и на пространствѣ всей книги ни разу не скрываетъ глубокаго убѣжденія, что внѣшній бытъ румынъ во многихъ формахъ представляетъ преемственное продолженіе быта римлянъ. Впрочемъ, и такія прямолинейныя мнѣнія для насъ интересны, хотя бы потому, что румынская филологія давно и очень основательно изучается романистами. Несравненно меньше она изу-

чается славистами, несмотря на то, что славянский элемент у румынъ во многихъ случаяхъ много сильнѣе романскаго. Къ послѣднему вопросу мы и обратимся.

Одиночеству румынъ среди чуждаго имъ славянскаго элемента они прежде всего и обязаны сохраненіемъ массы римскихъ переживаній, какъ мы упоминали уже, но сохранившихся у другихъ романскихъ народовъ. Стоитъ взглянуть на этнографическую карту Балканскаго полуострова и прилегающихъ земель,—и мы увидимъ, что занимаемая румынами придунайская долина вмѣстѣ съ горными округами южной Венгріи и теперь окружена славянами. Если же теперь румыны имѣютъ сравнительно мало сношеній съ сосѣдями-славянами, то иная картина наблюдалась въ прошедшія эпохи.

На первомъ мѣстѣ будутъ болгары. Дунай, старый славянский Дунай, отдѣляетъ румынъ отъ болгаръ, давнишнихъ друзей и союзниковъ румынскаго народа. То славянское племя, которое составило подслою нынѣшнихъ болгаръ, слагалось этнически при одинаковыхъ условіяхъ и одновременно съ румынами, родину которыхъ слѣдуетъ искать въ горной, юго-восточной части Венгріи. При заселеніи Балканскаго полуострова славяно все время встрѣчались съ румынами, остатки которыхъ, въ количествѣ значительно меньшемъ, чѣмъ въ V—VII вв., сохранились въ видѣ македонскихъ и истрійскихъ румынъ. Въ періодъ перваго болгарскаго царства румыны вступаютъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ болгарами; вмѣстѣ съ ними, а можетъ быть, и подъ предводительствомъ румынъ (братья Асѣни) болгары освобождаются отъ византійскаго владычества и основываютъ второе царство, иногда носящее даже названіе „влахоболгарскаго“. Турецкія завоеванія снова поставили въ довольно сходныя условія оба сосѣдніе народа; съ конца XIV вѣка румыны принимаютъ болгарскую культуру и письменность. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ XV—XVII вѣкахъ славянская литература у болгаръ совсѣмъ почти замираетъ, и въ это самое время она процвѣтаетъ у румынъ, то для насъ не будетъ особенно неожиданнымъ наименованіе славяно-румынской литературы подѣломъ болгарской, какъ, напримѣръ, дубровницкая—по отношенію къ сербской. Не лишно интереса то наблюденіе, что и первая, и вторая начинаются какъ разъ послѣ политическаго паденія болгаръ и сербовъ—и прекращаются вмѣстѣ съ ихъ возрожденіемъ. Славяно-румынская письменность (мы разумѣемъ, конечно, письменность церковнаго характера, а не дѣлового) начинается въ первыхъ годахъ XV вѣка, т. е. сейчасъ же послѣ паденія Тырнова и Видина, и про-

должастся до конца XVII вѣка, когда собственно-болгарской письменности на книжномъ языкѣ въ сущности (т. е. за случайными исключеніями) не было. Прекращеніе славянской письменности у румынъ, какъ увидимъ ниже, обусловлено подъемомъ національнаго ихъ самосознанія и едва-ли случайнымъ образомъ совпадаетъ съ такимъ же возрожденіемъ у болгаръ въ XVIII вѣкѣ. Наконецъ, во многихъ отношеніяхъ сходное освобожденіе румынъ и болгаръ отъ турецкаго владычества, ихъ быстрое возрожденіе и нынѣшнія тѣсныя экономическія и политическія отношенія завершаютъ долгую румыно-болгарскую дружбу. Такимъ образомъ, если тѣ и другіе переходили Дунай съ оружіемъ въ рукахъ, то никогда съ этимъ переходомъ не было соединено представленіе о какихъ-нибудь вражескихъ намѣреніяхъ: они только помогали другъ другу противъ общаго врага.

Такую же картину можно нарисовать и изъ исторіи сербо-румынскихъ отношеній, начиная съ XIII вѣка. Сербы сообщили румынамъ много чертъ средне-вѣковой славянской культуры, и въ настоящее время, когда экономической жизни Сербіи угрожаетъ таможенная война со стороны Австріи, сербы могутъ получить поддержку отъ своихъ давнишнихъ романскихъ друзей.

Днѣстръ, составляющій восточную границу сплошныхъ румынскихъ поселеній,—столько же русская или славянская, сколько и румынская рѣка. А русское населеніе Бессарабіи, Буковины, Галиціи и Угорской Руси такъ перемѣшалось съ румынами, что существуетъ не одна сотня населенныхъ пунктовъ на-половину русскихъ, на-половину румынскихъ. Не чужды румынамъ и русскіе славяне, начиная съ подунайскихъ „бродниковъ“ X вѣка и загадочнаго Болоховскаго княжества и кончая нашими днями. Въ программу восточнаго вопроса, впервые выступившаго на арену международной политики въ XV вѣкѣ, включены были Молдавія и Валахія, а съ XVI вѣка взоры румынъ всецѣло обращаются къ собранной уже Москвѣ. Русское культурное вліяніе, простиравшееся до XIX вѣка (рядъ оккупаций придунайскихъ государствъ со стороны Россіи), широкая церковная благотворительность, наконецъ, освобожденіе румынъ русскимъ оружіемъ, все это—такіе факты, которые нельзя обойти молчаніемъ даже въ краткомъ очеркѣ славяно-румынскихъ сношеній.

Западныя славяне также имѣли отношеніе къ румынамъ. При первыхъ же шагахъ своей политической-самостоятельной жизни Молдавія подпадаетъ подъ протекторатъ Польши, вліяніе которой въ области культуры продолжается до XVII, если даже не до XVIII вѣка. Даже

въ польскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько словъ румынскаго происхожденія; это—термины, относящіеся къ скотоводству и молочному хозяйству. Среди чеховъ извѣстно племя моравскихъ валаховъ, которые не чужды румынъ этнически, по своему типу; наконецъ, соседство со словаками не осталось безъ вліянія на нихъ румынъ и обратно.

Данныхъ фактовъ достаточно, чтобы понять, почему румынскій языкъ около третьей части своего состава имѣетъ славянскія слова, иногда такія рѣдкія и съ такими первоначальными значеніями, что современные славяне имѣли бы право имъ позавидовать. Особенно цѣпны для лингвиста тѣ славянскія слова, которыя бытуютъ въ румынскомъ языкѣ съ носовыми звуками, при томъ послѣдніе существуютъ во всѣхъ діалектахъ: дакійскомъ (Молдавія, Бессарабія, Буковина, Валахія, Трансильванія, Банатъ), аромунскомъ (Македонія) и истрійскомъ, и ихъ во много разъ больше, чѣмъ въ болгарскихъ говорахъ костурскаго, солунскаго и отчасти родопскаго округовъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: *vinjol*—кѣзыкъ, *Glimboca*—Гажькока, *gindac*—гѣдакъ, *ginj*—гѣжъ, *dobinda*—дождъ, *zimbi*—зѣвити, *zimbr*—зѣвръ, *ciug*—кѣжъ, *mindru*—мѣдръ, *osindi*—осѣдти, *păjng*—пѣжъ, *porinci*—порѣжти, *scînr*—скѣжъ; *dumbravă*—дѣврака, *krunt*—кѣртъ, *luncă*—лѣка, *muncă*—мѣка и др.; *grindă*—грѣда, *jindă*—жѣда, *oglindă*—оггѣдало, *pîntene*—пѣтѣно, *simbric*—сѣврѣкъ, *șintă*—шѣта, *rînd*—рѣдъ, *rînsă*—рѣса, *șfînt*—шѣтъ и мн. др.

Народная поэзія румынъ производитъ иногда впечатлѣніе болгарской или сербской, только недавно переведенной по-румынски; а на самомъ дѣлѣ она относится къ очень отдаленной эпохѣ. Румыны знаютъ Марка Кралевича, который называется у нихъ Витяземъ (*Marcu Viteazul*); знаютъ тотъ же мотивъ, который легъ въ основу сербскихъ сказаній о построеніи Скадра („*Meșter Manolca*“), одинъ и тѣ же мотивы гайдуцкихъ (разбойничьихъ) пѣсонъ и т. д. Наконецъ, этнографы держатся того мнѣнія, что подъ вліяніемъ долгаго славянскаго соседства значительно измѣнился и духовный обликъ румынскаго народа.

Въ теченіе XIV—XVII вѣковъ не только литература, но и вся культура румынскаго народа была вполне славянской. Только въ первой половинѣ XVI вѣка появляются первыя попытки введенія въ письменность роднаго языка, а во второй половинѣ того же столѣтія—первыя печатныя книги на румынскомъ языкѣ, вышедшія изъ трансильванскихъ типографій (дьяконъ Кореси, его сынъ Мануиль и др.).

Первые переводы дѣлались со славянскаго языка, при чемъ оставлялись не только отдѣльными славянскіи слова, къ которымъ румыны привыкли, какъ къ терминамъ, и которыя не умѣли замѣнить изъ своего бѣднаго сравнительно со славянскимъ книжнымъ языка, но и цѣлыя выраженія—стереотипы, грамматическіе обороты и т. д. Писалось все это и печаталось кирилловскимъ шрифтомъ, знаки котораго приспособлялись къ звукамъ румынскаго языка, при чемъ нѣкоторыя буквы, напримѣръ, для означенія носового, были внесены въ азбуку самостоятельно, путемъ передѣлки старыхъ юсовъ. Первые румынскіе переводы богослужебныхъ и духовныхъ книгъ литературнаго содержанія представляли собой не переводъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято понимать это слово, а только замѣну нѣкоторыхъ словъ и фразъ румынскими. Это—не больше, какъ глоссы, которыя слѣдующими уже переписчиками переносились съ поля рукописи въ самый текстъ. Затѣмъ идетъ переводъ отдѣльныхъ фразъ, слѣдующихъ въ рукописи вслѣдъ за славянскими, т. е. въ книгѣ идетъ сначала славянская фраза, а за ней румынская. Наконецъ, румынскій текстъ приобрѣтаетъ нѣкоторую самостоятельность и переносится въ правый или лѣвый столбецъ, но еще не является самостоятельно безъ славянскаго. Отсюда еще одинъ шагъ,—и румынскій текстъ сохраняетъ только отдѣльныя славянскія заглавія отдѣловъ, наиболѣе важныя выраженія, тексты св. Писанія, молитвы, глоссы на поляхъ, указанія при богослуженіи и т. д.

Много сдѣлано для національнаго самосознанія румынъ двумя знаменитыми господами, имѣющими рядъ сходныхъ между собою чертъ, людьми просвѣщенными, дѣятельными, патриотами и все время владѣвавшими другъ съ другомъ. Это — молдавскій господарь Вислій Луну (1632 — 54) и валахскій Матвѣй Басарабъ (1633—54). Они основали въ своихъ столицахъ, Яссахъ и Тырговищѣ, солидныя типографіи, для которыхъ шрифтъ получили изъ Кіева и Москвы, учредили низшія и высшія училища, издали собранія законовъ, приглашали изъ сосѣднихъ земель ученыхъ и т. д. Однимъ словомъ, при нихъ румынскій языкъ получаетъ официальное значеніе.

Въ теченіе четырехъ столѣтій славянская письменность у румынъ процвѣтала, и только изрѣдка дѣлались робкія попытки вводить народный языкъ въ письменность,—и несмотря на это, среди румынъ-патриотовъ росла и крѣпла ихъ „латинская идея“, то есть мысль о славномъ ихъ римскомъ происхожденіи¹⁾. Замѣчательно, между прочимъ, что первая упоминанія о „латинствѣ“ румынъ исходятъ отъ иностранцевъ, отъ гуманистовъ, которыхъ, очевидно, поразило сходство румынскаго языка съ латинскимъ. Самый ранній фактъ подобнаго упоминанія, приводимый современными румынскими учеными, нѣсколько сомнителенъ и одинокъ. Влахо-болгарскій царь Іоаница († 1207), котораго считаютъ румыномъ по происхожденію, въ отвѣтъ нагъ Инно-

¹⁾ Этому вопросу посвящена наша статья „Żywioł słowiański u Rumunów i walka z nim idei „łacińskiej“ (въ краковскомъ журналѣ „Świat Słowiański“, Styśień 1907, XXV, 32—48), по которой мы пересказываемъ главные моменты изъ борьбы славянской и латинской стихій у румынъ.

кентію III на предложеніе принять католичество, говорить, что папское посланіе „возобновило въ немъ память о крови и нашемъ отечествѣ, изъ котораго мы происходимъ“. Очевидно, рѣчь идетъ о Римѣ и римскомъ народѣ. Во второй половинѣ XII вѣка (1166 г.), по поводу похода императора Мануила противъ венгровъ, византийскій историкъ Киннамъ говоритъ, что въ отрядѣ, посланномъ въ Ардьяль, были валахи, которые явились на берега Чернаго моря изъ Италіи, и ссылается при этомъ на ихъ языкъ: καὶ Βλάχων πολὺν ὄμιλον, οἱ τῶν ἐξ Ἰταλίας ἄποικοι πάσαι εἶναι λέγονται, ἐκ τῶν πρὸς τῷ Εὐξείνῳ καλούμενῳ πόντῳ χωρίων ἐμβαλεῖν ἐκέλευεν εἰς τὴν Οὐννικήν, ὅθεν οὐδεὶς, οὐδέποτε τοῦ παντός αἰῶνος ἐπέδραμε τούτοις.

Съ начала XV вѣка отдѣльныя упоминанія о латинствѣ румынъ слышатся уже чаще, но сперва въ неопредѣленной формѣ. Румынская рѣчь поразила нѣмца Иоганна Шильдбергера, который въ концѣ XIV и началъ XV вѣка посѣтилъ разные города Валахія и Молдавіи: онъ называетъ эту рѣчь „eine besondere Sprache“, быть можетъ, намекая на свое удивленіе при встрѣчѣ романской рѣчи среди народовъ, которые „griechischen Glauben halten“. Болѣе опредѣленны слова падуанца Андреаса Бренпы, который ссылается на Димитрія Халкондилу и говоритъ: a praeceptore meo Demetrio Atheniensi... audivi, qui legatus in Sauromatas Scythas profectus, esse civitatem illic longe nobilissimam et potentissimam, in qua adhuc ita verba nostratia sonant, ut nihil suavius sit, quam illos antiquo more romano loquentes audire (XV вѣкѣ).

Въ своихъ „Запискахъ“ папа Эппіи Сильвіи отмѣчаетъ, что „румыны говорятъ по-итальянски, но очень плохо“, и первый производитъ названіе „влахъ“ отъ римскаго полководца Флакка, одного изъ покорителей Дакии. Въ XVI вѣкѣ находимъ уже критическое отношеніе къ этой теоріи, именно у поляка Горепцаго, который думаетъ, что папа похвалилъ „единокровныхъ“ ему (Сильвій—итальянецъ), но ошибся. Венгерскій историкъ Бонфиній называетъ короля Іоанна Корвина „валахомъ“, его фамилію считаетъ римскаго происхожденія и прибавляетъ, что поселенные Траяномъ въ Дакию римскіе колонисты „до настоящаго времени разговариваютъ на римскомъ языкѣ“. Латинская „Географія“ 1543 года сообщаетъ свѣдѣніе, что потомки римскихъ колонистовъ Дакии говорятъ на римскомъ языкѣ, „правда, настолько испорченномъ, что и сами римляне (итальянцы) съ большимъ трудомъ понимаютъ его“.

Подобныхъ свидѣтельствъ много, и мы не будемъ приводить всѣхъ.

Для насъ интересно только то, что они исходятъ отъ лица латинскихъ гуманистовъ. Пѣкоторые румынскіе историки думаютъ, что, сообщая румынамъ объ ихъ римскомъ происхожденіи, гуманисты, какъ католики, старались возбудить въ румынахъ любовь къ родному языку и ненависть къ славянскому, который связывалъ румынъ съ другими православными народами; однимъ словомъ, что филолатинская тенденція создавалась на почвѣ антиславянской. Что это справедливо, показываетъ „Сказаніе вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ“ русской Воскресенской лѣтописи (XV в.), гдѣ „латинянамъ стараго Рима“ противопоставлены „романцы“—православные „новаго Рима“, которые храбро сражались противъ татаръ, превозмогли всѣ козни своихъ враговъ-католиковъ и переселились въ Венгрію съ условіемъ, чтобы король Владиславъ „ихъ не уклонилъ въ латинской законъ и позволилъ бы имъ дръжати христіаньской законъ греческій“. Другими словами, то же преданіе, но въ обработкѣ автора-православнаго, превратилось въ апологію православія предковъ румынъ. Припомнимъ еще, что, работая на почвѣ возбужденія въ румынахъ любви къ родному языку, папы еще въ концѣ XIV вѣка назначили для венгерскихъ румынъ-католиковъ епископовъ, знающихъ по-румынски и, какъ будто, говорившихъ проповѣди на румынскомъ языкѣ, а позднѣе (въ XV—XVI вв.) въ румынскія господарства посылались миссіонеры, обладавшіе тѣми же знаніями. Подъ этимъ вліяніемъ въ началѣ XVI в. создались отдѣльные переводы церковныхъ книгъ на румынскій языкъ съ несомнѣнными латинизмами, въ значительной степени искусственнаго происхожденія, напримѣръ, Шкеянская Псалтырь, Воронежскій Апостолъ, изданія Кореси и др.

Кромѣ того, румынскіе ученые думаютъ, что католическая пропаганда задалась цѣлью ввести у румынъ латинскій алфавитъ. Въ инструкціи польскаго епископа францисканцу-миссіонеру Иерониму, отправившемуся въ Валахію, къ павликіанамъ, болгарамъ и другимъ христіанскимъ народамъ въ 1581 году, предлагалось показать имъ „книги, написанныя мною на боснійскомъ (сербскомъ) языкѣ латинскими буквами, и другую—буквами иллірійскими (кирилловскими)“. Конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, какъ думаютъ современные намъ румынскіе филологи, будто румыны и раньше писали латинскими буквами, и что отъ нихъ научились „богоязы“—болгары; но, во всякомъ случаѣ, интересно появленіе „Отче нашъ“ на румынскомъ языкѣ латинскими буквами, труда извѣстнаго логомета Луки Стронча, въ 1593 году. Очевидно, къ концу XVI вѣка уже отпала попытка пользоваться латинскимъ алфавитомъ, не имѣвшія успѣха; только въ половинѣ слѣдующаго вѣка попытки эти, и то—предназначенныя для павликіанъ-болгаръ, дѣлаются болѣе или менѣе обычнымъ средствомъ пропаганды.

Поэтому свидѣтельство французской „Географіи“ 1543 года, будто румыны „ont usage les lettres romains, fors qu'il a quelques lettres changées“, и молдавскаго ex-господаря Дмитрія Кантемира, будто латинская азбука была изгнана у румынъ послѣ флорентійскаго собора (разобрано нами въ книгѣ о Гр. Цамблакѣ, стр. 309—313), не находятъ себѣ ни одного фактическаго оправданія, равно какъ и всѣ предположенія румынскихъ филологовъ о литературныхъ памятникахъ XV вѣка на родномъ языкѣ. Если же софійскій католическій еписк. Деодатъ писалъ въ 1643 году, что „валахи, желающіе учиться по-латыни, отираются въ Трансильванію“, то разумѣть, очевидно, какія-нибудь католическія училища или православныя съ схоластической программой. Если валахскій господарь Матѣй Васарабъ, извѣстный поборникъ православія и культуры, приглашалъ хорвата Рафаила Леваковича, не менѣе извѣстнаго издателя-глаголища, для печатанія и исправленія славянскихъ книгъ въ Валахін, то и здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, потому что Леваковичъ, по отзывамъ современниковъ, хорошо зналъ румынскій языкъ и кирилловское письмо, слѣдовательно, могъ быть полезенъ для типографіи. Если въ XVII в. въ Баватѣ появляются румынскіе тексты, написанные латинскими буквами, то и это дѣло слишкомъ обычное, такъ какъ намъ извѣстны печатныя изданія латинскихъ шрифтовъ въ ардальскомъ Вѣлградѣ (Alba Iulia) съ 1648 года, поднеси молдавскихъ господарей съ 1542 года, логоветовъ—съ 1580, латинскія надписи на монетахъ и грамоты на латинскомъ языкѣ съ XIV вѣка и т. д.

Подъ вліяніемъ такихъ отзывовъ иностранцевъ, бывшихъ въ Валахін и Молдавіи, мысль о римскомъ происхожденіи этого одинокаго романскаго народа Балканскаго полуострова, затерявагося среди славянъ, начинаетъ появляться въ литературныхъ произведеніяхъ и у самихъ румынъ. Остановимся на болѣе характерныхъ примѣрахъ такихъ свидѣтельствъ у историковъ и лингвистовъ, подготовившихъ національное возрожденіе румынъ въ минувшемъ столѣтіи. Молдавскій хронистъ начала XVII вѣка Урѣке не безъ гордости замѣчаетъ: „мы происходимъ изъ Рима“. Болѣе опредѣленно и рѣшительно говоритъ Миронъ Костинъ, человекъ образованный, начитанный, знавшій нѣсколько языковъ и писавшій во второй половинѣ XVII вѣка. По его словамъ: „уже въ силу одного того, что во всѣхъ странахъ румыны *звалися* своимъ именемъ, но можетъ быть сомнѣнія въ римскомъ ихъ происхожденіи“. Въ составленной имъ въ 1684 году хроникѣ на польскомъ языкѣ („Chronika ziem moldawskich i multanskich“), онъ посвящаетъ небольшую главу вопросу о происхожденіи румынскаго языка отъ латинскаго. „Najnieyszym dowodem tego narodu zkad są mowa ich, która prawdziwie *lacinska corrupta* iest, iako włoska. Miałem taki szeląg miedziany w ziemi naleziony okolo Romana, na którym bardzo dobrze znaczno były słowa takie: *hereditas romana*, a teraz hereditatem *heręgię* Wołosza zowię, tak się nadpsował ow

pierwszy język dlugiemu czasu, które czego na świecie nie odmienia i nie zepsuła? Wszystek jednak fundament mowy i podziśdzien języka łacinskiego trwa i część słów w najmniejszej literze nieodmienne stoi, większa zaś część słów albo początkiem, albo środkiem, albo końcem słowa też jest, część zaś ali mniejsza ze wszystkich języków sąsiedzkich i imiona i słowa w sobie ma, a nawięcej z słowiańskiego, mniej zaś z węgierskiego i tureckiego języków“. Мы думаемъ, что Костинъ пользовался упомянутой кипгой нѣмецкаго историка Трѣстера, который раньше его сопоставилъ народный латинскій языкъ съ румынскимъ. Последний знаетъ уже, что литературный языкъ времени Августа многимъ отличается отъ цидероновскаго; у Эниа находимъ *vultur* вмѣсто *vulturus*, *homonem* вмѣсто *hominem*, а въ современныхъ первой пунической войнѣ надписяхъ попадаются еще болѣе отличныя формы отъ классическихъ. „Поэтому, если римскіе валахи употребляютъ древне-римскія слова и выраженія, которыя не сходны съ высокимъ римскимъ языкомъ цидероновскаго времени, то изъ этого не слѣдуетъ сойчасъ же заключать о нихъ, что они татары или варвары, потому что часто эти слова—не болѣе какъ древне-германскія или греческія, венгерскія или славянскія, заимствованныя румынами во время перемѣны у нихъ правителей отъ народовъ, съ которыми они соприкасались“. Въ заключеніе Трѣстеръ приводитъ сорокъ сходныхъ съ латинскими румынскихъ словъ и нѣсколько фразъ. Повидимому, у него была мысль о томъ, что румынскій языкъ относится къ латинскому языку не западному, а восточному. Онъ приводитъ слѣдующія слова историка Кавация: „удивительно, что языкъ молдаванъ и валаховъ содержитъ въ себѣ больше словъ латинскихъ, чѣмъ итальянскихъ, хотя итальянецъ обитаетъ тамъ, гдѣ былъ римлянинъ, а молдаванинъ—въ другомъ мѣстѣ“, и по этому поводу замѣчаетъ: „но это не удивительно, потому что въ позднѣйшее время итальянцы настолько усовершенствовались и развили свой языкъ, что его теперь называютъ ангельскимъ языкомъ, и только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ онъ напоминаетъ нашъ молдавскій языкъ“.

Эту идею болѣе полно и болѣе научно продолжали развивать дѣятели румынскаго возрожденія въ Трансильваніи—Мику, Шинкай и Майоръ. Въ силу своего національнаго движенія они должны были заниматься и филологіей. Отчасти воспитанные въ школахъ нѣмецкихъ лингвистовъ, они взглянули на дѣло шире. Для нихъ недостаточно было современнаго имъ румынскаго языка. Они изучаютъ уже памятники стараго языка, находятъ въ нихъ драгоценныя свидѣтельства болѣ-

ней близости стариннаго языка къ латинскому. Какъ Трёстеръ, они подыскиваютъ болѣе подходящія слова изъ простонародной латыни и въ то же время не забываютъ схожихъ съ румынскими славянскихъ и греческихъ словъ. Такимъ образомъ, мнѣніе предшествующихъ имъ филологовъ-хронистовъ, будто румынскія слова — *испорченныя слова классической латыни*, теперь совершенно забыто. Трансильванскіе ученые-патріоты подготовили почву для такого серьезнаго ученаго, какимъ былъ Тимофей Ципаріу (1805—1887 гг.). Послѣдній могъ уже воспользоваться трудами нѣмецкихъ лингвистовъ, изучавшихъ живой разговорный, мало извѣстный латинскій языкъ. Поэтому, на основаніи разысканій четырехъ замѣчательныхъ латинистовъ (Diez, Fuchs, Rott, Schuchardt) Ципаріу имѣлъ возможность указать несомнѣнно латинское происхожденіе очень многихъ словъ и формъ, которыя въ сущности были очень далеки отъ латыни классической, а поэтому оставались безъ объясненій у Мику, Шинкая и Майора. По славянскаго языка и онъ не зналъ, въ своихъ работахъ имъ почти не пользовался, потому что считалъ „гибельнымъ“ для цѣлости румынской культуры и всей націи даже самый фактъ сношеній румынъ со славянскими варварами... Поэтому неудивительно, что у него очень часто попадаются курьезы. Онъ силится производить отъ латинскаго или греческаго корня тѣ слова, въ славянскомъ происхожденіи которыхъ никто не сталъ бы сомнѣваться. Онъ цѣликомъ охваченъ могучей идеей, что румыны—единственный народъ въ Европѣ, языкъ которыхъ можетъ считаться не сыномъ, не братомъ, а *отцомъ языка Цицрона и Овидія!* Поэтому и Ципаріу, при всей его эрудиціи, нельзя назвать ученымъ въ смыслѣ европейскомъ. Прежде всего въ немъ бросается въ глаза ярый патріотъ,—и явная латинизація у него всего румынскаго нисколько не уступаетъ той повальной славянизациі, которая такъ характерна для первыхъ славянскихъ и русскихъ ученых-романтиковъ. Этимъ Ципаріу неизбѣжно отдалъ дань тому увлеченію всеѣмъ національнымъ, которое всюду господствовало въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Отсюда недалеко было уже до слѣдующаго шага, который перевелъ національное дѣло румынъ отъ теоріи къ практикѣ. Такъ называемая „ардяльская“ лингвистическая школа (1780—1870) стремилась къ латинизациі языка путемъ приближенія его къ латинскому и освобожденія отъ словъ славянскихъ. По рецепту П. Майора, „*de s'ar învoi româniî spre acela a scoate cuvintele de la slavoni şi a face curata limba românească*“, т. е. румыны должны были стремиться къ

тому, чтобы выбрасывать из своей рѣчи славянскія слова и создавать чистый румынскій языкъ. Затѣмъ слѣдуетъ теченіе „итальянское“. Іоаннъ Еліадъ Радулеску создастъ совершенно искусственный языкъ, напр., переводя стихъ изъ Петрарки „Quando rimbomberà l'ultima tromba, che i piu chiusi sepolcri investa e sferra“, по-румынски (?) такъ: „Quând va rasbumba ultima trumba, quare quele mai inquise moriminte invese și desferra“... Не всякій румынъ даже догадается, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь, и что за странная здѣсь орографія. Это теченіе направлено было къ тому же уничтоженію славянскаго элемента. Наконецъ, „Фонетическая буковинская школа“ въ ея представителѣ А. Пумнулѣ также оставила рядъ подобныхъ ошибокъ и извѣстна массою совершенно искусственныхъ неологизмовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ наукой.

Расцвѣтъ латинской идеи у румынъ относится къ первой половинѣ XIX вѣка. Передовые румынскіе дѣятели смотрятъ на славянскій элементъ въ культурѣ родного народа, какъ на какое-то нго, варварство, насиліе, какъ на нѣчто скноское и консервативное, отдѣляющее ихъ отъ просвѣщеннаго Запада.

Первымъ реальнымъ проявленіемъ антиславянскаго движенія было введеніе латинскихъ буквъ, сначала только нѣкоторыхъ, въ румынскую грамоту, притомъ — на первыхъ порахъ только въ печатныхъ книгахъ свѣтскаго характера.

Мы уже видѣли, что это нововведеніе началось въ венгерскихъ центрахъ, населенныхъ румынами-униатами. Въ 1779, 1780 и 1801 гг. въ трансильванскомъ г. Сибіу и въ Вѣнѣ извѣстный патриотъ Мику напечаталъ румынскія грамматики и сборникъ молитвъ латинскимъ шрифтомъ, а въ XVII вѣкѣ, съ цѣлью пропаганды, въ Трансильваніи печатались „Катехизисы“ также латинскимъ шрифтомъ, съ венгерскимъ правописаніемъ. Румынскими Аѳинами становятся мало-по-малу Парижъ и Римъ, гдѣ вырабатывается по образцу итальянской новоя, уже вполне латинская азбука. А когда въ 1859 году престолъ соединенныхъ румынскихъ государствъ занялъ князь Іоаннъ Куза, то славянская азбука окончательно изгоняется изъ свѣтскихъ книгъ. Такая мѣра стояла въ связи съ гоненіемъ противъ всего славянскаго и греческаго, секуляризацией монастырскихъ имуществъ и преслѣдованіями консервативнаго (въ смыслѣ приверженности къ „славянщинѣ“) духовенства и т. д.

Но искоренить въѣ остатки славянскаго вліянія на румынъ оказалось дѣломъ далеко не легкимъ; какъ мы уже знаемъ, вся письменность у румынъ до начала національнаго возрожденія была славянскою, а до половины XIX вѣка славянскій (кирилловскій) шрифтъ, съ робкими прибавленіями отдѣльных латинскихъ буквъ, существовалъ у румынъ обоихъ государствъ, Буковины, Трансильваніи, Валакии и Бессарабіи.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ Бессарабіи, до

сихъ поръ въ церквахъ служатъ по книгамъ на румынскомъ языкѣ, напечатаннымъ кирилловскимъ шрифтомъ. Старше священники самой Румыніи и особенно исаеломщики, учившіеся читать по „азъ-буки-вѣдѣ“, и теперь относятся недвѣрчиво къ богослужебнымъ книгамъ, которыя издаетъ румынскій синодъ латинскимъ шрифтомъ и съ сильно латинизованнымъ текстомъ, мало понятнымъ народу. Эта насильственная и совершенно антинаучная латинизація книгъ должна быть, по программѣ румынскихъ патриотовъ, послѣднимъ актомъ искорененія славянскаго элемента въ румынской культурѣ.

Если начало антиславянскаго теченія у румынъ относится къ XVII вѣку, то на первыхъ порахъ его нельзя было назвать вполне сознательнымъ. А когда въ половинѣ XIX вѣка румынская общественная, культурная и даже частная жизнь, подъ влияніемъ могучаго національнаго теченія, окончательно порвала связи со слѣдами славянства,—наступилъ наиболее оживленный періодъ научной разработки памятниковъ старины, въ значительной степени славянской по формамъ и содержанію. Какъ и слѣдовало ожидать, даже научные авторитеты признавали славянское вліяніе на румынъ чѣмъ-то насильственнымъ, отрицательнымъ, реакціоннымъ, а въ дальнѣйшихъ моментахъ антиславянскаго теченія мы замѣчаемъ, наряду съ научными,—далеко не научныя мѣры.

Припомнимъ, что первая румынская грамматика составлена въ 1787 году Еваке Вакареску по итальянскому образцу, и что, кромѣ указанныхъ выше ученыхъ, надъ составленіемъ учебныхъ грамматикъ и словарей работали многіе ученые по профессіи и любители—Еміадъ Радулеску, Іордаке Голеску, Ааропъ Пумпулъ и другіе. Благодаря ихъ трудамъ, въ 1870 году могъ появиться такой капитальный трудъ, какъ *Dictionnaire d' étymologie daco-romane*, въ двухъ томахъ, А. Чихака. Въ первомъ собраны слова латинскаго происхожденія и иллюстрированы ново-романскими примѣрами; во второмъ—слова, взятые изъ другихъ языковъ. По вычисленіямъ составителя, для $\frac{1}{6}$ всѣхъ словъ могутъ быть отысканы латинскіе корни, для $\frac{2}{6}$ —славянскіе, и для остальныхъ $\frac{3}{6}$ —изъ иныхъ языковъ.

Всего черезъ годъ послѣ выхода перваго тома словаря Чихака, въ изданіи румынской академіи появились три огромныхъ тома словаря А. Лауриана и І. Максима. Видя въ разныхъ діалектахъ и говорахъ „порчу“ основнаго „латинорумынскаго“ языка, составители задумали создать искусственный вполне латинизованный языкъ. Уже сама по себѣ эта мысль не имѣетъ никакого права на существованіе, и работа двухъ неутомимыхъ лингвистовъ показала, насколько безплодны подобныя тенденціозныя проекты. Ихъ языкъ былъ больше похожъ на итальянскій, чѣмъ на обычный румынскій. Ни одно слово изъ огромнаго словаря этихъ патриотовъ-идеалистовъ не проникло въ живую рѣчь, и вся ихъ попытка похоронена въ тлѣ словесномъ академическомъ изданіи. Нѣчто подобное представлялъ „*Tentamen criticum*“ Требонія Лауриана (1856), который также сочинилъ какой-то полу-латинскій, полу-итальянскій языкъ.

Только новая школа румыновѣдовъ въ лицѣ Ламбріора, Хыждэу, Тактина, Гастера, А. Денсушяну, О. Денсушяну, Филиппи, Шаньяну, Вейганда, Пушкаріу, Надежде, Манліу, Алиманеску, Муссафин, Майореску, Бурады, Барбулеску и др., а также нѣкоторыхъ славистовъ и романистовъ, поставила прочнымъ образомъ изученіе румынскаго языка почти безъ всякихъ патріотическихъ тенденцій. Ихъ работы ясно показали, что румыны имѣютъ полное право на „романство“ даже безъ искусственныхъ мѣропріятій, такъ какъ въ румынскомъ языкѣ лучше всего сохранились несомнѣнные слѣды римскаго происхожденія народа, который только послѣ многихъ вѣковъ получилъ возможность двигать впередъ свою культуру на вопліи національныхъ началъ и съ успѣхомъ двигаетъ ее.

Работами этихъ и другихъ ученыхъ намъ придется часто пользоваться при дальнѣйшемъ изученіи румынской филологіи. Русская научная литература по тѣмъ же вопросамъ очень бѣдна, и въ заключеніе мы напомнимъ хотя бы наиболѣе важное изъ того, что появилось о румынахъ на русскомъ языкѣ.

Послѣ присоединенія Бессарабской области къ Россіи въ 1812 году, намѣстникъ новаго края, извѣстный по біографіи Пушкина Иванъ Николаевичъ Инзовъ заботился о преподаваніи румынскаго языка въ Кишиневской духовной семинаріи (1823), но реальныхъ результатовъ этого преподаванія мы не знаемъ, если не считать „Россійско-румынской грамматики“, составленной Степаномъ Марджелой и изданной департаментомъ народнаго просвѣщенія (С.-Пб. 1827). Первые результаты относятся только къ 30 годамъ, когда драгоманъ азіатскаго департамента Яковъ Даниловичъ Гинкуловъ читалъ при С.-Петербургскомъ университетѣ курсъ румынскаго языка (объ учрежденіи каедры см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* ч. XXIII, стр. 15) и написалъ до сихъ поръ не потерявшую своего значенія грамматику и недурную хрестоматию—„Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики“ и „Собраніе сочиненій и переводовъ въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ валахо-молдавскомъ языкѣ“ (С.-Пб. 1840). Разборъ первой написанъ архіепископомъ кишиневскимъ Дмитріемъ (Сулимой) и напечатанъ въ отчетѣ о 10-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ (С.-Пб. 1841), а въ 1847 году вышли „Выводы изъ валахо-молдавской Грамматики“ подъ инициалами И. Г. (Гинкуловъ). Въ 1858 году кафедра румынскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ была закрыта. Извѣстный историкъ-славистъ Юрій Венюинъ, тоже румынъ по рожденію, касался румынъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, по порученію

Россійской Академіи собралъ документы для „Влахо-болгарскихъ или дако-славянскихъ грамотъ“, съ альбомомъ снимковъ (С.-Пб. 1840) — трудъ, изданный послѣ его смерти, и въ примѣчаніяхъ къ этимъ документамъ, наряду съ ошибками и увлеченіями, много оправдываемыми временемъ, сообщилъ рядъ довольно цѣнныхъ археологическихкихъ, бытовыхъ и лингвистическихкихъ данныхъ. Издающіяся съ 1840 года „Записки одесскаго общества исторіи и древностей“ знакомили русскихкихъ филологовъ съ отдѣльными памятниками старой славянской письменности у румынъ, и въ этомъ дѣлѣ имена Надеждина, Мурзакевича, Кочубинскаго и другихъ занимаютъ почтенное мѣсто. Кое-что изъ той же области собралъ во время путешествія по славянскимъ землямъ профессоръ Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ В. И. Григоровичъ. Онъ привлекалъ свои румынскія знанія къ славянскимъ изученіямъ, — и первымъ научнымъ изданіемъ въ Россіи произведеній старой румынской письменности является текстъ переподной валаческой хроникіи XVII вѣка, напечатанной имъ же въ приложеніи къ рѣчи „О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ“ и т. д. (Казань, 1858).

Въ 50 и 60 гг. „молдавскій“ языкъ еще преподавался въ Кишиневской гимназіи и духовной семинаріи, а также въ уѣздныхъ училищахъ, для чего Дончевымъ въ 1865 году составлена специальная грамматика съ хрестоматіей и словаремъ („Начальный курсъ рум. языка для низшихъ училищъ и IV классовъ гимназій и т. д.“, Кишиневъ, — латинско-славянскихъ шрифтомъ); преподаваніе прекратилось въ 70 гг. вмѣстѣ съ закрытіемъ епархіальной типографіи, печатавшей румынскія книги, главнымъ образомъ богослужебныя и часть статей на румынскомъ языкѣ въ „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Въ силу руссификаціи бессарабскихъ румынъ, ввозъ румынскихъ книгъ изъ-за границы, даже богослужебныхъ и напечатанныхъ кириллицей, былъ запрещенъ до самаго послѣдняго времени, и въ церквахъ приходоу съ румынскимъ населеніемъ такія книги до сихъ поръ составляютъ большую рѣдкость, такъ какъ всѣ новыя румынскія изданія печатаются латинскихъ шрифтомъ, а текстъ ихъ сильно латинизованъ. Въ самое послѣднее время дѣло печатанія румынскихъ книгъ, брошюръ и газетъ нѣсколько оживилось въ Бессарабіи, и для этого пользуются русскихъ гражданскимъ шрифтомъ, но безъ всякихъ диакритическихкихъ знаковъ, и для лингвистическихкихъ цѣлей совершенно неудобнымъ. Наконецъ, съ 1906 года въ V и VI кл. Кишиневской духовной семинаріи введено, по желанію мѣстнаго духовенства и съ разрѣшенія Синода, преподаваніе „молдавскаго“ языка, и предполагается ввести въ курсъ „молдавское“ же церковное пѣніе (по греческимъ кривкамъ нотамъ).

Видная заслуга въ научной разработкѣ нѣсколькихъ памятниковъ румынскаго фольклора принадлежитъ академику А. И. Веселовскому. Онъ зналъ по-румынски, до самаго послѣдняго времени интересовался

новостями румынской науки и посвятилъ нѣсколько специальныхъ главъ своихъ „Разысканіи въ области русскаго духовнаго стиха“ анализу наиболѣе древнихъ произведеній румынскаго фольклора. Во многихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ касался румынскихъ изученій приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета П. А. Сырку, по подобныя экскурсы носили всегда случайный характеръ, какъ случайны были и его лекціи по изученію румынскаго языка, начатыя 12-го января 1884 года. Читалъ онъ ихъ съ перерывами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но ни одного курса не закончилъ, лекціи не издавалъ, и никакихъ реальныхъ слѣдовъ послѣ нихъ не осталось.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что въ то время, какъ изученіе румынскаго языка, исторіи литературы, этнографіи, культуры и другихъ филологическихъ дисциплинъ романистами начато уже давно, и въ настоящее время существуетъ нѣсколько кафедр румыновѣдѣнія въ цѣляхъ привлеченія румынскихъ данныхъ для изученія романской филологіи,—дѣло съ изученіемъ румыновѣдѣнія, какъ вспомогательной дисциплины славяновѣдѣнія, обстоитъ совсѣмъ иначе. На основаніи того, что сдѣлано уже румынскими учеными, можно утверждать, что какъ румыновѣдѣніе немыслимо безъ славяновѣдѣнія, такъ и для славяновѣдѣнія необходимо знаніе румынской филологіи. Въ обоихъ румынскихъ университетахъ (букурештскомъ и яскомъ) существуютъ кафедры славяновѣдѣнія, и учреждены онѣ несмотря на то, что ко всему славянскому румыны относятся враждебно.

Приведемъ нѣсколько подобныхъ мнѣній: „одной изъ самыхъ несчастныхъ случайностей для языка, культуры и даже цѣлости румынскаго элемента было соприкосновеніе румынъ со славянами и введеніе славянскаго языка въ церковь и администрацію“ (А. Денсушину); „величайшимъ несчастіемъ для нашей націи была близость ея къ славянамъ и особенно русскимъ, которые въ силу единства вѣры не разъ оказывали ей медвѣжья услуги и задерживали самостоятельное развитіе румынскаго народа и государства“ (А. Ксеннополь); „славянская эпоха, это—эпоха грустныхъ воспоминаній, хотя и ее слѣдуетъ изучать, какъ и остальные, потому что на нее приходится бѣльшая часть самостоятельной политической жизни румынъ, и она оставила послѣ себя наибольшіе слѣды“ (І. Богданъ). Б. Хиджеу, еписк. Мелхиседекъ, Л. Шаиняну, В. Урекіа, Д. Опчюль, П. Юрга и другіе говорятъ нѣчто подобно—одни въ болѣе рѣзкой формѣ, другіе ограничиваются фактической стороной дѣла.

Съ ними можно вполне согласиться въ той части, гдѣ идетъ рѣчь

о результатахъ, — и разойтись тамъ, гдѣ характеризуются причины такого сильнаго и неизгладимаго самымъ долгимъ временемъ славянскаго вліянія на жизнеспособный, полный творчества, глубоко поэтический и интересный для изученія румынскій народъ.

А. И. Яценковскій.

МЕДИЦИНСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ВЪ МОНПЕЛЬЕ ДО СЕРЕДИНЫ XIV ВѢКА.

I.

Fuisse Salerni medicinae fontem fama est, sed nihil est quod non senio exarescat,—говорить Петрарка въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾ по поводу знаменитаго въ свое время Салерно, и если въ эпоху Петрарки нѣкогда громкая слава Салернской школы, этой civitatis Pirroscaticae, увяла, то этимъ обстоятельствомъ она обязана только своимъ французскимъ коллегамъ и вмѣстѣ соперникамъ—университетамъ въ Парижѣ и Монпелье.

Дѣйствительно, Салернская школа своей славой обязана главнымъ образомъ тому обстоятельству, что въ теченіе трехъ вѣковъ она была единственнымъ мѣстомъ на Западѣ, гдѣ можно было приобрести высшее медицинское образованіе ²⁾, но лишь только были учреждены медицинскія школы въ Болоньѣ, Падуѣ, Неаполѣ, Парижѣ, Монпелье, съ болѣе удобнымъ географическимъ положеніемъ и болѣе благоприятной почвой для сношенія между собой, старая Салернская школа отступила на задній планъ, а ея мѣсто заняли мало-по-малу новооткрытыя учрежденія ³⁾. Еще съ туземными высшими учебными заведеніями Салернская школа могла бороться и соперничать съ нѣкото-

¹⁾ F. Petrarcae opera. Basileae. 1554. Itinerar. Syriac. v. I, p. 622.

²⁾ Исторія средневѣковой медицины. Выпускъ второй. Составилъ С. Ковнеръ. Кіевъ. 1897, стр. 370. *H. Häser, Lehrbuch d. Geschichte der Medicin und d. epidemischen Krankheiten*. 1³, Jena. 1875. S. 651.

³⁾ *Ковнеръ*, 1. с., pp. 371, 399. *Häser*, 1. с., p. 651. *Ch. Daremberg, Histoire des sciences médicales etc.* I. Paris. 1870, p. 279. *K. Sprengel, Versuch einer pragmat. Gesch. d. Arzneykunde*. Halle. II^a 1800. S. 479 ff.

рымъ успѣхомъ, благодаря поддержкѣ правителей ¹⁾, такъ какъ рѣдѣющій контингентъ ея слушателей пополнялся жаждавшими знанія иностранцами, для которыхъ Италия по-прежнему оставалась на высотѣ своего призванія въ смыслѣ высшей школы, какъ и въ древнее время, въ первые вѣка христіанства, хотя значительный уже процентъ этихъ новичковъ-иностранцевъ приходился, конечно, на долю остальныхъ итальянскихъ университетовъ ²⁾. Но лишь только сосѣдняя Франція оказалась достигшею такой ступени развитія, что Салернская литература и доктрина, заносимая свреями всюду, гдѣ еще не успѣло утвердиться арабское вліяніе ³⁾, могла съ успѣхомъ привиться въ школахъ Парижа и Монпелье, какъ окончательное паденіе Салерно стало неминуемымъ. Весь вопросъ заключался во времени, и это паденіе совершилось, главнымъ образомъ, благодаря тому вліянію, которое оказала, и тому мѣсту, которое заняла въ средневѣковой наукѣ, школа въ Монпелье, надолго ставшая проводникомъ и главнѣйшимъ этапнымъ пунктомъ въ передвиженіи науки и ученыхъ съ юго-востока Европы на сѣверо-западъ ⁴⁾.

Дѣйствительно, самое положеніе Монпелье представляло все благопріятныя условія для основанія здѣсь южно-французскаго университета ⁵⁾, не тревожимаго внѣшними войнами съ безпокойными сосѣдями, не волнусаемаго смутами, отъ времени до времени разгоравшимися внутри государства, представляло все удобства для мирнаго процвѣтанія науки вдалекѣ отъ театра политическихъ событій. Какъ извѣстно, Монпелье лежитъ въ полуторахъ миляхъ отъ моря, на высокомъ холмѣ, омываемомъ рѣкою *Lez*, въ прекрасной и издавна славившейся своимъ здоровымъ климатомъ странѣ ⁶⁾. Городъ имѣетъ чисто восточный характеръ и до сихъ поръ отчасти сохранилъ свой старинный видъ, съ узкими и кривыми уллицами и лѣбящимися одинъ къ другому по склонамъ горъ домами. Съ главной площади *Peugnot* открывается прелест-

¹⁾ *Sprengel*, I. c., p. 479 ff. *Häser*, I. c., p. 651 f.

²⁾ *Sprengel*, I. c., p. 386.

³⁾ *Ковнеръ*, I. c., p. 386. *Häser*, I. c., p. 654. *M. Steinschneider*, *Donnolo* (*Archiv f. pathologische Anatomie und Physiologie etc.* v. R. Virchow. Berlin. Bd. 42. 1868. S. 56).

⁴⁾ *Pagel*, Ueber den Theriak, nach einer bisher ungedruckten Schrift des Bernhard von Gordon (Separat-Abdruck aus „Pharmaceutische Post“ 1894. S. 1).

⁵⁾ *Isensee*, *Geschichte d. Medicin, Chirurgie, Geburtshülfe etc.* Berlin. Th. I. 1813. S. 213.

⁶⁾ Bern. de Gord. *De gradibus I. in regios vergente ad temperamentum inter ista (sc. calida et frigida), sicut est praeclara regio Montispepulani.*

ный видъ на Совенны и гору Ваятѹ (Ventoux) по ту сторону Авиньона ¹⁾, на которую нѣкогда съ такимъ восторгомъ поднимался Петрарка ²⁾. Невдалекѣ отъ города прекрасныя купанія. Окрестности сплошь покрыты фруктовыми садами, огородами, виноградниками и небольшими, но живописными деревушками. Торговля съ Востокомъ, Испаніей и Италией и обмѣнъ съ ними естественными произведеніями, съ давнихъ поръ процвѣтавшіе въ Монпелье, скоро привели городъ къ полному благосостоянію, которому не мало способствовали состоявшіеся здѣсь пять вселенскихъ соборовъ ³⁾. Цвѣтущее состояніе города уже въ раннюю пору среднихъ вѣковъ придало Монпелье значеніе главнаго города нижняго Лангедока и одного изъ значительнѣйшихъ городовъ Франціи.

Объ основаніи города существуютъ различныя версіи. Въ галло-римскую эпоху городъ находился на лѣвомъ берегу Lez'a подъ именемъ Sextantium ⁴⁾, въ мѣстности, гдѣ теперь лежитъ деревня Castelnaud, до сихъ поръ богатая остатками древности и археологическими находками. Разрушенный Карломъ Мартелломъ городъ былъ возстановленъ на правомъ берегу рѣки, подъ горою, называемой Mons Pessulanus, и подъ этимъ именемъ мало-по-малу приобрѣлъ важное значеніе ⁵⁾.

Съ другой стороны, по мнѣнію Арнальда Вердаля ⁶⁾, епископа Магелонскаго, въ серединѣ XIV в. написавшаго исторію своихъ предшественниковъ, основаніе городу Монпелье положили двѣ сестры de Fulgrand, владѣвшія—одна мѣстечкомъ Montpellier, другая—Montpellieret. Оба мѣстечка были уступлены благочестивыми сестрами Магелонской церкви въ лицѣ епископа ея Риквина (Ricuin). Нѣсколько позже, по словамъ Вердаля, Риквинъ уступилъ Монпелье въ ленное владѣніе сенюру страны Гвидо, въ то время находившемуся въ распрѣ съ графомъ Melguoil или Manguió изъ-за своихъ владѣній. Хотя Вердаль не приводитъ ни текстовъ уступки сестрами S. Fulgrand, ни текстовъ передачи, сдѣланной Риквиномъ, однако, кажется,

¹⁾ *Elisée Réclus*, Nouvelle géographie universelle, v. II. France. Paris 1877, p. 284.

²⁾ *Epist. fam.* IV, 1, p. 624.

³⁾ Первый въ 1214 г. (*Migne*, *Patrol. lat.* t. 213, col. 693).

⁴⁾ *Itin. Anton.*, p. 389, 396. *Itin. Hierosol.* p. 352 etc.

⁵⁾ *Réclus*, l. c., p. 284.

⁶⁾ *Histoire générale de Languedoc etc.* par Dom. Cl. Devic et Dom. J. Vaissete. Toulouse, III, 1872, p. 171 suiv.

онѣ видѣль эти акты. Что касается сестръ, то предполагаютъ, что онѣ получили указанныя владѣнія по наслѣдству отъ матери. Последнюю считаютъ дочерью какого-нибудь графа Substantion или Мельгейльскаго, по смерти котораго она унаслѣдовала его лены. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ актовъ, датированномъ 985 годомъ, Бернгардъ, графъ Мельгейльскій или Substantion'a, и Senegonde, его жена, даютъ сенюру Вильгельму (Guilhem) два жилища (mansos) изъ собственнаго аллода въ діецезѣ Магелоны и въ округѣ замка Substantio¹⁾; одно изъ которыхъ находилось на территоріи деревни Candillargues, другое на земляхъ Montpellier, что, по словамъ братьевъ-бенедиктинцевъ, должно доказывать, что въ концѣ X вѣка этотъ городъ былъ еще простой деревней. Въ упомянутомъ актѣ мѣстечко названо Mons-pistellarius, въ актахъ болѣе позднихъ оно носитъ названія Mons-pessulanus или Monspessullus. Иные—неизвѣстно, на основаніи какихъ фонетическихъ законовъ—производятъ названіе города отъ латинскаго Mons Puellatum, приводя это названіе въ связь съ принадлежностью мѣстечка сестрамъ Fulcrand.

Однако, мнѣнію почтенныхъ бенедиктинцевъ нисколько не противорѣчитъ предположеніе, что Монпелье было основано въ VIII вѣкѣ выходцами изъ Магелоны, разрушенной Карломъ Мартелломъ въ 737 году²⁾.

Сами они говорятъ, что „епископъ и его причтъ удалились тогда въ Substantion; мѣстечко діецезы, гдѣ они основали свою резиденцію и оставались вплоть до возстановленія города Магелоны, что случилось триста лѣтъ спустя“³⁾. Такъ какъ выше говорилось, что Монпелье находилось на земляхъ этого замка и на разстояніи не болѣе одного лье отъ него⁴⁾, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что часть бѣгльцовъ поселилась на мѣстѣ нынѣшняго Монпелье и такимъ образомъ положила основаніе городу. Вместе съ тѣмъ, послѣдующія побѣды Карла, пріобрѣта ому всю страну по лѣвую сторону Роны,

¹⁾ Названіе Substantio намъ кажется возможнымъ отождествить съ древнимъ Sextantium, хотя Кастельно не находится на мѣстѣ замка Substantio: вѣроятно, и замокъ и деревня лежатъ лишь по сосѣдству съ этимъ исчезнувшимъ городкомъ, отъ котораго осталось одно имя и нѣсколько жалкихъ развалинъ, которые равейнскій географъ (IV. 28) называетъ Sostantium. Ср. Pauly, Real-Encyclopädie VIa. 1140 s. v. Sextantium.

²⁾ Histoire générale de Languedoc etc. Toulouse, 1874, I, p. 807.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, t. III, p. 284.

освободили Провансъ отъ набѣговъ сарацинъ, которые они безпрестанно совершали въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ. Вслѣдствіе этихъ побѣдъ, они не рѣшались болѣе ни на какія предпріятія по эту сторону рѣки¹⁾). Положеніе Монпелье, хотя и внѣ Прованса, но не далеко отъ этой демаркаціонной линіи, вполне обозначивало его жителямъ возможность предаваться въ полномъ спокойствіи и благополучіи мирнымъ занятіямъ и пользоваться наступившимъ затишьемъ на политическомъ горизонтѣ для дальнѣйшаго благоустроенія.

Первоначальное населеніе Монпелье, какъ и вообще большинства другихъ городовъ Прованса и Лангедока, состояло въ это время главнымъ образомъ изъ испанскихъ выходцевъ, евреевъ, въ VII вѣкѣ наводившихъ весь югъ Франціи²⁾, а позже и арабовъ. Въ X вѣкѣ мѣстечко получило городское управленіе, и къ этому же времени преданіе относитъ основаніе медицинскаго факультета Монпелье. На одной древней печати мѣстнаго университета, изображающей Гипократа, есть надпись: *scholae medicae Monspeliæ, seculo decimo institutae*³⁾; но, кромѣ этого свѣдѣнія, чисто легендарнаго, по мнѣнію Жермена, нѣтъ никакихъ сколько-нибудь вѣскихъ данныхъ, указывающихъ на существованіе медицинскаго факультета въ X вѣкѣ. Однако, мы знаемъ, что въ Провансѣ и Лангедокѣ уже рано существовали израильскія религіозныя училища, въ которыхъ должна была преподаваться и медицина, входящая у евреевъ въ число предметовъ синагоги⁴⁾. Съ другой стороны, мы знаемъ, что медицина рано процвѣтала въ безчисленныхъ монастыряхъ, покрывавшихъ въ то время всю Францію. Въ VI вѣкѣ, напримѣръ, Дезидератъ лѣчилъ приходившихъ къ нему въ келью больныхъ отъ зубной боли и другихъ недуговъ. Одновременно, при томъ же монастырѣ былъ построенъ лепворій⁵⁾. Вообще борьба съ проказой и другими наклонными болѣзнями служила постоянной заботой для средневѣковыхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ властителей. Карлъ Великій въ 805 году повелѣлъ въ число предметовъ монастырскихъ школъ включить также

¹⁾ Тамъ же, t. I, p. 809.

²⁾ Тамъ же, t. I, p. 664 suiv., t. III, p. 864 suiv. *Steinschneider*, Die hebräischen Uebersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher, Berlin, 1893, S. 113.

³⁾ Histoire de l'Université de Montpellier par A. Germain (въ Cartulaire de l'Université de Montpellier etc., t. I. 1890, p. 7). Cp. Hist. génér. etc. t. III, p. 867.

⁴⁾ Кооперъ, I. с., p. 588.

⁵⁾ Gregorii Episc. Turon. lib. de gloria confessorum, c. 85 (въ Monum. Germ. Hist.), p. 802.

и медицину ¹⁾. Съ этого времени во многихъ кафедральныхъ училищахъ медицина стала преподаваться въ квадривіяхъ подъ общимъ именемъ физики. Съ теченіемъ времени число монастырей увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало число такъ называемыхъ монастырскихъ *госпиталей*, являвшихся въ одно и то же время дѣтскими пріютами и богадѣльницами, убѣжищами для бывшихъ проститутокъ и мѣстомъ воспитанія благородныхъ дѣвицъ, гостиницами и больницами. Въ XIII вѣкѣ число такихъ госпиталей въ одномъ Монпелье достигало пятнадцати ²⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ госпиталей медицина служила и предметомъ преподаванія ³⁾. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что открытіе медицинскаго факультета въ Монпелье, хотя и не признанно еще официально и представлявшее изъ себя случайное соединеніе двухъ-трехъ медицинскихъ школъ или классовъ въ одномъ помѣщеніи, могло имѣть мѣсто и въ X вѣкѣ. На раннее процвѣтаніе медицины на югѣ Франціи указываетъ одна изъ незаданныхъ еще рукописей нашей Императорской Публичной Библиотеки (Lat. F. v. VI. № 3. Сборникъ), относящаяся къ началу IX, а вѣроятнѣе къ VIII вѣку. Она представляетъ собою сборникъ медицинскихъ статей и трактатовъ, переведенныхъ съ греческаго языка на латинскій, но ея латынь сильно искажена несомнѣнно провансальскимъ переписчикомъ (если еще не самимъ переводчикомъ) ⁴⁾.

Другое преданіе относитъ основаніе медицинскаго факультета Монпелье къ XI вѣку ⁵⁾. Около 1000 г. послѣ Р. Хр. въ Парбоннѣ существовала еврейская религіозно-медицинская школа равви Абона. Одинъ изъ учениковъ его, имя котораго до насъ не сохранилось, около 1025 г. появился въ Монпелье, занялся практикой и собралъ около себя многочисленныхъ учениковъ. Литературнымъ памятникомъ его преподаванія является оставленная имъ книга „о медицинѣ“,

¹⁾ *Sprengel*, I. с. p. 456 sqq.

²⁾ *Histoire génér. etc.*, IV, 1876, p. 813—834. *Sprengel*, I. с., p. 450 sqq.

³⁾ Во всякомъ случаѣ, въ XIII вѣкѣ вполне ясно сознавалась необходимость клиническаго метода обученія врачей, какъ показываетъ предисловіе еврейскаго переводчика сочиненія Зарави о медицинскій практикѣ Шемтоба бенъ Исака изъ Тортовы (около 1261—1264 гг.). *Steinschneider*, *Die hebräischen Uebersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher*, Berlin 1893, S. 744.

⁴⁾ Ср. также Ковнеръ, I. с., p. 589.

⁵⁾ *Francisci Ranchini, Consilarii etc., Opuscula medica, Lugduni. Apud Petrum Ranand. MDCXXVII. Apollinare Sacrum. De Monspelienis Universitatis origine etc.*, p. 8.

цитируемая нѣкоторыми еврейскими учеными ¹⁾). Вопреки этому мнѣнію, Штейншнейдеръ увѣряетъ ²⁾), что евреи въ Монпелье никогда не были собственно основателями и ординарными учителями школы; отношенія къ нимъ постоянно колебались; эдиктъ Вильгельма, сенора страны, положительно исключалъ ихъ (1180 г.), обязавъ даже учениковъ носить тонзуру,—однако, намъ кажется, что почтенный изслѣдователь ошибается. Если эдиктъ Вильгельма исключаетъ евреевъ изъ преподаванія, то эта мѣра какъ разъ подтверждаетъ догадку объ участіи евреевъ въ основаніи университета, какъ первой медицинской школы со свободой преподаванія и слушанія, лишь впослѣдствіи наполнившейся учениками христіанскаго вѣроисповѣданія въ такомъ множествѣ, что они понемногу вытѣснили своихъ учителей и товарищей-евреевъ. Конечно, мы не говоримъ объ официальномъ открытіи университета, открытіи въ современномъ смыслѣ, такъ какъ такового для университета Монпелье никогда не бывало, и даже статутъ 1220 года нельзя разсматривать, какъ фактъ открытія, о чемъ, впрочемъ, дагѣе. Что университетъ возникъ указаннымъ нами путемъ черезъ соединеніе первоначально независимыхъ другъ отъ друга физическихъ школъ, руководимыхъ каждая отдѣльнымъ учителемъ,—фактъ, повидимому, не подлежащій опроверженію: такія частныя школы, существовали вѣроятно, даже въ началѣ XIII вѣка,—но были-ли то школы еврейскія или христіанскія? Простое разсужденіе склоняетъ насъ къ мнѣнію, противному вышеприведенному увѣренію Штейншнейдера. Эдиктъ 1180 года слѣдуетъ, очевидно, разсматривать, какъ мѣропріятіе въ пользу болѣе успѣшнаго развитія новыхъ христіанскихъ школъ сравнительно съ прежними еврейскими, такъ какъ связь между этимъ постановленіемъ и эдиктомъ 1181 года, по которому всякому желающему давалось право открывать въ городѣ физическихъ школы безирепнатственно и свободно, кажется несомнѣнной. Дѣйствительно, для успѣшнаго развитія новыхъ школъ слѣдовало ограничить свободу преподаванія евреевъ и возможно уменьшить, если не совсѣмъ уничтожить, нехристіанскія школы, особенно же тѣ изъ нихъ, которыя благодаря многолѣтнему существованію приобрѣли высокій престижъ и прекрасную репутацию, а слѣдовательно составляли опасную конкуренцію съ новыми школами. Съ другой стороны,

¹⁾ *Prunelle*, Discours sur l'influence de la médecine, p. 50. Carmoly въ *Revue Orientale*, I, p. 359, Bruxelles, 1841.

²⁾ *Donnolo* (l. c.), p. 51.

эдиктъ 1181 г., разсматривающій существующія уже школы, какъ нѣчто цѣлое, единое и однородное, тѣмъ самымъ (какъ бы признаетъ уже существованіе университета, какъ официального учрежденія, именуюя его *facultas fisee discipline* ¹⁾). Обыкновенно смотрять на эдиктъ 1181 года, какъ на постановленіе, кладущее начало университету, но, какъ мы видѣли, такой взглядъ неправиленъ и уставъ 1220 года, и постановленіе Вильгельма ограничиваются простымъ констатированіемъ, простымъ признаніемъ давно уже существующаго факта. Первая достоверная свѣдѣнія объ университетѣ мы имѣемъ въ литературѣ еще болѣе ранняго времени. Такъ, въ 1137 году архіепископъ мѣллицкій Адельбертъ II изучаетъ медицину въ школѣ Монпелье ²⁾. Въ это время Монпелье стоитъ уже на одной высотѣ съ Салерно ³⁾, а къ срединѣ XII вѣка достигаетъ такой извѣстности, что желающіе изучить одну только философію становятся учениками медицинской школы ⁴⁾. Въ 1153 г. архіепископъ ліонскій Пракліи де Монбуассе,

¹⁾ Les Statuts et Privilèges des Universités Françaises etc. p. M. Fournier, T. II, Paris 1891, p. 3, № 879.

²⁾ Ibid. p. 1, № 877. (Anselmi Havclbergensis Vita Adelberti Mogunt. Episc. Bibl. rerum. Gorman., ed. Ph. Jaffé, III, 592, Berlin 1867; *Germania*, I. c., p. 11, Cartulaire etc., p. 758).

Hinc adolescenti succeditur adveniēti
Mons Pessulanus, cui praesidet incolā sanus,
Phisica qua cēdes medicis concessit et edes,
назъ чего слѣдуетъ, что уже въ 1137 г. медицинскія школы помѣщались въ особомъ зданіи.

Hic et doctrina praeceptaque de medicina
A medicis dantur, hinc rerum vim meditantur,
(позволяю себѣ сдѣлать поправку, rerum нѣмного, малоопытнаго легинокъ, ор. послѣдній стихъ цитата).

Sanis cautelam, levis adhibendo medelam,
Ergo manens didicit breviter, quod phisica dicit.
Perspicisci causas naturae, res sibi clausas
Non ut licet ferat vel hinc hoc ordine querat,
Sed quia de rerum voluit vi noscere verum.

³⁾ Alexander Neckam (ок. 1157 г.). *De naturis rerum*, ed. by Thom. Wright, Lond. 1863, p. 311: Quid de Salerno et Montepessulano loquar, in quibus diligens medicorum solertia, utilitati publicae deserviens, toti mundo remedium contra corporum incommoditates contulit?

⁴⁾ Joh. Naresberiensis, *Metalog.* I, 4. Ed. *Migne*, *Patrolog. lat.* t. 199 col. 830 sq.: Alii autem suum in philosophia intuentes defectum, Salernum vel ad Montepessulanum profecti, facti sunt clientuli medicorum, et repente, quales fuerant

захворавъ во время путешествія, лечится у врачей Монпелье ¹⁾. Эгидій Корбейльскій въ началѣ XIII вѣка упоминаетъ объ одномъ изъ докторовъ медицинской школы, Рено (Renaudus, правильно Reginaldus), какъ объ искуснѣйшемъ врачѣ ²⁾. Около 1221.—1222 года

philosophi; tales in momento medici eruperunt. Fallacibus enim referti experimentis. in brevi redeunt, sedulo exercentes, quod didicerunt. Hippocratem ostentant, aut Galenum; verba proferunt inaudita: ad omnia suos loquuntur aphorismos; et mentes humanas, velut afflatas tonitruis, sic percellunt nominibus inauditis. Creduntur omnia posse, quia omnia jactitant, omnia pollicentur. Duo tamen deprehendi eos fideliori tenuisse memoria, et frequentius in eorum operatione versari. Alterum quidem Hippocratis est (sed ibi vergit ad alium intellectum): „Ubi, inquit, indigentia, non oportet laborare“; et revera inopportuna et inofficiosum opinantes, dare operam indigentibus et ei qui nolumt, aut nequeunt, vel solis verbis, eorum pleno gratiam referre mercedis. Alterum profecto est, non quod meminerm, Hippocratis sed diligentium adjecto medicorum: „Dum dolet, accipe“. Occasio siquidem exigendi maxime opportuna est, cum dolor cruciat aegrotantem, sibi que cooperantur languentis exulceratio et avaritia medentis. Si convalescit aeger, operam danti medico ascribatur; si deficit, eius invalescat auctoritas, qui hoc antea familiaribus suis revelavit. Siquidem impossibile est non evenire, quod de industria praevaticinatus est, cum huic sospitatem, isti sinistram exitum pronuntiavit aegrotantis. Si evasurus est aeger, curatur facile; nisi quatenus incolumitatem ejus medicus praepedit imperitus. Sin autem non, ut Sollius Sidonius ait, „occiditur officiosissime“.

¹⁾ Bernardi opera omnia, Paris, 1690, t. I, col. 282, Epist. CCCVII: Cumque infirmaretur, pertransiit usque ad Montem Pessulanum. Ibi aliquandiu commoratus, cum medicis expendit et quod habebat et quod non habebat. Cp. Cartulaire, p. 738, Les Statuts, p. 3, № 878.

²⁾ Aegidii Corboliensis carmina medica. Ed. L. Choulant, Lips. 1826,—De compos. medicam. l. III, vv. 16—32 и 36—43:

Vos nullus pudor impediât doctoris adire
Renaudi sedes, quem longi temporis usus
Foecundumque magis votus experientia fecit,
Qui non insipidos; qui plantae more novellae

20. Non profert acidos fructus, sed quos bene coxit

Assiduus studii labor et meditatio longa,

Qui Pessu(j)lani pridem vetus incola Montis

In medicinali doctor celeberrimus arte

Jura monarchiae tenuit, sed spiritus almus

25. Nunc elegit eum: dum sedibus orta supernis

Coelica conversam condivit gratia mentem,

Rore suo perfudit eum, qui gaudia mundi

Lucra, voluptates, qui divitias et honores

Ut nebulae fumum reputans instarque pruinae,

30. Postpositis rebus vanis, Hipocrate relicto,

Justitiae miles, austeri censor honesti,

монахъ Цезарій изъ Гейстербаха, говоря о Монпелье, называетъ его „источникомъ науки“ ¹⁾. Къ концу XII вѣка относится пребываніе въ Монпелье нѣкогого Гюя де Базоша; о чемъ онъ упоминаетъ въ письмахъ къ своимъ учителямъ ²⁾. Около 1200 г. въ числѣ учениковъ университета былъ и трубадуръ Гюгъ де Сентъ-Сиркъ. Впрочемъ, послѣдній едва-ли изучалъ медицину, такъ какъ родные предназначали его для духовной карьеры. *E volgron lo far clerc e manderon lo a scola a Monpeslier. E quant ill cuideron que ampares letras, el amparet cansos e vers e sirventes e tensos coblas, els fach etc.*,—говорить его біографъ ³⁾. Изъ слова *letras* можно заключить о пребываніи его на словесномъ факультетѣ (*faculté des arts*); если же слово *clerc* понимать въ болѣе современномъ смыслѣ—помощника нотариуса, то нужно думать о юридическомъ факультетѣ. Оба эти факультета возникли, повидимому, еще въ XII вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, изъ выраженія эдикта 1181 года: *non dabo concessionem seu prerogativam aliquam alicui persone, quod unus solus tantummodo legat seu scolares regat in Montepessulano, in facultate fisisce discipline* ⁴⁾, вытекаетъ, что въ Монпелье существовали какъ-будто факультеты и другихъ дисциплинъ. Въ теченіе 40 лѣтъ, протекшихъ со времени дарованія Вильгельмомъ свободы преподаванія, медицинскій факультетъ такъ разросся, что чув-

Convolat ad Christum, qui fons et origo salutis.

36. *Hic in se Domini vexilla gerens crucifixi
Se macerat tollitque crucem, de vate propheta
Et novus ex medico fit Apostolus: et medicinae
Cum prius extiterit opifex magnusque professor,*
40. *Exprimit ipse novum Lucam, Cosmamque figurat,
Veraque pauperibus aegris munuscula gratis
Sedulus impendit, nec solum morbida sanat
Corpora, sed curat morbos et vulnera mentis.*

¹⁾ *Caesarii Heisterbachensis etc. dialogus miraculorum*, ed. Jos. Strange, Colon, Bonnet, Bruxel., 1851, vol. II, p. 34: *Considera Rupem Amatoris (r. e. Rocamador) et alia loca in honore ipsius (Mariae) dicata et non miraberis, si parata fuerit ad medendum et efficax ad sanandum. Unde in Monte Pessulano, ubi fons est artis physicae, tantas operatur sanitates, ut medici gratiae invidentes, pauperculis infirmantibus et pro remedio sanitatum ad se confluentibus dicere solebant: Ite ad ecclesiam S-te Mariae, deferte ei lumen, et recipietis sanitatem. Et cum hoc yronice dicant, pauperes ab eis passi repulsam, ad ipsam confugiunt, et sanantur.*

²⁾ *Fournier, Les Statuts etc.*, II, p. 3 sq. № 880, письмо 9 и 11.

³⁾ *Histoire génér. etc.*, t. X, p. 219.

⁴⁾ *Fournier, Les Statuts etc.*, t. II, p. 3, № 879.

становалась необходимость регламентировать отношенія между учащими и учащими. Въ 1220 году университетъ получилъ отъ папскаго легата епископа Конрада „съ общаго согласія и совѣта почтенныхъ братьевъ нашихъ Магелонскаго, Агаоейскаго и Авиньонскаго епископовъ и другихъ прелатовъ, равно какъ докторовъ, такъ и учениковъ медиковъ университета Монпелье“, новый уставъ ¹⁾, по которому 1) впередъ никто, если раньше не занималъ кафедръ въ Монпелье, не имѣетъ права публично заниматься съ учениками, не будучи предварительно проэкзаменованъ епископомъ Магелонскимъ и нѣкоторыми изъ профессоровъ — *regentes* (т. е. *magistri*), по личному выбору сего лица; 2) всякій учащійся (*scolaris*) долженъ быть записанъ въ число слушателей того или другого учителя (*certi magistri sit addictus regimini*); 3) епископъ Магелонскій вмѣстѣ со старѣйшимъ изъ учителей, избравъ (съ общаго съ нимъ согласія?) еще двухъ магистровъ, заслуживающихъ наибольшаго довѣрія, по собственной совѣсти и свидѣтельству постороннихъ избирать одного изъ магистровъ — изъ упомянутыхъ ли трехъ или прочихъ, безразлично, — для разбора жалобъ и недоразумѣній, возникающихъ между магистрами и ихъ учениками или между тѣми и другими частными лицами; 4) въ случаѣ апелляціи, послѣдняя подается самому епископу Магелонскому; 5) вышесказанное касается лишь гражданскихъ дѣлъ университета, преступленія же уголовныя поступаютъ прямо на разсмотрѣніе епископа; 6) магистръ, избранный для гражданскаго дѣлопроизводства, именуется канцлеромъ университета учениковъ (*Universitatis scolarium*); 7) епископъ Магелонскій оказываетъ содѣйствіе распространенію рѣшенія канцлера *per ecclesiasticam districtionem*; 8) въ случаѣ, если кресло епископское временно пусто, все относящееся до епископа возлагается на настоятеля церкви св. Фирмина, въ вышесказанномъ порядкѣ вещей; 9) ни одинъ магистръ или ученикъ не можетъ быть принятъ въ общество магистровъ или учениковъ, ни на сходкахъ (*conventus*), ни при началѣ чтенія лекцій (*inceptiones*), ни при занятіяхъ (*scolae*), если не имѣетъ духовной тонзуры; для полученія же церковнаго благословенія (*beneficium*) долженъ вступить въ (какой-либо) святой орденъ монашескій; тому же подвергается любой изъ *regulares*, если не носитъ соотвѣтственной одежды (*habitus*) по роду своей профессіи; 10) если магистръ преслѣдуетъ кого-либо, не принадлежащаго къ школѣ, за обиду, нанесенную ему лично или кому-либо изъ его

¹⁾ Les Statuts etc. II, g. 4 sqq., № 882.

близкихъ (suorum; можетъ быть, и учениковъ“), всѣ магистры и ученики обязаны помогать ему, по его приглашенію, совѣтомъ или дѣйствию, но предварительно обсудивъ его (ratione previa), чтобы не обезчестить и не опозорить его; 11) если со стороны магистра послѣдуетъ жалоба на ученика вслѣдствіе невзноса имъ платы или по другой причинѣ, то послѣдній, послѣ соответствующихъ увѣщаній, не можетъ быть принятъ ни однимъ изъ магистровъ въ ихъ школы; пока не представитъ жалобщику-магистру вѣрнаго обезпеченія въ томъ, что удовлетворитъ его просьбу и будетъ повиноваться установленнымъ правиламъ; 12) никто изъ магистровъ ни самъ, ни черезъ другихъ лицъ не долженъ умышленно (sciēter) привлекать учениковъ или склонять ихъ просьбами, деньгами или какими-либо другими способами къ переходу (въ его школу); 13) старѣйшимъ профессорамъ при засѣданіяхъ или процессіяхъ воздается должный почетъ, дабы лицо, выдающееся своимъ долговременнымъ преподавательскимъ трудомъ, превосходило другихъ и относительно выраженія къ нему ученическаго почтенія; 14) равнымъ образомъ, старшій магистръ указываетъ прочимъ, по какимъ днямъ и на сколько времени слѣдуетъ приостанавливать чтеніе лекцій и диспуты; такъ что, когда прекращаетъ чтеніе онъ, прекращаютъ его и другіе магистры, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда старшій магистръ не читаетъ вслѣдствіе особыхъ домашнихъ обстоятельствъ; 15) и магистры, и ученики обязаны провозжать уморшихъ сотоварищомъ; 16) ученику, прибывшему съ мѣста своихъ практическихъ занятій, предоставляется полная свобода записаться на лекціи того или другого магистра, если, впрочемъ, ученикъ не связанъ съ прежнимъ своимъ магистромъ платой или тому подобнымъ обязательствомъ; 17) учащійся поступити къ тому магистру, коего ученикомъ онъ былъ приже своего поступленія (ante inceptio-nem) по крайней мѣрѣ въ теченіе одного мѣсяца; 18) настоящее распоряженіе должно быть прочтано публично въ студіи каждаго магистра и нынѣ лекціи не должны быть посѣщаемы, если предварительно не будетъ прочтено во всеуслышаніе все настоящее распоряженіе въ собраніи и присутствіи магистровъ и учениковъ; равнымъ образомъ, приступающій къ чтенію лекцій (incepturus) не ранѣе можетъ считаться магистромъ, какъ присягнетъ на св. Евангеліи въ соблюденіи всѣхъ пунктовъ статута; 19) инструкціи эти рассматриваются въ трехъ экземплярахъ епископу Магелонскому, пріору церкви св. Фирмина и канцлеру университета, такъ что при всякомъ требованіи со стороны канцлера, старѣйшаго магистра, университета учениковъ,

университета магистровъ или двухъ магистровъ лицо, къ которому обращено требованіе, безъ замедленія давало бы снять установленную копию съ имѣющагося у него экземпляра, послѣ чего получившій копию возвращаетъ оригиналъ; 20) въ случаѣ противорѣчія или противодѣйствія этому или этимъ постановленіямъ, преступившій ихъ съ безразсудной дерзостью, съ позволенія Божія и кардинальскаго, подвергается анаемѣ и отлучается отъ ложа св. церкви; хранящю же неприкосновеннымъ настояще распоряженію удаляются вѣчнаго и кардинальскаго благословенія...

Къ этому основному статуту въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ по мѣрѣ чувствовавшейся надобности дѣлались различныя добавленія и разъясненія. Такъ, въ іюнь 1290 г. Людовикъ IX издалъ формулу присяги для ищущихъ степени лиценціата или доктора каноническаго права¹⁾. Впрочемъ, такая же формула присяги существовала и для учениковъ медицинскаго факультета.

Какъ во всякомъ уставѣ, въ положеніяхъ, изданныхъ Конрадомъ, съ теченіемъ времени нѣкоторые пункты оказались неудобными и стѣснительными, и практика жизни нашла способы обходить ихъ. Въ виду частыхъ нарушеній правилъ, епископъ Соранскій Гвидо въ буллѣ отъ 15-го іюня 1239 г.²⁾ счелъ нужнымъ напомнить о существованіи изданныхъ ранѣ постановленій Конрада и особенно подчеркнуть необходимость строгихъ испытаній для ищущихъ права практики врачей: „вслѣдствіе того, что часто благодаря неопытности врачей, которые, не зная способовъ лѣченія (*curacionum causas*) по винѣ слишкомъ поспѣшнаго изученія искусства лѣченія, присвоили себѣ право практики (*exercitium practicanđi*), тѣмъ самымъ во многихъ случаяхъ, гдѣ есть надежда на жизнь, причиняется совершенно противоположное, мы постановляемъ и настоящимъ письмомъ объявляемъ, чтобы никто впредь не присваивалъ себѣ права практики, но будучи предварительно проэкзаменованъ двумя магистрами, которыхъ выберетъ епископъ Магелонскій изъ коллегій магистровъ; послѣ же того, какъ бѣе лицо будетъ проэкзаменовано, въ случаѣ если оно окажется удовлетворяющимъ надлежащимъ требованіямъ, ему будетъ выдана грамота упомянутымъ епископомъ и докторами, его экзаменовавшими, въ силу свидѣтельства которой ему разрѣшается право практики. Исключаются изъ этого хирурги, которыхъ мы не считаемъ нужнымъ подвергать указанному

¹⁾ Les Statuts etc., p. 6, № 883.

²⁾ Тамъ же, p. 6, № 884.

экзамену“. Нарушителю угрожалo проклятіе и отлученіе. По всей вѣроятности, именно вслѣдствіе этого предписанія неукоснительно слѣдовать правиламъ устава уже въ январѣ 1240 года возникли недоразумѣнія между канцлеромъ и нѣкоторыми магистрами медицинскаго факультета, дававшими различное толкованіе нѣкоторымъ пунктамъ дѣйствующаго устава, касавшимся устройства лекцій¹⁾. Споръ былъ перенесенъ въ высшую инстанцію—на усмотрѣніе епископа Магелонскаго Іоанна. Съ его разрѣшенія, по обоюдному согласію спорившихъ сторонъ, дѣло было передано на третейскій судъ пріору церкви св. Фирмина Петру de Conchis и брату ордена Миноритовъ Гуго Mancii. Спорящимъ было предписано *quod quidquid... super eisdem statutis diffinirent tenendum vel ducerent corrigendum, mutandum, ipsi addendum et ab eisdem diminuendum, penitus observarent*. Указанныя лица, внимательно разсмотрѣвъ уставъ и выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, по совѣщаніи между собою созвали совѣтъ профессоровъ медицинскаго факультета и сообщая съ ними прочли и обсудили уставъ и доводы обѣихъ сторонъ; затѣмъ, когда была принесена присяга хранить ненарушимо все, что будетъ издано созванной комиссіей, съ согласія учащихся медицинскаго факультета (*scolaribus eiusdem professionis assensum praebentibus*) былъ прочтенъ новый уставъ, замѣнившій статутъ епископа Конрада и его дополненіе 1239 г., но сохранявшій въ силѣ и подтверждавшій всѣ другія существующія положенія и привилегіи²⁾. Новый уставъ содержалъ 23 параграфа, по которымъ: 1) никто изъ магистровъ не имѣлъ права представлять къ соисканію степени лиценціата бакалавра, если послѣдній не прочелъ курсорно въ студіи одного изъ ординарныхъ профессоровъ одной оригинальной книги по теоріи и другой по практикѣ; 2) всякій магистръ имѣетъ право представить къ соисканію таковой степени бакалавра, коего онъ по совѣсти своей считаетъ достойнымъ прочесть тотъ или иной курсъ въ его студіи. Прочтеніе такого курса даетъ ему право на представленіе; 3) равнымъ образомъ, никто изъ магистровъ не дол-

¹⁾ *Les Statuts etc.*, p. 7; № 885: *Cum controversia verteretur... super quibusdam statutis, que facta fuerunt ad studii eorumdem ordinacionem; nam quedam pars statuta illa penitus observari, quedam vero pro parte maxima irrita iri voluerat etc.*

²⁾ Выраженіе *omnibus aliis statutis que ante illud tempus fuerant facta infirmatis* заставляетъ предполагать, что еще ранѣе устава еп. Конрада существовали письменныя правила, коими правленіе университета руководилось до изданія статута 1220 г. Уставъ Конрада, повидимому, совершенно отменяетъ эти старыя положенія, сложившіяся, быть можетъ, путемъ обычая, а не законодательства.

женъ представлять бакалавра, который не слушалъ лекцій по своему предмету въ Монпелье или другомъ извѣстномъ университетѣ (*in alio loco famoso*) по крайней мѣрѣ въ теченіе 3¹/₂ лѣтъ, развѣ только если: представляемый имѣетъ уже степень магистра словесныхъ наукъ Парижскаго или другого извѣстнаго университета; въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ право быть представленнымъ черезъ 2¹/₂ года; 4) равнымъ образомъ, никто изъ магистровъ не долженъ представлять бакалавра, который не практиковалъ внѣ города Монпелье въ теченіе ¹/₂ года; подъ этимъ подразумѣвается срокъ сверхъ вышеуказанныхъ лѣтъ; 5) равнымъ образомъ, слѣдуетъ имѣть довѣріе къ бакалавру относительно § 3-го согласно его присягѣ, если только при этомъ онъ имѣетъ какое-либо правоспособное лицо, которое путемъ совместной присяги удостовѣритъ истинность его показаній касательно пункта третьяго; 6) равнымъ образомъ, всякій рекомендованный магистромъ бакалавръ долженъ посѣщать студіи всѣхъ магистровъ или большей части ихъ и принимать участіе въ ихъ диспутахъ, дабы такимъ образомъ магистры могли имѣть сужденіе о его познаніяхъ; 7) никто изъ магистровъ не долженъ препятствовать или мѣшать такому лицу дѣлать возраженія въ его студіи. Если бы случайно кто-либо изъ магистровъ и сдѣлалъ это, тѣмъ не менѣе бакалавръ, приготовившійся къ возраженіямъ, можетъ и долженъ быть представленъ, если ранѣе онъ получалъ на то разрѣшеніе; 8) равнымъ образомъ, никто изъ магистровъ не долженъ препятствовать чьей бы то ни было промоціи, если данное лицо кажется ему достойнымъ; 9) равнымъ образомъ, никто изъ магистровъ не можетъ въ теченіе какого бы то ни было времени читать въ студіяхъ курсорно, а лишь одни бакалавры; 10) равнымъ образомъ, всѣ оцѣнки и переоцѣнки экзаменаторы должны производить добросовѣстно, такъ чтобы признавать отвѣтъ экзаменующагося удовлетворительнымъ или неудовлетворительнымъ, воздерживаясь отъ всякаго сравненія съ кѣмъ бы то ни было; 11) равнымъ образомъ, всѣ отэкзаменовавшіеся и одобренные должны публично присягнуть въ томъ, что они приступаютъ къ чтенію (*se esse incerturos*), прежде чѣмъ покинуть университетъ; 12) равнымъ образомъ, прежде начала чтенія они должны присягнуть въ томъ, что будутъ читать въ теченіе двухъ лѣтъ, если только не получаютъ особаго разрѣшенія (*licenciam dimittendi*) отъ епископа Магелонскаго или его викарія; 13) равнымъ образомъ, они должны присягнуть въ томъ, что не примутъ никакого большого острого болѣзью, развѣ только онъ покажетъ себя священнику (*sacerdoti*), не найдеть ли тотъ поступленіе его возможнымъ (*si*

possibile sit); 14) равнымъ образомъ, они должны присягнутьъ въ томъ, что не будутъ принимать никакихъ проказенныхъ въ Монпелье на свое попеченіе сверхъ 8-ми дней и то между двумя водами, т. е. между Ланомъ и Амаузионимъ, развѣ только съ разрѣшенія королевской палаты (*curia regis*), если проказенный окажется на землѣ короля, или съ разрѣшенія епископской куріи, если онъ окажется на землѣ епископа; 15) равнымъ образомъ, они присягаютъ въ томъ, что не станутъ открывать тайны университета, если не будетъ сказано, что эти тайны могутъ быть открыты; 16) равнымъ образомъ, они присягаютъ въ томъ, что не станутъ давать или обѣщать никому изъ альбергаріевъ (*albergarii*) ни лично, ни черезъ другихъ лицъ за одно лѣченіе (*pro una cura*) болѣе пяти су (*solidi*); 17) равнымъ образомъ, они присягаютъ въ томъ, что если увидятъ опасность, угрожающую университету или кому-либо изъ университета магистровъ, то отвратятъ ее или по крайней мѣрѣ предупредятъ послѣднихъ; 18) равнымъ образомъ, они присягаютъ въ томъ, что будутъ въ назначенный часъ являться на собранія (*congregaciones*), созываемыя *per fidem*, если только не будутъ имѣть законной причины, извиняющей ихъ передъ университетомъ; 19) равнымъ образомъ, присягаютъ въ томъ, что будутъ хранить постановленія университета; 20) равнымъ образомъ, всякій магистръ можетъ созывать собранія, кромѣ тѣхъ, которыя созываются *per fidem* и только однимъ канцлеромъ; 21) равнымъ образомъ, кто впредь будетъ избранъ въ канцлеры, присягаетъ въ присутствіи господина епископа Магелонскаго и университета магистровъ и учениковъ въ томъ, что всѣмъ, т. е. магистрамъ, ученикамъ и другимъ жалующимся, будетъ производить судъ добросовѣстно во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, и не будетъ ни къ кому относиться пристрастно, побуждаемый любовью, ненавистью, просьбами или платой. Также присягаетъ онъ въ томъ, что добросовѣстно сохранить въ неприкосновенности постановленія университета для тѣхъ, кто послѣдуетъ за нимъ; 22) равнымъ образомъ, каждый магистръ или ученикъ, имѣющій какую-либо собственную книгу по медицинѣ, которой просящій не имѣетъ или не можетъ найти въ продажѣ по подходящей цѣнѣ (*iusto precio venalem*), обяванъ одолжить ее первому просящему, а тотъ, кому она будетъ одолжена, послѣдовательно передаетъ ее первому просящему, пока не будетъ пріобрѣтена другая книга. Однако, тотъ, кто проситъ книгу, долженъ удовлетворить имѣющаго ее магистра или ученика вмѣсто подлежащей возвращенію книги соотвѣтствующимъ залогомъ или поручительствомъ въ томъ, что сохранить

книгу въ цѣлости; 23) кромѣ того, названный пріоръ и братъ Гуго объявили, что, если въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ, ими вслухъ прочтенныхъ, какое-либо слово покажется сомнительнымъ или темнымъ, или что-либо покажется подлежащимъ распространенію, измѣненію или изъятію, то магистры обязаны прибѣгнуть къ этому пріору и брату Гуго въ теченіе восьми дней со дня прочтенія относительно этого сомнѣнія или неясности и т. п.,—и все, что ни будетъ ими объявлено, магистры обязаны впредь хранить нерушимо. (Слусть десять дней ¹⁾), 24-го февраля, очевидно, вслѣдствіе запросовъ со стороны правленія университета, согласно послѣднему параграфу новаго устава, были добавлены еще три пункта: 1) никто изъ магистровъ не долженъ представлять бакалавра, котораго старшій магистръ (*magister in officio*) считаетъ недостойнымъ; 2) равнымъ образомъ, всякій магистръ обязанъ присутствовать при началѣ лекціи (*interesse principio*) бакалавра, предварительно проэкзаменованнаго и одобреннаго епископомъ Магелонскимъ и выбранными имъ магистрами, согласно формъ привилегіи, если не имѣетъ законной причины, по которой можетъ извиниться передъ приступающимъ къ чтенію (*incepturo*); 3) равнымъ образомъ, никакое собраніе не совершается *per fidem*, если не имѣетъ въ виду пользы университета.

Черезъ два года, 27-го марта 1242 г., получилъ свой статутъ и словесный факультетъ ²⁾. Между тѣмъ, число студентовъ росло, и этого постояннаго прироста слушателей заставляя папу и епископовъ принимать различныя мѣры къ улучшенію быта студентовъ; учреждались общежитія ³⁾; издавались уставы для другихъ факультетовъ ⁴⁾, а студентамъ богословскаго факультета было даже дано разрѣшеніе принимать участіе въ отправленіи нѣкоторыхъ требъ ⁵⁾. Въ то же время въ уставѣ медицинскаго факультета открывались все большіе и большіе пробѣлы. Послѣ того, какъ уставъ 1240 года замѣнилъ собою уставъ епископа Конрада, въ нему, какъ мы видѣли, дважды были сдѣланы необходимыя добавленія; однако, съ точеніемъ времени при новыхъ комбинаціяхъ житейскихъ случайностей являлись и новые вопросы, не предусматривавшіеся уставами 1240 и 1242 годовъ, но разрѣшавшіеся прежнимъ уставомъ 1220 года. Въ виду этого, папа Але-

¹⁾ Les Statuts etc. № 885, p. 8.

²⁾ Les Statuts, p. 9, № 886.

³⁾ Тамъ же, №№ 887, 888, 892, 893, 897.

⁴⁾ Тамъ же, № 886.

⁵⁾ Тамъ же, № 889.

ксандръ IV буллою отъ 28-го февраля 1258-года ¹⁾ вернулъ силу нѣкоторымъ пунктамъ послѣдняго, *pro ut sunt salubria et honesta*. Главнымъ образомъ, подтверждались правила, касавшіяся производства испытаній *bona fide* на степень магистра *et quedam alia honesta statuta*. Несмотря, однако, на всѣ старанія администраціи, сплошь да рядомъ случалось, какъ послѣ оказывалось, что нѣ къ чтенію лекцій допускались лица, вовсе не подготовленные къ научной дѣятельности. Уже изъ постоянныхъ повтореній въ уставахъ предшествующихъ лѣтъ требованія строгаго испытанія бакалавровъ, испущихъ магистерской стощи, видно, что эти испытанія зачастую производились спустя рукава. Въ сертификатѣ, выданномъ 2-го іюня 1260 года канцлеромъ медицинскаго факультета Петромъ Гвазаньеромъ, старшимъ магистромъ Берягардомъ Калькаделли и ректоромъ церкви de Vallesensensі Іоганномъ de Bonpens магистру Вильгельму Ротберти, наглядно и картинно указываются такого рода упущенія со стороны экзаменаціонной комиссіи. „Хотя уже издавна и съ разныхъ сторонъ міра прибывали въ Монпелье, какъ къ источнику и трапезѣ (*sepe*) медицинскаго знанія, многія лица и ежедневно прибываютъ ради ученія, случалось иногда, что нѣкоторые, тщаась свѣтью и рѣшетомъ черпать воды знанія и закрытыми устами принимать пищу освѣженія, уносили едва крошку отрывковъ или каплю какую-нибудь, однако брали на себя подавать другимъ питье и пищу, ибо, пропустивъ узлы и вервія вопросовъ и глубокія пучины ученій (*sentenciarum*), перешагнувъ поверхностно черезъ ревностный смыслъ буквы, претендовали вознестись надъ зеркаломъ учительства и преподнестъ себя предпочтительно невѣдомой (имѣ) обязанности врачеванія. Вслѣдствіе сего, зачастую они же, падая стремглавъ, точно слѣпые, и другихъ несвѣдущихъ въ практикѣ и наукѣ увлекали за собой. Но рѣчь ихъ и дѣла, которыя слѣдовали, показывали къ ихъ собственному и другихъ магистровъ стыду вѣроломство ихъ искусства, похищеніе знанія (*studii*) и опасность для многихъ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыми досточтимыми отцами и господами, бывшими нѣкогда легатами св. апостольскаго престола, и нѣкоторыми епископами магелонскими были выпущены многочисленныя постановленія, между которыми по предусмотрительному совѣщанію было твердо установлено то, чтобы никто не смѣлъ практиковать, не будучи предварительно проэкзаменованъ двумя магистрами, избранными господиномъ епископомъ Магелонскимъ изъ кол-

¹⁾ Тамъ же, р. 10 сл., № 890.

леги магистровъ, при чемъ этому лицу, въ случаѣ если оно будетъ найдено удовлетворяющимъ сему требованію, самимъ господиномъ епископомъ и экзаменаторами выдавалась грамота, по свидѣтельству которой разрѣшается ему практика“ и т. д. ¹⁾).

Между тѣмъ злоупотребленія не прекращались. Педоучившіеся студенты и разнаго рода шарлатаны пользовались невѣжествомъ населенія и безнаказанно продолжали подъ видомъ лѣченія эксплуатировать и морить народъ. Отлученіе отъ церкви и преданіе анаемъ не особенно страшили ихъ, тѣмъ болѣе; что среди этихъ лицъ немало было евреевъ. Наконецъ, король Яковъ I Арагонскій эдиктомъ отъ 20-го іюля 1272 года еще разъ напомнилъ о необходимости строгаго отношенія къ экзаменуемымъ и надзора за лицами, не имѣющими установленнаго диплома, такъ какъ благодаря послѣднимъ non solum fama ejusdem studii denigratur, sed et [iam] multa incumbunt mortis pericula et rerum dispendia inferuntur“. „И вслѣдствіе сего“, продолжаетъ эдиктъ, „отъ лица самихъ себя и нашихъ наслѣдниковъ, будущихъ владѣтелей Монпелье, запрещаемъ навсегда и со всей строгостью всѣмъ лицамъ обоюбого пола, христіанамъ и іудеямъ, дабы никто не имѣлъ исправлять при медицинскомъ факультетѣ какую-либо врачебную должность въ городѣ Монпелье и во всемъ его округѣ, не будучи предварительно тамъ проэкзаменованъ и удостоенъ степеніи лиценціата. Если же случится, что кто-либо осмѣлился на это, то мы со всей строгостью поручаемъ и приказываемъ нашему представителю и другимъ нашимъ балъи, настоящимъ и будущимъ, по простому требованію канцлера указаннаго заведенія или исправляющаго его должность, подвергать личному и имущественному взысканію такого рода нарушителей, такъ чтобы наказаніемъ одного обуздывалась дерзость на подобные поступки со стороны прочихъ“ ²⁾).

Постоянныя требованія власть имѣющихъ лицъ дипломовъ и экзаменовки врачей наводятъ на мысль, что въ рукахъ многихъ шарлатановъ, являвшихся яко бы изъ другихъ университетовъ, находились подложные документы. Поэтому, вѣроятно, и состоялось постановленіе совѣта допускать къ чтенію лекцій лицъ, сдавшихъ экзаменъ лишь при мѣстномъ университетѣ. Исключеніе дѣлалось только въ пользу университета Болонскаго ³⁾). Какой славы достигъ университетъ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 11, № 891.

²⁾ Ibid., № 896, p. 14.

³⁾ Ibid., № 895 (10 іюля 1268 г.), p. 13.

это время даже за границей, показываетъ ставшій съ начала XIII вѣка общимъ въ окрестностяхъ Кельна обычай посылать молодыхъ людей для довершенія ихъ образованія не только въ Парижъ и Орлеанъ, но даже въ Монпелье ¹⁾. Однако, нарушенія устава продолжались и отъ времени до времени вызывали новыя распоряженія и подтвержденія старыхъ правилъ какъ со стороны новаго короля Якова II, такъ и со стороны канцеляріи епископа Магелонскаго ²⁾. Съ другой стороны, и сама епископская канцелярія неоднократно нарушала статутъ университета, чѣмъ были вызваны обостренныя отношенія между обоими учрежденіями ³⁾, прекращенныя, повидимому, буллой папы Николая IV, въ силу которой экзаменовалъ или самъ епископъ, или же за отсутствіемъ его одинъ изъ трехъ архидіаконовъ діоцезы ⁴⁾. Этой буллой регулируется: и самый порядокъ производства испытаній судять уже не только о познаніяхъ магистранта, но de scientia, facundia, modo legendi et aliis que in promovendis ad doctoratus officium requiruntur.

Пересмотръ правилъ объ экзаменахъ не ограничивается въ это время медицинскимъ факультетомъ, а распространяется и на юридическій, какъ это видно изъ письма епископа Магелонскаго отъ 10-го октября 1291 года ⁵⁾, а въ слѣдующемъ году впервые упоминается степень доктора въ смыслѣ степени высшей, нежели магистерская ⁶⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1309 г., къ существовавшему ранѣе уставу сдѣлано было новое добавленіе, касавшееся уже самыхъ предметовъ лекцій. По просьбѣ совѣта магистровъ медицинскаго факультета папа Климентъ V издалъ буллу, въ которой, между прочимъ, говорилось: бакалавры медицинскаго факультета, имѣющіе быть промовированными въ этой же студиі въ степень магистра, обязаны имѣть во время такого рода промоціи слѣдующія комментированныя медицинскія сочи-

¹⁾ Raoul Chérad, La civilisation française dans le développement de l'Allemagne, Paris 1900, p. 280.

²⁾ Les Statuts etc., № 898, 899, 901.

³⁾ Ibid., № 898, 901, 902.

⁴⁾ Ibid., № 903.

⁵⁾ Ibid., № 905, у Фурнье ошибочно поставленъ 1292 годъ.

⁶⁾ Ibid., № 906, p. 20. Хотя промовированій магистръ Фрежоль тоже doctor en Leuz, докторъ правъ, однако вѣроятно, что въ этомъ случаѣ „докторъ“ употреблено въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось ранѣе; да и позже еще долго оно сохраняло значеніе, общее со словомъ „магистръ“, какъ видно изъ статута 1339 года.

ненія: I. Галена 1) De complexionibus ¹⁾, 2) De malicia complexionis diverse ²⁾, 3) De simplici medicina ³⁾, 4) De morbo et accidenti ⁴⁾, 5) De crisi et criticis diebus ⁵⁾, 6) De ingenio sanitatis ⁶⁾; II. Авиценны ⁷⁾ или вмѣсто него сочиненія Разесса ⁸⁾, Константина и Псаака; кромѣ того, или обязаны прочесть двѣ комментированныхъ и одну не комментированную книги—именно Tegni ⁹⁾ и Pronosticorum ¹⁰⁾, или Aphorismorum Hippocratis (последнихъ по крайней мѣрѣ пять отдѣловъ), Regimenti ¹¹⁾ и Иоанниція ¹²⁾, или же Febrium того же Псаака или Antidotarii ¹³⁾, или книги De morbo et accidenti ¹⁴⁾ и De ingenio sanitatis (последняго сочиненія по крайней мѣрѣ 8 отдѣловъ) ¹⁵⁾ и по крайней мѣрѣ одинъ разъ отвѣтить на вопросы, дѣлаемые имъ кѣмъ-либо изъ магистровъ, читающихъ публично въ школахъ этого факультета, изложить содержаніе лекцій и разрѣшить запутанныя мѣста. Равнымъ образомъ, если они являются признанными магистрами искусствъ, то должны прослушать въ извѣстныхъ мѣстахъ курсъ медицины въ теченіе пяти лѣтъ, въ иномъ случаѣ въ теченіе шести лѣтъ, за каждый годъ считая по крайней мѣрѣ 8 мѣсяцевъ; равнымъ образомъ, въ подобныхъ же мѣстахъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ или двухъ лѣтнихъ вакацій (duas estates) должны заниматься практикой той же отрасли медицины. Тѣмъ не менѣе, во время указанной промоціи на упомянутую степень магистра они должны прочесть двѣ лекціи—одну по теоріи, другую по практикѣ, въ присутствіи магистровъ, собравшихся по приглашенію

¹⁾ Περὶ κράσεων βιβλία γ'.

²⁾ Περὶ ἀνομιάλου δυσκράσιος.

³⁾ Περὶ κράσεως καὶ δυνάμεως τῶν ἀπλῶν φαρμάκων βιβλία ια'.

⁴⁾ Περὶ συμπτωμάτων διαφορᾶς βιβλία γ'.

⁵⁾ Περὶ κρίσεων ἡμερῶν βιβλία γ' ἢ περὶ κρίσεων βιβλία γ'.

⁶⁾ Ὑγιῶν λόγος ζ'.

⁷⁾ Преимущественно его Канонъ.

⁸⁾ Преимущественно ei Nagoi.

⁹⁾ Τέχνη ἰατρικὴ Галена въ 14 трактатахъ.

¹⁰⁾ Комментарій Галена къ одноименному сочиненію Гиппократа.

¹¹⁾ Комментарій Галена къ de victu salubri и de victu in acutis Гиппократа.

¹²⁾ Isagoge ad artem parvam Galeni.

¹³⁾ Antidotarium Nicolai Praepositi, переданный Николаемъ изъ Монпелье подъ названіемъ „фармакопен университета Монпелье“. См. ниже.

¹⁴⁾ См. выше.

¹⁵⁾ Какимъ образомъ въ ὑγιῶν λόγος насчитывалось восемь частей, не знаю. Едва-ли также вмѣстѣ здѣсь въ виду какое-либо другое сочиненіе Галена или одноименное сочиненіе другого автора.

канцлера вышеназваннаго учрежденія или исправляющаго его должность, въ церкви св. Маріи de Tabulis или св. Фирмина указаннаго мѣстечка Монпелье, въ вечерніе часы, по обычаю, и должны отвѣчать на отдѣльныя дѣлаемые имъ магистрами по поводу этихъ лекцій вопросы, соблюдая, однако, при этомъ должную скромность и порядокъ, такъ чтобы магистры черезъ ихъ лекціи, отвѣты и такого же рода разрѣшеніе (запутанныхъ мѣстъ) могли испытать ихъ знаніе и т. п. ¹⁾ Съ этого же времени было внесено новое требованіе для избранія канцлера медицинскаго факультета. До 1309 года канцлеръ избирался согласно § 3 устава Конрада епископомъ Магелонскимъ, старшимъ изъ магистровъ и еще двумя профессорами, но при такомъ избраніи нерѣдко происходили злоупотребленія со стороны канцелярии, входившей въ сдѣлку съ лицами, вовсе недостойными высокаго поста канцлера факультета, и представлявшей ихъ въ качествѣ кандидатовъ. Вслѣдствіе этого, по прошенію Арнальда де Виллаювы, Іоанна де Алесто и нѣкоторыхъ другихъ магистровъ, папа Климентъ V буллой отъ того же 8-го сентября постановилъ, какъ необходимое условіе законности избранія, согласіе двухъ третей состава профессоровъ факультета. Въ противномъ случаѣ избраніе считалось не состоявшимся. Точно также ограничивались права епископа и комисіи и въ отношеніи признанія за кѣмъ-либо права чтенія лекцій ²⁾; другой буллой отъ того же числа епископу Магелонскому рекомендовалось при удостоеніи кандидата степени магистра сообразоваться съ согласіемъ двухъ третей голосовъ совѣта профессоровъ ³⁾, а съ 1313 года были точно опредѣлены и сроки экзаменовъ. По постановленію совѣта ⁴⁾ университетскаго, было рѣшено 1) впредь ни одного бакалавра медицинскаго факультета не допускать ни къ какому экзамену въ промежутокъ времени отъ праздника Пятидесятницы до праздника св. Луки (18-го октября). Поэтому, если кто-либо изъ бакалавровъ былъ проэкзаменованъ и одобренъ, какъ требуетъ обычай, въ теченіе времени отъ 18-го октября до праздника Пятидесятницы, то ему не запрещается пристуать къ чтенію въ остальное время, т. е. даже между Пятидесятницей и днемъ св. Луки, какъ и ригію это дѣлалось; 2) равнымъ образомъ, при вступленіи новыхъ магистровъ,

¹⁾ Les Statuts etc. № 910, p. 21.

²⁾ Ibid., p. 22, № 911.

³⁾ Ibid., p. 23, № 912.

⁴⁾ Ibid., p. 23, № 914.

когда въ церкви св. Фирмина, гдѣ по обычаю новые магистры медицины удостоиваются высокой степени, соберутся болѣе 6 магистровъ, то отвѣчаютъ не болѣе двухъ изъ нихъ, такъ что при производствѣ перваго магистерія отвѣчаютъ два старшихъ магистра перваго магистерія и такъ далѣе, пока всѣ и каждый не сдѣлаютъ по-очереди своихъ возраженій. Этимъ имѣется въ виду выдвинуть на почетное мѣсто болѣе заслуженныхъ профессоровъ; 3) равнымъ образомъ, тому магистру, при которомъ промовируется новый магистръ, не разрѣшается никакимъ образомъ вновь требовать отвѣта на вопросъ во всей смѣнѣ (*revolucio*) отвѣтовъ магистровъ, дѣлаемыхъ въ определенномъ порядкѣ, если отвѣтъ долженъ былъ быть данъ въ той очереди, въ которой онъ промовируетъ новаго магистра. Если же при этомъ вступленіи присутствуютъ только 6 магистровъ, то вступленіе совершается, какъ было принято до сихъ поръ, въ упомянутой церкви, именно такъ, что половина магистровъ, т. е. трое изъ нихъ, нападаютъ и другіе трое возражаютъ, считая при этомъ въ томъ же числѣ шести и новаго магистра ¹⁾. Кромѣ того, допускались къ защитѣ только лица, происходившія отъ законнаго брака. Незаконнорожденные допускались лишь въ крайнихъ случаяхъ, если, наиримѣръ, по недостатку магистровъ заведенію угрожало паденіе, или же съ особаго разрѣшенія высшаго духовнаго начальства ²⁾. На основаніи послѣдняго постановленія, два года спустя, возникъ процессъ, заключавшійся въ томъ, что университетъ преслѣдовалъ нѣкоего Понцій изъ Люнеля, незаконнорожденнаго, бывшаго студента университета Монпелье и тамошняго уроженца, за его попытку практиковать въ этомъ городѣ. По давнишнему постановленію совѣта отъ 10-го іюля 1268 года дипломы другихъ университетовъ, кромѣ Болонскаго, не признавались; между тѣмъ Понцій представилъ дипломъ Авиньонскаго университета, гдѣ, несмотря на его незаконнорожденность, благодаря которой ему было отказано въ правѣ держать экзаменъ при университетѣ Монпелье, онъ былъ допущенъ къ испытанію и удостоенъ степени магистра. Процессъ длился 15 лѣтъ и закончился лишь 1-го апрѣля 1330 года посланіемъ папы Іоанна XXII, къ которому Понцій неоднократно обращался и посылалъ цѣлыя *petitionis series* ³⁾. Этимъ посланіемъ его притязаніямъ было дано полное удовлетвореніе. Въ связи съ

¹⁾ Ibid., № 914, p. 24.

²⁾ Ibid., № 915, p. 25.

³⁾ Ibid., № 937, p. 36 sq.

этимъ процессомъ стоитъ, повидимому, напоминаніе короля Санхо, подтверждающее прежнія привилегіи Якова I и II и устанавливающее для нарушителей правилъ о практикѣ штрафъ въ 2 марки или личное задержаніе. Однородное дѣло возникло въ 1319 году. Оно было поднято противъ бакалавра Іоанна Лодовы, который, по выраженію жалобы совѣта, „вопреки присягѣ своей практиковалъ и пытался практиковать въ городѣ Монпелье, похищая прибыль у магистровъ, прилагая серпъ свой къ чужой жатвѣ“. Вообще въ это время замѣчаются въ актахъ непримиримыя стороны нравственности ученыхъ—сосѣдство Авиньона сказалося въ Монпелье рядомъ скандальныхъ процессовъ, каковыми, напримеръ, является дѣло объ избіеніи магистра правъ Іоцелина де Кассаньи и четырехъ клерковъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи епископа Мадонского въ сообществѣ съ другими чиновниками ¹⁾). Далѣе доктора юридическаго факультета за участіе въ промоціяхъ стали брать взятки съ магистрантовъ и не допускали къ промоціямъ лицъ, не заплатившихъ имъ извѣтнаго оброка, ссылаясь на какой-то параграфъ устава, „параграфъ же этотъ вытекаетъ изъ корня жадности“. Дѣло дошло до того, что пана Іоаннъ XXII счелъ, наконецъ, нужнымъ прекратить подобныя вымогательства особымъ посланіемъ ректору университета ²⁾). Съ другой стороны, сами студенты въ это время отличаются буйствомъ и постоянными ссорами и дуэлями, образуютъ тайныя общества и корпораціи „in subversionem studii memorati“, вопреки всякимъ предписаніямъ носить оружіе, днемъ и ночью, тайно и открыто, нападаютъ на дома другихъ и самый университетъ побуждаютъ къ несогласіямъ и раздорамъ, поднимая многочисленныя скандалы вслѣдствіе того, что уроженцы одной провинціи враждуютъ противъ уроженцевъ другой ³⁾). Наконецъ, два магистра медицины, недовольные канцлеромъ и исправляющимъ его должность, изругали ихъ въ присутствіи постороннихъ и помимо другихъ нарушеній устава избили еще одного изъ своихъ коллегъ ⁴⁾). Таково было нравственное состояніе университета въ первой половинѣ XIV вѣка.

Прежде, чѣмъ подвести итогъ сказанному, остановимся еще на порядкахъ университетской жизни, которая въ значительной степени оставалась еще жизнью монашеской. Лекціи начинались около 1-го

¹⁾ Ibid., № 918, 918b.

²⁾ Ibid., № 922.

³⁾ Ibid., № 923.

⁴⁾ Ibid., № 924.

октября. 29-го сентября происходило засѣданіе совѣта pro ordinatione lecture ¹⁾, 30-го произносилась проповѣдь въ коллегіи св. Венедикта; на слѣдующій день объявлялись имена докторовъ, предполагавшихъ читать въ предстоящемъ году. 2-го октября являлись къ главному педелю экстраординарные профессора, желавшіе быть допущенными къ чтенію лекцій, и заносили свои имена въ списки. Педель еще 30-го сентября обходилъ всѣхъ докторовъ и справлялся, будутъ ли они читать въ предстоящемъ году или нѣтъ. Результаты онъ сообщалъ въ университетъ. 4-го октября, въ день св. Франциска, произносилась проповѣдь (Sermo Fratrum Minorum) и на слѣдующій день, вѣроятно, начинались лекціи. 18-го октября, въ день св. Луки, произносилась проповѣдь въ церкви Миноритовъ; объ этой проповѣди главный педель объявлялъ по аудиторіямъ. На слѣдующій день in ecclesia Praedicatorum пѣлась торжественная месса, въ которой принимали участіе ректоръ, викарій епископа, нобили, доктора, лиценціаты. При богослуженіи обязаны были присутствовать и всѣ студенты. На слѣдующій день, 20-го октября, лекцій не было. Начиная съ праздника св. Луки вплоть до Пасхи, по воскресеньямъ произносились проповѣди въ церкви Praedicatorum. 27-го октября служилась всенощная, а 28-го, въ день апостоловъ Симона и Иуды, произносилась проповѣдь въ церкви Миноритовъ, равно какъ и въ день всѣхъ святыхъ (1-го ноября) и въ день еп. Мартина (11-го ноября). 14-го ноября, въ день еп. Руфа, происходила торжественная месса съ проповѣдью въ коллегіи св. Руфа въ присутствіи ректора и всего университета; главный педель, по требованію начальствующихъ лицъ коллегіи, объявлялъ заранѣе о предстоящей службѣ; точно также, если этого требовали братья ордена Миноритовъ, онъ былъ обязанъ объявлять по аудиторіямъ еще съ утра о проповѣди въ Екатерининъ день, произносившейся въ церкви упомянутаго ордена. 30-го ноября отправлялось всенощное бдѣніе и произносилась проповѣдь въ церкви ордена Миноритовъ, о которой, какъ и выше, въ случаѣ надобности возвѣщалось по аудиторіямъ главнымъ педелемъ. 6-го и 8-го декабря въ дни еп. Николая и зачатія Богородицы снова возвѣщалась педелемъ проповѣдь въ той же церкви. 19-го декабря праздновалась память папы Урбана IV-го, основателя коллегіи св. Венедикта и Германа, о чемъ вновь возвѣщалось педелемъ въ университетѣ. 21-го и 24-го декабря отправлялось всенощное бдѣніе. Съ 24-го числа этого мѣсяца начинались рождественскія

¹⁾ Ibid., № 947. Ann. 1, p. 47.

вакаціи, длившіяся до 6-го января включительно. Черезъ недѣлю, 13-го января, въ день блаженной памяти св. Иларія, въ церкви Praedicatorum отправлялась торжественная месса о почившихъ (*missa defunctorum*) въ присутствіи и при участіи викарія епископа, нобилей, старшинъ (*maiores*). Если это число падало на воскресенье, то служба справлялась въ слѣдующій ближайшій праздникъ. 21-го января, въ день св. мучениковъ Фабіана и Севастіана, происходила торжественная процессія, въ которой принимали участіе какъ студенты, такъ и профессора университета. За процессіей слѣдовала месса и проповѣдь. 25-го, въ день обращенія св. Павла, по обычаю произносилась проповѣдь въ церкви братьевъ-миноритовъ, о которой возвѣщалось неделемъ. 1-го февраля происходило оглашеніе новозбраннаго ректора. 12-го февраля, въ память св. мученицы Евлазіи, лекцій не было, но не было, кажется, и обязательнаго богослуженія. Слѣдующій праздникъ приходился на 21-го марта (день св. Венедикта), когда произносилась проповѣдь въ коллегіи св. Венедикта. Со среды на Страстной недѣлѣ вплоть до слѣдующей среды на Пасхальной недѣлѣ (включительно) лекціи не читались.

Въ Страстной четвергъ послѣ завтрака произносилась проповѣдь въ соборѣ августинскаго ордена, на которой присутствовалъ весь университетъ съ ректоромъ во главѣ. 3-го мая, въ день обрѣтенія св. Креста, произносилась проповѣдь въ соборѣ кармелитскаго монастыря. Слѣдующія обязательныя богослуженія происходили въ августѣ— 10-го, 15-го и 24-го, когда отправлялись всеобщія бдѣнія въ память св. муч. Лаврентія, зачатія дѣвы Маріи и апостола Варооломея. 27-го августа происходилъ праздникъ освященія церкви св. Фирмина. На слѣдующій день, св. Августина, произносилась проповѣдь въ коллегіи этого святого, о чемъ оповѣщались бакалавры (*debent denunciari baccalarii*) ¹⁾. 14-го сентября, въ день Воздвиженія св. Креста, отправлялось богослуженіе въ кармелитскомъ монастырѣ. Кроме того, лекціи прекращались и въ дни разныхъ другихъ святыхъ, именно 13-го декабря, 17-го и 22-го января, 2-го, 3-го, 22-го и 24-го февраля, 7-го, 12-го и 25-го марта, 4-го, 24-го и 29-го апрѣля, 1-го, 6-го, 18-го мая, 11-го, 24-го и 29-го іюня, 22-го и 25-го іюля, 1-го, 5-го, 30-го и 31-го августа, 1-го, 8-го, 25-го, 29-го сентября, 9-го и 11-го

¹⁾ Такъ читаетъ Фурнье. Мнѣ кажется болѣе правильнымъ чтеніе *debent denunciari [per] b(edellum)*, т. е. *scolares et scolastici*, такъ какъ очевидно, что не одни же только бакалавры присутствовали при богослуженіи.

октября, а также въ первый день великаго поста, въ дни Вознесенія, Пятидесятницы и два непосредственно слѣдующіе дня, день тѣла Христова, всѣ воскресные дни и въ дни похоронъ умершихъ студентовъ или профессоровъ, въ тѣ часы, когда тѣло продавалось землѣ, при чемъ, однако, лекціи ординарныхъ профессоровъ не могли пропускаться. При погребеніи обязаны были присутствовать и профессора и студенты. Въ случаяхъ уклоненія, если это былъ самъ ректоръ, то онъ уплачивалъ штрафъ въ 10 су, доктора—5 су, бакалавры—2 су, студенты-земляки ¹⁾ умершаго 6 денаріевъ. Деньги поступали къ хранителямъ университетскихъ денегъ и выдавались на погребеніе неимущихъ студентовъ. Точно также не было лекцій, когда совершалось *solemne principium* бакалавровъ ²⁾. Ежегодно въ день Богоявленія совершалась паннихида по умершимъ студентамъ. Всякое богослуженіе должно было посѣщаться обязательно; уклоненіе наказывалось денежнымъ штрафомъ, при чемъ ректоръ платилъ 5 су, доктора—2 су, бакалавры—12 денаріевъ. Передъ началомъ лекцій, передъ Рождествомъ и передъ Пасхой происходили релетици. Въ общемъ все-таки, несмотря на многія внутреннія неурядицы, въ университетѣ Монпелье занимались гораздо прилежнѣе и серьезнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ Авиньонѣ ³⁾.

А. Безштрель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ Монпелье, какъ и въ другихъ университетахъ того времени, студенты дѣлились по національностямъ на землячества.

²⁾ Ibid., p. 53. ³⁾ Ibid., М. 1245.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Къ вопросу объ учебныхъ пособіяхъ для высшей школы.

Почти одновременно наша бѣдная учебными пособіями историческая и юридическая литература обогатилась тремя новыми изданіями. Въ 1907 г. вышли: 1) „Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Изданіе историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета“, 2) „Памятники русскаго законодательства XVIII в. Выпускъ I. Эпоха Петровская. Пособіе при изученіи исторіи русскаго права Императорскаго періода. Составилъ приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета В. М. Грибовскій. С.-Пб.“, 3) „Акты царствованія Екатерины II: учрежденія для управленія губерній и жалованныя грамоты дворянству и городамъ. Изданіе Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, подъ редакціей Г. Н. Шмелева. Москва“.

Такимъ образомъ, съ выходомъ указанныхъ изданій заполняется крупный пробѣлъ, существовавшій въ нашей учебной литературѣ для высшей школы. Къ сожалѣнію, это положеніе приходится значительно ограничить, ибо, кромѣ голаго текста, эти изданія ничего не даютъ; они не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявляемы къ учебнымъ пособіямъ, предназначаемымъ для пользованія въ высшей школѣ. Слѣдшимъ оговориться, что пособіе г. Грибовскаго значительно выше двухъ другихъ; поэтому наше сужденіе *цѣлкомъ* къ нему не относится. Наша учебная литература имѣетъ аналогичное пособіе,—это 3 выпуска хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова, которые вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, но авторы новыхъ пособій избрали другой путь, самостоятельный и, къ прискорбію, неудовлетворительный. Мы, конечно, не можемъ сказать, что хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова идеальны, но мы можемъ

указать, что идея и характеръ изданія вполне удовлетворительны. Поэтому новые издатели учебныхъ пособій для высшей школы могли примѣнительно къ характеру издаваемыхъ ими памятниковъ воспользоваться учебнымъ опытомъ хрестоматіи проф. Владимірскаго - Буданова и пойти дальше въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, они дали текстъ памятниковъ за крайне дешевую цѣну (кроме г. Грибовскаго), но учебнаго пособия въ истинномъ значеніи этого понятія не дали. Въ виду важности вопроса мы позволимъ себѣ подробно разобраться въ изданныхъ новыхъ учебныхъ пособіяхъ и высказать нѣсколько положеній по данному вопросу.

Всѣ три изданія снабжены маленькими предувѣдомленіями къ читателю. Предисловія къ Уложенію и Актамъ не подписаны, но анонимность ихъ намъ не мѣшаетъ, такъ какъ это, несомнѣнно, мнѣніе авторитетныхъ издателей—историко-филологическаго факультета Московскаго университета и Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ. Во всѣхъ трехъ изданіяхъ въ предисловіи высказано одно и то же, чуть ли не въ одинаковыхъ словахъ. Эта тождественность идей знаменательна: она говоритъ въ пользу несомнѣнной важности факта, т. е. потребности въ такихъ изданіяхъ. Издатели Уложенія и Актовъ царствованія Екатерины II обѣщаютъ и впредь издавать аналогичные памятники. „Имѣя въ виду выпускать такіа подручныя изданія и другихъ памятниковъ русской исторіи, факультетъ на первый разъ остановилъ свой выборъ на Уложеніи въ зависимости отъ объявленныхъ на ближайшее время практическихъ занятій по русской исторіи въ Московскомъ университетѣ“. Московскіе женскіе курсы объявляютъ, что они приступаютъ „къ печатанію тѣхъ важнѣйшихъ источниковъ по русской исторіи, которые находятся въ мало доступныхъ изданіяхъ“, акты же царствованія Екатерины II являются „началомъ предпринимаго изданія“. Слѣдовательно, разъ намъ обѣщаютъ издать и другіе памятники съ учебной цѣлью, то наша прямая обязанность указать всѣ крупнѣйшіе дефекты имѣющихся уже изданій.

„Изданіе соборнаго Уложенія 1649 г. предпринято Ист. филол. факул. Императорскаго Московскаго университета *исключительно съ учебной цѣлью*. Факультетъ желалъ дать за недорогую плату учащимся (дѣйствительно, цѣна низкая—75 коп., Акты Царств. Екатерины II—75 коп. Изданіе г. Грибовскаго дорого, выш. I стоитъ 1 р. 50 к.) текстъ Уложенія, который могъ бы быть всегда у нихъ подъ руками, *какъ на практическихъ занятіяхъ, такъ и при самостоятельныхъ занятіяхъ* русскою исторіею и русскимъ правомъ“. „Всякій, кому приходилось

вести практическія занятія по русской исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хорошо знаетъ затрудненія, обусловленныя тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рукахъ у слушателей нѣтъ текста источниковъ; а между тѣмъ учащіеся должны вынести изъ *высшей школы знакомство съ главнѣйшими источниками и умѣніе ими пользоваться*“, читаемъ мы въ предисловіи къ актамъ царствованія Екатерины II. Наконецъ, г. Грибовскій пишетъ, что его „сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII в. имѣетъ цѣлью облегчить лицамъ, приступающимъ къ изученію исторіи русскаго права императорскаго періода“, а такъ какъ въ этомъ отношеніи въ учебной литературѣ существовалъ пробѣлъ, то г. Грибовскій „пытается въ извѣстной степени отвѣтить настоятельной потребности заполненія указаннаго пробѣла... Что касается отдѣльныхъ памятниковъ, то *каждый изъ нихъ снабженъ краткимъ введеніемъ, соответствующими общими литературными указаніями, подстрочными примѣчаніями и ссылками на отдѣльныя монографическія работы*... Нѣкоторыя введенія составлены изъ отрывковъ спеціальныхъ соответственныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ“. Такъ какъ такого разъясненія мы не имѣемъ въ двухъ предшествующихъ изданіяхъ, то сужденіе о „пособіи“ г. Грибовскаго мы выдѣляемъ, такъ что наши замѣчанія пока будутъ касаться первыхъ двухъ изданій.

Всѣмъ хорошо извѣстно то печальное положеніе, въ какомъ находятся семинаріи и практическія занятія на юридическомъ и филологическомъ факультетахъ нашихъ университетовъ благодаря отсутствію доступныхъ учебныхъ пособій; приходилось и приходится перебиваться только памятниками древнѣйшаго права и исторіи и, такимъ образомъ, эти семинаріи и практическія занятія теряли свой смыслъ и значеніе. Новые наши издатели, хотѣя дать памятники по доступной цѣнѣ. Издаваемые ими памятники не только должны играть роль учебныхъ пособій, но служить при „самостоятельныхъ занятіяхъ“ и давать учащимся кромѣ знакомства съ памятниками „умѣніе ими пользоваться“. Такимъ образомъ, по мнѣнію издателей, издаваемые ими памятники должны дать начинающимъ заниматься русской исторіей и правомъ знакомство съ важнѣйшими памятниками и умѣніе пользоваться ими, какъ въ высшей школѣ, такъ и при самостоятельныхъ занятіяхъ. Едва ли, однако, эти цѣли достигнуты издателями.

Какія задачи должны преслѣдовать семинаріи и такъ называемыя практическія занятія по русской исторіи и по исторіи русскаго права? По нашему крайнему разумѣнію, въ современной высшей школѣ центры

тяжести должны быть перенесены съ лекцій на семинаріи и практическія занятія, лекціи же должны являться только вспомогательнымъ средствомъ при практическихъ занятіяхъ. Въ семинаріяхъ и на практическихъ занятіяхъ преподаватель вводитъ учащагося въ самостоятельную работу, приучаетъ его къ правильной, самостоятельной методологической работѣ. Усвоеніе методовъ и критическаго анализа въ изученіи памятниковъ старины должно составить главнѣйшій базисъ семинарій и практическихъ работъ. Такимъ образомъ, подъ руководствомъ преподавателя учащійся высшей школы долженъ выработать навыкъ къ активной творческой работѣ, умѣніе анатомированія сложныхъ историческихъ памятниковъ. Семинаріи должны дать общій тонъ и направленіе отношенія къ источникамъ, но, разумѣется, одного руководства преподавателя недостаточно, — необходимо продолженіе того же руководства въ развитіи критическаго мышленія за стѣнами школы; и тутъ въ помощь учащемуся долженъ прийти хорошій помощникъ въ лицѣ историко-критическаго учебнаго пособия съ опредѣленною строго выдержанной программой. Следовательно, учебное пособие должно замѣнить руководителя, даже больше — оно должно развернуть передъ начинающимъ весь ходъ критической работы, которая была произведена надъ памятникомъ. Историко-критическій комментарий, которымъ снабженъ тотъ или другой историческій памятникъ, долженъ развернуть передъ читателемъ всю ту сложную критическую работу цѣлаго ряда ученыхъ силъ, которая была затрачена на изученіе того или иного историческаго памятника. Такимъ образомъ, передъ глазами читателя пройдетъ систематическая смѣна критическихъ мнѣній, методовъ и точекъ зрѣнія. Историко-критическій комментарий является необходимой принадлежностью учебныхъ пособій, аналогичныхъ нами здѣсь разсматриваемымъ; безъ него пособие теряетъ свою цѣнность и свое назначеніе. Такой комментарий дастъ начинающему известную руководящую нить, дастъ известное направленіе работѣ и равнымъ образомъ введетъ въ самый механизмъ критической работы надъ памятникомъ. Полный историко-критическій комментарий будетъ для него надежнымъ кормчимъ, который будетъ притомъ его спутникомъ въ лабиринтахъ критическихъ изысканій и методологическихъ испытаній, и дастъ ему прочную базу для самостоятельныхъ изысканій. Наша мысль можетъ быть сформулирована такъ: учебныя пособия для высшей школы по русской исторіи и по исторіи русскаго права должны сопровождаться подробнымъ историко-критическимъ комментариемъ, безъ чего эти пособия теряютъ право на существованіе,

какъ учебное пособіе. Это было понято проф. Владимірскимъ-Будановымъ, и на этомъ принципѣ имъ были созданы „Хрестоматія“ по исторіи русскаго права, которыя пригодны не только для начинающихъ, но весьма полезны и пригодны и для спеціалистовъ, ибо сокращаютъ своимъ историко-критическимъ комментариемъ работу разысканія различныхъ вопросовъ въ спеціальной монографической литературѣ. Наконецъ, учебное пособіе наряду съ критическимъ комментариемъ, должно давать указанія на соответствующую спеціальную литературу, которой не можетъ знать начинающій, но съ которой онъ долженъ ознакомиться.

Перечисленные выше новыя учебныя пособія не удовлетворяютъ ни одному изъ высказанныхъ нами положеній. Эти требованія какъ будто не существовали для издателей. Но чтобы насъ не упрекнули въ голословности, рассмотримъ каждое пособіе въ отдѣльности.

Въ предисловіи къ сборному Уложенію сказано: „текстъ настоящаго изданія редактированъ проф. М. К. Любавскимъ на основаніи старопечатнаго изданія, имѣющагося въ бібліотекѣ Императорскаго Московскаго университета“. Досадно, когда подъ редакціей столь извѣстнаго и авторитетнаго въ спеціальной литературѣ изслѣдователя появляется такое изданіе. Выписка, приведенная выше, вызываетъ крайнее недоумѣніе: 1) что это за старопечатное изданіе, какого года, гдѣ и когда появившееся, 2) какими достоинствами отличается это изданіе и почему это изданіе было предпочтено другимъ? На эти вопросы читатель отвѣта не получаетъ. Предположимъ, какой-нибудь изслѣдователь возьметъ эту книгу въ руки: онъ не можетъ быть увѣреннымъ въ научной цѣности даннаго изданія, ибо онъ не знаетъ, съ какого именно оно изданія сдѣлано, и слѣдуетъ-ли свѣрять это изданіе съ другими существующими. Напрасно перочитаете вы 193 стр. убористой печати кромѣ оглавленія въ концѣ и краткаго предувѣдомленія въ началѣ ни одного примѣчанія, ни одной ссылки, ни одного указанія вы не найдете. Только дойдя до 193 стр., т. е. до конца книги, вы найдете очень важную приписку: „печатано со втораго изданія 1649 г.“ Наконецъ-то вы получаете разгадку, какое это старопечатное изданіе, но сказанное выше остается въ силѣ, ибо не разъяснено, почему именно съ этого изданія, въ силу какихъ его преимуществъ перепечатка сдѣлана.

Между тѣмъ, Уложеніе 1649 г. представляетъ прекрасный памятникъ, на которомъ можно прослѣдить цѣлую серію смѣнъ критическихъ методовъ, точекъ зрѣнія. Историческая литература относительно

Уложенія 1649 г., богатая внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ, даетъ прекрасный матеріалъ методологическаго характера. Слѣдовательно, Уложеніе 1649 г. можетъ явиться прекраснымъ памятникомъ, способнымъ ввести начинающаго въ сложную критическую работу, осваивая съ научными методами, пользование которыми является безусловно необходимымъ при ознакомленіи съ столь сложными культурными памятниками.

Уложеніе 1649 г. имѣетъ весьма сложную исторію. Самое важное и замѣчательное здѣсь то, что Уложеніе 1649 г. единственный законодательный памятникъ, пока, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстный, который былъ рассмотрѣнъ, заслушанъ земскимъ соборомъ, однимъ словомъ, въ непосредственномъ составленіи и издашіи его принимали участіе земскіе люди; Уложеніе 1649 г.—крупнѣйшій кодификаціонный памятникъ, который является энциклопедіей юридическаго творчества русскаго народа, но эта энциклопедія отобразила вліяніе права византійскаго каноническаго и неканоническаго, вліяніе литонскаго права, наконецъ, кодификаторы Уложенія 1649 г. не замедлили внести въ Уложеніе и нормы юридической дѣятельности приказныхъ вѣдомствъ. Исслѣдователи уже достаточно полно выяснили какъ характеръ рецепціи иностраннаго права, такъ, равнымъ образомъ, оригинальность и самостоятельность юридическаго творчества кодификаторовъ. Между тѣмъ редакторъ Уложенія 1649 г. не обмолвился ни однимъ словомъ на этотъ счетъ ¹⁾.

¹⁾ *Строевъ*, Историко-юридическое исслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. М. 1833. *Морошкинъ*, Объ Уложеніи и его послѣдующемъ развитіи. Актовая рѣчь. М. 1839. *Липовскій*, Исслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Ул. Ал. Мих. Одесса. 1847. *Забѣлинъ*, Свѣдѣніи о подлинномъ Ул. Ал. Мих. Арх. ист.-юр. свѣдѣніи, изд. Калачовымъ, кн. I. *Щиповъ*, Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства. Учен. Зап. Казанскаго университета. 1862 г., вып. 2. *Сергеевичъ*, Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, Сб. госуд. знаній, изд. Безобразова, т. II, 1875 г. или въ Лекціяхъ и исслѣдованіяхъ. С.-Пб. 1904. *Владимірскій-Вудановъ*, Отношеніе между литов. Статутомъ и Ул. Ал. Мих.-ча, Сборн. госуд. знаній, изд. Безобразова, 1877, т. IV. *Зноскинъ*, Ул. Ал. Мих. и Зем. Соборы 1848—49 г. Учен. Зап. Казан. унив. 1879 г., январь-февраль. *Мейчикъ* и *Воденюкъ*, Поѣздка слушателя Археолог. института. Сборн. института, 1879, кн. I. *Мейчикъ*, Дополнительныя данныя къ исторіи Ул. по поводу рѣчи Загоскина, Сб. Арх. института, кн. 3 и 4, 1880. *Платоновъ*, Замятки по исторіи Москов. земскихъ соборовъ, *Бурн. Мин. Нар. Пр.*, 1883, № 3 и въ Статьяхъ по русской исторіи. *Латкинъ*, Земскіе соборы др. Руси. 1885. С.-Пб. *Зерцаловъ*, Новыя данныя о зем. соб. 1648—49 гг. Чтенія М. О. И. и Др. 1887, III, и отдѣльно. *Тиктинъ*, Византійское право, какъ источникъ Уложенія и новоуказ-

Кромѣ указанныхъ дефектовъ Уложение 1649 г. въ изданіи филологическаго факультета отличается еще однимъ серьезнымъ недостаткомъ, который затрудняетъ пользованіе этимъ пособіемъ.

Все Уложение разбито, конечно, на главы съ соответствующими заголовками и указаніями на нихъ въ оглавленіи, но главы не разбиты на статьи, какъ это принято, т. е. вы имѣете совершенно сплошной текстъ, и только отпечатанныя жирнымъ шрифтомъ цифры, которыми пеcтpитъ текстъ, указываютъ на соответствующія статьи главы. Это крайне неудобно.

Въ виду указанныхъ дефектовъ новое изданіе Уложения 1648—1649 г. не можетъ быть признано удовлетворяющимъ своему назначенію въ качествѣ учебнаго пособия для высшей школы; какъ научное изданіе, оно не можетъ быть признано также удовлетворительнымъ въ виду отсутствія научнаго аппарата, обычно прилагаемаго къ изданію аналогичныхъ памятниковъ.

Перейдемъ ко второму изданію: къ „актамъ царствованія Екатерины II: учрежденію для управленія губерній и жалованнымъ грамотамъ дворянству и городамъ“, изданіе Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, подъ ред. Г. Н. Шмелева. Сказанное объ изданіи Уложения 1649 г. *цѣлкомъ* нужно отнести и къ этому изданію: тѣмъ грѣшитъ первое изданіе, тѣмъ же грѣшитъ и данное изданіе. Правда, вы здѣсь найдете правильное раздѣленіе на статьи; но за то вы не найдете ни оглашенія, ни указателя. Поэтому, чтобы отыскать тотъ или другой параграфъ, вы должны перелистать всѣ 159 стр. и такимъ образомъ пайти необходимое вамъ; врядъ-ли такое изданіе можетъ сослужить большую службу начинающему или кому бы то ни было.

Этотъ памятникъ тоже нуждается въ разъясненіи, указаніи на спеціальную литературу. Не лишне было бы обмолвиться нѣсколькими словами объ исторіи актовъ царствованія Екатерины II.

Въ манифестѣ 1775 г., которымъ предваряется „Учрежденіе для

нхъ статей, Одесса, 1898. *Борисовъ*, Къ вопросу объ изданіи Ул. Ал. Мих. Вѣстникъ Арх. и Ист., изд. Арх. Ист., 1899, вып. II. *Шмелевъ*, Объ источникахъ соборнаго Ул., *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1900, октябрь. *Александровъ*, Новый документъ къ исторіи земскаго собора 1648—49 г. Тр. Арх. Ком. Моск. Арх. Общ., т. II, вып. I, М. 1900. *Верховскій*, Источники Ул. п. Ал. Мих. Юридич. Вѣст., 1899, ноябрь. *Владимірскій-Будановъ*, Новыя открытія въ истор. Ул. п. Ал. Мих. Унив.р. Ил., Киевъ, 1880, № 2. *Есиповичъ*, Литературная разработка и общія характеристика Ул. 1649 г. Журн. Мин. Юст., 1859, кн. I. *Спорожесъ*, Къ вопросу объ источникахъ Ул., Юрид. Вѣст. 1889 г., декабрь.

управления губерний“, Екатерина II высказала свою основную точку зрѣнія. Эта точка зрѣнія требуетъ разъясненія, ибо мы знаемъ, что Екатерина II, авторъ наказа, и Екатерина II, авторъ „Учрежденія для управления губерній“ и жалованныхъ грамотъ, отличаются другъ отъ друга. Интересно было бы, чтобы учебное пособіе для начинающихъ не обходило вопроса о томъ, на основаніи какихъ источниковъ Екатерина II создавала новые акты. Между тѣмъ, ни издатели, ни редакторы не сочли нужнымъ сказать что-либо по этому поводу; они дали текстъ и ограничились этимъ, между тѣмъ критическій комментарий къ этимъ актамъ долженъ былъ дать, съ одной стороны, указаніе на источники законодательнаго творчества Екатерины II, какъ автора „Учрежденія для управления губерній“ и „жалованныхъ грамотъ“, съ другой—указаніе на характеръ и мотивы законодательства Екатерины II. Монографическая литература достаточно освѣтила этотъ вопросъ; только издатель и редакторъ обошли его. 1).

Отъ указанныхъ изданій выгодно отличается изданіе памятникъ Петровской эпохи г. Грибовскаго. Вы имѣете здѣсь точное раздѣленіе на главы, на статьи, подробное оглавленіе; каждый памятникъ сопровождается подстрочными примѣчаніями разъяснительнаго характера и указаніями на важнѣйшую специальную литературу; но, къ сожалѣнію, эти указанія и примѣчанія слишкомъ краткія и бѣглыя и, что особенно является досаднымъ, издатель не старается указывать на тѣ источники, подъ вліяніемъ которыхъ создавалъ Петръ I новыя нормы. Желательно, чтобы въ новомъ изданіи пособія было увеличено количество примѣчаній, чтобы было внесено больше критицизма и, нако-

1) *Литкингъ*, Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в. 1887. *Сергеевичъ*, Откуда неудача Екатерининской законодательной комиссіи. В. К. № 1, 1878. *Димитиизъ*, Статьи по исторіи русскаго права 1896 г. *Его же*, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, С.-Пб. 2 т. 1875 -- 1877. *Рожановичъ-Словатинскій*, Дворянство въ Россіи отъ начала XIII в. до отмены крѣпостнаго права, С.-Пб. 1870. *Корубъ*, Дворянство, С.-Пб. 1904. *Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX, 2 т. С.-Пб. 1888. Матеріалы объ Екатерининской Комиссіи, Сб. Р. И. Об. тт. IV, VIII, XV, XXXII, XXXVI, XLIII, и недавно вышедшій т. 123. *Брикнеръ*, Большая комиссія, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1881 г. №№ 9, 10, 12. *Билбисовъ*, Екатерина II и Дидро, *Русск. Ст.* 1881, т. XLII. *Его же*, Первые политическія письма Екатерины, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, № 9. *Тричевскій*, Екатерина II, Фридрихъ II, Іосифъ II. В. К. 1885 г., № 4. *Брикнеръ*, Исторія царствованія Екатерины II. *Латто-Данилевскій*, Собраніе и сводъ законовъ Россійской Имперіи, сост. въ парст. Императрицы Екатерины II. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895. Работы Чечулина, Иконникова, изд. сочиненія Екатерины II акад. Пыпина.

нецъ, больше было сдѣлано указаній на источники законодательныхъ актовъ Петра I.

Въ настоящее время мы готовимъ къ печати наше учебное пособіе, которое должно увидѣть свѣтъ къ началу будущаго 1909 г. Первымъ по порядку мы выпускаемъ Уложеніе 1649 г. Мы держались при подготовкѣ пособія самаго широкаго критическаго комментарія, т. е., насколько намъ позволяла существующая спеціальная литература, не оставили ни одной статьи безъ соответствующихъ критическихъ примѣчаній, заимствованныхъ изъ разныхъ изслѣдованій, и мы думаемъ, что только самый подробный историко-критическій комментарий въ состояніи дать полное представленіе о значеніи, характерѣ и критико-методологической работѣ надъ памятникомъ.

С. Аманжолт.

По поводу „одной теоремы элементарной геометріи“.

Въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* текущаго года помѣщена статья проф. М. А. Тихомандрицкаго, озаглавленная: „Одна теорема элементарной геометріи“ (стр. 82—92). Въ § 1 авторъ приводитъ опредѣленія прямой и плоскости, изъ которыхъ онъ исходитъ въ своемъ изслѣдованіи, и нѣкоторыя вытекающія изъ нихъ слѣдствія, въ томъ числѣ принадлежащее только плоскости свойство обратной налагаемости; въ § 2 разсматривается „пара прямыхъ, лежащихъ въ одной плоскости и одинаково наклоненныхъ смотрящими одна на другую сторонами къ третьей“; въ § 3 выводится слѣдствіе изъ полученныхъ въ § 2 результатовъ; въ § 4 послѣ этихъ предварительныхъ изслѣдованій авторъ обращается къ разсмотрѣнію плоскаго прямолинейнаго четырехугольника, котораго всѣ углы равны между собою. Допуская, что всѣ углы эти острые, авторъ перевертываетъ плоскость четырехугольника на другую сторону вращеніемъ около пары противоположащихъ сторонъ поочередно, и получаетъ такимъ образомъ двѣ ломанныхъ линіи, которыя противорѣчатъ выводамъ предыдущаго параграфа, а такъ какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, „выносятся строго вытекаютъ изъ опредѣленія прямой и плоскости“, то встрѣченное противорѣчіе должно происходить отъ недопустимости предположенія, что равные углы четырехугольника могутъ быть всѣ острые. Такимъ же образомъ авторъ приходитъ къ заключенію, что они не могутъ быть и тупыми, и что, слѣдовательно,

„въ плоскомъ прямоугольномъ ¹⁾ четырехугольникѣ съ четырьмя равными углами, эти послѣдніе не могутъ быть ни острые, ни тупые. Слѣдовательно, они суть прямые“.

Какъ совершенно правильно замѣчаетъ авторъ, „полученный результатъ столь рѣшительно противорѣчить господствующему нынѣ мнѣнію о произвольности постулата Евклида, его недоказуемости, что необходимо разобратся въ причинахъ этого противорѣчія“.

Прежде всего, конечно, автору слѣдовало бы еще разъ протѣкнуть правильность своихъ выводовъ.

Авторъ даетъ, однако, другое объясненіе, посвящая ему § 5 своей статьи (стр. 89—92), которая, такимъ образомъ, могла бы быть озаглавлена: „новое доказательство постулата Евклида“.

Тѣмъ, чего не сдѣлалъ авторъ, займемся теперь мы. Центръ тяжести въ § 2, какъ это и видно изъ предыдущаго изложенія. Замѣчу прежде всего, что построенія, которыми занимается авторъ, не требуютъ, въ сущности, никакихъ вращеній плоскости около лежащей въ ней прямой,—достаточно повторять нѣсколько разъ одно и то же построеніе: на линіи А'А при точкѣ А строимъ данный уголъ А'АВ, на его сторонѣ откладываемъ данную длину АВ; на АВ при точкѣ В строимъ уголъ $\angle АВВ' = \angle А'АВ$, затѣмъ при точкѣ В на линіи В'В строимъ уголъ $\angle В'ВС$, равный и смежный углу В'ВА и т. д. Такимъ образомъ построимъ ломанную линію ABCDEF... ²⁾, въ которой углы при В, С, D, E, F,... будутъ равны между собою и равны $\pi - 2\alpha$, если уголъ $\angle ВАА' = \frac{\pi}{2} - \alpha$. Авторъ соединяетъ теперь вершину А съ послѣдовательными вершинами С, D, E, F,... прямыми и говоритъ: „углы, образуемые послѣдовательными діагоналями: САВ, DАВ, EАВ, FАВ,... представятъ рядъ возрастающихъ на конечные углы величинъ,... и наконецъ превзойдутъ уголъ ВАА'“. Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается допущеніе,—которое равносильно введенію постулата Евклида. Въ подстрочномъ примѣчаніи проф. М. А. Тихомандрицкій доказываетъ только, что эти углы представляютъ рядъ возрастающихъ величинъ, и это все, что слѣдуетъ изъ сдѣланныхъ уже допущеній (см. § 1); но этотъ рядъ возрастающихъ величинъ можетъ или 1) не имѣть предѣла и потому при достаточномъ продолженіи превзойти любую заданную величину (ст. б. и уголъ

¹⁾ Это, конечно, описка или опечатка, должно быть: „прямоугольномъ“.

²⁾ Я позволю себѣ не воспроизводить чертежа, а отослать читателя къ рисунку проф. М. А. Тихомандрицкаго (*Журн. Мат. Нар. Просв.* 1908 г. № 5 стр. 83).

БАА') или же 2) при α , не выходящемъ изъ извѣстныхъ границъ, стремиться къ нѣкоторому предѣлу. Допуская первое, мы приходимъ къ геометрической системѣ Евклида. Во второмъ случаѣ, допуская, что можно *указать верхній* предѣлъ значеній для угла α , различный для различныхъ величинъ стороны АВ ломанной, — при которыхъ вышеупомянутый рядъ угловъ стремится къ опредѣленному предѣлу, и потому можетъ не превысить напередъ заданной величины, мы приходимъ къ геометрической системѣ Лобачевскаго. Поэтому выводы § 3 относятся только къ первой системѣ, и понятно, что противорѣчіе § 4 привело автора къ выше цитированному заключенію.

Такимъ образомъ, авторъ не доказалъ постулата Евклида съ помощью своихъ опредѣленій, а лишь замѣнилъ его менѣе простымъ.

Неудача всѣхъ безчисленныхъ подобнаго рода попытокъ, начиная съ Прокла, обнаруживаетъ лишь всю продуманность геометрической системы Евклида.

Замѣчу въ заключеніе, что попытки подобныхъ доказательствъ часто грѣшатъ именно забвеніемъ того, что рядъ положительныхъ возрастающихъ величинъ можетъ не только безпредѣльно возрастать, но и стремиться къ опредѣленному предѣлу. Тотъ же промахъ допустилъ и извѣстный издатель „Началь Евклида“ проф. Ващенко-Захарченко въ своей „Элементарной геометріи“ (§ 91, стр. 48).

Проф. Д. Спицовъ.

Дмитрій Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Москва. Изданіе „Научнаго Слова“. 1907, VI—325 стр. 8°.

Имя профессора Д. Петрушевскаго пользуется уже совершенно заслуженною репутаціей хорошаго и точнаго ученаго. Его двухтомный трудъ „Возстаніе Уота Тайлера“ и интересные „Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка“ достаточно показали, какъ умѣло и глубоко онъ можетъ работать. Поэтому появленіе новаго труда, да еще носящаго такое интересное заглавіе, какъ приведенная въ заголовкѣ рецензіи книга, конечно, должно остановить на себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся исторіей.

Въ послѣднее время появилось весьма большое число сочиненій по новой исторіи на русскомъ языкѣ, преимущественно, правда, переводныхъ. На долю исторіи среднихъ вѣковъ падаетъ количество книгъ, гораздо меньшее, — особенно книгъ оригинальныхъ, т. е. принадлежащихъ перу русскаго ученаго. Поэтому еще съ ббльшимъ интересомъ

русская наука и большая читающая публика должны встрѣтить новый труд московскаго профессора, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ своею цѣлью разъяснить любопытнѣйшій вопросъ о генезисѣ феодальнаго строя на западѣ Европы.

Тема обширная, сложная и недостаточно еще изученная; и если этотъ вопросъ освѣтить всесторонне, то, конечно, для этого не было бы достаточно изданнаго профессоромъ Петрушевскимъ тома. Это сознаетъ и самъ авторъ, когда заявляетъ въ предисловіи, что „цѣль его не шла дальше попытки подчеркнуть и возможно отчетливѣе формулировать лишь основные причины и моменты процесса возникновенія феодальнаго строя и тѣмъ вызвать въ читателѣ социологическій интересъ къ этимъ явленіямъ и охоту къ ихъ болѣе конкретному изученію“ (с. V).

Книга оставляетъ впечатлѣніе, что она возникла постепенно изъ читаемыхъ авторомъ курсовъ; нѣкоторые отдѣлы разработаны подробнѣе, другіе—кратче. Это сообщаетъ книгѣ видъ нѣкоторой внѣшней неравномѣрности; особенно это должно относиться къ очерку первому „Государство и общество Римской имперіи“, который занимаетъ 151 страницу. Но эта неравномѣрность только кажущаяся, и я не могу не согласиться съ авторомъ, который правильно утверждаетъ, что „сложность изучаемыхъ имъ процессовъ въ такомъ крайне сложномъ политическомъ и социальномъ организмѣ, какой представляла собой Римская имперія, дѣлаетъ невозможнымъ изобразить ихъ въ такой же сравнительно короткой словесной формѣ, въ какую укладывается изображеніе ихъ въ болѣе простыхъ варварскихъ обществахъ“ (с. V).

По моему мнѣнію, главная задача труда, подобнаго труду г. Петрушевскаго, должна была состоять въ томъ, чтобы познакомить русскую читающую публику съ генезисомъ феодальнаго средневѣковаго общества при свѣтѣ, такъ сказать, послѣдняго слова современной исторической науки, съ обращеніемъ особаго вниманія на теоріи и ученый споръ между такими выдающимися учеными, какъ Карлъ Бюхеръ и Эдуардъ Мейеръ. Въ этомъ отношеніи проф. Петрушевскій хорошо справился со своей задачей и подарилъ намъ въ высшей степени интересной книгой, „едва ли, по его словамъ, не первой въ нашей исторической литературѣ попыткой обобщающаго обзора основныхъ явленій ранняго средневѣковья“ (с. V). Я думаю, что это дѣйствительно первый трудъ въ нашей исторической литературѣ по средневѣковью, освѣщающій его генезисъ съ подобной точки зрѣнія и вводящій въ обиходъ новые методы и результаты новѣйшихъ экономическихъ теорій.

Не лишнее будетъ ознакомиться съ содержаніемъ новой книги г. Петрушевскаго, которая состоитъ изъ введенія, пяти очерковъ и заключенія.

Въ введеніи (с. 1—38), озаглавленномъ „Задачи и методы науки всеобщей исторіи“, авторъ хочетъ „объясниться съ читателемъ относительно общихъ точекъ зрѣнія, подъ угломъ которыхъ онъ разсматриваетъ историческія явленія и процессы, и этимъ предотвратить всякія возможныя недоразумѣнія“ (с. 2). Это даетъ автору случай сдѣлать очень интересный и содержательный обзоръ современнаго состоянія вопроса о задачахъ и методахъ исторической науки. Самъ г. Петрушевскій является убѣжденнымъ сторонникомъ послѣдняго слова исторической науки, а именно онъ становится на социологическую точку зрѣнія, „какъ въ смыслѣ пониманія каждаго изъ общественныхъ явленій, какъ сложнѣйшаго продукта всего общественнаго процесса, такъ и въ смыслѣ конечной цѣли, направляющей всякое специальное изысканіе и заключающейся въ воссозданіи общественнаго процесса и въ выясненіи законовъ его развитія... Эта конечная цѣль должна быть присуща каждому отдѣльному изысканію, она направляетъ его и даетъ ему смыслъ (с. 4). „По своимъ основнымъ цѣлямъ и задачамъ наука абстрактная, по своему матеріалу она наука вполне конкретная, распадающаяся на рядъ отдѣльныхъ, нерѣдко крайне специальныхъ дисциплинъ, изслѣдующихъ тѣ или иныя отдѣльныя стороны историческаго (общественнаго) процесса, но объединяемыхъ общей чисто социологической цѣлью и оплодотворяемыхъ общей всѣмъ имъ идеей историческаго процесса, развивающагося въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, какъ единого цѣлаго, и вполне проникнутыхъ каждая той основной мыслью, что каждое изучаемое въ каждой изъ нихъ явленіе или комплексъ явленій представляетъ собою сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ, сложнѣйшій продуктъ общественнаго процесса въ его цѣломъ. Мы твердо вѣримъ, что именно такой наукой, именно всеобщей исторіей въ только что разъясненномъ смыслѣ, вполне конкретной по матеріалу наукой съ широкими абстрактными, чисто социологическими задачами и можетъ только быть общественная наука“ (с. 6—7).

Вотъ та точка зрѣнія, мѣстами нѣсколько тяжело выраженная, которой авторъ будетъ придерживаться въ данной книгѣ.

Нѣсколько ниже опредѣляется и цѣль его книги, предметомъ которой будетъ не генезисъ средневѣковаго общества и государства (с. 26—27), а „выясненіе генезиса средневѣковаго, феодальнаго типа

общества на почвѣ западно-европейскаго развитія изъ всей совокупности условій предшествующей эпохи“; говоря болѣе конкретно, „изученіе эволюціи общества и государства римской имперіи, приведшей къ разложенію имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ, а также эволюціи нѣсколькихъ типичныхъ варварскихъ обществъ и государствъ, выясняющей процессъ возникновенія феодальнаго общества и государства“ (с. 37).

Но въ этой вводной главѣ г. Петрушевскій не только знакомитъ читателя со своимъ *specto*, но и высказывается по поводу другихъ точнѣй въ исторической наукѣ. Мы находимъ у него страницы, посвященныя историческому идеализму и историческому материализму (с. 7—8, 10—13). Нельзя не согласиться съ уравнивающимъ отношеніемъ г. Петрушевскаго къ этимъ теоріямъ. Я лично не думаю, чтобы при настоящемъ развитіи исторической науки историческій идеализмъ имѣлъ большое значеніе: это направленіе уже теперь, пожалуй, имѣетъ лишь историческое значеніе. Вопросъ стоитъ иначе относительно историческаго материализма, сыгравшаго, безусловно, очень крупную роль въ развитіи нашей науки. Не увлекаясь крайними выводами историческаго материализма, г. Петрушевскій оцѣниваетъ здраво тѣ пріобрѣтенія, которыя это направленіе дало современной общественной наукѣ, и совершенно справедливо отмѣчаетъ тѣ совершенно неожиданныя, новые результаты отъ изученія древней исторіи классической эпохи, когда къ ней приложили новые методы и новыя научныя точки зрѣнія, сосредоточившія главный интересъ на экономическихъ и социальныхъ сторонахъ жизни древняго міра. Средняя часть введенія посвящена изложенію гегелевской философіи исторіи, реценціи римскаго права, такъ называемому возрожденію наукъ и искусствъ, школѣ романистовъ (въ частности, Фюстель де Куланжу). За этимъ мы находимъ очень отчетливое изложеніе экономической теоріи Карла Бюхера и его ученаго противника Эд. Мейера, причемъ авторъ становится на сторону послѣдняго въ его взглядахъ на экономическое развитіе древняго міра. Авторъ, отвергая всемірно-историческую точку зрѣнія, оканчиваетъ главу выясненіемъ вопроса о томъ, что ученый, изучая средневѣковое феодальное общество, можетъ ничуть не сходить съ почвы чисто социологическихъ интересовъ исторической науки.

Эта вводная глава вообще очень интересна и можетъ хорошо ввести читателя въ современное положеніе исторической науки. Эту главу можно, пожалуй, упрощать въ нѣсколько случайномъ выборѣ историческихъ теорій. Почему, напримѣръ, авторъ ничего не говоритъ о

германистахъ, въ то время какъ посвящаетъ довольно много мѣста теоріи романистовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Но авторъ „не имѣлъ въ виду давать всесторонній анализъ всемірно-исторической концепціи“; онъ хотѣлъ „подвергнуть пересмотру только нѣкоторые изъ спорныхъ пунктовъ этой концепціи...“ (с. 34). Не могу не обратить вниманія на страницы, посвященные вопросу о возрожденіи наукъ и искусствъ, гдѣ опровергается еще недавно господствовавшая въ наукѣ точка зрѣнія, что развитіе индивидуализма, свободы индивидуальнаго духа являлось главнѣйшимъ двигателемъ возрожденія. Къ библиографіи, приложенной къ этой вводной главѣ, можно теперь прибавить хорошую статью Б. И. Сыромятникова „Основные моменты въ развитіи исторической мысли“ (Русская Мысль, 1906, док.).

Самый большой первый очеркъ озаглавленъ „Государство и общество Римской имперіи“ (с. 38—189). Конечно, для выясненія генезиса средневѣковыхъ условій жизни подобный очеркъ необходимъ. Мы находимъ въ немъ краткій обзоръ политической, социальной и хозяйственной исторіи римской республики, выясненіе вопроса о принципатѣ и объ управленіи имперіей при Діоклетіанѣ, о матеріальныхъ средствахъ имперіи, особенно о податной системѣ, объ арміи, о муниципальномъ управленіи, о хозяйствѣ въ римской имперіи; все это приводитъ автора къ вопросу о происхожденіи колоната, о закрѣпощеніи коллегій, о процессѣ феодализациі имперіи. Въ этомъ же первомъ очеркѣ рѣчь идетъ о германцахъ въ имперіи, при чемъ главной причиной движенія ихъ въ предѣлы римскаго государства авторъ считаетъ земельный вопросъ, несоотвѣтствіе между ростомъ населенія и развитіемъ земледѣлія (с. 167); какъ и слѣдовало ожидать, г. Петрушевскій — сторонникъ правильной теоріи мирнаго занятія варварами римской территоріи (с. 172). Кончается первый очеркъ опредѣленіемъ причинъ паденія имперіи съ обращеніемъ особаго вниманія на возвращеніе общества на стадію натурального хозяйства, на превращеніе римской имперіи въ грандіозный ойкасъ. Склоняясь, очевидно, къ теоріи Эд. Мейера, но благоразумно ограничивая се (см., напр., с. 125—126), г. Петрушевскій повторяетъ слова Моммсена: „Не варвары разрушили Римскую имперію,—она пришла въ упадокъ отъ собственнаго внутренняго разложениія“ (с. 187). Въ концѣ очерка указана повѣйшая русская литература вопроса до книги М. Кречмара включительно („Къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Рима. Промышленность въ Римѣ и теорія Бюхера“, Варшава, 1905); изъ иностранныхъ писателей авторъ указываетъ на Моммсена и Фюстель де Куланжа.

Остальная часть книги посвящена вопросу о германцах на территории римской империи.

Второй очерк разбирает известные свидетельства Цезаря и Тацита о древних германцах (с. 190—213). Третий очерк (с. 214—253) говорит об англо-саксонском развитии, т. е. занимается вопросом о политическом и социальном строе англо-саксонского общества (до 1066 года) и о его феодализации; в этом очерке автор пользуется новой работой проф. П. Г. Виноградова „The growth of the Manor“ (London. 1905). Четвертый очерк (с. 254—271) посвящен подобному же вопросу об остготском королевстве в Италии, а пятый и последний очерк (с. 272—315) о королевстве франков с присоединением оценочного значения монархии Карла Великого. Для большей полноты можно было бы пожелать подобных же очерков для вестготского и бургундского королевств. На стр. 315—324 резюмируются главнейшие положения книги г. Петрушевского. К каждому очерку приложен перечень главнейших сочинений по данному вопросу, которыми автор пользовался. Нисколько вредит вышнему виду книги довольно большое количество опечаток.

Русская большая читающая публика и учащаяся молодежь должны сказать большое спасибо г. Петрушевскому за эту полезную и для большинства читателей представляющую ценность средневековья в новом свете книгу. Я, со своей стороны, могу лишь от души ее приветствовать.

А. А. Васильевъ.

Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересвѣтова.

- 1) Ю. А. Яворскій. Къ вопросу объ Иванѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI вѣка. Киевъ. 1908. 2) В. Ѡ. Ржиза. И. С. Пересвѣтовъ, публицистѣ XVI вѣка. (Съ приложеніемъ сборника его сочиненій). Москва, 1908 г.

Съ именемъ Ивана Пересвѣтова дошло до насъ нѣсколько любопытныхъ произведеній частью историческаго, частью публицистическаго характера, неоднократно обращавшихъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей: Карамзинъ, А. П. Поповъ, П. Добротворскій, С. А. Бѣлокуровъ, С. Ѡ. Платоновъ, М. П. Соколовъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи касались произведеній Пересвѣтова, высказывая догадки и предположенія, въ существѣ своемъ еще не рѣшавшія вопроса окончательно. Въ началѣ нынѣшняго года вопросъ о Пересвѣтовѣ вновь

подвергся пересмотру въ двухъ названныхъ трудахъ гг. Яворскаго и Ржиги; обѣ статьи вышли почти одновременно, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что авторы ихъ знали о работѣ другъ друга (Яворскій, выноска на стр. 3; Ржига, выноска на стр. 25).

Впрочемъ цѣли, намѣчаемыя обоими авторами, различны: въ то время какъ г. Ржига даетъ полное и обстоятельное изслѣдованіе и изданіе сочиненій Пересвѣтова, задача г. Яворскаго значительно уже: онъ намѣревается лишь „по возможности, разъяснить недоумѣнія и сомнѣнія какъ относительно подлинности этихъ (т. е. Пересвѣтова) сочиненій и ихъ принадлежности къ половинѣ XVI вѣка, вообще, такъ и по отношенію къ біографіи и имени ихъ автора, въ особености“ (стр. 4). вмѣстѣ съ тѣмъ г. Яворскій обѣщаетъ „представить вскорѣ въ другомъ мѣстѣ критическое разсмотрѣніе состава и взаимно-отношеній“ отдѣльныхъ сочиненій Пересвѣтова.

Переходя къ болѣе детальному разсмотрѣнію результатовъ изслѣдованій гг. Ржиги и Яворскаго, считаю нужнымъ указать, что вопросъ о дѣятельности Ивана Пересвѣтова, въ сущности, можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ:

- 1) есть ли Пересвѣтовъ дѣйствительно историческая личность или псевдонимъ?
- 2) какія именно сочиненія извѣстны съ надписаніемъ имени Пересвѣтова и какія могутъ быть безъ всякаго сомнѣнія приписаны ему?
- 3) въ чемъ заключается значеніе сочиненій Пересвѣтова по отношенію къ современной ему эпохѣ?
- 4) каковы источники сочиненій Пересвѣтова и ихъ (сочиненій) подлинные тексты?

По первому вопросу оба автора сходятся въ признаніи Пересвѣтова дѣйствительною историческою личностью, а не псевдонимомъ, какъ полагали А. Н. Поповъ и А. С. Николаевъ. Дѣйствительно, свѣдѣнія о личности и дѣятельности Пересвѣтова крайне скудны и довольно сбивчивы; среди нихъ есть даже и несомнѣнно измышленныя (о происхожденіи Пересвѣтова отъ Пересвѣта, павшаго на полѣ Куликовской битвы). Но, съ другой стороны, есть и такія данныя, которыя даютъ полное основаніе утверждать, что Пересвѣтовъ—дѣйствительная историческая личность: сюда относятся упоминаніе въ описи царскаго архива о лицкѣ № 142 съ челобитными Пересвѣтова, упоминанія о Пересвѣтовѣ въ лѣтописи и между прочимъ запись 1753 года,

найденная г. Яворским¹⁾. Кроме того, вторая челобитная Пересвѣтова (Ржига, стр. 79—81) носятъ безусловно частный, узко-личный и даже автобіографическій характеръ и потому исключаетъ всякое сомнѣніе въ подлинности личности Пересвѣтова. Подробный анализъ данныхъ о личности Пересвѣтова—заслуга обоихъ трудовъ, послѣ которыхъ можно считать непреложнымъ положеніе, что *Иванъ Пересвѣтовъ, какъ историческая личность, не есть вымышленное лицо, и существовалъ безспорно.*

Но если Ив. Пересвѣтовъ существовалъ дѣйствительно, то это положеніе еще не отвергаетъ другой возможности—пользованія его именемъ, какъ псевдонимомъ, и на этой возможности намъ сейчасъ придется остановиться подробнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, гг. Ржига и Яворскій установили общее количество сочиненій, приписываемыхъ Пересвѣтову: 1) первая челобитная и 2) примыкающее къ ней сказаніе о Петрѣ, воеводѣ волосскомъ, 3) передѣлка отрывка изъ новѣсти о Царьградѣ, 4) сказаніе о царѣ Константйнѣ, 5) сказаніе о Магметъ-салтанѣ, 6) предсказанія философовъ и докторовъ, 7) вторая челобитная, 8) сказаніе о книгахъ²⁾. Львиная доля заслуги падаетъ въ этомъ отношеніи на долю г. Ржиго, который въ 1 главѣ своего труда („Напечатанныя и ненапечатанныя произведенія съ именемъ Пересвѣтова“) даетъ очень обстоятельное изслѣдованіе и бібліографію произведеній Пересвѣтова.

Разъ выяснено полное количество произведеній, которыя можно приписать Пересвѣтову, необходимо рѣшить, какія изъ нихъ ему дѣйствительно принадлежали. Повторяю, вторая челобитная, носящая дѣловой характеръ и неисполненная автобіографическихъ указаній, не возбуждаетъ сомнѣній въ своей подлинности, и должна считаться дѣйствительнымъ произведеніемъ Пересвѣтова. Трудно сказать то же о первой челобитной (Ржига, стр. 59—69). Сравнивая ее со второй, нельзя не замѣтить, что между обѣими челобитными есть существенная разница:

¹⁾ Съ предложенной г. Ржигой, на стр. 26, поправкой къ этой записи необходимо согласиться: „и рѣчи“, по аналогіи съ другими записями, правильнѣе читать, чѣмъ „изъ греци“. Помимо аналогіи, тутъ играетъ роль и другое соображеніе: въ своей автобіографической челобитной Пересвѣтовъ не упоминаетъ о пребываніи въ Греціи, тогда какъ, судя по характеру челобитной, онъ не преминулъ бы это сдѣлать; строить же гипотезу объ этомъ пребываніи дѣло тѣмъ болѣе рискованное, что данныхъ для такой гипотезы нѣтъ.

²⁾ (Справедливость требуетъ замѣтить, что изъ этихъ сочиненій у г. Яворскаго указаны лишь: 1, 2, 7, 8.

1) въ то время, какъ вторая челобитная носитъ характеръ личной просьбы (начинается „челобитьемъ“, излагаетъ далѣе обстоятельства дѣла—просьбу Перегвѣтова, дать справку о прежней службѣ просителя и его нынѣшнемъ бѣдственномъ положеніи, заключается просьбою о защитѣ и помощи),—первая челобитная носитъ совсѣмъ иной характеръ: если даже отбросить вступленіе къ ней, т. е. часть до „челобитья“ (Ржигя, стр. 59), слишкомъ похожую на вступленіе къ какому либо полемическому или публицистическому трактату, то оставшая часть произведенія все же далека отъ характера челобитной. Правда, авторъ жалуется на то, что „рѣчи і дѣла“ его до сихъ поръ государю доложены не были, но определенной просьбы конкретнаго характера онъ не представляетъ. Зато общихъ разсужденій въ этомъ длинномъ трактатѣ сколько угодно: ссылаясь на Петра, воеводу волоцкого, авторъ трактуетъ о грѣхахъ, о русскомъ царствѣ, о Махметѣ-салтанѣ, о великой мудрости и славной судьбѣ царя Ивана Васильевича, о недостаткахъ вельможъ его, о войнахъ, о недостаткахъ судопроизводства и администраціи, о томъ, что „не вѣру Богъ любить, но правду“, о Казанскомъ царствѣ и т. д. Эти общія разсужденія, совершенно ступшевыя личный элементъ челобитной, приближаютъ послѣднюю къ типу политическаго памфлета, повидному свойственнаго уже XVI вѣку: стоитъ вспомнить апокрифическую Бесѣду Сергія и Германа Валаамскихъ,—такой же политическій памфлетъ, какъ эта „челобитная“ Перегвѣтова. Невольно вспоминается другое подобное же произведеніе XIII вѣка—Моленіе Данила Заточника, гдѣ также, въ формѣ моленія-просьбы, высказывается такъ много постолюняго, что самый характеръ просьбы ступшевывается.

2) Отмѣчу еще одну особенность: первая челобитная—это рядъ безпрерывныхъ ссылокъ на Петра, воеводу волоцкого, у котораго авторъ пробылъ пять мѣсяцевъ и который даже приглашалъ автора къ себѣ на службу; напротивъ, вторая челобитная ни словомъ не упоминаетъ о Петрѣ, повидному произведшемъ на автора такое сильное впечатлѣніе. Обратно, во второй челобитной находимъ очень определенныя указанія на службу автора въ разныхъ чужихъ странахъ; въ первой же эти указанія очень неопредѣленны. Невольно должна явиться мысль что рѣчи Петра, приводимыя въ первой челобитной,—не былье, какъ литературная форма, условный пріемъ. Если такъ, то и самый характеръ челобитной-прошенія отпадаетъ и остается лишь элементъ литературнаго памфлета съ изображеніемъ недостатковъ московскаго гонимства и ижеала царской власти. Удобной кан-

вой, фономъ для этого памфлета послужилъ тонъ челобитной, взятый изъ дѣйствительной челобитной Ивана Пересвѣтова, изъ которой вы brano были лишь нѣкоторыя подробности, чтобы дать „историчность“ памфлету (пріѣздъ Пересвѣтова въ Россію, порученіе его заботамъ боярина Михаила Юрьевича, одиннадцатилѣтнее пребываніе его въ Россіи и т. д.).

Вопросъ лишь въ томъ: была ли эта первая челобитная литературнымъ памфлетомъ или дѣйствительно „челобитной“, т. е. докладной запиской, поданной государю? Вопросъ трудный и, къ сожалѣнію, нерѣшенный даже и въ трудахъ гг. Яворскаго и Ржиги такъ, чтобы не возбуждать сомнѣній. Оба автора принимаютъ первую челобитную именно за такую, при чемъ г. Ржига, повидимому, считаетъ принадлежность челобитной Пересвѣтову несомнѣнной и не требующей доказательства, а г. Яворскій дѣйствуетъ нѣсколько осторожнѣе: указать на стр. 10—11 на сомнѣнія, высказанныя изслѣдователями по поводу челобитныхъ, онъ заключаетъ: „всѣ эти недоумѣнія и сомнѣнія, вызванныя нѣкоторыми совпаденіями и проектами Пересвѣтова и правительственными актами и мѣропріятіями царствованія Грознаго, въ сущности, не оправданы нисколько и основаны, повидимому, только на томъ одностороннемъ и прѣвратномъ убѣжденіи, что въ данномъ случаѣ, по отношенію къ этому царствованію, подобное одностороннее вмѣшательство и частная инициатива почему-то совершенно невозможны и недопустимы. Но *стоитъ только допустить* этотъ послѣдній случай, *стоитъ только предположить*, что поданныя царю челобитныя Пересвѣтова въ самомъ дѣлѣ были приняты имъ во вниманіе и въ извѣстной степени использованы и примѣнены въ дѣйствительности... и всѣ эти недоумѣнія вполнѣ объясняются и разъясняются сами собою“¹⁾. Основанія г. Яворскаго, какъ видно, относятся лишь къ области предположеній, хотя и вѣроятныхъ, но не безспорныхъ. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ и теперь остается открытымъ, но крайней мѣрѣ предложенное рѣшеніе его не вполнѣ убѣдительно. А между тѣмъ отъ этого вопроса зависитъ сужденіе о подлинной принадлежности Пересвѣтову и другихъ публицистическихъ сочиненій его (кромѣ развѣ „сказанія о книгахъ“ и „повѣсти о Царьградѣ“ — произведеній историческихъ), ибо идеи, высказанныя въ первой челобитной, повторяются и въ нихъ: въ виду единства идей и аргументаціи, признаніе общаго автора для нихъ неминуемо.

¹⁾ Стр. 11. Курсивъ мой.

Оставляя вопросъ открытымъ, я дерзнулъ бы предложить, слѣдуя примѣру г. Яворскаго, другую догадку: Иванъ Пересвѣтовъ, „выѣзжіи изъ Литвы“, появился въ Москвѣ приблизительно около 1537—38 года; въ качествѣ лица, знакомаго съ постановкой военнаго дѣла въ западныхъ государствахъ, онъ явился ко двору и представилъ царю свой проектъ нѣкоторыхъ улучшеній въ военномъ дѣлѣ. Царь поручилъ боярину Михаилу Юрьевичу ознакомиться съ проектомъ Пересвѣтова; бояринъ ознакомился и далъ одобрительный отзывъ. Вскорѣ послѣ этого бояринъ умеръ, а Пересвѣтовъ остался въ неопредѣленномъ положеніи, тянувшимся 11 лѣтъ и побудившемъ его около 1549 года подать государю вторую челобитную. Все выказанное доселѣ опирается на вторую челобитную, результатъ которой намъ по извѣстности не знаемъ, внялъ ли царь молебъ Пересвѣтова и обратилъ ли вниманіе на него и его проекты; не знаемъ, игралъ ли какую-либо роль при дворѣ или вообще въ московскомъ государствѣ Пересвѣтовъ послѣ 1549 года. Можетъ быть, о немъ забыли, такъ какъ время было трудное—казанскіе походы; можетъ быть, онъ прекратилъ свое существованіе—палъ въ бою, умеръ отъ болѣзни, или, наконецъ, уѣхалъ обратно въ Литву: всякое изъ этихъ предположеній равно возможно, ибо данныхъ о дѣятельности Пересвѣтова во второй половинѣ XVI вѣка никакихъ нѣтъ. Предположимъ, что какимъ-либо образомъ Пересвѣтовъ сошелъ со сцены: послѣ него остались нѣкоторыя сочиненія (челобитная и 2 историческія повѣсти), осталась слава книжнаго и бывалаго человѣка; почему бы этой славой не воспользоваться лицамъ, окружавшимъ Юліана, для составленія публицистическихъ трактатовъ, долженствовавшихъ направить образъ мыслей и дѣятельность молодого царя извѣстнымъ образомъ и въ то же время провести въ сознаніе общества извѣстныя идеи? Невозможнаго въ этомъ предложеніи столько же, сколько и въ предположеніи г. Яворскаго о томъ, что поданная Пересвѣтовымъ челобитная внушила царю нѣкоторыя идеи, которыя и были имъ частью осуществлены впоследствии. Въ пользу моего предположенія можно добавить еще и то, что подобный путь созданія литературныхъ произведеній—совсѣмъ не необычное для древней Руси явленіе: сошлюсь на ту же бесѣду Сергія и Германа, сошлюсь на Моленіе, писанное какимъ-то не-заточникомъ, а приписанное Даниилу Заточнику, какъ было установлено академикомъ В. М. Истринымъ¹⁾.

¹⁾ Наконецъ, при такомъ предположеніи устраняется и странный фактъ, что всѣ

Но если я нахожу возможным примирить двѣ группы мнѣній и считать часть сочиненій Пересвѣтова подлинными, а часть лишь приписанными ему, то значеніе сочиненій его для характеристики эпохи отнюдь не умалется: Пересвѣтовъ ли или другой кто въ его время высказалъ въ этихъ сочиненіяхъ тѣ идеи, почва для которыхъ подготовлялась уже давно и которыя такъ или иначе высказывались раньше. Въ этомъ отношеніи прекрасную оцѣнку публицистическихъ воззрѣній, высказанныхъ въ приписываемыхъ Пересвѣтову сочиненіяхъ, сдѣлалъ г. Ржига въ IV и V главахъ своего сочиненія („Взгляды Пересвѣтова“, стр. 26—35, и „Пересвѣтовъ, какъ публицистъ эпохи Ивана Грознаго“, стр. 36—54). Здѣсь Пересвѣтовъ рисуется, какъ идеологъ и защитникъ самодержавной царской власти, какъ государственный умъ, умѣвшій отграничить область вопросовъ общественной нравственности отъ области политики, какъ гражданинъ, ясно понимавшій нужды и запросы своего времени. В. О. Ржига даетъ здѣсь характеристику Пересвѣтова, прибѣгая къ пути сравненія его съ другими литературными и общественными явленіями эпохи, и привлекательный образъ публициста XVI вѣка выходитъ столь яркимъ, что невольно хотѣлось бы не сомнѣваться, что это мысли дѣйствительно Ивана Пересвѣтова, а не анонимнаго какого-либо автора... Ю. А. Яворскій, въ виду суженной цѣли своей статьи, общей оцѣнки дѣятельности Пересвѣтова не представляетъ.

Остается еще одна сторона вопроса о Пересвѣтовѣ: вопросъ объ источникахъ его трудовъ и объ установленіи точныхъ текстовъ ихъ. Оба автора лишь слегка затронули вопросъ объ источникахъ: Яворскій, стр. 25—27, Ржига, стр. 49—52, при чемъ ими отмѣчено знакомство Пересвѣтова съ исторіей русской и западной, Священнымъ Писаніемъ, апокрифическими сказаніями, повѣстью о Дракулѣ и т. д. Мнѣ кажется, что для XVI вѣка, помимо обычнаго пріема исследователей древне-русской литературы—обнаруженія текстуальныхъ заимствованій, можно пользоваться и другимъ, примѣнимымъ уже къ новой литературѣ: если писатель высказываетъ какія-либо идеи, то необходимо искать не столько книжныхъ источниковъ этихъ идей и ихъ книжной же формулировки, сколько генезиса самихъ идей и исторіи ихъ развитія какъ въ литературѣ, такъ и въ явленіяхъ жизни. Та-

произведенія Пересвѣтова должно относить на время отъ 1546 до 1549 года (Ржига, стр. 19): выходитъ какъ-будто, что литературной дѣятельностью онъ занимался лишь 1—4 года. Естественноѣе предположить, что самъ онъ писалъ не такъ много, но имена его могли воспользоваться другіе.

кимъ путемъ яснѣе можетъ опредѣлиться принадлежность писателя къ известному направленію и значеніе его произведеній. Напримѣръ, образъ Магмета-салтана, жестоко карающаго всякое беззаконіе, у нашихъ изслѣдователей вызываетъ воспоминаніе о повѣсти о Дракулѣ; не проще ли было бы здѣсь видѣть источникъ болѣе жизненный—стремленіе оправдать Іоанна IV въ его дѣятельности (я не считаю обязательнымъ датировать сочиненія псевдо-Пересвѣтова именно 1547—49 гт.)? Равнымъ образомъ, характеръ взгляда Пересвѣтова на царскую власть долженъ быть объясненъ не только путемъ литературныхъ заимствованій, но главнымъ образомъ тѣми представленіями о царской власти, которыя развивались еще съ половины XV вѣка. Въ отношеніи выясненія и оцѣнки источниковъ Пересвѣтова оба труда оставляютъ еще широкое поле для изслѣдователей.

Изданіе сочиненій Пересвѣтова, сдѣланное г. Ржигой (стр. 55—84), можетъ удовлетворить историка, но не филолога: изданіе не палеографическое, титла раскрыты; относительно з и ѣ принято правило ставить ихъ (при раскрытіи титла) только тамъ, гдѣ они налицо въ рукописяхъ (стр. 58): правило странное, ибо въ корни подрываетъ всякое представленіе объ единствѣ орфографіи. Указывая варианты, издатель въ большинствѣ случаевъ не отмѣчаетъ, изъ какихъ именно рукописей онъ ихъ беретъ.

Въ упрекъ г. Ржигѣ слѣдуетъ поставить и пренебрежительное отношеніе къ „Сказанію о Петрѣ, волоскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи“ (Солов. Библ. № 433—863): „текстъ его не введенъ въ собраніе сочиненій Пересвѣтова, потому что 1) рѣчи Петра въ сказаніи въ общемъ сходны съ рѣчами въ первой челобитной, 2) рѣчи въ сказаніи носятъ слѣды позднѣйшихъ измѣненій, принадлежащихъ другому автору“ (стр. 58). Но въ такомъ случаѣ необходима была критическая работа надъ этимъ текстомъ и, конечно, работа болѣе серьезная, чѣмъ та, которая сдѣлана г. Ржигой на двухъ страницахъ (15 и 16) его труда: къ спеціальному изслѣдованію можно предъявить требованіе болѣе тщательнаго отношенія ко всему, что связано съ именемъ Пересвѣтова. Будемъ надѣяться, что г. Яворскій, обѣщающій „критическое разсмотрѣніе состава произведеній Пересвѣтова“, отнесется къ своему дѣлу съ болѣею тщательностью, чѣмъ отнесся въ данномъ пунктѣ г. Ржига.

С. Влассинскій.

Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, сообщенныхъ О. Гонсіоровскимъ, А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, И. А. Линниченко, С. А. Пташицкимъ и И. Режабкомъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1907, ст. V+IV+335+10 фототипическихъ таблицъ.

Рѣдко, конечно, встрѣчается, чтобы выходъ въ свѣтъ книги совпалъ съ ея 25-лѣтнимъ юбилеемъ, — а нѣчто подобное имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ. Книга, заглавіе которой я только что вынисалъ, появилась всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но за нею уже длинная и довольно сложная исторія.

Когда, въ 1883 г., появилась въ „Часописи чешскаго музея“ интересная статья Яна Ржежабка о Юрій-Болеславѣ князѣ галицко-волинскомъ (Jiri II posledni knize veskeré Malé Rusi), покойный академикъ А. А. Куникъ предложилъ Академіи Наукъ издать эту статью въ русскомъ переводѣ. Статья была переведена и отпечатана въ скоромъ времени. Но Куникъ, имѣя въ виду неполноту матеріала, привлеченнаго Ржежабкомъ къ своему изслѣдованію, не удовлетворился изданіемъ одного перевода, а задумалъ дополнить его матеріалами и изслѣдованіями, которыя дали бы возможно полный сводъ извѣстій объ этой интересной страницѣ исторіи Галицко-волинскаго государства. По порученію Академіи, проф. Линниченко, работавшій самъ въ этой области, написалъ критическія замѣчанія на статью Ржежабка, и они были напечатаны въ 1885 г. въ качествѣ приложения къ ней. Самъ Куникъ задумалъ дать сборникъ текстовъ (грамотъ и извлеченій изъ хроникъ) для исторіи послѣднихъ галицко-волинскихъ князей и послѣдовавшей борьбы за галицко-волинскія земли, съ объяснительными замѣчаніями („Объяснительное введеніе къ грамотамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ, касающимся исторіи Червонной Руси в., съ приложеніемъ подлинныхъ текстовъ“), и присоединилъ его къ переводу изслѣдованія Ржежабка. Выйди этотъ сборникъ въ такомъ составѣ въ свое время, въ 1885—86 гг., онъ былъ бы весьма цѣннымъ вкладомъ въ эту, очень слабо разработанную тогда область. Монографія П. Филевича по исторіи борьбы за галицко-волинскія земли, напимеръ, вышедшая нѣсколько лѣтъ позже (1890), не располагала всѣмъ матеріаломъ, включеннымъ въ сборникъ Куникомъ. Но Куникъ, какъ это, впрочемъ, съ нимъ часто бывало, успѣлъ охладѣть къ этому изданію, прожде чѣмъ было окончено печатаніе его приложений — быть можетъ, замѣтилъ неполноту или какіе-либо иные недостатки собраннаго матеріала. Печатаніе затянулось на долгіе годы, и, въ

концѣ концовъ, Куникъ умеръ (въ 1899 г.), не выпустивъ сборника.

По его смерти Академія рѣшила закончить печатаніемъ Куникова собраніе и, обновивъ сборникъ нѣкоторыми историко-библиографическими дополненіями, выпустить его въ свѣтъ. Въ этомъ видѣ въ 1900 г. сборникъ снова былъ готовъ къ выходу. Но редактировавшимъ его лицамъ пришла мысль сообщить сборнику новую цѣнность, присоединивъ къ нему фототипическіе снимки съ сохранившихся оригиналовъ грамотъ галицко-волинскихъ князей, съ объяснительными изслѣдованіями. Это снова отсрочило выходъ сборника на нѣсколько лѣтъ, но дѣйствительно придало ему совсѣмъ новое значеніе. Можно, положимъ, спорить, не лучше-ли было бы выпустить готовый сборникъ шесть-семь лѣтъ тому назадъ, а новые планы исполнить въ дальнѣйшихъ выпускахъ его, не суживая ихъ въ видахъ скорѣйшаго выпуска сборника. Кроме изслѣдованія по сфрагистикѣ было бы, напр., желательно найти въ немъ изслѣдованіе грамотъ со стороны палеографической и т. п. Но что касается старыхъ составныхъ частей сборника, то, несомнѣнно, что и въ 1900—1 г. онъ почти такъ же, какъ и теперь, были уже въ значительной степени устарѣвшими, такъ что эта послѣдняя проволочка не нанесла уже особаго ущерба научному интересу сборника, а внесла въ него дѣйствительно новую цѣнность.

Восьмидесятые и затѣмъ девяностые года принесли, послѣ появленія изслѣдованія Ржежабка, цѣлый рядъ работъ по вопросамъ, которымъ посвященъ былъ сборникъ. Въ русской научной литературѣ появились работы Лонгинова, Филевича, Линниченка, Иванова; въ украинской — Матієва, Мильковича, О. Терлецкаго и посвященные исторіи Галицко-волинскаго государства и позднѣйшей борьбѣ за его наслѣдіе томы моей Исторіи Украины; въ польской — труды Гожицкаго, Прохаски, Балцера. Эти работы значительно раздвинули и кругъ матеріаловъ сравнительно съ сборникомъ Куника, и поставили новыя точки зрѣнія на изслѣдуемые факты (ср. посвященные этой эпохѣ главы моего курса—1 гл. т. III и 1 гл. т. IV, въ новомъ изданіи, 1905—1907). Старый сборникъ, т. е. переводъ изслѣдованія Ржежабка и дополнительные статьи Куника и Линниченка, будетъ имѣть теперь больше историческій интересъ, хотя его сотрудники и постарались подновить его дополнительными историко-библиографическими и полемическими замѣтками. С. А. Пташицкій далъ указатель новѣйшей литературы эпохи, спеціально по вопросу о личности Юрія II,

но этот указатель (использовавший в мой список, составленный по просьбѣ г. Пташицкаго лѣтомъ 1900 г.) былъ напечатанъ еще въ 1900 г., и его теперь пришлось бы пополнить нѣсколькими специальными работами (см. указатели литературы въ моей Исторіи т. III, экскурсъ 12 и т. IV, экскур. 4), не говоря о работахъ, только упоминающихъ о Юри-Болеславѣ (упоминанія такихъ работъ въ разныхъ частяхъ сборника имѣютъ случайный характеръ). П. А. Линниченко далъ небольшія дополнительные замѣчанія по нѣкоторымъ изъ затронутыхъ въ его первоначальной статьѣ или выдвинутыхъ позднѣйшею литературою вопросовъ (ст. 105—112 и 204—6). Значительная часть ихъ посвящена полемикѣ съ нѣкоторыми мнѣніями, высказанными въ первомъ изданіи III т. Исторіи Украины-Руси, въ обзорѣ событий за время послѣднихъ галицко-волинскихъ князей. Имѣвъ возможность ознакомиться съ содержаніемъ этихъ замѣчаній, я въ новомъ изданіи этого тома подвергъ пересмотру спорные вопросы и критическія замѣчанія проф. Линниченка.

Наиболѣе существенный вопросъ, затронутый имъ въ этой полемикѣ, касается зависимости галицко-волинскихъ земель отъ Татарской орды.

Я считалъ эту зависимость *сравнительно* легкою: гораздо болѣе легкою, чѣмъ зависимость сѣверныхъ княжествъ, хотя эта болѣе легкая зависимость на югѣ вызывала сильное раздраженіе общества и горькія жалобы на эту позорную власть—можетъ быть, вслѣдствіе большей чуткости населенія въ сферѣ политической и правовой жизни. Проф. Линниченко въ своихъ первоначальныхъ замѣчаніяхъ на статью Ржежабка (признававшего полную независимость галицко-волинскихъ земель отъ татаръ во время послѣднихъ Романовичей) и еще болѣе въ возраженіяхъ на мои выводы (ст. 109—112) старается доказать, что, собственно, ощутительнаго различія въ формахъ зависимости отъ татаръ земель галицко-волинскихъ и земель сѣверныхъ, новолжскихъ—но было: „формы юридической зависимости одиѣ и тѣ же на сѣверо-востокѣ и на юго-западѣ“, есть лишь различіе въ „фактическомъ исполненіи“. Это, однако, не совсѣмъ точно: тутъ и тамъ признавалась зависимость отъ Орды, но формы зависимости не совсѣмъ тѣ же, а именно вопросъ и заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, въ какихъ формахъ проявляла себя зависимость отъ Орды на сѣверѣ и югѣ. Орда, вѣдь, считала украинскія земли подвластными очень долго: еще въ 1390-хъ гг. Тохтамышъ напоминалъ Мгаилу о присылкѣ дани со старыхъ татарскихъ улусовъ, и еще въ XV в. крымскіе ханы пере-

уступаютъ свои права на украинскіе и волыкорусскіе улусы великимъ князьямъ литовскимъ. Но зависимость этихъ земель отъ Орды за это время проходила чрезъ всѣ возможныя градаціи, отъ очень тѣсной зависимости, въ земляхъ непосредственно подвластныхъ Орды (какъ напр., Побожское и наднѣстрианское Поонизье), до чисто теоретической, номинальной. Я думаю, г. Линниченко не будетъ отрицать существеннаго значенія того факта, что въ галицко-волинскомъ государствѣ вопросъ о ханскомъ утвержденіи, ханскомъ ярлыкѣ, судя по всему тому, что даютъ наши источники, не игралъ роли при наслѣдованіи стола. Обязательная поѣздка на поклонъ въ Орду тутъ не имѣла мѣста; поѣздка Данила, вызванная какою-то, ближе намъ неясною опасностью со стороны Орды (соображенія см. у меня въ т. III², ст. 64—5), не перешла въ позднѣйшую практику. То обстоятельство, что участіе галицко-волинскихъ князей въ татарскихъ походахъ облекается въ вѣжливую форму татарской помощи нашимъ князьямъ противъ ихъ враговъ („присла... Ногай послы своя... тако река:, всегда ми жалуете на Литву, оже же вы даль есмь рать и воеводу с ними Мамъшъя, пойдете же съ нимъ на враги свое“), или же татары считаютъ нужнымъ врасплохъ захватить князей, чтобы принудить ихъ въ той или другой формѣ заявить свою покорность и зависимость („посла же послы к Данилови река:, иду на Литву, оже еси миренъ, поиди со мною“; или: „прислалъ бо бше тако река:, оже есте мои мирницы—срѣтете мя“) — по моему мнѣнію, имѣетъ также большое значеніе. Въ такихъ условіяхъ, въ это время, я думаю, не можетъ быть рѣчи о правильной ежегодной дани Орды, и полное молчаніе нашихъ источниковъ о ней или какихъ-либо ея атрибутахъ только подтверждаетъ ея отсутствіе. Существовала-ли она позже? Г. Линниченко считаетъ возможнымъ утверждать это, опираясь на словахъ Локетка. Но если даже принять чтеніе: *omnia tributa percipere consueverant* за подлинное (противъ варианта *omnia tributa*), то я все же остерегся бы на этомъ основаніи категорически утверждать существованію *правильной ежегодной дани*, въ виду отсутствія другихъ указаній на тѣсную зависимость галицко-волинскихъ земель отъ Орды (ср. пересмотръ этихъ вопросовъ въ новомъ изданіи третьяго тома моей Истории, ст. 100—3). Существованіе контрибуціи, уплачиваемыхъ Орды, „татарщины“ можно признавать и въ это время, но имѣла-ли она характеръ *правильный и постоянный*, вопросъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ ясный даже и въ виду словъ Локетка. И позже, во время литовской оккупации существовала „татарщина“ въ формѣ экстраординарной контрибуціи въ орду (кстати,

проф. Линниченко совсѣмъ напрасно усмотрѣлъ у меня по этому вопросу противорѣчіе: я принимаю существованіе періодической дани татарамъ на Подоліи въ періодъ непосредственной зависимости отъ татаръ, до литовской оккупации, и только экстраординарныя контрибуціи послѣ нея, согласно съ увѣреніемъ старой литовской лѣтописи, что Коріатовичи „начали боронити Подольскую землю отъ татар и босжаномъ выхода не почали давати“). И если тотъ же Локетекъ въ томъ же письмѣ называетъ князей галицко-волинскихъ земель „необоримымъ щитомъ“ Польши противъ татаръ, это заставляеть относиться съ осторожностью къ извѣстіямъ о болѣе тѣсной зависимости отъ татаръ этихъ князей.

Относительно другихъ возраженій проф. Линниченка отсылаю интересующихся къ своей Исторіи, т. III² с. 121 и 532. Здѣсь только отмѣчу его замѣчаніе по поводу моего изданія грамоты владимірскихъ мѣщанъ 1324 г., точнѣе, моихъ поясненій къ печати ея (въ Запискахъ Науковаго товариства Шовченка т. 72 с. 8). Я обратилъ тамъ вниманіе, что на печати имѣемъ изображеніе св. Георгія, который, насколько знаемъ, патрональнымъ святымъ Владимира не былъ, и въ виду этого поставилъ догадку, не явилось-ли это изображеніе на городской печати по связи съ личностью кн. Юрія Львовича, который могъ быть организаторомъ городской общины по западному, нѣмецкому образцу. Г. Линниченко. находитъ это объясненіе „едва-ли пріемлимымъ“, и замѣчаетъ: „печать могла быть княжеской“ (с. 205). Голословность заявленнаго сомнѣнія не даетъ мнѣ возможности оцѣнить его основаній. Что касается лаконическаго замѣчанія, что печать могла быть „княжеской“, то оно возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Какимъ образомъ княжеская печать могла быть приложена къ грамотѣ мѣщанской общины г. Владимира, выданной, судя по ея содержанію, безъ всякаго участія князя? И какому князю имѣла бы принадлежать эта печать—давно умершему Юрію Львовичу или Юрію-Болославу, первые слѣды дѣятельности котораго въ Галицко-волинскомъ государствѣ мы пока имѣли только съ 1325 г. (октября, какъ догадываются)?

Въ общемъ, несмотря на нелишнія интереса нѣкоторыя замѣчанія Куника и Линниченка, старый сборникъ, повторю, имѣеть теперь болѣе историческій интересъ—для справокъ по спорнымъ вопросамъ. Настоящая цѣнность вышедшей книги заключается въ ея новизнѣ частяхъ: собраніи снимковъ галицко-волинскихъ грамотъ и приложенномъ къ нему обширномъ изслѣдованіи ак. Лаппо-Данилевскаго о печатяхъ галицко-волинскихъ грамотъ (с. 211—308). А. С. Лаппо-

Данилевскому удалось разыскать исчезнувшій оригиналь грамоты Юрія-Болеслава 1325 г.; С. Л. Пташицкимъ указано было мѣстонахожденіе грамоты 1339 г. Такимъ образомъ, получилась весьма интересная коллекція снимковъ семи княжскихъ грамотъ (ки. Андрея и Льва 1316 г. и Юрія-Болеслава 1325, 1327, 1334, 1335 и 1339 г.), къ которымъ присоединена еще грамота Дмитра Додька, правителя Галиціи, 1341 г. вѣроятно ¹⁾). Прибавивъ сюда грамоту владимірскихъ мѣщанъ 1324 г., изданную мною, мы имѣемъ теперь факсимильные снимки всѣхъ извѣстныхъ въ оригиналь галицко-волинскихъ грамотъ до польской оккупациі, и приходится пожалѣть только, что всѣ эти грамоты латинскія и грамотъ славянскаго письма до насъ не дошла изъ этого времени ни одна.

Въ изслѣдованіи ак. Ланпо-Данилевскаго сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ оригиналахъ грамотъ и подвергнуты обслѣдованію печати, имѣющіяся при шести изъ восьми изданныхъ грамотъ: даны объясненія сохранившихся печатей въ освѣщеніи фактовъ и практики западно-европейской дипломатики и сфрагистики, въ очевидной зависимости отъ которой стоятъ наши грамоты и ихъ печати, и путемъ сравненія съ образцами западно-европейской сфрагистики подвергнуты анализу княжескія печати, въ особенности „печать величества“ грамотъ Юрія-Болеслава. При этомъ, исходя изъ фактовъ тѣснаго общенія галицко-волинскихъ земель и мѣстной династіи съ династіей и землями польскими и въ особенности тѣснаго родства послѣднихъ князей галицко-волинскихъ съ династіей мазовецкой, авторъ за аналогіями и образцами для галицко-волинскихъ печатей прежде всего обращается къ сфрагистикѣ польской ²⁾). Однако, при ближайшемъ пересмотрѣ оказывается, что въ сфрагистикѣ польской такихъ образцовъ или ближайшихъ аналогій не имѣется, а даютъ ихъ документы иныхъ странъ. Такъ для „печати величества“ (король на тронѣ) ближайшую аналогію даютъ печати датскаго короля Эрика Мюневда (конца XIII в.) и по ихъ образу сдѣланныя печати Любока; комбинаціи печати величества съ печатью конной, каковую находимъ на печатяхъ Юрія-Болеслава, польская сфрагистика не знаетъ, за то находимъ ее на печатяхъ

¹⁾ Жаль, что снимки даны въ разныхъ масштабахъ и нѣкоторые уменьшены слишкомъ сильно.

²⁾ Нѣсколько преувеличено здѣсь вообще значеніе польской галицкой традиціи для выясненія вопросовъ пѣзъ жизни галицко-волинской, и мало достовѣрныя подробности нѣкоторыхъ хроникъ пользуются несласлуженнымъ авторитетомъ, по поводу о Стрыйковскомъ, использованные рассказы котораго по большей части не имѣютъ никакой цѣны.

венгерскихъ и чешскихъ; для изображенія конной печати нашлось довольно близкое изображеніе на старой печати кн. Болеслава мазовецкаго 1229 г., которое въ данномъ случаѣ едва-ли могло послужить образцомъ, среди же современныхъ польскихъ печатей нельзя было отыскать подходящихъ.

Съ признательностью принимая эти наблюденія, эти факты непосредственной зависимости галицко-волынской дипломатики отъ западно-европейской (минуя польскую), я позволю себѣ нѣсколько замѣчаній относительно частностей обслѣдованія.

Прежде всего, мнѣ приходится пожалѣть, что почтенный авторъ не отнесся съ надлежащимъ вниманіемъ къ соображеніямъ, высказаннымъ мною относительно разсмотрѣнныхъ имъ княжскихъ печатей еще въ первомъ изданіи моей Исторіи и затѣмъ развитыхъ въ новомъ, второмъ. Я высказалъ тамъ догадку, не была-ли печать, которую мы видимъ при грамотахъ Юрія-Болеслава, печатью старшаго Юрія (Львовича), употреблявшейся его преемниками. Такая печать имѣется уже при грамотѣ Андрея и Льва, и въ ученой литературѣ давно уже было высказано предположеніе, что это печать Юрія Львовича, которую де его сыновья привѣсили къ грамотѣ, не успѣвъ за краткостью времени обзавестись собственной печатью. Это послѣднее соображеніе не можетъ имѣть мѣста: мы теперь знаемъ, что Юрьевичи имѣли весьма достаточно времени, чтобы соорудить собственные печати, но догадка, что мы имѣемъ здѣсь печать Юрія Львовича, сохраняетъ свое значеніе. А. С. Лаппо-Данилевскій, хотя и очень осторожно, склоняется къ другой альтернативѣ,—что мы здѣсь имѣемъ привѣшенную позже печать Юрія-Болеслава (с. 244); для этого приходится предположить, что первоначальная печать одного изъ князей при грамотѣ была утрачена и замѣнена печатью Юрія-Болеслава. Объясненіе, мнѣ кажется, болѣе сложное, чѣмъ предположеніе, что преемники Юрія Львовича пользовались его печатью. Кроме того, объясненіе, принятое въ изслѣдованіи, не устраняетъ другого затрудненія, а именно разницы въ титулѣ. На „печати величества“ кн. Юрія онъ титулуется королемъ: *sigillum domini Georgi regis Rusie*. Его сыновья и внукъ Юрій-Болеславъ въ своихъ грамотахъ никогда не присваиваютъ себѣ этого титула. Правда, отъ Юрія Львовича мы не имѣемъ ни одной грамоты и не можемъ констатировать, что онъ употреблялъ королевскій титулъ. Но по соображенію другихъ обстоятельствъ гораздо вѣроятнѣе сдѣлать такое предположеніе о немъ, чѣмъ о какомъ либо изъ его преемниковъ. Правленіе Юрія Львовича было послѣднимъ про-

блескомъ славы и силы Галицко-волинскаго государства, объединеннаго въ его рукахъ; послѣ него начинается періодъ упадка, и въ памяти потомства его время осталось свѣтлымъ, блаженнымъ періодомъ въ жизни галицко-волинскихъ земель („тогда бо бѣше въ своей чести и времени земля Волинская, вслкимъ обиліемъ и славою пренмуца, аще нынѣ по многихъ ратяхъ и не такова“; ср. характеристику Юрія у Длугоша, заимствованную, очевидно, изъ не дошедшихъ до насъ лѣтописей: „былъ мужъ мудрый, ласковый, для духовныхъ щодрый и подъ его управленіемъ Русь наслаждалась покоемъ и славилась своими богатствами“). На его печати королевскій титулъ не былъ бы ни сколько неожиданнымъ, а потомкамъ его было бы лестно печататься королевскою печатью своего предшественника. Употребленіе печати предшественника его преемниками въ средневѣковой практикѣ явленіе достаточно обычное, это признасть самъ авторъ (ст. 228—9), а если его смущаетъ то обстоятельство, что печать Юрія Львовича употреблялась бы „преемникомъ, принадлежавшимъ къ совсѣмъ иной линіи князей“, то я думаю, что его внуку Юрію по женской линіи, чувствовавшему себя нѣсколько пришельцемъ на галицко-волинскомъ столѣ, именно могло быть желательно подчеркнуть свою династическую связь съ своимъ дѣдомъ и державную традицію употребленіемъ старой печати.

Считая правдоподобнымъ старое мнѣніе, что къ грамотѣ Андрея и Льва была привѣшена печать ихъ отца, я высказалъ предположеніе, что, можетъ быть, и другая печать этой грамоты, со львомъ, — это старая печать ихъ дѣда Льва Даниловича. Въ такомъ случаѣ княжескія печати извѣстныхъ намъ грамотъ сводились бы къ двумъ печатямъ конца XIII и начала XIV вѣка — Льва Даниловича и Юрія Львовича. Вопросъ этотъ могло бы разрѣшить сравненіе этихъ печатей съ аналогическими образцами западно-европейскими — укажутъ-ли они на второе и третіе десятилѣтіе XIV вѣка или на конецъ XIII и (самое большое) начало XIV вѣка. Кое-что въ собранномъ г. Лапо-Данилевскимъ матеріалѣ (аналогія съ печатями Эрика датскаго, Вацлава II чешскаго и под.) могло бы указывать на это послѣднее — болѣе раннее время. Можетъ быть, если бы изслѣдователь имѣлъ въ виду эту возможность колебанія въ хронологіи, онъ успѣлъ бы подмѣтить факты, которые могли бы дать опорныя точки для рѣшенія этого вопроса, несмотря на плохое состояніе нашихъ печатей. Для меня, какъ для изслѣдователя этой эпохи, была бы важна — не защита выставленной мной тезы, а выясненіе аргументовъ pro и contra, которые дали бы намъ возможность болѣе или менѣе положительно знать, имѣемъ-ли мы дѣло

съ печатями старших князей или младших, и (подробность довольно существенная) — кто прилагалъ въ себѣ титулъ гех: Юрій старшій или Юрій младшій.

Изъ другихъ, не княжескихъ печатей авторъ далъ болѣе обстоятельный анализъ печати Дмитра-Дедька на грамотѣ его. Легенда печати, сообщенная здѣсь: + д... а да... печать, весьма интересна въ томъ отношеніи, что даетъ, наконецъ, возможность точнѣе установить этимологию имени этого выдающагося историческаго лица. Въ документахъ мы имѣли его имя въ латинскихъ транскрипціяхъ, которыя давали возможность установить форму *Дедько* (см. выводъ ея въ Исторіи т. IV, ст. 430), но при этомъ оставалось неяснымъ фонетическое качество слога *Де* — было ли *Д* мягкое или нѣтъ, а также и этимологія имени. Благодаря изданной легендѣ, мы знаемъ теперь этимологическую форму имени: *Дядько*, въ произношеніи звучавшую какъ *Дьодько* (*Дядько* въ современномъ украинскомъ правописаніи — форму эту я могъ до публикации легенды ставить только предположительно). Итакъ я звучало въ этомъ имени, какъ *д*, какъ и теперь звучитъ оно въ разныхъ галицкихъ діалектахъ, напримѣръ, въ сѣверно-восточныхъ Карпатахъ, гдѣ и теперь живетъ слово *дядько* въ значеніи отца.

Что касается значенія прозвища Дмитра Дедька, то Липио-Данилевскій склоняется къ старому объясненію: дядько — бывший пѣстунъ князя Юрія. Я считаю это толкованіе неправдоподобнымъ, по причинамъ, изложеннымъ въ цитированномъ экскурсѣ, посвященномъ этому дѣятелю (т. IV екск. 3).

Изъ другихъ не княжескихъ печатей печать еп. Феодора вполне аналогична съ свинцовыми галицкими печатями, изданными мною и привлеченными къ изслѣдованію авторомъ, въ особенности печатями Космы еп. галицкаго ¹⁾). Для печатей другихъ княжскихъ совѣтниковъ 1334 и 1335 гг. авторъ не указываетъ никакихъ аналогій и въ виду плохой сохранности этихъ печатей даже не пробуетъ болѣе ихъ анализировать. Между тѣмъ мы располагаемъ отличнымъ матеріаломъ для сравненія и объясненія этихъ боярскихъ печатей — это порстни съ печатями въ молотовскомъ кладѣ, описанномъ и изданномъ мною въ 1898 г. ²⁾, но оче-

¹⁾ Ссылаясь на мое изданіе этихъ печатей, авторъ беретъ въ кавычки слово „оловинный“. Смутно ли оно его? Въ украинскомъ языкѣ слово „оловинный“ значитъ свинцовый, какъ и въ старорусскомъ.

²⁾ „Молотівське срібло“ — Записки Наукового товариства імені Шевченка т. XXV и въ мѣсяцъ „Розвідки й матеріали до історії України-Руси“ кн. IV.

видно ускользнувшемъ отъ вниманія автора. Этотъ кладъ, найденный въ 1896 г. около Миколаева подъ Дгѣвстромъ, очень интересенъ какъ своимъ составомъ, такъ и своею хронологіею: онъ заключаетъ въ себѣ коллекцію типичныхъ образцовъ старорусскаго убранства, а нѣсколько десятковъ чешскихъ грошей первой половины XIV вѣка, найденныхъ при вещахъ, удостовѣряютъ, что мы имѣемъ наборъ предметовъ изъ эпохи, непосредственно предшествующей польской оккупациі, т. е. изъ того же времени, къ которому относятся печати княжскихъ совѣтниковъ нашихъ грамотъ. И вотъ въ этомъ кладѣ имѣется три перстня изъ простой серебрянной проволоки съ круглыми большими щитками, съ изображеніями птицы и легендами вокругъ нея, вполне аналогическими съ печатными оттисками при грамотахъ 1334 и 1335 г. (*печат + ванова, печат + скочкова*). Изображенія и надписи на этихъ щиткахъ вырѣзаны прямо и при оттискѣ дали бы обратныя изображенія, какъ и видимъ на одной изъ печатей, описанныхъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ. Птица, какъ оказывается, была здѣсь широко распространеннымъ печатнымъ знакомъ, но типы ея весьма различны, отъ болѣе реалистическихъ до вполне геральдическихъ, схематизированныхъ.

Этимъ закончу свои замѣчанія по поводу новаго сборника и весьма интереснаго и цѣннаго изслѣдованія ак. Лаппо-Данилевскаго. Но свѣтъ человѣческой неудовлетворимъ и ученый въ частности, и, выражал признательность инициаторамъ и исполнителямъ этого изданія за цѣнный вкладъ въ науку, я выскажу нѣсколько пожеланій относительно его продолженія.

Во-первыхъ, напомню, что въ изслѣдованія осталась владимірская печать 1324 г., по моему мнѣнію очень интересная: ея изображеніе, кажется, стоитъ на почвѣ туземной традиціи. (Кажется мнѣ, что и Львова печать грамоты 1316 г. ближе стоитъ къ этой традиціи, нежели печать Юрія, вполне зависящая отъ сфрагистики Запада). Слѣдовало бы привлечь и ее, чтобы завернуть дикъ галицко-волинскихъ печатей первой половины XIV вѣка. Во-вторыхъ, чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ печатяхъ и продолжать занятія по сличенію съ аналогическимъ матеріаломъ, недостаточно имѣть фототипическіе снимки, данные въ сборникѣ, которые почти не даютъ понятія объ изображеніяхъ: нужны *рисунки*, сдѣланные на основаніи тщательнаго изученія оригинала. Исслѣдователь дастъ рисунки чужихъ аналогическихъ печатей, но для нашихъ — имѣемъ только темныя пятна фототипій, которыя лишь отчасти восполняются его комментариемъ и не могутъ

замѣнить необходимыми рисунками. Наконецъ, третье и самое большое — кромѣ изслѣдованія сфрагистическаго желательнаго изслѣдованіе галицко-волынскихъ грамотъ со стороны палеографіи. Не можемъ ли мы надѣяться отъ Академіи, поларившей насъ этимъ сборникомъ, исполненія и настоящихъ деиздератъ въ будущемъ?

Мих. Грушевскій.

Отвѣтъ П. П. Замотину.

Возражая на нашу рецензію ¹⁾, г. Замотинъ указываетъ, что неудачное опредѣленіе романтизма, находящееся въ его книгѣ, сдѣлано не имъ, а заимствовано изъ иностранныхъ, яко бы неизвѣстныхъ намъ изслѣдованій. Странный пріомъ защиты! Вѣдь, если на Западѣ кто-либо изъ ученыхъ высказалъ неудовлетворительное сужденіе о романтизмѣ вообще, — къ чему повторять послѣднее! Покойный академикъ А. Н. Веселовскій, котораго довольно трудно упрекнуть въ малой начитанности, не былъ удовлетворенъ извѣстными ему мнѣніями о романтизмѣ и еще въ 1904 году писалъ: „Въ опредѣленіи не условились и теперь еще“. Ссылка на европейскіе авторитеты, въ данномъ случаѣ, не убѣдительна, ибо ко всѣмъ, безъ исключенія, изслѣдованіямъ надо умѣть относиться критически и отличать въ нихъ цѣнное отъ нецѣннаго; а для этого стоитъ только хорошо изучить тѣ *первоисточники*, на которыхъ основываютъ свои сужденія ученые. Отмѣчая свою неоригинальность, г. Замотинъ лишь подтверждаетъ наше положеніе, что его книга содержитъ въ собѣ цѣлый рядъ „ссылокъ на общіе курсы по исторіи литературы и на нѣсколько книжекъ по романтизму“, при чемъ, съ нашей точки зрѣнія, обнаружилось не вполне достаточное знакомство автора съ подлинными сочиненіями нѣмецкихъ философовъ и поэтовъ эпохи романтизма, о которыхъ онъ судитъ на основаніи отзывовъ то Брандеса, то иного лица. Не совсѣмъ умѣло комбинируя чужія идеи, г. Замотинъ и создалъ такую схему романтическаго идеализма, которая является „открытіемъ“ съ нашей русской ученой литературы и которая не примѣнима ни къ В. Скотту, ни къ Байрону. Ссылаясь на литературу предмета, нашъ уважаемый противникъ упустилъ изъ виду цѣлый рядъ трудовъ, какъ напр. Souriau, Ziesing'a, Rouge, Lasserre, Puch и проч.; но, съ другой стороны, дѣйствительно обратилъ наше вниманіе

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г., августъ.

на два сочиненія, намъ неизвѣстныя, которыя мы сочли долгомъ прочитати немедленно. Такова брошюра Г. Михневича (Опытъ простаго изложенія системы Шеллинга. Одесса, 1850) и статья г. Туганъ-Барановскаго: „Что такое социализмъ?“ (*Полярная Звѣзда*, 1906, № 12). Эти произведенія, можетъ быть, и очень высокаго качества, но, къ сожалѣнію, изъ нихъ нельзя извлечь такихъ свѣдѣній, которыя помогли бы разъяснить интересующій насъ вопросъ о романтизмѣ.

Въ своемъ возраженіи г. Замотинъ утверждаетъ, что онъ ознакомился съ твореніями нѣмецкихъ философовъ и поэтовъ въ оригиналѣ. Съ чувствомъ искренняго удовольствія вѣрнмъ ему и будемъ отнынѣ надѣяться, что въ его послѣдующихъ трудахъ встрѣтятся такія цитаты изъ нѣмецкихъ первоисточниковъ, которыя не будутъ всегда совпадать съ цитатами, попадающимися въ спеціальныхъ, либо популярныхъ сочиненіяхъ о романтизмѣ, иной разъ переведенныхъ на русскій языкъ ¹⁾.

Въ заключеніе не можемъ не подчеркнуть крайнюю разсѣянность, которую проявилъ г. Замотинъ, ссылаясь на тѣ отдѣлы нашего изслѣдованія „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма“, которые яко бы свидѣтельствуютъ о полномъ нашемъ невѣжествѣ въ области западно-европейскихъ литературъ. Упрекая насъ въ совершенномъ незнаніи французской журналистики, онъ упустилъ изъ виду, что на стр. 8—9 у насъ помѣщенъ подробный обзоръ майской книжки *Revue Encyclo-*

¹⁾ Приведемъ примѣры такихъ совпаденій изъ статей г. Замотина, его магистерской и докторской диссертаций.

Въ брошюрѣ „Голубой цвѣтокъ въ поэзіи Жуковскаго“ онъ цитируетъ стихотвореніе Новалиса: „Was rasst, das muss sich runden“ (8), которое помѣщено у Брандеса (Нѣмецкая литература. С.-Пб. 1900, стр. 86); въ статьѣ „Три романтическихкія мотива въ произведеніяхъ Гоголя“ приводятся слова Новалиса [Stimmungen, unbestimmte Empfindungen etc.], или: „Состояніе знанія есть свидѣніе“ (13, 17) и т. д.; нѣкоторыя изъ книгъ того же Брандеса (Нѣмецкая литература, стр. 73) и Шахова (Очерки литер. движенія. С.-Пб. 1894, стр. 173), и слова Шлейермахера („Тотъ, кто хочетъ выйти за предѣлы простаго созерцанія“ и т. д.), заимствованныя опять-таки изъ лекцій Шахова (Очерки, стр. 164). Въ магистерской диссертациі „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ“ фразы А. В. Шлегеля („Подражаніе природѣ и воспроизводъ ее“ и т. д.), Жанъ-Поля Рихтера (искусство не должно „быть въ крѣпостной зависимости у простаго подражанія“) [292] цитированы по книгѣ Г. Фолькельта (Современные вопросы эстетики. С.-Пб. 1899, стр. 40, 54); въ докторской диссертациі „Романтическій идеализмъ“ слова Фихте („Между всѣмъ народомъ“ и т. д.) и А. Шлегеля („Мы должны считать себя счастливыми“ и т. д.), [38—39] извлечены изъ „Исторіи новой философіи“ Фалькенберга (С.-Пб. 1894, стр. 387) и „Романтической школы“ Гайма (С.-Пб. 1891, стр. 687) и т. д.

pédique за 1827 г. и сдѣлана сравнительная характеристика этого журнала и *Московскаго Телеграфа*, при чемъ использованы труды Патин'а и Cucheval-Clarigny (4—7); заявляя о нашемъ незнакомствѣ съ сочиненіями философовъ, вліявшихъ на Полевого, онъ позабылъ, что на стр. 268—275 у насъ приведено не мало цитатъ изъ „Cours de philosophie“ (Paris, 1836) Кузена и извѣстнаго сочиненія Поля Жанэ „Victor Cousin et son oeuvre“ (Paris, 1885); утверждая, что Бёрнсъ отнесенъ нами *сознательно* къ нѣмецкимъ поэтамъ, онъ не подозреваетъ, что его „открытие“ есть указаніе на самый простой корректорскій промахъ, весьма возможный въ *библиографическомъ* отдѣлѣ. Этотъ промахъ былъ замѣченъ нами по отпечатаніи книги, почему и не внесомъ въ отдѣлъ опечатокъ; во *стѣхъ* другихъ мѣстахъ, гдѣ говорится о Бёрнсъ, послѣдному отведено подобающее мѣсто среди его соотечественниковъ (ср. стр. 160, 196, 396 и др.).

Г. Замотинъ, кажется, полагаетъ, что перечень недочетовъ нашего труда поможетъ ему защитить слабыя мѣста его диссертацин. Но подобный перечень—отступление отъ темы полемики. Уклоняясь въ сторону, и мы могли бы написать, что г. Замотинъ плохо знаетъ даже сочиненія Пушкина (Ром. идеализмъ, 191—192. Ср. *Л. Михайловъ*. Пушкинъ. С.-Иб. 1899, стр. 382—385).

II. Розининъ.

Книжныя новости.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ III. Вятка. 1908. Стр. 16+23+95+113.

Послѣ „Журналовъ“ комиссіи и ея „Отчетовъ“ за 1907 г., главное содержаніе разсматриваемаго выпуска составляютъ „Историческіе матеріалы“, гдѣ на первомъ мѣстѣ находимъ собраныя и редактированныя А. С. Верещанинымъ „Гримоны и акты Вятскаго архіерейскаго дома“, которые начаты печатаніемъ еще во второмъ выпускѣ „Трудовъ“ комиссіи 1907 года. Сюда вошло 66 документовъ, за время отъ 1669 по 1686 г. О значеніи этихъ документовъ было уже сказано въ свое время при обзорѣни упомянутого II выпуска. Изъ другихъ „матеріаловъ“ наиболѣе интересны „Наказы“ депутатамъ въ комиссію для составленія проекта новаго Уложенія, 1667 г., числомъ пять, отъ жителей городовъ Хлынова и Слободскаго съ ихъ уѣздами.

Весьма любопытны дальше сообщаемыя Г. А. Замитинимъ биографическія свѣдѣнія о Кс. Ал. Анфиловѣ и письма послѣдняго къ графу Н. П. Румянцеву, за время отъ 1806 по 1810 г. Крестьянинъ по происхожденію, вунецъ по роду занятій, нѣсколько разъ выбираемый въ бургомистры родного

города Слободскаго, Кс. Ал. Афилатовъ былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ для своего времени. По его инициативѣ возникла въ Лондонѣ, въ 1802 году, „Россійская купеческая кворта на всѣхъ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, каковыми пользуются англичане въ Россіи“; онъ былъ однимъ изъ основателей „Бѣломорской Компаніи“, съ цѣлью усовершенствованія и распространенія на сѣверѣ сельскихъ и китоловныхъ промысловъ; онъ первый изъ русскихъ купцовъ завелъ въ 1806 г. непосредственныя торговыя сношенія съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, откуда вывозилъ на своихъ трехъ корабляхъ, благодаря покровительству графа Н. П. Румянцева, бывшаго въ то время министромъ коммерціи, всѣ товары *безпошлинно*, и, наконецъ, около 1809 г. основалъ въ городѣ Слободскомъ *Общественный банкъ*.

Въ заключеніе укажемъ на напечатанныя въ III выпускѣ „Трудовъ“ формулярныя списки о службѣ М. Е. Салтыкова за 1851—1855 гг. и на замѣтку свѣщ. Н—на, который довольно основательно выражаетъ свое сомнѣніе по поводу рассказовъ Л. П. Спасской (въ I вых. „Трудовъ“ Вятской комиссіи 1905 г. и въ „Календарѣ Вятской губерніи на 1903 г.“), приписывающей освобожденіе М. Е. Салтыкова изъ Вятки заступничеству Н. Н. Ланской, по первому браку Пушкиной.

Иеромонахъ Клеона, строитель Введенской пустыни Владимірской епархіи. (1760—1778 гг.). Составилъ *В. Добровравовъ*. Изданіе настоятеля Введенской пустыни игумена Юсифа. Губ. гор. Владиміръ. 1908. Стр. 67.

Шестнадцать лѣтъ (1760—1778 гг., съ перерывами) управлявшій Введенской обителью іеромонахъ Клеона, по происхожденію малороссъ, „выходецъ изъ-за границы Аѳонской горы Зуграфскаго монастыря“, оставилъ по себѣ чрезвычайно добрую память и въ братіи пустыни, и среди мірянъ, которые только и поддерживали безбѣдное существованіе обители своими „вкладами“. „Богомольцы“, пишеть въ своемъ предисловіи г. В. Добровравовъ, „посѣщающіе пустынную обитель, считаютъ всегда своимъ долгомъ помолиться у его могилы, отслужить по немъ панихиду. У надгробнаго камня почившаго строителя всегда теплится лампада, и нерѣдко возжигаются благочестивыми чтилельми свѣчи“. Ко всѣмъ сообщеніямъ изъ жизни строителя Клеоны богомольцы относятся съ „живѣйшимъ и глубочайшимъ вниманіемъ“.

Главнымъ матеріаломъ для его біографіи до сихъ поръ служили „Записки о. Ософана, архимандрита Кирпилья-Новосемскаго монастыря“, два года жившаго въ Введенской обители при Клеонѣ и составившаго довольно подробную его характеристику. Позднѣйшіе историки Введенской пустыни повторили лишь свѣдѣнія о. Ософана о Клеонѣ и привнесли весьма незначительныя подробности, не всегда оправдываемыя фактическими данными.

Пожизненный членъ Владимірской уездной архивной комиссіи, В. Г. Добровравовъ, разбирая документы переславской духовной консисторіи (которые теперь всѣ вмѣстѣ съ архивомъ суздальской духовной консисторіи хранятся въ гор. Владимірѣ), нашелъ среди нихъ три письма іеромонаха Клеоны, которыя писалъ послѣдній переславскому архіерею и братіи Введенской пустыни въ объясненіе своего саховольнаго ухода изъ обители, въ попискахъ „уднненія“, самое дѣло по поводу этого, дважды повторявшагося, ухода и составленную

Клеопю „вѣдомость, како церковное положеніе Введенской островной пустыни исправляется“. Эти документы до сего времени не были известны и дали возможность В. Г. Добронравову фактически освѣтить свѣтлую личность благочестиваго и гуманнаго инока-сподвижника и брата-управителя, іеромонаха Клеопы, рѣзко отличавшагося отъ прочихъ „строителей“ еще и тѣмъ, что онъ всегда отказывался отъ жертвованной землею, рыбными ловлями и проч., признавая связанныя съ ними „мірсвія“ занятія не соответствующими дѣйствительной иноческой жизни. О любви къ нему братіи и „вкладчиковъ“ свидѣтельствуется то, что двойное возвращеніе его къ управленію обителью состоялось лишь по настоятельнымъ просьбамъ тѣхъ и другихъ, которымъ должны были уступить даже строгіе приговоры преосвященныхъ.

Биографія написана живымъ, литературнымъ языкомъ и, несомнѣнно, дастъ полное удовольствіе почитателямъ строителя Клеопы.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ 1908 года.

— Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ IV. Вятка 1908. 24+213+306+97+III стр.

— *Ястрбовъ, И. В.* Этюды о Петрѣ Хмельницкомъ и его времени. (Изъ исторіи гуситской мысли). Выпускъ I. С.-Пб. 1908. VII+258+X стр. Цѣна 2 руб.

— *Спицынъ, А.* Археологическія развѣдки. Съ 110 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1908. 96 стр. Цѣна 40 коп. Императорская Археологическая комиссія.

— Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томъ первый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1810 года по 1829 годъ. С.-Пб. 1908. VIII+917 стр.

— *Prochuska, Anton.* Król Władysław Jagiełło. W Krakowie. Akademia Umiejętności. Nakładem funduszu Nestora Bucowicza. 1908. — Том I. VII+414 стр. — Том II. 433 стр.

— *Шереметевъ, графъ Павелъ.* О князьяхъ Хованскихъ. М. 168 стр.

— Памятная книжка Константиновскаго жежеваго института (11-й годъ изданія). На 1-е января 1908 года. М. 1908. 53+102 стр.

— *Abraham, Wł.* Jakób STĘPA ARCIBISKUP HALICKI. 1391—1409. Z 7 tablicami. W Krakowie. Nakładem Akademii Umiejętności. 1908. 111 стр.

— MONUMENTA MEDII Aevi HISTORICA RESGESTAS POLONIAE ILLUSTRANTIA. W Krakowie 1908. Nakładem Akademii Umiejętności. — Tomus XIII. Continent: Acta capitulorum saeculi XVI selecta 1519—1578. Volumen I. Pars I. Akta Kapituł z wieku XVI wybrane. Wydał B. Ulanowski. Tom I. Część I. Akta Kapituł Poznańskiej i Włocławskiej (1519—1578). 360 стр. — Tomus XVIII. Continent: Acta capitulorum nec non iudiciorum ecclesiasticorum selecta edidit B. Ulanowski. Volumen III. Pars I. Acta iudiciorum ecclesiasticorum dioecesium Plocnensis, Wladislaviensis et Gnieznensis (1422—1533). 388 стр.

— Статистика Россійской Имперіи. LXVII. Урожай 1907 года. II. Уровые

хлѣба и картофеля. XXXI+XXXVII+417+13 картограммъ.—III. Озимые и яровые хлѣба и картофеля, ленъ, конопли, хлопокъ и сѣно. Кавказъ, Туркестанъ и Восточная Сибирь. CLI+148 стр. С.-Пб. 1908. Изданіе Центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ШКОЛЬНЫЯ ЭПИДЕМИИ И МѢРЫ БОРЬБЫ СЪ НИМИ.

Вопросъ о школьныхъ эпидеміяхъ очень важенъ, это не требуетъ доказательствъ. И какъ водится, этотъ вопросъ, подобно многимъ другимъ важнымъ вопросамъ, весьма мало разработанъ у насъ. Между тѣмъ отчетливое знаніе дѣла является предпосылкой рациональныхъ мѣропріятій въ немъ. Вотъ почему врачебно-санитарная часть министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ своихъ первостепенныхъ задачъ считаетъ также организацію школьно-санитарной статистики. Въ настоящее время уже подходит къ концу предпринятая впервые обработка статистическаго матеріала о заболѣваніяхъ учащихся (въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія) вообще и о школьныхъ заболѣваніяхъ въ частности. По помимо этого матеріала, во врачебно-санитарной части имѣется еще и другой матеріалъ по данному вопросу, а именно — свѣдѣнія о закрытіи учебныхъ заведеній по случаю появленія въ нихъ эпидемическихъ заболѣваній. Само собою разумѣется, что этотъ матеріалъ не можетъ дать дѣйствительныхъ цифръ заболѣваемости учащихся заразными болѣзнями, такъ какъ не всѣ виды заразныхъ болѣзней вызываютъ закрытіе учебнаго заведенія, а только наиболѣе опасныя, при чемъ отдѣльные случаи этихъ болѣзней также не вызываютъ закрытія учебнаго заведенія. За то эти цифры служатъ характеристикой того, что у насъ понимается подъ эпидеміей и какихъ размѣровъ достигаютъ эпидеміи въ школахъ. Послѣ разбора статистическаго матеріала нами будетъ изложенъ очеркъ мѣропріятій противъ школьныхъ эпидемій общаго характера и частныхъ мѣръ, принимавшихся на мѣстахъ. Прежде чѣмъ перейти къ собраннымъ нами даннымъ, мы приведемъ здѣсь въ краткомъ видѣ главнѣйшую доступную намъ литературу

вопроса о школьныхъ эпидеміяхъ и о заразныхъ заболѣваніяхъ среди учащихся вообще. Литература эта очень не богата, если причислить къ ней даже отдѣльныя страницы разныхъ специальныхъ отчетовъ.

Большой матеріалъ собранъ въ отчетѣ д-ра Демьянкова о заболѣваемости и смертности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. По даннымъ этого отчета за десятилѣтній періодъ 1876—1886 гг. было 90.321 заболѣваніе, изъ которыхъ на долю инфекционныхъ приходилось 38.913 случаевъ, что составитъ на 100 здоровыхъ 48, 67%. За періодъ времени въ 9 лѣтъ, съ 1886 по 1894 годъ, изъ 83.838 случаевъ заболѣванія на долю инфекционныхъ болѣзней приходится 31.677 случаевъ, что составитъ на 100 списочнаго состава здоровыхъ 35, 18% и на 100 заболѣваній — 37, 78%. По роду и количеству инфекционныхъ заболѣваній среди учащихся военно-учебныхъ заведеній за послѣднія 9 лѣтъ (1886—1894 г.) распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Абсолютное число забо- лѣваній за 19 лѣтъ.	Въ % на 100 здо- ровыхъ.
Тифъ брюшной	399	0,44
„ возвратный	91	0,10
„ сыпной	6	0,01
„ абортивный	161	0,18
Гриппъ	10.938	12,15
Перемежающаяся лихорадка	12.163	13,50
Кровавый поносъ	91	0,10
Эпидемическое воспаленіе спинно-мозговой обо- лочкы	14	0,02
Заушница	2.257	2,50
Коклюшъ	95	0,10
Дифтеритъ и крупъ	215	0,24
Оспа натуральная	30	0,03
Оспа вѣтряная и вариолоидъ	926	1,03
Скарлатина	996	1,16
Корь	2.586	2,78
Краснуха	307	0,34
Рожа	832	0,97

По медицинскимъ отчетамъ, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи въ 1900—1901 учебномъ

году среди воспитанницъ интернатовъ наблюдалось 11.269 заболѣваній, изъ нихъ 4.051 инфекціонныхъ; въ мужскихъ интернатахъ отгѣчено 1.057 заболѣваній, въ томъ числѣ 335 случаевъ остро-заразныхъ заболѣваній. По числу заболѣваній болѣзни идутъ въ слѣдующемъ убывающемъ порядкѣ: influenza (1.582), краснуха, малярія parotitis (381), febris interm. (307), корь (147), скарлатина (83), дифтерія (105) и т. д. Въ 1901—1902 учебномъ году въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ этого вѣдомства насчитывалось 11.635 больныхъ, изъ нихъ остро-заразными болѣзнями 4.331, въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ — 1.283 больныхъ, изъ нихъ 434 инфекціонныхъ. Среди инфекціонныхъ и въ этомъ году первое мѣсто занимала инфлюэнца (1.694), затѣмъ шла заушница (780), корь дала 231 заболѣваніе, скарлатина — 83, varicella — 175, дифтерія — 56 и такъ далѣе.

По даннымъ д-ра Михайлова ¹⁾ за періодъ въ 6 лѣтъ (1889—1894) между 13.000 учениками начальныхъ городскихъ школъ города Москвы наблюдался слѣдующій процентъ заболѣваній всѣми инфекціонными болѣзнями и болѣзнями болѣе опасными:

	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
Всѣми инфекціонными болѣзнями . . .	3,7%	4,2%	5,4%	4,8%	4,5%	3,2%
Дифтеритъ и скарлатина	0,75%	1,1%	1,15%	1,0%	1,25%	0,9%

Средняя цифра за пять лѣтъ заболѣваній нѣкоторыми болѣзнями изъ 13.000 учениковъ составляла слѣдующія доли процента: корью— $\frac{2}{3}$ %, скарлатиной — $\frac{3}{4}$ % и дифтеритомъ $\frac{1}{4}$ %.

Въ 1905 году женщина-врачъ Матвѣева сообщила данныя объ остро-заразныхъ болѣзняхъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ Петербурга и о мѣрахъ борьбы съ ними. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ ежегодное число больныхъ составляетъ 3.328—3.126 человекъ, или 16,2—13,6% по отношенію къ числу учащихся каждаго года. Болѣе $\frac{1}{3}$ общаго числа больныхъ заразными болѣзнями падаетъ на гриппъ, затѣмъ идетъ заушница и вѣтряная оспа. Корь давала отъ 205 до 387 случаевъ заболѣваній въ годъ, коклюшъ отъ 57 до 182, дифтерія отъ 67 до 122 и скарлатина отъ 77 до 178. Приведенныя цифры, по мнѣнію автора, не особенно велики, если принять, во вниманіе число учащихся, превышающее 20.000, и то

¹⁾ Цитир. по Филиппову.

обстоятельство, что Петербургъ никогда не бываетъ свободенъ отъ заразныхъ болѣзней, поражающихъ больше всего немущее населеніе; къ которому принадлежатъ учащіеся въ народныхъ школахъ. При сравненіи заболѣваемости дѣтей обоего пола оказывается, что почти постоянно дѣвочки хвораютъ чаще мальчиковъ. Что касается многоклассныхъ училищъ, имѣющихъ 12 — 20 классовъ, то они не только не представляютъ усиленной заболѣваемости остро-заразными болѣзнями, но даже уступаютъ многимъ участкамъ по числу такихъ заболѣваній. Авторъ объясняетъ это явленіе санитарнымъ благоустройствомъ указанныхъ училищъ, для которыхъ построены спеціальныя зданія. Въ гораздо худшихъ условіяхъ находятся училища съ 6 и 9 классами, такъ какъ они помѣщаются въ зданіяхъ наемныхъ. На основаніи приведенныхъ данныхъ авторъ заключаетъ, что устройство большихъ школьныхъ домовъ „въ высшей степени желательно“, такъ какъ въ нихъ легче всего провести всѣ санитарныя мѣры. Въ общемъ, развитіе школьныхъ эпидемій среди начальныхъ училищъ Петербурга, требующихъ закрытія школъ и прекращенія учебныхъ занятій, наблюдается „чрезвычайно рѣдко“.

Въ числѣ мѣръ борьбы съ заразными болѣзнями въ школахъ авторъ указываетъ слѣдующія: врачебный осмотръ учащихся, извѣщенія, посылаемые въ школу думскими и санитарными врачами о случаяхъ заболѣваній учащихся или заболѣваній въ ихъ семьяхъ, вывѣшиваніе въ каждомъ училищѣ правилъ объ изоляціи заболѣвшихъ и т. п. Авторъ упоминаетъ также о введеніи школьныхъ туфель, которыя надѣваются дѣтьми вмѣсто сапогъ по приходѣ въ училище. Благодаря этому, грязь и пыль, пристающая къ обуви дѣтей, большинство которыхъ не имѣетъ галошъ, въ классъ не попадаютъ.

Д-ръ В. И. Асѣевъ въ своемъ описаніи санитарнаго состоянія земскихъ начальныхъ училищъ Курской губ., въ 1893 году, между прочимъ упоминаетъ, что появленіе среди учениковъ заразныхъ заболѣваній отмѣчено въ 180 училищахъ, что составляетъ 42%. Большинство заразныхъ заболѣваній выражается въ формѣ единичныхъ заболѣваній; поголовное распространеніе пріобрѣтаютъ только корь, свинка, а также гнойное воспаленіе глазъ; изъ другихъ болѣзней сравнительно чаще такой характеръ получаетъ оспа. Среди предупредительныхъ мѣръ чаще всего примѣнялось удаленіе заболѣвшихъ изъ школы, вакцинація и ревакцинація; къ закрытію школы прибѣгали довольно рѣдко, еще рѣже упоминалось о дезинфекціи школьныхъ помѣщеній. Увѣдомленіе врача или, по крайней мѣрѣ, ближайшаго

фельдшера, при сколько-нибудь замѣтномъ числѣ больныхъ, по словамъ автора, практиковалось вездѣ. Болѣе точныхъ и подробныхъ данныхъ по этому вопросу въ обстоятельномъ трудѣ д-ра Асѣева не имѣется, такъ какъ онъ касается его лишь вскользь.

Д-ръ Филипповъ въ 1899 году въ своемъ докладѣ „о борьбѣ съ заразными болѣзнями въ школахъ“ подвергаетъ критикѣ правила медицинскаго совѣта объ изоляціонныхъ срокахъ для заболѣвшихъ заразными болѣзнями учащихся и приводитъ полученныя имъ данныя о распространеніи эпидемическихъ заболѣваній въ двухъ народныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія. Данныя д-ра Филиппова имѣютъ гадательную цѣнность, такъ какъ получены имъ путемъ вычисленія и слѣдующихъ соображеній. Имъ просмотрѣны школьные журналы—одной школы за 15 лѣтъ (имѣвшей въ среднемъ 80 учениковъ) и другой за 10 лѣтъ (имѣвшей въ среднемъ 50 учениковъ)—въ которыхъ аккуратно дѣлались отмѣтки объ отсутствіи учениковъ; причиной пяти непрерывныхъ отсутствій авторъ считалъ какое-либо инфекціонное заболѣваніе. На основаніи этого соображенія авторъ исчислилъ за 15 лѣтъ одновременныхъ заболѣваній въ первой школѣ: по 3 человека—въ 30 мѣсяцевъ, по 4—въ 3 мѣс., по 5—въ 2 мѣс., по 7—въ 2 мѣс., по 8—въ 1 мѣс., а всего 38 мѣсяцевъ и 135 учебныхъ мѣсяцевъ. Въ другой школѣ за 10 лѣтъ имъ насчитано: по 3 человека—въ 24 мѣсяца и по 5 чел.—въ 5 мѣс., итого 29 мѣс. изъ 90 учебныхъ мѣсяцевъ. „Изъ этихъ цифръ видно, заключаетъ авторъ, какая ничтожная заражаемость инфекціонными болѣзнями въ этихъ школахъ, дурно обставленныхъ въ гигиеническомъ отношеніи“. Въ числѣ мѣръ борьбы съ инфекціонными заболѣваніями въ школахъ авторъ ставитъ съ одной стороны „правильное развитіе, укрѣпленіе и закаленіе дѣтскаго организма“ и съ другой—„удаленіе и уничтоженіе изъ школы инфекціонныхъ очаговъ опасныхъ заболѣваній“. „Мѣры изоляціонныя и карантинныя, по мнѣнію автора, слѣдуетъ оставить въ полной силѣ только при опасныхъ болѣзняхъ, какъ скарлатина и дифтеритъ, въ остальныхъ же случаяхъ должно практиковаться удаленіе на извѣстный срокъ заболѣваго ученика и возвращеніе его въ школу послѣ соответствующей дезинфекціи“.

Еще меньше мы имѣемъ спеціальныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ эпидеміяхъ среди учащихся.

Въ 1886 году д-ръ Троицкій, описывая школьную эпидемію перинартита среди дѣтей Подольскаго дневнаго пріюта, говоритъ: „Нерѣдко наблюдаются эпидеміи (перинартита) среди дѣтей школы, за-

нимающей нижній этажъ зданія, тогда какъ среди школьникоуь второго этажа того же зданія, находящихся приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ и представляющихъ, повидимому, столь же удобную почву для заболѣванія, эпидемія не развивается; только въ томъ случаѣ она разовьется и въ верхнемъ этажѣ, если послѣдній посредствомъ лѣстницы находится въ непосредственной связи съ нижнимъ этажемъ, если дѣти обѣихъ школъ проводятъ вмѣстѣ достаточно времени“. Всѣхъ учившихся въ пріютѣ было 73 дѣтей отъ 6 до 11 лѣтъ (46 мальчиковъ и 27 дѣвочекъ), заболѣло перипаротитомъ 44, то есть, 60%; среди мальчиковъ заболѣвшіе составляли 52%, среди дѣвочекъ—74%. Первые случаи заболѣваній наблюдались у дѣвочекъ; первый мальчикъ заболѣлъ тогда, когда среди дѣвочекъ было уже 12 заболѣвшихъ. Это преобладающее заболѣваніе дѣвочекъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что между дѣвочками существуютъ болѣе близкія отношенія, они держатся вмѣстѣ и на урокахъ и въ промежуткахъ между ними. Найти источникъ заразы автору не удалось. Во второмъ этажѣ того же дома, гдѣ былъ пріютъ, помѣщалось народное училище. Хотя учащіеся въ этомъ училищѣ были приблизительно того же возраста, тѣмъ не менѣе заболѣваній среди нихъ не наблюдалось. Авторъ приписываетъ это тому, что это училище имѣло отдѣльный ходъ, и дѣти пріюта могли сталкиваться съ учениками его лишь не надолго и случайно, такъ какъ часы отдыха тѣхъ и другихъ не совпадали. Авторъ въ заключеніе высказываетъ мнѣніе, что „отдѣлять больного перипаротитомъ ребенка отъ окружающихъ здоровыхъ дѣтей совершенно излишне“, но прибавляетъ, что „такой совѣтъ по-зволителенъ только относительно дѣтей 6—12 лѣтъ“.

Въ 1902 году д-ръ Троицкій описалъ еще эпидемію перипаротита среди воспитанницъ пансіона гр. Левашевой въ Кіевѣ. Эпидемія продолжалась 35 дней, больныхъ было 33, въ возрастѣ отъ 9 до 15 лѣтъ. Весь интересъ описываемой эпидеміи заключался въ осложненіи око-лоушницы пораженіемъ яичниковъ, что выражалось чувствительностью, даже болѣзненностью, при примѣненіи обычнаго ручного пріема изслѣдованія черезъ покровы живота. Изъ 33 заболѣвшихъ это осложне-ніе наблюдалось у 13, при чемъ 8 изъ нихъ уже имѣли мѣсячныя, а у 5 ихъ еще не появлялось.

Сравнительно, больше данныхъ мы имѣемъ о распространеніи тра-хомы среди учащихся, благодаря трудамъ земскихъ врачей.

Д-ръ Александровъ осмотрѣлъ въ 1892—3 учебномъ году 980 уча-щихся въ 12 сельскихъ школахъ Мелитопольскаго уѣзда и нашелъ

среди нихъ пораженныхъ трахомой 296 учащихся или 31%; при этомъ оказалось, что число больныхъ трахомой прямо пропорціонально числу лѣтъ, проведенныхъ ими въ школѣ, и въ послѣднемъ классѣ увеличивается почти въ 20 разъ противъ перваго, а именно:

1-ый годъ пребыванія въ школѣ—	4,	3%	бол. трахом.
2 " " " " " "	19,	9%	" "
3 " " " " " "	59,	9%	" "
4 " " " " " "	84,	5%	" "

Д-ръ Дедюринъ въ 1893 г. въ 13 народныхъ школахъ Малмыжскаго уѣзда нашелъ 161 трахоматознаго (изъ 1174 осмотрѣнныхъ имъ учащихся), что составитъ 13, 5% осмотрѣнныхъ; наибольшее число заболѣваній наблюдалось у вотяковъ.

Д-ръ Гальперинъ въ 1900 году, сообщая о ежегодномъ, въ теченіи 15 лѣтъ, наблюденіи имъ трахоматозныхъ больныхъ въ земскихъ школахъ Воронежской губерніи, не признаетъ однако необходимости удалять этихъ больныхъ изъ школы. „Я лично пока не видалъ еще случая трахомы, говоритъ онъ, приобрѣтенной въ школѣ, не наблюдалъ и прогрессированія ея въ школѣ“.

Д-ръ Ястремскій даетъ свѣдѣнія о распространеніи школьной трахомы въ Курской губерніи въ 1901 году, по даннымъ осмотровъ учащихся земскими врачами. Всего было осмотрѣно въ 366 школахъ 24.500 учащихся (мальчиковъ 73,8% и дѣвочекъ— 26,8%); среди нихъ обнаружено 2.209 трахоматозныхъ, что составляетъ 8,6% по отношенію ко всѣмъ осмотрѣннымъ, въ частности же составляетъ 9,1% по отношенію къ мальчикамъ и 8,2% по отношенію къ дѣвочкамъ. Этотъ авторъ также признаетъ нежелательнымъ удаленіе изъ школы больныхъ трахомой дѣтей, за исключеніемъ острыхъ случаевъ, сопровождающихся усиленными отдѣленіями конъюнктивы.

Д-ръ Шило осмотрѣлъ въ 42 школахъ Курскаго уѣзда 2.912 учащихся, среди которыхъ оказались зараженными трахомою 1.683 чел., что составляетъ 57,7% на все число осмотрѣнныхъ. По наблюденію автора въ одной школѣ, 70% учащихся поступать въ школу уже больными трахомой. Этотъ же авторъ сообщаетъ данныя д-ра Гинзбурга о трахомѣ въ Воронежской губерніи: въ 1897 году земскими врачами въ 78 земскихъ школахъ осмотрѣно 5.804 ученика, среди которыхъ оказалось 215 больныхъ трахомой, что составляетъ всего лишь 3,5%. Этотъ же авторъ представилъ образецъ составленнаго

имъ „Трахоматознаго школьнаго листа“ для регистраціи заболѣвшихъ трахомой школьниковъ.

Врачъ Полянская на основаніи изслѣдованія 6 школъ Курской губерніи въ 1904 году сообщаетъ, что черезъ годъ ученія число трахоматозныхъ увеличивается въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза.

Приводимъ здѣсь также указанія на спеціальныя изслѣдованія о туберкулезѣ среди учащихся и эпидеміи маляріи въ одной школѣ.

Въ 1889 г. д-ръ Груздевъ произвелъ опытъ поголовнаго изслѣдованія мокроты на чахоточныя палочки у дѣтей школьнаго возраста. Матеріаломъ для наблюденія послужили 262 ученика Костромскаго духовнаго училища, въ возрастѣ 18—9 лѣтъ, изъ нихъ 104—постоянные жители гор. Костромы и ея пригородовъ, а 158—изъ разныхъ селъ Костромской губерніи. Изъ указанного числа мокрота изслѣдовалась лишь у 55 учениковъ, то-есть у всѣхъ, имѣвшихъ чахотку въ родствѣ и сколько-нибудь подозрительныхъ. Чахоточныхъ палочекъ ни у кого найдено не было.

Въ 1902 году д-ръ Лавровъ указалъ на развитіе маляріи среди учениковъ сельско-хозяйственной школы Нижегородскаго уѣзда. Всѣхъ учениковъ было 26, изъ нихъ не имѣло маляріи только двое; изъ больныхъ учениковъ 17 человекъ впервые получили малярію уже будучи въ школѣ, 10 человекъ въ теченіе перваго года и 7—въ теченіе втораго. По причинѣ маляріи учениками пропущено въ году 185 учебныхъ дней. Въ числѣ мѣръ борьбы были указаны слѣдующія: осушеніе мѣстности, устройство изолирующаго слоя въ нижнемъ этажѣ зданія, устройство непроницаемыхъ выгребныхъ ямъ, заготовка нижняго бѣлья на 2 смѣны въ недѣлю для каждаго ученика, употребленіе для мытья бѣлья и для бани ключевой воды, теплая одежда, уменьшеніе числа рабочихъ часовъ, улучшенное питаніе, аптечки, правильный санитарный надзоръ и ознакомленіе учащихся съ основами гігіены.

Укажемъ здѣсь попутно тѣ мѣры, которыя предпринимались общественными организаціями или указывались отдѣльными лицами.

Въ 1888 году проф. Эрисманомъ по предложенію санитарнаго совѣта московскаго земства были выработаны правила для руководства при закрытіи школъ по случаю распространенія среди учащихся заразной болѣзни.

Проф. Быстровъ еще въ 1891 году писалъ о необходимости установленія сроковъ изоляціи. „Къ крайнему нашему прискорбію, мы должны констатировать массу столь нежелательныхъ недоразумѣній, пререканій и споровъ между врачемъ и пользующимъ имъ семействомъ, какъ разъ

на почвѣ указанныхъ выше вполне справедливыхъ требованій врача относительно изоляціи выздорѣвшаго ребенка“.

Въ 1893 г. врачъ Черепининъ дѣлаетъ разборъ „правилъ“ медицинскаго совѣта 1886 г. объ изоляціи и главный недостатокъ видѣтъ въ отсутствіи обязательной дезинфекціи комнатъ и вещей заболѣвшихъ.

На сѣздѣ земскихъ врачей Курской губерніи въ 1893 году были выработаны „основы санитарнаго надзора надъ школами вообще и на случай появленія въ нихъ заразной болѣзни“. Въ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть слѣдующіе пункты: при появленіи эпидеміи участковый врачъ извѣщаетъ объ этомъ училищный персоналъ и указываетъ главные признаки болѣзни; о заболѣваніи среди учащихя учитель извѣщаетъ участковаго врача; полная дезинфекція производится только при повторныхъ заболѣваніяхъ, вслѣдствіе которыхъ закрывается школа; закрывать школу рекомендуется съ „большой осторожностью“; если въ какой-либо изъ деревень, откуда дѣти посѣщаютъ школу, появится эпидемія злокачественной заразной болѣзни, то всѣмъ ученикамъ изъ этой деревни запрещается посѣщать школу; имѣющіе сифилисъ въ заразномъ періодѣ въ школу не допускаются; трахоматозные допускаются въ школу съ тѣмъ, чтобы они были разсаживаемы за отдѣльными столами, подалеже отъ остальныхъ здоровыхъ учениковъ; высказано пожеланіе привлечь и учащій персоналъ къ наблюденію за здоровьемъ учениковъ, съ помощью брошюръ, чтеній и общедоступнаго руководства по школьной гигиенѣ и проч.

Очеркъ правительственныхъ мѣропріятій будетъ изложенъ ниже.

Теперь перейдемъ къ изложенію собраннаго нами матеріала.

Какъ уже выше было сказано, этотъ матеріалъ имѣетъ условное значеніе, такъ какъ: 1) учебное заведеніе закрывается только при опасныхъ заразныхъ заболѣваніяхъ и потому многія заразные болѣзни не служатъ причиной закрытія; 2) при наличности опасныхъ заболѣваній закрытіе учебнаго заведенія происходитъ лишь по обнаруженіи нѣсколькихъ случаевъ этого заболѣванія, слѣдовательно, единичные случаи также не попадаютъ въ настоящій матеріалъ; 3) о нѣкоторыхъ случаяхъ закрытія могло не быть донесеній и 4) многія донесенія, какъ увидимъ ниже, особенно за прежніе годы, отличаются неполнотой. Несмотря на приведенные недочеты, мы все-таки приступаемъ къ разбору указаннаго матеріала, чтобы выяснитъ всю важность даннаго вопроса въ жизни школы и. выяснитъ условія для наиболѣе точнаго изученія этого вопроса и рациональныхъ мѣръ борьбы съ этимъ бѣдствіемъ.

Данныя за 1904 годъ, по всѣмъ признакамъ, отличаются случайнымъ характеромъ. Въ этомъ году поступило всего лишь 12 донесеній о закрытіи учебныхъ заведеній по случаю заразныхъ заболѣваній. Ходатайства эти касались слѣдующихъ учебныхъ заведеній: мужскихъ гимназій — 3, женскихъ гимназій — 3, женскихъ прогимназій — 2, городскихъ училищъ — 3, техническихъ училищъ — 2; кромѣ того, въ 2 губернскихъ городахъ были закрыты всѣ учебныя заведенія (по случаю эпидеміи скарлатины). Перечисленные учебныя заведенія находились въ 4 губернскихъ и въ 6 уѣздныхъ городахъ. Причиной прекращенія занятій въ 10 случаяхъ являлась скарлатина, при чемъ закрыто было 9 учебныхъ заведеній порознь и всѣ учебныя заведенія въ двухъ губернскихъ городахъ; по одному случаю падаетъ на скарлатину съ вариолоидомъ и сыпной тифъ; наконецъ, въ одномъ случаѣ была указана безъ точнаго обозначенія „заболѣваемость эпидемическаго характера“, повлекшая закрытіе трехъ учебныхъ заведеній. Время закрытія учебнаго заведенія и продолжительность періода, на который оно закрыто, не указано по отношенію къ 6 учебнымъ заведеніямъ; одно учебное заведеніе было закрыто на 2 недѣли, два и всѣ учебныя заведенія двухъ городовъ — на 3 недѣли, 3 — на 1 мѣсяць и 1 на 11 недѣль (включая рождественскіе праздники). Число заболѣвшихъ учащихся совсѣмъ не обозначено въ 4 случаяхъ, въ 5 случаяхъ это число характеризуется общими словами въ родѣ слѣдующихъ: „въ виду распространившейся въ городѣ и среди учащихся эпидеміи“, „рядъ заболѣваній“, „значительная заболѣваемость“, „чрезвычайно большая заболѣваемость“. Далѣе, въ одномъ учебномъ заведеніи было указано 9 больныхъ пансіонеровъ, а въ трехъ — совсѣмъ не было заболѣваній среди учащихся. Въ одномъ случаѣ учебное заведеніе было закрыто потому, что заболѣла сыпнымъ тифомъ одна изъ учительницъ, полная изоляція которой была невозможна, а въ городѣ въ то же время развилась эпидемія оспы и скарлатины; въ другомъ случаѣ — потому, что, хотя среди учащихся заболѣваній не было, но были заболѣванія (скарлатиной) въ семьяхъ учениковъ; въ третьемъ случаѣ — потому, что эпидемія (скарлатины) появилась въ городѣ.

Въ 1905 году поступило 45 донесеній (въ томъ числѣ — о двухъ учебныхъ заведеніяхъ дважды, объ одномъ трижды), при чемъ было 3 донесенія о закрытіи всѣхъ учебныхъ заведеній въ трехъ городахъ. Закрыты были слѣдующія учебныя заведенія: мужскихъ гимназій — 16, женскихъ гимназій — 7, реальныхъ училищъ — 5, городскихъ училищъ — 4, женскихъ прогимназій — 3, мужскихъ про-

гимназій—1, промышленныхъ училищъ—2, учительскихъ семинарій—2, сельскихъ начальныхъ училищъ—3; кромѣ того не указано число школъ двухъ волостей и среднихъ учебныхъ заведеній трехъ городовъ. Болѣзни, послужившія причиной для прекращенія занятій, были слѣдующія: скарлатина—19 учебныхъ заведеній (изъ нихъ одно закрывалось трижды) и среднія учебныя заведенія трехъ городовъ, корь—5 учебныхъ заведеній, скарлатина и корь—учебныхъ заведеній 2 волостей; скарлатина и дифтеритъ—1; скарлатина, корь и свинка—1; корь и краснуха—1; оспа—1, дифтерія—1, менингитъ—2, брюшной тифъ—2, тифъ (безъ точнаго указанія)—2, кровавый поносъ—1, холера—2 (ходатайство не было удовлетворено въ виду отсутствія заболѣваній). Число больныхъ не указано въ 17 случаяхъ; въ остальныхъ число заболѣвшихъ учащихся исчисляется въ 100 чел., изъ которыхъ 21 пансіонеровъ или живущихъ въ общежитіи; изъ этого числа 37 учащихся болѣли скарлатиной, 34—брюшнымъ тифомъ (въ томъ числѣ 14 живущихъ въ пансіонѣ), менингитомъ—5; умершихъ отъ заразныхъ болѣзней показано 9, изъ нихъ 3 пансіонера. Также какъ и въ предыдущемъ году, число заболѣвшихъ опредѣлялось словами, напримѣръ, „въ виду появленія эпидемическихъ заболѣваній среди учениковъ“, или цифрами, въ родѣ: „болѣе 20“ или „52% учащихся отсутствуютъ“ и т. д. Заболѣваній среди учащихся не было въ 7 учебныхъ заведеніяхъ: одно закрыто по случаю появленія дифтеріи въ семьѣ эконома, одно—вслѣдствіе появленія кроваваго поноса въ окрестностяхъ, одно—вслѣдствіе появленія оспы въ округѣ (учащимся сдѣлана ревакцинація), и въ четырехъ учебныхъ заведеніяхъ предпологалось прекратить занятія „въ виду возможности появленія холеры“. Продолжительность закрытія была указана слѣдующая: нѣсколько дней—2 учебныхъ заведенія, 1 недѣля—1, 1½ недѣли—1, 2 недѣли—11, 3 недѣли—5, 1 мѣсяць—8, 5 недѣль—1, 2 мѣсяца—1 (три раза, каждый разъ отдѣльные классы), не указано—6. Отдѣльные классы закрывались въ 5 учебныхъ заведеніяхъ, повторныя закрытія—въ 2 учебныхъ заведеніяхъ. Среди этихъ эпидемій особенное вниманіе обращаютъ эпидеміи брюшного тифа, наблюдавшіяся въ двухъ женскихъ гимназіяхъ одного губернскаго города, при чемъ одна гимназія, при которой былъ пансіонъ, была закрыта; въ другой, несмотря на 17 заболѣвшихъ учащихся, занятія не прекращались, на томъ основаніи, что при ней пансіона не было и всѣ учащіяся—приходящія. Изъ пансіона пять больныхъ ученицъ были взяты домой родителями, живущими въ уѣздѣ, не смотря на запрещеніе врача, такъ какъ ожи-

далась желѣзнодорожная забастовка. Больница, находившаяся при пансіонѣ, была въ плачевномъ состояніи; и только ко времени закрытія гимназій было готово новое помѣщеніе для больницы. „Въ прежнемъ, тѣсномъ помѣщеніи, въ 2 комнаты (по донесенію начальства) не доставало воздуха и не доставало мѣстъ для сильно увеличившагося въ послѣднее время числа больныхъ, что вызывало волненіе среди пансіонерокъ. Часть больныхъ помѣщалась въ квартирѣ начальницы, гдѣ были поставлены 4 койки и гдѣ производился амбулаторный приемъ; иногда до 100 человекъ въ день“.

Данныя 1906 года значительно отличаются отъ данныхъ предыдущихъ годовъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, въ виду урегулированія этого вопроса врачебно-санитарной частью министерства народнаго просвѣщенія. Однако и въ этомъ году данныя не достигаютъ соотвѣтствующей полноты и точности, такъ какъ только въ концѣ октября 1906 года предложена была выработанная врачебно-санитарной частью форма сообщенія о закрытіи учебнаго заведенія по случаю заразныхъ заболѣваній (см. ниже).

По типу учебныя заведенія, подвергшіяся закрытію, распредѣлялись такъ: мужскихъ гимназій—15, женскихъ гимназій—21, женскихъ прогимназій—6, реальныхъ училищъ—8, городскихъ училищъ—20, приходскихъ училищъ—8, начальныхъ желѣзнодорожныхъ—3, начальныхъ сельскихъ—25; кромѣ того, не указано число школъ, закрытыхъ въ 5 волостяхъ. Въ губернскихъ городахъ было закрыто 30 учебныхъ заведеній, въ уѣздныхъ—52, въ селахъ—болѣе 25. Отдѣльные классы были закрыты въ 12 учебныхъ заведеніяхъ, пансіоны и общежитія—въ 4, въ остальныхъ случаяхъ закрывалось все учебное заведеніе. Больныхъ заразными болѣзнями (въ 93 учебн. завод.) насчитывается болѣе 1.195 (приходящихъ—1.112, пансіонерокъ—83), не указано число больныхъ въ 13 учебныхъ заведеніяхъ, не было больныхъ среди учащихся—въ 4 учебныхъ заведеніяхъ; умершихъ отъ заразныхъ болѣзней—47 (въ томъ числѣ 2 пансіонера). Причиной закрытія служили слѣдующія болѣзни: скарлатина—36 учебныхъ заведеній, корь—22, корь и скарлатина—7, корь, скарлатина и дифтеритъ—2, скарлатина, дифтеритъ, вѣтряная оспа и перипаротитъ—1, краснуха, оспа и скарлатина—1, скарлатина, корь и вѣтряная оспа—2, свинка—2, дифтерія—8, вѣтряная оспа—1, натуральная оспа—2, краснуха—1, скарлатина и дифтерія—3, скарлатина, дифтерія и брюшной тифъ—1, фолликулярная жаба—1, сибирская язва—1, дизентерія—1, туберкулезъ—1. Время закрытія: въ февралѣ—1, въ мартѣ—3, въ апрѣлѣ—3,

въ маѣ—1, въ сентябрѣ—15, въ октябрѣ—25, въ ноябрѣ—29, въ декабрѣ—21, не указано—9. Періодъ времени, на который прекращались занятія: на нѣсколько дней—10, на 1 недѣлю—14 (въ томъ числѣ 6—до или послѣ рождественскихъ или пасхальныхъ праздни-ковъ), на 2 недѣли—38 (въ томъ числѣ 9 въ связи съ праздниками), на 3 недѣли—13 (въ томъ числѣ 2 въ связи съ праздниками), на 1—1½ мѣсяца—9 (изъ нихъ 5 въ связи съ праздниками) и на 2 мѣсяца—3 (изъ нихъ 2 въ связи съ праздниками); въ остальныхъ случаяхъ продолжительность закрытія не указана. Точно вычислить число больныхъ по каждому роду болѣзней также не представляется возможнымъ, потому что число больныхъ не всегда указано. Такъ, скарлатиной заболѣли 378 человекъ, а кромѣ этого въ 8 случаяхъ число этихъ больныхъ не указано. Число больныхъ скарлатиной на одну школу колебалось отъ 1 до 28, а въ среднемъ составляло около 8 больныхъ. Корью болѣло 611 человекъ и кромѣ того число больныхъ въ двухъ случаяхъ не указано; число больныхъ корью въ отдѣльныхъ училищахъ колебалось отъ 2 до 48, а въ среднемъ составляло около 22 человекъ. Больныхъ дифтеріей указано 77 (не указано въ 2 случаяхъ); число заболѣвшихъ по отдѣльнымъ училищамъ колебалось отъ 1 до 23, а въ среднемъ составляло свыше 6 человекъ. По остальнымъ болѣзнямъ насчитывается приблизительно слѣдующее число заболѣвшихъ: свинкой—31, вѣтряной оспой—18, фолликулярной жабой—15 (въ одномъ учебн. зав.), дизентеріей—6, сибирской язвой—1, оспой—2, туберкулезомъ—10 (въ одномъ учебномъ заведеніи). Умершіе показаны въ слѣдующихъ болѣзняхъ: отъ скарлатины—33, дифтеріи—5, кори—3, дезинтеріи—2, сибирской язвы—1, не указано—2. Для сравненія здѣсь упомянемъ, что по даннымъ школьныхъ врачей (листъ № 6) за 1905—1906 гг., далеко не полнымъ, въ этомъ году (въ учебномъ) зарегистрировано было въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: оспа—61, корь—1.195, скарлатина—799, дифтерія—362, заушница—761 больныхъ учащихся.

Изъ всѣхъ, бывшихъ въ 1906 году заболѣваній, совершенно особнякомъ стоятъ и большой интересъ имѣютъ заболѣванія туберкулезомъ среди воспитанниковъ Оренбургской киргизской учительской школы. Еще въ 1905 году попечитель округа сообщалъ, что въ теченіе 2—3 послѣднихъ лѣтъ вслѣдствіе заболѣваній чахоткой вышло изъ школы 30 учениковъ, изъ которыхъ 7 умерли, 2 безнадежны и 21 уволены для поправленія здоровья, при чемъ въ числѣ больныхъ были не только киргизы, но и русскіе. Въ 1906 году попечитель вновь

доносилъ что болѣе трети воспитанниковъ этой школы, а именно 26 изъ 73, больны, изъ нихъ у 10 воспитанниковъ явный туберкулезъ и что вслѣдствіе этого отпущены домой воспитанники трехъ младшихъ классовъ. Для изученія этой эпидеміи былъ командированъ въ томъ же 1906 году завѣдующій врачебно-санитарной частью проф. Г. В. Хлопинъ, который въ своемъ отчетѣ, между прочимъ, даетъ слѣдующую картину антисанитарнаго состоянія школы: „Въ спальняхъ поставлены плевательницы и вывѣшены на стѣнахъ печатныя надписи „не плевать на полъ“. Не смотря на это, не только полъ, но и стѣны на высоту выше человѣческаго роста покрыты засохшими плевеками“. „Чахоточный вѣроучитель мулла преподаетъ въ маленькой, заставленной шкафомъ съ книгами комнатѣ, очень тѣсной, крайне неопрятной, обрызгивая при разговорѣ учащихся своей заразительной слюной и выплевывая ее на полъ“.

Данныя 1907 года обладаютъ большей точностью, чѣмъ данныя предыдущихъ лѣтъ. Однако, эти данныя могутъ оказаться ниже дѣйствительныхъ, вслѣдствіе того, что свѣдѣнія о закрытіи нѣкоторыхъ школъ могутъ быть получены уже послѣ нашей обработки (середина февраля).

За 1907 годъ поступили свѣдѣнія о закрытіи 200 учебныхъ заведеній, которыя по типу распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: мужскихъ гимназій—21, женскихъ гимназій—19, мужскихъ прогимназій—4, женскихъ прогимназій—7, городскихъ училищъ—31, сельскихъ школъ—110, реальныхъ училищъ—4, техническихъ—2, учительскихъ семинарій—1 и инородческихъ школъ—1.

Всѣхъ больныхъ при этомъ указано 3.383 учащихся, въ среднемъ (на 197 уч. зав.) по 17 человѣкъ на одно учебное заведеніе. Въ этомъ числѣ дѣвочекъ насчитывается 1.140 чел. или 33% и живущихъ въ пансіонахъ или общежитіяхъ—269 чел., что составитъ въ среднемъ (на 28 уч. зав.)—около 10 человѣкъ на одно учебное заведеніе. Умершихъ показано 85 человѣкъ (въ 51 учебн. зав.).

Болѣзни, послужившія поводомъ для закрытія учебныхъ заведеній, указаны слѣдующія: скарлатина—70 учебныхъ заведеній, корь—61, дифтерія—12, свинка—6, оспа натуральная—5, вѣтряная—2, тифъ—4, холера—3, инфлюэнца—2, краснуха—1, ангина—1. Затѣмъ указаны слѣдующія комбинаціи болѣзней: скарлатина и дифтерія—6, скарлатина и корь—10, по одному учебному заведенію отмѣчено со слѣдующими заболѣваніями: скарлатина и свинка; скарлатина, дифтерія и оспа; скарлатина, дифтерія и корь; скарлатина, дифтерія и

тифъ; скарлатина, корь и оспа; скарлатина и тифъ; скарлатина, тифъ и свинка; скарлатина, корь, коклюшь и вѣтряная оспа; дифтерія, корь и оспа; дифтерія и корь; корь и оспа; корь и краснуха; корь и инфлюэнца; корь и дизентерія; корь и свинка. Не указана болѣзнь въ двухъ случаяхъ.

Заболѣвшихъ перечисленными болѣзнями (до закрытія учебнаго заведенія) показаны слѣдующія числа:

Скарлатиной	757	учащихся
Дифтеріей	113	"
Корью	1.781	"
Свинкой	169	"
Оспой натуральной	45	"
„ вѣтряной	13	"
Тифомъ	38	"
Инфлюэнцей	180	"
Краснухой	16	"
Ангиной	21	"
Дизентеріей	6	"
Коклюшемъ	1	"
Холерой	1	"
Не указано	242	"

Такимъ образомъ, на одно учебное заведеніе оказывается больныхъ: скарлатиной — отъ 1 до 30, въ среднемъ 8 человѣкъ; дифтеріей — отъ 1 до 17, въ среднемъ — 5 — 6 человѣкъ; корью — отъ 1 до 59, въ среднемъ — 22; свинкой — отъ 2 до 39, въ среднемъ — 19 человѣкъ.

Все учебное заведеніе было закрыто въ 174 случаяхъ, въ 24 случаяхъ учебныя заведенія были закрыты частично (отдѣльные классы) и въ двухъ — только общежитія.

По временамъ года закрытія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Январь	26	Августъ	1
Февраль	43	Сентябрь	10
Мартъ	25	Октябрь	20
Апрѣль	7	Ноябрь	35
Май	1	Декабрь	26
		Не указано	6

Такимъ образомъ, чаще всего учебныя заведенія закрывались въ

февралѣ и затѣмъ въ ноябрѣ и въ первую половину года немногимъ больше, чѣмъ во вторую.

По продолжительности закрытія учебныхъ заведеній показаны слѣдующія данныя: на нѣсколько дней—10 учебныхъ заведеній, на 1 недѣлю—21, на 2 недѣли—95, на 3 недѣли—24, на 1 мѣсяць—12, болѣе 1 мѣсяца—12, на неопредѣленное время—26. Такимъ образомъ, учебныя заведенія закрывались большей частью на 2 недѣли.

Кромѣ перечисленныхъ случаевъ, въ 1907 году было отсрочено начало занятій до 1-го сентября въ виду холерныхъ заболѣваній въ г. Самарѣ, въ Царицынѣ, въ Казани (здѣсь только въ учительской семинаріи), а также во всѣхъ поволжскихъ городахъ Саратовской губ.; затѣмъ въ Царицынской гимназіи занятія еще были отсрочены—до 20-го сентября, въ виду усиленія эпидемическихъ заболѣваній въ городѣ. Кромѣ того были закрыты, въ виду холерной эпидеміи, двѣ школы въ одномъ изъ селъ Пензенской губерціи. Въ одномъ губернскомъ городѣ были закрыты всѣ учебныя заведенія вслѣдствіе появленія скарлатины. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вопросъ о закрытіи учебныхъ заведеній поднимался обыкновенно губернаторскими властями.

До настоящаго времени заключенія училищныхъ врачей объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ или отсутствовали, или не заключали никакого анализа появившихся заболѣваній и мало существенныхъ указаній о принятыхъ мѣрахъ. Въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ были прекращены занятія несмотря на отсутствіе заболѣваній среди учащихся, по слѣдующимъ причинамъ: по случаю ревакцинаціи, по случаю заболѣванія дѣтей у сторожа, заболѣванія начальницы, и по случаю дезинфекціи, произведенной вслѣдствіе того, что въ училище была принесена часть мебели изъ той квартиры, гдѣ три дня тому назадъ было обнаружено заболѣваніе скарлатиной.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя изъ сообщенія училищныхъ врачей и начальства о закрытіи учебныхъ заведеній. Такъ, при закрытіи реального училища въ одномъ уѣздномъ городѣ, указывается какъ на одну изъ причинъ, побуждавшихъ закрыть учебное заведеніе (при скарлатинѣ), то обстоятельство, что родители, скрывая отъ учебнаго начальства о заразныхъ заболѣваніяхъ въ своей семьѣ, продолжали посылать въ училище своихъ учащихся дѣтей (здоровыхъ) и квартирующихъ у нихъ; точно было установлено 4 подобныхъ случая. Въ другомъ уѣздномъ городѣ были закрыты мужская и женская гимназіи (скарлатина), при чемъ сообщается, что въ по-

слѣдней заболѣваній было мало, но она помѣщалась на одномъ дворѣ съ мужской гимназіей, въ которой заболѣваній было много; нѣкоторые учителя преподають въ обѣихъ гимназіяхъ; значительный контингентъ служащихъ гимназіи имѣетъ постоянное общеніе съ бѣднѣйшей частью города, гдѣ живутъ ихъ семьи и гдѣ среди населенія наблюдается много заболѣваній; указывается, между прочимъ, и на недостаточную площадь двора при большой скученности помѣщеній, при чемъ на этомъ же дворѣ находится и больница пансіона; указывается, наконецъ, что здоровые и больные пользуются одной кухней. По поводу закрытія реального училища въ одномъ губернскомъ городѣ сообщается, что первый заболѣвшій ученикъ купилъ игрушку въ магазинѣ, у владѣльца котораго были въ сомѣннѣе больныя скарлатинной дѣти. Всѣмъ родителямъ было разослано печатное объявленіе о закрытіи учебнаго заведенія и бесѣдахъ врача, которыя предполагалось вести для учащихся и родителей отдѣльно. Къ донесенію приложено печатное объявленіе городской управы (расклеенное по городу, такъ какъ въ городѣ наблюдалась большая эпидемія), въ которомъ она призываетъ населеніе содѣйствовать борьбѣ со скарлатиной и прочими инфекціонными болѣзнями, угрожая тѣмъ, что виновные „въ распространеніи инфекціонныхъ болѣзней, несвоевременномъ извѣщеніи полиціи или городского врача о случаяхъ скарлатины или иныхъ инфекціонныхъ болѣзней и не выдерживающіе изоляціоннаго періода, указаннаго въ циркулярѣ медицинскаго совѣта отъ 7-го марта 1897 года, будутъ привлекаться къ законной отвѣтственности по 102 ст. Уст. о наказ., налаг. мировыми судьями (арестъ до одного мѣсяца или денежный штрафъ до 100 рублей)“. Далѣе на совѣщаніи врачей, созванномъ по распоряженію губернатора, было постановлено: „на дверяхъ магазина, торговцы котораго не изолированы достаточно отъ зараженной семьи, вывѣшивать объявленіе „скарлатина“ до тѣхъ поръ, пока опасность зараженія со стороны магазина для покупателей не прекратится по удостовѣренію медико-полицейскаго надзора“, такое же объявленіе вывѣшивать и въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ будетъ подобная опасность передачи заразы; наконецъ, постановлено было закрыть библіотеки, дезинфекцировать книги, а частью сжечь. Въ одномъ трехклассномъ городскомъ училищѣ въ уѣздномъ городѣ заболѣло 28 учениковъ свинкой, потому что, какъ говорится въ донесеніи, многіе не остерегались и, не придавая значенія своей болѣзни, не лечились у врачей. Въ одной частной гимназіи три воспитанника-пансіонера заболѣли корью, вслѣдствіе чего остальные пан-

сіонеры не могли посѣщать классы въ теченіе 15 дней, но такъ какъ по истеченіи этого срока до Рождества оставалось бы всего пять дней, то они и были отпущены по домамъ съ 1-го декабря по 7-е января. При закрытіи женской гимназіи въ одномъ губерпскомъ городѣ (корь, дифтеритъ, скарлатина) сообщается, что родители посылаютъ въ школу своихъ дѣтей, въ то время, когда дома есть больные, или же допускаютъ и даже приглашаютъ къ своимъ больнымъ здоровыхъ подругъ ихъ, посылаютъ къ здоровымъ за книгами, тетрадами и т. д. Въ одной женской гимназіи врачъ указываетъ, что зараза въ гимназію (скарлатина) могла быть занесена разными лицами, которыхъ былъ большой наплывъ и которые пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ для опредѣленія дѣтей въ гимназію или за справками. Въ одно городское училище оспа была занесена сторожемъ, который жилъ въ селѣ, гдѣ были массовыя заболѣванія оспой, былъ больной и въ домѣ сторожа; въ результатѣ—заболѣла жена инспектора, квартира котораго находилась въ училищѣ, и затѣмъ два ученика. При закрытіи одного столичнаго учебнаго заведенія по случаю заболѣванія скарлатиной, корью и свинкой, сообщалось, что въ это заведеніе „опасались ходить на уроки“ нѣкоторые учителя, имѣвшіе дѣтей или уроки въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ одномъ донесеніи говорится, что женская гимназія (въ уѣздномъ городѣ) не имѣла своего врача даже въ періодъ эпидеміи скарлатины, которой заболѣло 7 ученицъ и одна умерла. Въ пансіонѣ одной губерпской гимназіи не было комнаты для подозрительныхъ; при одновременномъ заболѣваніи корью и скарлатиной, потребовались двѣ отдѣльныхъ комнаты, которыхъ также не было—для всѣхъ больныхъ была одна комната. Въ пансіонѣ одной столичной гимназіи три воспитанника заболѣли дифтеріей, вслѣдствіе чего гимназія была закрыта, при чемъ училищный врачъ предложилъ произвести бактериологическое изслѣдованіе всѣхъ остальныхъ пансіонеровъ для выдѣленія подозрительныхъ въ цѣляхъ обсерваціи. Изслѣдованіе было произведено въ городской лабораторіи, при чемъ были найдены бациллы у трехъ здоровыхъ воспитанниковъ, которые тотчасъ были изолированы и которымъ тотчасъ была сдѣлана противодифтерійная прививка. Въ числѣ непосредственныхъ мѣръ указаны въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдующія: дезинфекція окуриваніемъ, формалиномъ, провѣтриваніе, чистка и мытье половъ и мебели водою и растворомъ карболовой кислоты и зеленого мыла, побѣлка стѣнъ и потолка негашеной известью, изоляція квартиры служащихъ, ревакцинація, наемъ изоляціонной квартиры для забо-

дѣвшихъ учащихся; приглашеніе временнаго врача въ помощь постоянному, требованіе удостовѣренія отъ родителей при краткосрочномъ заболѣваніи учащагося и удостовѣренія врача при заболѣваніи въ теченіе нѣсколькихъ дней, удостовѣреніе отъ санитарнаго бюро въ производствѣ дезинфекціи, отъ врача о допущеніи въ школу послѣ болѣзни. При дезинфекціи одной губернской гимназіи формалиномъ указывается на затрудненіе въ томъ смыслѣ, что эта дезинфекція „едва ли будетъ выполнена въ одну недѣлю, ибо, при большихъ комнатахъ гимназіи, въ одну приходится помѣщать 2—3 аппарата, сообразно объемамъ ея, и въ сутки дезинфицировать 2—3 помѣщенія, вывѣтриваніе которыхъ также займетъ нѣсколько дней“.

Въ одномъ учебномъ заведеніи въ 1907 году занятія были прекращены послѣ одного случая скарлатины на 3 недѣли на томъ основаніи, что учащимся были сдѣланы прививки. Прививки дѣлались три раза каждому съ промежутками въ одну недѣлю, а такъ какъ прививки вызывали болѣзненное состояніе, то значительная часть учащихся не посѣщала училища и занятія были прекращены впредь до окончанія дѣйствія прививокъ.

Въ предупрежденіе новаго распространенія заразной болѣзни, начальство одной гимназіи обратилось къ родителямъ учащихся съ просьбою оказать съ своей стороны возможное содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Въ этихъ видахъ предлагалось родителямъ соблюдать, между прочимъ, слѣдующія мѣры предосторожности относительно своихъ дѣтей, посѣщающихъ гимназію.

1. „Не слѣдуетъ посылать дѣтей въ гимназію, если они жалуются на недомоганіе, боль головы или горла или при появленіи у нихъ гошноты, повышенной температуры и другихъ признаковъ начинающагося заболѣванія“.

2. „Слѣдуетъ соблюдать установленное гимназіей правило, по которому родители ученика, пропускающаго уроки, обязаны немедленно сообщить объ этомъ начальству гимназіи. Въ случаѣ пропуска уроковъ по болѣзни въ теченіе трехъ дней подъ рядъ обязательно представленіе медицинскаго свидѣтельства (безъ гербовой марки). Если такое свидѣтельство не будетъ представлено, гимназическій врачъ обязываетъ ученика на дому для удостовѣренія болѣзни“.

3. „Въ случаѣ появленія въ семьѣ заразной болѣзни и сопряженія ученика съ заболѣвшимъ таковою болѣзною, необходимо немедленно совершенно отдѣлать ученика отъ больного и строго соблюдать установленный срокъ разобщенія (для скарлатины 12—14 дней).

До истечения этого срока ученикъ не имѣеть права посѣщать гимназію“.

4. „Въ случаѣ заболѣванія самого ученика заразною болѣзью, необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ, по выздоровленіи, не посѣщалъ классовъ раньше установленнаго срока (для скарлатины 6 недѣль со дня появленія сыпи и если нѣтъ слѣдовъ шелушенія), чтобы всѣ вещи и одежда, съ которыми больнои приходилъ въ соприкосновеніе во время болѣзни, были, если онъ малоцѣнны, уничтожены черезъ сожиганіе или, въ противномъ случаѣ, дезинфицированы, чтобы выздоровѣвшіе, передъ посѣщеніемъ классовъ, были тщательно вымыты съ головы до ногъ и одѣты въ чистое бѣлье и платье. Кромѣ того ученикъ, хворавшій какой либо заразной болѣзью, обязанъ представить начальству гимназіи надлежащее свидѣтельство отъ гимназическаго врача или отъ другого врача, скрѣпленное подписью гимназическаго врача, о немнѣннѣи препятствіи къ посѣщенію классовъ“.

5. „При возобновленіи учебныхъ занятій, каждый ученикъ обязанъ представить на приложенномъ листкѣ за подписью родителей удостовѣреніе въ томъ, что онъ въ теченіе истекшихъ двѣнадцати дней не былъ боленъ заразною болѣзью и не находился въ общеніи съ таковыми больными. Безъ представленія указаннаго удостовѣренія никто изъ учащихся не будетъ допущенъ въ гимназію“.

Не безынтересно также изложить здѣсь рѣшеніе медицинскаго совѣта о томъ, должны ли быть разобщены въ продолженіе 14-ти дней здоровые, но бывшіе въ соприкосновеніи съ больными дифтеріей ученики, которымъ было произведено предохранительное впрыскиваніе противодифтеріиной сыворотки.

Настоящее дѣло было передано на предварительное разсмотрѣніе совѣщательнаго члена медицинскаго совѣта Г. В. Хлопина, который представилъ совѣту слѣдующій докладъ:

„Врачъ Гелибертъ обратился въ медицинскій совѣтъ съ просьбой разъяснить ему, слѣдуетъ ли примѣнять постановленіе медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 7-го апрѣля 1897 года относительно 14-ти дневнаго разобщенія учениковъ, бывшихъ въ соприкосновеніи или живущихъ въ одной съ заболѣвшими квартирѣ, если послѣднимъ была сдѣлана предохранительная прививка въ 1.000 или даже въ 500 единицъ Беринга.“

По мнѣнію врача Гелибера, послѣ впрыскиванія сыворотки ученики, бывшіе въ соприкосновеніи съ больными дифтеріей, становятся въ условія тѣхъ вполне здоровыхъ людей, въ полости гѣва и носа

которыхъ иногда находятъ Леффлеровскихъ бациллъ. Въ виду того, что здоровыхъ людей—носителей дифтерійныхъ палочекъ—не изолируютъ, считая ихъ *безопасными для окружающихъ*, логически разсуждая, говоритъ г. Гелибтеръ, не слѣдовало бы примѣнять 14-ти дневную изоляцію и къ учащимся, бывшимъ въ сопряженіи съ больными дифтеріей и получившимъ предохранительную прививку.

Изъ приведенной передачи запроса врача Гелибтера видно, что его заключеніе основано на принятомъ имъ положеніи, которое онъ считаетъ не нуждающимся въ доказательствахъ, что „вполнѣ здоровые люди, имѣющіе въ полости зѣва и носа дифтерійныя бациллы, не изолируются потому, что ихъ считаютъ *безопасными для окружающихъ*, такъ какъ дифтерійныя палочки ихъ лишены благоприятной для ихъ развитія почвы“.

Обращаясь къ литературѣ вопроса, мы въ ней не находимъ подтвержденія мнѣнія врача Гелибтера. Исслѣдованія Hoffmann'a и Eschsch'a и другихъ показываютъ, что изъ слюны рта здоровыхъ людей иногда удавалось выдѣлать дифтерійнаго бацилла *въ рѣзкой степени ядовитую*.

По мнѣнію Roux, въ зѣвѣ и носу здоровыхъ людей вирулентность дифтерійнаго микроба можетъ колебаться въ широкихъ предѣлахъ точно такъ же, какъ изъ одной и той же дифтерійной пленки вырастаютъ иногда бациллы очень большой и ничтожной вирулентности (Hoffmann). Многие компетентные авторы считаютъ невирулентную, псевдодифтерійную бациллу, находимую у здоровыхъ людей, тождественной съ настоящей дифтерійной и такимъ образомъ допускаютъ превращеніе *безредной* псевдодифтерійной бациллы, при извѣстныхъ условіяхъ, въ *вирулентную* дифтерійную. Такого же рода превращеніе допускается авторами и при переносѣ бациллы отъ здороваго чловѣка-носителя ея на зѣвъ или носъ другого лица, у котораго эти бациллы находятъ для развитія своихъ патогенныхъ свойствъ лучшія условія, наиримѣръ, вслѣдствіе хроническаго катарра слизистыхъ оболочекъ зѣва или носа; такимъ образомъ, можетъ произойти зараженіе дифтеріей окружающихъ лицъ даже, повидимому, невирулентными псевдобациллами. (Цитирую по Филатову. Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей. 4 изд. 1895 г.). Профессоръ Flugge утверждаетъ, что „несомнѣнно чаще переносъ дифтеріи черезъ третье лицо сводится на то, что оно только *повидимому* здорово (Zeitschr. für Hygiene. 1894, Bd. XVII, N. III, и русскій переводъ этой статьи д-ра Галлера, Саратовъ 1894 г.). Г. Н. Габричевскій въ 1894 году

выставляетъ, какъ прочно обоснованное положеніе, что „распространеніе дифтерійной заразы происходитъ не только отъ дифтерійныхъ больныхъ и выздоравливающихъ, но также и отъ *здоровыхъ* съ дифтерійными палочками въ полости рта, зѣва и носа“. (О предохранительныхъ мѣрахъ борьбы съ дифтеріей. Отт. изъ архива Подвысоцкаго, С.-Пб. 1894 г.). V. Ustwedt, городской врачъ и инспекторъ эпидемическихъ болѣзней въ Христіаніи, въ толькo что появившейся статьѣ на основаніи очень большого матеріала по изслѣдованіямъ заболѣваній дифтеріей среди учащихся въ Христіаніи, даетъ нѣсколько новыхъ убѣдительныхъ собственныхъ наблюденій, подтверждающихъ вышеприведенныя изслѣдованія и соображенія относительно той опасности, которую представляютъ люди-носители безвреднаго Леффлеровскаго бацилла для окружающихъ. Д-ръ Ustwedt описываетъ слѣдующій случай: „у одной маленькой дѣвочки, ученицы 3-го класса, былъ найденъ дифтерійный бациллъ, оказавшійся по опытамъ на морскихъ свинкахъ неvirulentнымъ; онъ вызвалъ только послѣ инъекціи скоро исчезнувшую мѣстную инфильтрацію. Черезъ нѣсколько дней при посѣщеніи этой дѣвочки на дому, врачъ узналъ, что дѣвочка отправлена въ больницу, какъ больная *дифтеріей*. Затѣмъ въ слѣдующіе дни заболѣли дифтеріей ея четыре сестры, изъ которыхъ одна умерла отъ паралича. Дифтерійныя палочки, вырощенныя вторично изъ слизи первой дѣвочки уже въ больницѣ, обладали сильною virulentностью: убивали морскую свинку въ теченіе 2-хъ дней. Отчего произошло измѣненіе virulentности бациллъ въ зѣвѣ этой дѣвочки, пишетъ авторъ, я не знаю“. (Zeitschr. für Hygiene Bd. 46, II. 2).

Косвеннымъ подтвержденіемъ вышеприведенной мысли могутъ также служить результаты поголовныхъ изслѣдованій учащихся на присутствіе Леффлеровскихъ бациллъ въ зѣвѣ, во время эпидемій. Такого рода изслѣдованія въ Христіаніи привели д-ра Ustwedt'a къ заключенію, что между числомъ дифтерійныхъ больныхъ во время эпидемій и частотой находенія дифтерійной бациллы у здоровыхъ существуетъ параллелизмъ и опредѣленная связь; эта связь приводитъ автора къ убѣжденію, что „источникомъ распространенія бациллъ среди здоровыхъ являются больные дифтеріей, отъ которыхъ сначала получаютъ бациллы окружающія ихъ лица и, не заболѣвая сами, передаютъ ихъ другимъ“.

На основаніи приведенныхъ фактовъ, число которыхъ можно было бы увеличить, намъ кажется, можно прийти къ заключенію, что здоровыхъ людей, имѣющихъ въ зѣвѣ и въ носу дифтерійныхъ бациллъ,

относительно нельзя считать безвредными для окружающих ихъ людей въ смыслъ передачи заразы.

Можно идти въ этомъ направленіи и дальше и принципиально высказать пожеланіе, чтобы не только учащіяся, но и взрослые здоровые люди, если они находятся вблизи дифтерійныхъ больныхъ, подвергались также изоляціи.

Несмотря на практическія затрудненія при проведеніи этой мѣры среди учащихся, а тѣмъ болѣе среди взрослыхъ, Г. Н. Габричевскій рекомендовалъ ее для всеобщаго примѣненія на VII съѣздѣ врачей въ память Пирогова въ Казани.

Далѣе докторъ Гелибтеръ, неправильно полагая, что Леффлеровскія бациллы, находящіяся въ зѣвѣ здоровыхъ людей, неопасны для окружающихъ „въ силу того, что палочки лишены благоприятной для ихъ развитія почвы“, логически дѣлаетъ выводъ, что предохранительная прививка, сдѣланная здоровымъ, бывшимъ въ соприкосновеніи съ больными дифтеріей, дѣлаетъ ихъ также безопасными для окружающихъ.

Вопросъ о дѣйстви антидифтерійной сыворотки на біологическія свойства Леффлеровской бациллы въ настоящее время въ бактериологической литературѣ можно считать достаточно разъясненнымъ, хотя относящаяся сюда, намъ извѣстная, литература и не особенно обширна.

Лечебное и предохранительное дѣйствіе антидифтерійной сыворотки Беринга основано на ея способности нейтрализовать дифтерійный токсинъ, вырабатываемый Леффлеровскими бациллами, на ея *антитоксическихъ* свойствахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ антидифтерійная сыворотка Беринга не убиваетъ дифтерійныхъ палочекъ, находящихя въ зѣвѣ привитыхъ больныхъ, а палочки дифтеріи еще долго послѣ прививокъ остаются тамъ живыми, сохраняя свои свойства. Отсутствіе *бактерицидныхъ* свойствъ у антидифтерійной сыворотки, кромѣ клиническихъ наблюденій, доказывается также тѣмъ, что она или совершенно не обладаетъ агглютинирующей способностью по отношенію дифтерійнаго бацилла, или обладаетъ этимъ свойствомъ въ столь слабой степени и такъ непостоянно (Nicolas), что агглютинирующая способность ея можетъ практически считаться равной нулю. Wassermann утверждаетъ категорически, что „дифтерійная сыворотка Беринга, употребляемая при леченіи дифтеріи, а равно и съ предохранительной цѣлью у здоровыхъ характеризуется своей способностью связывать специфическій дифтерійный токсинъ, а на самыхъ бациллахъ не оказываетъ никакого дѣйствія“: (D. M. Woch. 1902. № 44).

Точно также цитированный уже нами д-ръ Ustwedt изъ Христианіи пишетъ, что до настоящаго времени не доказано ни однимъ опытомъ, что впрыскиваніе антидифтерійной сыворотки оказываетъ какое либо задерживающее или ослабляющее вліяніе на дифтерійныя бациллы, находящіяся въ зѣвѣ субъектовъ, которымъ было произведено впрыскиваніе. „По этой причинѣ профилактическая доза антидифтерійной сыворотки оказываетъ свое дѣйствіе на тѣхъ лицъ, которымъ было произведено впрыскиваніе, только максимумъ въ теченіе четырехъ недѣль и не представляетъ никакой защиты для окружающихъ привитого больного лицъ, которымъ послѣдній и можетъ передать дифтерійныя бациллы“.

Вышеприведенныя данныя доказываютъ, во 1-хъ, что здоровые люди-носители Леффлеровскихъ бациллъ въ полости зѣва и носа, могутъ быть передатчиками дифтеріи для другихъ лицъ и, во 2-хъ, что впрыскиваніе антидифтерійной сыворотки ни больнымъ дифтеріей, ни здоровымъ, находившимся около дифтерійныхъ больныхъ, не дѣлаетъ безвредными для окружающихъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы приходимъ къ заключенію, что нѣтъ никакихъ научныхъ основаній отнѣнять для учащихъся, находившихся въ соприкосновеніи съ больными дифтеріей или жившихъ въ одной съ ними квартирѣ, установленный медицинскимъ совѣтомъ 7-го апрѣля 1897 г. срокъ изоляціи въ теченіе двухъ недѣль“.

Разсмотрѣвъ дѣло, медицинскій совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ совѣщательнаго члена совѣта Г. В. Хлопина, полагаетъ, что нѣтъ никакихъ научныхъ основаній отнѣнять для учащихъся, хотя бы и подвергшихся прививкѣ протіводифтерійной сыворотки, но находившихся въ соприкосновеніи съ больными дифтеріей или жившихъ въ одной съ ними квартирѣ, установленный журналомъ медицинскаго совѣта отъ 1-го апрѣля 1897 года за № 148 срокъ изоляціи въ теченіе двухъ недѣль.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что, по запросу одного изъ попечителей округовъ, врачебно-санитарная часть дала разъясненіе относительно изоляціоннаго срока для лицъ преподавательскаго или вообще служащаго персонала, бывшихъ въ сношеніи съ заразными больными во время ихъ болѣзни. Согласно постановленію медицинскаго совѣта отъ 7-го апрѣля 1897 г., изоляціонный срокъ обязателенъ для всѣхъ, почему и для лицъ служебнаго персонала исключеніе сдѣлано быть не можетъ.

Борьба съ заразными болѣзнями въ школь, какъ и вездѣ, можетъ успѣшно вестись лишь на почвѣ гыгіены: обстановка и учебный ре-

жимъ должны во всѣхъ мелочахъ противодѣйствовать занесенію и развитію инфекціоннаго начала въ школъ и распространенію болѣзни среди учащихся. Это—путь долгой и упорной работы школьнаго врача въ союзѣ съ учащимъ персоналомъ и съ самими учащимися. Но есть и другой путь борьбы съ эпидеміей въ школъ, путь быстрый и простой, иногда способный пресѣчь развитіе ея среди учащихся, это — закрытіе школы. Однако этотъ простой и рѣшительный пріемъ не такъ просто могъ быть проведенъ въ жизнь и не такъ еще давно онъ получилъ наиболѣе удобную форму для своего осуществленія. Затрудненіе представлялось въ двухъ отношеніяхъ: въ 1-хъ, требовалось формулировать въ общихъ чертахъ поводъ, который могъ бы служить достаточнымъ основаніемъ для закрытія школы, нарушающаго правильный ходъ учебныхъ занятій и программу одного и даже двухъ лѣтъ; во 2-хъ, требовалось урегулировать формальную сторону дѣла, то есть указать лицъ, которыя уполномочены закрыть школу.

Здѣсь мы изложимъ въ хронологическомъ порядкѣ правительственные мѣропріятія по борьбѣ съ заразными болѣзнями въ школахъ, которыя касаются, главнымъ образомъ, формальной стороны дѣла, но иногда касаются вопроса и по существу.

1872 года ноября 25-го былъ изданъ министерствомъ народнаго просвѣщенія циркуляръ начальствамъ учебныхъ округовъ о принятіи мѣръ относительно привитія предохранительной оспы воспитанникамъ учебныхъ заведеній, слѣдующаго содержанія: „г. министръ народнаго просвѣщенія поручилъ попечителямъ учебныхъ округовъ принять надлежащія мѣры, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ открывается оспа съ сильнымъ эпидемическимъ характеромъ, были дѣлаемы безотлагательно необходимыя распоряженія о привитіи предохранительной оспы всѣмъ пансіонерамъ учебныхъ заведеній и чтобы о безотлагательной необходимости привитія оной и приходящимъ ученикамъ были, чрезъ кого слѣдуетъ, даваемы нужныя совѣты тѣмъ лицамъ, на попеченіи или жительствѣ у которыхъ эти ученики находятся“.

Въ 1879 году попечитель Варшавскаго учебнаго округа, вслѣдствіе появленія въ одной изъ мужскихъ гимназій эпидеміи дифтеріи, обратился въ медицинскій факультетъ Варшавскаго университета съ просьбой выработать мѣры для борьбы съ эпидеміей дифтеріи и изложить способы леченія этой болѣзни. Составленная профессорами Андреевымъ и Вислоцкимъ записка была разослана попечителемъ во всѣ учебныя заведенія Варшавскаго округа (при циркулярѣ отъ 27 декабря 1879 г. за № 12.366).

Въ 1882 году попечитель Петербургскаго округа также по поводу эпидеміи дифтеріи обращается къ начальникамъ учебныхъ заведеній съ циркуляромъ, въ которомъ предлагаетъ имъ: 1) установить возможно частый осмотръ учащихся училищными врачами и изолировать заболѣвшихъ, 2) установить посѣщеніе училищными врачами больныхъ на дому, при чемъ послѣдніе должны указывать ихъ семейнымъ мѣры предосторожности и 3) обратить вниманіе на санитарное состояніе пансіоновъ и находящихся при нихъ больницъ, позаботиться снабженіемъ ихъ медицинскими средствами и средствами изоляціи заболѣвшихъ.

Распоряженіе общаго характера, обязательное для всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, было издано въ 1884 году; это распоряженіе мы приводимъ здѣсь полностью (циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 29 февраля 1884 года за № 3191): „министерствомъ народнаго просвѣщенія было сдѣлано сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по вопросу о закрытіи учебныхъ заведеній, въ случаѣ появленія въ нихъ заразительныхъ болѣзней.

Нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой увѣдомилъ меня, что медицинскій совѣтъ находитъ цѣлесообразнымъ рекомендовать надлежащимъ начальствамъ закрывать школы и пріюты только въ исключительныхъ случаяхъ, когда эти заведенія, особенно школы съ интернатомъ, сами дѣлаются гнѣздами заразныхъ болѣзней; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, и гдѣ это будетъ возможно, учреждать ежедневный, а если окажется удобоисполнимымъ, то и двукратный осмотръ всѣхъ дѣтей предъ началомъ и по окончаніи клас- сныхъ занятій.

Въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ ближайшія начальства учебныхъ заведеній и пріютовъ охотно прибѣгаютъ къ закрытію сихъ заведеній и прекращенію занятій на все время существованія эпидеміи и тѣмъ, несомнѣнно, устраняютъ возможность передачи и распространенія заразы черезъ посредство посѣщающихъ школы; но такая отрицательная мѣра, устраняющая только одинъ изъ многихъ моментовъ благоприятныхъ для распространенія заразы, ни мало не обезпечиваетъ успѣха общихъ санитарныхъ мѣръ, направляемыхъ къ пресѣченію эпидеміи, а, напротивъ, даже въ значительной степени можетъ противодѣйствовать имъ, потому что, при закрытіи школъ и пріютовъ и оставленіи дѣтей по домамъ на попеченіи родныхъ и квартирныхъ хозяевъ, возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій для надзора

за здоровьем и учащихся, и вообще детского населения неблагополучной местности; в особенности становится затруднительным своевременное обнаруживаніе заболѣвающихъ, принятіе надлежащихъ мѣръ разобщенія и обезвреживанія и сужденіе объ интенсивности эпидеміи, времени прекращенія ея и т. п.

Между тѣмъ, положительная мѣра, состоящая въ учрежденіи въ школахъ и пріютахъ тщательнаго врачебнаго надзора на время существованія эпидеміи, приноситъ существенную и дѣйствительную пользу, такъ какъ школы и пріюты становятся при этомъ условіи пунктами самыми удобными для обнаруженія заболѣвшихъ и принятія мѣръ къ разобщенію больныхъ дѣтей и лѣченію ихъ¹⁾.

Въ 1885 году было опубликовано „Наставленіе медицинскаго совѣта о начальныхъ признакахъ заразныхъ болѣзней среди дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ“. Это наставленіе предназначалось для лицъ, имѣющихъ надзоръ за дѣтьми въ школахъ и пріютахъ, чтобы они могли заблаговременно отдѣлить заболѣвшихъ дѣтей отъ здоровыхъ²⁾.

Въ слѣдующемъ 1886 году было опубликовано „Наставленіе медицинскаго совѣта по надзору за учебными заведеніями въ санитарномъ отношеніи“, въ которомъ изложены также „Правила осторожности для предупрежденія заноса заразныхъ болѣзней въ учебныя заведенія“. Въ этихъ правилахъ содержатся впервые установленныя для учащихся, перенесшихъ заразную болѣзнь, сроки изоляціи, измѣненныя въ послѣдствіи (см. ниже)³⁾.

Въ этомъ же году медицинскимъ совѣтомъ были изданы „правила оспопрививанія для городовъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе городское положеніе“; статья 12 этихъ правилъ гласитъ: „Для всѣхъ учениковъ и ученицъ, при вступленіи въ школы, привитье предохранительной оспы обязательно“. (Сб. узак. и расп. по вр.-сан. части. Вып. II, стр. 225).

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа въ 1887 году предписываетъ (отъ 5-го января за № 20045) начальникамъ учебныхъ заведеній и училищнымъ врачамъ „неупустительно давать знать исполнительной полиціи и врачебной управѣ о всѣхъ случаяхъ заболѣванія воспитанниковъ заразной болѣзью“..... „Для облегченія же доставленія этихъ свѣдѣній, врачебные листки о заболѣваніяхъ слѣ-

¹⁾ „Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части“. В. II, прилож., стр. 35.

²⁾ Ibid., стр. 46.

дуетъ передавать ежедневно мѣстному старшему околочному надзирателю при утреннемъ его обходѣ своего района, для доставленія во врачебную управу* 1).

Въ 1887 году министерство народнаго просвѣщенія (отъ 30-го марта, за № 5252), подтверждая свой первоначальный циркуляръ о порядкѣ закрытія учебныхъ заведеній при появленіи и развитіи эпидеміи (1884 г. № 3191), требуетъ „неуклоннаго исполненія“ упомянутаго циркуляра и указываетъ, что закрытіе учебнаго заведенія по случаю эпидеміи „можетъ быть допускаемо только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда это мѣстнымъ медицинскимъ начальствомъ будетъ признано необходимымъ“.

Это главнѣйшее въ формальномъ отношеніи требованіе въ свою очередь внушается затѣмъ попечителями учебныхъ округовъ начальству учебныхъ заведеній. Такъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа издастъ въ 1889 году циркуляръ (за № 4), въ которомъ говорится: „Въ виду неоднократно поступающихъ въ управление округа ходатайствъ о прекращеніи занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, по случаю появленія эпидеміи, только на основаніи заключенія одного мѣстнаго врача, попечитель Казанскаго учебнаго округа проситъ начальство всѣхъ учебныхъ заведеній своего округа, въ данныхъ случаяхъ, неупустительно, письменно или телеграфно, дѣлать сношеніе съ врачебнымъ отдѣленіемъ мѣстнаго губернскаго правленія, и входить въ управленіе округа съ ходатайствомъ о прекращеніи ученія только по полученіи согласія на то врачебнаго отдѣленія“.

Въ 1892 году по случаю разившейся холерной эпидеміи министерствомъ народнаго просвѣщенія изданъ циркуляръ (отъ 10-го іюля за № 12376) съ указаніемъ тѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя слѣдовало немедленно принять противъ заносенія и распространенія эпидеміи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Эти мѣры изложены въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Немедленно произвести тщательный осмотръ санитарнаго состоянія всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, поручивъ таковой осмотръ особой комиссіи, состоящей изъ начальника даннаго учебнаго заведенія, врача и третьяго лица по выбору начальника заведенія.

2. Комиссіи при осмотрѣ заведенія надлежитъ обратить особое

* Ibid., стр. 44.

вниманіе на ретирады, водосточныя трубы, помойныя ямы, баки для воды и помѣщенія для низшаго служебнаго персонала.

3. О результатахъ осмотра и сдѣланныхъ распоряженіяхъ составляется журналъ, по которому тотчасъ самой комиссіей все приводится въ исполненіе и затѣмъ сообщается немедленно попечителю учебнаго округа.

4. Съ началомъ занятій, врачи учебныхъ заведеній, особенно въ неблагонадежныхъ по холерѣ мѣстностяхъ, посѣщаютъ заведенія ежедневно, осматриваютъ кухни, гдѣ таковыя имѣются, спальни, помѣщенія для служителей, ретирады, провѣряютъ расписаніе блюдъ и тщательно слѣдятъ за здоровьемъ не только воспитанниковъ, но и всѣхъ служащихъ при заведеніи.

5. Начальнику учебнаго заведенія надлежитъ съ особою бдительностью слѣдить за свѣжестью и доброкачественностью провизіи и, въ неблагополучныхъ или сомнительныхъ по холерѣ мѣстностяхъ, непременно принимать мѣры въ тому, чтобы воспитанники были обеспечены достаточнымъ количествомъ прокипяченной и охлажденной воды для питья, сырой же воды для питья въ означенныхъ мѣстностяхъ отнюдь не допускать.

6. Бѣлье воспитанниковъ до стирки надлежитъ кипятить въ продолженіе не менѣе часа. Равнымъ образомъ и для мытья посуды слѣдуетъ употреблять кипящую воду.

7. Въ мѣстностяхъ, пораженныхъ холерою, всѣмъ воспитанникамъ, живущимъ въ учебныхъ заведеніяхъ (интернатахъ), раздаются фланелевые набрюшники, для ношенія таковыхъ днемъ.

8. Въ мѣстахъ неблагополучныхъ и сомнительныхъ слѣдуетъ отпечатать общепонятное, обязательное постановленіе о мѣрахъ лечнаго предохраненія отъ заболѣванія холерою и раздать его бесплатно всѣмъ воспитанникамъ.

9. Въ случаѣ заболѣванія холерою воспитанника, живущаго въ заведеніи, если лазаретъ недостаточно изолированъ отъ жилыхъ и классныхъ помѣщеній — больного слѣдуетъ немедленно доставить въ домъ родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ, а за неимѣніемъ таковыхъ лицъ или несогласіемъ ихъ принять больного у себя, препроводить такового въ городскую лѣчебницу и произвести тщательную дезинфекцію помѣщеній, въ которыхъ находился заболѣвшій.

10. При всѣхъ вышшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно, въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ по возможности, назначается особая комната для первоначальнаго пособія и изоля-

ціи внезапно заболѣвающихъ и для удостовѣренія свойства заболѣванія.

11. При всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ заводится небольшая аптечка по указаніямъ врача, съ письменнымъ наставленіемъ, когда, какъ и какія изъ средствъ принимать въ случаяхъ внезапнаго заболѣванія.

12. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ нѣтъ фельдшера, одинъ изъ служителей заведенія обучается врачомъ способамъ дезинфекціи и на его обязанность возлагается производить таковую во всѣхъ нужныхъ случаяхъ подъ наблюденіемъ врача.

13. Для производства дезинфекціи слѣдуетъ принять къ руководству правила, выработанныя медицинскимъ совѣтомъ и опубликованныя въ № 117 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1892 годъ. Означенныя правила должны быть отпечатаны въ управленіи учебнымъ округомъ и разосланы во всѣ учебныя заведенія.

14. Согласно вышеприведеннымъ правиламъ надлежитъ заблаговременно запастись дезинфекціонными средствами и необходимо по суду, по указанію врача.

Въ этомъ же циркулярѣ сообщалось, что въ случаѣ появленія и сильнаго развитія холерной эпидеміи въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты, необходимо отвести одну изъ госпитальныхъ клиникъ университета подъ временное помѣщеніе для заболѣвающихъ холерою воспитанниковъ - интерновъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Къ этому циркуляру также приложено было „Наставленіе о мѣрахъ личнаго предохраненія отъ заболѣванія холерою“.

Въ 1893 году министерство народнаго просвѣщенія упростило въ извѣстной степени порядокъ закрытія учебнаго заведенія, предоставивъ (распоряженіе попечителю Казанскаго округа отъ 2-го апрѣля 1893 г. за № 5893) рѣшеніе вопроса о временномъ прекращеніи учебныхъ занятій въ начальныхъ сельскихъ и находящихся въ уѣздныхъ городахъ училищахъ, въ случаѣ появленія въ нихъ какой либо эпидеміи, взаимному соглашенію мѣстныхъ участковаго врача съ инспекторомъ народныхъ училищъ, съ донесеніемъ объ этомъ врачебному отдѣленію губернскаго правленія и директору народныхъ училищъ.

Въ этомъ же году министерство народнаго просвѣщенія (циркуляръ отъ 29-го декабря № 22844) подтверждаетъ о неуклонномъ соблюденіи первоначальнаго циркуляра (1864 г. № 3191), предписывающаго закрывать учебное заведеніе лишь въ томъ случаѣ, когда эпидемія появится

въ самомъ учебномъ заведеніи, особенно въ школахъ съ интернатами; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ ограничиваться тщательнымъ врачебнымъ надзоромъ за учащимися во время эпидеміи. Поводомъ къ изданію этого циркуляра послужило то обстоятельство, что занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекращались нерѣдко съ появленіемъ эпидеміи въ городѣ или даже въ губерніи (холера).

Въ 1896 году въ одномъ губернскомъ городѣ мѣстнымъ губернаторомъ было сдѣлано сношеніе съ попечителемъ округа о закрытіи всѣхъ учебныхъ заведеній города по случаю появленія въ городѣ аболѣванной дифтеріи. Эта мѣра не была утверждена министерствомъ народнаго просвѣщенія, а министерство внутреннихъ дѣлъ подтвердило по своему вѣдомству (отъ 2-го февраля № 192) о необходимости исполнять циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія отъ 3191.

Въ 1897 году состоялось постановленіе медицинскаго совѣта о новомъ расписаніи сроковъ изоляціи учащихся для предупрежденія носса заразныхъ болѣзней въ учебныхъ заведеніяхъ, согласованное съ временными данными ученія о заразныхъ болѣзняхъ. Первоначальное расписаніе (см. выше) было издано десять лѣтъ тому назадъ.

Въ 1903 году министерство народнаго просвѣщенія вновь требуетъ (циркуляръ отъ 1-го ноября) исполненія предписанныхъ условій при открытіи школы, такъ какъ продолжаютъ наблюдаться случаи превращенія учебныхъ занятій „въ виду появленія среди учащихся заразныхъ болѣзней, иногда даже не имѣющихъ характера эпидемическихъ“.

Съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ Москвѣ въ 1901 году постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы распоряженіе о закрытіи казенныхъ училищъ во время эпидемій было предоставлено дѣлу мѣстнымъ врачамъ, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія инспектора народныхъ училищъ, а училищнымъ совѣтамъ дано было право набавывать инструкціи на случай подобныхъ закрытіи. Это ходатайство было принято во вниманіе, и въ 1904 году министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ изданъ циркуляръ (отъ 7-го июня за № 1176), которымъ предписывалось:

1) Закрытіе школъ и пріютовъ, въ случаѣ появленія въ нихъ заразныхъ болѣзней, должно производиться по распоряженію мѣстнаго участковаго врача, который о своемъ распоряженіи доводитъ до свѣдѣнія инспектора народныхъ училищъ, въ вѣдѣніи коего находится заведеніе.

2) По означенному въ пунктѣ 1-мъ предмету предоставляется право училищнымъ совѣтамъ издавать особыя инструкции.

3) Инструкции выработываются не иначе, какъ при участіи врача, приглашаемаго на засѣданія училищнаго совѣта порядкомъ, определеннымъ примѣчаніемъ 1-мъ въ ст. 3497 Св. Зак. т. XI, ч. I уст. уч. учр. и учебн. завед., изд. 1893 г.

Въ 1905 году былъ изданъ министерствомъ народнаго просвѣщенія циркуляръ (отъ 29-го января за № 2553) о мѣрахъ предупрежденія заноса и развитія скарлатины въ учебныхъ заведеніяхъ. Мѣры эти изложены въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Во время эпидеміи скарлатины усилить врачебный надзоръ за здоровьемъ пансіонеровъ и посѣщающихъ школу учащихся.

2. Установить черезъ училищныхъ врачей, гдѣ таковые имѣются, освидѣтельствованіе всѣхъ учащихся, болѣвшихъ скарлатиною и возвращающихся въ учебное заведеніе, не исключая и тѣхъ, которыми представляются свидѣтельства отъ лѣчившихъ ихъ врачей въ томъ, что они могутъ посѣщать школу.

3. Установить, какъ это требуется распоряженіемъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 7-го апрѣля 1897 года, санитарный надзоръ черезъ училищныхъ врачей за квартирами учащихся, въ которыхъ были заболѣванія скарлатиною, съ цѣлью удостовѣриться, приняты ли родителями или заступающими ихъ мѣсто мѣры для разобщенія здоровыхъ дѣтей, посѣщающихъ учебное заведеніе, отъ больныхъ, а также и другія санитарныя мѣры, какъ-то: дезинфекція помѣщеній, платья больныхъ и т. п.

4. Въ случаяхъ особенно сильныхъ и злокачественныхъ эпидемій рекомендуется озаботиться наймомъ особыхъ изоляціонныхъ квартиръ для тѣхъ учащихся, которые не могутъ быть хорошо отдѣлены отъ больныхъ скарлатиною въ ихъ квартирахъ.

5. Установить періодическіе санитарные осмотры всѣхъ помѣщеній учебныхъ заведеній и особенно квартиръ семейныхъ служителей, живущихъ въ зданіи учебныхъ заведеній.

6. Если во время эпидеміи среди учениковъ какого-либо класса будетъ обнаружено болѣе одного заболѣванія скарлатиною, то разрѣшается прекратить занятія въ этомъ классѣ на двѣ недѣли, то есть на срокъ инкубационнаго періода скарлатины; въ этотъ срокъ необходимо произвести тщательную дезинфекцію помѣщенія и находившихся въ немъ предметовъ.

Примѣчаніе. Дезинфекцію помѣщеній лучше всего произво-

дти формалиномъ съ помощью бреславльскаго дезинфекціоннаго прибора проф. Флюгго.

7. Въ случаяхъ повторныхъ заболѣваній скарлатиной среди пансіонеровъ или учениковъ различныхъ классовъ, въ эпидемическое время предоставляется прекратить занятія въ учебномъ заведеніи окомъ на двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ должна быть произведена самая тщательная дезинфекція всѣхъ помѣщеній училища.

О всѣхъ сдѣланныхъ въ исполненіе настоящаго циркуляра распоряженій предписано доводить до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

Въ виду ожидавшейся эпидеміи холеры, въ 1905 году былъ изданъ министерствомъ народнаго просвѣщенія циркуляръ (отъ 29-го рѣля за № 8785), который, подтверждая о необходимости строгаго блюденія мѣръ, указанныхъ въ циркулярѣ отъ 10-го іюля 1892 г. № 12376, рекомендуетъ отпечатать и раздать (въ неблагополучныхъ стностяхъ) бесплатно всѣмъ воспитанникамъ препровожаемое при циркулярѣ „Наставленіе о мѣрахъ личнаго предохраненія отъ заболѣваній холерою“.

Такъ какъ въ министерство народнаго просвѣщенія продолжали поступать ходатайства попечителей округовъ о закрытіи учебныхъ заведеній (среднихъ) вслѣдствіе заболѣваній учащихся заразными болезнями, то, для болѣе успѣшнаго и быстраго принятія мѣръ противъ заразныхъ болѣзней въ учебныхъ заведеніяхъ, министерство народнаго просвѣщенія циркуляромъ 1906 года (отъ 27-го февраля № 4700) предоставляетъ право закрытія учебнаго заведенія попечителямъ учебныхъ округовъ и начальствамъ учебныхъ заведеній, представленію училищнаго врача, а гдѣ нѣтъ такового, по представленію участковаго, земскаго, сельскаго или уѣзднаго врачей. Такимъ образомъ, закрытіе среднихъ учебныхъ заведеній упрощается, равно закрытію сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ. Далѣе, стусмый нами циркуляръ даетъ слѣдующія руководящія разсужденія:

„Кромѣ заболѣванія холерою и чумою, относительно которыхъ существуютъ спеціальныя распоряженія, закрытіе учебнаго заведенія признается необходимымъ только въ случаяхъ повторныхъ заболѣваній натуральной осной, скарлатиной или дифтеритомъ среди учащихся того учебнаго заведенія; при появленіи же другихъ заразныхъ болѣзней, напримѣръ, коры, коклюша, свинки, вѣтряной осны, закрытіе учебнаго заведенія признается необходимымъ только въ тѣхъ

случаяхъ, когда мѣры изоляціи и дезинфекціи оказываются неэффективными, и заболѣванія среди учащихся принимаютъ эпидемическій характеръ. При опредѣленіи срока закрытія должно принимать во вниманіе инкубационный періодъ болѣзни, а также и условія мѣста и времени.

Немедленно по закрытіи учебнаго заведенія, попечителемъ учебнаго округа или начальствомъ даннаго учебнаго заведенія должно быть представлено въ министерство народнаго просвѣщенія обстоятельно мотивированное донесеніе съ цифровыми данными о числѣ заболѣвшихъ (перечисленныхъ поименно съ указаніемъ класса, возраста, пола и т. п.), о ходѣ заболѣваній съ заключеніемъ врача о возможныхъ причинахъ возникновенія и развитія эпидеміи въ учебномъ заведеніи, а также о принятыхъ и имѣющихъ быть принятыми мѣрахъ“.

Послѣдній циркуляръ былъ неправильно понятъ и внесъ поэтому нѣкоторое недоразумѣніе: кому предоставлено право закрытія начальныхъ школъ—мѣстному-ли участковому врачу или попечителямъ учебныхъ округовъ и мѣстнымъ начальствамъ учебныхъ заведеній? Въ виду этого министерствомъ народнаго просвѣщенія въ этомъ же 1906 году былъ изданъ разъяснительный циркуляръ (отъ 12-го октября за № 21477).

Такъ какъ по изданіи послѣднихъ циркуляровъ закрытіе учебныхъ заведеній производится безъ санкціи министерства народнаго просвѣщенія, то, въ цѣляхъ осведомленности объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ среди учащихся, предписывается (циркуляръ отъ 22-го октября 1906 г. за № 22154) доставлять во врачебно-санитарную часть министерства народнаго просвѣщенія сообщенія о всѣхъ случаяхъ закрытія учебныхъ заведеній, палсіоновъ или отдѣльных классовъ по специально выработанной врачебно-санитарной частью формѣ. Сообщенія о закрытіи учебнаго заведенія, представляемая попечителями или начальствомъ учебныхъ заведеній, очень часто не содержатъ точныхъ данныхъ — ни о числѣ заболѣвшихъ, ни о времени закрытія, ни о срокѣ закрытія учебнаго заведенія; иногда нельзя даже понять, есть-ли больные среди учащихся или же только эпидемія среди населенія; были такія сообщенія, въ которыхъ не упоминалось даже, вслѣдствіе какой болѣзни прекращается ученіе. Выработка опредѣленной формы для этого сообщенія имѣетъ поэтому немаловажное значеніе; она содержитъ слѣдующіе пункты: (см. табл. на стр. 35—36).

1. Названіе учебнаго заведенія:.....

2. Названіе болѣзни:.....

3. Когда обнаружено первое заболѣваніе:.....

4. Закрыто учебное заведеніе, пансіонъ или классъ (какой именно):.....

.....время закрытія:.....

5. На какое время закрыто:.....

6. Какое число учащихся заболѣло:.....умерло:.....

Приходящихъ:.....

Пансіонеровъ, -окъ:.....

В С Е Г О:

7. Перечень заболѣвшихъ (см. на обор. стр.).

Къ сему сообщенію прилагается заключеніе училищнаго врача (или за отсутствіемъ такового—врача земскаго, сельскаго, уѣзднаго) о причинахъ появленія заболѣваній и о мѣрахъ, предпринятыхъ для прекращенія таковыхъ.

Вопрос о мероприятиях против распространения заразных болезней среди учащихся касается также „Руководство по исполнению санитарных требований при составлении проектов на устройство зданий средних учебных заведений министерства народного просвещения“, утвержденное министром народного просвещения 26-го июля 1907 года; §§ 39 и 40 этого руководства касаются устройства больниц и квартир служащих при учебном заведении и изложены так:

§ 39. В училищных лазаретах, которые должны состоять из двух отдѣловъ, совершенно изолированных другъ отъ друга, общего и заразного, въ палатахъ для незаразныхъ больныхъ на одного человѣка должно приходиться по 4 кв. саж., а въ заразномъ отдѣленіи—по 5 кв. саж. воздуха; при этомъ общее число кроватей не должно быть меньше 10% живущихъ въ пансіонѣ или общежитіи, для обслуживания которыхъ лазаретъ назначенъ.

Кромѣ палатъ для общихъ больныхъ и отдѣленія для заразныхъ, лазаретъ долженъ еще имѣть пріемную для врача, съ необходимыми инструментами для изслѣдованія больныхъ и здоровыхъ учащихся и медикаментами, комнату для фельдшера или служителя, буфетную, клозетъ, уборную съ ванной, прихожую (она же раздѣлвальная) и небольшую кладовую.

§ 40. Квартиры, если онѣ помѣщаются въ школьномъ зданіи, должны быть устроены такимъ образомъ, чтобы ихъ было легко вполне изолировать отъ собственно школьныхъ помѣщеній и другъ отъ друга; онѣ должны имѣть отдѣльные отъ учебныхъ заведеній входы.

Затѣмъ, по циркуляру отъ 17-го мая 1908 г. (за № 12647), къ числу болезней, обуславливающихъ закрытіе учебнаго заведенія, относятся также заболѣванія учащихся сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ и цереброспинальнымъ менингитомъ.

22-го мая этого же года медицинскій совѣтъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія въ постановленіи 1897 г. о срокахъ изоляціи при дифтеріи: „учащіеся послѣ дифтеріи допускаются въ школу черезъ 5 недѣль послѣ начала заболѣванія. При возможности бактериологическаго изслѣдованія—по исчезновеніи Леффлеровскихъ дифтерійныхъ палочекъ, послѣ двухкратнаго изслѣдованія съ двухдневнымъ промежуткомъ, которое рекомендуется начинать не ранѣе двухъ недѣль по окончаніи болѣзни“. Для бывшихъ въ соприкосновеніи съ больными или живущихъ съ ними въ одной квартирѣ срокъ изоляціи опредѣляется въ 7 дней, если въ зѣвѣ и носу нѣтъ острыхъ воспалительныхъ явленій, и температура нормальна. Тамъ, гдѣ возможно бактериологическое

изслѣдованіе слизи зѣва и носа на дифтерійныя палочки Леффлера, изоляція прекращается послѣ двухкратнаго бактериологическаго изслѣдованія, давашаго отрицательные результаты. Кромѣ того, медицинскій совѣтъ признаеть желательнымъ производить предохранительныя прививки лицамъ, бывшимъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ больными. Введеніе обязательной ревакцинаціи признается преждевременнымъ.

Заканчивая настоящую статью и переходя къ перечисленію мѣръ противъ развитія заразныхъ заболѣваній въ школахъ, мы не можемъ не привести здѣсь двухъ, хотя и всѣмъ извѣстныхъ, основныхъ положеній. Первое положеніе состоитъ въ томъ, что воплію плодотворная борьба съ эпидеміями въ школахъ, какъ и среди всего прочаго населенія, возможна лишь при полномъ удовлетвореніи медицинской помощью всего населенія, когда всякое заболѣваніе происходило бы, такъ сказать, на глазахъ врача. При этомъ подъ медицинской помощью должна разумѣться какъ помощь амбулаторная, такъ и больничная; послѣднее сдѣлало бы излишнимъ устройство специальныхъ лазаретовъ и больницъ при учебныхъ заведеніяхъ, а это повлекло бы за собою и экономію, и улучшеніе больничной помощи; при учебномъ заведеніи достаточно было бы устраивать лишь одну-двѣ изоляціонныя комнаты.

Второе положеніе, вытекающее изъ перваго, заключается въ томъ, что для успѣшной борьбы съ эпидеміями въ школахъ долженъ быть организованъ правильный санитарный надзоръ врачей-гигиенистовъ; только въ этомъ случаѣ можно было бы надѣяться на своевременную изоляцію заболѣвшихъ, на анализъ возникновенія эпидеміи и рациональныя санитарныя мѣропріятія для прекращенія ея. Такая организація въ состояніи была бы выработать на мѣстахъ и детальныя правила борьбы, выработка которыхъ требуетъ знанія мѣстныхъ условій.

Изъ мѣръ второстепенныхъ можно указать слѣдующія: выясненіе причины двухъ или трехдневнаго отсутствія учениковъ; дезинфекція книгъ гимназической бібліотеки; санитарно-врачебный надзоръ за низшими служащими; заблаговременное пріискиваніе изоляціонныхъ помѣщеній; бактериологическое изслѣдованіе здоровыхъ учениковъ при появленіи заболѣванія или при закрытіи школы (изоляція „носителей“ заразныхъ микробовъ); предохранительныя прививки въ отдѣльныхъ случаяхъ; выдача родителямъ при пріемѣ учащагося специальной брошюры съ наставленіемъ, выдача такой же брошюры квартирохозяевамъ, ежегодная раздача учащимся листовъ о зараз-

ныхъ заболѣваніяхъ; преподаваніе гигиены, а гдѣ это невозможно—ежегодныя (а не только во время эпидеміи) бесѣды врача съ учениками; предосторожности для лицъ учащаго персонала, въ семьѣ которыхъ появились заразные заболѣванія, и пр. Повторяю, что исчерпать мѣропріятія подобнаго характера могутъ только мѣстныя силы правильно организованнаго школьно-санитарнаго надзора.

Л И Т Е Р А Т У Р А

о заразныхъ заболѣваніяхъ среди учащихся.

1. *Александровъ*. Къ вопросу о распространеніи заболѣванія трахомой среди учащихся въ сельскихъ школахъ Мелитопольскаго уѣзда.—„Вѣстникъ Общественной Гигиены“ и пр. 1897 г., № 2, стр. 41—47.

2. *Ассьевъ В. П.* Санитарное состояніе земскихъ начальныхъ училищъ Курской губерніи.—„Труды пятаго съѣзда земскихъ врачей и представителей земствъ Курской губерніи“—Курскъ 1893 г. (см. стр. 815—846).

3. *Бисеровъ Н. П.*, проф. О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ.—„Русск. Школа“ 1891 г. № 2, стр. 48—56; № 4, стр. 70—81; № 5—6, стр. 89—97; № 9, стр. 48—57; 1892 г. № 12, стр. 24—40.

4. *Васильковъ М.* О заболѣваніяхъ трахомой въ школахъ Повомосковскаго уѣзда.—„Вѣстн. Екатер. Земства“ 1904 г. № 49.

5. *Вирениусъ А. С.* Заразные болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ.—Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшъ, свинка и др.—Причины появленія и распространенія заразныхъ болѣзней въ учебныхъ заведеніяхъ и мѣры къ предотвращенію и пресѣченію распространенія этихъ болѣзней со стороны администраціи.—Изд. 2-ое исправл. и допозн. С.-Пб. 1890 г., стр. 1—128.

6. *Вирениусъ А. С.* Мѣры къ предотвращенію появленія и распространенія заразныхъ болѣзней въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.—„Труды съѣзда русск. дѣят. по техн. и проф. образован. въ Россіи. Сессія IX „Школьная Гигіена“.—С.-Пб. 1889—90 г., стр. 80—88.

7. *Гальперинъ Д. В.* Нѣсколько словъ по поводу трахомы въ земскихъ школахъ.—„Врачебно-санитарная хроника Воронежской губерніи“ 1900 г. № 3, стр. 140—141.

8. Гигиеническія и врачебныя мѣры противъ дифтерита у учащихся.—Расп. Варшавскаго попечителя 1879 г.—„Сводъ узаконеній и распор. правительства по врачебно-санитарной части“. В. II. С.-Пб. 1897 г., стр. 31—33.

9. *Гуришъ А. П.* О нѣкоторыхъ мѣрахъ предохраненія здоровья воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній отъ заразныхъ болѣзней и ихъ угрожающихъ симптомовъ.—„В.-Мед. Журн.“. 1904 г. № 2 и 3.

10. *Грамматчиковъ А. и Лобиковъ*. Описаніе систематической дезинфекціи, произведенной въ Петербургскомъ второмъ кадетскомъ корпусѣ по поводу эпидеміи дифтерита.—„Воен.-Мед. Журн.“. 1899 г. № 2.

11. *Груздев С. С.* Опыт поголовнаго изслѣдованія на чахоточныя дѣлочки мокроты у дѣтей школьнаго возраста.—„Врачъ“ 1889 г. №. 39 и 40, стр. 856—857 и 881—883.
12. *Дедуринъ.* О трахомахъ среди учениковъ народныхъ школъ.—„Вѣстникъ офтальмологій“ 1893 г., стр. 490—495.
13. *Демьянкоъ Н. Н.* Медико-статистическій отчетъ о заболѣваемости и смертности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ за періодъ времени съ 1886—94 гг.—С.-Пб. 1896, стр. 16—38.
14. Инструкція участковымъ земскимъ врачамъ Тульской губ. по борьбѣ съ распространеніемъ заразныхъ болѣзней въ школахъ и черезъ школы.—„Шестой Тульскій съѣздъ врачей“.
15. *Кобылякскій Л. Р.* О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей, преимущественно въ школьномъ возрастѣ.—Лекціи, читанныя учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Терской области.—Владикавказъ, 1889 г., стр. 101.
16. *Кольскій Т.* и *Машковцева О.* Трахома въ Таврич. епархіальномъ училищѣ по даннымъ поголовнаго осмотра.—„Вѣстникъ офтальмологій“ 1898 г. № 4 и 5.
17. *Кречетовъ В. К.* Предупредительныя мѣры противъ распространенія заразныхъ болѣзней черезъ школы и организація санитарнаго надзора за ними вообще.—„Шестой Владимірск. съѣздъ“.
18. *Кротковъ Н. А.* Организація борьбы съ инфекціонными болѣзнями и въ частности выработка мѣропріятій противъ развитія эпидемій въ школахъ.—„Восьмой Пержскій съѣздъ врачей“.—Заключеніе комиссіи по данному докладу.—Тамъ же.
19. Къ вопросу о школьной трахомахъ.—„Врачебно-санитарная хроника Курской губерніи“. 1904 г. № 11, стр. 44—45.
20. Къ вопросу о закрытіи школъ во время эпидемій.—Санитарная хроника (?) Самарск. губ. 1904 г. № 8.
21. *Литровъ.* Малярія и причины ея развитія среди учениковъ сельско-хозяйственной школы Нижегородск. у.—„Свѣдѣнія о дѣятельности амбулаторій, лечеб. завед. и врач. санит. совѣтовъ и о распространеніи инфекц. заб. въ Нижегородск. губ.“ 1902 г. № 9.
22. *Матемова В.* Отчетъ училищныхъ врачей по врачебно-санитарному надзору въ городскихъ начальныхъ училищахъ г. С.-Петербурга за 1900—1901 учебный годъ.
23. *Миталева В. Г.* Острозаразные болѣзни въ начальныхъ городскихъ училищахъ Петербурга и мѣры борьбы съ ними.—„Русскій Врачъ“ 1905 г. № 15, стр. 489—495.
24. Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденийъ Императрицы Маріи за 1900—1901 гг.—С.-Пб. 1903 г., стр. 164—171.
25. Тоже, за 1901—1902 гг.—С.-Пб. 1904 г., стр. 143—147.
26. *Михайловъ Н. Ф.* Отчетъ о дѣятельности училищныхъ врачей городскихъ начальныхъ училищъ въ Москвѣ по предупрежденію и пресѣченію остро-заразныхъ заболѣваній въ 1892 г. М. 1893 г., стр. 15.
27. Мѣры противъ заразы въ школахъ.—„Школьн. Обзоръ“ 1895 г. № 5, стр. 2—3.

28. Мѣры предосторожности въ ожиданіи холеры и на случай ея появленія, выработанныя особымъ совѣщаніемъ при Главн. Упр. военно-учебныхъ заведеній для подвѣдомственныхъ сему управленію заведеній 23-го марта 1905 г. — Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ въ С.-Пб. 1905 г. № 43, стр. 1—31.

29. *Nariss*. Дезинфекція школьныхъ помѣщеній и мебели въ случаѣ эпидеміи. Реф.—В. О. Г. 1894 г. № 2, стр. 148—156.

30. Наставленіе Медицинскаго Совѣта о начальныхъ признакахъ заразныхъ болѣзней среди дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ, изд. 1885 г.—„Сводъ узак. и раси. правительства по врач. санит. части“. В. П. С.-Пб. 1897 г. стр. 35—41 и „О правилахъ предосторожности“, изд. 1886 г. тамъ же, стр. 41—42.

31. *Никольскій Д. П.* О заразныхъ болѣзняхъ въ начальныхъ школахъ С.-Петербурга и Москвы и мѣрахъ противъ нихъ.—„Вѣстн. Воспит.“ 1890 г. № 8, стр. 114—123.

32. Общее число заболѣваній учащихся и статистическая таблица инфекционныхъ заболѣваній въ ‰ — „С.-Петербургскія начальныя училища въ 1877—88 гг. Отчетъ городской комиссіи“.—С.-Пб. 1888 г., стр. 156—160.

33. Основы санитарнаго надзора надъ школами вообще и на случай появленія въ нихъ заразныхъ болѣзней (въ Московск. земствѣ).—„Земско-Мед. Сб.“ В. П. М. 1891 г. стр. 95—99 (прилож.).

34. Основы санитарнаго надзора надъ школами вообще и на случай появленія въ нихъ заразныхъ болѣзней.—„Труды V съѣзда земскихъ врачей и представителей земствъ Курской губерніи“—Курскъ, 1893 г. стр. 862—869.

35. Основы санитарнаго надзора за школами вообще и на случай появленія въ нихъ заразныхъ болѣзней. — „Четырнадцатый Московскій съѣздъ врачей“.

36. *Поповъ И. В.* О порядкѣ устройства народныхъ чтеній по гигиенѣ и о мѣрахъ противъ заболѣваній заразными болѣзнями при земскихъ школахъ въ Московск. у.—„Санит. свѣд. Тверск. губ.“ 1898 г. № 4.

37. Правила для предупрежденія распространенія заразныхъ болѣзней черезъ школы и въ самыхъ школахъ (въ Можайск. земствѣ). „Земско-Мед. Сб.“ В. П. М. 1891 г. стр. 103—105 (прилож.).

38. Продолжительность отдѣленія заразно-больныхъ отъ товарищей.—„Педагогич. Сборникъ“ 1883 г. № 1, стр. 70—79.

39. *Радецкій И. М.* Инфекционные страхи.—„Русск. Школа“ 1895 г. № 4, стр. 71—77.

40. *Рождественскій П.* Трахома въ школахъ.—„Санит. хроника Харьковской губ.“ 1890 г. № 11.

41. *Розенфельдъ Л.* Трахома въ школѣ.—„Вѣстн. Воспит.“ 1898 г. № 6.

42. *Троицкій И. В.* Эпидемическій перипаротитъ. Исторія одной школьной эпидеміи.—„Врачъ“ 1886 г. № 33 и 34, стр. 595—597 и 615—617.

43. *Троицкій П. В.* Къ вопросу о заболѣваніи личинокъ при эпидемической свинкѣ у дѣвочекъ.—„Русскій Врачъ“ 1902 г. № 15, стр. 582—581.

44. *Троицкій И. П.* Трахома въ школахъ Самарск. у. по даннымъ поголовнаго осмотра врачами въ 1902—03 г.—„Четырнадцатый Самарскій съѣздъ врачей“.

45. *Филипповъ А. П.* О борьбѣ съ заразными болѣзнями въ школахъ. „Жур

наль Общества Охраненія Народнаго Здравія“ 1899 г. № 2—3, стр. 221—236 „Вѣстн. Воспитанія“ 1897 г. № 4, стр. 97—119. и „Дневникъ X сѣзда естествоиспыт. и врачей“.

46. *Черепнинъ Н. П.* Острозаразныя заболѣванія и сроки для права пощенія учениками школъ.—„Протоколы засѣданій и сообщенія С.-Пб. Медицинскаго Общества“ за 1893 г.—С.-Пб. 1894 г., стр. 191—202.

47. *Черепнинъ Н. П.* Къ защитѣ школъ отъ зараженія заразными болѣзнями.—„Труды V Пироговск. сѣзда“ т. II.

48. *Шиле А. И.* Трахома въ Курскомъ уѣздѣ.—„Труды VIII сѣзда врачей въ Курскѣ“, стр. 513—550.

49. Школа и андидемическія заболѣванія.—„Вѣстникъ Воспитанія“ 1899 г. № 3, стр. 65—79.

50. *Эрисманъ Ф. Ф.*, проф. Записка о санитарныхъ мѣрахъ противъ распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ и черезъ школы.—„Земскій Врачъ“ 1888 г. № 24, стр. 368—371.

51. *Якубовичъ В. Ф.*, д-ръ. О мѣрахъ предохраненія дѣтей отъ заразныхъ болѣзней въ мѣстахъ общественныхъ учрежденій и игр.—„Русск. Школа“ 1895 г. № 2, стр. 68—74.

52. *Ястремскій В. Д.* Школьная трахома въ Курской губ. (по даннымъ земскихъ врачей за 1901 годъ), въ связи съ распространеніемъ ея среди населенія этой же губерніи и въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи.—„Труды VIII сѣзда земскихъ врачей и представителей земствъ Курской губ.“—Курскъ, 1902 г., стр. 207—277 и „Русск. Врачъ“ 1902 г. № 23.

А. Иваницъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СИМБИРСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ¹⁾.

(1866 — 1906 гг.)

I.

Начальное народное образование въ Симбирской губерніи, какъ и въ большинствѣ другихъ губерній, составляло вплоть до повѣйшаго времени предметъ попеченія преимущественно уѣздныхъ земствъ. Что касается губернскаго земства, то оно ограничивало свою дѣятельность субсидированіемъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержаніемъ низшей сельско-хозяйственной школы, стипендіями въ чувашской учительской школѣ, въ ремесленномъ училищѣ графа Орлова-Давыдова, въ школѣ садовыхъ рабочихъ, въ Порѣцкой учительской семинаріи до 1884 г.

¹⁾ Матеріалъ для настоящаго очерка почерпнутъ, главнымъ образомъ, изъ нижеслѣдующихъ источниковъ: „Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Симбирская губернія“. — „Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи“. Вып. III. Просвѣщеніе. Составилъ Н. Л. Петерсонъ. С.-Пб. 1904. — Г. Фальборкъ и В. Чарюлускій. „Вѣтшкольное образованіе“. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ и т. д. С.-Пб. 1905 г. — Ихъ же. „Настольная книга по народному образованію“. Т. 1—III. С.-Пб. 1904 г. — С. П. Андиферовъ. „Справочная книга по низшему образованію“. Годъ первый. С.-Пб. 1905 г. — М. Суверанскій. „Начальная народная школа въ Симбирской губерніи“ („Вѣстникъ Симбирскаго земства“ за 1906 г.). — П. Вессель. „Начальное образованіе и народныя училища въ Россіи XIX столѣтіи“ („Русская школа“, 1890—1892 г.). — В. Фармаковский. „Начальная школа министерства народнаго просвѣщенія“ (по официальнымъ источникамъ). С.-Пб. 1900 г. — Н. „Памяти Льва Васильевича Персианинова“. Симбирскъ 1897 г. — И. П. „Къ вопросу о всеобщемъ обученіи въ Симбирской губерніи“ (Вѣст. Симбирскаго земства, 1904 г. №№ 10—11). Н. В. Ишерскій. „Усадебные земельные участки при начальныхъ народныхъ учили-

и поддержаніемъ рѣда другихъ профессиональныхъ учебныхъ заведеній. Отказалось отъ взгляда, по которому заботы о народномъ образованіи дѣло исключительно уѣздныхъ земствъ, симбирское губернское земство лишь въ послѣднее время. Въ очередную сессію губернскаго собранія, 13-го января 1905 года, оно принципиально признало, наконецъ, необходимость своего участія въ дѣлѣ расширенія доступа населенія къ образованію и, такимъ образомъ, вступило на путь культурнаго воздѣйствія на жизнь населенія. Губернское собраніе тогда же поручило губернской управѣ выработать, при содѣйствіи уѣздныхъ управъ и съ утвержденія уѣздныхъ собраній, планъ осуществленія всеобщаго обученія и школьной сѣти. Имѣлось въ виду образоватъ путемъ займа на срокъ въ 25 лѣтъ фондъ въ размѣрѣ 100.000 руб. изъ специальныхъ капиталовъ губернскаго земства для выдачи изъ него уѣзднымъ земствамъ безпроцентныхъ ссудъ на постройку новыхъ и капитальный ремонтъ существующихъ школьныхъ зданій. Одновременно признано было желательнымъ участіе губернскаго земства въ расходахъ по подготовкѣ учительскаго персонала и повышенію его образовательнаго уровня, а также въ расходахъ по созданію въ губерніи возможно широкой сѣти библіотекъ-читаленъ.

Эти данныя до извѣстной степени подтверждаютъ отсталость симбирскаго земства сравнительно съ земствами болѣе прогрессивными. Однако, общественное движеніе 1860 и 1870 гг. въ пользу народнаго образованія не осталось безъ вліянія и на него, выдвинувъ рядъ энергичныхъ и преданныхъ интересамъ народа лицъ, въ числѣ которыхъ необходимо упомянуть П. П. Ульянова, перваго инспектора, а

шахъ Симбирской губерніи въ 1893 году". Симбирскъ 1895 г. — П. Ф. Кудрявцевъ. „Народныя бесплатныя библіотеки-читальни (земскія, волостныя и частныя кружковъ) въ селахъ и платныя въ городахъ Симбирской губерніи въ 1900—1901 гг. Симбирскъ, 1901 г. — „Отчетъ о занятіяхъ сѣзда законоучителей, учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи и уѣзда, происходившихъ съ 1-го по 16-е сентября 1873 г. Симбирскъ 1874 г. — „Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи“. Изданіе мин. народ. просвѣщенія. Вып. I — IV. С. IIб. 1903 г. — А. П. Анастасіевъ. „Результаты повѣрочныхъ испытаній, произведенныхъ весной 1887 г. въ начальныхъ народныхъ училищахъ Симбир. уѣзда, лицамъ, окончившимъ въ нихъ курсъ (полный) ученія за періодъ времени съ 1876 г. по 1886 г.“ Симбирскъ 1887 г. — „Отчетъ о первомъ сѣздѣ народныхъ учителей и учительницъ въ г. Курмышѣ, Симбир. губ., съ 30-го іюля по 5-го августа 1901 г.“ Симбирскъ 1903 г. — „Симбирскія Губернскія Вѣдомостя“. — „Вѣстникъ Симбирскаго Земства“. — Журналы губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній Симбирской губерніи; доклады губернской и уѣздныхъ управъ и т. д. Остальные источники указаны въ текстѣ очерка.

затѣмъ (съ 1874 г.) и директора народныхъ училищъ Симбирской губерніи, В. П. Пазарьева (мирового судью и члена училищнаго совѣта), Н. А. Языкова (предсѣдателя симбирскаго училищнаго совѣта), протоіерея А. П. Баратынскаго (перваго предсѣдателя Буинскаго училищнаго совѣта) и Л. В. Персіянинова (земскаго гласнаго и члена училищнаго совѣта).

Съ учрежденіемъ училищныхъ совѣтовъ въ 1866 году симбирское земство впервые пришло въ близкое соприкосновеніе съ дѣломъ народнаго образованія. Ознакомившись съ его состояніемъ, уѣздныя собранія этого года нашли его *неудовлетворительнымъ* и тогда же подняли вопросъ объ его улучшеніи. Отсутствіе средствъ тормозило дѣло. Тѣмъ не менѣе, симбирское уѣздное собраніе выбрало специальную комиссію для разработки вопроса, какимъ образомъ земство можетъ содѣйствовать народному образованію, и какая необходима на этотъ предметъ сумма. Въ результатѣ комиссія признала полезнымъ оставшуюся безъ назначенія, но внесенную въ смѣту, сумму 1127 р. 87 к. „предоставить лицамъ, изъявившимъ желаніе и извѣстнымъ своею нравственностью, обучать крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ у себя на дому и назначить за полное обученіе каждаго, по составленной училищнымъ совѣтомъ программѣ, по 10 рублей съ лица“, а распоряженіе и наблюденіе за означенною суммою предоставить уѣздному училищному совѣту. Такимъ образомъ была выбрана одна изъ наименѣе удачныхъ мѣръ, уже практиковавшихся въ Симбирской губерніи въ прежнее время удѣльнымъ вѣдомствомъ. Сдѣльная плата „мастерамъ книжнаго ученія“ — это вѣяло глубокою стариной, чуть-ли не XV-ымъ столѣтіемъ, когда, по свидѣтельству новгородскаго архієпископа Геннадія, уже практиковалась такая же мѣра!

Однако, земское собраніе не приняло предложенія комиссіи и постановило обратить вышеупомянутую сумму на устройство медицинской части въ уѣздѣ. Отвергло собраніе также и докладъ управы „о средствахъ, на которыя содержатся училища, и объ оказаніи имъ пособія земствомъ въ видахъ усиленія народнаго образованія безъ большихъ расходовъ“. Ничего не внесли въ смѣту на народное образованіе сонгилеевское, алатырское и ардатовское собранія.

Прочія же собранія ассигновали: сызранское — членамъ училищнаго совѣта, каждому, по 100 рублей на разъѣзды; карсунское — въ распоряженіе училищнаго совѣта 1000 рублей; курмышское — на содержаніе Курмышскаго уѣзднаго женскаго училища втораго разряда 500 рублей и на поддержаніе и распространеніе въ уѣздѣ народныхъ

и сельскихъ школъ 1000 рублей и бунское — на поддержаніе приходскихъ училищъ въ городѣ и уѣздѣ 1.200 рублей.

Въ то же время губернская управа представила симбирскому губернскому собранію докладъ, выѣвшій цѣлью опредѣлить степень участія земства въ устройствѣ народныхъ школъ. Въ немъ высказывалось, между прочимъ, пожеланіе, чтобы было возбуждено ходатайство „у высшаго правительства о распространеніи правъ правительственныхныхъ вѣдомствъ и духовныхъ на земскія учрежденія“, но какія именно „права“ разумѣла здѣсь управа,—это изъ доклада не усматривается. Далѣе, въ докладѣ развивался довольно общій и поверхностно разработанный планъ устройства школъ въ губерніи, на осуществленіи котораго сама управа не настаивала, почему и добавила: „если же народное образованіе будетъ отнесено собраніемъ къ уѣзднымъ потребностямъ, то — закрыть въ управѣ отдѣлъ по народному образованію“.

На дѣлѣ такъ и случилось: губернское собраніе признало, что забота объ общемъ начальномъ народномъ образованіи составляетъ обязанность уѣздныхъ земствъ, а не губернскаго. Вскорѣ, однако, настолько сказалось отсутствіе умѣлыхъ, болѣе или менѣе подготовленныхъ къ своимъ обязанностямъ, преподавателей, что губернское земство сочло необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло и нашло, что содѣйствіе его развитію первоначальнаго народнаго образованія должно, главнымъ образомъ, быть направлено къ приготовленію народныхъ учителей, которые бы, по возможности, соответствовали своему назначенію.

Впервые вопросъ этотъ былъ поднятъ въ 1867 г., когда губернскимъ собраніемъ постановлено было употребить 1000 р. на учрежденіе стипендій при духовной семинаріи и гимназій для образованія народныхъ учителей. Въ 1868 и 1869 гг., по предложенію директора гимназій, рѣшено было ассигновать средства на учрежденіе педагогическихъ курсовъ при симбирскомъ уѣздномъ училищѣ для подготовки учителей въ народныя училища, въ размѣрѣ 100 рублей на жалованье инспектору курсовъ и по 8 рублей двадцати стипендіатамъ ежемѣсячно. Однако, курсы просуществовали недолго. На мѣсто нихъ учредили учительскую семинарію.

Мысль о ней возникла еще въ 1871 году, когда губернское земское собраніе постановило: 1) увеличить число земскихъ стипендій на педагогическихъ курсахъ; 2) слѣть педагогическіе курсы съ гимназій, если она будетъ открыта; 3) внести въ смѣту 1872 года

5.000 рублей на учрежденіе прогимназіи и 4) ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, прогимназіи и упрядненіи уѣзднаго училища. Однако, министерство народнаго просвѣщенія не согласилось на удовлетвореніе этого ходатайства, находя, что прогимназія не можетъ замѣнить уѣзднаго училища, болѣе отвѣчающаго потребностямъ городского населенія и болѣе доступнаго бѣднымъ людямъ. Одновременно земству было указано на возможность учрежденія въ Симбирской губерніи учительской семинаріи, особенно въ виду того, что открытіе такой семинаріи въ Сердобскѣ, Саратовской губерніи, оказалось затруднительнымъ. Открытіе семинаріи обусловливалось только даровымъ помѣщеніемъ отъ земства. Такъ какъ департаментъ удѣловъ согласился уступить земству безвозмездно для этой цѣли зданіе съ садомъ и 5 десятинами земли, пріобрѣтенныя удѣломъ отъ г. Мятлева въ с. Порѣцкомъ, Алатырскаго уѣзда, то губернская управа, считая учрежденіе семинаріи весьма полезнымъ для края и не желая упустить столь удобнаго случая, собрала, для разрѣшенія этого вопроса, 3-го сентября 1872 г. экстренное собраніе. По рассмотрѣніи предложенія управы и представленныхъ ею плановъ и смѣтъ, собраніе постановило ходатайствовать объ открытіи учительской семинаріи въ с. Порѣцкомъ и ассигновать на устройство помѣщенія для нея 26.542 рубля 22 к. Открылась учительская семинарія въ томъ же году.

Такимъ образомъ Симбирская губернія одна изъ первыхъ получила специальное учебное заведеніе для подготовки народныхъ учителей, хотя симбирскому земству пришлось затратить на его устройство значительную сумму, при чемъ, кромѣ единовременныхъ расходовъ, туда же переведено было 40 стипендій съ Симбирскихъ педагогическихъ курсовъ.

Въ 1875 году состоялся первый выпускъ учениковъ изъ семинаріи. Окончило курсъ 12 человекъ, изъ которыхъ 11 поступило учителями начальныхъ школъ Симбирской губерніи. То же надо сказать и о слѣдующихъ выпускахъ: всѣ оканчивавшіе курсъ назначались обыкновенно учителями въ школы этой губерніи.

Хотя директора и инспектора народныхъ училищъ сходились въ отзывѣхъ, что эти лица были самыми желательными учителями, отличавшимися не только знаніемъ педагогическихъ пріемовъ, но и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, тѣмъ не менѣе, сочувственное отношеніе земства къ учительской семинаріи замѣнилось, и уже въ 1877 году губернскае собраніе изъ 40 стипендій въ семинаріи отчислило 15 въ чувашскую учительскую школу. Въ 1881 году заду-

манъ былъ докладъ комисіи о томъ, что число кандидатовъ на должности сельскихъ учителей превышаетъ число сельскихъ школъ, нуждающихся въ учителяхъ, и что окончившіе курсъ въ Порѣцкой учительской семинаріи „являются не вполне удовлетворительными по нравственнымъ свойствамъ“, а въ слѣдующемъ году управа доложила собранію свое мнѣніе о бесполезности затратъ земства на стипендіи въ семинаріи и предложила постепенно прекратить ихъ выдачу. Въ 1884 году, наконецъ, собраніе постановило: „въ Порѣцкой учительской семинаріи новыхъ стипендіи не имѣть“.

Другимъ учебнымъ заведеніемъ, дающимъ Симбирской губерніи лицъ, подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности, является чувашская учительская школа въ Симбирскѣ. Съ 1877 года въ ней было, какъ мы видѣли, 15 стипендіи губернскаго земства. Когда комиссія губернскаго собранія сессіи 1885 года предложила собранію прекращать стипендіи, по мѣрѣ окончанія курса стипендіатами, на томъ основаніи, что стипендіаты губернскаго земства распределяются, въ сущности, въ этой школѣ только между тремя уѣздами (Бунскимъ, Сенгилеевскимъ и Курмышскимъ), и, при такихъ условіяхъ, было бы несправедливо обременять другіе уѣзды налогомъ на школу, — эта школа нашла себѣ защиту въ лицѣ А. А. Головинскаго и нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1883 году и въ ней стипендіи были прекращены.

Отказываясь отъ активной роли въ области начальнаго образованія, губернское земство постоянно отклоняло и обращаемыя къ нему ходатайства объ участіи въ расходахъ, имѣющихъ отношеніе къ этой области. Напримѣръ, въ 1872 году губернскимъ собраніемъ признанъ былъ „неподлежащимъ обсужденію“ возбужденный инспекторомъ народныхъ училищъ И. Н. Ульяновымъ вопросъ о необходимости устройства при сельскихъ школахъ помѣщеній для учащихся, приходящихъ изъ другихъ деревень; въ 1894 году отклонено было ходатайство сенгилеевскаго земскаго собранія о займообразномъ отпускѣ 5.000 рублей изъ суммъ губернскаго земства безъ % для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій, а въ слѣдующемъ году — предложеніе Петербургскаго комитета грамотности приступить къ правильной организаціи въ губерніи народныхъ библиотекъ и т. д.

Впрочемъ, иногда дѣлались и исключенія, но рѣдко. Такъ, въ 1867 году въ распоряженіе губернской управы отпущено было 1.000 руб. на приобрѣтеніе народныхъ книгъ съ тѣмъ, чтобы эти книги распро-

давались самою губернской управой и преимущественно через посредство уѣздныхъ управъ и волостныхъ правленій всѣмъ желающимъ, по той цѣли, въ которую онѣ обойдутся управѣ, при чемъ, при выборѣ ихъ, на первое время должно было быть обращено преимущественное вниманіе на потребность, которую народъ чувствуетъ въ дешевомъ приобрѣтеніи книгъ духовнаго содержанія и въ особенности новаго завѣта, а каталогъ выписываемыхъ книгъ долженъ былъ, во всякомъ случаѣ, подвергаться предварительному просмотру губернскаго училищнаго совѣта; съ 1894 года постановлено выдавать ежегодно по 150 рублей на библіотеку учебныхъ пособій и руководствъ при дирекціи народныхъ училищъ, а съ 1897 года — Сибирскому обществу взаимнаго вспоможенія учащихся и учившихъ ежегодно по 100 рублей и одновременно 3.000 рублей на постройку дома подъ интернатъ для дѣтей учащихся (1902 г.) и 300 рублей на устройство кумысо-лѣчебнаго заведенія (1901 г.).

Измѣненіе отношенія губернскаго земства къ начальному народному образованію послѣдовало только въ послѣднее время, и первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1903 году, когда, по поводу доклада управы объ участіи въ предпологавшейся въ Москвѣ всероссійской выставкѣ по народному образованію, постановлено было принять участіе въ выставкѣ и признано было необходимымъ составить историческій очеркъ о состояніи народнаго образованія въ Сибирской губерніи, какъ для участія во всероссійской выставкѣ, такъ и для самой губерніи, для „яснаго представленія настоящаго положенія, что дало бы возможность въ дальнѣйшемъ, видя потребности народнаго образованія, идти имъ на встрѣчу“. Губернское собраніе той же сессіи сдѣлало постановленіе объ открытіи изъ средствъ губернскаго земства кредита уѣзднымъ земствамъ, по 1.000 рублей каждому, на организацію книжныхъ складовъ.

Обсудивъ вопросъ объ увеличеніи содержанія учительскому персоналу, то же собраніе постановило возбудить ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о принятіи содержанія учительскаго персонала земскихъ начальныхъ школъ на счетъ министерства, съ тѣмъ, чтобы освободившіяся отъ этого средства земство расходовало на открытіе новыхъ училищъ и упрядоченіе существующихъ.

Такое ходатайство, однако, не встрѣтило сочувствія многихъ гласныхъ, высказавшихъ справедливое опасеніе, что съ принятіемъ такой мѣры неминуемо умалится вліяніе земства на школы, ибо на практикѣ

настоящимъ хозяиномъ служащаго: обыкновенно является тотъ, кто уплачиваетъ ему вознагражденіе.

Въ 1904 году губернскае собраніе поставило на обсужденіе уже общій вопросъ объ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ распространенія начальнаго народнаго образованія, при чемъ въ сессіи, состоявшейся въ январѣ 1905 года, принять былъ докладъ о введеніи всеобщаго обученія въ губерніи, и поручено управѣ выработать планъ нормальной школьной сѣти.

Вслѣдствіе отсутствія объединяющей дѣятельности губернскаго земства въ народномъ школьномъ дѣлѣ и разрозненности дѣйствій уѣздныхъ земствъ, о единствѣ плана въ распространеніи народнаго образованія по всей губерніи не могло быть, конечно, и рѣчи. Руководящимъ принципомъ обычно являлось здѣсь то, что начальныя школы обслуживаютъ въ уѣздахъ почти исключительно крестьянское населеніе, а потому и содержаться онѣ должны, главнымъ образомъ, на крестьянскія средства, лишь съ пособіемъ изъ общеземскихъ сборовъ. Въ 1871 году на народное образованіе уѣздными собраніями было ассигновано:

Самбирскимъ	3.000 руб.	Карсунскимъ	1.447 р. 50 к.
Алатырскимъ	500 "	Курмышскимъ	2.750 " — "
Ардатовскимъ	500 "	Сенгилеевскимъ	ничего — "
Бунскимъ	3.390 "	Сызранскимъ	1.346 " — "

Обозрѣніе предметовъ этихъ расходовъ показываетъ, что расходы уѣздныхъ земствъ на народное образованіе имѣли случайный характеръ *пособія* школамъ, содержавшимся на другія средства. При общей ассигновкѣ земствъ въ 10.616 руб., общая сумма расходовъ на начальное образованіе достигала уже въ 1871 году 65.205 руб., т. е. земства дали всего лишь 16,3%. Хотя въ послѣдующее время этотъ процентъ и возросъ, но и теперь общая сумма крестьянскихъ расходовъ по губерніи на народное образованіе выше суммы земскихъ расходовъ.

Это, впрочемъ, видно и изъ тѣхъ условій, на которыхъ земства оказывали содѣйствіе крестьянскимъ обществамъ при устройствѣ школъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1870 году симбирское уѣздное собраніе постановило открыть управѣ изъ суммъ уѣзднаго земскаго сбора ежегодный кредитъ въ 3.000 руб. на пособіе: 1) тѣмъ сельскимъ школамъ, на содержаніе которыхъ общества платятъ не менѣе 15 коп. съ души

и изъясвят согласіе собираемую на содержаніе школъ сумму передать въ завѣдываніе управы; б) тѣмъ школамъ, которыя будутъ устраняться вновь на тѣхъ же основаніяхъ, и в) въ небольшомъ размѣрѣ— тѣмъ частнымъ сельскимъ школамъ, въ которыхъ обученіе дѣтей будетъ признано разумнымъ.

Незначительность участія земства въ расходахъ на народное образованіе исключала, казалось бы, мысль объ обязательности обученія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, эта мысль держалась среди симбирскихъ земцовъ именно въ началѣ 1870 года. 29 сентября 1872 года симбирское уѣздное собраніе постановило ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о введеніи обязательнаго обученія грамотѣ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть школы. Однако, губернское собраніе 1873 года признало введеніе обязательнаго обученія преждевременнымъ вслѣдствіе плохого устройства большинства училищъ, недостатка въ хорошихъ учителяхъ и даже вслѣдствіе отсутствія во многихъ селеніяхъ самыхъ школъ.

Основаніемъ къ возбужденію симбирскимъ уѣзднымъ собраніемъ ходатайства о введеніи обязательнаго обученія послужило то обстоятельство, что, по его мнѣнію, народное образованіе совершенно оставалось и требуетъ усиленныхъ мѣръ, чтобы подвинуть его впередъ. То же собраніе и по тѣмъ же соображеніямъ постановило въ 1873 году принять мѣры даже къ тому, чтобы „сельская администрація до введенія обязательнаго обученія по возможности чаще получала приказаніе убѣждать крестьянъ посылать своихъ дѣтей въ школу“. Отвергнувъ ходатайство о введеніи обязательнаго обученія, губернское собраніе нашло, однако, нужнымъ обратиться въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе о „содѣйствіи дѣлу наблюденія за аккуратнымъ посѣщеніемъ школъ учениками“.

Въ первое время по открытіи училищныхъ совѣтовъ въ избираніи въ школу учениковъ и ученицъ существовалъ порядокъ, унаслѣдованный отъ удѣла, а именно: ихъ набиралъ сельскій сходъ, при участіи волостного и сельскаго начальства. Съ теченіемъ времени этотъ порядокъ мало-по-малу сталъ ослабѣвать, и поступленіе въ школу сдѣлалось необязательнымъ.

Если мы возьмемъ статистическія свѣдѣнія о числѣ школъ, собранія въ 1866 году и помѣщенные въ „Матеріалахъ для исторіи и статистики Симбирской губерніи“ (Симбирскъ, 1866 г.), и сравнимъ ихъ съ соотвѣтствующими данными за 1869 годъ, то получимъ слѣдующую любопытную таблицу:

У ѣ з д ы	Число начальныхъ школъ по свѣдѣніямъ за:	
	1866 г.	1869 г.
Симбирскій	83	72
Буинскій	81	65
Карсунскій	126	124
Алатырскій	63	17
Ардатовскій	92	34
Курмышскій	34	14
Сызранскій	115	78
Сенгилеевскій	89	59
Всего по губерніи	683	463

Итакъ, въ то время, какъ въ 1866 году всѣхъ начальныхъ училищъ въ губерніи числилось 683, въ 1869 году ихъ насчитывалось лишь 463, т. е. менѣе почти на цѣлую треть, при чемъ разница особенно велика по уѣздамъ Алатырскому, Ардатовскому и Курмышскому. Объясняется это, преимущественно, большимъ количествомъ церковно-приходскихъ школъ, которыхъ въ 1866 году числилось до 450. Однако, и установленная для 1869 года цифра далеко не была минимальной, съ которой можно было считать дальнейшій ростъ числа школъ, вслѣдствіе начавшейся съ 1866 года дѣятельности училищныхъ совѣтовъ и роста денежныхъ ассигнованій на школы изъ земскихъ сборовъ и другихъ источниковъ, такъ какъ въ 1871 году, напримѣръ, насчитывалось 452 школы, т. е. еще на 11 менѣе. Уменьшеніе числа школъ, впрочемъ, не остановилось и на этой цифрѣ, а продолжалось по 1881 годъ; такъ, напримѣръ, въ 1875 году оно упало до 423.

Любопытно, что это явленіе въ дѣйствительности не говоритъ о регрессѣ школьнаго дѣла, ибо число учащихся за это время постоянно увеличивалось, и постановка школьнаго дѣла, въ общемъ, несомнѣнно, улучшалась; объяснялось же оно тѣмъ, что, благодаря дѣятельности училищныхъ совѣтовъ, совершенствовался учетъ школъ, и изъ числа наличныхъ училищъ исключались школы номинальныя, существовавшія только „на бумагѣ“, затѣмъ закрылись плохо организованныя и необеспеченныя, почти всегда малолюдныя школы, помѣщавшіяся въ церковныхъ сторожкахъ, въ кухняхъ священниковъ и т. д. Избранные земствомъ члены училищнаго совѣта, въ своемъ отчетѣ симбирскому земскому собранію 1875 года, отмѣчаютъ качественный ростъ школь-

наго дѣла, при отсутствіи возрастанія числа школъ. „Самымъ отраднымъ фактомъ“, говорятъ они: „представляется водвореніе школы въ такихъ селеніяхъ, гдѣ еще три года тому назадъ она существовала только на бумагѣ, гдѣ населеніе, въ теченіи сорока лѣтъ имѣвшее училище, заведенное удѣльнымъ вѣдомствомъ, относилось къ нему не только съ апатіей, но съ ожесточеніемъ, продолжая платить слѣдуемый взносъ и въ то же время подъ разными предлогами удерживая своихъ дѣтей отъ всякаго общенія со школою, а въ настоящее время совершенно измѣнившее свое отношеніе къ школьному дѣлу, вслѣдствіе чего обыкновенно пустыя и бесполезныя школы теперь, благодаря заботамъ земства, переполнены учениками и пользуются довѣріемъ мѣстнаго населенія“. Отчетъ директора народныхъ училищъ за тотъ же годъ также подтверждаетъ открытіе одного двухкласснаго и 13 начальныхъ народныхъ вполнѣ обеспеченныхъ училищъ, взамѣнъ закрытыхъ 19, съ крайне скуднымъ содержаніемъ, и опредѣленіе на мѣста учителей лицъ съ лучшей подготовкой.

Только въ 1882 году число школъ повысилось до 459, т. е. превысило цифру 1871 года на 7, и затѣмъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ лѣтъ) постоянно возрастало, достигнувъ къ началу 1905 года 605 школъ, не считая церковныхъ.

Наглядное представленіе о числѣ школъ въ Симбирской губерніи за періодъ времени 1871 — 1904 гг. можно составить себѣ по слѣдующей таблицѣ. (См. табл. на стр. 54).

Въ общемъ ростъ числа низшихъ учебныхъ заведеній въ Симбирской губерніи совершался крайне медленно: съ 1871 по 1904 гг., т. е. за 34 года, число ихъ возросло на 153, что составляетъ ежегодный приростъ въ 4,5 школы въ годъ, а съ 1873 г. приростъ выразился 6,74 школами въ годъ. Наибольше возросло число школъ министерства народнаго просвѣщенія, увеличившись въ двадцать два раза, при чемъ увеличеніе это приходится, главнымъ образомъ, на послѣдніе годы, когда значительно возросла сумма, отпускаемая на нихъ изъ государственнаго казначейства.

Что же касается народныхъ училищъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, т. е. *земскихъ* и *городскихъ*, то за весь періодъ приростъ ихъ выразился цифрою 36 или 1 школою въ годъ. Громадно большинство земскихъ школъ (73%) существуетъ болѣе 25 лѣтъ, въ томъ числѣ 21,1% всѣхъ школъ функционируетъ болѣе 40 лѣтъ, а 14,4% возникли въ послѣднія 15-ть лѣтъ.

Несмотря на указанныя нами выше причины медленнаго роста

ГОДЫ.	Число училищъ, подвѣдом. мпн. нар. просв.				В С Е Г О.	ГОДЫ.	Число училищъ, подвѣдом. мин. нар. просв.				
	Министерскія.	Часть 2 и 3 разряда.	Училища, подвѣдомственныя училищнымъ совѣтамъ.	Прочія училища.			Министерскія.	Часть 2 и 3 разряда.	Училища, подвѣдомственныя училищнымъ совѣтамъ.	Прочія училища.	В С Е Г О.
1871 . . .	—	—	439	13	452	1888 . . .	27	422	23	472	
1872 . . .	—	—	442	14	456	1889 . . .	26	428	21	475	
1873 . . .	5	—	436	11	452	1890 . . .	27	433	12	472	
1874 . . .	8	—	415	11	434	1891 . . .	27	431	12	470	
1875 . . .	7	—	396	20	423	1892 . . .	26	434	13	473	
1876 . . .	6	—	408	22	436	1893 . . .	27	440	14	481	
1877 . . .	6	—	408	22	436	1894 . . .	23	5	447	16	491
1878 . . .	6	—	405	22	433	1895 . . .	22	4	454	16	496
1879 . . .	10	3	401	22	436	1896 . . .	23	3	458	16	500
1880 . . .	10	4	409	22	445	1897 . . .	27	2	466	16	511
1881 . . .	10	4	413	23	450	1898 . . .	30	3	480	16	529
1882 . . .	11	4	421	26	459	1899 . . .	39	3	483	16	541
1883 . . .	11	5	418	26	460	1900 . . .	59	3	487	16	565
1884 . . .	11	5	416	26	458	1901 . . .	71	3	478	16	568
1885 . . .	11	7	416	28	462	1902 . . .	88	3	471	16	578
1886 . . .	11	8	416	28	463	1903 . . .	96	3	475	16	590
1887 . . .	11	8	421	31	471	1904 . . .	111	3	475	16	605

числа учебных заведеній, нельзя все же не признать этого явления неблагоприятнымъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Пужда въ новыхъ школахъ существуетъ и сознается людьми, имѣющими отношеніе къ ихъ устройству. И чины министерства народнаго просвѣщенія, и училищные совѣты часто указываютъ на недостаточное число существующихъ въ губерніи школъ. Въ отчетѣ, напримѣръ, председателя курмышскаго уѣзднаго училищнаго совѣта о состояніи народныхъ школъ за 1888 — 1889 учебный годъ говорится, что „въ теченіе года не открыто ни одной школы, хотя нѣкоторыя мѣстности, напримѣръ, чувашскій край, сильно нуждаются въ школахъ, — тамъ всего только четыре училища, и тѣ переполнены учащимися“.

Вообще, въ этомъ отношеніи Симбирская губернія, по сравненію съ другими, несомнѣнно, отстала. За время съ 1897 г. по 1900 г. число всѣхъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, увеличилось въ ней на 33, т. е. въ среднемъ прибывало въ годъ менѣе 7 школъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Курской губерніи за тотъ же періодъ число однихъ только земскихъ школъ возросло на 156 или прибывало болѣе, чѣмъ по 31 школѣ въ годъ; въ Московской губерніи, начиная съ 1895 года, число такихъ же школъ ежегодно увеличивалось въ среднемъ на 45, а въ Вятской даже на 97. Что же касается послѣднихъ четырехъ лѣтъ, то за это время число названныхъ школъ въ губерніи замѣтно уменьшается: въ 1901 г. ихъ было уже 478 (вмѣсто 487 предыдущаго года), въ 1902 году еще менѣе—471, а въ 1903 и 1904 гг. по 475.

Этотъ медленный ростъ и даже пониженіе числа земскихъ школъ въ послѣднее время не можетъ быть оправданъ ни съ точки зрѣнія его абсолютной величины, ни въ его отношеніи къ пространству и населенію губерніи. По отношенію школъ этой категоріи къ пространству Симбирская губернія занимаетъ (по даннымъ 1902 года) среди 34 земскихъ губерній *восемнадцатое* мѣсто, а по отношенію ихъ къ населенію—*двадцатое*. Съ нѣкоторыми отклоненіями всѣ эти черты, характерныя для губерніи въ ея цѣломъ, отразились и въ школьномъ дѣлѣ отдѣльныхъ ея уѣздовъ. Съ 1871 года число школъ увеличилось во всѣхъ уѣздахъ, но преимущественно вслѣдствіе открытія новыхъ министерскихъ училищъ, и только въ уѣздахъ Алатырскомъ, Ардатовскомъ и Курмышскомъ значительно возросло количество школъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ; другими словами—это явленіе имѣло мѣсто въ тѣхъ уѣздахъ, которые въ на-

чалъ даннаго періода обладали наименьшимъ абсолютнымъ числомъ начальныхъ учебныхъ заведеній, и въ которыхъ ростъ ихъ числа совершался вообще быстрее, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ.

Если расположить уѣзды въ восходящемъ порядкѣ по абсолютному числу школъ въ началѣ и въ концѣ разсматриваемаго періода, то мы получимъ слѣдующую таблицу:

У ѣ з д ы.	Число школъ въ 1871 г.	У ѣ з д ы.	Число школъ въ 1904 г.
Карсунскій	107	Карсунскій	115
Сызранскій	77	Симбирскій	102
Симбирскій	75	Сызранскій	96
Сенгилеевскій	68	Сенгилеевскій	74
Буинскій	56	Буинскій	63
Ардатовскій	29	Ардатовскій	60
Алатырскій	24	Алатырскій	52
Курмышскій	16	Курмышскій	43

Изъ этой таблицы ясно видно, что отношеніе между уѣздами осталось почти безъ измѣненія. Ростъ школъ совершался значительно быстрее въ уѣздахъ, въ которыхъ училищные совѣты нашли наименьшее число школъ; послѣднихъ здѣсь и въ настоящее время меньше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, которые имѣли уже значительное число удѣльныхъ училищъ. Первые уѣзды какъ бы стремились сравняться съ послѣдними въ отношеніи числа школъ. Карсунскій же уѣздъ, имѣвшій въ 1871 году и ранѣе наибольшее количество училищъ, далъ за этотъ періодъ наименьшій ихъ приростъ. Въ уѣздахъ съ наибольшимъ процентомъ роста общаго числа школъ значительно выше и процентъ возрастанія числа школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, т. е. въ этихъ уѣздахъ количество начальныхъ учебныхъ заведеній возрастаетъ, главнымъ образомъ, на счетъ мѣстныхъ средствъ. Здѣсь, несмотря на усиленное открытіе за послѣдніе годы министерскихъ школъ, дѣятельность мѣстныхъ органовъ самоуправленія проявляется весьма ярко.

При различіи въ общихъ условіяхъ жизни городовъ и селеній, увеличеніе числа школъ въ тѣхъ и другихъ происходило не одинаково. Въ городахъ Симбирской губерніи за тотъ же періодъ число начальныхъ учебныхъ заведеній возрастало съ большою скоростью, чѣмъ въ селеніяхъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

ГОДЫ.	Число школъ въ губерніи.			ГОДЫ.	Число школъ въ губерніи.		
	Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.	Всего.		Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.	Всего.
71	35	417	452	1888	53	419	472
72	37	419	456	1889	57	418	475
73	36	416	452	1890	57	415	472
74	45	389	434	1891	57	413	470
75	41	382	423	1892	57	416	473
76	42	394	436	1893	57	424	481
77	46	390	436	1894	58	433	491
78	44	389	433	1895	57	439	496
79	46	390	436	1896	57	443	500
80	48	397	445	1897	57	454	511
81	52	398	450	1898	60	469	529
82	54	405	459	1899	60	481	541
83	56	404	460	1900	65	500	565
84	57	401	458	1901	66	502	568
85	58	404	462	1902	66	512	578
86	59	404	463	1903	69	521	590
87	59	412	471	1904	70	535	605

Эти данныя показываютъ, что количество школъ разсматриваемыхъ категорій въ городахъ и сселеніяхъ съ 1871 г. по 1904 г. увеличилось на 33,8%; но въ то время, какъ въ первыхъ оно повысилось на 100% или удвоилось, во вторыхъ оно возросло на 28,3%. Такое отношеніе, однако, наблюдается не во всѣхъ уѣздахъ. Поуѣздныя данныя за время съ 1875 по 1904 г. показываютъ, что въ Буинскомъ и Карсунскомъ уѣздахъ число городскихъ школъ не увеличилось, тогда какъ число школъ сельскихъ повысилось: въ первомъ на 37%, а во второмъ на 9,5%.

Въ слѣдующихъ уѣздахъ процентъ прироста городскихъ школъ ниже, чѣмъ сельскихъ:

У ѣ з д м.	Город. школь.	Сельск. школь.
Симбирскій	57,9%	60%
Ардатовскій	150%	162%
Курмышскій	100%	105%

Въ остальныхъ же уѣздахъ, наоборотъ, городскія школы быстро увеличиваются въ числѣ, чѣмъ сельскія:

У ѣ з д м.	Городскія школы на:	Сельскія школы на:
Алатырскій	125%	72%
Сызранскій	133,3%	24,4%
Сенгилеевскій	83,3%	9,6%

Для сужденія о степени развитія народнаго образованія важно, однако, не только количество школъ, но и продолжительность ихъ курса. Преобладающій типъ симбирской начальной народной школы, какъ земской, такъ и министерской,—одноклассная школа съ трехлѣтнимъ курсомъ. Наряду съ ней имѣются и двухклассныя министерскія училища съ пятилѣтнимъ курсомъ. Число такихъ училищъ къ концу 1904 года достигло 31, т. е. 5,1% общаго числа; кромѣ того, одноклассныхъ министерскихъ училищъ—80 или 13,2% всѣхъ школъ губерніи; число же одноклассныхъ школъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, равнялось 475 или 78,5%. Остальные 13,2% составляли 19 школъ разныхъ другихъ вѣдомствъ.

По ихъ типамъ и мѣстонахожденію симбирскія начальныя школы распредѣлялись къ тому же времени слѣдующимъ образомъ (См. табл. на стр. 59).

Въ настоящее время дѣлу начальнаго народнаго образованія служатъ 892 организованныхъ школы и 207 школъ грамотности, а всего

У ѳ з д ѣ.	Мѣстонахожденіе школъ.	Число школъ въ 1904 году.				
		Находящихся въ непосредственномъ заведываніи мин. нар. просв.		Находящихся въ заведываніи училищныхъ совѣтовъ.	Прочихъ.	В С Е Г О.
		Двухъ-классныя.	Одно-классныя.			
Симбирскій.	Въ городѣ . . .	4	2	17	7	30
	Въ селеніяхъ . . .	4	12	56	—	72
	Всего . . .	8	14	73	7	102
Буинскій.	Въ городѣ . . .	1	—	1	1	3
	Въ селеніяхъ . . .	3	20	37	—	60
	Всего . . .	4	20	38	1	63
Арсунскій.	Въ городѣ . . .	—	1	1	1	3
	Въ селеніяхъ . . .	3	5	102	2	112
	Всего . . .	3	6	103	3	115
Латырскій.	Въ городѣ . . .	1	—	6	2	9
	Въ селеніяхъ . . .	2	7	33	1	43
	Всего . . .	3	7	39	3	52
Рдатовскій.	Въ городѣ . . .	—	1	2	1	5
	Въ селеніяхъ . . .	4	8	43	—	55
	Всего . . .	4	9	45	1	60
Тришскій.	Въ городѣ . . .	—	—	1	1	2
	Въ селеніяхъ . . .	2	6	33	—	41
	Всего . . .	2	6	34	1	43
Транскій.	Въ городѣ . . .	—	2	10	2	14
	Въ селеніяхъ . . .	3	11	68	—	82
	Всего . . .	3	13	78	2	96
Туглеевскій.	Въ городѣ . . .	1	—	2	1	4
	Въ селеніяхъ . . .	3	5	62	—	70
	Всего . . .	4	5	64	1	74
Губерніи.	Въ городѣ . . .	7	6	41	16	70
	Въ селеніяхъ . . .	24	74	434	3	535
	Всего . . .	31	80	475	19	605

1099 начальныхъ школъ вмѣсто 452 школъ 1871 годѣ. Слѣдовательно, число школъ увеличилось почти въ $2\frac{1}{2}$ раза. Число же учащихся въ начальныхъ школахъ выросло болѣе, чѣмъ въ пять разъ, а именно въ 1871 году число учащихся во всѣхъ школахъ равнялось 11.119, а въ 1904 году—56.477 ч. Одновременно улучшилась и качественная сторона школъ, въ зависимости отъ ассигнуемыхъ на нихъ матеріальныхъ средствъ, которыя увеличились почти въ десять разъ:

ГОДЫ.	Источники денежныхъ поступленийъ на школы.								
	Казна.	Земства.	Города.	Крестьянскія общества.	Пожертвованія.	Плата за ученіе.	Приходскія попечительства, церква, монастыри, миссіонерскія общества.	Разныя.	И Т О Г О.
1871 . .	1.590	10.616	4.658	46.668	1.643	—	30	—	65.205
1904 . .	167.442	147.304	58.038	161.846	29.884	4.187	7.346	1.021	577.068

Въ 1871 году одна начальная школа приходилась на 2.710 человекъ наличнаго населенія губерніи, а въ 1904 году—на 1.534 чел., одна же организованная школа—на 1.891 жителя (въ городахъ на 1.402 и въ селеніяхъ на 1.931). Вмѣстѣ съ тѣмъ повысился и показатель образованія: въ 1871 году на 100 жителей приходилось 0,93 учащихся, а въ 1904 году 3,34 (не считая же посѣщающихъ школы грамотности, 3,01). Если коэффициентъ дѣтей школьнаго возраста для Симбирской губерніи принять около 7, то окажется, что въ настоящее время учится почти половина всѣхъ дѣтей этого возраста. Расчетъ этотъ, понятно, чисто теоретическій и можетъ быть провѣренъ только путемъ тщательнаго изслѣдованія мѣстныхъ условій и конкретныхъ данныхъ.

Одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ изслѣдователей дѣла народнаго образованія въ Симбирской губерніи (Н. И. „Къ вопросу о

всеобщемъ обученіи въ Симб. губ.“ въ „Вѣстникѣ Симб. Земства“ за 1904 г., №№ 10 и 11) пришелъ къ выводу, что для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе вполне доступнымъ всему подрастающему поколѣнію, необходимо огромное количество новыхъ начальныхъ одноклассныхъ училищъ, а именно—для городовъ 72, для селъ же и деревень 1840; слѣдовательно, для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—1912. По этому расчету, для Алатырскаго уѣзда, напримѣръ, потребуется устройство 196 школъ, такъ какъ теперь за стѣнами школы остается 9773 дѣтей обоего пола. Между тѣмъ, губернская земская управа, при выработкѣ нормальной школьной сѣти, пришла къ заключенію, что „для полного удовлетворенія потребности въ начальномъ обученіи“ въ этомъ уѣздѣ нужно прибавить къ существующимъ школамъ еще только 20 новыхъ. Въ Буинскомъ уѣздѣ, по расчету г. И. И., требуется для той же цѣли устройство 267 новыхъ школъ, а по проекту школьной сѣти, выработанному буинской уѣздною управой въ томъ же 1904 году, „чтобы удовлетворить потребность населенія въ начальномъ обученіи, предстоитъ необходимость открыть 62 новыхъ училища“. Разница въ средствахъ, необходимыхъ для достиженія всеобщности начального обученія, какъ видно, громадна. Во всякомъ случаѣ, наличность такихъ расчетовъ показываетъ, что начальная народная школа достигла въ Симбирской губерніи такой фазы своего развитія, при которой сдѣлалась возможной постановка вопроса о всеобщемъ обученіи.

Съ расширеніемъ культурной роли земства вообще, случайный характеръ дѣятельности его въ области начального образованія начинаетъ уступать мѣсто планомѣрности. Этого требуетъ сама жизнь, которая точнымъ языкомъ цифръ говоритъ объ отсталости Симбирской губерніи, не только сравнительно съ культурными странами Запада, но и по отношенію къ другимъ губерніямъ Европейской Россіи.

По грамотности повобранцевъ, напримѣръ, она занимала въ 1898 г. 31-е мѣсто въ ряду 50 губерній Европейской Россіи, давъ 44% грамотныхъ, тогда какъ Лифляндская губернія дала 98%, Ярославская—87%, Московская—85%, Владимірская—75%, Тверская—74% и т. д. Свидѣтель набора въ Алатырскомъ уѣздѣ въ 1888 году говоритъ: „съ грустнымъ чувствомъ сидѣли мы цѣлые часы, а иногда и дни, не встрѣчая ни одного лица, имѣющаго свидѣтельство объ окончаніи курса начальной школы; передъ нашими глазами проходили сотни молодыхъ, свѣжихъ и крѣпкихъ силами людей, отъ которыхъ по занимающему насъ вопросу слышалось: „неграмотенъ“, „неграмотенъ“... По

даннымъ всеобщей переписи 1897 года число грамотныхъ мужчинъ въ губерніи отъ 10 до 19 лѣтъ равнялось 44,5%, отъ 20 до 29—38,5%, отъ 30 до 39 лѣтъ—33,9%, отъ 40 до 49 лѣтъ—25,8% и т. д., т. е. чѣмъ старше возрастная группа, тѣмъ меньше въ ней было грамотныхъ, а въ общемъ по губерніи процентъ грамотныхъ мужского пола составлялъ 25,4, женскаго же только — 7, при чемъ наиболѣе грамотною оказалась также возрастная группа отъ 10 до 19 лѣтъ (12,3% грамотныхъ).

Одновременно съ количественнымъ распространениемъ первоначальнаго обученія возникъ вопросъ и о его качественномъ улучшеніи и увеличеніи его объема. Между тѣмъ какъ духовное вѣдомство сдѣлало довольно неудачную попытку сократить [курсъ элементарной школы до двухъ лѣтъ, земства разныхъ губерній стали возбуждать вопросъ объ удлиненіи курса этой школы и расширеніи ея программы. Вѣсть съ тѣмъ, они старались внести въ дѣло преподаванія улучшенія, возможные при настоящей его постановкѣ. Такъ, они обратили вниманіе на книжность и отвлеченность знаній, сообщаемыхъ начальною школой. Первые попытки введенія въ школу принциповъ нагляднаго обученія сдѣланы были въ послѣднее десятилѣтіе можаи-скимъ уѣзднымъ и вятскимъ губернскимъ земствами. Первое организовало подвижной музей наглядныхъ учебныхъ пособій, а второе устроило мастерскую для изготовленія такихъ пособій. Изъ земствъ Симбирской губерніи на этотъ путь первымъ выступило Ардатовское, которое ассигновало въ 1902 году, по докладу училищнаго совѣта, 100 руб. на устройство подвижнаго уѣзднаго школьнаго музея, состоящаго изъ наглядныхъ пособій и коллекцій, въ видахъ подъема школьнаго обученія въ качественномъ отношеніи, а также для облегченія учительскаго труда и распространенія среди грамотнаго населенія полезныхъ свѣдѣній.

II.

Еще въ дореформенную эпоху школы, за исключеніемъ привязныхъ уѣздныхъ училищъ, отличались крайнею неудовлетворительностью помѣщеній. Однако, и училищные совѣты въ теченіе многихъ лѣтъ не были въ состояніи внести сколько-нибудь значительныхъ улучшеній въ эту сторону школьнаго дѣла. Это особенно относится къ сельскимъ школамъ.

Согласно отчету инспектора народныхъ училищъ за 1871 годъ, изъ 300 сельскихъ мужскихъ училищъ 170 имѣли собственные дома,

въ числѣ которыхъ исправныхъ и удобныхъ было 125, а неудобныхъ и требовавшихъ ремонта—45. Остальныя 130 училищъ помѣщались въ церковныхъ караулахъ, въ домахъ священниковъ, въ наемныхъ квартирахъ и при волостныхъ правленіяхъ. Изъ 34 женскихъ школъ только три имѣли собственные дома, изъ которыхъ 2 было неудобныхъ, 5 помѣщались въ особыхъ комнатахъ при мужскихъ училищахъ, 1—въ помѣщичьемъ домѣ и 25—въ квартирахъ или въ церковныхъ караулахъ, или въ домахъ учительницъ. 78 училищъ для обоого пола имѣли 33 помѣщенія въ собственныхъ домахъ, изъ которыхъ удобныхъ 23, а неудобныхъ и требовавшихъ ремонта—10, и 45—въ квартирахъ, церковныхъ караулахъ и при волостныхъ правленіяхъ.

Если принять въ соображенію, что „удобными“ признавались помѣщенія, не имѣвшія слишкомъ большихъ недостатковъ, которые дѣлали въ другихъ школахъ занятія весьма трудными, то картина получится довольно безотрадная. Чтобы нагляднѣе выяснитъ, какія помѣщенія признавались „неудобными и требовавшими исправленія“, достаточно почерпнуть нѣсколько примѣровъ изъ отзывовъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, обозрѣвавшихъ школы въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Такъ, напри- мѣръ, обозрѣвая городскія школы въ 1866 году, членъ бунинскаго училищнаго совѣта нашель, что оба училища помѣщались въ тѣсныхъ и душныхъ комнатахъ безъ форточекъ; по тѣсотѣ и недостатку свѣта, ученики заднихъ партъ не видѣли буквъ и карандашнаго слѣда на бумагѣ, а ученицы въ женскомъ училищѣ должны были во время уроковъ норѣдко стоять на ногахъ, при чемъ съ полу зимой дулъ такой сильный холодъ, что надо было удивляться, какъ дѣти не хворали, и только одна надзирательница хворала. Въ сельскихъ школахъ, по свидѣтельству В. Н. Назарьева, встрѣчались безотрадныя явленія: ученики, дрожавшіе и посинѣвшіе отъ холода; ученики, которыхъ, благодаря постоянному угару, замертво вытаскивали на снѣгъ; учительницы, преподававшія въ валеныхъ сапогахъ и мѣховыхъ шубкахъ. При осмотрѣ училищъ въ 1874 году инспекторъ народныхъ училищъ нашель, что, напри- мѣръ, мужское училище въ с. Собакинѣ, Сенгилеевскаго уѣзда, помѣщалось въ церковной караулкѣ, очень тѣсной, грязной и темной, въ которой, вдобавокъ, еще жилъ сторожъ съ семействомъ. Мужское училище въ с. Бурцевѣ, Бунинскаго уѣзда, помѣщалось также въ церковной караулкѣ, тѣсной, холодной, мрачной, въ которой не было и намѣка на вентиляцію; комната имѣла $2\frac{1}{2}$ аршина вышины; стекла въ окнахъ караулки были разбиты, зимнія рамы вста-

влены, но не промазаны; печка развалилась, а потому ее нельзя было топить... Тѣми же недостатками страдали и школы, имѣвшія собственные дома. Въ отчетѣ инспектора народныхъ училищъ И. В. Ишарскаго, напримѣръ, за 1878 г. мы находимъ много данныхъ, подтверждающихъ это. Въ Карсунскомъ уѣздѣ улучшение школьныхъ помѣщеній въ 70-ыхъ годахъ подвигалось медленно. Въ 1875 году изъ 104 училищъ уѣзда лишь 20 располагали удобными домами, а остальные 84 школы имѣли помѣщенія темныя, тѣсныя, нерѣдко холодныя, сырыя, угарныя и грязныя, при чемъ 12 училищъ ютились въ неудобныхъ наемныхъ избахъ. Въ 1877 году удобными были признаны 35 школьныхъ помѣщеній, а нѣкоторыя изъ остальныхъ 57 училищныхъ помѣщеній поражали своею неблагоустроенностью, напримѣръ: каченяевское—расположившееся вмѣстѣ съ хлѣвомъ для скота, румянцевское—вмѣстѣ съ арестантской, родищенское—передѣланное сельскимъ обществомъ изъ мертвецкой, березовское и кунсеевское—притѣвнившаяся на кухняхъ...

Въ общемъ, однако, помѣщенія школъ все же улучшались, а къ концу 1880 годовъ дѣло представлялось уже въ значительно лучшемъ видѣ. Однако, и въ концѣ 80-хъ, и въ теченіе 90-хъ годовъ далеко нерѣдки крайне неприглядныя характеристики школьныхъ помѣщеній. Въ докладѣ земскому собранію 1894 года членъ училищнаго совѣта Н. И. Захарынь говоритъ, напримѣръ, что, если нѣкоторыя школы въ Сонгилеевскомъ уѣздѣ и продолжаютъ доживать свой вѣкъ, то исключительно вслѣдствіе отсутствія у крестьянъ средствъ на постройку новыхъ, а между тѣмъ едва-ли можно даже назвать „школами“ тѣ неприглядныя зданія, какія представляютъ собою эти училища. По его словамъ, случалось видѣть, какъ дѣти начальныхъ училищъ, очень плохо одѣтыя, въ зимніе дни не могли согрѣться даже на печкахъ квартиръ, гдѣ всегда либо угарно, либо холодно,—какъ въ классныхъ помѣщеніяхъ влбнуть, одѣтые въ полушубки, крестьянскіе ребята. „Подобныя школьныя помѣщенія способствуютъ распространенію заболѣваній: достаточно указать на малоборлинскую школу, въ которой дифтеритъ не прекращался большую часть учебнаго года; на больше-борлинскую, въ которой занятій почти не было, по той же причинѣ; въ школахъ суринской, елшанской, кротковской—неоднократно прерывались занятія вслѣдствіе дифтерита... И уже не говорю о томъ, что приходится испытывать учащимъ лицамъ, нерѣдко занимающимъ дѣйствительно „уголъ за печью“, какъ говорится. Конечно, только крайняя нужда загоняетъ ихъ въ такіе

„углы“, какъ, напримѣръ, въ уваровской школѣ, въ которой помѣщеніе учителя имѣетъ $2\frac{1}{2}$ арш. ширины и $4\frac{1}{2}$ длины, въ вязовской — $2\frac{1}{2}$ арш. ширины и $3\frac{3}{4}$ арш. длины; въ русско-темырянской, гдѣ учительница со своею матерью помѣщалась въ квартирѣ, имѣющей $3\frac{1}{2}$ арш. ширины и $4\frac{1}{2}$ арш. длины; въ гладчихинской, въ которой „уголъ“ имѣетъ въ высоту $3\frac{1}{2}$ арш., въ ширину $1\frac{1}{2}$ арш. съ одной стороны и $2\frac{1}{2}$ съ другой, при 8 арш. длины“!

Помѣщенія и донинѣ составляютъ большое мѣсто начальныхъ школъ. Такъ, напримѣръ, въ докладахъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ 1903 и 1904 гг. по прежнему встрѣчаются указанія на ветхія, тѣсныя и неудобныя школьныя зданія, нуждающіяся въ капитальномъ ремонтѣ или перестройкѣ.

Согласно одному изъ новѣйшихъ отчетовъ директора народныхъ училищъ, школы въ Сибирской губерніи занимаютъ въ настоящее время преимущественно собственныя помѣщенія, число которыхъ равняется 537 (91,6%), наемныхъ же — 49 (8,4%). При этомъ въ собственныхъ домахъ помѣщается относительно большее число сельскихъ школъ (500 или 94%); изъ школъ же, находящихся въ городахъ, 37 (69%) имѣютъ собственныя помѣщенія и 17 (31%) — наемныя. Это объясняется тѣмъ, что въ городахъ легче подыскать подходящее помѣщеніе подъ школу, тогда какъ въ селеніяхъ болѣе или менѣе приспособленными для этой цѣли помѣщеніями могутъ быть почти исключительно специально построенныя зданія. Министерскія школы обеспечены собственными помѣщеніями въ меньшей степени (85 или 76,6%), чѣмъ школы, находящіяся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ (452 или 95%). Отчетъ ставитъ это обстоятельство въ связь съ довольно быстрымъ возрастаніемъ количества министерскихъ училищъ въ послѣдніе годы, такъ что не удается поспѣвать за нимъ при образованіи капиталовъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія собственныхъ помѣщеній.

Если расположить въ послѣдовательномъ порядкѣ уѣзды по числу школъ, обладающихъ собственнымъ помѣщеніемъ, — мы получимъ слѣдующую таблицу:

У ѣ з д ы.	% школъ съ собств. помѣ- щеніями.	У ѣ з д ы.	% школъ съ собств. помѣ- щеніями.
Ардатовскій	96,6%	Сенгилеевскій	92%
Карсунскій	96,4%	Сибирскій	91,6%
Курымшскій	95,2%	Сызранскій	87%
Алатырскій	92%	Буинскій	82,3%

Съ качественной стороны отчетъ признаеть училищныя помѣщенія, въ общемъ, довольно удовлетворительными, при тѣхъ относительно скромныхъ требованіяхъ, какія обыкновенно къ нимъ предъявляются. Всего удовлетворительныхъ оказалось 495 (84,5%), а неудовлетворительныхъ 91 (15,5%). По величинѣ процента неудовлетворительныхъ помѣщеній уѣзды располагаются слѣдующимъ образомъ:

У ѣ з д ы .	% неудовлетв. помѣщеній.	У ѣ з д ы .	% неудовлетв. помѣщеній.
Буинскій	22,6	Алатырскій	14,3
Сенгилеевскій	20,0	Сызранскій	14,0
Курмышскій	16,7	Ардатовскій	13,6
Карсунскій	15,0	Симбирскій	10,5

Изъ помѣщеній, признанныхъ удовлетворительными, не меньше половины являются очень хорошими. По своему наружному виду такія зданія красивы, часто лучшія въ сѣлахъ, построены по планамъ, предварительно разсмотрѣннымъ и одобреннымъ учебнымъ вѣдомствомъ. Вторая половина „удовлетворительныхъ“ помѣщеній признается такими нерѣдко уже съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, ибо, по словамъ отчета, въ классахъ здѣсь почти никогда не приходится больше $\frac{1}{2}$ куб. саж. на учащагося, классная комната часто одна, при двоихъ свѣтскихъ преподавателяхъ, особыя раздѣвальные для учащихся не всегда имѣются, квартиры преподавателей тоже иногда страдаютъ разными дефектами.

Однимъ изъ изслѣдователей симбирскаго школьнаго дѣла, К. П. Колесниковымъ, установлено, что симбирскія земскія школы даютъ въ своихъ стѣнахъ пріютъ гораздо большому числу учащихся, чѣмъ могли бы вмѣстить, придерживаясь нормы кубической вмѣстимости или квадратной площади пола на одного учащагося. Особенно переполнены школы Карсунскаго, Сызранскаго, Курмышскаго, Сенгилеевскаго и Ардатовскаго уѣздовъ. Въ общемъ, по губерніи въ земскихъ школахъ учится на 3.189 человекъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по нормѣ (Ф. Ф. Эрисманъ). Что касается министерскихъ школъ; то въ нихъ переполненіе замѣчено лишь въ уѣздахъ Алатырскомъ, Буинскомъ и Сызранскомъ.

Отсутствіе систематическихъ санитарныхъ обследованій начальныхъ народныхъ школъ въ Симбирской губерніи даетъ себя знать на каждомъ шагу. Бывшія обследованія носили чисто случайный характеръ. Напримѣръ, въ 1892 году всѣ школьныя зданія были обследованы

въ санитарномъ отношеніи въ цѣляхъ предохраненія отъ развитія въ нихъ холерной эпидеміи. Это обследованіе произведено было особыми комиссіями, по постановленію которыхъ все особенно опасное и вредное было устранено. Благодаря этому, холера миновала симбирскія училища и даже способствовала улучшенію ихъ въ санитарномъ отношеніи вслѣдствіе дѣятельности названныхъ комиссій, что и вызвало пожеланіе о превращеніи этой временной ихъ дѣятельности въ постоянную.

Въ 1882 году земскій врачъ, г. Воскресенскій, осмотрѣлъ въ санитарномъ отношеніи 17 школъ Ардатовскаго уѣзда и представилъ объ этомъ осмотрѣ подробный отчетъ земскому собранію. Данныя этого отчета оказались мало утѣшительными. Черезъ 20 лѣтъ, именно въ 1900—1901 г., было произведено такое же обследованіе не въ селахъ, а въ губернскомъ городѣ, постановка школьнаго дѣла въ которомъ считалась наилучшею въ губерніи. Итоги также были довольно печальны. По справедливому мнѣнію производившихъ это обследованіе А. А. Мощанскаго и С. Н. Яковлева, вѣвшая обстановка школы оказывасть на городскихъ дѣтей болѣе интенсивное вліяніе, чѣмъ на дѣтей, живущихъ въ деревнѣ и пользующихся просторомъ полей и лѣсовъ въ неучебное время. Между тѣмъ изъ обследованія выяснилось, что въ 4 школьныхъ зданіяхъ крыша протекаетъ во время дождя, а въ другихъ 4-хъ стѣны замѣтно отсырѣли, такъ что въ сильные морозы промерзаютъ. Въ трехъ школахъ чернаго пола нѣтъ, и потому ноги учениковъ и учащихся зимою очень зябнутъ. Въ большей части школъ вентиляціонныя средства были бы достаточны, если бы классныя помѣщенія не были слишкомъ переполнены, и воздухъ не портился близкимъ сосѣдствомъ отхожихъ мѣсть, устройство которыхъ, вдобавокъ,—наихудшая сторона симбирскихъ школьныхъ помѣщеній. Многія классныя комнаты, какъ по площади, такъ и по объему, недостаточны для помѣщающихся въ нихъ учащихся, а именно: изъ 52 комнатъ 18 (34,6%) малы по площади и 25 (48%) по объему. Нѣкоторыя классныя комнаты могли бы вмѣщать, безъ вреда для здоровья учащихся, лишь половину того числа, которое помѣщается въ нихъ въ дѣйствительности. Дѣло въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что на одного ученика приходится воздуха *меньше допускаемаго минимума* (0,40 куб. саж.) на 0,20 и 0,24 куб. сажени; 46% всѣхъ классныхъ комнатъ имѣютъ высоту *ниже допускаемаго минимума* ($4\frac{1}{2}$ аршина); 32 комнаты или 61,5% не имѣютъ достаточно свѣта; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть названы лишь полутѣмными, такъ

какъ отношеніе свѣтовой поверхности къ площади поля *не достигаютъ здѣсь и половины допускаемаго минимума* (1 : 7).

Постройка и ремонтъ училищныхъ помѣщеній признаются обязанностью крестьянъ, которымъ уѣздныя земства и министерство народнаго просвѣщенія оказываютъ въ этомъ дѣлѣ, когда найдутъ нужнымъ, пособіе изъ своихъ средствъ. Въ этой постановкѣ дѣла кроется одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности школьныхъ помѣщеній. На это имѣются указанія и въ докладахъ земскимъ собраніямъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ разсматриваемаго періода. Въ 1876 году А. П. Кахановъ писалъ, что сельскія общества и представители ихъ—волостные старшины—не сознали еще необходимости имѣть возможно удобныя для училищъ помѣщенія; поэтому предложенія училищнаго совѣта сельскимъ обществамъ объ исправленіи училищныхъ домовъ остаются, въ большинствѣ случаевъ, безъ исполненія, при чемъ общества ссылаются на свою бѣдность или заявляютъ, что они считаютъ, съ своей стороны, училищныя помѣщенія удобными и не требующими поправки или расширенія. Въ докладѣ сенгилеевскому земскому собранію (1894 г.) П. П. Захарьинъ заявилъ, напримеръ, что горбуновское общество само сознаетъ необходимость постройки новаго школьнаго зданія, но, вслѣдствіе временныхъ тяжелыхъ экономическихъ условій, должно отказаться отъ подобной мысли, несмотря даже на то, что училищный совѣтъ готовъ часть расходовъ принять на себя. Докладчику извѣстенъ цѣлый рядъ школъ, которыя обязаны тѣмъ же причинамъ своимъ плохимъ состояніемъ. Предложеніе его объ учрежденіи земствомъ особаго фонда для выдачи безпроцентныхъ ссудъ сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій и ремонтъ ихъ встрѣчно было собраніемъ сочувственно; въ виду, однако, неимѣнія у уѣзднаго земства средствъ, постановлено было возбудить передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ ходатайство объ отпускѣ сенгилеевскому земству изъ губернскихъ суммъ безпроцентной ссуды въ 5.000 р., но это ходатайство, какъ мы уже говорили, было губернскимъ собраніемъ отклонено. Только въ 1904 году губернскимъ собраніемъ постановлено было объ образованіи фонда въ 100.000 рублей для выдачи изъ него уѣзднымъ земствамъ безпроцентныхъ ссудъ на постройку новыхъ и капитальный ремонтъ существующихъ школьныхъ зданій, что и явилось первымъ шагомъ на пути, который долженъ вывести дѣло не только обезпеченія школъ собственными удобными зданіями, но и народнаго образованія вообще, изъ современнаго состоянія.

Въ неудовлетворительности училищныхъ зданій значительную роль играла, однако, и некомпетентность въ вопросахъ школьной гигиены лицъ, распоряжающихся ихъ постройками. Даже построенные изъ хорошаго лѣса, просторные дома удѣльныхъ училищъ отличались существенными недостатками въ этомъ отношеніи.

При постройкѣ и капитальномъ ремонтѣ школьныхъ зданій, въ пореформенное время, часто также не принимались во вниманіе гигиеническія требованія относительно размѣровъ классныхъ комнатъ, распредѣленія и площади оконъ и т. д. Въ послѣднее время на эту сторону начали обращать больше вниманія, но и теперь многія, вновь возводимыя, школьныя постройки въ Сибирской губерніи далеки отъ нормальныхъ. Впрочемъ, дѣлались попытки внести улучшения и въ эту область. Въ 1897 году, напримѣръ, съѣздъ земскихъ врачей Сибирской губерніи рекомендовалъ уѣзднымъ земствамъ и училищнымъ совѣтамъ, при постройкѣ новыхъ сельскихъ школъ, придерживаться правилъ, составленныхъ докторомъ А. П. Воскресенскимъ, и приглашать врачей при выработкѣ плановъ школьныхъ зданій. Этими правилами устанавливались минимальныя нормы объема классныхъ комнатъ, площади пола (по Эрисману), свѣтовая поверхность, расположеніе столовъ и т. д. По постановленію карсунскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, отъ 19-го марта 1902 года, напечатаны были составленные инспекторомъ народныхъ училищъ А. И. Червяковскимъ „Краткія указанія при постройкѣ и расширеніи зданій для начальныхъ народныхъ училищъ“, которыя имѣли исключительно техническій характеръ и дополняли какъ бы собою „правила“, выработанныя докторомъ А. П. Воскресенскимъ, но не замѣняли ихъ.

Въ 1905 году губернской земскою управою выработанъ былъ проектъ „правилъ для возведенія школьныхъ построекъ при помощи средствъ изъ сибирскаго губернскаго земства“ и, по постановленію губернскаго собранія январской сессіи 1906 года, переданъ былъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ.

Неудовлетворительное устройство классной мебели (не говоря уже о ея размѣсткѣ по отношенію къ источникамъ свѣта) также объявляются въ значительной степени незнакомствомъ лицъ, устраивающихъ школы, съ требованіями гигиены. Жалобы на плохое устройство мебели не прекращались никогда. В. Н. Пазарьевъ упоминаетъ о классной мебели въ началѣ семидесятыхъ годовъ, которая была „болѣе похожа на орудіе пытки, чѣмъ на принадлежность школы“. По отзывамъ другихъ лицъ, обобравъ школы въ семидесятыхъ годахъ,

въ удѣльныхъ школахъ сохранились очень длинныя и прочныя учебныя столы, которые, однако, совершенно не были приспособлены къ возрасту учащихся. Въ другихъ школахъ столы оказывались сдѣланными такъ дурно, что на нихъ почти не было возможности „заниматься письмомъ“. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ школахъ Карсунскаго уѣзда школьную мебель въ громадномъ большинствѣ случаевъ составляли парты старой системы, устроенныя безъ всякаго вниманія къ росту учащихся, а иногда и того хуже—простыя обѣдненные столы и узкія неустойчивыя скамьи, то и дѣло готовыя упасть вмѣстѣ съ сидящими на нихъ дѣтьми. По свидѣтельству инспектора народныхъ училищъ, г. Зямницкаго, въ училищѣ въ с. Панской Слободѣ, Симбирскаго уѣзда, вся классная мебель состоитъ изъ двухъ плохихъ столовъ, такъ что писать нерѣдко приходится дѣтямъ на полу, скамейкѣ или сундукѣ.

Соотвѣтственно этому и прочая школьная обстановка поражала своею бѣдностью. Въ нѣкоторыхъ школахъ не было даже классныхъ досокъ. Въ одной изъ такихъ школъ, помѣщавшейся въ кухнѣ священника въ Курмышскомъ уѣздѣ, учитель заставлялъ учениковъ писать мѣломъ на двери, ведущей изъ кухни въ покои самого батюшки! Неудивительно, поэтому, что, когда этотъ инспекторъ посѣтилъ хорошо устроенное училище въ с. Повомъ-Никулинѣ, Симбирскаго уѣзда, съ хорошею классною мебелью и большимъ количествомъ книгъ и учебныхъ пособій, онъ даже забылъ, что находится въ русскомъ сельскомъ училищѣ...

Къ концу восьмидесятыхъ годовъ число благоустроенныхъ училищъ увеличилось, но школьная мебель осталась далекою отъ нормальной. Когда въ 1900—1901 гг. произведено было санитарное обследованіе школъ въ г. Симбирскѣ, результаты его поразили своею неожиданностью. Оказалось, что во всѣхъ симбирскихъ городскихъ школахъ г.г. Мощаяскій и Яковлевъ не нашли *ни одного* класснаго стола, удовлетворяющаго основнымъ требованіямъ гигиены. Размѣры столовъ и ихъ отдѣльныхъ частей представляли такое разнообразіе и такія рѣзкія отклоненія отъ установленныхъ гигиеною нормъ, что было очевидно, что они заказывались безъ всякихъ мѣрокъ и изготовлялись столярами исключительно по собственному ихъ усмотрѣнію и пониманію. Городское управленіе или школьная администрація въ данномъ случаѣ вполне полагались на компетенцію столяровъ. Столы большею частью не соответствовали росту учениковъ; дифференціація, или разница въ высотѣ отъ пола до передняго края стола и скамьи, вмѣсто

4¹/₂—5¹/₄ вершковъ, колебалась отъ 3¹/₂ до 10 вершковъ, ни одинъ столъ не имѣлъ правильной дистанціи и т. д. Громадному большинству учащихся въ сибирскихъ городскихъ школахъ приходилось, слѣдовательно, во время уроковъ держать книги и тетради ближе къ глазамъ, чѣмъ слѣдуетъ, что неизбежно должно было отзываться на остроту зрѣнія, приходилось сильно наклоняться впередъ и сдавливать грудную клетку, что вліяло на здоровье всего организма. Установленію единообразія въ школьной обстановкѣ отчасти мѣшаетъ отсутствіе въ Сибирской губерніи музея школьной мебели и другихъ учебныхъ принадлежностей.

III.

Въ шестидесятыхъ и даже еще въ семидесятыхъ годахъ крестьяне настолько неохотно отдавали своихъ дѣтей въ школы, что сельскимъ властямъ, подъ давленіемъ со стороны мировыхъ посредниковъ, земствъ и училищныхъ совѣтовъ, приходилось буквально „набирать“ учащихся, чтобы школы не оставались пустыми. Случалось, что крестьяне даже платили деньги учителямъ, откупаясь такимъ путемъ отъ непріятной для нихъ повинности обученія грамотѣ своихъ дѣтей! Наряду съ бѣдностью крестьянъ, посылающихъ дѣтей школьнаго возраста на заработки, отчеты семидесятыхъ годовъ объясняли неаккуратное посѣщеніе дѣтьми классовъ также и другими причинами, а именно—недостаткомъ подготовленныхъ учителей, отсутствіемъ усердія ихъ къ своему дѣлу, отдаленностью училищъ отъ мѣста жительства учениковъ, неудобствомъ помѣщеній для школъ, т. е. причинами, лежавшими въ самой постановкѣ школьнаго дѣла, въ ея недовлестворительности.

Съ улучшеніемъ послѣдней стало измѣняться и отношеніе къ школамъ крестьянъ. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ не только городскія, но и лучшія сельскія школы, не страдали абсентизмомъ учениковъ. Изъ отчета инспектора народныхъ училищъ за 1873 годъ мы узнаемъ, что „иногда школа бываетъ даже переполнена учащимися, и является необходимость или расширить классное помѣщеніе, или устроить смѣны“, становившая порядкомъ, при которомъ одна часть дѣтей обучалась до бѣды, а другая — послѣ него. По даннымъ отчета за 1882 годъ, сельскія общества все болѣе и болѣе сознаютъ нужду въ училищахъ, добровольно, безъ всякихъ вышнихъ мѣръ побужденія, отдавая дѣтей въ школы. Въ очень многихъ училищахъ притокъ учащихся оказался настолько великимъ, что пришлось, за недостаткомъ мѣста, отказывать

цѣлымъ десяткамъ мальчиковъ, желавшихъ поступить въ школы. Очень многіе отцы учащихся дѣтей выражали желаніе, чтобы дѣти ихъ пріобрѣли въ школѣ не только познанія по закону Божію, но умѣныя читать съ толкомъ книги гражданской печати и рукописное изложеніе, а также записать или вновь написать все необходимое въ крестьянской семьѣ, и особенно пріобрѣли бы практическій навыкъ въ счетоводствѣ.

При сравнительно значительномъ количествѣ числившихся въ 1866 году школъ, въ нихъ считалось, какъ мы видѣли, мало учащихся, а именно: въ городахъ—2.034 и въ селеніяхъ—10.013, а всего 12.047. Однако, и эта цифра была значительно выше дѣйствительной, такъ какъ болѣе строгая регистрація 1869 года дала число учащихся мальчиковъ въ 8.752 и дѣвочекъ—1.812, а всего 10.564. Последняя цифра равнялась въ 1870 году 10.756, въ 1871 году—11.119, и въ послѣдующіе годы она постоянно возрастала, за исключеніемъ одного 1900 года, когда учащихся въ этихъ школахъ было менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, благодаря тому, что изъ отчетовъ исчезли фиктивные школы и одновременно закрывались школы малолюдныя, съ плохой матеріальной обстановкой и неудовлетворительнымъ учительскимъ персоналомъ. О ростѣ числа учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ въ Симбирской губерніи можно составить себѣ представленіе по слѣдующей таблицѣ. (См. отдѣльную таблицу).

Въ эту таблицу вошли лишь данныя объ учащихся въ школахъ подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ и министерскихъ, за исключеніемъ числа учащихся въ школахъ прочихъ вѣдомствъ. Къ началу 1905 года общее число учащихся возросло до 38.926, т. е. на 250% или въ 3½ раза. Ежегодный приростъ при этомъ, въ общемъ, увеличивался, такъ что число учащихся удвоилось въ 1889 году или въ теченіе 18 лѣтъ; утроилось же оно къ 1901 году, т. е. черезъ 12 лѣтъ; наконецъ, оно достигло величины, превышающей первоначальную въ 3½ раза, въ 3 года, т. е., слѣдовательно, съ 1890 г. по 1901 г. оно прибывало съ большою скоростью, чѣмъ въ предыдущій періодъ, а въ послѣдніе 3 года ростъ его еще болѣе усилился, несмотря на то, что за послѣдніе два періода было открыто много церковныхъ школъ.

По абсолютному числу учащихся въ школахъ разсматриваемыхъ разрядовъ Симбирская губернія, въ ряду 88 губерній и областей, по даннымъ 1897 года, занимаетъ 36-ое мѣсто. Соотвѣтственно съ увеличеніемъ числа школъ, въ городахъ возрастало и число учащихся въ болѣе степени, чѣмъ въ селеніяхъ: въ первыхъ оно увеличилось къ

Г О Д А М Ъ.

	2.	1893.	1894.	1895.	1896.	1897.	1898.	1899.	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.
Въ городахъ.	380	1.812	1.943	1.944	2.043	2.095	2.098	2.167	2.189	2.205	2.347	2.545	2.784
	529	1.615	1.618	1.458	1.581	1.723	1.829	1.903	1.957	2.083	2.195	2.443	2.681
	209	3.427	3.561	3.402	3.624	3.818	3.927	4.070	4.096	4.238	4.542	4.983	5.465
Въ селеняхъ.	910	18.870	20.206	20.942	21.584	22.278	22.777	22.316	21.707	22.587	23.318	24.490	25.963
	792	4.026	3.508	3.401	3.386	3.853	4.775	5.606	5.303	6.515	6.571	7.588	7.498
	702	22.896	23.709	24.348	24.970	26.131	27.552	27.922	27.087	29.052	29.889	32.073	33.461
И Т О Г О.	590	20.682	22.149	22.886	13.627	24.373	24.875	24.483	23.909	24.742	25.665	27.035	28.747
	321	5.641	5.121	4.859	4.967	5.576	9.604	7.509	7.260	8.548	8.766	10.026	10.179
	911	26.323	27.270	27.745	28.594	29.949	31.479	31.992	31.169	33.290	34.431	37.061	38.926

1905 году на 557,6% или въ $6\frac{1}{2}$ разъ, тогда какъ во второмъ только на 225,2% или въ $3\frac{1}{4}$ раза. Объясняется это болѣе сознаваемою въ городахъ потребностью въ грамотъ. Изъ 38.926 всѣхъ учащихся мальчики составляютъ 74%, а дѣвочки—26% или немногимъ болѣе $\frac{1}{4}$ части; въ сельскихъ же школахъ этотъ процентъ опускается до 22,4%. По относительному числу учащихся дѣвочекъ Симбирская губернія занимаетъ среднее мѣсто.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что число учащихся дѣвочекъ возрастаетъ значительно быстрее, чѣмъ число учащихся мальчиковъ: первое, въ общемъ, увеличилось на 587,7%, т. е. почти въ семь разъ, второе же на 198,2% или въ три раза. Явленіе это имѣетъ мѣсто какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, но съ тѣмъ различіемъ, что въ городахъ число дѣвочекъ въ 1904 году почти уже сравнялось съ числомъ мальчиковъ: первыхъ 49,1%, а вторыхъ 50,9% общаго числа учащихся, въ сельскихъ же школахъ и въ настоящее время мальчики составляютъ 77,6%, а дѣвочки 22,4% всѣхъ учащихся. По словамъ А. П. Куломзина („Доступность начальной школы въ Россіи“, С.-Пб., 1904 г., стр. 18), неоспоримыя цифры показываютъ, что женское образованіе растетъ у насъ въ Россіи быстрее мужского, т. е. догоняетъ его. Въ особенности это явленіе замѣтно въ послѣдніе годы. Съ 1885 г. по 1898 г. число учащихся мальчиковъ возросло на 58%, а дѣвочекъ на 60%, т. е. сравнительно немногимъ болѣе. По отдѣльнымъ же губерніямъ (Подольской, Полтавской, Смоленской, Тульской) число учащихся дѣвочекъ въ селеніяхъ возросло за 13 лѣтъ въ 5 и въ 7 разъ, т. е. на 376—592%, тогда какъ приростъ учащихся мальчиковъ составлялъ по тѣмъ же губерніямъ въ селеніяхъ 97—233%. За періодъ времени съ 1894 по 1900 г. число учащихся мальчиковъ возросло по всей Россіи на 37%, между тѣмъ какъ число учащихся дѣвочекъ—на 70%.

По абсолютному числу учащихся за 1904 годъ уѣзды Симбирской губерніи располагались въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сызранскій	7.697	Ардатовскій	3.927
Карсунскій	6.742	Сенгилеевскій	3.906
Симбирскій	6.163	Буинскій	3.393
Алатырскій	4.089	Курмышскій	3.009

Въ общемъ, по губерніи на каждую школу приходится по 66,4, а на каждый классъ—63,1 учащихся. Въ уѣздахъ эти цифры подвержены значительнымъ колебаніямъ.

У ѣ з Д Ы.	Приходится учащихся.	
	На 1 школу.	На 1 классъ.
Симбирскій	64,4	59,8
Бунскій.	55,6	52,2
Карсунскій	60,2	58,6
Алатырскій.	83,5	78,4
Ардатовскій	66,5	62,3
Курмышскій	71,7	70,0
Сызранскій	81,9	79,3
Сенгилеевскій.	53,5	50,7

Ардатовскій уѣздъ, такимъ образомъ, по людности школъ, приближается къ общегубернской цифрѣ. Въ уѣздахъ Алатырскомъ, Сызранскомъ и Курмышскомъ людность школъ выше послѣдней, а въ четырехъ остальныхъ ниже. Вообще же, она высока, не опускаясь ни въ одномъ уѣздѣ ниже 53,5 на школу и 50,7 на классъ.

Перепопненіе школъ является результатомъ того, что открытіе новыхъ училищъ отстаетъ отъ развитія въ населеніи потребности въ грамотности. Это ясно видно изъ того, что оно—явленіе новѣйшаго времени, такъ какъ еще въ 1871 году на одну школу приходилось 23 учащихся, т. е. чуть-ли не въ три раза меньше, чѣмъ въ настоящее время. И въ семидесятыхъ годахъ перепопненіе школъ въ большихъ селахъ было рѣдкимъ явленіемъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, однако, отчеты уже отмѣчаютъ въ очень многихъ училищахъ отказъ въ приѣмъ цѣлыхъ десятковъ мальчиковъ, желающихъ поступить въ школу. Въ отчетѣ предсѣдателя Курмышскаго училищнаго совѣта за 1885—1886 учебный годъ говорится, что „существующаго числа школъ въ уѣздѣ положительно недостаточно сравнительно съ тѣмъ спросомъ на нихъ, какой замѣчается въ послѣднее время; школьныя помѣщенія перепопнены учащимися; приходится ограничивать число поступающихъ; мѣстами даже введенъ сборъ за право ученія съ дѣтой лицъ, не участвующихъ въ содержаніи школы“.

Съ ростомъ числа учащихся растетъ и число отказовъ въ приѣмъ дѣтей въ школы. Точнаго учета такихъ отказовъ не имѣется, но матеріалы, собранныя въ 1903 году губернской земскою управою, даютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія. Изъ нихъ видно, что во всѣхъ уѣздахъ и въ очень многихъ школахъ отказываютъ въ приѣмъ массы дѣтей, при чемъ наибольшее число отказовъ было въ земскихъ школахъ. По этимъ свѣдѣніямъ, въ 1902 году отказы имѣли мѣсто въ 151 земской и въ 24 министерскихъ школахъ. Въ первыхъ

болѣе всего отказовъ было по уѣздамъ Алатырскому и Бунинскому, наименѣе — по Карсунскому, а во вторыхъ — болѣе всего по Симбирскому и менѣе всего по Карсунскому. Причиною отказовъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ является тѣснота помѣщеній. Одинъ изъ послѣднихъ отчетовъ директора народныхъ училищъ гласитъ, что въ случаяхъ усиленнаго наплыва кандидатовъ, желающихъ занять имѣющіяся въ школахъ вакансіи, предпочтеніе отдается мальчикамъ передъ дѣвочками. Такимъ образомъ, наличное соотношеніе тѣхъ и другихъ въ настоящее время еще недостаточно опредѣленно говорить о существующей въ населеніи потребности въ обученіи дѣтей того и другого пола.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этого соотношенія по уѣздамъ, мы увидимъ, что число дѣвочекъ, составляя по губерніи въ городахъ 41,9%, а въ селеніяхъ 22,4% всѣхъ учащихся, рѣзко колеблется по уѣздамъ. Изъ восьми городовъ, въ четырехъ — въ Алатырь, Курмышъ, Сызрани и Сенгилей — болѣе учащихся мальчиковъ, а въ остальныхъ четырехъ — болѣе дѣвочекъ. Въ селеніяхъ же — число учащихся мальчиковъ во всѣхъ уѣздахъ значительно превосходитъ таковое же число дѣвочекъ, хотя и здѣсь замѣчаются нѣкоторыя колебанія. Въ Карсунскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ число ученицъ составляетъ почти $\frac{1}{4}$ всѣхъ учащихся, тогда какъ въ остальныхъ уѣздахъ оно колеблется отъ 19,4% до 23,9%.

Ростъ числа учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ съ 1875 г. по 1904 г. происходилъ далеко не равномерно. Принимая цифры 1875 года за 100, мы получимъ слѣдующую таблицу:

Въ городахъ.	Процентъ увеличенія числа учащихся.	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Симбирскъ.	164,4	469,2
Бунинскъ	43,7	285,2
Карсуни.	36,5	91,1
Алатырь	367,2	7.300,0
Ардатовъ	13.900,0	157,0
Курмышъ	7.200,0	4.900,0
Сызрани.	242,0	8.900,0
Сенгилей	232,0	104,1
	Процентъ увеличенія числа учащихся.	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Въ селеніяхъ уѣздовъ.		
Симбирскомъ.	131,4	408,0
Бунинскомъ.	76,5	39,2

Кареевскомъ	132,8	890,8
Алатырскомъ	170,3	1.844,2
Ардатовскомъ	252,7	87.100,0
Курмышскомъ	192,3	2.853,0
Сызранскомъ	175,9	1.187,8
Сенгилеевскомъ	124,8	638,4

Огромный процентъ роста числа учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ объясняется крайне незначительнымъ ихъ числомъ въ 1875 году, когда, напримѣръ, по Ардатовскому уѣзду въ городѣ вовсе не было учащихся въ начальныхъ народныхъ школахъ мальчиковъ, а въ селеніяхъ—дѣвочекъ. При нѣкоторыхъ незначительныхъ отклоненіяхъ отъ общаго порядка, число учащихся того и другого пола въ уѣздахъ за весь рассматриваемый періодъ постоянно возрастало.

Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только Буинскій уѣздъ, гдѣ число учащихся дѣвочекъ, равнявшееся въ 1871 году—512, а въ 1873 году—541, затѣмъ въ теченіе ряда лѣтъ непрерывно понижалось вплоть до 1888 года, съ котораго начало повышаться, и только въ 1899 году достигло 549, т. е. лишь немного превысило цифру 1873 года. Объясняется это явленіе тѣмъ, что въ женскихъ школахъ конца шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ обученіе велось крайне плохо. Учительницы ихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ священническихъ жёнъ, получившихъ скудное образованіе въ бывшемъ Симбирскомъ учебномъ училищѣ, были сами крайне неграмотны и многія не умѣли даже писать. Послѣ ряда попытокъ побороть предубѣжденіе населенія противъ женскихъ школъ, училищный совѣтъ, не видя никакихъ другихъ средствъ къ улучшенію ихъ, пришелъ къ мысли, въ видахъ болѣе осмысленнаго обученія дѣвочекъ, допускать постепенно совмѣстное обученіе ихъ съ мальчиками. Эта мѣра на первыхъ же порахъ подняла обученіе дѣвочекъ въ качественномъ отношеніи, но сократила число обучающихся дѣвочекъ и обременила учителей многолюдствомъ учащихся. Это обстоятельство, однако, могло играть лишь временно сколько-нибудь существенную роль. Въ настоящее время типъ смѣшанныхъ школъ является въ Симбирской губерніи господствующимъ. По матеріаламъ, разработаннымъ К. П. Колесниковымъ, изъ числа министерскихъ школъ—смѣшанныхъ 84,3%, мужскихъ 10% и женскихъ 5,7%, изъ числа земскихъ—смѣшанныхъ 88,3%, мужскихъ 8,6% и женскихъ 3,1%.

Поучительны данныя, сообщаемыя въ отчетѣ директора народныхъ

училищъ за 1904 годъ, объ отношеніи числа учащихся къ наличному населенію (1.685.000 чел.) Симбирской губерніи. Принимая во вниманіе число учащихся въ школахъ министерскихъ и находящихся въ завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ, мы получимъ за 1904 годъ показатель образованія (или число учащихся на 100 жителей) въ 2,31, что составляетъ значительный прогрессъ сравнительно съ началомъ разсматриваемаго періода, когда этотъ показатель былъ менѣе единицы. Въ сравненіи же съ другими земскими губерніями, Симбирская губернія представляется въ этомъ отношеніи отсталой, такъ какъ, по даннымъ 1898 года, она занимала 29-е мѣсто. Въ частности, показатель образованія для мужского пола составлялъ въ ней въ 1904 году 3,26, а для женскаго—1,18. Въ городскихъ училищахъ обучалось 4,6% городского населенія (мужского 4,8% и женскаго 4,4%), а въ сельскихъ 2,1% всего сельскаго населенія (3,3% мужского и 0,9% женскаго). По уѣздамъ показатель образованія колеблется въ значительной степени, при чемъ по величинѣ его — для обоого пола—уѣзды располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

У ѣ з д ы.	Показатель образованія.		
	Для обоого пола.	Для мужск. пола.	Для женск. пола.
Карсунскій	3,1	4,8	1,5
Сызранскій	2,5	4,4	1,5
Сенгилеевскій	2,4	3,6	1,0
Симбирскій	2,3	3,1	1,6
Алатырскій	2,2	3,4	1,1
Ардатовскій	1,8	2,7	0,9
Бунскій	1,6	2,4	0,7
Курмышскій	1,0	2,6	0,6

Сопоставляя погубернскія и поуѣздныя данныя съ количествомъ дѣтей школьнаго возраста, придется признать, что школы, какъ министерскія, такъ и находящіяся въ завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ, несмотря на ихъ многолюдность, очень далеки отъ того, чтобы сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ. Число дѣтей школьнаго возраста опредѣляется обыкновенно извѣстнымъ процентомъ общаго числа населенія. Этотъ процентъ колеблется въ зависимости отъ того, какой именно возрастъ считается нормальнымъ школьнымъ возрастомъ. Такъ какъ нормальный курсъ русской начальной школы продолжается три года, то въ послѣднее время за школьный возрастъ обыкновенно признаютъ возрастъ отъ 9 до 11 лѣтъ. Сообразно этому, количество

дѣтей школьнаго возраста опредѣлено В. П. Вахтеровымъ въ 6,7% всего населенія Россіи. Симбирская губернская земская управа опредѣлила процентъ дѣтей школьнаго возраста ко всему количеству населенія губерніи въ 7,04, съ колебаніями по уѣздамъ отъ 6,46 (по Сенгилеевскому уѣзду) до 7,53 (по Курмышскому). Такимъ образомъ, принятыя ею, при выработкѣ нормальной школьной сѣти, проценты близки, какъ къ общерусскому, такъ и къ нѣкоторымъ погубернскимъ. Сопоставленіе этихъ процентовъ съ приведенными ранѣе показателями образованія показываетъ, что въ Симбирской губерніи остается сдѣлать еще очень много для общедоступности свѣтской начальной школы.

Однако, показателемъ успѣшности школьнаго дѣла не служить еще одно количество учащихся въ школахъ дѣтей. Для болѣе правильнаго сужденія объ этомъ необходимо обратить еще вниманіе на процентное отношеніе оканчивающихся курсъ къ общему числу учащихся. Прилагая этотъ критерій къ школамъ Симбирской губерніи, приходится признать успѣшность ихъ слабою, такъ какъ большинство учениковъ оставляетъ школу до окончанія курса. Въ 1880 году вышло изъ школъ до окончанія курса 22,5% всего состава учащихся. Въ послѣдующіе годы процентъ этотъ, при довольно значительныхъ колебаніяхъ, не обнаруживаетъ замѣтной тенденціи къ уменьшенію; напротивъ, въ послѣдніе годы онъ иногда даже повышается, достигнувъ въ 1900—29,1%, а въ 1904 году—22,8%. Одновременно наблюдается и повышеніе процента дѣтей, оканчивающихъ школьный курсъ: въ 1880 году онъ равнялся 13%, въ 1900 году—16%, въ 1901 г.—15,9, въ 1902 г.—14,8%, а въ 1904 г.—15,3%. Объясняется это, однако, сокращеніемъ времени пребыванія дѣтей въ школѣ. Въ общемъ, слѣдовательно, приведенныя данныя не особенно утѣшительны: подавляющее большинство учениковъ выходитъ изъ школы „недоучками“, школа не удовлетворяетъ своему назначенію. Слѣдующая таблица даетъ о разсматриваемомъ явленіи наглядное представленіе. (См. табл. на стр. 79).

Изъ этой таблицы видно, что за весь періодъ 1880—1904 гг. дѣвочки постоянно даютъ болѣшій процентъ выбывающихъ до окончанія курса и меньшій оканчивающихъ курсъ, чѣмъ мальчики. Процентъ послѣднихъ, выбывшихъ изъ школы до окончанія курса, колеблется по годамъ отъ 17,8 до 21,1, а окончившихъ курсъ—отъ 13,7 до 17,3, при чемъ въ этихъ колебаніяхъ не замѣчается правильной послѣдовательности.

ГОДЫ.	Процентное отношеніе къ числу учащихся.				ГОДЫ.	Процентное отношеніе къ числу учащихся.			
	Число выбывшихъ до окончанія курса.		Число окончившихъ курсъ.			Число выбывшихъ до окончанія курса.		Число окончившихъ курсъ.	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
30 . . .	19,9	38,5	13,7	7,9	1893 . . .	24,4	43,5	16,1	13,4
31 . . .	17,8	31,9	13,7	8,7	1894 . . .	22,5	41,4	14,8	15,4
32 . . .	20,5	28,3	14,2	8,9	1895 . . .	21,1	36,5	15,3	16,6
33 . . .	21,9	28,9	14,8	10,7	1896 . . .	21,4	33,7	15,3	14,1
34 . . .	21,0	31,7	15,7	10,1	1897 . . .	23,6	29,8	15,2	12,2
35 . . .	20,8	25,6	15,0	9,1	1898 . . .	24,7	28,3	16,3	11,0
36 . . .	22,3	34,7	15,2	11,6	1899 . . .	24,8	26,9	17,2	11,3
37 . . .	22,0	31,5	14,6	10,7	1900 . . .	26,1	38,4	17,3	13,6
38 . . .	22,3	32,1	16,3	13,2	1901 . . .	20,6	23,8	16,9	12,9
39 . . .	21,4	28,9	14,8	13,0	1902 . . .	19,9	29,5	15,5	12,9
40 . . .	22,4	28,6	14,6	11,6	1903 . . .	19,8	23,8	15,2	14,1
41 . . .	23,2	28,5	15,9	9,0	1904 . . .	20,5	29,3	15,5	14,4
42 . . .	19,4	22,4	16,6	10,4					

Если разбить вышеприведенныя данныя по пятилѣтіямъ,—получимъ, что въ теченіе первыхъ трехъ пятилѣтій процентъ недоучившихся учениковъ возрасталъ и только въ послѣднее пятилѣтіе понизился почти до уровня второго пятилѣтія. Процентъ же успѣшности учениковъ за всѣ пятилѣтія повышался, хотя и въ слабой степени.

Что касается дѣвочекъ, то число ихъ, выбывающихъ изъ школы до окончанія курса, съ 1895 г. понижается. Въ отношеніи же числа ихъ, оканчивающихъ курсъ, происходитъ, какъ и въ отношеніи мальчиковъ, обратный процессъ: съ каждымъ пятилѣтіемъ все болѣе и болѣе процентъ дѣвочекъ проходитъ полный школьный курсъ. Необходимо при этомъ отмѣтить и то обстоятельство, что успѣшность дѣвочекъ возрастаетъ несравненно быстрее, чѣмъ успѣшность мальчиковъ. Въ этомъ отношеніи онѣ догоняютъ мальчиковъ и даже догоняютъ быстрее, чѣмъ въ отношеніи количества учениковъ.

Увеличеніе числа дѣтей, проходящихъ полный курсъ начальной школы, объясняется, конечно, развитіемъ въ народѣ потребности къ знанію, возрастаніемъ числа школъ, качественнымъ улучшеніемъ ихъ и т. д. Постоянной же и главной причиной оставленія дѣтьми школы до окончанія курса является бѣдность населенія, что, напримѣръ, официально подтверждается въ докладѣ членовъ училищнаго совѣта симбирскому уѣздному собранію 1880 года. По подсчетамъ К. П. Колесникова, изъ общаго числа выбывшихъ оставили школы:

% мальчиковъ:	% дѣвочекъ:	
59,9	56,8	. . . вслѣдствіе домашнихъ работъ и отдачи въ заработки;
15,3	15,1	. . . по неимѣнію теплой одежды и обуви;
5,8	3,9	. . . по отдаленности отъ школы;
25,5	24,2	. . . вслѣдствіе болѣзни и смерти самихъ дѣтей или ихъ родителей, неуспѣшности, дурного поведенія и т. д.

На первомъ мѣстѣ стоятъ, слѣдовательно, причины экономическаго характера.

По уѣздамъ процентъ числа выбывающихъ до окончанія курса за 1904 годъ составлялъ:

	мальчиковъ:	дѣвочекъ:	всего:
Въ Карсунскомъ	17,5	21,0	18,4
„ Сямбирскомъ	18,2	24,5	20,2
„ Ардатовскомъ	21,6	21,3	21,5
„ Буинскомъ	20,6	29,2	22,6

Въ Сызранскомъ	18,6	35,2	23,1
„ Алатырскомъ	29,7	40,9	25,2
„ Сенгилеевскомъ	22,6	41,4	26,6
„ Курмышскомъ	32,2	27,3	31,2

Процентъ выбывающихъ обоого пола въ первыхъ четырехъ уѣздахъ ниже общегубернскаго (22,8), а въ остальныхъ четырехъ—выше, при чемъ въ Курмышскомъ уѣздѣ онъ достигаетъ почти $\frac{1}{3}$ всѣхъ учащихся. Какъ по губернии вообще, такъ и въ большинствѣ уѣздовъ, относительно больше выбываетъ дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ. Исключеніе составляютъ только два уѣзда: Ардатовскій, въ которомъ число выбывающихъ мальчиковъ нѣсколько выше, чѣмъ такое же число дѣвочекъ, и особенно Курмышскій, въ которомъ первое равняется 32,2, а второе 27,3.

Расположивъ, затѣмъ, уѣзды въ порядкѣ пониженія процента оканчивающихъ курсъ за то же время, получимъ слѣдующую таблицу:

	мальчиковъ:	дѣвочки:	всего:
Въ Ардатовскомъ	18,1	17,1	17,8
„ Симбирскомъ	17,8	17,0	17,5
„ Карсунскомъ	15,0	17,8	15,7
„ Алатырскомъ	16,2	14,0	15,6
„ Курмышскомъ	15,4	13,5	15,1
„ Сенгилеевскомъ	15,0	13,1	14,5
„ Сызранскомъ	15,4	10,6	14,2
„ Буинскомъ	11,5	8,7	11,2

Изъ этой таблицы также усматриваемъ, что въ четырехъ уѣздахъ процентъ оканчивающихъ курсъ выше общегубернскаго (15,3) и въ четырехъ ниже. Первые три уѣзда, давая наибольшіе проценты успѣшности обученія, въ то же время выпускаютъ изъ школы относительно наибольшее число недоучившихся дѣтей. Наименьшая успѣшность въ Буинскомъ уѣздѣ объясняется преобладаніемъ здѣсь инородческаго населенія и четырехлѣтнимъ курсомъ ученія въ чувашскихъ школахъ. Относительное число оканчивающихъ курсъ дѣвочекъ, обнаруживающее по губернии тенденцію „догнать“ число мальчиковъ, въ большей части уѣздовъ все еще ниже послѣдняго, и только въ одномъ Карсунскомъ уѣздѣ процентъ успѣшности дѣвочекъ выше процента успѣшности мальчиковъ, а въ уѣздахъ Симбирскомъ и Ардатовскомъ приближается къ нему. Особенно велико различіе въ

стоиши успѣшности обученія мальчиковъ и дѣвочекъ въ Сызранскомъ уѣздѣ.

Главной причиною слабой успѣшности русской начальной школы являются краткость учебнаго года и неисправность посѣщенія учащимися уроковъ. Въ результатѣ многія дѣти, пробывъ въ школѣ три года, не оканчиваютъ курса, т. е. не сдаютъ экзаменовъ, какъ потому, что недостаточно къ нимъ подготовлены, такъ и потому, что перестаютъ посѣщать школу до производства послѣднихъ. Даже изъ готовящихся къ экзамену далеко не всѣ держатъ его. Учебный годъ въ городахъ продолжается съ конца августа до мая, а въ селеніяхъ ученіе начинается обыкновенно въ сентябрѣ — октябрѣ и оканчивается въ апрѣлѣ—маѣ. По мнѣнію учащихся, время начала и окончанія занятій въ сельскихъ школахъ не можетъ быть строго опредѣленнымъ и разъ навсегда установленнымъ, а находится въ строгой зависимости отъ требованій деревенской жизни. Все опредѣляется ходомъ главнаго занятія населенія — земледѣлія. Ранняя осень, а, слѣдовательно, и раннее прекращеніе полевыхъ работъ, даютъ возможность ранѣе начать занятія въ школѣ. Затянушіяся же, въ силу какихъ-либо неблагоприятныхъ условій, полевые работы откладываются и начало занятій въ школѣ иногда на очень значительное время. Опредѣляя время начала и конца занятій, большинство учащихся въ то же время оговариваетъ, что раннее начало и позднее окончаніе занятій происходятъ при очень ограниченномъ числѣ учениковъ.

Забываясь объ удлиненіи учебнаго курса, губерскій училищный совѣтъ обсуждалъ въ 1901 году вопросъ объ увеличеніи курса начальныхъ школъ съ трехъ на четыре года, о приѣмѣ въ нихъ не раньше десятилѣтняго возраста и о раздѣленіи учащихся въ школахъ лишь на два отдѣленія. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, любопытны. Ничего не имѣя принципиально противъ увеличенія курса начальныхъ училищъ, но въ то же время имѣя въ виду, что всюду въ губерніи значительная часть дѣтей школьнаго возраста до сихъ поръ остается безъ всякой грамотности, училищный совѣтъ счелъ необходимымъ рекомендовать мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ свои труды и жертвы пока усиленно направлять не столько на увеличеніе курса по времени, сколько на то, чтобы начальная школа съ трехлѣтнимъ курсомъ была доступна всему, по возможности, наличному составу дѣтей школьнаго возраста, и чтобы она, какъ общеобразовательное учебное заведеніе, непременно ежегодно дѣлала приѣмъ и выпускъ учащихся, такъ какъ, при отсутствіи двухъ послѣднихъ усло-

вій, распространеніе самой первоначальной грамотности еще болѣе сократится. Помимо того, совѣтъ высказался за то, чтобы четырехлѣтній курсъ вводился въ томъ лишь случаѣ, если этого пожелаютъ крестьяне, такъ какъ безъ ихъ согласія нельзя на нихъ же возлагать новое бремя и въ то же время лишать крестьянскихъ дѣтей единственнаго по образованію преимущества, по которому имъ предоставлено право получать низшую льготу по воинской повинности черезъ три учебныхъ года. Десятилѣтній пріемный возрастъ признанъ былъ высокимъ для дѣтей крестьянъ, дорожащихъ рабочею силою дѣтей. Четырехлѣтній курсъ введенъ былъ лишь въ чувашскихъ школахъ, а также—въ Алатырскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ—въ мордовскихъ. Экономическія условія жизни крестьянства дѣлаютъ и прохожденіе существующаго курса начальной школы недоступнымъ для большинства дѣтей. Въ одномъ изъ послѣднихъ отчетовъ директора народныхъ училищъ подтверждается печальный фактъ, что учебное дѣло въ Симбирской губерніи теритъ чувствительный ущербъ отъ неисправнаго посѣщенія учащимися уроковъ во многихъ сельскихъ училищахъ, прежде всего, въ рабочую пору, когда каждый подростокъ нуженъ родителямъ, иногда для участія въ сельско-хозяйственныхъ работахъ, иногда для ухода за малолѣтними членами семейства, когда всѣ взрослые отвлечены вѣдомашними занятіями; въ иныхъ мѣстахъ отъ школы отвлекаетъ весенняя пастьба скота, дальность разстоянія, осеннія и весеннія распутицы, разливы рѣкъ, сильныя вьюги и морозы по зимамъ, недостатокъ теплой одежды и, вообще, бѣдность. Изъ доклада бунинскаго училищнаго совѣта земскому собранію 1892 года видно, что экономическій кризисъ, вызванный неурожаемъ 1891 года, повліялъ двояко на посѣщеніе учащимися училищъ: съ одной стороны, пока не было устроено столовыхъ, учащіеся посѣщали училища крайне неаккуратно, и осенью въ училищахъ нерѣдко бывало не болѣе трети всѣхъ учащихся; съ другой,—послѣ устройства столовыхъ училища посѣщались болѣе аккуратно, чѣмъ въ предшествующіе, не голодные годы. То же наблюдалось и въ другихъ уѣздахъ. Напримѣръ, въ Симбирскомъ — въ концѣ первой половины учебнаго года многіе изъ учащихся перестали посѣщать школы, такъ какъ *за неимѣніемъ хлѣба принуждены были собирать милостыню*, а когда имъ подана была необходимая помощь,—стали вновь исправно посѣщать школы. Трудно найти лучшее доказательство значенія экономическаго фактора въ сферѣ народнаго просвѣщенія.

По вѣроисповѣданію и сословіямъ составъ учащихся, въ его общей

массѣ, можетъ считаться въ Симбирской губерніи однороднымъ, заключающа въ себѣ 96,3% православныхъ и 90% дѣтей „сельскихъ сословій“.

Большую разнородностью отличается ихъ этнографическій составъ: русскихъ 80,7%, мордвы 9,2%, чувашъ 8,8%, татаръ 0,9 и прочихъ національностей 0,4%. Большая часть мордвы приходится на Ардатовскій и Алатырскій уѣзды, чувашъ—на Буинскій и Курмышскій и татаръ—на Карсунскій.

Довольно значительное число учащихъ инородцовъ (мордвы—3.578, чувашъ—3.499 и татаръ—347) вызвало къ жизни рядъ особыхъ инородческихъ школъ, часть которыхъ въ теченіе долгаго времени имѣла даже особую отъ общей инспекцію. Теперь въ Симбирской губерніи числится 188 инородческихъ школъ (включенныхъ въ приведенныя нами таблицы), изъ которыхъ 68 чувашскихъ (41 изъ нихъ въ Буинскомъ уѣздѣ), 58 мордовскихъ (21—въ Ардатовскомъ и 11—въ Алатырскомъ уѣздахъ), 9 татарскихъ (6 въ Карсунскомъ уѣздѣ) и 3 эстонскихъ. Въ чувашскихъ и мордовскихъ школахъ преподаваніе ведется на родныхъ языкахъ дѣтей; курсъ ученія во всѣхъ чувашскихъ школахъ и въ большинствѣ мордовскихъ—четырёхлѣтній. Въ татарскихъ и эстонскихъ—языкомъ преподаванія является русскій; но въ нихъ вмѣсто церковно-славянскаго языка преподается чтеніе и письмо и на родныхъ языкахъ.

Кромѣ указанныхъ выше русско-татарскихъ училищъ общобразовательнаго характера, татары имѣютъ также свои конфессіональныя школы—медресе и мектебе,—которыя стоятъ на той же ступени развитія, какъ и въ дореформенное время. Русскій языкъ до сихъ поръ не преподается въ этихъ школахъ, находящихся всецѣло въ завѣдываніи магометанскаго духовенства, хотя многіе татары, при дѣловыхъ сношеніяхъ, испытываютъ большую нужду въ русской грамотѣ, не говоря уже объ общемъ культурномъ значеніи послѣдней. Въ дореформенную эпоху, правда, возникалъ вопросъ о введеніи преподаванія русскаго языка въ медресе и мектебе. Такъ, симбирское уѣздное земское собраніе 1873 года, по ходатайству инспектора татарскихъ школъ объ ассигнованіи суммы, необходимой на учрежденіе русскихъ классовъ при этихъ школахъ (въ Симбирскомъ уѣздѣ въ то время числилось 5.605 душъ татаръ-магометанъ), постановило: „просить уѣздный училищный совѣтъ о наблюденіи за обязательнымъ преподаваніемъ русскаго языка въ татарскихъ школахъ, въ пособіи же на эти школы отказать“. Въ 1904 году всѣхъ медресе и мектебе числилось въ губерніи, по отчету директора народныхъ училищъ, 148 ст. 6.332 уча-

щимся мальчиками. Татарскія же дѣвочки не посѣщаютъ ни русско-татарскихъ училищъ, ни медресе и медресе. Нѣкоторыя изъ нихъ обучаются у жень муллъ, но едва-ли такимъ путемъ могутъ быть пріобрѣтены сколько-нибудь систематическія знанія.

Вл. Анимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержание: **Описание работы земства в Симбирске за 1902-1903 гг.**

В 1902-1903 гг. земство Симбирска занималось следующими делами:

1. **Учрежденіе народныхъ училищъ.** Земство открыло 10 народныхъ училищъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

2. **Содержаніе народныхъ училищъ.** Земство содержало 10 народныхъ училищъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

3. **Учрежденіе народныхъ школъ.** Земство открыло 10 народныхъ школъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

4. **Содержаніе народныхъ школъ.** Земство содержало 10 народныхъ школъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

5. **Учрежденіе народныхъ классовъ.** Земство открыло 10 народныхъ классовъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

6. **Содержаніе народныхъ классовъ.** Земство содержало 10 народныхъ классовъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

7. **Учрежденіе народныхъ кружковъ.** Земство открыло 10 народныхъ кружковъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

8. **Содержаніе народныхъ кружковъ.** Земство содержало 10 народныхъ кружковъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

9. **Учрежденіе народныхъ библиотекъ.** Земство открыло 10 народныхъ библиотекъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

10. **Содержаніе народныхъ библиотекъ.** Земство содержало 10 народныхъ библиотекъ, въ томъ числѣ 2 для дѣвочки.

ЧЕГО ЖДЕТЬ ОТЪ ШКОЛЫ НАША СТРАНА ДЛЯ СВОЕГО ОБНОВЛЕНІЯ.

I.

Тяжелое и невыразимо печальное положеніе, въ какомъ застали наше отечество событія послѣднихъ лѣтъ, настоятельно выдвигаетъ на первую очередь къ разрѣшенію одинъ необыкновенно важный вопросъ, которому прежде, при болѣе ровномъ и спокойномъ теченіи нашей общественной и государственной жизни, не придавалось и доли того значенія, какое принадлежитъ и должно принадлежать ему на самомъ дѣлѣ. Такимъ роковымъ теперь для цѣлой страны вопросомъ, огромной важности котораго нельзя даже и опредѣлить въ одинъ разъ съ достаточною точностью и полнотою, является въ настоящее время вопросъ о расширеніи въ самомъ ближайшемъ будущемъ и о возможно лучшей постановкѣ въ странѣ всего дѣла начальнаго народнаго образованія.

Несчастная сама по себѣ и для могущественной прежде Россіи глубоко позорная русско-японская война, которую мы такъ печально окончили, и естественно разлившіяся затѣмъ по всей странѣ, какъ непосредственный результатъ горькаго во всемъ и во всѣхъ разочарованія, тяжелыя смуты и волненія открыли въ нашемъ государственномъ и общественномъ организмѣ необыкновенно глубокія и упорныя поврежденія. Теперь не остается уже болѣе мѣста ни для какого сомнѣнія въ томъ, что общее культурное состояніе нашей страны находится еще на самой первой ступени своего развитія; что у насъ, при многомилліонномъ составѣ населенія, очень мало даже и отдѣльныхъ лицъ съ достаточно стойкой, сильной и совершенно правильно очерченной духовной организаціей; что въ своемъ огромномъ боль-

шинствъ мы совершенно не проникнуты чувствами живой къ своей родинѣ любви и истинной къ ней преданности; что узкій личный во всемъ интересъ и крайне безразборчивое отношеніе къ нуждамъ и требованіямъ общественной и государственной жизни всегда составляли и продолжаютъ еще составлять отличительную черту въ дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учреждений, не исключая даже и тѣхъ, которыя для живой въ пользу народа дѣятельности создавались, устраивались и поддерживались самимъ народомъ; и что, наконецъ, въ настроеніи цѣлыхъ массъ нашего народа, погруженнаго до сего еще времени въ глубокую умственную и нравственную темноту, не было ничего такого, что могло бы удерживать на извѣстной высотѣ дѣятельность классовъ, стоящихъ на верху государственнаго управления, и направлять весь механизмъ нашихъ общественныхъ и правительственныхъ учреждений къ истиннымъ пользамъ и нуждамъ всего народа.

Здѣсь едва-ли уже нужно говорить о томъ, какъ создалось то совершенно исключительное положеніе, въ какомъ оказалась наша страна въ это послѣднее время, и какія исключительно неблагоприятныя условія могли такъ сильно ослабить во всемъ составѣ нашего населенія всѣ его лучшія свойства и особенности. Вопросъ этотъ очень важенъ, сложенъ, по своему содержанію необыкновенно широкъ и будетъ, несомнѣнно, всесторонне рассмотрѣнъ и разрѣшенъ въ цѣломъ рядѣ специальныхъ работъ, посвященныхъ какъ нашему недавнему прошлому, такъ и тому трагическому моменту, какой мы теперь переживаемъ. Здѣсь мы не можемъ не указать только на то, что и наши учебно-образовательныя заведенія вообще и въ частности наши начальныя народныя училища ничего почти не успѣли сдѣлать для образованія въ странѣ такихъ нормъ частной, общественной и государственной жизни, при существованіи которыхъ было бы совершенно невозможно все то, что уже произошло въ нашей странѣ и что сейчасъ происходитъ. Наши высшія и среднія учебныя заведенія, утопая въ массѣ своего научнаго и учебнаго матеріала и относясь къ обработкѣ и изложенію его учащимся большею частію съ одной только объективно формальной стороны, безъ практическаго принаровленія его къ потребностямъ живой дѣйствительности, не усигъвали большею частію ни создавать идеаловъ высокаго общественнаго служенія странѣ, ни воспитывать крѣпкихъ, здоровыхъ и мужественныхъ людей, которые, въ широкомъ и непоколебимомъ сознаніи своего долга, всегда были бы готовы твердо и неотступно идти къ достиженію этихъ идеа-

ловъ, пренебрегая на своемъ къ этой цѣли пути всѣми затрудненіями. Наши начальныя народныя училища старались дѣлать и дѣйствительно дѣлали за непродолжительное время своего существованія все, что могли, но они ничѣмъ почти не располагали для достиженія своихъ цѣлей и задачъ и особенно много теряли отъ необыкновенной краткости и непродолжительности курса начального народнаго обученія. Все дѣлалось какъ бы наперекоръ тому, къ чему стремились и лучшіе руководители: школы, и лучшіе школьные учителя и учительницы, и потому въ народномъ сознаніи очень скоро потухали обновленно и тѣ немногіе лучи свѣта и знанія, какіе, при благоприятныхъ условіяхъ, успѣвали иногда западать въ умы и сердца крестьянскихъ дѣтей за счастливое для нихъ время ихъ школьной жизни. Здоровое зерно школьнаго воспитанія и обученія угасвало иногда счастливо взойти и хорошо укорениться на воспримчивой почвѣ живого дѣтскаго ума и пониманія; но потомъ, за преждевременнымъ прекращеніемъ заботливаго за нимъ ухода и наблюденія, оно невольно уже останавливалось въ своемъ развитіи, никогда почти не достигало полного расцвѣта и созрѣванія, а иногда и совсѣмъ уже погибало... И вотъ, среди такихъ крайне неблагоприятныхъ условій русская начальная народная школа, призванная создать для народа какъ бы новую жизнь и указать стравъ для постепеннаго во всемъ обновленія новыя и болѣе совершенныя средства, должна была остановиться на самыхъ первыхъ къ достиженію этой цѣли шагахъ, насколько уже не оправдать въ этомъ отношеніи тѣхъ общахъ ожиданій и надеждъ, какія на нее возлагались...

Еще къ худшимъ послѣдствіямъ для народа и для всей страны привело то, что мы не всегда съ должной бережливостію относились и къ тому очень непродолжительному учебному времени, какимъ школа могла еще у насъ располагать и дѣйствительно располагала. За исключеніемъ очень немногихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ непосредственнаго управленія начальными народными училищами, и еще меньшаго числа завѣдывавшихъ этими школами учрежденій, всѣ какъ будто старались превзойти другъ друга въ заботливости о томъ, чтобы учебный годъ ограниченъ былъ для начальныхъ народныхъ училищъ, по возможности, самыми незначительными и самыми тѣсными предѣлами. И въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что стремленіе къ этой безусловно отрицательной цѣли особенно настойчиво выражалось и поддерживалось многими земскими учрежденіями, призванными ближайшимъ образомъ заботиться объ удовольствованіи

образовательныхъ нуждъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и принявшими болѣею частью непосредственное участіе въ содержаніи начальныхъ народныхъ школъ на, такъ называемыя, земскія средства. Но самымъ разнообразнымъ причинамъ и побужденіямъ, за возможное уменьшеніе учебныхъ въ году дней высказывались иногда и сами учителя, в учительницы начальныхъ народныхъ школъ, хотя они и не могли не сознавать того, какой существенный вредъ должно было приносить это какъ имъ самимъ, такъ и тому дѣлу, которому они служатъ. Министерство народнаго просвѣщенія относилось къ этому вопросу всегда очень уклончиво, никогда не рѣшало его принципиально, по существу, и при возникающей иногда по этому вопросу перепискѣ клонилось болѣею частью на сторону мѣстныхъ земскихъ учреждений, нигдѣ, кажется, не высказывавшихся за введеніе народно-школьнаго учебнаго года въ болѣе правильная и болѣе естественныя его границы. Самъ же народъ, въ интересахъ котораго основаны были дѣйствовали начальныя народныя училища, или упрямно молчалъ, или высказывался объ этомъ болѣею частью очень неуверенно и иногда почти очень неохотно.

До такого ненормальнаго по продолжительности учебнаго года печенія доведены были наши начальныя училища совершенно пріятнымъ желаніемъ большинства прикосновенныхъ къ школь лицъ облегчить слабымъ дѣтскимъ трудомъ тяжелый трудъ крестьянъ въ сѣнныя и осенніе мѣсяцы года и поддержать, такимъ образомъ, крестьянское хозяйство, все болѣе и болѣе падающее. Но теперь всѣмъ же извѣстно, что принесъ крестьянскому хозяйству этотъ слабый дѣтскій трудъ, и что, съ другой стороны, должна была потерять и дѣйствительно потеряла наша школа за ослабленіе своихъ вѣнчій съ дѣтьми въ самыя лучшія и удобныя для этихъ занятій вѣсныя и осенніе мѣсяцы, когда даже и въ совершенно неустроенныхъ сельскихъ помѣщеніяхъ, какихъ у насъ еще такъ много, бывасть гѣе или менѣе достаточно для всѣхъ и тепла, и свѣта. () печальнаго результатахъ этихъ пріобрѣтеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ этихъ школьныхъ потерь очень громко говорить въ настоящее время вся наша русская жизнь, и этого голоса нельзя уже теперь не слышать и не слышать...

Но было бы, съ другой стороны, не вполне справедливо не признать и того, что и въ тѣсныхъ предѣлахъ возможнаго и достижимаго школа не всегда шла по совершенно правильному пути и иногда старалась наилучшимъ образомъ вліять на учащихъ дѣтей въ

интересахъ ихъ послѣдующей, по выходѣ изъ школы, практической жизни и дѣятельности... Сначала, пока начальныя народныя училища не были еще слишкомъ сильно стѣснены своими программами и инструкціями, они сами не успѣвали почему-то широко посвятить себя, въ интересахъ всего будущаго учащихъ дѣтей, самымъ важнымъ и самымъ существеннымъ своимъ цѣлямъ, относящимся главнымъ образомъ не столько до обученія дѣтей, сколько до воспитанія и образованія ихъ ума и сердца. Затѣмъ, начиная съ 1897 года, подъ сильнымъ давленіемъ данныхъ школамъ для исполненія новыхъ учебныхъ программъ, многія народныя училища очень сильно увлеклись достиженіемъ цѣлей главнымъ образомъ формальнаго образованія; специально этимологическимъ и синтаксическимъ изученіемъ русскаго языка, гораздо болѣе непосильнымъ и неинтереснымъ для дѣтей 9—10 лѣтняго возраста, чѣмъ существенно производительнымъ для нихъ и полезнымъ. Эти формальныя упражненія, на которыя уходило и уходитъ въ школѣ такъ много и труда, и времени, ничего почти не давали дѣтямъ для ихъ послѣдующей практической жизни и дѣятельности. Между тѣмъ, они отнимали у нихъ очень много учебнаго времени, которое, при болѣе практическомъ взглядѣ на дѣло, могло бы быть употреблено учащими на болѣе приложимыя къ жизни занятія съ значительно большею пользою для дѣтей и съ гораздо большимъ для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ интересомъ. Теперь объ этомъ остается только глубоко пожалѣть, какъ о свершенно безвозвратныхъ потеряхъ, понесенныхъ въ этомъ отношеніи нашими начальными народными училищами.

Между тѣмъ, что же, какъ не хорошо устроенная школа, можетъ возстановить нашъ общественный и государственный организмъ, такъ сильно въ послѣднее время потрясенный и такъ глубоко разстроенный? Какія средства, помимо воспитанія и образованія дѣтей, а чрезъ нихъ и цѣлаго народа, могутъ быть найдены и применены къ пробужденію и развитію народнаго ума, къ облагороженію его сердца, къ послѣдовательному и настойчивому воспитанію въ цѣломъ народѣ столько необходимыхъ ему въ практической жизни навыковъ къ сознательному, разумному и упорному труду на свою личную и на общую для всѣхъ пользу. Цѣлыя общества и государства, какъ и отдѣльныя лица, идутъ къ своему неизвѣстному будущему долгимъ и упорнымъ трудомъ, и начальная народная школа представляетъ, несомнѣнно, тотъ болѣе правильный и болѣе короткий путь, по которому они приходятъ къ своему успѣху и полному во всемъ процвѣ-

танію. Все въ жизни культивируется и улучшается не съ грубыхъ и отвердѣвшихъ уже корней, а съ болѣе мягкихъ, гибкихъ и вѣжныхъ побѣговъ. Этотъ общій законъ всякаго роста и развитія не имѣетъ почти исключеній. Съ особенною же силой и во всей своей полнотѣ онъ проявляется на нашихъ дѣтяхъ, столько же, какъ и вѣтви дерева, молодыхъ, гибкихъ, способныхъ необыкновенно чутко отзываться на самыя разнообразныя и самыя тонкія на нихъ вліянія. Въ этомъ счастливомъ въ жизни человѣка возрастѣ все такъ легко зарождается, развивается, растетъ, какъ иногда и очень быстро погибаетъ; въ этомъ возрастѣ легко создаются самыя возвышенныя для жизни стремленія и идеалы и столь же легко разрушаются; въ этомъ чарующемъ періодѣ еще перваго расцвѣта человѣческой души въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дней, а иногда даже и немногихъ только часовъ происходятъ во всей физической и духовной организаціи юношей и дѣтѣй чрезвычайно большія и необыкновенно сложныя измѣненія. Поэтому все лучшее для страны и для всего ея будущаго нужно создавать единственно возможнымъ и вѣрнымъ путемъ добрыхъ нравственно-воспитательныхъ вліяній, именно, на этотъ гибкій и самый восприимчивый возрастъ, особенно чуткій ко всему благородному, свѣтлому и живому. Въ дѣтяхъ и только въ нихъ однихъ скрывается, несомнѣнно, все будущее каждой страны, cadaго народа, и это будущее съ неуклонной уже неизбежностью будетъ отражать на себѣ то, что съ извѣстной умственной и нравственной подготовкой они принесутъ съ собою той или другой странѣ для ея обновленія. И это такъ естественно въ исторіи развитія каждой страны и такъ естественно необходимо. На почвѣ, удобренной и взрыхленной живыми соками и живой работой старыхъ корней, всегда широко и свободно развертывается болѣе молодая и болѣе свѣжамъ жизнь, которая неизбежно уже и измѣняетъ потомъ какъ общій видъ занятой ею мѣстности, такъ иногда и общій ея характеръ.

Теперь, когда наша страна находится въ такомъ тяжеломъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи, на этой простой и совершенно ясной для всѣхъ мысли необходимо какъ можно серьезнѣе остановиться, чтобы положить ее затѣмъ въ основаніе всѣхъ практическихъ мѣропріятій, какія неизбежно должны послѣдовать въ нашей странѣ на пути къ неотложному обновленію всѣхъ безъ исключенія сторонъ нашего учебно-образовательнаго дѣла. Этого давно уже ждутъ всѣ наши высшія учебныя заведенія, дѣйствующія въ послѣднее время такъ конвульсивно непослѣдовательно и съ такими несстественными

для всякаго живого и здороваго организма порерывами. Этого давно также ждуть и всѣ средне-образовательныя учебныя заведенія; наши гимназія и реальныя училища, въ которыхъ холодному и сухому формализму обученія и одному лишь чисто ви́шнему за дѣтьми надзору и наблюденію придано было слишкомъ много значенія на счетъ совершенно почти забытыхъ здѣсь специально воспитательныхъ цѣлей и задачъ, несомнѣнно, болѣе важныхъ для этихъ школъ и болѣе существенныхъ. Въ этомъ еще болѣе нуждаются, наконецъ, и всѣ наши начальныя народныя училища, дѣйствовавшія до сего времени при полной почти невозможности принести крестьянскому населенію, въ интересахъ котораго они и существуютъ, все необходимое для удовлетворенія всѣхъ общеобразовательныхъ и специально практическихъ его нуждъ и требованій.

II.

Что же нужно будетъ сдѣлать для того, чтобы наши начальныя народныя училища могли въ самомъ ближайшемъ будущемъ явиться живымъ источникомъ умственнаго, нравственнаго и экономического обновленія всей жизни народной?

Для этого нужно прежде всего сдѣлать элементарно-школьное обученіе безусловно обязательнымъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, исключая лишь самыхъ малоспособныхъ и больныхъ дѣтей, для которыхъ прохожденіе даже элементарнаго курса школьнаго обученія могло бы оказаться очень затруднительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ или даже совсѣмъ непосильнымъ. Для такихъ дѣтей необходимо будетъ создать особыя учебно-воспитательныя учрежденія съ самой разнообразной и возможно правильной постановкой въ нихъ ручного труда и разныхъ руководѣльных и ремесленныхъ работъ, исполненіе которыхъ не могло бы потребовать отъ дѣтей школьнаго возраста слишкомъ большой затраты силъ и крайняго физическаго напряженія. Особенно же необходимо будетъ и государству, и общественнымъ группамъ населенія озаботиться устройствомъ такихъ учебно-воспитательныхъ приютовъ для слабоумныхъ дѣтей, являющихся всегда очень большимъ бременемъ и для цѣлыхъ обществъ, и для тѣхъ отдѣльныхъ семействъ, въ которыхъ они имѣли несчастье родиться....

Начальное народное образованіе по тѣмъ полнымъ и совершенно законченнымъ уже программамъ, какія для всѣхъ школьныхъ ступеней обученія должны быть и составлены и опубликованы въ ближайшее, по возможности, время, едва-ли можетъ полностью и въ одинъ при-

томъ разъ сдѣлаться достояніемъ всего состава крестьянскаго населенія. Немедленному достиженію этой цѣли могутъ помѣшать, несомнѣнно, очень многія и очень разнообразныя причины, и прежде всего крайняя пока общая умственная неразвитость всей массы крестьянскаго населенія, полный недостатокъ матеріальныхъ средствъ на широкое пересозданіе всего дѣла начального народнаго образованія, отсутствіе для немедленнаго проведенія въ жизнь такой широкой школьно-учебной реформы надлежащаго контингента хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ, а также и крайняя недостаточность для новаго состава учащихся существующихъ школьныхъ помѣщеній и полная почти непригодность для новыхъ учебно-образовательныхъ цѣлей и задачъ тѣхъ школьныхъ домовъ, въ которыхъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки обучаются въ настоящее время.

Въ виду этого придется, можетъ быть, на нѣсколько десятковъ лѣтъ сохранить пока и ту элементарную ступень начального народнаго образованія, до которой доходили до сего времени и въ очень значительной своей части продолжаютъ еще доходить крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ настоящее время. Но эту первую ступень обученія необходимо теперь же увеличить соотвѣтствующимъ законодательнымъ актомъ еще на одинъ годъ и признать этотъ четырехлѣтній курсъ обученія безусловно обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія крестьянскихъ дѣтей, способныхъ по своимъ дарованіямъ пользоваться школой. Необходимо будетъ также гораздо точнѣе и правильнѣе опредѣлять для этихъ училищъ какъ самую продолжительность учебнаго года, такъ и тотъ учебный матеріалъ, который долженъ быть обстоятельно усвоенъ дѣтьми на этой первой ступени ихъ обученія.

При этомъ особенное вниманіе и особенная заботливость всѣхъ учреждений и лицъ, призванныхъ завѣдывать и руководить дѣломъ начального народнаго образованія, должны быть обращены на то, чтобы все преподаваніе на этой первой ступени обученія было чисто „реальнымъ“ и не заключало въ себѣ ничего формальнаго и схоластически-отвлеченнаго, такъ мало доступнаго уму и сердцу дѣтей, проходящихъ еще эти первыя ступени. Дополнительный четвертый учебный годъ долженъ быть также всецѣло посвященъ въ школахъ этого типа расширенію и упроченію въ сознаніи и памяти дѣтей тѣхъ, главнымъ образомъ, фактическихъ знаній, какія сообщаются имъ теперь въ первые три года ихъ школьнаго обученія.

Примѣнительно къ этому для всѣхъ начальныхъ народныхъ учи-

лицъ теперь же должна быть нѣсколько измѣнена и пополнена дѣйствующая въ нихъ программа болѣе существеннымъ и болѣе необходимымъ для дѣтей матеріаломъ, главнымъ образомъ, изъ жизни природы и окружающей дѣтей живой дѣйствительности, всего болѣе доступной и пониманію дѣтей, и живому непосредственному ихъ чувству, и наблюденію. На этой первой ступени обученія весь учебный матеріалъ можетъ предлагаться дѣтямъ какъ по особо составленнымъ для этой цѣли учебникамъ, такъ и на обыкновенныхъ урокахъ класснаго чтенія, на обдуманно выбранномъ изъ книгъ для чтенія и хорошо разработанномъ методически матеріалѣ. Во всякомъ случаѣ нужно болше всего заботиться о томъ, чтобы въ школьныхъ дѣтяхъ перваго возраста ничего другого не развивалось за время учебнаго ихъ курса, кромѣ любви къ книгѣ, къ чтенію, къ школѣ, къ учителямъ, къ живой сельской природѣ, къ производительному земледѣльческому труду, ко всему окружающему ихъ міру....

Затѣмъ, на ряду съ этими существующими уже школами, учебный курсъ которыхъ долженъ быть и пополненъ нѣсколько, и значительно измѣненъ въ указанномъ нами смыслѣ и направленіи, необходимо открыть цѣлый рядъ новыхъ училищъ съ такимъ же четырехлѣтнимъ курсомъ обученія и съ такими же нѣсколько расширенными и измѣненными учебными программами. Число такихъ элементарныхъ училищъ должно быть точно согласовано съ числомъ всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, находящихся въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ, въ какомъ возрастѣ и долженъ проходиться всѣми безъ исключенія этотъ элементарный курсъ школьнаго обученія. Распределеніе такихъ училищъ по отдѣльнымъ селамъ и деревнямъ, необходимо будетъ производить съ самой заботливой и самой тщательной правильностію, чтобы обязательная для всѣхъ начальная народная школа была одинаково близка ко всѣмъ и одинаково всѣмъ доступна.

Для болѣе легкаго и свободнаго достиженія этой цѣли маленькія сельскія школы въ небольшихъ или разбросанныхъ пунктахъ крестьянскаго населенія могутъ и должны устраиваться, какъ и теперь, съ однимъ или не болѣе, какъ съ двумя преподавателями, имѣющими на своихъ рукахъ по двѣ, а въ случаѣ надобности даже и по три школьныхъ группы. При достаточно правильномъ и умѣломъ распределеніи классныхъ занятій по отдѣльнымъ школьнымъ возрастамъ и при умѣломъ предложеніи дѣтямъ, такъ называемыхъ, самостоятельныхъ классныхъ работъ, это можетъ принести и учащимъ, и учащимся, какъ и теперь приносятъ, только одну пользу; такъ какъ подобныя занятія

легко приучаютъ дѣтей къ дѣятельному самостоятельному труду и очень успешно развиваютъ ихъ вниманіе къ занятіямъ и всѣ ихъ умственные силы и способности. А это и есть то главное и существенно необходимое, чего нужно достигать въ школахъ и къ чему вездѣ и всегда нужно твердо и настойчиво стремиться.

Постѣдовательному доведенію числа начальныхъ народныхъ школъ до указанной выше нормы ни въ какомъ отношеніи не должно помѣшать также и то, что, при значительномъ увеличеніи числа ихъ, могутъ встрѣтиться очень большія затрудненія при выборѣ и назначеніи для каждой изъ этихъ школъ особыхъ священниковъ-законоучителей изъ лицъ мѣстнаго приходскаго духовенства. Потребность въ элементарномъ школьномъ образованіи среди народа такъ настоятельна и велика, что удовлетвореніе ея въ полной, по возможности, мѣрѣ не можетъ и не должно быть задерживаемо никакими неблагоприятными условіями, находящимися притомъ внѣ зависимости отъ самой школы и отъ того населенія, въ интересахъ котораго должны быть и созданы вновь, и значительно переустроены существующія теперь начальные народныя училища.

Тѣмъ не менѣе, на преподаваніе закона Божія въ каждомъ начальномъ народномъ училищѣ обязательно должно быть отдано извѣстное количество учебныхъ часовъ, которыми лица духовнаго вѣдомства и должны воспользоваться по своему усмотрѣнію, руководя занятіями дѣтей или непосредственно въ самой школѣ, или раздѣляя этотъ тяжелый трудъ съ нѣкоторыми изъ учителей и учительницъ, или, наконецъ, собирая время отъ времени дѣтей для наставленія въ законѣ Божіемъ въ мѣстныхъ храмахъ, какъ это дѣлается въ заграничныхъ школахъ разныхъ вѣроисповѣдныхъ группъ, въ особенности же въ лютеранскихъ и реформатскихъ. При соблюденіи этого условія, школы всегда будутъ очень широко открыты для религіозно-нравственнаго наставленія дѣтей, и на отвѣтственность самихъ уже духовныхъ лицъ надеть то, сдумаютъ-ли они и въ какой именно мѣрѣ укрѣпить и упрочить здѣсь свое нравственно-воспитательное на дѣтей вліяніе. Во всякомъ случаѣ, очень хотѣлось бы надѣяться, что настоящее положеніе законоучительскаго дѣла въ существующихъ начальныхъ народныхъ училищахъ обязательно вызоветъ будущихъ священниковъ-законоучителей на значительное усиленіе, расширеніе и обновленіе ихъ школьно-преподавательской дѣятельности. Иначе, они могутъ оказаться совершенно не въ курсѣ тѣхъ запросовъ и требованій, съ какими обращаются теперь и школа, и жизнь ко всѣмъ тѣмъ, которые

стоять у самаго источника народнаго труда и всей жизни народной.

Чтобы не увеличивать безмѣрно расходовъ на содержаніе начальныхъ народныхъ школъ и не обременять этимъ, безъ особенной въ томъ нужды, населенія всей страны, столько разстроеннаго въ послѣднее время во всѣхъ отношеніяхъ и буквально истощеннаго въ матеріальномъ, начальныя народныя училища и вакансіи учителей и учительницъ нужно открывать и учреждать съ такимъ расчетомъ, чтобы на cadaго преподавателя или преподавательницу приходилось не менѣе 40—50 учащихся. Такимъ составомъ учениковъ и ученицъ, безъ всякаго для себя обремененія, можетъ овладѣвать каждый болѣе или менѣе способный преподаватель, легко достигая при этомъ на пути своихъ занятій всего, что могутъ воспринять и твердо усвоить въ предѣлахъ своего возраста и пониманія всѣ учащіяся у него дѣти. Неспособный же и неумѣлый преподаватель не овладѣваетъ обыкновенно и 5—10 учащимися. Да и все прошлое нашего начальнаго народнаго образованія убѣдительно говоритъ о томъ, что успѣхъ нашего школьнаго дѣла никогда и нигдѣ не зависѣлъ какъ отъ количества учителей или учительницъ, такъ и отъ такого или иного состава учащихся у нихъ дѣтей, а всегда отъ качества самаго преподаванія, отъ большаго или меньшаго вниманія учителей къ дѣлу и отъ того педагогическаго опыта и душевнаго настроенія, съ какими являлись въ свои школы сами учителя и учительницы. Между тѣмъ, содержаніе cadaго лишняго учителя, иногда совершенно ненужнаго въ училищѣ для пользы самаго дѣла, обходится населенію большею частію очень дорого и составляетъ иногда цѣлую новую половину расхода, производимаго населеніемъ на школу съ однимъ преподавателемъ. Въ виду этого мы желали бы высказаться за то, чтобы и норма „не свыше 50 учащихся на одного учителя“ не была уже для всѣхъ училищъ безусловно окончательной и неизмѣнной. Нужно только, чтобы размѣры будущихъ классныхъ комнатъ ни въ какомъ уже отношеніи не стѣсняли ни учащихся, ни учащихся и предоставляли всѣмъ достаточно простора, свѣта и воздуха...

Чтобы дѣло начальнаго народнаго образованія могло быть быстро, твердо и, по возможности, въ одинъ разъ поставлено на соотвѣтствующую его значенію высоту, для этого представлялось бы существенно необходимымъ всѣ расходы по устройству и содержанію начальныхъ народныхъ школъ принять, по крайней мѣрѣ, на первое время, на общія государственныя средства и разъ навсегда признать этотъ расходъ и самымъ производительнымъ для страны, и самымъ для нея

необходимымъ. Сравнительно съ той незначительной суммой, какая ассигновывалась государствомъ до сего времени на частичное поддержаніе начальныхъ народныхъ школъ, этотъ новый расходъ окажется, нѣтъ сомнѣнія, очень значительнымъ. Но онъ, во всякомъ случаѣ, составитъ лишь весьма небольшую часть всего государственнаго бюджета, нисколько не обременить государственной казны, будетъ употребленъ по назначенію съ возможно болѣею для страны пользой и, несомнѣнно, будетъ полностью же и возвращенъ странѣ въ томъ болѣе энергическомъ, производительномъ и полезномъ трудѣ, къ какому легко и свободно подготовить себя весь народъ въ хорошо поставленной для него начальной народной школѣ. Притомъ же правильно и совершенно законченно пройденный всѣмъ народомъ путь элементарно-школьнаго обученія можетъ воспитать въ немъ гораздо болѣе сдержанность и въ отношеніи къ той чисто національной слабости, которая, овладѣвая въ послѣднее время народомъ съ какою-то исключительной и почти стихійной силой, такъ глубоко истощаетъ его и такъ безнадежно надламываетъ всѣ лучшія его силы и способности. Но и помимо этого, никогда не слѣдуетъ забывать о томъ, что въ своей многомилліонной массѣ народъ слишкомъ много вносилъ изъ своихъ средствъ и продолжаетъ еще вносить въ общую сокровищницу страны на общее дѣло государственнаго устройства. Поэтому теперь было бы вполне справедливо возвратитъ ему хотя бы и небольшую только часть собранныхъ съ него же матеріальныхъ средствъ для употребленія ихъ на пользу самого народа, на возможно полное и всестороннее возвышеніе его умственнаго и нравственнаго развитія.

Здѣсь едва ли уже нужно говорить о томъ, что и устройство самихъ школьныхъ помѣщеній, которыя могли бы вполне и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворять своему назначенію, должно быть также отнесено, какъ часть одного цѣлаго, на тѣ же государственныя средства. За очень немногими и лишь незначительными исключеніями, устройство школьныхъ помѣщеній всегда составляло и составляетъ еще очень большое мѣсто въ дѣятельности тѣхъ учреждений и лицъ, на средства которыхъ содержались и содержатся въ настоящее время начальные народные училища. На школьные дома для крестьянскихъ дѣтей всегда и почти всѣ смотрѣли съ чисто крестьянской точки зрѣнія и совершенно не заботились о томъ, чтобы устроить ихъ какъ можно лучше и удобнѣе, съ соблюденіемъ, по возможности, всѣхъ требованій школьной гигиены. Большею же частію народные училища помѣща-

лись и продолжают помѣщаться въ рядовыхъ и очень плохо устроенныхъ крестьянскихъ домахъ; предназначавшихся первоначально для совершенно другой цѣли, для частной жизни какой-либо одной семьи, иногда очень незначительной по числу своихъ членовъ. Поэтому, даже и при настоящемъ, не особенно большомъ по цѣлой Имперіи, числѣ учащихся въ школахъ крестьянскихъ дѣтей, нигдѣ, кажется, и никогда не испытывалось такого стѣсненія и такого недостатка въ воздухѣ и свѣтѣ, какъ въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, которыя, вслѣдствіе этого, всегда очень много теряли какъ въ специально учебномъ отношеніи, такъ въ нравственной мѣрѣ и въ нравственно воспитательномъ на дѣтей вліяніи, насколько таковое можетъ дѣйствительно обуславливаться тѣми или другими качествами существующихъ школьныхъ помѣщеній. Такимъ образомъ, все, кажется, вызываетъ на принятіе самыхъ энергическихъ мѣръ къ устройству новыхъ и къ значительному улучшенію существующихъ уже школьныхъ помѣщеній. При этомъ, въ виду той крайней неподвижности, какую успѣли обнаружить въ отношеніи къ этому дѣлу почти всѣ общественныя группы и учрежденія, призванныя заботиться о лучшемъ во всѣхъ отношеніяхъ устройствѣ дѣла начального народнаго образованія, на попеченіи этихъ же самыхъ учреждений и группъ нельзя уже далѣе оставлять такого существенно важнаго и столь необходимаго для цѣлой страны дѣла. Его нужно взять въ болѣе сильныя, могущественныя и болѣе смѣлыя руки, располагающія всеми средствами для того, чтобы въ одинъ разъ покрыть всю страну просторными, свѣтлыми, чистыми и уютными школьными зданіями, въ которыхъ было бы такъ легко и учиться крестьянскимъ дѣтямъ, и правильно развиваться физически для предстоящаго имъ нелегкаго труда въ ихъ послѣдующей практической жизни и дѣятельности. При этихъ новыхъ школьныхъ помѣщеніяхъ обязательно должны быть устроены достаточно удобныя квартиры для учителей и учительницъ и отдѣльныя комнаты для сельскихъ библиотекъ и читаленъ. На эти же общенародныя или общегосударственныя средства должны быть отнесены также и всѣ расходы по приобрѣтенію для училищъ учебныхъ пособій, руководствъ, учебниковъ и разныхъ учебныхъ принадлежностей, чтобы на широкомъ и свободномъ пути въ свѣту и знанію ни учащаяся дѣти, ни родители ихъ никогда и ни въ чемъ уже не встрѣчали какихъ-либо неудобствъ и затрудненій, хотя бы и самыхъ незначительныхъ.

Средства содержанія учителей и учительницъ, ассигнуемая, ко-

чно, изъ тѣхъ же общегосударственныхъ суммъ, не должны и не могутъ быть, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ цѣлой страны, менѣе значительны. Достаточно, если на первый разъ каждому въ вступающему въ должность преподавателю съ установленнымъ назывательнымъ пенсіонъ назначено будетъ по 300 рублей въ годъ и готовой въ здаіи училища квартирѣ, съ отопленіемъ ея и освѣщеніемъ. Затѣмъ, чрезъ каждыя пять лѣтъ содержаніе это должно увеличиваться на 10% первоначального или основного оклада. При такомъ четѣ, который долженъ неизмѣнно соблюдаться по училищамъ всей авны, учителя и учительницы по истеченіи пяти лѣтъ ихъ службы будутъ получать уже по 330 рублей въ годъ, по истеченіи 10 лѣтъ по 360 рублей, въ слѣдующую очередь, между 15 и 20 годами службы, по 390 рублей, затѣмъ, между 20 и 25 годами по 420 рублей и т. д. Пенсіон-оклады за выслугу полныхъ 25 лѣтъ не должны быть ниже того нор-маго содержанія, какое будутъ получать учителя и учительницы чорныя пять лѣтъ своей службы, т. е. по ниже 300 рублей. Воз-нажденіе священниковъ-законоучителей должно быть ближайшимъ зомъ согласовано съ количествомъ уроковъ, посвящаемыхъ имъ преподаваніе закона Божія, а также и съ окладами содержанія, ачаемыми для учителей и учительницъ, такъ какъ труды по обуче-и воспитанію дѣтей и по прохожденію съ ними всѣхъ предметовъ ентарно-школьнаго обученія требуютъ и отъ преподавателей свѣтъ-предметовъ очень большого душевнаго напряженія и самаго оакого сосредоточенія на предметѣ ихъ занятій всѣхъ ихъ умствен-и силъ и способностей. Что же касается пенсіонныхъ для свя-никовъ-законоучителей окладовъ, то таковыя гораздо удобнѣе бы опредѣлять для нихъ по мѣсту ихъ епархіальной службы, болѣе постоянной для нихъ, значительно лучше обеспечиваю-ихъ въ матеріальномъ отношеніи и потому могущей и на уста-аніе ихъ пенсіонныхъ правъ повліять во всѣхъ отношеніяхъ и благоприятно.

III.

опросъ объ установленіи времени для начала и окончанія учеб-года въ начальныхъ народныхъ училищахъ не можетъ, конечно, , особенно важнаго для этихъ училищъ значенія. При благо-ныхъ вообще для учебнаго дѣла условіяхъ школьные мальчики ючки будутъ достигать одинаковой почти по всѣмъ предметамъ пности независимо отъ того, когда будетъ открываться учебный

годъ, весной-ли съ пробужденіемъ и оживленіемъ всей природы, или осенью съ ея увяданіемъ. Тѣмъ не менѣе, для болѣе естественнаго и болѣе правильнаго введенія въ занятія всѣхъ вновь поступающихъ въ школу дѣтей, а также и для подготовки, путемъ непосредственнаго надъ природой наблюденія, всегда живого и самаго разнообразнаго матеріала для занятій въ теченіе года и со всѣми остальными группами учащихя, было бы всего удобнѣе начинать каждый учебный годъ съ 15-го апрѣля на югѣ и съ 1-го числа мая на сѣверѣ, когда живая книга природы и жизни раскрывается для всѣхъ такъ свободно, широко и такъ увлекательно ясно. Въ это время гораздо удобнѣе, чѣмъ когда либо, предпринимать съ дѣтьми маленькія экскурсіи въ ближайшія къ училищамъ и чѣмъ либо замѣчательныя мѣста: въ поля, лѣса, въ горы, на оживающіе весной берега рѣкъ, и тамъ впервые знакомить вновь поступившихъ въ школу дѣтей съ живой природой, путемъ разумаго и осмысленнаго направленія ихъ вниманія на все, что въ это время общаго пробужденія природы можетъ находиться въ полѣ ихъ непосредственнаго наблюденія. Такимъ путемъ вновь опредѣленные въ школу мальчики и дѣвочки могутъ войти въ свои занятія какъ бы чрезъ дверь самой природы, съ тѣми чувствами и настроеніями, какія только одна природа можетъ и порождать во всѣхъ, и воспитывать. Дѣти же въ 2, 3 и 4 года обученія соберутъ во время такихъ экскурсій прекрасный живой матеріалъ для всѣхъ послѣдующихъ своихъ въ теченіе года занятій. Въ начальныхъ народныхъ школахъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, предметомъ постоянного изученія и наблюденія дѣтей должна быть окружающая ихъ природа. Когда же лучше приступать къ этому, прекрасному и всѣхъ оживляющему труду, какъ не въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, когда эта живая книга природы такъ широко раскрывается предъ всѣми и становится по преимуществу ясной для всѣхъ и понятной? При этомъ нельзя, конечно, не имѣть въ виду и того, что въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ и въ школахъ, и около школъ гораздо болѣе, чѣмъ осенью и зимой, простора, тепла, свѣта и воздуха, этихъ лучшихъ и самыхъ необходимыхъ спутниковъ такого сложнаго, живого и такого необыкновенно нѣжнаго труда, какъ школьный. 15-ое апрѣля на югѣ и 1-е число мая на сѣверѣ могутъ быть признаны очень удобнымъ временемъ для начала учебнаго года въ народныхъ училищахъ также и потому, что послѣ нѣсколькихъ недѣль занятій, проведенныхъ въ это время частью на свѣжемъ и чистомъ воздухѣ, среди впечатлѣній родной природы, всѣ вообще учащіяся

дѣти, въ особенности же вновь поступившія въ училище, отпушены будутъ на нѣкоторое время по домамъ для лѣтнихъ каникулъ, унося съ собою, такимъ образомъ, самыя живыя и свѣтлыя воспоминанія объ этихъ первыхъ дняхъ своихъ школьныхъ занятій.

Установленіе того или другого времени для открытія годовичныхъ занятій въ начальныхъ народныхъ училищахъ имѣеть, конечно, извѣстное значеніе какъ для учащихся дѣтей, такъ и для самихъ учащихся. По еще болшую важность для всего дѣла школьнаго обученія представляетъ то, чтобы продолжительность каждаго учебнаго года введена была для всѣхъ безъ исключенія школъ въ возможно правильныя и строго опредѣленныя границы, съ предѣлами которыхъ народные учителя и учительницы и могли бы во всемъ соображаться какъ при распредѣленіи своего учебнаго матеріала по отдѣльнымъ третямъ или мѣсяцамъ года, такъ и при самомъ изложеніи этого матеріала ученикамъ разныхъ школьныхъ группъ или отдѣловъ. По въ этомъ отношеніи не нужно уже дѣлать никакихъ исключеній для тѣхъ или другихъ сель и деревень, хотя бы самыхъ маленькихъ и самыхъ уединенныхъ, такъ какъ потребность въ школьномъ образованіи и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ чувствуется всѣми крестьянами совершенно одинаково. Поэтому и удовлетворять школьнымъ образованіемъ однихъ больше, другихъ меньше—было бы для извѣстной части крестьянъ дѣломъ очень большой несправедливости. Да на это едва-ли пожелаютъ добровольно согласиться и всѣ тѣ, которымъ предложено было бы воспользоваться болѣе облегченными условіями въ продолженіи ихъ дѣтми курса начального народнаго обученія.

Но при сохраненіи равномѣрной для всѣхъ школъ продолжительности учебнаго года едва-ли уже нужно особенно заботиться о томъ, чтобы учебное время всегда и для всѣхъ мѣстностей распредѣлялось совершенно одинаково. Въ этомъ отношеніи необходимо во всемъ соображаться съ мѣстными условіями и время отдыха среди занятій или, такъ называемые, вакаціонные недѣли и дни распредѣлять примѣнительно къ тому, какъ ими съ болшей для себя пользой и съ возможно болшимъ удобствомъ могутъ воспользоваться и родители учащихся дѣтей, и сами дѣти. Въ этомъ отношеніи особенно сильно могутъ разойтись между собой нашъ крайній югъ съ сѣверомъ, городъ съ селомъ и деревней, фабричное населеніе съ земледѣльческимъ, степное съ лѣснымъ, русское съ иноплеменнымъ и т. п. Но отъ такого приравненія къ потребностямъ живой жизни школа очень много пріобрѣтетъ и, конечно, ничего не потеряетъ. Нужно только, чтобы

все назначенное для учебныхъ занятій время безъ остатка посвящалось именно этимъ занятіямъ, и чтобы дѣти школьнаго возраста проводили свое урочное время всегда въ школѣ, съ своими учителями и учительницами, не теряя за время своего обученія ни одного учебнаго дня, ни одного урока.

Если обязательное обученіе для всего населенія страны признано будеть возможнымъ ограничить пока четырьмя только годами, съ небольшимъ измѣненіемъ и расширеніемъ въ примѣненіи къ этому дѣйствующихъ теперь учебныхъ плановъ и программъ, то для сообщенія крестьянамъ въ этотъ періодъ времени всѣхъ необходимыхъ имъ знаній и школьныхъ навыковъ необходимо будетъ принять продолжительность учебнаго года для всѣхъ безъ исключенія училищъ не менѣе, какъ въ 40—42 недѣли. Въ такихъ предѣлахъ времени давно уже ведутся школьныя занятія во всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ европейскихкихъ странахъ, и эта норма годовыхъ занятій считается тамъ совершенно упрочившейся, существенно полезной для успѣховъ учебнаго дѣла и неподлежащей никакому уже измѣненію. И все это успѣло уже въ самомъ благопріятномъ смыслѣ отразиться тамъ на всемъ устройствѣ государственной, общественной и частной семейной жизни. У насъ же въ Россіи, гдѣ все относящееся до начальнаго народнаго образованія нужно еще почти вновь начинать, гдѣ народъ въ огромныхъ своихъ массахъ находится въ состояніи самаго полнаго невѣжества, гдѣ отъ беспросвѣтной народной темноты пришла почти въ полное разстройство вся экономическая и хозяйственная жизнь цѣлой страны,—у насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо теперь призвать школы къ самой широкой, свободной и самой энергической дѣятельности и поставить ихъ по продолжительности учебнаго времени въ такія условія, въ которыхъ онѣ могли бы достаточно твердо и опредѣленно вліять на весь составъ крестьянскаго населенія. А для этого, прежде всего, нужно твердо установить, чтобы учебный періодъ жизни дѣтей былъ для нихъ дѣйствительно учебнымъ, и чтобы въ продолженіе времени своего обязательнаго обученія, если таковое будетъ ограничено пока всего только четырьмя годами, они проводили въ школѣ не менѣе 40—42 недѣль въ годъ или около 9—10 мѣсяцевъ. Затѣмъ уже самой школѣ и ея ближайшимъ руководителямъ нужно будетъ озаботиться о такомъ распредѣленіи своего учебнаго времени, при которомъ бы и продолжительность учебныхъ занятій не была очень утомительна для дѣтей, и дни ихъ отдыха, не распространяясь уже болѣе въ одинъ разъ то на нѣсколько недѣль, то на

цѣлые мѣсяцы, не могли бы слишкомъ отрицательно вліять на ослабленіе ихъ школьныхъ познаній и навыковъ.

Изъ десяти-двѣнадцати недѣль того отдыха, которымъ должны пользоваться учащіеся въ школахъ мальчики и дѣвочки въ теченіе каждаго учебнаго года, около 25 дней должно быть отнесено на единовременное прекращеніе занятій по всѣмъ безъ исключенія начальнымъ народнымъ училищамъ въ священные дни такихъ праздниковъ и торжественныхъ воспоминаній, какъ праздники въ память Рождества Христова, съ 25-го декабря по 1-е января новаго года, и столько чтимы всѣмъ русскимъ народомъ страстная недѣля и недѣля святой Пасхи. Сюда же, во вниманіе къ народнымъ обычаямъ, могутъ быть отнесены также и послѣдніе три дня сырной недѣли или, такъ называемой, масляницы. Очень небольшое исключеніе въ этомъ отношеніи можетъ и должно быть сдѣлано для немногихъ лишь иноисповѣдныхъ начальныхъ училищъ, какъ протестантскія школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ Саратовской и Самарской губерній, армянскія въ Астраханской губерніи и въ Закавказьѣ, магометанскія на Кавказѣ и во всѣхъ почти ниже-приволжскихъ губерніяхъ и, наконецъ, всѣ калмыцкія и башкирскія начальныя училища Астраханской губерніи. Для всѣхъ этихъ училищъ время православныхъ праздниковъ и воспоминаній можетъ быть замѣнено другимъ, примѣнительно къ особенностямъ ихъ религіознаго культа и почитанія. Затѣмъ, остальные восемь-девять недѣль, предназначенныя для школьнаго среди занятій отдыха, могутъ и должны быть распределены по времени учебнаго года въ ближайшемъ уже соображеніи съ условіями крестьянской жизни, а также и съ тѣмъ чисто педагогическимъ требованіемъ, чтобы перерывы въ школьныхъ занятіяхъ слѣдовали одинъ за другимъ всегда чрезъ извѣстные, совершенно правильно установленныя промежутки времени и всегда ближайшимъ образомъ отвѣчали на дѣйствительно ощущаемую учащими и учащимися потребность въ отдыхѣ послѣ усиленныхъ умственныхъ занятій. Временемъ такого отдыха могла бы быть для всѣхъ безъ исключенія школъ, прежде всего, страдающая пора крестьянскихъ полевыхъ работъ, болѣе ранняя, конечно, на югѣ и болѣе поздняя на сѣверѣ. Этотъ необходимый и самый естественный перерывъ въ занятіяхъ, примѣнительно къ общему обиходу крестьянской жизни и ко всѣмъ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ и требованіямъ крестьянъ, могъ бы обнимать время отъ пяти до шести недѣль, съ небольшими, конечно, отъ этого общаго правила отступленіями и измѣненіями тамъ, гдѣ это будетъ особенно нужно и удобно. Затѣмъ, на двѣ недѣли

слѣдовало бы давать отдыхъ всѣмъ учащимся среди нашей, такъ называемой, сентябрьской трети, такъ какъ періодъ обученія съ 15-го августа по 25-е декабря не можетъ не считаться сколько продолжительнымъ по времени, столько же и утомительнымъ для учащихся и учащихся по исполняемой ими за это время работѣ. Поэтому, было бы совершенно целесообразно, а, можетъ быть, даже и существенно необходимо разбить это время на двѣ равныя половины и между ними установить хотя бы и не особенно продолжительный, но существенно необходимый для всѣхъ отдыхъ. Если годовыя занятія дѣтей, учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ, и необходимые перерывы въ этихъ занятіяхъ для отдыха дѣтей распределены будутъ примѣнительно къ этому общему плану, то крестьянскіе мальчики и дѣвочки, при всѣхъ другихъ столь же благоприятныхъ для нихъ условіяхъ, будутъ проходить курсъ своего элементарно-школьнаго обученія съ очень достаточнымъ для своего возраста успѣхомъ и, несомнѣнно, безъ особеннаго для себя и физическаго, и умственнаго утомленія.

При возможно полномъ и точномъ проведеніи въ народно-школьную жизнь всѣхъ этихъ предположеній, общая продолжительность учебнаго курса крестьянскихъ дѣтей увеличится по меньшей мѣрѣ вдвое. Прежде всего, прибавится по три мѣсяца на каждый годъ настоящаго трехлѣтняго курса обученія, что въ общей сложности составитъ на весь учебный курсъ до девяти учебныхъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, къ настоящему трехлѣтнему курсу обученія прибавится цѣлый четвертый учебный годъ изъ 40—42 недѣль, что также составитъ цѣлую половину того времени, какое проводили и теперь еще проводятъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ своихъ училищахъ за все время своего школьнаго въ нихъ обученія. А все это въ общей суммѣ учебнаго времени составитъ уже не 18 или 20 учебныхъ мѣсяцевъ, какъ теперь, а 36 мѣсяцевъ или даже полныхъ 40. На отдыхъ же во время праздничныхъ дней и на лѣтнее, и осеннее каникулярное время отдано будетъ, при этихъ условіяхъ, за всѣ четыре года обученія уже не болѣе 10—12 мѣсяцевъ или около 40—48 недѣль, по 10—12 недѣль отъ каждаго года. И такая продолжительность учебнаго времени можетъ и должна быть признана безусловно нормальной. Въ этихъ приблизительно предѣлахъ времени велись уже прежде занятія во многихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений, и къ такому почти забытому теперь всѣми порядку было бы существенно необходимо обратиться нашимъ начальнымъ народнымъ училищамъ. Предъ ними стоятъ въ настоящее время очно

широкія задачи и требованія, выдвинутыя на первую очередь къ раз-
вѣшенію всей жизни народной, и начальныя школы должны, конечно,
обратъ всѣ свои силы и средства для того, чтобы успѣшно разрѣ-
шить эти задачи и удовлетворить этимъ требованіямъ. Иначе, вся на-
родная жизнь, стоящая въ настоящее время на очень тяжеломъ по-
еходѣ въ новымъ формамъ государственнаго и общественнаго устрой-
ства и управленія, лишена будетъ всего, что можетъ быть дано на-
роду однимъ только правильно поставленнымъ школьнымъ образова-
ніемъ, этимъ лучшимъ изъ средствъ легко и свободно перевести весь
народъ къ его болѣе свѣтлому и счастливому будущему.

Въ виду этого, нѣтъ, конечно, не будетъ сомнѣваться въ томъ
объемѣ значенія, какое могутъ имѣть для школы и для всего на-
рода какъ общее увеличеніе курса школьнаго обученія на одинъ годъ,
къ и установленіе нормальной продолжительности занятій на все
время курса начального народнаго обученія. Прежде всего, извѣстная
стоимость этого дополнительнаго времени должна быть съ энергіей посвя-
щена на укрѣпленіе и гораздо болѣе развитіе въ дѣтяхъ всѣхъ
обрѣтаемыхъ ими теперь въ школахъ элементарныхъ познаній и
вызовъ, которые, за недостаточнымъ укорененіемъ ихъ въ дѣтяхъ
школьный періодъ ихъ дѣятельности, очень скоро ослабѣваютъ по-
къ въ самой жизни, а иногда и совсѣмъ утрачиваются. Въ этомъ
положеніи особенно заботливое вниманіе нужно обратить, между про-
чимъ, на укрѣпленіе навыка дѣтей въ твердомъ, ясномъ, отчетливомъ
выразительномъ чтеніи, на развитіе въ дѣтяхъ живой любви къ книгѣ
чтенію, къ этимъ лучшимъ орудіямъ просвѣщенія, и удерживать и
ширять разъ приобрѣтенныя въ школѣ познанія, на сообщеніе письму
дѣтей, достаточно твердому и правильному въ каллиграфическомъ отно-
шеніи, надлежащей орфографической и смысловой правильности, и на
образованіе и развитіе въ дѣтяхъ добрыхъ религіозныхъ чувствъ и
вѣроувереній, въ связи съ возможно яснымъ и точнымъ усвоеніемъ ими
религіозныхъ основъ христіанской вѣры и нравственности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь значительнымъ увеличеніемъ общаго
элемментарно-школьнаго обученія, учителя и учительницы народ-
ныхъ школъ, съ первыхъ же недѣль и мѣсяцевъ своихъ съ дѣтьми
занятій, должны въ такомъ, по возможности, порядкѣ подбирать для
дѣтей уроковъ и разрабатывать на нихъ весь подлежащій изуче-
нному матеріалъ; чтобы какъ самымъ содержаніемъ уроковъ, такъ и
методической разработкой ихъ могла твердо и послѣдовательно разви-
ваться въ дѣтяхъ живая любовь къ своей родной странѣ, къ своему

простому и неприхотливому земледѣльческому быту, къ своему труду на здоровомъ просторѣ сельскихъ полей и лѣсовъ, къ своей родной задушевно-грустной пѣснѣ. Эта очень важная и существенно жизненная задача совершенно упускалась изъ виду большинствомъ нашихъ учителей и учительницъ, стремившихся до сего времени къ достиженію на своихъ урокахъ почти исключительно однихъ лишь общеобразовательныхъ задачъ и цѣлей. Для удовлетворенія же какимъ-либо другимъ школьнымъ требованіямъ, хотя бы и столь же, какъ общеобразовательными, существеннымъ и важнымъ, у нихъ совершенно не оставалось свободного времени.

Поэтому, по крайней мѣрѣ, теперь, когда вся русская жизнь пришла въ такое сильное и тревожное движеніе, когда мы подошли уже къ періоду образованія, можетъ быть, совершенно новыхъ условій для всего будущаго нашей страны, теперь на пополненіи именно этого существеннаго пробѣла въ школьномъ образованіи дѣтей необходимо будетъ остановиться какъ составителямъ новыхъ книгъ для школъ, такъ и въ особенности всѣмъ учителямъ и учительницамъ. Этимъ ближайшимъ труженикамъ всего дѣла школьнаго обученія нужно будетъ наилучшимъ образомъ пользоваться теперь въ стремленіи къ указанной цѣли всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи учебно-образовательными средствами, отдавать, въ интересахъ достиженія этихъ цѣлей, извѣстную часть учебнаго времени на изученіе дѣтьми природы среди самой природы, на, такъ называемыя, школьныя учебно-воспитательныя прогулки и экскурсіи, нѣсколько иначе разрабатывать на классныхъ урокахъ весь вообще прочитываемый и изучаемый дѣтьми матеріалъ и, вообще, посвящать на изученіе дѣтьми окружающей ихъ природы и жизни извѣстную часть того дополнительнаго учебнаго времени, какое должно быть теперь же предоставлено всѣмъ безъ исключенія нашимъ начальнымъ народнымъ училищамъ. Иначе, школа не выполнитъ самаго главнаго своего назначенія быть воспитательницей своихъ дѣтей, а чрезъ нихъ посредствомъ и устроительницей всей жизни народной. Если же, напротивъ, школа хорошо выполнитъ лежащій на ней въ этомъ отношеніи долгъ, она сдѣластъ самую лучшую часть своего дѣла и прекрасно подготовитъ дѣтей для всѣхъ послѣдующихъ ступеней ихъ развитія и въ школѣ, если они будутъ продолжать еще свое обученіе, и въ дальнѣйшей жизни.

А. Красевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*1) **Мигель де Сервантесъ Салаведра. Остроумно-изобрѣтательный идальго, Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Полный переводъ съ испанскаго *М. В. Ватсонъ*, съ примѣчаніями, биографическимъ очеркомъ и портретомъ Сервантеса. Ч. I: XXXII + 425 стр.; Ч. II: VIII + 476 стр. in 8°. С.-Пб. 1907 г. Цѣна за 2 части 3 рубля. Изданіе иллюстрировано многочисленными черными рисунками. 2) *То-же изданіе*, на лучшей бумагѣ, съ добавленіемъ 48-хъ хромолитографій на отдѣльныхъ листахъ. Число стр. то же самое, что и въ первомъ. С.-Пб. 1907 г. Цѣна за обѣ части 7 рублей.

Въ литературѣ русскихъ переводовъ западно-европейскихъ классиковъ трудъ *М. В. Ватсонъ* долженъ занять *видное*, — а среди русскихъ переводовъ Сервантеса — безспорно *первое мѣсто* ¹⁾ какъ по солидности приѣмовъ работы, такъ и по качеству ея исполненія.

Прежде всего, не довольствуясь первымъ попавшимся испанскимъ текстомъ „Донъ-Кихота“, какъ поступали иногда гг. „переводчики“, авторъ разбираемаго труда озаботился отысканіемъ наиболѣе надежнаго текста, критически провѣреннаго и установленнаго, что существенно важно для такого произведенія, какъ „Донъ-Кихотъ“, много страдавшаго отъ вольныхъ и невольныхъ искаженій, интерполяцій и тому подобныхъ результатовъ произвола его издателей.

Выборъ переводчика справедливо остановился на трудѣ европейски-извѣстнаго испаниста, члена испанской королевской академіи, автора „Исторіи испанской литературы“, англійскаго филолога Дж. Фиц-

*.) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

¹⁾ См. библиографическую замѣтку о 1-й части въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1907, въ „библиографич. листкѣ“.

Мориса *Келли*, выпустившаго въ свѣтъ въ 1898—99 г. монументальное 2-хъ-томное критическое изданіе *Донъ-Кихота*, вооруженное тѣми классическими приѣмами критики текста, которые выработаны для текста античныхъ авторовъ, но, конечно, вполне пригодны и для любой работы такого же характера: *Don Quixote de la Mancha. Primera edición del texto restituido, con notas y una introducción, por Jaime Fitzmaurice-Kelly, c. de la Real Academia Española. Edimburgo-Londres, 1898—1899* (по вѣщности — это превосходная репродукція типографскихъ шедевровъ XVII вѣка). Въ настоящее время — это наиболѣе надежный текстъ.

Кромѣ него, у переводчика (для I части) было подъ руками и первое (въ Испаніи) критическое изданіе барселонскаго ученаго и профессора *Клементе Кортегона*, *Primera edición crítica con variantes, съ примѣчаніями и словаремъ*, существенно необходимымъ въ виду именно лексикографическихъ особенностей языка Сервантеса.

Другія пособія перечислены переводчикомъ на стр. XXVIII предисловія: это все вещи свѣжія и авторитетныя, главнымъ образомъ *испанскихъ* и *англійскихъ* ученыхъ; замѣтимъ тутъ же, что *нѣмецкихъ* трудовъ мы не встрѣтили въ этомъ спискѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, комментированное изданіе А. Л. Kressner'a, Lpz. 1887 sqq. могли бы переводчику пригодиться именно въ области экзегезы труднаго оригинала.

Вооруженный названными пособіями и хорошимъ знаніемъ испанскаго языка (а этимъ могутъ похвалиться далеко не всѣ русскіе „переводчики“ Сервантеса), авторъ разбираемой книги далъ дѣйствительно настоящій *переводъ* *Донъ-Кихота*, а не пересказъ или передѣлку, какихъ не мало въ русской литературѣ.

Нашъ переводчикъ очень бережно, можно сказать, — любовно обходится съ своимъ оригиналомъ, старается, насколько возможно, держаться къ нему какъ можно ближе, чтобы его своеобразная фризіономія не пострадала отъ передачи, и въ этомъ отношеніи трудъ М. В. Ватсонъ заслуживаетъ полной похвалы: своеобразный тонкій юморъ Сервантеса, его умѣнье „смѣяться сквозь слезы“, его мѣстами злая, беспощадная сатира, все это передано болѣе чѣмъ удовлетворительно ¹⁾.

Для ближайшаго опредѣленія собственно *качества* перевода, какъ

¹⁾ Стихи *оригинала* — во вступленіи и въ самомъ текстѣ романа (романсы, сошты и т. п.) переведены, въ общемъ, очень хорошо и поэтично (стихами же).

такового, мы сличили съ оригиналомъ, по изданіямъ *Келли* и *Кресснера*, по нѣсколькѣ главъ изъ обѣихъ частей романа, сличили очень внимательно, и самая мелочность замѣчаній, которыя мы имѣемъ сдѣлать, показываетъ, какъ добросовѣстно отнесся переводчикъ къ своей нелегкой, но благодарной задачѣ.

Въ „Предисловіи“, стр. III, переводчикъ говоритъ объ *editio princeps*, Мадридъ 1605 г.; точнѣе было бы сказать, что это было *editio princeps* лишь одной I части романа; *editio princeps* же II-й части вышло тамъ же въ 1615 году: королевская привилегія подписана на эту часть *à treinta dias del mes de Marzo de mil y seiscientos y quinze años*, т. е. 30 марта 1615 г. (Kelly, p. 7); не совсѣмъ точно указанъ у г-жи Ватсонъ (пред. стр. XX—1616-й годъ), хотя у нея же (пред. къ II части, стр. VII) данъ вѣрный переводъ привилегіи.

Въ концѣ предисловія не совсѣмъ вѣрно объясненъ девизъ издателя 1605 г., Хуана де ла Куэста (*escudo de la primera edición de 1605*): по мнѣнію переводчика, тамъ изображенъ „соколъ, съ котораго только-что снятъ клобукъ“; на самомъ дѣлѣ — на гербѣ *соколъ еще съ клобукомъ*, котораго завязки видны на затылкѣ птицы, что и соответствуетъ словамъ „*post tenebras spero lucem*“ (котораго *тенерь* еще *тмѣ*).

Въ *Прологѣ* (стр. 3) слѣдуетъ исправить въ примѣчаніи 3-мъ цитату изъ Горация (Горацій, *Carmina*, [или *Оды*], книга I, ода 4-я, ст. 13), вм. *Carmen*; тамъ же, стр. 4-я, строка 5 сверху *vestros* вмѣсто *vostros*; ниже *Кака* (отъ именит. пад. *Какъ*, *Cacus*, разбойникъ, убитый Геркулесомъ), вмѣсто *Како*; тамъ же въ примѣчаніи 3-мъ вмѣсто „*Disticha* Катона была книгой“ слѣдуетъ *были*, ибо *disticha* plur.

Стр. 17. Переводчикъ оставилъ безъ перевода оригинальное названіе субботняго меню *duelos y quebrantos* („печальная окрошка“, тамъ сказать, *les beaux restes* всякихъ мясныхъ остатковъ; по объясненію Кресснера, „хорошее“ мясо по субботамъ до половины XVIII в. въ Испаніи, по обѣту короля Альфонса VIII за побѣду надъ маврами въ 1212 г., — не дозволялось, но *окрошка* не была запрещена).

Стр. 18. „Изъ всѣхъ книгъ ни одна не нравилась ему такъ, какъ сочиненія Фелиціана де Сильва“; въ оригиналѣ: „*y de todos — ningunos le parecían tan bien, como los que compuso el famoso Feliciano de Silva*“; опущено *el famoso* = „пресловутый“; *ningunos* plur. = *ни одинъ*.

Стр. 19. „Однимъ взмахомъ *положилъ на мѣсть* двухъ дерзкихъ и чудовищныхъ великановъ“; въ оригиналѣ: „de solo un revés habia partido por medio dos fieros y descomunales gigantes“, т. е. „разрубилъ пополамъ“, гипербола, нерѣдка въ рыцарскихъ романахъ, ср. глава II: *le partio por mitad del cuerpo*.

Стр. 19. „благодаря своей доблести“; оригиналъ: „por el valor de su brazo“, т. е. „благодаря силѣ его десницы“, выраженіе также довольно обычное, сравни стр. 26: „сила руки моей“ (*el valor de mi brazo*).

Стр. 20. *выпрямилъ* (о доспѣхахъ); оригиналъ: *aderezólas*, т. е. *починилъ*.

Ibid. Не совсѣмъ удался переводчику остроумный каламбуръ Сервантеса въ имени коня *Rocinante*: „*Rocinante* — имя, показавшееся ему возвышеннымъ, звучнымъ, и означавшимъ то, чѣмъ лошадь была прежде, когда она была *клячей*, и то, чѣмъ она стала теперь, сдѣлавшись первой и лучшей *изъ всѣхъ клячъ въ мірѣ*“.

Уже а priori мало вѣроятно, что Донъ-Кихотъ въ *новомъ* имени своего коня, который, по его мнѣнію, лучше *Буцефала* Александра Великаго и *Бабіски* знаменитаго Сиды (*le pareció, que ni el Bucefalo de Alejandro, ni Babieca el del Cid con él se igualaban*), хотѣлъ сохранивъ значеніе *клячи*, хотя-бы и *первой* въ мірѣ; каламбуръ основанъ на эволюціи значенія слова *rosino, rocin*, которое когда-то, въ старо-испанскомъ языкѣ, означало *конь* (ср. нѣм. *Ross*), какъ, напри- мѣръ, въ приводимомъ ниже у Сервантеса отрывкѣ изъ романа о Ланселотѣ:

*doncellas curaban dél, (т. е. о рыцарь),
princesas de su rocin (о его конь);*

но во время Сервантеса уже означало просто *лошадь* (*caballo*) или даже *клячу* (*une rosse*); Донъ-Кихотъ и хотеть сказать, что его лошадь *раньше* была просто *клячей* (*antes-rocin*), а теперь *конемъ*, лучшимъ въ свѣтѣ (*rocin-antes*): „*Rocinante*, nombre, á su parecer, alto, sonoro, y significativo de lo que habia sido, cuando fué *rocin*, antes de lo que ahora era, que era *antes y primero* de todos los *rocines* del mundo“.

Стр. 21 слѣдуетъ исправить, вѣроятно, опечатку *Мамендранія* (ориг. *Mallindrania*).

Стр. 22. „опустилъ плохо прилаженное *забрало*“; въ оригиналѣ „*puesta su mal compuesta celada*“, т. е. „*надѣлъ* своей плохо сдѣланный шлемъ“ (каламбуръ — *puesta — compuesta*).

Стр. 23. Фраза: „нѣтъ сомнѣнія, что въ будущіе вѣка, когда правдивая исторія славныхъ моихъ подвиговъ явится въ свѣтъ, мудрецъ, который ее напишетъ... начнетъ свое описаніе слѣдующими словами“; въ оригиналъ — риторическій вопросъ, что гораздо эффектнѣе: *quién duda, sino que en los venideros tiempos... que el sabio... no ponga... desta manera?* („Какое же сомнѣніе въ томъ, что“... и т. д.)

Стр. 24. „осмотрительность очень идетъ къ красотѣ, и къ тому же весьма глупо смѣяться, когда поводъ *вздорный*“; оригиналъ „*bien pareço la mesura* (скромность) *en las fermosas, y es mucha sandez alemas la risa, que de leve causa* (отъ ничтожной причины) *procede*“.

Стр. 25. „такowymъ Донъ-Кихотъ счелъ хозяина постоялаго двора“; оригиналъ: „*que tal le pareció á él el ventero y la venta*“, т. е. „и хозяинъ; и постоянный дворъ“.

Ibid. „уродливое *забраю*“; въ оригиналъ: „*la contrahecha celada*“, т. е. „уродскій шлемъ“.

Стр. 26. „можетъ быть и форељчики нѣчто въ родѣ телятины, которая вкуснѣ говядины, или же въ родѣ мяса молодого козленка, которое вкуснѣ мяса стараго козла“; въ оригиналъ: „*padría ser, que fuesen estas truchuelas como la ternera, que es mejor que la vaca y el cabrito, que el cabron*“, т. е. „какъ и козлятинка (лучше) чѣмъ старый козелъ“.

Стр. 29. *islas de Riaran* — не „Риранскіе острова“, а „Риранскій кварталъ“ города Малаги.

Стр. 31. „схватилъ *обими* руками копьѣ“; въ оригиналъ: „*alzó otra vez la lanza*“, т. е. „поднялъ *второй* разъ копьѣ“.

Стр. 32 вн. послѣ словъ „присвоить себѣ титулъ *донья*“ опущены слова оригинала: „*y se llamase doña Molinera*“, т. е. „и назваться *донья Молинера*“.

Часть II.

Стр. IV. Неточно переведено „*Tulio en el primero de legibus*“ — „Туллій въ первой книгѣ De Legibus“; разумѣется Маркъ Туллій Цицеронъ и его философскій трактатъ *De legibus*, дошедшій до насъ въ 3-хъ книгахъ; *en el primero* дополнить *libro*.

Стр. 6 и 7. *El turco* оригиналъ скорѣе обозначаетъ *Турка*, т. е. Султана, чѣмъ *турка*, какъ собирательное.

Ibid. стр. 6. Послѣ словъ: „чтобы непріятель не засталъ его врасплохъ“ пропущена, къ сожалѣнію, цѣлая фраза оригинала: „*pero, si se tomara mi consejo, aconsejárale yo, que usara de una prevencion, de la cual Su Majestad, la hora, de ahora, debe de estar muy ajeno de*

pensar en ella“, фраза очень важная; такъ какъ на ней вертится ближайшая бесѣда дѣйствующихъ лицъ, трагующая именно объ этомъ *советѣ* (*consejo*) и *мѣропріятіи* (*prevencion*), о которомъ король испанскій (*Su Majestad*) теперь *советѣ не думаетъ* (*miu ajeno de pensar*).

Стр. 7. Не переведена и не объяснена испанская поговорка „*ni Rey, ni roque*“ (у М. В. Ватсонъ: „ни король, ни Роке“, а въ примѣчаніи — „общеупотребительное испанское выраженіе“); дѣло идетъ о шахматной игрѣ, гдѣ „*Rey*“ = „король“, а „*roque*“ = „тура“; *ni Rei, ni roque* значить *ни король, ни тура*, т. е. *никто* (срав. „рокировать“, „рокировка“).

Стр. 7. Послѣ словъ „сказалъ священникъ“ опущено „*yo le abono y salgo por él*“, т. е. „увѣряю и ручаюсь за него“.

Стр. 10. „звонъ кольчуги и оружія“, — въ оригиналѣ „*la malla, con que se arman*“, т. е. „кольчуга, которой они вооружаются“.

Ibid. „событія, достойныя быть занесенными не только на пергаментъ, но и на бронзу“; въ оригиналѣ эффективе: „*cosas dignas de estar escritas no en pergaminos, sino en bronce*“, т. е. „не на пергаментъ, а развѣ что на бронзу“. И т. д., и т. д.

Но всё эти и подобныя — не столько замѣтки, сколько, пожалуй, — придирки къ прекрасному труду М. В. Ватсонъ ни мало не уменьшаютъ его достоинства, и русская переводная литература сдѣлала въ немъ, безъ сомнѣнія, очень крупное приобрѣтеніе.

Что касается виѣшности, то оба изданія отличаются не текстомъ и не черными иллюстраціями ¹⁾, которыя одинаковы въ обоихъ изданіяхъ, а лишь иллюстраціями въ краскахъ (43 картины на отдѣльныхъ листахъ) и качествомъ бумаги; впрочемъ, цѣна болѣе роскошнаго изданія за то болѣе чѣмъ *вдвое выше* обыкновеннаго, хотя упомянутыя хромолитографіи и не отличаются особенной художественностью.

И. Холодницъ.

*А. А. Зонненитраль и А. Н. Яницкій. ТАБЛИЦЫ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ ПО ФИЗИКѢ, для средней школы. Подъ редакціей Проф. Г. Г. Косогодова. Выпускъ 1. Кіевъ 1908. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Не только на Западѣ, но и у насъ все болѣе и болѣе распространяются практическія занятія по физикѣ для учащихся средней школы.

¹⁾ Черныя иллюстраціи — не роскошны, но, вообще, удовлетворительны и не поражаютъ тѣмъ шаржемъ и карикатурностью, какими грѣшатъ нерѣдко рисунки въ изданіяхъ Довъ-Кихота.

Пособіемъ при такихъ занятіяхъ могутъ служить разматриваемыя таблицы, вышедшія подъ редакціей проф. І. І. Косоногова, имя котораго можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что таблицы составлены цѣлесообразно.

Первый выпускъ содержитъ 50 таблицъ, относящихся къ 50-ти работамъ по механикѣ и физикѣ частичныхъ силъ (24 работы), по теплотѣ (10 работъ), по свѣту (8 работъ), по акустикѣ (2 работы) и по электричеству и магнетизму (6 работъ). На каждомъ листѣ указаны, смотри по роду работы: перечень необходимыхъ приборовъ, цѣль опыта, идея опыта, описаніе прибора, теоретическія данныя, изложеніе порядка работы и вычисленія.

Каждое упражненіе описано на отдѣльномъ листкѣ и отпечатано съ одной его стороны, такъ что можно наклеить листокъ на картонъ. Полное изданіе рассчитано на 150—200 отдѣльныхъ упражненій.

Можно надѣяться, что эти таблицы будутъ способствовать широкому у насъ распространенію практическихъ занятій по физикѣ въ средней школѣ.

О. Хвольсонъ.

*Книги для современной школы. Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи. Сборникъ статей, составленныхъ кружкомъ преподавателей средней и высшей школы. Книга первая. Съ 178 рисунками и 3 портретами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. 1908. IV+578+II стр. Цѣна 2 руб.

Эта прекрасная книга заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Изъ предисловія узнаемъ, что въ Петербургѣ образовался кружокъ преподавателей физики среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, который задался цѣлью составить сборникъ статей по физикѣ, дающій „учащимся въ средней школѣ, а также лицамъ, стремящимся къ самообразованію, пособіе по физикѣ, которое, будучи изучаемо параллельно съ учебникомъ, могло бы способствовать развитію физическаго міровоззрѣнія и уясненію основныхъ теоретическихъ вопросовъ, недостаточно разъясненныхъ въ учебникахъ. Учителя физики также найдутъ въ этомъ сборникѣ достаточно матеріала для ученическихъ рефератовъ“.

Въ составъ кружка вошли профессоры и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній: П. Г. Егоровъ, Н. А. Гезехусъ, М. Г. Евангуловъ, П. А. Гершунъ, В. П. Войнбергъ, А. А. Кузнецовъ, А. А. Петровский и Б. Л. Розингъ; далѣе директоръ реальнаго училища Э. П. Цытовичъ, лаборанты: К. К. Баумгартъ, А. А. Добинъ, Ф. Н. Индриксонъ, С. О. Майзель, Н. А. Орловъ и Н. П. Саковничъ, служащіе въ

главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ Н. А. Лебедевъ, А. П. Доброхотовъ и А. Б. Ферингеръ, служащіе въ главной физической обсерваторіи С. И. Савиновъ, и Д. А. Смирновъ, инженеръ-технологъ М. В. Фридендеръ и научный сотрудникъ завода Лейтца В. С. Игнатовскій. Всѣ названныя лица совместно не только выработали общую программу сборника, но и обсуждали отдѣльныя статьи, уже написанныя членами кружка. Ближайшее наблюденіе за изданіемъ поручено Н. А. Гезехусу, Б. Л. Розингу и Э. П. Цытовичу.

Вышедшая нынѣ первая книга сборника содержитъ 32 статьи, посвященныя нѣкоторымъ общимъ вопросамъ, затѣмъ механикѣ, физикѣ частичныхъ силъ и ученію о теплотѣ. Большая часть статей написана Б. Л. Розингомъ и Б. П. Вейнбергомъ, но имѣются также статьи проф. Н. А. Гезехуса (значеніе физики, какъ основы естествознанія), Э. П. Цытовича, Н. Н. Соковина, М. Г. Евангулова, А. Н. Доброхотова и А. А. Петровскаго.

Всѣ статьи прекрасно написаны, читаются легко и, само собою разумѣется, съ научной стороны, никакихъ замѣчаній не вызываютъ. Пожелаемъ этой книгѣ самаго широкаго распространенія какъ между учащимися, такъ и между учителями.

Ф. Хвольсонъ.

*Учебникъ нѣмецкаго языка. Руководство для среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ и самостоятельнаго изученія. Составилъ *Готфридъ Вольертъ*, преподаватель Мариинскаго земледѣльческаго училища. *Lehrbuch der deutschen Sprache von Gottfried Wollert*. Саратовъ. 1907. Стр. IV+212+35 (словарь). Цѣна 1 рубль.

Вышепоименованный учебникъ составленъ весьма тщательно и съ большимъ умѣніемъ; планъ, котораго держался авторъ при своей работѣ, хорошо продуманъ и выполненъ съ большою послѣдовательностью съ первой же по послѣднюю страницу.

Весь учебникъ раздѣляется на три отдѣла. Въ этихъ трехъ отдѣлахъ, на 212 страницахъ, дается въ весьма краткой формѣ не только вся теорія нѣмецкой грамматики, но и большое число различнаго рода статей,—то прозаическихъ, то стихотворныхъ, для практическихъ упражненій въ примѣненіи предлагаемыхъ въ краткой и ясной редакціи грамматическихъ правилъ. При этомъ, на что и указано въ предисловіи къ книгѣ, нѣкоторыя грамматическія статьи, какъ, напримеръ, объ образованіи словъ, оставляемыя обыкновенно составителями учебниковъ безъ вниманія, разработаны, въ виду ихъ важности для учениковъ, довольно подробно. Такимъ же образомъ особое вниманіе

обращено также на характерныя синтаксическія особенности нѣмецкаго языка, на примѣръ, на употребленіе безличнаго „es“ въ личныхъ предложеніяхъ, Infinitiv съ zu послѣ sein и haben, употребленіе наклоненій, сокращеніе косвенной рѣчи и условныхъ предложеній и др. Но, несмотря на всѣ эти преимущества, предлагаемая книга совершенно не годится для среднихъ учебныхъ заведеній,—гимназій и реальныхъ училищъ.

Это воиолнѣ подтверждается тѣмъ, что самъ авторъ говоритъ о составленномъ имъ учебникѣ. Въ предисловіи мы, между прочимъ, читаемъ: „Настоящій учебникъ назначается главнымъ образомъ для среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ цѣлью обученія нѣмецкому языку ставится пониманіе воспитанниками старшаго класса статей по естествознанію и сельскому хозяйству“. И далѣе мы читаемъ тамъ же: „При составленіи учебника принято во вниманіе и то обстоятельство, что преподавателю въ I классѣ приходится имѣть дѣло не съ 10-ти-лѣтними мальчиками, какъ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 14—17-ти-лѣтними юношами, хорошо знакомыми съ грамматикой роднаго языка при соотвѣтствующемъ умственномъ развитіи (большинство поступающихъ въ 1-й классъ—окончившіе 3-хъ и 4-хъ-классныя городскія училища). А о совершенно специальномъ характерѣ разсматриваемаго учебника свидѣтельствуетъ еще слѣдующее мѣсто предисловія, гдѣ сказано: „Сообразно съ умственнымъ развитіемъ учащихся составлены примѣры и упражненія, взятые, по мѣрѣ возможности, изъ области естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства, такъ что ученикъ знакомится съ большимъ количествомъ специальныхъ терминовъ еще до приступленія къ переводамъ цѣлыхъ статей“. Книга безспорно хороша для тѣхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ она, по первоначальному плану, составлена авторомъ, и принесетъ воспитанникамъ этихъ заведеній, несомнѣнно, не мало пользы.

И. Морь.

**Neue Erzählungen. Band № 6. (Is. Kurz. II. Stöckl. II. Heiberg und P. Rosegger.) Erklärt und mit Wörterbüchern versehen von N. Oerdel, Schuldirektor. С.-Пб. 1908. Стр. 153. Цѣна 60 коп. въ переплетѣ.*

Вышеупомянутая книжка заключаетъ въ себѣ 4 небольшихъ разсказа, а именно: 1) „Die goldenen Träume“ von Isolde Kurz; 2) „Alle fünf“—von Helene Stöckl; 3) „Knabenstreiche“ von Hermann Heiberg; 4) „Holzknechthaus“ von Peter Rosegger. Выборъ этихъ статей можно признать воиолнѣ удачнымъ; всѣ онѣ написаны хорошимъ современнымъ языкомъ и по формѣ, и содержанію легко доступны пониманію учениковъ.

среднихъ и тѣмъ болѣе, конечно, старшихъ классовъ нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для которыхъ онѣ предназначаются составителямъ учебника.

Предлагаемыя повѣсти, въ особенности вторая—„Alle fünf“ и четвертая—„Das Holzknechtshaus“, написаны весьма интересно, и можно быть увѣреннымъ, что ученики будутъ читать ихъ охотно. Къ тому же нужно замѣтить, что приспособленія, данныя г. Oerdel въ концѣ книги: „Erklärungen“ и „Alphabetisches Wörterbuch“ составлены очень хорошо, такъ что значительно будутъ содѣйствовать полному пониманію статей и хорошему литературному ихъ переводу на русскій языкъ.

Внѣшняя сторона книжки также вполне удовлетворительна; особенно хорошо примѣненъ разный шрифтъ въ объясненіяхъ и словарѣ; опечатокъ почти вовсе нѣтъ, мы нашли всего только двѣ: стр. 79—въ серединѣ—„davan“—вм. „davon“ и стр. 97—„zmei“ вм. „zwei“.

II. Меръ.

*Р. Джудъ. Электричество и магнетизмъ. Элементарное руководство къ изученію электрическихъ и магнитныхъ явленій. Съ разрѣшенія автора перевелъ съ англійскаго К. Гудевичъ. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Москва. 1908; V+366 стр. Цѣна 1 руб.

Особенность книги Джуда заключается въ томъ, что авторъ почти съ самаго начала вводитъ понятіе о потенциалѣ и на немъ строитъ свои выводы и разсужденія. Для элементарной книги это приѣмъ весьма интересный и заслуживающій вниманія.

Другую особенность представляетъ полное отсутствіе такихъ статей, которыя должны были бы войти даже въ самое элементарное руководство. Достаточно указать, что въ книгѣ нѣтъ ни слова объ индукціи токовъ, объ электрическомъ разрядѣ, о вольтовой дугѣ, не говоря уже о законѣ Кулона, объ электрическихъ лучахъ и т. д.

Переводъ сдѣлалъ превосходно—явленіе, довольно рѣдкое въ нашей переводной, по физикѣ, литературѣ.

Въ книгѣ нашлось лишь небольшое число маловажныхъ промаховъ. На стр. 15 упомянутъ электроскопъ, который описанъ только на стр. 43.

На стр. 220 помѣщена весьма старая карта изогонъ, въ которой нулевая линія проходитъ черезъ восточную Россію, и въ Петербургѣ оказывается западное склоненіе въ 10° . Нынѣ нулевая линія проходитъ на западъ отъ Петербурга, имѣющаго склоненіе восточное.

На стр. 249 неправильно сказано, что если пользоваться фор-

мулюю Ома, то „должны быть“ употребляемы единицы: вольтъ, омъ и амперъ.

На стр. 250, при опредѣленіи ома, не указано, что ртуть должна быть при 0°; вмѣсто 106 см. было бы вѣрнѣе сказать 106,3 см.

Вмѣсто „сирали“ (стр. 325) лучше писать „катушки“.

Книга, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія и распространенія.

Ф. Хвольсонъ.

*А. Г. Филоновъ. Идиллія и образцы ея у разныхъ народовъ. Съ краткими свѣдѣніями о писателяхъ идиллій и примѣчаніями къ тексту. С.-Пб. 1907. Стр. 177. Цѣна 60 коп.

Эта, небольшая книжка состоитъ изъ искусно и съ знаніемъ дѣла подобранныхъ отрывковъ изъ буколическихъ произведеній и цѣльныхъ идиллій въ переводахъ, а также отрывковъ идиллическаго характера изъ произведеній русской художественной литературы. При выдержкахъ изъ переводовъ или оригинальной литературы составитель даетъ примѣчанія подстрочныя, а также сопровождаетъ большую часть образцовъ и небольшими послѣсловіями, напечатанными отдѣльно (стр. 122 сл. и т. д.).

Въ самомъ опредѣленіи идилліи я не совсѣмъ согласенъ съ А. Г. Филоновымъ; точнѣе, я считаю распространеніе слова „идиллія“ на отрывки изъ произведеній Л. Н. Толстого и Н. А. Гончарова нѣсколько рискованнымъ. Я бы никакъ не рѣшился сказать, что Л. Н. Толстой содѣйствовалъ развитію истинныхъ понятій объ идилліи (стр. 10).

Если въ русской художественной литературѣ и были своеобразныя отраженія идиллическаго жанра, то скорѣе, по моему, слѣдуетъ искать ихъ у Гоголя въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и у Тургенева въ „Оumuшкѣ и Оимушкѣ“.

Что касается Теоокрита, то жаль, что нашъ авторъ не воспользовался для освѣщенія поэта классическими страницами изъ Fr. Susenihl, Gesch. d. griech. Litter. in der Alexandrinerzeit I, 196 ff. (1891), а также книгой R. Reitzenstein, Epigramm u. Skolion.

Можно было бы послѣ 1900 г. сказать и хоть нѣсколько словъ о миміамбахъ.

Если исходной точкой для идилліи является самый жанръ, а не точка зрѣнія писателя, то я считаю недостаткомъ книги пропускъ идиллій французской, будто ея вовсе не существовало; если же идиллій можно было искать и у Гончарова, то ихъ дано въ книжкѣ г. Филонова слишкомъ мало, и едва-ли даны особенно характерныя.

Гдѣ имена Фета, Григоровича, А. Печерскаго, Полонскаго, уже не говоря о новыхъ?

Но какой бы признакъ ни признавать опредѣлительнымъ для идилліи, я рѣшительно протестовалъ бы противъ „Похоронъ Илюшечки“. Идиллія всегда чуждалась смерти—это поэзія душевнаго равновѣсія.

Несмотря на указанные выше пункты, въ которыхъ я расхожусь съ А. Г. Филоновымъ, я не могу не отмѣтить въ большихъ достоинствъ книжки, написанной съ любовью и съ педагогическимъ тактомъ.

Чувства, которыя она должна пробуждать въ дѣтяхъ—„чувства добрыя“, языкъ, которымъ написаны сочиненія и сдѣланы переводы, вошедшіе въ ея составъ,—хорошій русскій языкъ.

Н. Анисимовъ.

*Исторія Россійскаго государства. Иллюстрированная хронологія. С.-Пб. Цѣна 1 р. 50 к. (2 листа).

На двухъ листахъ большого формата (18×24 вершк.) помѣщены изображенія (медальоны) русскихъ государей, начиная съ Рюрика до нынѣ царствующаго Императора Николая II включительно. Нижнюю, меньшую часть листа занимаетъ текстъ, содержащій въ себѣ краткое изложеніе дѣятельности государей. Всѣхъ изображеній 65; на первомъ листѣ—35 (отъ Рюрика до Симеона Гордаго включительно); на второмъ листѣ—30. Портреты многихъ государей очень неудачны, напримѣръ, Ивана Грознаго, Лжедмитрія I, Алексѣя Михайловича, Ивана V, Петра Великаго, Екатерины I, Анны Ивановны, Елизаветы, Петра III, Александра II. При составленіи объяснительнаго къ изображеніямъ текста составитель не руководился никакимъ опредѣленнымъ планомъ; вслѣдствіе этого подборъ фактовъ и именъ въ текстѣ носитъ совершенно случайный характеръ. Съ одной стороны, въ немъ помѣщено много лишняго, напримѣръ, покореніе угличей, походы на ясовъ и касоговъ, княженіе Василія Костромскаго, Андрея и Дмитрія Александровичей, присоединеніе Верейскаго удѣла, преобразование Дерптскаго университета при Александрѣ I, учрежденіе Маринскихъ училищъ и Ксеніинскаго института, и др.; съ другой, не упомянуты: начало Москвы, основаніе Ливонскаго ордена, образованіе Литовскаго княжества, начало церковной уніи, начало земскихъ соборовъ, мѣры Петра Великаго для развитія образованности, промышленности и торговли, словныя его реформы, изданіе Свода Законовъ при Николаѣ I, земскія учрежденія и т. п. Изъ историческихъ именъ встрѣчаемъ имена незначительныхъ великихъ князей, напримѣръ, Ярополка II, Всево-

лода II, Василя I и т. под., и нѣтъ именъ св. Сергія, митрополита Филиппа, патріарха Гермогена; упомянуты сотрудники Екатерины II— Орловы, Панины, и нѣтъ въ текстѣ именъ Потемкина, Румянцева, Суворова; встрѣчается имя Аракчеева, и нѣтъ именъ Сперанскаго, Барклая-де-Толли и т. п. Такой же случайный характеръ носятъ хронологическія данныя.

Встрѣчаются въ текстѣ и ошибки, напримѣръ: терминъ „Русь удѣльно-вѣчвая“ составитель относитъ къ древнѣйшему періоду русской исторіи, начиная съ Рюрика; начало монгольскаго ига отнесено къ 1223 году; Витовтъ названъ польскимъ королемъ; начало прикрѣпленія крестьянъ отнесено къ 1592 г.; въ условіяхъ Пингштатскаго мира пропущены Ингрія и часть Финляндіи; Александръ II получилъ прованіе „Освободителя Россіи“; Александръ III поставилъ своею задачею упрочить и завершить реформы Александра II и др.

В. Федоровъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ 1908 года.

— *Оттемеймеръ, К.* Начала неорганической химіи. Переведъ, съ разрѣшенія автора, съ четвертаго нѣмецкаго изданія Л. Шварцъ, подъ редакціей Л. Ю. Явейна. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1908. VIII+160 стр. Цѣна 1 руб.

— *Скялозубовъ, Н. Л.* Сельскохозяйственный музей при народной школѣ. Пособіе для устройства сельскохозяйственнаго музея. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1908. VIII+144 стр. Цѣна 65 коп.

— *Солдатовъ, В. В.* Озъ удобренія почвы. Общедоступное руководство для крестьянъ и сельскихъ школъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Съ 11 рис. въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. VI+74 стр. Цѣна 30 коп.

— Отчетъ Воронежской публичной библіотеки за 1907 годъ. Воронежъ 1908. 35 стр.

— Совѣщаніе при Таврической губернской земской управѣ по народному образованію 25-го—26-го мая 1908 г. Симферополь 1908. 42 стр.

— Планъ введенія всеобщаго обученія въ Александрійскомъ уѣздѣ. Труды школьнаго отдѣла Александрійской уѣздной земской управы. Александрія 1908. 27 стр.—Приложенія къ плану введенія всеобщаго обученія въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи (Таблицы, составленныя согласно инструкціи министерства народнаго просвѣщенія). Александрія 1908. 37+5 стр.

— Отчетъ о состояніи Вятской губернской публичной бібліотеки имени Императора Николая I за 1907 годъ. Вятка 1908. 15 стр.

— Медицинскій отчетъ по губернской больницѣ и отчетъ по сиротскому отдѣленію за 1907 годъ. Симферополь 1908. 99 стр.

— *Тимофеевъ, М. И.* Естественный звуковой методъ. Одесса 1908. 81 стр. Цѣна 50 коп.

— *Тимофеевъ, М. И.* Азбука. Первые уроки. Обученіе чтенію по естественному звуковому методу. Одесса 1908. 64 стр. Цѣна 20 коп.

— *Боголюбовъ, С. И.* Въ помощь родителямъ и учащимся. Сборникъ правилъ и программъ для поступления въ среднія и низшія учебныя заведенія гор. Москвы. М. 1908. 151 стр. Цѣна 50 коп.

— Живые звуки. Стихотворенія А. Баржицкаго, А. Бондалетова, А. Брожукова, М. Жерлицына, Л. Исакова, Е. Клязева, Л. Лелюкова, М. Ляпичева, В. Малирова, И. Морозова, Ф. Муромцева, В. Небольсиной, А. Никольскаго, М. Разказовской, А. Руновской, А. Рябова, І. Станиславскаго, В. Тарноградскаго, П. Темникова. Литературно-художественный сборникъ І. Каменецъ-Подольскъ 1908. 99 стр. Цѣна 60 коп.

— *Баржицкій, А. Н.* I. Полезныя свѣдѣнія по фотографіи. II. Раскрашиваніе фотографій на бумагу, стекло, фарфоръ и шелкъ. Каменецъ-Подольскъ. 1908. 80+II стр. Цѣна 25 коп.

— *Тарноградскій, В.* Одинокія думы. Стихотворенія. Каменецъ-Подольскъ. 1908. 32 стр. Цѣна 30 коп.

— *Тороповъ, К.* Магическій рядъ и примѣненіе его къ рѣшенію задачъ. Таганрогъ 1908. 44 стр.

— *Дремсельвъ, П. С.* Простыя физическія опыты и приворы. Съ 48 рисунками. Изданіе т—ва И. Д. Сытина. М. 1908. IV+51 стр. Цѣна 40 коп.

— *Дремсельвъ, П. С.* Пособіе для практическихъ работъ по физикѣ въ средней школѣ съ вопросами для упражненія и 63 рисунками. Изданіе т—ва И. Д. Сытина. М. 1908. XI+208 стр. Цѣна 90 коп.

— *Гейдингъ, Г.* Очерки психологии, основанной на опытѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію И. Колубовскаго. Пятое русское изданіе. С.-Иб. 1908. 348+IV стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Ласинъ, Александръ, свѣц.* Духовное величіе чловѣка. (Что такое чловѣкъ и какаѣ цѣли его существованія). Купгуръ 1907. 4 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюль 1908.

28-го марта состоялось торжественное открытіе бюста покойнаго профессора Дешанеля въ Collège de France. На церемоніи присутствовали президент республики, президенты сената и палаты депутатов и нѣсколько министровъ. Эти почести были оказаны Дешанелю не столько, какъ профессору и литератору, сколько благодаря той роли, которую онъ игралъ въ политической жизни. Дешанель, родившійся въ 1819 и умершій въ 1904 г., былъ жертвою переворота, произведеннаго Наполеономъ III. Онъ былъ сосланъ въ Бельгію и вернулся во Францію только 8 лѣтъ спустя, благодаря амнистіи. Онъ не захотѣлъ вступить въ министерство народнаго просвѣщенія, такъ какъ не хотѣлъ принести присягу Наполеону III, и организовалъ въ Парижѣ и въ провинціи публичныя лекціи по литературѣ, имѣвшія большой успѣхъ. Послѣ революціи 1870 г. Дешанель былъ выбранъ депутатомъ, а затѣмъ сенаторомъ. Въ 1881 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ французской литературы въ Collège de France, гдѣ его лекціи пользовались большимъ успѣхомъ; онъ ихъ затѣмъ издалъ подъ заглавіемъ *le Romanisme des Classiques*. Въ 1897 г. онъ выставилъ свою кандидатуру во французскую академію, но для его избранія не хватило двухъ голосовъ. Зато два года спустя былъ избранъ его сынъ Поль Дешанель, также выдающійся литераторъ, но болѣе извѣстный какъ политикъ. На торжествѣ открытія бюста были произнесены рѣчи министромъ народнаго просвѣщенія, директоромъ Collège de France и замѣстителемъ Дешанеля по кафедрѣ французской литературы, г. Эмилемъ Лефранъ.

Я уже вамъ писалъ о дипломѣ, выдаваемомъ Парижскимъ Словеснымъ факультетомъ иностранцамъ. Этотъ дипломъ былъ учрежденъ въ 1900 г. Въ первый годъ было мало кандидатовъ русскихъ и славянъ; только пять человекъ представили хорошія работы и получили дипломъ; въ слѣдующемъ году ихъ было 13; на третій годъ появились поляки, и число кандидатовъ достигло тридцати. Съ каждымъ годомъ ихъ число увеличивалось, и въ этомъ году всѣхъ кандидатовъ было 310, изъ нихъ около 200 русскихъ и поляковъ; остальные были нѣмцы, англичане, итальянцы, болгары, скандинавы. Къ сожалѣнію, пропорціонально увеличенію числа уменьшается качество. Каждый годъ въ Сорбонну являются студенты и особенно студентки, которые полагаютъ, что достаточно умѣть говорить на ломанномъ французскомъ языкѣ для того, чтобы получить дипломъ Парижскаго университета. Въ этомъ году изъ 310 кандидатовъ только половина получила дипломъ, и жюри намѣревается быть еще строже въ будущемъ году. Но я долженъ прибавить, что вина лежитъ и на Словесномъ факультетѣ, который, желая привлечь большее число учащихся, не требуетъ отъ нихъ никакого диплома и потому не имѣетъ никакой гарантіи ихъ умственного развитія: отъ нихъ только требуется имматрикулироваться и затѣмъ прослушать три курса изъ 50-ти или 60-ти лекцій, читаемыхъ на Словесномъ факультетѣ; кандидаты обыкновенно весьма затрудняются въ выборѣ, а затѣмъ имъ не хватаетъ и соответственной подготовки. Они напр. слушаютъ курсъ исторіи Наполеона, но не знаютъ ничего ни о Людовикѣ XIV, ни о Генрихѣ IV, ни объ исторіи Парижа. Они слушаютъ курсъ о Расинѣ, но совершенно не знаютъ Мольера. Въ этомъ году многіе слушали лекціи г-на Фаге о второстепенныхъ поэтахъ 18-го и 19-го вѣка. Слушатели познакомились съ Дюсе, Фантанемъ, Парни, но отъ нихъ не требовалось знанія Вольтера, Бюффона и Монтескье. На экзаменѣ студентъ долженъ умѣть отвѣтить только по курсу, который онъ прослушалъ, а остальное онъ можетъ совершенно не знать. Письменный экзаменъ заключается въ двухъ работахъ: переводъ съ родного языка на французскій и французскій пересказъ разсказа, прочитаннаго громко профессоромъ. Баллы отъ 0 до 20: 10 означаетъ „удовлетворительно“, 15—„хорошо“ и 20—„очень хорошо“. Эта оцѣнка балловъ заимствована изъ оцѣнки балловъ при экзаменѣ на бакалавра; но у насъ этотъ дипломъ не даетъ права преподавать въ лицеехъ, для чего требуются дипломы „licencié“ или „agrégé“. Въ этомъ году на собраніи Сорбоннскаго жюри было указано на недостатки программы и оцѣнки знаній

и предположено въ будущемъ году предъявлять большія требованія. Но для того чтобы выдаваемый Сорбонною дипломъ сталъ дѣйствительно серьезнымъ, слѣдуетъ требовать общахъ знаній французскаго языка и литературы: программа должна быть передѣлана, и оцѣнка балловъ значительно повышена. Въ настоящее время гораздо лучше организованы курсы Французскаго союза.

Академія надписей была занята присужденіемъ преміи въ 20.000 фр. за сочиненіе по исторіи наукъ о религіи. Послѣ долгихъ обсужденій было рѣшено раздѣлить эту премію на двѣ части: 12.000 фр. были присуждены г. Гиме за его „Музей исторіи религіи“ и за всѣ его изданія, связанныя съ музеемъ; вторая премія въ 8.000 фр. присуждена г. Францу Кюмонъ, профессору Брюссельскаго университета и корреспонденту Академіи, за всѣ его труды по вопросу о мистеріяхъ Митры.

Тѣ изъ вашихъ читателей, которые интересуются исторіей нехристіанскихъ религіи, навѣрно слышали о музей Гиме. Г. Эмиль Гиме, богатый лійонскій фабрикантъ, предпринялъ въ 1871 г. кругосвѣтное путешествіе. Въ Японіи, Китаѣ и Индіи онъ собралъ чудную коллекцію художественныхъ предметовъ, относящихся главнымъ образомъ къ восточнымъ религіямъ. Изъ нихъ онъ составилъ музей религіи, который преподнесъ государству въ 1884 г.; въ 1888 г. онъ перевелъ его въ Парижъ. Этотъ музей представляетъ чрезвычайно интересную коллекцію предметовъ культа Индіи, Тибета, Китая, Камбоджи, Бирмы, Сіама, Анана, Тонкина, Японіи, древняго Египта и религіи древняго міра. При музей находятся порочная библіотека. Кромѣ того г. Гиме далъ нѣсколько очень интересныхъ изданій по исторіи религіи: *Annales du musée Guimet*; *Bibliothèque d'études*; *Bibliothèque de Vulgarisation*; *Revue de l'histoire des religions*.

Время отъ времени музей Гиме устраиваетъ выставки предметовъ, открытыхъ въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ онъ нѣсколько разъ устраивалъ выставки предметовъ, открытыхъ въ Египтѣ г. Альбертомъ Гейе. Г. Гейе искусный археологъ, которому неоднократно удавалось находить документы, весьма важные для исторіи цивилизаціи и искусства. Недавно онъ изложилъ результатъ своихъ изслѣдованій въ книгѣ, озаглавленной: *La Civilisation pharaonique*. Эта книга не имѣетъ такого научнаго значенія, какъ сочиненія Масперо, но ее пріятно читать, и она очень цѣнна для тѣхъ ученыхъ, которые не преслѣдуютъ чисто техническихъ цѣлей.

Но помню; сообщалъ ли я вамъ о произведеніяхъ Леона Сеше;

онъ занимается литературой XIX вѣка и главнымъ образомъ періодомъ романтизма и написалъ интересныя книги объ Альфредѣ Мюссе, Ламартипѣ, Сентъ-Бевѣ. Последняя его книга, вышедшая въ 1908 г., посвящена Hortense Allart de Meritens, а именно ея перепискѣ съ известными писателями; эта книга въ двухъ томахъ, изъ которыхъ второй состоитъ исключительно изъ переписки съ Сентъ-Бевомъ. Гортензія Алларъ, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ XIX вѣка, умерла всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ; ей принадлежатъ нѣсколько произведеній по исторіи и философіи, нѣсколько романовъ, но они не долго се переживутъ. Обладая большимъ умомъ, но довольно распушенной нравственностью, она была любовницей нѣсколькихъ выдающихся людей XIX вѣка: англичанина Бульвера Литтона, французовъ Шатобріана, Сентъ-Бѣва; она умѣла сохранять дружбу съ бывшими любовниками и поддерживала съ ними переписку, большая часть которой сохранилась; въ 1872 г. она издала очень забавныя мемуары, озаглавленныя *les Enchantements de Prudence*. Этими-то мемуарами и перепиской и воспользовался Леонъ Сеше для своей весьма интересной книги, которая представляетъ важный вкладъ въ исторію литературы XIX вѣка.

Я уже сообщалъ вамъ, какимъ услѣхомъ пользуются мемуары графини де Буанъ; они вызвали полемику и нѣкоторыя поправки. Четвертый и послѣдній томъ не менѣе интересенъ, чѣмъ предыдущіе; въ немъ остроумная графиня рассказываетъ о послѣднихъ годахъ царствованія Луи Филиппа. Она была близка съ королевой Амаліей, супругой короля, и часто посѣщала Тюльерійскій дворецъ. Она изображаетъ весьма симпатичной королевскую семью, изгнанную изъ Франціи революціей 1848 г. Къ послѣднему тому приложено нѣсколько оправдательныхъ документовъ: письма королевы, Тьера, Шатобріана и др.

Собраніе мемуаровъ, издаваемое книгоиздательствомъ Плонъ, обогатилось двумя книгами: *les Souvenirs du baron de Frénilly* и *les Mémoires du Baron Fain*. Баронъ Фэнъ (1778—1837) былъ архивариусомъ и секретаремъ Наполеона I, о которомъ онъ написалъ нѣсколько замѣтокъ, которыя часто цитируются, и вѣрность которыхъ признавалась самимъ Меттернихомъ. Въ мемуарахъ, которые теперь печатаетъ его внукъ, мы находимъ, главнымъ образомъ, подробности объ интимной жизни Наполеона, о томъ, какъ онъ занимался со своими секретарями и министрами, о жизни, которую онъ велъ у себя во дворцѣ и во время путешествій. Баронъ Фэнъ преклоняется передъ

Наполеонъ: „Чѣмъ больше его будутъ узнавать“, говоритъ онъ, „тѣмъ больше оцъ будетъ возбуждать уваженіе“. Правда, что Наполеонъ сталъ особенно популяренъ съ тѣхъ поръ, какъ Франція, изгнавъ его династію, стала республикой.

Мемуары барона Френяльи печатаеть г. Артуръ Шюсе, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ періода отъ революціи до реставраціи. Баронъ Френяльи полная противоположность барону Фэну. Онъ прежде всего страстный легитимистъ. Онъ питаетъ сильнѣйшее отвращеніе къ Наполеону и его режиму. За свою приверженность онъ былъ вознагражденъ Карломъ X, который возвелъ его въ пэры Франціи. Его мемуары написаны въ послѣдніе годы его жизни вдали отъ Франціи (онъ эмигрировалъ въ 1830 г.) и обнимають періодъ съ 1766 по 1828 г. Они не всегда отличаются правдивостью. Авторъ питаетъ глубокое презрѣніе къ большей части выдающихся лицъ этого періода, въ томъ числѣ и къ Людовику XVIII, котораго онъ называетъ M. de Frénésie. Эта оцѣнка объясняется тѣмъ, что авторъ ярый аристократъ. Хотя онъ и не возбуждаетъ симпатій, однако его мемуары содержатъ укванія, весьма интересныя для исторіи французскаго парижскаго и провинціального общества, и написаны живымъ и пріятнымъ языкомъ.

Г. Липтилакъ, бывшій профессоръ французской литературы въ Борбоннѣ, а въ настоящее время сенаторъ, посвящаетъ часы, свободныя отъ государственныхъ обязанностей, своей объемистой книгѣ *Histoire générale du théâtre en France* въ десяти томахъ, изъ которыхъ появилось уже три: первый содержитъ исторію серьезнаго театра среднихъ вѣковъ, второй—театра-комедіи среднихъ вѣковъ и возрожденія. Въ только что появившемся третьемъ томѣ находится исторія театра XVII вѣка; онъ содержитъ описаніе Парижскаго театра этой эпохи и разборъ комедій Корнеля, Скаррона, Мольера и ихъ современниковъ и ближайшихъ преемниковъ. Въ четвертомъ томѣ исторія театра-комедіи будетъ доведена до начала XIX вѣка. Въ V и VI томахъ будетъ дана исторія развитія серьезнаго жанра отъ начала XVI до конца XVIII вѣка. Исторія театра XIX вѣка имють три тома. Наконецъ въ X томѣ будетъ дана картина современнаго театра, резюме развитія драматическаго искусства и алфавитный указатель пьесъ и авторовъ, цитируемыхъ въ этой книгѣ.

О Мольерѣ имѣется обширная литература. Девятый томъ Собранія лавскихъ французскихъ писателей, издаваемого Депуа и Менаромъ, представляетъ библіографію этой литературы; онъ вышелъ въ 1893 г.; тѣхъ поръ литература о Мольерѣ значительно увеличилась; доста-

точно назвать книгу *Larroue la Comédie de Molière*, выдержавшую шесть изданій. Къ этой массѣ книгъ о Мольерѣ прибавилась двухтомная книга г. Евгенія Ригали, профессора французской литературы въ Монпельевскомъ университетѣ. Эта книга, озаглавленная просто „Molière“, представляетъ краткое изложеніе двухлѣтняго университетскаго курса и содержитъ главнымъ образомъ разборъ произведеній Мольера въ хронологическомъ порядкѣ. Книга очень пріятна, какъ книга для чтенія, и цѣнна, какъ справочная книга.

Прошло уже два года со смерти академика Альберта Сореля, автора знаменитаго сочиненія *L'Europe et la Revolution*. Сорель былъ уроженецъ Нормандіи, именно Гонфлёра близъ Гавра; успѣхъ, который онъ имѣлъ въ Парижѣ, не заставилъ его забыть родную страну, его дорогую Нормандію. Его сынъ, тоже выдающійся литераторъ, издалъ книгу, озаглавленную *Pages Normandes*, въ которой собралъ различныя статьи о Нормандіи и ея уроженцахъ; а именно: рѣчь Сореля, произнесенную въ Руанѣ 5-го іюня 1906 г. въ честь Корнеля, статьи о Флоберѣ и Мопассанѣ, тоже нормандцахъ, воспоминанія дѣтства, касающіяся Гизо, который проводилъ каждое лѣто въ замкѣ въ Нормандіи. Книга возбуждетъ желаніе во многихъ читателей познакомиться съ этой прекрасной, богатой и живописной провинціей, давшей много духовныхъ дѣятелей. Руанъ и Каопъ играютъ значительную роль въ нашей исторіи литературы.

Недавно вышедшая книга г. Альберта Мэра *La Technique du Livre* представляетъ весьма цѣнное приобрѣтеніе для библіотекарей, библіофиловъ и вообще всѣхъ людей, пользующихся книгами. Въ ней авторъ описываетъ все, касающееся изданія и сохраненія книги: выборъ бумаги, типографскихъ буквъ, ихъ исторію и преобразование, иллюстрацію книгъ и различныя приемы переплетнаго дѣла. Особая глава посвящена учебникамъ. Затѣмъ авторъ изслѣдуетъ причины порчи книгъ: заражающіе ихъ микробы и способы предохраненія отъ нихъ. Книга иллюстрирована массой рисунковъ и представляетъ особый интересъ для коллекціонеровъ.

За послѣдніе годы библіофилы обратили особенное вниманіе на изданіе фотографическихъ репродукцій манускриптовъ, знаменитыхъ своими миниатюрами. Г. Анри Мартенъ, занимающійся изученіемъ средневѣковыхъ миниатюръ, предпринялъ изданіе самаго знаменитаго манускрипта такъ называемой арсенальной библіотеки, консерваторомъ которой онъ состоитъ. Этотъ манускриптъ называется „Теренцій герцоговъ“, такъ какъ онъ принадлежалъ въ средніе вѣка двумъ князьямъ—

просвѣщеннымъ библіофиламъ: Людовику герцогу Гюйенскому, сыну короля Карль VI, и Іоанну герцогу Беррійскому. Въ этомъ манускриптѣ находится 183 миниатюры, высокаго художественнаго значенія и весьма цѣнныя для исторіи искусства и общества среднихъ вѣковъ. Авторъ изобразилъ лицъ, фигурирующихъ у Теренція не въ видѣ грековъ или римлянъ, но въ видѣ своихъ современниковъ. Поэтому эти изображенія весьма цѣнны для исторіи нравовъ и костюмовъ. Это fac-simile будетъ издано всего въ 225-ти экземплярахъ, подписная цѣна 120 фр. Репродукція миниатюръ поручена извѣстному геліографу Дюжардену.

И давно уже не писалъ вамъ о трудахъ г. Компере, который хотя и занималъ различные административные посты, но интересовался всегда только однимъ предметомъ — педагогикой. Недавно появилась его книга *L'éducation intellectuelle et morale*, представляющая результатъ его долгаго педагогическаго опыта. Книга раздѣляется, какъ показывается заглавіе, на двѣ части и касается, главнымъ образомъ, начальныхъ школъ; но все, что авторъ говоритъ о нихъ, можетъ быть примѣнено и къ среднимъ школамъ. Г. Компере опирается на труды своихъ предшественниковъ всѣхъ вѣковъ и охотно ихъ цитируетъ, такъ что книга содержитъ не только оригинальныя мысли автора, но и краткое изложеніе всего, что было написано о воспитаніи; кромѣ того къ каждой главѣ приложена специальная библіографія.

Я вамъ сообщалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о прекрасномъ трудѣ г. Эмilia Эсперандье *Recueil général des Bas reliefs de la Gaule romaine*. Этому ученому археологу было недавно поручено производство раскопокъ, предпринятыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Семюрскимъ (Бургундія) обществомъ историческихъ наукъ на землѣ общины *Alise Sainte Reine*, бывшей *Alesia* Юлія Цезаря, съ которой связано безсмертное имя Винценторикса. Ваши соотечественники, эдуци изъ Швейцаріи въ Парижъ, черезъ Понтарль и Дижонъ, видятъ издали на высотѣ статуо вниманію галльскаго предводителя. Тѣмъ, кто интересуется нѣсколько археологіей, рекомендую остановиться на нѣсколько часовъ въ *Ализъ Сентъ Рень* и познакомиться съ результатами раскопокъ. Первые раскопки были произведены при Наполеонѣ I въ 1810 г.; затѣмъ онѣ происходили въ 1822, 1830, 1834, 1839, 1860 и въ 1902 г. Часть найденныхъ предметовъ хранится въ музеѣ общины *Ализъ Сентъ Рень*. Но правильно раскопки стали производиться только съ 1905 г., когда ими занялось Семюрское общество историческихъ наукъ, въ которому примкнули многіе парижскіе и провинціальныя ученые. Обще-

ство много разъ устранивало подписку и издастъ свой журналъ про Alesia. Г. Эсперандье только что напечаталъ первый отчетъ о раскопкахъ, въ которомъ описаны день за днемъ результаты раскопокъ, и даны списокъ и описаніе найденныхъ предметовъ вмѣстѣ съ изображеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Словарь греческихъ и римскихъ древностей г. Эдмунда Сальо дошелъ до 41-го выпуска (*Radius—Sacrificium*). Въ немъ имѣются двѣ статьи покойнаго Фюстоль де Куланжа († 1889): *Regnum* и *Romanorum respublica*, благодаря тому, что г. Сальо заготовлялъ матеріалъ очень заблаговременно.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился капитальный трудъ Гастона Буассье *la Religion Romaine*. Jules Toutaën, профессоръ въ *Ecole des Hautes études*, даетъ дополненіе къ ней въ книгѣ *Les cultes païens dans l'empire romain*. Въ недавно появившемся первомъ томѣ говорится о государственной религіи, о культѣ богини Рима, культѣ императоровъ, капитолийскомъ культѣ; во второмъ трактуются культы италійскіе, римскіе и греко-римскіе. Отдѣльная весьма важная глава посвящена различнымъ божествамъ. Что особенно поражаетъ въ этомъ обзорѣ различныхъ культовъ, это ихъ поразительное разнообразіе; даже культы государственнаго характера, какъ напримѣръ культъ императоровъ, представляютъ значительныя мѣстные варіаціи. Другая характерная черта—это согласіе всѣхъ этихъ боговъ или вѣрнѣе ихъ поклонниковъ. Государственные культы практиковались жителями провинцій на ряду съ ихъ мѣстными культами.

Эта книга является результатомъ предыдущихъ трудовъ г-на Тутэна (напр., его мемуаръ *les Capitales provinciales*); авторъ хорошо знакомъ съ источниками, особенно съ богатымъ матеріаломъ, доставляемымъ археологіей и эпиграфикой.

Книгоиздательство Плонъ предпріяло изданіе иллюстрированныхъ монографій о выдающихся художникахъ. Въ числѣ недавно вышедшихъ укажу на монографіи: Джотто, написанную г. Байе, Ботичелли—г. Дилл, оба автора—корреспонденты академіи надписей и *belles lettres*, затѣмъ Скопась и Пракситель—г. Кодлиньона, члена этой академіи и профессора исторіи искусствъ въ Сорбоннѣ. Имена авторовъ служатъ достаточной рекомендаціей для этихъ книгъ, иллюстрированныхъ фототипіями.

Парижское лингвистическое общество пользуется во всемъ свѣтѣ заслуженной репутаціей. Оно ограничивалось до сихъ поръ изданіемъ „Записокъ“ и „Бюллетеня“. Въ настоящее время оно предпріяло изда-

ніе лингвистическаго сборника, который будетъ состоять изъ оригинальныхъ трудовъ членовъ общества, слишкомъ объемистыхъ для помѣщенія ихъ въ „Запискахъ“. Только что появился первый томъ, озаглавленный *Les dialectes indo-européens* г. Meillet, профессора *Collège de France*, который считается у насъ въ настоящее время лучшимъ знатокомъ индо-европейской филологіи.

Парижскому филологическому обществу пришла на умъ странная идея, а именно, оно издало италяно-болгаро-французскій словарь. Этотъ словарь будетъ мало полезенъ для французовъ. Онъ будетъ полезенъ только болгарамъ, изучающимъ итальянскій языкъ, или итальянцамъ, желающимъ выучиться по болгарски. Особенно въ Филиппополи имѣется цѣлая колонія болгаръ-католиковъ, обращенныхъ итальянскими священниками, и странно, что французы помогаютъ этому предпріятію, которое можетъ только скомпрометировать французское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Во всякомъ случаѣ это изданіе представляетъ интересъ для филолога; цѣна его довольно высокая—70 франковъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ талантливыхъ молодыхъ писателей интересуются сложнымъ вопросомъ этнографическаго и политическаго устройства центральной Европы. Въ числѣ ихъ гг. Андре Шерадамъ и Рене Анри. Первому принадлежатъ три произведенія по этому вопросу: *l'Europe et la question d'Autriche au seuil du vingtième siècle*; *l'Allemagne, la France et la question d'Autriche*; *la Question d'Orient, la Macédoine et le chemin de fer de Bagdad*. Онъ основалъ журналъ *l'Energie française*, въ которомъ обсуждаются вопросы, затронутые въ этихъ книгахъ, и устраиваетъ ежемѣсячно объѣды, на которыхъ дебатировались *inter rosula* тѣ же вопросы. Г-ну Анри, который, какъ и г. Шерадамъ, много путешествовалъ, принадлежитъ много статей въ различныхъ журналахъ и поручено веденію отдѣла иностранной политики въ газетѣ *le Temps*. Последній его трудъ былъ *Questions d'Autriche-Hongrie et la question d'Orient*; недавно вышла его новая книга *Des monts de Bohême au Golfe Persique*, въ которой онъ говоритъ о преобразованіи Австріи, о венгерскомъ кризисѣ, о положеніи южно-славянскихъ народовъ и о македонскомъ вопросѣ, объ азіатской Турціи и о багдадской желѣзной дорогѣ. Предисловіе написано г. Анатолемъ Леруа-Болье.

За послѣдніе годы прибавилось много книгъ о Россіи, но не всѣ изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Изъ послѣднихъ новостей укажу вамъ на книгу виконта де Гишена, бывшаго секретаря посольства:

Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Эта книга, не смотря на то, что предисловіе къ ней написано г. Курселемъ, бывшимъ посломъ, представляетъ на мой взглядъ произведеніе любителя. Авторъ, очевидно, не знаетъ русскаго языка; онъ цитируетъ всего три русскіхъ слова и въ каждомъ встрѣчается опечатка. Онъ незнакомъ съ послѣдними трудами Ширлинга и Валишевскаго. Я ограничиваюсь указаніемъ на эту книгу и полагаю, что ваши историки осудятъ ее.

Истекшіе мѣсяцы были необыкновенно алополучны: мы лишились нѣсколькихъ весьма заслуженныхъ академикомъ.

Французская академія понесла особенно тяжелую утрату въ лицѣ своего секретаря Гастона Буассье, скончавшагося 85-ти лѣтъ отъ роду. Г. Буассье былъ превосходнымъ латинистомъ и выдающимся писателемъ. Онъ былъ профессоромъ въ *Ecole Normale* и въ *Collège de France*. Вашимъ читателямъ, занимающимся латинской литературой, извѣстны его прекрасные труды о Цицеронѣ, о религіи римлянъ, его Прогулки археолога и др. Въ качествѣ филолога Буассье былъ членомъ Академіи надписей и *belles lettres*, гдѣ онъ является представителемъ изящныхъ традицій гуманизма. По извѣстному выраженію, „онъ былъ изъ тѣхъ, кого можно замѣтить, но нельзя замѣнить“.

Смерть похитила отъ насъ выдающагося ориенталиста Барбье де Мейнара, директора школы восточныхъ языковъ, профессора *Collège de France*, члена Академіи надписей и *belles lettres*. Онъ началъ свою карьеру въ консульствахъ мусульманскихъ странъ и прекрасно знаетъ три восточныхъ языка: турецкій, арабскій и персидскій. Въ числѣ его трудовъ имѣются: Географическій словарь Персія, переводъ Золотыхъ луговъ Масуди и его самый значительный трудъ—*Турецко-французскій словарь*.

На долю школы восточныхъ языковъ выпала еще вторая тяжелая потеря—Гартвига Деренбурга, который обратилъ на себя особенное вниманіе работами по грамматикѣ и литературѣ арабскаго классическаго языка. Онъ былъ профессоромъ въ школѣ восточныхъ языковъ и въ *École des hautes études* и членомъ академіи надписей и *belles lettres*. Его отецъ Іосифъ Деренбургъ былъ тоже членомъ этой академіи.

Еще болѣе тяжелая потеря—смерть Эмиля Гебара, преподававшего въ Сорбоннѣ исторію итальянской литературы. Я неоднократно указывалъ вамъ на его труды, въ которыхъ онъ проявлялъ себя тонкимъ гуманистомъ и изящнымъ писателемъ. Онъ былъ членомъ академіи *des sciences morales* и Французской академіи.

Collège de France лишился профессора исторiи религiй, Жана Ровилля, замѣстившаго въ прошломъ году своего отца Альберта Ровилля. Онъ оставилъ прекрасные труды по исторiи первыхъ вѣковъ христіанства и редактировалъ весьма почтенный журналъ la Revue d'Histoire des Religions.

Л. Л—ръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ настоящее время въ Парижѣ издается журналъ „Revue d'Histoire des Religions“, редакторомъ котораго является г. Альбертъ Ровилль. Этотъ журналъ посвященъ исторiи религiй, и въ немъ помѣщаются статьи, посвященныя изученію исторiи религiй, а также и исторiи философіи. Журналъ этотъ является весьма важнымъ источникомъ для изученія исторiи религiй и философіи. Въ настоящее время въ Парижѣ издается журналъ „Revue d'Histoire des Religions“, редакторомъ котораго является г. Альбертъ Ровилль. Этотъ журналъ посвященъ исторiи религiй, и въ немъ помѣщаются статьи, посвященныя изученію исторiи религiй, а также и исторiи философіи. Журналъ этотъ является весьма важнымъ источникомъ для изученія исторiи религiй и философіи. Въ настоящее время въ Парижѣ издается журналъ „Revue d'Histoire des Religions“, редакторомъ котораго является г. Альбертъ Ровилль. Этотъ журналъ посвященъ исторiи религiй, и въ немъ помѣщаются статьи, посвященныя изученію исторiи религiй, а также и исторiи философіи. Журналъ этотъ является весьма важнымъ источникомъ для изученія исторiи религiй и философіи.

Н. П. ДАШКЕВИЧЪ.

(Психологъ).

20-го января нынѣшняго года скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни (эндокардитъ съ разными осложненіями) заслуженный ординарный профессоръ университета св. Владимира и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ Николай Павловичъ Дашкевичъ. Въ лицѣ покойнаго ушелъ въ лучшій міръ крупный представитель науки, талантливый профессоръ, человѣкъ удивительнаго склада ума и необыкновенно чистой души. Съ его смертью понесли тяжелую, трудновознаградимую потерю и русская наука, которой онъ служилъ всю свою жизнь, какъ истинный болландистъ-труженикъ, и родной университетъ, которому онъ отдавалъ всѣ свои силы и свои безконечно обширныя знанія, и Академія Наукъ, всего годъ тому назадъ избравшая его въ свои дѣйствительные члены, но давно уже пользовавшаяся его трудами, и Историческое общество Пестора Лѣтописца, въ судьбахъ и дѣятельности котораго онъ принималъ самое живое участіе, и многочисленные его ученики, разсѣянные по всему лицу русской земли, наконецъ, столь же многочисленные почитатели его таланта, его обширной эрудиціи, его своеобразной личности. И эта большая потеря тѣмъ чувствительнѣе, что Николай Павловичъ скончался далеко не въ преклонномъ возрастѣ, всего на 56-мъ году жизни, въ пору наивысшаго расцвѣта своей творческой дѣятельности и широкихъ замысловъ по осуществленію разнообразныхъ и очень крупныхъ научныхъ предпріятій. Съ 1-го сентября прошлаго года онъ уже не вставалъ съ постели, но онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ вѣрилъ въ возможность улучшенія своего здоровья и не прекращалъ своихъ ежедневныхъ научныхъ занятій, безъ

которыхъ не могъ жить. До послѣдней минуты онъ сохранялъ въ своемъ, измученномъ болѣзною, тѣлѣ бодрый духъ и свѣтлый умъ. Даже въ послѣдніе дни жизни, уже предчувствуя неизбѣжность близкой кончины, онъ не переставалъ думать о наукѣ, скорбѣлъ о неоконченныхъ имъ научныхъ предпріятіяхъ, читалъ корректуры своихъ новѣйшихъ статей и набрасывалъ свою послѣднюю, какъ онъ самъ называлъ, „предсмертную“ работу о „Полтавѣ“ Пушкина, отпущенную для напечатанія въ одномъ изъ петербургскихъ изданій всего за нѣсколько дней передъ его кончиной. Глядя на эту угасавшую съ каждымъ днемъ жизнь, какъ-то не вѣрилось, что приближается минута, когда должны прекратиться кипучая творческая дѣятельность сильнаго ума и бленіе благороднаго сердца, еще державшихся въ ослабѣвшемъ организмѣ. Но эта страшная минута все-таки настала, и историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра еще болѣе осиротѣлъ, потерявъ за послѣднее время одного за другимъ нѣсколько наиболее видныхъ и талантливыхъ своихъ дѣятелей.

Н. П. Дашкевичъ родился 4-го августа 1852 г. въ семьѣ сельского священника, въ селѣ Бежевѣ, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи. Послѣ домашняго обученія онъ получилъ среднее образованіе въ Житомирской гимназій, которую окончилъ съ золотой медалью въ 1868 г. Поступивъ въ томъ же году въ университетъ св. Владиміра на историко-филологическій факультетъ, онъ отдался съ особенною любовью изученію южно-русской исторіи и русской литературы, главнѣйше подъ руководствомъ профессоровъ В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова, А. А. Котляревскаго, Ф. Я. Фортинскаго, А. И. Солина и А. И. Лининченка. На студентической скамьѣ онъ написалъ талантливое, увѣчанное золотой медалью изслѣдованіе „Княженіе Данила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“ (1873 г.), до сихъ поръ сохраняющее значеніе одной изъ лучшихъ работъ по исторіи Галицкой Руси. Въ 1873 г. Н. П. Дашкевичъ былъ оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ (тогда носившей названіе исторіи всеобщей литературы), а въ апрѣлѣ 1877 г., послѣ защиты диссертациі на тему: „Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Сказаніе о св. Гралѣ“ удостоенъ степеніи магистра „исторіи всеобщей литературы“ и избранъ преподавателемъ на кафедре этого предмета, которую и занималъ въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣдовательно нося званія—доцента, экстраординарнаго и ординарнаго профессора. И по истеченіи тридцатилѣтняго срока, ознаменованнаго

сердечнымъ чествованіемъ юбиляра 20-го мая 1904 г., онъ продолжалъ читать лекціи по своему предмету въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго профессора, пока тяжелый недугъ (болѣзнь сердца), особенно обострившійся въ 1907 г., не лишилъ его возможности посѣщать дорогой ему университетъ.

Выдающіяся ученыя заслуги Николая Павловича, особенно выходя въ свѣтъ его мемуарнаго труда „Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни Запада“ (Кіевъ 1890 г.) побудили историко-филологическій факультетъ и совѣтъ университета св. Владиміра поднести своему уважаемому сочлену дипломъ honoris causa на степень доктора исторіи западно-европейскихъ литературъ. Кромѣ университета Н. П. Дашкевичъ преподавалъ свой обширный предметъ на высшихъ женскихъ курсахъ, прежнихъ (существовавшихъ до 1886 г.) и новыхъ, всегда относясь съ живымъ сочувствіемъ къ высшему женскому образованію, и былъ главнымъ работникомъ въ историческомъ обществѣ Ностра Лѣтописца, исполняя при этомъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность сперва секретаря, а потомъ предсѣдателя общества и редактора его органа „Чтеній“. Сверхъ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ двухъ кіевскихъ археологическихъ съѣздахъ (1873 и 1889 гг.), а также въ завѣдываніи книжными сокровищами университета въ качествѣ предсѣдателя библиотечной комиссіи, состоялъ членомъ совѣта городской публичной библиотекы и выполнялъ не мало дѣловыхъ порученій, возлагавшихся на него факультетомъ, совѣтомъ университета, разными учеными обществами и окружнымъ учебнымъ начальствомъ. Для широкаго и всесторонняго изученія предмета своей кафедры и съ цѣлью специальныхъ научныхъ разысканій Н. П. Дашкевичъ ѣздилъ три раза за границу, при чемъ въ первый разъ провелъ въ заграничной командировкѣ болѣе двухъ лѣтъ (съ 1878 по 1880 г.). Онъ работалъ въ университетахъ и библиотекахъ Германіи, Франціи, Англіи, Австріи и Италіи. Императорская Академія Наукъ давно считала его въ составѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, много разъ обращалась къ нему съ порученіями о разборѣ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе тѣхъ или другихъ премій, ею присуждаемыхъ, а въ прошломъ году избрала его въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словосности. Давній хроническій недугъ, особенно обострившійся въ послѣдніе годы, несомнѣнно, подъ вліяніемъ чрезмѣрно усиленныхъ умственныхъ занятій и постоянныхъ душевныхъ волненій и тревогъ, которыя приходилось переживать русскому патриоту въ эпоху нашего лихолѣтя, подточилъ силы Николая Павловича, и

20-го января, послѣ полудня, его не стало. Согласно волѣ покойнаго его прахъ погребенъ въ родномъ селѣ Бежевѣ 23-го января.

Такова въ главнѣйшихъ чертахъ несложная, небогатая фактами, внѣшняя сторона біографіи Н. П. Дашкевича. Но какъ богато, полно и разнообразно было содержаніе этой преждевременно угасшей, постоянно дѣятельной жизни! Покойный профессоръ посвятилъ себя всецѣло наукѣ, всю свою жизнь онъ провелъ въ поискахъ за истиннымъ знаніемъ и въ распространеніи какъ этого знанія, такъ и любви къ нему среди молодежи, въ дѣятельномъ и идеально-чистомъ служеніи родному университету и высшимъ задачамъ просвѣщенія. Его ученая и преподавательская дѣятельность находилась въ полной и самой тѣсной гармоніи. Онъ держался убѣжденія, что для того, чтобы быть хорошимъ профессоромъ, надо высоко держать знамя ученаго, самостоятельно и глубоко изучать разные отдѣлы преподаваемой науки и внимательно слѣдить за всѣми успѣхами ея разработки. Но, съ другой стороны, онъ думалъ (вопреки довольно распространенному мнѣнію), что спеціальныя занятія профессора не должны отвлекать его отъ добросовѣстнаго исполненія лежащей на немъ задачи—тщательной обработки университетскихъ курсовъ. Въ университетскомъ преподаваніи Н. П. Дашкевичъ видѣлъ свое призваніе, какъ профессора, съ большимъ стараніемъ отдѣлывалъ свои научныя и содержательныя лекціи и живымъ словомъ умѣлъ не только поддерживать въ аудиторіи интересъ къ предмету чтенія, но и возбуждать у наиболѣе даровитыхъ слушателей любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ тѣми или другими историко-литературными вопросами. Его курсы, общіе и спеціальныя, были весьма разнообразны, касаясь всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ его безконечно-обширной спеціальности. Н. П. Дашкевичъ съ удивительною послѣдовательностью держался правила полностью писать всѣ свои лекціи; при повтореніи тѣхъ или другихъ курсовъ, онъ ихъ видоизмѣнялъ, дополнялъ, перерабатывалъ. Нѣкоторые наиболѣе излюбленные имъ курсы переписаны имъ нѣсколько разъ, а частная переработка и дополненія всѣхъ безъ исключенія курсовъ велась постоянно до послѣднихъ лѣтъ жизни покойнаго по мѣрѣ накопленія имъ новаго матеріала. Послѣ сдѣланнаго мной разбора бумагъ Н. П. Дашкевича оказалось, что курсы составляютъ около 47 большихъ связокъ. Главнѣйшіе изъ нихъ, представляемые въ наиболѣе цѣльномъ видѣ, слѣдующіе: 1) Общій курсъ исторіи средневѣковыхъ литературъ до XIV ст.; 2) Исторія средневѣковой поэзіи; 3) Исторія западно-европейскихъ литературъ, XIV—XV вв.; 4) Западно-европей-

скія литературы въ XVI—XVII вв.; 5) Исторія западно-европейскихъ литературъ въ XVII—XVIII вв.; 6) Рыцарско-романтическая поэзія; 7) Французскій эпосъ; 8) Исторія романа; 9) Исторія умственнаго движенія на Западъ и въ арабскомъ мірѣ съ конца XI до конца XIII в.; 10) Итальянскій гуманизмъ; 11) Реализмъ и натурализмъ въ западно-европейскихъ литературахъ XVI—полов. XVII вв.; 12) Исторія умственнаго движенія въ Англии въ XVII—XVIII вв.; 13) Шекспиръ; 14) Исторія нѣмецкой литературы XVII—XVIII вв.; 15) Исторія новѣйшей нѣмецкой литературы. Гёте и Шиллеръ; 16) Время подготовки начала новѣйшей жизни и литературы съ 80-хъ годовъ XVII до 90-хъ годовъ XVIII вв.; 17) Исторія французской литературы конца XVIII и начала XIX вв.; 18) Исторія англійской поэзіи конца XVIII и начала XIX вв.; 19) Эволюція творчества первобытнаго и коллективнаго; 20) Исторія и методологія литературной критики; 21) Очерки психологіи творчества; 22) Лекціи по эстетикѣ; 23) Основныя формы творчества въ поэзіи XIX в.; 24) Литературныя стремленія и приобрѣтенія XIX в.; 25) Очеркъ развитія германскихъ языковъ; 26) Исторія романскихъ языковъ; 27) Сравнительно-историческая поэтика.

Вслѣдствіе своей скромности и строгаго отношенія къ своимъ трудамъ Н. П. Дашкевичъ не сдѣлалъ съ печатаніемъ своихъ курсовъ. Только года три назадъ онъ, наконецъ, рѣшился взяться за это важное дѣло, о чемъ и сдѣлалъ соответствующее заявленіе историко-филологическому факультету. Въ первую очередь имъ былъ поставленъ переработанный сжатый общій курсъ исторіи средневѣковой и новой литературы (до XVIII в.). Но болѣзнь и принятія покойнымъ на себя срочныя спеціальныя работы помѣшали ему привести въ исполненіе это намѣреніе. Тѣмъ не менѣе, это дѣло не можетъ быть оставлено. Обязанность позаботиться о немъ падаетъ, прежде всего, на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра и на молодого профессора, преемника Николая Павловича. Изданіе курсовъ покойнаго профессора, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ, наиболѣе подготовленныхъ къ печати, необходимо не только изъ уваженія къ памяти одного изъ выдающихся университетскихъ дѣятелей, но еще болѣе въ интересахъ русской науки и нашей учащейся молодежи. Нужно припомнить, что Н. П. Дашкевичъ былъ, собственно, первымъ настоящимъ профессоромъ исторіи западно-европейскихъ литературъ въ университетѣ св. Владиміра и поставилъ преподаваніе этого предмета такъ широко и разносторонне, какъ это едва ли было въ какомъ либо другомъ русскомъ университетѣ. Конечно, въ высшей степени

желательно, чтобы его курсы, которымъ онъ посвящалъ такъ много труда, стали доступными для пользованія и другимъ преподавателямъ, и учащимся, и широкой публикѣ. Вѣдь, наша ученая литература такъ бѣдна общими обзорами и специальными монографіями по исторіи западно-европейскихъ литературъ.

Говоря о лекціяхъ Н. П. Дашкевича, необходимо упомянуть, что часть учебныхъ часовъ онъ посвящалъ практическимъ занятіямъ, которыя состояли частью въ объясненіи литературныхъ памятниковъ, частью въ чтеніи и разборѣ студенческихъ рефератовъ на историко-литературныя темы. Занятія эти, руководимыя профессоромъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ и живостью, пользовались большою популярностью среди студенчества и принесли не малую пользу молодежи, знакомившейся на нихъ съ приемами научнаго изслѣдованія вопросовъ.

Столь же разнообразны были научныя вкусы и интересы Н. П. Дашкевича въ соотвѣтствіи съ сложностью его духовной организаціи и съ присущей ему страстной любовью къ труду и знанію. О всёмъ этомъ разнообразіи его творческой дѣятельности можно будетъ составить отчетливое и полное представленіе только тогда, когда ученому міру и широкой публикѣ станутъ доступны, кромѣ уже напечатанныхъ его работъ, остающіяся еще въ рукописяхъ его изслѣдованія и университетскіе курсы. Но и теперь, на основаніи изданныхъ уже трудовъ, можно видѣть, что Н. П. Дашкевичъ представлялъ собой большой и свѣтлый умъ и обладалъ обширною эрудиціей. Какъ бы оправдывая въ своей дѣятельности и ученой производительности несомнѣнно вѣрное положеніе о близкой связи между науками историческими и филологическими, онъ былъ въ равной степени историкомъ и филологомъ-словесникомъ. Отъ раннихъ своихъ занятій русской исторіей, живой интересъ къ которой онъ сохранялъ до послѣднихъ дней жизни, онъ перешелъ къ работамъ въ области главной и обширной своей спеціальности—словесности, примѣняя въ нихъ широко и съ полнымъ успѣхомъ историческій методъ наряду съ методомъ сравнительнымъ. При этомъ какой широкой научный кругозоръ, какое безконечное разнообразіе предметовъ и вопросовъ, привлекаемыхъ къ разсмотрѣнію и изученію! Наряду съ родной, близкой сердцу Русью, южной и сѣверной, онъ обращаетъ взоры и на другія вѣтви славянства, напримѣръ, поляковъ, чеховъ, южныхъ славянъ, и охватываетъ своимъ всеобъемлющимъ мышленіемъ весь западно-европейскій міръ, во всѣ эпохи средневѣковья и новыхъ временъ со всѣми его разнообразными умственными и литературными движеніями и теченіями.

Онъ пишетъ замѣчательныя изслѣдованія о Галицкомъ княжествѣ, о Литовско-Русскомъ государствѣ, о Болоховской землѣ и оставляетъ въ рукописи обширную работу по исторіи южной Руси. Онъ мастерски разъясняетъ основныя, наиболѣе трудныя вопросы въ области русскаго былевого эпоса и малорусскихъ думъ и глубоко входитъ въ изученіе западно-европейскаго средневѣковаго эпоса. Въ цѣломъ рядѣ работъ онъ тщательно анализируетъ средневѣковой романтизмъ въ разнообразныхъ его проявленіяхъ и изслѣдуетъ съ немалой обстоятельностью новѣйшую романтику съ ея отраженіями въ литературахъ разныхъ народовъ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма мѣтко онъ оцѣниваетъ значеніе провансальской поэзіи и опредѣляетъ генезисъ и дальнѣйшее развитіе поэзіи мировой скорби. Онъ пишетъ цѣнныя этюды о корифеяхъ западно-европейскихъ литературъ, какъ-то: о Шекспирѣ, Мольерѣ, Байронѣ, Гётѣ, Шиллерѣ и выступаетъ талантливымъ біографомъ и истолкователемъ поэзіи гигантовъ родной литературы: Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева. Большой знатокъ малорусской народной поэзіи, онъ глубже многихъ другихъ новѣйшихъ писателей знаетъ малорусскую литературу и посвящаетъ выясненію ея исторіи цѣлую книгу, равной которой по достоинству нѣтъ въ ученой литературѣ по данному вопросу. Съ соблюденіемъ строго-научныхъ критическихъ методовъ онъ изслѣдуетъ реальныя явленія литературъ и въ то же время подымается въ область болѣе отвлеченнаго философскаго мышленія, принимая на себя изученіе и разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ теоріи поэзіи и психологій творчества. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ Н. П. Дашкевичъ проявляетъ одинаковую любовь къ старинѣ и новизнѣ и умѣло устанавливаетъ связи между старымъ и новымъ. Крупныя явленія литературной жизни Запада привлекаютъ его вниманію и сами по себѣ и со стороны ихъ воздѣйствія на русскую литературу. Его учепую пытливость возбуждаютъ не только сами литературные факты, но и исторія ихъ изученія, исторія науки. Такъ, на примѣръ, имъ даны обстоятельныя характеристики ученой и литературной дѣятельности покойныхъ профессоровъ университета св. Владимира: знаменитаго слависта А. А. Котляревскаго и болѣе раннихъ дѣятелей—Метлинскаго и Красова. Имъ же составленъ историческій очеркъ двадцатипятилѣтія историческаго общества пр. Нестора Лѣтописца. Сюда же слѣдуетъ отнести его многочисленныя критическія статьи и цѣлые обзоры научной литературы по разнымъ вопросамъ. Вообще критическій элементъ необходимо присущъ большей

части работъ Н. П. Дашкевича. Задачи критики покойный учоный понималъ очень широко. Подвергая разбору то или другое сочиненіе, онъ не ограничивается указаніемъ его достоинствъ и недостатковъ, а даетъ самостоятельныя разысканія по вопросамъ, рѣшеніе которыхъ въ данномъ трудѣ его совсѣмъ или отчасти не удовлетворяло. Такимъ образомъ, нѣкоторые его разборы превращались въ цѣлыя изслѣдованія. Напримѣръ, изъ его „замѣтокъ“ о сочиненіи профессора В. Б. Антоновича по исторіи литовско-русскаго государства образовалась цѣлая прекрасная монографія „Литовско-русское государство, условія его возникновенія и причины упадка“ (1885 г.). Такой же характеръ самостоятельнаго глубокаго изслѣдованія предмета имѣетъ его обширный разборъ сочиненія Н. П. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“ или, позднѣйшіе критическіе разборы: сочиненія Н. П. Иванова: „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философій XVIII в.“ и труда В. П. Шенрока: „Письма Н. В. Гоголя“.

Всѣ работы Н. П. Дашкевича, большія и малыя, отличаются высокими достоинствами: онѣ носятъ на себѣ печать обширныхъ знаній и полной самостоятельности мышленія автора, свидѣтельствуютъ о глубинѣ и объективности изслѣдованія предмета и въ силу такихъ свойствъ надолго сохраняютъ важное значеніе въ наукѣ. Та никогда не удовлетворяющаяся научная пылкость, какую проявлялъ Н. П. Дашкевичъ при обработкѣ своихъ лекцій, характеризуетъ и всѣ другія его болѣе спеціальныя работы. Если онъ занялся какимъ либо спеціальнымъ вопросомъ, то онъ никогда не ограничивался тѣмъ, что посвящалъ этому вопросу монографію или статью, а продолжалъ изслѣдованіе его и въ послѣдующіе годы, постоянно передумывая, передѣлывая и дополняя напечатанное. По нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ, о св. Градѣ, о Волоховской землѣ, о Пушкинѣ и въ печати онъ выступалъ по нѣскольку разъ. Сохранившіяся въ его бумагахъ авторскіе экземпляры почти всѣхъ его трудовъ испещрены многочисленными дополненіями, вставками и поправками, сдѣланными рукою автора, такъ что новое изданіе этихъ трудовъ, такъ желательное, представитъ ихъ въ значительно измѣненномъ видѣ, что еще болѣе увеличитъ ихъ цѣну. Наконецъ, о широтѣ научнаго кругозора Н. П. Дашкевича, о его необыкновенномъ трудолюбіи и точности пріемовъ работы свидѣтельствуютъ оставшіеся послѣ его смерти огромные токи бумагъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ, расположенные систематически, по связкамъ, матеріалы, относящіеся къ разнымъ спе-

ціальнымъ историко-литературнымъ вопросамъ, по которымъ покойный ученый уже издалъ свои работы или которые онъ только вводилъ въ кругъ своихъ изслѣдованій. Эти „матеріалы“ постоянно пополнялись новыми данными, которыя профессоръ труженникъ собиралъ неустанно и постоянно, до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни. Среди нихъ особенно важна составленная на карточкахъ систематическая библіографія, наполняющая цѣлый большой ящикъ. Всѣ эти матеріалы, несомнѣнно, имѣютъ значеніе цѣннаго дополненія къ печатнымъ трудамъ и неизданнымъ курсамъ Н. П. Дашкевича. Какъ я слышалъ, вдова покойнаго собирается передать эту часть рукописнаго наслѣдія славнаго ученаго въ бібліотеку университета св. Владиміра. Здѣсь оно, конечно, можетъ принести немалую пользу всѣмъ, занимающимся тѣми обширными областями историко-филологическаго знанія, надъ которыми такъ много трудился покойный профессоръ.

Подробная оцѣнка вкладовъ въ науку, сдѣланныхъ Николаемъ Павловичемъ, и точное подведеніе итоговъ его научной дѣятельности не могутъ входить въ задачу настоящей краткой поминки. Притомъ такая оцѣнка и не по силамъ одному лицу. Какъ ученый Н. П. Дашкевичъ займетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественной науки, а спеціалисты — русскіе историки, изслѣдователи западно-европейскихъ литературъ, историки русской литературы частью уже опредѣлили, частью опредѣлятъ точнѣе значеніе его отдѣльныхъ работъ. Общее число его изслѣдованій и статей весьма значительно. Въ 1906 году друзья и ученики Н. П. Дашкевича, поднося ему сборникъ „Егanos“, изданный въ его честь по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности, составили списокъ его ученыхъ трудовъ. Въ немъ значится 62 номера. Въ теченіе 1907 г., несмотря на болѣзненное состояніе, Н. П. Дашкевичъ успѣлъ написать еще 7 работъ, которыя теперь частью напечатаны, частью печатаются. Эти работы слѣдующія: 1) Смѣна вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Западныхъ съ русскимъ (Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому. Часть вторая); 2) Славяно-русскій Троянъ и римскій императоръ Траянъ; 3) Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ плачу Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ (въ юбилейномъ сборникѣ въ честь академика И. В. Ягича); 4) Нѣсколько словъ о Н. И. Костомаровѣ и О. М. Достоевскомъ; 5) Разборъ книги профессора Розанова „Яковъ Ленцъ“; 6) Слѣды увлеченія Байрономъ, разочарованія и сомнѣнія въ поэзіи Пушкина (Библіотека великихъ писателей. Пушкинъ т. II);

7) О „Полтавѣ“ Пушкина. Последняя работа, какъ уже сказано, написана незадолго до смерти. Но кромѣ напечатанныхъ трудовъ отъ Н. П. Дашкевича осталось нѣсколько работъ въ рукописяхъ. Въ одной изъ предсмертныхъ своихъ бесѣдъ онъ сообщилъ мнѣ, что у него приготовлено для печати четыре работы: 1) изслѣдованіе объ Артуровомъ эпосѣ; 2) монографія о Лермонтовѣ; 3) этюдъ о Красовѣ, полузабытомъ поэтѣ; и 4) большой трудъ (въ 3 томахъ) по исторіи Южной Руси. Первые три труда уже найдены въ бумагахъ Н. П. Дашкевича; четвертый, къ сожалѣнію, пока еще не разысканъ. Всѣ эти работы, согласно предсмертной волѣ покойнаго, будутъ посланы на благоусмотрѣніе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ.

Такъ, среди непрерывныхъ ежедневныхъ научныхъ занятій протекала вся трудовая жизнь Н. П. Дашкевича. Будучи отъ природы и по характеру человѣкомъ малообщественнымъ, онъ никогда не искалъ ни широкихъ связей, ни большихъ знакомствъ, не любилъ общественныхъ собраній и развлеченій, довольствуясь общеніемъ съ небольшимъ кружкомъ близкихъ друзей и знакомыхъ. Онъ дорожилъ каждымъ часомъ, каждой минутой дня, которая всегда представлялись ему необходимыми для его научной работы, и, являясь въ случаѣ крайней необходимости въ обществѣ, всегда спѣшилъ скорѣе вернуться въ свой кабинетъ, къ своимъ книгамъ. Зато онъ былъ завсегдатаемъ въ университетской бібліотекѣ и профессорской лекторіи, гдѣ съ наслажденіемъ проводилъ цѣлыя часы въ книжныхъ разысканіяхъ и за просмотромъ новѣйшей литературы по разнымъ отдѣламъ своей необъятной спеціальности. Пламенная любовь къ наукѣ развила у Н. П. Дашкевича такую же большую, страстную любовь къ книгамъ. На скромныя профессорскія средства, нерѣдко отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ составилъ богатую бібліотеку, въ которой особенно хорошо подобраны при содѣйствіи антыкваровъ отдѣлы по исторіи западно-европейскихъ литературъ, народной поэзіи и южно-русской исторіи.

Отдыхъ отъ своихъ трудовъ Н. П. Дашкевичъ находилъ въ заботахъ о своей семьѣ, къ которой былъ искренно привязанъ, и въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ на принадлежавшемъ ему небольшомъ клочкѣ земли (всего нѣсколько десятинъ) въ родномъ селѣ Божовѣ, куда онъ уѣзжалъ на каникулярное время, и гдѣ его особенно радовалъ уходъ за разведенными его непосредственными трудами садикомъ и цвѣтникомъ. Здѣсь, у себя на родинѣ, нашъ ученый нахо-

диль высшее наслажденіе въ созерцаніи природы, которая всегда влекла его къ себѣ. Чувство любви къ природѣ соединялось у него съ присущимъ ему возвышеннымъ поэтическимъ настроеніемъ. Усилившія книжныя занятія отнюдь не засушили П. П. Дашковича. Онъ представлялъ собой поэтическую, глубоко чувствующую натуру. Внимательно изученіе поэтическаго творчества у разныхъ народовъ и во многихъ литературахъ не могло не вліять извѣстнымъ образомъ на складъ его міросозерцанія. Глубокій изслѣдователь романтики, онъ самъ былъ въ своей жизни и въ своихъ воззрѣніяхъ въ извѣстной степени романтикомъ. Любя все прекрасное и стремясь къ возвышенному, онъ былъ отзывчивъ на все чистое, честное, благородное. Всегда скромный и непритязательный въ жизни, онъ руководился и въ отношеніяхъ къ людямъ чувствами правдивости и доброжелательности. Это былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Его искренній и чистый идеализмъ находилъ свое высшее выраженіе въ сильномъ религіозномъ чувствѣ. Николай Павловичъ былъ глубоко вѣрующимъ и убѣжденнымъ христіаниномъ. Въ своей жизни онъ стремился слѣдовать великой евангельской заповѣди о любви къ Богу и ближнему и превыше всего ставилъ служеніе истинѣ и правдѣ.

Въ своихъ общихъ взглядахъ по различнымъ вопросамъ науки и жизни онъ не былъ одностороннимъ теоретикомъ, не принадлежалъ къ какому либо направленію или опредѣленной политической партіи, а проявлялъ полную самостоятельность въ мысляхъ и сужденіяхъ, руководствуясь исключительно велѣніями своего ума и сердца. Широкое образованіе и непосредственное знакомство съ проявленіями духовной жизни многихъ народовъ не позволяли ему увлечься столь модными теперь космополитическими теоріями, но они же помѣшали ему сдѣлаться узкимъ націоналистомъ. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ пріобрѣтеніямъ общечеловѣческаго гонія въ области мысли и искусства, онъ, однако, высоко ставилъ идею народности. На ряду съ великимъ чужимъ онъ несказанно любилъ и свое родное, русское, какъ-то русскую литературу, величайшихъ русскихъ поэтовъ, русскую народную поэзію. Малороссъ по происхожденію, уже съ дѣтства близко стоя къ народу, онъ былъ искренно привязанъ къ простому люду, внесъ цѣнные вклады въ изученіе малорусской исторіи, этнографіи и литературы; но онъ не раздѣлялъ тѣхъ новѣйшихъ узконационалистическихъ доктринъ, которыя стараются вырыть глубокую пропасть между двумя русскими народностями, и не сочувствовалъ стремленіямъ представителей этихъ доктринъ разрушить созданное вѣками

единеніе великоруссовъ и малоруссовъ въ одномъ общемъ научномъ и образованномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на современное политическое положеніе, онъ не былъ сыномъ вѣка, умѣлъ стоять выше мелкихъ злобъ дня и ходячихъ легковѣсныхъ теорій.

Такимъ въ самыхъ общихъ чертахъ выступаетъ въ моей памяти образъ почившаго товарища. Какъ человекъ, профессоръ и ученый, Николай Павловичъ въ теченіе трехъ десятилѣтій занималъ выдающееся мѣсто въ университетской семьѣ. Симпатичный обликъ этого удивительнаго человека долго будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, а оставленное имъ богатое литературное наслѣдіе будетъ представлять не для одного поколѣнія обильный источникъ поученія.

Т. Флоринскій.

КОНКУРСНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ПО ДѢЛАМЪ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

Ивана Николаевича Романоваоткрыло свои дѣйствія въ г. Иваново-Вознесенскѣ
на Панской улицѣ д. № 23.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 Г.

НА

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“

И НА

„ИЗВѢСТІЯ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ“.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКО-ЗНАНІЯ ¹⁾.

В. Лингвистическія контroversы.

Уже въ предшествующихъ двухъ этюдахъ—общелексикографическомъ и глоссографическомъ—мнѣ очень часто приходилось дѣлать болѣе или менѣе обширныя экскурсы въ область лингвистики ²⁾, привлече-

¹⁾ Продолженіе. См. юнскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

²⁾ Въ свою очередь, предстоящій лингвистическій этюд вызоветъ необходимость довольно многочисленныхъ ссылокъ на первые два этюда, которые я ради краткости буду обозначать буквами А и В (римскими цифрами отмѣчены соответствующіе экскурсы, арабскими—отдѣльныя пункты). Пользуюсь этимъ примѣчаніемъ, чтобы оговорить одну неточность, допущенную мной въ отдѣлѣ общей лексикографіи: а именно, цитированная мной (А, II, 28) надпись (CIL. I 200, 39) дошла до насъ въ такомъ видѣ, что безошибке на нее вовсе не ссылаться (ср. примѣч. Моммсена къ этой надписи). Прибавлю еще, въ дополненіе къ сказанному относительно *lactaria* (А, II, 1), что подтвержденіемъ для рекомендованнаго мной перевода этого слова („корова, кормящая молокою“) можетъ служить конецъ 2-ой главы изъ той же книги Варрона, гдѣ, между прочимъ, говорится, что: *Muliere amicum* (sc. *ad corpus alendum*) *cytium et Medica. Nam et pinguis facit facillime, et genit lac*; ср. кромѣ того ит. *vacca lallaja* „дойная, молочная корова“. Въ связи съ сопр. *amixus*, о которомъ я говорю В, V, 13, слѣдуетъ обратить вниманіе на любопытное замѣчаніе Прициана (GL. К. II, 525, 14): *Ango quoque differentiae causa servavit et in spirito actum, nam ab ago actum fit; quidam tamen etiam an-xus (NB) eius participium protulerunt*. Далѣе, замѣчу, что сопоставленіе *gradarius* съ *tolularius* сдѣлано мной (ср. В, VII, 2, первое примѣч.) главнымъ образомъ съ семасіологической точки зрѣнія; что касается *viridatus* (CGL V 593, 30), исправляемаго Готцемъ въ *viridatus* (ср. В, VII, въ перечисленіи *interpretamenta* Скалигеровыхъ глоссъ), то возможно, пожалуй, и другое исправленіе—*viridiatus*, что дало бы романскій прототипъ (ср. порт. *vergado* и нѣкоторые другіе факты, приводимые Грѣберомъ въ *Arch. f. lat. Lex.* VI, 143 сл.). Къ нѣкоторымъ другимъ пунктамъ изъ первыхъ двухъ этюдовъ я вернусь ниже.

ние которой, какъ мы видѣли, пролило свѣтъ на многіе факты латинскаго языка, оставшіеся до сихъ поръ неразъясненными, или, что, пожалуй, еще хуже, устранившіеся путемъ черезчуръ поспѣшныхъ конъектуръ. Въ частности, едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что наиболѣе серьезные и интересные въ методологическомъ отношеніи случаи моего разногласія съ Покровскимъ въ области общей лексикографіи и глоссографіи обусловливаются какъ разъ тѣмъ, что мой оппонентъ не въ достаточной степени считался съ лингвистическимъ угломъ зрѣнія, что очень часто заставляло его браковать драгоценныя свидѣтельства традиціи или, наоборотъ, признавать реальность такихъ фактовъ, которые не выдерживаютъ лингвистической критики.

Несомнѣнно владѣя основными лингвистическими методами (обстоятельство, отмѣченное мной уже въ самомъ началѣ моей работы), Покровскій не всегда правильно примѣнялъ эти методы къ конкретнымъ фактамъ латинскаго языка, что объясняется отчасти недостаточностью матеріала, которымъ онъ во многихъ случаяхъ пользовался ¹⁾, отчасти

¹⁾ Замѣчу кстати, что неполнота данныхъ это—одинъ изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ въ „Матеріалахъ“ Покровскаго, особенно дающій себя чувствовать въ морфологической части этой работы. Даже категория латинскихъ прилагательныхъ на *-osus*, привлекая преимущественное вниманіе автора, освѣщена имъ далеко не съ достаточной полнотой: этимъ объясняется, между прочимъ, и тотъ характерный фактъ, что чуть ли не самый серьезный глоссографическій промахъ моего критика—неправильная оцѣнка вариантовъ *almonis: almonis*—соприкасается какъ разъ съ этой морфологической категоріей; сюда же относятся и вопросы о *mitimigiosus: mitimigiosus, strepiuosus, saevosus, humidosus* и т. д.; что касается этого послѣдняго прилагательнаго, о которомъ я говорилъ А, II, 13, то я долженъ замѣтить, что въ списокъ Паукора оно отсутствуетъ; судя по рум. *imidos*, упомянутому Покровскимъ при *humidus*, это прилагательное заимствовано авторомъ, по всей вѣроятности, изъ какого-нибудь романскаго словаря; въ виду наличности сверхъ этого ит. *imidoso*, можно заподозрѣть существованіе прароманскаго **humidosus*, но только, конечно, слѣдовало снабдить эту реконструкцію звѣздочкой, каковой она и отмѣчена напр. у Кэртинга (№ 4674^a). Болѣе точныя свѣдѣнія относительно рукописнаго засвидѣтельствованія *facetosus* въ Cic. de fin. II, 31 § 104 (ср. выше А, II, 15) можно найти напр. въ изданіи *Madama* ad. I. Ср. далѣе мои обширныя разсужденія о прилагательныхъ на *-osus* (Э. 176 сл.), которыя даже помимо ономастологическаго матеріала заключаютъ много данныхъ, совершенно упущенныхъ изъ виду Покровскимъ. Въ связи съ этимъ нельзя не высказать извѣстнаго упрека тому же автору по поводу недостаточно интенсивнаго пользованія некоторыми капитальными научными пособіями, и какъ бы ни былъ онъ правъ, утверждая (Р. 6 сл.), что „нельзя считать общедоступнымъ... всё до одной статьи и замѣтки въ Archiv f. lat. Lexikographie“, однако, съ другой стороны, специалисту по исторической грамматикѣ латинскаго языка едва ли удобно было почти совершенно не пользоваться богатѣйшими матеріалами, заключающимися въ этомъ изданіи. Если же

отсутствіемъ у автора вполне отчетливаго взгляда на аналогію, наконецъ—общей сложностью лингвистическаго анализа латинскаго языка, нерѣдко наталяивающей на недоразумѣнія даже самыхъ осторожныхъ и чуткихъ къ языковымъ явленіямъ изслѣдователей въ родѣ Сольмсенъ ¹⁾, Зоммера ²⁾, Нидермана ³⁾ и т. п.

Послѣднее изъ только что отмѣченныхъ обстоятельствъ было одной изъ причинъ (впрочемъ, далеко не единственной и даже не главной), почему я въ обѣихъ своихъ диссертацияхъ тщательно избѣгалъ всякой сколько-нибудь рѣзкой полемики, ограничиваясь лишь совершенно объективнымъ изложеніемъ своихъ разногласій съ тѣми или другими учеными, а иногда даже не называя по имени тѣхъ своихъ предшественниковъ, мнѣнія которыхъ я оспаривалъ ⁴⁾. На эту черту своихъ

Покровскій упрямко меня (*ibid.*) за то, что я, приводя тѣ или другія лексикографическія данныя изъ *Arch. f. lat. Lex.*, Рѣйна и т. д., не всегда отмѣчалъ эти посредствующіе источники, то я тѣмъ менѣе считалъ нужнымъ это дѣлать, что ни въ одномъ изъ отмѣченныхъ случаевъ и не приписывалъ себѣ лично честь находки того или другаго факта (какъ, напр., мы это видѣли у Покровскаго по отношенію къ *sitiscula*, *veregare* и т. п.), а съ другой стороны—и это главное—библиографическія указанія представляются мнѣ, какъ и большинству языковѣдцевъ, необходимыми лишь тамъ, гдѣ наряду съ фактомъ посредствующій источникъ даетъ и то или другое его освѣщеніе (хотя бы въ видѣ лаконической параллели и т. п.); но въ этихъ случаяхъ я всегда старался самымъ точнымъ образомъ отмѣчать свой источникъ,—правило отъ котораго Покровскій нерѣдко (я притомъ въ очень отвѣтственныхъ случаяхъ) отступалъ, что уже давно было отмѣчено мной: см. въ особенности *Филол. Обзор.* XI, 9 и XII, 216; обращу теперь еще вниманіе на сказанное тѣмъ же авторомъ о прилагательныхъ *sanosus* (М. 104) и *incoriosus* (*ibid.* 120): эти объясненія буквально совпадаютъ съ предложенными у *Schönwörth-Weymann* въ *Arch. f. lat. Lex.* V, 202 и 207. Впрочемъ, я далеко отъ мысли придавать этому пробѣлу въ работахъ Покровскаго сколько-нибудь существенное значеніе, такъ какъ считаю, что должность и характеръ библиографическихъ указаній почти всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія автора; цѣль настоящихъ замѣчаній—отмѣтить лишь нѣкоторую неустойчивость и непослѣдовательность библиографической методологіи моего оппонента.

¹⁾ Ср., напр., мои критическія замѣчанія Н. 15³, 82, 196 (хотя ими Сольмсенъ тамъ не упомянутъ, однако, ср. *Stud. z. lat. Lautgesch.* 86), 248², 3. 45⁴, 155, 210, (246) и т. д.

²⁾ Ср. сказанное мной Э. 62, 88, 157 сл.

³⁾ Ср. мои возраженія Н. 93². Э. 61², 78 сл., 153.

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, полемизировавъ въ своей первой диссертации (стр. 9³) съ Покровскимъ по поводу принятой имъ (М. 248) безъ всякой оговорки формы *grevis*, я совершенно не упоминаю его имени. Такую же анонимную полемику веду я съ нимъ (Н. 261) и относительно формы *imbricitur*, выдвигаемой имъ М. 4. Анонимную форму придавъ я своимъ разногласіямъ съ Покровскимъ и по поводу его несовѣснаго и неправильнаго отношенія къ античнымъ аналогіямъ (см. Н. 6²) я т. д.

работъ по латинскому языковѣдѣнію я считаю себя вынужденнымъ указать специально въ виду слѣдующаго замѣчанія моего критика (Р. 6): „(Во второй диссертациіи Грушка) гораздо осторожнѣе и сдержаннѣе въ полемикѣ со своими предшественниками, между тѣмъ какъ первая его книга заключала въ себѣ нѣсколько рѣзкихъ полемическихъ экскурсовъ, основанныхъ на недостаточномъ вниманіи къ тексту и смыслу утверженій его предшественниковъ“. Я горячо протестую противъ этихъ словъ и категорически заявляю, что они не соотвѣтствуютъ истинѣ: не даромъ они не подтверждены ни одной конкретной иллюстраціей¹⁾. Въ виду большой принципиаль-

¹⁾ Правда, мое критическое замѣчаніе относительно *castus* 4 (Н. 96, ср. Р. 45) безусловно несправедливо, но оно не заключаетъ въ себѣ и тѣхъ рѣзкости. Къ тому же это—единственное недоразумѣніе мое въ отношеніи къ одному предшественнику. Возникло же оно на почвѣ нѣскольکو запутанной констукціи въ той фразѣ, гдѣ данное слово встрѣчается. Совершенно аналогичное недоразумѣніе мы находимъ у Покровскаго, который по недосмотру упрекнулъ (М. 261) Линдсея въ томъ, что онъ будто бы „считаетъ (Lat. Spr. 408) форму *funereus* сомнительной; но, добавляетъ критикъ, напримѣръ, въ глоссографической литературѣ оно засвидѣтельствовано хорошо“ (слѣдуютъ примѣры). Не имѣя подъ руками нѣмецкаго перевода книги Линдсея, приведу англійскій подлинникъ (стр. 356): „Perhaps another way (of making an adjective) was to add the Suffix *o*, e. g. O. Lat. *scelerus*, and perhaps *funerus* (beside *funereus*)“ (see Fleck. Jahrb. 1891 p. 676; both forms are doubtful)“. Совершенно ясно, что сомнительными казались Линдсею формы *scelerus* и *funerus*, что и вполне справедливо. Что касается формы *funereus*, то она хорошо засвидѣтельствована не только въ глоссографической литературѣ, какъ выражается Покровскій, но также у Вергилія (напр., Аен. IV, 505), Овидія (напр., Met. X, 453), Валерія Флакка (VII, 468), Марціала (VIII, 43, 2), Пс.-Квинтиліана (Declam. X, 16), наконецъ — на надписяхъ (CIL IX 3337), и уже одно это обстоятельство дѣлаетъ абсолютно немислимымъ, чтобы это слово осталось неизвѣстнымъ такому блестящему латинисту, какъ Линдсей. Въ еще болѣе серьезное недоразумѣніе впалъ Покровскій по отношенію ко мнѣ, упрекая меня (Р. 44) за то, что я въ своей первой диссертациіи (стр. 17) будто бы допустилъ „недосмотръ“, упомянувъ слово *stuprator* въ качествѣ образованія на *-tor*, при которомъ не сохранилось соотвѣтствующаго глагола, тогда какъ, по мнѣнію Покровскаго, „*stuprare* пзвѣстно еще съ древнѣйшихъ временъ“. Что касается „древнѣйшихъ временъ“, то я не знаю въ точности, на какое именно свідѣтельство въ данномъ случаѣ опирается мой оппонентъ. Если на Plaut. *Truc.* 821 (= IV, 3, 47), то какъ редакція этого стиха вообще, такъ и форма *stupraverit* въ частности представляются довольно сомнительными (ср. критическій аппаратъ въ этому мѣсту въ большомъ изданіи Шѣлля, а также указанную тамъ литературу). Другое мѣсто пзъ Плавта, гдѣ встрѣчается гл. *stuprare* (Aul. prol. 36), также вызвало нѣкоторые критическія сомнѣнія (ср. *Langen*, Beiträge z. Krit. u. Erklär. d. Plautus, 196), и во всякомъ случаѣ Покровскому слѣдовало такъ или иначе высказаться по поводу этихъ спорныхъ вопросовъ, разъ онъ подчеркиваетъ древнее происхожденіе гл. *stuprare*.

ной важности этого пункта въ рецензїи Покровскаго я вполнѣ расчитываю, на то, что критикъ возьметъ назадъ свою неосторожную характеристику моей первой диссертацин или потрудится подробно ее мотивировать.

Однако пора перейти къ тѣмъ лингвистическимъ контрoверсамъ, которыя опираются на фактическія данныя и потому допускаютъ академическое обсужденіе. Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію конкретныхъ вопросовъ изъ этой области, я долженъ замѣтить, что лингвистическія возраженія Покровскаго лишь отчасти сгруппированы имъ вокругъ опредѣленныхъ морфологическихъ категорій, изслѣдованныхъ мной въ двухъ моихъ работахъ, остальные же—и притомъ большинство—носятъ характеръ отдѣльныхъ *Randbemerkungen* и къ тому же введены моимъ оппонентомъ въ разные отдѣлы критическаго этюда. Въ виду этого мнѣ представляется целесообразнымъ, ради большей ясности, распределить разсмотрѣніе частныхъ спорныхъ пунктовъ въ связи съ принадлежностью ихъ къ болѣе общимъ методологическимъ вопросамъ изъ области языковѣдѣнія. На подобный

Какъ бы то ни было, если бы даже мы отвергли древность этого глагола, то все-таки онъ извѣстенъ изъ Цицерона (напр. de fin. III, 23), Квинтиліана (IV, 2, 79), Тертуліана (Apol. 6) и т. д., и потому, если бы упрекъ Покровскаго по моему адресу былъ справедливъ, онъ раскрылъ бы очень грубую ошибку съ моей стороны. Но дѣло въ томъ, что я этой ошибки не сдѣлалъ, такъ какъ въ цитированномъ мѣстѣ своей диссертацин я говорю не о *stuprator*, а о *stuppator*! (Замѣчу кстати, что гл. **stuppere*, хотя нигдѣ до сихъ поръ не засвидѣтельствована фактически,—на чемъ я продолжаю настаивать—тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, существовалъ въ вульгарно-латинскомъ языкѣ, судя по романскимъ отраженіямъ въ родѣ ит. *stoppare*, ст.-исп. *estorar*, фр. *étouper* и т. п., если только мы не возведемъ этихъ формъ къ прототипу **exstuppere*). Впрочемъ, эти два примѣра далеко не исчерпываютъ всѣхъ полемическихъ экскурсовъ Покровскаго, основанныхъ на недоразумѣніи. Пѣкоторые примѣры этого рода отмѣчены мной выше, въ первыхъ двухъ этюдахъ (ср. А I, 4, прим.; II первое прим. [о *Castellus* и *Escitius*]; 5 третье прим.; II послѣдн. прим.; В II, 4; IV, 3; V, 12 послѣдн. прим. [очень важный пунктъ!]; VI восьмое прим. [съ сопоставленіемъ *en regard*] и т. д.), другіе (еще болѣе многочисленные) будутъ указаны ниже. Очень серьезный случай неосновательной полемики Покровскаго съ предшественникомъ, а именно—Дармстетеромъ, уже давно отмѣченъ мной (см. *Филол. Обзор.* XI, 19 сл.), несостоятеленъ также упрекъ того же автора другому предшественнику, Клотцу (см. *ibid.* XII, 80 и мои разъясненія *ibid.* 248), несоветъ правильно понять Покровскій и Карла Шмидта (см. *ibid.* XII, 84 и мое критическое замѣчаніе *ibid.* 269), неправъ тотъ же авторъ, полемизируя (M. 124) съ римскимъ грамматикомъ Цезеліемъ Вандикомъ (см. выше А, 5 третье прим.) и т. д. Но наиболѣе яркимъ случаемъ рѣзкой и неосновательной полемики является тотъ, которымъ вызвано настоящее обширное примѣчаніе.

способъ распредѣленія матеріала къ тому же наталкиваютъ и нѣкоторыя болѣе серьезныя и общія замѣчанія критика, имѣющія какъ разъ методологическій характеръ.

I.

Наиболѣе основную методологическую контрверсу, подлежащую выясненію, представляетъ собой безспорно вопросъ о приложимости дедуктивнаго метода въ области лингвистики. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, критикуя основные выводы магистерской диссертации Покровскаго ¹⁾, я, между прочимъ, писалъ (*Филол. Обзор.* XII, 257): „Такъ какъ свои тезисы о законмѣрности аналогическихъ новообразованій и семасіологическихъ явленій г. Покровскій не подтвердилъ ни однимъ реальнымъ закономъ, то я усматриваю въ нихъ плодъ дедукціи, — но какой? Древніе аналогисты, какъ я показалъ на выдержкахъ изъ Варрона (см. *Филол. Обзор.* XI, 37), для того, чтобы оправдать свой тезисъ, ставили въ связь языковыя явленія съ другими явленіями міра; и вотъ я... подозреваю, что и г. Покровскій дошелъ до своего тезиса именно этимъ путемъ, т. е. путемъ дедукціи“. Въ свою очередь, мой критикъ пишетъ теперь (Р. 55): „Какъ съ теоріей (обратныхъ образованій), такъ и съ другими авторъ оперируетъ довольно своеобразно, отводя очень много мѣста дедукціи тамъ, гдѣ была бы удобнѣе индукціа... (Этотъ) методъ автора, хотя и позволившій ему въ отдѣльных случаяхъ придти къ интереснымъ выводамъ и наблюденіямъ, несовсѣмъ обыченъ въ лингвистической литературѣ и, во всякомъ случаѣ, довольно неблагоприятенъ“. Такимъ образомъ, теперь Покровскій, повидимому, придерживается того мнѣнія, что индуктивный методъ изслѣдованія—единственно допустимое и нормальное орудіе для лингвистическихъ операций. Не обсуждая этого вопроса по существу, мой оппонентъ для иллюстраціи своего критическаго тезиса по поводу моего злоупотребленія дедукціей приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, подобранныхъ въ Москѣ второй диссертации. Разсмотримъ эти примѣры.

¹⁾ Работѣ этой, вышедшей въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ“ (М. 1895), посвящены двѣ моихъ статьи: „Изъ области семасіологій“ (*Филол. Обзор.* XI, 3 сл.) и „Спорные вопросы изъ области морфологій и семасіологій“ (*ibid.* XII, 209 сл.), которыя отчасти затрогиваетъ мой критикъ въ своей рецензіи (напр. Р. 32, 70, 72); въ виду этого мнѣ, въ свою очередь, придется вернуться къ нѣкоторымъ—впрочемъ очень немногимъ, и притомъ частнымъ—вопросамъ изъ области нашихъ тогдашнихъ теоретическихъ разногласій и въ связи съ этимъ—цитировать нѣкоторые (опять-таки очень немногіе) пункты изъ семасіологической работы Покровскаго, которую я, ради краткости, буду обозначать буквой С.

1) Прежде всего, критикъ (Р. 33) ссылается на мою попытку (Э. 236 сл.) истолковать появленіе уменьшительнаго *crepusculum*, какъ результатъ вліянія со стороны инструментальнаго *diluculum*, принятаго за уменьшительное. „И все это, говоритъ Покровский, подтверждается только однимъ фрагментомъ Плавта: *inde hic bene potus primulo crepusculo*“⁴. Здѣсь произошло явное недоразумѣніе. Если критикъ хочетъ сказать этимъ замѣчаніемъ, что приведеннаго мною одного примѣра для доказательства данной гипотезы мало, то я, наоборотъ, думаю, что и этотъ одинъ примѣръ могъ бы отсутствовать безъ вреда для аргументаціи, такъ какъ въ томъ, что *crepusculum* есть образованіе уменьшительнаго типа, убѣждаютъ меня не тѣ или другіе контексты, а самый морфологическій характеръ этого слова, аналогичнаго такимъ словамъ, какъ *minusculum*, *corpusculum*, *latusculum* и т. п.: и что привелъ мой оппонентъ для опроверженія этой квалифікаціи? Что касается примѣра изъ Плавта, то онъ упомянуть мной мимоходомъ, въ качествѣ иллюстраціи на всякій случай, которую я выдвинулъ въ виду того, что у Плавта (такъ же какъ и у многихъ другихъ римскихъ писателей) нерѣдко соединяются два уменьшительныхъ слова, въ частности—существительное и согласованное съ нимъ прилагательное—обстоятельство, уже давно отмѣченное въ наукѣ¹). Дѣйствительная же аргументація моя въ пользу объясненія *crepusculum*, какъ аналогическаго новообразованія при *diluculum*, сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: а) *crepusculum* по типу—уменьшительное образованіе, б) этотъ морфологическій типъ не вытекаетъ ясно изъ значенія даннаго слова, в) въ виду этого можно предпологать здѣсь продуктъ новообразованія по аналогіи, д) морфологическія новообразованія по аналогіи въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ предполагають ассоціацію по значенію, е) поэтому можно заподозрѣть, что *crepusculum* возникло по аналогіи съ какимъ-нибудь ассоціированнымъ по значе-

¹) Ср. хотя бы *Schmalz*, *Lat. Stilistik*³ § 68; изъ русскихъ ученыхъ на это обратилъ вниманіе напр. *Фойсль* въ своемъ прекрасномъ изданіи Теренціева Евнуха, замѣтивъ (ad. v. 108), что „нерѣдко въ комедіяхъ встрѣчается склоненіе нѣсколькихъ уменьшительныхъ формъ; Теренцій позволяетъ себѣ это рѣдко..., за то тѣмъ чаще Плавтъ, см. *Lorenz* ad *Plaut.* *Pseud.* Einl. p. 59 sqq.; и Циперонъ любитъ этотъ способъ выраженія: *Tusc.* II, 18, 42: *qui contortulis quibusdam et minutis conclusiunculis*, *ibid.* III, 1, 2: *nunc parvulos nobis dedit igniculos*, *id.* N. D. III, 17, 43: *aureola oratiuncula*, *id.* Acad. II, 44, 135: *aureolus libellus*“. Аналогичные случаи встрѣчаются и у Катутла: ср. напр. 3, 18: *Flendo turgiduli habent ocelli*, 25, 2: *imula oricilla* (возстановлено Скалигеромъ), 64, 316: *Arifidulis haerebant morsa labellis* и т. и.

нію словомъ, f) такимъ естественнѣе всего могло быть *dilucidum*, но g) это образованіе не есть уменьшительное, а инструментальное, h) смѣшеніе инструментальныхъ образованій съ уменьшительными, несомнѣнно, наблюдался въ латинскомъ языкѣ, i) ergo позволительно предположить, что *dilucidum* могло созвваться уменьшительнымъ и, какъ таковое, — k) вызвать появленіе новообразованія *serpisculum*.

Пункты d и h, заключающіе въ себѣ большія посылки, тѣмъ самымъ вводятъ элементъ дедуктивный въ мою аргументацію. Но первый изъ этихъ пунктовъ — общее мѣсто въ лингвистикѣ, а второй — весьма обстоятельно обоснованъ мной (см. II. 230 сл., Э. 52, 64, 97, 242). Къ фактамъ, приведеннымъ мной Э. 64 прибавлю теперь еще *ferculum* = *vasculum*, равенство, перѣдко встрѣчающееся въ глоссаріяхъ (ср. Goetz, Thes. s. v. *ferculum*): это обстоятельство, быть можетъ, позволительно использовать какъ лишній аргументъ въ пользу толкованія *fer*, предложеннаго мной Э. 242 (ср., если только это нужно, пропорцію: *vasculum*: *vas* = *ferculum*: *fer*). Любопытные примѣры обратныхъ образованій изъ существительныхъ, ложно принятыхъ за уменьшительныя, приводитъ Р. Ф. Брандтъ въ критическомъ изслѣдованіи „Объ этимологическомъ словарѣ Миклошича“ (отдѣльн. оттискъ изъ „Русск. филол. вѣстника“. Варшава 1887 и 1891 гг.): такъ, напримѣръ, онъ предполагаетъ (стр. 132) въ малорус. *фляха* и великорус. *фляна* продуктъ обратнаго образованія изъ *фляшка* ¹⁾, „при чемъ появленіе звука *z* объясняется такими образцами, какъ *nóška* — *nagá*, *daróška* — *daróga*“. Очень интересны также разсужденія того же ученаго о Миклошичевой рубричкѣ *танисі*. „Въ окончаніи *и* нѣмецкаго рѣченія *Tanz*, говоритъ онъ (ор. с. стр. 166), очевидно усмотрѣли свою наставку *tz*. Путемъ подстановки другого меньшительнаго суффикса возникло рус. *таніокъ*. Поляки отъ „меньшительнаго“ *tanies* отвлекли мнимую первичницу *tan; w tan idę cedry...* чаще въ множинѣ *tany; pojście w tany, na tany*“ и такъ далѣе ²⁾. Изъ романскихъ языковъ наряду съ отмѣченными у Нидер-

¹⁾ „Фляшка, замѣчаетъ профессоръ Брандтъ (ibid. прим. 2), я склоненъ поимать, какъ повонѣмъ. *Flasche*, распространенное славянской наставкою *ka*; но можно, кажется, выподить его также изъ болѣе ралпнаго *flaska*“.

²⁾ Любопытный случай обратнаго образованія, извлеченнаго изъ слова иноземнаго происхожденія, мы находимъ въ исторіи греч. *σερικόν* (лат. *sericum*). Это слово — несомнѣнно восточнаго происхожденія: ср. корейск. *sir*, монгольск. *sirker*, манджур. *sirghé*. „Das Verhältnis des Völkernamens *Seres*, Σῆρες zu dem Appellativum *sericum* — *σερικόν*, замѣчаетъ Шрадеръ (Realex. d. indogerm. Altertumskunde, 758), wird man sich gegenüber den oben genannten ostasiatischen Namen der Seide nicht

мана (ср. *Indogerm. Forsch.* XV, 106) примѣрами упомяну еще рум. *cingu* „поясъ“ и ит. *signa* (съ метатесой изъ **cinga*?) „ремень, подпруга“, которая, повидимому, предполагають прототипъ **cinga*, извлеченный путемъ *Rückbildung* изъ инструментальнаго *cingula*, засвидѣтельствованнаго какъ у писателей (ср. нир. Ovid. *rem. am.* 236: *Elle nova velocem cingula laedat equum*, т. е. въ значеніи „подпруги“), такъ и въ глоссаріяхъ (ср. Goetz, *Thes. s. v. cingulum*). Въ эти случаи показываютъ, какъ легко неуменишительныя образования принимаются за уменьшительныя въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется на лицо звуковое сходство исхода съ соотвѣтствующими уменьшительными исходами. На этой почвѣ, по всей вѣроятности, возникло и упомянутое мной выше (Б, V, 9) итальянское прилагательное *piccolo*.

Возвращаясь снова къ *crepusculum*, я долженъ подчеркнуть, что единственнымъ средствомъ скомпрометтировать мою гипотезу относительно происхожденія этого слова было бы доказательство несостоятельности пункта b въ вышеприведенной моей аргументаціи, т. е., другими словами, доказательство возможности признать въ этомъ словѣ настоящее уменьшительное образование. Эта мысль мелькала у меня уже давно, причемъ я опирался на такія параллели, какъ, напримѣръ, *nigriculus*, *albicare*, *claricare* и тому подобныя ¹⁾, до известной сте-

anders vorstellen können, als so, dass *sericum* — *σέρικόν* direkt einer Form wie dem mandtschurischen *serghé* entspricht, und erst aus diesem nach dem Muster von *arabiscum: Arabes*, *indicum: Indi*, *aethopicum: Aethiopes* etc. ein Völkernamen *Seres* volksetymologisch erschlossen wurde“. Прибавлю къ этому разсужденію, что въ греческомъ языкѣ изъ *σέρικόν* была, въ свою очередь, извлечена *Rückbildung* *σέρ* „шелковичный червь“ (ср. Paus. VI, 28, 8 sq.). Кстати укажу на два романскихъ (или вульгарно-латинскихъ) случая, которые, повидимому, могли бы быть истолкованы какъ обратныя образования изъ словъ съ суффиксомъ *-ico-*. Я имѣю въ виду, во-первыхъ, вульгарно-латинскій прототипъ **classum* (откуда ит. *chiasso*, пров., др.-фр. *clav* и т. д.; ср. Gröber въ *Arch. f. lat. Lex.* I, 547), быть можетъ, извлеченный изъ классическаго *classicum*, а во вторыхъ — **foresta*, лежащее въ основѣ ит. *foresta* пров. *foresta* (ср. также фр. *forêt*) и могущее, пожалуй, быть понятымъ какъ *Rückbildung* изъ **foresticus* (о которомъ см. ниже, экскурсъ II, второе примѣчаніе), ср. по этому поводу *Körting*, *Lat.-rom. Wtb.* № 3903 и *Kluge*, *Etym. Wtb. d. deutsch.* Spr. v. v. *Forst*. Впрочемъ, оба эти случая требуютъ, конечно, болѣе детальнаго разсѣдованія.

¹⁾ Ср. II. 23 и Д. 153^a. Кстати, прибавлю (по поводу моей теоріи о глаголахъ на *-icare*), что гл. *vellicare* и (хотя уже съ меньшей степенью вѣроятія) *fidicare* можно было бы, пожалуй, разсматривать какъ продуктъ аналогіи со стороны *mordicare*. Въ связи съ упомянутымъ тамъ же гл. *morsicare* обращу вниманіе на прилагательное *morsicus*, засвидѣтельствованное *Mulomed. Chiron.* 291, 22: *amentum morsic-*

пени напоминающія собой какъ въ морфологическомъ, такъ и въ семасіологическомъ отношеніи *crepusculum*. Однако въ послѣдствіи я покинулъ этотъ взглядъ, такъ какъ эти послѣднія образованія — не совсѣмъ того же типа, и *crepusculum* все-таки представляетъ собой, какъ цѣльная форма, морфолого-семасіологическое *unicum*, что и заставляетъ меня прибѣгнуть въ признанію аналогическаго новообразованія. Что касается этого послѣдняго, то для его возникновенія не было вовсе необходимости въ томъ, что бы въ *diluculum* выступилъ когда-нибудь уменьшительный оттѣнокъ въ подчеркнутомъ видѣ ¹⁾; наоборотъ, этотъ оттѣнокъ уменьшительности могъ еле сознаваться, и въ *crepusculum* исходъ *-culum* могъ перекинуться отъ *diluculum*, даже какъ формально-уменьшительный исходъ (понимая этотъ терминъ такъ же, какъ напримѣръ, формально-фреквентативныя формы глагола и т. п.).

Въ заключенію — два слова объ этимологіи *crepusculum*. Изъ показаній Вальде (Etym. Wtb. d. lat. Spr. 150 и 702) видно, какъ безнадежно стоитъ этотъ вопросъ въ наукѣ. Къ тѣмъ гипотезамъ, которыя приведены въ этомъ словарѣ, можно прибавить еще одну, принадлежащую Puskariu (Etym. Wtb. d. rumän. Spr. № 408), который предполагаетъ, что *crepusculum* находится въ родствѣ съ гл. *crepäre* въ значеніи „лопаться, трескаться“ (ср. ит. *crepare*, сард. *krchare*, фр. *crever* и т. п.) и приводитъ такія параллели какъ рум. *sa creapă de ziuă* „der Tag bricht an“ и ст.-фр. *l'aube crevant*. Какъ ни остроумна эта этимологическая догадка, вполне убѣдительною ее все-таки признать нельзя.

2) Далѣе, Покровский упрекаетъ меня (Р. 33 и 56) за то, что я для объясненія позднелатинскаго *caudatus* предположилъ ad hoc (Э. 228) довольно прочное существованіе въ латинскомъ языкѣ синонимическаго *renatus*, вопреки нѣкоторымъ текстамъ, въ которыхъ можно скорѣе заключить, что это слово рано исчезло изъ языка. Конечно, можно,

sunt, съ чѣмъ можно сопоставить прилагательное *clodicus* — *ibid.* 154, 25 — при гл. *claudicare*.

¹⁾ Это замѣчаніе я дѣлаю въ виду слѣдующихъ словъ критика (Р. *ibid.*): „Когда Алкмена говоритъ (Plant. Amph. 737): *primulo diluculo abiisti ad legiones*, то она вовсе не подчеркиваетъ уменьшительности *diluculum*“. Въдъ и въ такихъ словахъ, какъ *vinculum*, *fericulum*, *cingula*, *фляшка* (*фляжка*) и т. п. тоже едва ли есть поводъ подозревать подчеркнутое уменьшительное значеніе, однако всѣ эти слова, несомнѣнно, сознавались до известной степени какъ *diminutiva*, чѣмъ и объясняются соответствующіи обратныя образованія отъ нихъ.

пожалуй, предположить обратное, — что *causātilus*, хотя и засвидѣтельствовано очень поздно, но возникло, вѣроятно, еще въ эпоху живого существованія *penātilus*. Въ настоящее время я даже скорѣе склоняюсь именно къ этому послѣднему предположенію; однако и при немъ остается опять-таки тотъ же элементъ дедукціи. И какимъ образомъ можно объяснить *causātilus* иначе?

3) На страницѣ 56 рецензіи критикъ говоритъ: „А. А. Грушка, предположивъ *Rückbildung* въ *terminus*, старается найти то же явленіе въ другихъ, отчасти очень позднихъ и спорадическихъ образованіяхъ отъ той же основы (*dīsternina*, *externinus*) или въ синонимическомъ *limitum* при *limes*. Такимъ же образомъ отъ *tenendus* онъ переходитъ къ синонимическому *fallu*“. Судя по подчеркнутымъ мною словамъ, Покровскийъ подозрѣваетъ, что я въ данныхъ морфологическихъ комбинаціяхъ исходилъ изъ убѣжденія, что склонность къ возникновенію обратныхъ образованій захватываетъ собой съ одной стороны морфолого-этимологическія, а съ другой — семасіологическія группы словъ. Если бы это подозрѣніе оказалось справедливымъ, то я былъ бы дѣйствительно повиненъ въ явномъ злоупотребленіи дедукціей, пользуясь совершенно подоказанными большими посылками. Но гдѣ нашелъ у меня критикъ эти посылки? Быть можетъ, онъ предполагаетъ, что онѣ выражены мной *implicite* — въ самомъ фактѣ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ случаевъ по сосѣдству? Но вѣдь таюй выводъ былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ принципа *post hoc* (да еще на половину въ топографическомъ смыслѣ!) *ergo propter hoc*. Если же моего критика натолкнули на этотъ выводъ слѣдующія мои слова (Э. 23): „Въ связи съ *terminus* упомяну еще одно образованіе, а именно *limitum*“, то вѣдь они отнюдь не равносильны словамъ: „съ *terminus* я ставлю въ связь *limitum*“. Иное дѣло, когда напримѣръ самъ Покровскийъ утверждаетъ (С. 102), что „въ связи съ *χαράτῆρ* мы пойдемъ исторію *καοτῆρ*“ и дальше — „разъ въ языкѣ понятіе «обмороженная часть тѣла или кожи» можетъ обозначаться инструментальнымъ именемъ, то подобный способъ обозначенія примѣнимъ и къ понятію «обожженная часть тѣла»“. Тутъ дѣйствительно устанавливается соотносительная связь между разнородными языковыми фактами, но вѣдь я какъ разъ энергично возражалъ противъ подобной постановки морфологическихъ изслѣдованій (см. *Филол. Обзор.* XII, 273 сл.)! Что касается отмѣченныхъ выше фактовъ: *terminus*, *dīsternina* и т. д., съ одной стороны, или *tenendus*, *fallu* — съ другой, то тутъ нѣтъ и намека на признаніе спе-

ціальнаго сродства въ процессѣ возникновенія ихъ, а имѣется на лицо лишь ассоціація идей, опредѣлившая порядокъ изложенія. Вѣдь самъ Покровский въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи (стр. 14) замѣчаетъ: „Ассоціація представленій заставляеть автора (Э. 26) въ связи съ *terminum* упомянуть также объ испорченномъ *falla* у Новія“¹⁾. Ноужели однако эти двѣ квалификаціи одного и того же факта примиримы между собой? Ноужели переходъ отъ одного явленія языка къ другому по ассоціаціи идей и установленіе соотносительной связи между ними — одно и то же? Но, помню этого, я недоумѣваю, какимъ образомъ мой критикъ могъ приписать мнѣ теорію, противъ которой я такъ долго и упорно боролся много лѣтъ тому назадъ, когда она была выставлена какъ разъ самимъ Покровскимъ? Напомню, напримѣръ, мои критическія замѣчанія по поводу предложенныхъ имъ объясненій для греч. *χαράκτηρ*, *καυτήρ* и *χίματρον* (Фил.-л.-л. Обзор. I. с.), по поводу такихъ классификаціонныхъ группъ, какъ „кухонныя принадлежности“, „перевязи, ремни и веревки“ и тому подобнаго (см. *ibid.* стр. 267 сл.). Съ другой стороны, моему критику необходимо было бы обратить вниманіе на слѣдующія мои слова, притомъ, высказанныя мной опять-таки въ опроверженіе взглядовъ Покровскаго (см. II. 219): „Обратныя образованія во всѣхъ языкахъ суть явленіе болѣе или менѣе спорадическое, и въ латинскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ я затруднился бы указать хоть на одинъ типъ этихъ образованій, который можно было бы назвать продуктивнымъ“. Въ заключеніе замѣчу, что, если я сооставилъ *terminus*, *determina*, *conseminus* и —уже съ оговоркой— *exterminus* и *Germinus*, то въ виду того, что мнѣ казалось наиболѣе удобнымъ объяснить въ этихъ образованіяхъ окончаніе *-minus(-a)* путемъ допущенія *Rückbildung*. Я и теперь продолжаю держаться того же мнѣнія, толкованія же, предложенныя Покровскимъ для этихъ словъ, представляются мнѣ весьма искусственными. О его догадкахъ (безусловно неудачныхъ) относительно *terminus*, *determina*, *conseminus*, *limitum* и *mendus* я скажу въ другой связи, что же касается *exterminus*, то напрасно мой оппонентъ не обратилъ вниманія на ту нерѣзительность, съ какою я выставилъ по отношенію какъ разъ къ этому случаю гипотезу о происхожденіи путемъ обратнаго производства.

4) Послѣднимъ примѣромъ злоупотребленія дедукціей по мнѣнію

¹⁾ Выше (см. А. I, 3) мы видѣли, что мнѣніе критика объ испорченности *falla* нѣсколько поспѣшно.

Покровскаго (Р. 56) является мой переходъ „отъ труднаго *compositum* къ не менѣе трудному слову отъ того же корня—*impetus*“. Эта иллюстрація вызываетъ наибольшія недоумѣнія. Прежде всего, я долженъ отмѣтить и тутъ, что наряду съ этой квалификаціей моего взгляда на данныя слова какъ логической (или методологической) ошибки, въ томъ же самомъ критическомъ этюдѣ высказывается (Р. 18) по существу совершенно иная квалификація: „Повинуясь движенію ассоціаціи идей“, замѣчаетъ критикъ (повидимому, не безъ ироніи), „авторъ распространяетъ свое гаданіе (*sic*) о *compositum* на другое трудное слово, происходящее отъ того же корня, именно *impetus*“. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь такой же серьезный диспаратъ, какъ и въ предыдущемъ пунктѣ. Обращаясь теперь къ существу дѣла, я долженъ замѣтить, что мой переходъ отъ *compositum* къ *impetus* вполне методиченъ: совершенно естественно ожидать, что смѣшеніе корневого *t* съ суффиксальнымъ, наблюдаемое въ одномъ изъ производныхъ отъ корня *pet*, можетъ обнаружиться и въ какихъ-нибудь другихъ производныхъ (извѣстнаго типа) отъ того же корня, такъ же, впрочемъ, какъ и отъ всякаго другого корня, оканчивающагося на *t*. Конечно, это ожиданіе заключаетъ въ себя элементъ дедуктивнаго характера, но думаю, что въ этой формѣ дедуктивный моментъ не только не вредитъ научному изслѣдованію, но безусловно необходимъ, давая мысли необходимый толчекъ и ведя ее къ тѣмъ или другимъ открытіямъ. Иное дѣло, если бы это ожиданіе, незамѣтно для меня самого, превратилось въ категорическое утвержденіе, что всѣ производныя отъ корней, оканчивающихся на *t* (соотвѣтствующаго типа) представляютъ ту же самую морфолого-фонетическую особенность. Но ничего подобнаго я не утверждаю. Въ частности, я далекъ отъ мысли, что объясненіе *compositum* какъ продукта смѣшенія суффиксальнаго и корневого *t* является исчерпывающимъ основаніемъ для соотвѣтствующаго истолкованія *impetus*; другими словами, я отнюдь не смотрю на дѣло такъ, что выставленный мной взглядъ относительно исторіи слова *compositum* *eo ipso* долженъ быть перенесенъ и на родственное по корню *impetus*. Вѣдь это послѣднее образованіе истолковано мной аналогичнымъ способомъ по многимъ соображеніямъ спеціальнаго характера, притомъ совершенно самостоятельно отъ *compositum* ¹⁾.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ упреки по моему адресу въ злоупотре-

¹⁾ Ниже я возвращусь къ этимъ двумъ образованіямъ.

требленіи дедукціи или спеціальномъ пристрастіи къ ней несоотвѣтственны. Да и вообще, было бы большою ошибкою думать, что дедуктивный моментъ долженъ быть изгнанъ изъ лингвистическихъ построеній. Наоборотъ, онъ совершенно неизбѣженъ, и безъ него лингвистика не могла бы сдѣлать ни одного шага впередъ. Въ противоположность Покровскому я категорически утверждаю, что дедуктивно приемы изслѣдованія въ области лингвистики — настолько обычное явленіе, что, наоборотъ, отсутствіе ихъ придадо бы оригинальный характеръ лингвистической работѣ. Впрочемъ, я даже плохо представляю себѣ такое изслѣдованіе по лингвистикѣ, изъ котораго была бы изгнана дедукція, и во всякомъ случаѣ я затруднился бы во всей лингвистической литературѣ указать хотя бы на одинъ сколько нибудь серьезный трудъ, построенный на основѣ чистой индукціи. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, чтобы при пользованіи дедуктивнымъ методомъ не вводить непровѣренныхъ посылокъ, такъ какъ введеніе таковыхъ совершенно обезцѣниваетъ реальное значеніе силлогизмовъ ¹⁾.

¹⁾ Примѣромъ такой ошибочной дедукціи можетъ служить утверженіе Покровскаго (С. 43), что „аналогіей (со стороны глаголовъ вѣса можетъ быть) объясн(ено) двойное значеніе въ *aequare, adaequare*—1) уравнивать, 2) равняться съ кѣмъ, съ чѣмъ—*accusat.* Второе значеніе само по себѣ невозможно, такъ какъ *aequare* есть *causativum* къ *aequus* (*aequus* „равный“ : *aequare* „дѣлать равнымъ“, ср. *liber* „свободный“ : *liberare* „дѣлать свободнымъ, освобождать“, *vastus* „пустой“ : *vastare* „дѣлать пустымъ, опустошать“, *novus* : *novare, veter* : *vetustare* напр. *foedus* и ил. др.)“. Однако это разсужденіе должно быть признано безусловно ошибочнымъ, такъ какъ подчеркнутыя мной положенія при повѣркѣ не оправдываются: некаузативное значеніе для отглагольных глаголовъ, образованныхъ отъ прилагательныхъ, на самомъ дѣлѣ вполнѣ возможно, какъ это показано мной на длинномъ рядѣ примѣровъ (ср. *Филол. Обзор.* XI, 49 сл.). Замѣчательно, что аналогичную ошибку допустилъ даже Брунманъ (*Indogerm. Forsch.* VI, 100) въ своихъ разсужденіяхъ по поводу латинскаго глагола *fragrare* (см. II., 127 сл.). Тѣмъ пріятнѣе для меня констатировать, что въ своихъ „Матеріалахъ“ (стр. 117) Покровскій не только принялъ во вниманіе высказанный мной выше тезисъ (хотя бы и безъ упоминанія моего имени), но и сдѣлалъ попытку объяснить съ этой точки зрѣнія нѣкоторые факты латинскаго языка (см. его замѣчанія относительно *uberare* и *fetare*; ср. впрочемъ еще М. 262). Зато я сомнѣваюсь въ безусловной правильности предлагаемаго Покровскимъ (притомъ безъ всякихъ оговорокъ) сопоставленія адъективированнаго причастія *praeteritus* (М. 149) съ такими образованиями, какъ *adultus, statius, cētus* (отъ *cresco*), *placitus* и т. п. и сообразно съ тѣмъ—квалификаціи этого слова какъ „причастія на -to- отъ непереходнаго глагола“. Не надо забывать, что глаголъ *praeterire* уже въ древнѣйшую эпоху латинскаго языка былъ переходнымъ (ср., напр. *Plaut. Capt.* 808: *Praeterire nemo pistrinum potest*), въ виду чего трудно по-

Выяснивъ основной методологическій вопросъ, перейду къ разсмотрѣнію ряда другихъ проблемъ по методологіи, вокругъ которыхъ могутъ быть очень удобно сгруппированы отдѣльныя лингвистическія возраженія моего оппонента.

II.

Всякій лингвистъ хорошо знаетъ, какъ важно правильно опредѣлить условія возникновенія новообразованій по аналогіи. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что прогрессъ въ этой сторонѣ изученія языковыхъ фактовъ представляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ всего прогресса лингвистики; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, (что впрочемъ и естественно) какъ разъ вопросы этой категоріи являются особенно часто яблокомъ раздора между учеными. Въ частности, мнѣ нерѣдко уже раньше приходилось расходиться съ Покровскимъ какъ по общимъ вопросамъ объ аналогіи, такъ и по частнымъ случаямъ примѣненія этого важнаго принципа¹⁾; и на этотъ разъ между

ручится за то, что *praeteritus* въ значеніи „прошедшій“ не возникло на почвѣ первоначально-пассивнаго значенія „пройденный“; во всякомъ случаѣ, необходимо было иллюстрировать хоть однимъ примѣромъ утвержденіе, что это слово въ непереходномъ значеніи („прошедшій“) встрѣчалось уже въ „старомъ“ латинскомъ языкѣ. Такъ или иначе, все это должно было быть оговорено и выяснено болѣе отчетливымъ образомъ. Большихъ оговорокъ требовало также отнесенное авторомъ къ той же категоріи адъективированное причастіе *irptus* (*ibid.*), въ особенности въ виду того, что это слово приведено въ формѣ мужскаго рода.—Ниже будутъ отмѣчены другіе случаи неправильной дедукціи у Покровскаго.

¹⁾ Ср. напр. *Филол. Обзор.*, XI, 13 сл. 49 сл.; XII, 216⁶, 222, 224 сл., 251 267 сл., 275 сл., 284⁷⁷ и т. д. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ контроверсъ я вернусь ниже. Въ известной связи съ проблемой объ аналогіи находится капитальный для лингвиста вопросъ о теоретическихъ реконструкціяхъ тѣхъ или другихъ фактовъ языка. Что по данному пункту я сильно расхожусь съ Покровскимъ въ методологическихъ воззрѣніяхъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать хотя бы длинный рядъ реконструкцій моего оппонента, признаваемыхъ мной несостоятельными или сомнительными (эти реконструкціи перечислены мной въ третьемъ примѣчаніи въ А, II, 30); ср. съ другой стороны мои критическія разсужденія по поводу теорій Покровскаго объ отъиженныхъ образованіяхъ на *-tus* (см. II. 141 сл.), гдѣ я, наоборотъ, настаиваю противъ чрезмѣрной (т. е. методологически необоснованной) осторожности моего оппонента въ известной категоріи реконструкцій. Прибавлю теперь, что восстановленный мной теоретически гл. *malleare* („орудовать молоткомъ“) находитъ себѣ вѣское подтвержденіе и въ дѣломъ рядѣ романскихъ отраженій, въ родѣ ит. *magliare*, пров. *malhar*, фр. *mailler*, сп. *majar* (ср. *Arch. f. lat. Lex.* III, 524).

нами возникъ въ данной области рядъ разногласій, основанныхъ впрочемъ частью на недоразумѣніяхъ ¹⁾.

1) Такъ напр., мой оппонентъ утверждаетъ (Р. 47), что на *fascimentum* я смотрю, какъ на новообразование, порожденное аналогіей Лукреціева *proprium*; я полагаю однако, что сказанное у меня по поводу этихъ словъ (Э. 4, f) не даетъ рѣшительно никакого повода.

¹⁾ Во изъясненіе этихъ послѣднихъ вернусь къ одному пункту изъ моего отсюда по общей лексикографіи (см. А, II, 16), гдѣ я высказалъ предположеніе (не болѣе!), что **segniculosus* могло возникнуть прямо по аналогіи съ *somniculosus* безъ предварительнаго существованія прилагательнаго **segniculus*. Такииъ же образомъ напр. вульгарно-латинское (?) прилагательное **dorniculosus* (ср. ст.-фр. *dormillous*, пров. *dormillhos*) или гл. **dorniculare* (ср. ит. *dormicchiare*, ст.-фр. *dormiller*, пров. *dormillar* и т. п.) вовсе не обязательно предполагаютъ предварительное существованіе именнаго образованія (прилагательнаго или *nomen abstractum*) **dorniculus*, а легко могли возникнуть по аналогіи съ *somniculosus* (неоднократно засвидѣтельствовано въ латинскихъ текстахъ) и **somniculare* (ср., напр. ит. *somneschiare*, фр. *somellier*, пров. *somellar* и т. д.), въ основѣ которыхъ лежатъ *somniculus*, которое, вѣтъчу кстати, не только можетъ быть извѣчено изъ романскихъ отраженій, какъ это думать Покровский (М. VII и 260), но и непосредственно засвидѣтельствовано для латинскаго языка въ Not. Tir. 135. Вмѣстѣ съ тѣмъ, образованія **dorniculosus* и **dorniculare* интересны въ томъ отношеніи, что они показываютъ возможность возникновенія аналогическихъ новообразованій и при отсутствіи вполнѣ отчетливыхъ четырехчленныхъ пропорцій (каковой нѣтъ и при предполагаемомъ мной объясненіи для *segniculosus*, такъ какъ *segnis* и *somnis* не вполнѣ соотносительны): еще болѣе яркій случай такого нѣсколько паслѣственнаго новообразованія представляетъ собой напр. прилагательное *forasticus* (ср. CGL. V, 23, 27 и 70, 5, а также напр. ит. *forastico* „дикій, пелудный“), возникшее при адвербиальномъ *foris* скорѣе всего по аналогіи съ *domesticus* (откуда—дальнѣйшее удобобленіе напр. въ сик. *furestico*, пров. *foresque* и т. д., ср. *Körting*, Lat.-rom. Wtb². № 3901; ср. также мой разсужденій по поводу *scmpiternus* и *hotiernus* II. 258. Что касается новообразованія *somnignus* при *nocturnus* (о чемъ см. выше А, I. с.), то появленію его, быть можетъ, содѣйствовало употребленіе у поэтовъ *somnus* въ смыслѣ *nox* (притѣры собраны, между прочимъ, Фольмеромъ къ Stat. Silv., III, 2, 82), если только этотъ *usus* восходитъ къ достаточно древнимъ временамъ. Кстати, остановлюсь еще разъ на прилагательномъ *olitanus*, затронутомъ мной выше, въ глоссографическомъ отюдѣ (B, V, 6), и до сихъ поръ, какъ кажется, нигдѣ удовлетворительно не разъясненномъ. Нельзя ли было бы, однако, истолковать его въ качествѣ аналогическаго новообразованія при *subitānus* (ср. *Rönsch*, Itala u. Vulg. 122. CGL., III, 426, 58: Σπλ[α]γς (?), *subitanum*—среди названій вѣтровъ; къ этому же слову восходятъ и нѣкоторые романскія отраженія въ родѣ пров. *sobtan*, фр. *soudain*), которое въ свою очередь, какъ это предположилъ уже Грѣберъ (*Arch. f. lat. Lex.* III, 515), вызвало также новообразованія **longitanus* (ср. ит. *lonitanus*, пров. *londda*, фр. *lointain*) и **proptitanus* (ср. пров. *prohda*, если только это не есть специально-провансальское новообразованіе, прибавлю я отъ себя).

къ подобному утверждению. Принципіально сходныя черты въ морфологическихъ (или какихъ бы то ни было другихъ) фактахъ языка далеко не всегда возникаютъ на почвѣ аналогическаго воздѣйствія однихъ изъ этихъ фактовъ на другіе, какъ это я старался уже давно выяснитъ въ своихъ научныхъ спорахъ съ Покровскимъ (см. *Филол. Обзор.* XII, 251 прим., 267 сл. и т. д.)¹⁾: вдобавокъ и самое сопоставленіе *fascimentum* съ *propr̄it̄im* сдѣлано мной неувѣренно.

2) Настоячивѣе сравниваю я *fascimentum* съ глоссографическимъ *ostitor* (CGL. V, 601, 34)²⁾, но и тутъ рѣчь идетъ вовсе не объ аналогическомъ вліяніи одного образованія на другое, а объ аналогичной въ нихъ судьбѣ основы на *-io-* (*-iū-*): и въ томъ и въ другомъ случаѣ вмѣсто ожидаемаго *-iū-* передъ суффиксомъ, мы находимъ *-i-* (количество котораго опредѣлить трудно). Если тутъ и можетъ быть рѣчь объ аналогическомъ воздѣйствіи, то, конечно, не между этими

¹⁾ Что сказалъ бы мой оппонентъ, если бы я, прочитавъ напр. стр. 4 его „Матеріаловъ“, сталъ упрекать его за то, что онъ смотритъ на *voluer* какъ на фактъ, порожденный аналогіей со стороны *neḡibundus*, а познакомившись съ соответствующей страницей его „Семасиологическихъ изслѣдованій“, высказалъ бы порицаніе автору по поводу того, что ассиз. *ŷiŷa* наряду съ болѣе нормальнымъ *ŷiv* онъ рассматриваетъ какъ продуктъ аналогическаго воздѣйствія со стороны *ŷivz* (вм. *ŷiv*)?

²⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы высказаться по поводу еще одного образованія на *-tor*, засвидѣтельствованнаго въ глоссаріяхъ и до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, удовлетворительно не разъясненнаго. Я имѣю въ виду глоссу изъ Specim. cod. Cantabrig. Collegii Corp. Chr.: *Dicator qui verbis bene iocatur* (CGL. V, 408, 54). Гётцъ (*Thes. s. v. dicator*) оставляетъ эту глоссу безъ исправленія, отсылая однако къ рубрицѣ *dictator*, что рѣшительно не способствуетъ выясненію дѣла. Правда, въ одной изъ глоссъ, собранныхъ подъ этой рубрикой—CGL. IV, 505, 57—мы и имѣемъ колебаніе рукописей *dicator : dictator* (замѣчу кстати, что первая изъ этихъ формъ засвидѣтельствована еще эпиграфически въ *Lex. Spoletina*, см. *Brunns, Fontes iuris romani antiqui*⁴, p. 45: *cius piacti moltaique dicator [ei] exactio est[od]*); и сомнѣваюсь однако, чтобы здѣсь *dicator* значило то же, что *dictator*, какъ это утверждается въ *Arch. f. lat. Lex.* II, 471, и предпочитаю объясненіе Брусса: „*Dicator est, qui dicat rem sacram, i. e. in vico magistratus vicarius*“); однако въ виду *interpretamentum imperator* эта глосса не даетъ ничего для истолкованія интересующей насъ глоссы. Что касается этой послѣдней, то, какъ ни соблазнительно исправить лемму *dicator* въ *dicitor*, опираясь на романскія отраженія въ родѣ ит. *dicitore* или фр. *diseur*, однако я считалъ бы такую поправку мало вѣроятной, въ виду наличности очень близкой по *interpretamentum* (притомъ довольно характерному по своей формѣ!) глоссы въ *Gloss. Amplon. II: Dicaa qui bene verbis iocatur*. Итакъ, вѣроятнѣе всего, вм. *dicator*, надо читать *dicaa*. Окончаніе *-tor* могло возникнуть, напр., подъ вліяніемъ стоящаго въ концѣ *interpretamentum iocatur* (первоначальное искаженіе могло быть или: *dicator—iocator*, или, что вѣроятнѣе,—*dicatur—iocatur*).

словами (что представляло бы собой полную несообразность), а для каждаго изъ нихъ со стороны какихъ-нибудь другихъ образованій съ соотвѣтствующимъ суффиксомъ—скорѣе всего, отъ основы на -o- (-ā-). Такъ, *ostitor* могло получиться подъ вліяніемъ *ianitor*, *valvitor* и т. п., а *fascimentum*—подъ вліяніемъ какого-нибудь образованія на -*imentum*¹⁾. Главное же,—что и послужило мотивомъ къ моему критическому замѣчанію по поводу отношенія Гётца къ *fascimentum*,—я не совсѣмъ понимаю, почему нѣмецкому глоссографу это послѣднее образованіе, засвидѣтельствованное единогласно цѣлымъ рядомъ глоссъ (притомъ отнюдь не тождественныхъ по своему составу!)²⁾, представляется монѣе вѣроятнымъ, чѣмъ одиноко стоящее *ostitor*? Наконецъ, Покровский и тутъ (какъ и въ многихъ другихъ случаяхъ) недостаточно оцѣнилъ гипотетичность моего замѣчанія по поводу формы *fascimentum*³⁾.

3) Впрочемъ, хотя я только что опредѣлилъ *ostitor*, какъ одиноко стоящее образованіе, я не нахожу никакихъ оснований сомнѣваться въ его достовѣрности, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ превосходное репандантъ въ видѣ *balnitor*, которое было мной отмѣчено еще въ первой диссертациі (Н. 18) и иллюстрировано глоссографическими примѣрами. Ср. теперь еще *Thes. linguae lat. s. v.* гдѣ, между прочимъ, Турнейзенъ замѣчаетъ, что это слово „а *balneum ductum*, cf. *ianitor*, *holitor sim.*“. Съ своей стороны прибавлю, что ближайшей точкой отправленія для *balnitor*, быть можетъ, служилъ вульгарный вариантъ при *balneum*—*balnium*, засвидѣтельствованный на надписяхъ (ср. СП. XIV 914), а также рукописнымъ преданіемъ *Cic. Att. II, 3, 3 (balnium cod. M., rasura post l.)*. Замѣчу еще, что наряду съ *balnitor*⁴⁾ существовала болѣе обычная форма *balneator* (ср. напр. *Varro L. L.*

¹⁾ Точно также *proprium* могло, пожалуй, какъ это предполагаетъ цитируемый Покровскимъ Линдсей, возникнуть по аналогіи съ *virilium* (которое, впрочемъ, само по себѣ требуетъ еще болѣе отчетливаго объясненія!).

²⁾ Замѣчаніе Покровскаго (Р. 47), что „ошибки глоссографовъ въ передачѣ производныхъ отъ *fascia* зависѣли частью отъ того, что они знали преимущественно лишь это послѣднее слово, да и то главнымъ образомъ въ его греческомъ заимствованіи *φασκία*“ и т. д. едва ли слободно хоть сколько-нибудь пролить свѣтъ на это замѣчательное единодушіе глоссографической традиціи.

³⁾ „И не рѣшился бы категорически отвергнуть форму *fascimentum*“, говори я л. с.

⁴⁾ Не смотря на *CGI. II, 567, 12: Apotisterium (= apodyterium) locus ubi mittuntur vestimenta banientium (cod. a : balnientium)*, я считалъ бы просодію *balnitor* (о которой я упоминаю, между прочимъ, Н. I. с.) менѣе вѣроятной.

VIII, 53); а при ней, въ свою очередь, ближайшій дублетъ *balniator* (ср. напр. *Plant. Roem.* 703 [A], *Ulp. Dig.* VI, 1, 15, 1; *CGL.* V, 644, 49).

4) Только что отмѣченная нами пара *balniator*:*balniŭtor* невольно приводитъ на память совершенно аналогичную пару *vindemiator*:*vindemiŭtor*; этотъ послѣднй вариантъ извѣстенъ намъ съ одной стороны какъ синонимъ съ обычнымъ *vindemiator* (ср. *Sen. apocol. ed. Buech.* сар. 2, lin. 25: *Carpebat raras serus vindemiator uvas*), а съ другой стороны—въ качествѣ названія созвѣздія (ср. *Ovid. Fast.* III, 407 и *Plin. h. n.* XVIII, 309)¹⁾; сверхъ этого напомню эпиграфически засвидѣтельствованное согномен *Vindemiator* (ср. *Notizie degli scavi di antichità*, 1887, 69)²⁾. Какъ объяснить это *vindemiŭtor* на ряду съ *vindemiator*? На этотъ вопросъ, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ въ наукѣ не было дано удовлетворительнаго отвѣта. Правда, Покровскій (*Arch. f. lat. Lex.* XI, 352) сопоставляетъ данное образование съ *promiŭtor*, *luŭtor*, *plaudŭtor* (см. *CGL.* II, 579, 36) и т. п., однако такое сопоставленіе едва ли можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ *vindemiŭtor* отличается отъ перечисленныхъ параллелей очень существенными чертами, на которыя мой оппонентъ не обратилъ должнаго вниманія. А именно, прежде всего, *vindemiŭtor*—сложное слово, оканчивающееся какъ помен *agentis*, но при этомъ заключающее въ качествѣ первой части сложенія основу имени существительнаго (*vinum*). Во-вторыхъ, это образование не имѣетъ при себѣ, подобно *promiŭtor* и т. д., соответствующаго глагола. Совокупность этихъ двухъ чертъ создаетъ изъ *vindemiŭtor* образование весьма оригинальное и, какъ мы сейчасъ увидимъ, оно возникло, по всей вѣроятности, далеко не такъ просто, какъ это, повидимому, представляетъ себѣ Покровскій. На первый взглядъ *vindemiŭtor* могло бы быть сопоставлено съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ словъ, первая часть которыхъ представляетъ основу имени существительнаго, а вторая—помен *agentis*, въ родѣ *manidator* (ср. *CIL.* VIII 4681: *largus manidator*), *vitisator* (ср. напр. *Verg. Aen.* 178 сл.: *Italusque paterque Sabinus | Vitisator*), *lanilator* (ср. *CGL.* IV, 359, 4), *omnicreator* (ср. *Prosper. Aquit. epigr.* 2, 1: *Deus omnicreator*), *sortilator*—*sacrilegus* (?) (ср. *Porphyg. ad Hor. Sat.* I, 6, 114)³⁾, *ventricullor* „чревоугодики“

¹⁾ Въ этомъ второмъ мѣстѣ одна изъ рукописей (D^a), даетъ вариантъ *vindemiator*, который, однако, не имѣетъ, повидимому, критической цѣны.

²⁾ Заимствовано мной у *Олькотта* (*Stud. in the wordform. of the lat. inscr.*, 117).

³⁾ Вотъ соответствующій текстъ: *Adiusto divinis. Divinos sortilegos* (cod.

(ср. Augustin. ep. 36, 11), *nomenclator* и т. п., а также женскія образования въ родѣ *silvicultrix* (ср. Catull. 63, 72: *cerva silvicultrix*) и т. п. Эти сложныя слова, въ свою очередь, возникли, по крайней мѣрѣ отчасти, на почвѣ болѣе первоначальнаго типа сложній, состоящихъ изъ сочетанія родительнаго падежа существительнаго + *po-*men *agentis*, въ родѣ *legislator*. Впрочемъ, при именной основѣ на *o* въ качествѣ первой части сложенія иногда трудно различить, что именно присоединяется къ *po-*men *agentis*, — форма ли *gen. sg.* или чистая основа: такъ напр., *agricultor* (напр. Liv. XXVI, 35, 5) можно понимать и какъ *agrī + cultor* (даже первоначально какъ два самостоятельныхъ слова), и какъ *agricultor* (во что и могло превратиться впослѣдствіи первое сочетание). Особенно обращу вниманіе на *auricaesor* (ср. edict. Dioclet. CIL. III, p.1951, 30, 4: *αυρικασορι-ζουζ*)¹⁾, по образцу котораго, быть можетъ, возникло глоссографически засвидѣтельствованное *lapidicaesor* (ср. CGL. II, 358, 54: *Λατό-μορς lapidicaesor*)²⁾, что, пожалуй, позволительно использовать какъ нѣкоторый (хотя и не категорическій) показатель въ пользу того, что первое слово разсматривалось (по крайней мѣрѣ впослѣдствіи), какъ *auricaesor*³⁾; несомнѣнно, имѣютъ также *armifactor* (ср. напр.

sortilogos) *sortilatores* dicit. Однако Мейеръ въ своемъ изданіи исправляетъ *sortilatores* въ *circulatores*, что довольно вѣроятно, такъ какъ сочетание *sortilogos sortilatores*, въ которомъ первое слово должно пониматься, очевидно, какъ прилагательное, представляло бы совершенно нетерпимый плеоназмъ. Нельзя ли было бы, однако, читать: *sortilogos <vel> sortilatores*? Не рѣшая этого вопроса окончательно, замѣчу только, что само по себѣ образование *sortilator* едва ли можетъ вызвать какія-нибудь серьезныя возраженія; ср. на всякій случай Tib. I, 3, 11 сл.: *Illa (sc. Delia) sacras pueri sortes ter sustulit*; впрочемъ, техническимъ терминомъ при *sortes* быть, кажется, гл. *dicere*.

¹⁾ Ср. по поводу этого слова интересную замѣтку Бюргнера въ *Arch. f. lat. Lex.* VI, 566.

²⁾ Конечно, въ этомъ латинскомъ словѣ иной скептикъ усмотритъ искусственное образование, созданное глоссаторомъ ad hoc для передачи греческаго эквивалента; однако несомнѣнно реальное *auricaesor* служить до известной степени косвеннымъ аргументомъ и въ пользу реальности *lapidicaesor*; любопытно отмѣтить въ данной связи, что напр. другой техническій терминъ (отчасти изъ той же сферы), засвидѣтельствованный въ глоссаріяхъ при аналогичной обстановкѣ (т. е. съ аналогичнымъ по составу греческимъ эквивалентомъ), а именно — *aurifossor* (ср. напр. CGL. III, 201, 11: *αυριφοστις* [= *αυριφοστῆς*] *aurifossor*), подтверждается какъ вполне реальное слово текстомъ Cassiod. hist. XI, 15, p. 1196b: *Persae aurifossores, quos a Romanis ad mercedem acciperant, reddere contemnebant*.

³⁾ Къ той же формѣ мы придемъ, конечно, и въ томъ случаѣ, если предполо-

Vict. Vit. I, 30, *Martianus armifactor erat* ¹⁾, *armidoctor* (напр., CGL. II, 385, 26: *ὄπλοδιδάσκαλος*, а также Not. Tir. 45, 81a) ²⁾ и *armidator* (ср. CGL. III. 271, 53: *ὄπλοδοῦτης armidator*); впрочемъ опредѣлить степень реальности послѣдняго образованія довольно трудно. Едва ли можно сомнѣваться въ наличности *ī* (по крайней мѣрѣ въ извѣстную эпоху) и въ *agrīmensor*; во всякомъ случаѣ прилагательное *agrīmensorius* (напр. Itala Ezech. 40, 3 [Ambr. fid. V, 19, 229]) свидѣтельствуешь о томъ, что это образованіе сознавалось какъ сложное слово, а кромѣ того Турнейзенъ (см. Thes. linguae lat. s. v.), по всей вѣроятности, правъ, предполагая что *agrīmensor* является искусственной передачей греческаго *γαωμέτρης* ³⁾. Въ другихъ случаяхъ можно колебаться по поводу характера первой части сложения и степени ея слиянія съ *nomen agentis*. Таковы, помимо упомянутаго выше *agricultor*, напр. *auricoctor* (ср. CGL. II, 27, 9: *Auricoctor χρυσωφετής*), *catridocor* (напр. Veget. mil. I, 13), *linitextor* (ср. CGL. II, 361, 24: *Λινοφός linitextor linitextor*) и т. п.

И вотъ, на первый взглядъ можно заподозрѣть, что *vindemitor* возникло изъ **vīnī-dēmītor* ⁴⁾ такъ же, какъ *vindemia* — изъ **vīnī-dēmīa* ⁵⁾; такая точка зрѣнія на эти образованія тѣмъ болѣе соблаз-

нительна, наоборотъ, что въ языкѣ сперва возникло *lapidicaesor*, а уже потомъ—*auricaesor*.

¹⁾ Ср. съ этимъ образованіемъ *armicustos*, засвидѣствованное не только въ глоссаріяхъ (съ греч. эквивалентомъ *ὄπλοφύλαξ*—ср. CGL. II, 385, 31, гдѣ, впрочемъ, основная рукопись дасть *armicustius*), но и на надписяхъ (CIL. XI 67; X 3409 и т. д.).

²⁾ На надписяхъ засвидѣствована странная форма *armidoci* (CIL. VI 5945).

³⁾ Вообще, въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ образованій греческій иминульс не подлежатъ сомнѣнію, что однако несколько не избавляетъ отъ необходимости тщательно изучить латинскія условія, при которыхъ они возникли. Впрочемъ, къ этому вопросу мы еще вернемся по другому поводу.

⁴⁾ Слѣду оговориться, что первое *ī* въ этомъ предположительномъ прототипѣ имѣеть чисто условный характеръ, ради большаго сходства съ фактически засвидѣствованными формами.

⁵⁾ Ср. предшествующее примѣчаніе; прибавлю еще, что, несмотря на несомнѣнную первоначальную долготу корневого *ī* въ первой части сложения *vindemia*, романскія отраженія этого слова имѣють *e*: ср. напр. ит. *vendemmia*. „Das *e*, замѣчаетъ Кертиниъ (Lat.-rom. Wtb². № 10193), erklärt sich aus Anlehnung an *vendere*“. Я думаю однако, что причина этого *e* болѣе непосредственная, а именно, что первоначальное *ī* еще на почвѣ латинскаго языка фонетически перешло въ *ī* передъ группой *n*+согласный, о чемъ ср. Э. 214. Ср. къ тому же эпиграфически засвидѣствованное *vendemia* (IRN 3571), а также нѣкоторые другіе факты, приведенные Шузардомъ (Der Vokalismus. d. Vulgärlat. II, 54). Пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить блестящую гипотезу Э. В. Корша, высказанную имъ на моемъ диспутѣ въ

нительна, что въ латинскомъ языкѣ имѣется одна, по вѣшнему виду очень близкая, параллель, а именно—*fēnisector* (ср. Colum. XI, 1, 12: *Arator reperitur aliquis bonus et optimus fossor aut fēnisector*), при *fēnisectia* (или *fēnisectia*), (ср. Varro R. R. I, 47 и т. п.). И тѣмъ не менѣ между *vinemitor* и *fēnisector* есть существенная разница: при второмъ образованіи извѣстно соответствующее второй части сложения помен *agentis seclor*, и трудно съ увѣренностью сказать, не слѣдуетъ ли читать въ данномъ мѣстѣ Колумеллы *fēni seclor*, какъ это и печатается въ нѣкоторыхъ изданіяхъ ¹⁾; вполнѣдствіи это сочетаніе, конечно, могло дать сложное слово *fēniseclor* ²⁾. Между тѣмъ при *vinemitor* мы не имѣемъ болѣе простаго образованія **dēmitor*; это обстоятельство отличаетъ *vinemitor* и отъ всѣхъ другихъ сложныхъ словъ на *-lor* (*-sor*): *-trix*, перечисленныхъ мною выше. Единственное образованіе, которое на первый взглядъ могло бы быть въ этомъ отношеніи поставлено наряду съ *vinemitor*, это—*imbricitor*, если бы мы, вслѣдъ за Штольцемъ (Histor. Gramm., 430), предположили, что это—сложное слово „welches das als Simplex nicht vorkommende Verbalsubstantiv **citor* aufweist“, однако, какъ я уже выяснилъ въ своей первой диссертациі (стр. 261), данное слово могло бы быть понято и какъ производное отъ гл. *imbricāre*, аналогичное съ *imporcitor* при *m porcāre*, *librītor* при *librāre* и т. п., и въ настоящее время это послѣднее толкованіе представляется мнѣ болѣе простымъ. Что касается поздне-латинскаго *vindictrix*, засвидѣтельствованнаго въ сочетаніи *vindictrix ira* Victor. Vit. pers. Vandal. I. 35 (ср. Arch. f. lat. Lex. VI, 109),

связи съ отличеннымъ мною :). I. с. фонетическимъ явленіемъ. А именно, на позѣ этого явленія акад. Корнъ объясняетъ сокращеніе долгихъ по природѣ гласныхъ въ окончаніяхъ такихъ формъ, какъ *amant* (>**amānt*) или *vident* (>**vidēt*), причѣмъ это сокращеніе затѣмъ уже по аналогіи было перенесено и на соответствующія формы сд. ч. *amāt* и *vidēt*.

¹⁾ Любопытно, что Георгесъ въ своемъ словарѣ съ одной стороны даетъ сложное слово *fēniseclor* со смысломъ какъ разъ на то мѣсто Колумеллы, которое приведено мною, а съ другой стороны—сочетаніе *fēni seclor* (см. я. в. *seclor*), сомнясь онытъ-таки на Колумеллу, на этотъ разъ безъ точной цитаты, но, кажется, имѣя въ виду то же самое мѣсто. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ въ настоящій моментъ достаточныхъ пособій для проверки даннаго вопроса.

²⁾ Впрочемъ, возможно, пожалуй, что *fēniseclor*—новообразованіе, точкой отправления для котораго служило *fēnisectia* (или *fēni seclor*?) (ср. Varro L. V, 136), если только мы не будемъ читать въ данномъ мѣстѣ, вслѣдъ за Андреемъ Шпенгелемъ и другими, *fēnisectia*. Какъ бы то ни было, такое объясненіе *fēniseclor* я считалъ бы болѣе искусственнымъ.

то, если это не есть рукописное искажение вл. *vindicatrix* (femin. при *vindicator*)¹⁾, данная форма могла бы быть, пожалуй, понята как новообразование при *vindicta* по аналогии съ случаями въ родѣ *offensa: offensor* (ср. Arnob. VII, 8), *repulsa: repulsor* (напр. Ambros. de lob IV, 11, § 29) и т. п.; съ другой стороны, наличность варианта *vindicium* (ср. CGL. II, 548, 60: *Hoc vindictum exdixit*) даетъ возможность заподозрѣть вліяніе и такихъ, напр., какъ *delictum: delictor* (напримѣръ, Сург. ер. 59 extr.), *praesepum: praesepor* и т. п.²⁾. Такимъ

¹⁾ Слово *vindicator*, говоритъ Покровский (Р. 27), не засвидѣтельствовано прямо въ памятникахъ латинскаго языка. По это категорическое замеченіе ошибочно, будучи основано, по всей вѣроятности, на указаніи Георгеса по поводу этого слова „Charis. 50, 4 (ohne Beleg)“. Однако, какъ мы это неоднократно указывали, доверяться Георгесу въ лексикографическихъ вопросахъ не всегда безопасно: особенно рискованно дѣлать категорическіе выводы ex silentio этого лексикографа. Справка въ словарь Форчеллини показала бы моему оппоненту, что его скептической взглядъ на *vindicator* несправедливъ, такъ какъ въ поздне-латинскихъ текстахъ есть несомнѣнные примѣры этого слова.

²⁾ Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что имена существительныя на *-tor* иногда являются продуктомъ аналогическаго новообразованія. Помимо деноминативныхъ образованій этого рода (о чемъ см. II. 18 и 261; G. 4 [f]) обращу вниманіе на *deversitor* „гость въ *deversorium*“, дважды встрѣчающагося у Петронія: 79 *anus*, *inter deversitores diutius ingurgitata* и 95: *deversitor cum parte cenulae intervenit* (въ первомъ случаѣ большинство, а во второмъ — всѣ рукописи даютъ неправильную графику *diversitor*) и до сихъ поръ, какъ кажется, никѣмъ не разъясненнаго. Георгесъ (s. v.) связываетъ это слово съ *deversari*, однако при такомъ происхожденіи слѣдовало бы скорѣе ожидать формы **deversator*. Я лично объяснилъ бы это нѣсколько странное образованіе, какъ новообразование при гл. *deversitare* (-rī?): ср. у Геллія — въ метафорическомъ значеніи — XIII 20, 6: *non ad vocularum eius [sc. Platonis] amoenitatem nec ad verborum venustatem deversitandum*) по аналогіи съ такими, волюнѣ нормальными, случаями, какъ *cubitare: cubitor* (ср. Col. VI 2, 11, впрочемъ, про быка), *accubitare* (ср. Sedul. carm. pasch. praef. 2): *accubitor* (ср. Porphyg. ad Hor. epist. I 18, 10 и Inscr. christ. Rossi II p. 258 adn.), *fugitare* (ср. Ter. Нес. 776): *fugitor* (ср. Plaut. Trin. 723), *circitare* (напр. Sen. ep. 90, 19): *circitor* (ср. CIL. VI 8749. 9257 и т. д.), *transitare* (ср. Cic. ad Att. V 21, 5; впрочемъ, это мѣсто нѣсколько сомнительно): *transitor* и т. п. [Вопроса о *verba frequentativa*, какъ точки отправленія для новообразованій, и касался, между прочимъ, и раньше II. 11 и 267 сл.; сюда же, можетъ быть, относится и нарѣчіе *taxim*, если правы тѣ, кто связываетъ его съ гл. *taxare*: ср. Funck, Arch. f. lat. Lsc. VIII, 96 сл. и Walde, Lat. etym. Wtb. 617; вообще же этотъ вопросъ требуетъ систематическаго изслѣдованія]. Труднѣе высказаться относительно *portitor* въ значеніи „носильщикъ“, засвидѣтельствованнаго и въ текстахъ (см. *Теренцій* s. v.) и въ глоссаріяхъ (ср. Goetz, Thes. s. v. *portitor*, *baiolus* и *gerulus*) и на надписяхъ (ср. CIL. I 1462=V. 703. VI 25128); это слово, семасіологически связанное съ гл. *portare*, возникло наряду съ нормальнымъ *portitor* (ср. *Теренцій* s. v.),

образомъ, *vindemitor* является единственнымъ во всемъ латинскомъ языкѣ сложнымъ словомъ съ именной первой частью сложения и съ исходомъ на *-tor*, при которомъ, однако, не засвидѣтельствовано простѣйшее *nomen agentis*. Уже одно это обстоятельство заставляетъ

подъ вліяніемъ какихъ-нибудь аналогій, быть, можетъ, даже (хотя за это и трудно поручиться) какъ результатъ извѣстной контаминаціи съ *portitor* „перевозчикъ, корабельщикъ“ или — „прииратникъ“ (ср. объ этихъ образованияхъ *Walde*, op. c. 483 и ?). 4) въ виду нѣкотораго (хотя бы и отдаленнаго), семасіологическаго сродства между этими терминами (ср. выше I, II, 3 первое прижѣчаніе). Вышнее сходство съ *deversitor* представляютъ также отмѣченные *Паукеромъ* (*Suppl. lex. lat.* 201 и 305) образования *fusitrix* (ср. *Hieronym. Migne* 24, 1028 b) и *diffusitrix* (ср. *Fulgent. De aet. mundi* X p. 139: *Atlantearum Niliaci liquoris diffusitricem cataractas intrepidus spectat*), однако для объясненія ихъ нѣтъ надобности прибѣгать къ реконструкціи гл. **fusstare* или **diffusstare*, а естественнѣе видѣть въ нихъ извѣстнаго рода *Notbehelf* въ виду затруднительности образовать формы женскаго рода отъ *fusor* (ср. *Hieronym. ibid.*) и *diffusor* (ср. *CIL. VI 29722: diffusori olearii ex Burtica*): впрочемъ, это — даже не гипотеза съ моей стороны, а прямое свидѣтельство *Гieronима*, дающаго чрезвычайно интересное объясненіе для перваго изъ этихъ образований (l. c.): *de vini fusoribus et fusitricibus (ad distinctionem feminino genere volui declinare, quod latinus sermo non recipit)*. Кстати, напомню еще одно несовѣтъ нормальное женское образование на *-trix*, а именно — эпиграфически засвидѣтельствованное *arbitrix* (*CIL. VI 10128: Sophie Theorobathylliana arbitrix imboliarium [sic]*). Предположеніе, что эта форма возникла благодаря слоговой диссимиляціи изъ *arbitratrix* (ср. *Tert. adv. Marc.* 2, 12: *[iustitia] arbitratrix operum eius*), едва ли можетъ быть признано вѣроятнымъ. Гораздо правдоподобнѣе, что *arbitrix*, „quasi ab arbitror formatum“, какъ это думаютъ издатели *Thes. linguae lat. (s. v.)*; насколько необходимо возстановлять форму **arbitror*, это — вопросъ другой, на который я скорѣе отвѣтилъ бы отрицательно, но что слова на *-ter* иногда смѣшивались съ *nomen agentis* на *-tor*, объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать хотя бы любопытная модификація (съ участіемъ народной этимологіи) *accipiter* въ *acceptor* (примѣры собраны въ *Thes. linguae lat. s. v. accipiter*). Изъ этого *acceptor*, замѣчу мимоходомъ, я объяснилъ бы и собственное или *Acceptor*, засвидѣтельствованное на надписяхъ въ качествѣ названія лошади (ср. *CIL. VI 10050: equis his: Ciccio, Acceptore, Delicato, Cotyno*). На такое толкованіе даннаго имени наталкиваетъ глосса *Плацида* (*CGL. V 5, 6=44, 7: accipitres equos celeres*, кстати сказать, вызвавшая недоумѣніе у издателей *Thes. linguae lat. (ср. томъ I, ст. 322, стр. 81)*; ср. кромѣ того, напримѣръ, аналогичное названіе лошади *Aquila* (ср. *CIL. V 10053*). Въ заключеніе приведу чрезвычайно интересное и совершенно необычное для латинскаго языка *nomen agentis* на *-tor*, несомнѣнно возникшее на почвѣ аналогіи. Я имѣю въ виду глоссографически засвидѣльствованное *frixor*: ср. *Gloss. nom. As(s)ator frixor* (*CGI. II 568, 34*). Это образованіе находится въ ближайшемъ соотношеніи съ одной стороны съ *ptc. pf. pass.* отъ гл. *frigere* — *frixus* (ср. примѣры у *Георгеса*), откуда и *verbum frequentativum* (тоже не первичнаго типа) *frixare* (ср. *Sael. Aurel. acut. I 11, 77*), а съ другой стороны — съ *frixorium* и *frixura* (ср. *Георгесъ, s. v.*). Наряду съ

относится къ этому слову съ крайней осторожностью и дать поводъ подозрѣвать въ немъ результатъ несовсѣмъ нормальнаго морфологическаго процесса. Конечно, мнѣ могутъ возразить, что ничто не препятствуетъ предположить существованіе *nomen agentis* **dēmītor*, которое впослѣдствіи исчезло изъ языка или случайно не засвидѣтельствовано въ дошедшихъ до насъ памятникахъ латинской письменности. Однако, во-первыхъ, такое предположеніе сопряжено съ нѣкоторыми трудностями, а, во-вторыхъ, даже допустивъ его, мы тѣмъ самымъ не устранимъ всѣхъ затрудненій съ *vīndēmītor*. На первый взглядъ можетъ показаться, что приводимое Покровскимъ *promītor* при *promēre* даетъ намъ полное право наряду съ *dēmītor* поставитъ **dēmītor*; въ дѣйствительности, однако, эта аналогія далеко не такъ убѣдительна. Дѣло въ томъ, что указанное *nomen agentis* отъ гл. *promēre* засвидѣтельствовано не изъ живого латинскаго языка, а въ качествѣ названія божества *Promītor* (ср. *Serv. ad Verg. Georg. I, 21*), т. е., въ концѣ концовъ, образованія болѣе или менѣе искусственнаго; притомъ Сервій тутъ же даетъ и *āvtilletov Condītor*, по образцу котораго и могло возникнуть это *Promītor*. Вообще образованія этого типа съ *i* (такъ же какъ и образованія типа *adimītio*) по большей части принадлежатъ къ болѣе позднему времени ¹⁾ и во всякомъ случаѣ возникли подъ влияніемъ какихъ-

frictus и *frictorium* существовали морфологическіе варианты *frictus* (см. *Georges*), и *frictorium* (ср. *CGL. II 473, 31*: Φρογίων [ε: φρογίον] *frictorium*); весьма возможно, что и рядомъ съ *frictura* былъ дублетъ **frictura*: ср. по крайней мѣрѣ ит. *frittura* „жареніе“. Эти факты я отмѣчаю, чтобы показать методологическую необоснованность сопоставленія двухъ паръ *frictio: fricatio* и *frictor: fricator*, которое даетъ Покровскій М. 8. Дѣло въ томъ, что образованіе *frictor* засвидѣтельствовано только *Not. Tig. 93, 97*, т. е. слѣдовательно безъ значенія, а потому—кто можетъ поручиться за то, что это *frictor* не является синонимомъ съ упомянутымъ выше *frictor*? Наличие женской формы *frictria*, связанной генетически съ гл. *fricare*, тѣмъ менѣе можетъ служить доказательствомъ соответствующаго происхожденія *frictor*, что это *frictria* засвидѣтельствовано съ очень специфическимъ значеніемъ (ср. *Tertull. de pall. 4*, гдѣ *frictria*—*φριζία*). Что касается сардинск. *frittore* „холодъ“, то хотя оно и можетъ восходить къ прототипу **frictor* (ср. впрочемъ замѣчаніе *Grèbe* въ *Arch. f. lat. L.e.r. II, 428*), однако я не рѣшился бы предположить, что въ *Notae Tigon* засвидѣтельствовано это образованіе. Какъ бы то ни было, слѣдуетъ вообще замѣтить, что пользованіе данными изъ этого послѣдняго источника требуетъ совершенно исключительной осторожности въ виду того, что по отношенію къ нимъ мы лишены возможности принять семасіологическій контроль.

¹⁾ Ср. напр. помимо упоминаемаго ниже *colitor*, еще *senaitor* (ср. *Olcott, Stud. 94*).

нибудь аналогій (какъ напр. это только что предположено мной по отношенію къ *Promitor*), въ виду стремленія къ дифференціаціи (ср. напр. *cullor* : *colitor*) ¹⁾ и т. п. Такъ или иначе, реконструкція такихъ формъ, сдѣланная ad hoc, безъ выясненія специальныхъ причинъ и притомъ для древней эпохи представляется мнѣ процедурой методологически допустимой лишь въ крайнемъ случаѣ, т. е. при полномъ отсутствіи всякой другой возможности истолкованія *vindemitor*. Я сказалъ, что **dēmitor* особенно сомнительно для древней эпохи, а между тѣмъ для того, чтобы это образованіе могло войти въ составъ *vindemitor*, требуется какъ разъ древность происхожденія этого помен *agentis*, такъ какъ иначе едва ли можно было бы ожидать *supscorē* (**vini-dēmitor* < *vindemitor*): по крайней мѣрѣ ни одно изъ болѣе позднихъ образованій этого рода подобной *supscorē* не обнаруживаетъ ²⁾). Конечно, можно было бы предположить, что **vīnidemitor* перешло въ *vindemitor* подъ влияніемъ несомнѣнно древняго *viulemia*, однако все это представило бы черезчуръ сложную цѣпь гипотезъ. Еще смѣлѣе было бы предположеніе, что въ основѣ *vindemitor* лежитъ гл. **vindēto*, и что это слово представляетъ собой помен *agentis*, болѣе или менѣе аналогичное съ *venitor* при *vendo* (> *venundo*) или *animadvertor* (ср. Cic. de off. I, 146) при *animadverto* (> *animus adverto*): не слѣдуетъ забывать, что этотъ типъ сложныхъ глаголовъ далеко не продуктивенъ въ латинскомъ языкѣ, а потому реконструкція такихъ образованій очень рискованна ³⁾). Что же

¹⁾ Объ этомъ словѣ ср. замѣтку Функа въ *Arch. f. lat. Lex.* VII, 184, теоретическая часть которой, впрочемъ, нѣсколько устарѣла.

²⁾ При этомъ, я, конечно, оставляю въ сторонѣ „позднѣйшую“ эпоху, когда снова, благодаря увеличившейся экспираторности удареній, являлись многія *supscorē*, чуждыя болѣе раннему періоду. Что касается формы *ausceptor*, засвидѣтельствованной въ глоссѣ *auscep̄a ausceptor* (Mai VI, 509), то я затрудняюсь высказать о ней (пропорція *auscep̄a* : *ausceptor* = *fēnīcep̄a* : *fēnīcep̄tor* ничего не разъяснила бы), такъ же какъ и объ *aviceptor* (*ibid.*), которое, впрочемъ, само по себѣ подходило бы къ типу образованій *vitator*; наконецъ, у того же Mai (VII, 552) является еще глосса *ausceptor captatur* (*sic*), которая можетъ быть истолкована различными способами. Вообще же, въ виду критической неясности этихъ глоссъ лучше воздержаться отъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ выводовъ.

³⁾ По этой же причинѣ, между прочимъ, я не рѣшалась настаивать категорически и на соответствующемъ толкованіи переданной традиціей формы *vindicis*, которую я затрогиваю Б, V, 2 (хотя тутъ, конечно, и нѣтъ реконструкція въ собственномъ смыслѣ слова). Въ связи съ Б, V, 2 я долженъ (во избѣжаніе недоразумѣній) подчеркнуть, что сказанное мной (въ одномъ изъ примѣчаній) относительно формъ *fricito*, *defricito* и т. д. въ *Mulomed. Chironis* имѣетъ лишь гипотетическій характеръ

касается *vindemia* ¹⁾, то было бы, конечно, ошибкой думать, что это слово безусловно предполагает предварительное существование сложнаго глагола **vindēto* (или даже **vīndēto*), точно такъ же, какъ, напримѣръ, *spicilegium* или *fenisicia* (*fenisecia*) вовсе не обуславливаютъ собой необходимости сложныхъ глаголовъ **spicilego* или **fenisico* (**feniseco*). Итакъ, мы видимъ, что очень простое и соблазнительное на видъ сопоставленіе *vīndemitor* съ *promitor*, предлагаемое Покровскимъ, при болѣе глубокомъ анализѣ оказывается опирающимся на весьма зыбкую почву сомнительныхъ реконструкцій.

И предложилъ бы объяснить *vīndemitor* совершенно иначе. Обращу прежде всего вниманіе на то, что это слово волиѣ достовѣрно засвидѣтельствовано впервые у Овидія ²⁾, т. е. у писателя во-первыхъ

(въ особенности—замѣчаніе относительно вліянія со стороны гл. *frigē*) и отъ категорическаго истолкованія этихъ формъ въ виду недостатка того матеріала, которымъ я въ настоящее время располагаю, приходится во всякомъ случаѣ отказаться (ср. заключительныя слова упомянутаго замѣчанія).

¹⁾ По аналогіи съ *vindemia* образовано у Плавта шуточное слово *virgindemia*: Rud. 636: *Uteam nī metere speras virgindemiam*. У Нонія (р. 187) передана (впрочемъ, неволиѣ устойчиво) форма *virgindemia* со стихотворной иллюстраціей, которая по рукописному преданію, затемненному, повидному, пропускомъ, приписывается Варрону, но въ дѣйствительности, какъ это особенно отчетливо выяснилъ Бюхелеръ (*Rhein. Mus.* XIV, 424), по всей вѣроятности, принадлежитъ Невію. Но образование *virgindemiam*, несмотря на защиту его Л. Мюллеромъ (см. ad. Non. l. c.), представляется мнѣ довольно сомнительнымъ, и я предпочелъ бы, вслѣдъ за Скалигеромъ и Бухелеромъ, читать въ этомъ фрагментѣ (и въ объясненіи Нонія) не *virgindemia*, а *virgindemia*, какъ у Плавта. Замѣчу кстати, что наряду съ этимъ послѣднимъ образованіемъ (ни слова не говоря о *vindemia*!) *Итолицъ* (*Histor. Gramm.* 422) упоминаетъ *viti-demia*, глухо ссылаясь на Варрона. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду L. L. V, 37: *Vitis a vino, id a vi; hinc vindemia quod est vindemia aut vitidemia*. Однако выше, не соглашаясь съ Покровскимъ по поводу гл. *furi* (см. А, II, 6), я уже имѣлъ случай замѣтить, что „дѣлать прямныя лексикографическія заключенія изъ такихъ указаній античныхъ грамматиковъ, которыя связаны съ ихъ этимологическими спекуляціями, это—пріемъ, который рѣшительно не выдерживаетъ методологической критики“. Въ виду этого безопаснѣе не придавать особаго значенія *vitidemia*.

²⁾ Правда, въ извѣстномъ собраніи фрагментовъ трагиковъ Риббека мы находимъ—среди фрагментовъ изъ Невія—слѣдующіе стихи (*Trag. fr. R*² р. 6):

*Quod tu, mi gnate, quaeso ut in pectus tuum
Demittas, tamquam in fuscina vindemitor,*

однако, во-первыхъ, это—не болѣе какъ конъектура Готе (принятая и Риббекомъ), рукописное же преданіе Сервія, приводящаго эти стихи (*in Verg. Ge. I, 266*), даетъ *vindemiator in fuscina*, хотя и невозможное по стиху, но, быть можетъ, требующее

довольно поздно, а во вторых—позднѣе. Первое обстоятельство, взятое само по себѣ, еще не говоритъ, конечно, за то, что это слово и возникло впервые такъ поздно или изобрѣтено самимъ Овидіемъ, но, если мы примемъ во вниманіе, что въ латинскомъ языкѣ, уже во времена Новія, существовало, несомнѣнно, слово *vindemiator*, послужившее (въ формѣ множ. ч.) заглавіемъ для одной изъ его Ателланъ, и потому прочно держалось въ языкѣ вплоть до романской эпохи (ср. ит. *vendemmiatore*), то является вопросъ, почему же было изобрѣтено это слово и почему оно одержало побѣду надъ *vindemitor*, разъ это—старое слово? Я хорошо знаю, что эти вопросы по большей части приходится оставлять безъ отвѣта и что очень часто въ языкѣ возникаютъ синонимы, вытѣсняющіе безъ всякой видимой причины своихъ болѣе древнихъ конкурентовъ, но какъ бы то ни было, то обстоятельство, что Овидій былъ вдобавокъ и поэтомъ, легко можетъ подать поводъ къ подозрѣнію, что *vindemitor*—болѣе или менѣе искусственно образованіе, вызванное метрическимъ неудобствомъ формы *vindemiator*, которая по своей просодической схемѣ мало подходитъ къ дактилическому размѣру. Правда, Гораций втиснулъ это слово въ гексаметръ; однако ему пришлось при этомъ прибѣгнуть къ нѣкоторому ухищренію, а именно—къ неслоговому произношенію *i*: ср. Sat. I, 7, 30:

Vindemiator et invictus, cui saepe viator.

Между тѣмъ, Овидій тщательно избѣгалъ подобныхъ *synhaeresis* и Л. Мюллеръ (*De re metrica*, 257) подчеркиваетъ, что у этого поэта встрѣчается лишь два примѣра этого рода, притомъ оба—въ „Метаморфозахъ“, а именно—XV, 709:

Inde legit Capreos promontoriumque Minervae

и *ibid.* 718:

Et tellus Circaea et spissae litoris Aulium.

Изъ виду этого едва ли было бы черезчуръ большой натяжкой предположить, что *vindemitor* было выдуманно Овидіемъ во избѣжаніе не-

ного исправленія, а во-вторыхъ, самое содержаніе этихъ стиховъ дало мысль тому же Боте (и въ этомъ случаѣ поддержанному Риббекомъ), что данный фрагментъ принадлежитъ не Невію а Новію, т. е. извѣстному автору Ателланъ, жившему приблизительно около времени Суллы. Какъ бы то ни было, пользоваться этимъ мѣстомъ для фактическаго доказательства древности происхожденія *vindemitor* было бы крайне рискованно.

удобнаго для стиха *vindemiator*. Если такъ, то это случай, болѣе или менѣе аналогичный съ *fraxinus*, которое Овидій, какъ мы видѣли (ср. А I, 2) ¹⁾, употребилъ вмѣсто нормальнаго *fraxineus*. Однако *licentia poetica* имѣетъ свои предѣлы, и, въ частности, словообразовательныя новшества поэтовъ такъ или иначе всегда опираются на известныя аналогіи со стороны нормальныхъ фактовъ языка. Я полагаю, что *vindemiator* могло быть образовано при *vindemia* по аналогіи съ цѣлымъ рядомъ отъименныхъ словъ на *-itor*, обозначающихъ лицъ, занимающихся различными дѣлами, въ частности имѣющими отношеніе къ сельскому хозяйству: ср. прежде всего ближайшее по смыслу *vinitor* (ср. Cic. de lin. V, 40) ²⁾, затѣмъ—*olivitor* (ср. Sidon. ep. 2, 9), *ficitor* (таково заглавіе одной изъ Ателланъ Новія, ср. Non. p. 109, 21), *holitor* (ср. Nacv. com. 19 R³ ³⁾), Plaut. Trin. 408 и т. д.) и т. п. (ср. M. 15, Н. 18 и 261). Если эти разсужденія вѣрны—а правдоподобны они во всякомъ случаѣ,—то *vindemiator* при *vindemia* было бы образованіемъ совершенно аналогичнымъ съ *ostitor* при *ostium* или съ *balnitor* при *balnium*. Впрочемъ, если бы кто-нибудь затруднился приписать Овидію такую смѣлость въ изобрѣтеніи новыхъ словъ, хотя бы и подъ давленіемъ метрическаго гнета, то ничто не прештетуесть значительно сократить границы этой смѣлости путемъ предположенія, что слово *vindemiator* уже существовало раньше, въ качествѣ сельскохозяйственнаго вульгаризма, аналогичнаго съ *ostitor* и *balnitor*, и что Овидій лишь рѣшился воспользоваться этимъ словомъ въ своемъ ученомъ произведеніи. Во всякомъ случаѣ эти три слова уже по самому своему значенію легко могутъ мыслиться какъ принадлежащія къ *sermo vulgaris*. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы лишнимъ аргументомъ въ пользу остроумныхъ конъектуры и историко-литературнаго освѣщенія, предложенныхъ Боте для того драматическаго фрагмента, о которомъ рѣчь шла выше (стр. 375, прим. 2). Прибавлю

¹⁾ Впрочемъ, къ этому образованію мы еще вернемся ниже.

²⁾ Образу при этомъ вниманіе, что наряду съ классическимъ *vinea* существовалъ (повидимому, вульгарный) вариантъ *vinia*, засвидѣтельствованный на надписяхъ: ср. СП. V 5548: *Libero Patri viniarum conservatori*; VI 933 и т. д. и известный римскимъ грамматикамъ (ср. App. Probi 55 и матеріалъ, собранный ad I. въ изданіи Негавейса). А такъ какъ *vinea* (: *vinia*) легко могло ассоціироваться съ *vinitor*, то само собой напрашивается краснорѣчивая пропорція *vinia* : *vinitor* = *vindemia* : *vindemiator*.

³⁾ Хотя въ рукописной передачѣ данного мѣста слово *holitor* засвидѣтельствовано и не вполне устойчиво, однако это чтеніе не подлежитъ сомнѣнію.

еще, что слово *vindemitor* тѣмъ естественноѣ приписать какъ разъ Новію, что у него, какъ мы видѣли, была специальная пьеса (*Vindemiatores*), посвященная изображенію быта виноградарей, съ которыми онъ, надо думать, былъ хорошо знакомъ ¹⁾. Я не берусь рѣшить, какая изъ этихъ двухъ гипотезъ для объясненія *vindemitor* ближе къ истинѣ, но будемъ ли мы разсматривать это образование какъ специально поэтическій продуктъ ²⁾, или какъ вульгаризмъ,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ точной отправленія естественноѣ всего взять реально засвидѣтельствованное образование *vindemia*, что даетъ возможность обойтись безъ тѣхъ гадательныхъ и смѣлыхъ реконструкцій, на которыя обрекаетъ насъ точка зрѣнія моего оппонента.

5) Очень досадное недоразумѣніе мы находимъ у Покровскаго на стр. 51 рецензій, гдѣ онъ замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „А. А. Грушка не находитъ серьезныхъ оснований для исправленія *aquileus* въ *aquilus* и даже укрѣпляетъ его (Э. 248) „првосходной“ аналогіей *cycncus=albus*“. При такой передачѣ моей аргументаціи дѣйствительно получается нѣчто весьма странное (что подчеркивается еще при помощи кovyчекъ). На самомъ же дѣлѣ, *cysneus* признается мной „првосходной“ аналогіей для *aquileus* лишь условно—въ случаѣ, если бы мы вывели это прилагательное отъ *aquila*, на чемъ я, однако, отнюдь не настаиваю ³⁾, считая болѣе вѣроятнымъ, что *aquileus*

¹⁾ Ср. на всякій случай еще Nov. fr. 110 sq. R^a:

Aliquot altipendulos
Reliquia vindemiae superstites.

На возможность вульгаризмовъ у Новія мы указывалъ выше, polemизуя съ Покровскимъ по поводу *falla* (см. А, I, 3).

²⁾ То обстоятельство, что *vindemitor* встрѣчается и у прозаика Плинія Старшаго, едва ли можетъ служить опроверженіемъ этой гипотезы, такъ какъ у прозаиковъ императорской эпохи перѣдко встрѣчаются поэтическія слова, а кромѣ того не исключена, быть можетъ, возможность и прямого заимствованія этого астрономическаго термина изъ Овидіевыхъ Фастовъ.

³⁾ Напомню кстати, что на такое толкованіе помимо *cysneus* меня навело и Плавтовское *meruleus* „черный“ (Росен. 1282), о которомъ я говорю подробно С. 168 сл. Прибавлю теперь еще одно очень любопытное мѣсто изъ Плавта, связанное отчасти съ прилагательнымъ *aquilus*. Я имѣю въ виду Rud. 422 сл.:

hæia corpus quodius modi:
Subvoluturimat—illud quidem „subaquilum“ volui dicere.

Это мѣсто интересно въ томъ отношеніи, что здѣсь *implicite* предполагается (хотя бы и въ шутку) этимологическая связь *aquilus* съ *aquila*, что и повело къ смѣлому (и уже безусловно шуточному) новообразованію *ad hoc—subvoluturimus* по аналогіи съ

представляет собой такую же модификацію простѣйшаго прилагательнаго *aquilus*, бакую, напр., мы имѣемъ въ *caeruleus* при *caeruleus* ¹⁾).

реальнымъ *ymbaquilus*. Ср. мои разсужденія (впрочемъ, очень осторожныя) о названіяхъ вѣтровъ *Aquilo* и *Vollturnus* Э. 149. Замѣчу еще, что вышеприведенное мѣсто изъ Плавта—лишній примѣръ словеснаго казамбура у этого комика (ср. сказанное выше о *curio* А II, 6 и о *Saturio* В, V, 13, послѣднее примѣч.).

²⁾ Въ дополненіе къ моимъ разсужденіямъ по поводу послѣдняго прилагательнаго, (ср. Э. 144 сл.) и въ частностн его связи съ *nubilus* отмѣчу, что наряду со стереотипнымъ выраженіемъ *caerulea caeli* (ср. инр. Кни. анн. 69 М.) засвидѣтельствовано также сочетаніе *nubila caeli* (ср. Lucr. I, 6). Что касается соотношенія *caeruleus: caeruleus*, то къ аналогіямъ, приведеннымъ мной раньше (Э. 166 сл. и 249), прибавлю теперь еще *rufus: rufus* (послѣднее прилагательное засвидѣтельствовано Milomed. Chiron. p. 287, 8), а также, быть можетъ, *burris: *burris* (**burris*), если позволительно извлечь такой прототипъ изъ романскихъ отраженій въ родѣ ит. *bujo* „темный“ (ср. *Körting*, Lat. -rom. Wb. ² № 1653). Объясни такимъ образомъ взаимоотношеніе прилагательныхъ *caeruleus: caeruleus*, я, между прочимъ, отвергалъ возможность объясненія втораго изъ нихъ изъ уменьшительнаго **caelulum*, находи таковое по существу мало вѣроятнымъ (см. Э. 142). Нѣсколько подлѣтъ ученикъ Скутина *Ilsted* въ спеціальній монографіи *De adiectivis materiem significantibus quae in prisca latinitate suffixorum -no- et -eo- ore formata sunt*, возвращаясь къ этому толкованію, между прочимъ, замѣчаетъ (стр. 16 ²⁾): „Sane deminutivum **caeruleum* in lingua Latina per se non exstat, sed licet ad graecum exemplum οὐρανίος provocare (с. с. Ath. V 196)“. Однако, эта ссылка безусловно неудачна, т. к. греч. οὐρανίος, насколько мнѣ извѣстно, никогда не употреблялось про небо, а имѣло всегда другія значенія („сводъ“, „небо“ и т. д.); правда, Пассовъ указываетъ въ своемъ словарѣ на Eustath. II p. 82, 3, гдѣ οὐρανίος; значитъ „kleiner Himmel“, однако, стѣитъ только просмотрѣть контекстъ (οἱ Πλατωνικοί μαθεύοντα τὴν φύσιν ἐκτεθεῖσαν τῶν ἀνω καὶ ἀνωτῆ ἐγγλωσθεῖσαν ἐνοικιοῦναι τῇ κεφαλῇ, πλασθεῖσαι πρὸς τόπον οὐρανίου σφαιρώματος, ὡς ἂν μὴ πάντῃ ἀλλοφύλῳ τὸ πρῆξιον, ἀλλὰ τῷ μικρῷ τούτῳ οὐρανίῳ ἐγκλιτοῦσαι εἶναι μεμνηθεῖσαι οἶδεν ἦν), чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о настоящемъ небѣ, а о метафорическомъ (или символическомъ) употребленіи соответствующаго термина въ примѣненіи къ человѣческой головѣ. Впрочемъ, въ работѣ Шведе, отчасти соприкасающейся съ отдѣльными пунктами моей второй диссертаціи, встрѣчаются и другія погрѣшности. Такъ, напр., на стр. 6 авторъ нѣсколько неожиданно утверждаетъ, что „*ох robur: *roboreus* derivate non poterat; legis apud scriptores an'iquissimos uiam formam *robustus* (Cato, leg. parieti faciundo CIL. I, 577), postea deum etiam *robustus* (Vitr.) et *robur-nus* (Col.), **roboreus* nusquam“. Однако, послѣднее замѣчаніе основано на недоразумѣніи, такъ какъ прилагательное *roboreus* встрѣчается у Овидія (Fast. V, 622: *roboreo...ponte*), Плинія Старшаго (XXVIII 29, 2: *roboreis acibus*), Колумеллы (VI 30: *roboreis acibus*), на надписяхъ (Edict. Dioclet. 12, 10: *materias roboreae*) и т. д. Очень интересна (ор. с. 15) иллюстрація прилагательнаго *rubeus* (о которомъ см. Э. 172 сл.) примѣромъ изъ Невія trag. 6 (R ² 7): *auri rubeo fonte lavere* (me) *metini manum*, однако она въ значительной степени обезцѣняется тѣмъ, что первыя два слова—не богѣе, какъ плодъ конфектуры, тогда какъ рукописи (Non. p. 504, 1) даютъ бессмысленное *anini iubeo*, вызвавшее очень разнообразныя

А сверхъ всего этого, какъ мы видѣли выше (В, VI), я отношусь къ самой формѣ *aquilus* далеко не съ полной увѣренностью. Въ концѣ концовъ, для меня несомнѣно понятно, какимъ образомъ критикъ счелъ возможнымъ не оговорить всѣхъ этихъ обстоятельствъ.

6) Выше мы видѣли (В, I, 1), что Покровский несогласенъ съ моимъ объясненіемъ *crepusculum*, какъ аналогического новообразования при *diluculum*. Я надѣюсь, однако, что на этотъ разъ мнѣ удалось убѣдить моего оппонента въ своей правотѣ. Если же нѣтъ, то какъ же онъ самъ объяснитъ морфологическое происхожденіе *crepusculum*?

7) Тотъ же вопросъ я могу предложить ему и по поводу *cauitus*, которое я объясняю, какъ продуктъ аналогического вліянія со стороны *penitus* (см. выше В, I, 2).

8) По поводу приведенной мной гипотезы Vasconcellos'a, что въ *aediculum* (Quegulus II, 1) „скорѣе всего, надо видѣть аналогическое новообразованіе, вызванное вліяніемъ ассоціированнаго по значенію *cubiculum*“ критикъ спрашиваетъ (Р. 29): „почему же непременно *cubiculum*, а, напримѣръ, не *aedificium*, *aedificiolum*?“ Потому, что *aediculum* ближе по окончанію къ *cubiculum*, чѣмъ къ *aedificium* и *aedificiolum*; а кромѣ того, мнѣ кажется, что подчеркнутыя мной при помощи разрядки слова неполнѣе соотвѣтствуютъ другъ другу¹⁾. Не

поправки (см. критич. аппаратъ Риббека ad l.). Впрочемъ, если бы мы даже согласились съ принятой у Шведе (откуда однако?) реставраціей *rubens*, то все-таки его равенство *rub-eus*==*colore rubi* и ссылка на Prop. III В, 28: *pinicis rubis* едва ли состоятельны, такъ какъ такое происхожденіе прилагательнаго представляется мнѣ весьма мало вѣроятнымъ. Несомнѣно для меня ясно также, почему для объясненія *vinea* (въ общемъ, безусловно правильнаго) авторъ отправляется (стр. 35) отъ формы **vinia*==*olivos*, а не отъ *vinum*. Какъ бы то ни было, небольшая монографія Шведе представляетъ несомнѣнный вкладъ въ ученію о латинскомъ словообразованіи и носить на себѣ ясную печать превосходной школы Скутта.

¹⁾ На почвѣ аналогического воздѣйствія со стороны инструментальныхъ образованій я попытался (И. 231²⁾ объяснить и уменьшительное *imilicium* (Augustin. Serm. app. 66, 3) вм. болѣе нормальнаго *imilicula*. Что касается замѣчанія Покровскаго (I. ibid.), что „уменьшительн(ыя) слов(а) слѣдовало бы рассматривать въ связи съ другими уменьшительными“, то оно было бы справедливо только въ одномъ случаѣ, — если бы переища рода въ уменьшительныхъ образованіяхъ имѣла въ латинскомъ языкѣ такой же продуктивный характеръ, какъ, напр., въ греческомъ или нѣмецкомъ; а такъ какъ въ латинскомъ языкѣ эти явленія — чисто спорадическія (ср. специальное изслѣдованіе Вейнгольда: *Genuswechsel der Deminutiva*, *Arch. f. lat. Lex.* IV, 169 сл. и въ особенности заключительное резюме на стр. 188), то совершенно естественъ индивидуальный анализъ отдѣльныхъ случаевъ. Кстати (по нѣкоторой ассоціаціи идей!): *deminutivum dominicula* (напр., Vitruv. 6, 10), быть мо-

особенно существенно также указаніе Покровскаго на то, что наряду съ рукописнымъ *aediculum* слѣдуетъ считаться съ чтеніемъ *ed. principis* Даніэля (1564 г.) *aediculum*: чтенія этого изданія, уклоняющіяся отъ, извѣстныхъ намъ рукописныхъ, заслуживаютъ очень мало довѣрія, и, во всякомъ случаѣ, выдвигая это чтеніе, критикъ беретъ на себя очень ответственное *onus probandi*...

9) „Если даже, говорить мой оппонентъ (Р. 28), и допустить, что *arcessio* и *accersio* были новообразованиями, то не вижу причины для каждого изъ нихъ придумывать (*sic*) особое происхожденіе („первое по аналогіи съ такимъ, какъ *arcessio*, *secessio* и т. п., а второе — по аналогіи съ такими, какъ *dispersio*, *submersio*, *accersio* и т. п.“ Э. 125)“. Причина, почему я „придумалъ“ это, та, что появленіе *arcessio*, само по себѣ, еще не обуславливало собой появленія варианта *accersio*: во всякомъ случаѣ, естественно предположить нѣкоторый спеціальнѣйшій толчекъ со стороны тѣхъ новыхъ морфологическихъ категорій, въ области которыхъ возникли эти новообразования отъ глаголовъ *arcessere* и *accersere*.

10) „Не вижу, замѣчаетъ Покровскій (Р. 59), какъ послѣ ряда разнообразныхъ предположеній о *pinguor* (II. 129²) получился выводъ о „несомнѣнномъ“ происхожденіи его по аналогіи съ *pluor*“. Тутъ, какъ и въ пунктахъ 1, 2, 5, критикъ впалъ въ явное недоразумѣніе. Квалификація *pinguor*, какъ аналогическаго новообразования при *pluor*, связью не есть выводъ, который получился послѣ разнообразныхъ предположеній о *pinguor* (въ чемъ могутъ убѣдиться желающіе, прочтя соотвѣтствующее мѣсто въ моемъ подлинномъ изложеніи), а самостоятельное утвержденіе, основанное на томъ, что суффиксъ *-or* не былъ очень продуктивнымъ въ историческую эпоху латинскаго языка (въ особенности — при глаголахъ 3-го спряженія!), вслѣдствіе чего естественно искать для каждого новаго образования какіе-нибудь ближайшіе и спеціальныя прецеденты; что таковымъ для *pinguor* я призналъ именно *pluor*, это — болѣе чѣмъ естественно (къ тому же я прибавилъ еще *fluor*, что мой критикъ совершенно упустилъ изъ виду), такъ какъ это слово по самому значенію своему легче всего могло ассоціироваться съ *pinguor*. Менѣе всего ожидалъ я возраженія по этому вопросу отъ Покровскаго, который вообще имѣетъ тенденцію устанавливать спеціальную ассоціацію словъ между собой (а въ связи съ

жеть, являлось по аналогіи съ близкимъ по значенію *manuensis* (напр., Vulg. Genes. 6, 14), если только это послѣднее слово возникло въ языкѣ раньше норваго.

этимъ — аналогическое водвѣйствіе между ними), даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такая связь представляется весьма мало вѣроятной. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что „сѣ *duob;* ассоціируется ...*σηλωτήρ*“ (С. 81), что *actas* приобрѣло значеніе „поколѣніе“ по аналогіи съ *antiquitas* въ смыслѣ *antiqui* (ibid. 69), что „по аналогіи съ *forus* (см. Neue, Formenlehre, I², 535), *forum* при *mercatus* появились форма *mercatum*“ (М. 153) и т. п. ¹⁾.

11) По поводу моего замѣчанія (И. 111); что „подлатинское *interpedire*... возникло несомнѣнно подъ влияніемъ *intercedere*“ критикъ спрашиваетъ (Р. 32): „почему непременно *intercedere*, а, напримѣръ, не *intercludere*?“ и этотъ вопросъ я признаю вполне основательнымъ.

Таковы результаты критики Покровскаго, направленной противъ констатированныхъ мной случаевъ аналогическихъ новообразованій.

Зато единственная попытка моего оппонента объяснить одинъ изъ затронутыхъ мною фактовъ, какъ продуктъ аналогіи, представляется мнѣ безусловно неудачной. Я разумно догадку Покровскаго (Р. 11), что *limitum* „можно было бы понять какъ уподобленіе—по роду—*limen*“, которую онъ выставляетъ вмѣсто моей гипотезы (Э. 23), объясняющей это нѣсколько странное образованіе какъ поствербальное при гл. *limitare*. Хотя, какъ только что я призналъ (см. предыдущее примѣчаніе), уподобленіе словъ по роду и наблюдается въ языкѣ, однако, чтобы эта ассоціація могла повести къ образованію основы на -o- при толчкѣ со стороны основы на -n-, этому я, за полнымъ отсутствіемъ соответ-

¹⁾ Относительно перваго случая (и ему подобнаго) ср. моя критическія замѣчанія въ *Филол. Обзор.* XII, 267 сл. По поводу *actas antiquitas* позволительно спросить, почему по мнѣнію Покровскаго первое слово въ коллективномъ значеніи должно быть признано продуктомъ аналогіи со стороны второго, а не наоборотъ? А кромѣ того неясно, почему именно эти слова должны были оказать специальное влияние другъ на друга. Еще болѣе слабо категорическое утвержденіе Покровскаго, что *mercatum* при *mercatus* появилось по аналогіи съ *forum*: *forus*: авторъ, повидному, упустилъ изъ виду, что *forma* и *mercatus* — образованія не тождественныя по основѣ; итакъ, пришлось бы предположить здѣсь или ассоціацію въ предѣлахъ лишь именительнаго (и винительнаго) падежа ед. ч., или — ассоціацію лишь по роду. Первое — довольно сомнительно, а второе, хотя само по себѣ и возможно, но въ общемъ представляетъ собой сравнительно рѣдкое морфологическое явленіе; не остоветеніе ли, поэтому, предположить, что *mercatum* при *mercatus* возникло просто по аналогіи съ цѣлою массой другихъ дублетовъ на -*im*: -*ima*?

ствующихъ параллелей, рѣшительно отказываюсь повѣрить ¹⁾), и такое предположеніе представляется мнѣ результатомъ несовѣсти правильной дедукціи.

А. Грушина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Я бы еще понялъ такое новообразование, если бы существовала форма **linitim* въ качествѣ дублета при *limes* (аналогичнаго съ *farsinim*—если только эта форма заслуживаетъ довѣрія [ср. Э. 20]—при *farsimen*), но таковая нигдѣ не засвидѣтельствована, а предполагать ее ad hoc представляется мнѣ абсолютно недопустимымъ съ методологической точки зрѣнія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Конотопской женской гимназіи съ 15 Августа с. г. открывается вакансія на должность Начальницы этой гимназіи. Условія службы: жалованья 900 руб. и квартирныхъ 300 руб. въ годъ, съ обязательствомъ имѣть въ гимназіи, при желаніи, не болѣе 6-ти платныхъ уроковъ преподаванія въ классахъ. Лица, желающія занять эту должность, приглашаются въ возможно непродолжительномъ времени подать прошеніе о семъ съ необходимыми документами на имя Попечительнаго Совѣта названной гимназіи.

1908 года Августа 9 дня. г. Конотопъ Черниг. губ. Попечительный Совѣтъ Конотопской женской гимназіи.

Вышла 2-мъ исправленнымъ изданіемъ и продается книга:—

„УРОКИ

ПРОСТРАННАГО ПРАВОСЛ.-ХРИСТ. КАТИХИЗИСА“.—

всѣ 3 части вмѣстѣ; пособіе къ изученію Катихизиса безъ вопросо-отвѣтной формы въ изложеніи. Сост. *свящ. А. Невскій*. Тверь, 1908 г. Цѣна 1 р. безъ перес.

Въ первомъ изд. 1-я ч. **«УРОКОВЪ ПО КАТИХИЗИСУ»** допущена: *Учебн. Комит. при Св. Синодѣ въ качествѣ пособія въ мужскія и женскія дух. училища; Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго руководства въ среднія учебн. заведенія, и Мин. Торговли и Пром. въ кач. пособія въ подъячьи учебн. заведенія. Главн. Управл. военноучебн. завед. въ три части рекомендована въ ротныя бібліотеки III—VII кл. Кадетскихъ корпусъ.*

Склады книгъ находятся: 1) у автора—почт. отд. Тургиново, Тверск. губ. и 2) при «Петерб. учебн. магазинѣ»—г. СПб., Петерб. стор., Больш. пр., д. 6; продается также книга въ складѣ епарх. братства (Тверь, Милл. ул.), въ складѣ Моск. епарх. училищнаго совѣта (Москва, епархіальн. домъ) и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ другихъ городовъ.

Учебн. заведенія (въ зависимости отъ количества треб. вѣз.) пользуются отъ автора уступкой въ 15—25% и кредитомъ до 3-хъ мѣсяц.; о.о. законоучителямъ для ознакомленія цѣна 1 р. съ перес. Книготорговцамъ 20—25% уступки. Пересылка за счетъ покупателей.

В. В. Акимовъ. Дѣятельность сибирскаго земства по народному образованію	43
А. А. Брасевъ. Чего ждетъ отъ школы наша страна для своего обновленія.	86

Отзывы о книгахъ:

И. И. Холодникъ. Мигель де Сервантесъ Сааведра. Донъ-Кихотъ. Переводъ М. В. Ватсонъ	107
О. Д. Хвольсонъ. А. А. Зоммертраля и А. П. Яницкій. Таблицы практическихъ занятій по физикѣ	112
— Книги для современной школы. Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи	113
Я. Г. Моръ. Готфридъ Воллертъ. Учебникъ нѣмецкаго языка	114
— Neue Erzählungen. Band № 6. Erklärt von N. Oerdel.	115
О. Д. Хвольсонъ. Р. Джудъ. Электричество и магнетизмъ	116
И. Э. Анненскій. А. Г. Филоновъ. Идилія и образцы ея у разныхъ народовъ	117
В. В. Федоровъ. Исторія Россійскаго государства. Иллюстрированная хронологія	118
— Книжныя новости	119

Современная летопись.

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	1
Т. Д. Флоринскій. Н. П. Дашкевичъ (некрологъ)	12

Отдѣлъ классической филологіи.

А. А. Грушка. Спорные вопросы изъ области латинскаго языкованія (продолженіе)	894 377
---	---------

О в ъ я в л е н і я	4
-------------------------------	---

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го сентября).

— 545 —

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогики и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

FEB 13 1909
CAMBRIDGE, MASS.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XVII.

1908.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	87
II. Высочайше утвержденныя положенія совѣта министровъ	—
III. Узаконенія	88
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	97
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	104
VI. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	108
VII. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	111
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	114
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ	115
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	116

A. Г. Векштремъ. Медициноскій факультетъ въ Монпелье до середины XIV вѣка. II.	209
✓ Н. М. Вубновъ. Абажъ и Возцій (<i>продолженіе</i>)	260
✓ А. С. Мулюкинъ. Иностранцы свободныхъ профессій въ Московскомъ государствѣ	307

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

II. Гензель. <i>M. H. Fridman</i> . Современные косвенные налоги на предметы потребленія. Т. I. С.-Пб. 1908	358
К. М. Милорадовичъ. <i>Gustav Le Bon</i> . Психологія социализма. С.-Пб. 1908	383
К. Г. Воблый. <i>Stanislaw Grabski</i> . Zaris rozwoju idei spoleczno-gospodarczych w Polsce. w Krakowie. 1903	398
A. Л. Погодинъ. <i>Herman Hirt</i> . Die Indogeramanen. Leipzig. 1906—1907.	407
Н. М. Петровскій. <i>B. V. Varneke</i> . Исторія русскаго театра. Часть первая. Казань. 1908	419
— Книжныя новости	424

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. В. Акинговъ. Дѣятельность омбирскаго земства по народному образованію (<i>окончаніе</i>)	121
---	-----

См. 3-ю страницу обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XVII.

1908.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

2. (23-го августа 1908 года). „Заслуженному ординарному профессору Императорскаго Юрьевскаго университета, доктору астрономіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Левицкому* — Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Виленскаго учебнаго округа“.

II. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ.

1. (24-го мая 1908 года). *Объ условіяхъ, требуемыхъ для назначенія преподавателями русскаго и церковно-славянскаго языковъ, исторіи и географіи въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.*

Совѣтъ министровъ полагалъ:

I. Относительно преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ, исторіи и географіи, постановить, что преподаваніе означенныхъ предметовъ, обученіе конемъ въ полномъ объемъ (т. е. не только исторіи и географіи Россіи, но и всеобщей исторіи и географіи прочихъ странъ) производится на русскомъ языкѣ, не можетъ быть поручаемо лицамъ польскаго происхожденія.

II. Предоставить подлежащимъ министрамъ, въ вѣдѣніи конхъ состоятъ предусмотрѣнныя въ предшедшемъ (I) отдѣлѣ среднія учебныя заведенія, войти въ пересмотръ правъ нынѣшняго состава преподава-

телей на преподаваніе упомянутыхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ предметовъ и отстранить отъ преподаванія тѣхъ изъ означенныхъ лицъ, кои допущены были къ преподаванію вопреки дѣйствовавшимъ въ сомъ отношеніи правиламъ, или же преподають сіи предметы не на русскомъ языкѣ.

Государь Императоръ, въ 24-й день мая 1908 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

(Собр. узак. и расп. прав., 26-го августа 1908 г., № 134, ст. 1098).

2. (24-го мая 1908 года). *Объ учрежденіи при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ двухъ должностей врачей-консультантовъ по ушнымъ и глазнымъ болѣзнямъ.*

Совѣтъ министровъ полагалъ:

При Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ образовать двѣ должности врачей-консультантовъ по ушнымъ и глазнымъ болѣзнямъ, съ присвоеніемъ имъ VIII класса по чинопроводству, но безъ содержанія и правъ на пенсію.

Государь Императоръ, въ 24-й день мая 1908 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

(Собр. узак. и расп. прав., 22-го августа 1908 г., № 128, ст. 1061).

III. УЗАКОНЕНІЯ.

65. (8-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на выдачу пособія женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ и объ увеличеніи нормы таковыхъ пособій.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ.

8-го іюля 1908 года.

„ВНѢ ПО СЕМУ“.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ Янкуль.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на выдачу пособій женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ и объ увеличеніи нормы таковыхъ пособій.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. на усиленіе кредита на выдачу пособій женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ сто тысячъ рублей, а начиная съ 1909 года—отпускать по шести тысячъ рублей ежегодно.

II. Установить предѣльный размѣръ какъ единовременныхъ, такъ

и срочныхъ пособій для гимназій до *четырехъ тысячъ* рублей въ годъ и для прогимназій до *двухъ тысячъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Собр. узак. и расп. прав., 13-го августа 1908 г., № 123, ст. 1010).

66. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на выдачу вознагражденія лицамъ, назначеннымъ на должности начальниковъ открываемыхъ въ 1908 году ремесленныхъ учебныхъ заведеній, а также начальникамъ уже открытыхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній за особые труды и поѣздки по дѣламъ службы.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на выдачу вознагражденія лицамъ, назначеннымъ на должности начальниковъ открываемыхъ въ 1908 году ремесленныхъ учебныхъ заведеній, а также начальникамъ уже открытыхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній за особые труды и поѣздки по дѣламъ службы.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. *одну тысячу* рублей на выдачу вознагражденія лицамъ, назначеннымъ на должности начальниковъ открываемыхъ въ означенномъ году ремесленныхъ учебныхъ заведеній, а также начальникамъ уже открытыхъ таковыхъ же заведеній за особые труды и поѣздки по дѣламъ службы.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Собр. узак. и расп. прав., 14-го августа 1908 г., № 124, ст. 1017).

67. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на переустройство зданія Ревельской мужской гимназій Императора Николая I.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на переустройство зданія Ревельской мужской гимназій Императора Николая I.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства *пять-*

десять шесть тысячъ шестьсотъ четырнадцать рублей тридцать пять копѣекъ на производство работъ по переустройству зданія Ревельской мужской гимназіи Императора Николая I.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году—въ суммѣ *двадцати пяти тысячъ рублей* и въ 1909 году—въ суммѣ *тридцати одной тысячи шестьсотъ четырнадцати рублей тридцати пяти копѣекъ*.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1018).

68. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на содержаніе второй мужской гимназіи въ городѣ Самарѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на содержаніе второй мужской гимназіи въ городѣ Самарѣ.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе второй мужской гимназіи въ городѣ Самарѣ: въ 1908 году—*четыре тысячи восемьсотъ рублей*, въ 1909 году—*десять тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ рублей*, въ 1910 году—*двенадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять рублей*, въ 1911 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять рублей*, въ 1912 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1913 году—*двадцать одну тысячу двести двадцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1914 году—*двадцать четыре тысячи двести десять рублей* и начиная съ 1915 года по *двадцати пяти тысячъ ста шестидесяти рублей* въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на первоначальное обзаведеніе указанной (отд. I) гимназіи мебелью и учебными пособиями въ 1909 году—*восемь тысячъ рублей* и въ 1910 году—*четыре тысячи рублей* и на устройство физическаго кабинета въ 1911 и 1912 годахъ—по *четыре тысячи рублей* въ годъ, съ отнесеніемъ означенныхъ расходовъ на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году, въ возмѣщеніе расходовъ, понесенныхъ Самарскимъ дворянствомъ, на постройку для пансіона-пріюта зданія, переданнаго въ собственность правительству, — *десять тысячъ рублей.*

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*
(Тамъ же, ст. 1023).

69. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на постройку зданія для реального училища въ городѣ Бузулукъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на постройку зданія для реального училища въ городѣ Бузулукъ.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *сто шестьдесятъ тысячъ триста пятьдесятъ четыре рубля восемьдесятъ шесть копѣекъ* на постройку зданія для реального училища въ городѣ Бузулукъ.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ обратить на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году въ суммѣ *семидесяти тысячъ рублей* и въ 1909 году въ суммѣ *девятности тысячъ трехсотъ пятидесяти четырехъ рублей восьмидесяти шести копѣекъ.*

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*
(Тамъ же, ст. 1019).

70. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ единовременнаго пособія Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ единовременнаго пособія Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. въ единовременное пособіе Московскому публичному и Румянцовскому

музеямъ, на усиленіе штатныхъ средствъ *семь тысячъ сто восемьдесятъ* рублей.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1021).

71. (8-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе низшихъ механико-техническихъ училищъ: 1) Калязинскаго, имени Н. М. Полежаева, 2) Иваново-Вознесенскаго и 3) Рыбинскаго, имени М. Е. Комарова.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе низшихъ механико-техническихъ училищъ: 1) Калязинскаго, имени Н. М. Полежаева, 2) Иваново-Вознесенскаго и 3) Рыбинскаго, имени М. Е. Комарова.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. въ дополненіе къ отпускаемымъ на содержаніе суммамъ: а) Калязинскаго, имени Н. М. Полежаева, низшаго механико-техническаго училища *три тысячи* рублей, б) Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища *одну тысячу* рублей и в) Рыбинскаго, имени М. Е. Комарова, низшаго механико-техническаго училища *два тысячи пятьсотъ* рублей.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1024).

72. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на нужды химической лабораторіи университета Св. Владимира.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь баронъ *Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на нужды химической лабораторіи университета Св. Владимира.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства ежегодно, начиная съ 1908 года, по *одинадцати тысячъ девятисотъ сорока*

пяти рублей на усиленіе средствъ химической лабораторіи университета Св. Владиміра.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1026).

73. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ Ташкентскому ремесленному училищу въ пособіе на содержаніе литейной мастерской.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВМѢ ПО СЕМУ“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ Ташкентскому ремесленному училищу въ пособіе на содержаніе литейной мастерской.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. *девятьсотъ* рублей въ пособіе на содержаніе литейной мастерской при Ташкентскомъ ремесленномъ училищѣ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1027).

74. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускъ средствъ на обзаведеніе гистологической лабораторіи и анатомическаго театра при университетѣ Св. Владиміра.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „ВМѢ ПО СЕМУ“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на обзаведеніе гистологической лабораторіи и анатомическаго театра при университетѣ Св. Владиміра.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. въ пособіе университету Св. Владиміра въ Кіевѣ *девятнадцать тысячъ шестьсотъ восемь* рублей *двадцать* копѣекъ, въ томъ числѣ *десять тысячъ* рублей на оборудованіе гистологической лабораторіи при названномъ университетѣ новыми учебными пособіями и *девять тысячъ шестьсотъ восемь* рублей *двадцать* копѣекъ на обзаведеніе анатомическаго театра при томъ же университетѣ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1030).

75. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе классовъ черченія и рисованія для взрослыхъ рабочихъ на Малой Охтѣ въ С.-Петербурѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе классовъ черченія и рисованія для взрослыхъ рабочихъ на Малой Охтѣ въ С.-Петербурѣ.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. *одну тысячу рублей* въ пособіе Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе классовъ черченія и рисованія для взрослыхъ рабочихъ на Малой Охтѣ въ С.-Петербурѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 1032).

76. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на оборудованіе западнаго пристроя къ главному корпусу зданій Казанскаго университета и на содержаніе находящихся въ семь пристроѣвъ аудиторій и кабинетовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на оборудованіе западнаго пристроя къ главному корпусу зданій Казанскаго университета и на содержаніе находящихся въ семь пристроѣвъ аудиторій и кабинетовъ.

I. Отпускать ежегодно, начиная съ 1908 года, изъ средствъ государственнаго казначейства по *десяти тысячѣ четыреста шестнадцатъ рублей* на содержаніе аудиторій и кабинетовъ, находящихся въ западномъ пристроѣ къ главному корпусу Казанскаго университета.

II. Отпустить въ 1908 году изъ того же источника *десяти тысячъ двести двадцать рублей* на оборудованіе названнаго (отд. I) пристроя.

III. Указанный въ отдѣлѣ II расходъ отнести на счетъ кредита, ассигнуемаго министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1034).

77. (8-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе Омскаго пансіона для киргизскихъ и русскихъ дѣтей.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*ВНѢ ПО СЕМУ*“.
8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе Омскаго пансіона для киргизскихъ и русскихъ дѣтей.

Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства *шестьсотъ сорокъ* рублей *восемьдесятъ* копѣекъ на содержаніе воспитанниковъ Омскаго пансіона для киргизскихъ и русскихъ дѣтей и прислуги при немъ, а начиная съ 1-го января 1909 года отпускать по *двѣ тысячи сто восемьдесятъ одному* рублю *шестьдесятъ* копѣекъ взаменъ отпускаемыхъ нынѣ на означенную надобность суммъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 1035).

78. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ для удовлетворенія некоторыхъ неотложныхъ строительныхъ потребностей учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*ВНѢ ПО СЕМУ*“.
8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ для удовлетворенія некоторыхъ неотложныхъ строительныхъ потребностей учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: 1) на покупку участка земли и постройку новаго зданія для Тифлискаго

реального училища—*триста тысячъ* рублей, 2) на возведеніе новаго зданія для Владикавказскаго реального училища—*сорокъ тысячъ* рублей и 3) на обзаведеніе мебелью и устройство физическихъ кабинетовъ: а) Карсскаго реального училища *шестнадцать тысячъ пятьсотъ* рублей и б) Нальчикскаго реального училища—*двадцать тысячъ* рублей, а всего *триста семьдесятъ шесть тысячъ пятьсотъ* рублей.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія въ 1908 году въ суммѣ *ста двадцати восьми тысячъ* рублей (въ томъ числѣ на приобрѣтеніе участка земли для Тифлискаго реального училища *восемьдесятъ тысячъ* рублей, на возведеніе новаго зданія для Владикавказскаго реального училища *сорокъ тысячъ* рублей и на обзаведеніе мебелью и учебными пособиями и устройство физическихъ кабинетовъ Карсскаго реального училища и Нальчикскаго реального училища *по четыре тысячи* рублей на каждое учебное заведеніе) и въ 1909 году въ суммѣ *двухсотъ сорока восьми тысячъ пятисотъ* рублей, въ томъ числѣ на постройку новаго зданія для Тифлискаго реального училища *двести двадцать тысячъ* рублей, на обзаведеніе мебелью и учебными пособиями и устройство физическихъ кабинетовъ Карсскаго реального училища *двадцать тысячъ пятьсотъ* рублей и Нальчикскаго реального училища—*шестнадцать тысячъ* рублей.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 1036).

79. (8-го іюля 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ.

„БЫТЬ ПО СЕМУ“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Искунъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, въ дополненіе къ отпускаемой нынѣ на содержаніе С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища съ низшею

ремесленною при немъ школою суммѣ, по *двѣ тысячи девятьсотъ* рублей въ годъ.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 1041).

80. (8-го іюля 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на содержаніе помѣщенія физико-математическаго факультета въ зданіи бывшаго студенческаго общежитія Императорскаго Харьковскаго университета.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*ВНГЪ ПО СКАМУ*“.

8-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на содержаніе помѣщенія физико-математическаго факультета въ зданіи бывшаго студенческаго общежитія Императорскаго Харьковскаго университета.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1909 года, на содержаніе приспособленнаго подъ помѣщеніе физико-математическаго факультета зданія бывшаго общежитія Императорскаго Харьковскаго университета по *пятнадцати тысячъ девяти шестидесятъ* рублей въ годъ, взаимѣн отпускаяемыхъ нынѣ на ту же надобность средствъ, а въ 1908 году отпустить на ту же потребность въ дополненіе къ отпускаяемой нынѣ на содержаніе означеннаго зданія суммѣ *девять тысячъ девяти шестидесятъ* рублей.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 1044).

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(9-го августа 1908 года, № 57). *Назначаются:* окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Блумбергъ* — директоромъ С.-Петербургской пятой гимназіи; причисленный къ министерству, статскій совѣтникъ *Знойко* — окружнымъ инспекторомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа; экстраординарный профессоръ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, магистръ химіи, коллежскій ассессоръ *Михайленко* —

исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же института, по аналитической химіи; приватъ-доцентъ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Александровичъ-Дочевскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по коаодрѣ частной патологій и терапій и терапевтической госпитальной клинники; преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, инженеръ-механикъ, коллежскій совѣтникъ *Миловичъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по прикладной механикѣ и машиностроенію.

Перемѣщается директоръ С.-Петербургской пятой гимназіи, статскій совѣтникъ *Кусовъ*—директоромъ Велико-Устюгской гимназіи.

Увольняется отъ службы, за выслугою срока, директоръ Велико-Устюгской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гейтманъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ директоръ Владивостокской гимназіи, статскій совѣтникъ *Дьячковъ*, съ 15-го іюля.

(16-го августа 1908 года, № 58). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Высотскій*—директоромъ Московской второй гимназіи, съ 1-го августа.

Назначаются: директоръ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вильсовъ*—дѣлопроизводителемъ V класса департамента народнаго просвѣщенія; директоры реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго, статскій совѣтникъ *Волковъ* и Муромскаго, коллежскій ассессоръ *Комарницкій*—директорами гимназій: Волковъ—Новгородской, а Комарницкій—Тульской; преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Новгородскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Абисовъ* и Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ *Яворскій* и преподаватель С.-Петербургской гимназіи Императора Александра I, коллежскій совѣтникъ *Гензель*—директорами реальныхъ училищъ: Абисовъ—Псковскаго Сергіевскаго, Яворскій—Череповецкаго и Гензель—Гатчинскаго.

Перемѣщаются директоры реальныхъ училищъ: Псковскаго Сергіевскаго, статскій совѣтникъ *Благовѣщенскій* и Гатчинскаго, статскій совѣтникъ *Шафрановскій*—директорами реальныхъ училищъ: Благовѣщенскій—Боровичскаго, а Шафрановскій—С.-Петербургскаго перваго.

Увольняется отъ должности директоръ Московской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кедринскій*, съ 1-го августа, по случаю причисленія его къ министерству.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Новгородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Колоколовъ*, директоръ Череповецкаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Павловъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(23-го августа 1908 года, № 59). Назначаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ астрономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Левицкій* — попечителемъ Виленскаго учебнаго округа; правитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Мурдановъ* — окружнымъ инспекторомъ того же учебнаго округа; преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Смоленской, статскій совѣтникъ *Ярошевскій* и Минской, коллежскій совѣтникъ *Фридрихъ*, преподаватель Кіево-Печерской гимназіи, статскій совѣтникъ *Ивановъ* и причисленный къ министерству, статскій совѣтникъ *Гутьяръ* — директорами гимназій: Ярошевскій — Лубенской, Фридрихъ — Луцкой, Ивановъ — Бѣлоцерковской и Гутьяръ — Ялтинской Александровской; преподаватель Варшавской пятой гимназіи, статскій совѣтникъ *Петровъ* — директоромъ частной шестиклассной прогимназіи Ковальскаго въ предмѣстьѣ гор. Варшавы — Прагъ; комморціи совѣтникъ *Лешуновскій* — почетнымъ попечителемъ Царскосельскаго реальнаго училища Императора Николая II, на три года; секретарь совѣта Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ *Цихоцкій* — правителемъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Утверждаются: гражданскій инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кривцовъ* и старшій ревизоръ Подольскаго акцизнаго управленія, инженеръ-технологъ, коллежскій совѣтникъ *Якубовскій* — почетными попечителями: Кривцовъ — Курской учительской семинаріи, а Якубовскій — Каменецъ-Подольскаго средняго техническаго училища, оба, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ Якубовскаго въ занимаемой имъ должности; купецъ 2-й гильдіи *Годь* — вновь почетнымъ попечителемъ Маріупольскаго низшаго механико-техническаго училища, согласно избранію, на три года, съ 1-го января.

Переменяются: директора гимназій: Лубенской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пантелъевъ*, Ялтинской Александровской, статскій совѣтникъ *Готлибъ* и Луцкой, коллежскій совѣтникъ *Ястремскій* — директорами гимназій: Пантелъевъ — частной Петра въ гор. Кіевѣ, Готлибъ — Кишиневской второй и Ястремскій — Житомирской второй.

Увольняется, согласно прошенію, почетный попечитель Лубенской гимназіи, полтавскій губернский предводитель дворянства, титулярный

совѣтникъ князь *Щербатовъ*—отъ первой изъ названныхъ должностей, съ 5-го апрѣля.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, инженеръ-механикъ, коллежскій совѣтникъ *Тираспольскій*; согласно прошенію, по болѣзни, инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области, статскій совѣтникъ *Прилежаевъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(30-го августа 1908 года, № 61). *Назначаются*: директоръ народныхъ училищъ Акмолинской и Семипалатинской областей, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Алехторовъ*—окружнымъ инспекторомъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа; наставникъ Туркестанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Езюровъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Ферганской области.

Перемещается директоръ Вѣрненской гимназій, статскій совѣтникъ *Вознесенскій*—директоромъ Ташкентской гимназій.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока, директоръ народныхъ училищъ Симбирской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ишерскій*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошеніямъ: директоры учительскихъ семинарій: Гатчинской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соллертинскій*, съ 1-го августа, и Ровнинской, статскій совѣтникъ *Грифцовъ*, оба—за выслугою срока, изъ нихъ Грифцовъ—съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Зарубинъ*.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Каменскаго реальнаго училища *Синсаревъ*—съ 1-го декабря 1907 г. и учитель Ростовскаго на-Дону Петровскаго реальнаго училища *Вареницовъ*—съ 17-го августа 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи *Щербиковъ*—съ 17-го мая 1897 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Харьковской 3-й гимназій *Паракопный*—съ 23-го августа 1907 г.; преподаватели Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: *Бураковъ*—съ 2-го сентября 1907 г. и *Цауне*—съ 1-го августа 1907 г.; учителя: гимназій: Харьковской 3-й *Стрижевскій*—съ 9-го августа 1906 г., Старобѣльской Александровской, *Деревенскій*—съ 1-го іюля 1907 г., Воронежской 1-й, *Замятинъ*—съ 25-го іюня 1906 г.,

Ростовской на-Дону, *Томи*—съ 5-го іюля 1907 г., женскихъ: Харьковской Маріинской, *Андріановъ*—съ 9-го сентября 1905 г., Харьковской 2-й, *Педаевъ*—съ 20-го іюля 1907 г., Тамбовской, *Ковыляевъ*—съ 24-го сентября 1905 г., Нахичеванской на Дону „Екатерининской“, *Тихиджи-Хамбуровъ*—съ 1-го августа 1907 г., Новочеркасскаго реального училища, *Дмитріевъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; завѣдывающій мастерскими Повочеркасскаго атаманскаго технического училища *Хоткевичъ*—съ 1-го ноября 1907 г. и врачъ Ростовской на-Дону гимназій *Кондратовичъ*—съ 16-го декабря 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя гимназій: Пензенской 2-й, *Смирновъ*—съ 21-го сентября 1904 г., Новочеркасскаго, *Цейгеръ*—съ 1-го октября 1906 г., Ростовской на-Дону: *Домбровский*—съ 11-го апрѣля 1906 г. и *Сопотовъ* (сверхштатный)—съ 25-го августа 1905 г., Бобровской мужской прогимназій, *Федоровскій*—съ 6-го сентября 1906 г., Шацкаго реального училища, *Горицкий*—съ 18-го іюля 1904 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Моршанскаго, Тамбовской губерніи, *Николаенко*—съ 10-го августа 1906 г., 2-го Донскаго, *Титаренко*—съ 1-го августа 1907 г.; инспекторъ Путивльскаго ремесленнаго училища „Маклаковыхъ“, Курской губерніи, *Михайловъ*—съ 15-го іюня 1904 г.; лаборанты Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: *Дядусенко*—съ 15-го октября 1907 г. и *Поповъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Воронежской 1-й, *Дикаревъ*—съ 12-го октября 1905 г., Елатомской, *Конюшенковъ*—съ 23-го ноября 1907 г. и Сумскаго реального училища, *Тумской*—съ 1-го октября 1907 г.; учителя городскихъ училищъ: Лебедянскаго, Тамбовской губерніи, *Калининъ*—съ 23-го сентября 1902 г. и 1-го Донскаго, *Самсоновъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: лаборантъ Императорскаго Харьковскаго университета, *Красовскій* (сверхштатный)—съ 15-го ноября 1905 г.; наблюдатель Повочеркасскаго атаманскаго технического училища *Абуховъ*—съ 1-го ноября 1907 г.; врачъ Каменскаго реального училища *Студеникинъ*—съ 1-го октября 1905 г.; лаборантъ Таганрогскаго средняго восьмикласснаго техническаго училища *Смольниковъ*—съ 1-го февраля 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Повочеркасскаго гимназій, *Бондаревъ*—съ 22-го августа 1907 г. и Сумскаго реального училища, *Квашенко*—съ 1-го сентября 1907 г.; учителя городскихъ училищъ: Ахтырскаго, Харьковской губерніи, *Подпрятковъ* (исправляющій должность)—съ 21-го января 1904 г., Воронежскаго, *Дмитріевъ* (сверхштатный)—съ

1-го іюня 1907 г., Тамбовской губерніи: Моршанскаго, *Григоровъ*— съ 27-го ноября 1906 г. и Лебединскаго, *Литвиненко*—съ 10-го іюля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: лаборантъ Императорскаго Харьковского университета, *Трубе* (сверхштатный)—съ 20-го августа 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Тамбовской гимназіи, *Осипченко*—съ 1-го ноября 1904 г. и *Степаниковъ*—съ 1-го февраля 1905 г., Рыльской Шелеховской прогимназіи, *Горскій*—съ 19-го сентября 1905 г. и Ростовскаго-на-Дону „Петровскаго“ реальнаго училища, *Данилевскій*—съ 30-го января 1906 г.; учитель пѣнія Пензенской учительской семинаріи, *Касторскій*—съ 11-го марта 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Щигровскаго, Курской губерніи, *Бизюкинъ* (исправляющій должность)—съ 13-го августа 1905 г., Донской области: 2-го Донскаго, *Клочко*—съ 1-го сентября 1905., Ростовскаго на-Дону, *Калмыковъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1904 г. и Каменскаго, *Пантелеевъ*—съ 31-го августа 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: письмоводитель Каменскаго реальнаго училища *Рыковскій*—съ 10-го января 1908 г.; учитель Каменскаго городского, Донской области, училища *Одиновъ*—съ 13-го ноября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя: графическихъ искусствъ Курскаго городского училища, *Шумовъ*—съ 12-го марта 1905 г., приходскихъ училищъ: Елатомскаго, Тамбовской губерніи, *Герасимовъ*—съ 7-го января 1907 г., Донской области: Обуховскаго, *Захаровъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 19-го мая 1893 г., Зимняцкаго, *Итажинъ*—съ 28-го октября 1907 г. и Филоновскаго, *Евфимьевъ*—съ 10-го октября 1905 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель 1-го Донскаго городского училища *Харитоновъ*—съ 5-го октября 1906 г.; письмоводитель Старобѣльскаго Александровской гимназіи *Лысенко*—съ 22-го января 1907 г.; канцелярскій служитель канцеляріи управленія Харьковскаго учебнаго округа *Раевскій*—съ 1-го января 1908 г.; учителя приходскихъ училищъ: городскихъ гор. Харькова: 1-го *Даневскій*—съ 5-го октября 1906 г., 2-го, *Щеткинъ*—съ 18-го іюля 1906 г., имени Жуковскаго, *Усенко*—съ 20-го октября 1906 г., имени Пушкина, *Козьменко*, ремесленнаго общества: *Василевскій* и *Войковъ*, на Кирилло-Меодіевскомъ кладбищѣ: *Александровъ* и *Паларовъ*, Воронежской губерніи: Коротоякскаго, *Нехаевъ*, Задонскаго 2-го, *Бѣлорусецъ* и Нижнедѣвцакаго, *Татариновъ*, всѣ восьмеро—съ 5-го октября 1906 г., Пензенской губерніи: Саранскаго 1-го, *Любимовъ*—съ 25-го октября 1904 г. и Писарскаго, *Литвиновъ*—съ 5-го октября 1906 г., Донской

области: Верхне-Курмоярскаго, *Бабкинъ*—съ 1-го сентября 1906 г., Каргальско-Бѣлянскаго, *Бунинъ*—съ 1-го августа 1907 г., таганрогскаго 3-го „Петровскаго“, *Даниловъ*—съ 10-го октября 1903 г., Бронницкаго, *Захаревскій*—съ 1-го августа 1907 г., Верхне-Бузиновскаго, *Протопоповъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Великокняжескаго 1-го, *Поповъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 1-го сентября 1906 г., Мостовскаго, *Труфановъ*—съ 5-го октября 1906 г., Баклановскаго, *Холлачевъ*—съ 1-го октября 1907 г., Грушинскаго, *Абраменковъ*, Михайловскаго, *Литачковъ*, Задонско-Кагальницкаго, *Зимовтійскій*, Хорошевскаго, *Зубковъ*, Золотовскаго, *Климовъ*, Щавельницкаго, *Кирилловъ*, Жуковскаго, *Курутъ*, Константиновскаго 1-го, *Кокинъ*, Нижне-Чирскаго 2-го, *Кузнецовъ*, Чертковскаго, *Литвиновъ*, Павловскаго, *Лысниковъ*, Иловайскаго, калмыцкаго, *Панфиловъ*, Михалевскаго, *Писаревъ*, Крюковскаго, *Раздоровъ*, Дудковскаго, *Солдатовъ*, Маріинскаго, *Соколовъ*, Раздорскаго, *Скомороховъ*, Верхне-Кундруческаго, *Узловъ*, Колотовскаго, *Фетисовъ*, Рябичево-Задонскаго, *Черкесовъ*, Ермаковскаго, *Федоровъ*, учитель Воронежской Нечасевской двухклассной народной школы *Волковъ*, учитель Воронцовскаго сельскаго приходскаго училища *Нашивичниковъ*, всѣ 23—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: надворнаго советника, преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Сердюковъ* (онъ же Сердюкъ)—съ 26-го сентября 1907 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя гимназій: Харьковской 1-й, *Васковъ*—съ 16-го августа 1903 г., Харьковской 3-й, *Самко*—съ 20-го сентября 1903 г., Сумской Александровской, *Паллонъ*—съ 4-го іюля 1903 г., Пензенской 1-й, *Иллюстровъ*—съ 1-го августа 1903 г., Таганрогской, *Павлиновъ*—съ 25-го февраля 1904 г., женскихъ: Харьковской Маріинской, *Фесенковъ*—съ 19-го сентября 1901 г., Тамбовской, *Пустовойтовъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Ростовской на-Дону „Екатерининской“, *Зайцевъ*—съ 12-го сентября 1903 г., Старооскольской, *Кулжинскій*—съ 15-го августа 1900 г., Воронежской, учрежденной А. В. Ивановской, *Ефимовъ*—съ 18-го сентября 1903 г., Павловскаго реальнаго училища, *Нестеровъ*—съ 8-го августа 1902 г. и преподаватель Ростовскаго на-Дону средняго техническаго училища *Дмитріевъ*—съ 15-го сентября 1903 г.; *титularнаго советника*: лаборанты: Императорскаго Харьковскаго университета, *Соловьевъ*—съ 1-го ноября 1903 г., по степени дѣкаря, и Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, *Поповъ*—съ 3-го мая 1907 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ бібліотекаря Император-

скаго Харьковскаго университета, *Тихій* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)— съ 20-го сентября 1903 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; помощники классныхъ наставниковъ: Корочанской Александровской гимназіи, *Шаджъ*—съ 25-го ноября 1903 г., Рыльской Шелеховской прогимназіи, *Казакъ*—съ 1-го февраля 1901 г., реальныхъ училищъ: Павловскаго, *Илиевъ*—съ 1-го августа 1902 г. и Каменскаго, *Мельниковъ*—съ 1-го августа 1903 г., учителя: городскихъ училищъ, губерній: Харьковской, Зміевскаго, *Майборода*, Воронежской, Коротоянскаго, *Селиверстовъ*, Донской области: 2-го Донскаго, *Бочкаревъ* и *Маликовъ* (сверхштатный), Сальскаго, *Ковалевъ*, всѣ пятеро—съ 1-го іюля 1903 г. и пригготовительнаго класса Воронежской 1-й гимназіи, *Ситаревъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; *коллежскаго регистратора*: учителя графическихъ искусствъ городскихъ училищъ Донской области: Ростовскаго-на-Дону, *Арцатбаньякъ*—съ 15-го августа 1902 г., Сальскаго, *Ивановскій*—съ 15-го августа 1903 г., Новониколаевскаго, *Лакртовъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 28-го октября 1902 г. и учитель, завѣдующій Ростовскимъ-на-Дону двухкласснымъ приходскимъ училищемъ, *Ивановъ*—съ 1-го сентября 1904 г., по званію студента духовной семинаріи.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4. (16-го мая 1908 года, № 12179). *Объ условіяхъ приѣма въ студенты и вольнослушатели университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.*

Въ измѣненіе и дополненіе существующихъ циркулярныхъ распоряженій объ условіяхъ приѣма въ студенты и вольнослушатели университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, считаю нужнымъ дать нижеслѣдующія указанія.

I. О студентахъ.

1) Согласно циркуляру отъ 30-го іюня 1906 г., за № 12421, воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, окончившіе курсъ 4 общеобразовательныхъ классовъ, имѣютъ право на приѣмъ въ студенты университета по выдержаніи дополнительныхъ испытаній по математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ языковъ. Что же касается окончившихъ полный курсъ 6 классовъ, то, согласно циркуляру отъ 14-го декабря 1905 г., за № 27104, они могли поступать на болѣе льготныхъ условіяхъ, по усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ. На практикѣ въ разныхъ университетахъ были установлены различныя

условія приѣма семинаристовъ, что вызываетъ затрудненія при переходѣ студентовъ изъ одного университета въ другой. Между тѣмъ, въ двухъ старшихъ классахъ православныхъ семинарій изучаются почти исключительно богословскія науки, прохожденіе же курса общеобразовательныхъ предметовъ заканчивается въ 4-мъ классѣ. Въ виду этого я признаю необходимымъ отмѣнить льготный приѣмъ семинаристовъ, окончившихъ полный курсъ 6 классовъ, и распространить на нихъ тѣ условія приѣма въ студенты университетовъ, которыя были установлены для окончившихъ курсъ 4 общеобразовательныхъ классовъ, т. е. дополнительныя испытанія по математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ языковъ.

2) Въ отмѣну отд. IV циркуляра, за № 12421, лица, имѣющія свидѣтельство объ окончаніи курса высшаго учебнаго заведенія, могутъ быть принимаемы въ студенты университета исключительно на основаніи ихъ аттестатовъ о среднемъ образованіи, по выдержаніи въ подлежащихъ случаяхъ соответствующихъ дополнительныхъ испытаній.

3) Подтверждается циркуляръ отъ 15-го іюня 1906 г., за № 11508, относительно приѣма въ студенты Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославль на тѣхъ же условіяхъ, что въ университетахъ.

4) Пиконимъ образомъ не допускается условный приѣмъ въ студенты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній тѣхъ лицъ, которыя не удовлетворяютъ установленнымъ требованіямъ, напримѣръ, не выдержали дополнительныхъ испытаній, не имѣютъ свидѣтельства о благонадежности и т. п.

II. Объ установленіи комплекта.

Въ виду непереполненія университетовъ, вредно отражающагося на правильномъ веденіи учебныхъ занятій, министерство уже въ прошломъ году, циркуляромъ отъ 19-го іюня, за № 13054, предложило выяснить и установить на всѣхъ факультетахъ максимальный комплектъ для вновь поступающихъ студентовъ, при чемъ въ иныхъ случаяхъ комплектъ былъ заявленъ чрезмерно большой. Въ виду сего прошу предложить совѣтамъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній нынѣ же установить нормальный комплектъ студентовъ на всѣхъ факультетахъ, отдѣленіяхъ и курсахъ, сообразуясь съ вмѣстимостью аудиторій и съ дѣйствительною возможностью безпрепятственныхъ занятій во всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Объ установленныхъ комплектахъ буду ждать донесенія въ самомъ непродолжительномъ времени съ обстоятельной мотивировкою.

III. О постороннихъ слушателяхъ.

1. Къ слушанію лекцій и другимъ учебнымъ занятіямъ въ университетахъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Демидовскій юридическій лицей, Лазаровскій институтъ восточныхъ языковъ, Восточный институтъ, Томскій технологическій институтъ) по уставу, кромѣ студентовъ, допускаются и постороннія лица, которыя должны въ точности удовлетворять требованіямъ и условіямъ соответствующихъ статей закона (ст. ст. 520, 740, 830, 1101 т. XI, ч. 1, св. зак. изд. 1893 г. ст. 33 приложения къ ст. 396 (п. 3, доп.), ст. 35 приложения II къ ст. 1144 по прод. 1906 г.).

2. Посторонніе слушатели могутъ быть принимаемы только въ предѣлахъ установленнаго комплекта, если по приѣмъ студентовъ окажется свободныя вакансіи.

3. Молодые люди, только что окончившіе курсъ средняго учебнаго заведенія и не имѣющіе права на зачисленіе въ студенты, не могутъ быть принимаемы и въ посторонніе слушатели.

4. Лица женскаго пола ни въ коемъ случаѣ не принимаются въ число постороннихъ слушателей.

5. Безъ свидѣтельства о благонадежности посторонніе слушатели не допускаются.

6. Къ постороннимъ слушателямъ іудейскаго вѣроисповѣданія применяется та же % норма, что и для студентовъ.

7. Посторонніе слушатели не допускаются ни къ какимъ испытаніямъ.

8. Посторонніе слушатели ежегодно возобновляютъ свое право на пребываніе въ учебномъ заведеніи.

9. Лица, бывшія посторонними слушателями въ текущемъ учебномъ году, но не удовлетворяющія изложеннымъ выше условіямъ, не могутъ быть вновь зачисляемы въ посторонніе слушатели съ будущаго учебнаго года.

5. (14-го августа 1908 года, № 19963). *Объ отсрочкѣ экзаменовъ студентовъ медицинскихъ факультетовъ и слушательницъ медицинскаго института.*

Въ виду появленія холерной эпидеміи въ Приволжскихъ губерніяхъ многіе студенты старшихъ курсовъ медицинскихъ факультетовъ и слушательницы С.-Петербургскаго жюнскаго медицинскаго института, за недостаткомъ медицинскаго персонала, приглашены на медицинскія

должности для борьбы съ эпидемією. Признавая желательнымъ не отрывать означенныхъ лицъ отъ работы по борьбѣ съ эпидеміей, министерство народнаго просвѣщенія полагаетъ необходимымъ предоставить названнымъ лицамъ возможность отсрочить экзамены какъ курсовые, такъ и въ медицинскихъ комиссіяхъ впредь до прекращенія эпидеміи.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство, для зависящихъ, въ чемъ будетъ слѣдовать, распоряженій.

6. (1-го сентября 1908 года, № 21918). *О приѣмѣ въ студенты историко-филологическихъ факультетовъ на общихъ для прочихъ факультетовъ основаніяхъ.*

Согласно циркулярному предложенію отъ 30-го іюня 1906 года, за № 12421, отъ всѣхъ желающихъ поступить на историко-филологическій факультетъ, помимо прочихъ условій, открывающихъ доступъ въ университетъ, требуется еще знаніе греческаго языка въ объемѣ гимназическаго курса.

При незначительномъ числѣ гимназій съ двумя древними языками сказанное требованіе ставить въ затруднительное положеніе многихъ молодыхъ людей, стремящихся къ изученію историко-филологическихъ наукъ. Университеты, за исключеніемъ столичныхъ, неоднократно ходатайствовали объ устраненіи существующаго затрудненія.

Вслѣдствіе этого и согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 18-го марта 1906 г., я предоставляю университетамъ право, если они то признаютъ необходимымъ, принимать въ студенты историко-филологическаго факультета, на общихъ для прочихъ факультетовъ основаніяхъ, т. е. безъ предварительнаго представленія свидѣтельства въ знаніи греческаго языка.

Но студенты филологи, не изучавшіе греческаго языка въ средней школѣ, обязаны восполнить пробѣлъ въ университетѣ. Съ этою цѣлью на историко-филологическомъ факультетѣ надлежитъ организовать для нихъ спеціальнѣйшій курсъ греческаго языка, по прослушаніи коего въ теченіе первыхъ двухъ семестровъ студенты должны выдержать соотвѣтствующее испытаніе. Слѣдуетъ также озаботиться, чтобы и при дальнѣйшемъ прохожденіи университетскаго курса студенты пополняли свои познанія въ греческомъ языкѣ, согласно требованіямъ учебныхъ плановъ факультета.

Объ изложенномъ сообщаю вашему превосходительству, для зависящихъ распоряженій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ, Иванъ*. Учебникъ нѣмецкаго языка. М. 1908. Часть I. Для младшихъ классовъ. Изданіе 19-е. Стр. XIV+160. Цѣна 70 коп.—Часть II. Для среднихъ и старшихъ классовъ. 17-е изданіе. Стр. X+226+56. Цѣна 1 р.“

— „*Войновъ, А.* Основанія анализа бесконечно-малыхъ. Съ приложеніемъ дополнительныхъ статей алгебры. 2-е изданіе. Павловскъ н/Д. 1908. Стр. 126. Цѣна 85 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Гаіекъ, Гансъ*. Практическое руководство по нѣмецкому языку. I часть. Систематическія упражненія въ разговорѣ. Изданіе К. Г. Зихмана. Рига. 1908. Стр. 144. Цѣна 40 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Заленскій, В. Р.* Учебникъ ботаники. Изданіе Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1908. Стр. VI+167. Цѣна 80 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Крафтъ, К.* Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Годъ ученія III. Изданіе 8-е. Кіевъ. 1908. Стр. V+181. Цѣна 45 коп.“

— „*Крафтъ, К.* Элементарная нѣмецкая грамматика. Кіевъ. 1908. Часть I. Этимологія. Изданіе 9-е. Стр. VII+169.—Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 8-е. Стр. V+126. Цѣна каждой части 45 коп.“

— „*Матченко, И. II.* Обзоръніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 12-е изданіе. Кіевъ. 1908. Стр. 197. Цѣна 80 коп.“

— „*Матченко, И. II.* Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Изданіе 6-е. Кіевъ. 1908. Стр. 60. Цѣна 30 коп.“

— „*Шаношниковъ, Н. А.* Учебникъ алгебры. Часть I. 7-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. 174. Цѣна 70 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Gaisel, Gansel*. Практическое руководство по нѣмецкому языку. II часть. Систематическія упражненія въ орфографіи. Изданіе К. Г. Зихмана. Рига. 1908. Стр. 114. Цѣна 30 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Галаховъ, А.* Русская хрестоматія. Изданіе 31-е, В. В. Думнова. М. 1908. Томъ I. Стр. VII+403. — Томъ II. Стр. XII + 609. Цѣна за два тома 2 р. 25 к.“

— „*Дрентельнъ, Н. С.* Пособіе для практическихъ работъ по физикѣ. Изданіе т-ва Н. Д. Сытина. М. 1908. Стр. XI+208. Цѣна 90 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Злотчинскій, П.* Сборникъ упражненій и задачъ по прямолинейной тригонометріи. Исправилъ *Е. Л. Гунцкій*. 3-е изданіе *Е. П. Распопова*. Одесса. 1908. Стр. VII+116+1. Цѣна 75 коп.“

— „*Извольскій, Н.* Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Изданіе В. Думнова. Часть I. М. 1907. Стр. 55. Цѣна 30 коп. — Часть II. М. 1908. Стр. 72. Цѣна 40 коп.“

— „*Коломбъ, Ж.* Разсказы для дѣтей. Обработала *А. Д. Панчундзева*. (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1908. Стр. 25 (текста)+27 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 20 коп.“

— „*Мартэнъ, Л. Л.* Русская хрестоматія для переводовъ на французскій языкъ. С.-Пб. 1908. Стр. 96. — Vocabulaire къ ней. Стр. 88. Цѣна за обѣ книжки 60 коп.“

— „*Meyer, Alfred*. Rechenbuch für die mittleren Lehranstalten. II Teil. Die Rechnungen mit gewöhnlichen Brüchen und Dezimalbrüchen. Verhältnisse und Proportionen. Verlag von N. Kummel. Riga. 1908. 112 S.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Меримэ, Просперъ*. Коломба. Повѣсть. Обработалъ *Г. Николь*. Стр. VIII+158 (текста)+45+24+7 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 70 коп. въ перепл.“

— „11 школьныхъ таблицъ по анатоміи чловѣка. Къ нимъ объяснительный текстъ. Подъ ред. *В. Канеля*. Изд. т-ва Н. Д. Сытина. М. 1908. Цѣна 3 р.“ (также для низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Песоцкій, П.* Пособіе къ изученію пространнаго христіанскаго

катехизиса. Изданіе 2-е, испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр. 252 + I. Цѣна 80 коп.“

— „Разсказы новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей. Томъ II. (А. Шмиттенеръ, Г. Гобманъ, Э. принцъ Шенайхъ-Каролатскій, Э. Мюлленюфъ). Съ объясненіями и словаремъ М. Я. Пэрна. Изданіе Эгтерсъ и К°. С.-Пб. 1908. Стр. 122. Цѣна 50 коп.“

— „Чухановъ, Б. Таблицы пятнадцатыхъ логарифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ величинъ. Минскъ. 1908. Стр. 143. Цѣна 80 к.“

— „Шапошниковъ, Н. А., и Н. К. Вальцовъ. Сборникъ арифметическихъ задачъ. Часть II. Теорія дробей и общія правила. 13-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. IV+204. Цѣна 60 коп.“

— „Schultz, Alfons, und Platon Linkevicz. Illustrierte deutsche Litteraturgeschichte. I. Teil. Von den Anfängen der deutschen Litteratur bis zur Romantik. Изданіе М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1908. Стр. IX+128. Цѣна 1 р.“ (для старшихъ классовъ).

— „Эрдель, Н. К. Новый учебникъ нѣмецкаго языка. Часть I. С.-Пб. 1908. Стр. VII+166. Цѣна въ перепл. 1 р.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Семеновъ, П. А. Систематическій диктантъ. Варшава. 1908. Стр. 48. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна ея нынѣ же была понижена до половины, а при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе и замѣчанія ученаго комитета).

— „Тулуповъ, Н. В., и П. М. Шестаковъ. Первая ступень въ литературу. Хрестоматія для младшихъ классовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 336. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „Безсоновъ. Повѣдка по Вологодской губерніи къ нефтянымъ ея богатствамъ на рѣку Ухту. С.-Пб. 1908. Стр. 142. Цѣна 2 р.“

— „Варнеке, Б. В. Исторія русскаго театра. Часть 1-я: XVII в XVIII вѣкъ. Казань. 1908. Стр. III+360+I. Цѣна 2 р.“

— „*Ветэмъ*. Современное развитіе физики. Переводъ съ англ. подъ ред. *Б. П. Вейнберга* и *А. Р. Орбинскаго*. Изданіе „*Mathesis*“. Одесса. 1908. Стр. 319. Цѣна 2 р.“

— „*Вольфъ, Э. Л.* Наши древесныя породы зимой. Опреѣлитель по почкамъ лиственныхъ древесныхъ породъ съ опадающей листвою. С.-Пб. 1908. Стр. 116. Цѣна 1 р. 60 коп.“

— „*Демковъ, М. И.* Курсъ педагогики. Часть II. Теорія и практика воспитанія. М. 1908. Стр. IX+338. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Клоссовскій, А. В.* Физическая жизнь нашей планеты на основаніи современныхъ воззрѣній. 2-е испр. и доп. изданіе. Изданіе „*Mathesis*“. Одесса. 1908. Стр. 43. Цѣна 40 коп.“

— „*Лоджъ, Оливеръ.* Жизнь и матерія. Критика «Міровыхъ загадокъ» проф. Геккеля. Переводъ съ англ. *С. С. Розанова* подъ ред. и съ предисловіемъ *Н. М. Соловьева*. Т-во Творческая мысль. М. 1908. Стр. 144. Цѣна 1 р.“

— „*Ризи, А.* Современная теорія физическихъ явленій. Переводъ съ III итальянскаго изданія. Изданіе „*Mathesis*“. Одесса. 1908. Стр. 156. Цѣна 1 р.“

— „*Целль.* Изъ жизни животныхъ. Ошибочныя мнѣнія, суевѣрія и предразсудки. Переводъ съ нѣм. *В. Соколова*. Подъ ред. *Вл. Θ. Капелькина*. Изданіе К. Тихомирова. М. 1908. Стр. 92. Цѣна 50 к.“

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опреѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Бенігудъ, Е.* Двѣ гаіомимъ, т. с. Еврейская исторія. 2-е изд. I. Рѣзниковскаго. Вильна. 1906. Стр. 151. Цѣна 60 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Гиршовичъ, А.* Диктантъ. Кн. 1-я. Изд. 3. III. Среберка.

Вильна. 1907. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“ (для еврейскихъ нач. училищъ).

— „*Гиршовичъ, А.* Диктапъ. Книга 2-я. Изд. 3. III. Среберка. Вильна. 1907. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Гутманъ, А.* Бенъ-ами, т. в. Родной. Хрестоматія для дѣтей. Вып. II. Одесса. 1905. Стр. VI+230. Цѣна 75 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Демковъ, М. И.* Курсъ педагогикн. Часть II. Теорія и практика воспитанія. М. 1908. Стр. IX+338. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „Дивре-тора. Одесса. 1907. Стр. IV+66. Цѣна 30 коп.“ (для еврейскихъ учил.).

— „Домъ молитвы. Молитвы евреевъ на весь годъ. Перевелъ на русскій языкъ *А. Л. Воль.* Изд. Розенкранца и Шрифтзенера. Вильна. 1907. Стр. X+390. Цѣна 80 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Дьяченко, Г.* и *А. Преображенскій.* Доброе слово. Кн. 1-я. Изд. 12-е, дополн., В. В. Думнова. М. 1908. Стр. VIII+182. Цѣна 40 коп.“

— „*Левинъ, И.* Гасафо вогахамъ. Кн. 1-я. Изд. X. Лехтмана. Одесса. 1907. Стр. 116. Цѣна 40 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Лидскій, Н.,* и *Д. Айзенбергъ.* Гасафа гонвритъ (еврейская рѣчь). Иллюстр. еврейская азбука. 1-я ч. Изд. 3. III. Среберка. Вильна. 1907. Стр. 111. Цѣна 35 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Михневъ, И. С.* Паглядный русскій букварь и первая книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ для инородцевъ. 5-е изд. Казань. 1908. Стр. 95. Цѣна 20 коп.—Вторая книга для чтенія. 2-е, доп., изд. Казань. 1908. Стр. 119. Цѣна 30 коп.—Третья книга для чтенія. Казань. 1907. Стр. 260. Цѣна 50 коп.“ (для инородч. нач. училищъ).

— „Прописи и рисованіе по клѣткамъ. Изд. А. Д. Ступина. Москва. 20 листовъ. Цѣна 10 коп.“

— „Сяпурей гамикро, т. в. библейскіе рассказы. Изд. «Морія». 1906—1907. 1) Исусъ Навинъ. Судья. Руоь. Стр. 96. Цѣна 40 коп.— 2) Первая кн. Царствъ и Соломонъ. Стр. 152. Цѣна 50 коп.— 3) Вторая ч. 3-й и 4-й кн. Царствъ. Повѣствов. Иеремин, Эзры и Неемин. Приложенія: Иона, Даниилъ и Эсэвръ. Стр. VI+214. Цѣна 65 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Соловьевъ, Н.,* и *Е. Емальчевскій.* Букварь. Вольскъ. 1908. Стр. 26+II. Цѣна 5 коп.“

— „Тамаркинъ, М. Л. Гадибуръ вегакриа, т. е. Бесѣды и чтеніе. Азбука и книга для чтенія. Вильна. 1907. Стр. 111. Цѣна 40 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „Ушинскій, К. Д. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 120-е. С.-Пб. 1908. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

— „Шельцель, К. Е. Книга для чтенія. Часть 2-я. 3-е изд. Е. П. Распопова. Одесса. 1908. Стр. 199. Цѣна въ перепл. 65 коп.“ (для инородч. нач. училищъ).

— „Шельцель, К. Е. Русская азбука. 10-е изд., Е. П. Распопова. Одесса. 1907. Стр. 93+III. Цѣна въ перепл. 35 коп.“ (для инородч. нач. училищъ).

— „Ширатъ Исраель, т. е. Еврейская поэзія. Изд. «Морія». Одесса. 1904. Стр. VII+80.“ (для еврейскихъ училищъ).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Волоцкій, К. Г. Практическая грамматика древне-еврейскаго языка. Изд. «Тушія». Варшава. 1908. Стр. IV+121. Цѣна 40 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Гейки, А. Геологія. Переводъ съ англ. М. А. Антоновича. Изд. 3-е, испр. и доп., Э. И. Блѣка. С.-Пб. 1908. Стр. 84. Цѣна 35 коп.“ (для городск. училищъ).

— „Догановичъ, Аяна. Печальникъ земли русской. Историческая повѣсть. Изд. 4-е. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1908. Стр. 64. Цѣна 40 коп.“ (для городск. и 2-хл. сельск. училищъ).

— „Жуковскій, В. А. Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи-царевны, Кошечей дочери. Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 46. Цѣна 10 коп.“

— „Львови, М. А. Марья Николаевна. Разсказъ для дѣтей. 2-е изд., А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 27. Цѣна 15 коп.“

— „Майнъ-Ридъ. Огненная земля. Романъ. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 154. Цѣна 40 коп.“

— „Максимовъ, С. В. Ледяное царство и Мертвая земля. Изд.

5-е, испр., П. В. Смирнова. С.-Пб. 1908. Стр. 44. Цѣна 20 коп.*
(для городск. училищъ).

— „*Маминъ-Сибирякъ*“. Емеля охотникъ. Повѣсть для дѣтей. Изд. 5-е, А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 31. Цѣна 50 коп.*

— „*Разказы въ сельской школѣ*“. 4-е изд., А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 47. Цѣна 10 коп.*

— „*Свифтъ, Д.* Путешествіе Гулливера въ страну лилипутовъ. Переводъ съ англ. М. А. Шишмаревой. Изд. О. Н. Поповой. (Библиотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1906. Стр. 101. Цѣна 25 коп.*

— „*Томпсонъ, Э. Сетонъ*“. Герои изъ міра животныхъ. Переводъ съ англ. Л. Б. Хавкиной. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. IV. Мальчикъ и рысь. Стр. 32. Цѣна 15 коп.—V. Маленькій боевой конь. Исторія одного кролика. Стр. 48. Цѣна 20 коп.—VI. Снѣпъ. Исторія одного бультерьера. Стр. 27. Цѣна 15 коп.*

— „*Шуманъ, Берта*“. Что разказывала бабушка. Маленькіе разказы для маленькихъ дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1908. Стр. 109. Цѣна 60 коп.*

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* Что сердце говоритъ. Разказы и сказки. 2-е изд. М. Стр. 99. Цѣна 40 коп.*

2. Допустить условно слѣдующія книги:

въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Грековъ, Ѳ. В.* Русскій наглядный букварь. М. 1908. Стр. 94+4+8. Цѣна 30 коп.* (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Оловянишниковъ, Н.* Начатки естествознанія. 5-е изд. К. Тихомирова. М. 1908. Стр. VIII+370. Цѣна 1 р. 25 коп.*

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными министерствомъ, постановлено:

— 1) Книгу: „*Г. И. Лобовиковъ*. Основанія механической теоріи

теплоты и ея примѣненій къ ученію о тепловыхъ машинахъ. Курсъ среднихъ техническихъ училищъ. Изд. 2-е М. 1908 г.“ признать заслуживающею допущенія въ бібліотеки среднихъ техническихъ училищъ, въ качествѣ пособія по физикѣ.

— 2) Книгу: „С. А. Саловъ. Какъ крестьянину улучшить свое хозяйство. Часть I. Травосѣяніе въ промышленныхъ губерніяхъ. Калуга. 1907 г.“ признать заслуживающею одобренія для бібліотеки низшихъ сельскохозяйственно-техническихъ училищъ.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— „Авчинниковъ, А. Г. Памяти начальника восточнаго отряда графа Ф. Э. Келлера. 2-е изд. Екатеринославъ. 1908. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“

— „Безсоновъ. Поѣздка по Вологодской губерніи къ нефтянымъ ея богатствамъ на рѣку Ухту. С.-Пб. 1908. Стр. 142. Цѣна 2 р.“

— „Гейли, А. Геологія. Переводъ съ англ. М. А. Антоновича. Изд. 3-е испр. и доп., Э. П. Блэка. С.-Пб. 1908. Стр. 84. Цѣна 35 коп.“

— „Догановичъ, Анна. Печальникъ земли русской. Историческая повѣсть. Изд. 4-е. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1908. Стр. 64. Цѣна 40 коп.“

— „Максимовъ, С. В. Ледяное царство и Мертвая земля. Изд. 5-е, испр., П. В. Смирнова. С.-Пб. 1908. Стр. 44. Цѣна 20 коп.“

— „Невѣровичъ, П. Г. На помощь деревнѣ! Какъ строить дешевую, прочную и огнестойкую постройку изъ глины и хвороста, а тамъ, гдѣ глины нѣтъ, изъ бетоннаго раствора и полевой земли. 2-е изд. Гродна. 1908. Стр. 13—16 листовъ чертежей. Цѣна 30 коп.“

— „Поселянинъ, Е. Пустыня. Очерки изъ жизни древнихъ подвижниковъ. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 231. Цѣна 75 коп.“

— „Целль. Изъ жизни животныхъ. Ошибочныя мнѣнія, суевѣрія и предрассудки. Переводъ съ нѣм. В. Соколова. Подъ ред. Вл. Ф. Капелькина. Изд. К. Тихомирова. М. 1908. Стр. 92. Цѣна 50 коп.“

**ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

(Печатается съ разрѣшенія министерства).

Въ засѣданіи основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 26-го мая 1908 г. (ст. XVIII) рассмотрѣна была книга:

Иловайскій, Д. Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Изданіе 35-ое, вновь пересмотрѣнное и дополненное. М. 1907. Стр. 388+2 карты. Цѣна 1 руб.

Ученый комитетъ полагалъ признать книгу „Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Изданіе 35-е“ въ настоящемъ видѣ недопустимою къ школьному употребленію; но если бы авторъ перепечаталъ стр. 368—377, наложивъ болѣе точно и послѣдовательно событія послѣдняго времени и удаливъ съ этихъ страницъ сужденія свои объ отдѣльныхъ государственныхъ дѣятеляхъ, нападки противъ дружественныхъ державъ, необоснованныя попытки объясненія и произвольные домыслы относительно событій послѣдняго десятилѣтія,— то книга могла бы быть допущена, какъ и въ предшествующемъ изданіи.

Такое опредѣленіе ученаго комитета утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія.

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ВЪ МОНПЕЛЬЕ ДО СЕРЕДИНЫ XIV ВѢКА ¹⁾.

II.

Между тѣмъ, какъ Парижъ остался сколкомъ Салернской школы съ ея неподвижными, не знающими прогресса доктринами, приверженностью къ общепризнаннымъ авторитетамъ и предвзятымъ идеямъ, къ которымъ подгонялась дѣйствительность жизни, несмотря на то, что зачастую она не укладывалась въ тѣсныя рамки схоластики, университетъ въ Монпелье, сначала черпавшій изъ того же источника, уже рано измѣняетъ свой характеръ. Являясь первоначально наследниками Салерно, ученые Монпелье по прошествіи непродолжительнаго времени *student satis habere scientiam de universali, non praetermittentes scientiam particularem, unde magis aspiciunt ad curationes particulares et didascola et vera experimenta habere, quam semper universalibus latrare* ²⁾. Гезеръ ³⁾ справедливо замѣчаетъ, что для исторіи духовной жизни средневѣковья, особенно для медицины, университетъ въ Монпелье имѣлъ громадное значеніе, благодаря своему свѣжому и свободному направленію; однако, причины этой духовной свободы онъ видитъ въ независимости Монпелье отъ Рима и въ томъ, что здѣсь было не мало ученыхъ свресей, вышедшихъ изъ свободомыслящихъ,

¹⁾ *Окончаніе*. См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

²⁾ Arnaldi Villanov. *Breviar.* IV, 10. *Häuser* l. c., p. 656; *Kovacs*, l. c., p. 400. *S. de Renzi*, *Collectio Salernitana ossia documenti inediti, e trattati di medicina etc.* t. I, Napoli 1852, p. 349 annot.

³⁾ l. c., p. 655.

поклонявшихся аверронизму испанскихъ школъ. Насколько велика на самомъ дѣлѣ была зависимость университета отъ духовной власти, показываетъ уже посланіе Климента IV къ королю Арагонскому по поводу назначенія имъ профессора гражданскаго права на вакантную кафедру вопреки желанію епископа Магелонскаго, при чемъ въ этомъ посланіи приводится разница между компетенціей короля и епископа въ дѣлѣ назначенія профессоромъ и оцѣнки ихъ знаній¹⁾. Основываясь на догматическомъ ученіи Гримма: „гдѣ играютъ роль руководители христіанской общины, тамъ не можетъ развиваться никакой свободной человѣчности“, Денифле пытался даже, а priori, доказать, что школа въ Монпелье должна была, *co ipso*, стоять ниже Салернской, такъ какъ, по его словамъ, душою медицинскаго факультета въ Монпелье были духовные органы, между тѣмъ какъ въ Салерно уже въ XIII вѣкѣ нѣтъ и слѣда зависимости отъ духовнаго принципа²⁾. Но факты показываютъ противное. Духъ университета не создается по заказу преобладающей властью. Создаютъ университетъ профессора. Они же создаютъ студентовъ и черезъ нихъ проводятъ и поддерживаютъ господствующія въ ихъ средѣ идеи. Признаніе и питаніе этихъ идей создаетъ духъ и традиціи университета. Поэтому, несмотря на повѣшательство духовенства въ жизнь Салернской школы, послѣдняя много ниже университета Монпелье. Свободное направленіе южно-французской школы было сообщено ей, несомнѣнно, тѣми первыми профессорами, отъ которыхъ собственно пошелъ университетъ. Гезеръ отчасти правъ, приписывая свѣжесть духа и мысли Монпелье еврейскимъ ученымъ, исповѣдывавшихъ аверронизмъ, но правъ лишь по столько, поскольку его слова могутъ быть отнесены къ доисторическому періоду университетской жизни: позже, какъ мы видѣли, евреи усиленно изгоняли изъ университета, — быть можетъ, отчасти и за этотъ самый вольный духъ. Несомнѣнно, однако, что составъ профессоровъ, равно какъ ихъ національность, одинаково съ составомъ и національностью студентовъ являются главнѣйшими факторами, создающими духъ и традиціи университета. Мнѣ кажется справедливымъ приписать большую свободу отъ рутинны въ школѣ Монпелье не только евреямъ — основателямъ первыхъ студій медицины, но и тому обстоятельству, что созданная ими атмосфера нашла полное соотвѣтствіе

¹⁾ Les Statuts etc., № 894 и 895.

²⁾ Denifle, Die Universitäten des Mittelalters bis 1400, I, Berlin. 1885, S. 342 Anm. 510.

въ умахъ того разноплеменнаго студенчества Монпелье, въ которомъ англійская нація, искони враждебная палпизму и клерикализму, играла но послѣднюю роль. Какъ мало тяготѣнія къ клиру имѣлъ подчинившійся епископу университетъ Монпелье, несмотря на то, что въ это время большинство учащихся и учащихся были духовными, показываютъ то, какъ свято хранилъ и защищалъ университетъ свои права и привилегіи, какъ это видно, наприимѣръ, изъ перописки вице-канцлера университета съ дѣлопроизводителемъ епископа Магелонскаго по поводу все той же практики не дипломированныхъ врачей и нѣкоторыхъ нарушеній устава университета вышеназваннымъ дѣлопроизводителемъ ¹⁾. Вѣроятно, этой перопиской вызвано и письмо Якова II Арагонскаго отъ 13-го апрѣля, повторяющее дословно письмо отца его Якова I отъ 20-го іюля 1272 г. ²⁾ по поводу обычныхъ въ Монпелье нарушеній устава. Вообще, какъ показываютъ документы ³⁾, съ канцеляріей епископа университетъ, видимо, не ладилъ.

Въ 1349 году Монпелье освобождается отъ папской власти и переходитъ въ руки французскаго короля. Съ этихъ поръ, повидимому, зависимость отъ епископа, равно какъ и подчиненность университета губернатору, хотя и осталась въ силѣ, но сказывается лишь въ небольшомъ количествѣ документовъ и продолжаетъ существовать, какъ кажется, лишь на бумагѣ. Вся роль этихъ двухъ лицъ болѣе или менѣе сводится къ пассивной обязанности *iura et statuta Universitatis tueri et observari* ⁴⁾; однако, самое расположеніе университета до сихъ поръ еще напоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда онъ былъ подчиненъ церкви ⁵⁾.

Главное значеніе медицинскаго факультета въ Монпелье не ограничивалось, однако, склонностью его полагать центр тяжести въ эмпирическомъ и практическомъ знаніи, не упуская изъ виду общихъ научныхъ основаній, а заключалось также въ томъ обстоятельстве, что, съ одной стороны, Монпелье, какъ уже сказано выше, былъ пунктомъ

¹⁾ Les Statuts etc., № 898.

²⁾ Ibid., № 899 и 896.

³⁾ Ibid., № 901 и 902.

⁴⁾ Ranchin, Apollinare Sacrum, p. 8.

⁵⁾ J. M. Guardia, La médecine à travers les siècles, Paris 1865, p. 595: Cette école est trop voisine de l'église: entre les salles de dissection et la sacristie de la cathédrale s'étend la grande cour, au fond de laquelle s'ouvre l'amphithéâtre, et le gros bourdon de Saint-Pierre rappelle souvent aux maîtres et aux élèves le temps où l'École de médecine obéissait à l'autorité épiscopale.

проведенія свѣта и знанія съ юго-востока на сѣверо-западъ, а съ другою—вообще въ просвѣтительной дѣятельности по отношенію ко всей Европѣ, дѣятельности, выразившейся въ многочисленныхъ и объемистыхъ литературныхъ трудахъ какъ переводныхъ ¹⁾, такъ и оригинальныхъ, по количеству не уступающихъ, быть можетъ, произведеніямъ Салернской школы, по качеству же, несомнѣнно, опередившихъ послѣднія. Такимъ образомъ, университетъ въ Монпелье не только обучалъ своихъ питомцевъ, но пропагандировалъ также свою науку, свои взгляды по всей Европѣ. По крайней мѣрѣ, въ большинствѣ средневѣковыхъ университетовъ въ XV вѣкѣ руководства и другія произведенія, вышедшія изъ школы Монпелье, если и не преобладаютъ надъ издѣліями Салерно, то употребляются наравнѣ съ ними ²⁾. Въ этомъ отношеніи Монпелье оставляетъ далеко за собою остальные университеты.

До послѣдняго времени о составѣ профессоровъ медицинскаго факультета въ Монпелье мы имѣли только самыя скудныя, неполныя и неточныя свѣдѣнія. Раншенъ, выражая свое сожалѣніе, что затерялись во мракѣ время славныя имена процвѣтавшихъ въ Монпелье въ XI—XIII вѣкахъ ученыхъ ³⁾, приводитъ для XIII вѣка всего два имени *Henrici de Guintonia* (1239 г.) и *Petri Guazanhaire* (1260), да и то не сообщаетъ о нихъ никакихъ свѣдѣній ⁴⁾. Значительно пополнены были наши свѣдѣнія объ ученыхъ Монпелье со времени изданія двадцатыхъ томовъ литературной исторіи Франціи, но и здѣсь еще много пробѣловъ, не говоря уже о томъ, насколько затрудни-

¹⁾ *Ковнеръ*, I. с., p. 350.

²⁾ *Ковнеръ*, I. с., p. 581, 582 и др.

³⁾ *Ranchin*, I. с., p. 8: *Prima aetatis, infantiae scilicet istius, Universitatis, quae ab anno 1000 ad 1220 perduravit, maiores nostri Medici vere mortui sunt, quia eorum memoria temporis iniquitate, et fortunae invidia atque varietate penitus suppressa, imo extincta.*

⁴⁾ Въ Кембриджской рукописи *Peterh. 251 (210) fol. 27—48 s. XIII* имѣется *liber frorum (=frigidorum?) et regularum a magistro afratisio de monte pesulano colectarum et complehenssarum (sic) breviter*. Этотъ Афратисій или Афлатисій, какъ читается въ концѣ рукописи (*f. 48^a Expl. lib. mag. aflaticii feliciter*), кажется тождественнымъ съ ученикомъ Константина Африканскаго Афлаціемъ (*Afflaciis 1040—1100*) изъ Салернской школы. Довѣрять поэтому приведенной записи приходится по меньшей мѣрѣ съ большою осторожностью, хотя само по себѣ пребываніе Афлаціи въ теченіе нѣкотораго времени въ Монпелье является вполне возможнымъ, такъ какъ на первыхъ порахъ университетъ могъ приглашать извѣстныхъ ученыхъ изъ другихъ университетовъ. Ср. Розе, *Катал. лат. рукописей Берл. ун-в. № 898 стр. 1063 сл.*

тельно пользованію этимъ объемистымъ трудомъ, гдѣ немногихъ авторовъ школы Монпелье приходится отыскивать среди массы другихъ именъ, ничего общаго ни съ университетомъ, ни съ медициной не имѣющихъ. Однако, если общераспространенное преданіе сохранило намъ лишь незначительное количество именъ, то это не значитъ, что въ описываемое время не было въ Монпелье выдающихся ученыхъ и не было никакой научно-литературной дѣятельности,—это значитъ лишь, что мы еще слишкомъ недостаточно изслѣдовали различные архивы и книгохранилища; стоитъ заглянуть въ любой каталогъ рукописей, и можно насчитать въ немъ болѣе половины никому неизвѣстныхъ, въ значительной своей части анонимныхъ и неизданныхъ еще трактатовъ, имѣющихъ со временемъ обогатить науку. Среди этой массы матеріала не мало, конечно, найдется ученыхъ работъ, вышедшихъ изъ мастерскихъ Монпелье.

Лишь со времени изданія актовъ и документовъ университета знакомимся мы въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ съ личнымъ составомъ его профессоровъ; лишь изучая архивы и библіотеки, находимъ мы ихъ затерянные и забытыя произведенія. Не малое число именъ, встрѣчающихся въ актахъ, такимъ образомъ, дѣлается намъ извѣстнымъ и по литературнымъ трудамъ ихъ обладателей. Отъ нихъ сохранились десятки и сотни рукописей различныхъ произведеній, дѣльные томы трудовъ, отъ другихъ, наоборотъ, лишь краткія темныя указанія на ихъ минувшую дѣятельность, на ихъ сочиненія, давно уже потерянные, хотя, можетъ быть, и не безнадежно ¹⁾, отъ третьихъ дошли одни имена. Однако, поучительнымъ является уже одинъ перечень этихъ именъ, доказывая, какъ высока, какъ напряжена была ученая дѣятельность медицинскаго факультета въ Монпелье. Такъ, не говоря

¹⁾ Такъ, испанскій еврей Леонъ Іосифъ (ок. 1409 г.) рассказываетъ, что онъ въ теченіе десяти лѣтъ безуспѣшно искалъ сочиненія Герарда или Геральда de Solo и Іоанна Торнмири какъ въ самомъ Монпелье, такъ и въ сосѣдномъ Авиньонѣ, но не могъ ихъ приобрести (Steinchnider, Virchow's Archiv. 42, 52. Hebr. Ueb. S. 795); между тѣмъ мы имѣемъ многочисленные списки ихъ сочиненій въ разныхъ библіотекахъ Германіи, хотя впрочемъ причиной этой трудности пріобрѣтенія медицинскихъ сочиненій было запрещеніе подъ страхомъ отлученія продавать ихъ нехристіанамъ. Причина этого запрещенія кроется какъ въ томъ, что изъ продажъ этихъ сочиненій имѣлось слишкомъ мало, такъ и въ томъ, что еврейскіе ученые слишкомъ явно конкурировали съ учеными христіанскими. Причины борьбы католицизма съ иновѣрцами заключались не только въ религіозныхъ тенденціяхъ, но и въ соображеніяхъ политико-экономическаго характера.

уже о полумионическомъ ученикѣ равви Абона XI в. ¹⁾ и упоминаемомъ Эгидіемъ ²⁾ врачѣ Рено (конца XII—начала XIII вв.), въ актахъ мы находимъ слѣдующія имена: подъ 1240 годомъ ³⁾ канцлеръ Генрихъ de Guintonia ⁴⁾, магистры Bertrandus Remensis, Cardinalis ⁵⁾, Gaufridus Pictaeniis, Gualterus de Blena, Guido Grassinopolitanus, Iohannes Brito, Petrus Lucratoris, Radulfus Domino (прокураторъ), Robertus Senonensis; между 1240 и 1260 годомъ послѣ Генриха канцлеромъ былъ только что упомянутый Petrus Lucrator или Lucratoris, какъ это видно изъ рубрики въ одной Эрфуртской рукописи начала XIV в. Q. 229, f. 8r col¹: sequit(ur) de sirupis s(ecundum) galteru(m et) s(ecundum) p(etrum) lucratoris cancellariu(m) in mo(n)to pessulano. Что Петръ Лукраторъ былъ канцлеромъ въ это время, указываетъ стоящее рядомъ имя магистра Понція, безъ сомнѣнія, того, который въ актѣ 1240 года вмѣстѣ съ братомъ Томой числится еще студентомъ ⁶⁾. Magister Galterus, по всей вѣроятности, упоминаемый въ томъ же актѣ Вальтеръ de Blena ⁷⁾.

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. выше.

³⁾ Les Statuts etc., № 885.

⁴⁾ Ср. Ranchin l. c. p. 8, подъ 1239 г.

⁵⁾ Среди еврейскихъ ученыхъ пѣвѣствъ переводчикъ Исуда-Ибнъ-Кардиналь (около 1211 г.?). Steinschneider, Hebr. Uebers. S. 404 сл. Изъ сочиненій Cardinalis сохранился отрывокъ на поляхъ Парижской р-си 14026 f. 43: cura magistri Cardinalis contra quartanam (Hist. litt. de la Fr. XXXII, p. 594), глоссы къ Иоаннію въ Эрфуртѣ Ampl. Q. 181 f. 49—69, и Галену ibid., f. 69—91, комментарий къ афоризмамъ Гиппократа Erf. Q. 178, f. 57—84: Libri aphorismorum Urocraetis commento Galieni, expositione Thadei, Cardinalis et Bartholomei etc.; даже Libellus magistri cardinalis decens purgare quatuor humores въ р-си Кембр. Унив. 671, f. 82—84v.

⁶⁾ Les Statuts etc., p. 8: Acta sunt hec in presencia et testimonio Poncii et Thome Raymundi de Sancto Firmino, et Universitatis scholarium predictorum. Къ еще другой Понцій, сочиненію котораго нѣтъ въ одной Лейпцигской рукописи: M. Pontii de Sancto Egidio libellus de curis omnium argritudinum, Эрфуртской Ampl. F. 288 лл. 12—15 и Парижской 14026 (f. anc. S. Germ. lat. 1621, начала XIV в.): Summa magistri Poncii и f. 51^v: Expliciunt cura Poncii de Sancto Egidio (Hist. litt. de la France XXXII, p. 594). Въ Эрфуртской рукописи Q. 229 его же de sirupis f. 8—10.

⁷⁾ Этого Вальтера не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Вальтеромъ изъ Салеринской школы (Gualterus Agulinus), сочиненію котораго de dosi medicinarum существуетъ въ Парижѣ, Эрфуртѣ и Кембриджѣ въ codd. Paris. 14026 fol. 89^v—90 и 79; нач.: Medicinarum quedam sunt simplices...; 16191 (fond. anc. Sorb. 996), 1025 (Arsén). Hist. litt. de la France XXXII, 594; cod. Erford. Amplon. F. 275 лл. 81^v—86; конецъ: minima dragma l et hec de dosibus medicinarum suffliant; F. 289 fol.

Изъ числа студентовъ, подписавшихъ актъ 24-го января 1240 г., впоследствии двое стали извѣстны и въ литературѣ. Это, быть можетъ, братья—Иоаннъ и Робертъ изъ Англіи, которыхъ Фурнье считаетъ почему-то нотариусами Монпелье, хотя имя нотариуса Вильгельма de Guomundia стоитъ въ томъ же актѣ. Первому принадлежатъ *Tractatus quadrantis veteris*, нѣкоторыми рукописями приписываемый также Роберту Англійскому ¹⁾. Рукописи находятся въ Брюгге 528, Венеци Mus. Congr., Вѣнѣ 5184^а, Кембриджъ 1707^а, 1767^а, Мотцъ 284, Миланъ Ambros., Мюнхонъ 353, 572, Оксфордъ Ashmol. 1522^а, Coll. Corp. Chr. 41¹⁰, Digby 147^а, Univ. Coll. 41¹¹, Парижъ 7414 (f. 41), 7416, 7298 (f. 54^v—59^v), 7437^а, Флоренціи (Св. Марка Montfauc. Bibl. 428, Heilbron. стр. 557, § 602, Bandini v. IV, 131), Эрфуртъ Ampl. F. 3767, Q. 3487, Q. 386³³ ²⁾. Можетъ быть, о немъ же, а не о Джонѣ Гаддесденѣ идетъ рѣчь въ еврейскомъ переводѣ трактата de coloribus urinae Парижской рукописи 1171 ³⁾. Штейншнейдеръ ставитъ вопросъ, не смѣшаны ли здѣсь Иоаннъ Инглеси еврейской рукописи съ авторомъ астрологическаго трактата De urina non visa Вильгельмомъ, жившимъ около 1231 г. ⁴⁾, но, по всей вѣ-

45^v—47^v; Q. 174 fol. 123^v—125^v; Q. 185 fol. 38—44^v; Q. 206, fol. 41—44^v; cod. Cantabr. Peterh. 95 fol. IV, 139, fol. 106—109. Cp. Pagel, l. c. I, 658; Häser, l. c. I, 689. Другое его сочиненіе de urinis—въ Парижскихъ рукописяхъ 7030 A и 902 и Вольфенбюттельской 2156 (12, 4 Aug.). Начало: Quum secundum Avicennam XX sint colores urinarum; Hist. litt. de la France XXI, 388. То же сочиненіе мы находимъ въ cod. Dread. Db 91 fol. 56^v подъ заглавіемъ Flores urinarum secundum magistrum Galterum de Aquillone. Ранній англійскій переводъ въ Кембриджъ Univ. 902. S. XV fol. 97—100: On Urine. In urinis be XX colors... betokunyth yuknes. Explicit Эрфуртскія рукописи Ampl. F. 199, 288, Q. 178 подъ тѣмъ же заглавіемъ содержитъ трактатъ Вальтера де Влена (cp. запись Q. 178 fol. 174^v: Inc. ur. magistri Walteri Agulini (sic!) Montis pessolani bono). Начало: Sciendum quod urina duarum rerum... Концы: dolorum hypochondrii dextri vel sinistri. Cp. также ниже стр. 109. Вальтеру Салернцу принадлежатъ также трактатъ de conferentibus et nocentibus въ cod. Cantabr. 247 (210); Erford. Ampl. F. 289, Q. 206 и, можетъ быть, phagifacetus novus cod. Erford. Q. 217.

¹⁾ *Steinschneider*, Hebr. Ueb. 613.

²⁾ *Ibid.*, 612. Hist. litt. de la Fr. XXI, p. 174—180.

³⁾ *Steinschneider*, *ibid.*, 793.

⁴⁾ *Ibid.*, 793 Anm. 196. Перу Вильгельма принадлежатъ, кромѣ двухъ редакцій de urina non visa (1-я редакція, Cod. Erf. Ampl. F. 37, Q. 196, 361, 2-я редакція Q. 345. O. 83), астрологія (Erf. Q. 357) и рядъ другихъ сочиненій, перечисленныхъ въ Anecdota Oxoniensia IX, 1902, p. 114 sq. Записки показываютъ, что Вильгельмъ, родомъ англичанинъ, въ качествѣ врача, жилъ во Франціи и былъ гражданиномъ Марсели.

роятности, если бы здѣсь и было смѣшеніе, то не съ Вильгельмомъ, а съ Гильбертомъ, умершимъ по однимъ около 1250 г., по другимъ около 1290 г., авторомъ комментарія къ *de urinis* Эгидія, котораго, повидимому, Штейншнейдеръ и имѣеть въ виду подъ именемъ Вильгельма. О немъ впрочемъ ниже. Едва ли тотъ же Іоаннъ имѣется въ виду въ цитатахъ астролога Элизера (или Элазара) ¹⁾, хотя и нашъ Іоаннъ былъ астрономомъ. Ему же принадлежатъ комментаріи къ Іоанницію (*Erf. Ampl. Q. 181 f. 1—22, Q. 320 f. 9—87v*) и Галену (*Cod. Erf. Ampl. Q. 181 f. 23—48v*).

Нѣсколько болѣе достовѣрныя свѣдѣнія мы имѣемъ о второмъ ученомъ—Робертѣ, который въ 1272 г. написалъ для студентовъ Монпелье комментарій на сочиненіе Іоанна изъ Сакробоско (ум. въ 1256 г.) *Sphaera mundi*. Единственная рукопись хранится въ Оксфордѣ (Дигби 48 ²⁾). Другой комментарій его къ книгѣ Эгидія *de urinis* находится въ Эрфуртѣ (*F. 303 f. 136—145v*). Къ серединѣ XIII вѣка во всякомъ случаѣ относится также дѣятельность только что упомянутаго Гильберта или правильнѣе Джильберта Англичанина, бывшаго канцлеромъ университета, вѣроятно, въ тотъ же промежутокъ времени между 1240 и 1260 г., до или послѣ Петра Лукратора ³⁾. Изъ сочиненій его извѣстны *Compendium medicinae* въ 7 книгахъ, иначе *Laurea anglicana, Rosa anglicana, Practica, Liber morborum*, или наконецъ, *De curis morborum* ⁴⁾, комментарій къ сочиненію Эгидія *de urinis* ⁵⁾, къ его же сочиненію *de pulsibus* ⁶⁾, *Compendium super librum*

¹⁾ *Steinschneider*, 531.

²⁾ *Steinschneider*, 642.

³⁾ *Hist. litt. de la France XXI*, p. 393—400. *Cod. Paris 7056 f. 93: Experimenta magistri Gilberti cancellarii Montispepsulani*. John Bale въ своемъ *Index Britanniae Scriptorum* относитъ его къ 1205 г. (*Clauit A. D. 1205; быть можетъ, пужло читать 1255?*). *Anecd. Oxon. p. IX, 1902, p. 89*.

⁴⁾ Начало: *A morbis universalibus propositi nostri intentio*. Конецъ: *per vulnus sicut superius demonstratum est*. *Cod. Erf. Ampl. F. 77^a, лл. 38—101*. Въ рукописи Кембриджск. унив. 1204 и *Peterh. 52*; конецъ: *Dominus autem omnia dirigit in tranquillitate*.

⁵⁾ Рукописи въ Лейпцигѣ 1166, 1176, Парижѣ 992, 6988, Утрехтѣ 683 (*Kocl. 338, f. 17—52v*), Эрфуртѣ *F. 238, Q. 178, лл. 145v—156*. Не слѣдуетъ смѣшивать съ комментаріемъ современника Эгидія *Gilberti Aquilani* (иначе *Langlois, de l'Agile*), начало котораго: *sicut dicit Constantinus...* Конецъ въ *Erf. Ampl. F. 276* совпадаетъ съ концомъ предыдущаго комментарія. О немъ см. *Häser 711, Page 699*.

⁶⁾ Начало: *Quatuor sunt membra...* Конецъ: *proposito consummato*. Р—ся *Erf. Q. 178, лл. 140—145. Lips. 1173, f. 1—26. Dresd. C. 277, ff. 98—120v*.

Aphorismorum ¹⁾, Antidotarii ²⁾, De viribus aquarum et specierum ³⁾, De proportionibus fistularum ⁴⁾, Commentarii in prognostica Hippocratis ⁵⁾, De re herbaria. Последнее сочинение, можетъ быть, тождественно съ De viribus aquarum et specierum. Далѣе Литтре перечисляетъ De tuenda valetudine и Thesaurus pauperum, такъ строго осужденный Гюи де Шолиакомъ. Остается указать еще трактатъ De lepra ⁶⁾ и De physiognomia ⁷⁾. Въ XIII же вѣкѣ жилъ нѣкто Ricardus. Врачей этого имени было нѣсколько и сочиненія ихъ трудно, если не совершенно невозможно, различить между собою ⁸⁾. Изъ ученыхъ Монпелье мы знаемъ двухъ лицъ съ этимъ именемъ. Въ рукописяхъ Эгидія De compos. medec. l. I, v. 150 слѣд. есть слѣдующіе стихи:

Quo Pessulanus nisi mons autore nitoret,
Iamdudum physicae lux eclipsata fuisset,
Qui vetulo canos profert de pectore sensus
Ricardus senior, quem plus acetate senili
Ars facit esse senem, meliusque senescere cogit,
Cui renovans corpus surgens ex arto senectus
Altera corporeae compensat damna senectae;
Sit iudex operis placidus, censorque benignus.

¹⁾ Рукопись см. въ Catal. Mss. Angliae, t. I, p. 1, 141.

²⁾ Рукопись *ibid.*, t. I, p. III, 116.

³⁾ Начало: Absinthium calidum et siccum in tertio...

⁴⁾ Начало: De his instrumentis quae flatus inspiratione...

⁵⁾ *John Bale* въ Index'ѣ (An. Oxon. IX, p. 89). Литтре приписывалъ ему еще сочиненіе de indicio patientis, но оно написано Вильгельмомъ Англичаниномъ и носить другое названіе—de urina non visa, какъ видно изъ цитаты Бэля, p. 137: De indicio patientis super urina non visa seu opus de urina non visa. Нуль ad l. тоже считаетъ авторомъ Джильберта.

⁶⁾ Начало: Praeservatur autem a lepra... Концовъ: solidantibus faciem et alia membra. Рукопись Erf. Ampl. Q. 230, f. 156^v—158 приписываетъ, кажется, этотъ трактатъ Гюи де Шолиаку, судя по маргинальной замѣткѣ (tuideo (f. 158). Литтре приписываетъ Джильберту еще сочиненіе Practica medicinae, tractatus magistri G. de Montepessulano (Нач.: Cum omnis scientia ex fine et utilitate... Cod. Paris. 7061), хотя оговаривается, что это G. можно объяснять и какъ Gérard или Géraud, ссылаясь на рукопись n. 996: Summa magistri Geraudi. Замѣчу, что это G. можетъ точно также означать и Guilelmus, и Gualterus, и Gordonius, и любое болѣе или менѣе извѣстное имя, начинающееся съ этой буквы, не говоря уже о наиболѣе частомъ сокращеніи посредствомъ этой буквы имени Галена. Бэль (p. 89) приводитъ еще De morbis particularibus l. I, начало котораго неизвестно.

⁷⁾ Вольфенбюттельская рукопись 1014 (Helmst. 912), f. 96—97: Physiognomia Gwllberti secundum capitis dispositionem.

⁸⁾ Hist. litt. de la France XXI, 383; Häser, I, 737; Коенеръ, 448; Pagel, 700, 703; Rose, Verz. № 901, 2.

Et quos in cunis medicamine curat alendos,
 Propositas artes dum primula combibit aetas,
 Edoceat pueros his insudare libellis,
 Ex quibus utilium claret sententia rerum,
 Et metrici vatio nexus et forma loquendi *).

Такимъ образомъ, Ricardus изъ Монпелье жилъ въ концѣ XII, началъ XIII вѣка. Другой, повидимому, врачъ того же имени, родомъ изъ Англій, жилъ сперва въ Лондонѣ и, быть можетъ, Оксфордѣ ²⁾, и затѣмъ въ Монпелье и Парижѣ, гдѣ и умеръ около 1252 г. Его полное имя и титулъ Ricardus de Wendovre, каноникъ церкви Св. Павла въ Лондонѣ, лейбъ-медикъ папы Григорія IX (1227—1241). Повидимому, онъ и извѣстенъ подъ именемъ Ricardus Anglicus. Изъ сочиненій его извѣстны Micrologus ³⁾, свидѣтельствующій, что авторъ написалъ его въ Монпелье; однако болѣе цѣнилось его же сочиненіе „de causis, signis et curis frequentiorum et curabilium morborum“, какъ показываетъ запись Кембриджской рукописи Peterhouse 222, fol. 13v: Micrologus ricardi magne laudis, sed maioris efficacie de causis signis et curis frequentiorum et curabilium morborum, т. е. сочиненіе de signis prognosticis. Далѣе извѣстны недавно изданная Анатомія ⁴⁾, Practica, также написанная въ Монпелье ⁵⁾, только что упомянутый трактатъ

¹⁾ Въ печатномъ изданіи Шулака первые два стиха отдѣлены точкой и относятся, такимъ образомъ, къ Матѳею Саломону, современнику Эгидія, быть можетъ, тождественному съ Salomo ben Mose Melgueiri (см. ниже), время жизни котораго не опредѣлено еще въ точности.

²⁾ Hist. litt. de la Fr. XXI, 392.

³⁾ Cod. Paris. 6957: Estque mihi testis mons physicus ac pesulanus.

⁴⁾ *Pagek*, I. с., 700. Рукописи въ Берлинѣ 901 (fol. lat. 219 s. XV) fol. 75; Q. 275; Ampl. F. 288 (f. 86°). Q. 15; Bas. I), III, 20; Mon. lat. 13124 (Lat.), Brügge 470 (Laude); Кембриджъ Peterh. 178, fol. 142—150, и въ Парижѣ 6891, 6988, 7056 Cat. 1485. Начало: Galieno testante... Конечъ: breviterque notata.

⁵⁾ Начало: Acutarum alia tertiana... Конечъ: adhibeatur prima flebotomia. Рукописи въ Кембриджѣ (Peterhouse) 222, vol. V, fol. 13v—22v, и Парижѣ 6957, 7056. Въ послѣдней fol. 30v есть маргинальная записка, указывающая, что авторъ жилъ въ Монпелье. Это сочиненіе въ рукописяхъ сѣмьивается съ другимъ подъ заглавіемъ Compendium medicinae, Summa Ricardi, De re medica (Cat. Angl. t. I, p. I, p. 228, p. III, p. 168; t. II, p. I, p. 92). Въ Кембриджской рукописи 1708 (H. L. 16) f. 1—51 подъ заглавіемъ Practica Richardi Anglici существуетъ другое, повидимому, сочиненіе, начало котораго Habemus ab antiquis auctoribus..., конечъ: Nec de sintomatibus dicta sufficiant. Начало сходно съ Практикой лорда Бэкона: Sicut ab antiquis auctoribus habemus... Вторая рука (XVII в.) на первомъ листѣ сдѣлала слѣдующую приписку: Est et alius liber compendium Ricardi inscriptus. Habeo practicae Angli-

De signis prognosticis ¹⁾, De phlebotomia ²⁾, De urinis ³⁾, Repressiva ⁴⁾, Tabulae Ricardi Anglici medici cum commentario Ioannis de Sancto Paulo et glossulis in eas ⁵⁾, Liber Ricardi ⁶⁾, De modo conficiendi et

cam M(agist)ro Rogero ascriptam que cum hac non ordine solum sed et sententiis convenit. Такъ же называется и трактатъ de febrilibus (см. ниже).

¹⁾ Начало: Finis medicinae dumtaxat laudabilis existit... Конечъ: signus est mortale. Рукописи въ Берлинѣ 899 (lat. fol. 57), Вазелѣ 1535 fol. p. 188—200, Вольфенбюттелѣ 2189 (Aug. fol. 16, 3) f. 304—330^v, Камбре 815, Кембриджѣ Univ. 938 (Ее. II, 20) f. 40^v—51^r, 1708 (II. I, 16) f. 158—176^v (конечъ: in corde et in aliis membris), Peterhouse 178, fol. 42^v—82^v, Парижѣ 6954, 1306, 7056, Эрфуртѣ Ampl. F. 288, f. 22—25, Q. 185, f. 50—73^v. Ср. Catal. Mss. Angl. t. I, p. III, p. 154, p. 115; p. II, p. 25.

²⁾ Начало: Medelam membrorum duplicem habere diversitatem... Конечъ: si vero cito dissolvatur, timendum est. Рукописи въ Камбре 815, Парижѣ 6958. Въ Эрфуртской рукописи F. 288, f. 25—26 подъ тѣмъ же заглавіемъ другое сочиненіе: Idem (Richardus) de flebotomia. Начало: Propositum quidem presentis negocii... Конечъ: predictum emplastrum ponatur. Кембриджская рукопись 938 (Ее. II, 20) f. 218—221 даетъ иной конечъ: et liprotomiam generare. Съ нѣкоторыми разночтеніями трактатъ повторенъ въ Эрфуртскихъ рукописяхъ Ampl. F. 289, f. 44^v—45^v и F. 303, f. 59^v—60. Повидимому, третій трактатъ De fle(bot)o(m)ia Richardi (et) ventosac(i)o(n)e (et) san(guin)is insp(e)ccione—въ cod. Lips. 1183, f. 218 coll.—Начало: Flebotomus non sit cum rubigine. Конца (f. 218^v c²) я не разобралъ, такъ какъ онъ сильно выцѣлъ и листъ былъ изорванъ, а я дорожилъ временемъ. Наконецъ, въ Кембриджской рукописи Peterhouse 178, fol. 40—42, находится трактатъ in quibus egritudinibus competat flebotomia... Requendum est nobis... sciaticam passionem. Flebotomia mag. Ricardi hic expl.

³⁾ Нач.: Quinque circa urinam attenduntur... Рукописи въ Камбре 815: Regulae urinarum per M. Ricardum. Джонъ Болъ (An. Oxon. p. 399. а. в.) приводитъ другое начало: De urinis; Utrum crassities ventris sit in bonum... (ср. рукописи въ Кембриджѣ Peterhouse 178 fol. 135—142), а предыдущій трактатъ, какъ и р—сь Камбре называется De regulis urinarum. Такимъ образомъ, нужно различать по крайней мѣрѣ два сочиненія Ричарда de urinis. Кембриджская р—сь 1708 (II. I, 16) f. 176^v—181^v приводитъ еще третій: Ricardi Anglici de Urinis: Presentium corporis dispositionem... inferius minus obscura.

⁴⁾ Incipiunt repressiva Ricardi et primo de aloe. Нач.: Laxativa solent nimium laxando nocere... Кон.: et fortius addito ferrugine. Рукописи въ Кембриджѣ Univ. 938 (Ее. II, 20.) f. 24^r—27^v, Peterh. 178 fol. 129^v—134^v, Парижѣ 14026 f. 80—89^v, Эрфуртѣ F. 275 f. 86—88^v, Q. 229 f. 1—2^v. Ср. Cat. Mss. Angl. t. I, p. I, 170 p. II, p. 35.

⁵⁾ Cat. Mss. Angl., t. I, p. III, p. 154. Кембриджск. р—сь Peterh. 178 fol. 1—9^v. Ioannes de Sancto Paulo, суди по прозвищу, также имѣлъ какое-то отношеніе къ церкви св. Павла въ Лондонѣ и жилъ нѣсколько позже 1250 г., такъ какъ цитируется Джильбертомъ (Hist. litt. de la France XXI, 408). Сочиненія его нѣются въ Кембриджѣ 902 (Ее. I, 13.) f. 61—65^v: De simplici medicina. Нач.: Cogitanti mihi de simplicium medicinarum virtutibus... Кон.: non modicam percipere utilitatem.

medendi ¹⁾, Practica sive medicamenta Richardi ²⁾, De febris ³⁾. Иные считаютъ Ричарда послѣдователемъ Салернской школы ⁴⁾, другіе указываютъ на особенности духа, стила и языка его сочиненій, особенную любовь въ резюмированію мыслей въ стихахъ и полустихіяхъ, склонность выражаться богословскимъ языкомъ и отрицаютъ возможность принадлежности его къ Салернскимъ ученымъ ⁵⁾. Быть можетъ, правильнѣе будетъ средній взглядъ, если мы допустимъ, что Ричардъ учился сперва въ Салерно, затѣмъ перешагъ въ Монпелье и закончилъ свою карьеру въ Парижѣ. Подобно комментарию къ сочиненію Эгидія De urinis, онъ же, можетъ быть, написалъ комментарий и къ De pulsibus, который имѣется въ Дрезденской рукописи В. 183 ⁶⁾.

1708 (II. I, 16.) f. 108 — 157., 938 (Ee. II, 20) f. 61 — 65; Эрфуртъ Ampl. F. 275, 276, 289, 303, Q. 204, 207, 210 и другихъ библіотекахъ. Розе (Verz. usw. II, 3, p. 1087, № 907, 5) говоритъ, что Jo de s-co Paulo жилъ въ срединахъ XII в. и былъ ученикомъ известнаго Ромуальда, ученаго Салернской школы. Кажется, онъ ошибается на одно столѣтіе. Въ противоположномъ случаѣ ошибаюсь я.

⁶⁾ Liber de necessariis ad differendum in practica necessaria ad differendum secundum practico (!) secundum Magistrum Ricardum). Нач.: Eiectuaria frigida ad caliditatem... Кон.: aque calide (Кембриджская р—съ 671. Dd. XI. 45. f. 80^v 82^v). Ср. Cat. Mss. Angl. t. I, d. III, p. 120: Explicit liber Ricardini (!)

¹⁾ Нач.: In medentis corporibus et maxime purgandis... Кон.: medicina convenientibus. Cf. Cat. Mss. Angl. t. I, p. III, p. 116 и 154. Кембриджская р—съ Peterhouse 178 fol. 207^v—221^v.

²⁾ Нач.: Caritatis studio et brevitatis causa... Кон.: virtutis defectione corporis adest debilitatio. Р—съ въ Парижѣ Арсен. 73.

³⁾ Нач.: Aegritudinum quaedam sunt diuturnae... Кон.: de febris et variolis dicta sufficiant. Cod. Ampl. F. 303 f. 75—77. Въ той же рукописи непосредственно слѣдуетъ переложение предыдущаго трактата подъ названіемъ De signis februm eiusdem съ припиской secundum Ricardum. Нач.: De longitudine et brevitate morbi. Quoniam quedam... Кон.: cutis corporis est arida et tensa, malum est. Item. Третій трактатъ въ Кембриджѣ Peterh. 178. fol. 82^v 129^v: Ex universalibus... confert.

⁴⁾ Быть можетъ, на основаніи его комментарія къ Tabulae Salernitanae. Рукопись въ Кембриджѣ Peterhouse 178 fol. 9^v—37. Нач. Omnis practicus est theoreticus. Кон.: stagnare faciamus feliciter. Deo gratias. Expl. commentum Mag. Richardi. Ср. Розе въ прим. выше.

⁵⁾ Häser I, 737; Hist. litt. de la France XX, 390 сл.

⁶⁾ Занявъ въ концѣ: Explicit liber de pulsibus Egidii cum summa expositionis cuiusdam salerni qui fuit in monte pessulano licenciatus. Aegid. Corbol. carm. med. ed. Choulant. Lips. 1826, p. XI. Писана р—съ въ 1312 г. Впрочемъ, на этомъ предположеніи я менѣе всего настаиваю, сознавая шаткость его почвы. Зато съ большей вѣроятностью приписывается ему трактатъ de pulsibus въ Кембриджской рукописи Peterh. 178 fol. 194—201. Нач.: Inc. de pulsibus secundum mag. Richardum philo-

Къ первой же половинѣ XIII вѣка относится дѣятельность нѣкоего Іегуды, еврея, завѣдывавшаго медицинскою школою ¹⁾. Одновременно съ Іегудой работалъ въ Монпелье магистръ Николай, впоследствии бывшій деканомъ медицинскаго факультета въ Монпелье ²⁾. Этотъ Николай, родомъ полякъ, какъ мы увидимъ ниже, оставилъ „Фармакопею университета Монпелье“ подъ обычнымъ въ тѣ времена названіемъ Антидотарія. Штейншнейдеръ ³⁾ думаетъ, что Антидотарій этотъ постепенно и разными лицами передѣланъ изъ Антидотарія Николая Препозита, ученаго Салернской школы, жившаго между 1150—1200 гг., чѣмъ и объясняетъ различныя редакціи его переводовъ на еврейскій языкъ. Однако, вопреки этому мнѣнію, слѣдуетъ признать самостоятельное существованіе одноименнаго врача въ Монпелье, передѣлавшаго и дополнившаго фармакопею своего салерискаго тезки, что, впрочемъ, не исключаетъ и той возможности, что въ свою очередь и эта редакція съ теченіемъ времени была пополнена и распространена новыми вставками. За реальность существованія Николая изъ Монпелье говорятъ не только рассказываемая въ предисловіи къ еврейскому переводу Якова Малаго исторія второй редакціи фармакопеи, составленной, по его словамъ ⁴⁾, нѣсколькими учеными уни-

sophum. Pulsus est operatio... Кои.: dicere proposuimus. Въ той же рукописи есть еще его сочиненіе, носящее названіе Summa magistri Richardi и смѣшиваемое часто съ сочиненіемъ Practica, о чемъ была рѣчь выше. Нач. его fol. 150^v: Si venerande vetustati... Кои. fol. 192: adhibeatur primo flebotomia. Сочиненіе это написано по просьбѣ декана въ Бове (Beauvais). Возможно, что Ричарду же должны быть приписаны и остальные анонимныя сочиненія, находящіяся въ этой рукописи: De crisi (f. 37), De creticis diebus (fol. 193), conferentie (fol. 202^v), Modus Conficiendi (fol. 221^v). Стоящая въ концѣ статьи на л. 224^v записъ: Expl. modus medendi sophonis можетъ быть легко объяснена въ томъ смыслѣ, что Ричардъ лишь передѣлалъ сочиненіе Кофона; точно такъ же у Бергарда Гурдонскаго мы находимъ соч. Modus medendi extractus de modo Sophonis, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Ковнеръ, I. с. p. 399; Astruc, Mémoire pour servir à l'histoire de la faculté à Montpellier. Paris, 1767; Carmoly I. с. I, p. 437. Такъ какъ врачей, посвященныхъ ими Іегуды, было нѣсколько, то трудно сказать, котораго изъ нихъ означенныя авторы имѣютъ въ виду. У Штейншнейдера (Die hebr. Uebersetzungen d. Mittelalters und die Juden als Dolmetscher, Berlin 1893) ничего не говорится о какомъ-либо Іегудѣ, практиковавшемъ въ Монпелье, почему достоверность этого сообщенія слѣдуетъ оставить подъ сомнѣніемъ.

²⁾ Ковнеръ и Кармолі тамъ же.

³⁾ Steinschneider, I. с. S. 812 сл.

⁴⁾ Steinschneider, *ibid.*, 813. То же говорится и въ арабскомъ переводѣ подъ названіемъ Ikrabadslā, писанномъ въ 1349 году. Оксфордская р—съ Bodl. Uri 429. Steinschneider I. с. 812 280.

верситета Монпелье подь предсѣдательствомъ Николая, очевидно, въ качествѣ декана, но и наличность другихъ сочиненій его, отрицать существованію которыхъ никоимъ образомъ не возможно, равно какъ и приписывать ихъ Николаю Препозиту. Такъ, ему же должны принадлежать „хирургія“, внослѣдствіи переведенная на нѣмецкій языкъ ¹⁾, Experimenta и трактатъ о змѣяхъ одной Дрезденской рукописи ²⁾. Штейншпейдеръ ³⁾, хотя и не придавалъ этому должнаго значенія, указываетъ еще на рукопись Парижской національной библіотеки № 1175, содержащую въ еврейскомъ переводѣ перечень дней, въ которые можно производить кровопусканія, и называющую авторомъ статьи также Николая изъ Монпелье. Рукописи еврейскаго перевода Фармакопеи выѣются въ Берлинѣ 3970, Веронѣ 39 F, Мюнхенѣ 245, Оксфордѣ Бодл. Опенгеймера 1645 in 4°, Салон. 26 (2138), Парижѣ 1082, 1132, 1134², 1133, 1190³, Римѣ Викт. Им. 20⁴, Флоренціи 17 (530); въ частныхъ библіотекахъ Неттера 30 и Фишля 41E, 45E ⁴⁾. Николай изъ Монпелье не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Николаемъ (Болонскимъ), быть можетъ, также изъ поллюковъ ⁵⁾, которому, повидному, кромѣ гороскопа, принадлежитъ также извлеченіе изъ сочиненій hancrui hugonis въ одной изъ лейпцигскихъ рукописей ⁶⁾. При-

¹⁾ Die altdeutschen Handschriften der Universitäts-Bibliothek in Heidelberg v. K. Bartsch. Heidelb. 1887 № 370. (Pal. lat. 1117). Pap. XV Jahrh. 249 Blätter. 16° f. 171: Dysz iste ein hühsch Cyurgia dy do bewert ist von Meyster Nicklas von Mounpolir der wol XXX Jar sich hat geübt in der Cyurgia. Начало: Kin gut bunt salbo vor bosz fleish... Kon.: f. 218: ymmer ist esz zeuht yn ausz. (Ср. ниже.

²⁾ Cod. Dresd. C. 310. 1323 года, f. 105^v col²: Incipiunt experimenta fratris N(icolai) medici de polonia qui fuerit (читай fuit) in monte р(е)sculano 20 annis (каталогъ ошибочно даетъ zo anni; чтеніе рукописи совершенно ясно) qui tante fuerat experientie quod ante ipsum non creditur similis ei fuisse ut (читай et) speratur de futuro, sicut patet in miris operibus suis in diversis provinciis et regionibus curas magnas et subitas faciendo. Это же Experimenta изыются въ Берлинѣ № 166 fol. 21 и Дрфуртѣ Ampl. F. 276 f. 66^v. Записъ даетъ 30 лѣтъ, какъ и переводъ хирургіи, начало которой, какъ видно изъ сравненія, дословно совпадало съ началомъ приведенной записи въ редакціи Берлинской и Дрфуртской рукописей.

³⁾ Hebr. Ueb. 815 сл.

⁴⁾ Ibid. 814 сл.

⁵⁾ Cod. Monac. 647 f. 51^v... d(omi)no Jacobo Archiepiscopo Gnesnensi primatu-que polonie... Nicolaus astrologus Judicia anni (1477) Quao ex astris executore potuit ex bononia feliciter mittit.

⁶⁾ Cod. Lips. 1178 f. 211^v: Sequuntur quedam consilia excerpta a consiliis hancrui hugonis et aliorum parvissimorum (ошибка перепячика, возникшая изъ аббревиатуры слова parvissimorum) d(octroum) ytalie m(agistorum) per magistrum nicolaum monetarii medicine doctorem anno quo supra (1474) scripta etc.

близительно въ одно время съ этимъ Николаемъ, т. е. въ XV вѣкѣ, жилъ также Николай Англичанинъ (Anglicus) ¹⁾, но съ Монпелье всѣ эти ученые не имѣютъ ничего общаго. Равнымъ образомъ едва-ли можно отождествить Николая изъ Монпелье съ учителемъ Гюи де Шодиака Николаемъ Тулузскимъ, хотя послѣдній, кромѣ Тулузы, преподавалъ и въ Монпелье. Время жизни его должно приходиться на конецъ XIII—начало XIV в. ²⁾. Наконецъ, безчисленное число ученыхъ съ именемъ Николая можно указать въ любомъ каталогѣ рукописей ³⁾.

Подъ 1260 годомъ мы встрѣчаемъ канцлера Петра Guazanhaire, магистровъ Бернгарда Калькаделли, прокуратора (?) университета Вильгельма Rothberti изъ Монпелье и Іоанна Bonpens. Известно, этому ли канцлеру Петру или его предшественнику Лукратору принадлежатъ cura contra paralysim Эрфуртской рукописи, F. 252. fol. 396v col¹ ⁴⁾. Изъ этой же школы и въ то же время вышли Монсей-ибнъ-Тиббонъ и Яковъ-бень-Махиръ, болѣе известный подъ именемъ Профатія или Профіатъ ⁵⁾.

Первый извѣстенъ какъ авторъ многочисленныхъ переводовъ на еврейскій языкъ, подобно отцу и дѣду ⁶⁾. Такъ, къ 1244 г. относится первый, или одинъ изъ первыхъ переводовъ Монсея Тиббона меккабъ или мамерь би-ханахагаты ха-беріотъ—письмо Монсея Маймонида къ султану Саладину о гигиенѣ ⁷⁾, рукописи котораго находятся въ Бер-

¹⁾ Cod. Lips. 1319 f. 71^r col^r: Ego Nicholaus Anglicus affirmo etc. Слѣдуютъ алхимическіе рецепты. Рукопись писана послѣ 1524 г. (f. 68).

²⁾ См. Pagel въ Handbuch Пумманна I, 781.

³⁾ Ср. напр. Katal. d. Handschr. d. Kön. Öff. Bibl. zu Dresden v. Schnorr v. Carolsfeld I, Leipzig 1882. С. 278 f. 242--244: Anno domini millesimoquadringentesimosseptuagesimoquinto... hab ich meister Niel Johannes vor meine huszfrauwe gedacht ausz dem latein deutz zu machen Egidium de urinis. Item von dem puls, и проч.

⁴⁾ Всего 27 строкъ. Начало: Cura contra paralysim a magistro petro cancellario montis pœsulani. Laxativum. Rp. radicis fenicubi... Конецъ: in melle bene decocto miscantur et suppositoria fiant jiiij. Читается отрывокъ съ большимъ трудомъ.

⁵⁾ Pagel тамъ же, I, 686. Ковнеръ 309 и проч.

⁶⁾ Ковнеръ говоритъ, что уже Самуилъ Тиббонъ принадлежалъ къ школѣ Монпелье, хотя никакихъ данныхъ для этого мы не имѣемъ, кромѣ возможнаго предположенія, что подъ конецъ жизни онъ переселился въ Монпелье, если думать, что прибавляемое къ имени его сына Монсея указаніе „изъ Монпелье“ означаетъ не только мѣсто дѣятельности, но, по обычаю того времени, и мѣсто его рожденія.

⁷⁾ Steinschneider, Hebr. Ueb. 770 слл. Позже присоединены сюда въ качествѣ

линѣ 72⁵, Болоньѣ 20³, Вѣнѣ 130, Мюнхенѣ 111 и 289⁴, Парижѣ 1120, 1127, 1175, 1191, Пармѣ (Россіи) 143, 1178, 1316⁷, собственн-ной библіотекѣ Штейншнейдера 30. Около того же времени, вѣроятно, переведены имъ обѣ части трактата Маймонида „о ядахъ и защитѣ отъ смертоносныхъ зелій“ подъ названіемъ „хамамеръ-би-теріакъ“ ¹⁾, рукописи котораго имѣются въ библіотекахъ Болоньи 20³, Вѣны 152, Мюнхена 111, Оксфорда Bodl. 1919, Парижа 1124⁷, 1173, Пармы (Россіи) 1280, Флоренціи Pl. 88 С. 29, частныхъ библіотечкахъ Гюпц-бурга 156⁶ и Штейншнейдера 30 (f. 104). Въ 1244 же году начаты имъ переводъ заповѣдей Моисея Маймонида ²⁾. Четыре года спустя, Моисей Тиббонъ выпускаетъ въ свѣтъ переводъ трактата Эль Фараби „о началахъ бытія“ ³⁾. Между 1250 и 1258 г. онъ трудился надъ переводомъ сочиненій Аверроэса ⁴⁾. Такъ, около 1250 г. имъ изданъ переводъ Компендія аристотелевой физики ⁵⁾. Въ томъ же году переведены имъ „Анализъ сочиненія Аристотеля о небѣ“ ⁶⁾ и арабскій переводъ de generatione ⁷⁾, рукописи котораго имѣются въ Ватиканѣ Urb. 39, Вѣнѣ 124 (2 р-си), Гамбургѣ 255, Мюнхенѣ 108, 281, Оксфордѣ Bodl. Can. 48, 60, Парижѣ 918, 935, 936, 956, Пармѣ (Россіи) 208, 1403, Туринѣ 196, библіотекѣ Неттера 17. Этотъ переводъ законченъ 20 Элуля 1250 г. Въ 1253 г. Моисей выпускаетъ переводъ книги Эль Фараби о силлогизмѣ ⁸⁾, а въ іюнь—іюль слѣдующаго года заканчиваетъ полный переводъ такъ называемыхъ *ragva naturalia* Аристотеля ⁹⁾. Между 14-ымъ ноября и 13-ымъ декабря того же

У трактата „полезные отвѣты“, быть можетъ, тоже переведенные Моисеемъ Тиббонъ. Р-сь Штейншнейдера 30 f. 116, 119 v, Hebr. Ueb. 772 слз.

¹⁾ Ibid., 764.

²⁾ Ibid., 927 сл.

³⁾ Ibid., 291.

⁴⁾ Ibid., 51.

⁵⁾ Ibid., 109. Рукописи хранятся въ Ватиканѣ Urb. 39⁷, Гамбургѣ 255⁸, Мюнхенѣ 108, 208, 281², Оксфордѣ Bodl. Opp. 1186 Qu., Can. 63., Mich. 760, Парижѣ 918², 935, 936, 956⁴, Пармѣ (Россіи) 146, 171, 208, 1390, 1403⁶, Туринѣ 196, частныхъ библіотекахъ Бислихиса и Неттера 17.

⁶⁾ Ibid., 126. Рукописи въ Ватиканѣ Urb. 39, 255, Мюнхенѣ 108, 208, 281, Оксфордѣ Bodl. Can. 48, 603, Парижѣ 918, 935, 936, 956, Пармѣ (Россіи) 171, 208, 1403, Туринѣ Rec. 196, Флоренціи Pl. 88. С. 55, библіотекѣ Неттера 17.

⁷⁾ Ibid., 130.

⁸⁾ Ibid., 47.

⁹⁾ Ibid., 154. Рукописи въ Вѣнѣ 125, Гамбургѣ 255, Лондонѣ Бетъ-ха-Мидр. 42⁶, Мюнхенѣ 73, 108, 201, 281, Оксфордѣ Bodl. Can. 48, 63, Парижѣ 918, 930,

1254 года законченъ переводъ Логикки Маймонида ¹⁾. 21-го марта 1255 г. Моисей Тиббонъ готовится къ выпуску переводъ парафразы на 12 книгу метафизики Аристотеля, съ арабскаго перевода, сдѣланнаго Исхакомъ бенъ Хонейномъ и исправленнаго Табитомъ бенъ Коррой ²⁾. Къ 1257 г. относится переводъ антидотарія Разеса (Ikrahadsin), законченный 19-го марта. Единственная рукопись въ Оксфордѣ Бодл. Mich. 51³ ³⁾. 29-го мая 1258 г. въ среду имъ законченъ переводъ компендія метафизики Аристотеля ⁴⁾ и не позже того же времени переводъ Meteorа Аристотеля ⁵⁾, которому Моисей, повидимому, предпослалъ особое предисловіе, найденное Штейншнейдеромъ отдѣльно отъ перевода ⁶⁾. Въ 1259 году выпущенъ переводъ книги Битроджи объ астрономіи ⁷⁾, рукописи котораго имѣются въ бібліотекахъ Мюнхена 150, Оксфорда Бодл. Mich. 386, Парижа 1288, С.-Петербургскаго Собр. Фирковича 539. 25-го или 28-го августа 1259 г. въ четвергъ законченъ Моисеемъ переводъ Путеводителя Ибнъ-эль-Джеззара. Рукописи перевода хранятся въ Ватиканѣ 341⁸⁾, Мюнхенѣ 19, 295, Оксфордѣ Бодл. Ug. 413, Пармѣ (Rossi) 154, 1053 (?), Туринѣ 57, 153, (Valpergae) 148, Флоренціи Pl. 88 С. 37, частныхъ бібліотекахъ — Неттера 31, Шенблума 1868, Штейншнейдера 25 ⁹⁾. Въ слѣдующемъ году онъ выпускаетъ переводъ Кантика Авиценны съ комментариемъ Аверроэса. Рукописи перевода хранятся въ Берлинѣ 1588 Fol., Вѣнѣ 147, Лейденѣ Scal. 2⁴ н, можетъ быть, Пармѣ (Rossi) 1169 ⁹⁾. 19-го апрѣля 1261 г. оконченъ переводъ компендія Аверроэса сочиненія Аристотеля περί ψυχῆς ¹⁰⁾. Три года спустя, 31 марта 1264 г., Моисей Тиббонъ заканчиваетъ переводъ съ арабскаго origi-

935, 936, 939, 948, 956, Пармѣ (России) 171, 208, 423, 716, 1371, 1403, Римѣ Ватик. Urb. 39, Казанат. I. V. I. 1, частныхъ бібліотекахъ Неттера 17 и Шенблума 112.

¹⁾ Ibid., 435.

²⁾ Ibid., 176 сл.

³⁾ Ibid., 730 сл.

⁴⁾ Ibid., 159.

⁵⁾ Ibid., 1:35. Рукописи въ Гамбургѣ 255, Мюнхенѣ 108, 281, Оксфордѣ Бодл. Кан. 48, 63, Парижѣ 918, 935, 949, 956, Пармѣ (России) 208, 776, 1403, частныхъ бібліотекахъ Неттера 17, Фишля, Лемана.

⁶⁾ Ibid., 415 сл. Рукопись въ Оксфордѣ Бодл. Рос. 74 (280 В).

⁷⁾ Ibid., 551.

⁸⁾ Ibid., 704.

⁹⁾ Ibid., 699.

¹⁰⁾ Ibid., 148.

нала Ибнъ-Хонсина псевдо-аристотелевыхъ Проблемъ ¹⁾). Въ слѣдующіе годы онъ одновременно работаетъ надъ нѣсколькими произведеніями и въ августѣ 1270 г. выпускаетъ переводъ геометріи Евклида (съ арабскаго перевода Косты бенъ Луки) и комментарий къ ней Ибнъ-Хейтама ²⁾ и Эль-Фараби ³⁾. 30-го апрѣля 1271 г. имъ законченъ переводъ арифметики Эль-Хассара ⁴⁾, а въ слѣдующемъ 1272 г. въ іюлѣ законченъ переводъ такъ называемаго малаго канона Авиценны (*Compendium medicinae*) въ 10 книгахъ, единственная рукопись котораго находится въ Мюнхенѣ 220 ⁵⁾. 30-го октября 1274 г. законченъ переводъ съ арабскаго астрономическаго компендія Джабира бенъ Афлаха (р-сь въ Оксфордѣ Бодл. Opp. Add. 17) ⁶⁾. Къ 1283 г. относятъ Zotenberg ⁷⁾ переводъ синтагмы Разеса; Штейншнейдеръ считаетъ этотъ переводъ выпущеннымъ нѣсколько ранѣе 1257 г. ⁸⁾; дѣйствительно, если дата первоначально была обозначена напр. слѣдующимъ образомъ (5015), то это обозначеніе легко могло перейти въ (5043), почему мнѣ и кажется болѣе правдоподобнымъ вмѣсто 1283 читать (5015—3760) 1255 г. Къ неизвѣстнымъ годамъ относятся переводы Афоризмовъ Гипократа съ арабскаго перевода Хонсина вмѣстѣ съ комментариемъ къ нимъ Маймонида ⁹⁾, книги арабскаго ученаго Эль-Батальюси подъ названіемъ „Воображаемыя сферы“ ¹⁰⁾, ха-олема-ха-катанъ (микрокосмъ) Іосифа Заддика ¹¹⁾, письмо Маймонида къ ученымъ Марсели, Монпелье или Люнеля, отрицающее значеніе астрологіи ¹²⁾, и, наконецъ, „Введеніе въ медицину“ Ибнъ Хонсина, извѣстное подъ заглавіемъ *Isagoge Joannitii*. Трактатъ этотъ

¹⁾ Ibid., 231.

²⁾ Ibid., 504 сл.

³⁾ Ibid., 509 сл.

⁴⁾ Ibid., 558 сл.

⁵⁾ Ibid., 696.

⁶⁾ Ibid., 544.

⁷⁾ *Catalogues des Manuscrits Hébreux de la Bibliothèque Impériale. Paris, 1866 № 1119, 1121.*

⁸⁾ *Lib., cit. 730.*

⁹⁾ *Steinschneider, ibid., 659, 769.* Даты варьируются между 1257 и 1267 гг. Рукописи въ Мюнхенѣ 275, Парлѣ (Росен) 150, 212, Оксфордѣ Бодл. Uri 420, Opp. 1139 Fol., Mich. 714, 395, Туринѣ 154, частныхъ библіотекахъ Рабиновича (1885) № 115, Штейншнейдера 30, Финля 56.

¹⁰⁾ Ibid., 287.

¹¹⁾ По догадкѣ Штейншнейдера l. c. 408.

¹²⁾ Ibid., 931; одна изъ рукописей написана въ 1230 г., *ibid., Ann. 187.*

извѣстенъ въ двухъ еврейскихъ переводахъ, принадлежащихъ, по мнѣнію Штейншнейдера ¹⁾, перу одного и того же автора. Къ послѣднимъ годамъ жизни Моисея относится, вѣроятно, недоконченный переводъ комментарія Маймонида къ Мишибъ ²⁾. Съ меньшей увѣренностью можно сказать о принадлежности ему перевода статьи „О подраздѣленіи наукъ“ изъ эльшафѣ (книги исцѣленія) Авиценны ³⁾. Безъ достаточнаго основанія, по мнѣнію Штейншнейдера, приписывается Моисею Тиббону трактатъ Маймонида о геморроѣ ⁴⁾. Вполнѣ ошибочно приписываются нѣкоторыми рукописями Моисею переводы „Вѣсвъ иозрвнй“ Газзали ⁵⁾ и нѣкоторыя другія сочиненія ⁶⁾.

Не менѣе плодовитымъ переводчикомъ является изъ фамиліи Тиббонидовъ другой ученый Монпелье Яковъ бенъ Махиръ, извѣстный болѣе подъ именемъ Профатія (Don Profet Tibbon), родившійся въ Марсели около 1236 ⁷⁾ или 1242—44 г. ⁸⁾ и получившій образованіе въ Лионелѣ. Первымъ трудомъ Якова Штейншнейдеръ считаетъ переводъ геометріи Евклида, сдѣланный имъ около 1270 г. и нѣкоторыми рукописями приписываемый Моисею Тиббону ⁹⁾. Впрочемъ въ датировкѣ этого перевода или этихъ переводовъ, если они различны между собой, наблюдается значительная путаница, разрѣшить которую можно, лишь пересмотрѣвъ и сличивъ всѣ рукописи перевода, почему этотъ вопросъ я и оставляю въ сторонѣ, отсылая интересующихся къ упомянутой книгѣ Штейншнейдера. Здѣсь нужно лишь замѣтить, что Штейншнейдеръ ¹⁰⁾ находитъ возможнымъ также предположеніе, что Яковъ лишь началъ свой переводъ (въ 1255 г.), а Моисей Тиббонъ

¹⁾ 17 рукописей обѣихъ редакцій по указаніямъ Штейншнейдера I. с. p. 711 зр. находятся въ Вѣнѣ 136, Гамбургѣ 308, Кембриджѣ 390, Лейденѣ Scal. 2¹¹, Лювардежѣ 6, Мюнхенѣ 250, 270^a, 297, Оксфордѣ Bodl. Ури 425, Mich. 205, Opp. 1138 Fol., Парижѣ 1110^a, 1134^b, 1190^c, Туринѣ 154, частныхъ бібліотекахъ Коронеля, Луццато. Быть можетъ, еще два отрывка имѣются въ рукописяхъ Гамбургск. 309^a и Оксфордск. Bodl. Mich. 205.

²⁾ Ibid., 925.

³⁾ Ibid., 285.

⁴⁾ Ibid., 763. Р-си въ Вольфѣ 20^a, Мюнхенѣ 111, Оксфордѣ Bodl. Mich. 51, Парижѣ 335, 1173, Пармѣ Rossi 354, 1280, частныхъ бібліотекахъ Рабинвича 43, Штейншнейдера 30.

⁵⁾ Ibid., 340 Anm. 564.

⁶⁾ Ibid., 59 Anm. 98, 131 Anm. 175, 315 Anm. 346, 426 сл. и проч.

⁷⁾ Hist. litt. de la France, XXVII, 600.

⁸⁾ Steinschneider, I. с. 505.

⁹⁾ См. выше.

¹⁰⁾ I. с. 505.

продолжалъ его и закончилъ въ 1270 г. Въ такомъ случаѣ Моисей и Яковъ должны быть почти ровесниками. Это предположеніе мнѣ кажется болѣе соотвѣтствующимъ вѣроятности, такъ какъ, если вѣрить записямъ рукописей, въ 1263 г. въ Монпелье Яковомъ при помощи Іоанна изъ Брешии переведенъ съ еврейскаго на латинскій языкъ трактатъ Ибнъ-Эль-Заркали объ употребленіи „сафиха“ ¹⁾ и такъ называемыя Толедскія астрономическія таблицы ²⁾. Судя по записямъ рукописей, Яковъ переводилъ съ еврейскаго на народный (провансальскій) языкъ, а съ него уже Іоаннъ въ свою очередь переводилъ на латинскій ³⁾. Въ 1271 г. 23-го августа Яковомъ законченъ еврейскій переводъ астрономіи Ибнъ-Эль-Хейтама ⁴⁾. Въ 1272 г. имъ переведены съ арабскаго *liber definitorum (data)* и, можетъ быть, также оптика Евклида ⁵⁾, вѣроятно, около того же времени. Около 1273 г. переведено сочиненіе Менелая *Sphaerica* съ арабскаго оригинала Исхака-б-нъ-Хонейна ⁶⁾. 6-го іюля 1273 г. законченъ переводъ движенія сферы Автолика съ арабскаго перевода Хонейна ⁷⁾. Въ 1288 г. Яковъ написалъ самостоятельное сочиненіе объ изобрѣтенномъ имъ квадрантѣ, позже, въ 1301 г., выпущенное имъ въ болѣе пространной редакціи. Рукописи находятся первой редакціи въ Мюнхенѣ 256 и Флоренціи Pl. 88 C. 28^a, второй въ Мюнхенѣ 249^a, Оксфордѣ Бодл. Ури 440, Реджіо 14, 47 D, Туринѣ 66. Редакція нѣсколькихъ рукописей еще не опредѣлена. Находятся онѣ въ Лондонѣ Брит. Муз. Alm. 96^a, Парижѣ 903, 1027, 1031⁷, 1047^a, 1054, 1065, Римѣ

¹⁾ *Leclerc*, Hist., t. II, p. 472; *Коенеръ*, l. c. 349; *Steinschneider*, l. c. 590.

²⁾ Рукопись первого издѣнія въ Парижѣ 7195: *Libri tabulae quae nominatur arithmetica patris Isaac Arzachelis*. Рукописи таблицъ представляютъ двѣ редакціи. Якову принадлежатъ, повидному, та, которая начинается: *Cum cuiuslibet actionis...*, а кончается *accipit pro radice*. См. *Schum*, Beschreib. Verzeichniss d. Amplon. Handschriften-Sammlung zu Erfurt. Berlin 1887, S. 277. F. 394° и ¹². Какой редакціи принадлежатъ *Canon Azethel* въ Мюнхенской рукописи 741 (530), не видѣвъ ея, рѣшить трудно. Судя по времени написанія (XIII в.), это—первая редакція. *Staender* *Chirographorum in Reg. Bibl. Paul. Monasteriensi Catal. Münster. 1889*, l. 162.

³⁾ *Cod. Paris 7195. Leclerc* II, 472, *Коенеръ* 349, *Steinschneider* 590.

⁴⁾ *Steinschneider* 560. Рукописи въ Мантуѣ 4, Парижѣ 1021, 1022, Парижѣ R. 568, Римѣ Vat. 399^a Казанат. J II, 10, С.-Петербургѣ Фирков. 354, библіотека въ Бисахиса, Шенблюма (теперь въ Англіи), Фишля 13.

⁵⁾ *Ibid.*, 510 сл.

⁶⁾ *Ibid.*, 516. Рукописи въ Каирѣ и Оксфордѣ Бодл. Ури 43, 433.

⁷⁾ *Ibid.*, 503. Рукописи въ Мадридѣ Aa 126, Оксфордѣ Бодл. Ури 2582^a, Парижѣ 1021^a, Римѣ Vat. 400^a.

Ватт. 384^о, Казан. Н. V. 10^о (или J. II 10^о?) ¹⁾. Въ 1296 году Яковомъ переведено сочиненіе Косты бенъ Луки объ употребленіи астрономическаго глобуса, въ его второй редакціи. Переводъ этотъ въ некоторыя рукописи (Paris. 1065, Rom. 167) датируютъ 1256 годомъ, но Штейншнейддоръ подозрѣваетъ здѣсь опіску и читаетъ 1296 г. ²⁾, основываясь на томъ разсужденіи, что Якову въ 1303 г. было самое меньшее 60 лѣтъ ³⁾, — слѣдовательно, родиться онъ долженъ былъ около 1242—1244 г. Поэтому мало вѣроятія въ томъ, чтобы въ 1256 г. онъ могъ уже выступить на литературное поприще, тѣмъ болѣе, что въ 1271 г. онъ не считалъ еще себя присяжнымъ переводчикомъ ⁴⁾. Съ другой стороны Авраамъ Абулафія, родившійся въ 1240 г. въ Толедо, указывалъ на отсутствіе еврейскихъ переводовъ математическихъ сочиненій во время своего ученія ⁵⁾. Наконецъ въ 41-й главѣ перевода сочиненія о глобусѣ есть ссылка на Альманахъ, который былъ написанъ Яковомъ въ 1300 г. ⁶⁾; съ другой стороны мы знаемъ, что еврейскій переводъ въ свою очередь послужилъ оригиналомъ для латинскаго перевода, сдѣланнаго въ 1303 г. Такимъ образомъ, это мѣсто въ 41-й главѣ относится, вѣроятно, ко времени второй редакціи или по крайней мѣрѣ корректуры еврейскаго текста между 1300 и 1303 г. Ссылки на Альманахъ нѣтъ въ арабскомъ оригиналѣ, какъ это видно изъ испанскаго перевода, сдѣланнаго съ рукописи первой редакціи по приказанію испанскаго короля Альфонса X (1252—1282) ⁷⁾. Рукописи еврейскаго перевода хранятся въ Лондонѣ Брит. Муз. Alm. 213^о, 415^о, Мюнхенѣ 246, 249, 261, Оксфордѣ Бодл. Mich. 835^о, Парижѣ 1030, 1031, 1053, 1065, Пармѣ R 167, С.-Петербургѣ Собр.

¹⁾ Ibid., 608.

²⁾ Ibid., 505. Противнаго мнѣнія держится Ремавъ (Hist. litt. de la France XXVII, 600).

³⁾ Около этого времени Авва Марія выражается о немъ, какъ о старикѣ (Hist. litt. de la France XXVII, 600).

⁴⁾ Steinschneider, 553 и 560; между прочимъ въ предисловіи къ переводу Ибнъ-Эль-Хейтама Яковъ сообщаетъ, что онъ сирота (слѣдовательно, еще въ такихъ лѣтахъ, когда существованіе родителей не представляется рѣдкимъ случаемъ), а переводъ этотъ сдѣланъ, какъ сказано, въ 1271 г. и принадлежитъ къ первымъ трудамъ Якова (ibid., 560).

⁵⁾ Ibid., 505.

⁶⁾ Ibid., 554. Коверъ, I. с. 349, со словъ Кармоли, передаетъ, что въ этомъ году Яковъ былъ деканомъ медицинскаго факультета, но это только безосновательное предположеніе Астрика (Hist. litt. de la France XXVII, 621 сл.).

⁷⁾ Steinschneider, 553 сл.

Фирков. 348, библиотекъ Штейншнейдера 14. Нѣсколько позже 20-го декабря 1302 г. Яковъ закончилъ переводъ *de partibus et generatione Aristotelia* въ обработкѣ Аверроэса, рукописи котораго находятся въ Берлигъ 45, Вѣнѣ 122 или 123, Лондонѣ Бетъ-ха-М. 41, Оксфордѣ Бодл. Ури 393, Marsh. 472, Opp. 1641 Qu., Парижѣ 956², Римѣ Vat. 345, Туринѣ 40, 156¹). Неизвѣстно время написанія перевода фармакопсн и гигиены Ибнъ Зора (Авензоара); переводъ этотъ погибъ въ 1306 г. ²), однако до насъ дошли рукописи анонимнаго еврейскаго перевода (Лейденъ Scal. 2¹, Оксфордѣ Бодл. Ури 628, Парижѣ 1028). По странному совпадению запись латинскаго перевода, сдѣланнаго съ еврейскаго въ 1281 г. въ Венеціи а *magistro Patavicio (Patavino) physico, ipso sibi vulgarizante magistro Jacobo hebraeo* ³), напоминаетъ съ одной стороны запись латинскаго перевода сочиненія Заркали объ астрологїи: *Prophatio gentis hebraeorum vulgarizante et Johanne Brisciensis in latinum reducens* ⁴), съ другой — запись перевода сочиненія Авензоара о разницѣ между медомъ и сахаромъ *interprete Jacobo hebraeo Coanso*. Вѣроятно, оба эти трактата переведены Яковомъ Коаномъ ⁵). Еврейскій переводъ сдѣланъ, очевидно, ранѣе 1281 г. Къ послѣднимъ годамъ жизни Профатїя относится, повидимому, несовершенный имъ переводъ компондія арабскаго астронома Абу Мугаммеда Джабира. Въ исправленномъ и законченномъ видѣ переводъ Якова былъ изданъ въ 1335 г. Самуиломъ бенъ Іегудой изъ Марсели въ Э (Aix) ⁶). Рукописи въ Парижѣ 1014, 1024, 1025, и 1036. Около того же времени, вѣроятно, написанъ имъ комментарий къ сочиненію Аристотеля *пері φύτῆς*; въ авторѣ его, раббн Порфасъ, Штейншнейдеръ отказывается признавать Якова бенъ Махира, не приводя, впрочемъ, никакихъ къ тому оснований и замѣчая лишь, что комментарий написанъ послѣ 1261 г. и не позже 20-хъ годовъ XIV в. (время жизни Леви Герсона), но вѣдь дѣятельность Якова приходится какъ разъ на указанное время — конецъ XIII и начало XIV в. Рукопись въ Парижѣ 964⁷). Къ неизвѣстному времени относится переводъ Якова „объ употребленіи астрологїи“ арабскаго ученаго Ибнъ-Эль-Саффара въ

¹) Ibid., 144 сл.

²) Ibid., 752.

³) Ibid., 749.

⁴) Ibid., 590. Cod. Paris. 7195.

⁵) Ibid., 751.

⁶) Ibid., 544.

⁷) Ibid., 149 сл.

рукописяхъ Мюнхена 246 и Парижа 1052. Впрочемъ, существуютъ двѣ редакціи этого перевода, быть можетъ, восходящія къ двумъ рецензіямъ оригинала ¹⁾. Къ неизвѣстнымъ же годамъ относится переводъ сочиненія Газзали (?) „Вѣсы воззрѣній“ ²⁾. Безъ достаточнаго основанія приписывается Якову Штейншнейдеромъ переводъ арабскаго сочиненія Джабира о такъ называемомъ секторѣ Менелая въ Оксфордской рукописи Бодл. Угі 433 ³⁾. Безосновательно, но мнѣнію Штейншнейдера, называетъ Якова переводчикомъ главы объ астролябии Мюнхенская рукопись 249 (f. 129) ⁴⁾: запись ея позднѣйшаго происхожденія. Одному изъ учениковъ Якова принадлежать замѣтки и объясненія къ Евклиду ⁵⁾, другому — Эстори Фархи — сдѣланный въ Барселонѣ векорѣ послѣ 1306 г. переводъ на еврейскій собранія рецептовъ Эрменгарія Blasii, въ подлинникѣ не сохранившихся ⁶⁾. Нѣкоторыя сочиненія Профатія были переведены на латвискій языкъ частью имъ самимъ съ помощью знакомыхъ, Іоанна изъ Брешіи, Эрменгарія, частью посторонними ому лицами—отчасти при его жизни, отчасти уже послѣ его смерти. Съ посторонней же помощью, вѣроятно, переведены имъ, хотя имена сотрудниковъ не указаны и никакихъ намесковъ на сотрудничество въ рукописяхъ не имѣется, Альманахъ съ объясненіями къ нему, а также введеніе къ устройству и употребленію квадранта ⁷⁾. Альманахъ написанъ въ 1300 г. ⁸⁾. Латин-

¹⁾ Ibid., 581. Рукописи обѣихъ редакцій имѣются въ Мюнхенѣ 246, 249, 256, 261, 289, 388, Оксфордѣ Бодл. Ури 440, Mich. 49, Reg. 46°, Парижѣ 1030, 1045°, 1052, 1065, 1095, Пармѣ Rossi 123, 306, Римѣ Vat. 379°, 384°, Флоренціи Pl. 87 C. 28°, бібліотекахъ Гейгера, Луццато и въ Ченстоховѣ (?)

²⁾ Ibid., 340 сл.

³⁾ Ibid., 544 сл.

⁴⁾ Ibid., 537. Быть можетъ, тому же Якову принадлежать нѣкоторыя медицинскія сочиненія у Штейншнейдера стр. 813, хотя онъ отказывается признавать ихъ авторомъ Профатія (jedenfalls nicht Jakob ben Machir).

⁵⁾ Ibid., 507. Рукописи въ Мюнхенѣ 36 (f. 18) и Парижѣ 1050°, 1092°.

⁶⁾ Ibid., 778. Рукопись въ Пармѣ R 347.

⁷⁾ См. ниже. Въ Парижской рукописи библ. св. Женевиѣвы (Cat. des Mss. de la Bibl. de Ste Geneviève t. I Paris 1893 p. 482 n. 1043 fol. 51) имѣется запись: Prohemium in compositione et utilitate quadrantis magistri Profacii iudei Marsionis (?) sapientis astronomi in Montepessulano editi. Повидимому, то же введеніе въ Эрфуртской рукописи Ampl. Q 386 fol. 102^v—105^v: Sequitur compositio novi quadrantis Profacii Judei. Compositurus novum quadrantem accipe tabulam planam... Et habes opus quadrantis perfectum. Explicit compositio novi quadrantis.

⁸⁾ Hist. litt. de la Fr. XXVII, 616. Рукописи въ Мюнхенѣ 343, 26, Парижѣ, Пармѣ, Оксфордѣ, Римѣ Vat. Ibid., 616, 621.

скихъ переводовъ его нѣсколько. Первый по времени, кажется, тотъ, который начинается словами: *Quando vis scire...* въ рукописяхъ Мюнхена 275 fol. 38^v, Оксфорда Дигби 144, Эрфурта *Ampl. Q. 370*. Изданіе его относится, какъ мнѣ кажется, къ годамъ между 1304 и 1310. Закключаю я это изъ того, что, во-первыхъ, въ Мюнхенской рукописи 275 f. 196^v я видѣлъ слѣдующую запись: *Cuiusmodi est medicus qui astrologiam ignorat profecto non meretur dici medicus. Sed inimicus nature. Hippocrates in lege medicinali. Et in peri toneon oxamaton* (т. е. *περὶ τῶν ὀξέων νοσημάτων* или *περὶ διαίτης ὀξέων*). 2) *Et in li(br)o de aerib(us) et aquis Abvisconi in Cantuis (= Canticis). Galienus in humera criseos Bernardus de Gordonio liliator de prognosticis. Est quoddam celeste In quo oport(et) medicu(m) previdere. Cuius si tanta sit prudentia mirabilis est nimium(ue) stupenda. Hippo(crates) in li(br)o pronost(icorum).* Какъ мы увидимъ, Лилія Беригарда закончена 5-го февраля 1304 г. Вторыхъ, въ Эрфуртской рукописи *Q 370 fol. 60^v* есть запись о солнечномъ затмѣніи въ 1310 году. Эти двѣ крайнія грани опредѣляютъ года изданія этого перевода. Второй по времени редакціей является та, которая начинается словами *Quamquam multi homines...* въ рукописяхъ Парижа 7408 A, 10263 (*Suppl. 82 fol. 92*) и Эрфурта *Q 379 (fol. 100—101^v 66—99^v)*. Изданіе перевода относится; повидимому, ко времени послѣ 1316 года, такъ какъ въ *Cod. Ampl. Q 379 fol. 83* выставлены года 1308 и 1316. Рукопись писана не позже 1343 г. Третьей редакціей я считаю начинающуюся словами *Quia omnes homines naturaliter...* въ рукописяхъ Оксфорда *Bodl. 464, Rawl. 117, Univ. 41*, Парижа 7272, 7286 B. Текстъ ея мало рознится отъ второй редакціи. По времени она слѣдуетъ за предыдущей, такъ какъ въ предисловіи говорится: *Ideo ego Profatius Judeus, de Monte Pessulano, primo ad honorem Dei et gloriam et ad amicorum meorum et generalitor ad omnium utilitatem, sequendo radices de tabulis tholetanis acceptas, de novo edidi has tabulas.* Хотя и въ ней, какъ и во второй редакціи, предисловіе писано отъ перваго лица, но это не имѣетъ значенія, такъ какъ является лишь точной передачей еврейскаго текста. Какъ сказано, Профатій умеръ, вѣроятно, около 1307 года.

Изъ другихъ еврейскихъ ученыхъ, работавшихъ въ XIII вѣкѣ въ Монпелье, слѣдуетъ упомянуть двоихъ—астронома Маймона и переводчика Давида Каслари. Маймонъ жилъ, вѣроятно, еще въ первой половинѣ XIII в. Сынъ (?) его Саломонъ бенъ Меѣамунъ работалъ въ концѣ XIII в. Маймонъ былъ авторомъ комментарія на сочиненіе

Эль-Фергани китебъ-эль-фуцсуль (книга главъ) ¹⁾. Давидъ Каслари бенъ Авраамъ принадлежитъ времени позднѣйшему: онъ работалъ въ Нарбоннѣ и Монпелье между 1280 и 1337 годами. Ему принадлежить переводъ съ латинскаго языка на еврейскій сочиненія Хоена (? или Галена?) *de malitia complexionis diversae* (рукопись въ Оксфордѣ Bodl. Opp. Add. Vol. 18 f. 19—27) ²⁾. Къ числу ученыхъ второй половины XIII в. въ Монпелье слѣдуетъ, быть можетъ, причислить и переводчика Саломона бенъ Мозе Мельгвейри, если припомнить, что городъ Монпелье былъ основанъ на земляхъ графовъ Melguon, о которыхъ мы говорили выше ³⁾. Ему приписываются переводы (съ латинскаго) сочиненій Авиценны о небѣ и мірѣ ⁴⁾, о силѣ и бодрствованіи ⁵⁾, Компендіи Суммы Аверроэса въ Парижской рукописи 964 ⁶⁾, переводы физиогномики псевдо-Аристотеля ⁷⁾, третьяго трактата метафизики Аверроэса ⁸⁾, рукописи котораго находятся въ Берлинѣ 112¹², Оксфордѣ Bodl. Opp. Add. Qu. 10, частныхъ библіотекахъ Бенциана 5, Кауфманна 26, Коронеля 34, и наконецъ, фармакопей Матоея Платеарія ⁹⁾. Рукопись въ Берлинѣ 123. Штейншнейдеръ посвящаетъ Саломону Мельгейльскому особую статью въ журналѣ *Revue des Études Juives*. Paris, 1882 V, p. 277 suivv. ¹⁰⁾. Въ актахъ 1272 года встрѣчается снова имя вышеупомянутаго уже подъ 1260 г. Бернгарда Калькаделли, который въ это время, насколько это можно заключить изъ тона открытаго письма короля Якова I Арагонскаго, былъ, кажется, канцлеромъ университета ¹¹⁾. О немъ же идетъ рѣчь въ Дрез-

¹⁾ *Steinschneider*, l. c. p. 556.

²⁾ *Ibid.*, 653.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ *Steinschneider*, 14, 283. Рукописи въ Берлинѣ 112, Вѣнѣ 127. Манускъ 4, Мюнхенѣ 107, Оксфордѣ Bodl. Opp. Add. Qu. 10, Парижѣ 700, 1050², Пармѣ Rossi 100, 424, Римѣ Vat. 386⁴, Сазанат. J. II. 10⁴, Туринѣ 242, библіотекахъ Бенциана 5 B, Коронеля 31, Шенблума 114.

⁵⁾ *Ibid.*, 14, 283. Рукописи въ Берлинѣ 46, 396 Oct., Лондонѣ Геть-ха-М. 41, Оксфордѣ Bodl. Opp. Add. Qu. 10, Парижѣ 1857, 693, Пармѣ R 423, Римѣ Vat. Urb. 39⁷, библіотекахъ Коронеля 31, Шенблума 112 D, Фишля 12 (1881). Извлеченіе въ Мюнхенѣ 263.

⁶⁾ *Ibid.*, 137.

⁷⁾ *Ibid.*, 253. Рукопись въ Вѣнѣ 128; остальные анонимны: Мюнх. 246, Оксф. Bodl. Urb. 476, Mich. 82, Парм. R. 1050⁴, 1257¹⁴, 1355⁶.

⁸⁾ *Ibid.*, 334.

⁹⁾ *Ibid.*, 822.

¹⁰⁾ *Ibid.*, 283 Ann. 69.

¹¹⁾ *Les Statuts etc.* № 896 p. 14: tenenti locum nostrum et aliis bajulis nost-

денской рукописи Db 91. XVb. fol. 49b col²: Empl(astru)m opti-
m(um et) probatu(m) a m(a)g(ist)ro Richardo (!) cacadello (!) in pas-
sione splenitica; fol. 50a col.¹: contra ethicam passionem exp(er)im(en)-
tu(m) m(a)g(ist)ri cacadelli (!); fol. 57a col.¹. rubro: Incipiunt exp(er)im-
m(en)ta calcadelli. Exp(er)im(en)ta m(a)g(ist)ri bernoldi (!) calcadelli ut
vinum revocetur ab acredine. Очевидно, все это различные ошибочныя
начертанія одного и того же имени. Насколько можно судить по при-
веденнымъ только что рубрикамъ, оставленный Бериггардомъ трудъ
не представлялъ собою чего-либо стройнаго, а являлся такимъ бесси-
стемнымъ сборникомъ совѣтовъ, рецептовъ, повтореній литературныхъ
свидѣтельствъ и личныхъ наблюденій, какихъ мы много имѣемъ отъ
среднихъ вѣковъ подъ обычнымъ названіемъ Experimenta и которые
своимъ происхожденіемъ зачастую обязаны ученическимъ запискамъ
и замѣткамъ, составленнымъ кѣмъ-либо изъ слушателей и выпущен-
нымъ позже съ указаніемъ имени учителя, а иногда и безъ него.
Таковы собранныя безъ связи и безъ системы конспекты лекцій, из-
вѣстные подъ именемъ Experimenta magistri Bernardi, ошибочно при-
писанные Бериггарду Гурдонскому, и Experimenta varia неизвѣстнаго въ
Вольфенбюттельской рукописи № 1014 ff. 69v—71v и ff. 74a—77a ¹⁾),
Experimenta Thaddaei и другіе, о которыхъ рѣчь еще впереди. Подъ
1281 годомъ мы встрѣчаемъ въ актахъ имена слѣдующихъ лицъ:
упоминавшася уже подъ 1260 г. магистра Вильгельма Rotberti, то-
перь вице-канцлера университета, да еще магистровъ Доминика Мар-
tini, Петра Folqueti и Гуго de Calatorio ²⁾). Подъ этимъ же годомъ
упоминается недипломированный врачъ безъ права практики Іоаннъ
de Chipro. Осенью 1289 года ³⁾ разыгралось интересное и тянувшееся

ris... precipimus et mandamus ut ad simplicem requisitionem cancellarii ipsius Stu-
dii, seu vices ejus gerentis, in personis et bonis puniant taliter istiusmodi transgres-
sores... Predictam itaque gratiam et concessionem, ad preces fidelis nostri magistri
Bernardi Calcadelli, duximus concedendam, salvo tamen etc.

¹⁾ Цитирую № по каталогу д-ра Гейнemann: Die Handschriften d. Herzogl.
Bibl. zu Wolfenbüttel. Bd. II. 1886. S. 301.

²⁾ Изъ того, что имя его стоитъ рядомъ съ именемъ вице-канцлера съ знамени-
тельнымъ прибавленіемъ nomine proprio et nomine procuratorio universitatis magi-
strosum, заключаю, что Гуго былъ прокураторомъ. То же, кажется, можно заклю-
чить и о Радульфѣ Домино и Бериггардѣ Калькаделли. Едва ли только что упомя-
нутому Радульфѣ слѣдуетъ приписать трактатъ summa philosophiae Эрфуртской ру-
кописи O 28 ff. 11—16.

³⁾ Les Statuts etc. № 902 и 901.

цѣлые полгода дѣло студента медицины клирика Эрменгарія Blazini ¹⁾. Факультетъ подъ предсѣдательствомъ магистра Бортранда de Armasaniciis не призналъ его достойнымъ занимать кафедру, проваливъ его на экзаменахъ. Эрменгарій имѣлъ, повидимому, сильную протекцію, и дѣлопроизводитель епископской канцеляріи угрозами и другими средствами пытался заставить магистровъ порезкэменовать Эрменгарія и признать его достойнымъ искомой степени. Магистры принесли жалобу папѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ 12-го апрѣля 1290 г. Было наряжено слѣдствіе. Особая комиссія снимала показанія и затѣмъ вынесла рѣшеніе въ пользу университета магистровъ. Искомой имъ степени магистра Эрменгарій на этотъ разъ такъ и не получилъ, хотя уже раньше зарекомендовалъ себя въ наукѣ хорошимъ работникомъ. Еще въ 1283—1284 году ²⁾ Эрменгарій, или, какъ его до сихъ поръ называли, Armengandus Blasii перевелъ съ еврейскаго и издалъ *Cantica Avicennae cum commento Averrois optime correcta*. Въ Эрфуртской рукописи № 77^b онъ названъ магистромъ ³⁾, но, какъ мы видѣли изъ актовъ, къ 1283 году этотъ титулъ не можетъ быть приуроченъ ни въ какомъ случаѣ. Очевидно, или что вѣроятноже, Эрменгарій, уже будучи магистромъ, исправилъ свой переводъ; на это, мнѣ кажется, указываютъ

¹⁾ Относительно происхожденія Эрменгарія долгое время шли споры. Многіе изслѣдователи, отчасти на основаніи его переводовъ съ еврейскаго, отчасти на основаніи загадочной замѣтки на поляхъ Парижской рукописи 6619 къ словамъ Арнальда де Виллановы, въ которыхъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что не увидитъ въ будущей жизни съ однимъ изъ ученыхъ Монпелье, имени котораго онъ не называетъ, думали, что Эрменгарій еврей. Къ этому можно бы было присоединить еще записку Эрф. р.—си F. 394 fol. 130v: Inc. tract. Profacii de Marcilia Hebrei super quadrantem translatus ab Hebreo in Latinum apud Montepessolanum (!) anno incarn. Dni 1290. Переводъ этотъ, какъ мы увидимъ, принадлежитъ Эрменгарію. Однако этому предположенію противорѣчатъ различныя данныя: 1. въ актѣ № 904 отъ 12-го апрѣля 1290 г. Эрменгарій ясно называется клирикомъ Магелонской діоцези, 2. для ерещенаго еврея странно была бы та сильная протекція у Магелонскаго епископа, какой пользовался Эрменгарій, 3. наконецъ, Эрменгарію не зналъ еврейскаго языка, что было по крайней мѣрѣ странно для еврея XIII в. (*Renan* въ *Hist. litt. de la Fr. XXVIII*, p. 180 сл.).

²⁾ *Kovner*, l. c. 298, 349, 351. *Leclerc* l. c., II, p. 107. *J. Choulant*, *Handbuch der Bücherkunde für die ältere Medicin*. Leipzig 1828 S. 162 ff. *Renzi*, *Collectio Salernitana* etc. V p. 142, 149. *Steinschneider*, l. c. p. 698 и проч.

³⁾ fol. 49^a: Explicit translatio canticorum Avicennae cum commento Averrois facta ab Arabico in Latinum a magistro Armengando Blasii de Monte Pessulano, magistro in medicina. Къ этой запискѣ Кембриджская рукопись Peterh. 101 vol. II, прибавляетъ дату: Anno incarnationis verbi M^o. CC^o. LXXXIII deo gratias.

и слова *optimo correcta*. Антонио и Винье относятъ изданіе къ 1291 г. ¹⁾. Быть можетъ, въ этомъ году онъ получилъ степень магистра. Въ маѣ 1290 года нмъ былъ законченъ также переводъ *Tractatus Rabbi Moysi quem domino Soldano ad Babiloniam transmisit* ²⁾. Это сочиненіе Маймонида, какъ мы говорили уже выше, было переведено на еврейскій языкъ Моисеемъ Тиббономъ. Также перу Эрменгарія принадлежитъ, кажется, приписываемый обыкновенно Арнальду до Вилланова ³⁾ переводъ трактата Авиценны *de viribus cordis seu de cordialibus medicinis* ⁴⁾. Этотъ переводъ сдѣланъ нмъ, повидимому, еще до полученія магистерской степени, такъ какъ рукописи не титулуютъ его. Къ тому же времени, должно быть, относится и переводъ Экономіи Галена въ извѣстной Дрезденской рукописи сочиненій послѣдняго ⁵⁾. Къ 1302 или 1306 году относится его переводъ книги Галена *de cognitione propriorum defectuum* ⁶⁾. Интересно заключеніе этого перевода ⁷⁾: *Explicit liber galieni de cognitione propriorum defectuum translatus ab arabico in latinum a mag(ist)ro ermengando blasii apud monte(m) pessulanu(m) XIX lri' septembris anno dni M° CC... transtuli autem ip(su)m in reverentia(m) mag(ist)ri guillermi de mezeto reverendi (et) von(era)-b(i)l(i)s m(a)g(ist)ri in me(dici)na p(er)iti ad reverentiam etiam alio(rum) laborare intendo i(n) translatione pluriu(m) alio(rum) perutiliu(m) in medicina ab averroy a rabi moyse avensoare et plurib(us) aliis paulo ante hec tempora copulato(rum, читай compilerum) dum fuerint proprio(rum) vicio(rum) cognitiones (намежъ на заглавіе труда), alias non. Nam merito p(er)dictum reputatur q(uo)d ingrato (быть можетъ, нужно читать ignaro?) datum est aut dedisse penitet quod (читай aut) perisse videtur* ⁸⁾. Неизвѣстно, когда написана нмъ таблица антидота-

¹⁾ *Renan*, въ *Hist. littér. de la France* XXVIII, 131.

²⁾ Кембриджская рукопись *St.-Peter*. 209^a, *Caio-Gonvillo-Collego* 178. *Renan* l. c. t. XXVIII, 136. *Steinschneider*, *Die hebräischen Uebersetzungen* etc. S. 772.

³⁾ *Кокнеръ*, l. c., p. 351.

⁴⁾ *Cod. Erford.* F. 77^b foll. 69^r—77^a.

⁵⁾ *Cod. Dresd.* D^b 92 f. 16^a col. ² rubro: *Yconomia galieni translata ab armen-ga (выскоблено i) ndo blasii de arabico in latinum in monte pessulano. co(n)tinet II-or ca(pitu)la. Har.: Omnis regimen proficitur II-or reb(us)...*

⁶⁾ *Cod. Dresd.* D^b 92 fol. 17^b col. ¹ rubro: *Liber Galieni de cognitione propriorum defectuum translatus ab arme(n)gando blasii ex arabico in latinum in monte pessulano continet qui(n)q(ue) ca(pitu)la.*

⁷⁾ *Ibid.*, fol. 19^a col¹. rubro.

⁸⁾ Такъ какъ переводчикъ названъ магистромъ, то сдѣланъ переводъ, повидимому, послѣ 1290 года. Конечно, XIX l r l' рукописи означаетъ а. д. XIX Cal' ==

ria¹⁾. Во всякомъ случаѣ, повидимому, позже 1291 г. Его же перу принадлежитъ переводъ сочиненія Маймонида объ астмѣ, сдѣланный въ маѣ 1302 года²⁾ съ еврейскаго и, можетъ быть, при помощи того же Якова бенъ Махира, съ которымъ работали надъ другими переводами Иоганнъ изъ Брешии и самъ Эрменгарій. Посредничество *fidelis interpretis* показываетъ, что Эрменгарій не зналъ не только еврейскаго, но и арабскаго языка, хотя самъ онъ увѣряетъ противное. Однако въ такомъ случаѣ ему не зачѣмъ было бы обращаться къ евреямъ-переводчикамъ, если бы онъ могъ читать арабскіе подлинники. Ранѣе 1306 г. выпущено имъ собраніе рецептовъ, дошедшее до насъ только въ еврейскомъ переводѣ Эстори Фархи³⁾. Къ годамъ около 1307 г. относятся, повидимому, переводъ Маймонидова трактата *de venenis*, сдѣланный имъ по приказанію папы Климента V также съ еврейскаго, но уже въ Барселонѣ⁴⁾, съ особымъ предисловіемъ; рукописи перевода находятся въ Вѣнѣ 5306¹, Кембриджѣ Caio-Gouv.-Coll. 178. St.-Peter. 209⁷, Оксфордѣ Corp. Chr. 125⁸ и Пармѣ Rossi 59,

15-го августа; годъ можно только предполагать: стертые четыре знака могли быть лишь ХСII, ХСIV, ХСVI, ХСIX или СIII, CVII, СXII и т. п. Мнѣ кажется, что это былъ или 1303 или 1307 года, такъ какъ въ рукописи виденъ какъ будто слабый слѣдъ буквы С. Такъ какъ годъ начинался съ 1-го сентября, то а. d. XIX Cal. Septembris 1303 г. придется на 15-ое августа 1302 г., а 1307 г. на 15-ое августа 1306 г. Съ другой стороны магистръ *guillelmus de mezeto*, повидимому, нѣкто иной, какъ упомянутый подъ 8-мъ сентября 1309 года *quondam magister Guillelmus de Masero* или *de Mazero, phisicus*, который, *dum vivebat... eciam longo tempore in studio helerat* (*Les Statuts* № 911 и 912). Умеръ онъ, повидимому, не очень задолго до написанія этихъ документовъ, весною или лѣтомъ 1309 г. Упомянется о немъ и въ Грфбургской рукописи Q 225 fol. 3v (см. ниже).

¹⁾ Cod. Erford. F. 41, fol. 153—154: *Incipit tabula super antidotarium secundum Mengadam Blasii et primo agit de syrups etc.* Cod. Lips. 1183 f. 234: *Incipit tabula M. Armengomdi* (om или an, au—неясно), Lips. 1211⁴.

²⁾ *Steinschneider*, l. c. 609, 767. Рукописи въ Кембриджѣ Caio Gouv.-Coll. 178 (*Smith*, p. 92), St.-Peter. 209⁸. Запись № 178: *Raby Moises Egiptus, De regimine egrorum et sanorum, et specialiter de asmate, translatum ab arabico in latinum apud Montem Pessulanum, a magistro Armengando Blazii, mediante fideli interprete anno Domini M^o CCC^o II° in mense maii. Вмѣсто mediante, можетъ быть, слѣдуетъ читать medico ante(a).*

³⁾ См. выше.

⁴⁾ *Steinschneider*, l. c. 765 и въ *Gifte u. ihre Heilung v. Moses Maimonides* (*Virchow's Archiv.* 55) S. 66—120. *Renan.* l. c., p. 137. Ср. Кембриджск. рукопись (*Peterh.* 101) fol. 4: *Expl. lib. Rabynoisies (!) cordubensis translatus barthinone a mag. hermengaldo blasii in honorem reuerentissimi summi pontificis Clementis quinto (vnta^o quinti) anno ab incarnatione uerbi 1307.*

равно какъ, можетъ быть, и переводъ *Consultationis de morborum causis et curatione (De morbo regis Aegypti)*, который Ковнеръ ¹⁾ приписываетъ Эрменгарію, хотя вѣроятно, что этотъ переводъ сдѣланъ Іоанномъ изъ Капуи ²⁾. Также не ему, а еврею Бонакозъ принадлежитъ переводъ Кулліяля Аверроэса, сдѣланный въ Падуѣ въ 1255 г. ³⁾.

Наконецъ въ 1290 г. Эрменгарій издастъ трактатъ *de novo quadrante M. Profacii iudei Marsiliensis sapientis Aaroni in Monte Pessulano dedicatus*, большою частью имѣющійся въ рукописяхъ безъ указанія переводчика и переведенный имъ съ еврейскаго *secundum vocem*, подъ диктовку автора. Датировка колеблется между 1290, 1293, 1299 годами ⁴⁾. Есть, впрочемъ, нѣсколько редакцій какъ оригинала, такъ и переводовъ. Опредѣленіе редакцій переводовъ безъ автопіи всѣхъ рукописей вопросъ почти не разрѣшимый и по меньшей мѣрѣ весьма запутанный. Рукописи перевода Эрменгарія находятся въ Кембриджѣ універс. 1707 (III, 328 № 1701), Coll. Saio-Gonv. 141²⁰, Миланѣ Ambros. M. 9 fol. 129, Оксфордѣ Bodl. Can. misc. 340⁴, Римѣ Vat. R. Succ. 1262 f. 33, Эрфуртѣ Ampl. F 384 (fol. 130^v—135), Q 361 (fol. 56—58^v) ⁵⁾. Начало его *Quoniam scientia (artis) astronomiae non complectur... Конечъ—factum, ibi est locus stellae*. Есть еще одна рукопись въ Парижѣ ⁶⁾, безъ указанія переводчика. Вторая редакція, извѣстная подъ разными названіями: *Canones super quadrantem, Practica quadrantis* и проч., по предположенію Штейншнейдера ⁷⁾, исправлена по указаніямъ автора вѣроятно всего уже не Эрменгаріемъ, а какимъ либо другимъ христіанскимъ ученымъ. Рукописи хранятся въ Лондонѣ Британскомъ муз. Arund. 268⁶, Parl. 80¹², Оксфордѣ Bodl. Ashmol. 1522. Начало: *Cum stellarum scientia sine congruis instrumentis*. Интересны записи этой редакціи въ двухъ Эрфуртскихъ рукописяхъ Q 355 fol. 38—44: *Incipiunt canones super quadrantem novum editi a magistro Prefacio (!) Judeo commoranti apud Montepessulanum; correctum ab eodem*. Q 369 fol. 175—178^v. Конечъ: *unius-*

¹⁾ Ковнеръ, I. с. 598, 601.

²⁾ Steinschneider, Hebr. Uebers. S. 773.

³⁾ Ibid., 672.

⁴⁾ Ibid., 608.

⁵⁾ Ibid., 608.

⁶⁾ Catal. des Mss. de la Bibl. de S-te Geneviève, t. I Paris 1893 p. 485 № 1048 fol. 148^v: *Tractatus super novo quadrante magistri Profacii Hebrei sapientis astronomi editus in Montepessulano anno Christi 1290. Quoniam scientia astronomie...*

⁷⁾ Ibid., 609.

cuiusque numeri invenies precise. Explicit tractatus quadrantis novi a Profacio Hebreo compositus anno 1288 et correctus ab eodem a. D. 1301 in Nom. Dom. Такимъ образомъ вторая редакція еврейскаго текста написана въ 1301 г., а первая въ 1288. Обѣ записи, дополняя другъ друга, по всей вѣроятности, какъ это часто бываетъ, представляютъ дословный переводъ записей оригинала, кромѣ словъ anno 1288 и a. D. 1301 in Nom. Dom., гдѣ еврейскія даты отъ сотворенія міра 5048 и 5061 замѣнены переводчикомъ по простому расчету христіанскимъ лѣтосчисленіемъ. Что датировка не относится ко времени написанія перевода, показываетъ годъ 1288, между тѣмъ какъ ни одна рукопись первой редакціи не имѣетъ даты ранѣе 1290. Всѣ другія датировки 1293, 1299 и 1303 не что иное, какъ года изготовленія той или другой копии, перенесенные, быть можетъ, въ двухъ, трехъ случаяхъ и въ послѣдующіе, позднѣйшіе списки. Кто знакомъ съ палеографіей, тотъ согласится, что это явленію далеко не столь рѣдкое и исключительное.

Одновременно съ Эрменгаріемъ впервые выступилъ на литературное поприще и Бернгардъ Гурдонскій, къ которому мы вернемся въ особой статьѣ. Здѣсь только замѣтимъ, что первое свое сочиненіе онъ посвящаетъ другу своему Іоанну de Confluento или Confloco, какъ ошибочно называетъ его Петербургская рукопись F. v. VI n. 2 fol. 152 col¹. ¹). Точно также я не упомяну здѣсь иначе, какъ вскользь, о главнѣйшемъ представителѣ школы Арнальда de Villa Nova (1235—1312). Говорить о немъ подробно, значить писать цѣлую монографію, безъ сомнѣнія, еще болѣе объемистую, нежели настоящій трудъ, такъ какъ огромная монографія Орсо въ XXVIII т. Литературной исторіи Франціи на ста печатныхъ страницахъ in 4° не исчерпываетъ и половины того, что остается еще сдѣлать для освѣщенія жизни и дѣятельности Арнальда: по крайней мѣрѣ, треть его сочиненій еще не издана, по перечню Орсо, а сколько еще сочиненій у него не указано! Въ это же время написана въ Монпелье значительная часть сочиненій Раймунда Луллія, ученика Арнальда, съ которымъ тотъ познакомился въ бытность свою въ Парижѣ ²). Какъ извѣстно изъ біографіи Рай-

¹) Cum omnis prolixitas noverca sit veritatis, ideo ego videns librum regimenti diffuse traditum, sui motus amore socii mei magistri Iohannis de confluento hunc librum a capite breviter sub quodam epologo pertractare. Ed. Rovillii. Lugduni 1559 p. 691.

²) Pouchet, Hist. des sciences natur. au moyen âge. Paris 1853 p. 376. Steinschneider l. c. p. 823. Hist. litt. de la France t. XXIX.

мунда Луллія, въ Монпелье онъ бывалъ наѣздами и оставался здѣсь сравнительно короткое время. Первое его пребываніе въ Монпелье относится къ 1275—1276 г. ¹⁾. Отсюда онъ отправился на Майорку въ монастырь sanctissima Trinidad de Miramar ²⁾. Въ 1289 г. онъ вернулся въ Монпелье, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ читалъ лекціи ³⁾. Въ 1300 г. началъ писать Liber de regionibus sanitatis et infirmitatis ⁴⁾, которое закончилъ только въ 1303 г. въ Монпелье ⁵⁾. Между 1302—1305, 1308—1309 и 1312—1314 гг. онъ попеременно живетъ то въ Парижѣ, то въ Монпелье, на Майоркѣ, въ Мессинѣ и другихъ мѣстахъ. Медицинскихъ и естественныхъ наукъ касаются его сочиненія: Ars medicinae, Alia ars medicinae, Ars astronomiae ⁶⁾, Liber de sexto sensu, Liber naturae, Liber physicorum ⁷⁾, Liber principiorum medicinae ⁸⁾, затѣмъ написанное въ Парижѣ въ 1309 г. сочиненіе: Liber novus physicorum compendiosus, содержащее схоластическія разсужденія de natura, de substantia naturata и de motu naturali ⁹⁾. Его ars compendiosa medicinae даетъ лишь дидактику и методику медицины ¹⁰⁾, не касаясь никакихъ дѣйствительно медицинскихъ вопросовъ. Наконецъ подъ именемъ Раймунда Луллія ходитъ множество подложныхъ ¹¹⁾ сочиненій по алхиміи и черной магіи, создавшихъ ему незаслуженную славу теософа, алхимика и некроманта ¹²⁾.

Въ 1301 году издать experimenta ближе неизвѣстный Thaddaeus.

¹⁾ Hauréau, Hist. litt. de la Fr. XXIX, 11.

²⁾ Ibid., 12. Obras rimadas de Ramon Lull. etc. por. G. Roselló. Palma 1859. p. 47.

³⁾ Hauréau, l. c. 14.

⁴⁾ Ibid., 258.

⁵⁾ Ibid., 259. Рукопись въ Мюнхенѣ 10588 и Оксфордѣ Corp. Chr. 247.

⁶⁾ Ibid., 72.

⁷⁾ Ibid., 73.

⁸⁾ Ibid., 87. Рукопись въ Оксфордѣ. Corp. Chr. 247.

⁹⁾ Ibid., 244.

¹⁰⁾ Онъ даже рекомендовалъ профессорамъ медицины преподавать согласно тѣмъ принципамъ, которые были установлены имъ въ соч. Ars medicinae. См. Hauréau, 341.

¹¹⁾ Ibid., 371 слл.

¹²⁾ Ср. слова Roselló Obras etc., 21: Il gran Ramon Lull tan universalmente admirado por teólogos y moralistas, por fisicos y químicos, por astrónomos y matematicos; tan recomendable en la republica de las letras como humanista y como ascético; y tan docto en la jurisprudencia como en la medicina, en la astrologia como en la náutica etc.

Около того же времени, вѣроятно, написана имъ *Practica disputata*, сопровождаемая въ рукописи его эпиграфией ¹⁾.

¹⁾ *Renzi*, *Collectio Salernitana etc.*, V p. 125. Cod. Paris. 6974 fol. 117: *Explicit experimenta Thadei anno CCCI mense maio in monteressulano*; fol. 117—129: *Practica Thadei disputata*. Сомниваюсь, чтобы этотъ Оадей былъ тождественъ съ Оадеемъ Альдеротти изъ Флоренціи, хотя время жизни ихъ совпадаетъ. Но Гезеру, Оадей Болонскій умеръ въ 1303 г., но большинство ученыхъ принимаетъ за дату его смерти 1295 г. (*Henschel*, *Janus* II S. 375—378; *Page*, I. c. S. 667 sq.). Въ послѣднемъ случаѣ, само собой разумѣется, о тождественности этихъ двухъ лицъ не можетъ быть и рѣчи. Современникомъ его является Оадей де Варвисъ, также жившій въ Болоньѣ и написавшій въ 1318 г. *expositionem de planetis*. Мюнстерская рукопись 741 (530) а. XIV. ff. 21—43 содержитъ слѣдующую запись: *Explicit expositio thcorice planetarum ab inclito magistro thadeo de paruis. et completum in 1318. anno domini die 12. iulii ad communem vtilitatem scolarium bon studentium in scientia medicine*. *Stuender* въ каталогъ *Chirographorum etc.* p. 162 объясняетъ *bon*, какъ *bonorum*? Однако черта надъ словомъ показываетъ, что это—ими собственное. Отсюда весьма близкой является догадка *Bononicensium*. Существовалъ еще третій врачъ того же имени *Thaddaeus de Adclmatis de Tamisio* (англочашникъ?), жившій столѣтіемъ позже, въ 1424 году въ Авиньонѣ (*Les Statuts etc.* № 1296 p. 391). Далѣе извѣстенъ современникъ его магистръ Оадей изъ Праги. Краткія замѣтки о его жизни я нашелъ въ одной Лейпцигской рукописи № 1175. На л. 285 запись: *M-r Tadeus*.

- Ано(!) 1386 natus sum 2^a f(eria) ante ascensionem.
 „ 1408 veni prage in die s(an)c(t)i gregorii.
 „ 1411 Incepi praticare in die gregorii.
 „ 1413 natus est thomas 3^a f(eria) ante thome.
 „ 1414 fui pestilenticus 7^a f(eria) ante galli.
 „ 1415 duxi uxorem In domiica amp(er)cies(is) [sic!].
 „ 1415 nata est bathem^a (Catherina?) in die laurencii.
 „ 1419 obiit rex boemie X^a f(eria) post assumptionem.
 Item proxima quinta f(eria) destruxerunt ymagines.
 Item proxima sexta f(eria) combuserunt cartusiam.
 „ sexta f(eria) in die s(an)c(t)i egidii expulerunt virgines.
 Item 1420 veni ad pontem in die felicis radacti.
 Item 1421 veni in misnam (Meiссенъ) die anthonii.
 „ 1424 7^a f(eria) ante marie magdaline emi domum in misna pro 25 s(olidis) minus uno flor(ino).
 Item 1409 cecid(it) fred(er)ic(us) marchio i(n) newe(n)h(ur)g.
 „ 1412 i(n) vi(gili)a bartho(lome)i nat(us) e(st) fred(er)ic(us) Inn(oc)is (=Innocens? или Innocentis).
 „ 1416 vs (=versus?) offic(i)o nat(us) e(st) sigism(un)d(us) marchio.
 „ 1422 nor(gio et) soff(ia) nat(us) e(st) henric(us) marchio.
 „ 1423 in die do(ro)thee i(n)vestit(us) e(st) fred(er)ic(us) senior ad ducatu(m) saxonie in r(eg?)no p(er) electores.

Къ 1306 — 1308 годамъ относится первая обработка хирургіи Генриха Мондевилскаго ¹⁾. Въ актахъ подъ 1306 годомъ ²⁾ упоминаются ученые Вильгельмъ de Gaudiosa, Стефанъ de Grahino (del Grays), Петръ Calberte. Въ 1308 году мы встрѣчаемъ имена Вильгельма изъ Брешии (de Brixia) ³⁾, Іоанна de Alesto, впоследствии канцлера университета (въ 1318 году), капеллана и лейбъ-медика ⁴⁾ папы Климента V, другого лейбъ-медика его Арнальда де Вилланова, о которомъ впервые упоминается въ документъ 1306 г. ⁵⁾. Въ 1313 г. мы читаемъ имена вице-канцлера Дуранте Пеколли, прокуратора Гуго de Montebuxerio, прокуратора Вильгельма Мартини, ординарныхъ профессоровъ Аумо de Maseriis, Варооломея изъ Люнеля, Бернгарда de Bonahora, Гвидо de Jaurens, Вильгельма Brocha или Collumbi, который упоминался уже выше, Іоанна Massoni, Іордана de Turge, Петра de Capitestagno ⁶⁾ и Понція de Trellia ⁷⁾. Въ литературѣ изъ нихъ

It(em) 1425 sexta s(abbate) post p(ro)copii d(omi)na ducissa peperit filium ho(r)a noctis q(uas)i(?) 12(ma) wilhelmus (sic!)

Другая Лейпцигская рукопись 1183 f. 208 col.³ называется еще магистра Оадеа изъ Париза, время и обстоятельства жизни котораго мнѣ неизвѣстны.

¹⁾ О немъ будетъ рѣчь по поводу Бернгарда Гурдопскаго.

²⁾ Les Statuts etc. № 909. Этотъ документъ относится къ 1306, а не къ 1307-му году, такъ какъ по прежнему лѣтосчисленію годъ начинался съ 1-го сентября. Подобныя ошибки встрѣчаются у Фурнье и въ другихъ мѣстахъ, на что, впрочемъ, и раше уже указывалъ *Dringfle* (*Les Universités françaises au moyen âge. Paris 1892, p. 27 sqq.*). Въ соответственныхъ мѣстахъ такія ошибки оговариваются нами отдѣльно.

³⁾ См. ниже.

⁴⁾ *Ranchin*, I. c., p. 8.

⁵⁾ Les Statuts etc. № 908.

⁶⁾ Этотъ Петръ былъ авторомъ какого-то сочиненія, упоминаю о которомъ я нашелъ въ одномъ каталогѣ книгъ отъ 1399 г., но, къ сожалѣнію, заглавіе его труда не указано. Самый каталогъ сохранился въ видѣ записи владѣльца рукописи въ Cod. Monac. 340, v. XIV f. 268: memoria libro(rum) an(no) M. CCC. LXXXIX. P(ri)-[mum] scriptu(m) sup(ra) q(ua)rt(a)nam; It(em) m(a)g(ist)ri nicolasi (!? посрѣднія двѣ буквы не вполнѣ разборчивы); It(em) p(ri)[mum] et q(ua)rtu(m) avic[ennae]; It(em) m(a)g(ist)ro nicolo clen(n)ts (!); It(em) mag(ist)ro pet(ri) de capit(is) stagni (написано, можетъ быть, stigni); mag(ist)ro rodelmo c(ur)a de a(n)i(m)alib(us); scriptu(m) sup(ra) librum amph[orismorum, зачеркнуто и рядомъ написано] pronostico(rum) et scriptu(m) sup(ra) p(ri)[mum] ca[nonem] avic[ennae]; scriptu(m) sup(ra) p(ri)sham fen[ca[nonis] q(ua)rti avic[ennae, зачеркнуто]; libru(m) de a(n)i(m)alib(us) cu(m) collige(t) et a(n)i(m)alib(us) avic[ennae]; p(ri)[mum] et q(artu(m) илѣ quintum? continentis; duos(!) expo(sitio)nes sup(ra) libru(m) amph[orismorum] et scriptu(m) supra Ivacuac[i]onem (sic); перечень становится все менѣе разборчивымъ и продол-

извѣстны только сдѣлавшіеся съ 1319 г. канцлеромъ университета Вильгельмъ изъ Брешии, какъ авторъ сочиненія *Practica*, или *Aggregator Brixienensis* ¹⁾ и трактата о сохраненіи зрѣнія ²⁾, и Иорданъ дель Торре, написавшіи трактатъ о проказѣ ³⁾. Слѣдующій 1320 г. дастъ имена канцлера ⁴⁾ Вильгельма de Biterris и Бертранда Portalis, кромѣ извѣстныхъ изъ предшествовавшихъ документовъ Беригарда de Volanoga и Иордана дель Торре. Отъ Вильгельма de Biterris сохранилась вступительная лекція, которую онъ читалъ, повидимому, студентамъ второго или третьяго курса, переходившимъ отъ теоріи къ практикѣ ⁵⁾. Послѣ него въ 1321 г. канцлеромъ былъ Вильгельмъ Tauberti ⁶⁾. Можетъ быть, ему принадлежитъ *commentum super „de*

жестя до л. 270^v; встрѣчаются указанія на *libru(m) de ingeni(u)!!!*; нѣсколько сочиненій *sup(ra) lib(rum) p(ro)nostico(rum)*, *colliget*, *commenta* и проч.

¹⁾ *Les Statuts* № 914, 915.

²⁾ *Häuser*, l. c. pag. 710. Рукопись въ Мюнстерѣ 733 (17) в. XV f. 23^r—66^v: *Explicit liber secundus practice egregii medicine doctoris m. Wilhelmi de Brixia scriptus et completus anno domini M^o CCC^o feria tertia post festum odulphi per manus odulphi cliuis. (Staender, Chirogr. 161). Въ той же рукописи f. 88^v—121: *explicit liber quartus et vltimus paractice (sic) Reuerendi magistri Guilielmi de placentia quem deus benedicat. Итандеръ считаетъ авторомъ Вильгельма de Saliceto изъ Пьяченцы, но не приводитъ начальныхъ строкъ трактата, такъ что рѣшить этотъ вопросъ, не видѣвъ рукописи, нельзя. Можетъ быть, авторъ этой четвертой книги тотъ же Вильгельмъ изъ Брешии.**

³⁾ *Cod. Erford. Q. 230, fol. 128—140: Consilium de regimine confortationis et conservacionis visus pulchrum secundum magistrum Guilhelmum de Brixia. Quia regimen confortacionis... cum pomis valere ad visum.*

⁴⁾ *Cod. Lips. 1183, fol. 207^v: Incipit tractatus Magistri Jordani de Turre de Lepra. Sed nota quod hic deficit principium quod require in hoc signo; fol. 212^v: Istud est principium tractatus de Lepra Magistri Jordani cuius complementum require in hoc signo (на л. 207^v). Нач.: Cognoscuntur autem leprosi... Кон.: de ea non est multum curandum. Другая рукопись Erf. Ampl. Q. 320, fol. 212^v—217 имѣетъ въ концѣ записъ: *Explicit ordinarius tractatus de lepra. Встрѣчается его имя и въ Эрфуртской рукописи Q. 225, fol. 3^v, о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Regimen magistri Jordani ad curandum epilepticum (!) приводится среди другихъ въ cod. Lips. 1183, fol. 82—96^v.**

⁵⁾ *Ranchin*, l. c., p. 8.

⁶⁾ *Cod. Lips. 1183, fol. 209 col.²: Incipit Informatio q(ua)m fecit M(a)g(iste)r Gwilh(el)u(s) debitaris (!) scolariibus suis. Quia tempus est eundi ad practicam et vos scolares novissimi ut plurimum lucrabam... carissimis amicis sufficiant de q(ua)ntitate me(di)ci(n)u(m). Начало этой лекціи совпадаетъ почти дословно съ анонимной статьёй fol. 179^v col.¹—col.² (того же автора?): *Quia tempus eundi ad practicam appetitis (et) vos scolares novi intraremini... et sic purgabis reliquias.**

⁶⁾ *Ranchin*, l. c., p. 8.

consolatione“ Boethii, гдѣ (отъ 1335 г.) авторъ титулуется лейбъ-медикомъ короля Арагонскаго Альфонса V ¹⁾. Около того же времени живеть и пишеть Герардъ а Solo ²⁾, котораго рукописи часто смѣшиваютъ съ Герардомъ изъ Кремоны или Герардомъ изъ Берра ³⁾. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, преимущественно передѣлокъ арабскихъ оригиналовъ. Рукописи приводятъ слѣдующія его сочиненія: *Receptae quarti canonis* ⁴⁾, *Receptae Noni Almansoris* ⁵⁾,

¹⁾ Cod. Erford. Ampl. F. 250 fol. 25 дистихи: *Hec lectura pctit, quisnam sit lector et uado, No careat tytulim ut peregrina suis: Hic est Guilhelmus, medicine sorte magister, Regis Aragoniae (!) de dicione fuit. Completa Mon. (= Montepessulano? S-hum, ad loc.) a. D. M^o CCC^o XXXV° post Reminiscere feria.*

²⁾ *Pugel*, l. c. 695. *Häser* 689. *Ковнеръ* 340. *Leclerc* II, 399, 431 п пр.

³⁾ *Bututus, Bertutus, Berturiens(is)?, Victuriensis* (послѣднее у *Renzi*, *Collectio V*, p. 118). Этого Герарда отождествляютъ иногда съ болонскимъ медикомъ *Bertuccio* (*Häser*, 745), хотя Ренци (t. I, p. 282 sq.) говорить о немъ: *L'ultimo è men cognito di questo, e si vuole più antico, ed è ancora opinione di alcuni che sia anch'egli di Montpellier*. Ма ciò è una pura supposizione — и притомъ догадка нейтрная. Наконецъ, въ Мюнстерской рукописи 131 (323) находятся еще f. 56^r—88^r *commentarii in Aristotelis libros de caelo et mundo, de generatione et corruptione, meteorologicorum nѣкоего magistri gerherdi de Monte, въ которомъ Штендеръ (Catal. p. 30) видитъ Герарда Terstegen de monte Domini; ср. такое же обозначеніе въ другой Мюнстерской рукописи 12 (142) in fol. praefixo: Conradus schello patruus Fratris nostri Godescalci de monte (Stuender, *ibid.*, p. 4).*

⁴⁾ Cod. Berol. lat. Fol. 466 fol. 1: *Incipiunt Receptae quarti Canonis compilate a magistro Geraldo de solo montis pessolani doctore Eximio valde. Нач: Primo et principaliter incipit cura febris effimere secundum modum universalem et illa patet in textu; secundo ponit curam febris effimere in speciali etc.; fol. 9 col^r: Expliciuunt Recepte istius quarti Canonis. Erford. Q. 225 fol. 89^v—106. Конецъ: semper iterando omni die. Expl. collectorium 4-i canonis. Q. 222 fol. 103—106^v: *Iste sunt regule a magistro G[erardo] de Solo super 2. fen 4-i canonis [Avicennae] a. D. M^o CCC^o XXXIX°. Нач: Ad provocandum sompnium in effimera... Кон... quod mingebat in lecto. Expl.**

⁵⁾ Lips. 1184 fol. 6 col^r (безъ заглавія)—31^v. Berol. F. 466 fol. 52 col^r: *Incipiunt Recepte Noni Almansoris edite a magistro Geraldo de solo in studio Montis pessulani (=pti). Нач: In dolore capitis... fol. 78 col^r: Expliciuunt Recepte Noni Almansoris edite seu compilate a Magistro Geraldo de Solo in proclaro studio montis pessolani. Deo laus per omnia secula. Извлеченія отсюда въ cod. Lips. 1184 fol. 5 col.³—6; изъ другихъ сочиненій Erford. F. 240 fol. 241—249; Q. 225 fol. 85^v—88^v. Прочія извлеченія изъ рукописей: cod. Erford. F. 236 fol. 230: *Practica Gyraldi de Solo super IX Almansoris. Locus qui speculatoribus aptior... Кон. fol. 305: capitulo de paralisi et sic est finis. Explicit expositio Gerald de Solo super nonum Almansoris a. D. M^o CCC^o LX° in vigilia boate Marie Magdalino in Monte pessulano scripta etc.; Q. 225 fol. 4^v: *Incipit lectura mag. Giroidi de S. etc. De dolore capitis ex habundancia sanguinis. Rasis dicit: quando rubedo... fol. 65: ex unguentis dictis in***

Tractatus de febris 1), Ingenia curacionis morborum 2), Introductorium iuvenum 3), Tractatus de gradibus 4), De situ spiritus 5), Антидотарій 6) и De modo et ordine medendi 7). Въ одной рукописи есть его же Regimen 8). Въ это время канцлеромъ университета были въ 1328 году

capitulo de paralisi, donec sanetur. Ранній еврейскій сокращенный перевод практики (in nomine Almanzor) принадлежит Аврааму Абигедору изъ Монпелье (около середины XIV в., такъ какъ одна изъ рукописей помѣчена 1395 г.). Рукописи въ Мюнхенѣ 296, библ. Фляша 44, Мортары 50, Штойншюйдера 31. См. его Hebr. Uebers. 794.

1) Cod. Berol. F. 466 fol. 48. col. 2: Incipit Tractatus Gerald de Solo de febris Har.: Colera vel putrescit extra vasa... fol. 52 col. 2: Explicit Tractatus Gerald de Solo de febris, deo sit gratiarum actio. Erford. Q. 222 fol. 181—191v ком.: mollificat et hec de clisteribus dicta sufficiant... Expl. ordinatio februm edita per m. G. de S. supra quartum canonis Avicennae.

2) Cod. Lips. 1161 fol. 108: Ingenia curacionis morborum. Нач.: Primum est quod sumitur... fol. 110 col. 2: Haec omnia custodi bene [...] facta sunt in motis (sic!) pessolano a magistro geraldo de solo. Explicunt ingenia Curacionis de solo.

3) Introductorium iuvenum. Karissimis (sibi) filiis, amicis et dominis tot salutes et amores, quot Virgo beata coluit. ...Dicto de regimine curacionis. Рукописи въ Берлинѣ F. 466 fol. 110 col. 2—124 col. 2 Erford. Q. 225 fol. 106—120.

4) Коснеръ, р. 350.

5) Cod. Erford. F. 270 fol. 76v—78v: Gerald de Solo determinatio de situ spiritus. Prima determinatio. Querebatur, utrum spiritus sint in arteriis, venis et nervis... magis principaliter illa patitur ideo in oppositum eius concessus. Explicunt due determinationes magistri G. de S. in med. Montispezzulani.

6) Cod. Erford. F. 236 fol. 305—307: Inc. antidotarius oportunitatis pro viatico utilissimus magistri Gheraldi. Digestium (!) materie in passionibus... et est corrosivum. Explicit practica magistri Gerald de Solo. Этотъ антидотарій, такимъ образомъ, составляетъ часть комментарія къ 9-ой книгѣ Павеса.

7) Cod. Erford. F. 288 fol. 46v—52: Hic incipit summa Gyraldi de modo tractandi et ordine, quando corpus purgandum sit et quomodo et hoc in speciali de singulis partibus corporis et primo de capite. De sanguinea habitudine capitis. Repletio capitis... fricentur et inde nervi humectentur. Однородное сочинение, принимаемое Герарду Кремонскому, мы находимъ въ Кембриджской рукописи St. Peter № 139 (213) fol. 109: Inc. summa m. Gerald Cremonensis de modo medendi et ordine quo corpus sit purgandum. Нач.: Cum omnis sciencia... обрывается fol. 116v на словахъ non sunt usus adeo.

8) Cod. Erford. Q. 225 fol. 3v: Regimen quod dictaverunt 4-or magistri in medicina in monte pessolano scilicet magister Jordanus de turro, magister Rymundus de molleriis cancellarius et magister G(uilclmus?) marcerii pro domino episcopo s(an)(t)i pauli, qui erat dispositus ad paralysim et colicam passionem. Cum, reverendissime domine, regimen in generali stet... Раймундъ былъ канцлеромъ въ 1335 г. (Les Statuts, № 943). Въ 1334 г. канцлеромъ былъ Яковъ de Margilia. Слѣдующій известный намъ канцлеръ былъ Бернгардъ de Colonis въ 1360 г. (Ranchin, l. c. p. 8).

Яковъ Egidii, а 1334 г. Яковъ изъ Марсели ¹⁾, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Яковомъ бенъ Махиромъ изъ Марсели (Профатіемъ), о которомъ говорилось выше. Iacobus de Marcilia былъ современникомъ Stephani Arnaldi, автора Діетарія ²⁾. Въ слѣдующемъ году, и еще въ 1338 г. канцлеромъ былъ учитель Гюн де Шоліака и Джона Ардерна, только что упомянутый Раймундъ des Molières, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Раймундомъ, деканомъ университета. Послѣдній именуется также Raymundus Chalmelli. Время жизни послѣдняго, какъ показываютъ записи въ рукописяхъ и документы университета, падаетъ на конецъ XIV вѣка ³⁾. Отъ Раймунда de Molegii, кромѣ упомянутаго выше Regimen quatuor magistrorum, дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ найденное мною и лишь недавно еще изданное отчасти Арльтомъ, отчасти Пагелемъ ⁴⁾ по одной, впрочемъ,

Слѣдовательно, статья эта написана между 1335 и 1360 гг. Такъ какъ Guilelmus Marcerii уже давно умеръ (см. выше), то здѣсь были, вѣроятно, использованы его сочиненія.

¹⁾ Ranchin, p. 8.

²⁾ Ranchin, p. 8. Cod. Lips. 1183, fol. 2 col. 7: Incipit dietarium M. Stephani Arnaldi. Domine trivie fuit vestre postulacionis hec summa... fol. 22, col. 4: Explicit Dietarium editum A venerabili Magistro Stephano Arnaldi tempore sui obitus repentini in praeclaro studio Montis pessulano (!). Годъ смерти его неизвѣстенъ, въ актахъ онъ не упоминается, у Раншена, Apollinare Sacrum, p. 8, онъ помѣщенъ между 1334 и 1338 гг.

³⁾ Cod. Lips. 1319, fol. 1 (позднѣйшей рукой): Raymundus de peste. Начало fol. 1, col. 2: Deum posco auxiliatorem... Конецъ fol. 34, col. 4: Conpositum per me raymundum chalmelli magistrum In artibus et In Medicina et medicum domini nostri pape et domini mei cardinalis albanensis In aninona Anno domini 1382° completus. In festo beate luce virginis et martiris. Explicit tractatus de pestilencia raymundi doctoris Medicine praeclare (sic!) studii montis pessulani (!) etc. То же въ cod. Lips. 1178, fol. 79, col. 3. Третья рукопись, повидимому, въ Парижѣ (Catal. génor. des Mss. des Bibl. publ. de France, Paris, Bibl. de l'arsenal, t. II, Paris 1886, № 3174, fol. 69): Hoc est remedium contra aeris corrupcionem vel epidemiam per [Raymundum?] decanum medicorum Montis pessulani compilatum. Копіеръ I. c., p. 402. Въ 1393 и 1394 гг. сынъ (?) его былъ студентомъ на юридическомъ факультетѣ въ Ливиньонѣ (Les Statuts etc., № 1269, p. 341, № 1270, p. 354).

⁴⁾ Arlt, Neuer Beitrag z. Gesch. der medic. Schule v. Montpellier, Berlin 1902; Pagel въ Janus Oct. 1903. Handbuch *Путьжана*, I, 687. Пользуюсь случаемъ исправить погрѣшность Арльта, которой онъ обязанъ мнѣ. Среди рукописей обонхъ только что упомянутыхъ Раймундовъ, которыхъ онъ почему-то отождествляетъ, упомянута имъ рукопись 9519 Вѣнской библиотеки. До личнаго знакомства съ этой рукописью, я считалъ ее тождественной съ cod. Berol. 466, Lips. 1183, 1178, Paris. 6957, обманутый си заглавіемъ Liber de Consilio, о чемъ и сообщалъ д-ру Пагелю. Позже я увѣдо-

Берлинской рукописи, безъ сличенія остальныхъ, сочиненіе по гинекологіи de sterilitate или de impedimentis conceptionis ¹⁾). Можетъ быть, этому же Раймунду слѣдуетъ приписать нѣкоторыя сочиненія по алхиміи, ходящія подъ именемъ Раймунда Лулія, однако писанныя въ Монпелье и вышущенныя въ свѣтъ въ тридцатыхъ годахъ XIV в. ²⁾).

Изъ анонимныхъ произведеній, вышедшихъ изъ школы въ Монпелье, прежде всего останавливаютъ наше вниманіе Quaestiones magistrorum Montis Pessulani super physicam въ одной изъ Дрездонскихъ рукописей D^b 91. Разсматривая внимательнѣе содержаніе этого сочиненія, я пришелъ къ тому результату, что эти Quaestiones представляютъ собою неумѣлую и неискусную компіляцію, состоящую, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ разнородныхъ элементовъ.

На лл. 21^a col.¹—46^b col.² идутъ собственно Quaestiones, которыя составлены были, повидимому, еще въ XIII вѣкѣ. Съ 46-го листа изложеніе мѣняетъ свой характеръ: вмѣсто вопросовъ и отвѣтовъ начинаются совѣты и рецепты. Эта часть принадлежитъ компілятору, какъ показываютъ слова fol. 47^a, col.²: *audivi a lectore [fratrum] minorum in monte pessolano*.

На л. 57^b col. ¹ начинается присоединенная въ видѣ заключенія (?) статья объ астрономіи согласно Птоломею. Запись сдѣлана rubro. Въ концѣ ея f. 61^a col. ¹ прибавлена Quaestio a iudeo in monte pessolano (sic!) facta. На оборотной сторонѣ листа col. ² rubro запись Expli-

милъ д-ра Пагели, что эта рукопись не медицинскаго содержанія и ничего общаго съ трактатами de sterilitate и de pestilentia не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе, ошибка осталась неисправленной, да еще Арльтъ увеличилъ ее, смѣшавъ обоихъ Раймундовъ. Кстати, укажу еще, что Arlt считаетъ Die Lesart Moleriis за unbedingt ein Schreibfehler. Должны замѣтить, что такое чтеніе находится у Раншена, почему Арльтъ долженъ бы былъ выразиться точнѣе unbedingt ein Druckfehler. Сообщая это чтеніе, я не указалъ, откуда я его заимствовалъ.

¹⁾ Cod. Berol. 466, fol. 9, col. ²: Incipit Tractatus de Impedimentis conceptionis Magistri Raymundi. Verbum sapientis est.. fol. 15, col. ²: Explicit Liber de sterilitate editus a magistro Raymundo De Moleriis. Cod. Lips. 1183, fol. 67, col. ¹: Incipit tractatus de impraegnantibus magistri Raymundi de Molleris cancell(arii) moncis (!) pessul(ani). Monac. 272, fol. 244 безъ заглавія rubro: Incipiunt quedam (con)silia de secretis mulierum etc. Sapientis verbum est... fol. 245: et iniciatur etc. Въ каталогѣ эта статья обозначена подъ именемъ Magistri de Molenis (sic!). Cod. Paris. 6957, 7 содержитъ тотъ же трактатъ. Двѣ рукописи хранятся въ Дюфуртѣ F. 236, f. 65^v—66^v и Q. 222, fol. 159—161^v.

²⁾ См. *Hauréau*, Hist. litt. de la Fr. XXIX, 280 слл.

ciunt secreta astronomic (sic!) et Q(uae)stion(um) magistro(rum) montis pesselani (sic!) cum eo(rum) secretis. Въ первой части сочиненія, въ вопросахъ и отвѣтахъ цитируются лишь вѣчные авторитеты схоластики Исаакъ, Авиценна, Ювиницій, Гали (т. е. Alibben el Abbas), Аристотель, Галенъ, Теофилъ, Филаретъ, Астуарій, Эгидій, Algafrédus (Эль-Фергани или Walafridus Strabus ? ¹⁾). Последнее имя варьируется различнымъ образомъ: Algafrédus, Algaferdus, Alfagredus, Alfragredus. Вторая часть, позднѣйшая, называетъ магистра Варооломея, Бернгарда Калькаделли, Вальтера (Galterus), Альгаселя, Альбумазара, Альберта Великаго, Альфрагана (Эль-Фергани), Алана, Константина. Кромѣ того, цитируются Avrocoles, Tullius, Платонъ, Аристотель, Сенека, Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Птоломей, Авиценна, Аверроэсъ, Бозтій, Августинъ, Амвросій, Пророкъ (Propheta; едва-ли Profacius ²⁾, Императоръ Фридрихъ (Гогенштауфенъ). Для датировки этой второй части особое значеніе имѣетъ упоминаніе Петра Helie изъ Монпелье (fol 55^b col¹), который встрѣчается въ актѣ 1391 года ³⁾. Этотъ годъ—terminus non ante quem. Въ другомъ мѣстѣ цитируется magister Johannis Stephani (fol. 51^b col².) и немного ранѣе говорится объ одномъ изъ его онытовъ, которому онъ научилъ автора. Быть можетъ, этотъ Юаннъ—тотъ самый, который былъ деканомъ факультета, какъ показываетъ одна записъ въ Лейпцигской рукописи № 1183 ⁴⁾. Другой современникъ автора, какой-то Ансельмъ, сообщившій ему Empl(astru)m contra arthriticam mag(ist)ri Galtheri quod dedit domino de franginstein (fol. 52^a col¹). Такимъ образомъ, время составленія этой второй части падаетъ, по-

¹⁾ *Steinschneider*, Hebr. Ueb. 554 сл.

²⁾ Ср. выше: Don Prophet Tibbon. Скорѣе слѣдуетъ припомнить записъ въ рукописяхъ Антидогарія Николая по поводу речеута, приписываемаго Prophetae doctori Esdras: Kadra dicitur quia Esdra propheta in babyloia in exilio positus eam prim[us] invenit (изд. Venet. 1549 f. 210^b).

³⁾ Les Statuts etc. № 1041 p. 157. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Петромъ Heliae de Riga, авторомъ многочисленныхъ грамматическихъ сочиненій. См. *Schum* Beschreibung. Verzeichniss d. Amplon. Handschriften-Samml. Berlin 1887. Index v. v. Heliae. S. 896.

⁴⁾ Fol. 126^a col. 2: incipiunt doses magistri Johannis Stephani. Нач.: Nec est ars medicinarum... fol 126^b col. 2: Sufficiunt de quantitate laxationis medicinarum secundum Johannem Stephani de monte pessulano decani (читай decanum) studii eiusdem loci. Въ одномъ изъ актовъ есть упоминаніе объ Johannes Stephani годъ 1471 г. (№ 1173), но о тождествѣ этихъ лицъ думать нельзя, такъ какъ рукописи сочиненій Юанна въ большинствѣ случаевъ не моложе XIV в. См. codd. Erford. F. 236, F. 271, Q. 185, Q. 395.

видимому, на первую половину XV-го в. Кто былъ этотъ авторъ, сказать трудно, хотя на л. 83^b col. 2 мы находимъ на послѣднемъ мѣстѣ рукописи *Empl(astru)m...probatum a me ipso millo de gamundia*. Отожествить автора съ этимъ Millus очень соблазнительно ¹⁾.

Къ XIV в. относится анонимная *Practica nova* (1337 г.) ²⁾ и *liber de arboribus, herbis, plantis*, иначе *compendium aureum* ³⁾. Изъ Монпелье же происходитъ, повидимому, *Cura tinnitus aurium*, въ которой упоминается въ качествѣ цѣлебнаго средства *vinum Montispeessulani* ⁴⁾, но время этой статьи опредѣлить трудно. Рукопись писана въ 1434-мъ году ⁵⁾. XIV-му вѣку, вѣроятно, принадлежитъ и *liber medicinalis compendii per magistros in Monte Pessulano collaudatus* ⁶⁾.

А. Бенштрель.

¹⁾ Cod. Lips. 1183 fol. 71^a: *Practica nova edita in praeclearo studio Montispeessulani. Anno domini 1337. Нач.: Xpi filii dei... Кон. fol. 77^a col. 1: Epithima ponitur circa membrum. Explicit.*

²⁾ *Haureau* (Hist. litt. XXIX, 388) упоминаетъ имяца Jean'a Millet въ 1553 г., котораго нельзя, повидимому, отождествлять съ нашимъ Millo, не смотря на нѣкоторое сходство именъ.

³⁾ Cod. Lips. 1183 fol. 205^b col. 2: *Incipit liber de [arboribus] herbis plantis appropriatis inventis... in monumento p[raeclar]e reg[inae?] Kirani. Нач.: [P]lancius affricus discipulus... Кон. fol. 206^b col. 2: et sicut laudabilem. Explicit compendium aureum scriptum in monte pessulano.*

⁴⁾ Cod. Lips. 1192 fol. 146^b col. 2—147^a col. 1.

⁵⁾ *Ibid.* fol. 145^d col. 2: *Anno d[omi]ni M^o CCC^o XXXIII° In vigilia assumptionis beate marie virginis etc. (15-го августа).*

⁶⁾ *Henschel*, *Synopsis chronol. scriptorum medii aevi medicorum ac physicorum quae codicibus bibliothecarum Vratislaviensium continentur. Vratisl. 1847 col. 10 № 142.*

АБАКЪ И БОЭЦІИ ¹⁾.

ГЛАВА III.

Доказательства подложности геометріи Боэція.

Архитъ—замаскированный Гербертъ.

Итакъ, точное доказательство подложности двухъ книжной геометріи Боэція, и притомъ всей геометріи, а не однихъ только отдѣловъ объ абакѣ, я намѣренъ построить на сближеніи Боэція съ Гербертомъ и даже, если хотите, не съ однимъ, а съ цѣлыми двумя Гербертами. Одинъ изъ нихъ настоящій Гербертъ,—другой Гербертъ столь же мало настоящій, какъ не настоящъ и тотъ Боэцій, который написалъ нашу геометрію.

Отдѣлы объ абакѣ въ геометріи, приписываемой Боэцію, составляютъ лишь незначительныя приложенія къ концамъ I и II книги. Остальное все сочиненіе имѣетъ чисто геометрической характеръ. Но интересовались-то до сихъ поръ, главнымъ образомъ, именно отдѣлами объ абакѣ, какъ имѣющими капитальное значеніе въ исторіи арифметики. Геометрическая часть сочиненія, т. е. почти все оно, особеннаго интереса не представляетъ. Что тутъ особеннаго въ томъ, что въ первой книгѣ мы находимъ переводъ, сильно сокращенный, но буквальный, четырехъ первыхъ книгъ Евклида. Авторство Евклида подчеркивается самимъ авторомъ геометріи, и для его установленія не нужно было никакихъ особыхъ критическихъ изслѣдованій, а потому, когда обратили вниманіе на эту часть геометріи Боэція, то и не замедлили убѣдиться, что это очень древній переводъ Евклида ¹⁾, пред-

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую кнѣжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

²⁾ Уже *Weissenborn*, *Die Boethius Frage, Abhandlungen zur Gesch. der Math.*, 2. Heft, Leipzig 1879, pp. 234, 235 приписываетъ этотъ переводъ времени римскихъ

ставляющій собою, добавлю я отъ себя, дѣйствительно эксцерптъ изъ перевода Евклида настоящимъ Боэціемъ ²⁾). Знакомство съ геометрическимъ сочиненіемъ Эпафродита и Витрувія Руфа, а также съ сочиненіемъ, приписываемымъ Марку Юнію Нипсу, а на самомъ дѣлѣ ему, какъ я показалъ ³⁾, непринадлежащимъ, но тоже очень древнимъ, позволило уже Лахману и еще того подробнѣе Кантору установить фактъ близкаго сходства практическихъ задачъ по геометріи, наполняющихъ вторую книгу нашего Боэція, съ этими сочиненіями ⁴⁾. При трехъ изъ нихъ нашъ Боэцій ⁵⁾ ссылается на Архита. Конечно, такого произведенія Архита, въ которомъ находились бы эти три задачи (и остальные, взятая, очевидно, изъ того же источника), до насъ не дошло, но это еще не мѣшало бы Архиту быть авторомъ какого-нибудь произведенія, въ которомъ эти задачи могли находиться. Эпафродитъ и Витрувій Руфъ могли пользоваться этимъ со-

землемѣровъ, значить не позже V в. послѣ Р. Хр., но не Боэцію. — *Heiberg* въ 1882 году, *Litterargeschichtliche Studien über Euklid*, Leipzig, p. 217 готовъ еще приписывать этотъ переводъ Боэцію; потомъ въ 1884, *Philologus* t. XI, *Jahresberichte, griechische und römische Mathematik*, pp. 518, 519 его начинаетъ брать сомнѣніе, но переводъ онъ все-таки продолжаетъ считать sehr alt; затѣмъ въ 1890 г. онъ, *Zeitschrift für Math. und Phys.* t. XXXV, *Hist. Litter. Abth., Beiträge zur Geschichte der Mathematik im Mittelalter*, p. 55 уже считаетъ авторство Боэція очень сомнительнымъ.

²⁾ Основаніемъ для сомнѣній въ авторствѣ Боэція для Вейссенборна и Гейберга является отлчіе цитатъ изъ Евклида, приводимыхъ Боэціемъ въ его подлинныхъ сочиненіяхъ, и его геометрической терминологіи отъ цитатъ и терминологіи перевода такъ называемой геометріи Боэція въ двухъ книгахъ, но Гейбергъ самъ признается (*Philol.* XIII), что эти отлчія не являются рѣшающими. Въ пользу авторства Боэція возможно привести другія соображенія, до меня не приводившіяся и, по моему мнѣнію, болѣе рѣшающія. Въ своихъ подлинныхъ сочиненіяхъ Боэцій могъ цитировать Евклида не по своему переводу, а брать эти цитаты готовыми изъ тѣхъ сочиненій, которыми онъ пользовался въ своихъ философскихъ работахъ.

³⁾ *Gebr. Opp. Math.*, pp. 409, 421, 428, 449. Полное описаніе рукописей этого воображаемаго Нипса дано мною *ibid.*, pp. 441—459.

⁴⁾ *Lachmann*, Ueber die dem Boethius zugeschriebenen agrimensoren Stücke. см. *Die Schriften der röm. Feldmesser*, t. II, 1852, p. 90 говоритъ о второй книгѣ: „ob das gesamte zweite Buch de podizmis dem Boethius gehört: es ist wenigstens ganz aus Schriften von Feldmesser gezogen. Da es indessen mit Nipsus und den übrigen nicht wörtlich übereinstimmt habe Ich mich enthalten unsere Sammlung mit diesem für uns wenig wichtigen Buche zu beschweren“. — *Cantor*, *Die röm. Agrimensoren*, Leipzig, 1875, p. 131: „Nipsus und Epaphroditus begrüßen uns aus einer Reihe von Aufgaben, nur umhüllt von der schwülstigeren Sprache des VI S., aber meistens mit den alten Zahlen operierend“.

⁵⁾ *Ed. Friedlein*, p. 408, l. 14; p. 412, l. 20; p. 413, l. 22.

чиненіемъ Архита раньше Боэція, и потому сходство его съ ними находится легкое объясненіе. Боэцій ссылается еще на землемѣра Юлія Фронтіна, какъ въ началѣ своей второй книги, такъ и въ концѣ ⁶⁾, что могло производить такое впечатлѣніе, будто бы вся вторая книга взята изъ недомеднаго до насъ сочиненія Фронтіна, и только въ трехъ мѣстахъ матерьялъ далъ Архитъ. Такое заключеніе сдѣлалъ Chasles, и, найдя въ шартрской рукописи произведенія Эпафродита, Витрувія Руфа и пресловутаго Нипса, всѣ три въ аполонимомъ видѣ, думалъ, что написалъ Фронтіна и призналъ его сочиненіе замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ латинской геометрической литературы ⁷⁾. Но это заблужденіе! Ссылка Боэція на другого землемѣра, Агеннія Урбика ⁸⁾, осталась безъ такихъ печальныхъ послѣдствій. Наконецъ, Боэцій ссылается еще на музыку и ариметику Боэція ⁹⁾. Всѣ эти писатели, исключая, разумѣется, самого Боэція, жили раньше Боэція. Ихъ всѣхъ, равно какъ и самого себя, онъ имѣлъ законное право цитировать. Мы запрещаемъ ему лишь знать тѣ произведенія, которыя были написаны послѣ его смерти, а таковыхъ до настоящаго времени обнаружено не было. Итакъ, тутъ все въ порядкѣ, повидимому, по части литературы. Странное самолюбіе автора, воображавшаго, что онъ призванъ разъяснять Евклида, писавшаго будто бы неясно ¹⁰⁾, объясняется тѣмъ, что въ извлеченіи изъ перевода Евклида, которое онъ помѣстилъ въ первой книгѣ, совершенно отсутствуютъ доказательства теоремъ, а даны лишь словесныя формулировки теоремъ и задачъ. Геометрія безъ доказательствъ вещь, конечно, мало ясная. Но удивительно, какъ могъ Боэцій, который по Кассіодорію ¹¹⁾ былъ переводчикомъ Евклида, не знать, что у Евклида были и доказательства. Неужли у него въ рукахъ были лишь греческія извлеченія изъ Евклида безъ доказательствъ, и онъ, какъ истый римлянинъ времени упадка, могъ принять ихъ за подлиннаго Евклида, перевести и преподнестъ своему читателю въ первой книгѣ своего

⁶⁾ Ed. Friedl., p. 402, l. 28; p. 403, l. 1; p. 428, l. 18.

⁷⁾ Chasles, Aperçu historique sur l'origine et le développement des méthodes en géométrie, (1 ed. 1837) 2 ed. Paris, 1875, pp. 457—459. Эта пресловутая шартрская рукопись, надѣлавшая столько шуму въ исторіи геометріи, изслѣдована мною и описана подробно Gerb. Opp. Math., pp. XXV—XXVIII, p. 482.

⁸⁾ Ed. Friedl., p. 428, l. 18.

⁹⁾ Ed. Friedl., p. 390, l. 4; p. 396, l. 5. Cp. Гл. I, пр. 21.

¹⁰⁾ Ed. Friedl., p. 373, l. 22. „Euclidis de artis geometricae figuris obscure prolata—exponenda et lucidiore aditu expolienda suscepti“.

¹¹⁾ De artibus ac disciplinis liberalium litterarum, Migne t. 70, col. 1213.

труда? Еще болѣе удивительнымъ является та беззащитность, съ которой авторъ, опять жалуюсь на неясность Евклида, даетъ отъ своего имени доказательство первыхъ трехъ теоремъ первой книги Евклида, которыя, по провѣркѣ, оказываются буквальныймъ переводомъ изъ Евклида ¹²⁾. Тутъ, очевидно, съ римляниномъ времямъ усадка произошло какое-то недоразумѣніе литературнаго свойства вопли въ духъ его времени. Вопли въ духъ такого римлянина и тѣ геометрическія нелѣпицы, которыя онъ преподноситъ своему читателю, особенно во второй книгѣ, и изумительная формулировка теоремъ въ переводѣ Евклида на новый ладъ. Напримеръ, Евклидовское „вписать въ данный кругъ треугольникъ“ обращается въ „иногда необходимо вписать въ данный кругъ треугольникъ“ ¹³⁾, а Евклидовское „въ данный кругъ вписать квадратъ“ принимаетъ курьезный видъ „полезно въ данный кругъ вписать квадратъ“ ¹⁴⁾ и т. п. Замѣтимъ, что эти украсившія текстъ Евклида риторическія фіоритуры принадлежатъ, несомнѣнно, нашему автору, такъ какъ тотъ же переводъ Евклида стоитъ и въ пятикнижной геометріи Боэціи, точно мной описанной и отличенной отъ смѣшиваемой часто съ ней двухкнижной геометріей, разсматриваемой въ настоящее время нами, по еще, слава Богу, безъ подобныхъ отсбятинъ ¹⁵⁾. На все это не обращалось долгое время вниманія, да даже когда и стали со второй половины XIX вѣка изучать повнимательнѣе геометрическую часть двухкнижнаго дѣтница Боэціи и сомнѣваться въ его подлинности, то все же общеобязательнаго доказательства ея подложности представлено не было. Оно было бы затруднительно уже въ виду того, что отличіе и индивидуальность пятикнижной и двухкнижной геометріи Боэціи установлены не были. Поэтому разсужденіе Нибура ¹⁶⁾, въ его римской исторіи, Блюме ¹⁷⁾ и Лахмана ¹⁸⁾ во второмъ томѣ рим-

¹²⁾ Ed. *Friedl.*, pp. 389—392.

¹³⁾ Ed. *Fr.*, p. 389, l. 1: „Intra datum circulum triangulum interdum designare necesse est“.

¹⁴⁾ Ed. *Fr.*, p. 38, l. 3: „Intra datum circulum quadratum aliquando describere utile est“.

¹⁵⁾ См. описаніе пятикнижной геометріи Gerb. *Opp. Math.*, pp. 182—188. Текстъ перевода Евклида, образующій третью и четвертую книгу этой геометріи, обозначенъ мною буквами Мс и сопоставленъ съ текстомъ этого же перевода въ двухкнижной геометріи Боэціи—Мсг въ Gerb. *Opp. Math.*, pp. 167—174. Приведенные примѣры см. p. 174, ll. 4, 5.

¹⁶⁾ *Röm. Gesch.* II, 1 *Ausg.*, p. 555.

¹⁷⁾ *Die Handschriften des Pseudoboethius*, *Röm. Feldmesser*, II, pp. 64—75.

скихъ землемѣровъ, при весьма важныхъ нѣкоторыхъ намекахъ, страдаютъ отсутствіемъ опредѣленности и нерѣшительностью. Ихъ описаніе рукописей не свободно отъ ошибокъ, и, хотя и Блюме и Лахманъ и договариваются до сомнѣнія, писалъ ли Боэцій вообще собственную геометрію, что, впрочемъ, не мѣшаетъ Лахману допускать принадлежность двухкнижной геометріи нѣсколькими страницами выше ¹⁹⁾ Боэцію,—однако Фридлейнъ ²⁰⁾ напрасно считаетъ дѣло о геометрической части этого сочиненія поконченнымъ и за собой признаетъ лишь обязанность разсматривать его отдѣлы объ абакаѣ. Съ пятикнижной геометріей Боэція Блюме и Лахманъ справлялись довольно легко; еще бы издателямъ землемѣровъ не усмотрѣть, что это плохой *mixtum compositum* изъ землемѣровъ и даже, какъ имъ вѣрно казалось, отчасти и изъ Исидора ²¹⁾, жившаго послѣ Боэція. Они автора ся готовы были отодвигать до времени Герберта ²²⁾. Труднѣе дѣло обстоитъ съ двухкнижной. Одно присутствіе здѣсь извлеченій изъ землемѣровъ еще ничего не доказываетъ. Почему бы Боэцію я не дѣлать подобныхъ извлеченій и почему бы ему не отражать на себѣ чисто землемѣрнаго, ненаучнаго характера, который геометрія припла къ его времени въ сборникъ землемѣровъ? Сочиненія землемѣровъ и ихъ сборники, конечно, старше Боэція, а сборникъ, копіи котораго представлены нашими рукописями, даже въ его время и возникалъ-то. Внимательно въсѣхъ всей геометрической частью двухкнижнаго дѣтница Боэція змлялся Вейсенборнъ ²³⁾, но главное, что ему удалось доказать, именно невѣжественность Боэція въ геометрію и нѣкоторая неточность его терминологіи, показываютъ только, что онъ былъ въ геометрическомъ отношеніи дѣтя своего времени. Правда, Гейбергъ ²⁴⁾ попытался изъ другихъ подлинныхъ сочиненій Боэція показать, что онъ въ геометрію гораздо болѣе смыслилъ, чѣмъ авторъ двухкнижной геометріи Боэція, но вѣдь въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ, гдѣ Боэцій приводитъ разные при-

¹⁹⁾ Ueber die dem Boethius zugeschriebenen agrimensurischen Stücke, *ibid.*, pp. 79—96.

²⁰⁾ *Ibid.*, p. 90.

²¹⁾ *Friedlein*, Gerbert, die Geometrie des Boethius und die indischen Ziffern, pp. 12, 13.

²²⁾ *Röm. Feldm.* II, pp. 66, 92.

²³⁾ *Ibid.*, p. 66.

²⁴⁾ См. выше прим. 1.

²⁵⁾ *Philologus* t. XIII. см. выше прим. 1.

мѣры изъ геометрической области, онъ могъ пользоваться уже готовыми сопоставленіями своихъ греческихъ предшественниковъ и переводить ихъ. Однимъ словомъ, всѣ эти вѣрныя чутьемъ руководимыя сомнѣнія дѣла окончательно не рѣшали, и Altmeister исторіи ариометики, Канторъ, во второмъ изданіи своихъ Vorlesungen, хотя и сбавилъ сравнительно съ первымъ изданіемъ увѣренности ²⁵⁾, но не рѣшается видѣть здѣсь подлогъ. Правда, Кантору это очень трудно сдѣлать. Въ его сочиненіяхъ ²⁶⁾ не мало утверженій очень важныхъ, даже цѣлыя главы, покоятся на увѣренности, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ Воэціемъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ рецензій ²⁷⁾ на мой Gerberti Opera Mathematica Канторъ встрѣтилъ и мои доказательства подложности геометріи Воэція съ безопасной сдержанностью: „Мѣсто съ абакомъ въ такъ называемой геометріи Воэція, говоритъ онъ, должно считаться работой фальсификатора XI вѣка. Особенно же имя Архитъ написано въ сознательномъ подлогѣ вмѣсто Герберта. Наши читатели видятъ, что по отношенію къ такимъ утвержденіямъ съ окончательнымъ согласіемъ или отклоненіемъ нельзя быть достаточно осторожнымъ“. Plus royaliste que le roi, Куртце ²⁸⁾ еще рѣшительнѣе Кантора выступаетъ въ своемъ отзывѣ противъ доказательства подложности геометріи Воэція. Отзывъ этотъ написалъ какъ бы подъ влияніемъ чувства обиды и недовольства. Чѣмъ иначе объяснить, что Куртце считаетъ нужнымъ подчеркнуть въ немъ нѣсколько разъ свою компетентность въ вопросахъ исторіи математики? Кто же въ ней сомнѣвался? Во всякомъ случаѣ, не я, хотя я и выступалъ противъ него въ нѣкоторыхъ вопросахъ критики текста ²⁹⁾. Вотъ въ томъ, чтобы Куртце стоялъ au courant со способомъ изданія возстановляемыхъ по рукописямъ текстовъ, я себѣ позволю усумниться: иначе онъ, разумѣется, не находилъ бы мой способъ изданія текстовъ, т. е. ссылки на варианты буквами надъ текстомъ, а не числомъ, обозначающимъ строку, къ которой относится вариантъ. Къ чему иначе считать строки, спрашиваетъ онъ съ большой убѣжденностью, которая, конечно, поубавилась бы, если бы онъ взялъ въ руки каноническое въ этомъ отно-

²⁵⁾ Vorlesungen üb. die Gesch. d. Math., 2 Aufg., pp. 533—550.

²⁶⁾ Кроме Vorlesungen см. его Die Röm. Agrimensoren и особенно Mathematische Beiträge.

²⁷⁾ Zeitschr. f. Math., 1900, Heft. 1, p. 13.

²⁸⁾ Deutsche Literaturzeitung, 1900, col. 883—991.

²⁹⁾ См., напр., Gerb. Opp. Math., p. 315, n. 7.

шеніи изданіе своей родины Monumenta Germaniae Historica, гдѣ и счетъ строкъ есть и буквенныя ссылки на варианты. А вѣдь однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ немъ является тотъ самый знаменитый Моммзенъ, котораго Куртце беретъ подъ свою защиту противъ нѣкоторыхъ атакъ моихъ въ отдѣлѣ о рукописяхъ римскихъ землемѣровъ³⁰⁾. Особенно возмущаютъ Куртце именно эти мои замѣчанія относительно взгляда Моммзена на тексты римскихъ землемѣровъ, ихъ подлинность и образование ихъ рукописей, а также моя склонность видѣть всюду подлоги. Помилуйте! Подложный Игипъ (Iuginus), подложный Агепній Урбикъ, подложный Боэцій № 1 въ пяти книгахъ, сфабрикованный въ VII или VIII столѣтіяхъ, недоразумѣнный (созданный недоразумѣніемъ издателей) Маркъ Юній Нипсъ, рядомъ съ нимъ еще и подложный Нипсъ въ двухъ книгахъ, сфабрикованный въ VIII—IX вѣкѣ, два недоразумѣнныхъ (созданныхъ недоразумѣніемъ издателей XVIII и XIX ст.) Герберта и рядомъ съ нимъ нѣсколько подложныхъ (результатъ ошибокъ или подлога ученыхъ XI—XII вв.), ошибочный Фронтинъ и даже нѣсколько ихъ, результатъ ошибокъ въ среднихъ и новыхъ столѣтіяхъ, и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, подложный Боэцій № 2, вмѣстѣ съ которымъ гибнутъ столь нужныя школы Кантора свидѣтельства Боэція объ абакѣ и цифрахъ, но слишкомъ ли это все энергическая чистка авгівскихъ конюшенъ исторіи средневѣковой науки и не воображалъ ли г. самоувѣренный критикъ-санитаръ себя новымъ Геркулесомъ³¹⁾? Не нравится, кромѣ того, г. Куртце и то, что многіе свои выводы я вдругъ подвергаю пересмотру въ седьмомъ приложеніи (о математическихъ сочиненіяхъ въ рукописяхъ римскихъ землемѣровъ) и даже, о ужасъ, уничтожаю ихъ и замѣняю новыми. Въ своемъ изданіи я объяснилъ причины. Изученіе рукописей римскихъ землемѣровъ, о которыхъ я прежде считалъ возможнымъ судить по изслѣдованіямъ Блюме и Лахмана и которыми болѣе внимательно заниматься я не считалъ нужнымъ для моей задачи, увлекло меня въ то время, когда вся остальная работа была уже мной выполнена и напечатана. Изученіе этихъ рукописей дало совершенно неожиданныя результаты, которые изложены въ 7-мъ приложеніи, и, по справедливому замѣчанію Гюнтера³²⁾, требуютъ совершенно отдѣльной отъ всего остального труда оцѣнки, каковой они и до сихъ поръ

³⁰⁾ Gerb. Opp. Math. App. VII passim.

³¹⁾ См. всѣ эти имена въ указателѣ къ Gerb. Opp. Math., гдѣ указаны всѣ сюда относящіяся страницы.

³²⁾ Wochenschrift für Klass. Philol. 1900, № 1, col. 21.

еще, если не ошибаюсь, не дождались. Филологи чужаются ихъ математическаго и спеціально землемѣрнаго содержанія, математики ихъ филологической стороны. Такъ они и сидятъ между двухъ стульевъ! Между тѣмъ мнѣ сдѣлалось совершенно яснымъ, что къ предмету моего изданія рукописи эти имѣютъ такое близкое отношеніе, что безъ нихъ многихъ вопросовъ исторіи средневѣковой науки совсѣмъ и рѣшать-то нельзя! Беззаботность со стороны математиковъ относительно детальнаго выясненія ихъ филиаціи отомщена рядомъ традиционныхъ ошибокъ и напрасныхъ попытокъ разрѣшить многіе надобѣвшіе уже вопросы въ исторіи математики. Я пришелъ къ ряду новыхъ и, какъ мнѣ казалось и кажется еще и до сихъ поръ, твердыхъ выводовъ относительно тѣхъ пунктовъ, о которыхъ возможны были прежде лишь необязательныя догадки. Я долженъ былъ на шесть почти мѣсяцевъ остановить выходъ книги въ свѣтъ, а главное встрѣтился въ этихъ изысканіяхъ не только съ самимъ собой, но и съ гораздо болѣе авторитетными людьми, какъ Моммзенъ, Лахманъ и Блюме, при чемъ мнѣ пришлось иногда со всѣми четырьмя не соглашаться. Это, разумѣется, большое преступленіе. Но что дѣлать. Себѣ я не врагъ, Моммзена, Блюме и Лахмана я большой почитатель, но еще болѣе я люблю истину. Проникнутый этимъ элементарнымъ условіемъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, я настолько былъ далекъ отъ мысли, что оскорбляю своимъ несогласіемъ великаго римскаго историка, что самъ счелъ долгомъ послать ему свое изданіе. И великій историкъ нисколько не обидѣлся. Проникнутое глубокимъ академическимъ спокойствіемъ письмо его ко мнѣ ²³⁾ указываетъ на удивительно

²³⁾ Отъ 25-го сентября 1899: „Sie haben die Güte gehabt mir Ihre Ausgabe der Gerbertiana zuzuschicken, die, so weit sie in die Grammatik eingreift, allerdings für mich von wesentlichem Interesse ist. Eine neue Ausgabe dieser Schriften ist allerdings wünschenswerth; indess kenn ich auf dem Gebiet der lateinischen Literatur kaum eine zweite Aufgabe, die philologisch und geschichtlich so hohe Leistung forderte. Ich hoffe, dass Sie im Lauf der Arbeit dazu gelangen, dann auch Lachmanns unvergleichliche Leistung besser würdigen, den Agennius nicht der domitianischen Zeit zuschreiben und anerkennen werden, dass bei barbarischen Texten die vollständig corrupten der Regel nach älter sind, als die geglätteten. Ihrer ersten Arbeit versage Ich trotz alles dessen die Anerkennung keineswegs. Hochachtungsvoll Mommson“. Надо, впрочемъ, замѣтить, что я еще къ изданію текстовъ римскихъ землемѣровъ и до сихъ поръ не приступалъ, но уже давно имѣю представленіе о трудности изданія римскихъ землемѣровъ. Работу Лахмана я считаю великолѣпной, но и въ ней есть ошибки, съ которыми познакомится читатель въ слѣдующей главѣ. Думаю, что тогда ему станетъ ясно, что изданіе римскихъ землемѣровъ придется

быстрое овладѣніе содержаніемъ 7-го приложенія и именно это приложеніе признаеть серьезной работой. Это олимпійское спокойствіе для меня убѣдительное павоса Куртце, безъ защиты котораго Моммзенъ обошелся, указавъ мнѣ на одну мою ошибку. Агенній Урбикъ (не жилъ во время Домиціана, и приписываемое ему и дошедшее до насъ сочиненіе, написанное плохимъ языкомъ, не есть, слѣдовательно, подлогъ, какъ это утверждалъ я), не есть подлогъ, пишетъ Моммзенъ и высказываетъ увѣренность, что я самъ убѣжусь въ этомъ. И я въ этомъ, дѣйствительно, убѣдился, почему и извиняюсь передъ Лахманомъ и Моммзеномъ. Трактуй лишь, какъ седьмое приложеніе, предметъ, составляющій содержаніе ученѣйшихъ изслѣдованій и изданій, я легко могъ проглядѣть кое что и сдѣлать новѣрное заключеніе. Другихъ заподозрѣнныхъ мною лицъ Моммзенъ не бореть подъ свою защиту, и, хотя уже прошло девять лѣтъ, я остаюсь о нихъ при прежнемъ мнѣніи, а потому и не чувствую потребности извиниться за нихъ передъ г. Куртце. Нѣкоторыхъ изъ недоумѣнныхъ и подложныхъ Гербертовъ я уже представилъ читателю раньше, съ другими подозрительными личностями я познакомлю его дальше. Теперь займемся уличеніемъ другого преступника, который, будучи монахомъ XI вѣка, въ обманныхъ цѣляхъ выдавалъ себя за римскаго сенатора Боэція и жилъ 800 лѣтъ, если и не всегда вполне спокойно, то въ общемъ все-таки довольно благополучно по подложному паспорту. Думается мнѣ, что подложность геометріи Боэція въ двухъ книгахъ будетъ доказана мною самымъ совершеннымъ изъ извѣстныхъ исторіи и филологіи способовъ, а именно простымъ сравненіемъ текстовъ, наложеніемъ ихъ другъ на друга и опредѣленіемъ, такимъ образомъ, двухъ главныхъ источниковъ фальсификатора, которые оба возникли лишь въ концѣ X и началѣ XI вѣка. Эти источники въ своемъ полномъ составѣ и отдѣльной индивидуальности до сихъ поръ извѣстны не были, а являются результатомъ моихъ личныхъ разысканій. Одинъ изъ нихъ восстановленъ мною изъ своихъ разбросанныхъ и изуродованныхъ частей въ моемъ изданіи Gerberti Opera Mathematica въ приложеніи I отдѣлѣ E ²⁴), а подробности о немъ будутъ сказано въ сочиненіи „Абакъ и Арабы“. Это древнѣйшій сборникъ абацистовъ, возникшій въ концѣ X вѣка и заключающій въ себѣ на первомъ

все-таки дѣлать вновь, можетъ быть, отчасти на основаніи критическихъ указаній седьмого приложенія Gerb. Opp. Math.

²⁴) Gerb. Opp. Math., pp. 294—296.

мѣсть сочиненіе настоящаго Герберта. Другой найденъ мною въ реальномъ и цѣломъ видѣ въ одной Неаполитанской рукописи, описать въ седьмомъ приложеніи и есть сильно вывѣтрившійся за вѣка существованія, переработанный согласно потребностямъ первыхъ вѣковъ средневѣковья и среди многихъ ошибокъ и курьезовъ заключающій въ себѣ уже пятикнижную подложную геометрію Боэція и подложную геометрію Герберта сборникъ римскихъ землеѣровъ ³⁵⁾. И вотъ этими-то двумя сборниками, абацистовъ и римскихъ землеѣровъ, несомнѣнно пользовался нашъ двухкнижный Воэціи, для отдѣловъ объ абакѣ сборникомъ абацистовъ, для всего остального содержанія книги исключительно сборникомъ римскихъ землеѣровъ одного изъ самыхъ позднихъ послѣгербертовскихъ изводовъ. Это можетъ быть доказано, какъ дважды два четыре. Если Канторъ и Куртце еще повинны въ укрывательствѣ живущаго по подложному паспорту на имя Боэція монаха XI вѣка, то это происходитъ отъ ихъ психологической непередрасположенности къ воспріятію этой истины и тоже отъ того, что улики разсѣяны по всему моему изданію и изложены въ необходимомъ въ подобномъ изданіи латинскомъ лапидарномъ стилѣ. Тутъ я соберу ихъ въ одинъ обвинительный актъ, отчасти дополненный новыми соображеніями, напримѣръ, о лотарингскомъ происхожденіи подлога. Съ этимъ обвинительнымъ актомъ въ рукахъ, я надѣюсь провести въ академическомъ судѣ признаніе его виновнымъ, хотя по собственному невѣжеству и духу своего времени и заслуживающимъ нѣкотораго снисхожденія. Но для безопасности мы все же пострижемъ его изъ римскихъ сенаторовъ въ монахи и посадимъ въ одинъ изъ лотарингскихъ монастырей на вѣчное заточеніе.

Думаю, что послѣ всего сказаннаго ³⁶⁾ мнѣ нечего настаивать на цѣлостности двухкнижной геометріи. Это не есть геометрія одного автора съ вставленными въ нее послѣ другимъ лицомъ отдѣлами объ абакѣ, ни отдѣлы объ абакѣ, впоследствии обросшіе толстымъ слоемъ геометріи. Нѣтъ, это цѣлостное произведеніе. Оно выполнено по извѣстному плану, въ которомъ абакъ предполагаетъ геометрію и дополняетъ ее. Оно написано въ одинаковомъ стилѣ. Авторы обоихъ

³⁵⁾ См. Gerb. Opp. Math., pp. 476 — 480 описаніе неаполитанской рукописи *Vorbonica V, A, 13, v. IX, in 4, a pp. 431 — 482* въ частности той рукописи, которой пользовался фальсификаторъ. Объ принадлежать къ очень поздней редакціи (Т. Vbba) рукописей римскихъ землеѣровъ, какъ показываетъ встрѣчающееся въ ней имя Герберта, не ранѣе XI вѣка.

³⁶⁾ Въ главѣ II.

его подраздѣлений, объ абака́хъ и о геометріи, сходятся на одинаковомъ невѣжествѣ въ математическихъ наукахъ, одинаково цитируютъ Архита въ сознательномъ подлогѣ вмѣсто Герберта, пользуются литературой одного столѣтія (X и XI) и оба хотятъ быть Боэціями, будучи на самомъ дѣлѣ лотарингскими монахами.

Арифметическая часть геометріи Боэція.

Отдѣлы объ абака́хъ въ геометріи, приписываемой Боэцію, обнаруживаютъ въ авторѣ ея знакомство съ однимъ сборникомъ сочиненій объ абака́хъ, составленнымъ въ концѣ X вѣка, по всей вѣроятности, въ Лотарингіи и, должно быть, для занятій Оттона III. Оттонъ III, какъ видно изъ перениски Герберта ²⁷⁾, былъ знакомъ съ абакомъ. Этотъ сборникъ заключалъ въ себѣ какъ разъ древнѣйшія извѣстныя намъ сочиненія объ абака́хъ и потому названъ мною, впервые разглядѣвшимъ его во мракѣ времени среди множества обломковъ математическихъ текстовъ, созавшимъ его цѣлостность и возстановившимъ его, „древнѣйшимъ сборникомъ абакистовъ“. Какъ этотъ сборникъ, такъ и рукописи, заключающія по большей части уже его изуродованные обломки, описаны кратко мною въ *Gerberti Opera Mathematica*, pp. 294—296. Подробнѣе это краткое описаніе будетъ развито въ сочиненіи „Абака́хъ и Арабы“, которое готовится къ печати. Но уже и того, что сказано въ *Gerberti Opera Mathematica* достаточно для того, чтобы убѣдить всякаго, кто можетъ понимать лаконическій формулообразный языкъ, свойственный изданіямъ латинскихъ текстовъ, въ слѣдующемъ.

Въ концѣ X вѣка какой-то счастливый обладатель сочиненія Геригера объ абака́хъ, тоже впервые мною возстановленнаго изъ раздробленныхъ капризной судьбой кусочковъ и изданнаго въ *Gerberti Opera Mathematica*, pp. 205—221, раздобылъ себѣ точно также и сочиненіе Герберта объ абака́хъ въ его первоначальной редакціи (A). Онъ списалъ ихъ себѣ рядомъ въ свою рукопись. Кто былъ этотъ переписчикъ? Всего вѣроятнѣе кто-нибудь изъ учениковъ Геригера, если не онъ самъ. А, можетъ быть, и Адельбольдъ, получившій образованіе въ льежской школѣ при епископѣ Ноткерѣ, впоследствии епископъ Утрехта. Геригеръ былъ схоластикомъ монастыря Lobbes (Lau-

²⁷⁾ Ep. Gerberti № 183 (ed. Havet) „Extremus numerorum abaci vestrum definit“ „пусть высшее число абака (27 значное) опредѣляетъ вашу сущность“. Ср. Gerb. Opp. Math. p. 101.

bach) въ Лотарингіи въ то же самое время, когда Гербертъ былъ схоластикомъ въ Реймсѣ, а съ 990 по 1007 годъ, когда онъ умеръ, былъ даже аббатомъ Lobbes. Намъ неизвѣстно, были ли оба схоластика знакомыми между собою? Невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ. Lobbes недалеко отъ Реймса, да, къ тому же, Геригеръ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Поткеромъ, епископомъ Льежа, и съ Адельбольдомъ, клярикомъ льежской церкви и тоже, конечно, схоластикомъ. Гербертъ же былъ въ перепискѣ и съ Поткеромъ и Адальбольдомъ ³⁸⁾. Свое сочиненіе объ абакѣ Геригеръ, бывшій однопѣтникомъ приблизительно Герберта, но учившійся въ другихъ мѣстахъ, не вмѣстѣ съ Гербертомъ, написалъ однако внѣ всякой зависимости отъ Герберта, по самостоятельно продуманному плану, въ то время, какъ Гербертъ въ сущности только старался воссоздать по памяти выученный имъ въ дѣтствѣ учебникъ и сдѣлалъ это не безъ досадныхъ отсѣяній и ошибокъ ³⁹⁾. Сочиненіе Геригера куда понятнѣе и толковнѣе Гербертовскаго. Оно сохранилось до насъ не самостоятельно, а въ связи съ сочиненіемъ Герберта и другими статьями сборника, о которыхъ мы еще будемъ говорить. Другими словами оно сохранилось только въ сборникѣ абацистовъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ въ пользу того, что сочиненіе Геригера было, до соединенія своего въ сборникъ съ гербертовскимъ, очень мало или совсѣмъ не распространено и что, слѣдовательно, тотъ, кто соединилъ его съ гербертовскимъ, былъ такимъ же лотарингцемъ, какъ и Геригеръ, и жилъ, должно быть, тамъ же, гдѣ Геригеръ, если не былъ прямо имъ самимъ. Лотарингцы были извѣстны своимъ знаніемъ абака, и Лотарингія въ началѣ XI вѣка считается классическою страной абака ⁴⁰⁾. Здѣсь же въ Лотарингіи не трудно было изъ недалекаго Реймса раздобыть и сочиненіе Герберта.

Сочиненія Геригера и Герберта, при всемъ своемъ различіи, имѣютъ то общее, что въ нихъ совсѣмъ не говорится объ операціяхъ съ дробями на абакѣ. Чтеніе соединенныхъ въ одной рукописи Герберта и Геригера нисколько не просвѣщало на этотъ счетъ, а потому соединить съ ними какое-нибудь сочиненіе о дробяхъ на абакѣ было прямо необходимо. И, дѣйствительно, въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ по сосѣдству съ Гербертомъ и Геригеромъ всегда появляется

³⁸⁾ См. Gerb. Opp. Math. 41 n. 1, p. 265 n. 1.

³⁹⁾ Археол. самог. европ. культ., стр. 288—330, а также 32—39.

⁴⁰⁾ См. выше введеніе прим. 1.

впервые мною критически изданное (Gerberti Opera Mathematica pp. 224—225) сочиненіе о дробяхъ, тоже, очевидно, принадлежащее X вѣку, такъ какъ авторъ его употребляетъ на абакѣ римскія цифры ⁴¹⁾, тогда какъ уже Гербертъ и аббацисты XI—XII вѣковъ всегда считаютъ другія цифры, похожими на такъ называемыя арабскія или наши. Было ли присоединеніе этого сочиненія сдѣлано тѣмъ же лицомъ, который соединилъ Герберта съ Геригеромъ, или нѣтъ, не важно, но важно то, что теперь образовалось уже нѣчто въ родѣ учебника по абаку, состоящаго изъ древнѣйшихъ статей объ абакѣ: Герберта, Геригера и анонима (о дробяхъ), нѣчто болѣе или менѣе цѣльное и законченное.

Для кого могъ быть составленъ подобный учебникъ? Для юношества, конечно, которое изучало абакъ. Въ составъ такового входилъ, начиная приблизительно съ 990 года, Оттонъ III, который къ 997 году уже понимаетъ основанныя на знаніи абака комплименты въ письмѣ Герберта ⁴²⁾. Послѣ этого слова „Caesaris Ottonis studio..... geometres explicit lectiones vel regulae Gerberti super abacum“=„Для изученія Цезаремъ Оттономъ (пропущено собственное имя) геометръ. Кончатся чтенія или правила Герберта объ абакѣ“, которыми въ мюнхенской рукописи XII вѣка № 14689, одной изъ копій сборника, ⁴³⁾, заканчивается сочиненіе Герберта, должны, по моему мнѣнію, быть истолкованы не какъ праздная прибавка какого-нибудь переписчика. Въ нихъ крестя какое-то очень старое указаніе. До XII вѣка, когда написана мюнхенская рукопись, никакого Цезаря Оттона, послѣ Оттона III, не было. Сочиненіе же Герберта написано около 980 года, значить не для Оттона III, который только около 980 г. и родился-то, а для Константина, схоластика монастыря Флери на Лоарѣ ⁴⁴⁾. Слова эти являются вѣдь всякой связи съ самимъ написаніемъ этого сочиненія Гербертомъ. Они указываютъ на какой-то другой моментъ въ жизни этого сочиненія, каковымъ всего естественнѣе является включеніе его въ сборникъ древнѣйшихъ аббацистовъ. Что авторъ этихъ словъ называетъ себя геометромъ ⁴⁵⁾, это вполне понятно: абакъ,

⁴¹⁾ См. его рисунки колоній абака съ цифрами и дробями Gerb. Opp. Math. pp. 241—242.

⁴²⁾ См. выше прим. 37.

⁴³⁾ См. Gerb. Opp. Math., p. XLIV и 295.

⁴⁴⁾ *Бубновъ*, Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ, гл. II, стр. 28—39 (Кіевск. Унив. изв. 1905 г. и отдѣльно).

⁴⁵⁾ Geometres, рядомъ съ геометра, значить геометръ. Примѣръ изъ языка того

какъ мы видѣли ⁴⁶⁾, тѣсно связанъ съ геометрией въ представленіи людей того времени и есть введеніе въ геометрію.

Вотъ почему я думаю, что древнѣйшій сборникъ абакистовъ составленъ въ Лотарингіи въ концѣ X вѣка и, если не прямо для Оттона III, то ему, по крайней мѣрѣ, былъ посвященъ.

На этомъ остовѣ стали наростать позднѣйшіе придатки. Таковыми были: комментарий на правила Герберта, изданный у меня *Gerb. Opera Mathem.* pp. 226—269, и извлеченіе изъ сочиненія Геригера (*ibid.*, pp. 221—224)

Извлеченіе изъ Геригера имѣетъ очень важное значеніе. Оно называется „правило о числахъ абака по Геригеру“ (*ratio numerorum abaci secundum Herigerum*), а потому позволяетъ контролировать правильность моего восстановления сочиненія Геригера изъ разрозненныхъ кусочковъ. Ясно, что все то, о чемъ говорится въ этомъ „правилѣ“, должно находиться у Геригера, и такъ оно, въ самомъ дѣлѣ, и есть. Время его составленія точно неизвѣстно, но ко времени написанія рукописи бернской № 299 ⁴⁷⁾ начала XI вѣка оно уже было въ сборникѣ.

Къ тому же времени, какъ видно изъ той же бернской рукописи, въ сборникъ уже былъ включенъ и комментарий на правила Герберта. Комментарій этотъ даетъ еще новый плюсъ къ прежнему содержанію рукописи: онъ содержитъ въ себѣ описаніе внѣшняго вида абака ⁴⁸⁾, которое вполне соотвѣтствуетъ описанію абака Герберта Рихеромъ ⁴⁹⁾. Та же доска, раздѣленная на 27 колоннъ, и также въ длину абака (черезъ двѣ колонны въ третью), начиная съ первой справа, расположены девять абацистскихъ цифръ, похожихъ на пали. Только тутъ еще объяснено, что каждая три дуги соединены большой дугой въ одну группу и что цифрами въ правомъ концѣ этихъ дугъ отмѣчены именно каждая изъ образовавшихся девяти группъ, а также указано ⁵⁰⁾ употребленіе десятого рода жетоновъ, именно бружка,

времени даетъ Гербертъ въ своей геометріи: „neque enim sagacem geometren minuitandi sollertiam decet ignorare“ (*Gerb. Opp. Math.*, p. 80 l. 1).

⁴⁶⁾ См. выше введеніе.

⁴⁷⁾ См. *Gerb. Opp. Math.*, pp. XXII, 296.

⁴⁸⁾ *Commentarius* № 1, in reg. Gerberti I, c. 3 (*Gerb. Opp. Math.*, pp. 218, 249).

⁴⁹⁾ *Richeri*, *Hist.* I, III, c. 54 (Ср. *Gerb. Opp. Math.*, p. 380). Ср. выше гл. I. прим. 46.

⁵⁰⁾ *Commentarius* № 1, in regulas Gerb., II, c. 6, (*Gerb. Opp. Math.*, p. 257).

который только по виду похожъ на нашъ нуль, употребляется же просто для отмѣтокъ. Авторъ разъясняетъ основную терминологию абацистовъ, что тоже очень не мѣшаетъ и чего нѣтъ ни у Герберта, ни у Геригера, ни въ трактатѣ о дробяхъ, и, наконецъ, объясняетъ формулообразныя и голыя правила Герберта весьма пространнѣмъ образомъ, приводя ихъ текстуально. Наконецъ, правила онъ иллюстрируетъ примѣрами, чего нельзя не приветствовать, такъ какъ только тогда они становятся вполне понятными. Гербертъ обошелся совсѣмъ безъ примѣровъ, а Геригеръ, хотя и обращается уже къ примѣрамъ, но только въ правилахъ о дѣленіи. Примѣры комментатора затрагиваютъ не только дѣленіе, но и умноженіе, да и вообще разработаны, если можно такъ выразиться, разжеваны, гораздо обстоятельнѣе.

Комментаторъ писалъ послѣ 999 года, такъ какъ онъ называетъ Герберта папой, но врядъ ли послѣ 1003 года. Онъ говоритъ о Гербертѣ, какъ о человѣкѣ „стоящемъ въ наши времена выше всѣхъ не только по учености, но и по степени своего сана“ (*honorum gradibus*)⁶¹⁾, а послѣ смерти Герберта († 1003), когда и другіе люди послѣ Герберта достигли званія папы, такой способъ выраженія врядъ ли былъ бы удачнымъ. Да, наконецъ, сочиненіе это, какъ мы только что сказали, уже находится въ бернской рукописи № 299, а она написана въ самомъ началѣ XI вѣка (нѣкоторые весьма авторитетные палеографы, въ родѣ Sickel'я, были даже не прочь относить ее къ X вѣку) и заключаетъ въ себѣ сборникъ уже въ перетасованномъ (см. ниже) видѣ.

Наконецъ, въ сборникѣ находился, въ связи съ трактатомъ Герберта, и рисунокъ абака, вполне соответствующій описанію гербертовскаго абака Рихеромъ, а также и описанію абака у комментатора⁶²⁾. Опять 27 колоннъ, соединенныя большими дугами по три. Подъ этими дугами подъ каждой стоятъ по двѣ дуги поменьше, изъ

⁶¹⁾ *Ibid.*, I, с. 5 (*Gerb. Opp. Math.* р. 250 II. 21—25. Ср. мое Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ (Кіевск. Ун. Изв. 1905 и отд.) стр. 2. пр. 4, гдѣ текстъ моего изданія исправленъ (вмѣсто „*horum gradibus*“ а теперь читаю „*honorum gradibus*“).

⁶²⁾ Ср. выше гл. II пр. 24, гдѣ указаны два варианта этого рисунка: одинъ въ бернской рукописи № 250, гдѣ онъ стоитъ самостоятельно безъ сборника и имѣетъ стихъ „*Girbertus Latio numeros abasique figuras*“, а другой въ связи съ сочиненіемъ Герберта и съ сборникомъ, но безъ стиха, въ парижской рукописи № 8663. См. *Gerb. Opp. Math.*, р. XXII и LVIII.

которыхъ одна соединяетъ линіи, образующія колонны единицъ, а другая связываетъ колонны десятокъ и сотенъ. Абакъ раздѣленъ, кромѣ того, на полосы еще и горизонтальными линіями, на которыхъ стоятъ половины, четверти основныхъ отмѣтокъ колоннъ, стоящихъ наверху, а именно I, X, C, M и т. д. Принадлежность этого рисунка такъ или иначе Герберту удостовѣрена стихотворной надписью на абакѣ „Girbertus Latio numeros abacique figuras“—„Лацию Гербертъ даетъ фигуры и числа абака“⁶³).

Не буду останавливаться здѣсь на капризѣ одного изъ схоластиковъ начала XI вѣка, который нашелъ болѣе удобнымъ разрубить комментарий на Герберта и сочиненіе Геригера на составныя части и все относящееся въ нихъ къ умноженію поставилъ рядомъ, точно также, какъ выѣтъ было имъ помѣщено все относящееся въ нихъ къ дѣленію⁶⁴). Этимъ онъ похоронилъ на девять вѣковъ, какъ комментарий на Герберта, такъ и сочиненіе Геригера. И тотъ и другой воскресли только въ 1899 году въ Gerberti Opera Mathematica. До тѣхъ же поръ разъяты на части комментаторъ и Геригеръ, а также и присоединившійся къ нимъ анонимъ о дробяхъ, представляли изъ себя какой-то маседуанъ текстовъ и, начиная съ неудачнаго вхъ въ томъ же маседуанномъ видѣ изданія у Olleris, Oeuvres de Gerbert, Paris 1867 г., уже успѣли профигуровать въ видѣ новаго сочиненія Герберта объ абакѣ, хотя для этого и не было никакихъ разумныхъ основаній. Всѣ дошедшія до насъ рукописи сборника уже списаны съ такого фрикассированнаго экземпляра.

Порядокъ, въ которомъ слѣдовали другъ за другомъ всѣ эти статьи сборника, былъ до каприза перетасовщика слѣдующій:

Заглавіе, въ которомъ было упомянуто имя Оттона Цезаря.

1) Сочиненіе Герберта объ абакѣ. Вошло это сочиненіе въ сборникъ своей оригинальной редакціей А и здѣсь постепенно перерабатывалось отчасти подъ вліяніемъ удѣлѣвшаго еще къ началу XI вѣка учебника Герберта, изъ котораго взяты прямо нѣкоторыя главы, отчасти подъ вліяніемъ другихъ статей сборника (комментатора на

⁶³) Правда, этотъ стихъ сохранился только въ бернской рукописи № 250, гдѣ рисунокъ стоитъ, очевидно, безо всякой связи съ остальнымъ содержаніемъ рукописи (въ ея сохранившемся видѣ) на fol. 1 чисто случайно. Сюда онъ попалъ изъ какой-нибудь рукописи сборника, что показываетъ полная его аналогія съ рисункомъ, стоящимъ при древнѣйшемъ текстѣ письма Герберта въ рукописи парижской, № 8663, гдѣ онъ связанъ съ сборникомъ.

⁶⁴) Gerb. Opp. Math., p. 294 l. 31.

Герборта и извлеченія изъ Геригера) въ редакцію В въ разныхъ ея изводахъ В₁—В₈ ⁶⁶⁾. Еще комментаторъ на Герберта пользовался послѣ 999 года, когда сдѣлался паною Гербертъ, редакціей А, хотя уже и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (А₁, гдѣ уже включена одна негербертовская глава въ правилахъ о дѣленіи изъ учебника Герберта ⁶⁷⁾). Значитъ, редакція В вырабатывается въ самомъ началѣ XI вѣка.

2) Рисунокъ абака съ 27 колоннами вертикальными, цифрами въ 9 изъ нихъ черезъ двѣ въ третью, стихомъ „Girbertus Latio numeros abasiquo figuras“ и линіями горизонтальными.

3) Комментарій на Герберта.

4) Сочиненіе Геригера объ абакѣ.

5) Извлеченіе изъ правилъ Геригера.

6) Сочиненіе невѣстнаго о дробяхъ.

Вотъ этимъ-то возстановленнымъ мною древнѣйшимъ сборникомъ абакистовъ пользовался авторъ геометріи Боэція.

Его правила объ умноженіи и дѣленіи на абакѣ есть прямое извлеченіе изъ Гербертовскихъ правилъ и притомъ не въ той ихъ редакціи (А), которая вышла изъ-подъ пера Герберта около 980 года, а въ уже измѣненной (В), которая сформировалась внутри этого сборника не ранѣе 999—1003 г., когда Гербертъ былъ паною, по во всякомъ случаѣ безъ его участія. Другія мѣста этихъ отдѣловъ объ абакѣ въ геометріи Боэція обнаруживаютъ близкое сходство съ другими статьями того же сборника, напимѣръ, съ правилами Геригера и комментариемъ на Герберта, написаннымъ между 999—1003 г. и повліявшимъ на образованіе второй (не гербертовской) редакціи правилъ Герберта. Рисунокъ абака у нашего Боэція есть испорченный и смѣло переименованный рисунокъ гербертовскаго абака, находившійся въ томъ же сборникѣ при гербертовскомъ трактатѣ и написанный гекзаметромъ „Лацию (т. е. латинскимъ странамъ, литературѣ) Гербертъ дастъ фигуры и числа абака“ (Girbertus Latio numeros abasiquo figuras). Разумѣется, автору геометріи были извѣстны настольныя книги того времени, ариометика и музыка Боэція. Онъ ссылается на нихъ въ отдѣлѣ объ абакѣ въ концѣ первой книги, какъ на ариометическія и музыкальныя изысканія (in arithmeti-
cis

⁶⁶⁾ Ариом. самоств. свр. культ., стр. 330.—Подл. соч. Герб. объ абакѣ, стр. 56—63, 71—73, 77.

⁶⁷⁾ Gerb. Opp. Math., p. 246, n. 1.

et musicis), не упоминая даже имени Боэція, что въ X—XI вѣкѣ и было совершенно излишне: всѣ знали, что дѣло идетъ объ ариометикѣ и музыкѣ Боэція. II, дѣйствительно, въ этихъ книгахъ мы находимъ то, по поводу чего авторъ ссылается. Наконецъ, въ геометрической части своего труда авторъ дѣлаетъ уже полную точную именную ссылку на ариометику Боэція. Говоря, какъ настоящій Боэцій, онъ упоминаетъ о „теоремахъ нашей ариометики“ (in nostrorum arithmeticonum theorematibus) ⁵⁷⁾.

Отдѣлъ о дробяхъ въ концѣ второй книги сфабрикованъ при помощи того же сборника. Именно тотъ же надписанный именемъ Герберта рисунокъ, находившійся въ этомъ сборникѣ, легъ въ основу его рисунка въ концѣ второй книги, который есть лишь расширенный и реформированный нашимъ авторомъ нижній горизонтальный рядъ этого рисунка ⁵⁸⁾. Для таблицы дробей онъ могъ пользоваться и анонимнымъ трактатомъ о дробяхъ, стоящимъ въ томъ же сборникѣ, но неумѣлая реформа его обнаруживаетъ въ немъ, во всякомъ случаѣ, плохое знакомство съ дробями и съ этимъ трактатомъ. Онъ предпочиталъ разсуждать на основаніи Исидора ⁵⁹⁾, т. е. на основаніи приводимыхъ Исидоромъ двухъ таблицъ, одной чисто вѣсовой, другой приравленной для вычисленій. Отсюда, изъ буквенной гипотезы происхожденія дробныхъ знаковъ у Исидора, у него зародилась дикая мысль замѣнить традиціонные дробные знаки буквами латинскаго алфавита. Отсюда его утвержденіе, будто знаки для дробей были частью греческими, частью варварскими (именно знаки абацистовъ, не похожія ни на греческія, ни на латинскія буквы). Отсюда, наконецъ, ихъ большое разнообразіе, на которое онъ жалуется ⁶⁰⁾. Свои мельчайшія дроби: пунеть, минутъ и моментъ, онъ могъ взять изъ любого учебника IX вѣка ⁶¹⁾. Кромѣ того, живя самъ въ такое время, когда абаку учили въ школахъ, онъ кое-что могъ почерпнуть и изъ общераспространеннаго среди схоластиковаго запаса знаній, ну, напримѣръ, хоть свое упоминаніе о трехъ типахъ знаковъ для

⁵⁷⁾ См. выше, прим. 9.

⁵⁸⁾ См. выше, гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1907 г., мартъ, стр. 150, отд. изд. стр. 72.

⁵⁹⁾ См. выше, гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1907, мартъ, стр. 132—140, отд. изд. 54—62.

⁶⁰⁾ Ed. *Friedlein*, 126, ll. 10—26. Ср. выше, глава I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1907, февраль, стр. 311—316, отд. изд. 49—54.

⁶¹⁾ См. выше, гл. I, прим. 108, 109.

первыхъ девяти чиселъ ⁶³⁾, о чемъ онъ въ сборникѣ читать не могъ, но что въ то время всѣмъ было прекрасно извѣстно.

Ссылки его на Бозція, какъ на самого себя, должны были бы въ насъ укрѣпить увѣренность, что мы имѣемъ дѣло съ Бозціемъ. Сходство его съ Исидоромъ, которое мы подчеркнули выше ⁶²⁾, также, какъ и сходство его въ отмѣченныхъ въ моемъ изданіи случаяхъ съ Геригеромъ или съ комментаторомъ 999—1003 г., произведенія которыхъ находились въ древнѣйшемъ сборникѣ абацистовъ, еще не настолько полное, чтобы оно могло быть объяснено только прямымъ заимствованіемъ. Возможны и другія объясненія. Зато сходство нашего фальсификатора съ Гербертомъ, именно съ позднѣйшей редакціей его сочиненія (ред. В), развѣвшейся внутри древнѣйшаго сборника абацистовъ, а также его рисунка и одного его характернаго выраженія въ текстѣ съ рисункомъ абака, стоявшимъ въ этомъ сборникѣ, и надписью на немъ настолько полное, что, кромѣ прямого заимствования, никакъ иначе объяснено быть не можетъ. А если это такъ, тогда и сходство его съ Геригеромъ и комментаторомъ на Герберта 999—1003 г. должно быть нами объяснено тѣмъ же заимствованіемъ.

Значить, для того, чтобы доказать зависимость фальсификатора отъ сборника абацистовъ конца X начала XI вѣка, достаточно показать его зависимость отъ ред. В сочиненія Герберта и рисунка, стоявшихъ въ этомъ сборникѣ.

Мы помнимъ ⁶⁴⁾, что въ числѣ доказательствъ непринадлежности отдѣловъ объ абакѣ Бозцію, сближеніе Герберта съ Бозціемъ давно уже нашупывалось, давно уже видѣли между ними подозрительное для Бозція сходство. Почему же не примѣнили простого метода наложенія текста на текстъ, почему не дали возможности сомнѣвающемуся, какъ Оомъ невѣрному, нашупать осязаніемъ заимствование. Да потому, что сравненіе съ несуществовавшимъ, а потому и не дошедшимъ до насъ первымъ сочиненіемъ Герберта объ абакѣ, открытымъ Фридлейномъ ⁶⁵⁾, уже вслѣдствіе отсутствія его текста не

⁶³⁾ Ed. *Friedl.*, p. 397.—Ср. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, янв. 1907, стр. 26, 27; отд. изд. стр. 27—28.

⁶²⁾ См. прим. 59.

⁶⁴⁾ См. гл. II, отд. изд. стр. 106, 107.

⁶⁵⁾ См. выше, гл. II. Сравни мое „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“, „Кіевск. Ун. Изв.“ 1905, и отд. стр. 14—16.

могло привести къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, а сравненіе съ дошедшимъ до насъ текстомъ Герберта было недостаточно убѣдительно. Возраженіе, что оба пользовались однимъ древнѣйшимъ источникомъ, оставалось неустраненнымъ. Кропотливое и терпѣливое изученіе ⁶⁶⁾ исторіи текста произведенія Герберта, результаты котораго изложены въ моемъ сочиненіи „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“, вознаградило меня новымъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ и въ настоящей связи идей колоссальной важности фактомъ. Дѣйствительно, есть двѣ редакціи сочиненія Герберта объ абакѣ, но редакція одного и того же произведенія, а не два различныхъ сочиненія, какъ это представлялось Фридлейну. Герберту принадлежитъ первая, болѣе краткая редакція А. Только она одна вышла изъ-подъ пера Герберта. Уже безъ всякаго содѣйствія Герберта редакція А, подъ вліяніемъ потребностей школьной интерпретаціи, перерабатывается и интерполируется. Этотъ процессъ происходитъ уже послѣ включенія этого сочиненія въ „древнѣйшій сборникъ абацистовъ“ и не безъ вліянія со стороны другихъ статей объ абакѣ, включенныхъ въ тотъ же сборникъ. Такъ появляется редакція В, которая къ концу X и началу XI вѣка уже готова къ услугамъ... нашего quasi Боэція. Несомнѣнно, что онъ этой именно редакціей пользовался, а потому жилъ на добрыхъ 500 лѣтъ позже настоящаго Боэція.

Отсюда онъ взялъ порядокъ, въ которомъ онъ передаетъ правила объ умноженіи. Редакція А знаетъ двадцать правилъ объ умноженіи, которыя я нумерую цифрами: 1, 2, 3 ... 19, 20. Редакція В въ своей первоначальной формѣ сходна съ редакціей А, но въ позднѣйшихъ, начиная съ В_{2а}, она знаетъ двадцать одно правило, а именно, одно впередъ перваго, обозначенное у меня нулемъ, и двадцать въ слѣдующемъ отличномъ отъ А порядкѣ: 1, 7, 8, 20, 15, 2, 3, 9, 19, 14, 4, 5, 18, 13, 6, 17, 12, 16, 11, 10. Нашъ „Боэцій“ перифразируетъ восемнадцать изъ нихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1, 7, 8 (пропускаетъ 20), 15, 2, 3, 9, (пропускаетъ 19), 14, 4, 5, 13, 18, 6, 12, 17, 11, 16, 10. За исключеніемъ перестановокъ 13, 18 вмѣсто 18, 13, [затѣмъ 12, 17 вмѣсто 17, 12 и, наконецъ, 11, 16 вмѣсто 16, 11, этотъ порядокъ ничѣмъ не отличается отъ порядка редакціи В. Отсюда ясно, что писавшій подъ именемъ Боэція

⁶⁶⁾ Въ болѣе краткомъ и доступномъ видѣ, результаты этого изученія можно найти въ моей „Арифметич. самоств. европ. культ.“ стр. 329—334.

былъ смѣлѣе, чѣмъ думалъ Фридлейхъ ⁶⁷⁾, и позволилъ себѣ перифразировать Герберта, такъ какъ текстъ его есть не буквальная передача, а перифраза ⁶⁸⁾.

Что касается правилъ о дѣленіи, то здѣсь различія редакціи В (съ самаго начала) и редакціи А гораздо значительнѣе, а потому и заимствованію непремѣнно изъ В можетъ быть указано еще того несомнѣннѣе. Дѣйствительно, общее число главъ въ правилахъ о дѣленіи (II) въ редакціи В не шесть, а десять, т. е. являются четыре новыхъ главы: они вставлены послѣ 1, 2, 3 и 5 главъ редакціи А. Кромѣ того, глава третья редакціи А поставлена на первое мѣсто. Въ началѣ этой и второй главы поставлены маленькія введенія, которыхъ нѣтъ въ А ⁶⁹⁾, всѣ главы получили свои заглавія, которыя, какъ оказывается ⁷⁰⁾, составлены по комментатору на Герберта 999—1003 года. Дальнѣйшее развитіе текста редакціи В состояло въ явленіи небольшихъ объясненій (глоссы), которыя постепенно втирались въ подлинный текстъ Герберта. Изъ нихъ два наиболѣе необходимы навѣяны комментариемъ на Герберта 999—1003 г. и Геригеромъ ⁷¹⁾, стоявшими въ томъ же сборникѣ, и одна изъ нихъ ⁷²⁾ попадаетъ только въ довольно позднемъ изводѣ одного изъ развѣтвленій редакціи В, именно въ изводахъ В₆ а—В₇ а, представляющихъ собой 8 по 11 наслоенія на подлинномъ текстѣ Герберта. У нашего quasi Боэція мы встрѣчаемъ очень краткій, для незнакомаго съ абакомъ совсѣмъ непонятный, съ точки зрѣнія хорошо знакомаго съ абакомъ безостолоковый конспектъ шести главъ текста Герберта. При этомъ этотъ конспектъ разсматриваетъ главы, не въ порядкѣ подлиннаго текста А, но въ порядкѣ редакціи В (т. е. третья глава текста А является, какъ и въ В, первой), и обозрѣваетъ не только главы 3, 1, 2, 5 подлиннаго текста, но и двѣ главы вставленныя послѣ главы 1 и главы 2, отсутствующія въ подлинномъ текстѣ А, и при томъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ стоятъ въ В. Наконецъ, конспектъ

⁶⁷⁾ Gerbert, die Geom. d. Boethius und die ind. Ziffern, p. 52.

⁶⁸⁾ О правилахъ объ умноженіи въ редакціяхъ А и В см. „Подл. соч. Герб. объ абакѣ“, гл. IV, стр. 64—74.

⁶⁹⁾ См. тамъ же, гл. III, стр. 40—50.

⁷⁰⁾ См. тамъ же, стр. 50.

⁷¹⁾ Тамъ же, стр. 56—63.

⁷²⁾ Именно глосса „non perfecta, sed uno minus“, представляющая собой комбинацію Геригера (uno minus) и комментатора (non perfecta). Ср. Gerb. Opp. Math., p. 18, l. 19 и 20.

обнаруживаетъ пользование текстомъ главы 5 первоначальнаго текста не въ его оригинальномъ видѣ, а въ томъ глоссированномъ, въ которомъ онъ является въ позднѣйшихъ изводахъ текста В, именно въ В₅ а—В₇ а ⁷³⁾.

Сказанное выше станетъ нагляднѣе изъ слѣдующей таблицы:

Гербертъ.	Редакторъ.	Якобы Возцій.
А	В (не раньше 999—1003). Правила дѣленія: II.	
См. ниже	В II 1 = А II 3	В II 1
А II 1	В II 2 = А II 1	В II 2
нѣтъ въ А	В II 3	В II 3
А II 2	В II 4 = А II 2	В II 4
нѣтъ въ А	В II 5	В II 5
А II 3	См. выше	См. выше
нѣтъ	В II 6	ошущена
А II 4	В II 7 = А II 4	ошущена
А II 5	В II 8 = А II 5	В II 8
нѣтъ глоссы	глоссы В ₂ и В ₅ а — В ₇ а	глоссы В ₅ а — В ₇ а
нѣтъ	В II 9	ошущена
А II 6	В II 10 = А II 6	ошущена.

⁷³⁾ Текстъ А, глава 5: *Et in digitis quidem perfecta ponetur differentia, ante articulos vero altera differentia, quasi rationem habens ad iuxta positos, cum sunt digiti et articuli; nam solus articulus integram proponit sibi differentiam, принимають въ В₅ — 7, глава 8, слѣдующій видъ: Et in digitis quidem perfecta ponetur differentia, ante articulos vero altera differentia non perfecta (изъ комментатора на Герберта). sed uno minus (изъ Герберта), quasi rationem habens ad iuxta positos, cum sunt digiti et articuli; nam solus articulus integram proponit sibi differentiam, solus digitus integram supponit et tum ei, qui ad minuta componenda seclusus est, integri secundabitur (изъ комментатора на Герберта 999—1003 г.).* Текстъ „Возцій“: „*et digitis quidem perfecta differentia subponenda, articulis autem imperfecta (изъ В₅ — 7: non perfecta, sed uno minus) est praeposenda*“ (изъ В₁ — 7: *proponit*). Курсивная антитеза „subponenda“ и „praeposenda“, какъ будетъ ясно для всякаго прочитавшаго мою теорію абака, т. е. главу VII „Арном. самоств. евр. культ.“, несколько не вытекаетъ изъ сущности дѣла. Дѣло идетъ о постановкѣ дифференцій на абакѣ: онѣ кладутся между меньшей и большей деноминаціями, а большая деноминація (уменьшаемая) ставилась выше меньшей (вычитаемой). Стало быть, про дифференцію съ точки зрѣнія большей деноминаціи нужно сказать „subponere“, такъ какъ она будетъ стоять ниже ея, съ точки же зрѣнія меньшей деноминаціи про нее надо сказать „praeposere“ или „praeposere“, такъ какъ она будетъ стоять „впередѣ“ („рго“ по направленію сверху внизъ) или „надъ“ (рго по направленію снизу вверхъ) меньшей деноминаціей. Контраминація этихъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, противорѣчающая логикѣ одного и того же человѣка, есть результатъ текстоваго вліянія на него двухъ различныхъ авторовъ: Герберта и комментатора.

Изъ этой таблицы видно ясно, что составитель нашего конспекта совсѣмъ не имѣлъ въ виду конспектировать все, что у него было передъ глазами. Онъ опускаетъ главы общія обѣимъ редакціямъ (А II 4 = В II 7, А II 6 = В II 10) и совершенно необходимыя (особенно А II 6, дающую общія правила для образованія частнаго ко всѣмъ разсматриваемымъ въ главѣ случаямъ). Такимъ образомъ, и пропускъ имъ В II 6 и В II 9, совсѣмъ не необходимыхъ, объясняется именно сознательнымъ пропускомъ, а не сходствомъ лежавшаго передъ его глазами оригинала съ А, гдѣ этихъ двухъ главъ еще нѣтъ. Сходство этого оригинала не съ А, а именно съ В стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ во всемъ, что конспектисту угодно было не пропустить, его конспектъ сходенъ съ В, а не съ А. Мы разумѣемъ здѣсь 1) порядокъ главъ, 2) присутствіе двухъ лишнихъ сравнительно съ А главъ (соответственныхъ В II 3 и В II 5) и 3) текстъ главы о дѣленіи на сотни, совмѣстныя съ единицами, т. е. когда дѣлитель числа въ родѣ 102, 506 и т. д., гдѣ у Боэція видно вліяніе глоссы, отличающихъ текстъ В отъ текста А.

Этихъ доказательствъ было мнѣ вполне достаточно лѣтомъ 1904 г., когда настоящее сочиненіе было мною написано. Съ 1905 г. дѣло нѣсколько осложнилось. Работая надъ второй книгой моего изслѣдованія „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“, я пришелъ къ заключенію, что лишнія въ текстѣ В сравнительно съ текстомъ А главы, т. е. В II 3, В II 5, В II 6, В II 9, совсѣмъ не являются досужими измышленіями какого-нибудь глоссатора или нѣсколькихъ. Для этого они оказались съ точки зрѣнія восстановленнаго мною во всей своей чистотѣ ученія объ абакѣ слишкомъ содержательными и цѣнными. Онѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя ссылки, которыя не оправдываются текстомъ А, а заставляютъ предполагать другой, такъ сказать, параллельный А текстъ, но отъ него все же отличающійся. Изученіе этихъ ссылокъ позволяетъ установить принадлежность этихъ главъ къ какому-то цѣльному сочиненію объ абакѣ. Съ другой стороны, это таинственное цѣльное сочиненіе объ абакѣ по замыслу, плану, фразеологій и даже прямо тексту обнаруживаетъ необычайное сходство съ текстомъ А. Мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ А имѣетъ видъ простой перифразировки указанныхъ выше главъ В II, 3, 5, 6, 9, при томъ неудачной, какъ въ смыслѣ прямыхъ ошибокъ, такъ и въ смыслѣ попытокъ соединить въ одномъ правилѣ содержаніе двухъ правилъ, изъ которыхъ одно случайно въ чистомъ и правильномъ видѣ сохранилось до насъ именно въ текстѣ В II 5 и В II 6. Это привело

меня къ заключенію, что главы В II 3, 5, 6, 9 являются осколками именно того сочиненія, которое Гербертъ старался въ своихъ „Правиллахъ о способахъ обращаться съ числами на абакѣ“ (*Regulae de numerorum abaci rationibus*) „по памяти“ возстановить, „гдѣ тѣми же словами, гдѣ въ томъ же смыслѣ“ (*quaedam repetita memoria eisdem verbis proferimus, quaedam eisdem sententiis*), какъ онъ самъ признается въ своемъ предисловіи. Трудности для себя писать объ абакѣ онъ не скрываетъ отъ своего друга Константина и даже объясняетъ се тѣмъ, что „вотъ уже прошло нѣсколько люстровъ (пятилѣтій) съ тѣхъ поръ, какъ у него не было ни книги объ этомъ предметѣ, ни упражненія въ немъ“ ⁷⁴). Вотъ этой книги, на отсутствіе которой Гербертъ указываетъ, осколки я и вижу въ поразительныхъ по своей краткости и точности главахъ В II, 3, 5, 6, 9, 9 (bis). Опираясь на эти главы, на ссылки въ нихъ, затѣмъ на Герберта, а также основываясь на знакомствѣ съ сущностью операций на абакѣ, терминологіей и фразеологіей абацистовъ, я съ увѣренностью возстановилъ текстъ этого учебника Герберта, назвалъ его по имени открывшаго его „Анонимусъ Вубновіанусъ“ и оцѣнилъ. Этотъ безымянникъ является, оказывается, тѣмъ-то въ родѣ „vade mecum“ абациста. Краткій, какъ надпись, и вмѣстѣ замѣчательно практичный по системѣ, вѣрности и точности своего изложенія, онъ представляетъ собою, несомнѣнно, чистую классическую традицію, массовое творчество поколѣній абацистовъ ⁷⁵). Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что его въ школахъ зубрилъ и самъ Боэцій точно такъ же, какъ это продѣлалъ въ срединѣ X вѣка Гербертъ.

Вотъ этотъ-то новый и неожиданный гость, мною же разысканный и приглашенный, значительно ослабляетъ силу приведенныхъ выше доказательствъ. Я называю его буквой X. Дѣло въ томъ, что въ этомъ X порядокъ главъ былъ почти несомнѣнно такой, какъ и въ В, а самыя главы В II, 3, 5 являются его осколками. Можно даже съ

⁷⁴) *Gerberti regulae de numerorum abaci rationibus* (Gerb. Opp. Math., p. 6, II. 6—8): „Itaque cum aliquot lustra jam transierint, ex quo nec librum, nec exercitium harum rerum habuerimus, quaedam repetita memoria eisdem verbis proferimus, quaedam eisdem sententiis“.

⁷⁵) Возстановленію этого древнѣйшаго изъ извѣстныхъ сочиненій абацистовъ посвящена одна изъ главъ второй книги моей работы „Подл. сочиненіе Герб. объ абакѣ“.—(См., кромѣ того, мою „Архив. самост. европ. культуры“, стр. 32—39, 288—330, гдѣ все, что касается Анонимусъ Вубновіанусъ, изложено въ болѣе доступной формѣ.

увѣренностью сказать, что онъ былъ въ числѣ матеріаловъ, послужившихъ для редакціи В. Вѣдь отсюда вьзаты, по нашему мнѣнію, главы В II, 3, 5, отсюда же вьзять и порядокъ, въ которомъ редакторъ В расположилъ правила умноженія и дѣленія, далеко такимъ образомъ оставляя позади хаотическое изложеніе ихъ у Герберта въ текстѣ А ⁷⁶).

Если такъ, то первыя два изъ приведенныхъ выше доказательствъ; а именно: 1) порядокъ главъ у Боэція сходный съ В и 2) присутствіе двухъ главъ (В II, 3, 5), отсутствующихъ въ А; но находящихся въ В, еще сами по себѣ не доказываютъ, что „Боэцій“ бралъ изъ В. Какъ онъ, такъ и редакторъ В могли оба черпать изъ общаго источника, Аппоніуса Вибновіануса, или текста Х, который могъ существовать и даже навѣрно существовалъ и во времена настоящаго Боэція. Тогда сходство правилъ у Боэція съ правилами текста Х и текста В объясняется и помимо прямого заимствования „Боэція“ изъ В, и, слѣдовательно, „Боэцій“ могъ и впрямь быть Боэціемъ. Однимъ словомъ, мое открытіе на меня же возлагаетъ обязанность провѣрить себя.

Я не могу при этомъ сослаться просто на тотъ фактъ, что текстъ В, съ которымъ сходенъ „Боэцій“, существуетъ, такъ сказать, не гипотетически, а реально. Онъ предложенъ намъ „*in natura!*“ цѣлымъ рядомъ рукописей, начиная съ XI вѣка. Текстъ же Х есть, во всякомъ случаѣ, только реконструкція г. Вубнова, сдѣланная въ XX вѣкѣ и до сихъ поръ не представленная ни одною рукописью. Мнѣ было бы больно отказаться отъ реальности моей реконструкціи, да я и не могу этого сдѣлать, такъ какъ я въ ней увѣренъ. Я поэтому беру самое неблагоприятное для себя съ одной стороны, и самое лестное съ другой стороны предположеніе, а именно, что текстъ Х также реаленъ, какъ и текстъ В. Можно ли, спрашивается, при этомъ условіи все же доказать, что „Боэцій“ черпалъ не изъ Х, а изъ В? Вполнѣ возможно.

Прежде всего третье изъ приведенныхъ выше доказательствъ, а именно фактъ вліянія на текстъ Боэція въ правилѣ о дѣленіи на сотни совмѣстныя съ единицами двухъ послѣгербертовскихъ глоссъ главы В II 8, остается непоколебленнымъ. Я прослѣдилъ подробно въ другомъ мѣстѣ ⁷⁷) исторію этихъ глоссъ и вполнѣ ясно указалъ, что

⁷⁶) Арном. самост. евр. культ., стр. 329, 330.

⁷⁷) Подл. соч. Герб. объ абакѣ, стр. 53—63.

эти глоссы возникли подъ вліаніемъ текста двухъ произведеній, стоявшихъ въ древнѣйшемъ сборникѣ абацистовъ и возникшихъ, во всякомъ случаѣ, не раньше X вѣка. Сами по себѣ глоссы эти даютъ разъясненія къ тексту Герберта.

Изъ нихъ одно старается устранить недоумѣніе, которое могли вызвать слова Герберта „другая дифференціа“. Оно даетъ объясненіе, что эта „другая дифференціа“ (*altera differentia*) есть дифференціа, „не совершенная, а единицей меньшая“ (*non perfecta, sed uno minus*), что отчасти довольно ясно изъ контекста Герберта, который эту „другую дифференціа“ противопоставляетъ „совершенной дифференціа“ (*perfecta differentia*). Правда, тутъ мы имѣемъ уже (изъ Герингера) и разъясненіе, что эта несовершенная дифференціа единицей меньше совершенной, т. е. разъясненіе одного изъ употребительнѣйшихъ терминовъ. Но, если бы Гербертъ или его оригиналь, текстъ X, захотѣли разъяснить подобнаго рода общеупотребительные и общезвѣстные термины, то случаевъ для этого имъ представлялось бы въ каждой ихъ строкѣ по нѣсколько, но они этого нигдѣ не сдѣлали. Они пишутъ для людей, уже знакомыхъ съ абакомъ и терминологіей абака. Иначе, при обратномъ предположеніи, редакция, которую они придали своимъ правиламъ, была бы сплошной бессмыслицей. Для незнакомыхъ съ абакомъ къ ихъ тексту, занимающему двѣ-три печатныхъ страницы, потребовалось бы страницъ 50 объясненій, въ родѣ того, какъ это сдѣлано мною во второй книгѣ „Подлинное сочиненіе Герберта“, гл. I. Однимъ словомъ, они должны были бы писать совсѣмъ по иному уже съ самаго начала. Такимъ образомъ, эта глосса, хотя и даетъ объясненіе по существу, необходимое для незнакомаго съ абакомъ, но это объясненіе неумѣстно въ трудахъ, подобныхъ гербертовскому и тексту X. Итъ поэтому основанія предпологать, что оно находилось въ X и было по ошибкѣ выпущено повторяющимъ буквально X Гербертомъ, тѣмъ болѣе, что составъ этой глоссы къ тексту A удовлетворительно объясняется изъ стоявшихъ въ томъ же сборникѣ абацистовъ, гдѣ стоялъ и A, другихъ сочиненій объ абакѣ, т. е. Герингера и комментатора 999—1003 г.

Другое объясненіе къ тексту той же главы совершенно излишне. Дѣло въ томъ, что произведеніе деноминаціи, т. е. цѣлыхъ чиселъ не большихъ, чѣмъ 9, даетъ единицы или десятки съ единицами. Единицы этого произведенія деноминацій называются у абацистовъ дигитами, а десятки артыкулами. Напримѣръ, произведеніе двухъ деноминацій 3 даетъ $3 \times 3 = 9$, гдѣ 9 будетъ дигитомъ; произведеніе

6×5 дасть 30, гдѣ 3 артикулъ, а произведеніе деноминаціи 6 и 7, т. е. $6 \times 7 = 42$, гдѣ 4 артикулъ, а 2 дигитъ. Текстъ X и Гербертъ учатъ образовывать разность между одной сотней и подобными произведеніями. Эту разность они находятъ по способу абацистовъ чисто механически при помощи дифференцій, т. е. при помощи дополнительныхъ до 10 деноминацій, которыя могли быть или совершенныя (perfecta, полныя) или несовершенныя (non perfecta, не полныя), т. е. на единицу меньшія. Такъ полная дифференція къ 6 будетъ 4, а не полная къ 3 будетъ 6. Разность между 100 и $6 \times 6 = 36$ образуется такъ: въ колоннѣ дигитовъ (in digitis, говорятъ Гербертъ), т. е. надъ шестеркой ставится полная дифференція 4, надъ тройкой неполная 6. Эти двѣ дифференціи, стоящія по привычкѣ абацистовъ ставятъ разность между уменьшаемымъ и вычитаемымъ ниже 1, лежащей въ колоннѣ сотенъ и выше 36, (3 въ колоннѣ десятковъ и 6 въ колоннѣ единицъ), образуютъ число 64, которое и есть разность $100 - 36$. Разность между 100 и $6 \times 5 = 30$ образуется такъ: надъ артикуломъ 3 или (смотря сверху внизъ) передъ нимъ ставится полная дифференція, т. е. 7 въ колоннѣ десятковъ, что образуетъ число 70, т. е. $100 - 30$. Ясно, что при артикулахъ нужно было различать, стоятъ ли они одни, или рядомъ съ ними стоятъ еще дигиты. Если артикулы одни, при нихъ ставится полная дифференція, если артикулы съ дигитами, то при нихъ ставится неполная дифференція. Съ другой стороны не менѣе ясно, что при дигитахъ будетъ всегда ставиться полная дифференція, будутъ-ли они одни или вмѣстѣ съ артикулами. $100 - 9$ будетъ 91, гдѣ единица полная дифференція къ 9; $100 - 29$ будетъ 71, гдѣ 1 полная дифференція къ 9. Вотъ Гербертъ и, насколько можно судить по немъ, текстъ X и говорятъ: „и въ дигитахъ будетъ положена полная дифференція, передъ артикулами же (т. е. надъ ними) другая дифференція, какъ бы принимающая въ соображеніе стоящія рядомъ числа, т. е. когда есть и дигиты и артикулы: одинъ же артикулъ ставить передъ (т. е. надъ) собой цѣльную дифференцію“⁷⁹). Если ихъ можно въ чемъ упрекнуть, то развѣ въ томъ, что въ своемъ стремленіи къ краткости они не упомянули о девяткѣ, которую надо ставить лѣвѣе полной дифференціи къ дигитамъ, когда они одни. Вѣдь разность $100 - 9$

⁷⁹) *Gerberti regulae* (Ger. Opp. Math., p. 18, l. 17): „Et in digitis quidem perfecta ponetur differentia, ante articulus vero altera differentia, quasi rationem habens ad juxta positas, cum sunt digiti et articuli; nam solus articulus integram proponit sibi differentiam“.

будеть 91, гдѣ 1 есть полная дифференція къ дигиту 9, а девятка-то (въ 91) не есть во всякомъ случаѣ неполная дифференція, а просто девятка. И вотъ о ней-то слѣдовало бы упомянуть, какъ это дѣлаютъ другіе абацисты. Но послѣ категорическаго утвержденія: „въ дигитахъ будеть положена полная дифференція“, которое относится къ дигитамъ вообще, имъ совсѣмъ нечего было нускаться въ такія излишнія подробности, какъ „одинъ дигитъ цѣльную (дифференцію) кладеть подъ“⁷⁹⁾. Тутъ разумѣется послѣ слова „подъ“ та сотня, изъ которой вычитается одинъ артикуль. Такое объясненіе излишне и неудачно, такъ какъ дигитъ всегда требуетъ полной дифференціи, а не только когда онъ одинъ. Кромѣ того, выраженіе „кладеть подъ“ (*subponit*) мало подходяще. Въдѣ сотня выражалась единицею, стоящей въ третьей колоннѣ справа, а дигитъ и дифференція къ нему стояли въ первой колоннѣ справа. Такимъ образомъ этотъ „подъ“ будетъ очень неясный „подъ“. Дифференція стояла, дѣйствительно, ниже 1, но только въ совершенно другой колоннѣ. Думать, чтобы столь краткій и точный текстъ X имѣлъ эту глоссу, а Гербертъ въ текстъ A ее случайно пропустилъ, нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что она объясняется изъ разъясненій комментатора и фразеологически съ текстомъ комментатора вполне совпадаетъ⁸⁰⁾.

Кромѣ того, Гербертъ и, если судить по Герберту, X, говоря о положеніи дифференціи, всегда совершенно правильно отправляются отъ положенія артикуловъ и дигитовъ и выражаются: „передъ артикулами (*ante articulos* смотря сверху внизъ), т. е. выше, или: артикуль кладеть дифференцію „передъ собою“, „надъ собою“ (*prponit* по тому же направленію). Комментаторъ же употребилъ другое выраженіе; дигитъ у него дифференцію „кладеть подъ“ (т. е. ниже единицы, стоящей въ колоннѣ сотенъ, и представляющей собой вычитаемое). Отсюда это выраженіе прогlossировалось въ гербертовскій текстъ, въ которомъ оно и встрѣтилось съ совершенно другой терминологіей текста A и X, а „Бозцій“ въ своемъ текстѣ отразилъ эту ихъ тро-

⁷⁹⁾ *Ibid.*, p. 19 l. 1: *solus digitus integram subponit*.

⁸⁰⁾ *Ibid.*, p. 19 l. 1 глосса: „*solus digitus integram subponit et tum ei, qui ad minuta componenda seclusus est, integra secundabitur*“.—Ср. разъясненіе комментатора, вѣдшаго подъ руками текстъ A, гдѣ этой глоссы еще не было: „*digitus, sive solus sit, vel cum articulo, integram subponit. Et hoc attende, quod cum soli fuerint digiti, tum ei, qui ad minuta componenda seclusus est, integra differentia secundabitur*“.
Теорія вычитанія при помощи дифференціи изложена мною въ „Арх. самоств. европ. культ.“, стр. 241—255.

гательную встрѣчу и, такимъ образомъ, все-таки попался въ сѣти текстуальной критики.

Но къ этому вполне сохраняющему свою силу, даже и при наличности текста X, доказательству я намѣренъ прибавить и другія.

Глава, о которой мы только что говорили, начинается у „Бозѣція“ такъ: „*сотни же, совмѣстныя съ единицами, дѣлятся сотни и тысячи, какъ известно, слынящими образомъ*“ ⁸¹⁾. Отсюда видно, что „Бозѣцій“ соединяетъ въ этой главѣ два случая: 1) дѣленіе сотенъ на сотни съ единицами и 2) дѣленіе тысячъ на сотни съ единицами. Правило, которое онъ затѣмъ сообщаетъ и которое мы здѣсь не намѣрены объяснить, чтобы не затемнять дѣла, вѣрно однако только по отношенію къ первому случаю, т. е. дѣленію сотенъ на сотни. Для второго случая необходимо еще произвести два пріема, именно пріемъ диссипаціи и пріемъ умноженія остатка, которые совершенно не нужны въ первомъ ⁸²⁾. Но объ этихъ пріемахъ нашъ Бозѣцій не заикается, т. е. допускаетъ грубую ошибку. Чѣмъ она объясняется? А вотъ чѣмъ.

Возстановленный мною Anonymus Bubenianus, т. е. текстъ X, трактуетъ объ этихъ случаяхъ въ двухъ отдѣльныхъ главахъ, именно X II 8 и X II 9. Въ первой говорится о дѣленіи сотенъ на сотни, совмѣстныя съ единицами, и тысячъ на тысячи, совмѣстныя съ десятками, и сообщается то же самое правило, которое нѣсколько иными словами приводитъ „Бозѣцій“. Во второй излагается правило дѣленій тысячъ на сотни съ единицами. Этотъ случай отличается отъ перваго тѣмъ, что высшій разрядъ дѣлимаго стоитъ на колонну лѣвѣе самаго высшаго разряда дѣлителя. Это чрезвычайно важное на абакѣ различіе, дѣлающее необходимымъ кромѣ пріема, примѣняемаго въ первомъ случаѣ, еще два совершенно новыхъ: диссипацію единицы высшаго разряда дѣлимаго и умноженіе остатка. Эти два дополнительные пріема примѣняются и въ томъ случаѣ, когда высшій разрядъ дѣлимаго стоитъ болѣе, чѣмъ на одну колонну, лѣвѣе высшаго разряда дѣлителя. Что въ текстѣ X эти случаи были разбираемы въ двухъ самостоятельныхъ главахъ, это слѣдуетъ изъ самихъ принциповъ возстановленія текста X. Вѣдь до текста X мы добираемся при помощи двухъ предположеній: а) что Гербертъ пере-

⁸¹⁾ „Centenus autem cum singulari compositus centenum vel millenum hoc pacto dividere cognoscitur“ (ed. Friedl., p. 400 l. 17; Gerb. Opp. Math., p. 161 l. 17).

⁸²⁾ Подробности этихъ операцій на абакѣ изложены мною „Архив. самоств. европ. культ.“, тл. VII, особ. стр. 289 и 290, 263—266.

сказывалъ этотъ учебникъ по памяти по возможности буквально; б) что лишнія въ текстѣ позднѣйшей редакціи сочиненія Герберта, т. е. въ В, главы о дѣленіи вставлены въ В изъ текста Х. Къ числу этихъ главъ принадлежитъ глава В II 9, въ которой излагается правило дѣленія тысячъ на сотни съ единицами, и, конечно, упоминаются приемы диссипаціи и умноженія остатка. Эта глава есть, по нашему допущенію, безъ котораго о текстѣ Х и говорить-то не приходится, кусочекъ текста Х, а такъ какъ въ ней есть ссылка: „какъ въ предыдущей главѣ“ (*ut in superiori capitulo*), которая указываетъ на одинъ изъ приемовъ дѣленія сотенъ на сотни съ единицами (умноженіе низшихъ разрядовъ дѣлителя, т. е. его единицъ, или, какъ они тутъ названы, *минутума*), то ясно, что въ текстѣ Х этому дѣленію сотенъ на сотни съ единицами была посвящена особая глава. Возстановить ее при помощи Герберта, глава А II 5, не трудно. Нужно устранить изъ А II 5 все, что противорѣчитъ плану Х. Въ Х дѣленіе тысячъ на сотни съ единицами изложено въ отдѣльной главѣ Х II 9 (=В II 9). Стало быть, придется передѣлать начало А II 5: „если захочешь раздѣлить сотни или тысячи на совмѣстныя сотни или тысячи съ пропускомъ одного“ (разряда) въ „если захочешь раздѣлить сотни (слова „или тысячи“ должны выпасть) на сотни совмѣстныя съ единицами, или тысячи на тысячи совмѣстныя съ десятками“ и т. д. ⁵³⁾. Начало главы у Герберта ошибочно по отношенію къ дальнѣйшему ея содержанію, годящемуся только для дѣленій сотни на сотни съ единицами, такъ какъ тутъ потребовалась бы еще диссипація единицы высшаго разряда дѣлимаго и умноженіе остатка.

Итакъ, мы не только при помощи Герберта можемъ возстановить главу Х II 8 о дѣленіи сотенъ на сотни съ единицами, но, при помощи возстановленнаго Х, мы уличаемъ Герберта въ грубой ошибкѣ, именно—неудачномъ соединеніи въ началѣ своей главы двухъ рѣшаемыхъ различнымъ образомъ случаевъ, дѣленія сотенъ на сотни съ

⁵³⁾ Анон. Вульфовъ всегда прямо называетъ встрѣчающіеся въ числѣ разряды, а не говоритъ описательно „съ пропускомъ одного“ или „съ пропускомъ двухъ“. А что тутъ говорилось и о тысячахъ совмѣстныхъ съ десятками, это ясно изъ словъ Герберта „*uno intermisso*“, которыя относятся и къ тысячамъ. Кроме того „тысячамъ совмѣстнымъ съ единицами“ (*millenim cum singulari compositum*) посвящена самостоятельная глава Анонуми Вульфовіани, именно Х II 10=В II 9 bis. См. Gerb. Opp. Math. p. 20 l. 25. Заглавіе этой главы въ В не принадлежитъ тексту Х, а есть придатокъ текста В и взято изъ комментатора 999—1003 г., какъ всё вообще заглавія, а потому и выраженіе „*intermissis duobus*“, встрѣчающееся здѣсь, не говоритъ противъ нашего возстановленія текста главы Х II, 8.

единицами или тысячъ на тысячи съ десятками и дѣленія тысячи на сотни съ единицами, хотя далѣе онъ приводитъ правило, вѣрно только по отношенію къ первому случаю. Эта ошибка Герберта объясняется неточностью его памяти, спѣшностью писанія (въ отвѣтъ на запросъ Константина) и стремленіемъ къ краткости. Онъ неудачно стянулъ содержаніе X II 8, 9 въ одну главу A II 5.

Въ послѣдней редакціи гербертовскаго сочиненія, т. е. въ В, стоятъ рядомъ и A II 5—B II 8 и X II B—B II 9. Редакторъ В, присоединяя къ тексту Герберта, А, главу B II 9 о дѣленіи тысячъ на сотни съ единицами, не потрудился соотвѣствующимъ образомъ передѣлать A II 5—B II 8, а потому у него правило о дѣленіи тысячъ на сотни съ единицами излагается дважды, одинъ разъ (A II 5—B II 8) невѣрно, а другой разъ (B II 9) вѣрно.

Это разсужденіе вскрываетъ передъ нами не только способъ работы редактора В, чисто механическій, но и нашего „Бозіца“. Такъ какъ у Бозіца мы видимъ тоже ошибочное соединеніе дѣленія сотенъ на сотни съ единицами, съ дѣленіемъ тысячъ на сотни съ единицами, которое мы имѣемъ въ текстѣ Герберта A II 5 и которое сохранено въ B II 8, то онъ, значить, пользовался ошибкой Герберта или въ A II 5, или B II 8. Но изъ предыдущаго мы видѣли, что онъ находится подъ вліяніемъ глоссы, свойственныхъ не A II 5, а B II 8. Значить, „Бозіцъ“ пользовался ошибкой Герберта въ редакціи В. Работалъ онъ тоже очень поверхностно. Онъ, очевидно, пользовался одной изъ рукописей сборника абацистовъ, гдѣ текстъ Герберта имѣлъ редакцію $B_{8a}=B_{7a}$. Въ этой редакціи главы B II 9 bis, свойственной изводу B_b , нѣтъ, а есть только B II 8 (=A II 5) и B II 9. Прочитавъ начала B II 8 (A II 5), гдѣ дѣленіе сотенъ на сотни съ единицами соединено съ дѣленіемъ тысячъ на сотни съ единицами, онъ взялъ это ошибочное соединеніе въ свой текстъ и уже считалъ себя въ правѣ опустить главу B II 9, посвященную специально дѣленію тысячъ на сотни съ единицами, хотя ни словомъ не упомянулъ ни о дяссилациі, ни объ умноженіи остатка.

Итакъ „Бозіцъ“ попадаетъ намъ уже во второй разъ въ томъ, что онъ пользовался не текстомъ X, который могъ существовать въ V и VI столѣтіяхъ, а текстомъ В, который появляется не ранѣе начала XI вѣка, и включилъ въ свой текстъ не только нѣкоторыя главы въ редакціи X, но и ошибочную переработку текста X Гербертомъ (въ А).

Идемъ далѣе. Правила дѣленія на абакъ находятся въ зависи-

мости отъ слѣдующихъ условій: а) одинокое ли число дѣлитель (напр., 3, 30, 300 и т. п.) или совмѣстное (32, 302, 322 и т. п.) и б) стоятъ ли высшіе разряды дѣлимаго и дѣлителя въ однихъ разрядахъ, или въ разныхъ. Ровно никакого значенія для выбора приемовъ не имѣетъ различать, „совмѣстное“ ли число дѣлимое или „одинокое“. Нужно сказать только, какъ поступить съ низшими разрядами дѣлимаго, когда дѣйствіе переходятъ въ низшіе разряды дѣлимаго и когда цифры низшихъ разрядовъ дѣлимаго могутъ вліять (слагаясь съ остаткомъ отъ дѣленія цифры высшаго разряда дѣлимаго) на образованіе частнаго. Такъ и поступаетъ Аполутис Вупновіанус въ главѣ X II 6, сохранившеюся до насъ въ В II 5. Говоря о дѣленіи сотенъ, тысячъ и т. д. на десятки, совмѣстные съ единицами, онъ, не различая того, совмѣстное ли число дѣлимое или одинокое, прямо устанавливаетъ приемъ дѣленія, а уже потомъ объясняетъ, что, если дѣлимое совмѣстно съ единицами, какъ въ данномъ случаѣ, напр., 302, или съ десятками и единицами, какъ въ данномъ случаѣ, напр., 312, то эти числа тоже нужно дѣлить или сначала сложить (съ остаткомъ отъ дѣленія высшаго разряда) и потомъ, конечно, дѣлить, если возможно, или оставить въ видѣ конечнаго остатка ⁸⁴⁾. Отсюда ясно, что этому же правильному способу изложенія X долженъ былъ слѣдовать, излагая дѣленіе десятковъ на десятки съ единицами, т. е. въ X II 4. Эта глава должна была начинаться такъ: „Если захочешь на десятки, совмѣстные съ единицами, раздѣлить десятки“, потомъ долженъ былъ быть опредѣленъ приемъ, и въ концѣ уже должно было стоять замѣчаніе о томъ, что единицы, совмѣстныя съ десятками дѣлимаго, нужно слагать съ остаткомъ отъ дѣленія высшаго разряда дѣлимаго. Такое замѣчаніе, насколько можно судить по Герберту, дѣйствительно, и находилось въ концѣ правила ⁸⁵⁾. Отсюда ясно, что начало главы у Герберта A II 2 „если захочешь на десятки, совмѣстные съ единицами, раздѣлить или одинокіе десятки или совмѣстно съ единицами“ ⁸⁶⁾, заключаетъ въ себѣ излишнюю болтовню, въ математикѣ

⁸⁴⁾ *Gerberti Regulae*, текстъ В, глава В II, 5 (=X II, 6), установивъ приемъ дѣленія, добавляетъ: „Et si singularis centeno ad compositionem additur, aut decenas cum singulari diminues vel aggregabis“ (*Gerb. Opp. Math.* p. 16, l. 4).

⁸⁵⁾ *Gerberti regulae*, текстъ А, А II, с. 2 (*Gerb. Opp. Math.*, p. 15, l. 7): „Similiter vero et singulares compositi ad dividendum (совмѣстные съ дѣлимыхъ, т. е. съ десятками) aggregabuntur“.

⁸⁶⁾ *Gerberti regulae*, текстъ А, А II, с. 2 (*Gerb. Opp. Math.*, p. 14, l. 17): „Si volueris per compositum decenum cum singulari dividere vel simplicem decenum vel cum singulari compositum“.

ненужную и появившуюся, благодаря спѣшкѣ и ошибкѣ памяти при возстановленіи учебника. Эта болтовня сохранена и въ В II 4. И вдругъ оказывается, что и нашему „Бозцію“ тоже захотѣлось различать уже въ самомъ началѣ дѣлимое совмѣстное и одинокое. „Десятки же, говоритъ онъ ⁸⁷⁾, *совмѣстные съ единицами, будутъ дѣлать десятки одинокіе или совмѣстные*“ и т. д. Другими словами, Бозціи повторяетъ болтовню, внесенную Гербертомъ въ текстъ X при писаніи имъ своего сочиненія и сохраненную въ текстѣ В.

Наконецъ, послѣ всего сказаннаго приобретаетъ достаточную убѣдительность и еще одно сближенію, которое, взятое отдѣльно, было бы не столь убѣдительно. Въ началѣ своихъ правилъ (текста А) Гербертъ поставилъ обращеніе къ Константину, своему другу. Это обращеніе сохранено и въ текстѣ В, но его, конечно, не могло быть въ той книгѣ, которую Гербертъ силится возстановить по памяти (X). Въ самомъ обращеніи Гербертъ, полемизируя противъ какого-то „философа безъ образованія“ (*philosophus sine litteris*), въ патетическомъ задорѣ говоритъ: „Какъ онъ опредѣлитъ, что такое дигиты, артикулы, минутумы, тотъ, кто пренебрегаетъ быть ученикомъ предковъ? Онъ хочетъ, чтобы казалось, что онъ одинъ знаетъ то, чего онъ вмѣстѣ со мной не знаетъ,—какъ говоритъ Флаккъ (Горацій). А что онъ скажетъ по поводу того, что одно и то же число ставится, то какъ одинокое (*simplex*), то какъ совмѣстное (*compositus*), то какъ дигитъ, то какъ артикуль“ ⁸⁸⁾. Этими словами Герберта инспирировался, должно быть, „Бозціи“ въ самомъ началѣ своего разсужденія объ абакѣ. Онъ говоритъ: „необходимо, чтобы тотъ, кто занимается этимъ искусствомъ (т. е. считать на абакѣ), для работы на томъ инструментѣ (*ad hujus formae speculationem*), о которомъ мы будемъ говорить, зналъ, что такое дигиты, что такое артикулы, что совмѣстные числа, что такое несовмѣстные, что такое множители и что такое дѣлители“ ⁸⁹⁾. Это, если исключить упомина-

⁸⁷⁾ Ed. Friedlein, p. 400, l. 9 (*Gerb. Opp. Math.*, p. 161, l. 10): „*Compositus autem decenus cum singulari decenum vel simplicem, vel compositum divisurus est.*“

⁸⁸⁾ *Gerb. regulae* (*Gerb. Opp. Math.*, p. 7, l. 2): „*Quid enim dicit esse digitos, articulos, minuta, qui auditor majorum fore dedignatur? Vult tamen videri solus scire, quod mecum ignorat, ut ait Flaccus. Quid cum idem numerus modo simplex, modo compositus, nunc digitus, nunc constituatur ut articulus?*“

⁸⁹⁾ „*Nosse autem hujus artis despicientem, quid sint digiti, quid articuli, quid compositi, quid incompositi numeri, quid multiplicatores, quidve divisores, ad hujus formae speculationem, quam sumus tradituri, oportet.*“

ніе о множителяхъ и дѣлителяхъ, сильно отдасть Гербертомъ, источникъ же этой прибавки будетъ указанъ ниже.

Послѣ всего сказаннаго, не подлежитъ, я полагаю, никакому сомнѣнію, что „Возцій“ пользовался не текстомъ Anonymi Vindobiani, который могъ существовать и во время настоящаго Возція, не текстомъ X, а текстомъ B, появившимся послѣ работы Герберта объ абакъ и представляющимъ собою некритическое соединеніе работы Герберта безъ исправленія его ошибокъ съ текстомъ X, который былъ источникомъ для Герберта. Сюда были внесены нѣкоторые глоссы, и эти глоссы позволяютъ намъ даже сказать, что у „Возція“ подъ руками былъ самый поздній изводъ B, именно B_{6a}—B_{7a}, который могъ появиться лишь въ первой половинѣ XI вѣка ⁹⁰⁾. Если это доказано, то тогда, конечно, и порядокъ главъ у „Возція“ и его знакомство съ нѣкоторыми главами, которыхъ нѣтъ у подлиннаго Герберта (A), именно B II 3 и 5, происходитъ не изъ X, а изъ того же B ⁹¹⁾.

Итакъ, несомнѣнно, что Возцій пользовался текстомъ B, а этотъ текстъ развивался внутри древнѣйшаго сборника абацистовъ, не безъ вліянія со стороны другихъ статей этого сборника, какъ, напримѣръ, Геригеръ и комментаторъ Герберта 999—1003 года. Видѣтъ этотъ текстъ „Возцій“ могъ именно въ этомъ сборникѣ.

Но тогда не воспользовался ли онъ непосредственно и другими статьями сборника? Послѣ всего сказаннаго это возможно доказать съ большою убѣдительностью.

Мы только что видѣли ⁹²⁾, что, перифразируя обращеніе Герберта къ Константину, „Возцій“ неожиданно обогащаетъ перечень Герберта новыми двумя понятіями, именно онъ упоминаетъ еще о множителяхъ и дѣлителяхъ. Онъ думалъ, вѣроятно, что сдѣлалъ очень умно, а на самомъ дѣлѣ это было какъ разъ наоборотъ. Дѣло въ томъ, что Гербертъ перечисляетъ термины, которые могли казаться мудреными. Но что же мудренаго въ терминахъ „множитель“, „дѣлитель“. Ихъ понимаетъ всякій и объяснять ихъ для абациста—совершенно напрасный трудъ. И что же по поводу ихъ объяснилъ „Возцій“? Что такое

⁹⁰⁾ Выраженіе „imperfecta“ въ главѣ о дѣленіи сотенъ тысячъ на сотни съ единицами (Gerb. Opp. Math., p. 161, l. 23), употребленное „Возціемъ“ вмѣсто гербертовскаго „altera differentia“, отдастъ глоссой рукописью B_{6a}—B_{7a} къ этимъ словамъ Герберта: „non perfecta, sed uno minus“.

⁹¹⁾ См. выше.

⁹²⁾ См. выше прим. 88 и 89.

множитель и дѣлитель, онъ такъ таки и не объяснилъ, но зато онъ повѣдалъ слѣдующую новость. „*Множители, говорятъ онъ, взаимно чередуются (mutua in semet replicatione volvuntur), т. е. то большее число бываетъ множителемъ меньшаго, то меньшее множителемъ большаго, иногда же число принимаетъ увеличеніе умноженія, возростая само на себя. Дѣлителями же большихъ чиселъ всегда ставятся меньшія числа*“ ⁹³⁾. Положимъ, такой взглядъ на дѣлитель вполне соответствуетъ ученію абацистовъ, которые не допускали возможности отвлеченныхъ дробей или, вѣрнѣе, отношеній въ родѣ $1 : 12 = \frac{1}{12}$, а оперировали съ именованными только дробями ⁹⁴⁾. Такъ, унція, $\frac{1}{12}$ фунта, образовалась, по ихъ мнѣнію, отъ дѣленія не 1 на 12, а одного фунта на въ двѣнадцать разъ реально меньшій дѣлитель, которыхъ въ дѣломомъ 12. Но почему именно „Боэцій“ счелъ нужнымъ говорить объ этихъ вещахъ, специально къ терминологіи абацистовъ не относящихся? Потому, что онъ начитался Геригера. Сочиненіе Геригера распадается на двѣ части: 1) объ умноженіи и 2) о дѣленіи. Первая часть Геригера кончается фразой: „меньшія числа должны быть умножаемы на большія, подобно тому, какъ, наоборотъ, большія должны быть дѣлимы на меньшія“. Вторая часть о дѣленіи начинается фразой, составляющей продолженіе мысли предыдущаго утвержденія: „дѣлится непременно большее на меньшее число“ ⁹⁵⁾. Изъ этого видно, что по пути логическихъ конструкцій Геригеръ зашелъ слишкомъ далеко. Для ясности антитезы онъ дошелъ до утвержденія, будто множитель всегда долженъ быть больше множимаго. Но не нужно быть настоящимъ Боэціемъ, чтобы понять, что множитель можетъ быть и равенъ множимому и меньше его. И вотъ нашъ „Боэцій“ счелъ своимъ долгомъ отчасти tacite поправить Геригера, отчасти же подтвердить. Вотъ причина включенія имъ въ гербертовскую фразу еще и множителей и дѣлителей.

Ни Гербертъ, ни Геригеръ, ни неизвѣстный о дробяхъ не даютъ

⁹³⁾ *Erl. Friedlein* p. 395 l. 17 (*Gerh. Opp. Math.*, p. 156 l. 16): „*Multiplicatores igitur numeri mutua in semet replicatione volvuntur, id est interdum major minoris, interdum autem minor majoris multiplicator existit, interdum vero numerus in se excrescens multiplicationis augmenta suscipit. Divisores autem majorum semper minores constituuntur numeri*“.

⁹⁴⁾ См. выше. гл. I, прим. 54.

⁹⁵⁾ *Gerh. Opp. Math.*, p. 209 l. 26: „*Debent igitur minores per majores multiplicari, sicut contra majores per minores dividi*“.—*Ibid.* p. 210 l. 3: „*Dividitur utique major per minorem*“.

никакихъ разъясненій по поводу терминовъ „дигить“ и „артикулъ“, „одинокое число“ (simplex), „совмѣстное число“ (compositus numerus). Ничего не говорятъ они и о самой нумераціи на абажѣ, т. е. не объясняютъ того, какъ двойка въ колоннѣ единицъ обозначаетъ двойку, во второй справа колоннѣ 20 и т. д. „Бозцій“ все это разъясняютъ ⁹⁶⁾, правда, не вездѣ одинаково удачно, но все же разъясняютъ. Онѣ, конечно, могъ все это выучить еще въ школѣ, но все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилось и въ древнѣйшемъ сборникѣ абацистовъ, именно въ комментаріи на Герберта 999—1003. Здѣсь въ II с. I мы читаемъ объясненіе терминовъ „одинокое“ и „совмѣстное“ число, II с. 2 разъясняются термины „дигить“ и „артикулъ“. Нумерація на абажѣ изложена комментаторомъ въ I с. 3 ⁹⁷⁾.

Но пойдѣмъ еще дальше. Мы помнимъ ⁹⁸⁾, что Бозцій говоритъ намъ о какихъ-то приспособленныхъ къ Лаціуму, т. е. латинскихъ сочиненіяхъ Архита объ абажѣ. Не забыли мы точно также того, что этотъ Архитъ причинилъ не мало хлопотъ повѣйшимъ ученымъ ⁹⁹⁾. Знаменитый тарентскій Архитъ о Лаціумѣ въ IV в. до Р. Хр. не имѣлъ никакого основанія заботиться, а другихъ Архитовъ подходящихъ намъ неизвѣстно. Пришлось выдумывать „латинскихъ Архитовъ“, жившихъ будто бы въ I и II вв. по Р. Хр., или толковать о латинской переработкѣ греческихъ сочиненій Архита. Кромѣ того, „Бозцій“ сообщаетъ намъ рисунокъ абака и даже цѣлыхъ два ¹⁰⁰⁾. Мы видѣли выше, что оба эти рисунка представляютъ собой не что иное, какъ доску абака, варварски разсѣченную „Бозціемъ“ на двѣ части. Верхняя часть абака, именно его первые шесть горизонтальныхъ рядовъ, сообщены имъ въ концѣ первой книги. Нижняя часть абака, его седьмой горизонтальный рядъ, заключающій въ себѣ изображенія дробей, употреблявшихся абацистами, отсѣчена Бозціемъ и перенесена во вторую книгу согласно плану сочиненія, по которому ученіе о дробяхъ было связано съ второй книгой. Мало того, этотъ седьмой рядъ гипертрофировался, превратился въ справочную доску въ цѣлыхъ.

⁹⁶⁾ *Ed. Friedlein*, p. 395 l. l. 6—16, p. 398 ll. 1—9. *Ср. Gerb. Opp. Math.*, p. 156 l. l. 8—15, 159 ll. 7—17.

⁹⁷⁾ Комментаторъ наданъ *Gerb. Opp. Math.* p. 246 sqq.

⁹⁸⁾ См. выше, гл. I, прим. 11.

⁹⁹⁾ См. выше, гл. II.

¹⁰⁰⁾ См. выше, гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, янв. 1907, стр. 24, отдѣльно. „Абакъ и Бозцій“ стр. 25; *Журн. Мин. Нар. Просв.*, февр. 1907, стр. 313, отд. изд., стр. 50.

12 рядовъ, а абаццесткія дробн потерпѣли, если такъ можно выразиться, крупную реформу, увеличившись въ своемъ числѣ въ сторону болѣе мелкихъ дробей и преобразившись въ латинскія буквы. Такъ выросъ непонятный до сихъ поръ рисунокъ второй книги, а текстъ вокругъ него, но менѣе до сихъ поръ бывший непонятнымъ, имѣеть цѣлью объяснить этотъ рисунокъ и изложить сущность реформы. Мы видѣли, что буквенная реформа „Боэція“ выросла, по всей вѣроятности, изъ буквеннаго же объясненія дробныхъ знаковъ у Псндора, или какого-нибудь другого писателя ¹⁰¹⁾. Но откуда взять Архитъ, попавшій, очевидно, не на свое мѣсто; откуда, наконецъ, заимствовать разрыванный имъ на двое и отчасти реформированный рисунокъ абака?

И на эти вопросы могу отвѣтить совершенно точно: изъ древнѣйшаго сборника абаццестовъ.

Въ томъ сборникѣ древнѣйшихъ абаццестовъ, гдѣ во главѣ стоятъ трактатъ Герберта, находился при этомъ трактатѣ рисунокъ, который, очевидно, долженъ изображать абакъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ концѣ X вѣка. Чтобы этотъ рисунокъ принадлежалъ самому Герберту, мы не думаемъ. Вопросы о внѣшнемъ видѣ абака Гербертъ въ своемъ сочиненіи совсѣмъ не касается. Не зачѣмъ, поэтому, ему было и рисовать самый внѣшній видъ абака и тѣмъ давать черезчуръ роскошную и ненужную иллюстрацію къ своему письму—справкѣ, которая касается только возстановленія текста или общаго смысла правилъ умноженія и дѣленія на абакѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что рисунокъ этотъ даетъ намъ самое близкое представленіе о внѣшнемъ видѣ абака, находившагося въ рукахъ Герберта. По крайней мѣрѣ, онъ въ главныхъ чертахъ совершенно похожъ на описаніе абака Герберта у ученика его Рихера ¹⁰²⁾. Рисунокъ абака въ древнѣйшемъ сборникѣ абаццестовъ я могу возстановить по двумъ известнымъ мнѣ копіямъ. Одна—это рукопись парижской Національной бібліотеки fonds latin 8663 одиннадцатаго вѣка, другая—Бернская рукопись № 250 десятаго вѣка. Въ первой изъ нихъ на пространствѣ нѣсколькихъ четвертушекъ сохранись отрывки чуть-ли не трехъ копій съ древнѣйшаго сборника абаццестовъ. Къ первой принадлежитъ древнѣйшій и чистѣйшій изъ всѣхъ мнѣ известныхъ текстъ сочиненія Герберта, именно текстъ А въ чистомъ видѣ. Не случайная, конечно,

¹⁰¹⁾ См. выше, гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 150—155, отд. изд., 72—77.

¹⁰²⁾ См. выше, гл. I, прим. 46, гл. III, прим. 49.

вещь, что при этомъ текстъ нѣтъ никакого рисунка. Впрочемъ, этотъ текстъ можетъ быть и независимъ отъ сборника и представляетъ собою копию съ Герберта помимо сборника. Далѣе въ рукописи идетъ копія Геригера и комментатора на Герберта 999—1003 года, взятая, во всякомъ случаѣ, не отсюда, откуда взять текстъ Герберта (А), такъ какъ копія эта представляетъ собой одинъ изъ позднѣйшихъ изводовъ (Ybbb) сборника, въ которомъ текстъ Герберта былъ уже въ редакціи В (типа В_{6a}—В_{7a} начиная съ извода сборника Ybb). Наконецъ, въ той же рукописи идетъ третья копія со сборника, именно опять текстъ Герберта, но уже не типа А, какъ выше, и не типа В_{6a}—В_{7a}, который стоялъ въ сборникѣ типа Ybb (и Ybbb), а типа В_{2b}, который попадаетъ только въ сборникъ извода Yab. Здѣсь выписаны только главы, которыхъ не было переписано въ той же рукописи выше (А), т. е. добавочныя главы В II 3, В II 5, В II 6, В II 9 и В II 9 bis (последняя характеризуетъ изводъ Вb и отличаетъ его отъ изводовъ Вa).

Такимъ образомъ, въ одной и той же рукописи сошлись осколки трехъ, вѣроятно, и навѣрное двухъ копій съ сборника абацистовъ. Если бы рисунокъ находился при первомъ текстѣ А, то авторитетность этого древнѣйшаго текста распространилась бы и на него. Но онъ стоитъ какъ разъ въ текстѣ В_{2b}, источникъ котораго есть сборникъ версій Yab, и не можетъ быть признанъ за болѣе древній, чѣмъ второй извѣстный намъ рисунокъ ¹⁰²⁾. Второй рисунокъ стоитъ совершенно отдѣльно, безъ всякой связи съ сборникомъ въ рукописи бернской (№ 250). Въ бернской рукописи рисунокъ занимаетъ первый ея листъ, лицевую сторону, и начиная съ обратной стороны того же листа идетъ такъ называемый *calculus Victorii*, никакого отношенія къ абаку не имѣющій. Калкулъ Викторія кончается на листѣ одиннадцатомъ. О дальнѣйшемъ содержаніи рукописи я, къ сожалѣнію, ничего сказать не могу. Не могу также ничего сказать по вопросу, есть-ли настоящій листъ 1 рукописи вмѣстѣ съ тѣмъ и ея первоначальный первый листъ, или передъ этимъ листомъ кое что выпало. Но для меня несомнѣнно, что никому не могло притти въ голову помѣщать рисунокъ абака безъ сопровожденія какого-нибудь текста

¹⁰²⁾ О рукописи парижской бібліотеки № 8663, см. Gerb. Opp. Math. p. LVIII в pp. 294—296. Здѣсь на pp. 294—296 можно найти подробности о различныхъ изводахъ древнѣйшаго сборника абацистовъ, котораго 5 стадія развитія названа мною буквою Y, а разныя ея редакціи обозначаются по системѣ Ya, Yb, Yaa, Yab, Yba, Ybb и т. д.

объ абакѣ. А если бы такая блажь и пришла кому-нибудь въ голову, то онъ все же долженъ былъ взять этотъ рисунокъ изъ такой рукописи, гдѣ съ этимъ рисункомъ были соединены какіе-нибудь тексты объ абакѣ. Какіе же могли быть это тексты? Да, очевидно, тѣ же, что и въ рукописи парижской № 8663, такъ какъ рисунки абака въ обѣихъ рукописяхъ одинаковы. Можно даже навѣрно сказать, что рисунокъ бернской рукописи былъ первоначально тоже связанъ съ сочиненіемъ Герберта. На этомъ рисункѣ мы читаемъ надпись въ видѣ гексаметра: „Girbertus Latio numeros abasique figuras“ = „Латію Гербертъ дастъ фигуры и числа абака“.

Общее заключеніе отсюда то, что въ сборникѣ при трактатѣ Герберта былъ изображенъ рисунокъ абака, который, хотя, вѣроятно, и не принадлежалъ Герберту, но сходенъ съ гербертовскимъ, какъ это видно изъ описанія Рихера и комментатора ¹⁰⁴⁾ 999—1003 г. Для восстановления его мы имѣемъ двѣ рукописи Парижъ 8663 и Бернъ 250, авторитетъ которыхъ одинаковъ.

Что же представляетъ собою рисунокъ абака при трактатѣ Герберта въ древнѣйшемъ сборникѣ абацистовъ на основаніи этихъ двухъ рукописей? Это есть доска, по которой были проведены вертикальныя и горизонтальныя линіи. Вертикальныя линіи образовали 27 вертикальныхъ колоннъ, горизонтальныя разбивали абакъ на нѣсколько горизонтальныхъ полосъ. Вертикальныя колонны были соединены въ группы по три, каковыхъ группъ было 9. Каждая группа была отмѣчена дугой, соединявшей въ одно видимое цѣлое каждыя три колонны. Внутри этихъ большихъ дугъ проведены были въ каждой группѣ по двѣ меньшихъ дуги: одна надъ колонною единицъ, единицъ тысячъ, единицъ милліоновъ и т. д., другая захватывала сразу десятки и сотни, десятки и сотни тысячъ, десятки и сотни милліоновъ и т. д. Внутри большихъ дугъ, соединяющихъ по три колонны, по внѣ малыхъ дугъ, написаны противъ каждой колонны буквы, надъ первой справа S (*singularis* = единицы), надъ второй D (*decenus* = десятки), надъ третьей C (*centenus* = сотни). Внутри маленькой дуги, стоящей надъ единицами, единицами тысячъ, единицами милліоновъ, стояли, отмѣчая каждую группу изъ трехъ колоннъ, наши современные цифры, конечно, въ ихъ тогдашнемъ нѣсколько отъ нашихъ цифръ отличающемся видѣ. Очень можетъ быть, что при цифрахъ стояли и ихъ странныя извѣстныя абацистамъ на-

¹⁰⁴⁾ См. выше въ этой же главѣ стр. 286.

званія: Igin, Andras, Ormis, Arbas ¹⁰⁵) и т. д. Такъ какъ трехколонныхъ группъ было 9, то нулю не было мѣста и его не было на рисункѣ. Оно и понятно: эти цифры стояли здѣсь, конечно, не для счета девяти трехколонныхъ группъ, въ чемъ не было никакой надобности, а съ цѣлью дать точное изображеніе всѣхъ девяти знаковъ, употреблявшихся рядомъ съ римскими цифрами и буквами греческаго алфавита ¹⁰⁶). Эта ученая роскошь нуждалась въ наглядной иллюстраціи. Совершенно такой рисунокъ абака съ тѣми же девятью цифрами былъ у Герберта. Послушаемъ Рихера, говорящаго (996—998 гг.): „онъ расположилъ въ длину абака, разграфленную на 27 частей, знаки (notas) числомъ девять, которые обозначали любое число ¹⁰⁷) (omnem numerum)“. Знаки эти обозначали любое число, т. е. 2 въ колоннѣ единицъ значила единицы, въ колоннѣ десятковъ десятки, въ колоннѣ сотенъ сотни. Только сопоставленіе словъ Рихера съ этимъ рисункомъ позволило мнѣ впервые понять, что разумѣетъ Рихеръ подъ неясными во всякомъ случаѣ словами о расположеніи въ длину абака, раздѣленнаго на 27 колоннъ, всего только девяти знаковъ, по подобію которыхъ у Герберта было вырѣзано 1.000 роговыхъ жетоновъ, клавшихся на абакъ ¹⁰⁸). Обозначать число любого разряда (omnem numerum) могли по преимуществу эти именно теперь называемыя арабскими цифры. Римскія девять ¹⁰⁹) первыхъ цифръ сами по себѣ означали лишь только числа перваго разряда, т. е. единицъ, а не десятковъ и не сотенъ. То же можно сказать о первыхъ девяти буквахъ греческой буквенной нумераціи. Правда, на жетонахъ, переносимыхъ изъ разряда въ разрядъ, и онѣ могли обозначать любое число, но изображенныя на абакѣ девять цифръ отличались отъ нихъ все же выгодно тѣмъ, что были совершенно не связаны ни съ однимъ изъ разрядовъ и никогда не составляли первыхъ

¹⁰⁵) См. гл. I, прим. 46 вторая половинна.

¹⁰⁶) См. гл. I, прим. 43, 44, 46.

¹⁰⁷) *Rich. lib. III, c. 54*: „Cujus longitudini in XXVII partibus deductae novem numero notas omnem numerum significantes disposuit“. Замѣтимъ, что Рихеръ говоритъ объ однократномъ дѣйствіи „disposuit“, которое можетъ относиться только къ приготовленію разъ навсегда рисунка абака, а совсѣмъ не о расположеніи знаковъ по колоннамъ во время операціи. Это было бы „disponere“ или „disponere volebat“.

¹⁰⁸) *Rich. ibid.* „Ad quarum (т. е. notarum) etiam similitudinem mille cornes efficit characteres“.

¹⁰⁹) Собственно, отдѣльныхъ знаковъ въ римской нумераціи не 9, а всего семь: I, V, X, L, C, D, M. Первые девять цифръ образованы изъ двухъ отдѣльныхъ знаковъ: I, V. Девятка изображается чаще всего VІІІ, а не IX.

девяти знаковъ въ болѣе многочисленномъ ряду цифровыхъ знаковъ, какъ римскія или греческія цифры, а составляли собой законченный (неусѣченный) рядъ. Только изъ этого впервые здѣсь сдѣланнаго сопоставленія вполне ясно, что Рихеръ говоритъ здѣсь, дѣйствительно, о такъ называемыхъ арабскихъ цифрахъ и что Гербертъ употреблялъ на абакѣ, дѣйствительно, такъ называемыя арабскія цифры. Между тѣмъ объ этомъ много и съ увѣренностью говорили и раньше, изображали Герберта первымъ человекомъ, введшимъ въ христіанской Европѣ такъ называемыя арабскія цифры, совершенно забывая, что слова Рихера прекрасно подходятъ сами по себѣ и къ девяти римскимъ и греческимъ цифрамъ, разъ онѣ написаны на жетонахъ, которые переключаются изъ разряда въ разрядъ. И ими можно изображать на абакѣ любое число даже безъ нашего нуля, замѣняемаго пустою колонною. Рисунокъ абака въ сборникѣ абацистовъ есть наглядная и въ высшей степени цѣнная иллюстрація Рихера, слова котораго можно было бы иначе понять съ двумя ошибками. Первая, что всѣ девять цифръ въ длину абака были расположены не пропуская ни одной колонны, такъ что они были повторены три раза ($9 \times 3 = 27$). Вторая, что Рихеръ говоритъ, можетъ быть, о римскихъ или греческихъ первыхъ девяти цифрахъ. Совершенно съ описаннымъ нами абакомъ сходный рисунокъ описываетъ комментаторъ на Герберта 999—1003 г. И у него 27 колоннъ, соединенныхъ по три большими дугами, внутри ихъ по двѣ дуги меньшаго размѣра и буквы S, D, C, а въ меньшей изъ всѣхъ дугъ (надъ единицами, единицами тысячъ, единицами миллионовъ и т. д.) и у него ставятся первыя девять цифръ. Такимъ образомъ, первая трехколонная группа у него является обозначенной характеромъ единицы (*primo unitatis caractere insigniti*), вторая „характеромъ двойки“ (*binarii caractere*), третья—тройкой (*ternario*), четвертая четверкой (*quaternario*), пятая знакомъ „пятерки“ (*quinarii notula*), шестая „характеромъ шестерки“ (*senarii caractere*), седьмая „знакомъ семерки“ (*septenarii nota*), восьмая „фигурой восьмерки“ (*octonarii figura*), девятая „схемой девятки“ (*novenarii scemate*). Это-то и есть тѣ девять знаковъ, характеровъ, которые во-первыхъ, какъ онъ говоритъ, отличаются имъ однимъ свойственными значками (*propriis insignes notulis*), во-вторыхъ, „распределены по известнымъ интерваламъ“ (т. е. въ три колонны каждый; *certisque distributi intervallis*), а въ-третьихъ, обозначаютъ „нѣкую мощную дѣйствительность своего изумительнаго примѣненія“ (*designant quandam potentem efficaciam suae mirabilis operationis*). Это мудреное выраже-

не говоритъ то же, что Рихеровское „*omnem numerum significantes*“ (обозначающіе любое число). Для десятаго знака на описанномъ нами рисункѣ, повторяемъ, нѣтъ мѣста. О немъ не упоминаетъ и Рихеръ. Въ этой связи о немъ молчитъ и комментаторъ, которому однако прекрасно извѣстенъ круглый (ничѣмъ ненадписанный) жетонъ, обозначаемый имъ терминомъ „кружокъ“ (*rotula*), кружокъ сверху пустой (*rotula supervacua*—очевидно *supravacua numero*). Она у него употребляется для отмѣтки той или другой цифры во время вычисленій. Оно и понятно почему. Это совсѣмъ не цифра. Это есть жетонъ безъ цифры. На бумагѣ его иначе, какъ совершенно съ нашимъ нулемъ сходнымъ кругомъ, нельзя изобразить. Но уже и комментаторъ говоритъ, что при умноженіяхъ (многозначныхъ на многозначныя) „вмѣстѣ съ девятью упомянутыми выше характерами примѣняются еще два пустыхъ сверху кружка“ (*adhibentur cum novem praedictis caracteribus duae rotulae supervacuae*) для отмѣтки, которая цифра множимаго на которую множителя множится въ данный моментъ. Такимъ образомъ, въ ряду знаковъ на абакѣ этому кругу указывалось самою сутью вещей десятое мѣсто, и, кто хотѣлъ быть полнымъ, могъ нарисовать на абакѣ цѣлыхъ десять знаковъ. Изъ нихъ первые девять, такъ какъ они имѣли собственные знаки, изображались именно этими знаками безъ круговъ, которые могли бы знаменовать жетоны, на которыхъ они писались. Можетъ быть, это происходило и отъ того, что, какъ видно изъ Рихера, Герберга, а съ нимъ и другіе, употребляли на абакѣ не круглые жетоны съ цифрами на нихъ, а вырѣзанныя изъ рога самыя формы цифръ. Кружокъ же, круглый жетонъ безъ всякой цифры, иначе какъ кругомъ и изображенъ-то быть не могъ. Все, что нами до сихъ поръ описано, стояло надъ первой изъ горизонтальныхъ линій, которая собственно и замыкала сверху всѣ 27 вертикальныхъ колоннъ ¹¹⁰⁾. Но, такъ какъ сверху параллельно ей шелъ верхній край абака, то мы можемъ сказать, что все это находилось въ первой горизонтальной полосѣ абака, которая образовалась сверху краемъ доски абака, снизу первой горизонтальной линіи. Значить, въ первомъ горизонтальномъ ряду рисунка въ сборникѣ абакистовъ стояли прототипы нашихъ яко бы арабскихъ цифръ.

Вторая горизонтальная линія шла параллельно первой и отрѣзывала отъ каждой изъ 27 вертикальныхъ колоннъ прямоугольнички, въ

¹¹⁰⁾ Описание рисунка абака см. у комментатора I сс. 2, 3 (*Gerh. Opp. Math.* рр. 246—248), описание употребленія ротулы, II, с. 6 (*ibid.*, р. 259—261).

которыхъ римскими буквами были обозначены значенія каждой колонны справа налѣво: I, X, C, M, XM, CM, MM и т. д. Рихеру объ этомъ не зачѣмъ было упоминать, но эту полосу мы находимъ вообще во всѣхъ абакахъ. Эти значенія колоннъ описаны и комментаторомъ 999—1003 г.

Описанныя до сихъ поръ двѣ горизонтальныя линіи и двѣ горизонтальныхъ полосы были несомнѣнно въ гербертовскомъ абакѣ. Этихъ обозначеній было совершенно достаточно, даже слышимъ. Безъ всѣхъ дугъ и обозначеній верхней полосы можно прекрасно обойтись при вычисленіяхъ жетонами. Но доской абака хотѣли воспользоваться еще и для другихъ справочныхъ цѣлей. Она для этого давала толчекъ своими другими горизонтальными линіями. Дѣло въ томъ, что для удобообозримости операций абакъ полезно было дѣлать горизонтальными линіями на горизонтальныя полосы; въ одну изъ нихъ ставился множитель или дѣлитель, въ другую множимое и дѣлимое, въ третьей производились самыя операціи, четвертая (нижняя) заключала въ себѣ произведеніе или частное. Такъ описываетъ свой абакъ Бернелинъ ¹¹¹⁾, а удобно это было потому, что иначе сниманіе жетоновъ уничтожило бы заданныя для операціи числа. Но мы не имѣемъ документальнаго основанія утверждать, чтобы эти линіи, начиная съ третьей горизонтальной линіи, были свойственными абаку Герберта. Особенно же мы не станемъ утверждать, чтобы уже въ гербертовскомъ абакѣ образованныя этими линіями полосы были использованы для постороннихъ операціямъ съ жетонами на абакѣ счетныхъ помѣтокъ, какъ это было сдѣлано на абакѣ въ древнѣйшемъ сборникѣ абацистовъ. Цѣль этихъ служебныхъ справочныхъ помѣтокъ и ихъ положеніе въ колоннахъ вѣдъ принципа значенія цифръ по положенію уже выяснены мною выше ¹¹²⁾. Не знаю, была ли свойственна всѣмъ абакамъ древнѣйшаго сборника абацистовъ полоса съ помѣтками, изображавшими тѣ же I, X, C, M и т. д., только въ видѣ суммы двухъ ихъ половинокъ, какъ SS ($\frac{1}{2} + \frac{1}{2}$), VV (5 + 5), LL (50 + 50), DD (500 + 500), $\bar{V}\bar{V}$ (5.000 + 5.000), $\bar{L}\bar{L}$ (50.000 + 50.000), а съ милліона въ видѣ произведенія X. \bar{C} (10 × 100.000), C. \bar{C} . (100 × 100.000), M \bar{C} (1.000 × 100.000) и т. д. Такой рядъ я вижу въ

¹¹¹⁾ См. *Bernelius, liber abaci*, напечатанной у *Olleris, Oeuvres de Gerbert*, p. 360 sqq. О сниманіи жетоновъ смотри Арнон. *самост. европ. культ. прим.* стр. 205.

¹¹²⁾ Въ главѣ I. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907 г., стр. 153. Отд. изд. стр. 75.

въ Берн. 250. Зато всѣмъ имъ былъ свойствененъ слѣдующій горизонтальный рядъ, который является, съ пропускомъ только что упомянутаго, третьимъ и заключалъ въ себѣ половины основныхъ обозначеній колоннъ.

Третій горизонтальный рядъ заключалъ въ себѣ половины основныхъ обозначеній колоннъ, т. е. $S (= \frac{1}{2}) V, L, D, \bar{V}, \bar{L}, V, \bar{C}, L, \bar{C}, D, \bar{C}$ (такъ Берн. 250) или $S, L, V, D, \bar{V}, \bar{L}, \bar{D}, V$ MM, LMM (такъ Париж. 8663; только MM у него, очевидно, по ошибкѣ пропущенъ, какъ дальше MMMM и т. д.).

Четвертый, находимый нами въ Берн. 250 незаполненнымъ и отсутствующій въ Парижской рукописи 8663, очевидно, только по лѣни переписчика, долженъ былъ, конечно, давать четверти.

Пятый, пропущенный въ обѣихъ рукописяхъ (и въ Берн. 250, переписчикъ, который уже и предыдущій рядъ полѣнился заполнить, хотя и нарисовалъ его), давалъ восьмыя.

Шестой горизонтальный рядъ, находимый нами въ Берн. 250 (а также въ позднѣйшихъ не принадлежащихъ автору геометрии Боэція прибавленіяхъ къ его рисунку въ первой книгѣ)¹¹³⁾, заключалъ въ себѣ знаки римскихъ дробей фунта и самаго фунта. Обыкновенныхъ знаковъ римскихъ дробей было известно абацистамъ 24; прибавляя сюда знакъ для единицы фунта и два рѣдкихъ знака для рѣдкой дроби *sesquiscrupulus* и для (совсѣмъ не дроби) *dipondius* (2 фунта), которыхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нѣтъ¹¹⁴⁾, авторъ рисунка получаетъ общее число знаковъ 27, которые и располагаетъ начиная съ меньшихъ и съ правой колонны по одному въ каждой колоннѣ. Цѣль была тутъ, очевидно, такая же мнемоническая, какъ и при помѣщеніи такъ называемыхъ арабскихъ цифръ въ верхнемъ рядѣ.

Мы уже видѣли, что такой именно абакъ, во всемъ сходный съ абакомъ древнѣйшаго сборника абацистовъ, былъ подъ руками у нашего „Боэція“. Онъ только счелъ бесполезнымъ рисовать дуги и ставить буквы S, D, C внутри большихъ дугъ, а также и рисовать всѣ 27 колоннъ. Онъ беретъ ихъ всего дюжину, руководствуясь при этомъ, вѣроятно, тѣмъ, что реформированныхъ имъ дробей (A — M) было ровно 12 и онѣ, эти буквенныя дроби, у него были расположены въ

¹¹³⁾ Что родъ съ дробями въ рисункѣ первой книги прибавленъ къ первоначальному рисунку „Боэція“ переписчиками, это и доказалъ въ главѣ I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 146—148. Отд. изд. стр. 68—70.

¹¹⁴⁾ См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, мартъ 1907, стр. 131. Отд. изд. стр. 56.

самомъ нижнемъ горизонтальномъ ряду его абака въ полномъ согласіи съ абакомъ древнѣйшаго сборника по одной въ колоніи. Вполнѣ въ согласіи въ этомъ абакомъ онъ въ верхнемъ ряду ставитъ 9 такъ называемыхъ арабскихъ цифръ, прибавляя къ нимъ и десятый знакъ, рисунокъ пустого жетона съ треугольнымъ отверстиемъ внутри, очевидно для называнія \triangle , что нѣкоторыми переписчиками неудачно омыслено въ \textcircled{A} или \textcircled{a} . Этотъ пустой, служившій для отмітокъ, жетонъ онъ могъ найти у комментатора 999—1003 г. подъ названіемъ rotula. По его видѣннй видъ и его названіе sipos (очевидно, изъ $\psi\eta\phi\omicron\varsigma$ = psiphos) онъ зналъ изъ практики или изъ другого письменнаго источника. Помѣщая этотъ невинный десятый знакъ рядомъ съ девятью цифрами, фальсификаторъ не думалъ, что совершаетъ преступленіе, по поводу котораго будутъ звать ученыхъ судебныхъ слѣдователей въ XIX столѣтіи. Разумѣется, на 12 колоннахъ онъ не могъ бы расположить и 9 знаковъ (не то что 10!) съ такими же интервалами (черезъ 2 колонны въ третью), какъ это сдѣлано въ абакѣ сборника абакистовъ, а потому онъ всѣхъ ихъ помѣщалъ подрядъ по одному въ каждой изъ десяти первыхъ колоній. Послѣднія двѣ (лѣвая) гуляли. А такъ какъ ему пришла въ голову фантазія отдѣлить названія такъ называемыхъ арабскихъ цифръ въ отдѣльный рядъ, то первый рядъ абака сборника у него раздробился на два. Третій, четвертый, пятый, шестой и седьмой его ряды соотвѣтствуютъ вполнѣ второму, третьему, четвертому, пятому и шестому въ абакѣ сборника съ тѣмъ отличіемъ, что половинны, трети, четверти и восьмыя у него перевераны. Рядъ, соотвѣтствующій шестому въ сборникѣ, посвященному дробямъ, у него занятъ дробями, но только дроби эти смѣло, но неудачно, реформированы, а самый рядъ раздѣленъ на 12 горизонтальныхъ рядовъ. Общее число горизонтальныхъ рядовъ у него дошло до 18, т. е. достигло большаго числа, чѣмъ даже вертикальныхъ колоній, и абакъ принялъ видъ совершенной шахматной доски, которую при желаніи и непониманіи можно было принимать за таблицу умноженія. Особенно это можно сказать о нижнихъ 12 рядахъ, заключающихъ въ себѣ дроби, которыя фальсификаторъ, согласно выясненнымъ нами уже соображеніямъ, отдѣлилъ отъ рисунка абака въ первой книгѣ и перенесъ въ видѣ отдѣльнаго и непонятаго до сихъ поръ рисунка во вторую. Это увеличеніе горизонтальныхъ рядовъ абака сравнительно съ абакомъ сборника явилось у него слѣдствіемъ преувеличеннаго

мнѣнія о спасительной силѣ абака, какъ справочной доски, и значенія служебныхъ попытки, написанныхъ въ горизонтальныхъ рядахъ абака сборника. Онъ принялся серьезно за это увеличеніе и не успокоился до тѣхъ поръ, пока отъ основныхъ помѣтокъ не была имъ указана не только $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{24}$ $\frac{1}{48}$, но даже и $\frac{1}{20160}$. Бѣдняга не сообразилъ, что все это совершенно ни къ чему не нужно, и въ добавокъ далъ эти $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{18}$, $\frac{1}{24}$ и т. д. въ такомъ видѣ, что уже ровно никакой выгоды отъ этого не получалось. Но все это можно ему простить, такъ какъ онъ не вѣдалъ, что творить, какъ не вѣдалъ и настоящаго значенія самыхъ простыхъ римскихъ дробей ¹¹⁵⁾. Итакъ оба рисунка въ геометріи Боэція, несомнѣнно, восходятъ къ рисунку абака, вполне похожему на находящійся въ сборникѣ древнѣйшихъ абакистовъ. Это сейчасъ какъ разъ подтвердится.

Если фальсификаторъ пользовался абакомъ, вполне схожимъ съ абакомъ сборника абакистовъ, и смѣло принялся за его реформу, то почему онъ не воспользовался для какой-нибудь potreбы и тѣмъ гекзаграмомъ, который находился въ этомъ абакѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ бернская рукопись № 250: „Girbertus Latio numeros abacique figuras“ (Гербертъ Латіуму числа и фигуры абака). Ивѣтъ, онъ и имъ воспользовался, но и тутъ выступилъ смѣлымъ реформаторомъ. Онъ замѣнилъ его въ своемъ умѣ стихомъ: „Archytas Latio numeros abacique figuras“. Произведя эту умственную замѣну, онъ уже смѣло писалъ объ абакѣ въ первой книгѣ, какъ о „геометрическомъ столѣ“ (выраженіе тоже заимствовано изъ сборника: оно находится у комментатора 999—1003 г.) ¹¹⁶⁾ и его „традици, Архитомъ, недурнымъ писателемъ по этой части, приспособленной для Латіума (traditionem ab Archyta.... Latio accomodatam), а во второй книгѣ, какъ о „необходимой фигурѣ“ (abacique figuras), которую мы узнали по указаніямъ Архита (necessarium figuram, quam Archita praemonstrante didicimus). Подобная, предусмотрѣнная уголовнымъ уложеніемъ, реформа стиха въ абакѣ сборника была однако для нашего автора роковой необходимостью, разъ ему хотѣлось, во что бы то ни стало, быть Боэціемъ. Не смѣлаться же въ самомъ дѣлѣ на Герберта, который жилъ на 500 лѣтъ послѣ Боэція! Это было бы уже совѣтъ наивно. Правда, никто не мѣшалъ ему поступить осторожнѣе: брать изъ Гер-

¹¹⁵⁾ Обо всемъ этомъ см. гл. I, *Жур. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 142—155. Отд. изд. стр. 64—77.

¹¹⁶⁾ (Ierb. Opp. Math. 250 l. 7: „Vocatur ergo abacus mensa geometricalis, quae in numeros atque formas numerorum divisa“ etc.

берта и ровни ни на кого не ссылаются. Этотъ, и въ настоящее время не совсѣмъ оставленный, способъ имѣлъ однако слѣдующія неудобства. Онъ, правда, защитилъ бы на 900 лѣтъ нашего автора отъ обнаруженія обмана, но нисколько не приближалъ бы его и къ настоящему Боэцію. То ли дѣло, если взять постоянно у настоящаго Боэція въ арифметикѣ и музыкѣ попадающагося пифагорейца Архита и замѣнить имъ неудобнаго Герберта. Отъ Архита уже одинъ шагъ къ Пифагору и пифагорейцамъ вообще, которые будто бы изобрѣли абакъ. А вѣдь такое предположеніе вполнѣ соответствовало чаяніямъ абацистовъ XI вѣка ¹¹⁷⁾. Итакъ, при помощи лжи нашъ авторъ приближался къ чувствуемой въ то время всѣми истинѣ. Черезъ Архита онъ восходилъ къ Пифагору, а отъ Пифагора и Архита и самъ безопасно спускался къ благодарному потомству въ образѣ самаго настоящаго Боэція.

Впрочемъ, авторъ геометрѣн Боэція и не думалъ скрывать того факта, что въ его распоряженіи находилась нѣкоторая литература объ абакѣ. Одинъ свой источникъ, именно будто бы Архита, онъ повсюду выставлялъ на показъ, гдѣ только можетъ. Онъ объ немъ говоритъ такъ, какъ будто всему, что касается абака, онъ только у него и научился. Но рядомъ съ этимъ онъ вдругъ обмолвился какъ будто. Въ главѣ о дѣленіи сотенъ и тысячъ на сотни съ единицами, соответствующей В II 8, онъ по поводу единицъ, съ которыми совмѣстны сотни дѣлителя, вдругъ замѣчаетъ: „единица или же, какъ хотѣтъ называть ее *триле*, *минутумъ*“ ¹¹⁸⁾. Эта неожиданная библиографическая болтовня автора врядъ ли особенно хорошо гармонируетъ съ защищаемой имъ самымъ показнымъ образомъ монополіей Архита. Но что дѣлать? На всякаго мудреца довольно простоты, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ пустился на обманъ. Тогда у него иногда „своя свонхъ не познаша“. Такъ случилось и съ нашимъ мудрецомъ. Его „другіе“ сидятъ въ томъ же сборникѣ абацистовъ: одинъ изъ нихъ есть Гербертъ (А II 5 = В II 8), другой комментаторъ 999 — 1003 (Gerberti Opera Mathematica р. 268 II. 12, 20, 269 I. 2), которые единицы дѣлителя называютъ „минутумами“ ¹¹⁹⁾. Терминъ этотъ у аба-

¹¹⁷⁾ См. введеніе.

¹¹⁸⁾ „Singularis autem, vel ut alii volunt, minutum“ (ed. Friedlein, р. 400 I. 22; Gerb. Opp. Math., р. 161 I. 20).

¹¹⁹⁾ Настоящее значеніе термина „минутумъ“, какъ деюминація стоящей правѣ разряда главнаго дѣйствія, вскрыто мною въ „Теоріи абака“, т. е. въ VII главѣ Арифм. самот. сир. култ., стр. 253.

цистовъ очень рѣдкій и классическій. Его употребляли, очевидно, Anonymus Vubnovianus. Отсюда онъ перешелъ къ Герберту, а отъ Герберта къ его комментатору и даже къ цѣлымъ двумъ: помимо комментатора 999—1003, т. е. перваго по порядку въ моемъ изданіи, этотъ терминъ изъ того же Герберта приводится третьимъ комментаторомъ ¹²⁰⁾. Потомъ онъ выходитъ изъ употребленія, несмотря на все безпокойство о немъ Герберта ¹²¹⁾. Но крайней мѣрѣ, помимо школы Герберта, я нашелъ его еще только въ одномъ очень испорченномъ анонимѣ ¹²²⁾, да и то смыслъ его въ немъ неясенъ. Изъ этого анонима „Боэцій“ не могъ бы почерпнуть того, что онъ говорить. Знакомство его съ третьимъ комментаторомъ ничѣмъ не доказывается. Да и „одинъ“ не можетъ превратиться въ „другіе“. Итакъ, ничего не остается, какъ заключить, что „другіе“ это комментаторъ 999—1003 г. и расколовшійся на два Гербертъ. Одна половина его намъ преподносится подъ видомъ Архита, другая остается анонимной подъ фирмой „другого“. Ужъ не боялся ли фальсификаторъ, что по „минутуму“ его Архитъ, чего добраго, будетъ демаскированъ?

Однимъ словомъ, до сихъ поръ вся мудрость „Боэція“ по части абака вполне удовлетворительно объяснялась матеріаломъ, доставленнымъ древнѣйшимъ сборникомъ абацистовъ. Гораздо труднѣе указать, что онъ взялъ не отсюда. Можетъ быть, знанію, что на абакѣ кромѣ особаго рода знаковъ употреблялись еще римскія цифры и буквы греческаго алфавита? Но римскія цифры на абакѣ ему давалъ тотъ же сборникъ, именно на рисункахъ къ сочиненію неизвѣстнаго о дробяхъ ¹²³⁾. Особые знаки, прототипы нашихъ цифръ, онъ видѣлъ на рисункѣ абака, находившемся въ томъ же сборникѣ (см. выше). Для буквъ же алфавита, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть греческій алфавитъ, не знаю уже безпокоилъ ли онъ Борнелина ¹²⁴⁾, или довольствовался общей устной традиціей.

Остается одинъ пивагореецъ Архитъ. Его онъ взялъ, во всякомъ случаѣ, не изъ сборника. Такой абацистъ нигдѣ, а не только въ сборникѣ, не встрѣчается. Его нашъ авторъ могъ взять только изъ своей головы, въ которую Архитъ, но только, конечно, не въ качествѣ аба-

¹²⁰⁾ Gerb. Opp. Math. p. 274 ll. 9, 13; 275; l. 4, 276 l. 3; 277 l. 5—7, 20, 28; 278 l. 15, 19, 26, 30; 279 l. 12.

¹²¹⁾ См. выше, прим. 88.

¹²²⁾ См. Gerb. Opp. Math., p. 292 l. 31.

¹²³⁾ Gerb. Opp. Math., pp. 241, 242.

¹²⁴⁾ См. выше, гл. I, прим. 33 и 41.

циста, пональ изъ музыки и арифметики настоящаго Боэція, и пональ на свое и наше несчастье.

Итакъ, несомнѣнно, что авторъ двухкнижной геометріи Боэція пользовался древнѣйшимъ сборникомъ абацистовъ, особенно же и находившимся въ немъ сочиненіемъ Герберта объ абацѣ подправленной редакціи В и рисункомъ абака. Онъ жилъ поэтому не ранѣе XI в., но былъ не наивный монахъ, понавший по ошибкѣ переписчиковъ или по какому-нибудь недоразумѣнію, или по собственному невѣжеству и невѣрности въ Боэціи. Невѣждой нашъ авторъ, конечно, былъ и довольно здоровымъ, но еще больше онъ былъ обманщикомъ. Герберта онъ сознательно замѣнялъ Архитомъ. Напрасно въ его сочиненіи искать пользованія хотя бы отдаленнѣйшимъ преданіемъ объ Архитѣ, будь то настоящій, жившій въ V и IV вѣкѣ до Рождества Христова, будь то болѣе дешевый пифагореецъ, жившій будто бы въ I или II столѣтіи послѣ Рождества Христова, или вѣстями о настоящихъ пифагорейцахъ и самомъ Пифагорѣ. Еще напраснѣе стараться отсюда заключать о томъ, что было извѣстно Архиту, какъ это дѣлаетъ Бэкъ ¹²⁵⁾, или даже находить въ геометріи отрывки изъ Архита, какъ это продолжалъ Фридлейнъ ¹²⁶⁾. Оба они уже сомнѣвались въ авторствѣ Боэція, но въ Архита и они и многіе другіе все же вѣрили. На мнѣ лежитъ грустная обязанность сказать, что все это ложь — обманъ пустой. Уже давно онъ выдавалъ себя заботой этого Архита о Лаціумѣ, для котораго онъ будто бы приспособилъ абацѣ, но тутъ на помощь этому обманщику, который не зналъ, что Архитъ былъ совершенно равнодушенъ къ Лаціуму, были изобрѣтены сначала гомукулъ Архитъ, жившій будто бы въ I или II вѣкѣ послѣ Рождества Христова, потомъ „lateinisch zugestutzte“ сочиненія Архита V—IV вв. до Рождества Христова ¹²⁷⁾. Думали, но напрасно, убить Архита I или II вѣка послѣ Рождества Христова стихомъ оды Горация ¹²⁸⁾. Теперь же всѣ эти Архиты, Пифагоры, пифагорейцы, а съ ними и многія гипотезы новѣйшихъ ученыхъ покоятся въ братской могилѣ, на которой памятникъ, а на памятникѣ начертанъ насмѣшливый и уничтожающій куда сильнѣе оды Горация стихъ: „Girbertus Latio numeros abacique figuras“.

Но оскорбленный духъ Герберта отомстилъ фальсификатору еще

¹²⁵⁾ См. гл. II, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908, отд. изд. стр. 116.

¹²⁶⁾ См. гл. II, отд. изд. стр. 125, 126.

¹²⁷⁾ См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 157, отд. изд. стр. 79.

¹²⁸⁾ См. гл. II, отд. изд. стр. 103.

другимъ образомъ за неуваженіе къ своей памяти и за свою замѣну Архитомъ. Онъ мелькнулъ передъ нимъ тѣнью и въ качествѣ таковой завелъ его въ ловушку, въ которой мы его сейчасъ и поймалъ.

Геометрическая часть геометріи Возціи.

Остальная часть двухъкнижной геометріи Возціи объясняется вся цѣликомъ тоже изъ одного источника. Изъ этого источника происходитъ, если исключить минимальный процентъ отсебятинъ весьма плохого качества, вся его премудрость. Въ этомъ источникѣ находились, между прочимъ, два геометрическихъ сочиненія. Одно изъ нихъ, анонимное, ходило до сихъ поръ совершенно напрасно подъ именемъ Марка Юлія Писса, а у меня издано подъ названіемъ „книга подизма“ (*liber podismi*) ¹²⁹). Второе сочиненіе озаглавлено въ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ рукописей римскихъ землемѣровъ, въ такъ называемой ардеріанской рукописи, такъ: „*Начинается счастливо* (книга) *Эпафродита и Витрувія Руфа архитектора*“ и тоже мною критически издано ¹³⁰). Оба эти сочиненія принадлежатъ классической древности, а второе даже, можетъ быть, I столѣтію послѣ Рождества Христова. Отсюда ясно, что Гербертъ въ написаніи ихъ нисколько не повиненъ. Если въ какой-нибудь рукописи они намъ встрѣтятся съ именемъ Герберта, то это будетъ или подлогъ, или ошибка, а самая рукопись будетъ, конечно, относиться ко времени не ранѣе самаго конца X или начала XI вѣка, такъ такъ Гербертъ умеръ въ 1003 г. Но, можетъ быть, это какой-нибудь заказной Гербертъ (въ родѣ заказного Архита), которому можно заказать жить въ любомъ столѣтіи раньше извѣстнаго намъ Герберта? Но, если этотъ Гербертъ будетъ, кромѣ того, въ заглавіи названъ паною и Сильвестромъ II, ну, тогда ужъ дѣлать нечего, придется его считать именно за нашего, умершаго въ 1003 г., Герберта, который и былъ паною Сильвестромъ II. А такой именно пассажъ произошелъ съ нашими книгой подизма и книгой Эпафродита и Витрувія Руфа. Сначала онѣ появляются въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ римскихъ землемѣровъ анонимно ¹³¹).

¹²⁹) Gerb. Opp. Math., p. 509—516. Какъ пошло сюда имя Писса, это я объяснилъ *ibid.*, pp. 409, 421, 428, 449 и объясню еще ниже въ четвертой главѣ.

¹³⁰) *Ibid.*, pp. 516—551. Она въ ардеріанской рукописи (см. гл. IV) VII вѣка начинается словами „*Incipit Aprofiditi feliciter et Betrubi Rufi architectonis*“, а кончается „*Explicit liber Aprofoditi et Betrubi Rufi architectonis*“.

¹³¹) Рукописи эти перечислены мною Gerb. Opp. Math., p. 509 и pp. 516, 517.

Въ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго: многія произведенія, пробираясь въѣмами изъ рукописи въ рукопись, теряютъ свое оригинальное или древнѣйшее заглавіе. Это есть явленіе обычное. Гораздо удивительнѣе, что въ одной рукописи XI вѣка, которая теперь находится въ Неаполѣ (Bibliot. Borbonica V, A, 13 на листахъ 17—22), я нашелъ оба указанныхъ геометрическихъ сочиненія подъ слѣдующимъ страннымъ заглавіемъ: *„Начинается книга геометрическаго искусства, изданная господиномъ паной и философомъ Гербертомъ, который назывался и Сильвестромъ вторымъ“* ¹²²⁾. Такимъ образомъ, не только Эпафродитъ и Витрувій Руфъ, уже въ ардеріанской рукописи (VII в.) соединенные въ одно сочиненіе, но и анонимная книга подизма соединены здѣсь въ одно сочиненіе, и это сочиненіе приписано Герберту или палѣ Сильвестру второму (1003). Тѣ же сочиненія подъ тѣмъ же заглавіемъ я нашелъ и въ Римѣ въ библиотекѣ князя Бонкомпаньи № 90 шестнадцатаго вѣка и въ библиотекѣ Barberini IV, 37 семнадцатаго вѣка. Двадцать четыре года тому назадъ по указаніямъ Deligi 1599 г., Бзовія ¹²³⁾ въ биографіи-навигиріи Герберта, 1629 г., Блюме (въ изданіи Gramatici Veteres II, p. 73, 1852 г.) и каталогамъ я нашелъ неаполитанскую рукопись, которая раньше находилась въ Римѣ въ библиотекѣ Farnese. Подъ именемъ фарнезіанской цитируетъ ее Бзовія въ 1629 году. Но, несмотря на свою несомнѣнную принадлежность къ XI вѣку, она, какъ и двѣ римскія поддѣлшія рукописи, не могла меня, будущаго издателя математическихъ сочиненій Герберта, убѣдить въ принадлежности того, что слѣдуетъ за этимъ заглавіемъ, Герберту. Единственное заключеніе, которое я могъ

Это всѣ указанія въ классахъ T Vab, T Vbbab, T Vbbb. Они относятся къ вѣкамъ X—XIII.

¹²²⁾ „Incipit liber geometricae (рук. Бонкомпаньи: geometric) artis, aeditus (Барбериск. рук.: editus) a domino Gerberto, papa et philosopho, qui et Silvester secundus est nominatus“. Это заглавіе свойственно классу рукописей T Vbbaa, изъ которыхъ неаполитанская (Napoli Borbon. V, A, 13) относится къ XI вѣку. Двѣ другія Вонкомпаньи 90 и Barberini IV, 37, очевидно, копія съ неаполитанской или аналогичной ей, относятся къ XVI—XVII вв. Къ этому же классу принадлежит Bern. Bong. 87, написанная въ 1004 г., а потому отсутствіе здѣсь подобнаго заглавія объясняется, конечно, возобновеніемъ процесса анонимизаціи. Процессъ этотъ объясняется тѣмъ, что заглавія обыкновенно писались другимъ (краснымъ или краснымъ съ синимъ) черниломъ, и переписчики, не всегда имѣя его подъ руками, откладывали писаніе заглавій, а послѣ забывали это сдѣлать. Описаніе этихъ рукописей см. Gerb. Opp. Math., pp. 476—482.

¹²³⁾ *Bzovius, Silvester II, papa, Romae. 1629, p. 23.*

отсюда сдѣлать, это то, что уже начиная съ XI (а не только съ XVI, какъ можно было бы думать изъ рукописи Бонкомпаньи и цитаты Delrio) рядомъ съ настоящей геометрией Герберта ходила по рукамъ смѣсь геометрическихъ задачъ, совершенно напрасно приписываемая Герберту. Ничего общаго съ геометрией Герберта, которая издана у меня ¹³⁴⁾, она не имѣетъ. Ограничившись нѣкоторыми замѣтками о неаполитанской и римской (Barberini: о Boncompagni я узналъ позже) рукописяхъ, я, занятый своимъ изслѣдованіемъ о сборникѣ писемъ Герберта, болѣе десяти лѣтъ не вспоминалъ о нихъ. Приступивъ въ 1894 г. къ приготовленію изданія математическихъ сочиненій Герберта и даже нанеатавъ въ 1898 г. значительную часть этого изданія (между прочимъ, я отдѣлъ о подложныхъ геометрияхъ Боэція), я натолкнулся на свои давнишнія замѣтки и предположилъ, что неаполитанская и двѣ римскія рукописи приписываютъ Герберту то, что въ рукописяхъ римскихъ землеѣровъ ходитъ или анонимно, или подъ именемъ Эпафродита и Витрувія Руфа и что написано на нѣсколько вѣковъ раньше Герберта. Добывъ себѣ уже въ 1898 г. добавочныя справки и копіи отдѣльныхъ частей этихъ рукописей, я увидѣлъ, что не ошибся. Но этимъ дѣло не ограничилось. Простое сопоставленіе книги подызма и Эпафродита и Витрувія, текстъ которыхъ уже и раньше былъ напечатанъ, а мною критически пересданъ въ приложеніи (VII) къ математическимъ сочиненіямъ Герберта, со второй книгой двухъкнижной геометріи Боэція поставило внѣ сомнѣнія, что главное содержаніе второй книги, именно рядъ геометрическихъ задачъ, представляетъ собою довольно математически-неграмотное повтореніе книги подызма и Эпафродита съ Витрувіемъ Руфомъ. Я нашелъ здѣсь пересказъ слѣдующихъ задачъ этихъ книгъ (подложную геометрію Боэція цитирую по Фридлейну, а книгу подызма и Эпафродита съ Витрувіемъ по своему изданію).

Боэцій (!) книга II.

Книга подызма (под.) и Эпафродита съ Витрувіемъ Руфомъ (Ерапрг.).

„	№ 1 (Фридлейнъ 404,9—12).	Ерапрг. 14.
„	№ 2 (404,16—405,5).	„ 3.
„	№ 3 (405,15—406,12).	„ 19.
„	№ 4 (406,14—30).	„ 15.
„	№ 5 (407,2—408,4).	„ 17.
„	№ 6 (408,11—24). Архитъ.	„ 18.
„	№ 7 (409,21—27).	„ 1 в.

¹³⁴⁾ Gerb. Opp. Math., p. 46 sqq.

„ № 8 (409,27—29).	„	1 с, Ерафг. 6.
„ № 9 (410,2—19).	„	4.
„ № 10 (411,1—19).	Podism,	2 в.
„ № 11 (411,20—412,17).	„	2 а.
„ № 12 (412,20—413,9). Архитъ	Ерафг.	34.
„ № 13 (413,17—22).	Podism	1 (не понятно!).
„ № 14 (414,15—415,12.)	Ерафг.	20.
„ № 15 (415,19—25).	„	5.
„ № 16 (416,2—19). Отъ себя подѣ влияніемъ знакомства съ переводомъ Евклида и Архим. Боэція (II сс. 25, 26).		
„ № 17 (417,1—12).	Ерафг.	10.
„ № 18 (417,17—28). отъ себя (хилый ромбъ, котораго стороны неравны между собой!).		
„ № 19 (418,2—12).	Ерафг.	9.
„ № 20 (418,15—419,9).	„	16.
„ № 21—№ 27 (419,10—423,7).	„	21—27.
„ № 28 (423,8—16).	„	30.
„ № 29 (423,18—22).	„	31.
„ № 30 (424,1—9).	„	32.
„ № 31 (424,11—24).	„	11.
„ № 32 (424,26—425,6).	„	12.
„ № 33 (425,7—17).	„	13.

Итакъ изъ второй книги, которая вся-то напечатана у Фридриха между 401,3—428,20, почти все напечатанное между 404,9—425,17, т. е. почти вся она есть пересказъ книги подизма и Эпафродита и Витрувія Руфа. Это сходство было замѣчено уже раньше ¹³⁵⁾, но никакихъ сокрушительныхъ послѣдствій отсюда не вытекало. Почему бы Боэцію въ VI вѣкѣ и не быть знакомымъ съ этими сочиненіями? Правда, три изъ этихъ задачъ, именно свои номера 6 (- Эпафр. 18), 12 (- Эпафр. 34), и вариантъ къ № 13 (Под. 1) онъ, по собственному своему утверженію, взялъ изъ Архита. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ просто: „Если его (прямоуг. треуг.) стороны неизвѣстны, то Архитъ рекомендуетъ ихъ искать слѣдующимъ образомъ“ ¹³⁶⁾. Во второмъ случаѣ онъ преподноситъ уже болѣе трудную штуку: „Мы сочли нужнымъ не пропустить одну вещь, которая одобрена сужденіемъ Архита въ этомъ случаѣ прямоугольномъ треугольнике, а еще раньше логически найдена внимательнѣйшимъ изслѣдованіемъ Евклида“ ¹³⁷⁾. Дѣло

¹³⁵⁾ См. выше, прим. 4.

¹³⁶⁾ „Cujus si latera ignorantur, hoc modo adinvestigari ab Archita praecipiuntur“ (Friedl. p. 403, 14).

¹³⁷⁾ „Unum etiam, quod Architae judicio in hoc eodem orthogonio approbatum

идеть о вписанномъ въ прямоугольный треугольникъ кругъ и опредѣленіи его діаметра. Разумѣется, у Евклида нѣтъ ничего подобнаго. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что Евклидъ, извѣстный геометръ, предполагается живущимъ раньше Архита, между тѣмъ какъ онъ жилъ (вторая половина IV вѣка) позже Архита. Мы видѣли, что для выручки Боэціи нашего Евклида предлагали замѣнить Евклидомъ Мегарскимъ, современникомъ Архита, или изобрѣтали другого Архита, который жилъ будто бы въ I и II вѣкахъ послѣ Р. Хр. ¹³⁹⁾. Но ни то, ни другое не вызывается необходимостью. Боэцій могъ, конечно, сдѣлать маленькую хронологическую неточность. Въ третьемъ случаѣ нашъ авторъ имѣетъ, несомнѣнно, въ виду тупоугольный треугольникъ, котораго стороны равны 17, 10, 9 и который мы находимъ въ книгѣ подизма с. 1. По въ книгѣ подизма продолжено основаніе 9 до пересѣченія съ перпендикуляромъ, опущеннымъ на это продолженіе. Затѣмъ вычисляются величина продолженія основанія, а потомъ и перпендикуляра. Площадь треугольника не вычисляется въ текстѣ, но, вѣроятно, въ рисунокѣ эта площадь была обозначена числомъ 36. Дѣйствительно, высота треугольника (перпендикуляръ, опущенный на продолженіе основанія) есть 8. Отсюда площадь его $= \frac{8 \times 9}{2} = 36$.

Надо думать, что эта цифра и стояла въ томъ рисунокѣ, который былъ у нашего автора передъ глазами. Въ нашихъ рукописяхъ книги подизма цифры 36 нѣтъ. Зато и въ нашихъ рукописяхъ и въ той, которой пользовался quasi-Боэцій, вмѣсто 17 стояла ошибочная ¹³⁹⁾ цифра 18. Несомнѣнно отсюда нашъ авторъ добылъ свою невѣрную высоту треугольника 4. Онъ принялъ 18 за основаніе. Зная площадь 36, онъ опредѣлилъ высоту: $36 = \frac{h \cdot 18}{2}$, откуда $h = \frac{36}{18} \cdot 2 = 4$. Задачу книги подизма онъ измѣнилъ поэтому такъ: найти площадь треугольника, котораго стороны 18, 10, 9, а высота, опущенная на основаніе 18, есть 4. Отсюда онъ опредѣляетъ площадь $= \frac{18 \cdot 4}{2} = 36$. Но тутъ же онъ даетъ слѣдующій удивительный варіантъ (413,22—414,13). „*Но Архитъ, который во всемъ пользовамя разумомъ, тѣмъ другимъ об-*

est, et Euclidis diligentissima perscrutatione prius est rationabiliter adinventum, operae pretium duximus non esse praetermittendum.“ (ed. Friedl. 412 II. 20--23).

¹³⁹⁾ (м. гл. II, отд. изд., стр. 103).

¹³⁹⁾ Къ несчастію, и повторилъ эту ошибку въ своемъ изданіи книги подизма (р. 511 l. 1).

разомъ опредѣлять площадь этого тупоугольника, полагая, что не та сужма, которая выше написана, въ полнотѣ этой площади можетъ заключаться, и меньшая. Онъ показалъ, что катетъ (т. е. высоту 4) надо множить ни себя и ни два, или ни себя и ни восемь, какое-либо число это вдвое превосходитъ ($8 = 4 \times 2$); и что произведение этихъ чиселъ образуетъ площадь, такимъ образомъ, чтобы уже не 36, а всего 32 заключало бы въ себѣ это площадное созерцаніе* (arealis illa contemplatio)¹⁴⁰). Геометрія, дѣйствительно, довольно площадная. Треугольникъ, котораго основаніе 18, а высота 4, не можетъ дать площади въ 32 или въ 128 (какъ выходило бы изъ второго варианта), а всегда только въ 36, а человекъ, который могъ писать подобныя глупости, не могъ быть Архитомъ, при предположеніи, конечно, что Архитъ „пользовался“ въ данномъ случаѣ, какъ и во „всѣхъ“, „разумомъ“¹⁴¹), а не другимъ органомъ. Подобной формулы нигдѣ, ни въ одномъ изъ произведеній древности не существуетъ. Ее придется признать за крайне неудачную передѣлку книги подизма, прикрытую флагомъ Архита.

Отсюда ясно, что ссылки нашего автора на Архита, по меньшей мѣрѣ, подозрительны. Въ двухъ случаяхъ это просто Эпафродитъ и Витрувій Руфъ, въ третьемъ полная ахиня, пристегнутая къ совершенно непонятой задачѣ книги подизма. Мы уже видѣли, что нашъ авторъ въ отдѣлахъ объ абажѣ замѣнилъ Герберта Архитомъ. Не тотъ ли же это Гербертъ и пресловутый геометръ Архитъ, который приводится въ геометрическихъ отдѣлахъ. Неаполитанская рукопись XI вѣка лучше всего отвѣтитъ на этотъ вопросъ: въ ней всѣ приведенныя выше задачи ошибочно приписываются Герберту или налѣ Сильвестру. Отсюда ясно, что составитель двухкнижной геометріи жилъ не ранѣе XI вѣка и пользовался рукописью римскихъ землемеровъ, сходной съ неаполитанской. Имя Герберта, которое онъ видѣлъ въ этой рукописи, обмануло его. Онъ воображалъ, что имѣлъ передъ собой дѣйствительную геометрію Герберта. Широко пользуясь этой воображаемой геометрией Герберта, онъ и тутъ произвелъ тотъ же предусмотрѣнный уголовнымъ уложеніемъ фортель, который онъ

¹⁴⁰) „Sed Architas in cunctis utens ratione, alio modo hujus amblygonii aream reperiri constituit“, etc.

¹⁴¹) Кстати, это сопоставленіе Архита и разума уже произведено въ подлинной музыкѣ Боэція lib. V, с. XVII (Friedl. p. 368 l. 9): „Archytas (слова Bozy, а не Architas) vero cuncta ratione constituens“. (р. „in cunctis utens ratione“ геометріи „Boэція“).

совершилъ съ древнѣйшимъ сборникомъ абацистовъ: имя Герберта онъ замѣнилъ именемъ Архита.

Заключеніе.

Итакъ, обѣщанное въ началѣ этой главы сближеніе Боэція съ Гербертомъ нами произведено. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ арифметической части своего труда „Боэцій“ пользовался подправленнымъ сочиненіемъ Герберта объ абакѣ (текстъ В), въ геометрической же части онъ пользовался фальшивой геометрией Герберта, которая состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ сочиненій, никакого отношенія къ Герберту не имѣвшихъ, существовавшихъ столѣтія до него и только по ошибкамъ приписанныхъ Герберту или папѣ (999—1003) Сильвестру II, не ранѣе начала XI вѣка.

Сколько бы ни пожималъ плечами г. Куртце и какъ бы остороженъ ни былъ Канторъ ¹⁴²⁾, по я думаю, что и послѣдній (Куртце, къ сожалѣнію, уже похищенъ у науки смертью), да и вслкій, долженъ будетъ признать, что Архитъ геометріи Боэція никакого отношенія ни къ какому пифагорейцу не имѣетъ, а есть просто Гербертъ, замѣненный въ сознательномъ подлогѣ Архитомъ. Подлогъ этотъ сдѣланъ авторомъ геометріи, съ одной стороны, для того, чтобы самому сойти за Боэція, съ другой, чтобы, приписавъ свое произведеніе Боэцію, дать авторитетное свидѣтельство древности въ пользу распространенной въ XI столѣтіи, но неопредѣленной традиціи, будто абакъ, знаки на немъ, являющіеся прототипами нашихъ цифръ, и все вообще къ абаку относящееся изобрѣтены Пифагоромъ и черезъ пифагорейцевъ (Архита) проникло въ латинскую литературу, а оттуда къ абацистамъ X—XII вѣковъ.

Если такъ, то геометрія Боэція въ двухъ книгахъ есть, несомнѣнно, подлогъ и притомъ совершенный не ранѣе XI вѣка, въ послѣгербертовское время.

Источники подлога мною обнаружены. Это: 1) древнѣйшій сборникъ абацистовъ для арифметической части (концы первой и второй книги) и 2) рукопись римскихъ землемеровъ класса Тиббаа, который не могъ появиться ранѣе XI вѣка, т. е. въ послѣгербертовское время, для большей части второй книги, имѣющей чисто геометрическое содержаніе.

Собственно, для доказательства подложности геометріи Боэція въ

¹⁴²⁾ См. выше, прим. 27, 28.

двухъ книгахъ больше ничего не требуется. Но я еще ничего не говорилъ о всемъ геометрическомъ матеріалѣ первой книги и части второй книги. Теперь я намѣренъ показать, какъ для отдѣловъ объ абаѣ фальсификатору ничего, кромѣ древнѣйшаго сборника абаѣстовъ, не требовалось, такъ и весь его геометрическій матеріалъ взятъ исключительно изъ рукописи римскихъ геометровъ класса ТВѣѣаа, а не изъ другого источника. Однимъ словомъ, я окончательно вскрою технику подлога, опредѣлю мѣсто и точное время его и, такимъ образомъ, отвѣчу съ большою точностью на рядъ интересныхъ вопросовъ средневѣковой науки, между прочимъ, и на вопросы, какими судьбами Гербертъ попалъ въ рукописи римскихъ землеѣровъ, обманувъ своимъ именемъ довольно хитраго фальсификатора.

Но для этого намъ нужно сначала проникнуть въ судьбы рукописей римскихъ землеѣровъ. Мы увидимъ, что это трудно, но все же возможно. Тутъ передъ нами раскроется интересный калейдоскопъ, въ которомъ оптическія ошибки и обманъ будутъ играть крупную роль. Здѣсь передъ нами возстанетъ рядъ подложныхъ писателей и недоразумѣнныхъ авторовъ, который такъ несприятно подѣйствовалъ на нѣкоторыхъ изъ нашихъ критиковъ ¹⁴³⁾.

Будетъ ли и тутъ дѣло также ясно, какъ въ геометріи Боэція? Одинъ фальсификаторъ нами только что уловленъ. Гдѣ тѣ тенета, въ которыя попадутся другіе?

Мы ихъ добудемъ въ слѣдующей главѣ.

И. Бубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁴³⁾ См. выше. прим. 27, 28, 33.

ИНОСТРАНЦЫ СВОБОДНЫХЪ ПРОФЕССИЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

1.

Въ сравненіи съ удѣльно-вѣчовой Русью, находившейся съ Западомъ въ живомъ общеніи, Московская Россія, отодвинувшаяся на самый край Европы, граничившій съ полудикимъ Востокомъ, и заслоненная отъ образованныхъ народовъ исконными врагами, казалась европейцамъ азіатскимъ государствомъ. Ея строй и жизнь оправдывали сложившееся о ней мнѣніе, и, если нельзя отказать въ признаніи за московскимъ правительствомъ нѣкотораго стремленія къ прогрессу, то также надо констатировать, что всѣ государства, для которыхъ было выгодно полудикое состояніе Россіи, въ противовѣсъ ея стремленіямъ, съ своей стороны, старались задержать ея развитіе. Московское правительство, сознавая всю выгоду усвоенія техническихъ приобрѣтеній западной культуры, путемъ приглашенія и допущенія въ Россію всякихъ знающихъ людей, думало пользоваться этой культурой, а иностранныя правительства, преслѣдуя свои цѣли, такихъ людей къ намъ не пропускали.

Такъ, въ 1548 году не пропустили въ Россію изъ Германіи типографщиковъ, выписанныхъ царемъ ¹⁾).

Извѣстна попытка царя Ивана Васильевича пригласить къ себѣ на службу за разъ большое количество ученыхъ, художниковъ и мастеровъ черезъ нѣкоего Ганса Шлитте. Иванъ Васильевичъ, говоритъ Аделунгъ, бесѣдуя нерѣдко съ Шлитте объ успѣхахъ науки и искусства

¹⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. VII, изд. 1857 г., стр. 242.

въ Германіи, предложилъ ему отправиться въ Германію и пригласить въ Россію врачей, аптекарей, типографщиковъ, художниковъ, ремесленниковъ, всякихъ ученыхъ людей, свѣдущихъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ, и даже богослововъ. Шлитте, снабженный большимъ количествомъ денегъ и писемъ отъ имени царя, отправился въ Германію въ 1554 году и набралъ тамъ больше 120 человекъ, но провести ихъ въ Россію, несмотря ни на что, не могъ. Ихъ не пропустили черезъ Любекъ. Они всѣ, мало-по-малу, развѣхались, а Шлитте послѣ многихъ злоключеній возвратился въ 1557 г. въ Москву, одинъ, безъ денегъ и съ долгами ¹⁾).

Польскій король Сигизмундъ усиленно пропагандировалъ необходимость изолированія Россіи отъ Европы. Въ этомъ отношеніи характерны три письма его къ англійской королевѣ Елисаветѣ отъ 13-го іюля 1566 года, 13-го марта 1568 года и 6-го декабря 1569 года. Въ первомъ письмѣ Сигизмундъ пишетъ: „Ваше пресвѣтлѣйшество, видите, что мы не можемъ дозволить плаваніе въ Московію, потому что оно не можетъ быть допущено по причинамъ, не только лично до насъ касающимся, но и относящимся къ религіи и ко всему христіанству; ибо, какъ мы сказали, врагъ научается посредствомъ пропуска ²⁾); научается, что выигнѣ—владѣть оружіемъ необычнымъ въ его варварской странѣ; научается—что почитаемъ наиболѣе важнымъ самими мастерами, такъ что даже если бы къ нему ничего болѣе и не привозили, то уже одними трудами этихъ мастеровъ, которые, при существованіи этого плаванія, будутъ имѣть свободный къ нему доступъ, легко будетъ въ одно и то же время выдѣлывать въ самой варварской странѣ его всѣ тѣ предметы, которые требуются для веденія войны, и которыхъ даже употребленія до сихъ поръ тамъ не знаютъ“ ³⁾). „Мы видимъ, продолжаетъ король во второмъ письмѣ, „что, благодаря плаванію этому, весьма недавно учредившемуся, Москаль — этотъ не только временный врагъ короны нашей, но и врагъ наследственный всѣхъ свободныхъ народовъ, чрезвычайно преуспѣлъ въ образованіи и въ вооруженіи и не только въ оружіи, въ снарядахъ и въ передвиженіи войскъ, что, хотя и много значитъ, но что, конечно, легко возбранить, но и въ другихъ предметахъ, противъ которыхъ нельзя

¹⁾ Ф. Адслунтъ. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года и ихъ сочиненій. Пер. Клеванова. 1864 года. Часть I, стр. 134 и слѣд.

²⁾ „Иностранцевъ прибывающихъ въ его страну?“

³⁾ Ю. Толстой. Россія и Англія. 1875 г., № 9, а.

достаточно предостеречься и которые могутъ оказать ему большую помощь: говорю о самихъ мастеровыхъ, которые не перестаютъ передѣлывать врагу оружіе, снаряды и разные тому подобныя предметы, доселѣ невиданныя и неслыханныя въ его варварской странѣ“ ¹⁾. Наконецъ, въ третьемъ письмѣ Сигизмундъ утверждаетъ, „что врагъ всякой свободы подъ небесами, Москаль, ежедневно усиливается по мѣрѣ большого подвоза къ Нарвѣ разныхъ предметовъ, такъ какъ оттуда ему доставляются не только товары, но и оружіе доселѣ ему неизвѣстное, и мастера и художники: благодаря сему, онъ укрѣпляется для побѣжденія всѣхъ прочихъ (государей). Этому нельзя положить предѣла, пока будутъ совершаться эти плаванія въ Нарву. И мы хорошо знаемъ, что вашему величеству не можетъ не быть извѣстно, какъ жестокъ сказанный врагъ, какъ онъ силенъ, какъ онъ тиранствуетъ надъ своими подданными и какъ они раболѣпны передъ нимъ. Казалось мы доселѣ побѣждали его только въ томъ, что онъ былъ невѣжественъ въ художествахъ и незнакомъ съ политикою“ ²⁾.

Въ 1570 году любекскіе уполномоченные на штеттинскомъ съѣздѣ отвергали передъ европейскими комиссарами возводимыя на жителей Любека обвиненія въ томъ, будто бы они снабжаютъ Россію мастерами и „запрещенными“ товарами ³⁾.

Встрѣчалась съ такими явленіями, московское правительство старалось ослабить ихъ дѣйствіе и путемъ международныхъ договоровъ или отдѣльныхъ требованій къ иностраннымъ правительствамъ, гдѣ и насколько возможно, обезпечить иностранцамъ безпрепятственный пропускъ въ Россію. Такъ, договоромъ Россіи съ Даніей отъ 1562 года датскій король обязывается не препятствовать проѣзду на службу въ Россію врачей и мастеровъ изъ заморскихъ государствъ ⁴⁾. По проекту несостоявшагося между Россіей и Швеціей договора 1567 года, Швеція обязывалась докторовъ, проѣзжающихъ въ Москву, не удерживать и

¹⁾ Ю. Толстой. Россія и Англія, № 9, б.

²⁾ Ю. Толстой. Россія и Англія, № 9, в.

³⁾ Датскій Архивъ, № 256, стр. 74. Читенія Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос., 1893 г., кн. I. См. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VIII, изд. 1873 г., стр. 55—57.

⁴⁾ Русскіе Акты Копенгагенскаго Государственнаго Архива, извлеченные Ю. П. Щербачевымъ. №№ 20 и 21. Рус. Ист. Библ., т. XVI. Такое же условіе находимъ и въ проектѣ несостоявшагося договора Россіи съ Даніей отъ 28-го августа 1578 года, ib., № 39. Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. V, № 119. *Вантышъ-Каменискій*. Обзоръ вышнихъ сношеній Россіи. Часть I, стр. 211 и слѣд. *Д. Цыганевъ*. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Русскій Вѣстникъ 1885 г., т. 177, стр. 803.

по дѣлать имъ обидь ¹⁾. Въ томъ же 1567 году Иванъ Васильевичъ просилъ Елисавету англійскую, „чтобы ея корол. вел-во дозволила прїѣзжать къ нему мастерамъ, которые умѣли бы строить корабли и управлять ими“ ²⁾. Отъ 1569 года сохранились статьи несостоявшагося договора, предложеннаго Иваномъ Васильевичемъ англійской королевѣ. Пятая изъ этихъ статей говорила: „сказанный государь просить, чтобы ея вел-во дозволила и дала разрѣшеніе вступать въ службу вел. князя всѣмъ тѣмъ мастерамъ и ремесленникамъ, которыхъ онъ отыщетъ здѣсь, въ королевствѣ, для лучшаго устройства своего военнаго дѣла. Ея вел-во съ удовольствіемъ соглашается на то, чтобы, по доставленіи свѣдѣній о тѣхъ мастерахъ и ремесленникахъ, которые изъявятъ согласіе итти въ службу вел. князя, имъ было разрѣшаемо сіе сдѣлать, если только они, по обязательству или иначе, не подлежатъ уже по закону какому-либо иному обязательному служенію въ своимъ отечествѣ“ ³⁾. Осдоръ Ивановичъ писалъ въ 1584 г. Елисаветѣ, чтобы она „мастеровъ всякихъ рукоделныхъ изъ своего государства и изыныхъ государствъ вѣлела пропускати поволно“ ⁴⁾. Тязвинскій договоръ 10-го мая 1595 года между Россіей и Швеціей, постановивъ о свободномъ пропускѣ въ Россію Швецію купцовъ, продолжаетъ, что безпрепятственный пропускъ долженъ быть предоставленъ „точно также, если врачи, судостроители и всякій другой служилый и должностной народъ, захотятъ отправиться“ въ Россію ⁵⁾. Въ 1620 году государь требовалъ отъ гамбургскихъ бургомистровъ, чтобы они не запрещали „ремесленнымъ людямъ и рудокопнымъ мастерамъ прїѣзжать въ Россію“ ⁶⁾. По статьѣ 18 Кардисскаго договора между Россіей и Швеціей отъ 1661 года „дохтуры и лекари, всякаго чину служилые и мастеровые люди, которые хотять у Его Царскаго Величества въ службѣ быти, и выѣдутъ иныхъ окрестныхъ Потентатовъ изъ государствъ, и тѣхъ всѣхъ Его Королевскаго

¹⁾ *Виттмъ-Камменскій*. Обзоръ, ч. IV, стр. 121 — 123.

²⁾ *Ю. Толстой*. Россія и Англія, № 12.

³⁾ *Ю. Толстой*. Россія и Англія, № 21.

⁴⁾ Собр. Рос. Гр. Дог., ч. V, № 139.

⁵⁾ Переводъ съ подлинника, находящагося въ Шведскомъ Государств. Архивѣ, сдѣланный А. А. Чумиковымъ. Читенія Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1868 г., кн. II, стр. 11. Этотъ договоръ въ Русск. Акт. Копенгагенск. Госуд. Архива, Рус. Ист. Биб., т. XVI, № 71, датруется 18-го мая 1595 года. См. *С. Соловьева*. Исторія Россіи, т. VII, стр. 313 и слѣд.

⁶⁾ *Виттмъ-Камменскій*. Обзоръ. Ч. II, стр. 146.

Величества въ городѣхъ будущимъ приказнымъ людямъ безъ всякаго задержанія, къ Его Царскому Величеству пропускать, и никакого злѣмъ не учинить, и учинить не велѣтъ; но по той дружбѣ, которая есть межъ обонхъ Великихъ Потентатовъ и ихъ Великихъ Государствъ, всякое доброе спомогательство и споможенье оказать“¹⁾).

Однако, несмотря на всѣ эти усилія, несмотря на то, что цѣлый рядъ причинъ, лежавшихъ въ общественномъ, политическомъ и экономическомъ строеѣ Западной Европы, заставлялъ самихъ иностранцевъ искать своей судьбы въ Россіи и ѣхать туда—однихъ на свой страхъ и рискъ,—другихъ охотно откликаться на желаніе московскаго правительства имѣть ихъ у себя, въ Россіи, развитіе русскаго народа двигалось медленно.

Трудно было Россіи усваивать европейскую культуру. Затрудненія лежали не только въ препятствіяхъ, воздвигаемыхъ другими государствами, но и въ самихъ внутреннихъ порядкахъ Москвы и въ нихъ, можетъ быть, главнымъ образомъ.

Много прошло времени—цѣлая эпоха,—прежде чѣмъ Россія поняла, что культурѣ больше всего помогаетъ свобода и что никакое правительство не въ состояніи восполнить недостатокъ частной инициативы! А до этого времени, въ разсматриваемый періодъ, въ Москвѣ настойчиво проводили мысль о всеобъемлющей правительственной опеке и не признавали индивидуальной свободы. Источники образованности и развитія русскаго народа, западныя науки, искусства и мастерства,—который правительство старалось направить въ сторону Россіи изъ-за границы, самимъ же правительствомъ искусственно заключался въ тѣсныя рамки, вмѣсто того, чтобы разливаться по всей странѣ. Московскіе великіе князья и цари, искренно желавшіе просвѣщенія, просившіе безпрестанно у западныхъ государей присылать въ Россію на службу иностранныхъ ученыхъ, художниковъ, инженеровъ, мастеровъ и простыхъ ремесленниковъ—только бы знающихъ свое дѣло,—въ то же время считали возможнымъ пропустить въ Россію тѣхъ изъ нихъ, которые ѣхали именно на службу къ государю, а не для свободнаго проживанія въ Россіи, съ цѣлью использованія своихъ знаній, въ качествѣ частныхъ лицъ; послѣднихъ не пропускали.

Ближайшая причина этого лежала въ крайней подозрительности московскаго правительства ко всякимъ иностранцамъ. Если иностранецъ не былъ духовной особой, купцомъ или желающимъ служить государю,

¹⁾ Полн. Собр. Зап., т. I, № 301.

то въ немъ видѣли шпиона и въ Россію не пропускали ¹⁾). Иностранное духовенство и служилые, пріѣзжавшіе по особымъ разрѣшеніямъ, находились, во время пребыванія въ Россіи по самымъ условіямъ своей жизни, подъ контролемъ правительственныхъ органовъ. Купцы, хотя и пріѣзжали въ пограничные города свободно, но не имѣли осѣлости въ Россіи. Пріѣхавъ на ярмарку, на опредѣленный срокъ, или распродать свои товары, они должны были уѣзжать изъ Россіи и не могли жить „не выѣзжая“ „безъ сѣзду какъ и въ своей земли“ ²⁾). Весь же смыслъ пріѣзда въ Россію иностранцевъ свободныхъ профессій заключался именно въ дѣлаемомъ пребываніи ихъ, которое, конечно, не могло проходить при такомъ контролѣ, какъ служилыхъ и духовенства—съ одной стороны, а съ другой—эти иностранцы не могли являться въ Россію на тѣхъ же условіяхъ, какъ служилые и духовенство. Они должны были свободно пріѣхать, какъ и купцы въ пограничные города. Но для всего этого надо было создать иные порядки, чѣмъ въ Россіи въ то время.

Прямой выводъ отсюда тотъ, что люди свободныхъ профессій могли пріѣхать въ Россію только подъ предлогомъ службы, и, такъ какъ изъ служилыхъ пропускали лишь тѣхъ, которыхъ дѣйствительно принимали на службу, то въ Московскомъ государствѣ и не было людей свободныхъ профессій изъ иностранцевъ, осуществлявшихъ свою профессию, въ качествѣ частныхъ лицъ.

Для того, чтобы такіе иностранцы могли жить въ тогдашней Россіи, надо было создать не только другія политическія условія, но и другія условія общественности. По самому свойству своей работы, разные спеціалсты, начиная съ ученыхъ и кончая простыми ремесленниками, должны были имѣть непосредственное и живое общеніе съ тѣми русскими, которые хотѣли бы пользоваться ихъ трудомъ. Между тѣмъ, правительство старалось выдѣлить иностранцевъ въ особую группу, по всему отличную отъ коренного населенія, и буквально запрещало общеніе подданныхъ съ иностранцами ³⁾; а населеніе не

¹⁾ См. мою статью „О свободѣ пріѣзда иностранцевъ въ Московское государство“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1908 г., май.

²⁾ (м., напр., *Акты Арх. Эксп.*, т. IV, № 13. *Доп. Акты Ист.*, т. VI, № 21, XIV.

³⁾ (м., напр., *Полюс. Собр. Зак.*, т. I, № 607, т. II, № 1117. *Флетчеръ*. О государствѣ русскою. Изд. 2, 1905 г., стр. 56. *А. Олгарій*. Подробное описаніе путешествія Голтинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ. Пер. П. Барсова. 1870 г., стр. 163, 309. Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты

только не умѣряло указанныхъ стараній правительства, но иногда и усиливало тяжесть правительственныхъ требованій къ иностранцамъ; послѣднее можно было наблюдать особенно по поводу отношеній религиозныхъ ¹⁾. Къ тому же общая масса населенія московскаго государства была совершенно равнодушна къ искусству и знанію европейцевъ, которыхъ она по своему невѣжеству не понимала или по своей бѣдности признавала для себя совершенно недоступными. Такъ или иначе, в русское населеніе не пользовалось услугами иностранцевъ профессиональныхъ знаній, и много прошло времени, прежде чѣмъ Рейтенфельсъ могъ объяснить развитіе разныхъ техническихъ знаній среди русскихъ все болѣе и болѣе развивающеюся свободою общенія русскихъ съ иностранцами ²⁾.

II.

Кромѣ общихъ только что приведенныхъ, преимущественно отъ противнаго, указаній на то, что въ Москву не представлялось возмож-

и т. п. въ продолженіе его путешествія собранныхъ. Изд. Оедоромъ Аделунгомъ. Пер. съ нѣмецкаго. 1827 г., стр. 259. *Яковъ Рейтенфельсъ*. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козмѣ Третьему о Московіи. Пер. А. *Станкевичъ*, стр. 120. Читеніи Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1905 г., кн. III. *Л. П. Руцицкій*. Религіозный бытъ русскихъ по свидѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. стр. 190, 276, 230 и слѣд. Читенія. 1871 г., кн. III. *Д. Цытмаевъ*. Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1883 г. Сентябрь, октябрь, стр. 92 и слѣд., 95 и слѣд. Его-же. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, 1886 г., стр. 100—103. *С. О. Огородниковъ*. Очеркъ исторіи города Архангельска. Морской Сборникъ. 1889 г., № 9, стр. 133. *Д. Цытмаевъ*. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи образованій. 1890 г., стр. 10 и слѣд., 84 и слѣд., 150, 253, 281, 331 и слѣд., 335—337.

¹⁾ *А. Brückner*. Zur Geschichte der Ausländer in Russland. *Russische Revue*. Band XXVI. 1886 г., стр. 280, а также стр. 287, 291 и слѣд. *Д. Цытмаевъ*. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 750. *Л. П. Руцицкій*. Назв. соч., стр. 205.

²⁾ „Число искусныхъ мастеровъ, нѣкогда весьма небольшое въ Московіи, въ наше время сильно увеличилось и самыя мастерства въ высокой степени усовершенствовались. Этого русскіе достигли благодаря становящемуся, съ каждымъ днемъ все болѣе свободнымъ, обращенію съ иностранцами, а также и природной понятливости и способности вѣкъ ума... Въ кузнечномъ мастерствѣ, въ искусствѣ приготовить порохъ, и тканій сукна, они уже стали весьма опытни“. Рейтенфельсъ. Сказанія о Московіи. Читенія. 1906 г. кн. III, стр. 135. См. *Н. И. Забѣлинь*. О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII ст. 1853 г. Изъ Записокъ Археологическаго Общества, стр. 37. *А. Brückner*. Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. 1888 г., стр. 386. *Д. Цытмаевъ*. Протестантство и протестанты, стр. 749.

нимъ пріѣхать иностранцамъ свободныхъ профессій, иначе, какъ на службу государя, въ нашемъ распоряженіи имѣются и положительныя данныя.

Изъ этихъ послѣднихъ, прежде всего, доказываютъ наше мнѣніе тѣ, которыя говорятъ о пріѣздѣ иностранцевъ свободныхъ профессій въ моментахъ, обусловленныхъ инициативой московскаго правительства.

Заключали ли наши государя международные договоры о безпрепятственномъ пропускѣ такихъ иностранцевъ въ Россію, просили ли иностранныхъ государей о присылкѣ мастеровъ, посылали ли за границу довѣренныхъ лицъ за искусными людьми—всегда подразумевали, что пріѣзжіе будутъ непосредственно служить государю, а не поселятся въ Россіи для вольной практики.

Договоръ Россіи съ Даніей отъ 1562 года, приведенный нами выше, говоритъ о врачахъ и мастеровыхъ людяхъ, ѣдущихъ только на службу государя. Царь Иванъ Васильевичъ, когда просилъ въ 1567 году Елисавету англійскую отпускать къ нему архитекторовъ, врачей и мастеровъ, то объяснялъ условія русской службы для пріѣзжихъ, подразумевая, что послѣдніе станутъ въ служебныя отношенія къ власти, а не займутся практикой среди населенія ¹⁾. Приведенное нами выше постановленіе состоявшееся между Россіей и Англійей въ 1569 году договора обезпечивало иностраннымъ мастерамъ и ремесленникамъ исключительно „вступленіе въ службу великаго князя“. Тявзинскій договоръ между Россіей и Швеціей 10-го мая 1595 года называетъ пріѣзжавшихъ въ Россію специалистовъ „служилымъ и должностнымъ народомъ“ ²⁾. Въ Кардисскомъ договорѣ, въ приведен-

¹⁾ Царь просилъ: „...Итали и Англии архитектора, который можетъ дѣлать крѣпости, башни и дворцы; доктора и аптекаря и другихъ мастеровъ такихъ, которые отыскиваютъ золото и серебро. Послали мы къ тебѣ нашу жалованную грамоту для такихъ, которые захотятъ прибыть сюда служить намъ, и для такихъ, которые захотятъ послужить намъ по годамъ, какъ тѣ, которые прибыли въ прошломъ годѣ, и для такихъ, которые захотятъ служить намъ навсегда; чтобы и тѣ, которые захотятъ пріѣхать къ намъ служить намъ здѣсь навсегда, и чтобы всякаго рода твои люди архитекторы, доктора и аптекари по сей нашей грамотѣ пріѣзжали служить намъ и мы покажемъ тебя за твою великую милость по твоему хотѣнію; а тѣхъ, кто захочетъ служить намъ навсегда, мы примемъ на свое содержаніе и покажемъ ихъ чѣмъ они захотятъ; а тѣхъ, кто не захочетъ долге служить намъ, мы наградимъ, смотря по ихъ трудамъ, и когда они захотятъ пойти домой въ свое отечество обратно, мы отпустимъ ихъ съ нашимъ жалованьемъ въ ихъ страну безъ всякаго задержанія“.

Ю. Толстой. Россія и Англія. № 11.

²⁾ Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1868 г. кн. II, стр. 11.

номъ выше постановленіи его, по отношенію къ иностранцамъ свободныхъ профессій, встрѣчаемся съ тѣми же понятіями: „дохтуры и лекари, всякаго чину служилые и мастеровые люди, которые хотятъ у Его Царскаго Величества въ службѣ быти“¹⁾.

Если международные договоры содержать общія нормы, иногда даже рафинированное законодательство данной страны, то имѣющіе быть приведенными затѣмъ односторонніе акты правительства говорятъ объ индивидуальной административной дѣятельности. Но и первыя и послѣдніе акты, и общее и особенное, проникнуты одними и тѣми же началами трактованія иностранцевъ свободныхъ профессій.

Въ 1595 году была дана думному дворянину М. И. Вельямину, когда онъ отправлялся за границу съ разными порученіями, „опасная грамота въ Цесарскую землю на мастеровыхъ людей“. Грамота подразумѣвала, что мастера „похотятъ ѣхати къ намъ, къ великому государю... въ наши государства своимъ мастерствомъ послужити, и тѣмъ мастерамъ пріѣхати къ нашему Царскому Величеству въ наши государства“²⁾. Изъ приведенныхъ выраженій еще не видно, насколько терминъ „послужити“ означаетъ спеціально техничскія отношенія службы государю.

Въ 1600 году иѣкто Романъ Бекманъ былъ посланъ царемъ въ Любекъ за врачами, разными мастерами и рудознателями. По словамъ наказа Бекману, иностранцы „ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужити“; по пріѣздѣ въ Россію они получали казенныя подводы, и Бекманъ долженъ былъ „сказывать имъ государево жалованье“³⁾. Здѣсь, хотя мы видимъ казенныя подводы и государево

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. I, № 301.

²⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранныхъ, т. II, стр. 233 и слѣд. О формѣ приглашеній времени Ивана III см. *Н. М. Карамзинъ. Исторія государства російскаго.* Изд. Эйперлинга, т. VI, примѣч. 342.

³⁾ Рус. Ист. Библ. т. VIII, № 10, 1. Собр. Госуд. Грам. и Дог., ч. II, стр. 158. Приведи этотъ наказъ Бекману, проф. *Лешковъ*, Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о ремесленной и заводской промышленности и о торговлѣ. 1852 г., стр. 11, говоритъ, что уже изъ одного этого акта видно, что иноземный мастеръ, пріѣзжавшій въ Россію, по такому вызову, получалъ въ Россіи характеръ служебный, государственный; за дѣло своего ремесла онъ вступалъ какъ бы въ государственную службу и получалъ царское жалованье, съ тѣмъ вмѣстѣ онъ долженъ былъ исполнить извѣстныя обязанности въ пользу государства. Къ числу этихъ обязанностей принадлежало и то, что иноземный мастеръ долженъ былъ учить русскихъ людей своему мастерству. См. также, его же, „Русскій народъ и государство“. 1858 г., стр. 370 и слѣд.

жалованье, въ качествѣ двухъ моментовъ, могущихъ считаться существенными при опредѣленіи понятія службы, но дѣло въ томъ, что „государево жалованье“ можетъ быть здѣсь употреблено не въ специальномъ значеніи—платы правительства, а въ общемъ—милости государя, и у насъ остается одинъ признакъ—казенныя подводы.

Въ 1621 году Михаилъ Осодоровичъ послалъ за границу московскаго нѣмчина Юрія Родіонова, которому была дана слѣдующая память: „Будучи ему въ нѣмецкихъ государствахъ, провѣдывать рудознатца самого добраго, ученаго [мастера], который бы зналъ такіе мѣста, кои родятъ руды золотыя и серебряныя и мѣди[ны] [и желѣзныя, оловяныя, и находить бы мѣста и плавить умѣлъ. Да кого ему скажутъ рудознатца добраго самого, и Юрью Родіонову тому рудознатцу говорить, чтобъ онъ ѣхалъ къ великому государю и великому князю Михаилу Осодоровичу всеа Русіи, своєю наукою и ремесломъ послужити“. Дальнѣйшее не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что терминъ „послужити государю своею наукою и ремесломъ“ вовсе не означалъ пріѣзда въ Россію для свободнаго отправленія своей профессіи, подъ чѣмъ можно было бы подразумѣвать служеніе, въ лицѣ государя, русскому обществу, а именно означалъ техническо-служебныя отношенія пріѣзжаго къ государю. Память говоритъ: „а какъ онъ (мастеръ) къ Царскому Величеству поѣдетъ и пріѣдетъ въ Государевъ въ первой городъ, а ему отъ того города государево жалованье учнутъ давать и до Москвы кормъ и итье довольно и подводы, на чемъ ѣхать, дадутъ; а на Москвѣ ему дал[уть] дворъ доброй, и пожалуетъ его Царск[ое] Величество велитъ ему видѣти с[вои] очи, и жалованье ему государево будетъ тотчасъ, чего онъ похочетъ“¹⁾.

18-го декабря 1626 г. была дана царемъ опасная грамота рудознатцу англійскому шляхтичу Яну Булмерру для свободнаго проѣзда его въ Россію; въ этой грамотѣ значилось, что Янъ можетъ „къ нашему Царскому Величеству пріѣхать и въ нашемъ въ Московскомъ Государствѣ быть вольно, сколько онъ похочетъ; а мы Великій Государь его пожалуемъ нашимъ Царскимъ жалованьемъ, смотря по его службѣ и достоинству“²⁾.

Эта пригласительная и опасная, вмѣстѣ съ тѣмъ, грамота была именная, посланная извѣстному лицу, которое почему либо желали

¹⁾ Памяти. дил. спосен.в. т. II, стр. 1362 и слѣд.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 76.

имѣть у себя на службѣ. Такія же грамоты послали, на примѣръ, извѣстному Адаму Олеарію въ 1639 году ¹⁾, врачу Іоганну Велсу въ 1643 году ²⁾, инженеру Ингольдту Пальмштруку въ 1673 году ³⁾. Грамоты такого же содержанія, но только безымянныя, были посланы въ 1631 году съ голландскимъ купцомъ Говортомъ Горерцемъ „въ вольныя государства въ Голанскую и въ Педерлянскую землю подмастерьямъ, которые умѣютъ дѣлать городовое дѣло“ ⁴⁾.

Въ 1634 году послали за границу за мастерами „къ мѣдному дѣлу“, причѣмъ посланные должны были обѣщать нанимавшимся государево жалованье „смотря по ихъ дѣлу“ ⁵⁾. Въ 1665 году былъ посланъ изъ Мѣсквы иноземець Англеръ „для пайму въ наше великого государя Россійское государство всякого ремесла мастеровъ“ ⁶⁾. Въ 1673 году послали за границу „приговорить великого государя въ службу дву человекъ трубачей самыхъ добрыхъ, которые бѣ въ ученѣхъ свидѣльствованы, на высокой трубѣ танцы трубить, да рудознатныхъ мастеровъ самыхъ добрыхъ, которые знаютъ золотую и серебряную руду, и плавильщиковъ человекъ дву или трехъ или четырехъ. А призвавъ ихъ великого государя въ службу, учинити съ ними договоръ, по чему имъ давать великого государя жалованья мѣсячного корму или погодно“ ⁷⁾.

III.

Указавъ на ясно выраженные тенденціи московскаго правительства заботиться о пріѣздѣ въ Москву иностранцевъ спеціальныхъ знаній въ томъ случаѣ, если эти иностранцы ѣхали на службу государя,

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 110.

²⁾ *М. Лашкинъ*. Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ. Труды кафедр исторіи и энциклопедіи медицины Имп. Московск. университета. Т. I, 1906 г., стр. 18 и слѣд.

³⁾ Собр. Госуд. Гр. и Дог., ч. IV, № 84.

⁴⁾ *Иб.*, ч. III, № 89.

⁵⁾ *Иб.*, ч. III, № 100.

⁶⁾ Памятники дипломат. сношеній. Т. IV, стр. 546.

⁷⁾ Памятники диплом. сношеній, т. IV, стр. 800. *Д. Цымаевъ*. Иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Русскій Вѣстникъ. 1887 г., т. 193. Декабрь, стр. 39. Его-же. Протестанство и протестанты, стр. 736. *И. Милуковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. III, вып. I, стр. 97. *А. Врѣкнеръ*. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Band I. Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. (Gotha. 1896 г., стр. 560, 566 и слѣд. Акт. Московскаго государства, т. II, № 157.

приглашать ихъ исключительно на службу и какъ бы игнорировать самую возможность прїѣзда въ Россію для частной практики, мы переходимъ къ описанію существеннѣйшихъ чертъ юридической обстановки и отношеній къ власти жившихъ въ Московскомъ государствѣ иностранцевъ—знатцевъ, соотвѣтственно элементарному дѣленію ихъ по родамъ знаній.

Изъ этого описанія прямо или косвенно должно выясниться, что по типу отношеній, сложившихся въ Московской Россіи, главнѣйшія группы иностранцевъ, по существу свободныхъ профессій, не осуществляли этихъ послѣднихъ въ томъ самомъ смыслѣ, какъ это мы наблюдаемъ въ настоящее время, т. е. завѣдомо для государственной власти выполняли свои профессіи безъ того, чтобы стоять въ какомъ-либо подчиненіи къ власти, кромѣ общаго подчиненія всѣхъ находящихся на извѣстной территоріи. Всѣ иностранцы, были ли это люди научныхъ или техническихъ знаній, состояли не только въ общемъ, но и въ особенномъ подчиненіи государю.

Прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе люди науки, область непосредственнаго примѣненія силъ которыхъ въ тогдашней Россіи, по весьма понятнымъ очень многимъ причинамъ, была до крайности ограничена.

Частныя лица не могли пользоваться услугами ученыхъ иностранцевъ приглашеніемъ ихъ въ качествѣ частныхъ учителей, а если хотѣли, то должны были дѣлать это тайно. Маскѣвичъ, въ своемъ Дневникѣ 1594—1621 гг., описываетъ со словъ боярина Головина, что у боярина былъ братъ, имѣвшій большую склонность къ иностраннымъ языкамъ, но учиться открыто имъ не могъ; поэтому онъ тайно держалъ у себя одного нѣмца изъ проживавшихъ въ Москвѣ; нашель также поляка, знавшаго по латыни; оба эти иностранца приходили къ нему скрытно въ русскомъ платьѣ, запирались въ комнатѣ и читали нѣмецкія и латинскія книги, которыхъ Головинъ имѣлъ множество ¹⁾. Въ самое послѣднее время царствованія Θεодора Алексѣевича, рассказываетъ проф. Цвѣтаевъ, была сдѣлана попытка оградить православную церковь отъ нападеній на нее устройствомъ высшаго научно-православнаго трибунала. Проектъ учрежденія особой академіи былъ подписанъ уже Θεодоромъ, но смерть царя помѣшала исполненію его плана. По этому проекту „на обязанности академическаго

¹⁾ Устрляловъ. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. Часть V. Дневникъ Маскѣвича, стр. 67.

персонала лежало наблюдать, чтобы никто не смѣлъ держать у себя домашнихъ учителей изъ иностранцевъ. Ученыхъ иностранцевъ, искавшихъ въ Россіи службы, принимали не иначе, какъ по одобреніи ихъ Академіей¹⁾. Въ этихъ двухъ положеніяхъ проекта сказалась вся московская система: здѣсь и запрещеніе частной практики для ученыхъ иностранцевъ, и допущеніе ихъ въ Россію не иначе, какъ на службу.

Конечно, какъ служилые, ученые иностранцы не внушали такихъ опасеній, и правительство пользовалось ихъ услугами или въ спеціальной сферѣ личныхъ потребностей государя, или для устройства школъ, или въ дѣлѣ перевода богословскихъ и богослужебныхъ книгъ и вообще книжнаго строительства, но послѣднее опять только для государя.

По порученію царя Оедора Ивановича и попечителя земли русской Бориса Оедоровича англійскій купецъ Одуардъ Гарландъ приглашалъ въ Россію ко двору Оедора Ивановича математика, астролога и алхимиста Джона Ди. „Давно уже слышались они (Оедоръ и Одуновъ) много о Вашей мудрости, писалъ Гарландъ Ди, и учености, а также и о Вашемъ умѣніи подавать совѣты государямъ“²⁾.

Достаточно извѣстна исторія Максима Грека, который, въ виду просьбы Василя Ивановича въ 1515 году на имя прота Афонской горы, по выбору братіи, принужденъ былъ ѣхать въ Россію³⁾. Въ 1632 году былъ занятъ въ Москвѣ переводами церковныхъ книгъ протосингелъ александрійскаго патріарха Кирилла Лукариса архимандритъ Іосифъ. Его служба была формулирована слѣдующимъ образомъ: „протосингелу архимандриту Іосифу, будучи въ нашемъ государствѣ намъ служить... духовными дѣлами, переводити ему греческія книги на славянскій языкъ“⁴⁾.

¹⁾ Д. В. Цытневъ. Протестанство въ Россіи въ правленіе Софьи. Русскій Вѣстникъ 1883 г., т. 168, стр. 61 и 62.

²⁾ Ф. Адельунгъ. Критико-литературное обозрѣніе, ч. I, стр. 232 и слѣд.

³⁾ Акт. Ист., т. I, № 122 и примѣч. 65 и 66. Временникъ Имп. Общ. Ист. и Древн., кн. V, стр. 32. Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. II, ч. I. Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1900 г., кн. I, стр. 680 и слѣд. 718, 816, подробно описываетъ всю исторію пріѣзда и пребыванія у насъ Максима Грека и все возмутительное насиліе темнаго правительства надъ ученымъ. О переводѣ церковныхъ книгъ см. также отрывокъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку, т. VI, стр. 298 и слѣд., годъ 1536 годовъ.

⁴⁾ Н. Кантмеръ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1885 г., стр. 482 и слѣд.

Въ XVII вѣкѣ, говоритъ проф. Каптеревъ, правительство думало „устроить въ Москвѣ постоянную школу, въ которой бы греки-учители преподавали русскимъ людямъ разныя науки“ ¹⁾. Въ первый разъ это рѣшеніе было заявлено въ 1632 году, когда упомянутому выше протосингелу александрійскаго патріарха архимандриту Іосифу было поручено служить царю и патріарху не только переводами книгъ, но и „учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ“ ²⁾. Іосифъ, занятый больше учеными переводами, мало удѣляя вниманія школьному дѣлу, и правительство не переставало просить восточныхъ патріарховъ о присылкѣ въ Москву греческаго учителя ³⁾. Тѣ обѣщали, но мало заботились объ исполненіи обѣщанія. Лишь въ 1645 году палеонатрасскій митрополитъ Феодоръ прислалъ въ Москву „для печати и ученія“ константинопольскаго архимандрита Венедикта. Но этотъ оказался человѣкомъ мало подходящимъ для насажденія образованія, такъ какъ, кромѣ необыкновеннаго корыстолюбія, его обвиняли и въ преступленіяхъ ⁴⁾. Только въ концѣ разсматриваемаго періода восточные патріархи добросовѣстно исполнили свое обѣщаніе, когда прислали извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ ⁵⁾.

Вообще греки и по преимуществу греческое черное духовенство пользовались въ Россіи славою ученыхъ, у которыхъ единственно возможно было учиться русскимъ, въ виду единовѣрія. Но крайнее корыстолюбіе грековъ, кромѣ всякихъ другихъ причинъ, приводило къ тому, что ихъ ученостью могли пользоваться только при дворѣ. Рейтенфельсъ замѣчаетъ о нѣсколькихъ греческихъ монахахъ, проживавшихъ, благодаря своей учености, въ Москвѣ, но на издивеніи самого царя ⁶⁾.

¹⁾ *И. Каптеревъ*. Назв. соч., стр. 341.

²⁾ *Иб.*, стр. 482.

³⁾ *Иб.*, стр. 483.

⁴⁾ *И. Каптеревъ*. Назв. соч., стр. 483—486.

⁵⁾ *Иб.*, стр. 495—499. *М. Сменяновскій*. Братья Лихуды. 1899 г. Существованіе нѣмецкихъ училищъ при лютеранскихъ церквахъ не разрушаетъ нашу теорію, такъ какъ педагогическій персоналъ этихъ училищъ принадлежалъ къ церковнымъ людямъ, трактованнымъ въ глазахъ московскаго правительства по особымъ нормамъ, занимающимъ какъ бы средину между регулированными купцовъ и служилыхъ людей. См. *Д. Цвѣтасъ*. Изъ Исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. 1886 г., стр. 171, 178. Его же. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 180, 222, 747 и слѣд. Его же. Иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII вв. Русскій Вѣстникъ 1887 г., т. 193, декабрь, стр. 36—38. *И. Соколовъ*. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. 1880 г., стр. 31 и слѣд., 48.

⁶⁾ *Иванъ Рейтенфельсъ*. Сказанія о Московіи. Чтенія. 1906 г., кн. III, стр. 160.

Въ 1671 году прѣхалъ на службу въ Россію бояринъ молдавскаго господаря Николай Спааріи, присланный вселенскими патріархами, по настоячивымъ требованіямъ Алексѣя Михайловича, желавшаго имѣть „человѣка православныя греческія вѣры и ученаго, а наипаче искуснаго разнымъ языкамъ“. Принятый на службу въ посольскій приказъ переводчикомъ Спааріи много занимался „строеніемъ книгъ“ для государя ¹⁾).

Положеніе Спаарія, какъ ученаго и какъ переводчика посольскаго приказа одновременно, не было исключительнымъ, такъ какъ выдающіеся переводчики приказовъ, по порученію правительства, нерѣдко занимались учеными переводами, составляя изъ себя какъ бы переходную степень къ простымъ переводчикамъ и толмачамъ, обслуживавшимъ спеціальныя нужды правительственныхъ органовъ, начиная отъ самыхъ высшихъ и кончая низшими.

Къ этимъ простымъ переводчикамъ и толмачамъ мы сейчасъ и обращаемся.

IV.

Переводчики и толмачи предназначались исключительно для правительственныхъ актовъ и, рѣзко отличаясь отъ лицъ частнаго права своимъ привилегированнымъ положеніемъ служилыхъ, несомнѣнно состояли на государственной службѣ ²⁾).

¹⁾ С. А. *Илюкоровъ*. О Посольскомъ Приказѣ. Приложенія. III, В, стр. 141. Читенія. 1906 г., кн. III. *И. Н. Михайловскій*. Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи. 1895 г., стр. 3—5, 7—10. Приложенія №№ 1 и 2.

²⁾ Когда въ 1663 году было велѣно съ русскихъ и „съ нѣмцевъ и со всякихъ иноземцовъ... съ ихъ торговъ и со всякихъ промысловъ собрать янтую денгу и обложить ихъ по ихъ животамъ и по промысламъ“ на жалованье войску (Доп. Акт. Ист., т. IV, № 131), то обложили одного переводчика Тимофея Англера. Тотъ послѣдній билъ челомъ государю въ томъ, что онъ росписанъ „в росписи к збору янтвой денги с московскими с торговыми иноземцами, и по той же росписи ныне правит на немъ янтую денгу а онъ до тимоей ничѣмъ не торгуетъ а служитъ великому государю... для переводовъ и толмачества... і волжскіи государь пожаловалъ бы сво иже велѣлъ на немъ пятинные денги правит для того что онъ ничѣмъ не торгуетъ а служитъ великому государю“. Государь его пожаловалъ и Посольскій Приказъ памятью отъ 8-го апрѣля 1664 года разъяснилъ князю Репнину, вѣдавшему „Приказъ денежнаго збору пятинныя денги“, неправильность занесенія въ росписи Англера. (Московскій Главн. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. Приказныя дѣла ¹¹⁷⁰ 1663 № 90 л. 8 ¹¹⁷² 1664 № 89). Вообще о переводчикахъ и толмачахъ см. Акт. Ист., т. III, № 243, т. IV, № 19. Доп. Акт. Ист., т. III, № 23. Рус. Ист. Вѣб., т. VIII, № 10, XXVII, 1. Акты

О переводчикахъ и толмачахъ достаточно сказать, что они входили въ общую іерархію государственныхъ должностей того времени ¹⁾ и, какъ всё служилые, раздѣлялись на помѣстныхъ и кормовыхъ ²⁾.

Награжденіе переводчиковъ и толмачей помѣстьями уже при Ѳеодорѣ Ивановичѣ не было нововведеніемъ, такъ какъ Ѳеодора Ивановича просили награждать въ соответственныхъ размѣрахъ съ другими уже награжденными. По челобитью толмача Посольскаго приказа англичанина Ивана Фомина о награжденіи его помѣстнымъ жалованьемъ „поверстати кому яз холоп твои перед своею братію вверсту“, Ѳеодоръ Ивановичъ 21-го февраля 1589 года пожаловалъ велѣть ему дать помѣстье въ 200 четъ ³⁾.

Съ царствованія Михаила Ѳеодоровича цѣлый рядъ дѣлъ о переводчикахъ и толмачахъ свидѣтельствуеетъ о помѣстномъ или кормовомъ ихъ содержаніи казною. Въ однихъ случаяхъ имъ впервые назначаются помѣстные оклады; въ другихъ—имъ увеличиваютъ ихъ помѣстные или денежные оклады; въ третьихъ случаяхъ назначаютъ вдовамъ и дѣтямъ переводчиковъ и толмачей, по смерти мужей и отцовъ, прожиточныя помѣстья, если таковыя были, или поденный кормъ, если не было помѣстій; при назначеніи окладовъ семействамъ переводчиковъ и толмачей руководствовались окладами семействъ военныхъ чиновъ ⁴⁾.

Московского государства, т. I, № 381, 384. Дворцовые разряды, т. III, стр. 1247. А. Олсарій. Назв. соч., стр. 264 и слѣд. Яковъ Рейтенфельс. Назв. Соч., стр. 98. Чтенія. 1905 г., кн. III. Писецъ Алексій. Путешествіе Антіохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Пер. съ арабскаго Г. Муркоса. Чтенія. 1898 г., кн. IV, стр. 34, 168. Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. 1859 г., стр. 71. Ф. Аделунгъ. Назв. соч., ч. I, стр. 203. А. Врѣкнер. Vngaröisiegung Russlands. 1888 г., стр. 406. Огородниковъ. Очеркъ исторіи города Архангельска. Морской Сборникъ 1889 г., № 10, стр. 133. Дм. Цытмаевъ. Протестанство и протестанты, стр. 725 и слѣд.

¹⁾ Рус. Ист. Биб., т. IX, стр. 520—522. Записныя книги Московскаго стола. Роспись отъ 8-го марта 135 года, по которой государь указалъ давать казенныя подводы. См. Памятники диплом. сношен., т. III, стр. 701—703.

²⁾ См., напр., Памятники диплом. сношен., т. V, стр. 889—892. Акт. Ист., т. III, № 242. Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. XXXVIII, стр. 300 и слѣд. Котошихинъ. О Россіи, стр. 71, 87.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Ии. Дѣл. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ. 7097—1589 св. 2. № 8. См. также № 25—пожалованіе помѣстьемъ переводчика Кучука Устакашмова.

⁴⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Ии. Дѣл. Приказныя дѣла ^{7186—7187} № 69. Ст. 32 ^{1638—1639}

V.

Положеніе иностранцевъ, знакомыхъ съ языками и занимавшихъ должности переводчиковъ и толмачей при органахъ управленія, не требовало особыхъ усилій для доказательства ихъ служебнаго отношенія къ государственной власти. Совершенно понятно, что лица, являвшіяся носителями такихъ должностей, были облечены публичными правами.

Не такъ ясенъ, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда, общій характеръ положенія иностранныхъ врачей и аптекарей въ Московской Россіи.

Можно предполагать, что царскій дворъ долгое время былъ единственнымъ пациентомъ иностранныхъ врачей и потребителемъ ихъ лекарствъ и что населеніе пользовалось иностранной медициной не иначе, какъ въ исключительныхъ случаяхъ, и то по особому приказанію государя. По крайней мѣрѣ, Маржеретъ говоритъ, что „ни одинъ медикъ не дерзалъ, подѣ опасеніемъ ссылки, пользоваться вельможъ, безъ именнаго приказанія государя“ и что „во всей Россіи нивогда не было другихъ аптекъ и лекарей, кромѣ царскихъ“¹⁾. Вызванные Борисомъ Годуновымъ въ 1600 году изъ Германіи врачи

⁷¹⁴¹₁₆₃₃ № 47, 1641, № 52; ⁷¹⁵⁵₁₆₄₇ № 62; Дѣла Шведскія 1632 г. окт. 25, № 10; 1651 г. марта 22, № 10. См. особенно Приказъ дѣла 31-го іюля 1627 г.—августа 1, № 29. Проф. Дм. Цвѣтисъ. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, стр. 273, примѣч., говоритъ: „А. С. Лаппо-Данилевскій, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885, IX, стр. 92, полагалъ, что переводчикамъ выдавалось одно кормовое жалованье: нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ульфъ Яковлеви, Яковъ Нигенборгъ, имѣли и помѣстья“. Замѣчаніе проф. Цвѣтаева по существу вопроса хотя совершенно правильно, но нѣсколько робко и къ тому же напрасно принимается А. С. Лаппо-Данилевскому столь категорическое утвержденіе о томъ, что переводчикамъ полагалось одно кормовое жалованье, такъ какъ на стр. 94 А. С. Лаппо-Данилевскій самъ приводитъ имена переводчиковъ Бука и Яковлева, въ качествѣ лицъ, имѣвшихъ помѣстья.

¹⁾ *Капитанъ Маржеретъ*. Состояніе Россійской Державы и Великаго княжества Московскаго, съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ государей, съ 1590 года по сентябрь 1606. Пер. съ франц. 1830 г., стр. 76 и слѣд. *Лешковъ* (Русскій народъ и государство) говорить на стр. 518, что самое главное занятіе врачей состояло въ леченіи царя. „Въ половинѣ XVII вѣка, говоритъ А. С. Лаппо-Данилевскій (*Иностранцы въ царствованіе Михаила Фёдоровича, Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885 г., сентябрь, стр. 109), западноевропейскіе доктора лечили почти одного лишь государя“.

должны были лечить только одного государя и никого изъ постороннихъ; знатнѣйшіе бояре не иначе могли приглашать ихъ, какъ съ разрѣшенія царя ¹⁾. Олеарій отмѣчаетъ, что въ его время только еще одни знатные бояре начинаютъ обращаться за совѣтами къ иностраннымъ врачамъ ²⁾. Мейербергъ въ бытность свою при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ заболѣлъ и долженъ былъ, съ разрѣшенія государя, обратиться къ помощи одного изъ придворныхъ врачей, такъ какъ ему сказали, что въ Москвѣ другихъ врачей нѣтъ ³⁾. Въ 1648 г. билъ челомъ государю купецъ „галанецъ Ондришка Фанаяшъ“ о томъ, чтобы государь велѣлъ своимъ „государевымъ лѣкаремъ“ лечить сына просителя, сильно больного; въ объясненіе своей просьбы купецъ говорилъ, что его сына „окромѣ твоихъ государевыхъ дохтуровъ и лѣкаревъ лечить нѣкому“ ⁴⁾.

Повидимому, всѣ иностранные врачи и аптекари въ московскомъ государствѣ принадлежали одному царю и находились въ непосредственномъ его распоряженіи; другихъ же, кромѣ царскихъ, никакихъ врачей и аптекарей изъ иностранцевъ не было.

Дѣйствительно, до учрежденія Аптекарскаго Приказа, врачи и аптекари состояли непосредственно при особѣ государя, въ ближайшемъ его придворномъ штатѣ; со времени же появленія Приказа стали числиться въ немъ на службѣ и какъ бы вошли въ общую систему спеціальныхъ должностей администраціи ⁵⁾. Врачи и аптекари такъ и назывались: „Аптекарскаго Приказу чиновные люди“ ⁶⁾. Они назначались въ Приказъ, на должности, или вновь, или на освобождавшіяся вакансіи, и этотъ порядокъ строго различался администраціей.

¹⁾ Устряловъ. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. Ч. I. Борова дѣтопись Московская. 1831 г., стр. 15. Ф. Аделунга. Критико-литературное обозрѣніе, ч. II, стр. 33.

²⁾ А. Олеарій. Назв. соч., стр. 202.

³⁾ Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Изд. Ф. Аделунга. Перев. съ нѣмецк. 1827 г., стр. 52 и слѣд. См. также *Иковъ Рейтенфельсъ*. Сказанія, стр. 98. Читанія. 1905 г., кн. III.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи *М. К. Мамонова*. Вып. III, стр. 605 и слѣд., № 589.

⁵⁾ *Рихтеръ*. Исторія медицины въ Россіи. Часть II, 1820 г., стр. 124. *М. О. Перфильевъ*. Медицинское дѣло въ Россіи въ первую половину XVII столѣтія. Историческій Вѣстникъ, 1883 г., августъ, стр. 374. *Н. П. Заоскимъ*. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. 1891 г., стр. 31. *Н. Новомбергскій*. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. 1907 г., стр. 73, 75, 78.

⁶⁾ Матеріалы для исторіи медицины. Вып. III, стр. 816, № 1245.

15-го августа 1631 года пожаловалъ государь „изъ служивыхъ немѣць велѣлъ быть нѣмчину Вилиму Кремару въ лѣкаряхъ на Павлово мѣсто Олександрово“ въ Аптекарской Палатѣ ¹⁾. Въ 1631 году прѣхалъ въ Россію врачъ французъ Филиппъ Бриотъ, о которомъ писалъ къ царю англійскій король, „чтобъ ему Филипу быть у государева дѣла въ Аптекарскомъ Приказѣ, въ аптекарѣхъ и въ лекарьхъ, на выбылое аптекарское мѣсто ²⁾. При увольненіи въ 1655 году со службы аптекаря Романа Тиу, ему было дано порученіе прислать изъ Англии на свое мѣсто въ Россію другого знающаго аптекаря; Тиу прислалъ Биньяна ³⁾. Въ 1645 году иноземець Томась Винансъ, алхимистъ, объяснялъ государю въ челобитной, что ему велѣно быть „у государова дѣла въ Аптекарскомъ Приказе въ алхимистахъ на Христофорово мѣсте Пухнера“; но по справкѣ въ Приказѣ оказалось, что, когда Томась поступалъ на службу въ 1636 году, то „велѣно быть въ Аптекарскомъ Приказе въ алхимистахъ галацкіе земли Томасу Винсу вновь, а не на убылое мѣсто“ ⁴⁾.

Далѣе, есть нѣкоторыя указанія на то, что врачи, какъ и всѣ служилые люди, дѣлились на помѣстныхъ и кормовыхъ. По крайней мѣрѣ, 5 врачей, прибывшихъ въ 1600 году на службу къ Борису Годунову, получили каждый по помѣстью отъ 30 до 40 крестьянъ ⁵⁾. Врачъ Михаила Ѳедоровича Артемій Дій въ 1631 году былъ пожалованъ помѣстьемъ ⁶⁾. Въ 1633 году командировали изъ Аптекарскаго Приказа на Бѣлую, въ полки, двухъ лекарей: Томаса Утина, съ жалованьемъ по 30 рублей въ мѣсяць, и Кашпира Давыдова, съ жалованьемъ по 20 рублей; при этомъ Аптекарскій Приказъ объ-

¹⁾ Матеріалы для ист. мед. Вып. I, №№ 79, 88.

²⁾ Акт. Ист., т. III, № 303. *Вантшиль-Каменскій*. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. Часть I, стр. 108. Матеріалы для ист. медиц. Вып. I, стр. 63, № 173 и къ № 173. Ср. *Ристеръ*. Исторіи медицины. Ч. II, прибавл. XXVIII. II. *В. Текстелитшелли*. Русская фармація до возникновенія первыхъ вольныхъ аптекъ въ Россіи, стр. 11. Труды кафедры исторіи и энциклопедіи медицины Имп. Московскаго университета, т. I, 1906 г., ошибочно относитъ поступленіе на русскую службу Бриота въ 1644 году; въ этомъ году Бриотъ былъ уволенъ. Матеріалы для ист. медиц. Вып. I, стр. 64—69. № 176 и къ № 176.

³⁾ *Ристеръ*. Назв. соч., ч. II, стр. 271—273.

⁴⁾ Матеріалы для ист. медиц. Вып. I, № 207.

⁵⁾ *Ф. Аделунъ*. Назв. соч., ч. II, стр. 33. *Устриловъ*. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. Ч. I. *Берова* дѣтопись Московская, стр. 16.

⁶⁾ Рус. Ист. Библи., т. VIII, № 10, XXXVI, 2. II. *Затоскинъ*. Врачи и врачебное дѣло, стр. 56. *Дж. Цеттисъ*. Протестантство и протестанты, стр. 272.

яснялъ эту разницу Разряду тѣмъ, что за Каширомъ „государева жалованья помѣстья“¹⁾. Аптекарскаго приказа лекарь Вилгмъ Крамеръ получалъ „государева жалованья денежной окладъ съ прибавками 60 рублевъ, корму на мѣсяць по 5 рублевъ, помѣсной окладъ 500 четвертей, да подмосковной окладъ 100 четвертей“²⁾.

Кромѣ помѣстнаго или кормового жалованья, врачи получали казенныя квартиры или доньги на нихъ³⁾; пользовались всѣми правами—и среди нихъ правомъ на особое жалованье,—которыми, какъ мы увидимъ впоследствии, надѣлялись всѣ прїѣзжавшіе въ Россію на службу къ государю иностранцы⁴⁾; получали такъ же, какъ и военные чины, награды по случаю радостныхъ событій въ царской семьѣ⁵⁾;

¹⁾ Акт. Ист. т. III, № 174. См. Акт. Московскаго государства, т. I, № 336. *М. О. Перфильевъ*. Медицинское дѣло, стр. 383.

²⁾ Матерьялы для исторіи медиц. Вып. I, стр. 91, № 203. Въ 1648 году Крамеръ, послѣ перехода въ православіе, былъ всецѣло переведенъ на помѣстный окладъ. Матерьялы для ист. мед. Вып. 3, стр. 611, № 609.

³⁾ Акт. Ист., т. III, № 235. Матерьялы для исторіи медиц. Вып. II, стр. 436 и слѣд., № 473. *И. Новомбергскій*. Врачебное строеніе въ до-Петровской Русн. 1907 г., стр. 187 и слѣд., Прилож. № 9, стр. XXXIII.

⁴⁾ Акт. Ист., т. III, № 169, № 230. Рус. Ист. Библи., т. VIII, № 10, III, XXVII, XXXIV, 2. Матерьялы для ист. медиц. Вып. I, стр. 8, 15—18, № 78 и къ № 62, стр. 22 и слѣд. въ № 78, стр. 108 и слѣд. № 215 и къ № 215. Вып. II, стр. 499, № 510. Вып. IV, стр. 1143 и слѣд. № 1516. *Риггертъ*. Исторія медицины, ч. II, стр. 21, примѣч. 3. *М. Лажинъ*. Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ, стр. 19, примѣч. 2. Труды кафедры исторіи и энциклопедіи медицины Имп. Московскаго университета, т. I. 1906 г. См. также Рус. Ист. Библи. т. VIII, № 10, XXXIV, 4. XI. IV. Доп. къ Дворц. Разрядамъ ч. I, стр. 878. Читенія 1883 г. кн. IV. Матерьялы для истор. медиц. Вып. IV, стр. 1163, № 1546, стр. 1173—1175, № 1564. *И. Гавель*. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Прилож. къ VIII тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, 1865 г., стр. 64—67. *С. М. Середоминъ*. Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. Читенія. 1884 г., кн. IV, стр. 15 и слѣд. *Н. Бактинъ-Камежскій*. Обзоръ, ч. I, стр. 175. Доп. къ Дворц. Разр., ч. I, стр. 58 и слѣд. Читенія. 1882 г., кн. I.

⁵⁾ Въ 1661 году Аптекарскаго Приказа доктора, аптекари, алхимики, лекари и пр. просили государя о жалованьи по случаю рожденія царевича Осеора Алексѣевича. Тогда государь велѣлъ справиться по Приказамъ: „полковникомъ и полу-полковникомъ, и инымъ начальнымъ людямъ, и рядовымъ салдатамъ въ всемірныя радости рожденія благоутрапаго Царевича и Великаго князя Осеодора Алексѣевича Великіи и Малыя и Вѣсныя Росіи, въ приказъ государево жалованье дано ли, и почему человеку дано“? Когда Устюжская Четверть, Иноземскій Приказъ отвѣтили, что жалованье дано, то государь указалъ дать и въ Аптекарскомъ Приказѣ примѣрно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и военнымъ служилымъ. Матерьялы для ист. мед. Вып. III, стр. 747—752, №№ 938 и 939.

наравнѣ съ чинами общаго, военнаго и придворнаго управленія въ торжественные дни представлялись государю ¹⁾; при вступленіи въ отправление своихъ обязанностей по службѣ приносили присягу государю ²⁾; семейства врачей и вообще чиновъ Аптекарскаго Приказа имѣли права на тѣ же выдачи изъ казны, какъ и семейства переводчиковъ и толмачей ³⁾.

Если иностранный врачебный персоналъ состоялъ изъ людей служилыхъ, то не было ничего удивительнаго въ томъ, что правительство совершенно свободно распоряжалось его судьбою, а именно: командировало врачей для исполненія отдѣльныхъ порученій, напримѣръ, излеченія извѣстнаго лица или цѣлой группы лицъ, опредѣляло состоять при какой-нибудь экспедиціи, назначало въ полки и т. д.

Въ 1517 году Альбрехтъ, великій магистръ нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, просилъ Василю Ивановича „о Оефилѣ о нѣмчинѣ, чтобы его пожаловалъ отпустилъ къ магистру“ ⁴⁾. Оефила былъ врачомъ великаго князя ⁵⁾. Василий Ивановичъ отвѣчалъ магистру: „тотъ человекъ у насъ лечитъ человека добраго, и намъ его нынѣ отпустить непригожъ; а впредь, ажъ дастъ Богъ, Оефила къ магистру отпустимъ“ ⁶⁾. Въ 1522 году султанъ Солиманъ просилъ Василю Ивановича отпустить въ Царьградъ врача Марка, турецкаго подданнаго. Государь на это приказалъ боярамъ отвѣчать султану, что „Марко пріѣхалъ къ государю нашему давно, да билъ челомъ въ службу... а нынѣ въ Великомъ Новѣгородѣ боленъ бояринъ князь Алексѣй“

¹⁾ Дворц. Разряды, т. III, стр. 1315—1322. Матерьялы для ист. медии. Вып. III стр. 764, № 983.

²⁾ Авт. Ист., т. III, №№ 239, 304. Матерьялы для ист. медии. Вып. I, стр. 48—57, № 160, стр. 97, 99 и слѣд. № 207. Вып. III, стр. 841, № 1279. *М. О. Перфильевъ*. Назв. соч., стр. 375. *Н. П. Заоскинъ*. Назв. соч., стр. 56.

³⁾ См. *Н. Новомбергскій*. Врачебное строеніе въ до-Петровской Русі, стр. 297—299.

⁴⁾ Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIII, стр. 23.

⁵⁾ См. Софійская вторая лѣтопись, т. VII, стр. 267 и слѣд., стр. 271. *Н. М. Карамзинъ*. Исторія госуд. Россійск., т. VII, стр. 112. *Рилтеръ*. Исторія медицины, стр. 268—278. *Н. П. Заоскинъ*. Врачи и врачби. дѣло, стр. 22 и слѣд.

⁶⁾ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIII, стр. 23. Въ концѣ 1517 года посланникъ магистра Шонбергъ говорилъ боярамъ „о нѣмчинѣ о Оефиловѣ братѣ, что у князя Михайла у Кисла“.

„А о Оефиловѣ братѣ боире ему говорилъ отъ себя: о томъ нѣмчинѣ государь есмь еще того не сказали, а опятаи есмь, что у него многіе дѣти боарскіе на рукахъ, лечитъ ихъ“. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIII, стр. 54.

Володимеровичъ (Ростовской), и государь послалъ его того боярина лѣчить¹⁾. Въ 1638 году въ Аптекарскомъ Приказѣ разсматривалось прошеніе боярина князя Сулешова о присылкѣ ему въ Новгородъ для леченія его болѣзни лекаря²⁾. Въ 1643 году былъ уволенъ со службы докторъ Рейнгардъ Пау; отставка его мотивировалась тѣмъ, что, хотя онъ и неоднократно посылался для леченія разныхъ именитыхъ людей, но ни одного изъ нихъ не былъ въ состояніи вылечить³⁾. Въ 1674 году докторъ Яганъ Розенбургъ объяснялъ, что „по указу де великаго государя посылають ево къ бояромъ и всякимъ чинамъ людямъ для леченья“⁴⁾.

Въ 1635 г. лекарь Анцъ Вульфъ, сдѣлавшій раньше нѣсколько походовъ съ полками, былъ посланъ къ „государеву, къ мѣдному дѣлу къ Соли Камской, съ гостемъ съ Надѣю съ Вѣтешниковымъ да съ подъячимъ съ Пльею Кириловымъ, для лечбы иноземцомъ рудного сыску мастеромъ Аристу Пецгульту съ товарищи“⁵⁾.

Памятью изъ Разряднаго Приказа въ Аптекарскій отъ 19-го декабря 1632 г. требовали на Бѣлую, въ полки, къ воеводѣ князю Прозоровскому, двухъ врачей⁶⁾. Изъ памяти Аптекарскаго Приказа въ Разрядный отъ 10-го января 1633 г. видно, что „вслено на Бѣлой быть, у околичаго и воеводѣ у князя Семена Васильевича Прозоровскаго съ товарищи, для лечбы ратныхъ людей, лекаремъ Кашпиру Давыдову да Томасу Утину, со всякимъ съ своимъ лекарствомъ“⁷⁾.

¹⁾ *Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. VII, прим. 235.*

²⁾ *Акт. Московскаго госуд., т. II, № 140.*

³⁾ *Московск. Главн. Арх. Мин. Ии. Дѣл. Выѣзды въ Россію 1643 г. іюня 7-го № 4. Н. П. Заоскинъ. Врачи и врачебное дѣло, стр. 58, говорить, что Пау былъ уволенъ въ 1648 году, повторяя этимъ простую, повидимому, опечатку Рихтера, Исторія медицины, ч. II, стр. 66, такъ какъ Рихтеръ на стр. III оглавленія части II вѣрно отмѣчаетъ отбытіе изъ Россіи Пау 1643 годомъ.*

⁴⁾ *Материалы для ист. медиц. Вып. II, стр. 515, № 519, Вып. III, стр. 604, № 581. Въ 1645 году крымскіе гонимы просили государя прислать имъ лекаря „кому лечить у ногъ озноба“. Былъ посланъ Шинтеръ „на Крымской дворъ, къ крымскимъ гонимымъ, для ознобныя лечбы“. Акт. Ист. т. III, № 241. Материалы для ист. медиц. Вып. I, стр. 87, № 195. *Н. Новомбурскій. Очерки по исторіи анточнаго дѣла въ до-Петровской Руси. 1902, стр. 21. Въ 1663 г. крымскіе гонимы опять отморозили руки и ноги и просили лекаря; имъ послали. Мат. для ист. мед. Вып. II, стр. 240, № 329.**

⁵⁾ *Акт. Ист., т. III, № 305. Мат. д. ист. мед. Вып. I, стр. 107 и слѣд. № 214 и къ № 214.*

⁶⁾ *Акт. Ист., т. III, № 178.*

⁷⁾ *Акт. Ист., т. III, № 174. Приѣзды разнообразныхъ командировокъ врачей*

Въ настоящее время въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе вопроса о томъ, были ли полковые врачи въ московскомъ государствѣ объединены опредѣленнымъ институтомъ, составляя изъ себя нѣчто особенное отъ царскихъ врачей ¹⁾, или же врачебный персоналъ не былъ необходимой принадлежностью русскихъ полковъ того времени ²⁾ и служба царскихъ врачей въ полкахъ была для нихъ не болѣе, какъ временной командировкой, въ большинствѣ случаевъ тягостной, отъ которой они просили государя поскорѣ ихъ освобождать ³⁾. Если полковыхъ врачей, какъ опредѣленнаго института, не было въ Московскомъ государствѣ, то наши разсужденія объ иноземныхъ врачахъ ничего не приобретаютъ, не теряютъ; если же такой институтъ былъ, то служебное положеніе полковыхъ врачей не требуетъ никакихъ доказательствъ.

Врачи, являшіеся съ иностранными наемными полками, раздѣляли участь этихъ полковъ ⁴⁾.

Извѣстные намъ случаи леченія иностранными врачами лицъ, постороннихъ царской семьѣ и двору, свидѣтельствовали о томъ, что наши государи, понимая всю важность для больныхъ или раненыхъ врачебной помощи, посылали своихъ врачей нуждающимся ⁵⁾.

находимъ также: Акт. Ист., т. III, №№ 294, II. 303. Доп. Акт. Ист., т. V, № 100. Акт. Московск. госуд., т. I, №№ 386, 405, т. III, № 594. Мат. д. ист. мед. Вып. I, стр. 26 и слѣд., 29. №№ 106, 107, 104, стр. 65, № 176, стр. 110—113, № 220. Вып. II, стр. 146—148, №№ 250—253; стр. 268, № 354. Вып. III, стр. 667, № 715, стр. 702, № 800. *Лениковъ*. Русский народъ и государство, стр. 517. *Исрѣбильевъ*. Извѣст. соч., стр. 379, 384. *Завоскинъ*. Назв. соч. стр. 60 и слѣд., 63 и слѣд. *Bric*. Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Berlin, 1867 г., стр. 70, 88, 518 и слѣд.

¹⁾ См. *Завоскинъ*. Назв. соч., стр. 63. *Дж. Цейтмагъ*. Протестанство и протестанты, ст. 727 и слѣд. *М. Листинъ*. Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ, стр. 53—61. *Новомбергскій*. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси, стр. 259—283, 287—293.

²⁾ См., напр., Рус. Ист. Биб., т. X, стр. 190—200. II. Записная книга Московскаго стола 1638—1639 г.г. и стр. 517—521. Записная книга Московскаго стола 1662—1663 г.г.

³⁾ Матеріалы для ист. мед. Вып. II, стр. 218, № 301, стр. 204, № 349. Вып. III, стр. 759, № 968. Вып. IV, стр. 928—930, № 1382. См. также вып. II, стр. 168, № 279, 280, стр. 237, №№ 325 и слѣд., стр. 244, № 335, стр. 362—365, № 410, стр. 540, № 533.

⁴⁾ *Bric*. Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen, стр. 288 и слѣд. Собр. Г.Г. и Д. ч. III, № 87.

⁵⁾ Не советъмъ вѣрныя утвержденія по этому вопросу М. Н. Лахтина, Медицина

Но такія явленія могли, въ концѣ концовъ, устранить прежнюю исключительность положенія иностранныхъ врачей и, мало-по-малу, расширить кругъ лицъ, пользующихся ихъ услугами, настолько, что къ концу московскаго періода развитъ у царскихъ врачей вольную практику. Какъ разъ это мы и наблюдаемъ и указываемъ, что вольная практика царскихъ врачей иностранцевъ есть переходъ къ новому порядку, не московскому. Въ 1674 году лекаръ Аптекарской Палаты Миколайко Грекъ лечилъ частнымъ образомъ Силу Потемкина. Это не составляло для Аптекарскаго Приказа тайны, такъ какъ, когда Потемкинъ не доплатилъ по условію за леченіе Миколайкъ, то послѣдній возбудилъ въ Аптекарскомъ Приказѣ дѣло о доплатѣ, и Приказъ присудилъ ему ¹⁾).

Хотя мы и наблюдаемъ въ концѣ Московскаго времени частную практику царскихъ врачей, но этимъ еще не разрѣшаемъ вопроса о существованіи въ Московскомъ государствѣ вольнопрактиковавшихъ врачей, т. е. лицъ, не состоявшихъ на службѣ государя и свободно отправлявшихъ свою профессию.

М. П. Лахтинъ замѣчаетъ, что, „кромѣ врачей, занимавшихъ то или другое официальное положеніе, во вторую половину XVII в. существовало еще много вольнопрактикующихъ врачей, которые жили въ Москвѣ и другихъ городахъ на своихъ проторяхъ и кормились собою, своимъ промысломъ. Сюда принадлежали лица, уволенные по какой-либо причинѣ Аптекарскимъ Приказомъ, плѣнные врачи и, наконецъ, иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію специально для свободной практики. Получали они за свой трудъ обыкновенно натурою: „кто самъ чѣмъ почтитъ“. Только при серьезныхъ операціяхъ обѣ стороны договаривались, при чемъ врачъ, въ случаѣ неуплаты ему гонорара, могъ искать свои права судомъ. Подробности одного такого дѣла сохранились въ одномъ документѣ, представляющемъ въ этомъ отношеніи большой интересъ“. Затѣмъ разсказывается случай, имѣвшій мѣсто въ 1674 г., когда Сила Потемкинъ не доплатилъ за леченіе лекарю Николаю Греку, и этотъ послѣдній искалъ на Потемкинѣ судомъ ²⁾).

и врачи въ Московскомъ государствѣ, стр. 28 и слѣд., склоннаго думать, что иностранныя врачи, находившіеся на службѣ государя, начали лечить приближенныхъ ко двору бояръ и другихъ лицъ, по порученію царя, лишь при Романовыхъ.

¹⁾ Матеріалы для ист. медиц. Вып. II. стр. 528—530, № 527.

²⁾ М. Лахтинъ. Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ, стр. 51 и слѣд.

Вотъ и все.

Въ данномъ случаѣ насъ удивляетъ не столько рѣшительность заявленій о множествѣ вольнопрактиковавшихъ врачей, къ которымъ принадлежали, между прочимъ, „лица, уволенные по какой либо причинѣ Аптекарскимъ Приказомъ... и иностранцы, прїѣзжавшіе въ Россію специально для свободной практики, сколько ограниченное число приведенныхъ въ доказательство этихъ заявленій примѣровъ. Къ тому же, единственный случай, приводимый авторомъ, съ Силой Потемкинымъ и Николаемъ Грекомъ говоритъ не о томъ, что въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ существовали частные врачи, а о томъ, что иногда врачи правительственные занимались и частной практикой. Случай съ Грекомъ не годится для доказательствъ мыслей автора, такъ какъ „Миколайко Грекъ“ былъ „лекаръ Аптекарской Палаты“¹⁾.

Гораздо осторожнѣе по тому же поводу утвержденія П. Я. Новомбергскаго. Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси“, Н. Я. Новомбергскій подробно развиваетъ ту мысль, что иноземные врачи или, какъ иногда онъ называетъ ихъ, „придворные врачи“ практиковали въ Москвѣ у частныхъ лицъ не иначе, какъ съ разрѣшенія или особаго указа государя, и лишь въ концѣ XVII вѣка „совершившаяся въ силу естественнаго хода событій децентрализація врачебнаго дѣла привела къ возникновенію вольнопрактикующихъ врачей“²⁾.

Здѣсь нѣтъ ничего противнаго нашему утверженію объ отсутствіи вольнопрактиковавшихъ врачей изъ иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ, такъ какъ, по словамъ Н. Я. Новомбергскаго, лишь въ концѣ XVII вѣка совершилась децентрализація врачебнаго дѣла, и затѣмъ уже появились частные врачи. Конецъ XVII вѣка—это все такое время, когда Московская Русь со своими порядками отходила въ исторію, и начиналась новая эра.

Намъ остается, все-таки, доказать, что, по типу правовыхъ отношеній, сложившихся въ Московскомъ государствѣ, за это время не было въ Россіи вольнопрактиковавшихъ врачей изъ иностранцевъ.

Согласно мнѣнію М. Н. Лахтина, такіе врачи могли быть или лицами, впервые явившимися въ Россію, или уволенными съ царской службы.

¹⁾ Матеріалы для ист. мед. Вып. II, стр. 526—530, № 527. О соотношеніи Аптекарской Палаты и Аптекарскаго Приказа см. Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе, стр. 81—83.

²⁾ Врачебное строеніе, стр. 108—114, 273—279.

Но извѣстно, что тѣхъ изъ знатцевъ, кого не принимали на службу, того и не пропускали изъ-за границы. Былъ ли этотъ законъ во всей суровости примѣняемъ къ врачамъ? Былъ.

Въ 1624 году прибылъ въ Архангельскъ голландскій врачъ Даміусъ въ надеждѣ поступить на русскую службу; не принятый на службу онъ не былъ пропущенъ въ Москву и высланъ за границу ¹⁾. Въ 1627 году выѣхали къ государю „своимъ мастерствомъ служить“ докторъ „Голландскія земли Ондрой Денисовъ Куманскъ и Голандскія земли города Брома обтекаръ Кривей Юрьевъ“. Такъ какъ на службу ихъ не приняли, то дальше Архангельска не пустили и приказали поворотить назадъ ²⁾. Въ этомъ же году прибылъ изъ Швеціи въ Новгородъ докторъ Албертъ фонъ-Даленъ. Царь его на службу къ себѣ не принялъ и велѣлъ поворотить назадъ ³⁾. Въ 1641 году пріѣхалъ изъ Литвы въ Путивль иноземецъ „шпанскія земли родимецъ Антоній Андрыкасъ, дохтуръ, всякія болѣзни у человѣка знаетъ и лечитъ“ и просился „жить въ православной Христіанской вѣрѣ въ Московскомъ государствѣ и государю служить вѣчно“. Изъ прошенія Андрыкаса нельзя было заключить, что онъ просился специально на врачебную службу, а вообще служить государю, что означало для того времени, прежде всего, военную дѣятельность. Только изъ того, что Андрыкасъ заявилъ себя врачомъ, можно было вывести, что онъ скорѣе хотѣлъ служить по врачебной части, чѣмъ по военной. Во всякомъ случаѣ, государь, подразумѣвая два смысла его прошенія, велѣлъ воеводѣ отвѣчать нѣмчину двояко: „въ нашемъ въ московскомъ государствѣ дохтуровъ и лекарей и аптекарей и безъ него много и его по нашему указу для дохтурства въ наше въ Московское государство принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ Литовскую сторону, а онъ бы ѣхалъ въ Литовскую сторону со всѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ; а будетъ нѣмчинъ учить говорить, чтобъ намъ его пожаловать, въ наше Московское государство велѣтъ принять въ службу, и ты бы ему сказалъ, что, по милости Божіей, мы, великій государь, съ окрестными государствами мирны и ему въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ безъ службы быть не для чего и отпу-

¹⁾ *Ризтеръ*. Исторія медицины, ч. II, стр. 94 и слѣд. *Затоскинъ*. Назв. соч., стр. 50.

²⁾ Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XXVII и XXIX. *Ризтеръ*. Назв. соч., ч. II, стр. 95—98.

³⁾ *Ризтеръ*. Назв. соч., ч. II, стр. 98 и слѣд.

стиль бы еси того нѣмчина за рубежь“¹⁾. Даже въ 1690 году по отношенію къ разсматриваемому вопросу мы встрѣчаемся съ такою же правительственной практикой²⁾; между тѣмъ, какъ многое измѣнилось къ тому времени.

Если иностранцы, въ качествѣ частныхъ врачей, не могли попасть въ Россію, а иностранцы врачи, служившіе государю, почти до конца московскаго періода могли пользоваться частныхъ лицъ не иначе, какъ съ разрѣшенія государя, то вообще оставался единственный способъ полученія населеніемъ иностранной медицины безъ посредства правительства, а именно пользованіе такими врачами послѣ того, какъ они выходили въ отставку съ царской службы.

По дѣлу въ томъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ службы иностранныхъ врачей эти послѣдніе, выходя въ отставку, по собственной инициативѣ или по окончаніи срока, на который они уговорились служить государю, сами просились на родину и получали вмѣстѣ съ отставкою отъ службы и отпускъ изъ Россіи. Случаи же, когда иностранные врачи, при увольненіи отъ службы, почему либо не просились за границу, трактовались по отношенію къ возможности такимъ уволеннымъ со службы врачамъ оставаться въ Россіи и заниматься частной практикой очень опредѣленно и въ полномъ согласіи съ выставленнымъ нами принципомъ правительственной политики.

Въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка былъ уволенъ со службы и вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ за границу врачъ Квирингъ фонгъ Бремборгъ³⁾. Въ 1643 году государь указалъ врача Пау „изъ аптеки отставить и вѣхал бы онъ в свою голанскую землю, или куда хочеть, и по государеву указу печатнику и думному дьяку Оедору Оедоровичю Лихачеву, да дьяку Григорью Львову дохтура Романа Пау велѣть отпустить въ Голанскую землю или куда похочеть, потому что ему в аптекарской палатѣ по государеву указу въ дохтурскъ быть не указано“⁴⁾.

Въ 1644 году 2-го ноября врачу Аптекарскаго приказа Валентину Бильсу государь указалъ: „въ дохтурѣхъ не быть; а велѣть ему служить свою государеву службу, а будетъ служить не похочеть,

¹⁾ Н. Новомбергскій. Назв. соч. Приложенія № 8, стр. XXVI. См. М. Лазтинъ. Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ, стр. 12 и 55.

²⁾ См. мою статью: О свободѣ пріѣзда иностранцевъ въ Московское государство. Журн. Мин. Нар. Прос. 1908 г. май, стр. 65.

³⁾ Залоскимъ. Назв. соч., стр. 57.

⁴⁾ М. Лазтинъ. Назв. соч., стр. 32.

и ему дать волю гдѣ захочетъ“, т. е. можетъ ѣхать за границу. Бильсъ просилъ оставить его въ докторахъ, такъ какъ онъ этому специально учился, „а что де велѣно ему государева служба служить, и ему въ службѣ быти нельзя...., а за море ему ѣхати нельзя же, потому что онъ природный государевъ холопъ и родился въ Москвѣ“. Государь отказалъ ¹⁾). Разбираясь въ терминологіи того времени, сразу непонятной, находимъ, что Бильсъ былъ уволенъ отъ врачебной службы, и ему было предложено или записаться въ военные, или уѣхать за границу. Предлагая Бильсу „въ доктурѣхъ не быти“, правительство допускало мысль только о томъ, что Бильсъ своимъ докторствомъ можетъ служить исключительно государю, и вполнѣ послѣдовательно требовало отъ Бильса прекращенія врачебной практики въ Россіи или выѣздомъ за границу, или вступленіемъ въ военную службу. Самъ Бильсъ, когда просилъ оставить его въ докторахъ, т. е. оставить его на врачебной службѣ, такъ какъ ему нельзя ни поступить въ военную службу, ни выѣхать за границу, не предполагалъ возможности остаться въ Россіи для частной практики и въ своихъ челобитныхъ не указывалъ государю на этотъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Ему предоставлялась возможность такъ или иначе, но только служить государю, или же выѣзжать изъ Россіи.

Въ томъ же году Филиппу Бриоту, занимавшемуся аптекарствомъ и лекарствомъ, велѣно быть только въ лекаряхъ, „а будетъ въ лѣкарехъ служити не похочеть и ему служити службу или ѣхать въ свою землю“ ²⁾).

Когда такой порядокъ, доведенный въ описанныхъ только что случаяхъ до геркулесовыхъ столбовъ, сталъ терять свою силу и переходить въ желанную свободу, мы въ точности не можемъ установить, но приблизительное указаніе на семидесятыя годы XVII столѣтія болѣе или менѣе правильно.

Въ 1677 году окончился срокъ службы трехъ докторовъ, и Аптекарскимъ приказомъ была составлена по этому случаю особая роспись, въ которой значились: Грамантъ, Рингуберъ и Пантанусъ. Согласно установившейся практикѣ, приказъ, на основаніи росписи, испрашивалъ указа государя отпустить врачей за море. Но правительство посмотрѣло иначе. На росписи читаемъ помѣту: „185 году апрѣля въ 10-й день. Ся роспись великому государю чтена, и великій государь

¹⁾ Акті Ист., т. III, № 233. *Иерфилльскъ*. Назв. соч., стр. 374.

²⁾ Матер. для ист. мед. Вып. I, стр. 66, № 176.

указалъ: дохтуровъ Михайла Грамона, Лавреѣтя Ренгубера, Петра Пантануса съ Москвы отнустить въ тѣ государства—кто изъ котораго прѣѣхалъ“. Это все старина, но далѣе уже большая новость: „а кто изъ нихъ, указалъ государь, похочеть быть на Москвѣ,—и имъ жить на Москвѣ на своихъ проторяхъ, а великого государя жалованья—корму имъ не давать; и лечить имъ всякихъ чиновъ людей“¹⁾.

Видно, что правительство на первый планъ выдвинуло выѣздъ врачей за границу, но признало возможнымъ и оставленіе ихъ въ Россіи, съ предупрежденіемъ о томъ, что они, если останутся и займутся врачебной практикой, то будутъ жить на своихъ проторяхъ, и государь имъ больше платить не будетъ.

Политика правительства въ этомъ направленіи настолько укрѣпляется и развивается, что къ 1681 году административныя распоряженія по поводу окончанія иностранными врачами службы въ Россіи принимаютъ болѣе соответствующій существу дѣла характеръ, а именно, врачей, увольняемыхъ отъ службы, уже не выселяютъ изъ Россіи и не связываютъ вопросовъ объ увольненіи съ выселеніемъ, дѣлъ совершенно различныхъ, воедино, а, увольняя врачей отъ службы, предоставляютъ имъ этимъ увольненіемъ, прежде всего, свободу дѣйствій въ Россіи, а затѣмъ уже возможность выѣхать и за границу. Такъ, когда въ 1681 году были уволены со службы нѣкоторые лекари, имъ объявили: „буде они похотятъ жить на Москвѣ и собою кормится, безъ государева жалованья и кормовыхъ денегъ..... тѣмъ оставаться; а которые похотятъ ѣхать въ свою землю—и тѣхъ отпустить“²⁾.

Наше мнѣніе объ исчезновеніи въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія московскаго порядка въ отношеніи допущенія иностранныхъ врачей, уволенныхъ со службы, къ частной практикѣ, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ тѣхъ словахъ П. Я. Новомбергскаго, когда онъ указываетъ, что „иноземные ученые врачи, долго державшіеся въ сторонѣ отъ общей жизни, вошли въ народъ вслѣдъ за аптечными медикаментами“, и поясняетъ, что аптечные медикаменты вошли въ народъ въ 1672 году. До этого времени была въ Москвѣ одна аптека—царская, обслуживавшая нужды двора и всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ это разрѣшалось или предписывалось указомъ государя. Въ 1672 году была учреждена новая аптека для вольной продажи лекарствъ³⁾.

¹⁾ Матеріалы для ист. медиц. Вып. IV, стр. 911, № 1375.

²⁾ Матеріалы для ист. медиц. Вып. IV, стр. 1216, № 1620.

³⁾ Н. Новомбергскій. Очерки по исторіи аптечнаго дѣла въ до-Петровской

VI.

Если, какъ мы до сихъ поръ видѣли, московское государство не терпѣло свободы профессій для перечисленныхъ разрядовъ иностранцевъ, то на какомъ основаніи была бы предоставлена, уже какъ исключеніе, эта свобода всевозможнымъ техникамъ, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ степеней ихъ? Конечно, никакого исключенія въ этомъ отношеніи они не составляли.

Въ XV и XVI вѣкахъ эти всѣ иностранцы безразлично сливались въ глазахъ московскаго правительства въ общую массу людей, служившихъ государю своимъ знаніемъ техническихъ трудностей европейскаго искусства. Одинаково былъ мастеромъ ювелиръ, дѣлавшій перстень Борису Годунову, или какой-нибудь токарь и архитекторъ; строившій соборы и дворцы; одинаково былъ мастеромъ иностранецъ; стоявшій во главѣ порохового завода или пушечнаго, и иностранецъ, умѣвшій стрѣлять изъ пушекъ и дѣйствительно участвовавшій въ этой своей должности мастера въ сраженіяхъ. Иванъ III посылалъ въ Германію приглашать на русскую службу на однихъ и тѣхъ же условіяхъ самыхъ разнообразныхъ мастеровъ и въ томъ числѣ „мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, а другова, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять“¹⁾. Для насъ совершенно ясно, что такіе мастера, собственно, служили на русской военной службѣ. Извѣстный зодчій, знаменитый не только у насъ, но и за границей, построившій Успенскій соборъ въ Москвѣ и много другихъ сооружений, Аристотель или Рудольфо Фіораванти, былъ аттестованъ гѣтописцемъ не только „мастеромъ муроломъ, кой ставитъ церкви и палаты“, но „также и пушечники нарочить“²⁾. Дѣятельность архитектора Аристотеля въ Россіи была чрезвычайно разнообразна, и онъ нерѣдко участвовалъ въ рядахъ русскаго войска въ качествѣ „пушечника“³⁾.

Руск. 1902: стр. 18—21; *Н. С. Ткачеламели*. Русская фармація до возникновенія первыхъ военныхъ аптекъ въ Россіи, стр. 9. Труды кафедръ исторіи и энциклопедіи медицины Имп. Московскаго университета, т. I, 1906 г.

¹⁾ *Н. М. Карамзинъ*. Ист. Госуд. Рос., т. VI, прим. 342. См. также *Бантинъ-Каменскій*. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 156. Русскіе Акты Копенгагенскаго государ. архива, № 10. Рус. Ист. Биб., т. XVI.

²⁾ Софійская первая лѣт., т. VI, стр. 32 и 34. Патриаршая или Никоновская лѣт., т. XII, стр. 157—192.

³⁾ *К. Бестужевъ-Рюминъ*. Русская исторія, т. II. Вып. I, стр. 160. *Аделунгъ*.

Мастера ѣхали служить государю и почти исключительно по особому вызову правительства на готовыл, такъ сказать, мѣста, такъ какъ не только въ то темное время, когда татарскіе набѣги еще давали себя знать довольно сильно, но и при Романовыхъ мастеровой народъ „безъ уговору и безъ денегъ“ неохотно ѣхалъ изъ-за границы въ Россію ¹⁾).

Въ XVII вѣкѣ, когда бытовое различіе ихъ стало замѣтнѣе, царь еще продолжалъ сливать въ общую массу специалистовъ разнаго рода людей, какъ бы не различая ихъ правового положенія. Для Алексѣя Михайловича, какъ и для Ивана III, это все были мастеровые люди, ему служившіе. Въ 1657 году грамотой на имя иѣвкобого Фоглера государь выражалъ свое желаніе нанять „иѣкоторыхъ нижеиѣровъ и мастеровъ огнестрѣльного дѣла которые умѣютъ стрелятъ гранатами и которые знаютъ нарядъ ихъ, такожъ мастеровъ которые умѣютъ дѣлатъ и рѣзатъ всякіе стеклочатые суды, также серебрянныхъ самыхъ добрыхъ“ ²⁾. Формально однаково принимались государемъ пріѣхавшіе къ нему служить полатный мастеръ и часовой ³⁾. Около 1657 года жилъ на Москвѣ порохового дѣла мастеръ Давыдъ Бахерахтъ и дѣлалъ на особомъ управляемомъ имъ заводѣ „въ ово государову казну в пупкарскомъ приказе зелье“ ⁴⁾. Этотъ самый мастеръ въ грамотѣ царя датскому королю отъ 9-го октября 1666 года считается наравнѣ съ генераломъ Бауманомъ состоящимъ на русской службѣ ⁵⁾. По привычкѣ, съ XVI вѣка, безразлично называются мастерами люди самыхъ разнообразныхъ социальныхъ положеній.

Однако, совершившаяся къ концу московскаго періода дифференціация ихъ вначалѣ по бытовому значенію, а внослѣдствіи и по пра-

Критико-литературное обозрѣніе, ч. I, стр. 127, прим. 235. Описаніе предшествующей пріѣзду въ Россію дѣятельности Фіораванти находимъ: *Le P. Pierling S. J. La Russie et le Saint-Siège*. 1896 г., т. I, стр. 200 и слѣд.

¹⁾ *A. Brückner. Die Europäisierung Russlands. Land und Volk*. 1888 г., стр. 386, говоритъ: „Die Techniker waren zum grössten Teil von der Regierung berufen; sie standen gelegentlich in einem offiziellen Verhältnis zum Reiche; sie hatten es nur mit dem Centrum des Staates, mit den höheren Ständen zu thun“.

²⁾ С.-Петербургскій архивъ мин. ин. дѣлъ. XXVII. № 118. Часть III. 28-го августа 1657 г.

³⁾ См., напр., Рус. Ист. Библ., т. VIII. № 10, XXIII. Доп. къ Дворц. Разр. ч. I, стр. 615—617. Читенія. 1882 г., кн. III. Ib, стр. 858 и слѣд., Читенія. 1883 г., кн. IV.

⁴⁾ Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ. Приказныя дѣла ⁷¹⁶⁵/₁₆₆₇ № 30.

⁵⁾ Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ. Дѣла Датскія. 1666 окт. 9.

вовому, дать намъ возможность, для удобства разсмотрѣнія положенія иностранцевъ техническихъ знаній, искусственно разбить ихъ на нѣсколько рубрикъ.

Первую рубрику составляютъ тѣ небольшіе люди, которые, въ качествѣ мастеровъ дѣла живописнаго, золотого, серебрянаго, алмазнаго, кружевнаго, часового, токарнаго, переплетнаго и пр., обслуживали нужды самого государя и двора, выдѣлявая преимущественно предметы царскаго обихода. Къ нимъ же надо отнести и мелкихъ оружейныхъ мастеровъ.

Они входили въ общую массу лицъ, служащихъ государю не только въ XVI вѣкѣ, когда отношенія были проще, но и въ XVII вѣкѣ, при болѣе развитой гражданственности. Такъ, когда въ 1675 году, на Пасхѣ „былъ великому государю выходъ въ столовую избу“ и государь жаловалъ къ рукѣ всякихъ служилыхъ людей ¹⁾, то среди другихъ представлявшихся государь жаловалъ въ одинъ день святой недѣли „дѣяковъ всѣхъ приказовъ, и неприказныхъ, да иноземцовъ начальныхъ людей, полковниковъ и полуполковниковъ и подъячихъ всѣхъ приказовъ“ ²⁾. На слѣдующій день приходили къ государю „дохтуры, и лекари и мастеровые всякіе люди своимъ дѣломъ золотые полаты, и серебрянные и оружейные, и Великій Государь жаловалъ ихъ тожъ къ рукѣ и яйцы. А дохтуровъ и лекаревъ объявлялъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; а мастеровыхъ людей золотой полаты, и серебрянной и оружейной объявлялъ Великому Государю и ихъ дѣла бояринъ и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово“ ³⁾.

Числясь по разнообразнымъ приказамъ, большею частью дворцовымъ, мастера получали государево жалованье, казенныя квартиры или деньги „на дворовое строеніе“, при опредѣленіи на службу присягали государю, по окончаніи службы, по выѣздѣ изъ Россіи, получали аттестаты о службѣ ⁴⁾. Самый терминъ „кормовой иноземецъ“,

¹⁾ Дворц. разр., т. III, стр. 1315—1322.

²⁾ Ib., стр. 1319.

³⁾ Ib., стр. 1320.

⁴⁾ Моск. главн. арх. мин. ин. дѣл. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ $\frac{7097}{1188}$ № 1; Приказныя дѣла $\frac{7135}{1626}$ № 30 л. 7. $\frac{7140}{1637}$ № 35. Выѣзды въ Россію 1660 окт. 7, № 10. Софійская первая лѣт., т. VI, стр. 32, 37, 49. Патриаршая или Никоновск. лѣт., т. XII, стр. 157 и 192. Воскресенская лѣт., т. VIII, стр. 219, 228, 244. Сборн. Имп. рус. ист. общ., т. XXXVIII, стр. 310, 426 и слѣд. Рус. акты Копенгаген. госуд. арх., № 10, Рус. Ист. Библ., т. XVI. Доп. Акты Ист., т. VI, № 48, XXIII. Доп. Дворц. разр., ч. I, стр. 13, 41 и слѣд., 54 и слѣд. Читенія. 1882 г., кн. I. Доп. Дворц.

подъ которымъ понимался человекъ служилый, но не изъ номѣстья, а изъ денежнаго государева жалованья „корму“, примѣнялся по отношенію къ мастерамъ ¹⁾).

Тѣ изъ нихъ, которые, какъ, напримѣръ, пріѣхавшіе въ 1600 г. въ Россію съ посломъ Микулинымъ изъ Англій, не настолько хорошо знали свое дѣло, чтобы могли служить при дворѣ, должны были выѣзжать изъ Россіи и просить вспомошествованія на выѣздъ, объясняя, что они прожились, ободрались, наги и босы ²⁾, такъ какъ, кромѣ той работы, которая имъ могла быть предоставлена государемъ, они никакой другой частной работы не находили.

Вторую группу составляли всѣ тѣ иностранцы специальныхъ знаній, которые, какъ городского и подконнаго дѣла мастера, умѣющіе города строить, приступать къ городамъ и добывать ихъ, пушечнаго дѣла мастера, умѣющіе пушки лить и изъ нихъ стрѣлять, пинардники или смитарщики, засѣчнаго дѣла мастера, а въ XVII вѣкѣ и инженеры, вызывались въ Россію на службу государя для цѣлей войны, и дѣйствительно участвовали среди русскаго войска иногда, какъ видные его члены. Въ такихъ случаяхъ служебный характеръ ихъ отношеній къ государю виѣ сомнѣній ³⁾.

Разр. ч. I, стр. 319, 527, 555, 599. Читенія. 1882 г., кн. III. Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XVII, I, III; ib. № 10, XXIII, XXXI, XI., I. Матеріалы для ист. медиц. Вып. I, стр. 95, № 206. Полю. собр. зак., т. I, № 559. *Виттимишъ-Камелекій*. Обзоръ, ч. I, стр. 156, 177. *Н. М. Карамзинъ*. Ист. гос. Рос., т. VI, примѣч. 342. *Гамель*. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Прилож. къ VIII тому Записк. Имп. Академіи Наукъ. 1865 г., стр. 64—67. *С. М. Средонинъ*. Англійскіи извѣстїи о Россіи во второй половинѣ XVI в. Читенія. 1884 г., кн. IV, стр. 15 и слѣд. *Н. К. Забелинъ*. О металлическомъ производствѣ въ Россіи, стр. 37. *Le P. Pierling*. Назв. соч., ч. I, стр. 208.

¹⁾ Матер. для ист. мед. Вып. III, стр. 579 и слѣд. № 559.

²⁾ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 310, 426 и слѣд.

³⁾ Софійская первая лѣт., т. VI, стр. 32, 37, 49. Софійская вторая лѣт., т. VI, стр. 199. Воскресенская лѣт., т. VIII, стр. 219, 244. Патриарш. или Никоновская лѣт., т. XII, стр. 157, 192. *Сборн. Рос. Гр. и Дог.*, ч. III, № 89. *Ак. Ист.*, т. IV, № 14. *Доп. Ак. Ист.*, т. IV, № 49. Рус. Ист. Библ., т. II, № 161, т. VIII, № 10. XXIII. *Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.*, т. XLI, стр. 42 и слѣд., *Доп. Дворц. Разр.*, Читенія. 1882 г. кн. I, стр. 273; 1882 г., кн. III, стр. 369, 405, 431; 1883 г., кн. IV, стр. 858 и слѣд. *Виттимишъ-Камелекій*. Обзоръ, ч. I, стр. 156, ч. II, стр. 194. *Н. М. Карамзинъ*, *Ист. гос. Рос.*, т. VI, прим. 342. *Ф. Адельунгъ*. Назв. соч., ч. I, стр. 127, прим. 235. *A. Brückner*. Die Europäisierung Russlands, стр. 365. *Erg. z. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts*. Band. I. 1896 г., стр. 541 и сл. *Briz*. Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen. 1867, стр. 68—70.

Третью группу техниковъ составляли иностранцы, употреблявшіеся правительствомъ въ нѣкоторыхъ его предіриятіяхъ въ качествѣ помощниковъ его агентовъ по технической части. Ихъ можно охарактеризовать гражданскими, въ противоположность второй группѣ, состоящей изъ военныхъ, и инженерами — въ противоположность первой группѣ, состоящей преимущественно изъ ремесленниковъ.

Больше всего правительству приходилось пользоваться услугами такихъ иностранцевъ въ начавшемся еще въ XV вѣкѣ дѣлѣ отысканія и обработки руды. Обыкновенно снаряжали для этого цѣлую правительственную экспедицію, во главѣ технической части которой и стояли иностранцы ¹⁾.

Кромѣ того, правительственные сооруженія, какъ, напримѣръ, московскаго Кремля, а также возводимыя правительствомъ общественныя, какъ, напримѣръ, церкви, рынки, производились при ближайшемъ участіи иностранцевъ, получавшихъ за свой трудъ жалованье отъ государя ²⁾.

Съ помощью иноземныхъ людей, умѣющихъ корабли строить и управлять ими, нанимавшихся „въ службу его царскаго величества“, строили и снаряжали при Алексѣѣ Михайловичѣ въ селѣ Дѣдиловѣ, Коломенскаго уѣзда, корабль, подъ названіемъ „Орель“. Улачно по-

98, 150 и слѣд., 306, 517 и слѣд., причисляетъ многихъ выписанныхъ изъ заграничій московскими великими князьями и царями специалистовъ „zu den ausländischen Hoereselementen jener Zeit“.

¹⁾ Воскресенскій лѣтоп., т. VIII, стр. 221, а также на стр. 223, говоритъ, что въ 1491 году великій князь „послалъ на Печеру нѣмецъ Пвана да Виктора руды искать серебряные, а съ ними послалъ Андруа Пстропа да Василія Иванова сына Вальтина“. И. М. Карамзинъ. Изв. соч., т. VI, стр. 140 и прим. 360. *Ю. Е. Замисловскій*. Географическія извѣстія Герберштейна о Московской Руси. Дровля и Новая Россія. 1876 г., т. III, стр. 345. См. также *И. М. Карамзинъ*. Назв. соч., т. VI, прим. 342. Рус. Ист. Вѣст., т. VIII, № 10, I, III. Акт. Ист., т. III, № 305. Памятники дипломат. сношеній древней Россіи., т. IV, стр. 800. Матеріалы для ист. чедв. Вып. I, стр. 107 и слѣд., № 214 и къ № 214. Доп. Двор. Разр. ч. I, стр. 189. Чтеніи. 1882 г., кн. III. *Вантмишъ-Каменискій*. Обзоръ, ч. I, стр. 19, 156, ч. II, стр. 18, 194. *A. Brückner*. Die Europäisierung Russlands, стр. 367 и слѣд. *Дж. Цаншасъ*. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 712.

²⁾ Софійская первая лѣтоп., т. VI, стр. 34, 36—38, 43, 49, 53. Воскресенскій лѣтоп., т. VIII, стр. 219, 221—223, 228, 244, 254 и слѣд. 289. Патриаршая или Никонов. лѣт., т. XII, стр. 192, 216. Доп. Дворц. Разр., ч. I, стр. 483, 586. Доп. Акт. Ист., т. VI, № 21, I и особенно XIII. *К. Бестужевъ-Рюминъ*. Русская исторія, т. II, в. I, стр. 160 и слѣд. *Pierling*. Назв. соч., т. I, стр. 200 и слѣд., 204 и слѣд. 208.

строенный иностранцами Орелъ могъ бы положить начало нашему флоту, если бы не былъ сожженъ на Волгѣ Разинымъ ¹⁾.

Наконецъ, иностранцы, какъ спеціалисты, приставлялись къ культурамъ шелка, винограда, разныхъ лечебныхъ, напримѣръ, травъ и проч., содержащихся на государя ²⁾.

Отъ этихъ послѣднихъ лицъ естественный переходъ къ группѣ иностранцевъ, стоявшихъ во главѣ государевыхъ фабрикъ или заводовъ ³⁾.

Жанъ Баптиста делла Волие, пришедшій въ Москву на службу великаго князя въ 1469 году, извѣстный подъ русскимъ именемъ Ивана Фрязина, по словамъ профессора Брикнера, als Leiter des Münzhofs thätig war ⁴⁾.

Въ 1531 году въ Москвѣ загорѣлся пороховъ, гдѣ его дѣлали на Успенскомъ врагѣ, во дворѣ иностраннаго мастера Алевиза, и въ одну часъ сгорѣло работниковъ болѣе 200 человекъ ⁵⁾. Видно, что скромное названіе Алевиза не соответствовало его положенію въ нашихъ глазахъ, такъ какъ онъ имѣлъ сотни работниковъ и стоялъ во главѣ цѣлаго порохового завода.

Франческо Асцентини, ювелиръ изъ Венеціи, прибывшій въ 1601 г. въ Москву на службу государя, рассказываетъ, что онъ нашелъ въ Москвѣ своего земляка и друга Марка Чинопи, призваннаго еще царемъ Феодоромъ для тканія парчей, штофовъ и бархатовъ; около новой колокольни Ивана Великаго находилась и фабрика Чинопи ⁶⁾.

Такихъ лицъ иногда вызывали изъ-за границы со спеціальной цѣлью

¹⁾ Док. Акт. Ист., т. V, № 46, I, № 47. А. Поповъ. О построении корабля Орла въ государство царя Алексѣя Михайловича. Русская Вѣста. 1858 г., IV, кн. 12, стр. 2—5.

²⁾ Акт. Ист., т. IV, № 40, № 132, № 138. Док. Акт. Ист., т. IV, № 60. Дм. Цинишевъ. Протестантизмъ и протестанты, стр. 120 и слѣд., 718.

³⁾ А. Brückner, Die Europäisierung, стр. 368 и слѣд., говоритъ: „In den dem Zaren gehörenden Fabriken und Manufakturen standen meist Ausländer an der Spitze der technischen Leitung“. Лешковъ. Русскій народъ и государство. 1858 г., стр. 373, говоритъ, что иностранныя заводчики, часто вызванные въ Россію царю послужить и на себѣ его жалованье видѣть, имѣли нѣкоторый служебный характеръ и въ силу его надѣлялись привилегіями.

⁴⁾ А. Brückner. Geschichte Russlands. Band. I, стр. 541. Ср. Н. М. Карамзинъ. Назв. соч., т. VI, стр. 39.

⁵⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. V, изд. 1864 г., стр. 459.

⁶⁾ Н. М. Карамзинъ. Назв. соч., т. X. гл. IV, прим. 451. Ф. Адельунгъ. Назв. соч., ч. II, стр. 8 и слѣд.

устройства той или иной фабрики или завода. Такъ, въ 1621 году Михаилъ Θεодоровичъ послалъ за границу московскаго гѣмчина Юрія Родіонова „провѣдывать рудовнатца самого добраго“ и пригласить его на службу къ государю, объяснивъ ему условія службы, вообще, а въ частности его, а именно, „какъ, оужъ дастъ Богъ, онъ дарскимъ счастьемъ, а своею наукою и ремесломъ найдетъ руду золотую или серебряную, и государь его пожалуетъ великимъ своимъ царскимъ жалованьемъ и чести его во всемъ учинитъ; а что будетъ прибыли передъ заводомъ, и государь его съ прибыли пожалуетъ четвертою долею золотомъ и серебромъ, что будетъ найдетъ“ ¹⁾.

Въ 1625 году пріѣхалъ къ государю бархатнаго дѣла мастеръ голландецъ Каспаръ Лермиъ для устройства фабрики, но фабрику завести ему не удалось, „потому что, какъ онъ объяснялъ государю, надобеть заводъ великъ и мастеровые люди изъ наше земли безъ уговору и безъ денегъ не пойдутъ, и что здѣсь такихъ шолоковъ нѣтъ“; привести же съ собой „мастеровыхъ людей и снастей“ онъ не считалъ возможнымъ, потому что „шолоковъ такихъ здѣсь нѣтъ, и за тѣмъ бы дѣло стало, а онъ бы (мастера) однако хотѣли платежъ свой на всякой день имать, хотя бы дѣлали или нѣтъ, потому что онъ тѣмъ живутъ, и то бы тебѣ государю стало убыточно“ ²⁾.

Видно, что Лермиъ собирался оборудовать фабрику не за свой счетъ, а именно за счетъ государя, что онъ не вносилъ въ это дѣло никакихъ капиталовъ и самъ лично ничѣмъ не рисковалъ: и въ дорогу до Москвы и въ Москвѣ онъ получалъ государево жалованье, получилъ государево жалованье и за пріѣздъ. Это было не личное его предпріятіе, а правительственное, и онъ былъ не фабрикантомъ, а наемникомъ правительства, его агентомъ для устройства извѣстнаго дѣла. Когда онъ увидѣлъ, что онъ не въ состояніи выполнить свое назначеніе, онъ сталъ проситься домой, и его отпустили. Онъ просилъ также возмѣстить ему издержки, характерныя по своей незначительности, такъ какъ ограничивались всего 40 рублями ³⁾.

Въ 1639 году государь вызывалъ на службу людей, умѣющихъ варить селитру. Среди желающихъ послужить государю явился „литовскій выходецъ Сенька Ивановъ сынъ, селиторникъ, съ женою и

¹⁾ Памятника диплом. снош. т. II, стр. 1363. См. *A. Brückner. Die Europäisierung Russlands.*, стр. 368 и слѣд.

²⁾ Рус. Ист. Вѣст. т. VIII, № 10, XXIII.

³⁾ Ibid.

дѣтьми... а пришелъ онъ изъ литовской стороны на государево имя на вѣчную службу, и на Москвѣ государево денежное жалованье 8 рублей ему дано“. Ему было велѣно жить въ Воронежѣ, служить тамъ государеву службу и устроить селитренный заводъ ¹⁾).

Шведскій резидентъ въ Москвѣ, Карлъ Поммеренингъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній королевѣ Христинѣ рассказывалъ, что въ 1648 г. въ Россіи были царскіе желѣзные заводы, на которыхъ служили царю иностранцы. Но кромѣ царскихъ заводовъ резидентъ указывалъ на существовавшіе въ то же время желѣзные заводы частныхъ лицъ, а именно Марселиса и Виніуса, добавляя, что Виніусъ ранѣе содержалъ желѣзный заводъ „на деньги великаго князя“ ²⁾).

Если при Алексѣѣ Михайловичѣ имѣло мѣсто участіе въ русской промышленности этихъ двухъ иностранцевъ на правахъ частныхъ лицъ, то такое же право могли осуществлять и другія лица, кромѣ Марселиса и Виніуса, и не только въ 1648 году, но и ранѣе и позже.

Дѣйствительно, около 1557 года англійской торговой компаніи было разрѣшено устроить канатную фабрику въ Холмогорахъ, а на Вычегодѣ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, желѣзный заводъ ³⁾).

Въ 1623 году у голландца Карпа Демулина было на Холмогорахъ „на карабельной обиходъ канатное дѣло пудовъ тысячу и болши“ ⁴⁾).

Этому Демулину позволили въ 1630 году дѣль сѣчь и золу жечь въ Тотемскомъ и въ Устюжскомъ уѣздахъ на Сухонѣ и Двинѣ, а съ

¹⁾ Акт. Московскаго госуд., т. II, №№ 162, 165.

²⁾ Россіи и Швеціи въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ и шведскаго государственнаго архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 годахъ. К. Н. Якубова, стр. 429. Читенія. 1898 г., кн. I.

³⁾ В. Рожковъ. Матеріалы къ исторіи горнаго промысла въ Россіи. Горный журналъ, ч. IV, 1866 г., стр. 118 и 114. Гамель. Начало торговыхъ и политическихъ сношеній между Англійей и Россіей. Журн. Мин. Нар. Пр. 1856 г., т. 89, стр. 98. Н. Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изд. 2. 1889 г., стр. 20 и слѣд. С. Ѳ. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборникъ. 1889 г., № 8, стр. 150. Дм. Цытмаевъ. Вѣрословное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. 1885 г., т. 177, стр. 808. Его же. Протестанство и протестанты, стр. 712, прим.

⁴⁾ Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XIX.

1631 года, впредь на 10 лѣтъ,—внизъ по Волгѣ до Самары, на Вяткѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Въ 1643 году былъ данъ на 10 лѣтъ соляной промыселъ англичанину Семену Дигби ²⁾).

Упомянутому выше Андрею Виніусу въ 1649 году было разрѣшено заняться смолянымъ промысломъ у Архангельска ³⁾).

Привилегіи жечь золу и дѣлать поташъ имѣли полковникъ Краффордъ (въ 1644 г.) и англійскій торговый агентъ Асборнъ до 1649 г. ⁴⁾).

Въ 1651 году полковникъ Краффордъ получилъ жалованную грамоту на исключительное право въ теченіе 8 лѣтъ сѣять особыя заморскія сѣмена („имя ему рѣвнъ замъ“) и готовить изъ нихъ масло ⁵⁾).

Въ 1667 году мы находимъ „иноземку Свецкіе земли скляничного дѣла заводчика Антоновскую жену Коэта, вдову Марьицу“, официально обращающуюся къ государю съ челобитной по дѣламъ своего завода ⁶⁾. Изъ сопоставленія существованія этой Марьицы Коэтъ, вдовы Антона, сына Елисея Коэта ⁷⁾, съ фактомъ пожалованія государемъ 31-го мая 1634 года „пушечнаго дѣла мастера“ Елисея Коэта „заводить и дѣлать скляничное дѣло своимъ заводомъ“ ⁸⁾, можно вывести несомнѣнный фактъ существованія, если не съ 1634 года, частнаго стекляннаго завода Коэтовъ.

Такимъ образомъ, передъ нами иностранцы, которые вели сравнительно большія дѣла, по технической части, отъ себя, а не на государя, и стояли поэтому къ государю не въ особенномъ, а въ общемъ подчиненіи всѣхъ находившихся на русской территоріи.

Посмотримъ, что это были за люди? Ясно одно, что они не были служилыми. Если они не были служилыми, то они могли попасть въ Россію только въ качествѣ кунцовъ.

Относительно заводовъ англійской торговою компаніи не возникаетъ по этому поводу сомнѣній.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. мин. ин. дѣл. Дѣла англійскія 1642, апр. 17, № 1.

²⁾ Иб.

³⁾ Дон. Акт. Ист., т. III, № 55 и № 116.

⁴⁾ Дм. Цвѣтаевъ. Протестантизмъ и протестанты, стр. 715 и прим. 2.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. мин. ин. дѣл. Приказныя дѣла $\frac{7160}{1661}$ № 62.

⁶⁾ Матер. для ист. мед., Вып. II, стр. 331 и слѣд., № 390.

⁷⁾ Рус. Ист. Вѣст., т. VIII, № 10, XLIII, 1 и 2.

⁸⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 103.

Канатный заводчикъ Карпъ Демулинъ былъ „Голандскіе земли гость“¹⁾.

Англичанинъ Семенъ Дигби былъ купецъ²⁾.

Андрей Вишюсъ былъ также, какъ и Демулинъ, голландскій гость³⁾.

Англичанинъ Азборнъ былъ представителемъ въ Россіи англійской торговой компаніи⁴⁾.

Петръ Марселисъ, владѣвшій желѣзными заводами, совмѣстно съ Филимономъ Акемою, былъ купцомъ, гамбургскимъ гостемъ, точно такъ же, какъ и отецъ его Гавріилъ, исключительно торговавшій; Филимонъ же Акома былъ голландскій купецъ⁵⁾.

Что касается завода Коостовъ, то въ указанной челобитной Маріи Коостъ заявляла: „пожалованъ де мужъ съ великого государя склиничнымъ заводомъ“⁶⁾. Значитъ, раньше этотъ заводъ былъ государя. Это совершенно ясно изъ того, что Елисей Коостъ пріѣхалъ въ Россію въ 1630 году съ прямою цѣлью службы государю вмѣстѣ съ извѣстнымъ полковникомъ Лесли и другими иностранными офицерами; вмѣстѣ съ этими военными людьми и одинаково съ ними былъ принятъ государемъ и пожалованъ за пріѣздъ, и затѣмъ, управляя заводомъ, получалъ за это государева жалованья, кормовыхъ денегъ по 100 р. въ мѣсяць⁷⁾.

О многихъ заводчикахъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія лишь такого рода, что они стоятъ во главѣ извѣстнаго завода и пользуются привилегіей имъ однимъ выдѣлывать данные предметы, при чемъ нельзя сказать, что они управляютъ казеннымъ заводомъ, а скорѣе надо заключить, что они ведутъ дѣло отъ себя,—извѣстно, что эти заводчики такъ же, какъ Коостъ, пріѣхали въ свое время на службу государя. Напримѣръ, въ 1634 году была дана иностранцу Ефиму Фимбранту привилегія на 10 лѣтъ на устройство мельницъ

¹⁾ Рус. Ист. Вѣд., т. VIII, № 10, XIX.

²⁾ Моск. Гл. Арх. мин. ин. дѣлъ. Дѣла англійскія 1642, апр. 17, № 1.

³⁾ Доп. Акт. Ист., т. III, №№ 55 и 116. *Бантмишъ-Каменискій*. Обзоръ, ч. I, стр. 178 и слѣд., стр. 181, прим. 2.

⁴⁾ Дм. *Цвѣтневъ*. Протестанство и протестанты, стр. 715 и прим. 2.

⁵⁾ См., напр., Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, №№ 109, 118. Доп. Акт. Ист., т. V, № 9.

⁶⁾ Матеріалы для ист. медиц. Вып. II, стр. 331 и слѣд., № 390.

⁷⁾ Доп. Дворц. Разр., ч. I, стр. 615—617. Чтенія. 1882 г., кн. III. *Бантмишъ-Каменискій*. Обзоръ, ч. I, стр. 179; ч. II, стр. 147. Дм. *Цвѣтневъ*. Протестанство и протестанты, стр. 715.

для выдѣленіи лосиныхъ кожъ и на безошпинную продажу ихъ ¹⁾). Но надо знать, что въ 1630 году этотъ Ефимъ Фимбрантъ пріѣхалъ къ государю служить въ качествѣ бархатнаго дѣла мастера и въ числѣ другихъ служилыхъ людей былъ представленъ государю, какъ пріѣхавшій къ нему на службу „ремесленникъ“ ²⁾).

Въ 1633 году было разрѣшено англійскому купцу Франциску Гловерту и алмазнаго и золотого дѣла мастеру французу Ягану Мартынову вести всякое золотое, серебряное и мѣдное мелкое дѣло на себя въ теченіе 10 лѣтъ ³⁾. Гловертъ былъ купецъ, а Мартыновъ въ 1628 году пріѣхалъ въ Россію служить государю своимъ мастерствомъ, „а сказалъ, что онъ серебрянаго дѣла мастеръ и чеканщикъ и рудо-знатецъ и иные мастерскіе дѣла есть за нимъ, которые къ государеву дѣлу пригодятся“ ⁴⁾. Самъ государь въ грамотѣ отъ 16-го марта 1633 года на указанную привилегію этимъ двумъ иностранцамъ объяснялъ, что онъ рѣшилъ допустить частное производство послѣ того, какъ не удалось такое же правительственное дѣло. „По нашему царскаго величества указу, учили было въ нашемъ государствѣ на Москвѣ дѣлать тянутое и волоочное золото и серебро, и кавитель и друнцаль, и всякое мелкое золотое и мѣдное дѣло, и то дѣло учало ставиться дорого и прибыли нашему царскому величеству въ томъ дѣлѣ было мало“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, можно думать, что происхожденіе частныхъ заводчиковъ въ Московской Россіи было, такъ сказать, легальнымъ. Они пріѣзжали въ Россію или купцами, и изъ спеціальной области торговли переходили въ промышленность, или пріѣзжали на службу государя для завѣдыванія его предпріятіями, а потомъ уже становились частными заводчиками или фабрикантами. Последнее только разрушало общую картину; но дѣйствительная жизнь здѣсь, какъ и вездѣ, требовала исключеній. Само правительство, при всей своей любви къ принятой системѣ, сознавало, что частныя предпріятія могутъ принести большую пользу, и въ грамотѣ 1634 года на заведеніе Гловертомъ и Мартыновымъ частнаго дѣла объясняло: „и то бы дѣло нашему царскому величеству было прибыльно и славно и въ торгу дешевле и нашего бѣ государства люди то ремесло переняли“ ⁶⁾.

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Док., ч. III, № 102.

²⁾ Дон. Дворц. Газр., ч. I, стр. 615—617. Читенія, 1882 г., кн. III.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Док., ч. III, № 94.

⁴⁾ Рус. Ист. Виб., т. VIII, № 10, XXXI.

⁵⁾ Собр. Гос. Гр. и Док., ч. III, № 94.

⁶⁾ Собр. Гос. Гр. и Док., ч. III, № 94.

Надо замѣтить, что число такихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, какъ видно по всему, не могло быть значительнымъ, и что самые предприниматели въ своемъ производствѣ были поставлены подъ строгій контроль правительства, обязываясь къ цѣлому ряду дѣйствиіи въ его пользу, при чемъ за неисполненіе возложенныхъ на заводчиковъ обязательствъ правительство грозило имъ не гражданской отвѣтственностью, какъ частнымъ лицамъ, а конфискаціей ихъ предпріятій и ссылкой. Это пришлось испытать, напр., Марселису ¹⁾). Вообще правительство, хотя и допускало частные заводы, но распоряжалось ими какъ своими собственными, и даже трактовало частныхъ заводчиковъ, какъ своихъ служащихъ. Предлагая въ 1670 г. Петру Коэту доставить заказанныя на его заводъ для Аптекарскаго Приказа склянки, администрація обращается къ Коэту, какъ „Оптекарскіе Полаты скляничному мастеру“ ²⁾).

Гораздо больше, чѣмъ сами фабриканты, нарушали московскую систему иностранные рабочіе этихъ лицъ. Русскими силами не могли обойтись ни казенные, ни частные заводы, и потому приглашеніе иностранныхъ подмастерій и рабочихъ практиковалось на тѣхъ и на другихъ; но когда приглашеніе на казенные заводы составляло актъ правительственный, приглашеніе на частные заводы—актъ частнаго права. Въ послѣднемъ случаѣ вызванные изъ-за границы иностранцы были именно лицами спеціальныхъ знаній, ѣдущими въ Россію, въ качествѣ таковыхъ и для отправленія своей профессіи не на службѣ правительственной, а въ частномъ дѣлѣ.

Заранѣе можно сказать, что московское правительство должно было ограничивать, насколько возможно, осуществленіе заводчиками права вызова иностранныхъ мастеровъ изъ-за границы. Поэтому мы наблюдаемъ, что право такого вызова не подразумѣвалось для каждаго изъ нихъ само собою, а особенно выговаривалось въ грамотахъ на разрѣшеніе завести то или иное дѣло. Если въ этихъ грамотахъ такого права не обуславливалось, то заводчики просили дать имъ грамоту на одно разрѣшеніе выписывать изъ-за моря мастеровъ. Объ этомъ просилъ, напр., Виніусъ ³⁾).

¹⁾ Доп. Акт. Ист., т. V. № 9, т. VI, № 40. *Дж. Цейтлицъ*. Протестанство и протестанты, стр. 401, 749 и слѣд. Кроме того, см. самыя жалованныя грамоты на то или другое предпріятіе.

²⁾ *Н. Новомбергскій*. Врачебное строеніе, стр. 161.

³⁾ *Бактышъ-Каменскій*. Обзоръ, ч. I, стр. 179. *С. Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XI, изд. 1866 г., стр. 422 и слѣд.

Самое осуществленіе уже дарованнаго права происходило не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія правительства, подъ его контролемъ, такъ какъ государю доносили о каждомъ прѣвѣжемъ не купцѣ, и допускали въ Россію только лицъ, имѣвшихъ законное основаніе для прѣзда ¹⁾).

Въ 1639 г. шведъ Антонъ Елисъевъ сынъ Коэтъ билъ челомъ государю: „по твоему государеву указу и по жаловальной грамотѣ, заведено у меня иноземца всякое скляничное дѣло. И въ прошломъ, государь, по 146 году ѣздилъ я иноземецъ за море въ нѣмецкую землю, для скляничныхъ мастеровъ къ тому заводу; и вывезъ я иноземецъ изъ-заморья, на своихъ проторехъ, къ тому скляничному дѣлу 5 человекъ мастеровъ скляничныхъ; и нынѣ государь, по грѣхомъ, что ни лутчего скляничного мастера въ животѣ не стало, и то, государь, дѣло нынѣ за тѣмъ стало. А заводъ, государь, весь сполна заведень. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня иноземца, вели, государь, меня отпустить въ нѣмецкую землю за море, для мастера скляничного дѣла, и вели, государь, мнѣ дать свою государеву проѣзжую грамоту“. Государь пожаловалъ. Въ 1640 году изъ Пскова воеводы доносили государю, что въ Псковъ прѣѣхалъ Коэтъ съ мастеромъ Рейдромъ и билъ челомъ государю, чтобы государь пожаловалъ „велѣлъ его изъ Пскова (съ) скляничнымъ мастеромъ, по своей государевѣ жаловальной грамотѣ, отпустить къ собѣ государю къ Москвѣ. И мы холопи твои, писали воеводы, досмотря у него твоей государевы жалованные грамоты и твоей государевы проѣзжіе грамоты... его Антона и съ скляничнымъ мастеромъ съ Павломъ Рейдромъ и съ его женою и съ дѣтми, отпустили къ тебѣ государю къ Москвѣ“ ²⁾).

Наконецъ, правительство старалось ограничить самое число подлежащихъ вызову изъ-за границы мастеровъ. Когда купцу Домулину позволили заняться солянымъ промысломъ, то обязали его къ этому дѣлу нанимать русскихъ работниковъ и только трехъ или четырехъ мастеровъ онъ могъ имѣть изъ своей Голландіи. На такихъ же условіяхъ, въ отношеніи работниковъ и мастеровъ, былъ данъ на 10 лѣтъ въ 1643 г. соляной промыселъ англичанину Дигби ³⁾. Въ

¹⁾ Прѣѣзжъ этого находимъ довольно много въ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Приказныя дѣла. $\frac{7140}{1633} - \frac{7144}{1636}$ № 7, $\frac{7141}{1633}$ № 53 и др.

²⁾ Рус. Ист. Вѣст., т. VIII, № 10, XLIII, 1 и 2.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла англійскія. 1642 апр. 17, № 1.

жалованной грамотѣ 1644 года, данной Марселису и Акемѣ, на устройство заводовъ, выговаривалось обязательство заводчиковъ „лишнихъ иноземцевъ у желѣзнаго завода не держать, а держать мастеровъ и работныхъ людей тѣхъ, безъ которыхъ у желѣзнаго дѣла быть нельзя“ ¹⁾.

Вполнѣ естественно является вопросъ о томъ, наблюдались ли еще какіе нибудь вольные частные люди изъ иностранцевъ ²⁾.

Въ 1684 году 5 сентября государи приказали „Голанцовъ, Италянцов и Амбурцовъ торговыхъ иноземцов, которые живут в Московскомъ государствѣ на Москвѣ и на Вологдѣ и у города Архангельскаго сыскавъ допросить, кто с котораго году живеть и к городу Архангельскому ѣздить и жалованные грамоты также и дворы свои у нихъ ест ли или по проѣзжим грамотам они к городу ѣздятъ. И по тому великихъ государей указу иноземцы Галанцы и Амбурцы въ Государственной-Посольской приказъ сысканы и допрашиваны“ ³⁾.

Такихъ иностранцевъ, живущихъ на Москвѣ, оказалось 36 человекъ, при чемъ одинъ изъ нихъ Давидъ Гость пріѣхалъ къ Москвѣ изъ Швеціи еще въ 1655 году и, числясь среди „торговыхъ Галанцовъ и Амбурцовъ“, очевидно, и самъ торговалъ, купцомъ или приказчикомъ, но ко времени этого указа долженъ былъ сознаться, что онъ „кормится рукодѣлиемъ своимъ портнымъ мастерствомъ“ ⁴⁾.

Такъ же и среди иностранцевъ, жившихъ въ Архангельскѣ, о которыхъ были присланы въ Посольскій Приказъ сказки „за рукою“, оказались среди купцовъ и приказчиковъ такіе, какъ „Иванъ Гримъ, к городу пріѣхалъ во 177 году и шьетъ платье на иноземцов. . Елизарей Блонъ, к городу пріѣхалъ изъ за моря тому 6 лѣтъ и кормится работою своею... Иванъ Шхунеманъ, к городу пріѣхалъ тому нынѣ 9-й годъ, кормится у города столярною работою... Иванъ Куперъ, к городу изъ за моря пріѣхалъ тому 10 лѣтъ и живет у города и кормится починиваетъ бочки... Иванъ Реймалтъ пріѣхалъ с Москвы к городу тому 20 лѣтъ, кормится у города у иноземцовъ работою

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Док., ч. III, № 118.

²⁾ И. И. Милоковъ (Очерки по исторіи русской культуры, ч. III. Вып. I, стр. 95) говоритъ про значительное сравнительно количество вольнопритиковавшихъ въ Москвѣ уже въ началѣ XVII вѣка часовыхъ мастеровъ-иностранныхъ, но, къ сожалѣнію, особенно не останавливается на этомъ.

³⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Голландскіи дѣла (въ книгахъ) ⁷¹⁹³₁₆₈₄ сентября 5, № 10, л. 1.

⁴⁾ *Ib.*, л. 34.

своею... Григорей Схолтманъ из-за моря к городу прѣхалъ тому 20 лѣтъ и живет у города, кормится своею работою, шьетъ на иноземцовъ платье* и друг. ¹⁾).

Видно, что всѣ эти иностранцы были люди очень небольшіе; можетъ быть, они образовались изъ обѣдѣвшихъ купцовъ, изъ слугъ лицъ, прѣхавшихъ въ Россію подѣ допустимыми для того времени предлогами, и, какъ народъ все очень бѣдный, не только не составляли особой группы, отличной отъ другихъ по правамъ, а прямо распредѣлялись среди тѣхъ, между которыми жили, какъ въ данномъ случаѣ среди купечества, и даже подѣ видомъ купцовъ.

Предположеніе объ отсутствіи въ московскомъ государствѣ особаго класса вольныхъ ремесленниковъ и мастеровъ изъ иностранцевъ подкрѣпляется данными переписи населенія Московской новоиноземской слободы въ 1665 году. Среди 204 домовладѣльцевъ слободы мы находимъ офицеровъ (142 ч.), военныхъ дѣлъ мастеровъ (пушечнаго и ружейнаго—4 ч.), придворныхъ мастеровъ дѣлъ: золотого, серебрянаго, часового, сѣдельнаго, портняжнаго, живописнаго (20 ч.), лекарей и аптекарей (4 ч.), переводчиковъ (3 ч.), торговыхъ иностранцевъ (23 ч.), пасторовъ (3 ч.), одного стряпчаго торговыхъ людей, одного еврея и трехъ лицъ неизвѣстнаго званія, но не находимъ вольныхъ мастеровыхъ или ремесленниковъ ²⁾. Конечно, нечего и думать найти частныхъ архитекторовъ и т. п. лицъ. Между тѣмъ, если бы вольные мастера и ремесленники играли хоть сколько-нибудь видную роль, то хотя бы одинъ изъ нихъ былъ домовладѣльцемъ, что, надо замѣтить, для того времени не было особенно затруднительно.

Если эти данныя не достаточно убѣждаютъ въ высказанномъ нами мнѣніи, то имѣется еще болѣе интересный документъ по этому вопросу.

Въ 1652 году всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, выселили за городъ, въ особую новую иноземскую слободу, перепись которой отъ 1665 года мы только что привели; при чемъ всѣмъ выселеннымъ туда иностранцамъ роздали участки земли, согласно распределенію Земскаго Приказа. Для насъ, въ высшей степени, должно быть важно это распределеніе Приказа, это официальное фиксированіе всего разнообразнаго состава московскаго иностраннаго общества въ нѣ-

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла (въ книгахъ) $\frac{7193}{1661}$ сентябри 5, № 10, л. 37, 41, 44—50.

²⁾ П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вын. I, стр. 103.

сколькихъ рубрикахъ. Если эти рубрики совпадутъ съ принятымъ нами дѣленіемъ иностранцевъ, то это совпаденіе живѣйшимъ образомъ подтвердитъ нашу мысль о двухъ классахъ прѣвзжихъ: служащемъ государю и торговомъ. Посмотримъ, какъ распредѣлили Приказъ иностранцевъ. Прежде всего, идутъ „служилые нѣмцы“, т. е. военные люди трехъ статей, по занимаемому ими положенію въ арміи; потомъ— знатцы по двумъ статьямъ; съ первой статьёй „служилыхъ“ сравниваются доктора, со второй—аптекари и мастера алмазнаго, золотого, серебрянаго, канительнаго и кружевнаго дѣла. Наконецъ, въ глазахъ Приказа, составляютъ особую рубрику, меньшую статью, мелкіе люди, въ числѣ которыхъ военные такіе, какъ кыралы, сержанты и проч., занимаютъ первое мѣсто, а вдовы нѣмки и другіе мелкіе люди занимаютъ второе мѣсто, и соотвѣтственно этому награждаются землею: одни въ облышемъ размѣрѣ, другіе— въ меньшемъ. Перечисленные разряды иностранцевъ получали участки земли въ новой слободѣ независимо отъ того, владѣли ли они въ прежнемъ мѣстѣ своего жительства недвижимостью или нѣтъ; самая первая статья ихъ получала участокъ въ 40×20 сажень, самая послѣдняя—8×6 сажень. Всей этой группѣ противопоставалась другая, членовъ которой надѣляли землею, „примѣриваясь къ прежнимъ ихъ Московскимъ дворамъ“. Эту группу составляли „торговые нѣмцы и вдовы“¹⁾.

Такимъ образомъ, Приказъ различалъ служилыхъ, т. е. военныхъ, и знатцевъ, которыхъ онъ приравнивалъ къ служилымъ, и купцовъ, которыхъ онъ противопоставалъ двумъ первымъ группамъ²⁾, и только однимъ купцамъ назначалъ участки земли въ обмѣнъ. Очевидно, всѣ остальные иностранцы, кромѣ купцовъ, или не имѣли въ Москвѣ своей земли и домовъ, или, если имѣли, то казенные.

Хотя мы будемъ говорить подробно о правѣ владѣнія иностранцевъ недвижимыми имуществами въ Московской Россіи впоследствии, но, все-таки, при данномъ случаѣ, не можемъ не замѣтить, что надѣленіе участками земли служащихъ людей въ то время было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, точно такъ же, какъ теперь казенныя

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. I, № 85.

²⁾ Такими же классами характеризуетъ московское нпоземное населеніе придворный докторъ Белау въ 1643 году въ своей челобитной государю о разрѣшеніи иностранцамъ сходиться для богомолья за Фроловскими воротами, близъ Землянаго города. На этомъ именно мѣстѣ, говоритъ Белау, прежніе доктора истари сходились съ служилыми иноземцами, съ переводчиками и съ торговыми людьми. Акт. Ист., т. III, № 225.

квартиры. Приглашая иностранцевъ на службу, имъ, среди разныхъ видовъ содержанія, обеспечивали часто „дворъ доброй“ ¹⁾. Тѣ изъ нихъ, которые при поступленіи на службу не получали двора, потомъ просили объ этомъ, въ виду тѣхъ или иныхъ своихъ заслугъ или просто за службу, такъ какъ у другихъ есть дворы. Въ 1588 году прѣбывшій изъ Литвы на государево имя переизметный мастеръ просилъ Феодора Ивановича пожаловать его дворомъ, объясняя, что онъ дѣлаетъ царское дѣло у печатныхъ книгъ, „а дворника, государь, у меня нѣтъ маюся изъ печатномъ дворѣ“. Царь пожаловалъ ²⁾. Въ 1638 году другой иностранецъ просилъ у государя дворъ и мотивировалъ просьбу тѣмъ, что „которые, государь, иноземцы напередъ сего выѣзжали и оставались на твое государское имя, и тѣмъ на дворовое строеніе твоего государева жалованья давано денегъ, а инымъ ональные дворы на житье даваны“ ³⁾. По той же причинѣ просилъ въ 1644 году о дворѣ докторъ Яганъ Бѣлово ⁴⁾,—въ 1671 году Антокарскаго Приказа алхимистъ Ганслатъ ⁵⁾. Имъ всѣмъ давали, выписывая на докладъ государю прежніе примѣры ⁶⁾.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, фактъ надѣленія въ 1652 году иностранцевъ землею пріобрѣтаетъ для насъ особенное значеніе, и на него надо смотрѣть скорѣе, какъ на исполненіе служащихъ и ихъ семействъ, чѣмъ какъ на компенсацію за насильственное выселеніе. Поэтому-то и въ 1665 году при переписи населенія Новоиноземской слободы мы не нашли въ ней домовладѣльцами никого изъ частныхъ лицъ, кромѣ купцовъ.

А. Мулюкинъ.

¹⁾ Памятн. дипломат. спомон., т. II, стр. 1363.

²⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ ⁷⁰⁹¹/₁₅₈₈ Св. 2. № 1.

³⁾ Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XXXIX.

⁴⁾ Акт. Ист., т. III, № 235.

⁵⁾ Матер. для истор. медн. Вып. II, стр. 436 и слѣд., № 473.

⁶⁾ Много примѣровъ надѣленія дворами изъ службы придворныхъ прачей и аптекарей приведено у П. Новомбергскаго. Врачебное строеніе. стр. 187 и слѣд. Приложение. № II, стр. XXXIII.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. И. Фридманъ. **СОВРЕМЕННЫЕ КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ НА ПРЕДМЕТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ.**
Т. I. Обложение спирта, сахара, пива и табаку въ Германской имперіи
(1871—1907). XVIII+605 стр. С.-Пб. 1908. Цѣна 3 р.

Книга г. Фридмана распадается на „введеніе“ и шесть „отдѣловъ“. Во „введеніи“ авторъ указываетъ на громадное финансовое значеніе косвеннаго обложенія въ современныхъ бюджетахъ и на слабую теоретическую разработку вопроса о косвенныхъ налогахъ въ финансовой наукѣ: даже въ „опредѣленіи того, что такое косвенный налогъ, господствуетъ страшная путаница“; „не меньше разногласій и по вопросу о роли и значеніи косвенныхъ налоговъ“, и совершенно не выясненъ вопросъ о переложеніи косвенныхъ налоговъ. Вотъ почему г. Фридманъ и считаетъ необходимымъ заново „пересмотрѣть вопросъ о косвенномъ обложеніи“. По его мнѣнію, существуютъ два пути такого пересмотра. Первый путь „легкій и покойный,—именно, перебрать мнѣнія и теоріи различныхъ писателей, прокритиковать ихъ и создать „на мѣстѣ разрушенныхъ чужихъ построекъ новое „свое“ зданіе изъ чужого матеріала“, подобно тому какъ это „попытался сдѣлать покойный С. И. Пловайскій, выпустившій въ 1892 г. книгу „Косв. обложение въ теоріи и практикѣ“. Но г. Фридманъ считаетъ этотъ способъ изслѣдованія малопригоднымъ, такъ какъ къ жизни были вызваны „новыя явленія, которыхъ не было въ полѣ зрѣнія прежнихъ изслѣдователей“. Исходя изъ того, что „нельзя новыя явленія укладывать на прокрустово ложе старыхъ теорій, что каждому крупному историческому періоду соответствуетъ и своя теорія налоговъ на потребление“, г. Фридманъ берется за „большое дѣло изученія современныхъ налоговъ на потребление“, т. е. онъ хочетъ создать новую теорію косвеннаго обложенія, соответствующую новымъ экономическимъ, поли-

тическимъ и социальнымъ условіямъ современности. „Наиболѣе совершенная система косвеннаго обложенія“ (курс. мой, П. Г.) существуетъ теперь, по мнѣнію г. Фридмана, въ Германской имперіи, почему онъ и кладетъ въ основу изученія косвеннаго обложенія вообще косвенное обложеніе Германіи. Какъ утверждаетъ г. Фридманъ, для изученія современнаго косвеннаго обложенія не пригодны ни Англія, ни Франція. Первая потому, что „въ Англіи косвенное обложеніе застыло въ опредѣленныхъ формахъ и потому даетъ мало интереснаго для изслѣдователя матеріала... и главное вниманіе здѣсь сосредоточено на прямыхъ налогахъ, а косвенное въ значительнѣйшей мѣрѣ—достойніе исторіи“. Франція же сохранила въ основѣ дореволюціонную систему косвеннаго обложенія, окончательно сложившагося еще при Наполеонѣ I. Только въ Германіи „обложеніе спирта, сахара, табаку и пива съ полнымъ основаніемъ можно считать новымъ, сложившимся въ современной социальнo-экономической и политической атмосферѣ послѣдней четверти XIX вѣка“. Однако, хотя Германія и даетъ „очень богатый матеріалъ“, г. Фридманъ не считаетъ возможнымъ „на основаніи одного этого матеріала попытаться прийти къ общимъ теоретическимъ выводамъ“ и признаетъ „необходимость дополнительныхъ изслѣдованій“, „программу которыхъ“ онъ „понимаетъ такъ“: „во-первыхъ, изслѣдованіе налоговъ на потребление, взимаемыхъ въ видѣ монополій, т. е. 1) винной монополіи въ Швейцаріи и Россіи и тенденціи въ этомъ направленіи въ другихъ странахъ, и 2) табачной монополіи въ Австріи, Франціи и т. д.“ Во-вторыхъ, сравненіе налоговъ на потребление въ западныхъ странахъ „съ тѣми, которые возникли и дѣйствуютъ при существенно иныхъ экономическихъ, социальныхъ и политическихъ условіяхъ. Эта работа (говоритъ г. Фридманъ) могла бы быть выполнена изученіемъ налоговъ на потребление въ Россіи“. Наконецъ, „придется взять во вниманіе то обложеніе предметовъ первой необходимости, которое еще осталось, и то, которое подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса такъ развилось въ Западной Европѣ (Германія, Франція и др.)“, т. е. таможенныя пошлины на хлѣбъ, скотъ и т. д.— „Когда, такимъ образомъ, современные налоги на потребление будутъ изслѣдованы съ этой точки зрѣнія... (пишетъ г. Фридманъ), тогда, и только тогда... можно будетъ приступать къ построенію теоріи этихъ налоговъ“. Вотъ почему авторъ и считаетъ задачей своей книги—„дать научно обработанный матеріалъ для теоріи налоговъ на потребление, изобразить, какъ создаются, какъ дѣйствуютъ и вліяютъ при современныхъ, новѣйшихъ историческихъ условіяхъ на-

логи на потребление въ странѣ, сдѣлавшей за послѣднія нѣсколько десятковъ лѣтъ поразительные успѣхи въ области экономической, политической и соціальной“. Далѣе, нашъ авторъ считаетъ имѣющимъ самостоятельное значеніе „изображеніе того, какъ сложились и дѣйствуютъ налоги на потребление въ Германіи“, ибо (по его словамъ) „такого изслѣдованія не существуетъ“. Г. Фридманъ говоритъ далѣе, что ему „пришлось сталкиваться съ основными проблемами теоріи финансовъ“, но что онъ считалъ страннымъ „рѣшать ихъ попутно“, почему его „изложеніе сохраняетъ въ общемъ историческій, объективный характеръ, выдвигая на первый планъ матеріалы, могущіе послужить освѣщеніемъ (освѣщенію?) основныхъ проблемъ“. „Правда, мѣстами (пишетъ г. Фридманъ) кое-какія обобщенія сдѣланы, иногда намѣчены отдѣльныя части выводовъ, изрѣдка даны и самыя выводы, но это дѣлалось лишь тогда, когда результаты казались безспорными“.

Эти соображенія г. Фридмана, развитыя имъ во „введеніи“, вызываютъ цѣлый рядъ принципиальныхъ возраженій. Что финансовая наука не рѣшила спора о „косвенномъ“ обложеніи и не сказала своего послѣдняго слова, не подлежитъ спору,—но мнѣ представляется, что предлагаемый г. Фридманомъ способъ изслѣдованія не подвинетъ впередъ вопроса о „косвенномъ“ и „прямомъ“ обложеніи, не объяснитъ сложнаго явленія о переложеніи и не создастъ дѣйствительно цѣнной „теоріи косвеннаго обложенія“, т. е. не рѣшитъ всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя онъ себѣ ставитъ. Въ этомъ убѣждаетъ выпущенный г. Фридманомъ I томъ, на основаніи котораго не только не сдѣлано какихъ-либо выводовъ въ этомъ отношеніи, но и никакихъ выводовъ (какъ будетъ показано ниже) сдѣлать нельзя... Съ другой стороны, нашъ авторъ совершенно не доказалъ, что „наиболѣе современная система косвеннаго обложенія“ существуетъ именно въ Германіи. Германская система во многомъ, конечно, отлична отъ системъ другихъ государствъ, но почему она должна считаться „наиболѣе современной“ и почему, въ особенности, именно она должна дать „новую теорію“, довольно непонятно. Не ясно также, почему „новыя явленія“ въ косвенномъ обложеніи въ Германіи не укладываются на прокрустово ложе старыхъ теорій. Между тѣмъ, г. Фридманъ считаетъ возможнымъ послѣ изученія исторіи косвенныхъ налоговъ въ Германской имперіи перейти прямо къ еще болѣе новымъ (?) явленіямъ—къ изученію фискальныхъ монополій (такова его „программа“, какъ указано выше). Г. Фридманъ совершенно не оцѣнилъ того несомнѣннаго факта, что условія развитія косвеннаго обложенія въ Германіи только крайне своеобразны,

а не „современны“. Въ Германской имперіи по своеобразнымъ политическимъ условіямъ косвенное обложеніе принимало такое отличное отъ другихъ государствъ направленіе, что его трудно назвать типичнымъ, а не только „современнымъ“. Во 1-хъ, нигдѣ въ другихъ большихъ государствахъ нѣтъ такого низкаго и отчасти такого несовершеннаго обложенія табака, какъ въ Германіи; водка обложена здѣсь сравнительно съ другими странами очень низко, очень несовершенно и даетъ относительно слабый доходъ; производство и обложеніе сахара носить много своеобразныхъ чертъ, на которыхъ отпечатлѣлось вліяніе нѣмецкихъ аграріевъ, т. е. вліяніе своеобразныхъ, но едва ли типично „современныхъ“ факторовъ; остается только пиво, которое, дѣйствительно, даетъ хорошій доходъ (хотя его обложеніе и организовано несовершенно), но это объясняется опять-таки своеобразными, чисто мѣстными условіями—пристрастіемъ нѣмцевъ къ пиву. Было бы напрасно доказывать еще болѣе, что германская „система“ косвеннаго обложенія очень мало „современна“: она построена, главнымъ образомъ, на таможенныхъ налогахъ, о которыхъ Фридманъ говоритъ только мимоходомъ, хотя они даютъ половину дохода отъ всѣхъ налоговъ Германіи, и которые при томъ въ главной массѣ (до 33%) падаютъ на хлѣбъ. Фридманъ не считаетъ нужнымъ останавливаться и на томъ, что важнымъ финансовымъ источникомъ Германіи является довольно высокій налогъ на соль (онъ составляетъ 300% по цѣнности продукта и даетъ 55 мил. мар. въ годъ). Едва ли все это говоритъ въ пользу особенной „современности“ германской „системы“ косвеннаго обложенія. Во-вторыхъ, Германская имперія по политическимъ и социальнымъ причинамъ поставлена въ столь своеобразныя условія, что развитіе ея финансовой системы должно быть изучаемо подъ особымъ угломъ зрѣнія и не допускаетъ большихъ обобщеній. Практически для имперіи закрыта область прямого обложенія, слѣдовательно, здѣсь имѣлся лишній стимулъ къ развитію налоговъ на потребление, и, можетъ быть, „современныя“ теченія оказались тутъ менѣе сильными; во всякомъ случаѣ, г. Фридманъ, изучая „систему“ германскаго косвеннаго обложенія, непонятнымъ образомъ почему то игнорируетъ всю совокупную податную систему имперіи и входящихъ въ ея составъ государствъ. Далѣе, на германское косвенное обложеніе оказали,—какъ правильно неоднократно подчеркиваетъ и самъ г. Фридманъ,—столь сильное вліяніе нѣмецкіе аграріи, что получилась совершенно односторонняя картина, и эту одностороннюю податную систему г. Фридманъ считаетъ яко бы типично „современной“. Невольно при-

ходится удивляться, почему нашъ авторъ забраковываетъ системы косвеннаго обложенія Англіи, Франціи, Австріи и многихъ другихъ государствъ, выработавшихъ технически гораздо болѣе высокія формы косвеннаго обложенія и получающихъ болѣе большой доходъ съ меньшимъ сравнительно обремененіемъ потребителя. Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что наименѣе „современной“ является какъ разъ германская система косвеннаго обложенія. Если здѣсь и проводится *Mittelstandspolitik*, болѣе сильное обложеніе крупныхъ предпріятій, регулированіе промышленности и другіе „*Nebenzwecke bei der Besteuerung*“ (по выраженію Лотца), то это выросло при столь исключительныхъ чисто германскихъ условіяхъ, что надо проявлять величайшую осторожность въ обобщеніяхъ.

Конечно, всякій авторъ имѣетъ полное право ограничиваться изученіемъ одной страны. Во многихъ случаяхъ это даже желательно, такъ какъ изученіе будетъ полнѣе, а сравненіе или параллельное изслѣдованіе по ряду странъ требуетъ и совершенно исключительныхъ способностей и крайней осторожности, ибо объяснять причины развитія тѣхъ или иныхъ финансовыхъ институтовъ въ одной странѣ аналогичными явленіями въ другой—часто рискованно. Но что безусловно необходимо для изслѣдователя, а тѣмъ болѣе для изслѣдователя, ставящаго себѣ такія широкія задачи, какъ г. Фридманъ, такъ это—болѣе или менѣе основательное ознакомленіе съ главнѣйшими фазисами развитія тѣхъ же финансовыхъ институтовъ въ другихъ странахъ, помимо той, которую изслѣдователь беретъ за исходную точку. Между тѣмъ, г. Фридманъ во всей своей обширной монографіи нигдѣ не показалъ, что онъ изучилъ косвенное обложеніе и условія его развитія въ другихъ государствахъ, кромѣ Германіи, и немногія мѣста его книги, гдѣ онъ касается сосѣднихъ съ Германіей государствъ, оказываются попутно заимствованными изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, изъ работъ нѣмецкихъ писателей (напр., стр. 293, гдѣ о вывозныхъ преміяхъ на сахаръ во Франціи говорится по Шиппелю, ср. стр. 320, 54 прим.). А если къ тому же въ дальнѣйшую „программу“ г. Фридмана входитъ изученіе фискальныхъ монополій и косвенное обложеніе Россіи, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что при такой постановкѣ изслѣдованія дѣйствительно цѣнныхъ выводовъ о „современной“ системѣ косвеннаго обложенія вообще быть не можетъ... Вотъ почему скромное заявленіе нашего автора, что онъ воздержался пока отъ выводовъ, вслѣдствіе старанія „соблюсти чрезвычайную осторожность“,—это заявленіе не вполне соответствуетъ сути дѣла, ибо

сдѣлать выводы помѣшала не осторожность (какъ я позволю себѣ замѣтить), а самая постановка изслѣдованія, которая даже по окончательномъ выполненіи всей „программы“ не можетъ дать сколько-нибудь широкихъ выводовъ вообще, и сколько-нибудь цѣнной теоріи налоговъ на потребление, въ частности.

Если, такимъ образомъ, работа г. Фридмана имѣетъ, такъ сказать, узко-спеціальный характеръ—изложеніе новѣйшей исторіи нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ въ Германіи безъ опредѣленныхъ выводовъ (выводы,—какіе можно сдѣлать изъ его труда,—неизбѣжно условны, такъ какъ носятъ чисто мѣстный характеръ),—то нельзя не возразить и противъ слѣдующаго замѣчанія, которымъ М. И. Фридманъ, между прочимъ, оправдываетъ свою тему: „изображеніе того, какъ сложились и дѣйствуютъ налоги на потребление въ Германіи, имѣетъ и само по себѣ значеніе, ибо такого изслѣдованія не существуетъ“ (стр. XVII). Совершенно вѣрно, что такого изслѣдованія, которое охватывало бы въ одномъ произведеніи всѣ изученныя г. Фридманомъ налоги, въ Германіи нѣтъ (если не считать учебниковъ), но за то имѣется большое множество солидныхъ изслѣдованій порознь по каждому изъ этихъ налоговъ. Авторы этихъ работъ (большинство изъ нихъ цитируется г. Фридманомъ) поступали совершенно правильно и цѣлесообразнѣе г. Фридмана, ибо каждому „налогу они могли посвятить больше мѣста и вниманія. Поэтому у нихъ детали не такъ скомканы, какъ у г. Фридмана, который, конечно, не могъ всесторонне изучить даже въ одной только странѣ (особенно гдѣ имѣются сотни монографій и статей по этимъ вопросамъ) одновременно налоги и на табакъ, и на сахаръ, и на спиртъ, и на пиво. Слѣдовательно, г. Фридманъ поступилъ бы правльнѣе, если бы онъ ограничился однимъ налогомъ,—напримѣръ, обложеніемъ спиртныхъ напитковъ, которое онъ изучилъ лучше всего,—но за то подробно изучилъ бы важнѣйшія детали въ развитіи и въ современной конструкціи даннаго налога и въ другихъ главнѣйшихъ странахъ.

Но посмотримъ, какъ справился нашъ авторъ со своей узко-спеціальной цѣлью—съ изслѣдованіемъ новѣйшей исторіи нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ въ Германіи. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ онъ кратко говоритъ о побудительныхъ причинахъ образованія Германской имперіи и о финансовой власти имперіи по конституціи. Но ваго здѣсь г. Фридманъ не даетъ, и онъ подчеркиваетъ только, въ согласіи съ выводами другихъ изслѣдователей, что крупную роль въ объединеніи Германіи играли экономическія причины. Цельзя, однако,

не сдѣлать нѣкоторой оговорки относительно одного брошеннаго тамъ замѣчанія, могущаго дать читателю не совсѣмъ правильное представление: проектъ германской конституціи предоставлялъ имперіи лишь „косвенные“ налоги, но учредительный рейхстагъ вычеркнулъ слово „косвенные“ и „такимъ образомъ открылъ (какъ выражается г. Фридманъ) передъ имперскимъ законодательствомъ все широкое поле налоговыхъ экспериментовъ“ (стр. 4). Однако, на дѣлѣ недопустимость прямого обложенія для имперіи въ руководящихъ кругахъ Германіи всегда признавалась незыблемой, и, какъ извѣстно, еще 12-го января 1906 г. секретарь казначейства (имперскій министръ финансовъ) баронъ Штенцель доказывалъ рейхстагу, что введенію прямыхъ имперскихъ налоговъ недопустимо и не входило въ намѣренія конституціи (кстати сказать, § 70 германской конституціи измѣненъ закономъ 14-го мая 1904 г.). Практически осуществленію прямого обложенія затруднено, главнымъ образомъ, тѣмъ, что имперское правительство должно считаться со стремленіями союзныхъ государствъ, которыя по политическимъ и другимъ условіямъ (я не могу входить въ подробности) упорно отстаиваютъ за собою прерогативу прямого обложенія. Обо всемъ этомъ умалчиваетъ г. Фридманъ, а это—очень важное обстоятельство, вызвавшее искусственное направленіе германской податной системы. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ нашъ авторъ совершенно игнорируетъ общій обликъ имперской финансовой системы (послѣдующее изложеніе разбираетъ каждый налогъ самостоятельно и оторванно отъ всей системы), то особенности развитія германской податной организаціи остались невыясненными. Такимъ образомъ, о германской *системѣ* обложенія и объ условіяхъ ея развитія читатель не получаетъ надлежащаго представленія, что тѣмъ болѣе печально, что книга касается лишь одной страны.

М. П. Фридманъ указываетъ во второмъ „отдѣлѣ“, какъ возникла имперская податная система въ концѣ 1870-хъ годовъ (до этого имперія питалась въ значительной степени французской контрибуціей), и находитъ, что Бисмаркъ „использовалъ перемену настроенія промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ, склонявшихся явно отъ системы свободной торговли къ протекціонизму“ (стр. 33), а потому и увеличилъ таможенные налоги. Самый же переломъ въ настроеніи нѣмецкаго общества въ дѣлѣ покровительственной политики, по Фридману, „произошелъ, вообще говоря, вслѣдствіе измѣненія интересовъ важнѣйшей части правящихъ классовъ“ (стр. 38), именно, вслѣдствіе ухудшенія торгово-промышленной конъюнктуры и наступившаго аграрнаго кризиса.

По мнѣнію г. Фридмана, у Бисмарка „планъ былъ, несомнѣнно, задуманъ вполне цѣлесообразно“, именно, онъ хотѣлъ „контрабанднымъ“ путемъ провести вмѣстѣ съ покровительственными пошлинами въ одномъ проектѣ и чисто фискальныя ¹⁾ пошлины (стр. 48). Однако, это утвержденіе, что Бисмаркъ хотѣлъ надуть публику и подъ шумокъ незамѣтно ввести фискальныя таможенныя пошлины ²⁾, довольно наивно ³⁾, да и нѣмецкая публика прекрасно понимала тогда фискальныя цѣли имперскаго правительства. Вообще, „отдѣлъ второй“ разбираемой книги, не смотря на живое и увлекательное изложеніе, теоретически слабъ ⁴⁾, и изъ него читатель едва ли уяснитъ себѣ, почему такое крупное значеніе придано какъ разъ фискальнымъ пошлинамъ (этотъ фактъ скрадывается въ изложеніи г. Фридмана ⁵⁾, и почему восторжествовали высокія пошлины на хлѣбъ, сдѣлавшіяся съ тѣхъ поръ краеугольнымъ камнемъ имперской финансовой системы...

Вообще говоря, первые два отдѣла книги г. Фридмана не достаточно полны и оборваны на 70-хъ годахъ, такъ что въ этомъ видѣ они теряютъ значеніе, тѣмъ болѣе, что о таможенномъ обложеніи въ

¹⁾ Г. Фридманъ ихъ постоянно называетъ „финансовыми“ (очевидно, съ нѣмецкаго Finanzzölle), но въ русской литературѣ ихъ принято называть „фискальными“.

²⁾ По словамъ г. Фридмана, „канцлеръ попытка провести вмѣстѣ съ покровительственными пошлинами въ одномъ проектѣ и финансовыя, и повышеніе налоговъ на табакъ и пиво. Покровительственные пошлины должны были подъ своимъ флагомъ провести ладью съ контрабанднымъ налоговымъ грузомъ“.

³⁾ Г. Фридманъ, надо думать, не придалъ значенія чрезвычайно важному для пониманія таможенной политики Бисмарка посланію канцлера прусскому министру финансовъ Кампгаузену отъ 13-го февр. 1877, гдѣ уже довольно ясно намѣчена программа Бисмарка (*H. v. Poschinger, Aktenstücke zur Wirtschaftspolitik des F. Bismarck, I, стр. 247 сл., ср. тамъ же док. № 159 прил. 3*). Далѣе, имперское правительство постоянно заявляло о необходимости установленія именно фискальныхъ пошлинъ. Ср. *H. Blum, Das Deutsche Reich zur Zeit Bismarcks, 1893 стр. 172 сл.* и рѣчь Бисмарка отъ 22-го ноября 1875 г., гдѣ онъ высказывалъ убѣжденіе, что нужно удержать только строго-фискальныя пошлины, а остальные — „бросить черезъ бортъ“. Эта часть рѣчи у г. Фридмана (стр. 32) смягчена.

⁴⁾ Внѣшніе факты указаны правильно (это, впрочемъ, хорошо разобрано и въ существующей литературѣ), однако, нѣкоторые предположенія и объясненія спорны.

⁵⁾ Увеличены пошлины на кофе съ 35 м. до 40 м., на чай съ 48 до 100 м., табакъ съ 24 до 85 м., сигары съ 120 до 270 м., приности съ 39 до 50 м. и ин. др., чего г. Фридманъ не указываетъ,—тогда какъ покровительственные пошлины возстановлены или повышены въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ это было сдѣлано тогда въ соседнихъ странахъ. Вообще же, переходъ къ протекціонизму въ Германіи былъ болѣе вызванъ дѣйствіями другихъ державъ, чѣмъ это можно заключить изъ изложенія г. Фридмана.

дальнѣйшемъ не говорится ни слова. Между прочимъ, нашъ авторъ, къ сожалѣнію, упустилъ изъ виду одинъ очень существенный вопросъ финансовой системы Германіи въ связи съ ея косвеннымъ обложеніемъ: это — распредѣленіе общей суммы косвеннаго обложенія среди союзныхъ государствъ. Какъ извѣстно, матрикулярные взносы составляются, главнымъ образомъ, изъ прямыхъ налоговъ союзныхъ государствъ и распредѣляются между послѣдними неравномѣрно, именно, по числу жителей. Отсюда получается, что 100.000 бременцевъ уплачиваютъ въ имперскую казну столько же, сколько 100.000 сравнительно бѣдныхъ тюрингенцевъ. Спрашивается, а какъ распредѣляются имперскіе косвенные налоги среди союзныхъ государствъ, балансируютъ или ухудшаютъ они невыгодныя стороны матрикулярныхъ взносов?

„Третій отдѣлъ“ посвященъ обложенію *табака*. Здѣсь сразу бросается въ глаза одна очень неудобная манера г. Фридмана въ пользованіи матеріаломъ: онъ въ концѣ главы суммарно приводитъ источники, послужившіе ему матеріаломъ для изложенія (порочни такой использованной литературы — въ прим. на стр. 83, 177 ¹⁾ и далѣе). Въ научномъ изслѣдованіи такая манера абсолютно недопустима: необходимо безусловно требовать отъ всякаго ученаго, чтобы онъ точно и опредѣленно указывалъ каждый разъ каждую мысль и каждый фактъ, откуда онъ ихъ заимствовалъ! Во всякомъ случаѣ, плохой такъ называемый научный аппаратъ сильно роняетъ цѣну любого вполнѣ самостоятельнаго и цѣннаго вообще изслѣдованія. Правда, г. Фридманъ помимо этихъ суммарныхъ перечней „использованной литературы“ и въ текстѣ приводитъ подстрочныя ссылки, но это сдѣлано далеко недостаточно, и безконечная масса фактовъ, заявленій и цифръ приведена безъ ссылокъ. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности установить степень заслуги г. Фридмана въ собраніи и разработкѣ представленнаго имъ на судъ русской публики обширнаго матеріала ²⁾. Объ обложеніи табака авторъ разбираемой книги очень подробно излагаетъ законодательство до 1879 г. По это изложеніе (стр. 72, 73,

¹⁾ Въ такихъ суммарныхъ перечняхъ и не было нужды, такъ какъ, наиримѣръ, приводимую на стр. 177 брошюру проф. Rehm'a въ вопросахъ табачнаго обложенія Фридманъ не могъ „использовать“, ибо Ремъ о табачномъ налогѣ говоритъ всего нѣсколько строкъ.

²⁾ Большинство изъ использованныхъ Фридманомъ работъ не имѣется, конечно, въ русскихъ бібліотекахъ.

75 до 79)—дословно или сокращенно по Grafу ¹⁾, котораго г. Фридманъ здѣсь цитируетъ лишь одинъ разъ (на стр. 73); при этомъ г. Фридманъ приводитъ (стр. 75) даже тѣ же примѣры, что и Графъ, а на страницѣ 78 говоритъ: „но нашимъ расчетамъ (курс. мой, П. Г.) одинъ моргенъ давалъ въ Пруссіи дохода 40 т. 17 з., въ Баваріи“... и т. д., но г. Фридманъ опять не указываетъ, что эти его расчеты (простое помноженіе числа центнеровъ на среднюю цѣну) сдѣланы по таблицѣ Графа (ук. соч. стр. 526), и я могъ убѣдиться, что М. И. Фридманъ помноженіе сдѣлалъ правильно ²⁾... Это, конечно, мелочи, но все же я позволяю себѣ замѣтить, что такія позаимствованія безъ точнаго указанія источника нежелательны ³⁾.

Далѣе, на стр. 87—101 нашъ авторъ излагаетъ выводы анкетной комиссіи, учрежденной въ 1878 г. для выработки проекта табачнаго налога и рекомендовавшей обложеніе сырого табака по вѣсу. Эти подробности мнѣ представляются чрезмѣрными, тѣмъ болѣе, что многіе доводы за и противъ той или иной формы обложенія потомъ повторяются въ подробно излагаемыхъ преніяхъ рейхстага. На стр. 101—115 передано содержаніе длиннаго ряда брошюръ, вышедшихъ въ концѣ 1870-хъ гг. по вопросу о табачномъ обложеніи и, особенно, о табачной монополіи. Наконецъ, на стр. 115—122 изложены пренія въ рейхстагѣ въ 1879 г. по поводу правительственнаго проекта, ставшаго затѣмъ закономъ. Весь этотъ отдѣлъ свидѣлствуетъ, что М. И. Фридманъ внимательно ознакомился съ обширнымъ матеріаломъ, имѣющимся по вопросу о табачномъ обложеніи въ Германіи въ концѣ 1870-хъ годовъ, но вопросъ въ томъ, какую пользу имѣетъ его изложеніе, когда изъ этого не дѣлается никакихъ выводовъ. При нѣкоторомъ трудолюбіи можно, воспроизводя все пренія, мнѣнія, отзывы заинтересованныхъ и незаинтересованныхъ лицъ, заполнить сотни страницъ, но въ научномъ сочиненіи важно давать только то, что слу-

¹⁾ *F. Graf, die Tabakbesteuerung in Deutschland* въ *Annalen des D. Reichs.* 1803 годъ, стр. 522—535.

²⁾ Было бы, впрочемъ, правильнѣе попросту цѣликомъ сохранить таблицу Графа.

³⁾ Такія же позаимствованія безъ точнаго указанія источника часто встрѣчаются и въ дальнѣйшемъ, напр., на стр. 172 о *Deutscher Tabakverein* заимствовано, очевидно, у *Linschmann'a, Reichsfinanzreform 1906*, стр. 113, ибо г. Фридманъ сохранилъ даже нѣмецкій оборотъ: „...который является *признаннымъ* (курс. мой) представителемъ герм. таб. промысла“ (*anerkannte Vertretung des deutschen Tabakgewerbes*). Ср. стр. 178 (заимствовано, повидному, у *Schippel, Zuckerproduktion*, стр. 107). 192 (тоже, стр. 114). 205 (тоже, стр. 115) и т. д.

жить для опредѣленнаго вывода. Пзвѣстный выводъ или, скорѣе, обрывокъ вывода намѣченъ на стр. 123 и 125, гдѣ Фридманъ говоритъ, что Бисмаркъ избралъ первымъ дѣломъ налогъ на табакъ, такъ какъ изъ всѣхъ налоговъ на потребление табачный налогъ „задѣваетъ наименѣе сильныя группы“, и „Бисмарку было бы непріятно ссориться“ съ крупными сельскими хозяевами, что случилось бы, если бы онъ вздумалъ обратиться къ налогу на спиртъ, пиво и сахаръ. Однако, это утвержденіе нисколько не вытекаетъ изъ всего предыдущаго, да и вообще подлежитъ спору: а, можетъ быть, Бисмаркъ вполнѣ чисто-сердечно раздѣлялъ господствующее мнѣніе, что табакъ является превосходнымъ (и почти совершенно неиспользованнымъ тогда) ¹⁾ объектомъ обложенія, и вовсе не руководствовался соображеніями о возможности произойти ссорѣ съ прусскими юнкерами? Затѣмъ, *безусловно* считать табакъ въ качествѣ *locus minoris resistentiae* также нельзя, ибо интересы мелкихъ южныхъ табаководовъ и богатыхъ табачныхъ фабрикантовъ и торговцевъ—да и *last but not least* и потребителей—отставались очень вліятельными группами (центромъ, національ-либералами и т. д.), сумѣвшими впоследствии затормозить попытку увеличения табачнаго налога.

На стр. 123—4 г. Фридманъ высказываетъ и нѣсколько общихъ соображеній о косвенныхъ налогахъ: они „отличаются отъ прямыхъ, между прочимъ, тѣмъ, что падаютъ обыкновенно на отдѣльные предметы, и потому, задѣвая лишь отдѣльныя группы, а не весь какой либо социальный классъ общества сразу, не вызываютъ такого дружнаго противодѣйствія, какое наблюдается при прямыхъ налогахъ: мало встревоженные тѣмъ, что грозитъ сосѣдямъ, другія группы того же класса не только равнодушно смотрятъ на чужую бѣду, но иногда даже радуются, въ глубинѣ души надѣясь, что потребности государства будутъ покрыты налогами не со всего класса и въ томъ числѣ съ нихъ, а сборами лишь съ отдѣльной группы“..., и далѣе: „введеніе налога, въ особенности косвеннаго, всегда означаетъ собою прыжокъ въ область неизвѣстнаго, ибо нельзя бываетъ узнать точно и вѣрно, кто въ концѣ концовъ уплатитъ налогъ. Это, конечно, возбуждаетъ страшное безпокойство и волненіе среди всѣхъ круговъ населенія,

¹⁾ За 1871—5 гг. казенный доходъ на душу населенія въ среднемъ составлялъ отъ обложенія: спиртныхъ напитковъ—1 м. 38 п.; сахара—1 м. 31 п.; соли—94 п., а табака—только 35 пф. (цифры составлены мною по Stat. Handb. f. d. Reich 1907). Налогъ на пиво уже былъ повышенъ въ 1872 г. и давалъ въ концѣ 70-хъ гг. въ Brau-
steuergebiet 56 пф. на душу населенія.

такъ или иначе прикосновенныхъ къ облагаемому предмету". — Но какъ это наивно! (да простится мнѣ это замѣчаніе!) И если подобныя разсужденія изъ области доморощенной психологіи войдутъ въ выводы г. Фридмана по окончаніи всей его „программы“, то едва ли это обогатитъ финансовую науку... Нашъ авторъ здѣсь совсѣмъ не оцѣнилъ того, что „страшное“ безпокойство (ср. то же выраженіе на стр. 126 и 127) было бы еще больше, если бы взамѣнъ косвеннаго налога съ „заинтересованныхъ“ круговъ предложили брать какой-нибудь прямой налогъ, завѣдомо непереложимый... Съ другой стороны, косвенное обложеніе не потому вызываетъ меньше противодѣйствія, что люди „равнодушно смотрятъ на чужую бѣду“, а потому, что люди не замѣчаютъ дѣйствія косвенныхъ налоговъ или привыкаютъ къ ихъ давленію.

Стр. 125—156 посвящены исторіи проекта табачной монополіи, проваленнаго рейхстагомъ въ 1882 г. Это — чрезвычайно живой и интересный очеркъ, снабженный богатымъ научнымъ аппаратомъ. Однако, и здѣсь нѣтъ никакого вывода: одинъ, молъ, сказалъ то-то, другой — то-то и такъ далѣе и все это вперемежку. И этимъ дѣло кончается.

На стр. 156—171 г. Фридманъ передаетъ жалобы, какія въ разныхъ мѣстахъ раздавались по поводу установленной въ 1879 г. системы обложенія табака, особенно со стороны табакородовъ ¹⁾, и правительственные проекты реформы налога отъ 1893 и 1895 гг. Здѣсь интересны замѣчанія нашего автора, что табакороды сочувствовали проектировавшемуся переходу къ обложенію по фабрикату, но „отъ защиты даннаго проекта въ цѣломъ отпугивало повышение ставокъ (обложенія?), грозившее сокращеніемъ потребления табака, вслѣдствіе его удорожанія, а во-вторыхъ, имъ желательно было поднять таможенную охрану, чего въ проектахъ не было“; фабриканты же боялись усиленія контроля и такъ далѣе; но такъ какъ „нельзя было вести агитацію ясно и откровенно подѣ девизомъ охраны интересовъ“, то

¹⁾ Кстати сказать, М. Н. Фридманъ, повидимому, нѣсколько преуменьшаетъ значеніе табакородства на сѣверѣ Германіи, и преувеличиваетъ его *сравнительное* значеніе на югѣ. На сѣверѣ (главнымъ образомъ въ Укермаркѣ и Помераніи) въ 1905 г. насчитывалось 42.228 табакородовъ, имѣвшихъ въ среднемъ около 10 аг., а на югѣ (главнымъ образомъ въ Баденѣ, Пфальцѣ и Эльзасѣ-Лотарингіи) 52.432 табакорода, имѣвшихъ около 20 аг. каждый и производящихъ около 70% всего табака въ Германіи (по Linaschmann, Reichsfinanzreform, 1906, стр. 107). Но Фридманъ въ значительной степени игнорируетъ сѣверныхъ табакородовъ.

„агитация ведется всеми противниками налога по фабрикату подъ флагомъ защиты рабочихъ, которымъ грозитъ лишеніе заработка“ (въслѣдствіе ожидавшейся при обложеніи по фабрикату концентраціи промышленности). Однако, изъ разсужденій г. Фридмана отнюдь не ясно, каковы же были истинныя причины рѣшительнаго провала просектовъ.

Въ концѣ второго отдѣла (стр. 171—177) М. И. Фридманъ излагаетъ новый правительственный проектъ объ обложеніи табака и о налогахъ на папиросы, изъ которыхъ принять въ совершенно измѣненной формѣ только второй (1906 г.); но это изложено поверхностно (не ясна даже дата).

Разсматривая теперь въ совокупности весь отдѣлъ третій рецензируемой книги, я не могу не отмѣтить, что его архитектоника довольно беспорядочна и сводится, главнымъ образомъ, къ изложенію отзывовъ заинтересованныхъ сторонъ. Здѣсь въ хаотическомъ порядкѣ *затронуты*, дѣйствительно, всѣ важнѣйшіе вопросы табачнаго обложенія, но въ этомъ хаосѣ часто совершенно противорѣчивыхъ мнѣній разобраться довольно трудно. Замѣчу также, что сплошь и рядомъ эти мнѣнія высказывались въ чисто партійныхъ интересахъ, буквально съ цѣлью ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе или съ цѣлью расположить въ свою пользу избирателя. Какой смыслъ подобнаго винегрета мнѣній и отзывовъ? Г. Фридманъ посвятилъ табаку болѣе ста страницъ, но онъ *систематически не выяснилъ* (не достаточно, что эти вопросы были только *затронуты*, т. е. что по этому поводу въ разное время говорили гг. депутаты, или правительство, или союзъ фабрикантовъ и такъ далѣе, при томъ въперемжку и съ разныхъ, часто противоположныхъ точекъ зрѣнія): 1) различныхъ системъ обложенія табака и ихъ выгодъ и невыгодъ; 2) экономическихъ и социальныхъ условій осуществленія и эволюціи этихъ системъ; 3) чрезвычайно важнаго вопроса о примѣнности градаціи налога на фабрикатъ (обычно дорогіе сорта табака несутъ одинаковый налогъ, какъ и дешевые ¹⁾); 4) многихъ специфическихъ особенностей германскаго табаководства и табачной индустріи сравнительно съ другими государствами (утверждаютъ, что прямо или косвенно въ табачномъ промыслѣ Германіи

¹⁾ Въ этомъ отношеніи необходимо было бы проанализировать предложеніе спеціалиста табачнаго дѣла — Dr. J. Lissner'a, отстаивающаго бандерольную систему съ градаціей ставокъ по качеству табака. По разсчетамъ этого автора, курильщички трубокъ и потребители нюхательнаго табака несутъ налогъ въ размѣрѣ 19, 3% съ цѣны товара, потребители 5-ти пф. сигары—12%, 10-ти пф. сигары—6,8%, 15-ти пф. сигары—4,5%.

заинтересованы до 1 милліона жителей, насчитывается болѣе 19.000 фабрикъ со свыше 200.000 рабочихъ)¹⁾, что имѣло, безъ сомнѣнія, крупное и своеобразное вліяніе на направленіе фискальной политики; 5) вліянія системы табачнаго обложенія на направленіе техники производства и торговли (въ Германіи до сихъ поръ спорятъ о томъ, что система обложенія 1879 г. выбросила за бортъ массу рабочихъ, содѣйствовала переносу промышленности на югъ, увеличила примѣненіе женскаго труда и такъ далѣе²⁾); 6) наконецъ, положенія потребителя. Въ послѣднемъ отношеніи работа М. И. Фридмана совершенно недостаточна, и потребитель для него вообще *quantité negligible*. Таковъ ужъ общій духъ рецензируемаго изслѣдованія, что въ немъ разбираются почти исключительно вопросы, касающіеся такъ называемыхъ „заинтересованныхъ“ въ данной промышленности лицъ: плантаторовъ, фабрикантовъ, торговцевъ, разныхъ посредниковъ, меньше—рабочихъ,—но интересы потребителя почти всегда на послѣднемъ мѣстѣ или игнорируются³⁾... У г. Фридмана вообще проскальзываетъ тенденція—вопросы косвеннаго обложенія сводить преимущественно къ вопросамъ производства обложеннаго продукта. Нашего автора, очевидно, сильно занимаетъ мысль, высказанная въ рейхстагѣ профессоромъ Пааше, что „косвенные налоги давно уже, зачастую, вовсе не законы объ обложеніи въ чистомъ видѣ, а законы о регулированіи производства и потребленія“ (Фридманъ, стр. 507). Конечно, это очень интересный вопросъ, но нельзя забывать, что все-таки это—*Nebenzwecke bei der Besteuerung*, и при томъ такіа „побочныя цѣли“, которыя уже издавна навязывали налогамъ (напр. протекціонизмъ), которыя часто находятся въ непримиримомъ противорѣчій съ собственно цѣлями обложенія (въ нптейномъ налогѣ фискаль бичуетъ пороки и въ то же время боится, какъ бы пороки не исчезъ; фискаль „регулируеть“ промышленность и на этомъ регулированіи теряетъ чуть ли не весь свой доходъ или даже припачиваетъ отъ себя) и которыя порядко навѣяны узко-эгои-

¹⁾ Въ Великобританіи число фабрикъ — 430 съ 13.000 рабочихъ, во Франціи — 21 фабрика съ 18.000 рабочихъ, въ Италіи — 18 фабрикъ съ 16.000 рабочихъ (Linschmann, 106), въ Россіи—258 фабрикъ съ почти 39.000 рабочихъ; наоборотъ, въ Соед. Штатахъ замѣчается сильная децентрализація производства, и въ этихъ странахъ представлены разныя системы табачнаго налога.

²⁾ Ср. *Manicke, Tabaksteuervorlagen*, въ *Finanz Archiv*, 1906, 746 сл.

³⁾ Соображенія, развитыя въ началѣ 161 стр., настолько элементарны (именно, что водка и табакъ должны облагаться предпочтительно передъ пивомъ, сахаромъ и т. д.), что выдавать это за собственное мнѣніе („по нашему мнѣнію“) нѣтъ основанія...

стических классовыми домогательствами социальных групп, такъ или иначе сумѣвшихъ воздействовать на законодателя. И если г. Фридманъ такъ высоко ставитъ эти „побочныя цѣли“ — чего добраго, можетъ быть, онъ въ нихъ видитъ особенную „современность“, — то это объясняется узостью поля наблюденія нашего автора — одна Германія, въ которой, дѣйствительно, сплошь и рядомъ одерживали верхъ очень узкіе, но могущественные круги нѣмецкаго общества (прусскіе аграріи и т. д., ср. Фридманъ, стр. 463), благодаря чему страдали чисто фискальныя цѣли обложенія. Однако, этотъ лейтмотивъ — все сводитъ, главнымъ образомъ, къ вопросамъ производства обложеннаго продукта — совершенно заслонилъ капитальный вопросъ финансовой науки и теоріи косвеннаго обложенія: каково положеніе потребителя, и какъ распределяется податное бремя? М. И. Фридманъ касается этихъ вопросовъ только для того, чтобы предупредить читателя, дабы онъ не подумалъ, что косвенные налоги непременно падаютъ на потребители или низшіе классы (объ этомъ, такъ сказать, in allen Tonarten говорится неоднократно — стр. 123, 152, 334, 435 и такъ далѣе, хотя объ этомъ всѣ прекрасно знаютъ), или чтобы задѣть — да еще не одинъ, а много разъ — социаль-демократовъ, которые придерживаются „совершенно устарѣлой теоріи, согласно которой всѣ косвенные налоги никуда не годятся и должны быть замѣнены обложеніемъ на слѣдствъ, подоходнымъ и преимущественнымъ налогами“ (слова г. Фридмана на стр. 161; ср. стр. 155, 319 и *passim*). Въ частности, игнорированіе интересовъ потребителей не помогло г. Фридману разгадать гораздо болѣе глубокий смыслъ фразы гр. Посадовскаго („вся борьба противъ налога на табакъ по фабрикату есть лишь борьба пятипфенниговой сигары съ союзными государствами“), чѣмъ тотъ, какой, по видимому, придаетъ ей нашъ авторъ. Весьма вѣроятно, что побѣда осталась за пятипфенниговой сигарой не въ меньшей степени потому, что въ защиту ея выступили представители табачной индустріи и „заинтересованныхъ въ табачномъ дѣлѣ“ лицъ (какъ напираетъ г. Фридманъ, стр. 174), чѣмъ сколько потому, что въ защиту пятипфенниговой сигары говорили интересы и гораздо болѣе широкихъ круговъ потребителей ¹⁾... Интересовъ этихъ послѣднихъ г. Фридманъ не изу-

¹⁾ Проф. Rehm (Reichsfinanzreform 1903, с. 34) замѣчаетъ, напр., что значительное повышеніе табачнаго налога требуетъ, чтобы люди отказались отъ „нерасположенія облагать предметы массоваго потребленія, которое (нерасположеніе) обуреваютъ теперь партіи большинства въ рейхстагѣ“ (ein Aufgeben der Abneigung gegen

чить, какъ слѣдуетъ, такъ какъ соотвѣтствующая газетная и тому подобная литература почти совершенно не разсмотрѣна имъ.

Чтобы покончить съ табакомъ, скажу еще, что М. И. Фридманъ очень пренебрегъ необычайно существеннымъ для практики пунктомъ, именно, онъ пренебрегъ *разборомъ* дѣйствующаго законодательства, инструкцій, комментарий, способовъ контроля и т. д. Въ практическомъ отношеніи, это — капитальные вопросы. Во всякомъ случаѣ, изъ работы не видно, чтобы нашъ авторъ всесторонне изучилъ догму законодательства о табачномъ налогѣ въ Германіи.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній я позволяю себѣ высказать сомнѣніе, чтобы изслѣдованіе г. Фридмана о табачномъ обложеніи могло имѣть крупное значеніе въ теоретическомъ или практическомъ отношеніяхъ... Тѣмъ не менѣе, я съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ считаю долгомъ отмѣтить безспорный фактъ, что на изученіе табачнаго налога въ Германіи г. Фридманъ потратилъ много труда, перечиталъ множество сочиненій и усердно перелисталъ сборникъ парламентскихъ дебатовъ; и если въ его работѣ имѣются тѣ или иные недостатки, то это объясняется, конечно, неопытностью начинающаго автора, несовершенствомъ метода и теоретическихъ предпосылокъ, и, быть можетъ, главнымъ образомъ, *сильностью*—желаніемъ захватить побольше и поскорѣе...

Перехожу къ „отдѣлу“ четвертому—къ обложенію *сахара*. Въ началѣ (стр. 178—212) авторъ вкратцѣ излагаетъ исторію сахарнаго обложенія до 1880-хъ годовъ. Его занимаетъ здѣсь главнымъ образомъ вопросъ, какіе заводчики были за и какіе противъ той или иной системы обложенія: сначала по поводу тростниковаго или свекловичнаго сахара, затѣмъ,—когда побѣда осталась за свекловичнымъ сахаромъ,—по поводу обложенія по сырому матеріалу или по готовому продукту. Но, насколько я могъ убѣдиться, эти страницы составлены, главнымъ образомъ, по Шиппелю ¹⁾, хотя мѣстами у г. Фридмана вставлены здѣсь выдержки изъ источниковъ, не отмѣченныхъ Шиппелемъ. Въ отношеніи этихъ источниковъ замѣчу, что въ прим. на стр. 191 и 192 трижды цитируются „*Annalen des Deutschen Reichs*“ (курс. мой) за 1868 и 1869 гг., что, конечно, невѣрно, такъ какъ *Германской имперіи* въ то время еще не существовало; г. Фридманъ, очевидно,

alle Massenbesteuerung, welche gegenwärtig die ausschlaggebenden Majoritäten des Reichstags beherrscht).

¹⁾ *M. Schippel*, Zuckerproduktion u. Zuckerprämiien. 1903.

хотѣлъ поставить: „Annalen des Norddeutschen Bundes“. Замѣчанія г. Фридмана на стр. 195 о послѣдствіяхъ системы обложенія по матеріалу даютъ *не вполне* законченный анализъ. Дѣло въ томъ, что выгоды заводчиковъ, имѣющихъ хорошіе аппараты и лучшую свеклу, въ *нѣкоторой* степени могутъ парализоваться пониженіемъ цѣны на готовый продуктъ (ср. Шиппель, ук. соч., стр. 118 прим.), а рынокъ учитываетъ пониженіе издержекъ производства,—такъ что вновь возникающія или совершенствующіяся предпріятія рассчитаны на пониженныя цѣны. Наконецъ, на стр. 204 небрежно составлена изъ лоскутковъ (но двумъ частнымъ источникамъ—Нашше и Шиппелю) статистическая таблица, хотя имѣются болѣе полныя и болѣе точныя офиціальныя данныя; но я отмѣчаю это обстоятельство для того, чтобы подчеркнуть, что только съ 1884 г. вдругъ съ полною силой сказался вредъ экспортныхъ премій для фиска, а до этого времени доходъ отъ обложенія сахара, хотя и съ колебаніями, постоянно возрасталъ даже при расчетѣ на душу населенія ¹⁾; этотъ игнорированный г. Фридманомъ фактъ ²⁾ имѣлъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторое вліяніе на то, почему германское правительство медлило съ реформой сахарнаго обложенія и премій.

Стр. 214—231 вкратцѣ знакомятъ читателя: 1) съ преніями въ рейхстагѣ по поводу законопроекта, сдѣлавшагося закономъ 7-го іюля 1883 г. ³⁾ и понизившаго экспортную премію, 2) съ главнѣйшими выводами анкетной комиссіи 1884 г. о сахарѣ и 3) съ преніями въ рейхстагѣ по поводу мелкихъ измѣненій въ законодательствѣ о сахарѣ за 1884—6 гг.

На стр. 232—260 изложено содержаніе проектовъ 1887 г. и 1891 г. (сдѣлавшихся законами) и преній о нихъ въ рейхстагѣ и отзывовъ журнала сахарозаводчиковъ; пренія переданы вперемежку, выводы имѣтъ, если не считать подчеркнутыхъ г. Фридманомъ домогательствъ и вліянія аграріевъ (эту мысль, какъ извѣстно, подчеркивалъ въ свое время и Шиппель). На стр. 260—292 г. Фридманъ знакомитъ съ исторіей законовъ 1895 и 1896 гг., которые усилили вывозныя преміи, ввели контингентировку сахарнаго производства и установили налогъ

¹⁾ См. Stat. Handbuch f. d. D. Reich, 1907, I стр. 598.

²⁾ Г. Фридманъ взялъ цифру за 1879 г. и послѣ того сразу приводитъ цифру только за 1884 и слѣд. гг.

³⁾ Эта дата у г. Фридмана (стр. 218) даже не помѣчена, такъ что въ дальнѣйшемъ на стр. 222 читатель не сможетъ понять, что это за законъ 7 іюля 1883 г., срокъ котораго истекалъ въ 1885 г.

на сахаръ съ варіаціей ставокъ сообразно размѣру производства; нашъ авторъ, опять-таки, изложилъ пренія въ рейхстагѣ, отзывы газеты союза сахарозаводчиковъ (*Deutsche Zuckerindustrie*) и двухъ сахарозаводчиковъ, одного—защитника мелкихъ и среднихъ заводовъ, другого—апологета восточныхъ заводчиковъ (г. Фридманъ вообще считаетъ, очевидно, особенно важнымъ рассмотреть „отношеніе *заинтересованныхъ группъ*“; курс. мой; стр. 276). Однако, здѣсь г. Фридманъ нѣсколько отступилъ отъ своей манеры передавать содержаніе преній: послѣднія переданы въ болѣе систематичномъ видѣ и скажутъ въ меньшей степени; мѣстами авторъ рецензируемой книги пытается даже провертывать отдѣльныя мнѣнія. Однако, вывода нѣтъ и здѣсь, исключая слѣдующаго замѣчанія: „въ существѣ дѣла (пишетъ онъ на стр. 291—2), законъ (1896 г.) шелъ на помощь аграріямъ, крупному сельскому хозяйству и сахароваренію, при чемъ сѣверо-восточные помѣщики и заводчики сумѣли добиться наиболѣе значительныхъ выгодъ, нежели ихъ коллеги по профессіи и противники по требованіямъ отъ законодательства изъ западной и средней Германіи. Однако, не смотря на всю силу и все значеніе, востоку не удалось провести свои интересы цѣликомъ, ибо при конституціонномъ строѣ обычно нѣтъ полного и нераздѣльнаго господства отдѣльнаго класса или отдѣльной группы, а приходится идти на компромиссы, на взаимныя уступки, на соглашенія. Въ этомъ смыслѣ исторія закона 1896 года типична и особенно поучительна“. По поводу этого страннаго для ученаго трактата замѣчаніе едва ли мнѣ придется говорить много, ужъ очень оно говоритъ само за себя: во 1-хъ, сомнительно, чтобы конституціонный строй былъ сколько-нибудь повиненъ въ томъ, что восточные заводчики Пруссіи не восторжествовали окончательно надъ остальными; во 2-хъ, исторія закона объ обложеніи сахара отъ 1896 г., конечно, ничего „типичнаго и особенно поучительнаго“ для конституціоннаго права не даетъ, и, разумѣется, ни одинъ государствовѣдъ не воспользуется иллюстраціей г. Фридмана для характеристики благихъ сторонъ конституціонализма; въ 3-хъ, и при конституціонализмѣ, при тѣхъ или иныхъ избирательныхъ условіяхъ, возможно полное господство отдѣльнаго класса или группы, да и при неконституціонномъ режимѣ далеко не всегда замѣчается господство одного только какого-нибудь класса или группы. Впрочемъ, это мѣсто книги г. Фридмана и не заслуживало бы упоминанія, такъ какъ это просто наивное или неосдуманное замѣчаніе, которое, конечно, легко могло вырваться по недосмотру.

Гораздо серьезнѣе другое возраженіе, которое можно сдѣлать.

г. Фридману. Это—относительно изложенія парламентскихъ преній и отзывовъ. Хотя, на мой взглядъ, слѣдуетъ проводить въ систематическомъ порядкѣ только тѣ дебаты и отзывы, которые служатъ для опредѣленнаго вывода, однако, можно, разумѣется, руководствоваться и другой точкой зрѣнія: приводить парламентскія пренія какъ сырой матеріалъ, параллельно критикуя его, для возможныхъ въ будущемъ выводовъ. *Повидимому*, эту послѣднюю точку зрѣнія и имѣлъ въ виду г. Фридманъ. Но въ такомъ случаѣ его матеріалъ собранъ неудачно: онъ очень неполонъ, какихъ либо опредѣленныхъ принциповъ при выборѣ отзывовъ и мѣстныхъ тѣхъ или иныхъ лицъ г. Фридманъ не придерживался, критика отдѣльныхъ воззрѣній поверхностная и не всегда безпристрастная. Чтобы передать пренія въ видѣ сырого матеріала, то эту роль беретъ на себя журналистъ или газетный работникъ, который вкратцѣ, но систематически *резюмируетъ* все пренія ¹⁾, подвергая ихъ той или иной критикѣ,—въ идеальномъ случаѣ—безпристрастной критикѣ. Но г. Фридманъ далеко не совсемъ безпристрастенъ: къ социаль-демократамъ онъ проявляетъ большую нетерпимость. Это—крайне нежелательно въ серьезной научной работѣ—въдѣ критика пристрастнаго автора теряетъ всякую убѣдительность и даже страшно въ устахъ того, который признаетъ себя сторонникомъ экономического матеріализма и классовой точки зрѣнія (см. разсужденія г. Фридмана на стр. 162, гдѣ онъ говоритъ, что въ законодательствѣ „рѣшеніе опредѣляется не нравственными мотивами и не соображеніями о благѣ всего государства, а силой отдѣльныхъ группъ, ихъ вліяніемъ на законодательство. И совершенно очевидно, продолжаетъ г. Фридманъ, что законодатели являются при представительномъ правленіи въ наше время выразителями интересовъ отдѣльныхъ группъ и классовъ“)! При этихъ условіяхъ случайныя (не говорю уже,—безсистемныя) выборки тѣхъ или иныхъ преній или отзывовъ не могутъ служить матеріаломъ для выводовъ ни для автора, ни для другихъ лицъ, такъ какъ здѣсь, очевидно, не полный и не безпристрастно подобранный матеріалъ. Нетерпимость г. Фридмана по отношенію къ „эсъ-декамъ“ прямо непонятна, особенно если принять во вниманіе, что рѣчь идетъ объ социалистахъ—*иностранныхъ* по поводу ихъ мѣстной тактики. Можно глубоко не соглашаться съ доктриной и тактикой социаль-

¹⁾ Такъ, прекрасно удалось резюмировать и систематизировать пренія объ имперской финансовой реформѣ, напр. Linschmann'у (ук. выше соч.), редактору „Кельнской газеты“.

демократовъ, доказывать ошибочность ихъ ученія, но въ научномъ сочиненіи надо соблюдать полное безпристрастіе, чего нѣтъ у г. Фридмана, какъ будетъ видно изъ слѣдующихъ цитатъ. На стр. 284 говорится объ отношеніи отдѣльныхъ партій къ проекту 1896 г.: „Правые защищали интересы крупныхъ аграріевъ, сахарозаводчиковъ, лѣвые—принципъ капиталистическаго развитія, при чемъ свободомыслящіе творили волю ихъ пославшихъ (?), а социаль-демократы дѣйствовали по явному теперь недоразумѣнію, во славу теоріи: „мы страдаемъ не только отъ развитія капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія“. Странно читать заявленіе Шинцеля при второмъ чтеніи: „мы, по существу, противники налога, штрафующаго интеллигенцію, капиталистическій прогрессъ, капиталистически крѣпкое оборудованіе“. Социаль-демократія революціонная, вѣрующая въ наступленіе рая послѣ краха, который явится результатомъ обостренія классовыхъ противорѣчій, могла и должна была такъ говорить и дѣйствовать; нынѣшняя социаль-демократія, все болѣе становящаяся на реформаторскую точку зрѣнія“... (такъ не должна бы дѣйствовать).—Здѣсь достается Шинцелю, тому самому, который, какъ мы видѣли, во многомъ вдохновилъ самого г. Фридмана. На стр. 325 говорится, что „социаль-демократы, выдвигавшіе явно несуществующее (?) предложеніе чисто агитаціоннаго характера о полной отмінѣ налога (на сахаръ), напали“... На стр. 149: „для характеристики сырого, если такъ можно выразиться, не отдѣланнаго еще социализма интересна рѣчь Фольмара (с. д.)“,—и далѣе высмѣивается эта рѣчь. На стр. 152 г. Фридманъ хвалитъ Бисмарка за то, что онъ отвергалъ „абсолютное превосходство прямыхъ налоговъ надъ косвенными“, ибо это—„значительный прогрессъ“ (намекая на лѣвыхъ) „сравнительно съ широко и (!) тогда распространенной теоріей о томъ, что косвенные налоги все нигуда не годны и все особенно тяжелы для низшихъ классовъ“ (какъ будто въ серьезъ, крайніе лѣвые не различаютъ, какіе изъ косвенныхъ или прямыхъ болѣе обременительны, какіе менѣе; ср. продолженіе этой цитаты у Фридмана, стр. 152 и ср. 377). На стр. 7 г. Фридманъ насмѣшливо называетъ Fr. Mehring'a „придворнымъ историкомъ социаль-демократіи“,... хотя въ дальнѣйшемъ объясняетъ процессъ образованія имперіи въ близкомъ соотвѣтствіи съ Мерингомъ. На стр. 155 г. Фридманъ сдѣлалъ исключеніе для одного оратора—подвергъ пространной критикѣ его мнѣніе, но это для того, чтобы разбить въ пухъ и прахъ социаль-демократа Газенклевера, который неудачно сослался на желѣзный законъ заработной платы и обнаружилъ нелогичность и непониманіе Рикардо...

На стр. 527 г. Фридманъ счелъ нужнымъ вступить, въ видѣ исключенія, въ пространнѣйшій споръ съ соц.-дем. Либкнехтомъ, которымъ „была выставлена мрачно пессимистическая теорія тоже явно несостоятельная и основанная на недоразумѣніи“ (но г. Фридманъ забываетъ, что дѣло происходитъ въ 1870-хъ гг., когда пессимистическая теорія переложенія не казалась абсолютной ересью...). На стр. 529: „программа ихъ (соціалъ-демократовъ) по финансовымъ вопросамъ всегда отличалась крайнимъ утопизмомъ и неразработанностью, но...въ послѣднее время соціалъ-демократы, раньше отвергавшіе на дѣлѣ всѣ налоги (? отказъ *правительству*? П. Г.), дошли даже (!) до голосованія не только за отдѣльные налоги, но и за весь бюджетъ (Вюртембергъ)“. На стр. 265 (по поводу правительственной помощи сахарной промышленности): „Соціалъ-демократъ Бокъ заявилъ, конечно (!), что „съ нашей точки зрѣнія дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ о борьбѣ за привилегіи въ средѣ господствующихъ группъ“; но, сверхъ обычной, такъ сказать, казенной программы рѣчи (!), онъ отмѣтилъ“...

Довольно цитаты, хотя ихъ на ту же тему можно было бы увеличить (напр., стр. 161, 168, 319, 404), но, если, слѣдовательно, г. Фридманъ не вполне безпристрастенъ, то нельзя имѣть полной увѣренности въ томъ, что его матеріалъ не подобранъ односторонне! Словомъ, въ томъ видѣ, какъ этотъ сырой матеріалъ представленъ русской публикѣ, онъ въ нѣкоторой степени оказывается балластомъ...

Но я долженъ еще закончить свои замѣчанія по поводу отдѣла четвертаго рецензируемаго изслѣдованія. Стр. 292—337 посвящены положенію сахарной промышленности въ Германіи въ 1890-ые года, исторіи возникновенія сахарнаго синдиката и Брюссельской конвенціи. Это — живой очеркъ, но въ *общемъ* описательнаго и компилятивнаго характера, хотя автору воспользовался для него большимъ числомъ монографій и статей (главнымъ образомъ, Шинцели, Манике и нѣкот. друг.). По это компилированіе привело къ нѣкоторымъ курьезамъ. Такъ, на стр. 305, говоря о преміяхъ на вывозимый сахаръ, г. Фридманъ все время приводитъ разницу въ цѣнахъ въ герм. маркахъ, но вдругъ, въ концѣ этой страницы, цѣны на Магдебургской биржѣ приведены во франкахъ, на 306 стр. опять въ маркахъ и т. д. Очевидно, источники г. Фридмана мѣнялись, но источниковъ своихъ свѣдѣній онъ не счелъ нужнымъ указать... Далѣе, на стр. 310 въ доказательство того, что повышение цѣнъ отразилось на сокращеніи потребления, приводитъ статистическую табличку (безъ указанія источ-

ника!) ¹⁾, гдѣ указываетъ, что за 190¹/₂ г. и 190²/₂ г. потребление на душу населенія составляетъ 12,97 и 13,88 кило. Я не знаю, откуда г. Фридманъ заимствовалъ эту табличку (въ ней приведены данныя за 1899 по 1903 гг.), но она не сходится съ официальными данными. Однако, на стр. 330 г. Фридманъ забылъ, что онъ откуда-то заимствовалъ передъ тѣмъ свѣдѣнія о размѣрахъ потребления, и для доказательства, что пониженіе цѣнъ повело къ увеличенію потребления, приводитъ совершенно нныя, но уже вполнѣ правильныя цифры по Statistisches Jahrbuch für d. Deutsche Reich, 1907, именно, что потребленію „на голову населенія составляло въ 190¹/₂ гг. (sic)—11,6 кило, въ 190²/₂ гг.—12,5 к.“ и т. д. Вотъ, слѣдовательно, къ какимъ курьезамъ приводитъ неосмотрительное компилированіе! Къ довершенію зла, г. Фридманъ въ злополучной табличкѣ на стр. 310 приводитъ общую сумму потребления въ двойныхъ центнерахъ (=100 кило), а въ официальной статистикѣ (да и нерѣдко въ другихъ мѣстахъ рецензируемой книги) эти данныя приводятся въ метрическихъ тоннахъ (=1000 кило). И не говоря уже о томъ, что разныя статистическія данныя приводятся рѣле-мѣле сплошь и рядомъ въ совершенно различныхъ единицахъ вѣса и валютахъ (напр., на стр. 298 даже въ сравнительномъ обзорѣ по каждой странѣ количество вывоза приведено то въ килограммахъ, то въ двойныхъ центнерахъ,—хотя достаточно было просто отчеркнуть нули,—а передъ тѣмъ на стр. 297—въ англ. тоннахъ), пользованіе статистическими данными г. Фридманомъ довольно небрежно. Напр., на стр. 311 приводится, съ указаніемъ официальнаго источника (St. Jahrb. f. D. R. 1906), что доходы казны *вслѣдствіе сокращенія потребления* (курс. мой) отъ обложенія сахара падали, а именно: за 1899—1900 гг.—126.724 т. м., за 190⁰/₁ гг.—115.691 т. м., 190¹/₂ гг.—103.593 т. м., 190²/₂ гг.—117.593 т. м. Однако, г. Фридманъ не замѣтилъ или забылъ упомянуть, что цифра за 190²/₂ г. выведена за 13 мѣсяцевъ (вслѣдствіе измѣненія закона въ январѣ этого года), а передъ тѣмъ вездѣ за 12 мѣс., какъ это, правда, очень мелкимъ шрифтомъ и въ подстрочномъ примѣчаніи, оговорено въ официальномъ источникѣ. Но въ уменьшеніи дохода самое *сокращеніе внутренняго потребления* существенной роли не играло, ибо внутренній акцизъ давалъ за этотъ періодъ больше,

¹⁾ Повидному, эта табличка заимствована у Herzfeld (Über die Wirkungen der Brüsseler Zucker-Konvention, 1906),—но этой работы я сейчасъ не имѣю подъ руками, слѣдовательно, не могу проверить.

чѣмъ въ предыдущее время, и колебаніе этого дохода было не болѣе, чѣмъ за предыдущіе годы. На самомъ дѣлѣ, возьмемъ по тому же официальному источнику и на той же страницѣ, гдѣ бралъ свои свѣдѣнія г. Фридманъ, цифры дохода отъ внутренняго акциза съ 189⁵/₆ г. по 190²/₃ г. въ герм. марк.: 121,5 милл., 111,5 м., 137,1 м., 143,6 м., 159,6 м. (1899—1900 г.), 146,7 м., 143,6 м., 154,2 м. (посл. за 13 мѣс.). Весь недоборъ, констатированный г. Фридманомъ, проистекалъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ, отъ суммы вывозного вознагражденія, которое колебалось за тѣ же годы въ размѣрѣ (герм. мар.) 18,4 м. (189⁵/₆ г.), 25,6 м., 36,6 м. (1897¹/₂ г.), 34,8 м., 33,2 м., 31,4 м. (190⁰/₁ г.), 40,7 м., 37,2 м. (190²/₃ г.). Наконецъ, статистикой о сахарѣ вообще слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, ибо на производство и потребление сахара оказываютъ вліяніе столь разнообразныя причины, что выдѣлить одну изъ нихъ часто рискованно: многое зависитъ отъ урожая и качества свеклы въ данномъ году (напр., въ 190¹/₂ г. былъ громадный урожай въ Германіи, переработано свеклы 16 милл. тоннъ сравнительно съ обычнымъ размѣромъ въ 11—12 милл.), отъ перспективы измѣненія закона и условій производства (какъ это отозвалось въ 1896 и 189⁹/₁₀₀₀ гг.) и т. д. Вотъ почему при пользованіи статистикой надо принимать во вниманіе всѣ эти мелкія обстоятельства, изученіе которыхъ слѣдуетъ производить по чрезвычайно цѣннымъ Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs, ежегодно дающимъ подробный обзоръ обложенныхъ налогомъ отраслей народнаго хозяйства. Но г. Фридманъ, повидимому, не заглядывалъ въ этотъ источникъ,—пріемъ, по меньшей мѣрѣ непонятный, когда рѣчь идетъ о косвенномъ обложеніи въ Германіи! Если же книга г. Фридмана должна служить матеріаломъ для позднѣйшихъ выводовъ, то тѣмъ болѣе важно систематизировать громадный и интересный матеріалъ, заключающійся въ этихъ Vierteljahrshefte ¹⁾. Въ нихъ мы находимъ массу крайне важныхъ разъясненій по поводу тѣхъ или иныхъ явленій въ данной области хозяйства. Если бы г. Фридманъ ознакомился съ этимъ источникомъ, то онъ понялъ бы, почему въ 1899—1900 г. цифра потребления оказалась вдругъ сильно возросшей: передъ образованіемъ сахарнаго картофа заводчики постигнули оплатить налогомъ возможно большее количество сахара ²⁾.

¹⁾ Для этого слѣдовало бы, напр., въ концѣ книги дать сводный статистическій обзоръ за послѣднія десятилѣтія.

²⁾ Vierteljahrshefte 15 Jg. 1906, IV, 276. Думевое потребление сахара—stritte,

Слѣдовательно, совершенно неосновательно брать за исходную цифру душевое потребленіе въ 1899—1900 году, какъ это сдѣлано въ злополучной таблицѣ на стр. 310.

Итакъ, разсматривая отдѣлъ о сахарѣ въ цѣломъ, нельзя не прийти къ выводу, что г. Фридманъ далъ намъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже извѣстно изъ существующей (иностранной) литературы. Что же касается собраннаго г. Фридманомъ въ этомъ отдѣлѣ матеріала въ видѣ преній и т. п., то это—въ значительной степени груда сырого матеріала. Въ этомъ отдѣлѣ съ особенной силой проявился другой неудобный приемъ разработки: захватывать лишь тѣ вопросы, которые легки, просты и болѣе или менѣе разработаны въ наукѣ, а когда дѣло доходитъ до спорныхъ или трудныхъ пунктовъ, напр., вопроса о переложеніи, то М. И. Фридманъ бранитъ своихъ предшественниковъ, что они ничего путнаго не рѣшили, а собственнаго рѣшенія не даютъ, прикрываясь тѣмъ, что „попутно“ этого рѣшать нельзя и т. д. (стр. 283, 308, 437, 461 и *passim*). Затѣмъ, приводящіе чисто экономическіе вопросы разсмотрѣны поверхностно (о сахарномъ синдикатѣ, о преміяхъ и о различныхъ условіяхъ сбыта сырца и рафинада—слабо; ср. стр. 307; г. Фридманъ упускаетъ, между прочимъ, изъ виду, что иногда преміи на вывозъ выдаются именно потому, что по естественнымъ условіямъ производство въ данной странѣ обходится дорого, а увеличеніе производства выгодно).

Перехожу къ отдѣлу питему—къ *обложенію водки*. Стр. 338—358 кратко описываютъ исторію питейнаго обложенія до 1887 года. „Покровительство крупнымъ аграріямъ восточной Пруссіи, пишетъ М. И. Фридманъ,—вотъ ключъ къ этому законодательству (обложенію по заторнымъ чанамъ, благодаря чему наибольшую выгоду получали восточные картофельные заводы), вотъ денизъ, которымъ руководились при установленіи и защитѣ этой системы обложенія“. Эта мысль совершенно правильна, но все же г. Фридманъ нѣсколько преуменьшилъ техническія трудности податного контроля, которыя осложняли вопросъ о переходѣ къ системѣ обложенія по фабрикату, что, между прочимъ по отношенію къ сахару нашъ авторъ подчеркнулъ довольно рельефно (стр. 205); съ другой стороны, удержаніе системы обложенія по заторнымъ чанамъ объясняется также желаніемъ правитель-

количество оплаченнаго налогомъ сахара на душу населенія—было въ кг въ 189⁶/₇ г.—11,09, 189⁷/₈ г.—11,76, 189⁸/₉ г.—12,38, 189⁹/₀₀—13,68 (ненорм. годъ), 190⁰/₁—12,28, 190¹/₂—11,64, 190²/₃—12,46 (или 12,02, по расчету за 12 мѣс.).

ства содѣйствовать развитію этой прибыльной для сельскаго хозяйства промышленности. Кромѣ того, вредныя стороны неравноѣрнаго (и самый размѣръ неравноѣрности споренъ; см. прим. на стр. 360) обложенія смотря по употребляемому на заторъ матеріалу, безъ сомнѣнія, нѣсколько скрадывались благодаря тому обстоятельству, что для многихъ заводовъ производство водки имѣло только подсобное для сельскаго хозяйства значеніе или для собственнаго потребленія, что цѣны на спиртъ колебались сильнѣйшимъ образомъ, что обложеніе было невелико и должно было оставаться на невысокомъ уровнѣ какъ разъ вслѣдствіе принятой системы обложенія. Такимъ образомъ, вредъ и неравноѣрность обложенія по заторнымъ чанамъ у г. Фридмана слегка преувеличены (стр. 357). На стр. 358—376 авторъ разбираемой нами книги знакомитъ насъ съ содержаніемъ большого числа брошюръ, разбирающихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія вопросъ объ обложеніи по заторнымъ чанамъ или по готовому продукту. Изъ этого обстоятельнаго обзора выясняется интересное географическое, такъ сказать, распредѣленіе интересовъ разныхъ группъ нѣмецкихъ винокуровъ и сельскихъ хозяевъ. Г. Фридману здѣсь можно сдѣлать только тотъ упрекъ, что онъ не выдержалъ никакой системы при изложеніи своего матеріала, придерживаясь преимущественно хронологическаго порядка, а это едва ли цѣлесообразно. Очень живо и интересно изложена исторія попытки германскаго правительства ввести въ 1886 г. казенную винную монополію (стр. 377—402). Этотъ „соціалъ-аристократическій“ проектъ, обѣщавшій большія выгоды для заводчиковъ—сельскихъ хозяевъ, потерпѣлъ полную неудачу. Стр. 403—512 посвящены закону 1887 г. и многочисленнымъ новелламъ, регулирующимъ обложеніе и производство спирта и исторіи спиртнаго картеля. Эти вопросы г. Фридманъ изучилъ очень обстоятельно (по этимъ вопросамъ имѣется чрезвычайно богатая литература), но, къ сожалѣнію, и здѣсь онъ не сдѣлалъ выводовъ, и здѣсь приводитъ рядъ суммарныхъ ссылокъ (стр. 345, 450, 487 и др.; не всегда можно съ точностью установить, откуда тѣ или иныя свѣдѣнія или мысли почерпнулъ нашъ авторъ, такъ какъ разные авторы иногда повторяютъ другъ друга)¹⁾, и здѣсь допустилъ рядъ небрежностей

¹⁾ М. П. Фридманъ на стр. 451 заимствовалъ, повидимому, свѣдѣнія о разницѣ цѣнъ двухъ родовъ спирта сначала у Ginsberg, Branntweinbesteuerung 1903, стр. 16, а затѣмъ у Wolf, Finanz-Archiv VII, 166, но въ соответствующемъ § ни тотъ, ни другой авторъ не упоминаются (впрочемъ, Гинсбергъ цитируется *передъ тѣмъ* въ

въ пользованіи статистическимъ матеріаломъ, сдѣлавъ свои выборки мало пригодными для научныхъ цѣлей. Напр., на стр. 457 показаны, со ссылкой на официальный источникъ, цѣны на спиртъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ съ 1885—1897 г.; но г. Фридманъ не счелъ нужнымъ отмѣтить (что оговорено въ официальномъ источникѣ)¹⁾: 1) цѣны за 1885 до 1887 гг. не сравнимы съ остальными; 2) гамбургскія цѣны котированы со включеніемъ посуды, а берлинскія — безъ тары, и притомъ первыя, какъ извѣстно, берутся съ минимальной крѣпостью спирта въ 70% трал. и преимущественно для экспорта, а вторыя—съ минимальной крѣпостью въ 80% и для внутренняго потребленія (почему гамбургскія цѣны почти вдвое ниже берлинскихъ) и т. д. Въ изложеніи получились неясности благодаря черезчуръ близкому слѣдованію за источникомъ (напр. на стр. 413 трудно понять, какое обложеніе вводится законопроектомъ отъ 5 мая 1887 г.), или ничего не выражающія заключенія. Напр., на стр. 413 говорится, что для объединенія обложенія спирта нужно было имѣть поддержку „центра“, защищавшаго, по преимуществу, южно-германскую и католическую точку зрѣнія (какое это имѣетъ отношеніе къ спирту?), во-первыхъ, и стоявшаго за поддержаніе средняго и мелкаго производства противъ крупнаго, во-вторыхъ. При составленіи проекта 1887 г. приняты были во вниманіе всѣ эти (?) обстоятельства“, или на стр. 501 говорится, что „проектъ (обязательнаго денатурированія) палъ жертвой вражды къ синдикатамъ, вообще, къ спиртовой картели въ частности“. Это—столь общее положеніе, что оно ничего не выражаетъ. Но какъ бы то ни было, г. Фридманъ очень ярко подчеркнул вліяніе аграріевъ и винокуровъ на строй германской системы обложенія спирта, вліяніе, отмѣченное въ болѣе слабой степени многими другими авторами; къ сожалѣнію, нашъ авторъ не выяснилъ попутно, почему въ Германіи такъ велико вліяніе аграріевъ. Въ виду того, что теперь образовалась въ винокуренномъ производствѣ частная монополія, М. И. Фридманъ считаетъ, что лучше обрѣтаться къ монополіи государственной (стр. 505, 511). Однако, такая точка зрѣнія слишкомъ односторонняя: въ интересахъ широкихъ слоевъ населенія было бы необходимо подумать не столько о замѣнѣ частной монополіи госу-

суммарной ссылкой на стр. 450). Начало „отдѣла“ о водкѣ составлено, главнымъ образомъ, по Wolfy, Branntweinsteuer, 1884.

¹⁾ Statistisches Jahrbuch f. d. D. Reich 1896 с. 127 прим. и ср. Vierteljahrsh. z. St. d. D. R. 1899. I, 20 пр. 2.

дарственной, сколько о борьбѣ съ частной монополіей и съ созданными въ винокуренномъ дѣлѣ аномаліями, какъ это въ значительной степени достигнуто въ отношеніи сахарной промышленности... Установленіе государственной монополіи означало бы лишь упроченіе всѣхъ создавшихся аномалій, которыя далеко не достаточно выпукло изображены г. Фридманомъ. На самомъ дѣлѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ (за 1907/8 г.), казна взимаетъ съ населенія подъ видомъ обложенія спирта 212,6 милл. мар., а въ дѣйствительности остается въ казпѣ 120,6 милл. марокъ, т. е. всего только 56,7%, а остальное идетъ на выдачу премій и т. д. и на взиманіе ¹⁾).

Послѣдній отдѣлъ—„отдѣлъ шестой“—посвященъ обложенію пива въ Германіи. М. И. Фридманъ излагаетъ систему обложенія въ Пруссіи по закону 1819 г., слегка видоизмѣненную въ 1868 и 1872 гг., а также тѣ нять проектовъ, которые германское правительство безуспѣшно вносило въ теченіе 1875—1905 гг. Затѣмъ, авторъ рецензируемой книги кратко знакомитъ читателя съ исторіей обложенія пива въ Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ, отмѣтивъ, главнымъ образомъ, одно очень интересное явленіе—это возрастающія ставки налога на пиво для болѣе крупныхъ пивоваренныхъ заводовъ. Это новое теченіе въ косвенномъ обложеніи, подвергнутое въ нѣмецкой литературѣ всестороннему разбору проф. Э. Струве, нашло признаніе и въ новѣйшемъ законѣ 1906 г. ²⁾, повысившемъ обложеніе пива въ сѣверной Германіи. М. И. Фридманъ также подробно разсматриваетъ эту систему „прогрессивнаго“ косвеннаго обложенія, однако, къ сожалѣнію, онъ не пошелъ дальше проф. Струве и ораторовъ рейхстага и ландтаговъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ. И здѣсь г. Фридманъ обошелъ трудный вопросъ, не давъ теоретической конструкціи „прогрессивнаго“ косвеннаго обложенія. *Повидимому*, г. Фридманъ склоненъ думать, что германскій опытъ „прогрессивнаго“ обложенія пива знаменуетъ собою совершенно исключительное явленіе, не укладывающееся на прокрустово ложе старыхъ теорій (ср. стр. XV). Однако, пока практически въ южно и сѣверо-германскихъ системахъ (какъ правильно отмѣчаетъ и Фридманъ) еще нѣтъ „прогрессіи“ въ ставкахъ пивнаго налога, такъ какъ крупныя предпріятія уплачиваютъ на единицу за-

¹⁾ Berliner Tageblatt, 29 April 1908 Mtg. Ausg.

²⁾ Въ сѣв. Германіи взимается теперь съ первыхъ 250 дв. центи. солода—4 марки, со слѣд. 250 дв. ц.—4½ м., со слѣд. 500 д. ц.—5 м., со слѣд. 1000 д. ц.—5½ м. и т. д. до 10 м. съ каждыхъ 1.000 д. ц.

тираемаго солода больше только потому, что выходы у нихъ больше, слѣдовательно, по расчету на готовый продуктъ (пиво) и крупные заводы и мелкіе уплачиваютъ, въ общемъ, одинаковый налогъ (ср. стр. 567). По г. Фридману „теоретически мыслится“ и такая „прогрессія“ въ косвенномъ обложеніи, когда на каждую единицу готоваго продукта въ крупномъ предпріятіи назначается столь высокій налогъ—сравнительно съ тѣмъ, сколько уплачиваетъ мелкій заводъ,—что естественныя преимущества крупнаго производства сводятся на нѣтъ (с. 568). Конечно, путемъ налога можно затормозить многое, можно путемъ налога вообще запретить тотъ или иной размѣръ производства или тотъ или иной способъ производства и т. д., напримѣръ, предписать минимальную выборку бандеролей (слѣд., фактически запретить мелкія предпріятія), или приостановить образование крупныхъ предпріятій (борьба съ т. н. универсальными магазинами), или обложить громаднымъ налогомъ одинъ способъ фабрикаціи (фосфорныя спички), или всю экономическую жизнь направить въ опредѣленное русло (меркантилизмъ и т. д.). Но весь вопросъ въ томъ, куда теоретически отнести и какъ теоретически обосновать тотъ или иной видъ обложенія. Тотъ же Шефле, которому Фридманъ ставитъ въ упрекъ отрицаніе прогрессіи въ косвенномъ обложеніи (стр. XV), довольно удачно, на мой взглядъ, теоретически обосновываетъ „die indirekte Progressivbesteuerung“ въ § 200 своего извѣстнаго изслѣдованія: Die Steuern, 1897, II, 250. Этотъ авторъ исходитъ изъ того, что прогрессивное обложеніе въ собственномъ смыслѣ представляетъ собою продолженіе идеи Existenzminimum'a, а потому прогрессивнымъ косвеннымъ налогомъ мы назовемъ такой налогъ на предметъ потребления, гдѣ болѣе высокіе сорта или предметы роскоши подлежатъ болѣе высокому обложенію и т. д. Но называть „прогрессивнымъ“ въ налоговомъ смыслѣ обложеніе по тому способу, какой мыслится г. Фридману, едва ли правильно, ибо происходитъ смѣшеніе понятій. Словомъ „прогрессія“ въ финансовой наукѣ вообще злоупотребляютъ, а идею Staffelsteuer, какъ она намѣчена въ обложеніи пива въ Германіи, можно прекрасно уложить въ рамки и современныхъ теорій обложенія. Подобно тому, какъ понятіе регалии можно подвести подъ понятіе пошлины или налога, такъ и Staffelsteuer можно конструировать или какъ косвенный налогъ, или какъ прямой—промысловый налогъ¹⁾, или точнѣе, какъ косвенный налогъ, осложненный промысловымъ на-

¹⁾ (р. такое же Zwitterstellung для т. н. спеціального обложенія.

логомъ. *Staffelsteuer* при извѣстныхъ условіяхъ никакъ не можетъ подойти подъ понятіе „косвеннаго налога на предметъ потребления“ (заимствуя категорическое и, въ общемъ, удачное выраженіе г. Фридмана; см. заглавіе), что и долженъ былъ выяснитъ г. Фридманъ. Подъ видомъ такой *Staffelsteuer*, подъ видомъ яко бы косвеннаго налога, взимается прямой налогъ въ извращенной формѣ, подобно тому, какъ это происходитъ въ налогѣ на оборотъ универсальныхъ магазиновъ (податной эффектъ налога на оборотъ,—по прусскому образцу—въ сущности, тотъ же, что и у „косвеннаго налога на предметъ потребления“). Однако, г. Фридманъ божь всякаго смущенія всѣ термины сбрасываетъ въ одну кучу, и явно злоупотребляетъ понятіями прогрессіи, *Existenzminimum'a* (*теоретически* примѣнимаго только въ отношеніи прямыхъ личныхъ налоговъ; въ остальныхъ случаяхъ надо *строго-научно* употреблять терминъ „свободный отъ обложенія“; ср. стр. 482) и т. д.¹⁾ Далѣе, если нашъ авторъ выдвинулъ такъ сильно вопросъ о градаціонномъ тарифѣ въ косвенномъ обложеніи, то онъ долженъ былъ бы выяснитъ, не есть ли это заблужденіе теоретической мысли, не будетъ ли правильнѣе достигать болѣе крупныя барьеры большихъ заводовъ чисто-промышленымъ или подоходнымъ налогомъ. Здѣсь много спорныхъ и практически важныхъ пунктовъ, разрѣшеніе которыхъ не было нужды откладывать до выполненія всей „программы“ изслѣдованія... Впрочемъ, нѣмецкій градаціонный тарифъ выросъ на очень своеобразной (едва ли „современной“) почвѣ: надо было сгладить крайнее несовершенство обложенія по сырому матеріалу, приспособиться къ системамъ обложенія на югѣ Германіи, чтобы открыть путь къ объединенію, и..., быть можетъ, ввести въ заблужденіе публику, выдвинувъ передъ ней популярную въ нѣкоторыхъ кругахъ идею *Mittelstandspolitik*; къ тому же, германскій рейхстагъ по политическимъ условіямъ едва ли могъ замѣнить градаціонный тарифъ въ косвенномъ обложеніи болѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ прямымъ налогомъ...

Говоря объ обложеніи пива, г. Фридманъ болѣе подробно затронуть и другой, чрезвычайно существенный вопросъ, именно: о пере-

¹⁾ М. П. Фридманъ по части терминологіи вообще слабъ: какія только выраженія онъ ни придумалъ для обозначенія нѣмецкаго выраженія—*Abfindung*! И „факсація“ и „по расчету“ и плательщики „опредѣленной суммы налога“ и „композиція“ (стр. 520, 542, 406 и *passim*), хотя у насъ принято называть это, въ соотвѣтствіи съ французскимъ терминомъ: абонементная форма налога или суммарный платежъ налога. Ср. выше о „финансовыхъ“ таможенныхъ пошлинахъ.

ложеніи косвенныхъ налоговъ, чего онъ въ другихъ отдѣлахъ книги касался лишь вскользь. Какъ мнѣ думается, это исключеніе по отношенію къ пиву г. Фридманъ сдѣлалъ потому, что вопросъ о переложеніи налога на пиво былъ уже обстоятельно разобранъ въ существующей литературѣ: нашъ авторъ вообще выбираетъ проторенныя дорожки и, какъ мы уже убѣдились, не берется за самостоятельный и систематическій разборъ трудныхъ вопросовъ...¹⁾ Однако, результаты изслѣдованія вопросы о переложеніи не пошли далѣе повторенія выводовъ проф. Шанца и заявленій газеты союза пивоваровъ Tageszeitung für Brauerei. Съ чего долженъ былъ бы начать г. Фридманъ, такъ это съ выясненія самаго понятія „переложенія“. Пока это понятіе не выяснено, является опасность подведенія подъ понятіе „переложенія“ такихъ явленій, какъ ущербъ заводчика отъ сокращенія потребленія обложеннаго продукта вслѣдствіе увеличенія налога (стр. 462); что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ иного рода, ясно изъ того, что противоположный случай—выгоду заводчика отъ увеличенія потребленія вслѣдствіе отмены налога—никто не подводитъ и не можетъ подвести подъ понятіе переложенія. Не входя здѣсь въ изслѣдованіе теоріи переложенія (авторъ настоящихъ строкъ надѣется посвятить этому вопросу особый этюдъ), я скажу, что г. Фридманъ долженъ былъ бы, если онъ вообще касается вопросовъ переложенія, теоретически изслѣдовать этотъ вопросъ и дать болѣе или менѣе стройную теорію переложенія, а затѣмъ изучить вопросы переложенія практически—путемъ сравненія цѣнъ, принимая во вниманіе многочисленные приходящіе моменты въ образованіи цѣнъ.

Итакъ, рассматривая изслѣдованіе г. Фридмана въ цѣломъ, нельзя не признать, что въ немъ имѣются различные дефекты, объясняющіеся, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, необычайной *спѣшностью* работы (поэтому-то трудные вопросы остались безъ отвѣта), слишкомъ узкимъ полемъ наблюденія, невыработанностью научныхъ приемовъ

¹⁾ Очень характерно въ этомъ отношеніи замѣчаніе г. Фридмана на стр. 436. Приведа рядъ противорѣчивыхъ мнѣній о „подаркѣ“ (Liebesgabe), который получаютъ винокуры благодаря двойной ставкѣ налога, г. Фридманъ не берется рѣшить сложный вопросъ, дѣйствительно ли имъ здѣсь дается „подарокъ“, ибо „въ цѣли нашей работы (Фридмана) не входитъ обсужденіе мѣръ экон. и фин. политики съ точки зрѣнія ихъ этической справедливости и практической цѣлесообразности (противорѣчіе со стр. VII, гдѣ ссылка на Шмоллера),—поэтому мы оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, полезно ли и нужно ли было покровительство винокур. производству..., нѣтъ ли особой нужды добиваться установленія раздѣла выгоды... изъ двухъ ставок“.

работы (этимъ объясняются неправильный методъ, отсутствіе системы, гряда балласта). У г. Фридмана нѣтъ опредѣленныхъ выводовъ, такъ что въ теоретическомъ отношеніи онъ далъ мало. И практически его изслѣдованіе сослужить только скромную службу, такъ какъ техническіе вопросы разработаны слишкомъ поверхностно, и—лишь политическіе дѣятели найдутъ въ ней огромный матеріалъ для доводовъ pro и contra въ томъ или иномъ партійномъ освѣщеніи... И тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе г. Фридмана является цѣннымъ вкладомъ въ нашу бѣдную русскую литературу, въ которой вопросы косвеннаго обложенія въ Германіи почти совершенно не затронуты. Нашъ авторъ показалъ, что онъ тщательно изучилъ богатѣйшій матеріалъ, какой имѣется въ иностранной литературѣ по косвеннымъ налогамъ въ Германіи. И этотъ матеріалъ, съ богатыми и интересными иллюстраціями, г. Фридманъ сдѣлалъ доступнымъ русской публикѣ. Несомнѣнная заслуга г. Фридмана заключается въ томъ, что онъ очень ярко подчеркнул своеобразныя явленія въ косвенномъ обложеніи Германіи—преобладаніе социальнo-политическихъ задачъ надъ чисто фискальными—и богато иллюстрировалъ отношеніе ближайше заинтересованныхъ въ табачномъ, сахарномъ, спиртномъ и пивоваренномъ производствѣ группъ нѣмецкаго общества. Все это заставляеть при- вѣтствовать появленіе труда г. Фридмана.

И. Гензель.

Густавъ Ле Бонъ. — Психологія социализма. С.-Пб. 1908.

I.

Соціализмъ представляетъ собою на столько грозное явленіе нашего времени, его вліяніе еще такъ явно возрастаетъ на нашихъ глазахъ, что трудно, а, можетъ быть, даже и невозможно подойти къ нему съ безпристрастнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Однако такихъ попытокъ много. Соціализмъ начинаетъ интересовать не только своихъ сторонниковъ, но и людей серьезной научной мысли, какимъ является Густавъ Ле Бонъ, книга котораго „Психологія социализма“ недавно появилась въ русскомъ переводѣ.

Главная мысль, съ которой Ле Бонъ начинаетъ свое изслѣдованіе, состоитъ въ томъ, что социализмъ силенъ не какъ научная теорія, а какъ массовая вѣра.

Прослѣдимъ ходъ его разсужденій.

Недостатокъ логическихъ основаній, гибельный для научной теоріи, только усиливаетъ вліяніе вѣры. Наблюденія надъ вѣрованіями массы показываютъ, что формула вѣры должна обладать какъ можно большею растяжимостью такъ, чтобы въ нее можно было вложить все разнообразное содержаніе человѣческихъ желаній и чаяній. Формула социализма обладаетъ именно такой неопредѣленностью, гибкостью и растяжимостью.

Новая массовая вѣра всегда оказывается новою только на словахъ. Массы до крайности консервативны потому, что весь строй народнаго духа опредѣляется вѣковой наслѣдственностью, устойчивой и не поддающейся искусственнымъ измѣненіямъ. Поэтому всѣ перевороты и революціи всегда измѣняли только слова, а не сущность дѣла. Такъ самыя свободныя учрежденія не могутъ освободить латинскихъ народовъ отъ самой мелочной государственной и бюрократической регламентаціи потому, что латиняне по природѣ не способны къ личной инициативѣ и ихъ государственный идеалъ остается неизмѣннымъ въ формѣ ли абсолютизма, или въ формѣ социализма. Наоборотъ англо-саксы всегда сводятъ къ минимуму роль государства, какія бы государственныя учрежденія ни управляли ихъ народами. Поэтому республики Сѣверной Америки, несмотря на однородныя учрежденія, различаются самымъ рѣзкимъ образомъ въ зависимости отъ того, населены онѣ расой англо-саксонской, или латинской. Такимъ образомъ, новая вѣра, измѣняя слова, должна быть крѣпко связана съ вѣрованіями, укрѣпившимися наслѣдственно. Социализмъ же, какъ стремленіе къ насильственному имущественному равенству, не имѣющему ничего общаго со свободой, очень древняго происхожденія; его идеи руководятъ революціями въ древней Греціи и Римѣ, онѣ сквозятъ въ „Республикѣ“ Платона и въ христіанствѣ.

Новая вѣра для своего успѣха не должна вступать въ рѣзкій конфликтъ съ тѣми вѣрованіями, которыя въ данный моментъ руководятъ массами. И въ этомъ отношеніи социализмъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ наше время характерно распаденіемъ всѣхъ тѣхъ вѣрованій, которыя до сихъ поръ руководили человечествомъ. Эти прежнія вѣрованія, особенно религіозныя, такъ же, какъ социализмъ, не имѣли логическаго основанія; но, тѣмъ не менѣе, они легли въ основу самыхъ блестящихъ цивилизацій и сыграли въ мировой исторіи руководящую роль. Теперь же руководящая роль перешла на сторону фактора экономическаго, опредѣляющаго въ настоящее время ходъ мировыхъ событій и культурное развитіе народовъ.

Наконецъ новая вѣра распространяется посредствомъ внушенія, и при этомъ очень важно, чтобы ея апостолы обладали престижемъ фанатизма и религіозной, недоступной доводамъ разума, убѣжденности. Этому такъ же удовлетворяетъ социализмъ.

Такимъ образомъ, всѣ признаки говорятъ за то, что торжество социализма неизбежно. Но онъ не можетъ, подобно прежнимъ вѣрованіямъ, лечь въ основу новой цивилизаціи потому, что его торжество можетъ быть только минутнымъ. Его принципы противорѣчатъ новымъ даннымъ науки и, прежде всего, закону эволюціи, который требуетъ не равенства, исключаящаго борьбу интересовъ, а вѣчной борьбы, оставляющей за собою побѣдителей и побѣжденныхъ. Между тѣмъ, господствующія идеи государственнаго социализма ведутъ къ уничтоженію способности къ инициативѣ, и безъ того слабой у латинскихъ народовъ, слабость же ея ведетъ къ отсутствію выдержки и къ гибели.

Какъ бороться съ увеличеніемъ числа неприспособленныхъ къ жизни, выброшенныхъ за бортъ современнымъ экономическимъ строемъ и естественно протестующихъ противъ него? Ле Бонъ рекомендуетъ для этого разныя формы общественной солидарности и особенно акціонерныя общества, съ помощью которыхъ рабочіе могли бы сдѣлаться хозяевами заводовъ, на которыхъ они работаютъ.

Демократическій строй, отличающійся отъ аристократическаго только тѣмъ, что его касты не замкнуты, допуская полную свободу конкуренціи, этимъ самымъ становится въ противорѣчіе съ идеями социализма и даетъ возможность осуществлять различныя формы общественной солидарности. Лучшимъ примѣромъ служатъ Соединенные Штаты, въ которыхъ тресты, несмотря на ихъ хищническій характеръ, положили начало промышленному и торговому первенству этой страны. Но громадная власть, все болѣе захватываемая крупными финансистами, такъ же грозитъ опасностью, и парализовать ее могла бы только новая общая вѣра, къ выработкѣ которой и должны быть направлены наши усилія.

Будущее скрыто отъ насъ несмотря на то, что социальныя явленія подчиняются точнымъ законамъ; сложность этихъ явленій, охватить которыя до сихъ поръ былъ безсиленъ человѣческій умъ, даетъ возможность высказывать о будущемъ только гипотезы; но съ большою долею вѣроятности можно предсказать, что торжество социализма приведетъ къ разложенію общества, къ анархіи, а затѣмъ къ цезаризму.

Не пониженіе умственныхъ способностей, а ослабленіе характеровъ является причиной гибели народовъ, а потому лучшимъ способомъ

борьбы съ социализмомъ, угрожающимъ гибелью, была бы перемѣна системы воспитанія, способствующая выработкѣ характеровъ и способности къ личной инициативѣ.

Таковы главные положенія „Психологіи социализма“, которыя и подлежатъ оцѣнкѣ.

II.

Социализмъ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: научной состоятельности его доктринъ и психологическихъ причинъ, обусловившихъ его появленіе и развитіе. Ле Бонъ психологъ, а потому психологическая точка зрѣнія его интересуетъ наиболѣе; однако, у него есть вполне опредѣленный взглядъ на научную состоятельность социалистическаго ученія, и этотъ взглядъ совершенно отрицательный.

Если бы социализмъ былъ теоріей, выдерживающей научную критику, т. е. если бы онъ самъ былъ научной теоріей, то и его психологическое значеніе было бы совершенно инымъ; поэтому Ле Бону пришлось обосновать свое отрицательное отношеніе къ научному значенію социалистическаго ученія.

Философской проблемой социализма является борьба между интересами личности и организованной общины людей. Эти интересы взаимно противоположны, и вопросъ, подлежащій обсужденію, въ томъ, примиримы ли они безъ уничтоженія одной изъ сторонъ.

При философскомъ обсужденіи этого вопроса социализмъ, отстаивающій возможность примиренія, по мнѣнію Ле Бона не остался бы безоружнымъ; но философской стороною своего ученія социалисты наиболѣе пренебрегаютъ. Они утверждаютъ, что осуществленіе ихъ доктрины является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ экономическаго развитія, тогда какъ именно съ точки зрѣнія экономическихъ наукъ ихъ теорія не выдерживаетъ критики.

Такимъ образомъ, Ле Бонъ стоитъ на одной почвѣ съ социалистами, т. е. на почвѣ экономическихъ отношеній и пытается бороться съ ними ихъ же оружіемъ; въ этомъ оригинальность его позиціи.

Законъ, который, по мнѣнію Ле Бона, долженъ въ корнѣ подрывать социализмъ, это законъ эволюціи и естественнаго подбора. Съ нимъ можно было не считаться во времена великой французской революціи, мечтавшей о равенствѣ и братствѣ людей, т. е. тогда, когда современная наука еще не существовала; но теперь мы знаемъ, что единственный способъ, которымъ природа совершенствуетъ свои созданія, состоитъ въ постоянной борьбѣ между ними, въ которой только

наибольше сильные и приспособленные выживают, слабые же обречены на гибель.

Поражая социалистов посредством закона эволюции и естественного подбора, Ле Бонъ совершенно не считается съ тѣмъ, что „экономическій матеріализмъ“, т. е. именно та форма социализма, которая претендуетъ на научное значеніе, исходить изъ того же закона эволюции и естественного подбора и на немъ строить свои выводы.

Каждый марксистъ охотно бы согласился съ положеніями Ле Бона о томъ, что гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ движенія впередъ, что только благодаря ей изъ несовершенныхъ типовъ геологическихъ временъ развился человѣкъ и наши дикіе предки пещернаго періода возвысились до цивилизаціи. То, что этими положеніями Ле Бонъ возражаетъ социализму, невольно возбуждастъ подозрѣніе, что онъ плохо знаетъ противника, съ которымъ спорить.

Становясь вмѣстѣ съ социалистами на экономическую почву, Ле Бонъ вмѣстѣ съ ними исходитъ изъ закона эволюции и естественного подбора и споръ идетъ въ сущности только о выводахъ, а никакъ не объ исходныхъ положеніяхъ. Въ выводахъ же различіе позицій социалистовъ и Ле Бона въ томъ, что первые видятъ проявленіе закона эволюции въ борьбѣ экономическихъ классовъ, послѣдній видитъ его въ борьбѣ индивидуумовъ; первые считаютъ возможнымъ завершить борьбу общимъ примиреніемъ, т. е. слѣвать всѣхъ „приспособленными“, второй—продолжаетъ борьбу въ безконечность.

Ле Бонъ былъ бы гораздо ближе къ цѣли, если бы вмѣсто того, чтобы внушать противникамъ ими же исповѣдуемый законъ эволюции и естественного подбора, онъ попытался доказать, что классовая борьба не ведетъ къ торжеству наиболѣе совершенныхъ человѣческихъ видовъ и что классъ пролетаріевъ не есть носитель прогресса, какъ это утверждаютъ социалисты.

Но Ле Бонъ не можетъ стать въ такую позицію, потому что у него, какъ у тѣхъ же социалистовъ, не различаются такія понятія, какъ „приспособленный“ съ одной стороны и „способный, совершенный и вообще *лучшій*“ съ другой.

Между тѣмъ соединеніе такихъ понятій носить въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Очень удачной иллюстраціей этого противорѣчія можетъ служить примѣръ, который приводитъ Михайловскій въ спорѣ съ однимъ изъ положеній Дарвина. Крылатый жукъ, живущій на островѣ, окруженномъ моремъ, будучи по своему строенію гораздо совершеннѣе

безкрылыхъ жуковъ, можетъ оказаться наименѣе приспособленнымъ къ окружающимъ его условіямъ и погибнуть благодаря естественному подбору. Для того, чтобы наиболѣе приспособленный оказался лучшимъ, нужно, чтобы окружающія условія благопріятствовали именно лучшимъ, а не худшимъ.

Вслѣдствіе путаницы понятій, споръ Ле Бона съ социалистами страдаетъ неясностью. Оба говорятъ о прогрессѣ, не опредѣляя этого понятія, и только изъ симпатій, которыя можно уловить въ книгѣ Ле Бона къ уму, таланту, силѣ и красотѣ, изъ его антипатій къ слабости и посредственности можно заключить, что онъ видитъ прогрессъ именно въ торжествѣ наиболѣе *одаренныхъ* въ противоположность социалистамъ, которые видятъ его въ увеличеніи числа наиболѣе *приспособленныхъ*.

Неясность у Ле Бона еще усиливается тѣмъ, что у него нѣтъ принципа, съ точки зрѣнія котораго можно было бы отдѣлять „лучшихъ“ отъ „худшихъ“; поэтому онъ, подобно социалистамъ же, предлагаетъ покорно подчиниться неумолимому потоку естественнаго подбора, даже не предполагая для человѣка возможности воспользоваться закономъ эволюціи для созданія условій, благопріятствующихъ наилучшимъ.

Второе слѣдствіе, вытекающее изъ отсутствія у Ле Бона руководящаго принципа, то, что онъ постоянно сбивается со своего идеала наиболѣе совершенныхъ къ идеалу наиболѣе приспособленныхъ. Такъ, восхваляя принципы демократизма, которые, по его мнѣнію, лишь на словахъ противорѣчатъ аристократизму, ибо даютъ возможность торжествовать наиболѣе способнымъ, онъ выставляетъ идеаломъ демократическій строй Соединенныхъ Штатовъ. Однако, впоследствии оказывается, что наиболѣе приспособившіеся къ этому строю, т. е. безидейные и хищные крупные финансисты, выставляются имъ врагами человѣчества, заслуживающими всякаго порицанія. Почему? Потому, что приспособленный и совершенный не одно и то же.

То же самое у него происходитъ въ вопросѣ о грядущемъ экономическомъ столкновеніи восточныхъ и западныхъ народовъ, необходимость котораго усматривается имъ изъ того, что быстрота и удобство путей сообщенія, явившіеся слѣдствіемъ недавнихъ открытій, создаютъ опасную близость между народами. Законы конкуренціи, которые прежде дѣйствовали въ предѣлахъ одной страны, теперь предписываютъ образъ дѣйствій самымъ отдаленнымъ странамъ, и передъ ихъ могуществомъ оказываются дѣтскою игрушкой запретительныя пошлины.

и поощрительныя преміи всѣхъ родовъ. Въ будущей экономической борьбѣ всѣ преимущества на сторонѣ Востока, а не Запада, и Ле Бонъ упрекаетъ социалистовъ въ томъ, что они не предвидяютъ единственной возможности уцѣлѣть тѣмъ изъ народовъ Запада, которые сохраняютъ экономическое могущество, а не тѣмъ, у которыхъ воцарится коллективизмъ „съ его идеаломъ равенства въ трудѣ и рабочей платѣ“.

Но социалистовъ не испугаешь тѣмъ, что народы Запада погибнутъ; „за то у всѣхъ народовъ міра завершится классовая борьба“— скажутъ они. И Ле Бону нечего будетъ возразить имъ потому, что онъ не установилъ принципа, съ точки зрѣнія котораго существованіе отдѣльныхъ народовъ можетъ быть цѣннымъ.

Такимъ образомъ въ заслугу Ле Бону можно поставить попытку возражать социализму съ его же точки зрѣнія; но эта попытка не можетъ быть названа удачной. Отсутствіе руководящаго принципа не дало возможности Ле Бону разграничить такія понятія, какъ *приспособленный* и *совершенный*, или *демократическій классъ*, основанный на тождествѣ экономическихъ интересовъ, и *аристократическое сословіе*, которое въ моменты своего расцвѣта основывалось на тождествѣ идеаловъ. Путаница понятій создаетъ необъяснимую возраженій. Кроме того, возраженія социализму по существу такъ перемѣшаны въ книгѣ Ле Бона съ психологическими изслѣдованіями его происхожденія и развитія, что и эта вышняя сторона способствуетъ неясности мыслей.

Но такъ какъ недостатки, сказавшіеся въ возраженіяхъ Ле Бона, онъ цѣликомъ раздѣляетъ съ самими социалистами, то ему вполнѣ удастся доказать, что неясность терминологіи и спутанность понятій не дадутъ имъ права считать свою теорію научной по преимуществу, что, однако, не мѣшаетъ успѣху ихъ проповѣди.

Только въ исторіи всѣхъ вѣрованій и, особенно, религіозныхъ, можно найти подобную же силу ихъ вліянія на умы, силу, независимую отъ доли истины или заблужденія, заключающейся въ нихъ.

У социализма, по мнѣнію Ле Бона, много общаго съ этими вѣрованіями. Онъ, какъ и они, самоувѣренно обѣщаетъ блаженство въ будущемъ и манитъ измученное человѣчество несбыточными надеждами. Разница только въ томъ, что блаженство, обѣщаемое социализмомъ, должно осуществиться здѣсь же на землѣ, а потому можетъ быть проверено въ свое время—и эта разница не въ пользу социализма.

Только рассматривая социализмъ какъ *вьру*, охватившую народы, Ле Бонъ рассчитываетъ понять его психологическое значеніе. Но, стѣдя на этой точкѣ зрѣнія, онъ долженъ былъ предпослать изслѣдо-

ванію психологическихъ причинъ, породившихъ социализмъ, и психологическаго значенія социалистическаго ученія изслѣдованіе психологій народовъ и психологій *въры*.

III.

Задача Ле Бона въ данномъ случаѣ облегчается тѣмъ, что нѣкоторые изъ его предшествующихъ трудовъ, какъ, напримѣръ, „Психологія народовъ“ и „Психологія массъ“, могутъ служить введеніемъ къ „Психологія социализма“, въ которой авторъ все время пользуется ихъ выводами и повторяетъ тѣ же мысли.

Эти труды состоятъ изъ цѣлаго ряда наблюденій и сопоставленій, въ которыхъ и заключается ихъ главный интересъ, такъ какъ наблюденія большою частью бываютъ очень тонки, а сопоставленія удачны. Но научный характеръ, который Ле Бонъ силится придать этимъ своимъ произведеніямъ, ускользаетъ отъ нихъ, можетъ быть, потому, что, примѣняя въ психологіи методъ естественныхъ наукъ, но, не имѣя подобнаго имъ постоянства въ смѣнѣ наблюдаемыхъ явленій, онъ принужденъ отказаться отъ эксперимента и ограничиться однимъ наблюденіемъ.

Даже психологія чловѣка съ трудомъ поддается экспериментированію, а потому до сихъ поръ еще лишена той точности, какой отличаются естественныя науки, что же касается психологій массъ, то тутъ объ экспериментѣ нечего и думать.

Кромѣ того, впечатлѣніе неясности получается еще потому, что методъ Ле Бона, будучи совершенно пригоднымъ при изученіи психологій массъ, въ примѣненіи къ народамъ только и можетъ доказать, что *ихъ общая психологія невозможна*.

Невозможность общаго метода для изслѣдованія психологій массъ и психологій народовъ въ такомъ видѣ, какъ это ставится у Ле Бона, вытекаетъ изъ того, что въ первомъ случаѣ авторъ интересуется, главнымъ образомъ, *тѣмъ общимъ*, что можно найти въ каждомъ массовомъ явленіи, тогда какъ во второмъ онъ интересуется народами именно какъ *индивидуальными единицами*.

Въ первомъ случаѣ индивидуальныя массы историческія и иныя являются просто данными; ихъ различія признаются, но не принимаются въ расчетъ, а массовыя явленія, какъ, напримѣръ, вѣрованія, изслѣдуются со стороны общей для каждой массы.

Во второмъ случаѣ *даннымъ* является общее, т. е. чловѣчество, и то, что въ немъ есть общаго, должно объяснить существованію

индивидуальных различій между расами и народами; тутъ изслѣдованіе направляется отъ общаго къ индивидуальному.

Разсмотримъ нѣсколько ближе методъ изслѣдованія психологій народовъ.

Если народъ по отношенію къ человѣчеству разсматривать какъ видъ по отношенію къ роду, то важно установить тотъ законъ, который равно управляетъ видами въ силу того, что онъ законъ для рода. Такого закона Ле Бонъ ищетъ даже не въ физиологій человѣка вообще, а еще глубже, т. е. въ біологій живыхъ существъ и находитъ его все въ томъ же законѣ эволюціи, разсматриваемомъ теперь съ другой точки зрѣнія. Законъ эволюціи Ле Бонъ цѣлкомъ примѣняетъ въ психологій, и этотъ приемъ является необыкновенно заманчивымъ въ виду того, что, во-первыхъ, онъ открываетъ широкія перспективы для пониманія міровой исторіи и, во-вторыхъ, потому, что данныя опыта нигдѣ не опровергаютъ его, а наоборотъ — подтверждаютъ.

И все же это лишь остроумная гипотеза, которою, можетъ быть, рискованно пользоваться, какъ научно-доказанной истиной.

Итакъ, согласно закону эволюціи всякое живое существо приспосаблиется къ той средѣ, въ которой оно живетъ. Рѣзкое измѣненіе среды уничтожаетъ не успѣвшихъ приспособиться къ нему; измѣненія же даже самыя незначительныя, при условіи ихъ продолжительности, отражаются на организаціи живыхъ существъ этой среды. Измѣненія передаются и укрѣпляются наслѣдственно, и сила наслѣдственности такъ велика, что каждое живое существо есть въ несравненно большей степени продуктъ организаціи своихъ предковъ, чѣмъ своей среды. Измѣненія среды вліяютъ такъ медленно, что отразиться могутъ только на отдаленныхъ потомкахъ, путемъ долгаго процесса приспособленія и наслѣдственныхъ передачъ.

Этотъ законъ по Ле Бону равно дѣйствуетъ какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ психическомъ, и изъ него слѣдуетъ, какъ выводъ, глубокое физическое и психическое различіе расъ и народовъ, подвергавшихся различнымъ вліяніямъ среды и наслѣдственности. Различія въ психическомъ складѣ расъ передаются по наслѣдству, а потому ни учрежденія, ни вліяніе событій въ данную эпоху не могутъ измѣнить наслѣдственно сложившійся вѣками духъ народа. Нашими устами гораздо болѣе говорятъ наши предки, чѣмъ все, что мы приобрѣли воспитаніемъ и личнымъ развитіемъ.

Различіе въ характерахъ и психическомъ складѣ народовъ, которое мы находимъ въ опытѣ, подтверждаетъ эту мысль Ле Бона.

Но недостаточно констатировать различіе, надо указать, въ чемъ оно заключается, и для этого Ле Бонъ снова ищетъ методовъ у естествознанія, а именно у физиологій, работы по которой у него предшествовали его психологическимъ трудамъ.

Изслѣдованіе *среднихъ величинъ* объемовъ череповъ у разныхъ народовъ не дало Ле Бону данныхъ для сравненія. Среднія величины не указываютъ различій и не здѣсь ихъ нужно искать. Только *процентное соотношеніе* болѣе развитыхъ объемовъ череповъ къ менѣе развитымъ у разныхъ народовъ даетъ данныя для сравненія; а именно, у высшихъ расъ оказывается нѣкоторое количество объемовъ на столько большихъ, какіе вовсе отсутствуютъ у расъ низшихъ. Это количество такъ невелико, что не оказываетъ вліянія на среднія данныя, а между тѣмъ оно-то и устанавливаетъ физическую разницу между расами высшими и низшими.

Будучи перенесенъ въ область психологическихъ изслѣдованій, методъ процентныхъ соотношеній указываетъ на то, что немногіе, лучшіе представители народа составляютъ цвѣтъ его цивилизаціи и даютъ возможность сравнивать его съ другими.

Но даже методъ процентныхъ соотношеній не даетъ Ле Бону возможности произвести между народами и ихъ культурами сравненіе не количественное, но качественное, что, въ сущности, и должна дѣлать психологія, если она имѣетъ въ виду индивидуальность.

У Ле Бона, по искоренимой французской склонности къ рационализму, качество какъ будто сводится на количество, и онъ не замѣчаетъ, что всѣ его психологическія изслѣдованія даютъ результатъ чисто отрицательный: невозможенъ переводъ съ одного языка на другой, ибо народы придаютъ различное значеніе словамъ; невозможна правдивая исторія народовъ, ибо мы уже утратили способность понимать языкъ прошлыхъ вѣковъ; учрежденія *не* играютъ рѣшающей роли въ жизни народовъ и *не* выражаютъ ихъ „души“, словомъ, психологія народовъ невозможна.

Трудно предположить, чтобы психологія народовъ дѣйствительно оказалась невозможной; но для ея успѣха нужно совершенно оставить методы естественныхъ наукъ и поискать иныхъ научныхъ путей, какъ это дѣлаетъ, на примѣръ, Рижертъ въ своей книгѣ „Границы естественно-научнаго образованія понятій“.

Но отрицательныя данныя Ле Бона имѣютъ, тѣмъ не менѣе, громадную цѣнность потому, что онъ ставитъ психологическое изслѣдованіе на вѣрную почву и не позволяютъ относиться къ человѣчеству,

какъ къ однородной массѣ, къ каждому члену которой приложима равная мѣрка. Въ изслѣдованіи же психологій массъ, т. е. того общаго, что свойственно каждой массѣ, когда она образуетъ толпу, Ле Бонъ обнаруживаетъ всю тонкость своей способности къ наблюденію.

Здѣсь не мѣсто разбирать взгляды Ле Бона на психологію массъ вообще, а придется только коснуться психологій массовыхъ вѣрованій, ибо онѣ готовятъ путь къ пониманію социализма, какъ вѣрованія народныхъ массъ.

Ле Бонъ не доказываетъ своихъ положеній; онѣ суть не болѣе, какъ наблюденія, а потому и здѣсь достаточно указать на нихъ.

Убѣжденія массъ всегда стремятся принять форму вѣры, т. е. форму истины, не подлежащей обсужденію; ея успѣхъ нѣсколько не зависитъ отъ доводовъ разума, а только отъ возбуждаемыхъ ею чувствъ и отъ престижа ея апостоловъ; она должна обладать простотою формы, доступной для всѣхъ умовъ, категоричностью сужденій и обаяніемъ несбыточныхъ, но опредѣленныхъ обѣщаній такъ, чтобы самое названіе доктрины было магическимъ словомъ. Кроме того, торжество обезпечено вѣрованію только тогда, когда оно изъ области мысли перешло въ сферу безсознательнаго, т. е. тогда, когда оно имѣетъ корни въ наслѣдственности. Самыя абсурдныя вѣрованія, самые ложные боги, получали дѣйствительно громадную силу, когда народы преклонялись передъ ними. Призраки, созданные челоуѣчествомъ, вели его до сихъ поръ, и они же положили начало всѣмъ самымъ блестящимъ цивилизаціямъ.

Психологія вѣрованій, вообще, приводитъ насъ къ психологій социализма.

IV.

Блестящая наблюдательность Ле Бона проявляется въ полной мѣрѣ въ характеристикѣ нашего времени и различныхъ современныхъ народовъ. Возникающая изъ этихъ характеристикъ картина ясно показываетъ намъ, почему не кака-нибудь иная вѣра, а именно вѣра социалистическая, вѣра, лишенная вѣчности и загробныхъ обѣщаній, не требующая личной заслуги, героизма или подвижничества, владѣть умами.

Наше время по Ле Бону характерно рѣзкимъ измѣненіемъ въ физическихъ условіяхъ нашего существованія. Новые пути сообщенія, использованіе паровыми машинами солнечной энергіи, заключенной

въ каменномъ углѣ, и все новыя научныя открытія уже совершенно измѣнили промышленность и продолжаютъ мѣнять условія жизни съ такой быстротою, что приспособленіе къ нимъ оказывается невозможнымъ. Какъ слѣдствіе этого, появляется громадная армія неприспособленныхъ и естественно протестующихъ противъ порядка, въ которомъ они не нашли себѣ мѣста. Къ этимъ физическимъ условіямъ присоединяется нравственное, т. е. крушеніе въ глазахъ общества философіи и науки вообще, оказавшихся бессильными пролить свѣтъ на окружающія насъ тайны.

Все это вмѣстѣ привело къ распаденію общихъ вѣрованій, создававшихся вѣками, къ полной неустойчивости мнѣній и настроеній и къ той безнравственности, особенно среди высшихъ классовъ, которая ницѣ наслажденія жизнью всеми средствами и не имѣетъ иныхъ идеаловъ, кромѣ денегъ.

До сихъ поръ политическіе и, особенно, религіозные факторы имѣли преобладающее вліяніе въ историческомъ процессѣ; современные же открытія перенесли центръ тяжести на сторону фактора экономическаго, и согласно съ двойнымъ, т. е. экономическимъ и нравственнымъ, переворотомъ передъ Ле Бонемъ открываются двѣ задачи, которыя по его мнѣнію должны рѣшить современные народы: избавить общество отъ страшнаго, совершенно безыдейнаго, но все возрастающаго вліянія крупныхъ финансистовъ и найти вѣрованіе, которое объединило бы всѣхъ подъ общимъ знаменемъ.

Но какъ только Ле Бонъ съ почвы характеристикъ и наблюдений сходитъ къ практическимъ выводамъ, какъ тотчасъ сказывается у него недостатокъ руководящей мысли, который постоянно приводитъ его къ противорѣчіямъ.

Предлагая бороться съ крупными финансистами, для чего Ле Бонъ даже рекомендуетъ „синдикаты рабочихъ“, очень напоминающіе социалистическій коллективизмъ, онъ въ сущности нападаетъ на тѣхъ „приспособившихся“ и выдвинувшихся въ борьбѣ за существованіе, которыхъ создалъ восхваляемый имъ демократическій строй.

Что же касается общей вѣры, то, не говоря уже о томъ, что она не создается искусственно, интересно знать, какую роль могла бы играть вѣра въ такія времена, когда экономическій факторъ съ необходимостью управляетъ жизнью человѣчества? Взаимныя отношенія между общей вѣрой и экономическимъ факторомъ, кажется, неясны самому Ле Бону.

Переходя къ различной воспримчивости у отдѣльныхъ народовъ

къ идеямъ социализма, Ле Бонъ пытается вывести ее и изъ характеристикъ этихъ народовъ; но, несмотря на то, что характеристики, какъ всегда, очень удачны, выводы часто страдаютъ натяжкой; такова, наприимѣръ, попытка объяснить воспримчивость къ идеямъ государственнаго социализма у нѣмцевъ ихъ военнымъ режимомъ.

Съ точки зрѣнія Ле Бона распространенность идей социализма у различныхъ народовъ совершенно достаточно могла бы быть объяснена заразительностью и внушаемостью массовыхъ вѣрованій и различнымъ значеніемъ, вкладываемымъ народами въ одиѣ и тѣ же слова.

Если же гдѣ-нибудь социализмъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ долгаго прошлаго развитія, такъ это у латинскихъ народовъ вообще и у французовъ въ частности, характеристикѣ наслѣдственныхъ идей которыхъ Ле Бонъ посвятилъ свои лучшія страницы.

Но тутъ для критики нѣтъ мѣста, а пришлось бы просто пересказывать наблюденія Ле Бона, которые могутъ только потерять въ подобной передачѣ.

V.

Итакъ, въ книгѣ Ле Бона мы находимъ массу цѣннаго психологическаго матерьяла въ видѣ наблюденій и характеристикъ. Но для того, чтобы объединить матеріаль и создать изъ него нѣчто цѣлое, необходима руководящая мысль, которой не хватаетъ автору. Не хватаетъ ее потому, что, придавая громадное значеніе вѣрованіямъ и идеямъ въ историческомъ процессѣ, полагая ихъ въ основу самыхъ блестящихъ цивилизацій, онъ самъ не имѣетъ никакихъ вѣрованій, а потому не имѣетъ принципа, съ точки зрѣнія котораго для него была бы возможна оцѣнка.

Слѣдующія его слова могутъ вполне характеризовать настроеніе самого Ле Бона:

„Постепенное распаденіе всѣхъ вѣрованій и опиравшихся на нихъ учрежденій, полное безсиліе науки пролить свѣтъ на окружающія насъ тайны, сгущающіяся по мѣрѣ того, какъ мы хотимъ въ нихъ проникнуть, ясныя доказательства, что всѣ наши философскія системы—безпощадный и пустой вздоръ... имѣли результатомъ то, что избранные умы впали въ мрачный пессимизмъ“ (стр. 33).

И далѣе:

„Новыя міровоззрѣнія, сложившіяся подъ вліяніемъ научныхъ откры-

тій, освободили челоуѣка 'отъ власти боговъ, когда-то созданныхъ его воображеніемъ. Эти представленія не даровали ему болѣеи свободы, но показали ему, что бесполезно пытаться вліять молитвами на *неуклонное и неумолимое сщплненіе законовъ, утравляющихъ вселенною*" (стр. 515).

Итакъ, „власть мертвыхъ“ Ле Бона есть только другое названіе для закона необходимости, въ которомъ тонетъ бессильная воля людей. Изъ этихъ воззрѣній съ необходимостью вытекаютъ преобладаніе экономического фактора въ историческомъ процессѣ и возможность научно предвидѣть будущее. И дѣйствительно для Ле Бона такая возможность ограничена только сложностью явленій, но вовсе не принципиально.

Замѣчательно, какъ тутъ во всѣхъ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ Ле Бонъ стоитъ на одной почвѣ съ социализмомъ. Обѣ стороны исходятъ изъ закона эволюціи и признаютъ причинную необходимость единственной реальной связью въ мировомъ процессѣ; для обѣихъ экономическій факторъ получаетъ преобладающее значеніе; для обѣихъ принципиальная возможность научнаго предвидѣнія оказывается аксіомой. Разниця только въ томъ, что предвидѣніе Ле Бона не сходится съ предвидѣніемъ социалистовъ и что неизбежное будущее далеко не отвѣчаетъ его симпатіямъ и желаніямъ. Да еще социалисты съ болѣеи послѣдовательностью, чѣмъ Ле Бонъ, видятъ преобладаніе экономического фактора на всемъ протяженіи мировой исторіи, а не только въ настоящее время.

Почему же вѣрованія и идеи уступили свою власть экономическому фактору? Потому ли, что современныя открытія дали болѣеи широкій просторъ экономической конкуренціи? Или просто потому, что вѣрованій и идей нѣтъ? А если бы появилась новая могучая вѣра, можетъ быть, она снова могла бы побѣдоносно бороться съ экономической необходимостью? На эти вопросы у Ле Бона отвѣта нѣтъ.

И не только у него нѣтъ на нихъ отвѣта, но каждый отвѣтъ былъ бы противорѣчивъ съ его точки зрѣнія. Если всякая новая вѣра оказалась бы бессильной въ настоящее время, то, во-первыхъ, для чего же авторъ рекомендуетъ вырабатывать новую вѣру? А, во-вторыхъ, почему же она не была бессильной въ прошломъ? Развѣ тогда желѣзный законъ необходимости былъ болѣеи снисходителенъ и готовъ былъ идти на уступки?

Если же новая вѣра, подобно прежнимъ вѣрованіямъ, способна по-

бѣдить экономическую необходимость, то гдѣ же непреложность этой необходимости?

Однако, читая „Психологію социализма“, мы ясно чувствуемъ, что между „волей мертвыхъ“ Ле Бона и экономической необходимостью социалистовъ разница есть, но только чисто психологическая: разница въ отношеніи къ этимъ мертвымъ.

Прошлое, въ его индивидуальныхъ формахъ, дорого Ле Бону, какъ человѣку, который не только изучаетъ, но и оцѣниваетъ. У него нѣтъ яснаго принципа оцѣнки, который необходимъ для цѣльности психологическаго изслѣдованія, но у него есть *любовь*, которая нѣсколько замѣняетъ этотъ принципъ. И если мы постараемся подмѣнить, что именно любитъ Ле Бонъ въ прошломъ и настоящемъ, то у насъ получится нѣкоторая цѣльность настроенія. Но симпатіи не могутъ замѣнить принципа въ научномъ изслѣдованіи.

Роль, которую Ле Бонъ отводитъ идеямъ въ прошломъ, то и дѣло приводитъ его къ противорѣчіямъ. У него, наиримѣръ, попадаются разсужденія слѣдующаго рода:

„Только благодаря *нѣсколькимъ оригинальнымъ самостоятельнымъ умамъ*, какіе появляются во всѣ эпохи, каждая цивилизація мало помалу освобождается изъ-подъ гнета традицій“ (стр. 108).

Или:

„Человѣкомъ руководить среди, обстоятельства и, въ особенности, воля мертвыхъ, т. е. тѣ таинственныя наследственныя силы, которыя въ немъ живутъ... Когда *въ рѣдкихъ случаяхъ* мы имѣемъ наши собственные мысли, то онѣ дѣйствуютъ лишь на породившіяся еще поколѣнія“ (стр. 523).

Значитъ воля мертвыхъ не предопредѣляетъ „нѣсколькихъ оригинальныхъ самостоятельныхъ умовъ“ и нашихъ собственныхъ мыслей, хотя бы и „въ рѣдкихъ случаяхъ“?

Что же касается будущаго, то тутъ Ле Бону все время мѣшаетъ законъ необходимости, и онъ то пытается предложить способы борьбы съ нимъ, то сознается, что борьба безнадежна.

Тутъ у него можно найти и увѣренность, что въ будущей мировой эволюціи все будетъ управляться только экономическими интересами, и совѣты ассоціаціи труда и капитала съ участіемъ рабочихъ въ прибыляхъ посредствомъ акцій, и желаніе ограничить внимательство государства, и предложенія реформы въ воспитаніи юношества. И въ то же время „понятіе о неизбежности, по его словамъ, учить насъ не раздражаться событіями, идущими въ разрѣзъ съ нашими

понятіямъ, такъ же, какъ не раздражается ученый при неожиданномъ результатѣ произведеннаго опыта... Слѣдуетъ ограничиваться установленіемъ этихъ явленій въ увѣренности, что ничто не могло бы помѣшать ихъ осуществленію“ (стр. 519).

Какъ живой человѣкъ, знакомый съ любовью и враждою, Ле Бонъ не можетъ воздержаться отъ совѣтовъ, но какъ живой же человѣкъ, онъ не можетъ радоваться будущему, которое отъ него не зависитъ. Его пессимизмъ и послѣдовательнѣе и человѣчнѣе оптимизма социалистовъ. И свои совѣты онъ заключаетъ глубоко безнадежными словами: „И хотя бы мы думали про себя, что такіе совѣты столь же бесполезны, какъ и пожеланія здоровья больному, дни котораго сочтены, *будемъ поступать такъ, какъ будто мы этого не думали*“ (стр. 552).

И. Милорадовичъ.

Stanisław Grabski. Żródło rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od pierwszego rozbioru do r. 1831. T. I od pierwszego do trzeciego rozbioru, w Krakowie 1903, str. 283.

Въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ наблюдается живой интересъ къ польской научной литературѣ, показателемъ чего можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что болѣе популярныя ея изданія появляются въ русскихъ переводахъ, находя себѣ широкій кругъ читателей. Нужно сознаться, что по нѣкоторымъ отраслямъ знаній, въ частности именно по національной исторіи, польская литература отличается богатствомъ и разнообразіемъ научныхъ изслѣдованій, къ сожалѣнію, извѣстныхъ у насъ только небольшому кругу специалистовъ. Между тѣмъ, они заслуживаютъ серьезнаго вниманія и болѣе широкихъ слоевъ образованнаго общества. Къ такимъ работамъ нужно отнести и рецензируемую книгу г. Грабскаго—„Очеркъ развитія социально-экономическихъ идей въ Польшѣ отъ перваго раздѣла до 1831 года“. Этотъ очеркъ интересенъ какъ оныя характеристики общественно-экономическихъ теченій въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в.

Взятая авторомъ эпоха представляетъ большой интересъ потому, что она обнимаетъ конецъ независимаго существованія Польши и переходный періодъ къ новымъ историческимъ условіямъ.

На закатѣ дней Речи Посполитой мы видимъ въ Польшѣ небывалый подъемъ общественной мысли и общественнаго настроенія.

Широко развивается литература и въ особенности публицистика, принимающая памфлетный характеръ. Все мыслящее, чувствующее въ Польшѣ спѣшило высказаться, спѣшило внести свою лепту въ спасеніе умирающей отчизны. Со всѣхъ сторонъ предлагаются совѣты, строятся разные планы и проекты, которые должны спасти погибающую Польшу. Но все это было поздно. Правящій классъ ревниво оберегалъ наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ и поохотно переходилъ отъ словъ къ дѣлу. Шляхта совершенно не расположена была отказаться отъ своихъ старыхъ привилегій; для другихъ реформъ, которыя могли бы поддержать существованіе разлагающагося государства (напр., созданіе 100 тысячной арміи), не хватало матеріальныхъ средствъ. Проводить глубокія реформы, которыя могли бы заинтересовать въ существованіи государства широкія массы населенія, было не подъ силу шляхтѣ. Зато въ болѣе мелкихъ реформахъ не было недостатка.

Грозныя виѣшнія условія открыли глаза передовымъ дѣятелямъ Польши на трагическое положеніе ихъ отечества. И вотъ, когда уже Речь Посполитая стояла на краю гибели, началась въ передовомъ польскомъ обществѣ лихорадочная дѣятельность, направленная къ реформѣ политическаго, социальнаго и экономическаго строя Польши.

Для историка представляетъ большой интересъ выясненіе тѣхъ направленій мысли, подъ знаменемъ которыхъ совершались реформы въ Польшѣ въ эпоху четырехлѣтняго сейма (1788—92 гг.), конституціи 3-го мая и т. д. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти теченія не умерли вмѣстѣ съ потерей Польшею независимости; они перешли, какъ драгоценное наслѣдіе, къ дѣятелямъ Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго.

Съ указанной точки зрѣнія изслѣдованіе д-ра Грабскаго приобретаетъ глубокой теоретическій и практическій интересъ.

Въ введеніи авторъ подчеркиваетъ значеніе перваго раздѣла Польши (1772 г.), открывшаго глаза шляхтѣ на политическую слабость Речи Посполитой (*rozbiór r. 1772 ujawdził szlacheckiemu narodowi przerażającą słabość Rzpltej*). И до этой катастрофы раздавались отдѣльные публицистическіе голоса, призывавшіе къ оздоровленію страны, но все это были единичные факты, не только неспособные возродить народъ, но даже вызвать хотя бы сильное теченіе въ обществѣ въ пользу этого возрожденія (*niezdolne zgoła, nie to już naród odrodzić, lecz choćby poważny prąd w opinii do odrodzenia go stworzyć*).

Извѣстные магнаты Чарторыйскіе имѣли сторонниковъ, поддерживавшихъ ихъ реформаторскіе планы, кое-что изъ этихъ плановъ уда-

лось осуществить на сеймахъ 1764 г. Но это были только ихъ индивидуальныя усилія. Партія, ихъ поддерживавшая, являлась партіей „фамиліи“, а не партіей реформъ (Stronnictwo, które ich popierało, było to stronnictwo „familii“, a nie stronnictwo „reformny“).

Катастрофа 1772 г. соединила всѣ разнородныя, хотя и немногочисленные элементы въ общемъ стремленіи къ возрожденію націи, положила дѣйствительное начало партіи реформъ, сначала группировавшейся вокругъ эдукаціонной комиссіи, стоявшей во главѣ народнаго просвѣщенія.

Четырехлѣтній сеймъ уже ясно и опредѣленно сорганизовалъ эту прогрессивную партію. Вышнимъ ея выразителемъ былъ клубъ, которымъ руководилъ извѣстный Гуговъ Коллонтай съ помощью ближайшихъ своихъ сподвижниковъ—Езерскаго, Трембескаго, Дмоховскаго, Домбовскаго и Конопки. При посредствѣ членовъ клуба Коллонтай оказывалъ вліяніе на ходъ работъ сейма. Одновременно съ этимъ онъ велъ агитацію въ варшавскомъ мѣщанствѣ, организовавъ черезъ Декерта, президента г. Варшавы, съѣздъ депутатовъ Короны и Литвы и подачу петиціи королю и сейму о дарованіи правъ городскому классу.

Обращаясь къ анализу социально-экономическихъ теченій „эпохи реформъ“, д-ръ Грабскій различаетъ три основныхъ направленія мысли.

Прежде всего, онъ разсматриваетъ фізіократическое направленіе, опирающееся всецѣло на сочиненія французскихъ фізіократовъ. Было въ немъ кое-что и самостоятельное. Польскіе фізіократы являются защитниками крестьянскаго класса, между тѣмъ, симпатіи французскихъ фізіократовъ были на сторонѣ зажиточнаго фермера, мелкаго земледѣльческаго предпринимателя. Польскіе фізіократы удѣляютъ много мѣста вопросу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мотивируя его экономическими принципами, взятыми у своихъ французскихъ учителей.

Широкое и быстрое распространеніе фізіократизма въ Польшѣ объясняется тѣмъ, что во многихъ отношеніяхъ онъ совпадалъ съ традиционными экономическими воззрѣніями польскаго общества, представляемаго исключительно землевладѣльческимъ классомъ.

Рядомъ съ фізіократизмомъ наблюдается довольно сильно теченіе камералистическое. Исходнымъ его пунктомъ является интересъ государства. Реформы должны преслѣдовать цѣли увеличенія народонаселенія и вмѣстѣ развитіе промышленности и торговли, какъ необходимаго условія денежнаго богатства страны и государства.

И, наконецъ, третье направленіе синтетическое, нашедшее свое выраженіе въ философско-эмпирическихъ системахъ Стапица и Коллонтая. Эти системы полнѣе всего отражаютъ въ себѣ прогрессивныя идеалы народа, въ частности—патріотической его части.

Любопытно, что одинъ нѣмецкій ученый выводилъ пресеріозно генезисъ идей французскихъ фізіократовъ изъ Польши. Если этотъ взглядъ слишкомъ ужъ парадоксаленъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ содержитъ въ себѣ ту вѣрную мысль, что польская экономическая политика была близка по своему духу фізіократизму. Послѣдній далъ ей теоретическое обоснованіе, котораго раньше не доставало.

Экономическая политика Речи Посполитой, начиная съ половины XV в., развивалась въ духѣ фізіократическихъ идей постольку, поскольку она была политикой сельскаго хозяйства и поскольку всѣ другіе интересы отбрасывала съ точки зрѣнія послѣдняго (*polityka ekonomiczna Rzpltej, od połowy XV wieku począwszy, rozwijała się stale w kierunku idei fizyokratycznych, o tyle, że była z zasady polityką interesów rolnictwa i wszystkie inne sprawy z punktu widzenia tych ostatnich w pierwszym rządzie traktował str. 35*). Конечно, о созданіи цѣльной системы фізіократизма не приходится говорить, такъ какъ въ польской экономической политикѣ совершенно не замѣчалось болѣе глубокаго проникновенія въ сущность народнаго хозяйства. Само собой разумѣется, политика, выдвигавшая исключительно интересы сельскаго хозяйства, должна была привести къ упадку торговли и ремеслъ, а въ конечномъ результатѣ и къ упадку самаго земледѣлія.

Хотя нѣкоторые принципы фізіократизма соотвѣтствовали польскимъ экономическимъ традиціямъ, но фізіократизмъ, какъ система, былъ, несомнѣнно, новымъ явленіемъ въ Польшѣ. Распространеніе фізіократизма здѣсь произошло подъ непосредственнымъ вліяніемъ французской литературы и науки. Сторонники реформъ въ Польшѣ пользовались широко литературой энциклопедистовъ, философій просвѣщенія и въ частности фізіократизмомъ.

Справедливо замѣчаетъ д-ръ Грабскій, что фізіократизмъ въ Польшѣ получилъ характеръ официальной экономической доктрины, въ какомъ значеніи онъ просуществовалъ до начала XIX вѣка (*był on bowiem w Polsce oficjalnym naukowym systemem ekonomicznym. I w charakterze tym przetrwał aż do początku XIX wieku. Kto się u nas za naukę ekonomiczną powołuje, ten tem samem powołuje się na fizyokraty str. 41*).

Главными представителями фізіократизма въ Польшѣ были Ан. По-

плавскій, Іеронимъ и Валеріанъ Стройновскіе. Характерной чертой польскаго фізіократизма является, какъ было отмѣчено выше, защита идеи освобожденія крестьянъ. Главный аргументъ ихъ тотъ, что крестьянинъ, лишенный свободы и права собственности, не имѣетъ никакихъ мотивовъ къ повышенію интенсивности своего труда. Онъ работаетъ на панской нивѣ кое-какъ, лишь бы только избѣжать ударовъ кнута эконома. Это неизбежно приводитъ къ пониженію годового производства въ сельскомъ хозяйствѣ, на чемъ теряетъ вся страна и сами землевладѣльцы.

Идея фізіократизма нашли себѣ широкое выраженіе не только въ научныхъ сочиненіяхъ, но и въ публицистикѣ. Въ современныхъ журналахъ, памфлетахъ, свисткахъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу болѣе или менѣе ясно выраженныя тенденціи фізіократизма.

Хотя официальной системой науки народнаго хозяйства въ Польшѣ въ концѣ XVIII в. былъ фізіократизмъ, но практическіе политики этой эпохи руководствовались въ своей дѣятельности иными принципами. Исходнымъ пунктомъ ихъ сужденій и стремленій было, прежде всего, упорядоченіе финансовъ Речи Посполитой, находившихся прямо въ плачевномъ положеніи.

Съ точки зрѣнія чистой теоріи фізіократизмъ, конечно, стоялъ выше камерализма, но подвинуть народъ на путь конкретныхъ реформъ могъ только послѣдній, какъ ближе соответствовавшій историческимъ условіямъ пространства и времени.

Главнѣйшія отличительныя особенности камерализма сводились: а) къ оцѣнкѣ экономическихъ отношеній народа съ точки зрѣнія интересовъ государства и въ частности его фиска; б) къ приданію особой важности проблемѣ увеличенія народонаселенія, являющагося основой богатства и могущества страны, и в) къ признанію государства за единый исключительный факторъ регулированія экономической жизни народа (*uznanie państwa za jedyną powołany do regulowania gospodarczego życia narodów czynnik*).

Камерализмъ, какъ извѣстно, возникъ въ Германіи изъ чисто практическихъ потребностей, и отсюда былъ перенесенъ въ Польшу, гдѣ быстрый ростъ политическаго и экономическаго могущества сосѣдней Пруссіи, усвоившей принципы камерализма, долженъ былъ создать весьма благоприятную почву для воспріятія камералистическихъ воззрѣній.

Духомъ камерализма проникнуты „*Listy patriotyczne*“ Выбицкаго, „*Wykład początkowy prawideł ekonomiki*“ Пакса и многія другія публи-

цистическія произведенія. „Нисѣма патріотическія“ Выбицкаго не были, собственно, научнымъ трактатомъ, излагающимъ систему камеральной науки. Они были написаны съ спеціальной цѣлью—подготовки общественнаго мнѣнія къ принятію кодекса Андрея Займоскаго, и тѣмъ не менѣе въ нихъ нашли себѣ выраженіе всѣ характерныя особенности камерализма: теоретическій эклектизмъ, признаніе за первое условіе народнаго богатства и силы многочисленности населенія, подчиненіе всѣхъ соціально-экономическихъ задачъ идеѣ государства и т. д.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Выбицкій, происходя изъ Пруссіи, не могъ не быть близкъ знакомымъ съ нѣмецкой камералистической литературой. Этимъ устанавливается преимущественная связь польскаго камерализма съ прусскимъ.

Въ сочиненіяхъ польскихъ камералистовъ выдвигается на первыи планъ интересъ государства, въ частности, интересъ его финансовъ. Для того, чтобы государственная казна была полна, необходима возможно большая населенность страны. Государство должно приложить всѣ старанія къ увеличенію населенія. Здѣсь, между прочимъ, камералисты, въ согласіи съ физиократами, выдвигаютъ значеніе свободы личности и имущества, какъ вѣрнаго средства къ подъему благосостоянія крестьянскаго класса.

Земледѣльческая страна не можетъ быть богатой, если не будетъ заботиться о развитіи промысловъ и торговли. Необходимо создавать такія мануфактуры, которыя могли бы перерабатывать продукты отечественной промышленности.

Выдвигаютъ камералисты и значеніе торговли, отдавая предпочтеніе внутренней торговлѣ передъ внѣшней. Уже въ то время внѣшняя торговля не могла имѣть серіознаго значенія въ Польшѣ, такъ какъ послѣдняя давно перестала служить посредницей въ торговлѣ между востокомъ и западомъ. Вывозъ хлѣба и другихъ продуктовъ шелъ исключительно черезъ Гданскъ (Данцигъ) и находился всецѣло въ рукахъ иностранныхъ купцовъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя отказывать камерализму въ практическомъ пониманіи конкретныхъ задачъ экономической политики.

Для развитія отечественной промышленности и торговли представители камерализма высказываются за протекціонную систему.

Несомнѣнно, камералистическое направленіе ясно поняло реальныя насущныя потребности въ области соціальныхъ и экономическихъ отношеній Речи Посполитой. Проекты, которые оно рекомендовало,

могли удовлетворить нѣкоторыя неотложныя экономическія и финансовыя нужды данной исторической эпохи.

Въ дѣйствительности, эти проекты, за немногими исключеніями, не были осуществлены. „И даже конституція 3-го мая, если мы сравнимъ ее съ планами и желаніями какъ ученыхъ, такъ и публицистовъ партіи реформъ, является такой недостаточной, половичатой съ социально-экономической точки зрѣнія, что дѣлается почти непонятнымъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ встрѣтилъ ее народъ и въ частности мѣщанство, и то благоговѣніе, съ какимъ внослѣдствіи отнеслись и относятся къ ней“.

Не будемъ слѣдить за обстоятельнымъ разборомъ авторомъ финансовыхъ проектовъ оздоровленія страны, потому что наша библиографическая замѣтка и безъ того уже разрослась.

Выводъ автора тотъ, что въ общемъ социально-экономическія пожеланія польскихъ камералистовъ не были осуществлены. Недоставало для того ни матеріальныхъ средствъ, ни времени. Когда финансы были упорядочены настолько, что могла начаться эра болѣе глубокихъ реформъ, Польша потеряла свою самостоятельность.

Философскія системы Сташица и Коллонтая объединили въ одно цѣлое здоровые элементы какъ фізіократизма, такъ и камерализма. Онѣ соединили социально-экономическія идеи перваго съ постулатами государственной и финансовой политики второго.

Синтезъ этотъ былъ выполненъ на почвѣ англійскаго сенсуализма и рационалистической философіи энциклопедистовъ. Свои системы Сташица и Коллонтая приспособляли къ потребностямъ страны. Въ то время, какъ западная философія была сплошь проникнута индивидуализмомъ, представители польской мысли рѣшительно отказались отъ него. Въ основу всѣхъ другихъ реформъ они положили реформу народнаго воспитанія и образованія.

Философскія системы Сташица и Коллонтая авторъ ставитъ очень высоко. Безъ сомнѣнія, вліяніе этихъ польскихъ мыслителей было громадно, но отсюда далеко не слѣдуетъ еще, чтобы ихъ философскія (?) системы представляли изъ себя что-нибудь самобытное и самостоятельное. Это ни больше, ни меньше, какъ посредственные эклектики, которые включали въ свои системы господствовавшія на Западѣ воззрѣнія, главнымъ образомъ заимствуя ихъ изъ философій просвѣщенія, въ частности у Жанъ Жака Руссо. При этомъ только Коллонтай болѣе систематически, чѣмъ Сташица, излагаетъ воззрѣнія западно-европейскихъ мыслителей.

Извѣстный польскій историкъ Калинка остроумно замѣчаетъ, что сочиненія Сташица—это плохое польское изданіе Руссо.

Вполнѣ соглашаемся съ авторомъ, что система воспитанія, предложенная Сташицемъ и Коллонтаемъ, была проникнута глубоко національнымъ духомъ въ отличіе отъ космополитическаго характера педагогическихъ воззрѣній французскихъ мыслителей. Но это обстоятельство, разумѣется, не придаетъ философской глубины и самобытности системамъ двухъ вышеназванныхъ писателей.

Грабскій даетъ интересную сравнительную характеристику Сташица и Коллонтая.

Первый принималъ участіе въ политической дѣятельности въ эпоху сейма только въ качествѣ публициста, давалъ направленіе и выраженіе тѣмъ идеямъ, которыя такъ или иначе отражались въ постановленіяхъ сейма; второй принималъ непосредственное участіе въ политической дѣятельности. Какъ въ своей частной жизни, такъ и въ общественной дѣятельности, Сташиць прежде всего считается съ этическими принципами, тѣ и другіе факты онъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія общественныхъ идеаловъ.

Иного типа человекъ былъ Гугонь Коллонтай. Это прежде всего практикъ, политикъ съ его типичными недостатками и достоинствами. Добиваясь практическаго осуществленія своихъ идей, онъ въ то же время стремится къ власти, къ вліянію въ обществѣ. Преисполненный честолюбія, онъ не разбираетъ средствъ въ цѣляхъ обезпеченія своей карьеры. Для него все позволено, разъ только это помогаетъ подняться на одну ступень выше по іерархической лѣстницѣ.

Переходя къ оцѣнкѣ общаго положенія социальныхъ и экономическихъ идей передъ паденіемъ Польши, авторъ указываетъ, что самымъ общимъ девизомъ, дававшимъ основной тонъ стремленіямъ и желаніямъ народа въ эпоху между первымъ и третьимъ раздѣломъ, была реформа Речи Посполитой для спасенія ея независимости. Однако, и эта мысль никогда не захватывала всего общества. Большинство, если и не противилось принципиально реформѣ,—то, во всякомъ случаѣ, съ трудомъ соглашалось на конкретное проведеніе ея.

Какъ относилась къ реформѣ шляхетская масса? Въ общемъ нужно признать, что большинство шляхты высказалось противъ реформы даже тамъ, гдѣ она давала мандаты ся сторонникамъ; по мнѣнію автора, главной причиной такого непріязненнаго отношенія въ реформѣ была скорѣе наслѣдственность трона и незаконность государственнаго переворота, чѣмъ социальные нововведенія конституціи 3-го мая.

Въ дальнѣйшемъ самъ авторъ опровергаетъ такое объясненіе неуспѣха реформы. „Нигдѣ въ цѣлой Европѣ, говоритъ онъ, сельскій классъ не былъ такъ невѣжественъ, какъ въ Польшѣ, что можно сказать о той массѣ шляхты, составляющей пролетаріатъ, о дворянахъ, помещикахъ, о той сермяжной братіи, которая однако на сеймахъ рѣшала судьбы страны? Политическое значеніе шляхты заключалось въ томъ, что она могла срывать сеймики и сеймы, что каждый послѣдній шляхтичъ могъ остановить движеніе всей государственной машины. На этомъ отрицательномъ политическомъ значеніи покоилось и экономическое положеніе большинства мелкой шляхты, жившей отъ милости богатыхъ (дворяне, служба экономій) или же отъ нихъ экономически зависимой (поссессоры и пр.).

Въ концѣ XVIII в. партія реформъ объединила все, что было въ Польшѣ европейски просвѣщеннаго и образованнаго. И вотъ началось правленіе просвѣщенной диктатуры. Съ деспотизмомъ другихъ странъ оно имѣло то общее, что вопреки волѣ народа вело его къ экономическому, социальному и культурному прогрессу. Но оно не было и не могло быть деспотичнымъ, потому что дѣйствовало во имя и по поручительству той шляхетской массы, которая не понимала и не чувствовала необходимости реформъ, осуществляемыхъ ея представителями“.

Въ этомъ и кроется источникъ тѣхъ удивительныхъ противорѣчій, которыми полна польская исторія данной эпохи.

Рядомъ съ диктаторскою властью сейма, которой народъ подчиняется не хуже, чѣмъ сосѣдніе народы своимъ деспотамъ, мы встрѣчаемъ отдѣльныхъ представителей, вѣрныхъ программамъ своихъ сеймиковъ, упорныхъ противниковъ реформы, парализующихъ дѣятельность сейма своей постоянной оппозиціей. Далѣе, шляхта признаетъ диктатуру Костюшки, исполняетъ его универсалы, касающіеся какъ всеобщаго ополченія, такъ и сокращенія барщины, и одновременно съ этимъ она же принуждаетъ женъ выполнять барщинныя работы за мужей, ушедшихъ на войну, и затѣмъ по паденіи революціи отбираетъ вольности, дарованныя крѣпостнымъ, и продаетъ спустя два года имѣнія по числу дунгъ.

Эти противорѣчія, по мнѣнію д-ра Грабскаго, легко объясняются. Поворотъ мысли въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. совершился въ Польшѣ только среди отдѣльныхъ болѣе образованныхъ лицъ, составлявшихъ аристократію ума. Эта аристократія взяла въ свои руки моральную диктатуру надъ шляхтой, уже возрожденной въ об-

щемъ въ своихъ гражданскихъ чувствахъ; что же касается социальныхъ воззрѣній, то эти двѣ неравномѣрныя группы шляхты были раздѣлены громадной пропастью.

Заканчивая настоящій очеркъ, слѣдуетъ сказать, что д-ръ Грабскій, если не считать нѣкоторыхъ частныхъ, удачно справился съ своей нелегкой задачей. Его интересное изслѣдованіе даетъ ясное представленіе о тѣхъ теченіяхъ, которыя существовали въ Польшѣ наканунѣ ея паденія. Во второмъ томѣ авторъ предполагаетъ разсмотрѣть развитіе социально-экономическихъ идей въ эпоху Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго. Нужно думать, что и второй томъ будетъ не менѣе интересенъ, чѣмъ первый.

К. Неблѣй.

Herman Hirt. Die INDOGERMANEN. Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. I Band. 1905. II Band. 1907. Leipzig. VII+771.

Богатая литература о родинѣ и культурѣ индогерманцевъ обогатилась новымъ объемистымъ трудомъ. Это—двухтомное сочиненіе извѣстнаго лейпцигскаго лингвиста, профессора Гирта, который давно уже подготавливалъ отдѣльные матеріалы къ своему труду. Этотъ послѣдній предназначенъ для такъ называемыхъ „образованныхъ круговъ“, т. е. для людей, которые не прочь прочесть занимательно написанную научную книжку и интересуются не столько ходомъ доказательствъ, сколько выводами. Имъ важно знать, какъ смотритъ такой-то авторитетъ на родину индогерманскихъ народовъ, каково *последнее* слово наукъ въ томъ или другомъ вопросѣ. При этомъ правильность такого послѣдняго слова принимается на вѣру, если она подкрѣпляется достаточно крупнымъ именемъ. Это неизбежный процессъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній, процессъ, который дѣлаетъ особенно желательнымъ, чтобы свѣдѣнія сообщались, дѣйствительно, неустарѣлыя и повѣренныя, чтобы понятія, связанные съ извѣстной научной областью, опредѣлялись точно, и чтобы общество, то „образованное общество“, для котораго предназначенъ книга, получило нѣкоторый интересъ къ содержанію науки, а не только къ ея вершинамъ, конечнымъ выводамъ.

Трудъ Гирта грѣшитъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Онъ не обличаетъ въ авторѣ ни охоты къ ясному логическому разсужденію, ни серьезности въ разработкѣ научныхъ вопросовъ. Представляя кое-что оригинальное, онъ не расширяетъ, однако, ни нашихъ представлений

о предметѣ, ни нашихъ методовъ. Это не значитъ, что „Индогерманцы“ Гирта трудъ ненужный и бесполезный. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ полезенъ, но какого-нибудь шага впередъ въ научной разработкѣ вопроса онъ, по моему мнѣнію, не представляетъ. Гораздо важнѣе, глубже, значительнѣе и для будущаго тѣ статьи Гирта по вопросамъ индо-европейской культуры, которыя онъ напечаталъ уже послѣ выхода книги въ журналъ „Indo-Germanische Forschungen“.

Въ исторіи изслѣдованія индогерманской культуры мы наблюдаемъ любопытный процессъ расширенія кругозора ученыхъ. Начали съ изслѣдованія языковъ, съ сопоставленія родственныхъ словъ и, такимъ образомъ, приходили къ различнымъ выводамъ: родину индогерманцевъ помѣщали въ Средней Азій, потомъ въ Южной Россіи. Почти одновременно съ этимъ началось возстановленіе индогерманской мѣологии, для чего сравнивали мѣны и имена боговъ у родственныхъ народовъ. Позже Герингъ, Лейстъ и др. сопоставляли юридическія и этическія воззрѣнія индогерманскихъ народовъ и, такимъ образомъ, приходили къ возстановленію пра-индогерманскихъ бытовыхъ древностей. Но вмѣстѣ съ этимъ у изслѣдователей все болѣе уходила изъ-подъ ноги твердая почва. Едва мы переступаемъ изъ болѣе надежной области лингвистическихъ отождествленій въ невѣрную область фольклора, мы оказываемся вынуждены провѣрять шагъ за шагомъ, дѣйствительно-ли древними и первоначальными оказываются извѣстныя формы быта, не имѣемъ-ли мы дѣло съ позднѣйшимъ заноснымъ элементомъ? Въ настоящее время не заложено даже основаній подобной научной этнографіи, и лишь кое-какія заросли въ той чащѣ, которую представляетъ этнографическій матеріалъ, прочищены такъ называемой миграціонной теоріей (я говорю, разумѣется, не объ общей этнографіи, а именно объ изслѣдованіяхъ индо-европейской культуры на почвѣ этнографическихъ наблюденій). Передъ изслѣдователями горы разныхъ сборниковъ народныхъ обычаевъ и пронаведеній народнаго творчества, но какъ подступиться къ этому матеріалу, кажется, никто еще не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ никакъ нельзя опредѣлить научно, что именно эта форма быта унаслѣдована индогерманскимъ народомъ отъ его отдаленныхъ предковъ, и что она не передана въ позднѣйшее время сосѣдями, потомками неиндогерманскаго племени. Даже въ самой эволюціи вѣрованій и формъ хозяйственнаго быта врядъ ли можно считать что-нибудь окончательно установленнымъ наукой: такъ, напримѣръ, однимъ изъ догматовъ мѣологии сдѣлалось ученіе, что мелкіе боги, такъ называемая низшая мѣологія, предшествуютъ высшимъ

богамъ, а вотъ Э. Роде, авторъ знаменитой книги „Psyche“, доказываетъ какъ разъ обратное. Извѣстная система перехода отъ охоты къ скотоводству и отъ него къ земледѣлю теперь сдана въ архивъ, но надолго-ли, неизвѣстно. Зато теперь пользуется большимъ фаворомъ теорія Штейнона о распредѣленіи занятій между полами: мужчина охотится, женщина собираетъ корни, изобрѣтаетъ земледѣліе и глиняную посуду. Эта теорія, опирающаяся на *немногочисленные* наблюденія ф. д. Штейнена надъ бразилійскими дикарями, пришлось по душѣ Бюхеру, который подтвердилъ ее другими фактами, и въ глазахъ ихъ послѣдователей эта остроумная гипотеза сдѣлалась уже неопровержимымъ догматомъ. Остается подбирать къ ней факты, а это сдѣлать весьма не трудно въ той громадной и разнообразной коллекціи фактовъ, какую собрали путешественники, этнографы и т. п. Насколько все это научно, другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, это „последнее слово“ науки, и популяризаторы охотно превращаются въ трубадуровъ каждаго такого слова. Гиртъ не отстаетъ отъ другихъ. Ниже я отмѣчу много случаевъ того, какъ онъ при этомъ неостороженъ и даже малосвѣдущъ; теперь укажу лишь на его пристрастіе къ законченнымъ выводамъ другихъ ученыхъ. Для того, кто знакомъ съ книгами Гана, Бушана, Хонса, Гена, Гернесса и др., трудъ Гирта представитъ очень мало новаго. Та обширная литература, которая приводится имъ въ примѣчаніяхъ, служитъ больше для украшенія этихъ послѣднихъ, чѣмъ для пополненія текста.

Съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдователи индогерманскихъ древностей стали относиться къ даннымъ индогерманскихъ языковъ небрежно, не какъ къ единственному источнику возстановленія индогерманскаго быта, но лишь какъ къ одному изъ вспомогательныхъ средствъ,—съ этихъ поръ оставалось только проститься съ научнымъ изслѣдованіемъ древнѣйшей культуры индогерманцевъ. И въ области языка заимствованій такъ много, что иногда между ними затеривается основной матеріалъ, но важно то, что въ языкѣ все-таки можно установить этотъ послѣдній, и всякій лингвистъ скажетъ, что между латинскимъ *anima* и санскритскимъ *асмі* есть первобытное родство. Значитъ, если въ концѣ концовъ матеріалъ получится и не обширный, то все же это будутъ данныя цѣнныя, волиѣ отвѣчающія запросамъ науки. Поэтому, напримѣръ, труды Шрадера, къ которымъ г. Гиртъ относится съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, останутся весьма цѣнными и тогда, когда компіляціи самого Гирта будутъ забыты. Послѣдняя крупная работа въ области возстановленія индогерманской культуры

съ помощью языкового матеріала совершена Кречмеромъ („Введеніе въ исторію греческаго языка“), но Гиртъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе сошли съ этого пути и сдѣлали себѣ очень важную, но вмѣстѣ съ тѣмъ рискованную уступку, которая грозитъ обратить въ прахъ всѣ ихъ построенія. Именно, они утверждаютъ, что часть словаря индогерманскаго праязыка была забыта народами, попавшими въ иныя условія: индусы въ своей жаркой Индіи забыли о нѣкоторыхъ деревьяхъ ихъ родины, славяне въ своемъ одичаніи объ извѣстныхъ растеніяхъ и животныхъ и т. п. Несомнѣнно, что такъ и было въ дѣйствительности, но стоитъ приложить эту гипотезу къ научному матеріалу, чтобы доказать, что угодно. Пикте доказывалъ въ свое время, что индогерманцы знали верблюда, тигра и другихъ звѣрей Средней Азіи, гдѣ лежала, по его мнѣнію, родина индогерманцевъ. Теорія его была опровергнута въ виду того соображенія, что подобныхъ звѣрей не знаютъ европейскіе индогерманскіе народы, и ихъ названія не сохранились въ словаряхъ этихъ послѣднихъ. Но развѣ Пикте не могъ бы возражать, что другіе народы, ушедшіе на сѣверъ и западъ, просто забыли эти названія. Отсутствіе тѣхъ или другихъ словъ не значитъ ровно ничего другого, кромѣ того, что въ настоящее время эти названія не употребительны: вѣдь, знали же финны слово *сестри* до того времени, какъ познакомились съ литовцами, а потомъ это финское слово вышло изъ употребленія и замѣнилось литовскимъ. Странно было бы, съ другой стороны, если бы славяне сохранили названія *тигра* или *верблюда* среди своихъ припетскихъ болотъ.

Такимъ образомъ, Гиртъ можетъ преспокойно подбирать тѣ слова, которыя онъ хочетъ отнести къ индогерманскому періоду, и съ ихъ помощью доказывать, что угодно. Онъ и доказываетъ, что родина индогерманскаго племени должна совпадать съ теперешней Германской имперіей, выводъ, который такъ же долженъ льстить современному нѣмцу, какъ и его презрительные отзывы о Россіи (стр. 240). Все это вполне соответствуетъ популярному характеру книги.

Перехожу къ анализу труда Гирта. Построеніе его таково: послѣ общаго обзора индогерманскихъ народовъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о родинѣ индогерманскаго языка, затѣмъ, опредѣливъ ее, рассматриваетъ отдѣльныя стороны матеріальной и духовной культуры индогерманцевъ, при чемъ въ каждой главѣ сообщаетъ сначала общія этиологическія свѣдѣнія о происхожденіи той или другой стороны культуры, а затѣмъ уже приводитъ данныя, относящіяся къ различнымъ индогерманскимъ народамъ. Такое расположеніе мате-

рiала дѣласть книгу Гирта удобной для ознакомленiя съ общей эволюціей культуры, какъ она представляется современнымъ этнологамъ, но за этимъ внѣшнимъ удобствомъ скрывается много отрицательныхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая цѣль преслѣдуется Гиртомъ? Разумѣется, онъ хочетъ дать обзоръ такихъ формъ культурнаго развитiя индогерманскихъ народовъ, которыя восходятъ къ періоду, когда индогерманскіе народы еще не вышли изъ первобытнаго общенiя, составляли одну этническую, культурную и языковую группу. Поэтому Гиртъ склоненъ видѣть въ представителяхъ этой группы людей, стоящихъ еще на очень низкой стадiи культурнаго развитiя. Онъ начинаетъ изученiе ихъ культуры еще съ каменнаго вѣка и съ „кухонныхъ остатковъ“, точно мы можемъ говорить уже въ эту пору объ индогерманской культурѣ. И по этому поводу Гиртъ приводитъ массу свѣдѣній, можетъ быть, и любопытныхъ, но совершенно не относящихся къ дѣлу. Такъ, самъ же онъ приурочиваетъ родину индогерманцевъ къ нынѣшней Германской имперiи. Но къ чему же тогда говорить о палеолитическихъ рисункахъ на стѣнахъ пещеръ во Франціи (стр. 470), при чемъ еще распространяться о связи этихъ изображенiй съ религіозными представленiями рисовальщиковъ, связи, которая, во всякомъ случаѣ, весьма сомнительна. Когда заходитъ рѣчь объ этихъ религіозныхъ представленiяхъ, Гиртъ пользуется случаемъ, чтобы пространно изложить банальныя истины о происхожденiи вѣры въ безсмертіе души, при чемъ цитаты изъ всѣмъ извѣстныхъ сочиненiй нагромождены одна на другую (стр. 488). Или къ чему говорить о происхожденiи глиняной посуды въ очеркѣ о культурѣ народа, которому приписывается развитая домашняя культура въ томъ духѣ, какъ ее понималъ Фюстель де Куланжъ въ своей „La cité antique“ (срав. стр. 335 и 338). Но дѣло въ томъ, что, говоря о семьѣ, Гиртъ прибѣгаетъ къ названному сейчасъ авторитету, а въ своихъ разсужденiяхъ о первобытномъ строѣ къ другимъ авторамъ. И такая зависимость этого ученаго отъ того, „что ему книга послѣдняя скажетъ“, обуславливаетъ какую-то растерянность Гирта, неумѣніе ясно и прямо указать, что же онъ, наконецъ, приписываетъ культурѣ индогерманцевъ? Вѣдь, если эти послѣдніе жили замкнутымъ семейнымъ бытомъ позднѣйшихъ грековъ и римлянъ, именно такъ, какъ это рисовалось Фюстель де Куланжу, то какъ же можно примѣнять къ нимъ описанiя жизни какихъ-нибудь баваири въ Бразиліи или туземцевъ Филиппинскихъ острововъ? Но Бюхеръ вслѣдъ за Штейненомъ раздѣлялъ первобытный трудъ человѣка на мужской, охотничій и скотоводческій, и женскій,

земледѣльческій, связанный съ горшечнымъ производствомъ. И вотъ Гиртъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, разыскиваетъ слѣды этого раздѣленія и въ индогерманскомъ быту. Спартагскіе войны и нѣмецкіе рыцари ѣли отдѣльно отъ женщинъ: стало быть, заключаетъ Гиртъ (311 стр.), это остатки именно тѣхъ первобытныхъ отношеній, какія подмѣчены Штейненомъ. Найдя на древнихъ глиняныхъ горшкахъ какія-то изображенія, напоминающія женщинъ, Гиртъ умозаключаетъ отсюда, что, если женщины изображались на горшкахъ, то, значить, женщины—и только женщины—занимались ихъ выдѣлкой (стр. 337); благо, это установили Штейненъ и Бюхертъ, писатели, имѣющіе для Гирта каноническое значеніе. Это предположеніе тѣмъ болѣе странно, что самъ же Гиртъ приписываетъ индогерманцамъ развитое земледѣліе (стр. 255), при которомъ трудно уже говорить о первобытныхъ формахъ его, найденныхъ въ Бразиліи. Такъ можно было бы говорить о слѣдахъ первобытнаго раздѣленія труда и у насъ въ Россіи, гдѣ мужчина работаетъ иногда и лѣтомъ на фабрикѣ или въ лѣсу, а жена пашетъ и хозяйничаетъ въ полѣ. Тѣ грубыя обобщенія, которыми кишатъ толстые томы разсматриваемаго труда, далеко не выигрышь для научнаго развитія индогерманистики. И хуже всего то, что Гиртъ не сумѣлъ даже справиться съ тѣми недоумѣніями, которыя возникаютъ изъ этихъ обобщеній. Вотъ нѣсколько образчиковъ. Ячмень очень древнее культурное растеніе, говоритъ онъ (278 стр.). Вытекаетъ-ли отсюда, что индогерманцы знали только ячмень, но не знали овса и ржи, какъ это утверждаютъ и Шрадеръ и др.? Я думаю, что нѣтъ, и если названія овса и ржи не распространены на югѣ, то вѣдь же самъ Гиртъ училъ насъ не придавать слишкомъ большого значенія подобному отсутствію общихъ названій.

Въ другомъ мѣстѣ онъ признаетъ уровень индогерманской культуры высокимъ (271 стр.), да и какъ не признать его такимъ, разъ, по мнѣнію Гирта, индогерманцы обладали военной организаціей, необходимой для покоренія сосѣднихъ племенъ? Кромѣ того, они дошли уже до искусства уваживать землю (267 стр.), знали многіе металлы, хотя будто бы не нуждались въ нихъ (стр. 357—358) и т. д. Это все съ одной стороны, а съ другой стороны сѣвернымъ европейцамъ навязываются такія же представленія объ обрядѣ трупосожженія, какія наблюдаются у туземцевъ Америки (стр. 502). Гиртъ до такой степени увлекается приведеніемъ справокъ относительно разныхъ сторонъ индогерманскихъ культуръ, что, въ концѣ концовъ, теряешься и не знаешь, что же надо отнести къ древности? Такъ, по

разнымъ образцамъ носили волосы индогерманскіе народы разныхъ мѣстъ и временъ. Но что же это говоритъ для ихъ общей древности (стр. 461—462)? *Нѣкоторые* индогерманскіе народы знали татуировку. Былъ-ли извѣстенъ этотъ обычай ихъ предкамъ, или онъ представляетъ позднѣйшее заимствованіе, мы такъ и не узнаемъ (стр. 460). Бюхеръ и Гроссе приводятъ такіа-то данныя о происхожденіи танца и поэзій, но что же приписать индогерманской культурѣ? И опять Гиртъ расплывается въ своемъ матеріалѣ, даетъ какіе-то отрывочки изъ того или другого писателя, но основной вопросъ, культура индогерманцевъ, остается въ сторонѣ (см. стр. 474, 479, 481). Или: какъ можно говорить объ одеждѣ, этомъ прихотливомъ продуктѣ моды, какъ о чемъ-то постоянномъ: одежда индогерманцевъ, одежда германцевъ и т. п. Это школьные абстракты, отъ которыхъ было бы своевременно освободиться (стр. 366—368, особ.—369). На стр. 211 Гиртъ утверждаетъ, что обычай хранятся крѣпче, чѣмъ слова, а на стр. 218 онъ странно говоритъ о томъ, что обычай часто забываются, и культура падаетъ. Чтобы не громоздить примѣровъ такой неустойчивости въ теоретическихъ воззрѣніяхъ Гирта, я укажу еще лишь на одно довольно важное противорѣчіе. Такъ, по его мнѣнію (стр. 19), діалекты развиваются на почвѣ разныхъ этническихъ основъ. Поселеніе извѣстной мѣстности усваиваетъ новый языкъ, но съ нѣкоторыми особенностями, которыя встрѣтятся и тогда, когда оно усвоитъ другой языкъ. Значитъ, въ основѣ подраздѣленія языка на діалекты лежатъ этническія различія. Это очень остроумная гипотеза, которая иногда можетъ найти примѣненіе. Но, во-первыхъ, племена странствуютъ, а, во-вторыхъ, не слѣдуетъ въ такомъ случаѣ распространеніе извѣстныхъ культурныхъ особенностей ставить въ связь съ распространеніемъ опредѣленныхъ племенъ соответственно этимъ особенностямъ. А то окажется противорѣчіе. Самъ же Гиртъ отмѣчаетъ (стр. 382), что распространеніе типовъ домовъ (въ Германіи) не совпадаетъ съ границами говоровъ. Отсюда можно бы сдѣлать выводъ, что до тѣхъ поръ, пока мы не имѣемъ этнографической науки, лучше было бы неспеціалистамъ по этнографіи не черпать изъ нея отрывочныхъ свѣдѣній.

Этнографическая же подготовка Гирта чрезвычайно слаба. Иногда прямо поражаетъ, какъ мало онъ можетъ сообщить по тому или другому вопросу, уже достаточно разработанному въ этнографической литературѣ. И тутъ обнаруживается несоответствіе между библиографическими указаніями, приводимыми въ примѣчаніяхъ, и содержаниемъ основного текста. Такъ, Гиртъ знаетъ о книгѣ латышскаго ученаго,

настора Биленштейна, посвященной различнымъ сторонамъ древней латышской культуры. Здѣсь есть, между прочимъ, весьма обстоятельная и любопытная статья о латышскомъ бортничествѣ, которое сохранило много чертъ, повидимому, первобытныхъ. Знакомство съ этой книгой, несомнѣнно, позволило бы Гирту не ограничиваться нѣсколькими скучными, ничего не говорящими фразами о знакомствѣ индогерманцевъ съ пчелой и медомъ (стр. 308—309). Нѣсколько раньше, распространившись о разныхъ способахъ кипяченія воды, въ томъ числѣ и о пагрѣваніи ея съ помощью раскаленныхъ камней (стр. 305), Гиртъ ограничивается ссылкой на то, что самъ видѣлъ въ Босніи, и кое-какими отрывочными замѣчаніями, тогда какъ знакомство хотя бы съ „Этнографіей“ Харузина дало бы рядъ цѣнныхъ параллелей. Далѣе, говоря о типахъ построекъ, Гиртъ даже не упоминаетъ о малорусскихъ мазанкахъ, хотя именно объ этомъ типѣ жилищъ говорить, какъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ (стр. 384). Говоря о *постриженіи* (стр. 352), слѣдовало бы упомянуть о постригѣ дѣтей, практиковавшемся у славянъ, тѣмъ болѣе, что этому вопросу посвящено специальное изслѣдованіе польскимъ ученымъ, Потканскимъ. Обычай вводить зятя въ домъ былъ повсюду не только индійцамъ, грекамъ и славянамъ (стр. 455), но и литовцамъ, у которыхъ такой зять носить даже особое названіе (ушкуръ), о чемъ Гиртъ могъ бы найти не мало указаній въ русской этнографической литературѣ (напр., у Вольтера, Гуковскаго и др.). То же слѣдуетъ сказать объ обычаѣ убивать стариковъ (стр. 456). Именно, древне-литовская культура, хранившая много преданій старины, могла бы дать Гирту очень много цѣннаго матеріала, если бы онъ былъ знакомъ даже съ той немногочисленной литературой, которую называетъ въ примѣчаніяхъ. Знакомство съ Леннеромъ, Довконтонъ, Стрыковскимъ, а изъ новѣйшихъ писателей съ Брюкнеромъ („Litwa“), Беценбергеромъ, Вольтеромъ и др. совершенно необходимо для ученаго, который изслѣдуетъ древнѣйшій бытъ литовцевъ и латышей. Толкуя о происхожденіи гѣсны и танца (что, въ сущности, къ культурѣ, такой поздней, какъ индогерманская, не имѣетъ отношенія), Гиртъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы познакомился съ книгой Валлашека „Anfänge der Tonkunst“. Подобныхъ замѣчаній можно было бы сдѣлать очень много; въ этнографическомъ отношеніи книга Гирта просто „взглядъ и нѣчто“, и если за нее возьмется неподготовленный читатель, то врядъ-ли она дастъ ему что-нибудь, кромѣ сумбура. Достаточно сказать, что Гиртъ пользуется всѣмъ, что ему попадаетъ подъ руку: для описанія индогер-

манскаго похороннаго обряда онъ беретъ описаніе погребеніе русса, данное арабомъ Ибнъ-Фодланомъ (стр. 494), онъ повторяетъ давно опровергнутыя басни о Криве (стр. 510) и т. д. Все, что *выглядитъ* старымъ, такимъ и оказывается для Гирта, который немедленно возводитъ его къ индогерманской эпохѣ. Всякій, кто вдумывался въ этнографическій матеріалъ, знаетъ, что часто бываетъ совсѣмъ иначе: представляющееся старымъ оказывается въ дѣйствительности новымъ. Примѣровъ я приводить здѣсь не стану, а сошлюсь лишь на слова Ефименки о распространеніи брака куплей въ новѣйшее время. „Обычай кладки (деньги на свадебные расходы, которые оплачиваетъ женихъ) очень распространенъ во внутренней Россіи и, повидимому, обладаетъ большою жизненною силой, такъ какъ болѣе и болѣе расширяетъ область своего распространенія: его принимаютъ крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, которые, по особенностямъ своего положенія, не могли его имѣть раньше, и малороссіяне тамъ, гдѣ они, какъ напримѣръ, въ Воронежской губерніи, живутъ не компактною массою. Крестьяне, а особенно крестьянки, съ которыми мнѣ случалось говорить о кладкѣ, выражаютъ сознаніе того дурнаго вліянія, какое имѣетъ этотъ обычай на положеніе женщины: являясь въ семью мужа, какъ результатъ извѣстныхъ затратъ со стороны этой семьи, и затратъ иногда довольно чувствительныхъ, женщина дѣлается предметомъ постоянныхъ упрековъ за эти затраты и стремленій возвратить затраченное съ лихвою на ея рабочей силѣ“ („Обычное право“ 1884. стр. 14—15). Такъ обычай, оказавшійся выгоднымъ для сильнѣйшей стороны, распространился и тамъ, гдѣ его не было сначала. Такова же могла быть его исторія и раньше, у разныхъ индогерманскихъ народовъ. Возводитъ обычай къ глубокой старинѣ слѣдуетъ лишь тогда, когда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно доказать его древность. Вообще, нужно быть хорошимъ знатокомъ этнографіи и черпать свой этнографическій матеріалъ изъ первоисточниковъ, чтобы не поскользнуться на этой скользкой почвѣ и не дать вмѣсто „последняго слова науки“, какъ этого хочетъ популяризаторъ, труда, весьма далекаго отъ научности. Я боюсь, что именно послѣдній упрекъ приходится сдѣлать труду Гирта, поскольку онъ привлекаетъ къ изученію индогерманской старины не только словарный, но и бытовой матеріалъ.

Покончивъ съ этой стороною разсматриваемаго сочиненія, перейду къ одному изъ главныхъ вопросовъ его, именно къ вопросу о родинѣ индогерманскаго племени. На стр. 177 Гиртъ обѣщаетъ представить

„ясную картину того, что мы можемъ знать“, и затѣмъ переходитъ къ критикѣ теорій о родниѣ на Памирѣ или, вообще, въ Азін. Съ первой теоріей онѣ раздѣляется крайне просто: „тотъ, кто читалъ описанія этого нагорья у Свена Гедина, врядъ-ли сможетъ отдѣлаться отъ сомнѣнія, могло-ли выйти изъ этой области столь сильное движеніе народовъ“. Что касается предположенія Іоганна Шмидта о вліяніи вавилонской культуры на индогерманскую въ связи съ азіатской родиной этой послѣдней, то это вліяніе допускается и Гиртомъ, который по этому поводу даетъ даже полный просторъ своему воображенію (стр. 535), но, по его мнѣнію, оно могло распространяться и на Европу, такъ что эти два вопроса, т. е. вопросъ о вавилонскомъ вліяніи и вопросъ о родниѣ индогерманскаго племени, не стоятъ въ связи другъ съ другомъ. Родину надо искать тамъ, гдѣ встрѣчается наибольшая сплошная масса индогерманскихъ племенъ. „Это, прежде всего, область, которую первоначально занимали кельты, германцы, литовцы и славяне, т. е. область отъ сѣверной Франціи черезъ Германію къ западной Россіи, которую мы можемъ ограничить еще болѣе точно. То мнѣніе, согласно которому эти народы пришли въ названную область изъ странъ по Черному морю, изъ южно-русскихъ степей, наталкивается на неопровержимыя затрудненія, которыя вытекаютъ изъ общаго характера странствованій. Ни одному народу, который сидѣлъ въ позднѣйшее время въ южно-русскихъ степяхъ, не удалось присоединить къ своей языковой области какой-нибудь части Европы“. Конечно, такіа аналогіи вовсе не доказательство, тѣмъ болѣе, что, кромѣ римлянъ, врядъ-ли кому-нибудь изъ европейскихъ народовъ удалось присоединить къ своей „языковой области“ другой сколько-нибудь культурный народъ. Однако, выслушаемъ Гирта до конца. По его мнѣнію, передвиженія индогерманскихъ народовъ лучше всего объясняются изъ предположенія ихъ родины именно въ вышеуказанныхъ предѣлахъ: италійскіе языки находятся въ близкомъ родствѣ съ кельтійскими, а отношенія италійскихъ языковъ къ германскому заставляютъ думать, что италійцы вышли изъ довольно сѣверныхъ областей. „И, во всякомъ случаѣ, Чехія была той страной, гдѣ они сосѣдствовали съ пра-эллинами, жившими въ Венгріи“. Что касается другихъ родственныхъ племенъ, то „восточныхъ индогерманцевъ мы встрѣчаемъ къ востоку отъ названныхъ племенъ. Литовцевъ мы искали на балтійскомъ побережьи, славянъ на Днѣпрѣ ¹⁾; къ югу отъ нихъ

¹⁾ Въ примѣчаніи Гиртъ называетъ сочиненіе Нидерле о славянскихъ древно-

обширная область была занята орафийско-фригийскими племенами, тогда какъ, на востокъ, далеко въ Азію, углубились индоиранцы. Здѣсь родство языковъ подтверждаетъ, что расположенію племенъ осталось приблизительно старое. Народы распространяются, если это сколько-нибудь допускается географическимъ положеніемъ, въ направленіи всѣхъ своихъ границъ. Это мы наблюдаемъ на германцахъ, которые раздвинулись на востокъ, югъ, сѣверъ и западъ, и на кельтахъ, которые, въ концѣ концовъ, разбрелись во всѣ стороны свѣта. Точно такъ же происходило дѣло и у индогерманцевъ. Поэтому, совершенно естественно искать прародину въ центрѣ территоріи, занятой этимъ языкомъ (Sprachstamm). Этимъ путемъ воспользовались для опредѣленія родины славянскаго племени, а также германскаго и кельтскаго. Почему мы должны искать иного пути въ поискахъ родины индогерманцевъ? Такимъ образомъ, родину нашихъ языковъ мы должны искать въ той области, по срединѣ которой протекаетъ Висла. И возможно, что это не только приблизительно вѣрно, но даже совсѣмъ точно опредѣлено⁶. Такими и имъ подобными нелингвистическими доказательствами пользуются Гиртъ въ своихъ разсказахъ родины индогерманскаго племени; къ даннымъ же словаря онъ относится скептически, и только одному индогерманскому слову *more* онъ придаетъ извѣстное значеніе. Индогерманское **mari* должно было означать Балтійское, а не Черное море, такъ какъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ это послѣднее, не водятся *урей*, извѣстныхъ уже нашимъ индогерманскимъ предкамъ. Названія звѣрей и птицъ пра-индогерманскаго происхожденія переносятъ насъ на сѣверъ; то же слѣдуетъ сказать про знакомство съ *медомъ*, съ сѣверными листовыми деревьями и т. п. Однимъ словомъ, границы некоей прародины приблизительно совпадаютъ съ границами пынѣншей Германской имперіи. Таково, въ общихъ чертахъ, мнѣніе Гирта.

Прежде всего, объ *аналогіи*, которой онъ придаетъ такой вѣсъ. Вѣдь, если судить по аналогіи, то покажется страннымъ и появленіе европейскаго народа въ южной Азіи. Что же касается центра, въ которомъ нужно искать родину индогерманскаго племени, то такимъ центромъ, именно по аналогіи, легче всего считать область, откуда, дѣйствительно, направилась колонизація во всѣхъ четырехъ направленіяхъ. Такимъ центромъ, откуда распространились славяне, была

стяхъ, но врядъ-ли онъ знакомъ съ нимъ; потому что повторяетъ безъ обиняковъ старое мнѣніе Моллонгофа о родинѣ славянскаго племени.

прикарпатская область. Здѣсь же легче всего видѣть родину индогерманскаго племени: волки, бобры, медвѣди встрѣчаются въ волынскомъ полѣсѣ, угри въ рѣкѣ Вислѣ, вытекающей изъ Карпатъ, соль, съ которой были знакомы индогерманцы, добывалась въ копяхъ Велички, а съ моремъ они познакомились, плывя въ однодревкаль по Вислѣ или Дибстру. Кельты жили и въ историческое время недалеко отъ Карпатъ; изъ Венгріи вышли эллины; сѣвернѣе поселились германцы, оставшіеся здѣсь и въ историческое время, а частью проникшію по Вислѣ къ Балтійскому морю и по нему въ Швецію; славяне остались на родинѣ, оракійцы отодвинулись немного на югъ, литовцы къ востоку. Наконецъ, арійцы перобрались въ степи и отсюда дошли до средней Азіи, этой родины восточнаго деспотизма. Пройдя школу его здѣсь, они организованной массой передвинулись въ Индію. Такова картина индогерманскихъ передвиженій, которая, по моему убѣжденію, вполне согласуется и съ языковыми данными, и съ историческими аналогіями, и съ географическими положеніями. Остается еще одинъ фактъ, который прямо говоритъ противъ Гирта, хотя онъ ему извѣстенъ: это если и не родство финноугорскихъ языковъ съ индогерманскими, то, во всякомъ случаѣ, весьма древнее вліяніе этихъ послѣднихъ на первое, вліяніе, начавшееся еще въ ту пору, когда индогерманскіе, позже арійскіе, языки знали *e*, *o* и *s*. Въ области изученія этихъ вліяній и заимствованій между индогерманскими и кавказскими лежитъ, мнѣ кажется, наибольшая вѣроятность разрѣшить когда-нибудь вопросъ о родинѣ индогерманскаго племени согласно со всеми данными, которыя имѣются по этому вопросу. Въ пользу ученія Гирта, что Deutsches Reich родина индогерманскаго племени, не говорятъ ничего, кромѣ его желанія еще болѣе прославить и вознести созданіе Бисмарка.

Въ общихъ чертахъ я исчерпалъ содержаніе книги Гирта и вынесъ изъ своего разсмотрѣнія впечатлѣніе, неблагоприятное для нея. Я сомнѣваюсь, чтобы тѣ „образованные круги“, которые захотятъ изучить индогерманскую культуру по этой книгѣ, получали о ней ясное представленіе. Изъ разсужденій Гирта нельзя болѣею частью извлечь даже того, приписываетъ-ли онъ тотъ или другой обычай, то или другое культурное достоинство уже индогерманскому періоду. Рядомъ съ кропотливыми трудами Гена, Шрадера, Кречмера, даже Муха книга Гирта кажется очень поверхностной, мало продуманной, мало оригинальной. Но и въ ней есть нѣчто цѣнное и положительное: это лингвистическія сопоставленія, запрятанныя въ примѣчаніяхъ, сопо-

ставленія, сдѣланныя и провѣренныя такимъ хорошимъ лингвистомъ, какъ Гиртъ. Если бы на нихъ онъ обратилъ главное свое вниманіе, то книга его не вышла бы, можетъ быть, такой толстой и не была бы такъ любима для „образованныхъ круговъ“, но представляла бы несомнѣнную научную цѣнность.

А. Ногодинъ.

Б. В. Варнеке, проф. Императорскаго Казанскаго университета. *Исторія русскаго театра. Часть первая: XVII и XVIII вѣкъ.* Казань. 1903. 8°. 1 пеп.+III („Предисловіе“)+360+1 пеп. стр. Цѣна 2 руб.

Книга г. Варнеке, какъ вынесено въ „предисловіи“, представляетъ собою лекціи автора, читавшіяся имъ на драматическихъ курсахъ въ Петербургѣ и Казани. Составитель справедливо указываетъ на отсутствіе въ нашей литературѣ „общей сводной работы“ по исторіи русскаго театра. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ известной книги г. Морозова, доведенной только до начала 1740-хъ годовъ, мы не имѣемъ ни одного труда, въ которомъ систематически изображалось бы развитіе русскаго театра съ XVII вѣка до повѣйшаго времени. Поэтому книга г. Варнеке, первая часть которой вышла въ свѣтъ, является не только учебникомъ, но и въ значительной степени самостоятельнымъ трудомъ, впервые сводящимъ въ одно цѣлое данныя, добытыя изслѣдователями о русскомъ театрѣ за 1740—1800 гг. О продолженіи своего труда авторъ сообщаетъ (стр. III) слѣдующее: „Вторая часть, посвященная русскому театру XIX вѣка до Чехова и Станиславскаго включительно, готовится къ печати. Тамъ же читатели найдутъ и краткій очеркъ исторіи русскаго балета и указатель къ обѣимъ частямъ“.

Матеріалъ расположенъ у г. Варнеке по слѣдующимъ рубрикамъ: „I. Введеніе. Условія, способствовавшія возникновенію русскаго театра“ (стр. 1—14), „II. Школьные спектакли въ Кіевѣ“ (стр. 14—28), „III. Театръ при Алексѣѣ Михайловичѣ“ (стр. 28—38), „IV. Симеонъ Полоцкій и его [sic] репертуаръ Григори“ (стр. 38—52), „V. Театръ при Петрѣ Великомъ“ (стр. 52—80), „VI. Театръ при преемникахъ Петра“ (стр. 81—93), „VII. Волковъ, Дмитревскій и основаніе постоянного театра въ Петербургѣ“ (стр. 93—110), „VIII. Артисты XVIII вѣка и основаніе театра въ Москвѣ“ (стр. 110—132), „IX. Возникновеніе театра въ провинціи“ (стр. 132—149), „X. Театральные порядки XVIII вѣка“ (стр. 149—165), „XI. Репертуаръ XVIII вѣка.“

Сумароковъ и его трагедіи* (стр. 165—181), „XII. Трагедія Княжна и Николаева“ (стр. 181—196), „XIII. Комедія Сумарокова и Княжна“ (стр. 197—207), „XIV. Лукьянъ и Плавильщиковъ“ (стр. 207—231), „XV. Комическія оперы“ (стр. 231—254), „XVI. Торжественные спектакли“ (стр. 254—270), „XVII. Слезныя комедіи“ (стр. 270—287), „XVIII. Драматическія сочиненія Екатерины II“ (стр. 287—307), „XIX. Фонвизинъ и его „Бригадиръ““ (стр. 307—330), „XX. Недоросль и Ябеда“ (стр. 330—347) и „Указатель литературы“ (348—360). Уже изъ этого перечня можно видѣть, что исторія русскаго театра излагается авторомъ съ достаточной полнотой ¹⁾, и что большая часть книги—главы VII—XX—является первымъ систематическимъ обзоромъ судебъ нашей драмы (и отчасти оперы) въ XVIII вѣкѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что повѣствованіе г. Варнеке весьма живо и въ то же время основательно, такъ какъ сужденія автора постоянно подкрѣпляются и иллюстрируются выписками изъ источниковъ. Поэтому „Исторія русскаго театра“, несомнѣнно, можетъ принести большую пользу не только ученикамъ драматическихъ школъ, но и публикѣ, которая желаетъ называться образованной.

Признавая за книгой г. Варнеке большія достоинства, мы должны, однако, замѣтить, что нѣкоторыя страницы ея несвободны отъ промаховъ и недомолвокъ, исправленію которыхъ не требуетъ особаго труда и отнюдь не ведетъ къ переработкѣ плана или измѣненію основныхъ взглядовъ. Считаемъ не лишнимъ указать нѣсколько такихъ сомнительныхъ для насъ пунктовъ, въ надеждѣ, что разборчивый трудъ въ скоромъ времени потребуетъ втораго изданія, въ которое авторъ, вѣроятно, внесетъ нѣкоторыя измѣненія.

На стр. 84 упоминается „Комедія о графѣ Фарсонѣ“, „дошедшая до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ“; на самомъ дѣлѣ ихъ всего два (одинъ полный, другой дефектный).

При разборѣ комедіи Княжна „Чудаки“ (стр. 205—206, 324) г. Варнеке не упоминаетъ о томъ, что эта пьеса не оригинальна; читатель, знающій хотя бы изъ общезвѣснаго учебника Галахова

¹⁾ Намъ неизвѣстны причины, по которымъ г. Варнеке не рассмотрѣлъ драматическихъ промаховъ Н. А. Крылова, появившихся въ XVIII вѣкѣ; это является несомнѣннымъ пробѣломъ. Можетъ быть, авторъ посвятилъ имъ одну изъ главъ втораго тома своего труда; но намъ казалось бы, что это было бы уместнѣе сдѣлать въ первомъ, такъ какъ вся драматическая дѣятельность Крылова—и XVIII и XIX вѣка—коренится въ эпохѣ Екатерины II.

(Исторія русской словесности ², томъ I, отдѣлъ II, стр. 219) о сходствѣ ея съ комедіей Дюгуна „L'homme singulier“, останется въ недоумѣніи, дѣйствительно ли Книжнику принадлежитъ обрисовка характеровъ въ „Чудакахъ“? То же самое можетъ произойти и при оцѣнкѣ комедіи Лукина „Щоштилъникъ“ (стр. 214), о которой самимъ г. Варнеке указано (стр. 213), что она переделана изъ французской пьесы.

По слѣдамъ г. Фомина авторъ „Исторіи русскаго театра“ находитъ „непосредственную связь“ между бытовой комедіей XVIII вѣка и дѣятельностью А. П. Островскаго (стр. 222, 228); если въ Плавильщиковѣ и можно видѣть предшественника автора „Бѣдность не порокъ“, то едва ли кто согласится съ слѣдующимъ категорическимъ заявленіемъ: „...не будь сдѣлано въ XVIII вѣкѣ этихъ слабыхъ попытокъ, въ XIX-омъ не было бы возможно появленіе гораздо болѣе крупныхъ произведеній“ (стр. 222); между драматической дѣятельностью Плавильщикова и Островскаго *прямой* связи усмотрѣть нельзя.

Юмористическое объявленіе, приводимое г. Варнеке на стр. 320, было напечатано не въ „Вечерахъ“ 1777 г. (этотъ журналъ выходилъ въ 1772 г.), а въ новиковскомъ „Трутиѣ“ 1769 г. (листь VI).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбираемаго труда было бы желательно видѣть болѣе полныя свѣдѣнія; напримѣръ, при названіяхъ разсматриваемыхъ пьесъ было бы умѣстно обозначеніе имени автора; если оно и не было выставлено въ печатномъ изданіи, то часто можетъ быть опредѣлено по какимъ либо библиографическимъ пособіямъ; такъ, комическая опера „Апюта“ (стр. 240) принадлежитъ Мих. Попову (ср. его „Досуги, или собраніе сочиненій и переводовъ“, I, 87—124), „Опекуиъ профессоръ или любовь хитрѣе краснорѣчія“ (стр. 248—252) съ полной несомнѣнностью можетъ быть приписанъ П. П. Пиколеву (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, № 1, отд. II, стр. 99), „Чувствованіе благотвореній“ (стр. 264—266) написано Гейльсомъ (*ibidem*, 100), авторомъ пролога „Торжествующій Парнасъ“ („Сочиненіе В. М.“—стр. 267) былъ В. И. Майковъ (Неустровъ, А. П., Историческое разысканіе о русскихъ повромонныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., стр. 442). „Смѣшное сборище“ (стр. 148—149, 286—287) принадлежитъ Н. П. Благодарову (Сопиковъ, В. С., Опытъ российской библиографіи ², III, 258, № 5626). „Судейскія именины“ (стр. 342—343) написаны Пв. Соколовымъ (Неустровъ, *op. cit.*, 442—443). „Драма съ голосами“ „Розана и Любимъ“, приписанная г. Варнеке (стр. 248) Пиколеву (очевидно, по оглавленію

XXII части „Россійскаго Театра“), въ одномъ изъ отдѣльныхъ изданій снабжена инициалами Д. Х. (Сопиковъ; op: et edit. cit., № 3439).

Изъ другихъ недомолвокъ можно указать еще нѣсколько отдѣльныхъ. На стр. 193, въ разборѣ трагедіи Княгини „Вадимъ“, читаемъ: „Еще въ 1871 г. редакція „Русской Старины“, перепечатавшая эту пьесу, признала себя вынужденной выпустить изъ него [монолога Пренеста въ четвертомъ явленіи] 4 стиха“; это вѣрно, но эти четыре стиха были обнародованы въ Россіи еще въ 1865 г., какъ указалъ П. А. Ефремовъ („Русская Старина“, 1871, III, 726, сноска). При сообщеніи (стр. 258) о спектаклѣ, данномъ на дачѣ Парышкина въ присутствіи императрицы Екатерины II и графа Фалькопштойна, слѣдовало бы упомянуть, кто скрывался подъ этой фамиліей. Напрасно не объяснено (стр. 270, 272) и происхожденіе названія „слезная комедія“.

Г. Варнеке утверждаетъ, что „Недоросль“ „продолжаетъ до сихъ поръ оставаться однимъ изъ основаній тепершняго образцоваго репертуара русской сцены“ (стр. 308) и „жить своей художественной жизнью, до сихъ поръ появляясь на сценѣ“ (стр. 331). Учищійся можетъ изъ этихъ словъ вывести заключеніе, что „Недоросль“ и въ настоящее время не сходитъ съ репертуара, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ представленія его крайне рѣдки (да и вообще изъ всѣхъ пьесъ, появившихся послѣ второй половины XIX вѣка, серьезное мѣсто въ современномъ репертуарѣ занимаютъ только „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“). „Секретъ вѣчной юности“ „Недорослю“ придало, по мнѣнію г. Варнеке (стр. 340), „совершенно художественной отдѣлки“. Не отрицая извѣстныхъ художественныхъ достоинствъ за комедіей Фонвизина, мы думаемъ, тѣмъ не менѣе, что своей жизненностью она обязана не имъ, а общественнымъ идеямъ, положеннымъ въ ея основаніе; чрезвычайная смѣлость этой сатиры въ недавнее время блестяще охарактеризована г. П. А. Котляревскимъ („Николай Васильевичъ Гоголь. 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы“. С.-Пб. 1903, стр. 228). Трудно согласиться и съ другимъ замѣчаніемъ г. Варнеке (стр. 340), касающимся „Недоросля“: „По высотѣ художественныхъ достоинствъ изъ всего репертуара комедій восемнадцатаго вѣка рядомъ съ „Недорослемъ“ можно поставить, пожалуй, одну только „Ябеду“. Конечно, эстетическая критика всегда болѣе или менѣе субъективна, но намъ кажется рѣшительно невозможнымъ видѣть въ „Ябедѣ“ „живые сценическіе образы“ (стр. 347)—ся дѣйствующія лица гораздо ближе къ олицетвореніямъ пороковъ,

встрѣчавшимся въ средневѣковыхъ діалогахъ. Прекрасная характеристика этой пьесы дана г. Котляревскимъ въ только что цитированномъ трудѣ (стр. 229).

О послѣднемъ отдѣлѣ своей книги г. Варнеке замѣчаетъ (стр. II): „Въ концѣ читатели найдутъ указатель литературы, менѣе всего рассчитанный на полноту библиографическихъ указаній: это только мои „оправдательные документы“, представляющіе собой списокъ всего, чѣмъ я пользовался для отдѣльныхъ лекцій за исключеніемъ борать, явно устарѣлыхъ“. Конечно, въ учебникѣ необходима не полная библиографія, а только перечень необходимыхъ и полезныхъ, не устарѣвшихъ трудовъ и изданій матеріаловъ. Соглашаясь съ такимъ взглядомъ, мы можемъ, однако, сдѣлать кое-какія замѣчанія и по поводу „Указателя“ г. Варнеке. Такъ, называя (стр. 348) въ числѣ главнѣйшихъ пособій по исторіи русскаго театра извѣстную книгу г. П. О. Морозова, авторъ разбираемаго труда цитируетъ ее почему-то по *первому* изданію („Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій“, С.-Пб. 1888), а не по *второму* („Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія“. С.-Пб. 1889), испривленимому и заключающему въ себѣ необнародованные ранѣе тексты драматическихъ произведеній. Въ числѣ главнѣйшихъ публикцій драматической литературы (стр. 349) почему-то не названъ „Россійскій Оеатръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ оеатральныхъ сочиненій“. Въ перечнѣ литературы о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II (стр. 359) можно бы было упомянуть статью г. Д. Прохазки „Die Vorlage zur Komödie «O Время!» von Katharina II“ (Archiv für slavische Philologie, XXVII, 563—577). Наконецъ „Указатель литературы“ долженъ бы былъ сообщить учащимся и о существованіи особой библиографіи по исторіи русскаго театра („Библиографическій указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей и замѣтокъ по исторіи русскаго театра. Составилъ В. М. Адарюковъ“—Антикваръ. Библиографическій листокъ, сентябрь—декабрь 1903 г., 78—94).

Корректурa въ книгѣ г. Варнеке неудовлетворительна—опечатки встрѣчаются на каждомъ шагѣ; въ приводимыхъ авторомъ выдержкахъ изъ стихотворныхъ пьесъ зачастую стихи лишены размѣра или рифмы; пострадали и собственныя имена (Владистантъ, вмѣсто Владисыгъ, стр. 182 дважды; Феа, вмѣсто Фео, стр. 3 дважды; Марштынъ, вмѣсто Морштынъ, стр. 20; Вробловскій, вмѣсто Вороблевскій, стр. 139, и др.) и обычныя реченія (благодарномъ, вмѣсто благодарномъ, стр. 130;

умоляеть, вмѣсто умоляеть, стр. 230, и мп. др.). Списка опечатокъ, хотя бы только искажающихъ смыслъ, къ книгѣ не приложено.

Высказанными нами замѣчаніи, часть которыхъ принадлежитъ къ числу субъективныхъ, не должны заслонять общаго благоприятнаго впечатлѣнія отъ „Исторіи русскаго театра“.

И. Истревскій.

Книжныя новости.

Чтениа въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1908 годъ. Книга вторая. Издана подъ заведываніемъ М. К. Лубавскаго. М. 1908. Стр. LIV + 122 + 101 + 172 + 118 + + V + 50. Цѣна 3 р.

Въ вышеназванной книгѣ въ первомъ отдѣлѣ находимъ статьи: „Чиновники Московскаго Успенскаго собора и выходы патриарха Никона“, А. П. Голубцова и „Дневальныя записки приказа Тайныхъ дѣлъ. 7165 — 7183. Съ предисловіемъ С. А. Тьлюкурова“. „Чиновники“ напечатаны были въ предыдущихъ двухъ книгахъ „Чтеній“, здѣсь же помѣщено одно лишь предисловіе автора, въ которомъ онъ даетъ своего рода изслѣдованіе о напечатанномъ имъ чиновникѣ и о чиновникахъ и „сказаніяхъ дѣйствиныхъ чиновъ“ вообще. „Дневальныя записки“ начаты печатаніемъ въ предыдущей книгѣ „Чтеній“ и въ настоящей закончены. Къ нимъ приложенъ и указатель именъ личныхъ и географическихъ. Въ отдѣлѣ „матеріаловъ историко-литературныхъ“ помѣщена цѣлая работа А. С. Орлова — „Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ“. Въ обширномъ введеніи авторъ, кромѣ описанія вѣрности Коншинской рукописи, которая долгое время считалась исчезнувшей и нынѣ хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, сообщаетъ описаніе четырехъ рукописей, содержащихъ въ себѣ „Домострой“ и однородныхъ по редакціи съ Коншинскимъ спискомъ, характеристику чтеній каждой изъ нихъ, свѣдѣнія о двухъ спискахъ, „еще не нашедшихъ въ наукѣ полного опредѣленія“, и „соображенія объ исторіи протографа Коншинскаго и однородныхъ съ нимъ списковъ „Домостроя“, основанныя на оцѣнкѣ чтеній и отчасти языка этихъ списковъ“. „Домострой“ напечатанъ на славянскомъ языкѣ, и къ нему отдѣльно приложены обширнѣйшія „примечанія“, вслѣдствіе собранныя съ такою тщательностью. „Руководящую идеей моихъ работъ“, говоритъ А. С. Орловъ, „было, конечно, возстановленіе протографа редакціи Домостроя, представленной Коншинскимъ и однородными съ нимъ списками. Но до тѣхъ поръ, пока не выяснена исторія редакціи Домостроя, заключающейся въ спискахъ, старинныхъ представителей которыхъ является рукопись Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а также и пока не опредѣлены промежуточные комбинаціи обѣихъ редакцій Домостроя, — нельзя было возстановить *вполнѣ* точно протографъ Коншинскаго Списка и однородныхъ съ нимъ. Но мнѣ кажется, что моя работа уже тѣмъ можетъ быть по-

лезна, что ею открывается изучение самых чуждых Домостроя, которое должно иметь такое же значение для историко-литературного исследования этого памятника, как и изучение его источников, а также отражений в нем эпохи и областей культуры“.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій находимъ окончаніе очерка экономической исторіи Московскаго Успенскаго собора, подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи Московскаго Успенскаго собора“ Г. Н. Шмелева. Происхожденіе своей работы авторъ объясняетъ такъ: „покойный М. А. Морозовъ, сдѣлавшись старостой Московскаго Успенскаго собора, задумалъ издать подробнѣйшую исторію названнаго собора. Составленіе отдѣльныхъ частей этой исторіи онъ предполагалъ поручить специалистамъ. Между прочимъ, онъ обратился и ко мнѣ съ просьбой написать экономическую исторію Успенскаго собора. Такъ какъ тема показалась мнѣ интересной, то я охотно исполнилъ просьбу и написалъ предлагаемый очеркъ. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть М. А. Морозова прервала въ самомъ началѣ задуманное имъ предпріятіе, и Московскій Успенскій соборъ остался безъ достойной его исторіи“ (стр. 1).

Наконецъ въ отдѣлѣ „Смѣсь“ вошли: 1) „Визрская молитва Іуды“, М. П. Сперанскаго, желающаго видѣть въ ней памятникъ литературы жидовствующихихъ; 2) „Еще объ имени бывшаго кіевскаго княгини“, А. В. Маркова, предлагающаго свою поправку къ объясненію имени Афросиніи проф. В. Ф. Миллера; 3) „Сказка о кумѣ Морозѣ Ивановичѣ и сербскія пѣсни о св. Іоаннѣ“, его же; и 4) „Письма Московскаго митрополита Леонтія (Лебединскаго)“, Н. Н. Оглобина. Преосвященный Леонтій, въ мѣрѣ Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій, былъ далеко незауряднымъ іерархомъ русской церкви; двадцать пять лѣтъ онъ занималъ боевые посты на такихъ окраинахъ, какъ Подолия и Польша, и умеръ московскимъ митрополитомъ въ 1893 году. Предлагаемые письма были адресованы протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора Н. Я. Оглобину и относятся къ 1856—1877 годамъ. По содержанію своему многія изъ нихъ заключаютъ не мало цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики личности Леонтія и даже для исторіи вообще русской церкви во второй половинѣ XIX вѣка.

Воронежская Старина. Выпускъ седьмой. Изданіе Воронежскаго Церковнаго Историко-археологическаго Комитета. Воронежъ. 1908 г. Стр. 114+304+86. Цѣна 2 р. 60 к.

Открывшій свою дѣятельность въ 1901 г. Воронежскій церковный историко-археологическій комитетъ съ успѣхомъ продолжаетъ ее и послѣ отъѣзда въ Тифлисъ, а затѣмъ и скорой смерти своего перваго предсѣдателя и главнаго работника, А. М. Правдина, скончавшагося 2-го декабря 1907 г. Въ настоящемъ выпускѣ памяти его посвящены: пространнѣйшій биографическій очеркъ, составленный Н. И. Поликарповымъ, и двѣ замѣтки: П. В. Никольскаго и С. Н. Введенскаго. Въ этомъ же отдѣлѣ находимъ некрологъ и другого сотрудника комитета П. В. Цезаревскаго, составленный П. В. Никольскимъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщены: „Матеріалы по исторіи Воронежской епархіи. Время архіепископа Арсенія I и митрополита Павлія (1712—1718)“, сообщ. Г. В. Прохорѣвъ; и „Свѣдѣнія о Воронежскомъ архіерейскомъ

домъ и о монастыряхъ Воронежской епархіи, на Видомажкахъ Долгенинъ, Яковлевъ 1739—1741 гг., С. Н. Введенскаго. Г. В. Прохоровъ опубликовалъ извлеченныя имъ изъ дѣлъ архива морскаго министерства (и между прочимъ изъ дѣлъ графа Ф. М. Апраксина) письма, прошенія митрополита Пахомія, рапорты и другіе акты, заключающіе въ себѣ не мало цѣнныхъ данныхъ для выясненія, главнымъ образомъ, матеріальнаго положенія Воронежскаго архіерейскаго дома и самаго Пахомія, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что въ мѣстныхъ архивахъ объ этомъ свѣдѣній не имѣется. С. Н. Введенскій представлялъ сводную таблицу о хозяйственной жизни Воронежскаго архіерейскаго дома и монастырей Воронежскаго края въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка, за каковое время извѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія были „скудны и отрывочны“.

Въ отдѣлѣ исследованийъ находимъ весьма обстоятельную работу П. В. Пикольскаго, печатую имъ въ предыдущемъ шестомъ выпускѣ „Воронежской Старины“, подъ заглавіемъ: „Монашество на Дону“. Въ первой главѣ ея (въ настоящемъ выпускѣ) онъ разсматриваетъ „Перемены въ положеніи придонскихъ монастырей, происшедшія подъ вліяніемъ Петровскихъ преобразованій“, а во второй „Реформу въ положеніи монастырей, произведенную въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Исследование это не закончено, и слѣдующія его главы авторъ обѣщаетъ посвятить обзору подвижнической дѣятельности святителя Тихона. Продолженіе составляетъ и слѣдующая обширная работа Д. В. Цитовича—„Исторія Бирюченскихъ духовныхъ училищъ (приходская и уездная)“, изобилующая біографическими матеріалами объ учителяхъ училищъ. Далѣе интересенъ по повязнѣ матеріала и удачной его сводкѣ—„Хворостинь. Очеркъ изъ исторіи колонизаціи края“, сваяц. І. Ферронскаго.

Въ приложеніи помѣщено „Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Воронежской епархіи. I. Воронежскій уездъ. А. Церкви юр. Воронежскаго“, куда вошли: „Тихвино-Онуфриевская церковь“, сваяц. В. П. Горьковскаго; „Крестовоздвиженская (Петропавловская) церковь“, сваяц. Н. А. Орлова; „Введенская церковь“, сваяц. Н. Г. Никонова; „Всесвятская кладбищная церковь“, сваяц. М. Ф. Аскоченскаго; „Домовныя церкви г. Воронежа“, сваяц. С. И. Ширкевича и „Воронежскій Покровскій дѣвичій монастырь“ неизвѣстнаго автора. Въ текстѣ книги помѣщены портреты А. И. Пrawdина и до 13 разныхъ рисунковъ и плановъ.

К. Козловъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя въ отзывѣхъ критики. Опытъ бібліографическаго справочника. Изданіе I. Стр. II+96. Тифлисъ. 1908 г.

„Одна изъ главныхъ задачъ указателя“, по словамъ г. Козлова, „облегчить работу преподавателя словесности“, либо „въ послѣднее время руководить самостоятельнымъ чтеніемъ учащейся молодежи и устройство въ-классныхъ собесѣдованій на темы изъ новой русской литературы“ требуютъ отъ педагога „близкаго знакомства“ съ новой критикой. Съ другой стороны, по мнѣнію составителя, въ указателѣ „среди собраннаго матеріала найдутся и такія статьи и книги, которыя свободно могутъ быть рекомендованы для чтенія самимъ учащимся“. Г. Козловъ соглашается, въ заключеніе, что въ его указателѣ „есть и пропуски и другія неточности“. Въ „справочникѣ“, дѣйствительно, погрѣшностей не мало. Первая рубрика указателя: „Общая пособія для

изученія русской литературы послѣ Гоголя". Здѣсь названы только книги г.г. Венгерова, Скабичевского, Ев. Соловьева, Иванова-Разумника и „Исторія русской критики“ г. И. И. Иванова. А дагѣ, все-же, идутъ ссылки на источники, также болѣе или менѣе „общаго“ содержанія. С. Т. Аксаковымъ начинается, въ алфавитномъ порядкѣ, самый перечень „русскихъ писателей послѣ Гоголя“. Системы подбора тутъ нельзя удивить. Включены сюда и ученые: Грановскій, Пынинъ, и второстепенные покойные критики—Анненковъ, Дружининъ, и здѣшнующіе почтенныя, но отнюдь не крупныя беллетристы г.г. Баранцевичъ, Засодимскій и т. д. Не однажды задумываешьсѣ, пересматривая и „критическую литературу“ подъ этими именами. Иногда составитель, кажется, просто пользовался появившимся подъ руку періодическимъ изданіемъ, усердно исчерпывая его. Онъ помѣщаетъ здѣсь и самую ничтожную статью—въ педагогическомъ изданіи, и рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ—изъ историческаго журнала и пр. Послѣдній отдѣлъ указателя: „Русскіе писатели послѣдняго времени“. Здѣсь приводятся имена г.г. Андреева, Ардыбашева, Горькаго, Бальмонта, Курина—писателей, въ средней школѣ, къ счастью, еще не изучающихся. Помимо того, г. Козловъ находитъ умѣстнымъ занести въ списокъ и такихъ слабыхъ художниковъ, какъ г.г. Лѣтнова, Тимковскаго, Чирикова и др. Даже чисто газетный фельетонистъ г. Яблоновскій фигурируетъ въ этой рубрикѣ. Г. Козловъ звѣздочкой рекомендуетъ вещи для чтенія учащимся. И въ этомъ отношеніи мотивы его зачастую неясны. Почему указаны поверхностныя компіляціи г. Денисюка на стр. 56 и 58? Подобныя книжки годны скорѣе именно *взрослымъ*—для справокъ. Почему г. Козлову такъ нравятся блѣдныя очерки Гольцева? и т. д.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ 1908 года.

— Житіе преподобнаго Данила, переяславскаго чудотворца, повѣсть о обрѣтеніи мощей и чудеса его. Къ 400-лѣтію Троицкаго Данилова монастыря въ Переяславлѣ-Запѣсскомъ (15-го іюля 1508 г.—15-го іюля 1908 г.). Изданіе профессора С. И. Смирнова. М. 1908. XXXVIII+133 стр. Цѣна 75 коп.

— Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1905). I. Исторія факультета. II. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей. Подъ редакціей М. Г. Халаянскаго и Д. И. Вагага. Изданіе университета. Харьковъ 1908. VIII+168+390+XII+15 листовъ фототипій.

— Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета за осеннее полугодіе 1907 г. Одесса 1908. 194 стр.

— *De la Barte, Ф., графъ*. Разысканія въ области романтической поэтики и стиля. Томъ I. Романтическая поэтика во Франціи. Кіевъ 1908. VII+V+520 стр. Цѣна 3 руб.

— Научныя результаты Аральской экспедиціи, снаряженной Туркестанскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ VII. (Съ 5 табл. рис. и 4 фиг. въ текстѣ). Статьи: И. В. Палибина,

А. А. Остроумова, Н. Кіаег, С. С. Четверикова, Н. И. Степанова, А. А. Вирули, В. С. Елнатьевского и Л. С. Верга. С.-Пб.: 1907. 166 стр. (Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; томъ IV).

— *Гензель, П. П.* Библиографія финансовой науки. Толковый указатель къ главнѣйшимъ сочиненіямъ въ русской и иностранной финансовой литературѣ. Ярославль 1908. IV+110 стр. Цѣна 60 коп.

— *Boguslawski, Edward.* Tęzy weseźnyе праć Niederlego w przedmiocie Starożytności Słowiańskich. Warszawa 1908. IV+35 стр.

— *Вараць, Г. М.* Библиоко-агадическія параллели къ истоническимъ сказаніямъ о Владимірѣ Святѣмъ. Кіевъ 1908. II+IV+182 стр. Цѣна 75 коп.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СИМБИРСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ ¹⁾.

IV.

Уровень образованія и педагогической подготовки учащихся въ дореформенной школѣ былъ очень низокъ. Училищнымъ совѣтамъ и земскимъ и городскимъ учрежденіямъ пришлось потратить немало заботъ и труда, чтобы улучшить и замѣнить доставшееся имъ школьное наслѣдство, въ виду неудовлетворительнаго учительскаго персонала. Среди послѣдняго встрѣчались лица, которыхъ приходилось не только руководить, но и заново учить школьному дѣлу, и сразу измѣнить составъ наставниковъ не представлялось возможнымъ, какъ по недостатку подготовленныхъ кандидатовъ, такъ и потому, что въ тѣхъ школахъ ограниченный окладъ и неудобства помѣщенія не привлекали на учительскія должности людей, способныхъ къ педагогической дѣятельности.

Жалобы лицъ, обзрѣвавшихъ школы, на крайнюю неудовлетворительность многихъ учителей, особенно учителей-священниковъ и ихъ помощниковъ, безъ которыхъ имъ почти невозможно обходиться, не прекращались не только въ концѣ шестидесятыхъ, но и въ теченіе семидесятыхъ годовъ. Наряду съ недостатками педагогической техники, даже стечетъ директора народныхъ училищъ за 1879 годъ отмѣчаетъ незаконченность общаго образованія учителей и учительницъ и нетвердость приобретенныхъ ими самими свѣдѣній въ родномъ словѣ:

¹⁾ *Продолженіе. См. сентябрьскую книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1908 годъ.*

при повѣркѣ ученическихъ тетрадей ошибались часто и тѣ, которые относились къ этому дѣлу очень старательно, внимательно слѣдили за работами дѣтей и тщательно исправляли ихъ.

Понятно, поэтому, что первыя заботы училищныхъ совѣтовъ и земства направлены были на улучшение состава учащихся. Какъ мы уже видѣли, даже губернское земство, устранившее себя, вообще, отъ дѣла начальнаго народнаго образованія, нѣкоторое время расходовало свои средства на подготовку учителей. Открытые при его содѣйствіи педагогическіе курсы при симбирскомъ уѣздномъ училищѣ существовали съ 1869 г. по 1873 г. и дали три выпуска воспитанниковъ: въ 1871 г.—6, въ 1872 г.—18 и въ 1873 г.—23, а всего—47 человекъ. Ученіе продолжалось два года. Въ теченіе перваго года воспитанники, кромѣ классныхъ занятій, посѣщали городскія приходскія училища, а въ теченіе втораго—обучали въ этихъ училищахъ, подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ. Благодаря, преимущественно, энергій и беззаветной преданности дѣлу извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля Н. П. Ульянова, занимавшаго тогда эту должность, учителя, получившіе свое педагогическое образованіе на этихъ курсахъ, были лучшими учителями того времени. Кромѣ извѣстной технической подготовки, курсы сообщали учащимся общее развитіе и прививали имъ идеализмъ, въ силу котораго учительство было для нихъ высокимъ служеніемъ.

Открытая при матеріальномъ содѣйствіи губернскаго же земства Порѣцкая учительская семинарія остается до сихъ поръ единственною въ губерніи.

Объ учителяхъ, окончившихъ курсъ въ этой и другихъ учительскихъ семинаріяхъ, мѣстная учебная администрація всегда отзывалась хорошо. „Самые лучшіе учителя“, говоритъ, на примѣръ, отчетъ инспектора третьяго района за 1877—78 учебный годъ: „безспорно тѣ, которые получили предварительное образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ. Болѣе или менѣе основательно ознакомленные съ предметами начальнаго общеобразовательнаго курса, всѣ они хорошо усвоили лучшіе способы обученія въ начальной школѣ и, притомъ, не по наслышкѣ только, но, очевидно, такъ, какъ каждому изъ нихъ приходилось практически упражняться въ преподаваніи еще въ семинаріи. Но что особенно выдвигаетъ ихъ изъ ряда другихъ учителей, такъ это достаточно опредѣленное представленіе цѣли обученія, достиженіе которой возможно въ начальной школѣ вообще и, въ частности, въ каждомъ ея отдѣленіи. Если же къ этому присоединить

серьезное отношеніе ихъ къ урокамъ, выражающееся, между прочимъ, тѣмъ, что у каждаго встрѣтишь подробные конспекты, которые обыкновенно пишутся заранѣе,—то нельзя не сказать, что это учителя весьма и весьма желательны, и что между ихъ дѣятельностью и дѣятельностью учителей, не получившихъ специальной подготовки, всегда замѣтна большая разница“...

Къ сожалѣнію, губернское земство прекратило содержаніе въ Пурвской семинаріи своихъ стипендіатовъ только потому, что направленіе учителей-семинаристовъ показалось неудобнымъ мѣстнымъ землевладельцамъ.

Хотя, однако, въ симбирскихъ учительскихъ семинаріяхъ обращено серьезное вниманіе на педагогическую подготовку и разница между учителями, прошедшими курсъ этихъ семинарій и не получившими такого образованія, дѣйствительно велика, все же нельзя не признать, что общее образованіе, даваемое этими заведеніями, очень скудно, а это обстоятельство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ не всякій учитель можетъ восполнить его потомъ посредствомъ самообразованія настолько, чтобы быть не только техникумъ въ своей узкой сферѣ, но и серьезнымъ культурнымъ дѣятелемъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ учительницами, среди которыхъ не мало получили среднее образованіе. Это „среднее“ образованіе, однако, оставляетъ желать многого, такъ какъ оно получается по краткимъ программамъ маріинскихъ гимназій и саркiальныхъ училищъ; оно, притомъ, не соединяется съ соотвѣтствующей педагогической подготовкой. Еще менѣе удовлетворяетъ такому назначенію образованіе, даваемое прогимназіями, а между тѣмъ на послѣднія въ Симбирской губерніи принято смотрѣть, какъ на школы, подготовляющія учительницъ. Таково назначеніе прогимназій, содержимой на счетъ земства въ г. Курмышѣ: окончившія въ ней курсъ опредѣляются сначала помощницами учительницъ, а затѣмъ и учительницами. По ходатайству уѣздныхъ земствъ при этой, а также при ардаатовской женскихъ прогимназіяхъ, съ 1902 года открыты годичные педагогическіе курсы для подготовки окончившихъ въ нихъ курсъ къ занятію должностей учительницъ начальныхъ сельскихъ школъ.

Къ менѣе удачнымъ мѣрамъ по подготовкѣ контингента учащихся должны быть отнесены такія мѣры, какъ содержаніе буинскимъ земствомъ стипендіатовъ при симбирскомъ и буинскомъ уѣздныхъ училищахъ, съ цѣлью подготовки къ учительской дѣятельности. Карсунскій же училищный совѣтъ, въ самую раннюю пору его существова-

нія, оставлялъ при начальныхъ училищахъ, для приготовления къ учительской дѣятельности мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ, съ платой имъ изъ волостныхъ суммъ по три рубля въ мѣсяцъ, по мѣра эта почти не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ.

Цѣль улучшенія учащаго персонала, поднятія уровня его образованія, вообще, и сообщенія педагогическихъ знаній и опыта, въ частности, преслѣдовали также учительскіе съѣзды и краткосрочные педагогическіе курсы. Учительскіе съѣзды имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ началѣ разсматриваемаго періода. Въ 1871 году устроенъ былъ съѣздъ въ Сызранскомъ уѣздѣ, въ 1872 году — въ Курмышскомъ, въ 1873 г. — въ Карсунскомъ и въ томъ же году въ г. Симбирскѣ для учителей двухъ уѣздовъ — Симбирскаго и Сенгилеевскаго. Слѣдовательно, съѣзды происходили каждый годъ, то въ одномъ, то въ другомъ уѣздѣ, но, затѣмъ, вслѣдствіе ограничительныхъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія, дѣло это пришло въ упадокъ.

Между тѣмъ, польза съѣздовъ для учителей была очевидна. Напримѣръ, карсунскій съѣздъ, происходившій съ 1-го по 15-ое іюля 1873 года, устроенъ былъ Н. Н. Ульяновымъ въ зданіи Карсунскаго женскаго двухкласснаго училища. Засѣданія велись подъ руководствомъ учителя второго Промзинскаго училища Филарета Цвѣтницкаго, при чемъ на покрытие расходовъ каждому учителю выдано было по 10 рублей. Съѣздъ этотъ, въ виду разнородности учительскаго персонала того времени, былъ весьма своевремененъ и необходимъ. Занятія на немъ были обставлены серьезно, дѣловито, безъ ноумѣстнаго фразерства и дали большинству учителей цѣльный образецъ наилучшей постановки учебно-воспитательнаго дѣла. Со времени этого съѣзда прошло болѣе четверти вѣка, но отрадное воспоминаніе о немъ до сихъ поръ еще сохранилось у тѣхъ немногихъ участниковъ съѣзда, которые еще продолжаютъ училищную службу.

Современники перваго симбирскаго учительскаго съѣзда рассказываютъ, что уроки и доклады учащихся вызывали споры и объясненія, тянувшіяся до тѣхъ поръ, пока не составлялось общее мнѣніе, которое формулировалось однимъ изъ болѣе даровитыхъ учителей. Все носило на себѣ отпечатокъ небывалаго одушевленія и лихорадочнаго напряженія. Обсужденіе уроковъ становилось все живѣе и живѣе. Выяснялись главныя положенія педагогическія и лучшіе приемы обученія грамотѣ и счету. Въ заключеніе предложенъ былъ вопросъ о мѣрахъ взысканія въ сельскихъ школахъ. Всѣ пришли къ единогласному рѣ-

шенію всячески стараться поддерживать классную дисциплину, не прибѣгая къ мѣрамъ строгости и наказаніямъ, излюбленнымъ ветеранами школьнаго дѣла. Молодые учителя и учительницы развѣхались, преисполненные побывалою энергіи и стремленій принести какъ можно болѣе добра и счастья своимъ питомцамъ. Съѣзды были для нихъ какими-то праздниками, свѣтлыми точками среди вѣчныхъ сумерекъ безцвѣтной, слишкомъ замкнутой жизни въ глухихъ селеніяхъ и деревняхъ. Съездъ хоть нѣсколько освѣтилъ и чему-нибудь научилъ симбирскихъ учителей и учительницъ.

Однако, уже въ 1874 году министерство народнаго просвѣщенія предложило: 1) ходатайства объ открытіи съѣздовъ представлять въ министерство, по крайней мѣрѣ, за мѣсяць до срока ихъ открытія; 2) препровождать въ министерство программы съѣздовъ, съ присовокупленіемъ заключенія о достоинствѣ ихъ программъ; 3) о лицахъ, избираемыхъ въ руководители курсовъ, сообщать мнѣнія касательно ихъ способности и благонадежности, и 4) самые съѣзды должны именоваться „краткосрочными педагогическими курсами для учителей начальныхъ училищъ“.

Съ перемѣной названія измѣнился и характеръ съѣздовъ-курсовъ: изъ активныхъ членовъ съѣзда, не только слушавшихъ лекторовъ и руководителей, но и обсуждавшихъ школьное дѣло, учащіе должны были превратиться въ курсистовъ, которыхъ разсматривали, по выраженію одного учителя, „какъ малолѣтнихъ учениковъ, занимающихся не изъ-за личнаго интереса и желанія научиться, а по настоянію родителей и опекуновъ“...

Желая ознакомить учителей съ лучшими способами преподаванія и вообще веденія школьнаго дѣла, земства Алатырскаго, Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ ассигновали средства на устройство краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ при порѣцкой учительской семинаріи, которые и были открыты 15-го іюня и продолжались до 15-го іюля 1877 года. Для слушанія курсовъ избраны были лица, не получившія педагогическаго образованія и не кончившія курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ числѣ 39 изъ всѣхъ трехъ уѣздовъ. Такимъ образомъ, курсы не были общеучительскимъ дѣломъ: они предназначались лишь для наименѣе подготовленныхъ учителей. Запятія на нихъ состояли въ томъ, что учителя и руководители давали въ начальныхъ школахъ уроки, которые, велѣдъ за тѣмъ, обсуждались въ общихъ собраніяхъ учителей, и, наконецъ, учителя выслушивали отъ руководителей краткій методическій курсъ начальнаго обученія.

Въ 1895 году въ Симбирскѣ состоялись краткосрочные педагогическіе курсы, на которые приглашены были учителя и учительницы начальныхъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи симбирскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Продолжались они съ 23-го мая по 25-ое іюня и имѣли цѣлю: 1) пополнить и освѣтить дидактическія познанія преподавателей, не только не получившихъ специально-педагогическаго образованія, но и прошедшихъ курсъ учительскихъ семинарій и школъ, установить одинаковые взгляды на общій характеръ и задачи обученія въ начальной школѣ и ознакомить ихъ, теоретически и практически, съ лучшими способами и приемами начального обученія, а также съ новѣйшими учебными руководствами; 2) познакомить учителей и учительницъ съ основаніями огородничества и садоводства, примѣнительно къ условіямъ занятій этими предметами при мѣстныхъ сельскихъ училищахъ; 3) преподавать учителямъ военную гимнастику въ такихъ размѣрахъ, чтобы потомъ они безъ затрудненій могли вести преподаваніе ея въ начальныхъ школахъ по министерской программѣ; 4) познакомить учительницъ съ желательной постановкой обученія ученицъ начальныхъ школъ руководящимъ; 5) пройти съ учителями и учительницами краткій курсъ церковнаго пѣнія по программѣ этого предмета для церковно-приходскихъ школъ, чтобы учащія лица могли потомъ научить своихъ учениковъ пѣнію, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ молитвъ; 6) сообщить имъ главнѣйшія свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ у дѣтей школьнаго возраста, чтобы учащія лица могли принимать мѣры предосторожности противъ этихъ болѣзней, по крайней мѣрѣ, до прибытія врача, и 7) познакомить учащихся съ нѣкоторыми вопросами училищевѣдѣнія, на примѣръ: объ устройствѣ школьныхъ зданій и класной мебели, о томъ, какъ рисовать планы и чертить фасады училищныхъ домовъ, какъ вести школьныя записныя книги и т. д. Общеобразовательный элементъ на этихъ, какъ и на другихъ подобныхъ курсахъ въ Симбирской губерніи, не имѣлъ мѣста, какъ не приглашались на нихъ и извѣстные педагоги-специалисты.

Учительскіе съѣзды были вновь разрѣшены въ 1899 году. Первые два съѣзда состоялись вслѣдъ за тѣмъ въ Курмышѣ и Ардатовѣ въ 1901 году, подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ В. Люстрицаго. На нихъ былъ прочитанъ и обсужденъ рядъ рефератовъ на педагогическія темы. Въ 1904 году собрался симбирскій учительскій съѣздъ, приступившій къ своимъ занятіямъ 16-го августа, подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ Н. П. Охотина. На этомъ съѣздѣ засѣдало 58 учителей и 48 учительницъ, восполь-

зававшихся удобнымъ случаемъ обмѣняться своимъ опытомъ и мнѣніями относительно нѣкоторыхъ общепедагогическихъ вопросовъ, учебныхъ пособій, дисциплинарныхъ правилъ и тому подобнаго; на немъ читались и обсуждались рефераты объ устройствѣ для учащихся передвижныхъ библиотекъ, о нормальномъ числѣ учащихся на одного преподавателя, о постановкѣ преподаванія пѣнія, о преподаваніи ручного труда и т. д. Любопытно отмѣтить, что, по даннымъ Ярославской выставки 1903 года, изъ всѣхъ земскихъ губерній только въ Казанской, Калужской и Симбирской, за все время существованія земскихъ учреждений, вовсе не было учительскихъ съѣздовъ, краткосрочныхъ педагогическихъ и общеобразовательныхъ курсовъ, *устроенныхъ губернскими земствами или при помощи послѣднихъ.*

Улучшеніе состава учащихся начинается со времени открытія училищныхъ совѣтовъ. Въ 1873 году 12 несоотвѣтствующихъ своему назначенію учителей замѣнены были окончившими курсъ воспитанниками педагогическихъ классовъ и, согласно заявленію нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, вмѣсто учителей назначены были учительницы изъ кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ послѣдующіе годы отчеты отмѣчаютъ увеличеніе числа учащихся со спеціально-педагогическимъ и среднимъ образованіемъ. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ въ докладѣ симбирскаго училищнаго совѣта земскому собранію мы находимъ уже заявленіе о сравнительной удовлетворительности учительскаго персонала въ школахъ г. Симбирска и его уѣзда. Необходимо, однако, вообще, признать, что уровень учащихся Симбирскаго уѣзда значительно выше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ Симбирской губерніи.

Увеличеніе учительскаго содержанія и улучшеніе матеріальной обстановки учителей вообще, къ сожалѣнію, далеко не идутъ параллельно съ улучшеніемъ учительскаго персонала. Главнымъ образомъ, именно недостаткомъ матеріальнаго вознагражденія обуславливается недостатокъ образованныхъ и опытныхъ учителей, которые не въ состояніи довольствоваться незначительнымъ окладомъ содержанія, до сихъ поръ существующимъ во многихъ школахъ Симбирской губерніи. Это подтверждается и отчетомъ инспектора Карсунскаго уѣзда за 1876 годъ, въ которомъ, признавая несомнѣнный фактъ наличности въ училищахъ учителей, не соотвѣтствующихъ своему званію въ педагогическомъ отношеніи, заявляется, что замѣнить ихъ лучшими не представляется возможности, такъ какъ преподавателямъ такихъ училищъ назначены очень ограниченныя жалованія. Въ Сентилеевскомъ

и Курмышскомъ уѣздахъ постоянно существовали минимальные учительскіе оклады, при чемъ въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ до 80-ыхъ годовъ вознагражденіе преподавателямъ изъ земскихъ суммъ выдавалось по пропорціональному разсчету отъ 10 коп. до 1 руб. 70 коп. съ ученика; *бывали случаи выдачи 45 коп. за годовой трудъ учителя!* Оклады учительскаго жалованья въ большей части училищъ тамъ были, согласно отчету за 1886 годъ, настолько ограничены, что не было возможности назначать на такіе оклады лицъ съ достаточной подготовкой, какъ спеціальнаго, такъ и общеобразовательнаго характера. Хорошіе учителя, иногда опредѣляемые на мѣста съ незначительными окладами, всегда искали лучшихъ мѣстъ и переходили на нихъ при первой возможности, вслѣдствіе чего происходила частая смѣна лицъ учительскаго персонала, крайне неблагоприятно отзывавшаяся на усѣбности школьныхъ занятій. При избыткѣ кандидатовъ, имѣющихъ званіе начальнаго учителя и желавшихъ проходить учительскую должность, въ нѣкоторыхъ училищахъ Сенгилеевскаго уѣзда состояли преподавателями лица, не имѣвшія этого званія, что опять-таки, по признанію того же отчета, зависѣло отъ крайней ограниченности учительскаго содѣржанія. Докладъ инспектора сенгилеевскому земскому собранію 1894 года подтверждаетъ, что учащіе постоянно бѣгутъ со своихъ крайне бѣдно оплачиваемыхъ мѣстъ, а людей, желающихъ занять эти непривлекательныя мѣста, мало.

Въ послѣдующее время дѣло мало улучшается. Докладъ училищнаго совѣта земскому собранію 1903 года настаиваетъ на крайней необходимости возвысить оклады учительскаго жалованья. „Излишне доказывать“, говорится въ немъ:—„что 15 руб. въ мѣсяцъ и даже 20 руб., въ настоящее время, при возрастающей дороговизнѣ жизни, являются весьма ограниченной суммой, на которую съ трудомъ можно существовать несемейному даже человѣку, не говоря уже о лицахъ семейныхъ. При низкомъ окладѣ жалованья, въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ трудно удержать на продолжительное время хорошихъ учителей, которые принуждены переходить въ сосѣдніе уѣзды, гдѣ учительскій трудъ оплачивается гораздо лучше. Свободныя мѣста приходится замѣщать лицами съ низшимъ образовательнымъ ценомъ, безъ надлежащей педагогической подготовки; да и изъ такихъ учителей, — лица, болѣе или менѣе привыкшія къ веденію занятій и къ самой школѣ, при первой возможности пытаются перейти на другое мѣсто, что весьма печально отражается на ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла“. Изъ доклада совѣта земскому собранію 1904 года мы, наконецъ, узнаемъ, что одно

лицо изъ учащихся Сивгилеевскаго уѣзда получаетъ 300 руб., 22 по 240, 6 отъ 216 до 200, 33 по 180. Благодаря тому, что земствамъ въ 1904 году увеличена была сумма на народное образованіе на 300 руб., училищный совѣтъ нашелъ возможнымъ увеличить низшій окладъ жалованья отъ 5 до 2 руб. въ мѣсяцъ 6 учащимъ за „усердную и полезную свыше семилѣтнюю службу“. Несмотря на это, въ земскихъ школахъ Сивгилеевскаго уѣзда преобладающей нормой оклада учительскаго жалованья остается по прежнему низшая, т. е. 15 руб. въ мѣсяцъ, такъ какъ такимъ именно окладомъ оплачиваются труды половины всего состава учителей и учительницъ.

Не въ лучшемъ положеніи находится дѣло и въ Курмышскомъ уѣздѣ. Какъ видно изъ доклада училищнаго совѣта уѣздному собранію 1900 г., учительское содержаніе тамъ дѣлится на 9 разрядовъ: 4 лица получаютъ по 96 руб. въ годъ, 10 по 132 руб., 16 по 180 руб., 6 по 200 руб., 2 по 220 руб., 4 по 240 руб., 1 — 250, 1 — 270 и 4 по 300 руб. Слѣдовательно, 75% или $\frac{3}{4}$ всего учительскаго персонала земско-общественныхъ школъ получаютъ въ мѣсяцъ отъ 8 до 16 руб. 66 коп. или отъ 26 до 55 коп. въ день, при чемъ получающія наименьшій окладъ учительскія помощницы не имѣютъ готовой квартиры. На послѣднее обстоятельство обращено было вниманіе ардатовскаго уѣзднаго собранія 1902 года уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, въ докладѣ котораго говорится: „въ мѣстныхъ условіяхъ учительской службы нелегко обращаетъ на себя вниманіе необеспеченіе квартирами учительскихъ помощницъ. Послѣднія, получая по 12 руб. въ мѣсяцъ, вслѣдствіе неимѣнія въ училищныхъ зданіяхъ свободныхъ помѣщеній, принуждены нанимать квартиры на свой счетъ вдали отъ училища. По причинѣ скуднаго содержанія учительскія помощницы вынуждены нанимать самыя дешевыя, неустроенныя избы и кельи, съ рискомъ для своего здоровья“.

Въ связи съ низкими размѣрами жалованья у учителей и учительницъ замѣтны—бѣдная обстановка, скудное питаніе, отсутствіе сбереженій, вслѣдствіе чего семейнымъ преподавателямъ съ трудомъ удается дать образованіе собственнымъ дѣтямъ. Такія условія учительскаго существованія, неблагоприятно отражаясь на школьномъ дѣлѣ, въ то же время приводятъ къ отсутствію прилива на учительскія мѣста лицъ, получившихъ педагогическую подготовку въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Увеличеніе числа школъ и количества учащихся естественно вызвало и ростъ состава педагогическаго персонала, о которомъ за пе-

ріодъ времени съ 1871 г. по 1904 г. можно составить себѣ представленіе по слѣдующей таблицѣ: (см. табл. на стр. 131—132).

Эта таблица обнимаетъ собою данныя объ учительскомъ персоналѣ, какъ школь, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, такъ и министерскихъ школь. Изъ нея мы видимъ, что число законоучителей и преподавателей общеобразовательныхъ предметовъ съ 1871 г. по 1904 г. увеличилось на 700 или на 122%, при чемъ число первыхъ возросло на 76, 6%, а вторыхъ—на 173,2%, т. е. число послѣднихъ возрастало значительно быстрѣе. Принявъ во вниманіе, что число школь за тотъ же періодъ времени возросло на 34%, а число учащихся на 350,1%, —мы получимъ выводъ, что число преподавателей возрастало несравненно въ большей степени, чѣмъ число школь, но въ меньшей степени, чѣмъ число учащихся. Объясняется это малолюдностью школь въ началѣ и переполненностью ихъ въ концѣ періода. Численное преобладаніе въ началѣ разсматриваемаго періода было на сторонѣ учителей, которыхъ было почти въ четыре раза больше, чѣмъ учительницъ. Хотя абсолютное число послѣднихъ до 1878 года увеличивалось, но ихъ процентное отношеніе къ учителямъ не только не возвышалось, а даже падало (въ 1876 году, наиримѣръ, до 15,9%), что объясняется тѣмъ, что въ эти годы еще слишкомъ незначителенъ былъ контингентъ лицъ женскаго пола, получившихъ образованіе, достаточное для того, чтобы конкурировать съ мужчинами. Зато слѣдующіе годы даютъ почти постоянное и абсолютное и относительное увеличеніе числа учительницъ: въ 1895 году ихъ было уже 40,4%, въ 1903 году — половина и, наконецъ, въ 1904 году почти 51%.

Такимъ образомъ женскій трудъ въ этой области получаетъ все большее и большее примѣненіе за счетъ мужского труда, что наблюдается и въ другихъ губерніяхъ. Въ 1898 году, въ общемъ, по имперіи въ разсматриваемыхъ категоріяхъ школь учительницы составляли 47% числа учащихся, такъ что соотвѣтствующій процентъ по Сибирской губерніи (46,7%) почти совпадаетъ со среднимъ.

Въ уѣздахъ происходитъ тотъ же ростъ числа учительницъ на счетъ числа учителей, но не вездѣ въ одинаковой степени. Въ уѣздахъ Сибирскомъ, Карсунскомъ и Ардатовскомъ число послѣднихъ уменьшилось не только относительно, но и абсолютно; въ уѣздахъ же Сибирскомъ, Буинскомъ, Сызранскомъ и Сентилеевскомъ численный перевѣсъ остается на сторонѣ учителей: въ послѣднемъ — число ихъ возрастаетъ даже съ 1892 года. Въ Алатырскомъ же уѣздѣ съ 25% въ 1892 году число учительницъ увеличилось до 50% въ 1903 году.

ГОДЫ.	Ч И С Л О.				Общее число учителей и учащихся.	Изъ этого числа проценты:	
	Законоучителей.	Учителей и помощниковъ.	Учительницъ и помощницъ.	Всего.		Учителей.	Учительницъ.
1871	290	220	56	566	276	79,7	20,3
1872	298	233	63	594	296	70,1	29,9
1873	271	257	60	588	317	81,1	18,9
1874	280	250	64	594	314	79,6	20,4
1875	238	326	68	632	394	82,7	17,3
1876	270	334	63	667	397	84,1	15,9
1877	279	329	86	694	415	79,3	20,7
1878	304	322	103	729	425	75,8	24,2
1879	322	319	113	754	432	73,8	26,2
1880	343	322	118	783	440	73,2	26,8
1881	371	316	126	813	442	71,5	28,5
1882	386	309	142	837	451	68,3	31,7
1883	385	308	141	834	449	68,7	31,3
1884	385	310	145	840	455	67,9	32,1
1885	392	308	148	848	456	67,5	32,5
1886	401	307	150	858	457	65,0	35,0
1887	407	319	165	891	484	65,9	34,1

ГОДЫ.	Ч И С Л О.				Общее число учителей и учительницъ.	Изъ этого числа процентъ:	
	Законоучителей.	Учителей и помощниковъ.	Учительницъ и помощницъ.	Всего.		Учителей.	Учительницъ.
1888	425	324	182	931	506	64,0	36,0
1889	429	328	189	946	517	63,3	36,7
1890	433	342	187	962	529	64,5	35,5
1891	437	333	191	961	524	63,6	36,4
1892	421	343	189	953	532	64,4	35,6
1893	435	379	201	1.015	580	65,3	34,7
1894	436	337	214	987	551	61,2	38,8
1895	441	333	225	999	558	59,6	40,4
1896	439	328	233	1.000	561	58,4	41,6
1897	452	334	249	1.035	583	55,6	44,4
1898	450	325	284	1.059	609	53,3	46,7
1899	461	329	300	1.099	638	51,6	48,4
1900	477	338	327	1.142	665	50,8	49,2
1901	488	340	337	1.165	677	50,2	49,8
1902	502	360	343	1.205	703	50,7	49,3
1903	506	365	364	1.235	729	50,0	50,0
1904	512	371	383	1.266	754	49,2	50,8

Въ уѣздахъ Карсунскомъ, Ардатовскомъ и Курмышскомъ оно уже превышаетъ число учащихъ мужского пола. При относительномъ „перепроизводствѣ“ у насъ интеллигентнаго женскаго пролетаріата, въ силу политическихъ и гражданскихъ условій страны, женщины-учительницы являются конкурентами, побѣждающими мужчинъ, главнымъ образомъ, потому, что онѣ больше дорожатъ профессіей, дающей даже болѣе чѣмъ скромныя средства къ существованію. Еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ одинъ изъ наблюдателей школьной жизни въ Симбирской губерніи замѣтилъ, что, если учитель считаетъ иногда нищенскимъ свое содержаніе, — то учительница, въ большинствѣ случаевъ, довольна своимъ скромнымъ жалованьемъ. Замѣчательно, что народъ весьма скоро свыкается съ учительницами, дѣти крѣпко привязываются къ нимъ и любятъ ихъ больше, чѣмъ учителей. Чистота и даже хорошіе классные порядки встрѣчаются чаще у учительницъ, чѣмъ у учителей. Въ этомъ вопросѣ, однако, рѣшающее значеніе должно имѣть лишь то, обладаетъ ли данное лицо соответствующимъ образованіемъ и педагогическою подготовкой. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о движеніи образовательнаго ценза учащихъ за время съ 1871 года по 1904 годъ, въ процентахъ: (см. таб. на стр. 134—135).

Законоучители за весь рассматриваемый періодъ состояли преимущественно изъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ духовной семинаріи. Въ 1881 году такихъ лицъ было 337 или 91% общаго числа законоучителей, а въ 1904 году — 473 или 90,8%. Остальные 9,2% въ 1881 году принадлежали къ лицамъ съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ; въ 1904 году число послѣднихъ уменьшилось до 4,7; съ 1887 г. явился новый типъ законоучителей — съ специально педагогическимъ образованіемъ, число которыхъ къ концу 1904 г. достигло 15 (3%). Къ сожалѣнію, при относительно столь высокомъ образовательномъ цензѣ законоучителей, уснѣшное преподаваніе закона Божія, по свидѣтельству директора и инспекторовъ народныхъ училищъ и другихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, обезпечено далеко не всегда. Особенно много жалобъ въ этомъ отношеніи раздавалось въ 70-ыхъ годахъ, когда законоучители, въ большинствѣ случаевъ, по словамъ отчетовъ, смотрѣли на свое учительское жалованье, какъ на прибавку къ ихъ скудному содержанію, нисколько не обижавшую ихъ обучать дѣтей. Дѣти часто ничего не знали по закону Божію и даже не имѣли понятія о религіи, къ которой принадлежали, между тѣмъ какъ „бабушка“ оказывался въ отсутствіи. Впрочемъ, и посѣщая классы, за-

ГОДЫ.	ПРОЦЕНТНОЕ ОТНОШЕНІЕ:											
	Учителей съ образованіемъ:					Учительницъ съ образованіемъ:						
	Высшій.	Спеціально педагогиче- скій.	Средній.	Низшій съ правомъ пре- подаванія.	Домашній съ правомъ преподаванія. Не имѣющихъ права пре- подаванія.	Высшій.	Спеціально педагогиче- скій.	Средній.	Низшій съ правомъ пре- подаванія.	Домашній съ правомъ преподаванія. Не имѣющихъ права пре- подаванія.		
1871 . .	—	2,8	13,7	79,0	4,5	—	—	8,9	42,9	48,2		
1872 . .	—	9,7	18,1	61,3	10,9	—	—	11,1	44,4	44,5		
1873 . .	—	17,1	17,9	64,2	0,8	—	—	20,0	41,6	38,4		
1874 . .	—	16,8	14,0	63,6	5,6	—	—	26,6	28,1	45,3		
1875 . .	—	15,0	31,9	50,0	3,1	—	—	35,2	32,4	32,4		
1876 . .	—	17,4	33,5	45,2	3,9	—	—	42,9	36,5	20,6		
1877 . .	—	17,9	21,3	55,4	2,4	—	—	43,0	33,7	23,3		
1878 . .	—	21,7	18,6	56,8	2,9	—	—	46,6	34,0	19,4		
1879 . .	—	24,8	13,4	59,2	2,6	—	—	46,0	33,6	20,4		
1880 . .	—	26,4	11,2	60,5	1,9	1,7	0,8	49,2	30,5	17,8		
1881 . .	—	31,6	6,6	60,0	0,6	1,2	2,4	0,9	47,6	37,3	9,4	2,4
1882 . .	—	34,6	2,9	60,9	0,6	1,0	2,4	1,4	49,3	31,0	12,7	3,5
1883 . .	—	35,7	3,2	60,1	0,3	0,7	2,4	1,4	49,0	35,4	8,5	3,6
1884 . .	—	36,4	3,2	59,3	0,4	0,7	2,4	2,1	55,3	31,7	6,1	2,7
1885 . .	—	40,6	3,2	55,6	0,3	0,3	1,4	2,7	57,4	31,1	6,0	1,4
1886 . .	—	42,3	5,5	51,1	1,1	—	1,3	3,4	56,7	31,3	7,3	—
1887 . .	—	43,6	5,9	49,9	0,6	—	—	3,0	61,2	32,1	3,7	—

ГОДЫ.	ПРОЦЕНТНОЕ ОТНОШЕНИЕ:											
	Учителей съ образованіемъ:					Учительницъ съ образованіемъ:						
	Высшимъ.	Спеціально педагогиче- скимъ.	Среднимъ.	Низшимъ съ правомъ пре- подаванія.	Домашнимъ съ правомъ преподаванія.	Не имѣющимъ права пре- подаванія.	Высшимъ.	Спеціально педагогиче- скимъ.	Среднимъ.	Низшимъ съ правомъ пре- подаванія.	Домашнимъ съ правомъ преподаванія.	Не имѣющимъ права пре- подаванія.
1888 . .	—	45,1	6,8	48,1		—	—	2,7	60,0	37,3		—
1889 . .	—	47,8	7,8	43,5	0,9	—	—	4,2	63,0	26,0	6,8	—
1890 . .	—	49,4	6,7	41,0	2,9	—	—	6,3	63,8	24,5	5,4	—
1891 . .	}	52,2	5,5	39,1	0,9	2,3	—	5,8	61,4	28,0	3,2	1,6
1892 . .												
1893 . .	0,3	53,5	5,2	36,8	2,1	2,1	—	5,1	62,7	28,4	2,5	1,0
1894 . .	—	51,6	3,8	41,2	1,7	1,7	0,5	5,6	59,0	32,6	1,4	0,9.
1895 . .	—	52,5	5,7	40,0	0,7	1,1	0,4	6,6	57,6	33,3	2,1	—
1896 . .	—	52,4	5,5	41,5	0,6	—	—	6,0	60,9	30,9	2,2	—
1897 . .	—	53,9	5,4	39,2	0,9	0,6	0,5	6,0	59,4	30,9	3,2	—
1898 . .	—	53,9	5,6	39,3	0,6	0,6	—	6,0	57,4	34,1	2,5	—
1899 . .	—	51,3	5,0	42,5	0,6	0,6	—	8,4	55,3	33,7	2,2	0,4
1900 . .	—	51,8	3,8	43,7		0,7	—	8,2	51,6	38,8		1,1
1901 . .	—	51,5	5,0	42,6		0,9	—	7,7	51,3	40,4		0,6
1902 . .	—	51,1	3,9	44,4		0,6	—	10,2	51,6	38,2		—
1903 . .	—	52,8	3,8	42,9		0,5	—	11,3	49,7	39,0		—
1904 . .	—	51,7	4,0	44,3		—	—	11,7	47,3	40,8		0,2

коноучители проявляли иногда крайне формальное отношеніе къ дѣлу. Въ 1874 году, въ школѣ села Большой Борлы, ревизоръ нашелъ, что по закону Божію учениками ничего пройдено не было. Въ дѣлѣ преподаванія священникъ ограничивался тѣмъ, что приказывалъ ученикамъ по исторіи Базарова (въ училищѣ былъ всего одинъ ея экземпляръ) читать въ классѣ, а самъ ходилъ по классной комнатѣ, ничего не говоря, не всегда даже спрашивая, что осталось въ головѣ учениковъ по прочтеніи ими разсказа о томъ или другомъ событіи. Такъ какъ въ исторіи Базарова первые листы, гдѣ говорится о сотвореніи міра и грѣхопаденіи прародителей, были вырваны, то дѣти приступили прямо къ чтенію изгнанія Адама и Евы изъ рая и ничего не знали о сотвореніи міра и грѣхопаденіи прародителей. Ревизоръ спросилъ священника, не было ли говорено ученикамъ чего-нибудь о праздникахъ, на что тотъ отвѣтилъ: „зачѣмъ имъ это знать? довольно съ нихъ знать что-нибудь изъ ветхо-завѣтной исторіи; а то за 18 руб. вознагражденія я буду имъ еще говорить о праздникахъ“... Отсутствие педагогическихъ знаній и умѣнья и формальное отношеніе къ дѣлу многихъ законоучителей отмѣчаютъ и общія характеристики законоучителей, принадлежація чинамъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1870, 1880 и 1890 гг. Печальный результатъ такого отношенія къ школѣ со стороны отцовъ законоучителей поддерживался еще и тѣмъ, что многіе священники, воспитанники старой школы, не могли вполне сродниться съ требованіемъ новой учебной постановки закона Божія въ симбирскихъ школахъ и, практикуя на своихъ урокахъ давно отжившую старину, придавая большее значеніе мертвой буквѣ, чѣмъ живому слову, охлаждали совершенно чувство дѣтей къ этому предмету. Съ теченіемъ времени преподаваніе закона Божія значительно улучшилось: отчеты отмѣчаютъ дѣятельность усердныхъ, опытныхъ и талантливыхъ законоучителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали высказываться пожеланія о томъ, чтобы батюшки тѣснѣе сближались съ просвѣтительными цѣлями школы, посѣщали бы ее возможно чаще и т. п. Отчеты за послѣдніе годы также указываютъ на то, что нѣкоторые законоучители посѣщаютъ уроки неохотно и несправно, ограничиваясь требованіемъ отъ учениковъ чисто механическаго знанія. Точныхъ свѣдѣній о пропущенныхъ законоучителями урокахъ не имѣется, такъ какъ регистрація ихъ не приводитъ къ цѣли: самъ несправный законоучитель вести ее не будетъ, а для учителя это вещь весьма щекотливая и вѣдетъ, большею частью, къ разстройству добрыхъ отношеній со священникомъ.

Что касается образовательнаго ценза преподавателей общеобразовательныхъ предметовъ, то изъ приведенной выше таблицы видно, что въ первое время среди нихъ преобладали лица, не имѣвшія ни средняго, ни специально-педагогическаго образованія: въ 1871 году первымъ обладали 13,7% учителей и 8,9% учительницъ; специально-педагогическое образованіе было лишь у 6 учителей. Учителя со среднимъ образованіемъ были лица, окончившія курсъ въ духовной семинаріи, смотрѣвшія на должность учителя, какъ на временную, переходную ступень, и рѣдко стремившіяся къ усвоенію педагогическихъ знаній и къ улучшенію дѣла преподаванія, а потому уменьшеніе лицъ этой категоріи въ послѣдующее время нельзя разсматривать, какъ явленіе, неблагопріятное для послѣдняго. Лица же съ высшимъ образованіемъ были крайне рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ въ составѣ законоучителей, учителей и учительницъ Сибирской губерніи. Въ общемъ, цифры подтверждаютъ выводъ объ улучшеніи состава учащихся. Число учителей, получившихъ специально-педагогическое образованіе, возросло съ 2,8% въ 1871 году до 51,7% въ 1904 г., что составляетъ болѣе половины общаго числа учителей. Параллельно съ уменьшеніемъ числа учителей со среднимъ образованіемъ (съ 17,7% до 4%), происходило абсолютное и относительное сокращеніе и числа учителей съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ — съ 83,5% до 44,3%. Получившихъ педагогическое образованіе учительницъ въ началѣ періода совершенно не было и въ настоящее время ихъ только 11,7%; получившихъ же среднее образованіе учительницъ (въ противоположность учителямъ) теперь — 47,3%; наконецъ, учительницъ съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ 41%, считая въ томъ числѣ и одну учительницу, не имѣющую права преподаванія. До сихъ поръ еще 44,3% учителей и 41% учительницъ, а въ общемъ, слѣдовательно, 42,7% не имѣютъ ни средняго, ни специально-педагогическаго образованія; со среднимъ образованіемъ — 4% учителей и 47,3% учительницъ, а тѣхъ и другихъ 25,9%; наконецъ, специально-подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности учителей 51,7% и учительницъ 11,7%, а всего 31,4%.

При отдѣльномъ разсмотрѣніи образовательнаго ценза учащихся въ министерскихъ и земско-общественныхъ школахъ Сибирской губерніи оказывается (по даннымъ, разработаннымъ К. П. Колесниковымъ), что въ первыхъ преобладаютъ лица со специальнымъ образованіемъ — 78,3%, со среднимъ — только 9,3% и съ низшимъ 12,4%; въ школахъ же второй категоріи больше всего учащихся съ низшимъ образованіемъ —

44,8%, затѣмъ слѣдуютъ лица со среднимъ образованіемъ 28,7% и, наконецъ, со спеціальнымъ—26,5%.

Для сравнительной оцѣнки значенія того или другого образованія для учебнаго дѣла интересны соображенія доклада симбирскаго уѣзднаго училищнаго совѣта земскому собранію 1889 года, тѣмъ болѣе, что они относятся именно къ тому времени, когда достоинства и недостатки того или другого образовательнаго ценза достаточно выяснились. Докладъ признаетъ лучшими учителями лицъ, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. „Они вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей“,—говорится въ немъ—„съ порядочною теоретическою и практическою подготовкою, а потому, начальная школа для нихъ—не невѣдомая область, а болѣе или менѣе знакомое учрежденіе съ извѣстными правилами и порядками, какъ по учебной, такъ и по воспитательной частямъ. Правда, твердые и окончательныя навыки въ преподаваніи лица эти пріобрѣтаютъ уже собственнымъ опытомъ, въ тѣхъ школахъ, куда приходится имъ поступать; однако преимущества ихъ предъ учителями другихъ категорій совершенно очевидны: почти во всѣхъ школахъ, гдѣ преподаютъ учителя и учительницы этого разряда, успѣхъ обученія стоитъ выше обыкновеннаго уровня; въ распредѣленіи занятій виденъ смыслъ; въ выборѣ матеріала для самостоятельныхъ уроковъ учащимся—система; школьная дисциплина и обращеніе этихъ учителей съ учениками часто не оставляютъ желать почти ничего лучшаго“.

Лица съ низшимъ образованіемъ уѣздныхъ и духовныхъ училищъ и женскихъ прогимназій и получившія право преподаванія по дополнительному экзамену, крайне дорожатъ, по свидѣтельству доклада, своею должностію и, за весьма рѣдкими исключеніями, стараются встать на одинъ уровень съ лучшими учителями.

Къ разряду лицъ со среднимъ образованіемъ принадлежатъ учительницы, окончившія курсъ гимназій, и учителя изъ духовной семинаріи. Первые, „при порядочною теоретическою подготовкѣ, не всегда ведутъ начальное обученіе съ надлежащимъ пониманіемъ дѣла и умѣньемъ, а потому и оказываются немного лучше учителей предыдущаго типа“. Учителя съ образованіемъ духовной семинаріи „занимаются обученіемъ удовлетворительно, хотя и не съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, какъ получившіе образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ“.

Наконецъ, немногочисленные учителя съ домашнимъ образованіемъ и не имѣющіе свидѣтельств на званіе учителя характеризуются „ка-

чествами, весьма близкими къ тѣмъ, какія принадлежатъ преподавателямъ второго типа“.

Все вышеизложенное даетъ вѣское основаніе къ выводу, что учительскій персоналъ въ Симбирской губерніи далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ даже съ точки зрѣнія общераспространенныхъ, не отличающихся особо строгостью, требованій, предъявляемыхъ къ педагогу начальной школы.

По отдѣльнымъ уѣздамъ величины, касающіяся образовательнаго ценза учащихся, подвержены рѣзкимъ колебаніямъ, а именно—въ 1904 году было съ образованіемъ:

Въ уѣздахъ:	Педагогическимъ:	Среднимъ:	Низшимъ и домашнимъ:
Симбирскомъ.	40,5%	45,5%	14 %
Буинскомъ	54 "	9 "	37 "
Карсунскомъ	31 "	15 "	54 "
Алатырскомъ	35,5 "	13,2 "	51,3 "
Ардатовскомъ	28,5 "	18 "	53,5 "
Курмышскомъ	20 "	9 "	71 "
Сызранскомъ.	24 "	35 "	41 "
Сенгилеевскомъ.	16 "	36 "	48 "

Первое мѣсто принадлежитъ, такимъ образомъ, Симбирскому уѣзду, въ которомъ лицъ съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ всего 14%. За нимъ слѣдуютъ уѣзды уже со значительнымъ числомъ такихъ преподавателей: Буинскій, Сызранскій, Сенгилеевскій, Алатырскій, Ардатовскій и Карсунскій. Последнее мѣсто принадлежитъ Курмышскому уѣзду. Въ первыхъ четырехъ уѣздахъ число лицъ со среднимъ и специальнымъ образованіемъ болѣе половины; въ четырехъ послѣднихъ—менѣе, опускаясь въ Курмышскомъ уѣздѣ почти до 1/4 всего числа учащихся.

Подготовка учителей и учительницъ къ преподавательской дѣятельности и размѣръ получаемого ими вознагражденія всегда находились въ извѣстной причинной связи. О размѣрѣ вознагражденія, получаемого учащими въ школахъ Симбирской губерніи въ началѣ семидесятыхъ годовъ, можно судить по тому, во сколько обходилось тогда содержаніе школъ вообще. Въ 1871 году въ Симбирскомъ уѣздѣ, въ среднемъ, содержаніе каждой школы (не считая частныхъ) обходилось въ 184 руб. 9 коп., въ Сенгилеевскомъ—110 руб. 87 коп., въ Сызранскомъ—79 руб. 38 коп., въ Карсунскомъ—110 руб. 45 коп., въ

Алатырскомъ—177 руб. 76 коп., въ Ардатовскомъ (за исключеніемъ 10 школъ, не имѣвшихъ „никакихъ средствъ къ содержанію“)—256 р. 84 коп., въ Курмышскомъ—265 руб. 92 коп., въ Буинскомъ (за исключеніемъ 12 женскихъ школъ, „не имѣвшихъ опредѣленнаго содержанія“)—203 руб. 96 коп.; въ общемъ, по губерніи, содержаніе каждой школы обходилось въ 134 руб. 17 коп. При этомъ квартира для учащихся или вовсе не было при школахъ, или онѣ были очень плохи.

По даннымъ 1876 года законоучители въ городахъ получали: 2—менѣе 50 руб. въ годъ; 4—отъ 50 до 75 руб., 2—отъ 75 руб. до 100 руб. и 13—отъ 100 руб. до 150 руб.; въ селеніяхъ же—37 законоучителей обучали бесплатно, 80—получали менѣе 50 руб., 80—отъ 50 до 75 руб.; 32—отъ 75 р. до 100 руб.; 20—отъ 100 р. до 150 руб. и 3—отъ 150 руб. до 200 руб. Выше мы уже говорили о томъ, какъ это отражалось на преподаваніи закона Божія. Училищные совѣты и учебная администрація, обращаясь къ архіерею съ просьбами о побужденіи законоучителей къ болѣе ревностному исполненію ихъ обязанностей, въ то же время старались увеличить имъ содержаніе. Уже въ 1904 году большинство законоучителей получало не только удовлетворительное, но, по официальному выраженію, даже „хорошее“ содержаніе, хотя еще 21 законоучитель „не получали ничего“; 234—получали менѣе 50 руб., 166—отъ 50 р. до 100 руб., 60—отъ 100 руб. до 150 руб. и 31—отъ 150 руб. и выше. Вознагражденіе по должности законоучителей является для священниковъ побочнымъ заработкомъ; главные же ресурсы для своего содержанія они получаютъ отъ своихъ приходовъ и отъ казны. Поэтому вопросъ объ ихъ вознагражденіи не имѣетъ существеннаго значенія въ общей постановкѣ школьнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что и число учебныхъ часовъ, отводимыхъ въ школахъ закону Божію, сравнительно незначительно.

Гораздо важнѣе вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи преподавателей общеобразовательныхъ предметовъ. Последніе обыкновенно не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ тѣхъ, которыя получаютъ отъ школы, а, между тѣмъ, они отдають ей всѣ свои силы, свое здорье, свою жизнь. Въ 1871 году преподаватели городскихъ школъ получали: 4—отъ 150 р. до 200 руб., 5—отъ 200 руб. до 250 руб., 4—отъ 250 руб. до 300 руб., 4—отъ 300 руб. до 350 руб. и 6 по 400 руб.; въ сельскихъ же школахъ 5 учителей ничего не получали, 11 получали менѣе 50 руб., 36—отъ 50 руб. до 75 руб., 21—отъ

75 руб. до 100 руб., 89—отъ 100 р. до 150 руб., 116—отъ 150 р. до 200 руб., 71—отъ 200 руб. до 250 руб., 16—отъ 250 руб. до 300 руб., 10—отъ 300 руб. до 350 руб. и 2—отъ 350 р. до 400 р. Слѣдовательно, огромное большинство учащихся получали менѣе чѣмъ удовлетворительное содержаніе. Уѣздные училищныя совѣты, земскія собранія и чины министерства народнаго просвѣщенія постоянно сознавали недостаточность вознагражденія, получаемого учащими начальныхъ школъ, но увеличеніе его происходило съ крайнею медленностью. Даже въ настоящее время 8% учителей и 34% учительницъ, а въ среднемъ 21% всѣхъ учащихся министерскихъ и земско-общественныхъ школъ получаютъ въ годъ менѣе 200 руб., или 16 руб. въ мѣсяцъ, при чемъ въ наилучшемъ положеніи оказываются учащіе министерскихъ училищъ, изъ которыхъ (въ числѣ 266) ни одинъ не получаетъ менѣе 360 руб. въ годъ. Въ городскихъ школахъ оклады также удовлетворительны, превышая иногда 400 руб.

Въ наихудшемъ же положеніи оказывается учащій персоналъ въ земско-общественныхъ школахъ, составляющихъ подавляющее большинство и являющихся главнымъ проводникомъ грамотности въ народную массу. Слѣдующая таблица, данныя которой относятся къ 1903 году, показываетъ процентное отношеніе содержанія, получаемого учителями, учительницами, ихъ помощниками и помощницами въ земско-общественныхъ школахъ. (См. табл. на стр. 142).

Считая оклады ниже 250 руб. неудовлетворительными и располагая уѣзды въ порядкѣ возрастающаго процента именно этихъ окладовъ всѣхъ четырехъ категорій учащихся, показанныхъ въ таблицѣ, мы получимъ, что первое мѣсто по обезпеченію преподавательскаго персонала принадлежитъ Симбирскому уѣзду, гдѣ только 38,3% всего состава получаютъ ниже 250 руб. За нимъ слѣдуютъ уѣзды: Буинскій (45,3%), Сызранскій (52,5%), Карсунскій (65,5%), Алатырскій (59,1%) и Ардатовскій (61,3%). Уѣзды Курмышскій и Сенгилеевскій занимаютъ послѣднія мѣста: въ первомъ число лицъ, получающихъ до 250 руб. въ годъ, составляетъ 91,5%, а во второмъ—94,7%. По губерніи же число такихъ лицъ равняется 64,2%. Согласно отчету директора народныхъ училищъ за 1904 годъ, по которому удовлетворительными признаются оклады отъ 200 руб.,—уѣзды, по степени матеріальнаго обезпеченія учащихся въ министерскихъ, городскихъ и земско-общественныхъ школахъ, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Симбирскій, Сызранскій, Буинскій, Ардатовскій, Алатырскій, Карсунскій, Сенгилеевскій и Курмышскій. Между образовательнымъ

У в з д Ы.	У ч и т е л е й.								У ч и т е л ь н и ц ь.						П о м о щ и ц ь.									
	100—150 руб.		150—200 руб.		200—250 руб.		250—300 руб.		300—350 руб.		350—400 руб.		400—450 руб.		450—500 руб.		100—150 руб.		150—200 руб.		200—250 руб.			
	100—150 руб.	150—200 руб.	200—250 руб.	250—300 руб.	300—350 руб.	350—400 руб.	400—450 руб.	450—500 руб.	100—150 руб.	150—200 руб.	200—250 руб.	250—300 руб.	300—350 руб.	350—400 руб.	100—150 руб.	150—200 руб.	200—250 руб.	До 50 руб.	50—100 руб.	100—150 руб.	150—200 руб.	200—250 руб.	250—300 руб.	
Сибирскій	—	4,0	24,0	64,0	8,0	—	—	—	11,7	5,9	29,5	52,9	—	—	—	—	—	50,0	—	—	—	—	—	—
Бунскій	—	7,7	30,8	26,9	34,6	—	—	—	—	50,0	20,0	10,0	20,0	100,0	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—
Карунскій	2,2	28,9	15,6	11,1	17,8	20,0	4,4	—	2,2	48,9	33,3	11,1	4,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Алатирскій	—	—	40,0	40,0	12,0	8,0	—	—	—	22,2	44,5	33,3	—	—	100,0	—	—	—	—	88,9	11,1	—	—	—
Ардатовскій	—	22,7	18,2	54,5	4,6	—	—	—	—	52,2	21,7	26,1	—	—	—	—	—	5,9	—	88,2	5,9	—	—	—
Курмышскій	—	16,7	66,7	16,7	—	—	—	—	—	80,0	10,0	10,0	—	—	—	—	—	—	37,5	12,5	—	—	—	—
Сызранскій	—	5,0	25,0	40,0	17,5	7,5	2,5	2,5	—	28,6	33,3	38,1	—	—	—	—	—	—	—	7,1	42,9	42,9	7,1	—
Сенгилевскій	—	45,2	45,1	9,7	—	—	—	—	—	70,8	29,2	—	—	—	50,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По губернам	0,4	17,3	29,6	31,5	13,3	6,2	1,3	0,4	1,8	45,0	29,5	20,7	1,8	1,2	42,9	42,8	14,3	1,7	1,7	25,4	45,8	13,5	10,2	1,7

пензомъ учащихъ и получающимъ имъ вознагражденіемъ наблюдается полное соотвѣтствіе. Въ первомъ отношеніи преимущество имѣютъ также уѣзды Симбирскій, Буинскій и Сызранскій; послѣднія четыре мѣста принадлежатъ уѣздамъ Алатырскому, Ардатовскому, Карсунскому и Курмышскому, и только одинъ Селгилеевскій уѣздъ, въ отношеніи образовательнаго цеза учащихъ, занимаетъ четвертое мѣсто, а не седьмое или восьмое, какъ въ отношеніи обезпеченія ихъ содержаніемъ.

Крайне неудовлетворительное содержаніе учащихъ во многихъ школахъ исключаетъ возможность занятія этихъ должностей семейными людьми. Дѣйствительно, по даннымъ 1903 года, въ земско-общественныхъ и министерскихъ школахъ среди учителей числилось: женатыхъ 56%, холостыхъ 41 и вдовыхъ 3%, а среди учительницъ—дѣвицъ 85%, остальные—замужнія и вдовы. Среди преподавателей министерскихъ школъ относительное число женатыхъ и замужнихъ выше, чѣмъ въ земско-общественныхъ, что находится въ зависимости отъ большей обезпеченности первыхъ сравнительно съ послѣдними. Матеріальныя средства, въ связи съ семейнымъ положеніемъ, оказываютъ значительное вліяніе на продолжительность службы учащихъ вообще, и въ однихъ и тѣхъ же школахъ, въ частности. По тѣмъ же даннымъ видно, что наиболѣе устойчивымъ элементомъ являются женатые, замужнія и вдовы, и наименѣе устойчивымъ—холостые и дѣвицы.

Продолжительность всей службы, безъ различія семейнаго положенія, въ земско-общественныхъ школахъ—10,1 лѣтъ, а въ министерскихъ—8,6 лѣтъ; послѣднее объясняется, конечно, сравнительно недавнимъ возникновеніемъ большинства этихъ школъ. Продолжительность службы въ послѣдней школѣ для земско-общественныхъ школъ—6,7 лѣтъ и для министерскихъ—4,9 года. Съ годами приобретаются не только педагогическая опытность, но и знаніе мѣстныхъ условий и особенностей, играющихъ немаловажную роль въ отношеніи вліянія школы на населеніе, а потому, для успѣшности школьнаго дѣла, желательно, чтобы учителя и учительницы подолгу оставались на своихъ мѣстахъ.

Необходимо создать обстановку, при которой для большинства учителей ихъ положеніе не представлялось бы настолько труднымъ, что они готовы разстаться съ нимъ при первой возможности. По словамъ доклада члена симбирскаго училищнаго совѣта уѣздному земскому собранію 1887 г., на успѣхъ учебнаго дѣла неблаго-

пріятно вліяеть частая смѣна учащихъ лицъ; многія изъ нихъ оставляють педагогическую профессію и переходять на службу въ духовное вѣдомство, или въ присутственныя учрежденія, или въ частныя конторы. „Едва-ли справедливо обвинять такихъ учителей въ неустойчивости: тяжелый и отвѣтственный трудъ, часто оплачиваемый такимъ вознагражденіемъ, на которое трудно существовать не только семейному, но и одинокому человѣку, и опасеніе остаться подъ старость безъ всякихъ средствъ къ жизни, когда упадокъ силъ не позволитъ продолжать службу, по необходимости заставляеть этихъ людей смотрѣть на учительство, какъ на временное занятіе и искать лучшаго положенія“.

Съ того времени положеніе учащихся нѣсколько улучшилось: оклады содержанія увеличены, устроены болѣе удобныя квартиры, а главное— они состоятъ участниками земской пенсіонной кассы, такъ что, отдавая на служеніе населенію свои лучшіе годы, они подъ старость могутъ разсчитывать хотя на нѣкоторое обезпеченіе самихъ себя и своихъ семействъ. Сюда надо отнести также и постановленіе буинскаго уѣзднаго земскаго собранія 1900 года, согласно которому жалованье учителямъ начальныхъ школъ увеличивается въ первыя два пятилѣтія на 60 руб. въ каждое пятилѣтіе, такъ что преподаватель, прослужившій въ Буинскомъ уѣздѣ 10 лѣтъ, получаетъ въ годъ 360 рублей, изъ которыхъ 120 рублей отъ сельскихъ обществъ и 240 руб. отъ уѣзднаго земства.

На продуктивность труда учителя вліяеть также количество учащихся, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. На одного преподавателя въ 1904 году, въ общемъ, по губерніи приходилось по 51,6 учащихся, при чемъ наименьшее количество учащихся замѣчалось въ Буинскомъ уѣздѣ (40 учащихся), а за нимъ слѣдовали уѣзды: Курмышскій (45,6), Ардатовскій (47), Сенгилеевскій (48), Симбирскій (51), Алатырскій (54), Сызранскій (57,4) и Карсунскій (58). Въ частности, по даннымъ 1903 года, въ земско-общественныхъ школахъ приходилось учащихся на одного учащаго: при одномъ преподавателѣ 50 человѣкъ, при двухъ 46 и при трехъ 56,7, а въ министерскихъ школахъ — при одномъ преподавателѣ 45,5, при двухъ 43,5 и при трехъ 42,4. Среди другихъ губерній Симбирская губернія, въ отношеніи степени обременительности учительскаго труда въ земскихъ школахъ занимаетъ одно изъ среднихъ мѣстъ.

В. Анниковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧЕГО ЖДЕТЬ ОТЪ ШКОЛЫ НАША СТРАНА ДЛЯ СВОЕГО ОБНОВЛЕНІЯ ¹⁾.

IV.

Что касается отдѣльныхъ предметовъ элементарно-школьнаго обученія, то въ этомъ отношеніи, въ связи съ увеличеніемъ учебнаго времени для всѣхъ безъ исключенія начальныхъ народныхъ школъ, представлялось бы существенно необходимымъ произвести и во всемъ вообще учебномъ курсѣ ихъ измѣненія и дополненія, въ ближайшемъ, конечно, согласованіи ихъ съ тѣми запросами и требованіями, съ какими обращается теперь вся русская народная жизнь къ своей начальной народной школѣ.

Первый предметъ, на которомъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ остановиться, это, конечно, законъ Божій. Дѣйствующая его программа составлена, впрочемъ, довольно обстоятельно и полно и до послѣдняго своего изданія въ 1897 году нѣсколько уже разъ и пересматривалась, и измѣнялась. Поэтому въ какихъ либо новыхъ и притомъ болѣе или менѣе значительныхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ она почти не нуждается. Въ ней необходимо было бы только отдѣлить въ курсѣ новаго завѣта ученіе Иисуса Христа отъ разсказовъ о чудесахъ и о разныхъ другихъ событіяхъ Его земной жизни, и при этомъ какъ можно подробнѣе, полнѣе и точнѣе намѣтить все то, что по этому самому понятному для всѣхъ и самому назидательному отдѣлу курса должно быть преподано дѣтямъ съ особой тщательностью и съ самымъ сильнымъ и живымъ на ихъ умы и сердца вліяніемъ, чтобы учащіеся въ школахъ дѣти могли

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

вступать потомъ въ свою практическую жизнь и дѣятельность съ полнымъ уже сознаниемъ своего нравственнаго въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ долга и съ полной готовностію всегда твердо и неуклонно исполнять его на общую для всѣхъ пользу.

Между тѣмъ, въ дѣйствующихъ теперь программахъ закона Божія все содержаніе христіанскаго нравственнаго закона представлено очень кратко и въ весьма немногихъ лишь евангельскихъ разсказахъ: въ заповѣдяхъ о блаженствѣ и въ притчахъ о сѣятелѣ, о милосердномъ самарянинѣ и о богатомъ и Лазарѣ. Теперь, съ предполагаемымъ общимъ для всѣхъ училищъ увеличеніемъ курса начального народнаго обученія, этотъ существенно важный отдѣлъ представляется возможнымъ и даже существенно необходимымъ пополнить изложеніемъ ученія Иисуса Христа о царствѣ небесномъ на землѣ (притчи о пшеницѣ и плевелахъ и о зернѣ горчичномъ), о главныхъ заповѣдяхъ, о смиреніи и незлобіи (притча о милосердномъ царѣ и безжалостномъ должникѣ), о милостынѣ, постѣ и молитвѣ, о неосужденіи ближняго, о томъ, насколько нужно заботиться о пищѣ и одеждѣ, объ уплатѣ податей; притчами: о несправедливомъ судѣ, о мытарѣ и фарисеѣ, о любостяжательномъ богачѣ, о рабахъ, ожидающихъ господина, о безплодной смоковницѣ, о званыхъ на вечерю, о блудномъ сынѣ, о злыхъ виноградаряхъ, о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, о талантахъ, и ученіемъ Иисуса Христа о второмъ пришествіи и страшномъ судѣ. Затѣмъ, все это необходимо будетъ соединить съ прочимъ по этому отдѣлу матеріаломъ и какъ можно правильнѣе и послѣдовательнѣе расположить въ такомъ логически стройномъ порядкѣ, въ какомъ онъ могъ бы сдѣлаться и болѣе понятнымъ для школьныхъ дѣтей и болѣе способнымъ всесторонне овладѣвать ихъ нравственнымъ чувствомъ и настроеніемъ. Что же касается самаго изложенія этого матеріала на классныхъ урокахъ, то его необходимо будетъ предлагать дѣтямъ всегда въ самомъ живомъ и непосредственномъ сближеніи со всей жизнію и дѣятельностію человѣка и все это освѣщать и согрѣвать всегда живымъ и истинно-религіознымъ чувствомъ и настроеніемъ самого преподавателя, чтобы и въ учащихся дѣтяхъ могли свободно возникать и развиваться такія же живыя нравственно-религіозныя чувства и настроенія.

Этотъ нравственно-назидательный матеріалъ долженъ быть пройденъ въ третьемъ году обученія; но къ нему, какъ къ самому важному и существенному въ практическомъ отношеніи отдѣлу курса, нужно будетъ возвратиться и въ четвертомъ году. Нужно, чтобы нравственный

законъ, какъ живая потребность души, былъ твердо запечатлѣнъ въ умахъ и сердцахъ дѣтей и, благодаря этому, могъ навсегда уже оставаться живымъ для всѣхъ правиломъ строго христіанской жизни и дѣятельности.

При увеличеніи общей продолжительности каждаго учебнаго года въ указанномъ нами размѣрѣ, а также при увеличеніи на цѣлый годъ и общаго курса начальнаго народнаго обученія, представляется возможнымъ и существенно полезнымъ для дѣла расширить нѣсколько учебный матеріалъ, относящійся и къ послѣднимъ событіямъ восточно-завѣтной исторіи, намѣченный въ дѣйствующихъ теперь программахъ очень кратко.

Во всѣхъ другихъ своихъ отдѣлахъ дѣйствующая теперь программа по предмету закона Божія не нуждается ни въ какихъ уже измѣненіяхъ. Ее нужно только нѣсколько иначе расположить по годамъ школьнаго обученія, чтобы всѣ классныя и домашнія занятія дѣтей по этому предмету сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ и болѣе равномерными для нихъ, и болѣе соответствующими каждой данной ступени ихъ общаго умственнаго и нравственнаго развитія.

Наконецъ, весь вообще учебный по закону Божію матеріалъ, изучаемый теперь дѣтьми въ третьемъ году ихъ школьнаго обученія, съ увеличеніемъ общей продолжительности курса начальныхъ народныхъ училищъ, долженъ быть полностью перенесенъ на слѣдующую школьную ступень, съ третьяго на четвертый годъ обученія. Здѣсь, при болѣе зрѣломъ уже возрастѣ и развитіи учениковъ, матеріалъ этотъ можетъ быть и болѣе обстоятельно разработанъ на классныхъ урокахъ преподавателями закона Божія и гораздо полнѣе и сознательнѣе усвоенъ учащимися. Какъ и всѣ предшествующіе отдѣлы курса по закону Божію, этотъ послѣдній отдѣлъ также не нуждается въ какихъ либо особенныхъ дополненіяхъ или измѣненіяхъ. Онъ содержитъ въ себѣ почти все необходимое для того, чтобы научить дѣтей и правильно вѣровать, и разумно возносить къ Богу свои молитвы при общественномъ церковномъ богослуженіи. Нужно будетъ только внести нѣсколько больше определенности и полноты въ требованіи программы, относящіяся до объясненія дѣтямъ всенощнаго бдѣнія, а также и нѣсколько точнѣе указать преподавателямъ закона Божія на необходимость дословнаго, по возможности, изученія дѣтьми самаго текста нѣкоторыхъ важнѣйшихъ нѣснощныхъ и молитвъ какъ всенощнаго бдѣнія, такъ въ особенности литургіи, этого самаго важнаго въ христіанской церкви общественнаго богослуженія.

Вотъ тѣ немногія измѣненія и дополненія, какія, по нашему мнѣнію, такъ полезно было бы внести въ дѣйствующую теперь программу закона Божія въ виду предполагаемаго нами общаго увеличенія курса начальнаго народнаго обученія. Но всѣ эти дополненія къ школьной программѣ закона Божія и нѣсколько иная группировка всего вообще учебнаго по этому предмету матеріала по отдѣльнымъ годамъ школьнаго обученія, ни въ какомъ отношеніи не должны стѣснять всей широты и свободы дѣйствій тѣхъ священниковъ-законоучителей, которые хорошо понимаютъ свои школьно-учительскія обязанности и желаютъ быть, дѣйствительно, наставниками и воспитателями дѣтей въ самомъ широкомъ смыслѣ и значеніи этого слова. Конечно, священникамъ законоучителямъ необходимо всегда соображаться съ тѣмъ учебнымъ матеріаломъ, на содержаніи котораго они должны основывать и развивать всю силу своего нравственно-воспитательнаго на дѣтей вліянія; но они не должны быть и настолько ограниченны этимъ матеріаломъ, чтобы въ его лишь классной разработкѣ и въ изученіи его дѣтьми видѣть весь успѣхъ своего дѣла. На необыкновенно сложномъ и трудномъ пути нравственнаго воспитанія и наставленія дѣтей детали и частности играютъ большею частію уже второстепенную роль и какого либо особеннаго значенія обыкновенно не представляютъ. Напротивъ, здѣсь очень многое основывается иногда на какомъ либо одномъ глубоко пережитомъ чувствѣ и настроеніи, на сильномъ душевномъ порывѣ, на горячемъ вдохновеніи, иногда на одномъ какомъ либо прекрасно разработанномъ и глубоко прочувствованномъ урокѣ. Съ особенной же выразительностью и силой обнаруживается все это на дѣлѣ религіозно-нравственнаго наставленія дѣтей, основывающемся, дѣйствительно, на чувствахъ и настроеніяхъ безусловно тонкихъ и, несомнѣнно, самыхъ возвышенныхъ. Въ виду этого; было бы большою и, можетъ быть, очень вредной для дѣла ошибкой оцѣнивать всю дѣятельность священниковъ-законоучителей со стороны одной лишь внѣшней ихъ исполнительности въ прохожденіи школьно-учебныхъ программъ, или со стороны большей или меньшей правильности въ расположеніи ими учебнаго матеріала по отдѣльнымъ годамъ школьнаго обученія. Несправедливо также было бы обуславливать полную успѣшность ихъ законоучительскаго дѣла и одною лишь внѣшне-методическою правильностію въ разработкѣ ими этого матеріала и даже вполне достаточнымъ съ внѣшней стороны усвоеніемъ его учащимися. Къ оцѣнкѣ законоучительскаго труда должны быть примѣняемы, несомнѣнно, совершенно другіе масштабы,

другія требованія, и первое, что въ этомъ отношеніи должно быть цѣнно выше всего, это доброе нравственно-воспитательное вліяніе священниковъ-законоучителей на учащихся въ школахъ дѣтей, добрый для всѣхъ примѣръ ихъ жизни и дѣятельности, ихъ живое и искренно прочувствованное настырское слово, которымъ они должны не столько поучать дѣтей, сколько привлекать ихъ сердца къ жизни болѣе совершенной, чистой, возвышенной...

V.

Увеличеніе общаго курса элементарно-школьнаго обученія до четырехъ лѣтъ и удлиненіе до 40—42 недѣль продолжительности каждаго учебнаго года должно быть наилучшимъ образомъ использовано также въ интересахъ учащихся дѣтей и по всѣмъ другимъ предметамъ ихъ школьнаго обученія. И конечно, самую значительную часть этого дополнительнаго времени нужно будетъ отдать прежде всего на возможно лучшую и практически цѣлесообразную постановку въ училищахъ русскаго чтенія и письма, и на возможно успѣшное достиженіе учащими и учащимися тѣхъ широкихъ цѣлей и задачъ, какія въ начальномъ школьномъ преподаваніи живѣйшимъ образомъ связаны именно съ этимъ предметомъ школьнаго обученія. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать того, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ элементарно-школьнаго обученія, хотя и значительно расширенныхъ въ отношеніи продолжительности учебнаго времени въ каждомъ отдѣльномъ году, учащимися мальчиками и дѣвочками совершенно не могутъ быть систематически пройдены тѣ или другіе общеобразовательные предметы, изученіе которыхъ должно считаться въ извѣстной мѣрѣ и обязательнымъ для дѣтей, и существенно для нихъ необходимымъ. Въ виду этого, на урокахъ именно русскаго языка и въ частности на урокахъ объяснительнаго чтенія, помимо пріобрѣтенія достаточно твердыхъ и прочныхъ навыковъ въ сознательномъ чтеніи, въ достаточно правильномъ письмѣ и въ умѣнн ясно и точно выражать свои мысли въ устномъ и письменномъ ихъ изложеніи, учащіяся мальчики и дѣвочки, въ продолженіе четырехъ учебныхъ лѣтъ, должны пріобрѣсти также и всѣ существенно необходимыя имъ для цѣлой жизни познанія, должны навсегда закрѣпить ихъ въ своей памяти, глубоко осмыслить, расширить и просвѣтить свой взглядъ на всѣ явленія видимаго міра, на всю окружающую ихъ жизнь и, что еще важнѣе, должны воспитать въ себѣ въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ извѣстныя чувства и настроенія, которыя потомъ могли бы значительно смяг-

чать и облагораживать всю ихъ внѣшнюю и внутреннюю жизнь, всѣ ихъ семейныя и общественныя отношенія, теперь большею частію столь грубыя еще и рѣзкія во всѣхъ своихъ формахъ и проявленіяхъ.

Въ виду достиженія на урокахъ русскаго языка всѣхъ этихъ цѣлей и задачъ, существенно важныхъ для цѣлой жизни народа, едва ли было бы вполне цѣлесообразно отдавать въ школахъ слишкомъ много времени и труда на исключительно формальное изученіе дѣтми русскаго языка, на подробное ознакомленіе ихъ съ этимологическими и синтаксическими формами и особенностями построенія русской рѣчи. Въ отношеніи къ этому отдѣлу знанія даже въ томъ не особенно обширномъ матеріалѣ, какой указанъ уже въ дѣйствующихъ по русскому языку программахъ, можно было бы сдѣлать довольно значительныя измѣненія и сокращенія. Матеріалъ этотъ, излагаемый для школьныхъ дѣтей, находящихся въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ, и настоятельно закрѣпляемый въ ихъ памяти, ничего, конечно, не приноситъ и не можетъ приносить дѣтямъ, кромѣ школьной разсѣялости, скуки и нѣкоторой суммы чисто формальныхъ свѣдѣній, которыми, однако, ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніяхъ, ни въ школѣ, ни во всей послѣдующей споей жизни дѣти не могутъ надлежащимъ образомъ воспользоваться, съ какою бы заботливостію ни предлагался имъ къ изученію этотъ матеріалъ за время ихъ школьнаго обученія. Живой языкъ и живое его употребленіе въ интересахъ достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей и задачъ могутъ быть очень широко и совершенно свободно использованы дѣтми и безъ предварительнаго изученія ими его этимологическихъ и синтаксическихъ частей, его склоненій и спряженій, разнаго свойства его существительныхъ и прилагательныхъ именъ, и безъ всякаго вообще приложенія спеціально грамматическаго анализа къ составу правильно и отчетливо построенной русской рѣчи, къ ея предметному содержанію, по преимуществу для дѣтей полезному и необходимому.

Въ виду этого, изъ спеціально грамматическаго матеріала должно быть оставлено въ курсѣ начальнаго народнаго обученія одно только главное и существенно для дѣтей необходимое, какъ напримѣръ общее и самое краткое ознакомленіе дѣтей съ частями русской рѣчи, съ родами именъ, съ измѣненіями нѣкоторыхъ частей рѣчи въ склоненіяхъ и спряженіяхъ (безъ обстоятельнаго однако упражненія дѣтей въ склоненіи именъ и въ спряженіи глаголовъ), съ общимъ составомъ краткихъ и распространенныхъ предложеній, а также и съ

тѣмъ сравнительно очень немногимъ, что ближайшимъ образомъ можетъ быть использовано дѣтьми въ отношеніи къ достиженію ими возможно большей успѣшности по письму вообще и въ особенности по русскому правописанію, которымъ должны овладѣвать въ известной мѣрѣ всѣ безъ исключенія ученики и ученицы начальныхъ народныхъ школъ къ окончанію курса своего обученія. И эта чисто формальная сторона въ изученіи разсматриваемаго нами предмета не должна, конечно, занимать особенно важнаго мѣста въ общемъ курсѣ начального народнаго обученія. Напротивъ, особенное вниманіе учащихся лицъ и всѣ ихъ умственные силы и способности должны быть направлены на возможно широкую и болѣе правильную постановку въ училищахъ такъ называемаго объяснительнаго чтенія, на достаточно правильный и въ практическомъ отношеніи совершенно целесообразный выборъ учебнаго для этихъ уроковъ матеріала, который бы во всѣхъ безъ исключенія отношеніяхъ соответствовалъ возрасту, развитію и всѣмъ вообще запросамъ учащихся дѣтей, на самую широкую логически-смысловую разработку дѣтьми прочитываемаго ими матеріала, а также и на возможно твердое и обстоятельное усвоеніе ими его содержанія. На классныхъ урокахъ чтенія, всегда очень интересующихъ дѣтей своимъ содержаніемъ, учителя и учительницы, съ перваго года своихъ занятій съ дѣтьми, въ особенности же въ третій и четвертый годъ ихъ школьнаго обученія, должны сообщать имъ въ известномъ порядкѣ и послѣдовательности все то, что можетъ имѣть для дѣтей особенно важное общеобразовательное значеніе, что можетъ благоприятно вліять на нихъ въ нравственно-воспитательномъ отношеніи, вводитъ ихъ въ возможно правильное и широкое пониманіе всѣхъ ихъ семейныхъ и общественныхъ отношеній, на чемъ можетъ укрѣпляться ихъ любовь къ своему семейному очагу, къ своему общественному строю, изъ чего они могутъ извлечь, наконецъ, все существенно необходимое и для своей чисто практической жизни и дѣятельности: для своего сельскаго хозяйства, для своихъ промысловъ и ремеслъ (очень элементарно), для сбереженія своего здоровья, для правильнаго и болѣе выгоднаго въ матеріальномъ отношеніи ухода за домашнимъ скотомъ и т. п.

Въ дѣлѣ школьнаго преподаванія очень многое зависитъ отъ того, какъ осѣщается дѣтямъ данный предметъ, подъ какимъ угломъ зрѣніи онъ разсматривается, какимъ соგრѣвается на этихъ урокахъ общимъ чувствомъ и настроеніемъ самихъ преподавателей. Ребенокъ, котораго хотятъ наилучшимъ образомъ воспитать, долженъ не воспринимать только

извѣстные факты и знанія, а какъ бы непосредственно переживать ихъ, на все отвѣчать чувствами и настроеніями своей собственной души, своего сердца. И въ этомъ отношеніи вся живая природа, какъ и вся минувшая жизнь, представляютъ для учителей и учительницъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ матеріалъ, на которомъ съ особенною легкостью можно и вызывать, и поддерживать въ дѣтяхъ самыя желательныя въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ чувства и настроенія. Нужно только, чтобы въ школьномъ преподаваніи все было надлежащимъ образомъ оживлено для учащихся дѣтой, освѣщено, согрѣто. И чѣмъ больше сдѣлано будетъ въ этомъ направленіи учителями и учительницами начальныхъ народныхъ школъ, тѣмъ это будетъ для всѣхъ лучше. Тогда школа, дѣйствительно, будетъ воспитывать уже для жизни не просто грамотныхъ только людей, обладающихъ извѣстною суммой знаній и школьныхъ навыковъ, но людей извѣстнаго пониманія, настроенія, чувства, усигъвшихъ очень много передумать и перечувствовать еще на школьной скамьѣ и научившихся во все вносить элементы своего собственнаго чувства и пониманія. Всего же замѣтнѣе это доброе вліяніе школы отразится, конечно, на тѣхъ, которые, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ для ихъ школьнаго образованія, будутъ переходить въ практическую жизнь и дѣятельность не съ первой уже ступени своего обученія, хотя и значительно уже расширенной, а со второй, гдѣ, развиваясь подъ столь же благоприятными для нихъ (будемъ на это надѣяться) учебно-воспитательными вліяніями, они должны будутъ еще болѣе опредѣляться въ своемъ направленіи и счастливо созрѣвать на общую для всего и для всѣхъ пользу.

Съ такими общими учебно-воспитательными задачами и цѣлями долженъ быть вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ согласованъ весь учебный матеріалъ, какой необходимо предлагать дѣтямъ на урокахъ русскаго языка вообще и въ частности объяснительнаго чтенія. Онъ долженъ обнимать собой все то, что существенно необходимо знать всему нашему народу для его общаго образованія, для лучшаго использованія имъ въ практической жизни и дѣятельности всѣхъ его умственныхъ и физическихъ силъ, для кореннаго во всемъ измѣненія и улучшенія его семейныхъ и общественныхъ отношеній и прежде всего для развитія и воспитанія въ народѣ самыхъ живыхъ чувствъ въ отношеніи ко всему, что его окружаетъ, къ его дому, хозяйству, къ той простой и непрехотливой средѣ, въ какой ему приходится жить и дѣйствовать.

На пути къ этой цѣли первое, куда должны быть введены наши школьныя дѣти для наблюденія и изученія, это все то, что всегда почти находится предъ ихъ глазами,—это ихъ маленькая сельская школа, ихъ родной домъ, огородъ, садъ, если онъ имѣется, родное поле, луга, лѣсъ, горы и все то, съ чѣмъ сроднится ребенокъ съ первыхъ лѣтъ своего дѣтства. И этого очень достаточно будетъ для дѣтей на весь первый годъ ихъ обученія. Обращеніе къ такому живому и необыкновенно близкому для дѣтей матеріалу на классныхъ урокахъ можетъ оживить чувства дѣтей, расширить ихъ пониманіе, освѣжить и укрѣпить ихъ наблюдательность въ отношеніи ко всему, что ихъ окружаетъ, и это тѣмъ болѣе, что весь этотъ матеріалъ можетъ и долженъ быть предложенъ дѣтямъ для наблюденія и изученія большею частію не въ тѣсной уже и иногда очень душной классной комнатѣ, а на открытомъ воздухѣ, среди всѣхъ очарованій природы въ весенніе и лѣтніе дни, когда повсюду пробуждающаяся жизнь такъ всѣхъ къ себѣ привлекаетъ.

Затѣмъ, во второй годъ школьнаго обученія можно уже будетъ перевести дѣтей за предѣлы ихъ родного лѣса и родныхъ полей, и остановить ихъ вниманіе на ближайшихъ къ нимъ селахъ и деревняхъ, на ихъ волостномъ округѣ, на всемъ ихъ уѣздѣ и т. п. Особенное вниманіе учителей и учительницъ должно быть остановлено при этомъ на ознакомленіи дѣтей съ тѣмъ, чѣмъ и какъ живетъ окружающее ихъ населеніе, чѣмъ оно занимается, что производитъ, какіе продукты перерабатываетъ на мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ, какую получаетъ выгоду отъ такой переработки сырья и проч. Очень значительную часть этого матеріала учителя и учительницы должны пройти и изучить съ дѣтьми на такихъ же, какъ и въ первомъ году, лѣтнихъ прогулкахъ съ дѣтьми и экскурсіяхъ, путемъ живого и всегда непосредственнаго ознакомленія дѣтей съ тѣмъ, что они изучаютъ.

Далѣе, расширяя мало по малу горизонтъ дѣтской мысли и дѣтскаго пониманія, можно будетъ познакомить дѣтей уже съ губерньскимъ городомъ, съ болѣе замѣчательными городами, рѣками и горными возвышенностями цѣлой страны, съ выдающимися въ ней торговыми и промысловыми центрами, съ составомъ населенія въ этихъ центрахъ, съ условіями и удобствами жизни въ культурныхъ городахъ, съ ихъ библіотеками, музеями, зоологическими и ботаническими садами, съ ихъ храмами, дворцами и т. п. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи должно быть отдано Петербургу, Москвѣ, Кіеву и его святынямъ, Одессѣ, Нижнему-Новгороду, какъ огромному торговому центру,

и т. п. Всѣ эти географическіе очерки и картины должны быть представлены дѣтямъ въ самыхъ живыхъ краскахъ и чертахъ, по картинамъ и статьямъ, выбраннымъ съ самой тщательной заботливостію, чтобы весь этотъ матеріалъ могъ увлечь дѣтей при самомъ его изложеніи и живо въ нихъ запечатлѣваться.

Прочтеніемъ и изученіемъ статей, описывающихъ важнѣйшія мѣстности и самыя значительныя русскіе города, а также ознакомленіемъ дѣтей въ общихъ чертахъ и съ географической картой Россіи, можетъ быть окончено по этому отдѣлу знанія третій годъ обученія. И, конечно, основная цѣль обученія дѣтей на этой ступени будетъ достигнута учителями и учительницами, если на прочтеніи и изученіи этого матеріала дѣти хорошо поймутъ и прочувствуютъ то, какъ велика и обширна наша страна, и какъ много еще русскому народу нужно будетъ сдѣлать для того, чтобы увидѣть ее, наконецъ, хорошо устроенной во всѣхъ отношеніяхъ, счастливой, довольной и гораздо болѣе, чѣмъ теперь, матеріально обеспеченной.

Въ этомъ же третьемъ году обученія можно будетъ сообщить дѣтямъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о болѣе доступныхъ для наблюденія небесныхъ тѣлахъ, о солнцѣ, лунѣ и движеніи ихъ, о временахъ года и мѣсяцахъ, о днѣ и ночи, о дождѣ, снѣгѣ, вѣтрѣ и т. п. Изложеніе это должно вполне соответствовать и элементарному возрасту дѣтей, и степени ихъ пониманія.

Въ четвертомъ году обученія необходимо будетъ ознакомить учащихся съ необъятными океанами, отдѣляющими однѣ части свѣта отъ другихъ, съ важнѣйшими частями Европы, Азии и Америки, съ величайшими въ свѣтѣ морями, заливами и проливами, имѣющими такое огромное значеніе для разныхъ государствъ и народовъ въ культурномъ и торгово-промышленномъ отношеніяхъ, а также и съ самыми значительными судоходными рѣками, оживляющими и обогащающими иногда цѣлыя районы тѣхъ странъ, по которымъ онѣ протекаютъ. При этомъ на урокахъ чтенія объ отдѣльныхъ народахъ и странахъ необходимо съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на ознакомленіи учащихся съ условіями жизни въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ, съ нравами и обычаями жителей этихъ странъ, со степенью ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, съ ихъ промыслами, торговлей, фабричными производствами и, въ особенности, съ замѣчательнымъ развитіемъ въ этихъ странахъ земледѣльческаго труда, огородничества и садоводства. Въ отношеніи къ этому послѣднему отдѣлу знанія очень полезно было бы дѣлать для дѣтей извѣстныя параллели и сопо-

ставленія между способами веденія сельскаго хозяйства въ болѣе культурныхъ странахъ и той нобрежной и полухищнической обработкой земли, какая ведется до сего времени у насъ къ общей для всего и для всѣхъ невыгодѣ. И, конечно, всѣ подобныя сообщенія объ отдѣльныхъ государствахъ, океанахъ, моряхъ и т. п. должны быть сопро-вождаемы ознакомленіемъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, хотя въ общихъ только чертахъ, съ картой всѣхъ частей свѣта, съ положеніемъ на ней всѣхъ океановъ, морей и всѣхъ важнѣйшихъ государствъ стараго и новаго свѣта, вліяющихъ теперь на всю мировую жизнь высокими уровнемъ своей культуры, широкимъ развитіемъ своихъ фабричныхъ производствъ, своей торговли и промышленности.

Въ первый годъ школьнаго обученія дѣтей предметомъ сознательнаго наблюденія надъ природой, подъ руководствомъ учителей и учительницъ, должны быть огородныя и садовыя растенія и притомъ исключительно съ тѣхъ сторонъ, которыя, по своей наглядности и простотѣ, могутъ быть признаны доступными для дѣтей даже самаго перваго возраста, едва лишь вступившихъ въ курсъ своихъ школьныхъ занятій. Къ такимъ предметамъ наблюденія и изученія могутъ быть отнесены: лукъ, морковь, макъ, горохъ, картофель и тѣ общія условія, при которыхъ всѣ эти овощи могутъ свободно произрастать и развиваться, покрывая и оживляя все свѣжестью своей зелени и своихъ цвѣтовъ, и принося всѣмъ очень большую пользу своими плодами. Въ этомъ же первомъ году обученія учителя и учительницы могутъ остановить вниманіе дѣтей и на фруктовыхъ садовыхъ растеніяхъ—яблоняхъ, сливахъ, грушахъ и малинхъ ягодныхъ кустахъ, съ тѣми же общими замѣчаніями объ условіяхъ ухода за ними и наблюденія, при соблюденіи которыхъ они могутъ и усладить всѣхъ своимъ внѣшнимъ видомъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, и приносить ихъ владѣльцамъ существенную пользу своими плодами, столь выгодными для сбыта и столь необходимыми всѣмъ для здороваго и гигиенически правильнаго питанія.

Во второй годъ школьнаго обученія учащіяся мальчики и дѣвочки могутъ быть выведены уже для наблюденій изъ своего огорода и сада въ ближайшіе луга и поля для изученія на мѣстѣ разнаго вида травъ, полевыхъ цвѣтовъ, хлѣбныхъ растеній и для ознакомленія дѣтей съ условіями ихъ произрастанія. Здѣсь же на изученіи живыхъ экземпляровъ учитель можетъ коснуться способовъ употребленія разныхъ злаковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, ихъ болѣе или менѣе питательныхъ свойствъ и т. п., не входя, однако, при этомъ въ разсмо-

трѣніе какихъ-либо специальныхъ и чисто техническихъ сторонъ этого предмета и останавливаясь только на томъ, что можетъ и должно оказаться вполне доступнымъ для непосредственнаго наблюденія дѣтей и для очень ограниченной еще пока степени ихъ пониманія. Нужно помнить, что въ это время особенно важно развить въ дѣтяхъ известное лишь чувство къ природѣ, известное въ отношеніи къ ней настроеніе. Изъ полевыхъ растений и травъ могло бы быть остановлено въ это время вниманіе дѣтей на слѣдующихъ: на ржи, овсѣ, ячменѣ, гречѣ, льнѣ, на особенностяхъ цвѣтенія этихъ злаковъ, на періодѣ налива и созрѣванія сѣмянъ, имѣющемъ особенную важность для всѣхъ безъ исключенія пищевыхъ злаковъ, на василькахъ, которыми такъ любятъ восхищаться дѣти, на клеверѣ, какъ самомъ питательномъ для скота злакѣ и т. п. И, конечно, все это должно быть сообщено дѣтямъ въ первый и второй годъ ихъ обученія главнымъ образомъ во время весеннихъ и лѣтнихъ экскурсій, на живыхъ бесѣдахъ учителя съ учащимися, на разсмотрѣніи и изученіи живыхъ экземпляровъ огородныхъ и полевыхъ растений, безъ всякаго пока обращенія къ книгамъ для класснаго чтенія. Для такого мертвенно-сухого способа изученія предметовъ живой природы ученики первого и второго года обученія должны считаться недостаточно еще подготовленными.

Въ третій годъ своего обученія мальчики и дѣвочки могутъ повторительно и уже по принятымъ въ училищѣ учебнымъ книгамъ прочесть съ учителемъ о томъ, съ чѣмъ они наглядно были уже ознакомлены на весеннихъ и лѣтнихъ экскурсіяхъ въ первые два года своего обученія, — о главныхъ огородныхъ и полевыхъ растеніяхъ, ихъ свойствахъ, выгоды ихъ разведенія и т. п. Затѣмъ, въ этотъ же третій годъ съ ними можно будетъ прочесть цѣлый рядъ статей о разныхъ другихъ огородныхъ и полевыхъ растеніяхъ, полевыхъ для сельскаго хозяйства, о способахъ увеличенія урожаявъ путемъ лучшей обработки земли, о выгоды разведенія фруктовыхъ и ягодныхъ садовъ, о болѣе цѣнныхъ въ торговлѣ и болѣе питательныхъ огородныхъ овощахъ, о той пользѣ, какую можетъ приносить всякому хозяйству правильно и разумно поставленное пчеловодство и т. п. Вообще, все относящееся до дома, поля, крестьянскаго хозяйства и крестьянскаго труда можетъ быть прочитано и усвоено дѣтьми въ этотъ третій годъ ихъ обученія. Въ это же время можетъ быть прочитано съ дѣтьми и о томъ, какъ нужно ухаживать за домашними животными и какъ нужно беречь ихъ, чтобы приносимую ими пользу для дома

и хозяйства сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ болѣе значительной. И основная цѣль этихъ занятій будетъ вполне достигнута, если школьные дѣти успѣютъ развить въ себѣ на этихъ урокахъ любовь и жалость къ домашнимъ животнымъ и совершенно ясно и правильно поймутъ значеніе болѣе внимательнаго и заботливаго за ними ухода.

Въ четвертый годъ обученія ученики могутъ быть ознакомлены уже на урокахъ чтенія и съ нѣкоторыми видами звѣрей и птицъ, находящихся въ дикомъ состояніи и живущихъ главнымъ образомъ въ той географической полосѣ, въ какой находится каждая данная школа. Особенное вниманіе дѣтей можетъ быть остановлено при этомъ на тѣхъ именно животныхъ, которыя приносятъ людямъ особенную пользу, или причиняютъ наибольшій вредъ, и общій образъ жизни которыхъ можетъ представляться по чему-либо для дѣтей особенно интереснымъ и занимательнымъ. Такимъ образомъ, въ географическихъ широтахъ средней Россіи и особенно въ лѣсныхъ пространствахъ съ школьными дѣтьми очень полезно будетъ прочитать на урокахъ объяснительнаго чтенія о медвѣдѣ, волкѣ, хитроумной лисѣ, трусливомъ зайцѣ, о вѣчно роющихся въ землѣ кротахъ, о маленькихъ сусликахъ, причиняющихъ на югѣ очень большой вредъ хлѣбнымъ полямъ, о разныхъ видахъ охоты на дикихъ звѣрей, о сопряженныхъ иногда съ охотой опасностяхъ и т. п. Въ этихъ спеціально охотничьихъ разсказахъ иногда наилучшимъ образомъ обрисовываются самыя типическія свойства и особенности звѣрей: ихъ мужество, находчивость въ минуты опасности, ихъ необыкновенная любовь къ дѣтямъ и ихъ полное при защитѣ дѣтей самоотверженіе. Съ особенною же любовью и съ полнымъ вниманіемъ слѣдуетъ остановиться въ это время и на жизни нашихъ пѣвчихъ птицъ, на ласточкахъ, малиновкахъ, жаворонкахъ, соловьяхъ и т. п., а также и на томъ чарующемъ оживленіи, какое даютъ они въ весенніе и лѣтніе дни и ночи нашимъ полямъ, лѣсамъ, фруктовымъ садамъ, всему, что въ это время зеленеетъ, цвѣтетъ, созреваетъ. Дѣтямъ очень пріятно будетъ сознательно войти въ разсмотрѣніе и изученіе этого невѣдомаго имъ міра, въ одно и то же время и близкаго къ нимъ и далекаго отъ нихъ, но всегда и для всѣхъ необыкновенно изящнаго, легкаго, подвижнаго, какъ воздухъ. И если на урокахъ такого чтенія учителя и учительницы успѣютъ пробудить въ дѣтяхъ живое чувство къ этому необыкновенно изящному, но и совершенно беззащитному міру живыхъ существъ, и желаніе охранять и беречь ихъ воздушныя жилища, основная цѣль этихъ занятій можетъ считаться вполне достигнутой. Любовь ко всему чув-

ствующему и живому—это все, къ чему могутъ и должны приводить дѣтей такіе уроки. Въ ближайшей связи съ этими разсказами должно быть прочитано съ дѣтьми четвертаго года обученія соответствующее количество разсказовъ о русскомъ лѣсѣ вообще и о той могущественной жизни, какая въ немъ повсюду разлита и такъ ясно всѣмъ чувствуется, особенно лѣтомъ и весной, при полномъ пробужденіи и оживленіи всей природы. Цѣль этихъ уроковъ также должна состоять въ томъ, чтобы пробудить и воспитать въ дѣтяхъ чувство къ живой природѣ и научить ихъ охранять и беречь ее, какъ нѣчто живое, способное и чувствовать, и молчаливо страдать отъ слишкомъ грубаго и безжалостнаго къ ней прикосновенія.

Въ этомъ же послѣднемъ году обязательнаго для всѣхъ обученія необходимо будетъ прочитать съ учащимися нѣсколько специальныхъ, но ясно и отчетливо составленныхъ статей по сельскому хозяйству, изъ содержанія которыхъ учащіеся могли бы ознакомиться съ составомъ почвъ, съ разнообразными способами ихъ удобренія и обработки, съ возможными и болѣе легкими способами орошенія полей во время засухъ, съ наилучшими условіями пользованія землей въ зависимости отъ ея состава, менѣе пригоднаго для однихъ растеній и болѣе пригоднаго для другихъ, столь же, однако, важныхъ и цѣнныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ это же время очень полезно будетъ сообщить учащимся на урокахъ класснаго чтенія и о простѣйшихъ способахъ переработки нѣкоторыхъ предметовъ сельскаго хозяйства, какъ для болѣе выгодной рыночной ихъ продажи, такъ и для собственнаго употребленія. Особенно необходимо сообщать эти свѣдѣнія тамъ, гдѣ имѣются большіе запасы продуктовъ для такой обработки—льняного и коноплянаго сѣмени, разныхъ огородныхъ овощей, садовыхъ плодовъ и различнаго сорта ягодъ, не имѣющихъ въ лѣтнее время въ деревнѣ никакой почти цѣнности, и т. п. Научить дѣтей правильно и съ большою для крестьянъ выгодой пользоваться этими дарами природы—это прямая задача школы, которая и должна быть, разумѣется, выполнена.

Для пользы дѣла очень излишне будетъ и то, если учитель успѣетъ въ это время прочитать съ дѣтьми что-либо и о томъ, какъ нужно устривать дома, чтобы жить въ нихъ было во всѣхъ отношеніяхъ и удобно, и пріятно, и гораздо болѣе, чѣмъ теперь, безопасно въ пожарномъ отношеніи. На этотъ предметъ было бы очень полезно провести нѣсколько параллелей между каменными домами, въ какихъ главнымъ образомъ живутъ въ большихъ городахъ, и деревянными постройками крестьянъ, столь непрочными вообще и такъ жестоко

истребляемыми огнемъ въ весеннее и лѣтнее время. Очень хорошо было бы прочитать въ это время и о томъ, какъ умѣютъ устраивать свои жилища земледѣльцы сосѣднихъ съ ними странъ и особенно богатой и просвѣщенной Германіи. Посмотрѣть, какъ живутъ люди въ чужихъ странахъ, вдуматься въ эту чуждую намъ жизнь и правильно оцѣнить ее — это значитъ дать извѣстное направленіе къ лучшему и своей собственной жизни и дѣятельности,

Въ четвертомъ же году обученія обязательно должно быть сообщено дѣтямъ на урокахъ чтенія и все болѣе необходимое объ устройствѣ человѣческаго тѣла (конечно, въ общихъ чертахъ), а также и о томъ, что и какъ долженъ дѣлать человекъ для сбереженія своего здоровья. Особенное вниманіе должно быть обращено при этомъ на соблюденіе полной во всемъ опрятности и чистоты и на тѣ здоровыя условія питанія, соблюденіе которыхъ возможно и въ каждой крестьянской семьѣ при совершенно правильномъ и умѣломъ пользованіи тѣмъ, что даетъ каждому крестьянину его маленькое хозяйство.

Къ ознакомленію дѣтей на урокахъ объяснительнаго чтенія съ минувшими судьбами нашего отечества не слѣдуетъ, конечно, приступать раньше третьяго года обученія. Да и въ этомъ году можно прочитать съ ними лишь нѣсколько статей, относящихся къ древнѣйшему періоду нашей исторіи и къ самымъ первымъ временамъ строенія нашего государства. И конечно, чтенію статей такого содержанія всегда должно предшествовать общее и возможно обстоятельное ознакомленіе дѣтей съ картой мѣстности, на которой размѣщались славянскія племена ко времени основанія русскаго государства. Затѣмъ уже можетъ быть прочитанъ съ учащимися рядъ разсказовъ о древнихъ славянахъ, объ образѣ ихъ жизни въ первобытной обстановкѣ и средѣ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, о своеобразныхъ особенностяхъ ихъ семейнаго и общественнаго быта, о болѣе любимыхъ ими занятіяхъ, объ отношеніи однихъ славянскихъ племенъ къ другимъ и т. п. Далѣе, учащіяся мальчики и дѣвочки обязательно должны прочитать въ третьемъ году обученія о призваніи славянами варяжскихъ князей и вызвавшихъ это призваніе причинахъ, о первыхъ русскихъ князьяхъ и о расширеніи ими своихъ владѣній (объ этомъ очень кратко); наконецъ, о святомъ князѣ Владимірѣ и Ярославѣ Мудромъ, о принятіи русскимъ народомъ христіанства при святомъ князѣ Владимірѣ и о начаткахъ просвѣщенія, положенныхъ въ нашей странѣ Ярославомъ мудрымъ. Этимъ можетъ быть и ограничено въ третьемъ учебномъ году чтеніе разсказовъ по отечественной исторіи.

Въ четвертомъ году обученія полезно будетъ прочитатъ и изучитъ съ дѣтьми по отдѣлу русской исторіи о несчастномъ для славянъ раздѣленіи страны на удѣлы (очень кратко), о послѣдствіяхъ этого раздѣленія, о монгольскомъ надѣ русской страной владычествѣ и о вліяніи его на русскій народъ, о послѣдующемъ расширеніи владѣній и власти нѣкоторыхъ русскихъ князей и сверженіи монгольскаго ига; далѣе, о постигшихъ страну новыхъ бѣдствіяхъ въ періодъ смутнаго времени (кратко) и о призваніи на престолъ дома Романовыхъ, о постепенномъ успокоеніи страны въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, о коренномъ преобразованіи Россіи Петромъ Великимъ и о судьбѣ этихъ преобразованій при его слабыхъ преемникахъ до времени Екатерины II (объ этомъ періодѣ также очень кратко); о славномъ царствованіи Екатерины II, о стремленіи ея къ просвѣщенію Россіи, о замѣчательныхъ при ней подвигахъ русскаго войска и о расширеніи границъ Россійской Имперіи, объ императорѣ Александрѣ I, о реформахъ его царствованія (кратко) и объ отечественной войнѣ 1812 года; объ общемъ характерѣ царствованія императора Николая I и о несчастной для Россіи восточной войнѣ; о вызванномъ этой войной широкомъ преобразованіи страны въ царствованіе императора Александра II; о народно-образовательной реформѣ этого царствованія и ея незаконченности; о царствованіи императора Александра III; о мѣрахъ, предпринятыхъ въ это царствованіе въ внутреннему устроенію страны, и объ общемъ характерѣ этихъ мѣръ; о вступленіи на престолъ императора Николая II; о русско-японской войнѣ и о включеніи Россіи Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября 1905 года въ составъ государствъ съ представительнымъ образомъ правленія.

Весь этотъ учебный по русской исторіи матеріалъ, прочтеніе котораго дѣтьми на урокахъ объяснительнаго чтенія мы считаемъ безусловно для всѣхъ обязательнымъ, расположено здѣсь въ томъ порядкѣ, въ какомъ происходили и самыя событія, всегда живѣйшимъ образомъ связанныя между собою, какъ слѣдствіе съ своей причиною. Это сдѣлано нами главнымъ образомъ для того, чтобы уже самой разгруппировкой указаннаго учебнаго матеріала могъ достаточно ясно и опредѣленно открываться для учащихся дѣтей общій смыслъ того историческаго пути, по которому суждено было пройти нашему народу за весь тысячелѣтній періодъ его исторической жизни. По это не должно, однако, обязывать учителей и учительницъ со всею строгостію держаться указаннаго нами пути и это тѣмъ болѣе, что для такой

логически послѣдовательной переработки учебнаго матеріала можетъ не найтись еще достаточно приспособленныхъ къ тому учебныхъ руководствъ и пособій.

Тѣмъ не менѣе, и при чисто эпизодическомъ ознакомленіи учащихся съ тѣми или другими изъ важнѣйшихъ событій нашей исторіи, какъ на примѣръ, съ призваніемъ князей, съ крещеніемъ кievлянъ при св. князѣ Владимірѣ, съ нашествіемъ монголовъ на Россію, съ смутнымъ временемъ на Руси и т. п., учителя и учительницы должны пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы возможно краткимъ, но всегда яснымъ и отчетливымъ изложеніемъ промежуточныхъ между этими событіями ступеней объединить весь этотъ нѣсколько разрозненный матеріалъ и, насколько возможно, связать его въ одно законченное цѣлое. Это нужно для того, чтобы и ученики начальныхъ народныхъ школъ могли, въ предѣлахъ доступнаго имъ пониманія, представить себѣ всю прошлую жизнь своей страны и своего народа въ ея послѣдовательномъ движеніи, въ одной какъ бы общей картинѣ, достаточно полной и совершенно правильно со всѣхъ сторонъ освѣщенной. На этой общей и хорошо разработанной исторической канвѣ будутъ лучше сохраняться въ ихъ памяти всѣ отдѣльные моменты нашей исторіи, усвоеніе которыхъ и въ учебномъ, и въ спеціально воспитательномъ отношеніи можетъ быть признано и полезнымъ для дѣтей и существенно для нихъ необходимымъ. Но общая картина цѣлой жизни народа, во всякомъ случаѣ, никогда не должна утомлять вниманія дѣтей излишкомъ мелкихъ подробностей. Здѣсь во всемъ и всегда должна быть соблюдаема самая строгая мѣра: учебный матеріалъ долженъ предлагаться дѣтямъ въ извѣстной полнотѣ, но и безъ всякаго излишка.

При чтеніи и изученіи дѣтьми историческихъ разсказовъ учителя и учительницы должны широко пользоваться историческими картами и особенно хорошо написанными на историческія темы и тщательно изданными картинками, чтобы эти зрительныя впечатлѣнія всегда помогали дѣтямъ какъ можно яснѣе и правдынѣе представлять себѣ то, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ происходили всѣ сообщаемыя имъ событія. И конечно, учитель поступить совершенно правильно, если при чтеніи cadaго даннаго разсказа нѣсколько разъ обратится къ этимъ вспомогательнымъ пособіямъ, чтобы дать дѣтямъ и отдохнуть нѣсколько отъ чтенія и лучше запечатлѣть то, о чемъ они только что прочитали или услышали отъ своего учителя. Вообще и мѣсто, и образъ дѣйствія данныхъ историческихъ лицъ должны какъ

можно чаще проходить предъ глазами дѣтей и запечатлѣваться въ ихъ памяти. Если же въ томъ или другомъ училищѣ совсѣмъ не окажется историческихъ картъ, то для достиженія скромныхъ цѣлей начальнаго народнаго обученія можно будетъ ограничиться и географическими, такъ какъ въ начальной народной школѣ было бы совершенно излишне прибѣгать къ слишкомъ большимъ на этотъ предметъ частностямъ и подробностямъ, несущественно важнымъ для дѣла.

Далѣе, при чтеніи и изученіи историческихъ рассказовъ нужно всячески избѣгать обремененія памяти учащихся слишкомъ большимъ количествомъ собственныхъ именъ, мелкихъ фактовъ, названій рѣкъ, городовъ и т. п. Въ отношеніи къ этому предмету мальчикамъ и дѣвочкамъ должно быть сообщено только то, что можетъ имѣть для нихъ существенную важность, безъ чего совершенно нельзя обойтись при освѣщеніи даннаго событія, цѣлой исторической эпохи, дѣятельности извѣстныхъ историческихъ лицъ и т. п. Начальная народная школа можетъ отдавать извѣстную часть своего времени на описаніе и изученіе только крупныхъ историческихъ событій и лицъ, и объ этомъ нужно прежде всего помнить всѣмъ учителямъ и учительницамъ. Все же менѣе значительное и мелкое должно быть совсѣмъ обойдено, какъ излишній для дѣтей балластъ, которымъ можетъ быть только сдвлено и затѣнено все болѣе важное и существенное. Великія событія, великія дѣла, историческія выпуклости и вершины— вотъ матеріалъ, на которомъ по преимуществу должно быть сосредоточено и вниманіе нашихъ школьныхъ дѣтей и ихъ воспримчивое ко всему чувство.

Избираемая для прочтенія на классныхъ урокахъ историческія статьи или отдѣльныя ихъ части не должны быть особенно значительны по своему объему или слишкомъ разнообразны и сложны по своему содержанію; такъ какъ на урокахъ такого чтенія, какъ и на чтеніи статей по всѣмъ другимъ отдѣламъ знанія, учащіеся мальчики и дѣвочки должны не только прочитать извѣстныя статьи, но и всесторонне понять ихъ, освоиться съ ихъ содержаніемъ, изложеніемъ, языкомъ и все это надолго запечатлѣть потомъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. При такомъ только условіи объяснительное чтеніе будетъ и необыкновенно занимательнымъ для дѣтей, и существенно для нихъ полезнымъ ¹⁾).

¹⁾ Объ измѣненіи и расширеніи занятій по церковно-славянскому языку мы здѣсь не будемъ уже говорить, такъ какъ дѣйствующая и теперь въ начальныхъ учи-

VI.

При общемъ увеличеніи учебнаго времени для начальныхъ народныхъ училищъ должно быть отдано нѣсколько дополнительныхъ учебныхъ часовъ и на болѣе соответствующую потребностямъ времени постановку въ этихъ училищахъ школьнаго письма вообще и въ особенности смысловой его стороны, на правильную постановку которой, за крайнимъ недостаткомъ учебнаго времени, нигдѣ почти не обращалось и не обращается соответствующаго вниманія, несмотря на огромную важность смысловыхъ работъ какъ для достиженія большей успѣшности въ общемъ умственномъ развитіи дѣтей, такъ и для удовлетворенія чисто практическимъ на этотъ предметъ запросамъ крестьянъ и требованіямъ. До сего времени школа стремилась къ достиженію дѣтьми, главнымъ образомъ, а иногда и почти исключительно, одной только специально орфографической правильности. И это, конечно, имѣло свое значеніе, такъ какъ и специально орфографическая правильность составляетъ одно изъ достоинствъ письма, существенно важныхъ для дѣла. Пройдя курсъ элементарнаго по этому предмету обученія и достаточно укрѣпивъ дѣтей въ ихъ виѣшне-каллиграфическихъ и орфографическихъ по письму навыкахъ, учителя и учительницы въ третій и особенно въ четвертый годъ обученія дѣтей должны остановиться главнымъ образомъ на смысловой сторонѣ письма, совершенно оставивъ въ это время предложеніе дѣтямъ такихъ второстепенныхъ или даже третьестепенныхъ школьныхъ работъ, какъ специально каллиграфическія всякаго рода упражненія, переписываніе съ книгъ въ тетради небольшихъ стихотвореній и статей, какъ разнаго рода орфографическія упражненія въ употребленіи въ данныхъ словахъ тѣхъ или другихъ буквъ, въ постановкѣ знаковъ пропінанія и т. п. Теперь учителя и учительницы должны уже научить учащихся, ко времени окончанія ими курса ихъ школьнаго обученія, ясно, правильно и совершенно свободно передавать своими словами содержаніе каждой прочитанной ими въ классѣ статьи или отдѣльной ея части, самостоятельно и въ возможно правильномъ письменномъ изложеніи отвѣчать на тѣ или другіе вопросы изъ преподаннаго, должны пріучить ихъ, наконецъ, къ самостоятельному и болѣе или менѣе свободному составленію всякой необходимой въ крестьянскомъ быту бу-

лицахъ программа этого предмета можетъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ достаточно полной.

маги, всякаго дѣловаго или частнаго письма, всякаго несложнаго по своему содержанію заявленія волостному правленію, уѣздному начальству, судебному слѣдователю и т. п., для чего могутъ и должны быть выработаны учащими даже извѣстные планы, формы, образцы и сообщены учащимся. Вообще, все то, что относится до ежедневнаго обихода крестьянской жизни и до пореписки крестьянъ съ разными учрежденіями и должностными лицами, все это должно сдѣлаться теперь предметомъ самой всесторонней и самой тщательной проработки на урокахъ письма, чтобы, вступая въ практическую жизнь и дѣятельность, бывшіе ученики начальныхъ народныхъ школъ могли уже все самостоятельно обдумать, обсудить, обо всемъ изложить письменно, совершенно удовлетворяя при этомъ всѣмъ законнымъ на этотъ предметъ требованіямъ лицъ, къ которымъ имъ придется обращаться съ своими просьбами и заявленіями.

Изъ письменныхъ работъ, имѣющихъ образовательное для дѣтей значеніе, въ третьемъ году обученія, могутъ быть признаны существенно полезными для учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ, между прочимъ, слѣдующія:

Краткіе отвѣты дѣтей на отдѣльно поставленные имъ учителями и учительницами вопросы изъ содержанія прочитанныхъ въ классѣ статей и отрывковъ.

Болѣе подробные и болѣе тщательно сформулированные отвѣты учащихся дѣтой на такіе же вопросы изъ прочитаннаго и разработаннаго уже съ ними матеріала.

Самостоятельное письменное изложеніе дѣтьми небольшихъ, предварительно прочитанныхъ и разобранныхъ въ классѣ, статей по вопросамъ учителя, сначала болѣе подробнымъ и частнымъ, а затѣмъ и болѣе общимъ, захватывающимъ содержаніе значительныхъ частей рассказовъ и статей, взятыхъ для письменнаго изложенія.

Письменное изложеніе предварительно прочитанныхъ и разобранныхъ въ классѣ статей или небольшихъ отдѣловъ какой либо значительной статьи по данному учителемъ плану—сначала болѣе частному и подробному, а затѣмъ уже по болѣе общему и краткому.

Болѣе самостоятельное письменное изложеніе учениками такихъ же отдѣловъ и статей безъ предварительно даннаго уже имъ на этотъ предметъ устнаго или письменнаго плана.

Письменные отвѣты съ измѣненіемъ и расширеніемъ содержанія прочитанныхъ въ классѣ статей по намѣченному учащими плану и по ихъ указаніямъ.

Болѣ самостоятельныя опыты такого изложенія и расширенія разсказовъ и статей безъ всякаго пособія со стороны учителей и учительницъ.

Письменные опыты переложенія стихотворной рѣчи въ прозаическую на матеріалѣ, хорошо усвоенномъ дѣтьми, но не изученномъ дословно.

Наконецъ, очень хорошимъ во всѣхъ отношеніяхъ матеріаломъ для письменныхъ ученическихъ работъ могутъ служить въ третьемъ году обученія и всѣ усвоенные учащимися на урокахъ закона Божія разсказы изъ священной исторіи. Этимъ прекраснымъ матеріаломъ могутъ пользоваться дѣти для своихъ письменныхъ работъ совершенно свободно и легко, не нуждаясь ни въ какой спеціальной ихъ къ тому подготовкѣ.

Наряду съ письменными работами, относящимися по своему содержанию къ школѣ, родному дому, саду, огороду, роднымъ полямъ и т. п., ученики должны быть упражняемы въ четвертомъ году обученія и въ работахъ чисто практическаго содержанія, къ разряду которыхъ можно отнести слѣдующее:

Составленіе частныхъ или семейныхъ писемъ на самые разнообразныя случаи сначала изъ школьно-учебной жизни дѣтей, а затѣмъ и вообще изъ крестьянской. Предметами такихъ писемъ могутъ служить: учебныя занятія дѣтей и ихъ успѣхи, школьные праздники, школьные вокально-литературные вечера и ѳлкі, церковные праздники и торжества, хорошій сборъ въ деревнѣ хлѣба и травъ, несчастія неурожайнаго года и т. п.

Успѣшному достиженію въ письменныхъ работахъ дѣтей логической и смысловой правильности очень много можетъ помочь постоянная заботливость учителей и учительницъ о доведеніи до возможной правильности и чистоты устной рѣчи дѣтей въ отношеніи ко всѣмъ безъ исключенія предметамъ элементарно-школьнаго обученія.

Письменные работы всякаго содержанія можно иногда давать дѣтямъ и на домъ. Лучше же всего выполнять ихъ въ классѣ на очередныхъ урокахъ и особенно въ такихъ училищахъ, въ которыхъ учителю приходится заниматься не менѣе, какъ съ двумя или тремя группами. Самостоятельная письменная работа будетъ въ этомъ случаѣ безусловно лучшею для всѣхъ учащихся дѣтей и, можетъ быть, самой производительной; такъ какъ никакой другой трудъ не можетъ такъ успѣшно воспитывать и укрѣплять вниманіе дѣтей, какъ хорошо поставленная въ школѣ самостоятельная работа.

VII.

Съ увеличеніемъ учебнаго времени необходимо будетъ расширить дѣйствующую теперь въ нашихъ школахъ программу и по предмету письменнаго и умственнаго счисленія. Для этого представлялось бы совершенно естественнымъ и вполнѣ возможнымъ ограничиться пока тѣмъ но особенно обширнымъ учебнымъ матеріаломъ, какой въ общихъ чертахъ намѣченъ уже въ дѣйствующей теперь программѣ, но не какъ обязательный къ усвоенію во всѣхъ безъ исключенія школахъ, а какъ желательный и возможный къ прохожденію только тамъ, гдѣ усгѣбеть болѣе счастливо образоваться составъ учащихся и учащихся, и гдѣ общія условія для воспитанія и обученія дѣтей успѣють сложиться во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благоприятно. Этотъ условно предположенный къ классному преподаванію матеріалъ пужно только признать теперь безусловно обязательнымъ къ прохожденію во всѣхъ безъ исключенія училищахъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія и, кромѣ того, нѣсколько частице опредѣлить его примѣнительно къ тому, какъ это выполнено въ программѣ для городскихъ училищъ, въ курсѣ четвертаго и пятаго года обученія. Такимъ образомъ, общее содержаніе этого матеріала, подлежащаго обязательному изложенію дѣтямъ въ четвертомъ году ихъ обученія, можетъ быть выражено въ слѣдующемъ:

„Мѣры поверхностей и объемовъ тѣлъ и производство четырехъ дѣйствій надъ посоставными и составными числами этихъ мѣръ“.

„Элементарный курсъ обыкновенныхъ дробей: происхожденіе дробей; увеличеніе и уменьшеніе дробей; сокращеніе, сложеніе и вычитаніе дробей; нахожденіе одной или нѣсколькихъ частей даннаго числа; нахожденіе цѣлаго по даннымъ частямъ; содержаніе дробей въ цѣломъ и дробномъ числѣ; умноженіе и дѣленіе дробей“.

„Краткое ознакомленіе дѣтей съ десятичными дробями. Простѣйшія дѣйствія надъ десятичными дробями“.

„Ознакомленіе учащихся съ понятіемъ о $\%$, какъ сотой долѣ числа, съ нахожденіемъ одного и нѣсколькихъ $\%$ данной суммы денегъ; съ нахожденіемъ $\%$ за мѣсяць и за время больше года по найденной прибыли за годъ“.

Но и этотъ не особенно сложный и не очень обширный матеріалъ, предназначавшійся къ условному изученію дѣтьми даже при трехгодичномъ курсѣ ихъ обученія, не долженъ излагаться въ начальныхъ народныхъ училищахъ слишкомъ полно и подробно. Во всякомъ слу-

чаѣ, классное изложеніе и усвоеніе его дѣтьми не должно превышать ихъ умственныхъ силъ и способностей и не должно вызывать учащихъ и учащихся на слишкомъ большую затрату учебнаго времени, въ народныхъ школахъ всегда и для всѣхъ очень дорогого. Здѣсь главное и существенно необходимое учителя и учительницы должны всегда предпочитать второстепенному и никогда не затруднять дѣтей слишкомъ сложными и особенно неясно и неотчетливо сформулированными вопросами на вычисленіе поверхностей и объемовъ тѣлъ, или рѣшеніемъ столько же сложныхъ практическихъ задачъ на простыя и десятичныя дроби, съ самымъ разнообразнымъ примѣненіемъ при этомъ цѣлаго ряда ариметическихъ дѣйствій и цѣлыхъ разрядовъ числовыхъ величинъ, требующихъ необыкновенно внимательнаго, сложнаго и очень кропотливаго съ ними обращенія. Цѣль занятій по этому отдѣлу знанія можетъ считаться вполне достигнутой учителями и учительницами, если они совершенно ясно, точно и полно успѣютъ ознакомить учащихся дѣтей со всѣми свойствами и особенностями простыхъ и десятичныхъ дробей, съ формулами всѣхъ производимыхъ надъ ними дѣйствій, а также и со способами примѣненія этихъ дѣйствій къ рѣшенію болѣе простыхъ практическихъ на дроби задачъ, относящихся по своему содержанію преимущественно къ крестьянскому быту и положенію. При этомъ все то, что по своему содержанію легко, просто и совершенно доступно пониманію дѣтей, должно всегда предпочитаться болѣе сложному, неясному, затруднительному, что можетъ скорѣе утомлять и притуплять дѣтскую мысль, чѣмъ развивать и оживлять ее. Переходы со ступени на ступень всегда и во всемъ должны быть рассчитаны очень вѣрно. Иначе всякое движеніе впередъ будетъ незамѣтно ослабѣвать, а иногда даже и совсѣмъ прерываться. Особенно же необходимо наблюдать это при переходахъ къ чему-нибудь особенно сложному и затруднительному, каковымъ, конечно, и можетъ быть признано слишкомъ сложное обращеніе съ простыми и десятичными дробями въ группахъ дѣтей, не старше 11 или 12 лѣтъ. Кроме того, при школьныхъ занятіяхъ съ крестьянскими мальчиками и дѣвочками особенное вниманіе нужно обращать также и на то, что можетъ быть полностью не использовано ими потомъ и практически, въ самой жизни. Школа работаетъ для будущаго. Въ ней, какъ въ заводишѣ, таятся силы для созданія совершенно новыхъ жизненныхъ формъ и новыхъ отношеній. Поэтому, все то, что влагаешь школа въ умы и сердца своихъ дѣтей за непродолжительное время ихъ обученія, должно быть чисто практически соображено съ запросами и требо-

ваніями самой жизни, съ тѣмъ безусловно существеннымъ и важнымъ, чего ждетъ отъ нея каждый народъ для укрѣпленія своихъ нравственно-религіозныхъ началъ и для возвышенія своего матеріальнаго благосостоянія. Большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ этой цѣли долженъ опредѣляться характеръ школы и раскрываться весь смыслъ ея дѣятельности.

Такія же ясныя, точныя, но и не особенно обширныя свѣдѣнія должны быть сообщены учащимся мальчикамъ и дѣвочкамъ въ четвертый годъ ихъ обученія и по учету процентовъ. Все это должно быть ограничено такими приблизительно размѣрами, въ какихъ могутъ выражаться денежные обороты и самихъ крестьянъ, или къ каковымъ они могутъ, по крайней мѣрѣ, приближаться. Нужно помнить, что вычисленія на небольшія сравнительно числа всегда и менѣе утомительны для дѣтей и всего болѣе доступны для слабой еще степени ихъ пониманія. А что легко и ясно понимается дѣтьми, то и усваивается ими обыкновенно столь же легко, безъ всякихъ для него либо затрудненій. Притомъ же въ элементарной школѣ нужно совершенно правильно и твердо полагать только первыя основы знанія. Все же остальное, при достаточно благоприятныхъ обстоятельствахъ, само собою придетъ и, какъ дерево на сильномъ и здоровомъ корнѣ, свободно и легко разовьется.

Такимъ образомъ, весь дополнительный учебный матеріалъ, предназначенный къ прохожденію въ дѣйствующихъ теперь программахъ, но до сего времени не считавшийся обязательнымъ въ курсѣ начальной народной школы, слѣдуетъ всецѣло отнести теперь уже на четвертый годъ школьнаго обученія. Что же касается первыхъ трехъ лѣтъ элементарно-школьныхъ съ дѣтьми занятій, то все это время и при значительно большемъ его увеличеніи должно быть всецѣло посвящено болѣе обстоятельному и отчетливому усвоенію дѣтьми того основнаго по предмету ариметики матеріала, какой намѣченъ уже въ дѣйствующихъ теперь школьно-учебныхъ программахъ, — возможно твердому и обстоятельному усвоенію дѣтьми первыхъ четырехъ арифметическихъ дѣйствій на простыя и именованныя числа. Эта первая ступень обученія должна быть пройдена дѣтьми не особенно скоро, но всегда очень сознательно, твердо, разумно, чтобы учащіеся могли стоять на этой первой ступени, какъ на совершенно прочномъ фундаментѣ при всѣхъ послѣдующихъ своихъ по этому предмету занятіяхъ. Можно пожелать только того, чтобы очень значительная часть дополнительнаго учебнаго времени къ первымъ тремъ годамъ школьнаго

обученія отдана была на упражненіе дѣтей въ умственномъ счисленіи, но преимуществу полезномъ для дѣтей и существенно для нихъ необходимымъ. Оказывая огромное вліяніе на общее умственное развитіе дѣтей, упражненіе въ умственномъ счисленіи приноситъ имъ ничѣмъ незамѣнимую пользу и въ чисто практическомъ отношеніи, т. е. въ примѣненіи этихъ навыковъ къ жизни и дѣятельности крестьянъ; такъ какъ хорошій умственный счетъ всегда и вездѣ съ крестьянскомъ и можетъ сдѣлать совершенно излишними для него всѣ другіе способы и средства счисленія.

VIII.

Что же касается постановки школьнаго пѣнія дѣтей при увеличившемся на одинъ годъ общемъ курсѣ ихъ обученія, то на этотъ предметъ приходится говорить не столько уже объ измѣненіи, расширеніи или улучшеніи дѣйствующей теперь программы, сколько о совершенной почти замѣнѣ ея другой, болѣе соответствующей и потребностямъ крестьянскаго населенія, и силамъ дѣтей, и тому уровню ихъ умственнаго развитія, въ какомъ они проходятъ и долго еще будутъ проходить курсъ своей маленькой начальной народной школы. Необходимость такихъ полныхъ въ этой программѣ измѣненій вызывается, конечно, тѣмъ, что предлагаемый въ ней теперь учебный матеріалъ подобранъ (я составителями очень односторонне, совершенно неправильно отнесенъ въ своей теоретической части на одинъ почти второй годъ школьнаго обученія и слишкомъ осложненъ такимъ содержаніемъ, обязательное прохожденіе котораго, отвлекая дѣтей отъ усвоенія мотивовъ, болѣе доступныхъ ихъ чувству и настроенію, можетъ слишкомъ затруднять дѣтей и не оставлять имъ времени для усвоенія другихъ отдѣловъ этого курса, столь же важныхъ для нихъ и столь же необходимыхъ. Въ новой по этому предмету программѣ слѣдуетъ расположить весь учебный матеріалъ съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждую группу учащихся отнесено было именно то, что можетъ быть пройдено учащимися этой группы безъ всякихъ для нихъ затрудненій, чтобы теоретическая часть общаго по пѣнію курса была болѣе или менѣе равномерно распределена между всѣми возрастами учащихся, и чтобы весь вообще учебный по пѣнію матеріалъ всегда былъ достаточно разнообразенъ, вполне занимателенъ для дѣтей по своему содержанію и обладалъ всѣми качествами для самаго широкаго учебно-воспитательнаго на нихъ вліянія. Нужно сдѣлать такъ, чтобы время, проведенное дѣтьми за пѣніемъ, было для нихъ какъ бы

отдыхомъ послѣ занятій и ничего другого не приносило имъ, кромѣ эстетическаго удовольствія и освѣженія ихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ для новыхъ занятій. Поэтому, для уроковъ пѣнія, особенно въ двухъ младшихъ группахъ, едва ли нужно и устанавливать какое либо строго опредѣленное время. Гораздо лучше привлекать дѣтей къ этимъ занятіямъ тогда, когда въ этомъ будетъ чувствоваться наибольшая надобность, когда нужно будетъ дать дѣтямъ отдохнуть отъ занятій, успокоиться, собраться съ новыми силами. И въ этомъ случаѣ каждый опытный учитель всегда займется пѣніемъ столько, сколько это будетъ необходимо для дѣтей въ интересахъ достиженія ими указанныхъ выше цѣлей. Иногда на это нужно будетъ отдать 5—10 минутъ, а иногда и гораздо больше. Но время отъ времени могутъ быть устраиваемы, конечно, въ первыхъ двухъ группахъ и особы уроки пѣнія въ интересахъ возможно правильной и твердой постановки этого предмета обученія въ каждомъ отдѣльномъ училищѣ.

Постановка пѣнія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, заслуживаетъ очень внимательнаго къ нему отношенія и гораздо лучшей его постановки въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Въ дѣлѣ школьнаго воспитанія и обученія ничто, кажется, не имѣетъ такого значенія, какъ добрыя нравственныя чувства и настроенія дѣтей, а таковыя воспитываются, развиваются и возвышаются скорѣе и усильнѣе всего на урокахъ правильно поставленнаго, стройнаго и выразительнаго пѣнія. Оно возвышаетъ умъ, смягчаетъ и облагораживаетъ сердце и приводитъ всѣ силы души въ самое стройное и гармонически дѣятельное сочетаніе. Въ безусловно благоприятномъ смыслѣ вліяетъ пѣніе на упорядоченіе школъ даже во внѣшнемъ дисциплинарномъ отношеніи, пріучая дѣтей къ ритмической во всемъ размѣренности, къ такту, къ періодически измѣняющимся ускореніямъ въ пѣніи, замедленіямъ, задержкамъ и вообще къ извѣстному подчиненію при пѣніи своему учителю, его темпу, а также и общему мелодическому движенію и настроенію цѣлаго хора, исполняющаго то или другое произведеніе. И такое вліяніе на дѣтей уроковъ пѣнія представляется для насъ вполне естественнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ совершенно понятнымъ. То, что дружно выполняется цѣлой школьной группой, хорошо собранной для даннаго урока и совершенно правильно объединенной, не можетъ не объединять дѣтей и не приводитъ ихъ въ извѣстный общій порядокъ, вполне и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющій всѣмъ важнѣйшимъ требованіямъ школьной дисциплины.

Но еще большее значеніе и большую цѣну въ курсѣ начальнаго народнаго обученія пѣніе имѣетъ и всегда будетъ имѣть, какъ учебный предметъ, по преимуществу, развивающій въ дѣтяхъ живое чувство любви къ школѣ, къ школьнымъ учителямъ и учительницамъ, къ школьнымъ порядкамъ и вообще ко всему тому, съ чѣмъ они встрѣчаются и что видятъ вокругъ и около себя за непродолжительное время своего обученія. Правда, крестьянскіе мальчики и дѣвочки и теперь уже, при сравнительно слабой пока постановкѣ пѣнія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, очень любятъ свои маленькія народныя школы и всегда охотно посѣщаютъ ихъ, если только не встрѣчаютъ къ тому какихъ либо совершенно независящихъ отъ нихъ препятствій. По эти прекрасныя чувства и настроенія дѣтой, всегда такъ благопріятно отражающіяся на общихъ успѣхахъ нашего школьно-учебнаго дѣла, желательно было бы еще болѣе усилить, укрѣпить и надолго обезпечить за школами совершенно правильной и болѣе серьезной постановкой въ нихъ школьнаго пѣнія.

Пѣніе необходимо разсматривать въ курсѣ народной школы и какъ лучшее средство къ развитію въ дѣтяхъ живой любви къ окружающей ихъ родной природѣ, къ патріархальнымъ еще во многихъ мѣстахъ условіямъ крестьянскаго земледѣльческаго быта и положенія, ко всему, наконецъ, настоящему и прошлому нашей родной страны, къ ея лучшимъ общественнымъ дѣятелямъ, народнымъ вождямъ, героямъ. Къ достиженію этой цѣли должно быть направлено, разумѣется, и все наше начально-школьное преподаваніе, какъ бы ни велось оно по всѣмъ предметамъ кратко и элементарно. Но всего легче и успѣшнѣе могутъ быть достигаемы всѣ указанныя выше цѣли на урокахъ простого и нотнаго пѣнія, при хорovémъ исполненіи дѣтьми лучшихъ произведеній народной поэзіи, посвященныхъ нашей русской природѣ, патріархальной простотѣ нашего простонароднаго быта, нашимъ нравамъ, обычаямъ, всему достопамятному прошлому нашей страны, нашего народа. При томъ душевно приподнятомъ настроеніи, какое всегда овладѣваетъ дѣтьми на урокахъ пѣнія, живое чувство и настроеніе ихъ всегда легко переносятся и на тѣ предметы, изображеніе которыхъ составляетъ содержаніе народныхъ пѣсней, народныхъ сказаній, былинъ и всѣхъ позднѣйшихъ произведеній народнаго творчества. А воспитать и развить всѣ эти чувства и настроенія такъ необходимо въ странѣ, гдѣ наблюдается полное почти въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ равнодушіе, гдѣ отношеніе населенія къ родной природѣ во всѣхъ проявленіяхъ скорѣе безжа-

лотно, чѣмъ любовно, гдѣ родной бытъ; его патріархальная и ничѣмъ еще неповрежденная непосредственность и простота не только никѣмъ не сохраняются и не поддерживаются во всей своей чистотѣ, но скорѣе ослабляются и разрушаются, и гдѣ не сохраняется, наконецъ, никакой почти памяти о нашемъ минувшемъ прошломъ, созданномъ тѣми доблестями многихъ отдѣльныхъ лицъ и съ такимъ полнымъ съ ихъ стороны самоотверженіемъ. Въ этомъ отношеніи въ нашей далеко еще не образованной и не культурной странѣ остается совершенно пустое пока мѣсто, никѣмъ и ничѣмъ не занятое. Народныя настроенія и чувства къ своему близкому и родному у всѣхъ еще глубоко спяты, и трудно сказать, скоро ли и когда именно наступитъ время ихъ пробужденія.

Какой прекрасный примѣръ дають намъ въ этомъ отношеніи швейцарскія начальныя народныя училища, воспитывая своихъ школьныхъ дѣтей въ чувствахъ живой и дѣятельной любви ко всему ихъ окружающему, къ ихъ долинамъ, полямъ, лугамъ, къ уходящимъ въ небо горнымъ вершинамъ, а также и къ ихъ болѣею частью очень простой и неприхотливой жизни среди своихъ горныхъ полей, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Въ томъ сборникѣ гимновъ, праздничныхъ каптатъ и народныхъ пѣсень, какой у меня имѣется сейчасъ подъ руками и какой составленъ и изданъ былъ Полю специально для швейцарскихъ школъ, послѣ элементарныхъ свѣдѣній по теоріи нотнаго пѣнія и цѣлаго ряда практическихъ по пѣнію упражненій, 20 отдѣльныхъ номеровъ посвящено воспитанію религіознаго чувства дѣтей и особенно установленію желательнаго отношенія ихъ къ чествованію праздничныхъ дней и прежде всего Рождества Христова (*Louanges de Dieu, fêtes religieuses*); 55 номеровъ посвящено поэтическому описанію общественной жизни въ родной странѣ и тихимъ радостямъ семейной жизни (*patric, foyer*); далѣе, въ 19 номерахъ сборника описывается и воспѣвается время дня, восходъ солнца, утро, вечеръ и т. п. (*Le jour*), а въ 18 отдѣльныхъ номерахъ времена года, особенно свѣтлый май и теплые лѣтніе дни, періодъ полного развитія и обнаруженія живыхъ и дѣятельныхъ силъ природы (*Les saisons*). Затѣмъ, самая большая часть этого сборника посвящена поэтическому описанію швейцарскихъ горъ, долинъ, низменностей, живописныхъ озеръ, мрачныхъ и всегда почти покрытыхъ лѣсами ущолій (*La nature*), а также и очень широко и плодотворно развиваемой здѣсь дѣятельности человѣка, успѣвающей даже изъ горныхъ и почти недоступныхъ высей извлекать все необходимое для своего существованія

(Activité de l'homme). Поэтическому описанию горной природы и лежащему среди горных твердынь Женевскому озеру посвящено здѣсь 47 отдѣльных номеровъ, а сельскохозяйственному труду на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ среди виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ, горной охотѣ, школьнымъ занятіямъ и т. п. до 56 пѣсень; наконецъ, 8 отдѣльных номеровъ посвящено въ этомъ сборникѣ рекреационнымъ играмъ дѣтей и развлечениямъ (gymnastique, récréation). И все это согрѣто здѣсь почти благоговѣйнымъ въ отношеніи ко всему чувствомъ и настроеніемъ. И народъ дѣйствительно любитъ здѣсь свою страну, съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ ея славномъ прошломъ, не тяготится условіями своего настоящаго существованія, умѣетъ скрашивать свою трудовую жизнь бойкой и мужественной народной пѣсней и большею частію очень бодро смотритъ въ даль будущаго, хотя и надъ этой счастливой страной какъ будто начинается уже сгущаться туманъ новыхъ общенародныхъ и общегосударственныхъ теченій, совершенно пока неясныхъ и не опредѣлившихся, но готовыхъ уже поколебать все старое, созданное напряженными трудами цѣлыхъ огромныхъ группъ населенія, цѣлыхъ поколѣній... Но живая любовь къ родинѣ, постоянно поддерживаемая и развиваемая здѣсь начальной народной школой, успѣетъ, вѣроятно, предохранить эту страну отъ уклоненія ея съ того пути, по которому она шла до сего времени съ такой славой для себя и съ такимъ полнымъ во всемъ успѣхомъ. На школу, конечно, должна будетъ опереться и наша глубоко потрясенная въ послѣднее время страна на пути своего перехода въ новую жизнь, въ новыя формы своего общественнаго и государственнаго строенія.

Хорошо поставленное въ училищахъ простое и потное пѣніе, въ связи съ возможно правильнымъ выборомъ вполне соответствующаго для такихъ уроковъ матеріала, должно будетъ оказать самое благотворное вліяніе и на общее смягченіе и обновленіе всей жизни народной, теперь столь бѣдной еще содержаніемъ, однообразно унылой, далеко непривѣтливой. Живая народная пѣсня и стройное хоровое пѣніе дѣтей, вошедши черезъ школу въ повседневный обиходъ народной жизни и дѣятельности, внесутъ, конечно, въ эту жизнь цѣлую гамму совершенно новыхъ настроеній и чувствъ, разовьютъ вкусъ народа къ наслажденіямъ болѣе возвышеннымъ и чистымъ, чѣмъ какими наполнялась его жизнь до сего времени, и общей суммой этихъ вліяній отвлекутъ, можетъ быть, цѣлыя массы населенія отъ того опаснаго и гибельнаго пути, по которому, движимые своимъ

національнымъ недугомъ, очень многіе идутъ теперь къ своему физическому и нравственному вырожденію. И дѣйствительно, какъ измѣнилась бы, въ самомъ дѣлѣ, вся наша жизнь, если бы вездѣ, гдѣ теперь, при данномъ уровнѣ развитія нашего народа, слышится обыкновенно только рѣзкое и грубое слово, а иногда даже и непристойная брань, гдѣ во взаимныхъ отношеніяхъ людей не наблюдается ничего почти такого, что взаимно смягчало и скрашивало бы ихъ жизнь, какъ можно чаще слышалась живая народная пѣсня и чувствовалось то облагораживающее вліяніе, какое она всегда и на всѣхъ собой производитъ.

Хорошо поставленнымъ въ школѣ пѣніемъ должна быть сохранена, наконецъ, для народа во всей своей неповрежденности и чистотѣ и наша прекрасная народная пѣсня, теперь болѣе и болѣе вытѣсняемая изъ обращенія грубымъ содержаніемъ заводскихъ и фабричныхъ пѣсенъ, ничего не вносящихъ въ народную среду, кромѣ общаго пониженія всѣхъ истинно народныхъ чувствъ и настроеній.

При общемъ увеличеніи курса начальнаго народнаго обученія нельзя будетъ не отдать нѣсколькихъ часовъ учебнаго времени и на преподаваніе дѣтямъ элементарнаго черченія и рисованія. Предметъ этотъ всегда очень заинтересовываетъ дѣтей, развиваетъ ихъ вкусъ къ изящному, освѣжаетъ ихъ вниманіе для занятій другими предметами курса и, что всего важнѣе, представляетъ такой учебный матеріалъ, которымъ особенно легко пользоваться при назначеніи дѣтямъ такъ называемыхъ самостоятельныхъ работъ. Тѣмъ не менѣе, и при удлинненіи нѣсколькихъ курсовъ начальнаго обученія на уроки черченія придется отдать сравнительно очень немного времени. Въ ряду другихъ предметовъ обученія черченіе съ рисованіемъ и на будущее время должно будетъ занять въ училищахъ не болѣе, какъ только второстепенное мѣсто, и никогда не входить въ разрядъ строго обязательныхъ.

Такому второстепенному значенію черченія и рисованія въ курсѣ начальнаго народнаго обученія должна выполнѣть соответствовать и программа этого предмета. Она должна быть очень необширна во всѣхъ своихъ частяхъ, ближайшимъ образомъ принаровлена къ простымъ и несложнымъ предметамъ непосредственнаго наблюденія крестьянскихъ дѣтей и къ той степени ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, которую не безъ основанія принято всѣми называть элементарной. Поэтому, уже и тѣ немногіе уроки черченія по клѣткамъ, какіе предлагаются для начальныхъ народныхъ школъ въ большей

части принятыхъ теперь пособій и руководствъ, могутъ быть признаны болѣе или менѣе достаточными для двухъ или даже для трехъ лѣтъ школьнаго обученія. Нужно будетъ позаботиться только о томъ, чтобы все это пройдено было дѣтьми съ большою, чѣмъ прежде, обстоятельностью, полнотою и усвоено было притомъ съ особенной тщательностію. Всего же обстоятельнѣе и полнѣе должно быть пройдено и разработано дѣтьми все то, что составляетъ предметъ ихъ непосредственныхъ наблюдений въ домѣ, въ школѣ, въ своемъ огородѣ, саду и т. п.

Въ виду очень слабого общаго развитія нашихъ школьныхъ дѣтей черченіе по клѣткамъ можетъ считаться не только возможнымъ, но даже и желательнымъ въ примѣненію въ первые два и даже три года школьнаго обученія, пока, путемъ цѣлаго ряда упражненій, дѣти не разовьютъ въ себѣ навыка прямо схватывать и переносить на бумагу всѣ стороны даннаго имъ для изображенія предмета, не прибѣгая уже для этого къ тѣмъ или другимъ вспомогательнымъ средствамъ. Все, что можетъ устанавливаться дѣтвой на болѣе правильномъ пути въ ихъ школьныхъ по данному предмету занятіяхъ и дѣлать болѣе легкими ихъ первые на этомъ пути шаги, — все это должно быть широко использовано учащими лицами и самымъ тщательнымъ образомъ примѣнено къ дѣлу школьнаго преподаванія.

Когда дѣти достаточно уже освоятся съ первыми элементами черченія и рисованія, когда до известной степени разовьется ихъ глазомѣръ и вся техника этого предмета обученія сдѣлается для нихъ сравнительно легкой и непринужденной, тогда они могутъ уже перейти къ черченію и рисованію безъ всякихъ клѣтокъ и частію съ живыхъ уже предметовъ ихъ непосредственнаго наблюденія. Такими предметами могутъ быть какъ разныя принадлежности ихъ классной обстановки—арифметическія лѣщички, классные счеты, простѣйшія геометрическія тѣла, если таковыя имѣются, такъ и приносимые дѣтьми съ собою на уроки листья и цвѣты болѣе любимыхъ ими растений и травъ, — этой разнообразной, живой и всегда увлекающей дѣтей натуры. На этотъ живой для черченія матеріалъ нужно только обратить вниманіе дѣтвой и порекомендовать первыми лишь шагами ихъ по выбору этихъ предметовъ и возможно лучшему сохраненію ихъ въ томъ видѣ и положеніи, въ какомъ они наилучшимъ образомъ могли бы быть использованы затѣмъ, какъ живые для черченія и рисованія образцы, на классныхъ урокахъ.

На классныхъ урокахъ черченія и рисованія не нужно слишкомъ

долго задерживать дѣтей на однихъ и тѣхъ же чертежахъ и рисункахъ. Это притупляетъ вниманіе дѣтей къ занятіямъ и значительно ослабляетъ тотъ живой интересъ, съ какимъ дѣти всегда готовы относиться къ этому предмету обученія. Кромѣ того, и въ отношеніи къ самымъ рисункамъ и чертежамъ дѣтей также не пужно предъявлять слишкомъ большихъ требованій, чтобы излишней въ этомъ отношеніи педантичностью, вмѣсто ожидаемыхъ положительныхъ результатовъ, не достигнуть чего либо совершенно отрицательно вліяющаго на всѣ занятія дѣтей и на всѣ ихъ успѣхи.

Упражненія въ черченіи и рисованіи должны производиться дѣтьми самостоятельно и особенно въ такихъ училищахъ, гдѣ учителя и учительницы занимаются съ разу съ учениками нѣсколькихъ школьныхъ группъ или отдѣленій. Учителямъ и учительницамъ такихъ училищъ придется ограничиваться на урокахъ черченія главнымъ образомъ простымъ лишь наблюденіемъ за дѣтьми и всегда краткимъ, по возможности, указаніемъ предъ началомъ урока на то, какъ они должны пользоваться при своей работѣ даннымъ имъ для воспроизведенія образцомъ, рисункомъ, съ чего они должны начать свою работу, какъ вести ее, на какія стороны обратить особенное вниманіе и чѣмъ и какъ ее окончить. Эти предварительные совѣты и указанія должны быть, разумѣется, болѣе подробными и обстоятельными на первыхъ въ каждой группѣ урокахъ этого предмета, а также на всѣхъ новыхъ рисункахъ или чертежахъ, и болѣе краткими на всѣхъ послѣдующихъ ступеняхъ школьнаго по черченію и рисованію преподаванія, когда дѣти будутъ слѣдовать уже по пути, достаточно для нихъ опредѣлившемуся. И это слѣдуетъ рассматривать какъ методическое требованіе, не допускающее никакихъ почти исключеній. Вездѣ и во всемъ представляютъ особенное значеніе и особую цѣнность разумно сдѣланные дѣтьми первые шаги и первые данные имъ для того уроки.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ тотъ болѣе прямой, ровный и не особенно трудный, какъ намъ кажется, путь, по которому можно было бы съ успѣхомъ провести къ достиженію элементарно-школьной грамотности всѣхъ безъ исключенія крестьянскихъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 8 лѣтъ до 12. Этотъ начальный курсъ обученія необходимо признать обязательнымъ для всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, съ обязательнымъ же по всей странѣ увеличеніемъ на одинъ годъ общей продолжительности курса начального народнаго обученія и съ удлинненіемъ каждаго учебнаго года въ отдѣльности до 40 — 42

учебныхъ недѣль или до 9 — 9½ мѣсяцевъ. Но тѣсными предѣлами этого элементарнаго курса ни въ какомъ случаѣ не должно быть ограничиваемо стремленіе народа къ полученію имъ болѣе полнаго и законченнаго образованія. Съ ожидаемымъ переходомъ нашей страны въ новый общественный строй и въ значительно лучшія во всѣхъ отношеніяхъ экономическія условія, должны будутъ совершенно естественно и почти неизбежно раздвинуться и тѣ предѣлы, въ какіе приходится замыкать пока курсъ нашего начальнаго народнаго обученія. Но уже и теперь для очень значительной части проходящихъ чрезъ элементарную школу дѣтей необходимо будетъ открыть цѣлый рядъ училищъ съ повышеннымъ курсомъ образованія, не менѣе 8 — 10 на уѣздъ, куда и могли бы совершенно свободно и легко переходить, какъ на вторую учебную ступень, всѣ крестьянскіе мальчики и дѣвочки, не желающіе ограничиваться въ своемъ общемъ образованіи элементарнымъ курсомъ начальной народнои школы.

А. Ивассъ.

КЛАССЫ РУЧНОГО ТРУДА И РЕМСЛЕННЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ ВЪ ДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія состоятъ при нѣкоторыхъ мужскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ домства министерства народнаго просвѣщенія—учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ, городскихъ, по положенію 1872 года, двухклассныхъ и одноклассныхъ, начальныхъ сельскихъ и приходскихъ училищахъ.

Названные классы и отдѣленія являются особыми учрежденіями—мастерскими, въ которыхъ ученики вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній занимаются ручнымъ трудомъ. Эти занятія состоятъ въ приобрѣтеніи умѣній, какъ въ смыслѣ предварительнаго ознакомленія съ приемами ремеслъ, способствующихъ физическому развитію организма вообще и, въ частности, методическому упражненію рукъ и глазъ, такъ и въ смыслѣ изученія до извѣстной степени какого-либо ремесла, съ цѣлью имѣть въ жизни опредѣленный заработокъ, или, по крайней мѣрѣ, пользоваться въ домашнемъ быту своими знаніями и умѣніями при изготовленіи для этого быта потребныхъ предметовъ.

Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія, въ которыхъ въ настоящее время ведутся занятія ручнымъ трудомъ, до 1903 года не разграничивались; для нихъ было одно названіе: „ремесленные классы“. Эти классы стали появляться во второй половинѣ 19-го столѣтія и явились результатомъ практическихъ начинаній правительства и общества въ дѣлѣ улучшенія системы народнаго образованія посредствомъ введенія въ нее ручного труда, какъ одного изъ элементовъ воспитанія. Названныя практическія начинанія въ свою очередь находятся въ тѣсной и непосредственной связи съ движеніемъ, давно уже на-

чавшимся въ западныхъ государствахъ. Поэтому, до разсмотрѣнія дѣла постановки преподаванія ручного труда и успѣховъ, достигнутыхъ за послѣднее время въ русскихъ школахъ, позволимъ себѣ остановиться на преподаваніи названнаго предмета въ народныхъ школахъ за границей.

I.

Положеніе ручного труда за границей ¹⁾.

Идея ручного труда явилась результатомъ развитія понятія о воспитаніи вообще. Начиная уже съ 16-го вѣка, рядъ передовыхъ мыслителей и педагоговъ (Мишель Монтань, Амосъ Коменскій, Франке, Джонъ Локкъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Базедовъ, Песталоцци и др.), признавая цѣлью воспитанія гармоническое развитіе всѣхъ силъ и способностей человѣка, настойчиво требовали, чтобы въ систему воспитанія дѣтей и юношей была включена физическая работа и въ частности ручной трудъ, способствующій развитію важныхъ органовъ человѣка, его физическихъ силъ и практическихъ способностей. Но до 18-го вѣка идея ручного труда не переходила изъ области теоріи на практическую почву, и лишь въ концѣ названнаго столѣтія въ Германіи извѣстные педагоги—Базедовъ (1723—1799) и Зальцманъ (1744—1811) стали примѣнять съ большими усиліями обученіе ручному труду въ своихъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Но ихъ единичные опыты не получили въ свое время широкаго распространенія, и движеніе въ пользу пракческаго осуществленія идеи преподаванія ручного труда чуть было не заглохло. Лишь въ началѣ 19-го вѣка ручной трудъ, благодаря пропагандѣ трудового начала для воспитанія будущихъ гражданъ со стороны знаменитаго Песталоцци (1746—1827) и практическому осуществленію этого начала Фридрихомъ Фребелемъ (1782—1852) въ его системѣ воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста, былъ поставленъ на должную высоту.

Послѣ Фридриха Фребеля дальнѣйшее развитіе ручного труда идетъ въ примѣненіи къ воспитанію дѣтей уже школьнаго возраста, и со второй половины 19-го столѣтія ручной трудъ появляется въ школьной организаціи почти всѣхъ странъ стараго и новаго свѣта.

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію. Выпускъ IV—1895 г.—Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи. 1889—1890. Труды V отдѣленія С. 116. 1890.

Финляндія. Въ 1857 году финляндскій сеймъ поручилъ Уно Цигнеусу († 1887), послѣдователю идей Песталоцци и Фребеля, переустройство народнаго образованія въ Финляндіи. Цигнеусъ включилъ въ составленный имъ проектъ новаго положенія о финскихъ начальныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ наравнѣ съ другими общобразовательными предметами и ручной трудъ. Проектъ получилъ силу закона 11-го мая 1866 года. Это былъ первый въ Европѣ законъ, признающій со стороны государства преподаваніе ручного труда наравнѣ съ прочими предметами обученія. Практическое обученіе ручному труду въ школахъ Финляндіи сначала немногимъ отличалось отъ обученія ремесламъ; цѣль и способы преподаванія оставались ремесленными и утилитарными до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и только съ этого времени въ финскихъ школахъ является на сцену педагогическій трудъ, дѣйствительныя цѣли котораго одинаковы съ прочими предметами обученія: первое мѣсто въ названномъ трудѣ занимаетъ ученикъ, вокругъ котораго и для интересовъ котораго ведется все обученіе. Въ настоящее время такой ручной трудъ получилъ всеобщее примѣненіе въ народныхъ школахъ Финляндіи. Самое преподаваніе этого предмета ведется по строго разработаннымъ программамъ, въ основаніе которыхъ положена шведская система „слэйда“.

Швеція ¹⁾). Подъ вліяніемъ пропаганды лучшихъ мыслителей и педагоговъ страны ручной трудъ появился въ системѣ шведскаго воспитанія во второй половинѣ XIX столѣтія и сначала, какъ и Финляндіи, преслѣдовалъ не свои прямыя задачи, т. е. задачи воспитанія, а цѣли утилитарныя, которыя, главнымъ образомъ, имѣлись въ виду при обученіи ремесламъ. Поворотъ отъ утилитарныхъ цѣлей къ педагогическимъ при обученіи ручному труду произошелъ съ преобразованиемъ въ 1875 году Нэсской учительской семинаріи, ставшей впоследствии международнымъ учрежденіемъ по подготовкѣ многихъ учителей и учительницъ ручного труда для народныхъ школъ современныхъ государствъ. Названная учительская семинарія обязана своею популярностію знаменитому Отто Саломону, директору этой семинаріи, создавшему особую „шведскую систему“, извѣстную также подъ названіемъ „Нэсской“ или же „системы Саломона“.

¹⁾ Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи 1889—1890. Труды V отдѣленія, С.-Пг. 1890. Salomon, Otto. Handfertigkeitsschule und Volksschule. Uebers. von Gärtig. Leipzig, 1883.

Принимая во вниманіе, что шведская система обученія ручному труду пользуется большой извѣстностью въ Европѣ, и все, что пишется о ручномъ трудѣ или дѣлается въ практикѣ развитія ручного обученія въ школахъ, такъ или иначе связано съ именемъ Саломона и его системой, мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на взглядахъ по этому вопросу самого Саломона и опредѣлить тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ при обученіи ручному труду „шведская система“, созданная Саломономъ.

Ручной трудъ, по мнѣнію Саломона, есть превосходное оружіе формальнаго развитія учащихся, а посему задачи утилитарныя, спеціально ремесленныя, при преподаваніи ручного труда въ народныхъ училищахъ должны быть исключены въ интересахъ чисто педагогическихъ. Для достиженія вышеупомянутаго формальнаго развитія Саломонъ предлагаетъ: 1) будить въ учащихся охоту и любовь къ труду вообще и уваженіе къ честной и полезной физической работѣ въ частности. Для этого ручной трудъ самый подходящій факторъ: дѣти въ школѣ охотно занимаются имъ и съ живымъ интересомъ слѣдятъ за успѣхами работъ, какъ своихъ, такъ и товарищей; 2) сообщать учащимся посредствомъ ручного труда элементы ремесла, какъ и элементы грамоты, ручную сноровку, общіе ручныя навыки, но лишь такіе, которые противопоставляются спеціальнымъ, свойственнымъ извѣстному ремеслу; 3) содѣйствовать развитію въ учащихся самодѣятельности: учащіеся должны исполнять свою работу сами, сами согласовать ее съ своими силами и умѣніемъ въ ручномъ трудѣ; сознаніе и воля здѣсь не бездѣйствуютъ, сознаніе освѣщаетъ, а воля реализируетъ ручныя навыки и умѣніе; 4) приучать къ аккуратности и точности; для достиженія этой цѣли нужно брать работы не слишкомъ затруднительныя и доступныя для примѣненія аккуратности и точности; 5) развивать въ учащихся вниманіе, прилежаніе и настойчивость. Ручной трудъ, какъ трудъ, ощутимый различными органами чувствъ, бесспорно способенъ будить въ учащихся вниманіе и сосредоточенность. Требуя вниманія внѣшняго, болѣе доступнаго молодымъ способностямъ, ручной трудъ легко можетъ подготовить ученика къ вниманію внутреннему, такъ часто требующемуся въ жизни каждаго человѣка, тому вниманію, за которымъ само собою слѣдуетъ прилежаніе и настойчивость.

Вышеизложенныя указанія Саломона въ дѣляхъ достиженія формальнаго развитія учащихся ручному труду могутъ быть осуществлены лишь при ниже изложенныхъ условіяхъ: а) когда обученіемъ ручному труду руководить учитель-воспитатель. Учитель ручного труда—душа

дѣла. Преподаваніе можетъ быть обставлено всѣми удобствами, происходить въ хорошемъ зданіи, имѣть цѣнный и во множествѣ матеріалы для обработки, прекрасныя учебно-вспомогательныя пособия, — чертежи, коллекціи, атласы и проч., но оно не достигнетъ цѣли, если учитель будетъ плохъ; опытъ показываетъ, что воспитательное значеніе ручной трудъ пріобрѣтаетъ только въ рукахъ развитого, широко образованнаго и понимающаго дѣло учителя; б) когда выбираются работы интересныя, практически полезныя, развивающія общую сноровку рукъ, физическія силы, чувство формъ и эстетики учащихся и в) когда ученикъ на работахъ, методически расположенныхъ и соответствующихъ его силамъ и способностямъ, знакомится съ возможно большимъ числомъ инструментовъ.

Согласно приведеннымъ условіямъ Саломонъ полагаетъ, что наиболѣе удовлетворяющимъ педагогическимъ требованіямъ видомъ ручного труда слѣдуетъ считать работы изъ дерева, состоящія въ подѣлкахъ предметовъ, годныхъ для домашняго и швольнаго обихода. Обученіе на работахъ изъ дерева должно вестись непрерывно отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному; модели, по которымъ ученики работаютъ, должны располагаться такъ, чтобы при изготовленіи предыдущихъ ученики пріобрѣтали приемы, необходимыя для самостоятельнаго изготовленія послѣдующихъ; при начальныхъ работахъ первое мѣсто среди инструментовъ долженъ занимать ножъ.

Что же касается вопроса о возрастѣ, въ которомъ ученики школы должны привлекаться къ ручному труду и времени для обученія, то Саломонъ полагаетъ, что лучшимъ возрастомъ для начала ручныхъ занятій нужно считать 11-ти лѣтній; заниматься слѣдуетъ не менѣе 4 — 6 часовъ въ недѣлю, — два или три раза по два часа сряду съ группами учениковъ, не превышающими 20 человекъ.

Посская учительская семинарія, осуществляющая на практикѣ вышеизложенные взгляды на ручной трудъ Отто Саломона, играетъ важную роль въ дѣлѣ развитія ручного труда въ шведскихъ школахъ. На устраиваемыхъ семинаріей нѣсколько разъ въ годъ шестинедѣльныхъ курсахъ ручного труда занимаются учителя народныхъ школъ почти всей Швеціи; на этихъ же курсахъ всегда можно встрѣтить учителей и изъ другихъ странъ цивилизованнаго міра.

Въ настоящее время въ Швеціи ручной трудъ преподается, какъ предметъ необходимый, во многихъ народныхъ училищахъ не только мужскихъ, но и женскихъ и смѣшанныхъ; необязательныя занятія

ручнымъ трудомъ ведутся также и въ высшихъ народныхъ школахъ Швеціи.

Норвегія. Система ручныхъ работъ въ названной странѣ введена въ народныя училища въ послѣдней четверти XIX столѣтія. Въ настоящее время ручной трудъ въ Норвегіи является какъ одинъ изъ обязательныхъ предметовъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ; преподаваніе ведется въ связи съ курсомъ черченія по особымъ однообразнымъ программамъ.

Данія ¹⁾. Ручной трудъ въ народныхъ школахъ названной страны сталъ появляться во второй половинѣ XIX столѣтія и вскорѣ получилъ широкое распространеніе благодаря горячему и убѣжденному идеологу и практику ручныхъ занятій въ школахъ Клауссону-Каасу, придававшему вопросу обученія ручному труду ту важность, какую ему придаютъ теперь всѣ образованные народы. На первыхъ порахъ ручныя работы носили характеръ скорѣе утилитарный, чѣмъ педагогическій. Но вскорѣ обученіе приняло характеръ педагогическаго „слэйда“ (ручного труда) съ той лишь разницей, что занятія ручнымъ трудомъ ведутся цѣлымъ классомъ, объясненія и указанія даются здѣсь всему классу. Употребленіе инструментовъ и приемы работъ распределены по строгой системѣ; изготовленію каждой практически полезной задачи предшествуетъ предварительное упражненіе въ употребленіи требующагося инструмента. Для рациональной постановки вопроса преподаванія ручного труда въ школахъ Даніи особенно много сдѣлалъ знаменитый педагогъ-практикъ Аксель Микельсенъ, основавшій въ Копенгагенѣ на свои средства европейски извѣстныя курсы для приготовленія учителей ручному труду. Въ настоящее время въ Даніи ручной трудъ преподается, кромѣ народныхъ училищъ, во многихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и высшихъ крестьянскихъ школахъ. Правительство и общество относятся весьма сочувственно къ преподаванію ручного труда и оказываютъ ему значительную поддержку.

Франція ²⁾. Франція занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ государствъ по распространенію въ общеобразовательныхъ школахъ ручного труда. Въ 1882 году, съ изданіемъ закона объ обязательномъ обученіи ручному труду во всѣхъ народныхъ школахъ

¹⁾ Clauson-Kaas. Über die Verbindung der praktischen Arbeit mit der Lernschule.

²⁾ Instruction spéciale sur l'enseignement du travail manuel dans les écoles primaires. Paris. Delgrave. 1886.

страны, французское правительство поручило Салису, первому генеральному инспектору ручного труда, организовать введеніе названнаго предмета въ упомянутыя школы и руководить новыми начинаніями, составлять программы, инструкціи и пр. Въ своихъ организационныхъ работахъ Салисъ придерживался того мнѣнія, что обученіе ручному труду должно преслѣдовать цѣли элементарно-педагогическія и ни въ какомъ случаѣ не стремиться къ непосредственной пользѣ. Главнѣйшія особенности при обученіи должны заключаться въ томъ, чтобы 1) самое обученіе велось классное, а не одиночное, индивидуальное, 2) чтобы курсы ручного труда проходились не на предметахъ житейскаго обихода, а на чистыхъ абстрактныхъ упражненіяхъ, 3) чтобы въ курсъ входила обработка различныхъ матеріаловъ: бумаги, тонкаго картона, дерева, металловъ, глины и камня и 4) чтобы каждая работа по ручному труду исполнялась по наброскамъ и чертежамъ, составленнымъ предварительно самими учениками, и этимъ тѣсно связывалась съ рисованіемъ, съ упражненіями по ариметикѣ и геометріи.

Такая система преподаванія ручного труда по программѣ Салиса, давая ученикамъ большую элементарную подготовку, чѣмъ шведская система, продержалась во французской школѣ до 1892 года. Изданный въ названномъ году декретъ замѣтно измѣнилъ взглядъ на значеніе ручного труда въ томъ смыслѣ, что на него рекомендуется смотрѣть какъ на азбуку всѣхъ искусствъ, какъ на средство, дающее возможность примѣненія на практикѣ знаній по рисованію, геометріи, ортографіи, естественнымъ наукамъ и пр.; по декрету ручной трудъ долженъ содѣйствовать физическому, умственному и нравственному развитію дѣтей, развивая глазъ, руку, вкусъ и пр.; болѣе или менѣе спеціальныя занятія ручнымъ трудомъ должны быть отнесены въ высшія французскія народныя школы.

Въ послѣднее время въ народныхъ школахъ занятія ручнымъ трудомъ ведутся по методу Жули: дѣти 7—9 лѣтъ обучаются рисованію, черченію, измѣренію, формамъ, сочетанію цвѣтовъ и начальной геометріи при помощи ручной работы изъ цвѣтной бумаги и при помощи лѣнцы. Дѣти 9—13 лѣтъ занимаются уже въ мастерскихъ; занятія состоятъ въ обработкѣ дерева и металла по особой нижеслѣдующей систематической программѣ Жули: а) занятія идутъ въ связи съ рисованіемъ, черченіемъ, геометріей, б) работы по дереву и металлу идутъ параллельно, в) работѣ предшествуетъ выполненіе и обязательное расчерчиванье обрабатываемой детали, г) предметы, со-

ставляющие программу, большей частью имѣютъ то или иное практическое примѣненіе и д) соблюдается строгая послѣдовательность какъ въ обученіи приемамъ обработки, такъ и въ примѣненіи орудій производства.

Сочувственное отношеніе со стороны французскаго правительства и общества къ ручному труду, какъ могучему воспитательному средству, привело къ тому, что въ настоящее время занятія ручнымъ трудомъ введены во французскія народныя школы почти всѣхъ типовъ. Кроме того, ручной трудъ преподается во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ и на многихъ періодическихъ курсахъ, подготовляющихъ кадры учителей ручного труда для начальныхъ училищъ.

Швейцарія. Занятія ручнымъ трудомъ въ народныхъ школахъ Швейцаріи стали вводиться съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Системой ручныхъ работъ въ Швейцаріи служитъ соединеніе системъ шведской и французской въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ.

Дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ, начиная съ работъ изъ бумаги и папки, постепенно переходятъ къ работамъ по дереву и металлу.

Венрія. Ручныя занятія въ народныхъ училищахъ названной страны стали вводиться съ 1884 года. При обученіи ручному труду пользуется большимъ вліяніемъ шведская система. Дѣти занимаются приготовленіемъ деревянныхъ издѣлій для сельскаго хозяйства, для домашняго обихода, лѣпкою, корзино-плетеніемъ и пр. Программа ручныхъ занятій составляется примѣнительно къ условіямъ данной мѣстности учителями, получившими подготовку на специальныхъ курсахъ ручного труда въ Швеціи.

Англія ¹⁾). Обученіе ручному труду въ Англіи стало весьма замѣтнымъ съ послѣдней четверти XIX столѣтія и въ настоящее время число народныхъ училищъ, гдѣ преподается ручной трудъ, достигаетъ цифры въ нѣсколько тысячъ. Введеніе занятій ручнымъ трудомъ для школъ необязательно, но тамъ, гдѣ эти занятія практикуются, отмѣчается регулярность посѣщенія ихъ учениками. Программы по ручному труду разрабатываются сообразно съ мѣстными условіями и отличаются подвижностью. Образцы носятъ большею частью характеръ абстрактныхъ издѣлій. Учащіеся на первыхъ порахъ

¹⁾ Слѣды русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи. 1889—1890. Труды V-го отдѣленія. С.-Петербургъ 1890.

занимаются работами изъ бумаги, папки, затѣмъ уже обработкой дерева и металла. Работы изъ названныхъ матеріаловъ исполняются по рабочимъ чертежамъ, выполняемымъ самими учениками. На всѣхъ занятіяхъ ручнымъ трудомъ въ англійскихъ школахъ сказывается вліяніе шведской системы. Англійское общество весьма серьезно относится къ распространенію ручного труда въ народныхъ школахъ и оказываетъ названному дѣлу большую матеріальную поддержку.

Америка ¹⁾. Ручной трудъ, по мнѣнію американцевъ, долженъ ставить себѣ задачей нормальное воспитаніе практическихъ способностей ученика и всестороннюю подготовку его къ запросамъ жизни, поэтому, не преслѣдуя утилитарно-ремесленныхъ цѣлей, преподаваніе ручного труда должно преслѣдовать принципъ развитія у дѣтей способности къ наблюденію, сопоставленію и самостоятельнымъ выводамъ. Придерживаясь названнаго принципа, относительно общаго характера и задачъ ручного труда, американцы въ то же самое время проявляютъ значительное разнообразіе и подвижность въ преподаваніи этого предмета. Такъ, у нихъ помимо общезвѣстныхъ системъ шведской и французской существуютъ и другія системы: Кендель, Эдди, Ларсонъ, Ливитъ и др., по которымъ ведется преподаваніе съ значительнымъ успѣхомъ. Всѣ названныя системы преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, послѣдовательное и систематическое развитіе глазомера, руки, разсудка и эстетическаго вкуса учащихся.

Начало преподаванія ручного труда, состоящее главнымъ образомъ въ обработкѣ дерева и металла, было положено въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ и, такъ называемыхъ, высшихъ школахъ ручного труда въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Въ народныхъ же школахъ обычнаго типа ручныя занятія стали вводиться лишь за послѣднее десятилѣтіе и въ настоящее время получили довольно широкое распространеніе. Преподаваніе ведется въ школахъ многихъ городовъ; для подготовки же учителей ручного труда имѣются спеціальныя учрежденія и курсы. Преподаютъ обработка дерева, металла, папки, глины и другихъ подѣлочныхъ матеріаловъ. Преподаваніе ведется не мастерами, а учителями и учительницами и, главнымъ образомъ, въ классныхъ комнатахъ, а не мастерскихъ. Ученикъ работаетъ по собственному рисунку и имѣетъ передъ собой не только предметы, но и всѣ стадіи послѣдовательнаго выполненія работы; учащійся во всякое время можетъ сдѣлать самостоятельно ту работу,

¹⁾ *И. Лижуль*. Ручной трудъ въ американской школѣ.

которая стоит на очереди по программѣ, что указываетъ на большую систематичность преподаванія ручного труда въ американскихъ школахъ.

Германія ¹⁾. Въ названной странѣ ручной трудъ поставленъ на очередь Клауссонъ-Каасомъ, о которомъ мы уже упоминали при обзорѣ ручного труда въ Даніи. Въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія Клауссонъ-Каасъ по приглашенію разныхъ обществъ читалъ популярныя лекціи въ большихъ городахъ Германіи; эти лекціи во многихъ мѣстахъ сопровождались открытіемъ курсовъ ручного труда для приготовленія учителей по этому предмету подъ личнымъ наблюденіемъ самого Клауссонъ-Кааса. На курсахъ учащіеся занимались работами изъ дерева, металла, папки, гипса, плетеніемъ изъ соломы и ивняка подъ непосредственнымъ руководствомъ помощниковъ Клауссонъ-Кааса, специалистовъ по разнымъ ремесламъ.

Пропаганда въ Германіи идеи ручного труда, какъ могучаго воспитательнаго фактора, такимъ выдающимся педагогомъ, какъ Клауссонъ-Каасъ принесла блестящіе результаты. Въ настоящее время ручной трудъ введенъ во многія народныя школы Германіи. При преподаваніи названнаго предмета преслѣдуется принципъ параллельнаго развитія духовныхъ и физическихъ силъ ученика. Занятія ручнымъ трудомъ въ большинствѣ школъ ведутся въ классѣ, объясненія приѣмовъ работъ даются всему классу; работы распредѣляются въ строгой системѣ, преслѣдующей въ ученикахъ развитіе ловкости, хорошей техники и художественнаго вкуса.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Германіи (Позень, Герлицъ и др.) въ дѣлѣ обученія ручному труду примѣняется шведская система, ограничивающаяся здѣсь только обработкой дерева съ присоединеніемъ работъ папочныхъ и изъ глины, въ другихъ пунктахъ замѣчается самостоятельное нѣмецкое направленіе, гдѣ занятія ручнымъ трудомъ подчиняются обученію теоретическому, направленному на предметы лишь близкіе къ школьной жизни, занятія ведутся на работахъ столярныхъ, мелкихъ металлическихъ, рѣзныхъ по дереву и папочныхъ и сопровождаются разъясненіями о пользѣ, которую эти занятія могутъ принести для домашняго и кустарнаго производства.

Для приготовленія учителей ручного труда въ Германіи имѣется образцовая учительская семинарія, именно Лейпцигская, въ которой

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію. Выпускъ IV. С.-Петербургъ 1895.

по образцу Насской семинаріи въ Швеціи обучаются будущіе учителя ручного труда для школъ и другихъ странъ свѣта.

Цѣлесообразной постановкой преподаванія ручного труда въ народныхъ училищахъ Германіи въ настоящее время заинтересованы многія спеціальныя общества, въ которыхъ обсуждается все, что гдѣ либо разрабатывается по ручному труду не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ свѣта.

II.

Положеніе ручного труда въ школахъ Россіи.

Какъ уже упоминалось, занятія ручнымъ трудомъ въ Россіи начались въ такъ называемыхъ „ремесленныхъ классахъ“, которые появляются во 2-й половинѣ 19-го столѣтія. Такъ, въ 1865 г. были организованы занятія ручного труда по дереву при Хотинскомъ уѣздномъ училищѣ (Одесскаго учебнаго округа), въ 1867 году при Балаандскомъ двухклассномъ училищѣ (Казанскаго учебнаго округа), въ 1868 году названныя занятія велись уже при 8-ми учебныхъ заведеніяхъ (при трехъ въ Московскомъ учеб. округѣ, двухъ въ Одесскомъ учеб. округѣ, двухъ въ Казанскомъ учеб. округѣ и одномъ Кавказск. учеб. округа). Еще тогда русское передовое общество подъ вліяніемъ повсемѣстно начавшагося улучшенія системъ начальнаго народнаго образованія посредствомъ введенія въ кругъ его занятій ручнымъ трудомъ сознавало, что ручной трудъ, поставленный въ параллель со школьнымъ книжнымъ ученіемъ, упражняя зрѣніе, мускульное чувство и осязаніе, можетъ явиться настоящей, въ лучшемъ смыслѣ слова, гимнастикой организма съ одной стороны и прекраснымъ импульсомъ ко всякимъ начинаніямъ и творческимъ планамъ съ другой. Но за неимѣніемъ опытныхъ преподавателей по ручному труду, выработанныхъ программъ по сему предмету и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, развитіе дѣла преподаванія ручного труда при народныхъ школахъ имѣло слабое поступательное движеніе. Занятія велись: въ 1865 году при одномъ училищѣ, въ 1870 году при 20 училищахъ, въ 1875 г. при 75, въ 1880 г. при 169.

Лишь съ 1884 г., когда, по инициативѣ члена совѣта министра народнаго просвѣщенія И. А. Вышнеградскаго, было организовано и введено преподаваніе ручного труда при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, подготовляющемъ учителей народныхъ школъ, число училищъ, при которыхъ вводятся занятія ручнымъ трудомъ, замѣтно

возрастаетъ: такъ въ 1885 г. названныя занятія велись уже при 291 училищѣ, въ 1890 г. при 406 училищахъ.

Въ 1893 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія организуется особое отдѣленіе промышленныхъ училищъ, въ вѣдѣніе котораго переходятъ, между прочимъ, и ремесленные классы при народныхъ училищахъ. Съ этого періода времени замѣчается быстрый ростъ училищъ, при которыхъ ведутся занятія ручнымъ трудомъ: такъ, къ концу 1900 года названныхъ училищъ насчитывается уже 772, въ 1903 году ¹⁾—966, въ 1904 г.—1.113, въ 1905 г.—1140, въ 1906 и 1907 гг.—около 1.200.

Ростъ за послѣдніе годы ремесленныхъ классовъ обратилъ на себя особенное вниманіе многихъ городскихъ и сельскихъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ. Второй съѣздъ дѣятелей по техническому образованію, бывшій въ 1895—1896 г. въ Москвѣ, также обратилъ вниманіе на эти учрежденія, отмѣтивъ ихъ пользу, и высказалъ пожеланіе о лучшемъ обезпеченіи ихъ. Въ министерство народнаго просвѣщенія стали поступать ходатайства о матеріальной поддержкѣ ремесленныхъ классовъ. Министерство, съ своей стороны, охотно пошло навстрѣчу этимъ ходатайствамъ и прежде всего рѣшило выяснить настоящее положеніе названныхъ учреждений. Съ этою цѣлью министерство собирало свѣдѣнія, касающіяся постановки преподаванія въ ремесленныхъ классахъ, ихъ матеріальнаго обезпеченія, желательныхъ отъ казны пособій и проч.

Когда матеріалъ былъ собранъ, то отдѣленію промышленныхъ училищъ пришлось констатировать слабую постановку дѣла преподаванія ручного труда въ ремесленныхъ классахъ. Причины, препятствовавшія желательной постановкѣ названнаго преподаванія въ этихъ классахъ, были слѣдующія:

1) Недостаточная опредѣленность цѣли устройства ремесленныхъ классовъ и вслѣдствіе сего отсутствіе ясно сознанный руководящей идеи направленія ихъ дѣятельности.

2) Матеріальная необезпеченность подавляющаго большинства этихъ учреждений. Эта необезпеченность выразилась въ слѣдующихъ %/о ремесленныхъ классовъ, нуждающихся въ пособіяхъ, какъ единовременныхъ на устройство помѣщенія и оборудованіе мастерскихъ, такъ и ежегодныхъ на содержаніе:

¹⁾ Съ 1903 г. ремесленные классы переименованы въ классы ручного труда и ремесленные отдѣленія.

При учительскихъ институтахъ	100 %
„ учительскихъ семинаріяхъ	85,7%
„ городскихъ училищахъ, по положенію 31-го мая 1872 г.	88,5%
„ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ . .	82,7%
„ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ . .	91,7%

Такая необеспеченность этихъ полезныхъ учрежденій сказалась въ томъ, что существовалъ цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, гдѣ не было особыхъ помѣщеній для ведущихся при нихъ занятій ручнымъ трудомъ, а если таковыя и имѣлись, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ они не были удовлетворительны ни по размѣрамъ, ни по качеству помѣщенія. Обыкновенно занятія по ручному труду велись въ корридорахъ, раздѣвальныхъ, классахъ, квартирахъ преподавателей, сараяхъ, сторожкахъ, баняхъ, въ товарныхъ вагонахъ и даже подъ открытымъ небомъ. Оборудование мастерскихъ производилось по частямъ, и далеко не полное; оно не могло отличаться и качествомъ, такъ какъ при покупкѣ инструментовъ ставилась на первый планъ дешевизна, а не достоинство ихъ.

3) Слѣдующей важной причиной, тормозящей правильное развитіе дѣла преподаванія ручного труда, является недостатокъ лицъ педагогическаго персонала, вполне подготовленныхъ къ руководству практическими занятіями по ручному труду. Неподготовленность и недостатокъ преподавателей ремесль обусловливались въ свою очередь: а) недостаткомъ учебнаго времени, отводимаго на занятія ручнымъ трудомъ въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, призванныхъ готовить будущихъ преподавателей ручного труда, б) неудовлетворительностью учебныхъ программъ и методовъ обученія ручному труду, по которымъ происходила подготовка будущихъ руководителей и в) ихъ незнакомствомъ съ графической грамотностью, такъ какъ въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ слишкомъ мало удѣляется времени на рисованіе и черченіе. Мало подготовленные учителя изъ институтовъ и семинарій часто отказывались быть руководителями ручныхъ занятій, и дѣло велось обыкновенно мастерами-практиками, людьми мало грамотными и даже безграмотными, безъ соотвѣтствующей систематической, технической или ремесленной подготовки.

4) Изъ другихъ причинъ, препятствующихъ ходу успешныхъ занятій по ручному труду въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, были отмѣчены: а) необязательность предмета, б) недоста-

токъ учебнаго времени, отводимаго на эти занятія, и в) невозможность удовлетворить спросу со стороны учащихся на обученіе, какъ за отсутствіемъ соотвѣтственныхъ помѣщеній и надлежащаго оборудованія, такъ и за недостаткомъ средствъ для усиленія педагогическаго персонала лицами, знакомыми съ этимъ предметомъ.

Независимо отъ разработки министерствомъ народнаго просвѣщенія матеріала, относящагося къ положенію ремесленныхъ классовъ, 3-я секція 3-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію съ своей стороны, на основаніи собранныхъ по особой программѣ матеріаловъ, сообщила, что ремесленные классы находятся въ ненормальныхъ условіяхъ. Правильная постановка дѣла тормазится: недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, не соотвѣтствующимъ цѣлямъ обученія ручному труду персоналомъ руководителей, неподготовленныхъ къ систематическимъ занятіямъ, неразработанностью системъ обученія, въ большемъ числѣ случаевъ несоотвѣтствіемъ ремеслъ возрасту учащихся и проч. Несмотря на слабую организацию этого рода учрежденій, по мнѣнію 3-го съѣзда, ремесленные классы, какъ наиболее дешевые типы для распространенія ремесленныхъ навыковъ въ массѣ населенія, должны быть поддержаны; должны быть приняты мѣры къ надлежащему направленію ихъ дѣятельности, развитію и распространенію ихъ сообразно требованіямъ промышленной жизни населенія и мѣстнымъ условіямъ для изученія ремеслъ.

Выяснивъ причины, тормозящія надлежащее развитіе дѣла обученія ручному труду въ народныхъ школахъ, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило, прежде всего, точнѣе опредѣлить задачи при занятіяхъ ручнымъ трудомъ, а затѣмъ, по возможности, устранить матеріальную необеспеченность ремесленныхъ классовъ; въ началѣ 1903 г. былъ опредѣленъ потребный для нихъ кредитъ и выработаны особыя нормы тѣхъ минимальныхъ расходовъ, которые являются необходимыми для надлежащей и усиленной постановки преподаванія ручного труда при общеобразовательныхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По этимъ нормамъ прежнее названіе „ремесленный классъ“ замѣнялось двумя новыми названіями: „классъ ручного труда“ и „ремесленное отдѣленіе“, которые разнятся между собой, какъ увидимъ ниже, главнымъ образомъ, размѣрами отпускаемыхъ на нихъ суммъ и въ нѣкоторой степени объемомъ преподаванія.

Выше упоминалось, что классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій было въ 1903 г.—966, въ 1904 г.—1.113. Въ данныхъ

1903 г. и 1904 г. позволимъ себѣ разобрать подробнѣе, такъ какъ эти данныя, собранныя нами на основаніи послѣднихъ отчетовъ гг. попечителей учебныхъ округовъ ¹⁾, рисуютъ современное числовое положеніе ремесленныхъ отдѣленій и классовъ ручного труда.

III.

Статистическія свѣдѣнія о классахъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленіяхъ за 1903 и 1904 гг.

Число классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій въ упомянутые годы опредѣляется нижеслѣдующими цифрами.

Въ 1903 г. классовъ ручного труда было	576
„ 1903 „ ремесленныхъ отдѣл. было	390
Въ 1904 г. классовъ ручного труда было	691
„ 1904 „ ремесленныхъ отдѣл. было	422

Теперь посмотримъ, въ какомъ числѣ названныя учрежденія распредѣлялись при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ типовъ, какъ они группировались по учебнымъ округамъ и сколько специальностей ручного труда въ нихъ преподавалось.

Изъ общаго числа классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій въ 1903 и 1904 гг. было: (см. табл. на стр. 193).

Изъ вышеприведенной таблицы замѣчается значительный ростъ рассматриваемыхъ нами учебныхъ учреждений особенно при городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищахъ, что объясняется спросомъ на общедоступное техническое образованіе среди городского и сельского рабочаго люда. Изъ той же таблицы усматривается, что число ремесленныхъ отдѣленій при всѣхъ названныхъ категоріяхъ училищъ гораздо меньше, чѣмъ число классовъ ручного труда. Это главнымъ образомъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что отдѣленія требуютъ отъ населенія и казны большихъ денежныхъ затратъ, чѣмъ классы ручного труда. Ниже мы увидимъ, что нормальный штатъ первыхъ опредѣляется закономъ въ 1500—1900 руб., тогда какъ штатъ вторыхъ въ 400—700 руб.

Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія по учебнымъ округамъ распредѣлялись неравномѣрно: въ Европейской Россіи ихъ было гораздо больше, чѣмъ на Кавказѣ и особенно въ Сибири.

¹⁾ По установившейся практикѣ отчеты гг. попечителей учебныхъ округовъ по ремесленнымъ занятіямъ поступаютъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ окончаніемъ на 1—3 года.

	1903 г.		1904 г.	
	Клас- совъ.	Отдѣле- ній.	Клас- совъ.	Отдѣле- ній.
При учительскихъ институтахъ.	6	—	6	—
„ „ семинаріяхъ и школахъ.	38	2	41	—
„ городскихъ по положенію 1872 г. учи- лищахъ.	110	53	130	74
„ уѣздныхъ и окружныхъ училищахъ. .	2	6	2	6
„ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ.	152	122	158	131
„ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ.	249	195	333	199
„ приходскихъ начальныхъ училищахъ. .	19	12	21	12
И т о г о	576	390	691	422

576 классовъ ручного труда въ 1903 г. и 691 классъ въ 1904 г. по учебнымъ округамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: (см. табл. на стр. 194—195).

Въ зависимости отъ того, велось ли обученіе одному или нѣсколькимъ видамъ ручного труда (столярному, кузнечному, слесарному, переплетному, сапожному, шорному, портняжному и т. п.), вышеупомянутые классы подраздѣлялись на специальности. Такъ, классовъ ручного труда было: (см. табл. на стр. 196).

Ремесленные отдѣленія при училищахъ разныхъ категорій по учебнымъ округамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: (см. табл. на стр. 197).

НА ИМЕНОВАНИЕ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГОВЪ.	При учительскихъ институтахъ.		При учительскихъ семинаріяхъ и шко- лахъ.		При городскихъ по положенію 1872 г. училищахъ.	
	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.
	С.-Петербургскій	1	1	2	3	10
Московскій	1	1	6	6	8	
Казанскій	1	1	3	4	4	
Оренбургскій	—	—	2	3	6	1
Харьковскій	—	—	2	2	8	1
Одесскій	—	—	2	3	24	2
Кіевскій	1	1	1	1	2	
Виленскій	1	1	5	5	4	
Варшавскій	—	—	2	2	9	1
Рижскій	—	—	4	3	16	1
Кавказскій	1	1	4	5	6	
Западно-Сибирскій	—	—	1	1	3	
Восточная Сибирь	—	—	2	2	2	
Приамурскій край	—	—	—	—	4	
Туркестанскій край	—	—	1	1	4	
И Т О Г О	6	6	37	41	110	13

При убытках и ограждениях учени- щамъ.		При двухклассныхъ начальныхъ учени- щамъ.		При одноклассныхъ начальныхъ учени- щамъ.		При приходскихъ училищамъ.		И Т О Г О.		Въ % /о	
1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.
—	—	19	20	48	49	1	2	81	86	14,06	12,45
—	—	22	22	16	19	2	2	55	59	9,55	8,54
—	—	18	18	25	43	1	1	52	72	9,02	10,42
—	—	23	23	10	14	2	2	44	53	7,64	7,67
—	—	17	17	15	24	6	6	48	59	8,33	8,54
1	1	24	28	77	96	1	2	129	158	22,40	22,87
—	—	7	7	25	25	1	1	37	37	6,43	5,35
1	1	4	4	16	16	—	—	31	32	5,38	4,63
—	—	1	1	5	9	—	—	17	23	2,95	3,33
—	—	1	1	—	—	—	—	21	20	3,65	2,89
—	—	12	13	6	19	—	—	29	44	5,04	6,36
—	—	—	—	2	3	—	—	6	7	1,04	1,01
—	—	3	3	3	8	5	5	15	15	2,60	2,17
—	—	1	1	—	—	—	—	5	4	0,87	0,58
—	—	—	—	1	13	—	—	6	22	1,04	3,18
2	2	152	158	249	333	19	21	576	691	100	100

	1903 г.		1904 г.	
	Въ числахъ.	Въ %/о-ахъ.	Въ числахъ.	Въ %/о-ахъ.
а) съ одной спеціальностью.	483	83,86%	561	81,14%
б) „ двумя спеціальностями.	77	13,37%	110	15,92%
в) „ тремя „	15	2,60%	18	2,62%
г) „ четырьмя „	1	0,17%	2	0,29%

Ремесленные отдѣленія, какъ и классы ручного труда, раздѣлялись также по спеціальностямъ, а именно:

	1903 г.		1904 г.	
	Въ числахъ.	Въ %/о-ахъ.	Въ числахъ.	Въ %/о-ахъ.
а) съ одной спеціальностью.	168	43,08%	189	44,7%
б) „ двумя спеціальностями.	152	38,97%	160	38,3%
в) „ тремя „	56	14,36%	59	13,9%
г) „ четырьмя „	14	3,59%	14	3,1%

НАИМЕНОВАНИЕ УЧЕБНЫХ ОКРУГОВЪ.	При город- скихъ, по положенію 1872 г., учп- лищахъ.		При уѣздныхъ и окружныхъ училищахъ.		При двух- классныхъ начальныхъ училищахъ.		При одно- классныхъ начальныхъ училищахъ.		При пришко- льныхъ учил- щахъ.		Итого.		Въ %/о	
	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.	1903.	1904.		
	С.-Петербургскій	6	9	—	—	27	29	48	48	2	2	83		88
Московскій	8	10	—	—	28	28	28	28	—	—	64	66	16,41	15,62
Казанскій	3	5	—	—	5	7	11	12	—	—	19	24	4,81	5,69
Оренбургскій	2	6	—	—	6	6	7	7	—	—	15	19	3,86	4,51
Харьковскій	3	4	5	5	8	8	5	5	6	6	27	28	6,92	6,65
Одесскій	9	9	1	1	11	16	35	36	3	3	59	65	15,13	15,40
Кіевскій	2	2	—	—	4	4	3	3	1	1	10	10	2,56	2,37
Вилненскій	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	0,51	0,48
Варшавскій	4	4	—	—	1	1	—	—	—	—	5	5	1,28	1,18
Рижскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кавказскій	6	9	—	—	27	27	57	59	—	—	90	95	23,08	22,51
Западно-Сибирскій	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	0,26	0,72
Восточная Сибирь	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	2	2	0,51	0,47
Приамурскій край	1	3	—	—	4	4	—	—	—	—	5	7	1,28	1,65
Туркестанскій край	8	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8	8	2,05	1,89
Итого	55	74	6	6	122	131	195	199	12	12	390	422	100	100

Послѣ общихъ статистическихъ свѣдѣній намъ предстоитъ раз-
смотреть сначала современное положеніе классовъ ручного труда при
учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ, а затѣмъ клас-
совъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій при городскихъ и сель-
скихъ начальныхъ училищахъ.

IV.

Классы ручного труда при учительскихъ институтахъ, семи- наріяхъ и школахъ.

*Законоположенія и циркуляры по министерству народнаго про-
свѣщенія: Св. Зак. т. XI, ч. 1 (изд. 1893 г. и продолженіе 1906 г.),
ст. ст.: 2294 прим.; 2408, 2612 и 2670; цирк. 27-го мая 1895 г.,
№ 11344 и 9-го мая 1896 г. № 11617.*

*Число классовъ, ихъ цѣль, виды ручныхъ занятій, преподаватели,
учащіеся, помѣщеніе и содержаніе классовъ.* Классовъ ручного труда
при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ было: въ
1903 г. — 44 и въ 1904 г. — 47. По учебнымъ округамъ назван-
ные классы распределяются слѣдующимъ образомъ: (см. табл. на
стр. 199).

Ближайшей цѣлью классовъ ручного труда при учительскихъ ин-
ститутахъ, семинаріяхъ и школахъ является сообщеніе воспитанникамъ,
какъ будущимъ преподавателямъ народныхъ школъ, извѣстныхъ на-
выковъ и умѣнья вести преподаваніе ручного труда въ названныхъ шко-
лахъ. Главнѣйшими занятіями въ классахъ ручного труда при выше-
упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ была обработка дерева и металла,
затѣмъ шли переплетныя работы, садоводство, огородничество и проч.

Преподаваніе возлагается въ каждомъ учебномъ заведеніи на осо-
баго учителя ручного труда, а въ Петербургскомъ и Московскомъ
учительскихъ институтахъ — на учителя и его помощника. Учителя
ручного труда въ учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ
приглашаются изъ лицъ, получившихъ специальное техническое и ре-
месленное образованіе. Эти лица уравниены въ правахъ съ другими
преподавателями вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній.

Комплектъ обучающихся ручному труду при учительскихъ инсти-
тутахъ, семинаріяхъ и школахъ въ 1903 и 1904 гг. достигалъ
4.000 человекъ въ возрастѣ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Большинство
учащихся принадлежало къ низшимъ сословіямъ — крестьянъ и мѣ-
щанъ, что объясняется тѣмъ, что для низшихъ сословій изъ учебныхъ

НАИМЕНОВАНИЕ УЧЕБНЫХ ОКРУГОВЪ.	1903 г.		1904 г.	
	При учительских наставникахъ.	При учительскихъ семинарияхъ и шко- лахъ.	При учительскихъ наставникахъ.	При учительскихъ семинарияхъ и шко- лахъ.
С.-Петербургскій	1	2	1	3
Московскій	1	6	1	6
Казанскій	1	3	1	4
Оренбургскій	—	3	—	3
Харьковскій	—	2	—	2
Одесскій	—	2	—	3
Кіевскій	1	1	1	1
Виленскій	1	5	1	5
Варшавскій	—	2	—	2
Рижскій	—	4	—	3
Кавказскій	1	4	1	5
Западно-Сибирскій	—	1	—	1
Восточная Сибирь	—	2	—	2
Приамурскій край	—	—	—	—
Туркестанскій край	—	1	—	1
Итого	6	38	6	41

заведеній учительскіе институты, семинаріи и школы сравнительно достуны по средствамъ содержанія.

Помѣщенія для классовъ ручного труда при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ довольно просторны, свѣтлы, хорошо вентилированы, мастерскія классовъ прилично оборудованы, въ верстакахъ съ полнымъ наборомъ инструментовъ къ нимъ, токарныхъ станкахъ, тискахъ для обработки металла, подвижныхъ горнахъ, инструментахъ и приспособленіяхъ для обработки жести, разныхъ моделей, коллекціяхъ, книгахъ, атласахъ и проч. въ 1903 и 1904 г. нужды не ощущалось.

На содержаніе классовъ ручного труда при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ поступаетъ до 50.000 руб. Такъ, въ 1904 году поступило: 47.362 руб. 73 коп., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства—42.152 руб., отъ разныхъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ — 4.359 руб. и изъ специальныхъ средствъ названныхъ учебныхъ заведеній—851 руб. 73 коп.

На отдѣльные учебные округа изъ общей суммы приходилось:

на С.-Петербургскій	6.790	руб. —	коп.
„ Московскій	7.952	„ —	„
„ Казанскій	3.980	„ —	„
„ Оренбургскій	2.850	„ —	„
„ Харьковскій	2.850	„ —	„
„ Одесскій	3.428	„ 58	„
„ Кіевскій	2.700	„ —	„
„ Виленскій	3.929	„ 15	„
„ Варшавскій	1.750	„ —	„
„ Рижскій	1.199	„ —	„
„ Кавказскій	6.160	„ —	„
„ Западно-Сибирскій	1.450	„ —	„
„ Восточная Сибирь	630	„ —	„
„ Туркестанскій край	1.694	„ —	„

Организация и веденіе преподаванія ручного труда въ классахъ ручного труда при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ. Преподаваніе ручного труда въ названныхъ классахъ организуется и ведется на слѣдующихъ главнѣйшихъ основаніяхъ.

1) Курсы ручного труда въ разсматриваемыхъ нами классахъ составляютъ, какъ упоминалось выше, главнымъ образомъ, работы изъ дерева и металла и распределяются примѣрно такъ: въ 1-мъ классѣ

ученики исполняют тѣ задачи по дереву, которымъ будутъ обучать потомъ въ начальныхъ и городскихъ училищахъ; во 2-мъ классѣ— задачи дополнительные по обработкѣ дерева (плоскую рѣзбу, точенье и болѣе трудныя столярныя приемы) по наброскамъ и рабочимъ чертежамъ, составленнымъ воспитанниками на урокахъ черченія, съ присоединеніемъ починки, вывѣрки и оточки инструментовъ; въ этомъ же классѣ ученики знакомятся и съ первоначальными приемами обработки металла; въ 3-мъ классѣ воспитанники исполняютъ задачи по обработкѣ проволоки, листового желѣза, жести и сортового желѣза (ковка). Приемы и упражненія работъ по дереву и металлу проходятся на практически полезныхъ издѣліяхъ, приковренныхъ къ потребностямъ и характеру данной мѣстности.

Каждой группѣ новыхъ инструментовъ и приемовъ, незнакомыхъ еще ученикамъ, предшествуютъ наглядныя объясненія со стороны руководителя. Къ изготовленію воспитанниками учительскихъ институтовъ, семинарій и школъ предметовъ домашняго обихода присоединяется изготовленіе учебныхъ пособій, употребляемыхъ при обученіи арифметикѣ, геометріи и физикѣ, и вообще предметовъ школьнаго обихода.

2) Число недѣльныхъ уроковъ въ классахъ ручного труда распределяется примѣнительно къ слѣдующей таблицѣ:

	Классы			Образцовое училище.	Всего.
	I.	II.	III.		
1. Практическія занятія въ мастерскихъ	6	6	5	6	23
2. Графическія занятія примѣнительно къ курсу ручного труда . .	2	2	2	—	6
3. Ручной трудъ (теорія), технологія дерева и металловъ . . .	—	—	1	—	1
Итого	8	8	8	6	30

3) Всѣ ученики при практическихъ занятіяхъ ручнымъ трудомъ подраздѣляются на группы не менѣе 15 и не болѣе 20 человекъ въ каждой. Продолжительность урока практическихъ и графическихъ занятій опредѣляется двумя часами.

4) Содержаніе теоретической части курса ручного труда составляютъ: исторія и современное состояніе этого предмета въ различ-

ныхъ государствахъ, обзоръ спеціальной литературы и методика преподаванія ручного труда, а по технологіи главнѣйшія свѣдѣнія по ручной обработкѣ дерева и металловъ.

5) Курсъ черченія проходится практически и въ тѣсной связи съ практическими работами по ручному труду. Содержаніе его составляютъ: главнѣйшія основанія геометрическаго, техническаго и проекціоннаго черченія. Во II и III классахъ воспитанники упражняются въ исполненіи самостоятельныхъ задачъ на темы изъ курса ручного труда (по комбинаціи контуровъ, соединеній, узоровъ и составленію чертежей для разныхъ предметовъ).

6) Успѣхи воспитанниковъ по ручному труду и черченію обозначаются въ общихъ вѣдомостяхъ баллами, которые принимаются въ расчетъ при переводахъ изъ класса въ классъ и при окончаніи курса обозначаются въ выдаваемыхъ воспитанникамъ свидѣтельствѣхъ.

Согласно п. 1-му вышеприведенныхъ основаній организаціи и веденія дѣла преподаванія въ классахъ ручного труда при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ, занятія ручнымъ трудомъ въ этихъ классахъ по дереву и металлу, какъ наиболѣе распространеннымъ подѣлочнымъ матеріаламъ, ведутся по особымъ нижеприведеннымъ примѣрнымъ программамъ, одобреннымъ и рекомендованнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Что же касается другихъ видовъ ручного труда (переплетное дѣло, лѣпка, корзиночное производство и пр.), то примѣрныхъ программъ по нимъ министерствомъ не рекомендовалось.

Примѣрная программа работъ по дереву.

№№	Задачи.	№№	Задачи.
1.	Ручка для кисточки.	28.	Подставка для елки.
2.	Колышекъ для цвѣтовъ (круглый).	29.	Кіянка (дерев. молотъ).
3.	Колышекъ для цвѣтовъ (квадратный).	30.	Полочка.
4.	Два ярлычка для растений.	31.	Ложка (круглая).
5.	Двѣ мотушки.	32.	Полочка для лампы.
6.	Ручка для молотка.	33.	Колотушка (для бѣлья).
7.	Линейка квадратная.	34.	Грибокъ (для штопки).
8.	Вѣшалка для платья.	35.	Ящикъ (съ дѣленіемъ).
9.	Лопатка для тѣста.	36.	Бордюрь и звѣздочка (упражненія въ рѣзбѣ).
		37.	Рамка (рѣзная).

10. Пожъ (для бумаги).	38. Паугольникъ.
11. Лодочка для карандаша.	39. Чумичка (шварошка).
12. Лопатка для масла.	40. Ящикъ для вилокъ и ножей.
13. Вѣшалка для ключей.	41. Доска для чернильницъ.
14. Липойка.	42. Валець.
15. Совочекъ.	43. Ящикъ для бумаги и конвертовъ.
16. Два треугольника.	44. Крышка для ведра.
17. Кухонная доска.	45. Подставка для часовъ.
18. Ложка (овальная).	46. Параллельная линейка.
19. Пестыль.	47. Рубанокъ (простой).
20. Подставка для цвѣточного горшка.	48. Солонка (выпильная).
21. Топорище.	49. Чайница.
22. Ящикъ.	50. Полка для книгъ.
23. Вѣшалка (съ колками).	51. Прессъ-бюваръ.
24. Скамочка подъ ноги.	52. Скамейка.
25. Ручка для стамески.	53. Солонка (точеная).
26. Ручка для напилька.	54. Плевательница.
27. Совокъ.	55. Табуретъ.

Къ каждой задачѣ этой программы прилагаются: объяснительный текстъ, указывающій послѣдовательный порядокъ употребленія инструментовъ и приемовъ, исполнительные чертежи, представляющіе постепенный ходъ работы, и рисунокъ для полноты наглядности. Размѣры исполнительныхъ чертежей выражены въ метрической системѣ, какъ болѣе совершенной и удобной, и за единицу мѣры принять сантиметръ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда необходимость вызываетъ употребленіе другихъ какихъ-либо мѣръ, напримѣръ, дюйма для обозначенія толщины досокъ матеріала, діаметра перокъ колворота, длины гвоздей и винтовъ, калибра—для обозначенія толщины проволоки и т. п.,—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ имѣются соответствующія указанія въ текстѣ и чертежахъ.

Примѣрная программа работъ по металлу.

1. Работы изъ проволоки.

№№ А) Основныя задачи.

1. Застежка.
2. Костыль и крючекъ.
5. Столярное шило.

№№ В) Дополнительныя задачи.

1. Чеканки (5 шт.).
2. Кухонная вилка.
3. Крючекъ съ парой пробойч.

6. Пробочникъ-крючекъ.	4. Листорѣзъ.
7. Крючекъ для бумагъ.	5. Квадратъ и кругъ.
	6. Отвертка.
	7. Мотушка (для шнурковъ).

II. Работы изъ полосового и листового жельза.

3. Пара угольниковъ.	8. Плошки паяльныя.
4. Обручъ (коническій).	9. Садовыя грабли.
9. Кружка для чугуна.	10. Кольцо къ ящику.
11. Кольцо для ручки.	11. Пара петель для сундука.
12. Кочорга.	12. Салазки.
13. Щипцы } для углей.	13. Скребокъ для очистки обуви.
18. Лопатка }	
19. Пара петель для двери.	
20. Вѣшалка.	
21. Шиновка для овощей.	
23. Труба для самовара.	
25. Подставка для утюга.	
26. Лопата садовая.	
28. Таганокъ.	
29. Закладка для двери.	
30. Задвижка.	
33. Петля для двери.	
34. Пара кронштейновъ.	

III. Работы изъ жести.

8. А) Упражненія. Б) Коробка круглая.	14. Баклага для керосина.
10. Коробка съ крышкой.	15. Лопатка для мусора.
14. Совокъ (коническій).	16. Кофейникъ (овальный).
15. Кружка.	17. Ведро.
22. Баклага.	18. Совокъ (сложной формы).
27. Воронка.	
31. Ковшикъ.	
35. Водогрѣлка.	

IV. Работы слесарно-опиловочныя.

16. А) Бородокъ. Б. Осадка.	19. Отвертка.
В) Головочникъ.	20. Угольникъ.

17. А) Зубило. Б) Кернеръ.	21. Кронштейнгъ-вѣшалка.
В) Сверло.	22. Прессъ-папье.
24. Болтъ съ гайкой.	
32. Пара столярныхъ гребенокъ.	
36. Струбцинка.	
37. Ножъ-рѣзакъ.	
38. Молотокъ.	
39. Линейка.	
40. Сѣчка.	

Г. Работы токарныя и давилныя.

23. Цилиндръ-оправка.
24. Печатка.
25. Перовникъ.
26. Плевательница.
27. Попельница.
28. Масленка.

Въ основаніе этой программы положены начала всѣхъ главнѣйшихъ видовъ обработки металловъ на предметахъ домашняго и школьнаго обихода, а именно: работы изъ проволоки, работы изъ листового и полосового желѣза, работы изъ жести, работы слесарно-опиловочныя и работы токарныя и давилныя.

Программа распадается на двѣ части. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ 40 задачъ, расположенныхъ въ порядкѣ трудности и сложности изготовленія, и назначена, главнымъ образомъ, для исполненія указанныхъ задачъ учениками при возможности удѣлить на изученіе курса ручного труда по металлу около 250 рабочихъ часовъ. Вторая же часть, заключающая въ себѣ 28 задачъ, назначается въ дополненіе къ первой. Изъ этой части предлагаются учителемъ въ системѣ подобранныя задачи для учениковъ старшаго возраста и наиболѣе успѣвающихъ. Параллельно нѣкоторымъ задачамъ, какъ основного курса, такъ равно и дополнительнаго курса даются варианты къ нимъ въ видѣ чертежей и рисунковъ.

Пособіями при изученіи ручного труда могутъ служить: „Начальный курсъ ручного труда“—руководство для обученія дѣтей младшаго и средняго возраста работамъ изъ дерева въ школѣ и семьѣ. 58 основныхъ задачъ и 60 задачъ параллельныхъ съ объяснительнымъ текстомъ, рабочими чертежами и рисунками. Составилъ К. Ю. Циркуль.

Изданіе министерства народнаго просвѣщенія, цѣна 3 руб. 50 коп.
 „Систематическое руководство по ручному труду для старшаго возраста“—начальная работы изъ дерева. Съ чертежами, рисунками и объяснительнымъ текстомъ (40 табл.), составили К. Цируль и Н. Касаткинъ. 2-ое переработанное и дополненное изданіе. Цѣна 3 рубля.
 „Систематическое руководство по ручному труду.—I. Курсъ начальныхъ работъ изъ металла. II. Курсъ дополнительныхъ работъ изъ металла. 48 таблицъ въ краскахъ. Составилъ К. Ю. Цируль. Цѣна 2 руб. 50 коп.“, изданіе отдѣленія (нынѣ отдѣла) промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. „Узоры плоской геометрической рѣзьбы“, составилъ М. Шмитель. Перевелъ и переработалъ для русскихъ школъ П. П. Ульпе. „Педагогическій ручной трудъ по датской системѣ“—указанія для начинающихъ учителей, составилъ П. К. Карелль. Цѣна 1 р. 50 коп.

Изъ заключеніе обзора преподаванія ручнаго труда въ разсмотрѣнныхъ нами классахъ при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ нужно замѣтить, что, по отзывамъ учебныхъ округовъ, воспитанники названныхъ учебныхъ заведеній, будущіе преподаватели народныхъ училищъ, съ большой охотой занимаются ручнымъ трудомъ, вполне сознавая важное значеніе этого труда какъ для себя, такъ и для народныхъ школъ, въ которыхъ они будутъ теперь въ состояніи преподавать дѣтямъ трудящагося люда основные научныя приемы ручнаго труда при изготовленіи ими предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ простолюднн.

V.

Ремесленные отдѣленія и классы ручнаго труда при низшихъ мужскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Законоположенія и циркуляры по министерству народнаго просвѣщенія. Св. Зак. т. XI ч. I (изд. 1893 г. и продолж. 1906 г.) ст. ст. 3124, 3257, 3258 и законы 21-го апрѣля 1903 г. и 16-го марта 1904 г.; циркуляры: 6-го марта 1894 г. № 4704; 23-го декабря 1894 г. № 24037; 12-го іюля 1901 г. № 18818; 17-го ноября 1901 г. № 31732; 29-го іюня 1902 г. № 3028; 2-го мая 1903 г. № 2498; 9-го марта 1904 г. № 1358; 12-го мая 1904 г. № 2441; 24-декабря 1905 г. № 8369; 13-го февраля 1906 г. № 1110; 14-го іюля 1906 г. № 5035; 24-го августа 1906 г. № 6055 и 8-го ноября 1907 г. № 7829.

Цѣль отдѣленій и классовъ. Названные классы и отдѣленія, какъ и классы ручного труда при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ, преслѣдуютъ, прежде всего, цѣли педагогическія—способствовать физическому развитію организма. Но, помимо этой общей цѣли, въ классахъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленіяхъ при низшихъ мужскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ преслѣдуются другія цѣли, нѣсколько отличныя отъ цѣлей, проводимыхъ въ классахъ ручного труда при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ. При занятіяхъ ручнымъ трудомъ въ институтахъ и семинаріяхъ помимо цѣлей педагогическихъ имѣются въ виду также и цѣли сообщить воспитанникамъ, какъ будущимъ преподавателямъ народныхъ школъ, извѣстный навыкъ и умѣнье вести преподаваніе ручного труда въ названныхъ школахъ. При преподаваніи же ручного труда въ народныхъ школахъ сообщаются главнымъ образомъ умѣнья, необходимыя при изготовленіи предметовъ домашняго обихода въ простонародной средѣ и навыки для профессиональныхъ: плотника, кузнеца, столяра, слесаря, переплетчика и проч.

Разница между классами и отдѣленіями. Существенная разница между классами ручного труда и ремесленными отдѣленіями заключается въ томъ, что первые преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, цѣли общеобразовательныя, обучая учениковъ лишь основнымъ приѣмамъ, примѣняемымъ въ различныхъ ремеслахъ при обработкѣ дерева, металловъ и другихъ подѣлочныхъ матеріаловъ, вторыя же имѣютъ цѣлью практическое изученіе даннаго ремесла, по возможности, въ полномъ его объемѣ, съ сообщеніемъ учащимся всѣхъ необходимыхъ профессиональныхъ навыковъ и умѣній.

Ремесленныхъ отдѣленій и классовъ ручного труда при низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1903 г. было 920 (532 класса и 388 отдѣленій), въ 1904 г.—1066 (644 класса и 422 отдѣленія). Выше мы уже видѣли, при какихъ, въ частности, учебныхъ заведеніяхъ существуютъ названные классы и отдѣленія, какъ они распредѣляются по учебнымъ округамъ, специальностямъ и проч. Теперь намъ остается рассмотреть сначала положенія, на основаніи которыхъ функционируютъ ремесленныя отдѣленія и классы ручного труда, затѣмъ программы отдѣленій и классовъ, средства на ихъ содержаніе, штаты и подробнѣе остановиться на послѣднихъ законоположеніяхъ, которыми регулируется введеніе преподаванія ручного труда при городскихъ и начальныхъ училищахъ въ настоящее время.

Руководящія указанія при обученіи ручному труду въ классахъ и

отдѣленіяхъ. До 8-го ноября 1907 г., когда было утверждено положеніе о ремесленныхъ отдѣленіяхъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже, министерствомъ народнаго просвѣщенія для занятій ручнымъ трудомъ, въ разсматриваемыхъ нами классахъ и отдѣленіяхъ, были выработаны обязательныя постановленія только относительно штатовъ и казенныхъ воспособленій при организаціи названныхъ занятій по законамъ 21-го апрѣля 1903 г. и 16-го марта 1904 г. Что же касается самой организаціи дѣла обученія ручному труду, то рекомендовалось лишь: 1) обученіе ручному труду въ городскихъ училищахъ, гдѣ оно введено, производить обыкновенно придерживаясь системы шведскаго слэйда во всѣхъ классахъ; въ двухклассныхъ сельскихъ—съ 3-го года обученія; а въ сельскихъ одноклассныхъ—со 2-го года и то лишь тогда, когда при училищѣ есть два учителя, 2) съ учениковъ по ручному труду особой платы не взимать, 3) чтобъ ученики при работахъ распределялись на группы въ каждой не менѣе 10-ти и не болѣе 25-ти человекъ, при чемъ время, отводимое на ручныя занятія съ каждой группой, опредѣлялось не менѣе 5—6-ти часовъ въ недѣлю и наконецъ, 4) обученіе рекомендовалось вести или по программамъ, предложеннымъ къ руководству министерствомъ народнаго просвѣщенія, или же по программамъ, составляемымъ учителями ручнаго труда на мѣстахъ, согласно указаніямъ опыта.

Въ настоящее время вышеприведенныя указанія остаются въ силѣ для веденія ручныхъ занятій лишь въ классахъ ручнаго труда. Что же касается ремесленныхъ отдѣленій, то для таковыхъ вступило въ дѣйствіе новое *Положеніе о ремесленныхъ отдѣленіяхъ по законамъ 21-го апрѣля 1903 г. и 16-го марта 1904 г. при низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ ведомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденное министерствомъ народнаго просвѣщенія 8-го ноября 1907 г.* По названному положенію:

1) Ремесленныя отдѣленія открываются въ городахъ и селахъ при низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они могутъ находиться въ непосредственной связи съ этими заведеніями и дѣйствовать самостоятельно съ цѣлью профессиональнаго или ремесленнаго обученія какъ бывшихъ и настоящихъ учащихся школы, такъ и вообще лицъ обоюго пола, подростковъ и взрослыхъ¹⁾.

¹⁾ Ремесленныя отдѣленія, открывались въ данномъ пунктѣ, съ развитіемъ своей дѣятельности и гдѣ къ тому представится потребность могутъ быть преобразовываемы въ низшія ремесленныя школы.

2) Ремесленные отдѣленія предназначаются для обученія простымъ видамъ ремеслъ по обработкѣ дерева и металла, а также для сообщенія иныхъ профессиональныхъ знаній и умѣній, въ зависимости отъ рода занятій, господствующихъ среди мѣстнаго населенія ¹⁾.

Примѣчаніе. При ремесленныхъ отдѣленіяхъ могутъ открываться, съ надлежащаго разрѣшенія, постоянные и временные курсы и чтенія для сообщенія свѣдѣній, полезныхъ для промысловъ мѣстнаго населенія.

3) Продолжительность курса обученія въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ не закрѣпляется обязательнымъ срокомъ и устанавливается на мѣстахъ въ зависимости отъ рода ремесла, степени подготовки учащихся и цѣли обученія ²⁾.

Примѣчаніе. Ежедневная продолжительность обученія въ отдѣленіи не должна превышать 8 часовъ для взрослыхъ и 6 часовъ для подростковъ.

4) Занятія въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ происходятъ круглый годъ, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Перерывы въ занятіяхъ во время лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ устанавливаются въ зависимости отъ мѣстныхъ условій ближайшими органами управленія.

5) Пріемъ учащихся производится въ началѣ учебнаго года осенью, а затѣмъ, если имѣются свободныя мѣста, и въ теченіе года, въ зависимости отъ рода работъ и степени подготовленности поступающихъ.

6) Въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ, кромѣ практическихъ занятій, проходитъ черченіе съ рисованіемъ и могутъ сообщаться свѣдѣнія по техникѣ изучаемаго ремесла или производства, а также и по другимъ имѣющимъ къ нимъ отношеніе предметамъ.

7) Учащіеся, въ зависимости отъ рода ихъ подготовки и цѣли обученія, могутъ быть допущены на болѣе сокращенный курсъ, а равно и къ изученію лишь нѣкоторыхъ, а не всѣхъ предметовъ даннаго отдѣленія.

¹⁾ Въ зависимости отъ спроса въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ даннаго района можетъ быть организована черезъ извѣстные промежутки времени смѣна обученія разнаго вида ремесламъ.

²⁾ Однимъ изъ условій, естественно сокращающихъ періодъ обученія, является предварительное знакомство учащихся съ ручнымъ трудомъ и вообще степень подготовленности обучающихся, если они поступаютъ въ ремесленное отдѣленіе для усовершенствованія.

8) Въ задачу обученія полагается систематическое прохожденіе приемовъ ремесла, приноровленное къ мѣстнымъ потребностямъ, и усвоеніе графической грамотности по отношенію къ изучаемому мастерству.

9) Ремесленные отдѣленія состоятъ въ вѣдѣніи учебно-окружнаго начальства.

10) Планы обученія, распредѣленіе учебныхъ занятій и правила для учащихся составляются для каждаго отдѣленія завѣдующимъ отдѣленіемъ въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями и потребностями и утверждаются учебно-окружнымъ начальствомъ.

11) Завѣдываніе ремесленнымъ отдѣленіемъ можетъ быть поручаемо учителю того общеобразовательнаго училища, при которомъ оно состоитъ, или особымъ лицамъ, завѣдующимъ отдѣленіями; въ томъ и другомъ случаѣ необходимо, чтобы завѣдующій отдѣленіемъ обладалъ спеціальной подготовкой въ объемъ ремесленныхъ или другихъ промышленныхъ учебныхъ заведеній, или же по своей предшествовавшей практикѣ могъ не только руководить работами, но и преподавать графическія искусства и технику ремесла.

12) Завѣдующіе ремесленными отдѣленіями утверждаются въ должностяхъ директорами или инспекторами народныхъ училищъ, по принадлежности ¹⁾.

13) Устройство внутренняго распорядка отдѣленія, правила расходовапія денежныхъ средствъ, веденіе матеріальной и денежной отчетности, а равно и порядокъ избранія и утвержденія мастеровъ

¹⁾ На обязанности завѣдывающаго ремесленнымъ отдѣленіемъ лежатъ: а) руководство и наблюденіе за ходомъ работъ въ мастерскихъ; б) расходваніе, согласно утвержденной сметѣ, суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе ремесленнаго отдѣленія; в) приемъ заказовъ и опредѣленіе стоимости ихъ; г) веденіе денежных, матеріальныхъ и инвентарныхъ книгъ; д) составленіе годичныхъ сметъ и отчетовъ по отдѣленію; е) избраніе мастеровъ и подмастерьевъ и другихъ лицъ; ж) вообще на завѣдующихъ ремесленными отдѣленіями лежитъ забота о направленіи учебнаго и хозяйственнаго дѣла къ назначенной цѣли для надлежащаго ихъ благоустройства. Завѣдывающіе ремесленными отдѣленіями входить съ представленіями къ непосредственному учебному начальству по слѣдующимъ дѣламъ: а) утвержденіе годичныхъ сметъ расходовъ и отчетовъ о состояніи ремесленныхъ отдѣленій; б) предложенія о распредѣленіи между учениками прибыли отъ работъ и о выдачѣ пособій мастерамъ и ученикамъ, окончивающимъ курсъ ученія; в) порядокъ отчетности и храненіе суммъ, поступающихъ за заказы; г) приемъ и увольненіе мастеровъ и подмастерьевъ и назначеніе пмъ жалованья; исключеніе изъ описи имущества предметовъ, признанныхъ въ негодность, и е) вообще всякаго рода предложенія объ измѣненіяхъ въ порядкѣ учебнаго дѣла и хозяйства ремесленнаго отдѣленія.

и подмастерьевъ устанавливаются для каждаго отдѣленія примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

14) Ремесленнымъ отдѣленіямъ могутъ выдаваться изъ казны ежегодныя пособія на содержаніе въ размѣрѣ не болѣе 1.500 р. для отдѣленія съ одной спеціальностью и до 1.900 р. съ двумя, при условіи, чтобы изъ мѣстныхъ источниковъ на тотъ же предметъ отчислялось не менѣе 600 руб. на отдѣленіе, независимо отъ числа существующихъ въ немъ спеціальностей.

Примѣчаніе. На устройство и оборудованіе ремесленныхъ отдѣленій могутъ быть отпускаемы казной одновременныя субсидіи на строительныя надобности не свыше 2.500 р. и на оборудованіе не свыше 2.400 р. при двухъ спеціальностяхъ.

15) Доходъ отъ продажи исполненныхъ издѣлій или отъ выполненныхъ заказовъ составляетъ спеціальныя средства отдѣленія и расходуются на нужды отдѣленія, а также на вознагражденіе лицъ, участвовавшихъ въ исполненіи заказовъ или издѣлій.

16) Открытіе ремесленныхъ отдѣленій на совмѣстныя средства казны, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ разрѣшается министерствомъ народнаго просвѣщенія.

17) Ремесленныя отдѣленія при училищахъ, содержимыя на счетъ частныхъ лицъ и обществъ, разрѣшаются къ открытію попечителями учебныхъ округовъ.

18) Окончательныя испытанія обучавшихся въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ производятся въ присутствіи завѣдующаго и мастеровъ школы.

19) Учащіеся, окончившіе полный курсъ ученія, получаютъ о томъ свидѣтельства съ обозначеніемъ изученнаго ими ремесла и степени успѣховъ въ немъ оказанныхъ.

20) Наряду съ учебными цѣлями, ремесленныя отдѣленія могутъ принимать различныя мѣры для улучшенія мѣстныхъ промысловъ путемъ устройства, съ надлежащаго разрѣшенія, выставокъ издѣлій, инструментовъ, матеріаловъ и показательныхъ работъ и подачи справокъ и совѣтовъ по закупкѣ матеріаловъ, продажѣ издѣлій мѣстной промышленности.

Планы и сметы на постройку и оборудованіе классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій. Планы и сметы для постройки и оборудованія помѣщеній для названныхъ учрежденій составляются на мѣстахъ сообразно мѣстнымъ условіямъ и суммамъ, отпускаемымъ на этотъ случай казной, согласно законамъ 21-го апрѣля 1903 г. и

16-го марта 1904 г. Нормальныхъ плановъ и смѣтъ министерствомъ не рекомендовалось.

Программы. Занятія ручнымъ трудомъ по изученію простѣйшихъ ремеслъ, столярнаго, токарнаго, кузнечнаго, слесарнаго, сапожнаго, переплетнаго, шорнаго и проч. въ классахъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленіяхъ при народныхъ училищахъ ведутся по особымъ программамъ, составляемымъ на каждый годъ учителями ручного труда, согласно указаніямъ опыта, а также и тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявляемы каждому училищу въ связи съ особыми условіями быта и занятій мѣстнаго сельскаго населенія.

Программы по обработкѣ дерева и металла, какъ наиболѣе распространенныхъ подвѣлочныхъ матеріаловъ, составляются примѣнительно къ программамъ, одобреннымъ и разосланнымъ въ учебные округа министерствомъ народнаго просвѣщенія, преимущественно изъ образцовъ, имѣющихъ примѣненіе въ сельской жизни. Эти образцы располагаются съ соблюденіемъ послѣдовательности, какъ по роду примѣняемыхъ инструментовъ и приѣмовъ обработки, такъ и по трудности и по степени точности выполненія.

Въ городскихъ училищахъ многія работы исполняются по рабочимъ чертежамъ, при чемъ примѣняется расчерчиваніе частей при ихъ обработкѣ, въ сельскихъ же школахъ этотъ приѣмъ часто не практикуется въ виду того, что элементарные курсы рисованія и черченія не введены въ число обязательныхъ предметовъ обученія названныхъ школъ.

Въ программы работъ по дереву, составляемыя учителями ручного труда на мѣстахъ примѣнительно къ примѣрной программѣ, рекомендованной министерствомъ народнаго просвѣщенія для состоящихъ при городскихъ и начальныхъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій, входили въ 1903 и 1904 гг. слѣдующіе образцы, имѣющіе примѣненіе въ домашнемъ быту простолюдина: зубцы для грабеля, палочка для кисточки, игла для вязанія сѣтей, юрокъ (для снованія нитокъ), ручка для плети или молотка, лопатка для масла, для точенія кости, угольникъ для иконъ, рамка для улья, щабель (ступенька) для лѣстницы или скалка, колокъ для ограды, чернакъ для членика, кружокъ для маслобойки, кочерга для золы, мотушка для веревокъ, доска для полки, доски для момалыги или для мяса, приборъ для сбиванія масла, сѣятельная доска, маховая сажень, терка для штукатурки, ящикъ на гвоздяхъ, солонка (корытце для соли) долбленая, ткацкій челнокъ, колотушка для ночного сторожа, ска-

меечка для доенія коровъ, плотничный ватерпасъ, станокъ для пилы (лучекъ), тонорище съ присадкой или ручка для землекопной лопатки, форма для кирпичей, соколъ, донце (стусло), тормазъ (гальма), грабли для косы, грабли, капканъ для сусликовъ, лопатка для сажанія хлѣбовъ, совокъ для муки, носилки каменщиковъ, этажерка—полка для книгъ, ящикъ на шинахъ, подставка для рычага, качалка, макогоузъ, пилы, салотовка, рубель, кинка, втулка колеса, моторило, цѣпка (катушка для пряжи), вьюшка плотника, веретено, доска для стирки бѣлья, противърочная линейка, наугольникъ, малка, герунокъ, колодка рубанка, подставка для распиливанія досокъ, клещи хомутовые, весло, колесо для тачки, колодка фуганка, бабка для клепанія косъ, табуретка, скамейка длинная, оконная рама или ставни, сундукъ, кухонный столъ, улей, тачка, корытце для точила и проч.

Въ программы работъ по металламъ, такимъ же образомъ составленныя какъ и программы по дереву, входили слѣдующіе предметы: крючекъ для бумагъ, столярное шило, застѣжка, кухонная вилка, крючокъ съ парой пробойчиковъ, лѣсторѣзъ квадратъ и кругъ, отвертка, мотушка для шнурковъ, пара угольниковъ, обручъ (коническій), кружка для чугуна, кольцо для ручки, кочерга, щипцы, лопатка для углей, пара петель для двери, вѣшалка, садовая грабли, кольцо къ ящику, пара петель для сундука, салазки, скребокъ для очистки обуви, шиповка для овощей, труба для самовара, подставка для утюга, лопата садовая, закладка для двери, задвижка, петля для двери, коробка съ крышкой, совокъ (коническій), кружка, воронка, ковшикъ, водогрѣлка, лопатка для мусора, кофейникъ овальный, ведро, совокъ (сложной формы), зубило, сверло, отвертка, угольникъ, болтъ съ нагайкой, пара столярныхъ гребенокъ, ножъ—рѣзакъ, молотокъ, линейка, стѣпка, кронштейнъ—вѣшалка, прессъ-папье, масленка, плевательница, пенельница и проч.

Параллельно нѣкоторымъ образцамъ какъ по обработкѣ дерева, такъ и по обработкѣ металловъ даются варианты къ нимъ въ видѣ чертежей и рисунковъ.

При исполненіи заданій систематической программы по какому либо виду ремесла обращается, по возможности, вниманіе на нижеслѣдующее: а) чтобы степень точности обработки строго соответствовала назначенію предмета, б) чтобы самыя приемы обработки соответствовали дѣйствительнымъ и притомъ рациональнымъ (нельзя, напримеръ, пользоваться напильникомъ, гдѣ надо употребить стамеску), в) чтобы всѣ работы исполнялись по рабочимъ чертежамъ и въ ши-

рокой степени примѣнялось расчерчиваніе самимъ ученикомъ частей при ихъ обработкѣ, г) чтобы заданія работъ соответствовали силѣ и способностямъ учениковъ, при чемъ степень трудности заданій по примѣнію пройденныхъ уже приемовъ обработки, особенно на работахъ сборочнаго характера, должна отвѣчать приобретеннымъ тѣмъ или другимъ ученикомъ умѣніямъ; д) чтобы время, которое ученикъ тратитъ на выполненіе той или иной программной работы, особенно на первыхъ шагахъ обученія, когда ученики знакомятся съ основными приемами обработки, не являлось чрезмерно большимъ, е) чтобы ученики, выполняя заданіе, не слѣдовали слѣпо указкѣ учителя, а заранѣе знали весь ходъ исполняемой ими работы и имѣли передъ собою, по возможности, собственноручно выполненный рисунокъ ея или чертежъ, или сдѣланный отъ руки эскизъ, со всеми необходимыми рабочими размѣрами и ж) чтобы ученики, предварительно работы, были ознакомлены съ родомъ употребляемаго матеріала и инструмента.

Пособіями по ручному труду въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ и классахъ ручного труда какъ при городскихъ, такъ и сельскихъ училищахъ могутъ служить тѣ же матеріалы, которые указаны нами въ качествѣ пособій для занятій ручнымъ трудомъ при учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ (см. стр. 205).

Содержаніе и единовременные расходы классовъ и отдѣленій. Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія, какъ при городскихъ, такъ и при сельскихъ училищахъ, открываются и содержатся на мѣстныхъ средства городскихъ и сельскихъ обществъ, земствъ, на пожертвованія частныхъ лицъ, спеціальныя средства училищъ и на часть кредита, ассигнуемаго на городскія и начальныя училища по ежегодной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Содержаніе классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій при городскихъ училищахъ въ пособіе мѣстнымъ средствамъ на тотъ же предметъ расходуются по ежегодной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 150.000 руб. Эта сумма въ 1903 г. была израсходована въ половинѣ—75.000 руб.; въ 1904 г. и послѣдующіе годы—полностью. По учебнымъ округамъ названныя суммы были распределены въ 1903 и 1904 гг. такимъ образомъ: (см. табл. на стр. 215).

Законъ 21-го апрѣля 1903 года. Вышеприведенныя ежегодныя пособія на ручной трудъ при городскихъ училищахъ оказываются министерствомъ народнаго просвѣщенія согласно законоположенію отъ 21-го апрѣля 1903 г., которое, въ случаѣ ходатайствъ земствъ, город-

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Размѣръ отпущенныхъ кредитовъ.												
	Число субвендируемыхъ классовъ и отдѣленій.			На ежегодное со-держаніе.			На одновременныя надобности.			В С Е Г О.			
	1903 г.	1904 г.	1903 г.	1904 г.	1903 г.	1904 г.	1903 г.	1904 г.	1903 г.	1904 г.	1903 г.	1904 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
С. Петербургскій	5	10	742	—	4.042	—	2.879	—	20.880	—	3.621	—	24.872
Московский	4	14	1.765	—	2.565	—	2.413	—	13.025	—	4.178	—	17.580
Казанскій	1	3	900	—	1.710	—	2.500	—	3.900	—	3.400	—	5.610
Оренбургскій	4	8	1.437	—	4.078	50	2.140	—	7.592	76	3.577	—	11.671
Одесскій	16	17	1.993	—	2.693	—	6.967	—	7.857	50	8.960	—	10.550
Харьковскій	7	20	1.360	—	1.710	—	2.250	—	7.380	—	3.610	—	9.080
Киевскій	—	1	—	—	350	—	—	—	4.900	—	—	—	5.250
Виленьскій	3	3	100	—	760	—	2.899	—	900	—	2.989	—	1.660
Варшавскій	8	9	4.695	—	4.795	—	3.500	—	4.611	69	8.195	—	9.406
Рижскій	9	14	3.390	—	4.090	—	6.001	—	10.100	—	9.391	—	14.190
Кавказскій	4	10	2.010	—	3.760	—	2.203	—	9.794	55	4.213	—	13.554
Западно-Сибирскій	2	3	455	—	455	—	3.000	—	3.000	—	3.455	—	3.455
Циркутское генераль-губернаторство	1	—	—	—	—	—	350	—	—	—	350	—	—
Цризмурское генераль-губернаторство	3	4	400	—	2.900	—	—	—	—	—	400	—	2.300
Туркестанское генераль-губернаторство	2	14	200	—	4.200	—	2.907	—	16.600	—	3.107	—	20.800
И т о г о	69	130	19.447	—	37.508	50	39.999	—	112.491	50	59.446	—	150.000

*) Оставшіяся 15.554 руб. были израсходованы въ 1903 г. по особымъ ходатайствамъ гг. попечителей учебныхъ округовъ.

скихъ обществъ, сословій или частныхъ лицъ объ учрежденіи при городскихъ училищахъ практическихъ занятій мастерствами и ремеслами, предоставляетъ министру народнаго просвѣщенія отпускать изъ кредитовъ, ассигнованныхъ въ его распоряженіе на открытіе новыхъ и усиленіе средствъ существующихъ городскихъ училищъ, единовременныя суммы, потребныя на устройство и оборудованіе при сихъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій, и постоянныя пособія, а именно:

1) На содержаніе при городскихъ училищахъ классовъ ручного труда—не свыше шестисотъ рублей въ годъ при одной специальности и семисотъ рублей въ годъ при двухъ специальностяхъ, при условіи воспособленія казны на тотъ же предметъ, изъ мѣстныхъ источниковъ, не менѣе трехсотъ рублей ежегодно на каждый классъ, и 2) на содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при городскихъ училищахъ—не свыше одной тысячи пятисотъ рублей въ годъ при одной специальности и одной тысячи девятисотъ рублей въ годъ при двухъ специальностяхъ, при условіи восспособленія казны на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ источниковъ не менѣе шестисотъ рублей ежегодно на каждое отдѣленіе.

Единовременныя пособія отъ казны. Что же касается единовременныхъ пособій на организацію, устройство и оборудованіе классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій при городскихъ училищахъ, то таковыя пособія назначаются, согласно нижеслѣдующимъ минимальнымъ нормамъ, выработаннымъ въ 1903 году министерствомъ народнаго просвѣщенія:

А) По классамъ ручного труда.

1) на устройство помѣщенія	2.500 руб.
2) „ оборудованіе мастерскихъ:	
а) по обработкѣ дерева 20×20	400 „
б) „ обработкѣ металловъ 30×20	600 „

Итого отъ 2.900 до 3.500 руб.

Б) По ремесленнымъ отдѣленіямъ.

1) на устройство помѣщенія	2.500 руб.
2) „ оборудованіе:	
а) столярной мастерской 50×20	1.000 „
б) слесарно-кузнечной 70×20	1.400 „

Итого отъ 3.500 до 4.900 руб.

Содержаніе классовъ и отдѣленій при начальныхъ училищахъ.
Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія при начальныхъ училищахъ до 1904 г. существовали, главнымъ образомъ, на незначительныя мѣстные средства сельскихъ обществъ, земствъ и спеціальныя средства училищъ.

Правильная организація занятій по ремесламъ при небольшихъ средствахъ не могла быть обеспечена и начальные училища, при которыхъ велись занятія ручнымъ трудомъ, испытывали большую матеріальную нужду и недостатокъ: не было удобныхъ помѣщеній и прилично оборудованныхъ мастерскихъ; дѣла вели въ подавляющемъ большинствѣ люди малограмотные и незнакомые съ правильной постановкой преподаванія. Между тѣмъ, сельскія училища нуждались въ правильной организаціи дѣла не меньше городскихъ училищъ, для которыхъ были уже установлены нормы закона 21-го апрѣля 1903 г.; занятія ремеслами и мастерствами въ деревнѣ, какъ въ видѣ подспорнаго заработка, такъ и домашнего обихода, имѣютъ большое значеніе, но деревенскія дѣти лишены возможности пріобрѣтать необходимыя для сего знанія даже тѣми несовершенными способами, какъ, напримѣръ, отдача въ обученіе мастерамъ, какіе находятся въ распоряженіи горожанъ. На помощь населенію въ этомъ отношеніи министерство народнаго просвѣщенія рѣшило придти прежде всего упорядоченіемъ и распространеніемъ практическихъ занятій по ремесламъ при сельскихъ училищахъ.

Съ этою цѣлью отдѣленіе (нынѣ отдѣлъ) промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія вскорѣ же послѣ Высочайшаго утвержденія 21-го апрѣля 1903 г. нормъ казенныхъ расходовъ по занятіямъ ручнымъ трудомъ при городскихъ училищахъ, занялось разработкой такихъ же нормъ для классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій при начальныхъ училищахъ. Къ началу 1904 г. весь матеріалъ по этому вопросу былъ уже обработанъ и направленъ въ государственный совѣтъ, а 16-го марта 1904 года нормы сегоднѣшнихъ расходовъ вышеназванныхъ классовъ и отдѣленій были Высочайше утверждены (см. ниже законъ 16-го марта 1904 г.).

Нормы единовременныхъ расходовъ. Нормы минимальныхъ расходовъ по устройству и оборудованію означенныхъ классовъ и отдѣленій, являющіяся необходимыми для надлежащей и усиленной постановки преподаванія ручного труда при двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, исчислены въ слѣдующемъ размѣрѣ, считая помѣщеніе и оборудованіе для единовременной работы группы

учащихся на 20 человекъ въ 50 кв. сажень при средней стоимости постройки въ 40—50 руб. за кубическую сажень.

А) По классамъ ручного труда.

1) на устройство помещенія	2.000 руб.
2) „ оборудованіе мастерскихъ:	
а) по обработкѣ дерева 16×20	320 „
б) „ обработкѣ металловъ 20×20.	400 „

Итого отъ 2.320 до 2.720 руб.

Б) По ремесленнымъ отдѣленіямъ.

1) на устройство помещенія отъ	2.000 до 2.500 руб.
2) „ оборудованіе.	
а) столярной мастерской 50×20	1.000 „
б) слесарно-кузнечной мастерской 70×20	1.400 „

Итого отъ 3.000 до 4.900 руб.

Законъ 16-го марта 1904 года. Придерживаясь указанныхъ нормъ, на единовременные расходы казна выдаетъ: 1) на содержаніе классовъ ручного труда при начальныхъ училищахъ отъ 150 руб. до 400 руб., въ зависимости отъ специальности преподаваемого въ классѣ предмета и при условіи воспособленія казнѣ на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ источниковъ не менѣе четвертой доли общаго расхода, т. е. въ количествѣ отъ 40 до 100 руб. ежегодно на каждый классъ, и 2) на содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при этихъ училищахъ (какъ при училищахъ городскихъ)—не свыше 1.500 руб. въ годъ при одной специальности и 1.900 руб. въ годъ при двухъ специальностяхъ, при условіи воспособленія казнѣ на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ источниковъ не менѣе 600 руб. ежегодно на каждое отдѣленіе.

Расходы казны. Значительная часть потребныхъ на ежегодныя и единовременныя надобности расходовъ по ремесленнымъ отдѣленіямъ и классамъ ручного труда при начальныхъ училищахъ министерствомъ народнаго просвѣщенія покрывается изъ общей суммы, ассигнованной вслѣдствіе закона 16-го марта 1904 года въ размѣрѣ 1.250.000 руб. на усиленіе средствъ начальныхъ училищъ и состоящихъ при нихъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій.

Изъ этой суммы въ 1904 г. ¹⁾ 65.000 руб. были выдѣлены спеціально на означенную надобность.

Сумма въ 65.000 руб. была израсходована въ 1904 г. полностью. 59.488 руб. поступили въ распоряженіе попечителей учебныхъ округовъ въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ послѣ изданія закона и были распродѣлены такимъ образомъ: (см. табл. на стр. 220). Оставшіеся 5.512 руб. были израсходованы по особымъ ходатайствамъ попечителей въ теченіе 1904 г. на вознагражденіе преподавателей ручного труда въ тѣхъ училищахъ, гдѣ еще не было правильной организаціи занятій, по закону 16-го марта 1904 года.

Законами 21-го апрѣля 1903 года и 16-го марта 1904 года были намѣчены особія суммы, которыя могутъ быть отпущаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія на содержаніе классовъ и отдѣленій, но не были предусмотрены штаты. Сообразно этимъ суммамъ министерствомъ рекомендуются нижеслѣдующія таблицы нормальныхъ ежегодныхъ расходовъ по названнымъ учрежденіямъ:

По классамъ ручного труда:

	По обработкѣ дерева и металлы.		По корзиноплетенію.	По переплетной и пяточной работѣ.	
	При городскихъ училищахъ.		При начальныхъ училищахъ.	При городскихъ и частныхъ училищахъ.	При городскихъ и частныхъ училищахъ.
	1 спеціальность.	2 спеціальности.			
В ъ р у б л я х ъ .					
Преподавателю	360	360	360	240	120
На материалы, инструменты и проч.	240	340	160	60	30
Итого . . .	600	700	520	300	150

¹⁾ Въ 1905—1907 гг. отпущалось уже 130.000 р.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число субциркулярныхъ классовъ и отдѣленій.	Размѣръ отпущенныхъ кредитовъ.		
		На ежегодное содержание.	На однократные на-менныя надобности.	Всего.
		Въ рубляхъ.		
С.-Петербургскій	16	2.345	4.325	6.670
Московскій	16	2.574	5.666	8.240
Казанскій	8	1.598	2.540	4.133
Оренбургскій	13	1.946	3.103	5.049
Харьковскій	18	2.600	3.573	6.173
Одесскій	54	10.416	6.878	17.295
Кіевскій	3	595	308	903
Варшавскій	1	250	100	350
Виленскій	—	—	—	—
Рижскій	—	—	—	—
Кавказскій	12	1.829	6.256	8.085
Западно-Сибирскій	—	—	—	—
Приамурскій край	—	—	—	—
Туркестанскій край	—	—	—	—
Восточная Сибирь	3	340	2.250	2.590
Итого	144	24.488	35.000	59.488

По ремесленнымъ отдѣленіямъ:

	При городскихъ и сельскихъ училищахъ.	
	Съ одной спеціальн.	Съ двумя спеціальн.
	Въ р у б л я х ъ .	
За завѣдываніе отдѣленіемъ .	150	150
Мастеру за обученіе ремеслу, черченію, рисованію и техникѣ ремесла	600 и кварт.	600 и кварт.
Подмастерьямъ	240	480
За матеріалы и инструменты .	200	300
На учебныя пособия	60	70
На хозяйственныя расходы .	250	300
Итого.. . . .	1.500	1.900

Порядокъ возбужденія ходатайствъ объ открытіи ремесленныхъ отдѣленій и классовъ ручного труда. При ходатайствахъ объ открытіи классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій при городскихъ и сельскихъ народныхъ училищахъ, во избѣжаніе длительной переписки, рекомендуется придерживаться нижеслѣдующаго порядка:

Рагѣ составленія проекта объ организаціи вышеозначенныхъ отдѣленій и классовъ должно имѣться разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на открытіе тѣхъ училищъ (если они еще не функционируютъ), при которыхъ устраиваются эти классы и отдѣленія.

При выработкѣ проектовъ организаціи упомянутыхъ классовъ и отдѣленій нужно руководиться точнымъ исполненіемъ указаній законовъ: 21-го апрѣля 1903 года и 16-го марта 1904 года, при этомъ требуется сообщить: а) при какомъ [начальномъ, двухклассномъ или городскомъ] училищѣ и по какому ремеслу [сообразно кустарной, фабричной или заводской промышленности даннаго района] проектируется открыть отдѣленіе или классъ, и б) приложить планъ (класса или отдѣленія) и подробную смѣту всѣхъ расходовъ, вызывающихся постройкой или приспособленіемъ помѣщеній и квартиръ для лицъ, обучающихся въ сихъ отдѣленіяхъ или классахъ.

При организаціи отдѣленій и классовъ ручного труда для учащихся и постороннихъ рекомендуется устраивать необходимыя помѣщенія для мастерскихъ внѣ школьнаго зданія, чтобы занятія мастерствомъ не мѣшали класснымъ занятіямъ, и, въ случаѣ необходимости, было бы возможно расширять помѣщенія до желательныхъ размѣровъ.

Всѣ ходатайства о ремесленныхъ отдѣленіяхъ и классахъ, возбуждаемыя городами, земствами, разными обществами и частными лицами, должны поступать въ министерство народнаго просвѣщенія и не иначе, какъ при отзывахъ со стороны мѣстнаго учебнаго начальства [директора или инспектора народныхъ училищъ] и при заключеніяхъ по сему предмету учебныхъ округовъ.

Н. Ульяновъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

- *1) *Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Съ англійскаго. Переводъ П. А. Бунина. Въ стихахъ. Дешевое иллюстрированное изданіе. Портретъ Лонгфелло. Иллюстраціи американскаго художника Ремингтона: 22 рисунка на отдельныхъ таблицахъ, 376 рис. въ текстѣ. Цѣна 80 коп. С.-Пб. 1903 (изд. т—ва *Знаніе*), VI+248 стр. 8°.*
- 2) *Тожс: роскошно (?) иллюстрированное изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. VI+248. Цѣна 2 рубля.*

Созданный Лонгфелло искусственно-литературный эпосъ „Пѣснь о Гайаватѣ“ (the song of Hiawatha) нѣсколько смѣло (хотя и съ оговоркой: if I may so call it) названъ поэтомъ „Индійской Эддой“ (the Indian Edda). Тѣмъ не менѣе, оставляя даже въ сторонѣ общепризнанныя крупныя поэтическія достоинства произведенія, оно имѣетъ, несомнѣнно, и значительный этнографическій и даже сравнительно-многологическій интересъ: отправляясь отъ тщательно изученныхъ имъ сѣверо-американскихъ индійскихъ легендъ и преданій о „благодѣтелѣ“ человечества и богочеловѣкѣ“ Гайаватѣ („Учителѣ“), внукѣ „божественной *Nokomis*, дочери мѣсяца, и сынѣ ея дочери, *Wenonah*, и *Zesbira* (*Mudjেকেewis*),—Лонгфелло умѣло вплелъ въ основную сагу много любопытнаго матеріала изъ родственныхъ индійскихъ сказаній, сгруппировавъ ихъ вокругъ главной фабулы въ одно высокохудожественное цѣлое. Простая, задушевная рѣчь, которой изложена эта поэма, яркая колоритность стиля и языка, изобилующаго „индианизмами“, простой и вмѣстѣ звучный стихъ—давно уже поставили „Гайавату“ во главѣ всего, что было издано Лонгфелло.

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкой, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

На русскомъ языкѣ мы имѣемъ весьма недурное *извлечение* изъ поэмы (12 главъ изъ 22-хъ оригинала), сдѣланное талантливимъ переводчикомъ *Д. Л. Михаловскимъ* (2-е изд. С.-Пб. 1896 г.), составляющее, однако, мѣстами не столько переводъ, сколько перифразу оригинала, о чемъ, впрочемъ, и заявлено авторомъ въ предисловіи (стр. III—IV).

Намъ кажется поэтому весьма симпатичной попытка И. А. Бунина дать полный и—насколько возможно—близкій къ тексту переводъ *Гайаваты* для русскихъ читателей, нерѣдко знакомыхъ съ „красными братьями“ лишь по разнымъ лубочнымъ издѣліямъ, въ родѣ „Черной Птицы“, „Охотника за чорепами“, „Слѣдопыта“ и т. п.

Само собою разумѣется, что авторъ не могъ игнорировать, хотя и неполнаго, перевода г. Михаловскаго, и это—*первое*, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при оцѣнкѣ труда г. Бунина.

Хотя онъ явчю не очень высокаго мнѣнія о работѣ своего предшественника (съ чѣмъ мы не совсѣмъ согласны), тѣмъ не менѣе, онъ не отрицаетъ, что „иныя мѣста его перевода близки къ переводу Д. Л. Михаловскаго“ (пред. стр. VI), и объясняетъ это тѣмъ, что „нѣкоторые стихи подлинника почти слово въ слово укладывались въ русскіе“.

Дѣйствительно, такіе случаи иногда вполне объяснимы. Размѣръ, которымъ пишетъ Лонгфелло свою *Гайавату*, очень простъ; это обыкновенный „трохяческій диметръ“ (4-стоиный трохей $\text{— — — — — — — — — —}$).

should you ask me, whence these stories,
whence these legends and traditions... (прологъ)

Стиль и языкъ оригинала, какъ сказано выше, также очень просты, и вполне понятно, что, на примѣръ, такія мѣста, какъ

„chetowaik“, the plover, sang them,
„mahng“, the loon, the wild goosc, „wawa“,
the blue heron, the „shuh-shuh-gah“,
and the grouse, the „mushkodasa“ (тамъ же)

вышли почти одинаковыми у обоихъ переводчиковъ:

1. *Михаловскій:*

читовейкъ—зукъ тамъ пѣлъ ихъ,
мангъ—нырокъ, гусь дикій вава,
цапля синяя шухшухга
и тетереа мушкодаза;

1. *Бунинъ:*

читовейкъ, зуекъ, тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ, нырокъ, гусь дикій, Вава,

цапля сивая, Шухъ-шухъ-га,
и глухарка Мушкодава.

Но есть мѣста, гдѣ оригиналъ не столь легко укладывался буквально въ русскій стихъ, а слѣдовательно, переводчику предоставлялся нѣкоторый просторъ въ выборѣ того или другого варианта, возможность показать *и свое искусство*, помимо предшественника, а между тѣмъ, и въ такихъ мѣстахъ мы видимъ ту же близость обонхъ переводовъ, напримѣръ:

- 1) ye, who love the haunts of Nature (тамъ же)
оба: вы, кто любите природу;
 and the thunder in the mountains (тамъ же)
М.: по горамъ раскаты грома,
Б.: и въ горахъ раскаты грома;
- 2) over stone walls, gray with mosses
М.: черезъ каменную стѣну,
 посѣдѣвшую отъ моха;
Б.: гдѣ, склонившись на ограду,
 посѣдѣвшую отъ моха;
- 3) and the prophets of the nations
 said: „behold it, the Pukwana!
 by this signal from asar off“... (гл. I)
М.: и народные пророки
 говорили; „то—Поквана!
 этимъ дымомъ отдаленнымъ“...
Б.: и пророки всѣхъ народовъ
 говорили: „то Поквана!
 этимъ дымомъ отдаленнымъ“...
- 4) clear above them flowed the water,
 clear and limpid from the footprints
 of the Master of Life descending; (гл. I)
М.: выше ихъ вода бѣжала
 свѣтлой, чистою струею,
 отъ слѣдовъ Владыки Жизни...
Б.: свѣтлой, чистою волною
 выше ихъ вода лилася
 отъ слѣдовъ Владыки Жизни.
- 5) whether sinking, as the rain sinks,
 whether rising, as the mists rise,
 Hiawatha saw not, knew not... (гл. V)
М.: опустился-ль онъ, какъ дождикъ,
 иль поднялся, какъ туманы,
 Гайавата не замѣтилъ...
Б.: опустился ли онъ тучкой,
 иль поднялся, какъ туманы,
 Гайавата не замѣтилъ... и т. п.

Такихъ мѣстъ можно указать не особенно мало, и мы не видимъ причины, почему бы указаніе почтеннаго переводчика на нѣкоторыя заимствованія изъ Михаловскаго могли бы умалить достоинство его собственной работы, во многомъ самостоятельной и независимой.

Не во глѣвъ ему будь сказано, нѣкоторыя мѣста у Михаловскаго переданы лучше и ближе къ оригиналу, наприимѣръ:

- 1) how he prayed, and how he fasted,
how he lived and toiled, and suffered... (прол.)

Б.: какъ постился и молился,
какъ трудился Гаѣавата...

М.: и о томъ, какъ онъ работалъ,
жилъ, страдалъ, терпѣлъ, трудился...

(у г. Бунина опущенъ цѣнный отгвнокъ „утомленія и страданій“, toiled and suffered).

- 2) pause by some neglected graveyard,
for a while to muse, and ponder
on a half-effaced inscription.... (прол.)

Б.: забываетесь порою
на запущенномъ погостѣ,
и читаете въ раздумьи
на могильномъ камнѣ надпись...

М.: на запущенномъ кладбищѣ
разбираете въ раздумьи
полустершуюся надпись...

(у г. Бунина опущена подробность half-effaced).

- 3) stay and read this rude inscription,
read this Song of Hiawatha! (прол.)

М.: прочитайте эту надпись,
надпись грубую, простую,
эту „Пѣснь о Гаѣаватѣ“!

Б.: прочитайте эти руны,
эту Пѣснь о Гаѣаватѣ!

(„руны“ у г. Бунина не покрываетъ собою понятія „rude inscription“ оригинала).

- 4) o, my children, my poor children!
listen tho to words of wisdom,
listen to the words of warning,
from the lips of the Great Spirit,
from the Master of Life, who made you! (гл. I)

М.: дѣти, бѣдныя вы дѣти!
слову мудрости внемлите,

слову предостереженья,
отъ меня, Вольшаго Духа,
отъ меня, Владыки Жизни,
отъ меня, кто всѣхъ васъ создалъ!

Б.: о дѣти, дѣти!
слову мудрости внимайте,
слову кроткаго совѣта
отъ того, кто всѣхъ васъ создалъ!

(у г. Бунина опущенъ эпитетъ *poor*, и весьма важныя детали *Great Spirit* и *Master of Life*).

5) all your strength is in your union,
all your danger is in discord;
therefore be at peace henceforward,
and as brothers live together!

М.: ваша сила—вся въ союзѣ,
ваша гибель—вся въ раздорѣ,
бросьте-жь распри и живите
вы по братски межъ собою!

Б.: ваша сила лишь въ согласьи,
а безсиліе—въ разладѣ;
примиритесь, о дѣти,
будьте братьями другъ другу!

(та же мысль выражена слабѣе) и т. п., и т. п.

Обращаясь теперь къ самому переводу г. Бунина, мы должны отмѣтить, что самымъ переводчикомъ характеризуется его работа слѣдующими словами: „я всюду старался держаться возможно *ближе* къ подлиннику, сохранить *простоту* и *музыкальность* рѣчи, *сравненія* и *эпитеты*, характерныя *повторенія* словъ, и даже, по возможности, *расположеніе стиховъ*“.

Если бы всѣ эти (весьма нелѣгкія) требованія были исполнены, переводъ могъ бы назваться въ полномъ смыслѣ слова образцовымъ.

Но дѣло въ томъ, что самъ переводчикъ соблюдаетъ ихъ далеко не строго, напимѣръ (беремъ примѣры изъ тѣхъ главъ, которыя не переведены г. Михаловскимъ).

гг. II. hark you, Bear! you are a coward, and no brave, as you pretended; else you would not cry, and whim- per.	о, медвѣдь! ты—шогодаба! всюду хвастался ты силой, а какъ баба, какъ старуха, застоналъ, завылъ отъ боли!
---	--

like a miserable woman!

ibid.: Shingebis the diver, cared not, four great logs had he for fire- wood,	Шингебисъ его не слушалъ! въ очагъ его играло пламя яркое, и рыбу
---	---

one for each moon of the winter,
and for food the fishes served him;
by his blazing fire he sat there,
warm and merry, eating, laughing,
singing: „O, Kabibonokka,
you are but my fellow-mortal!“

ѣль онъ съ вѣсьями и смѣхомъ.

Это уже никакимъ образомъ не переводъ, а развѣ что сокращенный пересказъ. Или еще (немного ниже):

from Kabibonokka's forehead,
from his snow-besprinkle tresses,
drops of sweat fell fast and heavy,
making dints upon the ashes,
as along the eaves of lodges,
as from drooping boughs of hemlock,
drips the melting snow in Spring-time,
making hollows in the snowdrifts.

И съ чела Кабибонокки,
съ косъ его въ свѣгу холодною,
стали падать капли пота,
какъ весною каплетъ съ крыши,
илъ съ вѣтвей болмолова (?).

Также пересказъ, гдѣ пропало много деталей оригинала.

Рисунки на поляхъ книги иллюстрируютъ бытъ краснокожихъ, но къ тексту, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ никакого отношенія. Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ (болѣе удачныя въ болѣе дорогомъ изданіи) выполнены обыкновенной цинкографіей; нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, на стр. 16, 40) не достаточно отчетливы.

III. Холодныя.

*Новое воспитаніе и образованіе. Подъ редакціей *И. Горбунова-Посадова*. Выпускъ пятнадцатый. *Вильямъ Кембелъ*, преподаватель математики въ Бостонской латинской школѣ. Наглядная геометрія. Пособіе для обученія и самообученія. Съ введеніемъ *А. Филлипса*, профессора математики. Съ болѣе чѣмъ 300 рисунками и чертежами. Перевелъ съ англійскаго *Е. Поповъ*. М. 1908. Стр. 215. Цѣна 1 р. 10 коп.

Переводчику „хочется думать, что появленіе въ свѣтъ этой книги будетъ полезно какъ для родителей, которые поставлены въ необходимость выбора или оставлять своихъ дѣтей безъ образованія, или предоставить ихъ въспѣть мытарствамъ современно-схоластическаго обученія, такъ и для того все возрастающаго въ нашемъ русскомъ обществѣ слоя людей изъ народа, которые, не имѣя средствъ и возможности знакомиться съ науками обычнымъ путемъ прохожденія

черезъ учебныя заведенія, удовлетворяютъ свою потребность просвѣщенія путемъ чтенія и самообразованія“ (стр. 8). Итакъ, переводчикъ имѣлъ въ виду лишь родителей, которые смотрятъ на школу, какъ на мытарства, и тѣхъ лицъ, которые не имѣютъ возможности получить настоящее образованіе въ школѣ, т. е., во всякомъ случаѣ, не предназначалъ свой переводъ „къ употребленію въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ“, какъ о томъ просить издатель. Я согласился бы скорѣе съ переводчикомъ, хотя и боюсь, какъ бы книга, въ рукахъ родителей—не математиковъ, не стала источникомъ поистиги „современно-схоластическаго обученія“. Въ самомъ дѣлѣ, какой теоретическій или практическій смыслъ въ сложныхъ картонажныхъ работахъ по приготовленію, на примѣръ, моделей двойного кристалла *кальцита* (?), кристалловъ *шпинели* и *мѣди* (стр. 114—116)? Даже самъ авторъ сознается, что „число изготовляемыхъ моделей будетъ измѣняться въ теченіе курса сообразно съ классами и учениками, и самое выполненіе ихъ можетъ быть иногда предоставлено самимъ ученикамъ“, т. е. для домашней ихъ работы, а не въ „классной комнатѣ, на глазахъ учителя“ (стр. 13). Съ другой стороны, не представляетъ ли собою прямо средневѣковую схоластику большая часть содержанія главъ XIX и XX? На примѣръ, вопросы такого рода: „найти наибольшее число точекъ пересѣченія, которыя могутъ имѣть прямыя линіи, если ихъ раздѣлить различными способами на пары группъ такъ, чтобы линіи одной группы были параллельны, а линіи другой группы пересѣкались бы другъ съ другомъ въ наибольшемъ числѣ точекъ“ (стр. 128). Для 15 прямыхъ линій искомое „общее число точекъ пересѣченія будетъ такое: 14, 27, 39, 50, 60, 69, 77, 84, 90, 95, 99, 102, 104, 105. Что вы можете замѣтить относительно постепенныхъ разностей между этими числами?“ (стр. 129) спрашиваетъ составитель. А какъ назвать цѣлыя десятки безплодныхъ упражненій въ главахъ XXI, XXII? На примѣръ, 50 задачъ на проведеніе трехъ прямыхъ линій „такъ, чтобы образовать около трехъ точекъ“ разныя группы угловъ (стр. 135—136), или по 10 примѣровъ на рисованіе пятиугольниковъ и шестиугольниковъ съ различнымъ числомъ острыхъ, тупыхъ и прямыхъ угловъ (стр. 142). Кому и для чего это нужно? Наконецъ, неужели не схоластика—вычислять объемъ земнаго шара, при радіусѣ въ 7912 миль, посредствомъ умноженія куба діаметра на $\frac{11}{21}$ (стр. 188)?

Какіе же результаты получатся, если родители или самоучки станутъ безъ всякихъ пропусковъ „прорабатывать“ рекомендуемую имъ

американскую книжку, предполагая, что это—послѣднее слово науки? Къ сожалѣнію, новаго здѣсь развѣ одинъ картинка, напримѣръ, какого-то озера Шасвепъ въ Сѣверной Америкѣ (стр. 22), а на остальномъ смѣло можно поставить: „made in Germany“, да и то—лѣтъ 30—40 тому назадъ.

Переводчикъ начинаеть свое предисловіе съ заявленія, что ому „уже нѣсколько лѣтъ приходится заниматься съ дѣтьми математикой“. Вѣроятно, онъ получилъ математическое образованіе, а потому такіа выраженія, какъ „объемъ... равенъ площади *основанія*, *умноженнаю* на высоту“ (два раза на стр. 182 и одинъ разъ на стр. 183), слѣдуетъ отнести просто къ не очень внимательной корректурѣ. Этимъ же можно объяснить термины: „наружныа“ и „внутреннія“ числа (стр. 191), „вписывающій или описывающій кругъ“ (стр. 152), „косая высота“ конуса (стр. 99), „четверосторонникъ“ (стр. 33) и т. п. Сюда же относятся опредѣленія: „*всѣ тѣла, имѣющія три измѣренія, называются многогранники*“ (стр. 107); „*дополненіе до какою нибудь угла есть разница между этимъ угломъ и двумя прямыми углами; пополненіе угла есть разница между этимъ угломъ и прямымъ угломъ*“ (стр. 133); если *три или больше граней встрѣчаются въ одной точкѣ и заключаютъ, ограничиваютъ все пространство около этой точки* между этими гранями, то *они образуютъ то, что называется тѣлеснымъ угломъ*“ (стр. 70) и т. п. Испонятно, какъ это „вращать по линіи“ фигуру (стр. 76), „обернуть одну часть (параллелограмма) вокругъ себя“ (стр. 170), что такое „безчисленный кругъ треугольничковъ“ (стр. 177), какъ такъ „лимба укрѣплень на треугольничкѣ“ (треножничкѣ?), „тутъ же вдѣлана“ небольшая подзорная „трубка“, которая „вращается и около второго (вертикальнаго) лимба“ (стр. 204)? Въ послѣднихъ выраженіяхъ описывается угломѣрный инструментъ, имѣющій странное названіе „*транзитъ*“: терминъ скорѣе коммерческаго характера.

Изъ болѣе важныхъ опечатокъ отмѣчу еще слѣдующія:

На стр. 45 напечатано:	кубъ,	а надо читать:	квадратъ
" " 85	" (рис. 112)	" " "	(рис. 119)
" " 101	" <i>вершины</i>	" " "	<i>высоты</i>
" " 176	" <i>высоты</i>	" " "	<i>вершины</i>
" " 176	" <i>1 куб. дсц. = 1 метру = 1/30 к. ф.</i>	" " "	<i>1 куб. дсц. = 1/30 к. ф.</i>
" " 181	" <i>параллелограммъ</i>	" " "	<i>параллелепипедъ</i>
" " 201	" <i>471 кв. мм.</i>	" " "	<i>471 куб. мм.</i>
" " 207	" <i>надъ</i>	" " "	<i>подъ</i>

В. Соллертинский.

**Г. Г. Косоногов*, орд. профессоръ университета св. Владимира. Концентрический учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ рисунками и задачами въ текстѣ. Изданіе книжнаго магазина В. А. Просяпиченко. Кіевъ 1908 г. XVI+579 стр. Цѣна 2 р. 25 коп.

Съ чувствомъ большой радости привѣтствуемъ появленіе этого замѣчательнаго учебника, по своимъ выдающимся качествамъ далеко превосходящаго все у насъ существующіе. Имя автора, одного изъ лучшихъ представителей русской науки, говоритъ само за себя, и нѣтъ надобности указывать на наибѣе отсутствіе какихъ либо неточностей. Это, дѣйствительно, современный, строго научно построенный учебникъ. Ясность и послѣдовательность изложенія, превосходный выборъ матеріала, значительно отступающій отъ установившейся рутинны, многочисленные вопросы и задачи (425) характеризуютъ этотъ выдающійся учебникъ.

Учебникъ распадается на три части, соотвѣтственно тремъ годамъ изученія физики, и весь матеріалъ расположенъ въ трехъ концентрѣхъ, необходимость которыхъ превосходно мотивирована авторомъ въ его предисловіи. Не останавливаясь на этой мотивировкѣ, выпишемъ то мѣсто предисловія, въ которомъ авторъ опредѣляетъ содержаніе трехъ концентровъ:

„Въ матеріалъ перваго года я считалъ возможнымъ и необходимымъ внести общее описаніе физическихъ явленій, не стремясь къ ихъ механическому толкованію, такъ какъ считаю преждевременнымъ введеніе въ курсъ перваго года отвлеченныхъ механическихъ понятій, каковы скорость, ускореніе, сила, работа, энергія и т. п. Во второмъ концентрѣ изложены основы кинематики и динамики и разсмотрѣны тѣ явленія, при разборѣ которыхъ необходимы эти основы. Ко второму же отдѣлу отнесены, по своей относительной трудности, теорія стеколъ и оптическіе инструменты и математическая формулировка законовъ Ома и Кирхгофа, что составляетъ завершеніе описанія основныхъ свѣтовыхъ и электрическихъ процессовъ, даннаго въ первомъ концентрѣ. Третій концентръ содержитъ въ себѣ основы ученія о работѣ и энергіи и обобщенное толкованіе физическихъ процессовъ, связанное съ этими понятіями. Сюда же отнесено изученіе силового электрическаго и магнитнаго поля и явленія наведенныхъ токовъ“.

Дополнимъ эти слова нѣкоторыми указаніями.

Первый концентръ (стр. 1—143) содержитъ краткій курсъ физики, обнимающій почти все отдѣлы этой науки, въ такомъ порядкѣ: введеніе, теплота, оптика, акустика, электричество и магнетизмъ.

Второй концентр (стр. 144—395) содержитъ: ученіе о движеніи и о силахъ, жидкости и газы, нѣкоторыя статьи изъ оптики и акустики и статью о законахъ Ома и Кирхгофа.

Наконецъ, третій концентр (стр. 396—572) обнимаетъ слѣдующія главы: работа и энергія, работа въ тепловыхъ явленіяхъ, работа и энергія въ звуковыхъ и свѣтовыхъ явленіяхъ, основы физической оптики, работа въ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ, электромагнитная индукція. Кроме того, имѣются прибавленіе, содержащее: радиоактивность и электроны, краткія свѣдѣнія изъ химіи, физическія явленія, происходящія въ земной корѣ и въ атмосферѣ.

Статьи, не входящія въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, отмѣчены звѣздочками; онѣ могутъ быть пропущены безъ нарушенія цѣльности изложенія.

Весьма желательно, чтобы эта книга получила самое широкое распространеніе.

©. Хвельсонъ.

*Лезанъ. Развитие математической инициативы. Переводъ съ французскаго П. Демтасвой. 97 фигуръ въ текстѣ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва 1908 г. стр. III+151. Цѣна 60 коп.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ взглядъ, что при условіи умѣнья заинтересовать ребенка, можно ему сообщить въ періодъ отъ 4-хъ до 11-ти лѣтъ изъ области математики въ 20 разъ больше того, что ему дастся теперь.—Цѣль книги Лезана показать воспитателямъ, какимъ матеріаломъ, какими вопросами возможно возбудить интересъ къ математикѣ въ ребенкѣ. Изъ матеріала, не расположеннаго въ книгѣ въ строгой системѣ, авторъ предоставляетъ выборъ воспитателю по своему усмотрѣнію.

Начинается книга съ упражненій въ наглядномъ счетѣ, въ сложеніи и вычитаніи. Въ связи съ этими упражненіями авторъ указываетъ, какимъ образомъ дѣтямъ можетъ быть дано понятіе о сложеніи и вычитаніи прямолинейныхъ отрѣзковъ. Вычитаніемъ отрѣзковъ авторъ затѣмъ пользуется для выясненія отрицательныхъ чиселъ.

Разсмотрѣвъ затѣмъ умноженіе и дѣленіе цѣлыхъ чиселъ, а также простѣйшія дроби, авторъ переходитъ къ выясненію основныхъ геометрическихъ представленій.

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ рассматриваетъ въ заключеніи измѣреніе площади и даже демонстрируетъ наглядно теорему Пифагора.

Затѣмъ идутъ статьи о треугольныхъ и квадратныхъ числахъ, о

прогрессіяхъ, о процентахъ, о перестановкахъ, о графикахъ, объ эллипсахъ, параболѣ и гиперболѣ и о гармоническомъ дѣленіи.

Въ текстѣ находится не мало задачъ, изложенныхъ въ интересной формѣ.

Заканчивается книга заключительнымъ словомъ, обращеннымъ къ воспитателямъ. Въ немъ авторъ развиваетъ мысль, что первоначальное обученіе должно быть направлено къ развитію въ ребенкѣ инициативы. На послѣднихъ страницахъ авторъ выясняетъ значеніе математическаго воспитанія, которое по словамъ Эмиля Бореля „можетъ оказать наилучшее вліяніе на образованіе ума“.

Какъ видно изъ этого краткаго обзора содержанія книги Лэзана, въ ней собранъ громадный матеріалъ. Этотъ матеріалъ обработанъ авторомъ самымъ элементарнымъ, нагляднымъ способомъ. Форма изложенія интересна и отличается простотою и ясностью. Въ рукахъ воспитателя эта книга можетъ быть очень полезна.

Рекомендуя книгу Лэзана, считаю, однако, долгомъ указать, что авторъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе того способа обученія, который онъ предлагаетъ. Никто, конечно, не станетъ спорить съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что возбужденію интереса къ математикѣ должно повлечь за собою болѣе успѣшное обученіе этому предмету. Но если авторъ заявляетъ на стр. II: „въ 11 лѣтъ, обладая средними способностями, ребенокъ пойметъ и будетъ знать математику лучше девяти десятыхъ изъ нашихъ бакалавровъ“, то такое изреченіе, отзывающееся крайнимъ оптимизмомъ, не слѣдуетъ принимать въ буквальный смыслъ. Не думаю также, чтобы возможно было ученику въ промежуткѣ отъ 4-хъ до 11-ти лѣтъ сообщить все то, что изложено въ книгѣ.

Все мною сказанное относится къ оригиналу. Переводъ же книги Лэзана имѣетъ недостатки, которые считаю долгомъ указать.

Прежде всего обращаю вниманіе читателей на то, что переводчица нѣсколько сократила предисловіе автора и выпустила, между прочимъ, очень важное мѣсто, а именно: „Entre les mains de l'enfant, ce livre serait sans objet presque dangereux“.

Слова же автора „C'est à l'éducateur, qu'il est destiné, à l'éducateur seul, pour lui servir de guide“ переводчица передала такъ: „Эта книжка предназначена не для ребенка, а для воспитателя, которому должна служить руководствомъ“. Въ этомъ переводѣ важныя слова „à l'éducateur seul“ пропущены.

Указанные пропуски смягчаютъ высказанное авторомъ. Авторъ ста-

рается подчеркнуть, что его книга не предназначена для самих дѣтей и что ее не слѣдуетъ давать въ руки дѣтямъ въ промежуткѣ отъ 4-хъ до 11-ти лѣтъ. Изъ перевода этого, однако, не видно. Переводъ вообще далеко не безукоризненный. Мѣстами мысль автора передана неправильно, мѣстами употреблены непонятныя и неупотребительныя выраженія и есть, наконецъ, и такое мѣсто, въ которомъ пониманіе смысла затрудняется неправильной разстановкой знаковь пренипанія.

Примѣрами могутъ служить слѣдующія мѣста.

На страницѣ 41-ой читаемъ:

„Пробѣгая глазами таблицу умноженія, замѣчаемъ, что она содержитъ въ себѣ извѣстныя числа *до предѣла*, а не всѣ числа“.

Безъ оригинала трудно понять, о какомъ предѣлѣ тутъ говорится.

Въ оригиналѣ читаемъ: „En parcourant des yeux une table de multiplication, on s'aperçoit qu'elle renferme certains nombres jusqu'à la limite qu'elle comporte, mais non pas tous ces nombres“.

Повидимому, переводчица не поняла автора.

На стр. 42-ой читаемъ: „листъ натуральныхъ чиселъ“. Тутъ переводчица наивно перевела французское „la liste“ русскимъ „листъ“.

На страницѣ 47-ой слова автора „17 gâteaux tous pareils“ переданы словами „17 совершенно равныхъ между собою пироговъ“. Слѣдовало сказать „одинаковыхъ“.

На стр. 62-ой переводчица говоритъ, что обыкновенное доказательство теоремы Пифагора слишкомъ натянуто и трудно для усвоенія. Это, однако, не то, что говоритъ авторъ. Въ оригиналѣ мы читаемъ: „la démonstration classique qu'on en donne d'habitude est peu naturelle et difficile à retenir“.

На стр. 100-ой переводчица говоритъ: „Если разсматривать 2 какихъ-нибудь круга $0,0'$, то замѣчаемъ, что отношеніе окружности равно отношенію діаметровъ“.

Авторъ говоритъ, конечно, не то. Въ оригиналѣ читаемъ: „Si on considère deux cercles quelconques $0,0'$, le rapport des circonférences est égal au rapport des diamètres“.

Слово „замѣчаемъ“ весьма некстати выбрано переводчицей.

На страницѣ 101-ой въ переводѣ читаемъ: „Имѣя непосредственное представленіе о длинѣ окружности круга, мы можемъ уже повѣтъ также, что часть плоскости, заключенная внутри окружности, имѣетъ извѣстное протяженіе, площадь, которая можетъ быть измѣрена“.

Выходитъ, что для нагляднаго представленія о площади круга, нужно сначала имѣть представленіе о длинѣ окружности. Авторъ этого не говоритъ. У него мы читаемъ: „De même que nous avons l'intuition de la longueur de circonférence du cercle, de même aussi nous sentons que la portion du plan comprise à l'intérieur etc.“.

Въ заключеніе приведу еще одно мѣсто перевода, въ которомъ слова автора переданы совершенно невѣрно. Это мѣсто отличается также своеобразнымъ способомъ разстановки знаковъ препинанія. На стр. 15-ой читаемъ: „Можно было бы продолжать насколько угодно и дальше, но число одного миллиарда, до котораго мы добрались, слишкомъ велико, рѣдко, сравнительно примѣняется конкретно“.

У автора: „On pourrait continuer comme cela tant qu'on voudrait, mais le nombre d'un milliard, auquel nous sommes arrivé, est assez grand pour suffire aux usages ordinaires“.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, интересная книжечка Лозана издана въ русскомъ переводѣ въ мало удовлетворительномъ видѣ. Думаю, что оригиналь можно было бы рекомендовать родителямъ, такъ какъ изъ чтенія его они могутъ вынести не мало полезнаго. Что же касается до перевода, то при пользованіи имъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ.

И. Фохтъ.

*Н. Соколовъ. Директоръ Ярославскаго реальнаго училища. Элементарная физика. Курсъ женскихъ гимназій. Со многими систематически расположенными вопросами и задачами (болѣе 750 задачъ). Москва, 1907. — 416 + VIII стр. Цѣна 1 руб. 30 коп.

Целью сказать, чтобы новый учебникъ отличался какими либо особо выдающимися свойствами. Онъ составленъ довольно рутинно, какъ относительно выбора, такъ и относительно распредѣленія матеріала. Но это относится не ко всѣмъ главамъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно весьма похвальное, хотя, къ сожалѣнію, и не всегда удачное, стремленіе автора выйти изъ обычной колесни, провести болѣе современные взгляды на тѣ или другія явленія, и познакомить учащихся съ новыми фактами или теоріями. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ учебника слѣдуетъ отнести ясность и послѣдовательность изложенія, наличие обширныхъ частей, не вызывающихъ никакихъ замѣчаній, весьма большое число рисунковъ (461) и многочисленные вопросы и задачи. Жаль только, что авторъ не даетъ отвѣтовъ на задачи, вследствие чего учащіеся не могутъ узнать, вѣрно ли ими рѣшена задача.

Существенный недостатокъ учебника заключается въ полномъ отсутствіи даже намека на ученіе объ энергіи, которое, въ настоящее время, должно быть изложено даже въ самомъ элементарномъ учебникѣ. Физика безъ ученія объ энергіи не есть физика, какъ наука; это наборъ фактовъ, лишенныхъ внутренней связи.

Наиболѣе серьезный недостатокъ новаго учебника заключается, однако, въ наличности немалого числа крупныхъ, чисто научныхъ ошибокъ и довольно большого числа болѣе мелкихъ ошибокъ, неточностей и промаховъ разнаго рода.

Мелкія оиибки и промахи неизбежны и ихъ несомнѣнно можно найти во всякомъ учебникѣ. Но чисто *научныя ошибки*, т. е. утвержденіе завѣдомо невѣрнаго, недопустимо въ учебникѣ, въ которомъ вѣдь, вообще долженъ содержаться лишь такой матеріалъ, который мы можемъ считать твердо установленнымъ.

Укажемъ, прежде всего, на встрѣчающіяся въ учебникѣ безспорныя, *чисто научныя* ошибки.

На стр. 6 читаемъ: „Въ концѣ концовъ, дробя (?) вещество всякаго физическаго тѣла, мы должны (?) получить столь мелкія частицы вещества, что дальше дробить ихъ уже невозможно (?). Такія частицы называются *атомами*. Если физическое тѣло и т. д..., то атомъ такого тѣла имѣетъ сложный видъ и называется *молекулой*... эти три газовые атома... дадутъ совершенно непохожій на нихъ жидкій атомъ воды“.

Все это невѣрно. Частицы сложныхъ тѣлъ никогда не называются атомами. Кромѣ того непонятно, какой смыслъ имѣютъ слова „должны“, „невозможно“ и „дробя“. Читатель навѣрно подумаетъ, что рѣчь идетъ о механическомъ дробленіи.

Стр. 15. „Передача дѣйствія силы совершается съ того мѣста тѣла, куда приложена сила, постепенно, отъ частицы къ частицѣ, распространяясь по всему тѣлу. Для такой передачи необходимо время, и тѣмъ болѣе времени, чѣмъ болѣе частицъ, т. е. вещества тѣла“. Это вѣрно; слѣдовало только прибавить, что передача происходитъ съ огромною быстротою. Но затѣмъ авторъ приводитъ такой примѣръ: „Поэтому, напр., нагруженную телѣгу сдвинуть извѣстною силою съ мѣста труднѣе (?), чѣмъ тою же самою силою сдвинуть телѣгу пустую“. Это очень серьезная ошибка, ибо авторъ смѣшалъ два совершенно различныхъ явленія: скорость передачи дѣйствія и вызванное силою ускореніе. Кромѣ того непонятно слово „труднѣе“, когда сила остается прежняя.

Стр. 115. Старая ошибка! Авторъ полагаетъ, что частицы, лежащія въ поверхностномъ слое жидкости, скатываются по этой поверхности, если она не горизонтальна. Вѣдь частицы лежатъ не на, а подъ поверхностью. Куда же имъ скатываться? Въ дѣйствительности однѣ частицы опускаются внизъ, другія поднимаются вверхъ.

Стр. 181. Авторъ утверждаетъ, что мы видимъ солнце лишь 8 минутъ послѣ его восхода, какъ будто оно, взойдя надъ горизонтомъ, только начинаетъ испускать лучи! Авторъ забылъ, что пространство наполнено лучами, и мы видимъ солнце, какъ только попадаемъ въ область его лучей.

Стр. 224. Все, что говоритъ авторъ о смѣшеніи красокъ и лучей, невѣрно. Онъ спуталъ смѣшеніе красящихъ веществъ и смѣшеніе лучей. Указавъ, что быстро вращающійся кружокъ Пьютона кажется почти бѣлымъ, онъ продолжаетъ: „Точно также, смѣшивая въ различныхъ пропорціяхъ разные цвѣтные порошки, или жидкіе растворы красокъ, можно получить почти обезцвѣченную смѣсь“. Невѣрно и все дальнѣйшее, на примѣръ, что желтый и синій цвѣта даютъ цвѣтъ зеленый. Если рѣчь идетъ о лучахъ, то получается не зеленый цвѣтъ, но бѣлый.

Стр. 228. Авторъ утверждаетъ, что инфракрасные лучи можно увидѣть, если смотрѣть черезъ кобальтовое стекло, а ультрафіолетовые, если ихъ принять на бумагу, окрашенную имбирною краскою. Все это невѣрно и, очевидно, основано на какомъ то недоразумѣніи.

Стр. 257. Авторъ пишетъ, что теплоемкости жидкостей, а также теплоемкости газовъ больше теплоемкости твердыхъ тѣлъ. Это невѣрно! Теплоемкость литія 0,94, бериллія 0,4, бора 0,3, льда 0,5, углерода при высокихъ температурахъ 0,46, Na OH—0,8, Na F—0,27, $(NH_4)_2SO_4$ —0,35, Pb_2P_2O —0,82 и т. д.

Стр. 274. Авторъ утверждаетъ, что углекислый газъ дѣлается жидкимъ, если его охладить до—78°. Это невѣрно! Жидкій углекислый газъ можетъ существовать только при давленіи, которое больше 5-ти атмосферъ. Охлаждая газъ при атмосферномъ давленіи, мы получаемъ при—79,2° *твердое* вещество. Известно, что твердое CO_2 на воздухѣ медленно испаряется, *не плавясь*. Жидкую углекислоту можно получить при всякой температурѣ ниже+32°, если производить соответственное давленіе, которое не можетъ быть меньше 5-ти атмосферъ, ибо таково давленіе твердой углекислоты въ тройной точкѣ.

Стр. 286 и 298. Повторена старая ошибка, что воздухъ дѣлается легче, когда къ нему примѣшаны водяные пары, и этимъ объяснены

нѣкоторые случаи измѣненія барометрическаго давленія. Неужели эта странная ошибка будетъ вѣчно повторяться? Конечно влажный воздухъ легче сухого, если тотъ и другой брать при *одинаковомъ* давленіи. Если же къ сухому воздуху, не мѣняя его объема, прибавить еще водяные пары, то онъ сдѣлается плотнѣе и его давленіе увеличится. Мысль, что отъ прибавки водяныхъ паровъ сухой воздухъ дѣлается легче и *потому* слабѣе давить, совершенно неправильна.

Стр. 315. Авторъ опредѣляетъ кислоты, какъ соединенія окисловъ металлоидовъ съ водою!

Стр. 315 и 327. Авторъ проводитъ несуществующее и непонятное различіе между элементомъ и простымъ тѣломъ:

Стр. 346. Авторъ утверждаетъ, что электричество уйдетъ съ поверхности непроводника, если приложить послѣдній „наэлектризованнымъ концомъ къ полу или къ землѣ“. Это невѣрно. Разницу между проводниками и непроводниками невозможно выяснить, имѣя передъ собою наэлектризованный непроводникъ.

Стр. 362. Авторъ неправильно указываетъ на обращеніе паровъ въ воду, какъ на источникъ электризации.

Переходимъ къ менѣе серьезнымъ ошибкамъ, которыхъ, къ сожалѣнію, очень много.

На стр. VIII читаемъ въ перечнѣ опечатокъ, что принятый нынѣ метръ короче истиннаго. Это не такъ! Принятый метръ и есть истинный метръ, ибо мысль о связи между единицею длины и размѣрами земнаго шара уже давно и окончательно оставлена. Квадрантъ меридіана равенъ 10.001.867,7 истинныхъ метровъ.

Стр. 7. При опредѣленіи грамма не сказано, что вода должна находиться при 4°, а потому подстрочное замѣчаніе на стр. 9 остается непонятнымъ.

Стр. 8. Говорится о широтѣ 45°, но не указано „на уровнѣ моря“ (опредѣленіе вѣса граммъ).

Стр. 9 и 10. Опытъ, доказывающій взаимное притяженіе тѣлъ, описанъ весьма неудовлетворительно. Невѣрно, что большіе шары должны быть соединены между собою.

Стр. 10. Авторъ говоритъ о взаимномъ тяготѣніи тѣлъ, приводитъ, какъ первый примѣръ, отклоненіе маятника подъ вліяніемъ горы, а какъ второй—приставаніе жидкости къ наружной поверхности сосуда при медленномъ ея выливаніи. Читатель подумаетъ, что причина, въ этихъ двухъ случаяхъ, одна и та же!

Стр. 96. Авторъ утверждаетъ, что если на твердое тѣло произво-

дять давленіе сверху внизъ, то на боковой поверхности не обнаружится и слѣда этого давленія. Это невѣрно, ибо всякое давленіе вызываетъ боковое выпучиваніе, а слѣдовательно и давленіе на преграду, которая мѣшаетъ выпучиванію. Это давленіе q равно σr : ($1-\sigma$), гдѣ r дѣйствующее давленіе, а σ коэффициентъ Пуассона. Благодаря силѣ q , сжимаемость слоя гораздо меньше сжимаемости призмы, или цилиндра. Для жидкостей $\sigma=0,5$ и потому $q=r$ (законъ Паскаля).

Стр. 124. Разсматривая истеченіе жидкости изъ отверстія во днѣ сосуда, авторъ утверждаетъ, что жидкость вытекаетъ слоями: „послѣ того, какъ вытечетъ весь нижній слой, за нимъ слѣдуетъ второй и т. д.“ Это невѣрно.

Стр. 129. „Съ поднятіемъ вверхъ, вслѣдствіе уменьшенія силы земного притяженія и вслѣдствіе стремленія воздуха разлетѣться, атмосфера становится все рѣже и рѣже“. Однако, то же самое явленіе наблюдалось бы и въ томъ случаѣ, если бы земное притяженіе не мѣнялось съ высотой, и если бы атмосфера состояла изъ свинца!

Стр. 137. Авторъ утверждаетъ, что до высоты 1 версты давленіе воздуха уменьшается на 1 мм. ртутнаго столба на каждыя 5 сажень подъема (странное сочетаніе русскихъ и метрическихъ мѣръ!). Затѣмъ „это уменьшеніе пойдетъ уже неправильно вслѣдствіе неравномѣрнаго измѣненія плотности воздуха“. Все это, очевидно, невѣрно.

Стр. 242. „Съ поднятіемъ кверху температура воздуха понижается и на высотѣ предѣловъ (?) атмосферы доходитъ до—40°R, во всякое время года и во всякомъ мѣстѣ земли“. Это совсѣмъ не такъ: температура сперва понижается, а потомъ вновь повышается—это знаменитая, недавно открытая инверсія температуры. О „высотѣ предѣловъ“ атмосферы, вообще, не можетъ быть и рѣчи.

Стр. 242. „Температура крови нашего тѣла колеблется около 37°C; у дѣтей она бываетъ немного выше (около 38°)“. Температура въ 38° у дѣтей несомнѣнно выше нормальной и никакъ не можетъ считаться средней.

Стр. 245. Авторъ обозначаетъ черезъ k коэффициентъ линейнаго расширенія и показываетъ, что коэффициентъ объемаго расширенія равенъ $3k$. Далѣе онъ говоритъ о коэффициентѣ расширенія жидкостей и приводитъ числа для k , не указывая, что рѣчь идетъ объ объемномъ расширеніи, т. е. о величинахъ, которыя онъ только что обозначилъ черезъ $3k$.

Стр. 270 и 271. „Если парообразованіе происходитъ при повышенной температурѣ и быстро, то оно называется кипѣніемъ,—если же

медленно и при невысокой температурѣ, то испареніемъ“. Совершенно невѣрное опредѣленіе!

Стр. 271. Про видимый паръ сказано: „Здѣсь пары уже частью сгущены и близки къ обратному превращенію въ воду“. Это непонятно! Что значить „близки“? На той же страницѣ сказано, что ледъ и снѣгъ испаряются въ особенности при сухомъ и холодномъ вѣтрѣ. Не можетъ быть, чтобы низкая температура воздуха могла способствовать испаренію.

Стр. 319. Авторъ причисляетъ бактеріи къ животнымъ.

Стр. 324. Аргонъ составляетъ не 2%, но нѣсколько менѣе 1% (по объему) атмосферы.

Авторъ не вездѣ выражается правильно и точно. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

На стр. 45 читасмъ, что скоростью равномернаго движенія называется то пространство и т. д.

Стр. 183. „Если мы ударимъ мячъ вертикально, то онъ отскочитъ обратно также въ вертикальномъ направленіи“. Въмѣсто „вертикально“, очевидно, должно быть „нормально“, ибо авторъ не говоритъ, что отражающая поверхность горизонтальна.

Стр. 197. Авторъ говоритъ, что лучъ, проходя черезъ плоскопараллельную пластинку, „какъ бы понижается“. Въ дѣйствительности онъ уклоняется въ сторону, въ зависимости отъ положенія пластинки.

На стр. 201, говоря о прохожденіи лучей черезъ середину чечевицы, онъ вновь повторяетъ, что лучи испытываютъ „только нѣкоторое повышеніе или пониженіе“, что уже совершенно невѣрно.

На стр. 232 говорится о раскаленныхъ газахъ и парахъ, между тѣмъ какъ слѣдовало говорить о свѣтящихся газахъ и парахъ.

Стр. 340. „Если магнитную полосу разрѣзать пополамъ по безразличной линіи, то получится два самостоятельныхъ магнита“. Въ подстрочномъ примѣчаніи добылено: „Можно разрѣзать и не точно по безразличной линіи“. Въ дѣйствительности можно разрѣзать магнитъ въ какомъ угодно мѣстѣ и на какое угодно число частей.

Стр. 341. Говоря о стрѣлкѣ наклоненія, авторъ не указываетъ, что ось вращенія должна быть расположена перпендикулярно къ магнитному меридіану.

Стр. 355. Объясняя дѣйствіе простой электрической машины, авторъ ничего не говоритъ объ уничтоженіи заряда стекла разноименнымъ зарядомъ, вытекающимъ изъ остриевъ.

Стр. 383. Омъ опредѣленъ какъ сопротивленіе мѣдной проволоки

въ 50 м. длины и 1 мм. діаметра. Но вѣдь мѣды бываетъ весьма различныхъ сортовъ! Почему не дано правильнаго опредѣленія?

Въ учебникѣ г. Соколова встрѣчается не малое число мѣстъ, которыя можно назвать курьезными. Приведемъ примѣры.

Стр. 124. Рѣчь идетъ о теченіи жидкости черезъ трубку, которая, неизвѣстно почему, принята горизонтальной. Авторъ пишетъ: „При этомъ наблюдается слѣдующее замѣчательное обстоятельство: какой бы формы ни была трубка, какъ бы она ни сжималась (?) и ни расширялась, черезъ каждое мѣсто трубки въ единицу времени будетъ протекать одно и то же количество жидкости“. Что же тутъ замѣчательнаго?

Стр. 223. „Спектры могутъ получаться и отъ другихъ источниковъ свѣта, на примѣръ, свѣчи, лампы, раскаленнаго до-бѣла желѣза и вообще такихъ источниковъ, свѣтъ которыхъ или бѣлый, или близокъ къ бѣлому“. Всѣ тѣла природы непрерывно испускаютъ лучистую энергію и имѣютъ свои спектры, цѣлкомъ расположенные въ инфракрасной части, когда тѣла не испускаютъ видимыхъ лучей, не говоря уже о разноцвѣтныхъ источникахъ, дающихъ видимые спектры.

Стр. 316. Сказано, что $\frac{1}{3}$ земной коры состоитъ изъ кислорода и что, кромѣ того, кислородъ находится въ животныхъ, въ растеніяхъ, въ минералахъ и др. Но гдѣ же минералы находятся, какъ не въ земной корѣ, и что значить „и др.“? Земная кора, воздухъ, вода (они раньше упомянуты), фауна и флора исчерпываютъ собою все на землѣ существующее.

Стр. 328. Въ статьѣ объ *органическихъ* соединеніяхъ приведенъ каменный уголь. Здѣсь же читаемъ: „Кромѣ углерода, кислорода и водорода въ органическихъ соединеніяхъ участвуютъ иногда еще азотъ, сѣра, фосфоръ, желѣзо и др.“. Врядъ ли можно азотъ поставить въ одинъ рядъ съ сѣрой и фосфоромъ и непонятно, почему упомянуто именно желѣзо.

Стр. 344. Авторъ говоритъ, что магнитное вліяніе земнаго шара на магнитную стрѣлку мѣняется при землетрясеніяхъ и при вулканическихъ изверженіяхъ. Врядъ ли мы здѣсь имѣемъ дѣло съ магнитными вліяніями.

На той же страницѣ читаемъ, что „колебанія магнитной стрѣлки и уклоненіе ея отъ обычнаго (?) положенія въ извѣстномъ мѣстѣ могутъ также указывать на присутствіе въ земной корѣ этого мѣста желѣзной руды“. Какимъ образомъ руда можетъ вызвать колебанія стрѣлки, и что значить „обычное“ положеніе?

Обращаемся къ указаніямъ нѣкоторыхъ мѣстъ учебника, въ которыхъ способъ изложенія нельзя признать удовлетворительнымъ.

На стр. 2, т. е. въ самомъ началѣ учебника, читаемъ: „Можно думать (!), что всѣ тѣла природы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ являться въ каждомъ изъ трехъ указанныхъ состояній вещества“. Какъ долженъ учащійся понимать таинственныя слова „можно думать“? И что значить „всѣ тѣла природы“? Относится ли дерево къ тѣламъ природы? На стр. 266 самъ авторъ указываетъ, что не всякое твердое тѣло можетъ плавиться. На стр. 10, безъ всякаго объясненія, упомянуть предѣлъ упругости.

Стр. 21. „Если сила p дѣйствуетъ на тѣло одна, то при извѣстныхъ условіяхъ она можетъ передвинуть это тѣло въ направленіи своего дѣйствія“ и т. д. Какъ учащійся долженъ понимать слова „при извѣстныхъ условіяхъ“?

Стр. 48. Желая вывести формулу для пройденнаго пути при равноускоренномъ движеніи, авторъ пишетъ: „Предположимъ для простоты, что движеніе все время совершалось равномерно со среднею скоростью“ и т. д. Желая вывести формулу, нельзя дѣлать предположеній „для простоты“! Здѣсь идетъ рѣчь о замѣнѣ одного движенія другимъ, и слѣдуетъ указать, что, при такой замѣнѣ, пройденный путь остается безъ измѣненія.

Стр. 175. „Когда отверстіе (черезъ которое проходитъ свѣтъ) будетъ сдѣлано настолько малымъ, насколько то возможно, пучекъ обратится въ тончайшую прямую линію, которая называется лучомъ“. Такое опредѣленіе понятія о лучѣ совершенно недопустимо. Лучи суть геометрическія линіи, вдоль которыхъ распространяется свѣтъ.

Стр. 239. При описаніи способа изготовленія ртутнаго термометра не сказано, что слѣдуетъ чередовать нагрѣваніе и охлажденіе. Безъ этого нельзя понять, какимъ образомъ воздухъ выходитъ, а ртуть (одновременно?) вгоняется въ приборъ.

Стр. 271. Говорится о пространствѣ, насыщенномъ парами, безъ объясненія этого термина, которое дано лишь на стр. 277.

Стр. 368—369. Весьма неудачное описаніе возникновенія тока! Невѣрно, что металлъ и жидкость принимаютъ одинаковыя по величинѣ потенціалы. Въ крайнемъ случаѣ можно сказать, что заряды одинаковыя, если всѣ части были тщательно изолированы; но, вообще говоря, и это не вѣрно. Авторъ говоритъ, что жидкость слѣдуетъ отвести въ землю; какъ же это сдѣлать, не вводя новыхъ электро-

движущихъ силъ? Хуже всего, однако, что авторъ говоритъ о соединеніи двухъ электричествъ въ цѣпи. Въ какомъ же мѣстѣ происходитъ это соединеніе?

Стр. 412. Вопросъ о существованіи положительныхъ электроновъ нельзя считать выясненнымъ.

Нѣчто чрезвычайно странное, но и любопытное, представляетъ все то, что авторъ говоритъ о тепловыхъ дѣйствіяхъ лучистой энергіи (стр. 228, 252, 253, 254 и 293). Извѣстно, что до сихъ поръ въ учебникахъ съ поразительною настойчивостью говорилось о какихъ-то особыхъ тепловыхъ лучахъ, о теплопрозрачности и т. д. Г. Соколовъ понялъ, что такъ излагать нельзя, что пора, наконецъ, разсматривать относящіяся сюда явленія строго научно, т. е. такъ, какъ они въ дѣйствительности происходятъ. Но старыя мысли, повидимому, такъ глубоко засѣли, что воплѣвъ отъ нихъ отрѣшиться оказалось невозможнымъ; онѣ какъ-то сами собою вновь всплываютъ на поверхность, такъ что получается страшная смѣсь новаго со старымъ, т. е. вѣрнаго съ невѣрнымъ. Автору не удалось справиться со своею, въ сущности весьма легкою задачею, строго и послѣдовательно провести правильное описаніе явленій. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ высокой степени *est laudanda voluntas*, хотя и оказалось, что *vires desunt!*

Уже на стр. 228 читаемъ, что инфракрасные лучи имѣютъ „передъ другими лучами спектра преимущественную нагрѣвательную способность“. Та же мысль повторяется многократно: на стр. 253 говорится о лучистой энергіи, возбуждающей теплоту, на стр. 254 о лучахъ, возбуждающихъ теплоту. Въ дѣйствительности, всѣ лучи, отъ крайнихъ инфракрасныхъ до крайнихъ ультрафіолетовыхъ *совершенно одинаково* вызываютъ нагрѣваніе тѣла, которымъ они были поглощены, при чемъ величина нагрѣванія пропорціональна интенсивности, или, точнѣе, энергіи потока. Авторъ оставилъ невѣрную мысль о существованіи особыхъ тепловыхъ лучей, но, къ сожалѣнію, замѣнилъ ее также невѣрною мыслью о лучахъ, обладающихъ какою-то преимущественною способностью переходить въ теплоту. До какой степени авторъ не сумѣлъ строго держаться правильныхъ взглядовъ, видно изъ того, что онъ много разъ (стр. 252, 253, 254 и 293) все-таки пользуется терминомъ „тепловые лучи“. На тѣхъ же страницахъ 252—254 встрѣчаются еще такія фразы: „Свѣтъ отъ солнца, падая на землю, какъ бы (!) превращается въ теплоту“. Что значитъ „какъ бы“?

„Пламя керосиновой лампы испускаетъ больше лучей, возбуждаю-

щихъ теплоту, чѣмъ электрическая лампочка". Всѣ лучи обонкъ этихъ источниковъ одинаково возбуждаютъ теплоту.

„Тѣла шероховатая, или темнаго цвѣта, распространяютъ лученспусканіемъ теплоты больше, чѣмъ тѣла полированные или бѣлыя“ (стр. 252). Помимо страннаго выраженія „распространять теплоту“, и самый фактъ невѣренъ. Лученспусканіе сажи и бумаги одно и то же для тѣхъ лучей, съ которыми мы имѣемъ дѣло при температурахъ ниже 1000°. Та же ошибка повторена на стр. 253 и 254. Статья 185-ая (стр. 253) озаглавлена „Тепловое поглощеніе лучистой энергіи“. Не понятно!

На стр. 254 говорится даже о какой-то „температурѣ падающихъ лучей“.

На стр. 255 читаемъ: „какъ по отношенію къ свѣтовому *дѣйствию* лучей, такъ и по отношенію къ тепловому *дѣйствию*, тѣла могутъ быть: прозрачными, непрозрачными и полупрозрачными“. Прозрачность тѣлъ относится не къ дѣйствию, но исключительно только къ *роду* лучей.

Изъ приведеннаго видно, что у автора, несмотря на его добрыя желанія, получился полнѣйшій хаосъ.

А дѣло вѣдь такое простое! Слѣдуетъ сказать, что всѣ лучи, будучи поглощены, напримѣръ чернымъ тѣломъ, производятъ нагрѣваніе *пропорціональное ихъ интенсивности*. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣть земные источники и сказать, что для несвѣтящихся тѣлъ вся лучистая энергія инфракрасная. При красномъ каленіи видимая энергія ничтожно мала; для пламени масла или газа она составляетъ только 3%, для раскаленной до бѣла платины 5% и даже для вольтовой дуги только 10% всей энергіи. Максимумъ напряженности находится, для всѣхъ земныхъ источниковъ, далеко въ инфракрасной части. Чѣмъ выше температура, тѣмъ болѣе максимумъ перемѣщается по направленію къ лучамъ болѣе преломляемости. Для солнца (около 7.000°) максимумъ находится уже въ желтой части спектра.

Тогда все будетъ просто и понятно! Уже не представится противорѣчія въ томъ, что черное и бѣлое одинаково поглощаютъ и испускаютъ лучи въ опытѣ Ричи (съ горячей водой), а лѣтомъ носятъ бѣлыя платья. Когда выяснено, почему мы, при изученіи тепловыхъ дѣйствій лучей отъ земныхъ источниковъ, имѣемъ дѣло почти исключительно съ лучами инфракрасными, а видимыми пренебречь можемъ, тогда—преспокойно можно инфракрасные лучи назвать тепловыми.

Мы указали на недостатки статьи объ испусканіи и поглощеніи

лучей. Весьма плохо и то, что авторъ совсѣмъ не рассматриваетъ закона Кирхгофа!

Въ учебникѣ г. Соколова встрѣчаются мѣстами неудачныя выраженія; приведемъ примѣры.

Стр. 20. „ $Ar=5$ указываетъ величину напряженія дѣйствія силы“.

Стр. 95. „Во Флоренціи ученые производили слѣдующій замѣчательный опытъ“. Тутъ важенъ не городъ, а время производства опыта.

Стр. 116. „Самый верхній слой жидкости“, вмѣсто поверхностный слой, который можетъ находиться и сбоку и снизу.

Стр. 151. Заглавіе статьи: „Мелкіе воздушные приборы“.

Опечатки не всѣ оговорены. На стр. 30 напечатано:

$$OB : OB + AB = p' : p' + r$$

вмѣсто

$$OB : (OB + AB) = p' : (p' + r).$$

Стр. 256 (строка 1 сл.). Напечатано 1 kg. вмѣсто 1 g.

Стр. 331 (строка 6 сл.). Напечатано „растворивъ“, вмѣсто „растоплавивъ“.

Неудовлетворительными оказываются слѣдующіе рисунки: рис. 7 (непонятно, въ какой плоскости расположены шары), рис. 19 (сила r не видна), рис. 70 (сила q есть давленіе сахара на нижнюю половину щипцовъ), рис. 212 (откуда зигзаги, видные въ лупу?), рис. 218 (треугольники, круги и квадраты не должны быть расположены рядомъ), рис. 221 (что изображаетъ лѣвая нижняя часть?), рис. 244, рис. 298 (фантастиченъ! что за сѣрая полсеа около d ?), рис. 278 (въ двухъ трубкахъ справа ртуть должна стоять на одной высотѣ). На рис. 338 изображенъ гигрометръ Реньо, которымъ нынѣ не пользуются.

Несмотря на всѣ указанные недостатки, слѣдуетъ сказать, что учебникъ г. Соколова принадлежитъ къ „подающимъ надежды“. Если авторъ еще усердно поработаетъ надъ своимъ учебникомъ, онъ, но всей вѣроятности, достигнетъ хорошихъ результатовъ.

Ф. Жюльсонъ.

*В. Александровъ. Основанія анализа безконечно малыхъ въ связи съ дополнительными статьями алгебры. Часть I. Алгебра. М. 1908. Стр. IV + 111. Цѣна 75 к.

Уже въ первомъ абзацѣ авторъ *доказываетъ*, что корень четной степени изъ отрицательнаго числа называется мнимой величиной. Дальше узнаемъ, что Коши „еще, какъ будто, сомнѣвался въ формальной реальности“ мнимой величины (почему, вѣроятно, и создалъ тео-

рію функцій мнимаго переменнаго). На стр. 2 узнаемъ, что мнимая величина вводится „въ разрядъ другихъ величинъ въ математикѣ, какъ формально-реальная величина“ (?). На стр. 3 *доказывается*, что для обращенія въ нуль комплексной величины $a + bi$, необходимо, чтобы было $a = 0$ и $b = 0$. На стр. 5 *доказывается* опредѣленіе равенства двухъ комплексныхъ чиселъ. На той же стр. узнаемъ, что только произведеніе мнимыхъ сопряженныхъ чиселъ даетъ вещественную величину. При извлеченіи корня изъ комплексныхъ чиселъ ничего не говорится о разныхъ значеніяхъ корня, но зато на стр. 64 дается безъ всякихъ объясненій общая формула для корня двучленнаго уравненія $y^2 \pm 1 = 0$, которую авторъ предлагаетъ ученику провѣрить. На стр. 11 безъ малѣйшихъ объясненій авторъ пишетъ: „Перѣдко комплексную величину выражаютъ черезъ тригонометрическія функціи, полагая

$$a + bi = r (\cos \theta + i \sin \theta)'' \text{ и т. д.}$$

Великолѣпною первый абзацъ стр. 14. „Переменною величиною называется такая величина, которая измѣняетъ свое значеніе *во время разсужденія о ней*, напримѣръ (?), хорда въ данномъ кругѣ“. А если, напримѣръ, требуется опредѣлить, у какого изъ треугольниковъ, имѣющихъ вершину на окружности и основаніемъ данную хорду, будетъ наибольшая площадь?

Стр. 22. Въ теоремѣ о предѣлѣ частнаго пропущено условіе, что предѣлъ дѣлителя долженъ быть отличнымъ отъ нуля.

На стр. 27 мы съ удивленіемъ прочитали, что „еще Архимедъ предложилъ конечныя переменныя величины, *предѣлы которыхъ ищется*, разсматривать, какъ суммы безконечно малыхъ слагаемыхъ“ и т. д.

На стр. 33 извѣстная грубѣйшая ошибка: замѣна предѣла суммы суммою предѣловъ, хотя число слагаемыхъ безпредѣльно растетъ.

Стр. 39. „Если разность между несоизмѣримымъ и соизмѣримымъ числомъ меньше $\frac{1}{4}$ “ и т. д., а что такое эта разность—не опредѣлено.

Доказательство существованія логариома на стр. 83—есть чистая иллюзія: авторъ предполагаетъ то самое, что нужно доказать.

На стр. 86 не только говорится, что Неперъ принялъ число e за основаніе своихъ логариомовъ, но и объясняется, почему онъ это сдѣлалъ, между тѣмъ, какъ онъ и не думалъ принимать e за основаніе.

Б. Коляловичъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію за августъ и сентябрь мѣсяцы 1908 года.

— *Гагеманъ, О.* Физиология домашнихъ животныхъ. Руководство для слушателей сельскохозяйственныхъ и ветеринарныхъ институтовъ, ветеринарныхъ врачей, животноводовъ и для сельскихъ хозяевъ. Съ 70 рисунками въ текстѣ. Переводъ П. Г. Статкевича. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1908. X+493 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп.

— Сивирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ редакціей И. С. Мельника. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1908. VIII+291 стр. Цѣна 2 руб.

— *Коловъ, К.* Русскіе писатели послѣ Гоголя въ отзывахъ критики. Опытъ библиографическаго справочника. Изданіе 1-е. Тифлисъ 1908. II+96 стр.

— *Скрябченко, Д. В.* Цѣнность жизни по современно-философскому и христіанскому учению. Безилатное приложеніе къ журналу „Странникъ“. С.-Пб. 1908. 163 стр. (Христіанство, наука и невѣріе на зарѣ XX вѣка. Выпускъ седьмой).

— Обзоръ русскихъ христоматій. Составленъ комиссіей по просмотру книгъ при книжномъ складѣ Подвижнаго музея. Выпускъ I. Подъ редакціей Ю. И. Мелжинской и Г. Г. Тумина. С.-Пб. 1908. XI+70 стр. Цѣна 40 коп. (Подвижной музей при постоянной комисіи по техническому образованію Императорскаго Русскаго Техническаго Общества).

— *Царюлюскій, В. II.* Спутникъ народнаго учителя и дѣятеля народнаго образованія. Сборникъ законовъ и свѣдѣній по всемъ вопросамъ школьнаго, вѣтшкольнаго и домашняго образованія, необходимыхъ для народныхъ учителей, библиотекарей, лекторовъ, завѣдующихъ книжными складами, членовъ училищныхъ совѣтовъ и школьныхъ комиссій, попечителей училищъ и членовъ школьныхъ попечительствъ, земскихъ и городскихъ гласныхъ, волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, профессиональныхъ и кооперативныхъ организацій, членовъ просвѣтительныхъ обществъ и учреждений и другихъ дѣятелей по народному образованію. С.-Пб. 1908. Изданіе товарищества „Знаніе“. II+368 стр. Цѣна 85 коп.

— *Царюлюскій, В. II.* Справочникъ по устройству собраній, лекцій, чтеній, обществъ, союзовъ, курсовъ и классовъ для взрослыхъ, библиотекъ, музеевъ и книжныхъ складовъ (съ примѣрными формами прошеній и заявленій и примѣрными уставами). С.-Пб. 1908. Изданіе товарищества „Знаніе“. 80 стр. Цѣна 25 коп.

— *Царюлюскій, В. II.* Сводъ законовъ, циркулировъ и справочныхъ свѣдѣній по народному образованію въ переходный періодъ. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. М. 1908. 272 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп. (Библиотека народнаго образованія. Серія справочная).

— *Брауншвицъ, Марсель.* Искусство и дѣтя. Очеркъ эстетическаго воспитанія. Переводъ съ французскаго Е. М. Чарнолуской. С.-Пб. 1908. Изданіе товарищества „Знаніе“. 205 стр. Цѣна 1 руб.

— *Ульяновъ, Н.* Свѣданія для ищущихъ званія учительницъ руководя въ жепскихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ. С.-Пб. 1908. 15 стр. Цѣна 30 коп.

— *Ульяновъ, Н.* Свѣданія о пенсионной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1908. 25 стр. Цѣна 35 коп.

— *Троляковский, П. Н.* Курсъ природовѣднія. Часть 1-я. Воздухъ, вода и земля. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и торговыхъ школъ. М. 1909. IV+224 стр. Цѣна 80 коп.

— *Чернышевъ, В.* Законы и правила русскаго произношенія. Звуки. Формы. Ударенія. Опытъ руководства для учителей, чтецовъ и артистовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1908. 64 стр. Цѣна 40 коп.

— Отчетъ о дѣятельности общества санитарныхъ колоній и другихъ гигиено-дѣтетическихъ учрежденій для лѣченія и воспитанія слабыхъ здоровьемъ учащихся немущаго еврейскаго населенія гор. Одессы. Годъ XIII. 1907. Одесса 1908. 87 стр.

— *Лалурскій, А. Ф.* Школьные характеристики. С.-Пб. 1908. 228+II стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— Сборникъ докладовъ Бирской уѣздной земской управы и постановленія земскаго собранія XXXIII очередной сессіи 1907 года. Уфа 1908. II+1011 стр.

— Счета доходовъ и расходовъ и раскладка уѣзднаго земскаго сбора за 1908 годъ по Бирскому уѣзду Уфимской губерніи и отчетъ въ денежныя суммы, состоявшіихъ въ распоряженіи Бирской уѣздной земской управы за 1906 годъ, составленная къ уѣздному земскому собранію XXXIII очередной сессіи 1907 года. Уфа 1908. V+815 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЪѢЗДЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Международные историческіе конгрессы—дѣло сравнительно новое. Правда, нѣкоторые считаютъ, что только что закончившійся съѣздъ въ Берлинѣ былъ пятымъ, на самомъ дѣлѣ его можно считать лишь вторымъ, такъ какъ первые три, вплоть до конгресса въ Парижѣ во время большой выставки, прошли совершенно незамѣченными, и только съѣздъ 1903 г. въ Римѣ привлекъ общее вниманіе, собралъ большое количество ученыхъ и далъ извѣстные научные результаты. Историческая наука, такимъ образомъ, только въ самое послѣднее время вступила на тотъ путь, по которому давно уже идутъ и медицина, и естествознаніе, и оріенталистика, и др. Естественно поэтому задать себѣ вопросъ не столько, почему международные историческіе съѣзды родились такъ поздно, сколько, умѣстны-ли вообще эти конгрессы и какую пользу могутъ они принести наукѣ и ученымъ. Побывавъ на двухъ историческихъ и одномъ археологическомъ конгрессахъ, я хотѣлъ бы, реферирова о томъ, что было въ Берлинѣ, высказаться и вообще о пользѣ и значеніи подобныхъ колоссальныхъ по замыслу съѣздовъ.

Насколько выяснилось для меня дѣло, устроители конгрессовъ, особенно историческихъ и археологическихъ, преслѣдуютъ главнымъ образомъ, три цѣли: во-первыхъ, цѣль научную; что, собственно, ищется, для меня не вполне ясно; вѣроятно же всего освѣдомленіе другихъ о томъ, что придумалъ данный ученый, или о томъ, какой новый матеріалъ

собранъ былъ въ данной странѣ по тому или иному вопросу; римскій конгрессъ выдвинулъ новую задачу: дискусіи о тѣхъ или иныхъ практическихъ и теоретическихъ вопросахъ, иногда заканчивавшіяся резолюціями. Вторая цѣль—это цѣль облегчить ученымъ, главнымъ образомъ, ипостраннымъ знакомство съ той страной и городомъ, гдѣ происходитъ конгрессъ, при посредствѣ облегченій путешествій вообще и обезпеченія членамъ конгресса скидокъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ въ частности, равно какъ и при посредствѣ организаціи экскурсій въ страну и руководительство по музеямъ того города, гдѣ происходитъ конгрессъ. Наконецъ, третья цѣль — это созданіе возможно большаго количества возможностей личнаго общенія ученыхъ разныхъ странъ и разныхъ специальностей, облегченіе знакомствъ, ведущихъ къ обмѣну мнѣніями, и т. д. Для этой цѣли устраиваются разные взаимныя развлеченія, ей же служатъ въ еще большей мѣрѣ взаимныя экскурсіи: во время путешествій люди, естественно, болѣе сближаются и легче знакомятся, чѣмъ сидя на мѣстѣ, и отношенія, завязанныя въ пути, прочіи, чѣмъ мимолетное знакомство на банкетѣ или въ пивной.

Таковы, на мой взглядъ, цѣли, преслѣдуемыя интернаціональными съѣздами. И въ Берлинѣ, конечно, устроители конгресса прекрасно сознавали существованіе такихъ задачъ и въ устройствѣ конгресса ясно отмѣтили свое отношеніе ко всѣмъ тремъ. Формулировавъ отношеніе организаціоннаго комитета къ первой и послѣдней изъ указанныхъ трехъ задачъ особенно опредѣленно Вилламовицъ—онъ и Э. Мейеръ были главными организаторами конгресса, третій членъ президія, Козеръ, судя по всему, игралъ менѣе дѣятельную роль—въ цѣломъ рядъ рѣчей и бесѣдъ, особенно въ рѣчи, сказанной на большомъ обѣдѣ конгресса. Главной задачей конгресса комитетъ считалъ организацію личнаго общенія: научная работа, по мнѣнію Вилламовица, дѣлается въ кабинетахъ и публикуется въ журналахъ, организаціонная дѣятельность лежитъ на международномъ союзѣ Академій, о знакомствѣ со страной Вилламовицъ не говорилъ, но, очевидно, и это онъ считалъ личнымъ дѣломъ cadaquo. Въ общемъ Вилламовицъ и комитетъ, несомнѣнно, правы, но, мнѣ кажется, въ проведеніи этой точки зрѣнія комитетъ пошелъ слишкомъ далеко и этимъ ослабилъ значеніе съѣзда. Цѣлью настоящихъ строкъ является не критика для критики; мнѣ хотѣлось бы, говоря о томъ, что было, подготовить то, что будетъ, и, можетъ быть, если не предупредить ошибки, то высказать свое мнѣніе о томъ, что я считаю ошибкой.

Для исполненія всѣхъ задачъ съезда первое условіе—это собрать въ одно мѣсто возможно большее количество ученыхъ разныхъ національностей. Появленіе ученыхъ въ большомъ количествѣ на томъ или другомъ съездѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ трехъ причинъ: мѣсто съезда, условія путешествія и время конгресса. Мѣсто съезда, несомнѣнно, выбрано было очень удачно. Если Берлинъ, какъ городъ, и не обладаетъ притягательной силой Рима, Аѳинъ или Каира, то, несомнѣнно, Берлинъ, какъ столица Германіи, страны, гдѣ такъ пышно расцвѣла историческая наука, Берлинъ, съ его Академіей и Университетомъ, такъ много сдѣлавшими для исторіи, обладаетъ всѣми тѣми данными, которые должны были бы привлечь массу иностранныхъ историковъ въ его стѣны и объединить въ нихъ всѣ лучшія силы Германіи. На самомъ дѣлѣ съѣхалось немного народу; большинство конгрессистовъ составляли берлинцы. Комитетъ рассчитывалъ на 2000—3000, всѣхъ членовъ конгресса было немногимъ болѣе 1000. Главной причиной этой матеріальной неудачи съезда я считаю время, выбранное для конгресса. Французовъ было мало, можно сказать, не было почти совсѣмъ; изъ крупныхъ именъ были только Maspero, изъ менѣе видныхъ Ludolent и Pelissier. Не думаю, чтобы тутъ играла роль политика. Впрочемъ, что главная сила—парижане не пріѣхали потому, что были заняты экзаменами. Русскихъ также было мало. Опять-таки, главнымъ образомъ, потому, что съездъ разбилъ русскія каникулы на двѣ половины и совпалъ съ археологическимъ съездомъ въ Черниговѣ. Славянъ совсѣмъ почти не было. Много было бельгійцевъ, скандинавовъ и англичанъ; для нихъ время, очевидно, было удобное. Расчетъ на американцевъ—для нихъ и выбрано было данное время—не оправдался; американцы не появились. Очень странно было то, что и цѣмцевъ было сравнительно мало. Играло ли здѣсь роль то, что мѣстомъ съезда былъ Берлинъ? Немалую роль въ матеріальномъ неуспѣхѣ съезда сыграло и то обстоятельство, что комитету не удалось добиться отъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ какихъ-либо льготъ для конгрессистовъ. Отпугнулъ несостоятельныхъ конгрессистовъ и разосланный списокъ отелой съ очень высокими цѣнами. На мой взглядъ, послѣдніе два пункта имѣютъ кардинальное значеніе: историки—народъ небогатый, и большинство ѣздитъ на конгрессы на свой личный счетъ.

Перойдемъ, однако, къ внутреннему устройству конгресса и къ его дѣятельности. Начну съ организациі докладовъ и вообще научной жизни съезда.

Повишествомъ Берлина въ этомъ дѣлѣ было то, что, помимо дѣленія

на секціи, засѣданія конгресса разбились на засѣданія общія и секціонныя, причѣмъ еженежно было по одному общему засѣданію и по одному засѣданію каждой секціи. На общихъ засѣданіяхъ выступали лица по приглашенію комитета; нѣмцы, какъ хозяева, были исключены. Каждое засѣданіе составлялось изъ трехъ докладовъ по тремъ различнымъ спеціальностямъ, напр., исторія древности, ренессансъ, исторія мусульманскаго Востока и т. п. Цѣлью этихъ докладовъ было, очевидно, создать какъ бы научное представительство каждой страны и вмѣстѣ съ тѣмъ дать высказаться каждому по важнѣйшимъ, интересующимъ его и сѣздъ вопросамъ. Нововведеніе Берлина надо признать неудачнымъ. Прежде всего, самый выборъ лекторовъ—дѣло деликатное и способное задѣть самолюбія; почему тотъ, а не другой? Комитетъ не въ силахъ знать каждую страну настолько, чтобы взять какъ разъ то, что напрашивается само собою. А затѣмъ отказы? Кто объ нихъ освѣдомленъ? Затѣмъ самый составъ каждого засѣданія. Разноязычіе и разныя далекія другъ отъ друга темы дѣлали то, что публика входила и выходила, скучала и...дѣйствовала этимъ на лектора. Далѣе взяты вопросы въ большинствѣ случаевъ были общаго характера, и лекторъ хотѣлъ сказать свое слово. Въ 40 минутъ по важному вопросу сказать, сколько пужно, не легко, а дать больше времени при трехъ лекторахъ было нельзя. Доклады комкались, и чтеніе ихъ становилось формальностью. Такъ, напримѣръ, превосходный доклад Simonъ объ астрологіи совершенно погибъ, такъ какъ лекторъ долженъ былъ выбросить почти всю вторую, главную часть доклада, чтобы дать возможность присутствовавшимъ иопастъ на представленіе новыхъ комедій Менандра, дававшееся студентами университета въ Галле для членовъ конгресса.

Дѣятельность секціи была оживленнѣе и плодотворнѣе. Особенно интересны были секціи археологическая и восточная. Объясняется это на мой взглядъ тѣмъ, что существо дѣятельности секціи должно быть реферрующимъ. Каждая страна, каждый ученый должны ознакомить съ новымъ матеріаломъ, реферировать о томъ, что сдѣлано. Выдвигать новыя идеи, новыя точки зрѣнія въ сутолокѣ сѣзда не время и не мѣсто. Новыя идеи рождаются въ кабинетахъ и прорабатываются коллегами въ кабинетахъ же. Поэтому и въ секціи древней исторіи наибольшее оживленіе создали рефераты Штерна о нашемъ югѣ, Фабриціуса о Hmes, Гренфеля о его раскопкахъ въ Оксириныхъ и Perdrizet о его поѣздѣ и раскопкахъ въ Македоніи. Комитетъ Берлина это вполне ясно сознавалъ, но его ошибка была та, что онъ взялъ на себя огром-

ный трудъ организовать все самостоятельно. Такая задача никому не подъ силу. Для будущихъ съездовъ, для успѣха ихъ научной дѣятельности *необходимо созданіе мѣстныхъ комитетовъ*, которые, дѣйствуя сообща съ центральнымъ, *подготавливали бы научное представительство* страны въ видѣ ряда реферирующихъ докладовъ. Такіе комитеты для будущаго лондонскаго съезда должны дѣйствовать *во всѣхъ столицахъ Европы*, въ Америкѣ и въ Токио, можетъ быть, и въ Пекинѣ. Черезъ эти комитеты должны проходить всѣ доклады данной страны, отъ него должны исходить приглашенія мѣстнымъ ученымъ, отъ него передъ началомъ съезда долженъ посылаться делегатъ на мѣсто съезда для окончательной организаціи. Докладовъ должно быть немного, но докладчиковъ не слѣдуетъ особенно стѣснять временемъ. Два-три доклада на страну, два доклада въ засѣданіи секціи. Общихъ засѣданій должно быть два: открытіе и закрытіе; на каждомъ по одному докладу по выбору комитета.

Неудовлетворительно было поставлено въ Берлинѣ дѣло веденія протоколовъ засѣданій. Что гнѣтъ никакихъ резоновъ публиковать труды съезда—это ясно само по себѣ: у насъ достаточно историческихъ журналовъ, чтобы обременять ученыхъ еще однимъ. Но протоколы засѣданій должны быть; иначе историческій съездъ окажется преступникомъ по отношенію къ исторіи. Попробуй кто-нибудь изъ будущихъ историковъ нашей науки на основаніи однихъ заглавій, печатавшихся въ берлинскомъ журналѣ съезда, составить себѣ представленіе о научной фізіономіи съезда. Берлину съ его огромными научными средствами надо было дать образецъ организаціи научнаго секретариата. Докладчики, конечно, не отказались бы помочь.

И, наконецъ, еще одно. Дебатировать теоретическіе вопросы на съездѣ, конечно, излишне; это достаточно ясно показали римскій съездъ. Несомнѣнно также, что у съездовъ гнѣтъ средствъ организовать научную работу. Но ставить на обсужденіе практическіе вопросы есть, несомнѣнно, дѣло съезда; практическій опытъ членовъ съезда можетъ помочь организаторамъ предпріятія, ихъ научное чутье можетъ указать союзу академій насущныя очередныя задачи. Дѣло союза затѣмъ будетъ, осуществлять или гнѣтъ пожеланіе. Не скажу, чтобы въ Берлинѣ эта сторона отсутствовала. Но, на мой взглядъ, ее нужно развить, опять-таки при помощи мѣстныхъ комитетовъ.

И все-таки, несмотря на эти недочеты, конгрессъ далъ, на мой взглядъ, важные научные результаты. Я не стану реферировать со-

держаніе отдѣльных докладовъ или перечислять ихъ ¹⁾). Мнѣ пришлось быть только на части, небольшой части докладовъ нѣкоторыхъ секцій. Но для меня выяснилось все-таки съ несомнѣнностью слѣдующее. Если не въ залѣ засѣданій, то внѣ ея поднятые вопросы обсуждались специалистами, давались указанія, слышалась критика, которая печатно, можетъ быть, никогда не была бы высказана и, тѣмъ не менѣе, имѣетъ высокую цѣнность. Самый подборъ темъ въ секціяхъ былъ очень удаченъ. Конгрессъ не размѣнялся на мелочи, и это—заслуга комитета, очень тщательно подготовившаго организацію каждой секціи и взявшаго на себя приглашеніе ряда лекторовъ не только для общихъ засѣданій. Намъ, славянамъ, было непріятно, что исторія славянства почти отсутствовала и что не было ни одного славянскаго языка въ числѣ допущенныхъ на конгрессъ. Но послѣднее признано было недочетомъ самимъ Виламовицемъ въ его упомянутой уже рѣчи на обѣдѣ: для будущаго съѣзда Виламовицъ требовалъ допущенія одного славянскаго языка, а первое зависитъ настолько же отъ комитета, насколько отъ самихъ славянъ: каждое конкретное предложеніе, конечно, было бы

¹⁾ Посѣщала я нѣкоторыя засѣданія трехъ секцій: исторіи Востока, археологій и исторіи Греціи и Рима. Особенно поучительны были засѣданія первой, главнымъ образомъ тѣ, гдѣ многочисленныя бывшіе на конгрессѣ египтологи реферировали о своихъ раскопкахъ въ Египтѣ. Среди этихъ египтологическихъ рефератовъ поставлю на перномъ мѣстѣ докладъ маститаго Масперо въ первомъ общемъ собраніи, гдѣ тотъ руководитель и душа египетской археологій, поскольку она разрабатывается на мѣстѣ, сообщалъ о томъ, что сдѣлано имъ и его сотрудниками для сохраненія памятниковъ древности Египта и какъ относится археологическое управленіе Египта къ инициативѣ отдѣльныхъ націй въ дѣлѣ изслѣдованія Египта. Блестящей иллюстраціей этого доклада были прочитанные Reisner'омъ, Borchardt'омъ и Legras доклады о томъ, что сдѣлано въ послѣдній годъ въ Египтѣ англичанами, нѣмцами и само управленіе въ лицѣ одного изъ своихъ генеральныхъ инспекторовъ (Legras). Докладъ Grenfell'я, трактовалъ о его раскопкахъ въ Оксиринхѣ въ поискахъ за папирусами. Эти рефераты давали, хотя и не полную, но живую картину того, какаю плодотворная интернаціональная работа идетъ теперь въ Египтѣ. Не даромъ Масперо послѣ его доклада всѣ присутствующіе по инициативѣ Виламовица устроили маленькую опанію. Интересны были и нѣкоторые реферирующіе доклады въ секціяхъ археологій и исторіи классическаго міра. Назову доклады Heberdey о его работѣ надъ поросовыми скульптурами афинскаго акрополя, Schrader'a о результатахъ его работы надъ статуями „тетушекъ“ того же акрополя, Wiegand'a о византійскихъ фрескахъ монастыря въ горахъ Латмоса (около Милета), Роберта объ его изданіи рельефовъ саркофаговъ, фонъ Штерна объ исторіи нашего юга на основаніи археологическихъ данныхъ, Фабриціуса объ изслѣдованіи рейнской военной границы. Эти реферирующіе доклады вызывали, какъ я могъ замѣтить, наиболѣе живой интересъ въ членахъ конгресса.

принято комитетомъ съ радостью, основаніе же *особой секціи* противорѣчило принципу, принятому комитетомъ для раздѣленія на секціи вообще: не народности, а эпохи и стороны дѣятельности чело-вѣчества легли въ основаніе самого дѣленія на секціи.

Рядомъ съ научной дѣятельностью ставлю я, или лучше считаю частью ея, организацію или облегченію знакомства со странною, даль-нымъ городомъ и ихъ памятниками. Знакомство съ памятниками и му-зеями Берлина было чрезвычайно облегчено для конгрессистовъ. Каж-дый членъ съѣзда получилъ по прекрасному путеводителю по Бер-лину, гдѣ наиболѣе видное мѣсто занимало прекрасное, хотя и крат-кое, описаніе музеевъ. Всѣ конгрессисты имѣли возможность, кромѣ того, ознакомиться съ музеями подъ руководствомъ лучшихъ берлин-скихъ специалистовъ: Эрманъ водилъ по египетскому музею, Деличъ по передне-азиатскому и т. д. Дѣло было организовано такъ, чтобы каждый иностранецъ могъ попасть на интересовавшіе его осмотры. Неприятно для конгрессистовъ было то, что Берлинъ находится въ данный моментъ въ періодѣ колоссальнаго расширенія своихъ музей-скихъ сокровищъ и музейскихъ помѣщеній. Въ виду этого часть Пер-гамскаго музея была закрыта, недоступна наибольшая часть египет-скаго отдѣленія и большинство передне-азиатскихъ вещей. Но это дѣло случая и должно скорѣе радовать, чѣмъ печалить всякаго, кому до-роги наши научныя усилія. Грандіозное, дѣйствительно, зрѣлище представляетъ развитіе германскихъ, специально берлинскихъ музеевъ. Нѣмцы не только накапливаютъ раскопками и покушкою вещи огромнаго значенія, они думаютъ и о томъ, чтобы эти вещи можно было видѣть и изучать. Какъ ни судить о художественномъ достоинствѣ новаго музея имени императора Фридриха, несомнѣнно одно, что картины, ранне-христіанскія и восточныя вещи, фасадъ Мшатты теперь можно видѣть въ полномъ блескѣ и изучать съ полнымъ вниманіемъ. Надо посмотреть, какъ выставлены вазы въ новомъ помѣщеніи Антикварія и сравнить это съ нашей гораздо болѣе богатой эрмитажной коллек-ціей. Не мудрено, что изъ Антикварія уходишь съ грудой замѣтокъ, а изъ Эрмитажа съ грудой недоумѣній и полупредставленій, создан-ныхъ въ полутьмѣ. Каждый черепокъ (Эрмитажъ, какъ извѣстно, черепковъ не признаетъ) здѣсь имѣетъ надлежащее мѣсто и освѣще-ніе. Помѣщенію для ассиро-вавилонскихъ вещей и для египетскихъ древностей въ Берлинѣ было тѣсно. Единственный въ своемъ родѣ Пергамскій музей оказался и тѣснымъ и не вполне на высотѣ науч-ныхъ требованій. Немедленно создается Мессеромъ новый грандіоз-

ный планъ „острова музеевъ“, по которому постройка новаго музея на берегу рѣки должна слить въ одно всё большіе музеи Берлина. И это не только плапъ. Прежній Пергамскій музей уже закрытъ, его уже ломають, и Мессеровскій проектъ осуществляется.

Но я уклонился отъ своей темы. Кромѣ осмотра существовавшихъ коллекцій, съѣзду дана была возможность ознакомиться съ рядомъ специальныхъ для него устроенныхъ выставокъ. Паяболѣе интересными, на мой взглядъ, надо считать выставку доисторическихъ древностей, устроенную главнымъ образомъ Н. Schmidt'омъ выставку египетскихъ доисторическихъ древностей, выставку папирусовъ и выставку историческихъ картъ. Для каждой изъ этихъ выставокъ изданъ былъ особый краткій указатель. Выставка доисторическихъ древностей—это мастерской систематической курсъ преисторіи, начиная отъ палеолита и вплоть до поздняго Іа Тѣне или ранняго средневѣковья. Особенно важнымъ я считаю въ этой выставкѣ то, что рядомъ съ нею, хотя и въ другомъ помѣщеніи, открыта была выставка египетской преисторіи, а на самой выставкѣ представлена была не только Европа, но и Кавказъ (кобанскими вещами, впервые, наконецъ, выставленными, прежняя коллекція Virchow'a), и Малая Азія, и Египетъ, и греческіе острова, включая Критъ. Абсолютной полноты, конечно, достигнуть не удалось, да и достигнуть невозможно. На первомъ планѣ все-таки, очевидно, стояла Германія, затмевавшая остальное. Но все же, признавая нормальнымъ и то и другое, нельзя не отмѣтить нѣсколькихъ досадныхъ пробѣловъ, досадныхъ, конечно, и для устроителя: не было совсѣмъ передне-азиатской преисторіи, вещей типа Суссы, слабо представлена была культура типа нашихъ площадокъ, совсѣмъ не было западно-сибирской бронзы. Доисторической коллекціи Берлина надо обратить вниманію на эти пробѣлы.

Блестящей была выставка папирусовъ, опять-таки курсъ практической папирологіи. Тутъ былъ и папирусъ-растеніе въ горшкахъ и изображеніяхъ старыхъ и новыхъ, и древнія письменныя принадлежности, и цѣлыя картонажи, изъ которыхъ заманчиво выглядывали исписанные папирусы, и груды лоскутковъ въ томъ видѣ, какъ ихъ собираютъ при раскопкахъ, и рядъ исписанныхъ разнообразными текстами листовъ бумаги высокаго значенія. Кромѣ іератическихъ и демотическихъ, тутъ фигурировали: серія знаменитыхъ арамейскихъ папирусовъ (V в. до Р. Хр.) и древнѣйшіе греческіе папирусы (311 г. до Р. Хр.) изъ Элефантинны, древнѣйшій греческій свитокъ, содержащій гѣсенъ Тимоосей, знаменитый комментарий Дидима и т. д. и т. д. И раз-

витіе письма, и развитіе свитка, и развитіе пергаментной книги въ рядѣ образцовъ—все это можно было изучить на этой тонко скомпонованной Шубартомъ выставкѣ.

Знакомство съ Берлиномъ дополнено было рядомъ экскурсій въ ближайшія окрестности. Къ сожалѣнію, отсутствіе скидокъ на желѣзныхъ дорогахъ не дало возможности сьорганизовать болѣе далекія поѣздки, напримѣръ, на Рейнъ. Единственной, правда, интересной, но дорогой поѣздкой была поѣздка въ Гамбургъ, гдѣ экскурсанты были приняты роскошно и радушно сенатомъ свободнаго города и могучей компаніей пароходства Гамбургъ-Америка. Поѣздка по Гамбургскому порту, этому колоссу міровой торговли, была въ высшей степени поучительна.

Рядомъ съ организаціей знакомства съ Берлиномъ наибольшее вниманіе удѣлено было комитетомъ организаціи общенія членовъ конгресса между собою. Общенію способствовало превосходное помѣщеніе въ палатѣ депутатовъ съ обширными залами для разговоровъ и огромнымъ рестораномъ. Расчетъ на 2000—3000 конгрессистовъ заставилъ, однако, комитетъ не ограничиться однимъ этимъ зданіемъ, а разбить занятія конгресса сверхъ того между помѣщеніемъ Филармоніи и Этнографическимъ музеемъ. Такое раздробленіе заставляло терять много времени на бѣготню изъ одного помѣщенія въ другое и не позволяло все свободное время дня проводить вмѣстѣ. Днемъ конгрессъ разбивался по секціямъ, утромъ собирались на общія засѣданія, послѣ 3-хъ ходили въ музеи, вечеромъ на приемы. Последніе, къ сожалѣнію, способствовали сближенію только части конгрессистовъ между собою. Общій пріемъ былъ только одинъ: въ вечеръ передъ началомъ конгресса въ помѣщеніи рейхстага. Всѣ последующіе приемы были рассчитаны только на небольшое число лицъ, что заставляло дѣлить конгрессъ на овецъ и козлищъ, званыхъ и избранныхъ. Такъ организованы были приемы у Бетманнъ-Гольвега, въ ратушѣ, въ Потсдамѣ у императора, такъ же организована была и обѣда въ Гамбургѣ. Надо сказать, что желательнѣе было бы меньшее количество пріемовъ, но для *всѣхъ* членовъ конгресса, включая и женщинъ. Выдѣленіе женщинъ какъ бы въ особую корпорацію съ особыми развлеченіями врядъ ли также надо считать удачнымъ, тѣмъ болѣе, что великолѣпная организація дамскаго комитета привлекла къ дамскимъ развлеченіямъ и экскурсіямъ чуть ли не большинство членовъ конгресса.

Я не буду говорить о всѣхъ тѣхъ рѣчахъ, которыя пришлось

прослушать, на первомъ и послѣднемъ засѣданіяхъ и на пріемахъ. Большинство рѣчей лицъ, говорившихъ по обязанности, было сухо и сравнительно безсодержательно, иногда не безъ оттѣнка комизма, какъ рѣчи берлинскаго городского головы. Англичане, какъ всегда, говорили хорошо и съ юморомъ. Рѣчь Виламовица на подписномъ банкетѣ създа я уже отмѣтилъ; она была тонка, блестяща и интересна. Хороши были и грубоватыя, но искреннія и ясныя рѣчи Э. Мейера.

Возвращаюсь, однако, къ пріемамъ. Предполагалось, что всѣ члены конгресса примутъ участіе и въ большомъ подписномъ банкетѣ. Къ сожалѣнію, ожиданія не оправдались. Экономныя нѣмцы испугались дѣйствительно нѣсколько высокой цѣны (20 марокъ) и пошли на обѣдъ только въ небольшомъ числѣ, немного было и иностранцевъ; многіе предпочли дамскую экскурсію къ верховьямъ Шпре. На этомъ банкетѣ говорилось много рѣчей; главныя — Виламовицемъ и отвѣчавшимъ ему отъ имени конгресса академикомъ Лаппо-Данилевскимъ.

Отмѣчу, наконецъ, и уже упомянутое представленіе двухъ новыхъ комедій Менандра галльскими студентами въ Шиллеровскомъ театрѣ въ Шарлоттенбургѣ. Постановку, созданную Робертомъ, надо считать мастерской. Фигуры и костюмы, жесты и позы, сама сцена были прямымъ сколкомъ съ античныхъ памятниковъ, главнымъ образомъ, вазъ. Цѣлности впечатлѣнія нѣсколько мѣшала нѣкоторая вульгарность перевода и игры, и кромѣ того—но это уже вина судьбы—фрагментарность текста. Послѣднему, однако, Робертъ пришелъ на помощь тѣмъ, что недостающее, гипотетически возстановленное, изображалось мимически подъ музыку. То, что происходило на сценѣ, объяснялось розданной всѣмъ членамъ конгресса изящной брошюрой. Галльскіе студенты были на высотѣ. Высоко стоитъ изученіе древности тамъ, гдѣ такъ играютъ Менандра.

И въ организаціи общенія отмѣчались, такимъ образомъ, нѣкоторыя недочеты. И все же и въ этомъ отношеніи конгрессъ надо признать вполне удавшимся. Таково и мое личное впечатлѣніе, таково и впечатлѣніе большинства тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось говорить. Даже мимолетныя встрѣчи имѣютъ, несомнѣнно, большое значеніе. По книгѣ никогда нельзя судить о данной научной величинѣ, книга даетъ только остовъ мышленія, научная же величина—это весь человѣкъ со всѣмъ его внѣшнимъ обликомъ, манерой говорить, способомъ мышленія и т. д. Увидѣть человѣка часто достаточно, чтобы

понять его научное творчество. Книга видѣннаго и знакомаго чловѣка ближе и понятнѣе книги анонима. Объемъ мыслей иногда по ничтожному вопросу открываетъ сразу глубину или плоскость всего научнаго міросозерцанія чловѣка и то, о чемъ, не видя чловѣка, только гадаешь, становится опредѣленнымъ и понятнымъ. Личное общеніе, конечно, первооснова всякаго конгресса, учесть его силу и вліяніе не такъ легко, какъ научный вѣсъ того или другаго доклада, какъ пользу отъ знакомства со страной, памятниками и музеями. Личное общеніе *международное* становится еще цѣннѣе теперь въ эпоху расцвѣта націонализма, въ эпоху, когда и въ наукѣ то здѣсь, то тамъ пышно расцвѣтаетъ бурьянъ шовинизма. Можетъ показаться фразой, что международные конгрессы поддерживаютъ цѣлость науки, какъ международнаго, никому въ отдѣльности, а чловѣчеству въ цѣломъ принадлежащаго добра, но эта фраза, особенно въ наше время, глубокая истина, которую постоянно надо повторять. Не хочется поэтому думать, что французы и большинство славянъ (за исключеніемъ русскихъ) не пріѣхали въ силу политическихъ соображеній и соперничествъ. Уже одно то, что рѣчь Вилаговица, много разъ упомянутая, основой которой была идея интернаціональности науки, противопоставленная политическому шовинизму, кой кому не понравилась (не изъ ученыхъ), должно показать, какъ высоко должна держаться знамя международности наука и какія опасности грозятъ этой международной со всѣхъ сторонъ. Конкуренція націй на научной нивѣ прекрасная вещь, культъ роднаго языка и стремленіе сдѣлать его міровымъ—глубоко симпатичная тенденція, но за всѣмъ этимъ нельзя забывать главнаго, того, что наука, какъ таковая, не знаетъ языка, не знаетъ націй, а знаетъ только чловѣчество. При разноязычности нашей литературы, при политической разобщенности, часто враждебности отдѣльныхъ націй интернаціональные конгрессы одни способны поддержать и укрѣпить идею единства и, если бы только это, только укрѣпленіе этой идеи было результатомъ конгрессовъ, надо было бы ихъ привѣтствовать. Къ счастью, это не такъ. Все, что сказано выше, показываетъ, что нѣтъ основаній не вѣрить и въ научное и въ образовательное (для ученыхъ) значеніе съѣздовъ. Устройство съѣздовъ—дѣло трудное, критика *post factum* легка. Надо помнить, что рядъ крупнѣйшихъ научныхъ силъ отдалъ недѣли своего времени организаціи конгресса и, каковы бы ни были недочеты, послѣднимъ словомъ cadaго участника конгресса должно быть не слово критики, а слово глубокой благодарности за доставленную воз-

возможность международного общенія, за ласковый, гостепріимный и милый пріемъ. Будемъ надѣяться, что не далеко то время, когда и намъ будетъ возможно принять у себя нашихъ братьевъ историковъ. Пока мѣстомъ будущаго сѣзда назначена Англія—Лондонъ, Кембриджъ, Оксфордъ. Пожелаемъ будущему конгрессу быть достойнымъ его старшихъ братьевъ.

М. Ростовцевъ.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

(Международный конгрессъ историковъ).

I.

На международномъ историческомъ конгрессѣ, состоявшемся въ Римѣ въ 1903 году, мѣстомъ слѣдующаго собранія былъ избранъ Берлинъ. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, довольно продолжительный промежутокъ времени для того, чтобы въ центрѣ такой богатой учеными силами страны, какъ Германія, подготовить матеріалъ, которымъ можно было бы подѣлиться съ представителями исторической науки другихъ странъ и народовъ. Организационный комитетъ, сформировавшійся уже давно, разсылалъ года полтора тому назадъ приглашенія, и естественно было ожидать, что конгрессъ будетъ оживленъ и интересенъ. Въ июнѣ мѣсяцѣ комитетъ разослалъ, вополнѣ разработанную схему правилъ конгресса и списокъ заявленныхъ рефератовъ, съ точнымъ распредѣленіемъ ихъ по секціямъ, а также днямъ и часамъ засѣданій какъ общихъ, такъ и частныхъ. Пересматривая эту программу, я съ недоумѣніемъ замѣтилъ, что въ числѣ именъ референтовъ совершенно отсутствуютъ имена болѣе видныхъ и извѣстныхъ профессоровъ какъ Берлинскаго, такъ и другихъ германскихъ университетовъ, а, напротивъ, значится не мало именъ совершенно неизвѣстныхъ въ ученой литературѣ. Остановило мое вниманіе и то, что въ программѣ не было вовсе рѣчи ни о какихъ общихъ, дѣйствительно международныхъ вопросахъ по взаимнымъ сношеніямъ въ средѣ ученаго міра разныхъ государствъ, какъ то было на римскомъ конгрессѣ. Съ другой стороны своеобразной особенностью будущаго международного конгресса являлось то, что предполагался особый дамскій комитетъ съ особой программой экскурсій и осмотровъ подъ руководствомъ женъ нѣкоторыхъ берлинскихъ про-

фессоровъ. Это внесеніе нѣмецкой *Gemüthlichkeit* въ серьезныя научныя цѣли, какія долженъ имѣть конгрессъ представителей исторической науки всего міра, показалось мнѣ нѣсколько неожиданнымъ. Въ Римѣ не было никакихъ особыхъ дамскихъ комитетовъ и экскурсій, хотя было нѣсколько дамъ, читавшихъ доклады. Разрѣшенія своихъ недоумѣній и сомнѣній я ожидалъ на мѣстѣ и все-таки върилъ, что конгрессъ въ такомъ ученomъ центрѣ, какъ Берлинъ, не можетъ быть не интересенъ.

Въ Берлинъ я пріѣхалъ въ день открытія, 6-го августа н. ст., рано утромъ и своевременно явился въ залу Филармоническаго общества, гдѣ въ 10 часовъ должно было состояться открытіе и первое засѣданіе конгресса. Покинулъ я Берлинъ 12-го авг., въ день окончанія конгресса; и расстался съ нимъ въ настроеніи полного разочарованія на счетъ того, что прошло предъ моими глазами и при моемъ личномъ участіи. По окончательному списку членовъ конгресса, вышедшему въ послѣдній его день, всѣхъ членовъ значилось свыше тысячи человекъ; но въ этомъ спискѣ числилось много студентовъ, дамъ, преподавателей, имена извѣстныхъ въ наукѣ встрѣчались крайне рѣдко, да и по всѣмъ изъ тѣхъ, кто собирался на конгрессъ и былъ внесенъ въ списокъ, пріѣхали въ Берлинъ. Такъ, не было акад. Лигча, обѣщавшаго даже докладъ по несторовскому вопросу, не было отца Дюшена изъ Рима, не было проф. Бьюри изъ Оксфорда, проф. Гюльзепъ, состоящаго въ Римѣ секретаромъ Археологическаго института, а также и другихъ, извѣстныхъ лицъ. Обильное по спискамъ число членовъ не давало, однако, нигдѣ многолюдства, кромѣ только перваго засѣданія 6-го числа. Залы для засѣданій какъ общихъ, такъ и по секціямъ, были назначены очень обширныя въ пяти различныхъ зданіяхъ, засѣданія секцій шли одновременно, отъ 9 до 12 часовъ дня. Это съ одной стороны предупреждало возможность скопленія публики, съ другой лишало возможности выбирать рефератъ и лектора по желанію, если доклады были въ различныхъ секціяхъ. Особной суеты, скопленія публики и оживленія вслѣдствіе интереса самого вопроса или личности лектора не приходилось мнѣ наблюдать ни разу, и въ общемъ этотъ международный конгрессъ имѣлъ характеръ обычныхъ засѣданій ученыхъ обществъ. Меня удивило то, что господствовало чтеніе докладовъ по написанному тексту, и лишь рѣдкимъ исключеніемъ являлась свободная рѣчь докладчика. Нѣкоторые доклады, преимущественно англичанъ, читавшихъ медленно и тихо свой текстъ (одинъ—по корректурнымъ листамъ), вызывали недоумѣ-

ніе публики и заставляли покидать залъ большинство посѣтителей, забредшихъ въ эту секцію. Общаго интереса и общаго оживленія на берлинскомъ конгрессѣ не было, и послѣ того, что было въ Римѣ въ 1903 году, въ общемъ было довольно скучно.

Конгрессъ былъ открытъ предсѣдателемъ организационнаго комитета Козеромъ, директоромъ государственнаго архива, который во второй половинѣ засѣданія и былъ избранъ предсѣдателемъ конгресса. Мощная фигура этого человѣка, его рѣшительные манеры и жесты, зычный и властный голосъ производили впечатлѣніе чего-то воспанаго; конгрессъ въ его лицѣ получилъ не то что предсѣдателя, а какъ-бы строгаго и грознаго начальника, который строго слѣдилъ за внѣшнимъ порядкомъ. На открытіе прибылъ принцъ Леопольдъ, по порученію отсутствовавшаго изъ Берлина императора. Привѣтственная телеграмма императора была прочитана Козеромъ послѣ объявленія объ открытіи конгресса, а затѣмъ—телеграмма отъ канцлера. Привѣтствіе отъ имени правительства сдѣлано было статсъ-секретаремъ Бетманомъ-Гольвогомъ; далѣе слѣдовала телеграмма министра просвѣщенія и цѣлый рядъ рѣчей: городского головы Рейке, непремѣннаго секретаря академіи наукъ Ауверса, ректора Берлинскаго университета Штумпфа. Всѣ эти рѣчи имѣли какой-то поучительный тонъ и характеръ, разъясняли задачи историческаго изслѣдованія, и, какъ мнѣ показалось, менѣе всего умѣстно и болѣе рѣзко было это въ рѣчи городского головы. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ иностранцевъ. Первымъ говорилъ профессоръ Павійскаго университета и сенаторъ итальянскаго королевства, Пасквале ди Джудиче, затѣмъ Масперо, знаменитый руководитель изслѣдованія Египта,—отъ имени французской академіи „и всѣхъ представленныхъ на конгрессѣ академій и ученыхъ обществъ“, какъ это значитъ въ печатномъ отчетѣ о засѣданіи и, наконецъ, оксфордскій профессоръ Реджинальдъ Маканъ. Всѣ они говорили на своихъ языкахъ, какъ признанныхъ правилами конгресса, и послѣдній закончилъ прекрасными стихами Гете, подходившими къ случаю и вызвавшими большое сочувствіе, особенно со стороны нѣмецкой публики. Дѣловымъ и звучнымъ языкомъ военной команды г. Козеръ доложилъ затѣмъ о дѣятельности организационнаго комитета и, будучи немедленно затѣмъ избранъ предсѣдателемъ конгресса, по предложенію проф. Панса, вызвалъ властнымъ тономъ тѣхъ лицъ изъ числа прибывшихъ на конгрессъ иностранныхъ ученыхъ, которыхъ предварительный комитетъ заранѣе намѣтилъ въ члены президіума. Изъ русскихъ былъ вызванъ проф. Лаппо-Данилевскій, какъ представитель Академіи наукъ. Всѣ эти лица, по командѣ

г. Козера, взошли на эстраду, и г. Козеръ возгласилъ текстъ отъѣтныхъ телеграммъ императору, канцлеру и министру просвѣщенія, которыя и были приняты собраніемъ.

Президіумъ былъ, такимъ образомъ, сформированъ, председательство на первый докладъ было предложено проф. Лаппо-Данилевскому, и тутъ выступилъ первый референтъ, посолъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ при берлинскомъ дворѣ, Давидъ-Іейнъ Гилль. Докладъ былъ озаглавленъ такъ: „Этическая задача историка“. Видный и представительный американецъ сдѣлалъ свой докладъ на нѣмецкомъ языкѣ и читалъ его весьма внушительно и серьезно. Я внимательно слушалъ, что говорилъ г. Гилль; но чѣмъ дальше онъ подвигался въ своемъ изложеніи, тѣмъ въ большее недоумѣніе приходилъ я самъ. Это были какія то наивныя и простыя разсужденія дилеттанта о важномъ вопросѣ, самое существо котораго оставалось ему совершенно недоступно. Разсказать, что хотѣлъ разъяснить или обобщить г. Гилль, я не могу, и такъ какъ „Тагеблять“ конгресса не давалъ изложенія докладовъ, а только ихъ перечислялъ, то я не могу воспользоваться и чужимъ изложеніемъ рѣчи почтеннаго посланника Америки. Съ окончаніемъ этого доклада закончилось первое собраніе.

По программѣ дѣятельности конгресса на вечеръ перваго дня были назначены „непринужденныя (zwanglose) собранія членовъ по всѣмъ семи секціямъ“ въ разныхъ берлинскихъ пивныхъ. Желая повидать сочленовъ и надѣясь кого-нибудь встрѣтить изъ иностранныхъ ученыхъ, я побывалъ въ двухъ пивныхъ, назначенныхъ для собранія членовъ секцій II (Эллада и Римъ) и IV (исторія), но встрѣчалъ преимущественно студентовъ, записавшихся на конгрессъ, или молодыхъ учителей. Предсѣдатели секцій и мѣстные нѣмецкіе профессора не явились въ назначенныя для собранія пивныя, а знакомиться съ случайными ихъ посѣтителями было вовсе не интересно и не представляло ничего поучительнаго. Такъ прошелъ первый день конгресса, оставившій во мнѣ самыя неопредѣленныя впечатлѣнія.

II.

Засѣданія конгресса, согласно дѣйствующему и у насъ обычаю, дѣлились на общія и частныя, по секціямъ. Эти послѣднія шли одновременно, съ 9 часовъ утра до 12, первыя начинались въ 12¹/₂ час. дня и заключали обыкновенно три доклада. Такъ, по крайней мѣрѣ, было предположено; но, въ виду того, что прибыли не всѣ лица, обѣщавшія рефераты, число это не всегда выдерживалось. Во вторникъ

11-го числа не было назначено общаго собранія, такъ какъ этотъ день былъ предназначенъ для пріема избранной группы членовъ конгресса въ Потсдамѣ, о чемъ, впрочемъ, въ программѣ конгресса ничего не значилось.

По правиламъ, дѣйствовавшимъ уже и въ Римѣ, въ общихъ собраніяхъ не допускались пренія, и дѣло должно было ограничиваться заслушаніемъ предложеннаго вниманію публки чтенія. Естественно было ожидать, что доклады общихъ собраній будутъ касаться болѣе общихъ вопросовъ и отличаться болшею обработанностью изложеній. На дѣлѣ было, однако, иначе, и трудно было догадаться, какими мотивами руководился предварительный комитетъ въ распредѣленіи заявленныхъ докладовъ и выдѣленіи изъ ихъ числа тѣхъ, которые были отведены въ общія собранія. Изъ всѣхъ докладовъ на общихъ собраніяхъ, какіе мнѣ удалось слышать, только два соответствовали по существу и по формѣ своему назначенію. Это, во-первыхъ, докладъ знаменитаго и авторитетнаго знатока Египта, завѣдующаго въ теченіе многихъ лѣтъ охраной тамошнихъ памятниковъ древности, г. Масперо, и, во-вторыхъ, докладъ молодого итальянскаго графа Гаэтани, князя Теанскаго (principe di Teano) объ общихъ принципахъ исторіи ислама. Оба докладчика говорили на своемъ родномъ языкѣ, говорили очень хорошо и вызвали единогласное и дружное сочувствіе многочисленной публки. Масперо нарисовалъ въ общей картинѣ исторію изслѣдованій и расхищенія древнихъ памятниковъ Египта въ первой половинѣ XIX вѣка, далъ общее представленіе о дѣйствующей со времени Мариетта системѣ охраны памятниковъ и особой администраціи, которую содержитъ египетское правительство, и иллюстрировалъ свое изложеніе множествомъ интересныхъ деталей. Страна раздѣлена на семь округовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего инспектора, и каждый округъ подѣленъ на извѣстное число меньшихъ единицъ, находящихся въ завѣдываніи мѣстныхъ членовъ вѣдомства охраны. Составъ администраціи—международный, въ числѣ инспекторовъ есть англичане, французы, итальянцы, греки и члены другихъ народностей, инспектора дистриктовъ, болшею частью, туземцы. Долголѣтняя практика расхищенія древностей, совершавшаяся при взаимномъ участіи европейскихъ правительствъ, и скука древностей любителями научили туземное населеніе промыслу искательства, и администрація безсильна искоренить это бѣдствіе. Она дѣлаетъ все возможное для того, чтобы не упустить изъ вида и своихъ рукъ находки, но ей не всегда удается достигнуть цѣли. Въ живыхъ краскахъ налагалъ г. Масперо о тѣхъ затрудне-

ніяхъ, какія приходится испытывать ему и его сотрудникамъ въ ихъ дѣятельности по части охраны памятниковъ. Потребности земледѣлія, вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ культуры Египта, создаютъ страшную опасность для древнихъ памятниковъ. Необходимо обезопасить отъ разлива такія мѣстности, въ которыхъ были сдѣланы богатые находки папирусовъ или высятся древніе храмы.

Съ большимъ трудомъ администраціи добиться того, что большаю ирригаціонную стѣну, которую недавно воздвигли, была сооружена на семь метровъ ниже, чѣмъ предполагалось. Одновременно съ этимъ отпущенъ былъ значительный кредитъ на сооруженіе предохранительныхъ работъ въ мѣстности Оксириха, знаменитаго находками папирусовъ. Но земледѣліе настойчиво предъявляетъ свои требованія, и эти семь метровъ скоро прибавятся къ этой стѣнѣ и возможность опасности для цѣлости памятниковъ станетъ больше. Наряду съ охраной памятниковъ идетъ ихъ реставрація. Разливы Нила въ теченіе тысячелѣтій, жгучее египетское солнце и могучій вѣтеръ приводятъ въ ветхость храмы и другіе памятники старины, и во избѣжаніе ихъ конечнаго разрушенія приходится перекладывать цѣлыя стѣны, а постепенно и самыя зданія. Эта трудная и необходимая работа идетъ въ Египтѣ непрерывно и требуетъ огромныхъ техническихъ знаній, живой любви къ дѣлу и немалого искусства. Простая и въ то же время изящная рѣчь г. Масперо чувствовала за его словами преданность дѣлу и огромный авторитетъ цѣльнаго знанія всего, что относится до древностей Египта, обаятельно дѣйствовали на публику, которая и наградила лектора продолжительными и дружными аплодисментами.

Такихъ живыхъ и общенитересныхъ по своему содержанію и способу изложенія докладовъ, каковъ былъ докладъ г. Масперо, не было больше. Всѣ остальные имѣли болѣе специальный характеръ и были разныхъ достоинствъ. Что до выбора ихъ предварительнымъ комитетомъ, то, очевидно, было желаніе оказать любезность всѣмъ національностямъ. Такъ, датчанинъ Гельбергъ читалъ докладъ объ Архимедѣ, шведъ Пёрне—о Густавѣ Адольфѣ, французъ Пелиссье—объ основныхъ чертахъ синборіи въ Италіи въ XIV вѣкѣ. Изъ русскихъ этой чести былъ удостоенъ проф. Ростовцовъ (изъ Петербурга). Его очень содержательный рефератъ заключалъ въ себѣ цѣлое изслѣдованіе о римскомъ колонатѣ по новымъ даннымъ, извлеченнымъ изъ папирусовъ и папирусовъ, которыя позволяли поставить этотъ старый вопросъ въ широкую рамку экономическаго развитія всего античнаго міра. Докладъ

чику приходилось выпускать цѣлыя отдѣлы своего ученаго изслѣдованія и ограничиваться утверженіями положеній, извлеченныхъ изъ богатаго матеріала, который онъ изучилъ. Его работа появится въ журналѣ *Archiv für Papyruskunde* и, конечно, съ полнымъ вниманіемъ будетъ изучена специалистами. Но нельзя не сказать, что такое солидное ученое изслѣдованіе не совсѣмъ подходило въ общему засѣданію международнаго конгресса. Это слишкомъ тяжелый матеріалъ, чтобы можно было его предлагать въ такомъ собраніи въ теченіе 30—40 минутъ.

Такъ какъ сами нѣмецкіе профессора уклонялись отъ всякаго выступленія въ общихъ собраніяхъ, то дѣло получило такой видъ, что ученые иностранцы, по выбору комитета и независимо отъ содержанія и характера докладовъ, представлялись другъ другу въ международномъ собраніи. Изъ одной рѣчи проф. Вилламовица-Мюллендорфа нужно было заключить, что комитетъ старался ступшевать нѣмецкій элементъ въ общихъ собраніяхъ, чтобы отдать первое мѣсто гостямъ. Но мнѣ думается, что эти гости, прибывшіе изъ разныхъ концовъ Европы, съ большимъ удовольствіемъ прислушались бы къ какой-нибудь рѣчи общаго характера такихъ крупныхъ ученыхъ авторитетовъ, какъ Вилламовицъ-Мюллендорфъ и другіе берлинскіе или вообще германскіе профессора, пользующіеся всеобщей извѣстностью въ ученомъ мірѣ, чѣмъ къ рѣчи учениковъ германскихъ профессоровъ изъ иностранцевъ, хотя бы и блистательно доказавшихъ свою ученость. Не обошлось и безъ курьезовъ на общихъ засѣданіяхъ. Такъ, англичанинъ Поллокъ (Pollock) читалъ весьма невнятно и очень долго свой докладъ на тему: *Government by Comitees in England* — по корректурнымъ листамъ. Обширный залъ съ неудобными акустическими условіями еще болѣе ухудшалъ дѣло, и публика въ большинствѣ покинула залъ.

Въ одномъ изъ общихъ засѣданій произошла оживленная манифестація по адресу Америки. Посоль Гилль объявилъ въ собраніи, что сдѣлано огромное пожертвованіе на сооруженіе германскаго національнаго музея въ Нью-Йоркѣ. Патурализированный въ Америкѣ нѣмецъ, его спутникъ, подробно говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ Штатовъ и Германіи, и его рѣчь была принята выраженіемъ благодарности германскаго народа и восторженными аплодисментами публики. Очевидно, незаслуженный почетъ, оказанный г. Гиллу въ первый день конгресса, о чемъ я упоминалъ, стоялъ въ связи съ этой щедротой американцевъ во славу германскаго народнаго самознанія.

III.

Предварительный комитетъ раздѣлилъ конгрессъ на восемь секцій, изъ которыхъ двѣ были подраздѣлены каждая на два отдѣла. Такое дѣленіе стояло, очевидно, въ связи съ числомъ и характеромъ заявленныхъ докладовъ, вслѣдствіе чего и самое дѣленіе оказалось нѣсколько случайнымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стѣснительнымъ. Секціи носили такія названія: 1. Исторія востока, 2. Древняя исторія (Эллада и Римъ), 3. Политическая исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени, 4 а. Культура и исторія духа въ средніе вѣка и новое время, съ подотдѣломъ 4 б. Исторія естествознанія, 5. Исторія права и государственнаго хозяйства, 6. Исторія церкви, 7 а. Археологія, 7 б. Исторія искусства въ средніе вѣка и новое время, 8. Историческія вспомогательныя науки. Такъ какъ засѣданія всѣхъ секцій и подсекцій шли одновременно, каждый день отъ 9 до 12 часовъ, въ разныхъ помѣщеніяхъ, то было, такимъ образомъ, не восемь, а десять секцій. Каждая изъ восьми секцій имѣла предсѣдателя, назначеннаго предварительнымъ комитетомъ. Послѣ перваго общаго собранія членамъ конгресса было предложено разойтись по отдѣльнымъ помѣщеніямъ и организовать президіумъ. Предсѣдатели предлагали рядъ именъ прибывшихъ, а иногда и ожидавшихся еще членовъ конгресса въ составъ президіума и заявляли имена секретарей секціи. Послѣдніе были обыкновенно студенты, по пяти-шести человекъ на секцію. При такомъ обеспеченномъ секретариатѣ естественно было ожидать, что будутъ составляться полные протоколы засѣданій и издаваться бюллетени съ отчетомъ о содержаніи рефератовъ и преній, возникавшихъ по существу трактованныхъ вопросовъ. Къ моему большому удивленію, было заявлено въ первомъ общемъ засѣданіи, что никакихъ бюллетеней издаваться не будетъ, а въ Тагеблять конгресса будутъ лишь перечисляться сдѣланные доклады и называться имена лицъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ. Къ чему же тогда этотъ многочисленный секретариатъ въ каждой секціи? На римскомъ конгрессѣ бюллетени давали возможность ориентироваться въ томъ, что происходило въ засѣданіяхъ, а Тагеблять берлинскаго конгресса представлялъ одинъ списокъ и перечисленіе. Исключеніе было сдѣлано только для перваго общаго засѣданія и то лишь для первой его части, т. е. открытія и официальныхъ рѣчей. Секретари секцій просили отъ докладчиковъ резюме ихъ сообщенія, чтобы этимъ текстомъ могли воспользоваться газеты.

Но газеты огромнаго столичнаго города, какъ Берлинъ, интересовались тѣмъ, что дѣлалось въ конгрессѣ, весьма мало; иныя не сообщали ничего, въ нѣкоторыхъ, какъ Berliner Tageblatt, попадались кое-какія замѣтки мелкимъ шрифтомъ лишь о нѣкоторыхъ докладахъ болѣе извѣстныхъ лицъ. Будутъ ли издаваться труды конгресса, мнѣ неизвѣстно, объ этомъ какъ-то не упоминалось; да когда-то еще могутъ выйти въ свѣтъ эти труды? есть ли на это средства?

Въ Римѣ все это было организовано гораздо лучше, бюллетени конгресса заключали въ себѣ резюме докладовъ и преній, и по нимъ можно было слѣдить за ходомъ жизни конгресса. Приключившаяся тогда стачка, распространившаяся и на типографин, затруднила дѣло, но, все-таки, хоть и съ задержкой, бюллетени выходили въ приличномъ и удобномъ видѣ. А Tageblatt берлинскаго конгресса не даетъ ничего, кромѣ списковъ и перочисленій.

Обычай избирать почетнаго предсѣдателя примѣнялся въ засѣданіяхъ секцій, и, въ виду обилія лицъ, которымъ желали оказать вниманіе, почетные предсѣдатели нерѣдко мѣнялись по отдѣльнымъ докладамъ. Англичанъ, итальянцевъ, голландцевъ и датчанъ, а равно и профессоровъ своихъ университетовъ не обходили. Что же до русскихъ, то, кажется, одному только профессору Штерну (Одесса) была сдѣлана эта честь.

Въ виду одновременности засѣданій секцій и отсутствія бюллетеня, я долженъ ограничиться весьма немногими замѣчаніями о томъ, что слышалъ самъ непосредственно. Посѣщалъ я доклады на секціяхъ древней исторіи, исторіи церкви и исторіи права. Въ этой послѣдней секціи чаще, нежели въ другихъ, доклады вызвали обмѣнъ мнѣній, и пренія нерѣдко затягивались. Въ общемъ доклады имѣли характеръ изслѣдованія по тому или другому частному вопросу. Многіе лекторы превращали свои сообщенія въ лекціи, подъ часъ не въ мѣру продолжительныя, и превышавшія получасовой срокъ, который былъ предусмотрѣнъ въ правилахъ конгресса. Предсѣдатели относились къ этому съ полной терпимостью и, по моему мнѣнію, напрасно. Такъ, въ первомъ засѣданіи IV секціи мнѣ пришлось выслушать длиннѣйшую болтливую лекцію нѣкоего Кестера (Koester изъ Лейпцига) на тему „Сцена и драма“. Докладъ имѣлъ характеръ публичной лекціи, въ которой авторъ щеголялъ своимъ знакомствомъ съ драматической литературой разныхъ европейскихъ народовъ. Преній не послѣдовало, и я не знаю, была ли какая общая идея въ рѣчи этого молодого ученаго. Въ одномъ засѣданіи VI секціи я съ интересомъ выслушалъ

докладъ голландскаго ученаго Пейпера объ отношеніи христіанской церкви къ вопросу о рабствѣ въ средніе вѣка. Факты были подобраны интересно и въ большомъ обиліи, но самый вопросъ слишкомъ обширенъ для доклада въ такомъ собраніи, и авторъ упоминалъ, что за недостаткомъ времени онъ многое опускаетъ изъ своей работы. Изъ докладовъ, которые по существу и изложенію болѣе соответствовали общимъ условіямъ конгресса, укажу на докладъ проф. Фабриціуса (изъ Фрейбурга) во II секціи. Г. Фабриціусъ стоитъ въ настоящее время во главѣ большой комиссіи, которая уже около 15 лѣтъ занимается изслѣдованіемъ остатковъ пограничныхъ сооружений на границѣ римской исторіи съ германскимъ міромъ. Эта граница охватывала значительную часть нынѣшней Германіи, отъ Майнца и до верхняго теченія Дуная. Она представляла непрерывную линію укрѣпленій, фортовъ и цѣлыхъ крѣпостей. Мысль изслѣдовать всю эту линію съ производствомъ раскопокъ принадлежитъ покойному Моммзену. Это большое предпріятіе близится теперь къ концу, и результаты его публикуются въ видѣ подробныхъ отчетовъ съ чертежами и рисунками, въ которыхъ дается полное описаніе находокъ, сдѣланныхъ въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ. Хотя матеріалъ однообразенъ, но комиссія удерживаетъ этотъ планъ изданія своихъ работъ. Проф. Фабриціусъ ознакомилъ собраніе съ тѣмъ, что сдѣлано доселѣ, остановился на нѣсколькихъ общихъ вопросахъ изъ исторіи римской арміи и оживилъ свое общедоступное и складное изложеніе нѣсколькими интересными деталями. Такой же общинтересный характеръ имѣлъ докладъ проф. Штерна на тему: „Греческая колонизація сѣвернаго побережья Чернаго моря въ свѣтѣ археологическаго изслѣдованія“. Помяну, далѣе, докладъ молодого ученаго Гейзенберга (изъ Вюрцбурга) на общую тему: „Основы византійской культуры“, сдѣланный въ IV секціи. Эти три доклада по своему содержанию и характеру годились для общихъ собраній въ гораздо большей степени, чѣмъ большинство тѣхъ докладовъ, которые были туда отнесены неизвѣстно по какимъ мотивамъ. Правда, г. Гейзенбергъ слишкомъ мало извѣстенъ, и было бы гораздо интереснѣе, если бы съ такой темой выступилъ самъ глава византинистовъ въ Германіи, проф. Крумбахеръ, который былъ на съѣздѣ и предсѣдательствовалъ въ томъ засѣданіи IV секціи, гдѣ говорилъ г. Гейзенбергъ и въ которомъ пришлось сдѣлать мнѣ мое сообщеніе о стратегіи Никифора по рукописи Московской синодальной бібліотеки. Но г. Крумбахеръ чело- вѣкъ не показной, съ слабымъ голосомъ, былъ къ тому же не совсѣмъ

здоровъ въ ту пору, а мудрость г. Гойзенборга восходитъ къ этому источнику, и онъ, очевидно, излагалъ мысли учителя.

Окончанію докладовъ, хотя бы и мало заинтересовавшихъ присутствовавшую публику, сопровождалось обычнымъ выраженіемъ благодарности со стороны предсѣдательствующаго, а подчасъ и любезностями личнаго характера, особенно тогда, когда референтомъ бывалъ иностранецъ.

Въ засѣданіяхъ не подымалось никакихъ вопросовъ общаго или международнаго значенія, какъ было въ Римѣ, не принималось никакихъ петицій къ правительствамъ, и на меня это производило такое впечатлѣніе, что комитетъ этого не желалъ. Такъ какъ берлинскій конгрессъ былъ вторымъ послѣ римскаго, то естественно было хотя помянуть о тогдашнихъ постановленіяхъ и петиціяхъ и указать, чего удалось достичь въ смыслѣ международного обмѣна. Но кромѣ упоминанія о преемствѣ конгресса по этому поводу не было сказано ни слова. Въ Римѣ возбуждались и учебные вопросы. Въ Берлинѣ этого не было, кромѣ одного случая, который былъ намѣренно затушеванъ. Проф. Лампрехтъ (изъ Лейпцига) объявилъ въ IV секціи докладъ на широкообъщательную тему: „Культурныя и всемірно-историческія стремленія Лейпцигскаго университета“. Публики собралось довольно много. Вопреки ученой репутаціи г. Лампрехта и ожиданіямъ публики, докладъ вышелъ крайне не интересенъ, и дѣло шло объ организаціи исторической семинаріи въ Лейпцигѣ съ какими-то требованіями къ правительству. Все вышло неясно и скучно. Многіе, повидимому, знали о томъ, что имѣлъ въ виду г. Лампрехтъ, и собирались говорить. Но докладъ, полагаю преднамѣренно, былъ назначенъ такъ, что пренія не могли состояться, такъ какъ немедленно по его окончаніи предсѣдатель заявилъ, что какъ онъ самъ, такъ и докладчикъ должны немедленно удалиться. Такъ преній и не было, и я остался въ недоумѣніи на счетъ того, чего собственно хотѣлъ г. Лампрехтъ и отъ кого. Невольно закралось подозрѣніе, что г. Лампрехтъ хотѣлъ вынести соръ изъ избы, и его товарищи позаботились, чтобы этого не случилось. А въ Римѣ итальянцы охотно и свободно говорили устами Вилляри о своихъ недочетахъ въ постановкѣ университетскаго преподаванія исторіи, приглашали и представителей другихъ народовъ и государствъ (кромѣ впрочемъ русскихъ) высказаться по тому же вопросу, и засѣданіе на эту общую тему было полно живого интереса. Вообще, на мои глаза, нѣмцамъ не удалось дать конгрессу интернаціональнаго характера. Произошло ли это отъ ихъ собственной увѣ-

рвенности въ своемъ превосходствѣ, или отъ того, что старыя культурныя государства, какъ прежде всего Франція, не откликнулись на приглашеніе и съ запада было вобщемъ сравнительно очень мало представителей, рѣшать этотъ вопросъ не берусь. Старый Римъ съ своими дивными памятниками и развалинами осуществилъ международный и универсальный характеръ конгресса, молодой, богатый и раскошный Берлинъ не оказался на высотѣ положенія. Нѣмцы отнеслись къ конгрессу дѣловымъ образомъ. Они устроили очень много засѣданій, которыя съ трудомъ и не всегда высиживали сами предсѣдатели, дали мѣсто всѣмъ рефератамъ иностранцевъ, кто бы ни былъ. Заявлявшій его, профессоръ ли по своей специальности, или частный ученый, внимательно и любезно выслушали, что имъ подносили иностранцы; но во всемъ этомъ общеніи не было души, не было сознанія единого, великаго, общаго, культурнаго дѣла. Это было скорѣе очередное засѣданіе международного ученаго общества, чѣмъ интернаціональный съѣздъ историковъ.

IV.

Предварительный комитетъ озаботился изданіемъ дѣлаго ряда трудовъ, посвященныхъ членамъ конгресса; которые получали ихъ безвозмездно при первомъ своемъ появленіи въ канцеляріи. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать великолѣпно составленный и изящно изданный путеводитель по Берлину и его ближайшимъ окрестностямъ. Къ путеводителю приложены въ особой папкѣ двѣ ясныя и четкія карты: города Берлина и его окрестностей. Надъ составленіемъ путеводителя работала цѣлая комиссія изъ шести человекъ и блистательно справилась съ своей задачей. Въ первой части даны свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и топографіи Берлина, далѣе систематическій обзоръ общественныхъ зданій, церквей, памятниковъ, мостовъ, памятныхъ таблицъ. Во второй части путеводителя данъ краткій обзоръ всѣхъ музеевъ, ученыхъ учрежденій и тѣхъ ученыхъ обществъ, которыя имѣютъ отношеніе къ области исторіи. Такихъ обществъ двадцать. Въ заключеніе предложенъ обзоръ окрестностей. Форматъ, бумага, печать и самый подборъ матеріала не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Берлинская королевская бібліотека посвятила конгрессу „систематическій каталогъ періодическихъ изданій“ по исторіи и географіи. По поводу этого изданія нельзя не отмѣтить, что Россія представлена въ бібліотекѣ весьма посредственно, и списокъ изданій, приведенныхъ на стр. 290 и 296, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что нашъ языкъ

еще не поставленъ въ равноправныя отношенія съ другими европейскими языками и, вѣроятно, тѣ немногочисленныя изданія, какія имѣются въ этой библіотекѣ, мало кому нужны въ Берлинѣ.

Гораздо интереснѣе и важнѣе было то, что предложили вниманію конгрессистовъ берлинскіе музеи. Конгрессъ послужилъ для нихъ поводомъ къ устройству выставокъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, которые раньше не были приведены въ окончательный порядокъ и оставались недоступны для публики. Наиболѣе важной и интересной изъ такихъ выставокъ была выставка папирусовъ. Королевскій музей владѣетъ огромнымъ собраніемъ папирусовъ; надъ разборкой и изданіемъ ихъ трудится не мало ученыхъ, и возникшій въ недавнее время *Archiv für Papyruskunde* обогащаетъ новыми данными научный матеріалъ по изслѣдованію древняго міра. Хронологически этотъ матеріалъ распределяется на четыре тысячи лѣтъ: отъ первой половины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. и до 1000 года по Р. Хр. Въ хорошо освѣщенномъ большомъ залѣ музея выставлены подъ стекломъ лучшіе и большіе по размѣру текстовъ образцы египетскаго письма, сначала іероглифическаго, затѣмъ такъ называемаго демотическаго; далѣе тексты на коптскомъ языкѣ, нубійскомъ, арамейскомъ, сирійскомъ, еврейскомъ, персидскомъ и арабскомъ. Далѣе идутъ греческіе тексты, сначала литературные, затѣмъ—разнаго рода документы. Собраніе заканчиваютъ латинскіе тексты. Отъ первой секціи конгресса были организованы въ опредѣленные часы объясненія выставленныхъ образцовъ. Но полученіе билетовъ было сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями во избѣжаніе многолюдства. Прекрасно составленная брошюра подъ заглавіемъ: *Zur Einführung in die Papyrusausstellung der Königl. Museen in Berlin*, которую могъ получить каждый членъ конгресса, дѣлала даже излишнимъ руководство и объясненіе, въ особенности для людей, болѣе близкихъ къ античному міру. Нѣкоторые болѣе поздніе тексты, какъ, на примѣръ, посланіе александрійскаго патріарха около 800 года касательно празднованія пасхи, написаны такимъ прекраснымъ шрифтомъ, что читаются за стекломъ безъ малѣйшаго затрудненія. Но какого колоссальнаго труда и умѣнія стоило разворачиваніе этого свитка, сдѣланное безъ малѣйшаго поврежденія матеріала и текста! И сколько времени и любви къ дѣлу, помимо умѣнія, нужно было для того, чтобы этотъ интересный памятникъ церковнаго строительства давнихъ временъ получилъ такой доступный видъ!

Въ томъ же музеѣ, въ одной изъ залъ нижняго этажа, приведенъ былъ въ окончательный порядокъ ко времени открытія конгресса отдѣлъ

древностей Египта, относящихся къ временамъ, гораздо болѣе давнимъ, нежели пирамиды: каменный вѣкъ Египта. Управленіемъ музея издана была особая брошюра: *Vorgeschichtliche Alterthümer Aegyptens*, существенно облегчавшая ознакомленіе съ этимъ отдѣломъ. Много еще здѣсь вполнѣ загадочнаго и сомнительнаго, многое нуждается въ пополненіи и углубленіи изслѣдованія, а широкій просвѣтъ въ отдаленные горизонты начала человѣческой культуры въ странѣ Нила смущаетъ воображеніе. Точно также въ другомъ музеѣ — этнографическомъ (*für Völkerkunde*) ко времени конгресса приведенъ былъ въ окончательный видъ отдѣлъ доисторическихъ древностей, и издана особая брошюра: *Führer durch die Sonderausstellung der prähistorischen Abtheilung*. Этотъ отдѣлъ по сравненію съ существующими въ другихъ европейскихъ умственныхъ центрахъ, а отчасти и у насъ въ Россіи, не поражаетъ такой новостью вниманіе посѣтителя, какъ два выше указанные въ королевскомъ музеѣ. Здѣсь богато представлена вся территория германскаго племени и, что остановило мое вниманіе, есть не мало древнихъ предметовъ изъ крымскихъ находокъ. Я склоненъ однако думать, что нѣкоторыя вещи изъ этихъ послѣднихъ сомнительной подлинности. Кромѣ перечисленныхъ трехъ выставокъ были устроены еще двѣ: I. рѣзба на деревѣ XV вѣка, нѣмецкая и нидерландская, и II. рисунки изъ времени императора Максимилиана перваго. — Посѣщенія всѣхъ этихъ выставокъ можно было сдѣлать подъ руководствомъ специалистовъ, которые ихъ устраивали, и многіе члены конгресса воспользовались этимъ. О времени такихъ осмотровъ давались свѣдѣнія въ *Kongress-Tageblatt*.

Нѣкоторыя общества и издательскія фирмы сдѣлали свои подношенія конгрессу. Такъ, можно было получить экземпляръ роскошнаго изданія: „*Das königliche Schloss Bellevue bei Berlin*“, весьма содержательную брошюру: „*Geschichte der Stadt Berlin*“, составленную специальнымъ обществомъ, возникшимъ въ 1865 году для изученія исторіи Берлина. Нѣкоторыя изданія раздавались по секціямъ. Такъ во II секціи члены получили вторую половину VIII тома журнала *Klio*, лучшаго въ настоящее время періодическаго изданія по исторіи классическихъ народовъ; въ IV секціи раздавали посвященный конгрессу полутомъ *Revue Napoléonienne* отъ имени редактора этого изданія, Лумброзо (Римъ). Было, вѣроятно, еще много другихъ книжныхъ подношеній въ другихъ секціяхъ. А разныя книгоиздательскія фирмы и книгопродавцы въ обиліи присылали, уже по личнымъ адресамъ конгрессистовъ, свои каталоги и проспекты.

V.

Чтобы закончить мое описаніе конгресса, мнѣ остается упомянуть о тѣхъ собраніяхъ, приѣмахъ, увеселеніяхъ и экскурсіяхъ, которыми онъ сопровождался. О вечерѣ перваго дня я уже говорилъ. На вечерѣ втораго дня назначенъ былъ одновременно приѣмъ отъ города Берлина въ залѣ городской думы и спектакль въ Новомъ Королевскомъ оперномъ театрѣ. Билеты на этотъ послѣдній выдавались безвозмездно всѣмъ желающимъ, а приглашенія въ городскую думу разсылались избраннымъ. Съ разсылкой приглашеній вышла какая-то заминка, такъ что многіе иностранцы получали ихъ чуть ли не за часъ до начала приѣма. Приѣмъ назначенъ былъ ровно въ 8 часовъ, и на билетѣ значилось, что слѣдуетъ являться во фракѣ. Лѣстница и передній вестибюль были богато украшены экзотическими растеніями и цвѣтами, повсюду были разставлены ливрейные лакеи, все было залито электрическимъ свѣтомъ. Гостей любезно встрѣчалъ бюргермейстеръ (лицо, назначаемое отъ правительства) и его помощникъ (выборный), тотъ самый г. Рейке, который сказалъ на открытіи складную, но и поучительную рѣчь о задачахъ исторической науки. Богато декорированный залъ былъ заставленъ столами, повсюду стояли роскошные букеты цвѣтовъ, на хорахъ гремѣла музыка. Нѣкоторыя мѣста были назначены для официальныхъ лицъ и президіума конгресса, остальные занимали приглашенные, подбираясь компаніями. Такъ какъ гостей было не менѣе 400 и нашего обычая закусокъ въ Берлинѣ не знаютъ, то встрѣтиться съ знакомыми было трудно, и очень многіе гости попадали въ среду совершенно незнакомыхъ людей. Ровно въ четверть девятаго начался большой обѣдъ и только въ 11 часовъ встали изъ-за столовъ, и шумная толпа перешла въ сосѣднія залы, гдѣ разносили кофе и пиво и былъ буфетъ съ ликерами. Первый тостъ за здоровье императора былъ встрѣченъ олушеленными криками собранія; затѣмъ, съ промежутками слѣдовало нѣсколько рѣчей на разныхъ языкахъ съ преобладаніемъ нѣмецкаго, но шумъ отъ постепенно подымавшагося оживленія все усиливался, такъ что трудно было, несмотря на зычную команду предсѣдателя Козера, установить молчаніе. Скоро попытки говорить рѣчи прекратились, и въ залѣ стоялъ гулъ бесѣды ближайшихъ сосѣдей, который къ концу обѣда покрывалъ собою и музыку, гремѣвшую съ хоровъ. Угощеніе было роскошное, вина была много, шумъ стоялъ большой, но, какъ

мнѣ казалось, никакого общаго настроенія не было. И когда, по окончаніи обѣда, нѣмцы группами оживленно бесѣдовали между собою, никто изъ хозяевъ не проявлялъ никакихъ заботъ объ иностранцахъ, бывшихъ среди этой огромной толпы, а вѣшиваться въ эти группы, разъ видишь тамъ одного, двухъ знакомыхъ, было бы какъ-то навязчиво.

Въ значительно меньшемъ числѣ, приблизительно 200 человекъ, собрались члены конгресса на обѣдъ въ пятый день, 10-го августа новаго стиля, уже по подпискѣ (20 марокъ съ человекъ). Обѣдъ этотъ предусмотрѣнъ былъ предварительнымъ комитетомъ, и подписка принималась въ бюро. На билетахъ, выдававшихся при подпискѣ, значилось, что участники должны являться во фракахъ. Меня, признаюсь, очень удивило это распоряженіе. Въ Германіи нѣтъ, какъ въ Англіи, обычая обѣдать у себя дома во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, а такъ какъ мы собрались по подпискѣ, въ ресторанахъ, то мнѣ казалось, что форму костюма неловко было предписывать. Тѣмъ не менѣе, всѣ явились во фракахъ, а многіе, особенно нѣмцы, въ орденахъ. У нѣкоторыхъ вся грудь была завѣшена орденами, преимущественно иностранными. Обѣдъ назначенъ былъ въ половинѣ 8-го, но пришлось подождать почти часъ въ аванзалѣ. Оказалось, что сначала ждали почетныхъ гостей: бывшаго министра народнаго просвѣщенія и представителя нынѣшняго министра. Пріѣздъ этихъ лицъ не прекратилъ ожиданія въ залѣ, гдѣ не было ни стульевъ, ни дивановъ: что-то было еще не готово. Наконецъ, около половины 9-го двери раскрылись и мы вошли въ обѣденный залъ. Предсѣдатель, почетные гости, президіумъ сѣли на отведенныя мѣста, остальные распредѣлились, гдѣ кто хотѣлъ или могъ. Послѣ тоста за императора, восторженно принятаго присутствующими, говорилъ рѣчь представитель министра довольно складно, хотя и малосодержательно, при чемъ упомянулъ и о несчастіи, постигшемъ изобрѣтенею Цепелина, за что газеты посмѣялись надъ ораторомъ. Рѣчей было вообще мало, и въ дѣло внесена была регламентація, которой я вовсе не ожидалъ въ такомъ собраніи. Уже за два дня до этого обѣда предсѣдатель конгресса предложилъ акад. Лаппо-Данилевскому сказать на этомъ обѣдѣ рѣчь отъ всѣхъ иностранцевъ, участвовавшихъ въ конгрессѣ. Мотивировано это было тѣмъ, что на открытіи, гдѣ говорили итальянецъ, французъ и англичанинъ, не было привѣтствія отъ русскихъ. Г. Лаппо-Данилевскій исполнилъ порученіе предсѣдателя и сказалъ краткую складную рѣчь общаго содержанія. Рѣчь эта вызвала общее сочувствіе и

очень понравилась японцамъ, участвовавшимъ въ обѣдѣ. Одинъ изъ нихъ подошелъ, затѣмъ, къ г. Лаппо-Данилевскому и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Такъ какъ г. Лаппо-Данилевскій говоритъ отъ имени всѣхъ иностранцевъ, то этимъ какъ бы отстранялись дальнѣйшія рѣчи другихъ. Тѣмъ не менѣе, говорилъ еще одинъ итальянецъ, но за гуломъ бесѣды его было плохо слышно.

Самымъ интереснымъ моментомъ обѣда была рѣчь товарища предсѣдателя, проф. Виламовица-Мёллендорфа. Съ привѣтливой наружностью, тонкими чертами лица, мягкимъ и деликатнымъ тономъ обращенія, онъ представлялъ живой контрастъ властному и грубоватому Козеру. Онъ говорилъ изящно, тонко и съ увлеченіемъ. Какъ и въ первой своей рѣчи, при открытіи конгресса, такъ и теперь, Виламовицъ выражалъ радость по поводу того, что конгрессъ собрался въ Берлинъ, и въ интернаціональномъ характерѣ собранія и самой идеѣ конгресса признавалъ проповѣдь всеобщаго мира и единства культуры. Въ нынѣшней организаціи конгресса съ четырьмя языками: нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій, онъ признавалъ существенный недочетъ: отсутствіе одного языка славянской группы народовъ. Ораторъ выражалъ надежду, что ближайшее будущее восполнить этотъ пробѣлъ, и въ дальнѣйшихъ конгрессахъ будетъ уже пять языковъ общенія въ международныхъ собраніяхъ. Изящная и одушевленная рѣчь Виламовица не разъ прерывалась взрывами апплодисментовъ и сочувственными возгласами присутствующихъ. Определенно онъ не называлъ языка, но разумѣлъ нашъ русскій языкъ, какъ высказался о томъ еще раньше въ разговорѣ. Сочувствіе, съ которымъ были встрѣчены его слова всѣми присутствовавшими, врядъ ли, однако, можетъ явиться какимъ-либо залогомъ близости осуществленія этого пожеланія...

Кромѣ торжественнаго приѣма отъ города былъ еще другой, о которомъ не было упомянуто въ программѣ конгресса, но стало извѣстно въ первый же день. Избранныхъ членовъ конгресса предполагалъ принять императоръ Вильгельмъ въ Потсдамѣ. Но такъ какъ онъ задержался въ своей дипломатической поѣздкѣ и въ Берлинъ не могъ вернуться до окончанія конгресса, то приѣмъ былъ устроенъ 11-го августа отъ его имени въ одномъ изъ потсдамскихъ дворцовъ. Съ разсылкой приглашеній тоже запоздали, и посылались они съ большимъ разборомъ. Нѣмцевъ тамъ было много, а сколько было иностранцевъ, я не знаю, такъ какъ самъ я не получилъ приглашенія, хотя предсѣдатель мнѣ говорилъ, что я найду его дома. Одновременно съ этимъ

пріемомъ для всѣхъ членовъ конгресса устроена была экскурсія въ Потсдамъ и на Ваннское озеро. Я воспользовался этимъ днемъ для осмотра музеевъ, и такъ какъ день былъ дождливый, то и не прогадалъ.

По окончаніи конгресса предполагена была экскурсія въ Гамбургъ по подпискѣ за опредѣленную сумму. Хотя Гамбургъ меня очень интересовалъ, но я не располагалъ временемъ для этой поѣздки, рассчитанной на двое сутокъ, да и самая перспектива толкаться среди толпы чужихъ людей меня мало прельщала. Запись шла слабо, и я даже не знаю, состоялась ли эта экскурсія.

Нельзя не упомянуть о тѣхъ частныхъ собраніяхъ, которыя устраивали нѣкоторые предсѣдатели секцій для своихъ друзей и тѣхъ членовъ, которые читали доклады. Мой докладъ попалъ въ IV секцію, и я еще въ Россіи получилъ любезное приглашеніе отъ проф. Рете (Roethe) на обѣдъ у него 8-го августа. Гостей было болѣе 20 чловѣкъ, между ними были два шведа, норвежецъ, два итальянца, одинъ венгерецъ, одинъ хорватъ, да я, одинъ русскій. Обѣдъ на собственной роскошной виллѣ профессора, расположенной за Шарлоттенбургомъ, вѣрстахъ въ 15-ти отъ центра города, отличался большимъ обиліемъ купаній и изысканныхъ винъ. Послѣ обѣда въ саду устроена была иллюминація, и только въ 12 часовъ покинули мы гостепріимный домъ Рете, чтобы по подземной дорогѣ попасть въ наши отели. Не знаю, всѣ ли предсѣдатели секцій дѣлали такія собранія но, думаю, что не всѣ они обладаютъ такими средствами, какія, очевидно, выпали на долю Рете. За обѣдомъ выказано было много радушія и гостепріимства милыми хозяевами; но собраніе, въ виду сброднаго характера секцій, сталкивало людей совершенно различныхъ специальностей, не имѣвшихъ общихъ интересовъ. Хозяинъ—представитель германской филологіи въ Берлинскомъ университетѣ, чловѣкъ живой, съ блестящимъ даромъ слова и пользующійся большимъ авторитетомъ.

Упомяну еще объ одномъ увеселеніи, которое по программѣ конгресса было предложено комитетомъ съ небольшою платой (2 марки). Филологи - студенты университета Галле разучили и поставили на сценѣ два древнихъ фарса. аттическаго комика Менандра. Фрагменты ихъ текстовъ открыты были на папирусахъ, которые вообще за послѣднее время не перестаютъ обогащать насъ новымъ матеріаломъ по древней литературѣ. Скабрзные и грубые по своему содержанію, эти мимы, какъ назывались этого рода представленія,

дошли далеко не въ полномъ видѣ, и недостающее въ текстѣ было восполнено мимическими сценами собственнаго изобрѣтенія студентовъ подъ руководствомъ профессора Роберта. Представленіе шло около двухъ часовъ въ театрѣ Шиллера въ Шарлоттенбургѣ. Театръ былъ полонъ, исполнители награждены аплодисментами и вызовами по окончаніи спектакля, но интереса къ античной драмѣ такіа пьесы пробудить не могутъ: все здѣсь грубо, грязно, шаблонно и каррикатурно. Въ древнихъ мимахъ женскія роли, въ противоположность трагедіи и комедіи, исполнялись женщинами, и это усиливало ихъ цинизмъ. Здѣсь было иначе: всѣ исполнители были студенты, отлично выучившіе свои роли и игравшіе съ большимъ стараніемъ, а нѣкоторые даже съ искусствомъ.

Какъ я, упоминалъ въ началѣ, дамы, члены конгресса, имѣли свою особую программу и свое представительство изъ профессорскихъ женъ. Подъ ихъ руководствомъ были организованы посѣщенія музеевъ, больницъ, огромныхъ магазиновъ, какъ домъ Варгейма на Лейпцигской улицѣ, зоологическаго сада, благотворительныхъ учреждений города Берлина. Кромѣ того, были особыя экскурсіи въ окрестности. Много ли дамъ принимало участіе въ этихъ посѣщеніяхъ и какъ тамъ шло дѣло, объ этомъ я не имѣю ничего сообщить. Но, повидимому, въ дамской половинѣ конгресса было большое оживленіе.

Заканчивая на этомъ свои впечатлѣнія о берлинскомъ международномъ конгрессѣ, не могу не сказать, что въ общемъ онъ былъ гораздо менѣе интересенъ, нежели собравшійся въ Римѣ въ 1903 г. Берлинъ со своею ученостью и своими богатыми музеями слишкомъ новый городъ по сравненію съ Римомъ. Центръ могущественнаго государства и великаго культурнаго народа, онъ не имѣетъ того обаянія, какое производитъ на всякаго европейца вѣчный Римъ, и свойственныя пруссакамъ самосознаніе, самодовольство, отсутствіе радушія и привѣтливости въ характерѣ и манерѣ обращенія, въ особенности съ иностранцами, никакъ не являлись благоприятными условіями для того, чтобы на этомъ конгрессѣ могъ сказаться интернациональный духъ. Это былъ германскій съѣздъ въ которомъ приняли участіе иностранцы въ довольно значительномъ числѣ, но они терялись среди нѣмцевъ.

Юліанъ Нулановскій.

А. П. ЛЕБЕДЕВЪ.

(Некрологъ).

14-го іюля въ Москвѣ скончался профессоръ университета А. П. Лебедевъ. Извѣстіе объ этой преждевременной смерти поразило всѣхъ, знавшихъ покойнаго. Несмотря на свои 63 года, Алексѣй Петровичъ обладалъ могучимъ здоровьемъ, невѣроятной неутомимостью, юношеской жизнерадостностью. Рожа, павшая на внутренніе органы, въ четыре дня задушила этого великана. Операция оказалась произведенной поздно, и знаменитаго историка не стало. Исторія церкви въ Россіи осиротѣла. Кто имѣетъ отношеніе къ этой дисциплинѣ, признаетъ, что рухнуло что-то чрезвычайно большое. Постъ вождя останеся вакантнымъ... 38 лѣтъ этотъ человѣкъ шелъ впереди и впередъ, ни разу не подумавъ объ отдыхѣ, не зная усталости. Его статьи послѣднихъ лѣтъ, послѣднихъ мѣсяцевъ говорятъ, что за сорокъ лѣтъ талантъ его не износился ни-сколько, что его сердце билось сильнѣе, чѣмъ у многихъ молодыхъ. Въ русской профессурѣ Алексѣй Петровичъ явленіе съ этой стороны чрезвычайно рѣдкое. Только одно зловѣщее облако постоянно омрачало эту кипучую работу: около 15 лѣтъ онъ жилъ подъ страхомъ потери зрѣнія. Для профессора, особенно такого, какъ А. П. Лебедевъ, потеря зрѣнія—мученичество въ полномъ смыслѣ этого слова. Около 15 лѣтъ онъ носилъ стекла № 3 и при одномъ случаѣ говорилъ: „мой злѣйшій врагъ—докторъ Крюковъ“ (извѣстный Московскій профессоръ-окулистъ). Однако, мысль объ угрожающей опасности не въ состояніи была заставить А. П. Лебедева подчиниться предписаніямъ врача: онъ постоянно страдалъ невоздержаніемъ въ чтеніи. Рѣдкіе здоровые глаза выносятъ такую работу, какую онъ задавалъ больнымъ. До самаго послѣдняго часа онъ слѣдилъ за ве-

личественнымъ развитіемъ своей науки, особенно въ Германіи, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и самъ шелъ впередъ. Трогательно было видѣть во время бесѣдъ, какъ этотъ могучій ученый подавался въ своихъ взглядахъ подъ напоромъ новыхъ изслѣдованій въ области своей науки, покидалъ выстрадавныя позиціи и благословлялъ новые пути. Къ сожалѣнію, это движеніе во взглядахъ покойнаго въ печати отмѣчено очень слабо... потому что негдѣ было дѣлиться съ публикой своими наблюденіями. Его статьи и взгляды могли интересовать почти только читателей духовныхъ журналовъ, но здѣсь для нихъ не было мѣста, потому что духовная журналистика у насъ приведена къ могильному молчанію... Самыя умѣренныя статьи его натыкались на камни. Мнѣ извѣстно, напр., что отношеніе къ А. Гарнаку у А. П. Лебедева измѣнилось въ болѣе положительную сторону. Но объ этой перемѣнѣ негдѣ было побесѣдовать съ читателемъ. Очень много затѣмъ покойный въ послѣднее время говорилъ о необходимости познакомить русскую публику съ результатами нѣмецкой критики Ветхаго и Новаго Завѣта. Онъ приходилъ въ уныніе при видѣ тюремнаго положенія, въ которомъ находится разработка вопросовъ, касающихся Библии, въ нашихъ Духовныхъ Академіяхъ. Для Ветхаго Завѣта А. П. Лебедевъ работу хотѣлъ взять на себя. Она должна была подвести итоги движенію на Западѣ. Безмѣрно жаль, что смерть помѣшала выполненію этого намѣренія. И не только этого! Голова А. П. Лебедева была неизсякаемымъ родникомъ всевозможныхъ плановъ, самыхъ интересныхъ темъ, самыхъ оригинальныхъ и блестящихъ объясненій. И это естественно. Онъ работалъ надъ церковной исторіей на всемъ ея протяженіи, работалъ упорно и страстно почти сорокъ лѣтъ. Отсюда у него происходило, можно сказать, произвольное самоосвѣщеніе поглощеннаго имъ колоссальнаго матеріала. Треніе фактовъ и выводовъ продолжалось въ этой неутомимой головѣ непрерывно и часто давало вснышки поразительнаго остроумія. Кто знаетъ А. П. Лебедева по книгамъ, тотъ знаетъ его наполовину. Онъ написалъ цѣлый томъ о раздѣленіи церкви и какъ-то въ разговорѣ со мною заявилъ, что недоволенъ своей работой, что отправная точка работы, а равно изслѣдованій Иванцова, Пихлера, Гергенрѣтера на ту же тему, несостоятельна, что исторію раздѣленія писать нельзя, а нужно писать исторію единенія церквей: нечего было раздѣлять, потому что не было единенія; что въ самую цвѣтущую пору оно держалось на волоскѣ; считать Фотія виновникомъ раздѣленія церквей—это суевѣріе; отсюда роковая ошибка, по его взгляду, католическихъ и нашихъ церков-

ныхъ историковъ: тѣ стараются во что бы то ни стало Фотія утопить, а наши превращаютъ его въ икону, чѣмъ Фотійъ никогда не былъ. Безконечное множество блестящихъ объясненій, оригинальныхъ и сильныхъ гипотезъ навсегда унесено въ могилу. Слѣдуетъ пожалѣть, что у покойнаго не было привычки заносить свои наблюденія отрывочно въ записную книгу. Изданіе посмертное такихъ записей, я увѣренъ, произвело бы фуроръ. Подъ командой монашеской цензуры все это въ свое время не могло проникнуть въ печать и теперь погибло невозвратно.

Духовную цензуру вообще нельзя благословлять за ея отношеніе къ А. П. Лебедеву. Сколько эпергій и нравственной бодрости потрачено имъ на торговлю съ ея представителями! Его докторская диссертация—корректнѣйшее изъ проавведеній церковно-исторической литературы,— правда, проскользнула, но скоро подверглась преслѣдованію. Самъ А. П. Лебедевъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: „я могъ напечатать свою диссертацию, потомъ причинившую мнѣ непріятности, лишь благодаря безконечному добродушію редактора одного духовнаго журнала и благодаря халатности цензора послѣдняго, цензора, не заглядывавшаго въ цензуруемый имъ журналъ. Второе же ея изданіе появилось въ свѣтъ, вслѣдствіе замѣчательной смѣлости петербургскаго цензора архимандрита Василія (Грекова), моего ученика, который, можетъ быть, на его счастье черезъ мѣсяць послѣ этого скончался. Книжку „Духовенство древней церкви“ цензура, какъ я хорошо понималъ, не пропустила бы. Въ виду этого я сдѣлалъ такъ. Печатавъ ее отрывками въ духовныхъ журналахъ, при чемъ трудно было понять, къ чему все это сводится. А когда я такимъ способомъ напечаталъ почти всю книгу, я представилъ журнальные оттиски въ цензуру; а цензура, видя, что вся книга по частямъ уже была одобрена раньше къ печати, не имѣла нужды еще разъ пересматривать ее“. И это было въ 1905 году! А дальше стало еще хуже. Въ бытность мою редакторомъ „Богословскаго Вѣстника“, издаваемаго Московской Духовной Академіей, въ 1906—1907 г. А. П. Лебедевъ былъ самымъ усерднымъ сотрудникомъ журнала. Всѣ книги выходили съ его статьями. Но никто не знаетъ, что дѣлалось за кулисами, сколько пришлось пережить маститому историку. Статьи „Слѣпыя вожди. Четыре момента въ жизни церкви“ не были пропущены, хотя сейчасъ же были напечатаны въ Москвѣ съ разрѣшенія духовной цензуры. Въ статьяхъ „Три очерка по церковной историографіи у насъ“ сдѣланы трагикомическія купюры. Статью „По вопросу о происхожденіи первы-

христіанскої ієрархіи“ едва удалось отстоять. Съ перваго взгляда можно подумать, что А. П. Лебедевъ поднималъ тонъ выше всякой мѣры. Нисколько! До какой степени дѣло было не въ статьяхъ, видно изъ того, что на академическаго блюстителя литературнаго порядка не могъ угодить даже членъ московскаго духовнаго цензурнаго комитета московскій протоіерей, статья котораго была изуродована и который послѣ этого отказался отъ работы въ журналѣ. А. П. Лебедевъ нѣсколько разъ хотѣлъ пресѣчь сотрудничество, и только мои усиленные просьбы заставляли его снова браться за перо.

Благодаря такому воздѣйствію цензуры, повторю, объ А. П. Лебедевѣ нельзя судить по громадной массѣ напечатанныхъ имъ статей и книгъ. Я скажу даже больше: мысль о цензурѣ сбивала А. П. Лебедева съ темъ, къ которымъ лежала его душа, но работать надъ которыми можно было только съ полною увѣренностью не видѣть своей работы въ печати. И этотъ человѣкъ умеръ не только не высказаннымъ, но и изуродованнымъ. Такова судьба всѣхъ нашихъ видныхъ церковныхъ историковъ. Изъ опасенія, что „возопіють камни“, какъ извѣстно, не обнародовалъ своего открытія, касающагося Несторія, покойный В. В. Болотовъ. Для общаго учета работы А. П. Лебедева эти условія приходится принимать во вниманіе неизбѣжно. Трудно представить, во что и какъ развернулась бы эта сила при полной свободѣ!

Много можно было ждать и теперь еще. При колоссальной энергіи А. П. Лебедевъ показывалъ необычайную регулярность въ работѣ. Четырнадцать-пятнадцать часовъ въ сутки отдавались имъ кабинету ежедневно до самаго послѣдняго времени. Перерывъ допускался только тогда, когда настойчиво требовали того больные глаза. Почти вѣчно одинъ, безъ всякихъ пристрастій, которыя могли бы скрадывать время и мѣшать работѣ, онъ былъ въ состояніи въ мѣсяцы дѣлать то, на что другимъ потребовались бы годы. Онъ расходовалъ свои силы только на науку. Практической дѣятельности у него не было никакой. Политикомъ онъ интересовался, но не занимался. Отсюда у А. П. Лебедева нѣтъ біографіи въ общепринятомъ смыслѣ. Исторія его жизни—это исторія его лекцій и его книгъ. Когда я хочу набросать эту біографію, то испытываю затрудненіе, несмотря на хорошія данныя, которыми располагаю: почти нечего писать; до такой степени однообразна эта богатая внутри жизнь.

Родился снѣ 2 марта 1845 года въ селѣ Очаковѣ Московскаго уѣзда въ семьѣ священника. Особенно благотворное вліяніе исходило

отъ матери. Отношенія А. П. Лебедева къ матери одна изъ самыхъ трогательныхъ страницъ въ его жизни. И послѣ смерти она неизмѣнно жила въ сердцѣ сына. Каждый годъ можно было 21-го мая, рано утромъ видѣть его надъ ея могилой въ Сергіевомъ Посадѣ, куда онъ неопустительно являлся изъ Москвы. Образование А. П. Лебедевъ получилъ въ Перервинскомъ духовномъ училищѣ, Московской семинаріи и Московской духовной академіи, которую окончилъ въ 1870 г. Изъ профессоровъ-учителей А. П. Лебедевъ сохранилъ наилучшія воспоминанія объ Н. Д. Мансветовѣ—археологѣ и доселѣ здравствующемъ Е. Е. Голубинскомъ. Школьные годы А. П. Лебедева—время реформеннаго подъема 60-хъ годовъ. Это, безъ сомнѣнія, отозвалось сильно на всемъ міросозерцаніи А. П. Лебедева. У него никогда не было тѣхъ ноющихъ подавленныхъ нотъ, которыя отличаютъ работниковъ слѣдующей хмурой попятной эпохи. Онъ росъ духовно въ обстановкѣ поднимающей, бодрящей, зовущей впередъ, напитанной широкими планами и реформами. Отсюда увѣренность въ своихъ силахъ, отсюда работы, рассчитанныя на много лѣтъ.

О началѣ своей ученой карьеры самъ А. П. Лебедевъ рассказываетъ слѣдующее. „По окончаніи курса, мнѣ, еще не имѣвшему никакой ученой степени, предложено было ректоромъ академіи сразу немного нимаало—всего пять академическихъ вакантныхъ каедръ: Св. Писанія Ветхаго Заѣта, св. Писанія Новаго Заѣта, библейской исторіи, введенія въ кругъ богословскихъ наукъ и, наконецъ, древней церковной исторіи. Съ нетерпѣніемъ ждала меня и шестая каедра—по метафизикѣ (въ Кіевской духовной академіи)... Чѣмъ же объясняется такой, изъ ряда вонъ выходящій, фактъ? Дѣло объясняется такъ: въ 1869 г. вводился новый академическій уставъ въ Кіевской академіи, вслѣдствіе чего понадобилось замѣстить здѣсь кѣмъ-либо каедру метафизики, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ не преподавалась въ указанной академіи. Совѣтъ этой академіи обратился къ покойному профессору Кудрявцеву съ просьбой рекомендовать кого-либо изъ его учениковъ для замѣщенія каедры метафизики. Кудрявцевъ рекомендовалъ меня не потому однако же, что считалъ меня великимъ метафизикомъ, а потому, что я тогда, будучи на 4-мъ курсѣ, писалъ магистерское сочиненіе на философско-богословскую тему... Мною выбранъ топерешній мой предметъ. Я со времени дѣтства любилъ исторію, хотя мало понималъ сущность этой, въ дѣйствительности, очень мудреной науки. Не скрою, что тогдашній ректоръ А. В. Горскій былъ противъ моего выбора церковной исторіи по различнымъ осно-

ваніямъ. Во-первыхъ, мои успѣхи по церковной исторіи были отмѣчены лишь балломъ—четыре (какова прорія судьбы!); во-вторыхъ, по какимъ-то случайнымъ причинамъ я не писалъ ни одного семестрового сочиненія ни по одной изъ церковно-историческихъ наукъ,—а главное: мое магистерское сочиненіе не имѣло никакого отношенія къ церковной исторіи. А. В. Горскій настойчиво предлагалъ мнѣ взять каедрѣ „введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“, но я уперся и стоялъ на своемъ. Я долженъ сказать, что философско-богословская тема для магистерскаго сочиненія избрана мной не по доброй волѣ, а по назначенію тогдашней такъ называемой академической конференціи... Но спрашивается: почему же все-таки я не послушался доброжелательнаго совѣта Горскаго и не принялъ каедрѣ „введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“?—Я никогда не чувствовалъ большого расположенія къ философствованію, а моя магистерская тема окончательно поссорила меня съ философіей, съ философіей, какъ она понимается въ академіи. Эта философія напередъ предрѣшаетъ и предрѣшала всѣ вопросы,—и изслѣдователю напередъ указывалось, гдѣ непременно нужно говорить—да, и гдѣ столь же непременно говорить—нѣтъ. Правда, при написаніи моей диссертациі встрѣчались случаи, гдѣ нельзя было съ увѣренностью сказать ни да, ни нѣтъ, но въ этихъ случаяхъ обязательно приходилось тянуть волосянку на мотивъ: нельзя не соглашаться, но нужно признаться. Все это мнѣ быстро наскучило и возбуждало физическую тошноту. Я понялъ, что академическая философія есть истинная нирвана для дѣйствительной науки этого имени. И я не удивляюсь тому, что всѣ лѣнливые люди въ академіи обнаруживаютъ несомнѣнную склонность къ философіи. Я отнюдь не пожелалъ мыслить сообразно готовой указкѣ и раскланявшись со всѣмъ, что носило наименованіе академической философіи, занялъ, не взирая ни на что, каедрѣ древней церковной исторіи. Такъ я сдѣлался историкомъ“.

Не академическихъ читателей этого разсказа можетъ удивить порядкомъ замѣщенія каедрѣ въ духовныхъ академіяхъ и положеніе въ нихъ философіи. Можемъ отмѣтить, что замѣщеніе каедрѣ производится въ академіяхъ до сихъ поръ, за рѣдкими исключеніями, такъ же. Отъ этого страдаютъ наука и профессора, но выхода изъ этого положенія доселѣ не найдено. Нечего и говорить, что плачевныя условія, въ которыхъ А. П. Лебедевъ получалъ каедрѣ, не только не умаляютъ, а напротивъ возвышаютъ его послѣдующую работу: путь къ извѣстности приходилось прокладывать среди терній. Что касается

философіи, то и теперь она не избавилась отъ цѣпей. Можно сказать больше: многія и другія академическія науки раздѣляютъ ея судьбу. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей покойный писалъ: „да, исторія православной духовной академіи должна быть написана слезами и кровью. Въ ней жилось припѣваючи только такимъ лицамъ, которыя безцеремонно разсуждали такъ: „въ нашей церкви хозяинъ Св. Синодъ, а если домохозяинъ прикажетъ, напр., окрасить свой заборъ полосами красными, синими, зелеными, желтыми, то мастеръ долженъ исполнить волю приказавшаго“. Эти слова, говорю откровенно, наводятъ на меня ужасъ; и мнѣ кажется, если бы уважающій свое достоинство человѣкъ послѣдовалъ имъ, то онъ могъ бы найти утѣшеніе себѣ лишь въ чашѣ зелена вина. Вѣдь, дѣло идетъ о наукѣ, истинѣ, объ искаженіи образа Божія въ человѣкѣ“.

А. П. Лебедевъ прослужилъ въ Московской духовной академіи болѣе 25 лѣтъ. Здѣсь онъ создалъ свою славу, здѣсь написалъ громадное большинство своихъ работъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ творцовъ славы этой академіи. Какъ профессоръ, А. П. Лебедевъ стоялъ въ глазахъ студентовъ чрезвычайно высоко. Его аудиторія была одна изъ самыхъ посѣщаемыхъ. Въ этомъ отношеніи его непобѣдимымъ соперникомъ былъ только В. О. Ключевскій, у котораго соперниковъ и вообще быть не можетъ. Надо сказать, что матеріалъ для церковно-исторической аудиторіи наши академіи вообще даютъ хорошій: студенты подготовлены по этому предмету лучше, чѣмъ по другимъ, и могутъ принимать очень твердую научную пищу. Готовность аудиторіи слушать равнялась готовности лектора работать. А. П. Лебедевъ зажилъ аудиторіей и для аудиторіи. Это былъ почти единственный профессоръ въ академіи, ежегодно предлагавшій новые курсы. Въ аудиторію переходили всѣ сколько-нибудь крупныя новости евронеиской церковно-исторической науки. Чувствовалось, что на кафедрѣ сидитъ полный хозяинъ своего предмета. Естественно, что многіе студенты тянулись работать подъ его ближайшимъ руководствомъ. Изъ его школы вышло болѣе 10 магистровъ. Работы многихъ его учениковъ встрѣтили хорошій пріемъ и у насъ и за границей. Пять изъ его учениковъ заняли кафедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, Москвы и Одессы.

Дружба А. П. Лебедева съ аудиторіей наложила печать на всѣ его работы. За ничтожными исключеніями всѣ его сочиненія представляютъ собою курсы, читанные въ Московской духовной академіи. Для печати производились незначительныя передѣлки. Это объясняетъ

характеръ почти всѣхъ его произведеній. Большую аудиторію трудно собрать на специальный, сухой курсъ. Отсюда даже въ качествѣ диссертации на степень доктора А. П. Лебедевъ представляетъ исторію цѣлой эпохи. Но съ другой стороны солидная аудиторія давала ему возможность объявлять и читать курсы очень грузные и не вынуждала его упрощать науку до предѣловъ, за которыми начинается искаженіе. Только при такой постановкѣ дѣла онъ въ состояніи былъ создать грандіозный курсъ исторіи церкви, при чемъ исторія церкви восточной доведена до нашихъ дней. Чтобы оцѣнить значеніе этого курса, слѣдуетъ только вообразить, что его нѣтъ. При этой мысли становится рѣшительно жутко. Цѣнность курса растетъ по мѣрѣ приближенія къ его концу. Это естественно. Протестантская наука занимается, главнымъ образомъ, начальнымъ христіанствомъ и мало интересуется судьбами церкви восточной, особенно позднѣйшей.

На курсѣ А. П. Лебедева воспитались цѣлыя поколѣнія. Въ Московской духовной академіи этотъ курсъ жилъ и живетъ доселѣ. Мнѣ пришлось по порученію покойнаго слѣдить за продажей его сочиненій во 2-мъ полномъ изданіи студентамъ академіи, и я могу сказать, что было продано громадное количество томовъ, особенно если принять во вниманіе небольшое число студентовъ въ академіи и ихъ героическую бѣдность. Для студентовъ, насколько я могъ слѣдить, имя А. П. Лебедева осталось священнымъ до послѣднихъ дней. Они же, не зная его лично, какъ родные, скорбѣли надъ его безвременной могилой. Съ увѣренностью можно сказать, что еще не одно поколѣніе вырастетъ съ книгами А. П. Лебедева въ рукахъ.

Пріемы работы А. П. Лебедева легко прослѣдить по его появившимся въ печати томамъ. Онъ всегда весьма тщательно собиралъ литературу вопроса. Въ то время, когда онъ работалъ надъ курсомъ, это не было легкимъ дѣломъ. Теперь съ „Исторіей Византійской литературы“ Крумбахера, съ „Byzantinische Zeitschrift“ и „Византійскимъ Временникомъ“ изслѣдователь византійскаго средневѣковья можетъ быть покоенъ: за всѣмъ слѣдятъ внимательные люди. Но до 90-хъ годовъ прошлаго вѣка ничего не было. — Какое значеніе вообще придавалъ А. П. Лебедевъ предшествовавшей литературѣ, объ этомъ всего лучше говорить томъ въ 600 страницъ его „Церковной исторіографіи въ главныхъ ея представителяхъ съ IV до XX вѣка“. „Богатѣе и духовно крѣпше мудростію“ представителей почти исключительно, разумѣется, европейской науки настойчиво рекомендовалъ онъ всегда своимъ слушателямъ и читателямъ.

Обиліе точекъ зрѣнія на предметъ, унаслѣдованныхъ отъ предшественниковъ и нейтрализовавшихъ другъ друга, предохраняло А. П. Лебедева отъ увлеченій и односторонностей. Къ этому же вела его привычка постоянно опускаться на источники. Онъ любилъ источники и беспощадно гналъ отъ себя и преслѣдовалъ въ работахъ учениковъ выводы, если они вырывались изъ-подъ власти документовъ. „Философія“, разгонистыхъ гипотезъ А. П. Лебедевъ не выносилъ и каралъ за нихъ немилосердно. Сначала съ нимъ трудно было мириться, но потомъ приходило сознаніе, что эти суровыя руки ставятъ на правильный путь. — Отсюда изложеніе у него имѣетъ всюду трезвый уравновѣщенный характеръ, иногда отдающій нѣкоторою сухостью. Гдѣ только возможно, вмѣсто автора говорить документъ. При такихъ условіяхъ курсъ А. П. Лебедева не можетъ устарѣть быстро: ветшаютъ точки зрѣнія, а не источники.

Общее направленіе курса А. П. Лебедева во многомъ отражаетъ на себѣ его преклоненіе предъ нѣмецкой церковно-исторической наукой. Дѣйствительно, въ германскихъ богословскихъ факультетахъ разработка и преподаваніе церковной исторіи поставлены на необычайную высоту. Остаться внѣ вліянія такой науки умному человѣку совершенно невозможно. А. П. Лебедевъ осторожно отклонялъ крайности, подсказываемыя вѣроисповѣдной точкой зрѣнія, но онъ не задумывался принять хорошо доказанный выводъ, если онъ даже и находился въ ссорѣ съ нашей догматикой. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей по этому поводу А. П. Лебедевъ писалъ: „по нашему мнѣнію, требованіе, чтобы церковно-историческая наука являлась какою-то служанкой догматическаго богословія, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, основывается на какомъ-то прискорбномъ недоразумѣніи. Мы вполне понимаемъ, когда намъ говорятъ, что догматика русская православна, догматика протестантовъ протестантична и т. д., потому что догматика есть наука сепаративная, стремящаяся отдѣлать себя непроходимой пропастью отъ всякой другой догматики. Напротивъ, церковная исторія, какъ дѣйствительная наука, не можетъ и не должна служить никакимъ частнымъ сепаративнымъ интересамъ. Всѣ церкви, всѣ христіанскія общества разсматриваются въ ней, какъ единая семья, какъ единый народъ Божій. Не ея дѣло дѣлать христіанскіе народы, подлежащіе ея изученію, на овецъ и козлищъ. Она должна показать, какія перемѣны во всѣхъ отношеніяхъ случались въ церкви христіанской, при какихъ условіяхъ возникли извѣстныя христіанскія общества, но третировать одни общества, какъ ложно христіанскія, другія какъ

истинно христіанскія — дѣло не церковной исторіи. Съ точки зрѣнія исторіи всѣ церкви—явленія исторически истинныя“.

Отсюда и научныя симпатіи А. П. Лебедева распредѣлялись между лицами, совершенно минуя ихъ вѣроисповѣданія, ихъ воззрѣнія. При одномъ случаѣ я задалъ ему вопросъ, кого онъ считаетъ величайшимъ историкомъ церкви. Для XIX вѣка А. П. Лебедевъ называлъ кардинала Гергенрѣтера, автора извѣстнаго сочиненія о патріархѣ Фотіѣ, а для XX профессора Берлинскаго университета А. Гарнака. О Гарнакѣ этотъ отзывъ понятенъ. Гергенрѣтеръ можетъ казаться меньше, но только потому, что онъ работалъ надъ эпохой, мало популярной. Для того, кто занимался исторіей эпохи Фотія, отзывъ А. П. Лебедева представляется безспорнымъ и совершенно заслуженнымъ: нельзя не удивляться колоссальной эрудиціи и таланту кардинала.

Точка зрѣнія А. П. Лебедева на свою науку совершенно естественна. Но легко видѣть, что она не по плечу нашему церковному обществу и совершенно непонятна нашему духовному вѣдомству. Работа въ чисто научномъ направленіи создала покойному крупныя непріятности. Какъ только вышла въ 1879 г. его докторская диссертация, надъ авторомъ нависли тучи. Проф. Горскій въ своей брошюрѣ „Голосъ стараго профессора“ сообщаетъ гнетущее извѣстіе: будто бы И. С. Аксаковъ намѣревался въ газетѣ „День“ напечатать статью, отмѣчавшую „очень рѣзко такія особенности сочиненія, указаніе которыхъ могло невыгодно отозваться на дѣлѣ приобрѣтенія А. П. Лебедевымъ докторской степени“. Не печатать эту статью уговорилъ И. С. Аксакова проф. Московскаго университета А. М. Иванцовъ-Платоновъ, который далъ слово написать статью о диссертации *послѣ* полученія докторантомъ искомой докторской степени. Я лично не считалъ И. С. Аксакова способнымъ на *такія* статьи. Желательно бы слышать по этому вопросу сужденіе людей свѣдущихъ.—А. М. Иванцовъ-Платоновъ исполнилъ свое обѣщаніе. У него загорѣлась шумная полемика съ покойнымъ. Противники написали по цѣлой книгѣ другъ противъ друга. Увлеченія было достаточно и съ той и съ другой стороны. Отношенія у противниковъ не наладились въ теченіе всей ихъ жизни. Въ примѣчаніяхъ къ своей актовой рѣчи о Фотіѣ А. М. Иванцовъ снова затронулъ А. П. Лебедева. Изъ своей „Исторіи раздѣленія церквей“ А. П. Лебедевъ въ свою очередь выступилъ противъ Иванцова. Это выступленіе вызвало бурную полемику на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Противъ А. П. Лебедева выступили род-

ственики уморшаго протоіерея. Поломка эта стояла покойному тяжелых нравственныхъ переживаній. Въ дѣло вмѣшался затронутый А. П. Лебедевымъ проф. П. П. Горскій, написавшій брошюру подъ заглавіемъ: „Голосъ стараго профессора по дѣлу А. П. Лебедева съ покойнымъ профессоромъ А. М. Иванцовымъ - Платоновымъ“. Въ бумагахъ покойнаго остались записи, имѣющія отношеніе къ выступлениямъ его противниковъ. Въ свое время онѣ, конечно, будутъ напечатаны и учтены при оцѣнкѣ позиціи А. П. Лебедева.

Вскорѣ послѣ выхода диссертациі явилось подпольное анонимное изданіе противъ нея. Незавѣстнымъ благожелателемъ оно было разослано по вѣсмы высокопоставленнымъ лицамъ духовнаго вѣдомства. Здѣсь доказывалось, что диссертацию необходимо отдать на пересмотръ вселенскимъ патріархамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что диссертациа потеряла надолго возможность появиться во 2-мъ изданіи. Цѣна на нее одно время доходила до 20 рублей,

Травля поднималась и въ послѣдующее время не разъ. Въ 1896 г., по поводу статей о греческой церкви послѣ паденія Константинополя, помѣщавшихся въ „Богословкомъ Вѣстникѣ“, сдѣлано выступленіе г. Дурново въ „Гражданинѣ“. Здѣсь А. П. Лебедевъ, между прочимъ, получилъ такую аттестацію: „пропитанный протестантскими идеями, профессоръ Московской духовной академіи, конечно, не признаетъ святости и нетлѣнія мощей, да и сердце его лежитъ болѣе къ протестантизму, нежели къ православію. Немудрено послѣ этого, что Московская духовная академія уже сколько лѣтъ вливаетъ въ сердца своихъ учениковъ ненависть къ грекамъ и матери-церкви“. Статья эта, очеркнутая краснымъ карандашемъ, была разослана членамъ Св. Синода.

Еще совсѣмъ недавно статья „Нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи нравовъ греческой іерархіи турецкаго періода“, помѣщенная въ февральской книгѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1907 годъ, вызвала появленіе въ Москвѣ „Открытаго письма заслуженному профессору, доктору церковной исторіи А. П. Лебедеву“, авторъ котораго скрылся за псевдонимомъ *Олимпиевъ*. Знаменитый историкъ третируется здѣсь въ самыхъ развязныхъ выраженіяхъ.

Въ 1906 г. архіепископъ волынской Антоній, повѣствуетъ самъ А. П. Лебедевъ, „въ докладной запискѣ на имя Синода пальцемъ указывалъ на профессора-историка, служащаго дурнымъ примѣромъ для другихъ, говоря прямотою: на вашего покорнѣйшаго слугу. Антоній доносилъ Синоду (а нѣсколько раньше онъ возвѣстилъ то же самое *urbi et orbi*) вотъ что. Сказавъ о томъ, что въ духовныхъ академіяхъ

студенты не имѣютъ охоты слушать лекцій профессоръ, далѣе пишетъ: „не имѣя возможности заинтересовать студентовъ своимъ залежалымъ товаромъ, профессора-либералы не сытымъ окомъзираютъ на Трубецкихъ (т. е., конечно, кн. С. П. Трубецкого), Соловьевыхъ (т. е., конечно, Вл. С. Соловьева) и Лебедевыхъ (безъ сомнѣнія, подразумевался я, ибо на худшемъ счету никакого другого Лебедева не имѣется)“. А. П. Лебедевъ выражалъ совершенно серьезно удовольствіе по поводу зачисленія его въ столь лестную компанію.

При другомъ случаѣ А. П. Лебедевъ записываетъ: „припоминаю, что одинъ изъ председателей синода, митрополитъ петербургскій, лично мнѣ сообщалъ, что когда въ синодѣ заходила рѣчь о вредныхъ по направленію профессорахъ духовныхъ академій, то всегда указывали въ примѣръ меня“.

Въ заключеніе не могу не отмѣтить одной чрезвычайно рѣдкой черты въ ученomъ обликѣ А. П. Лебедева. Во время неособытной работы ему приходилось допускать недосмотры. Но самъ первый онъ замѣчалъ и заявлялъ объ этомъ. „Извѣстно, не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И ужъ конечно я, какъ писатель-историкъ, никакъ не могу претендовать на непогрѣшимость. Пусть мои ошибки и такъ велики и соблазнительны, какъ увѣряютъ неблагожелательные критики моихъ сочиненій. Но я не думаю много печалиться о томъ, что ошибки составляютъ мой неизбѣжный удѣлъ. Всякая научная ошибка, если она не злонамѣрена, скорѣе полезна, чѣмъ вредна“. Это не одни слова. А. П. Лебедевъ всегда имѣлъ мужество не щадить себя. Заканчивая полемику со своимъ неримиримымъ противникомъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ, А. П. Лебедевъ заявляетъ: „и о себѣ должны сказать, что мы не самообольщаемся: и въ нашихъ полемическихъ замѣткахъ противъ рецензента найдется нѣчто такое, что историкъ Сократъ считаетъ неизбѣжнымъ зломъ всякой полемики, откроется, что мы неосмотрительно упрекали нашего оппонента въ томъ или другомъ, что нѣкоторыя его мысли (пешамѣренно) истолковывали не такъ, какъ слѣдуетъ, поспѣшили заключеніями“. Такого признанія намъ не удалось читать въ статьяхъ его противниковъ, хотя поводовъ для этого было болѣе, чѣмъ достаточно.

Въ сентябрѣ 1905 г. А. П. Лебедевъ отпраздновалъ свой юбилей въ Московской духовной академіи и закончилъ здѣсь свою службу. О его перемѣщеніи въ Московскій университетъ ходило много толковъ. Самъ А. П. Лебедевъ объясняетъ это перенесенной имъ тяжкою главною болѣзнію въ 1894—95 г. Ему было разрѣшено употреблять

на чтеніе и письмо только по три часа въ сутки. Изъ университетѣ у него должно было быть меньше работы, и онъ рѣшилъ перейти въ Москву. Митрополитъ московскій, по запросу ректора университета, одобрялъ предложеніе каеодры А. П. Лебедеву. Въ прощальной рѣчи въ Московской духовной академіи А. П. Лебедевъ такъ характеризовалъ свое положеніе въ университетѣ: „милѣйшіе студенты университета увлекаются церковной исторіей такъ же, какъ способны были бы вы увлекаться очаровательнымъ сновидѣніемъ. Словомъ, если я и не въ отставку, то, какъ принято говорить объ архіереяхъ,—на покой“.

Покой однако не было. А. П. Лебедевъ скоро забылъ предостереженіе окулиста и принялся за лихорадочную работу. Онъ постоянно печаталъ новыя статьи, выпускалъ новые томы и въ то же время началъ громадное дѣло изданія всѣхъ своихъ сочиненій въ 12 томахъ. Ниже дается перечень этихъ работъ. Мнѣ кажется даже, что покойный никогда такъ не работалъ, какъ въ послѣдніе годы. Словно предчувствовалъ... Въ бытность мою редакторомъ „Богословскаго Вѣстника“ въ 1907 г. почти ни одна книжка не выходила безъ статьи А. П. Лебедева. И если бы не переходъ мой въ университетъ, я увѣренъ, что и всѣ дальнѣйшія книги журнала были бы украшены его именемъ. Нельзя было не преклоняться предъ этой гигантской энергіей, щепетильной аккуратностью, всепоглощающимъ трудолюбіемъ и несимовѣрнымъ запасомъ знаній.

Раньше я говорилъ, что А. П. Лебедевъ политикою интересовался, но не занимался. Это былъ человекъ одного кабинета безусловно. Однако и онъ реагировалъ на современную бурную дѣйствительность. Вопросъ о реформахъ церковныхъ привлекалъ его усиленное вниманіе. Онъ много и усердно читалъ и писалъ, наводилъ историческія справки къ реформамъ. По характерно: его не оказалось въ составѣ предсоборнаго присутствія. Безспорно, въ этомъ присутствіи не было почти людей, которые могли бы равняться съ А. П. Лебедевымъ по широтѣ кругозора и знанію церковной исторіи. Не могу не выразить здѣсь удивленія предъ тѣмъ, какъ могли допустить, что А. П. Лебедевъ оказался забытымъ... Слѣдя за реформами, А. П. Лебедевъ далъ рядъ прекрасныхъ историческихъ справокъ. Едва-едва заговорили о преобразованіяхъ, какъ онъ выпустилъ весной 1905 г. книгу „Духовенство древней церкви“. Затѣмъ, въ 1906 — 1907 г. онъ напечаталъ статьи и брошюры: „Объ участіи мірянъ на соборахъ“, „Предстоящій всероссійскій соборъ съ точки зрѣнія древнихъ соборовъ“.

„Уроки и примѣры изъ исторіи древнихъ соборовъ примѣнительно къ предстоящему всероссійскому собору“, „Зачѣмъ бы намъ нуженъ патріархъ“ и „Слѣшь вожди. Четыре момента въ жизни церкви“. Позволю себѣ выписать изъ послѣдней брошюры ея заключеніе. Это завѣщаніе нашего лучшаго церковнаго историка всѣмъ, для кого положеніе нашей церкви не является безразличнымъ.

„У насъ очень многіе обѣщаютъ себѣ улучшенія церковныхъ дѣлъ отъ предстоящаго всероссійскаго собора. Но мы не принадлежимъ къ оптимистамъ въ этомъ отношеніи. Высшею церковною властью для дѣятельности этого собора указаны такія задачи, которыя не принадлежатъ къ центру церковной жизни, а касаются лишь ея периферій. Во всякомъ случаѣ было бы благодѣтельно для церкви, если бы этотъ или ближайшій къ нему по времени русскій церковный соборъ ввелъ избраніе архіереевъ путемъ народнаго голосованія, точно и разумно урегулированнаго. Это безъ сомнѣнія повело бы къ сближенію и установленію болѣе теплыхъ отношеній между епископомъ и его подчиненными. Конечно, избраніе епископа народомъ не есть панацея въ отношеніи къ церковнымъ болѣзнямъ. Но съ этого, безъ сомнѣнія, нужно начать церковную реформу въ Россіи. Это избраніе должно положить начало серьезному контролю общества, т. е. духовенства и вѣрующаго, надъ архіереями, перѣдко забывающими въ настоящее время, что они существуютъ для служенія церкви. Но этого одного еще мало. Нужно, чтобы наши архіереи всегда, т. е. и по избраніи ихъ голосомъ общественнымъ, оставались подъ бдительнымъ контролемъ народа и духовенства своей епархіи. Нужно, чтобы архіереи помнили и знали, что въ случаѣ, если они перестанутъ отвѣчать своему назначенію, они могутъ лишиться своей каюдры, какъ и всякій другой чиновникъ и общественный дѣятель. Говоря такъ, мы вовсе не требуемъ чего-либо необыкновеннаго, введенія какого-либо новшества. Церковная исторія показываетъ, что подобнаго рода контроль былъ извѣстенъ въ древности“.

Почти одновременно съ этимъ проектомъ А. П. Лебедевъ работалъ надъ реставраціей памяти... Филарета, митрополита московскаго. Насколько я знаю, именно ему посвящена послѣдняя брошюра А. П. Лебедева „Въ защиту Филарета митрополита московскаго отъ нападокъ С. М. Соловьева“, подписанная 8-го іюля 1907 г. А. П. Лебедевъ такъ увлекался Филаретомъ, что рѣшилъ создать филаретовское общество и отпечатать призывъ къ его учрежденію. Многихъ дивило это увлеченіе. Дѣйствительно, раньше А. П. Лебедевъ не скрывалъ

своей неприязни къ Филарету, которую внушилъ ему съ дѣтства отецъ. И вдругъ такая перемена. Покойный объяснялъ се тѣмъ, что одно случайное обстоятельство толкнуло его перечитать перенписку Филарета. Эта перенписка поразила его не только высотой ума, но и необыкновенною сердечной теплотой. А. П. Лебедевъ быстро высвободился изъ предубѣжденія и заявилъ себя почитателемъ Филарета. Въ этомъ переворотѣ слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, способность человѣка въ 63 года производить такія перемены въ своихъ взглядахъ. Она дана не многимъ избранныкамъ. Затѣмъ, примѣчательно мужество, съ какимъ онъ, передовой ученый, выступилъ на защиту человѣка съ установившеюся репутаціей въ такое время. Многие его знакомые пожимали плечами. А. П. Лебедевъ зналъ это и говорилъ, что считаетъ нечестнымъ скрывать то, что думаетъ. Въ случаѣ съ Филаретомъ я вижу одно изъ проявленій общаго свойства А. П. Лебедева, какъ историка: онъ преклонялъ колѣна предъ умственною и нравственною силою, *иди бы се ни находилъ*. На моихъ глазахъ, въ самое послѣднее время онъ сталъ обнаруживать самое теплое и дѣятельное расположеніе къ нѣкоторымъ молодымъ ученымъ, когда по работамъ ихъ увидѣлъ, что эти молодые работники—дѣйствительная сила. Обратнымъ видоизмѣненіемъ того же свойства А. П. Лебедева была его строгость, иногда безпощадная, въ приговорахъ и отзывахъ о представителяхъ богословской науки, умственно и нравственно неустойчивыхъ. Онъ искренно презиралъ людей, имѣвшихъ иногда даже репутацію знаменитости, но всю энергію израсходовавшихъ на писаніе книгъ и статей, завѣдомо недобросовѣстныхъ—такихъ, которыя не расчищали путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій, а загромождали его благонамѣреннымъ хламомъ. Отсюда у А. П. Лебедева было много недоброжелателей.

Въ 1896 г. А. П. Лебедевъ приступилъ къ изданію полнаго собранія своихъ сочиненій и объявилъ планъ этого изданія.

Томъ 1. *Церковная исторіографія—древняя, новая и русская.*

Томъ 2. *Эпохи гоненій на христіанъ.*

Томъ 3. *Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ.*

Томъ 4. *Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ.*

Томъ 5. *Исторія раздѣленія церквей.*

Томъ 6. *Очерки внутренней исторіи Греко-восточной церкви въ періодъ раздѣленія церквей.*

Томъ 7. *Очерки истории Греко-восточной церкви отъ раздѣленія церквей до паденія Константинополя въ 1453 г.*

Томъ 8. *Исторія греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя до конца XIX в.*

Томъ 9. *Небольшия сочиненія церковно-историческаго содержанія для болѣе образованныхъ читателей* (по плану 1900 г. въ этотъ томъ входятъ церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія).

Томъ 10. *Краткія сочиненія церковно-историческаго содержанія для читателей разныхъ степеней образованія* (по плану 1900 г. этотъ томъ долженъ былъ составить нѣсколько небольшихъ церковно-историческихъ сочиненій научнаго содержанія).

Томъ 11. *Избранныя критико-библиографическія сочиненія по церковно-исторической наукѣ послѣдняго времени.*

Томъ 12. *Автобіографія (или нѣсколько матеріаловъ, служащихъ къ выясненію положенія церковно-исторической науки въ 70-хъ—90-хъ годахъ XIX вѣка).*

Планъ этотъ не приведенъ въ исполненіе. Доселѣ вышло 10 томовъ. Томъ 9-ый изданъ не по первоначальному, а по измѣненному плану 1900 года. Томъ 10-й вышелъ въ 1905 году подъ заглавіемъ: „Духовенство древней вселенской церкви отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка“. Въмѣсто обѣщаннаго сборника разнообразнаго содержанія явилось связанное изслѣдованіе. По частямъ это изслѣдованіе печаталось въ журналахъ, но главы о митрополичьей системѣ церковнаго управленія, о вселенскихъ соборахъ, какъ высшей формѣ церковнаго управленія, о развитіи іерархическаго римскаго приматства написаны для этого тома вновь.

На этомъ изданіе пока приостановилось. Но нельзя сомнѣваться, что авторъ и далѣе не выдержалъ бы начальнаго плана—не за недостаткомъ матеріала, а вслѣдствіе его обилія. Когда составлялся первый планъ переизданія, онъ былъ рассчитанъ на три часа работы въ сутки. Но А. П. Лебедевъ скоро сталъ работать опять по 15 часовъ. Новыя статьи росли необычайно быстро и въ громадномъ количествѣ. Уже теперь для первоначальнаго 10-го тома ихъ появилось больше, чѣмъ можетъ вмѣстить одна книга. Стали появляться въ печати отрывки изъ автобіографій.

Я не ставлю себѣ здѣсь задачу дать полный перечень всего напечатаннаго А. П. Лебедевымъ. Тщательно составленный списокъ его работъ помѣщенъ въ ноябрьской книгѣ „Богословскаго Вѣстника“

1895 г. Здѣсь я назову еще только нѣкоторыя статьи, не вошедшія въ составъ изданныхъ десяти томовъ, назову не по капризу, а по основаніямъ, извѣстнымъ мнѣ изъ бесѣдъ съ покойнымъ.

Прежде всего, не вошли въ полное изданіе статьи полемическія противъ А. М. Иванцова-Платонова, составившія книгу „*Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ*“. Pendant къ сочиненію: вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. Москва 1882 г.

Затѣмъ—

Христіанскій міръ и эллино-римская цивилизація въ эпоху древней церкви (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. 1873, 1).

Профессоръ Московской духовной академіи И. Д. Мансеевъ (Правосл. Обзоріе 1886, 1).

Неделя въ Константинополѣ (Богословскій Вѣстникъ 1892 г., № 5 и 6).

Новые и старые источники исторіи первоначальнаго монашества (Богосл. В-къ 1892, 2).

Профессоръ Гарнакъ и возбужденные имъ въ настоящее время споры по поводу символа апостольскаго (Богосл. В-къ, 1893, IV).

Вступительная лекція по исторіи древней церкви, читанная въ Московскомъ университетѣ 11-го октября 1895 г. (Богословскій В-къ 1895, № 12).

Профессоръ прот. А. В. Горскій. По случаю 25-и лѣтія со дня его кончины (Вѣра и Церковь 1900).

Паломничество во св. землю въ древней церкви. Изд. Палестинскаго общества.

Сущность христіанства по изображенію А. Гарнака (Богосл. В-къ 1901).

О нашемъ символѣ вѣры (Богосл. В-къ 1902 г. № 1 и 2. Статья эта подробно реферирована въ лучшемъ англійскомъ богословскомъ журналѣ—The journal of theological studies—того же года).

Проезъ Порфирій Успенскій. По случаю 100 лѣтія со дня его рожденія. (Богосл. В-къ 1904 г.).

Братія Господни. Изслѣдов. Москва 1905 г.

Уроки и примѣры изъ исторіи древнихъ соборовъ примѣнительно къ предстолицему всероссійскому собору. Москва, 1907 г.

Предстоящій всероссійскій соборъ съ точки зрѣнія древнихъ соборовъ. Москва, 1907 г.

Святые вожди. Четыре момента въ жизни церкви. Москва, 1907.

Зачѣмъ бы намъ нуженъ патріархъ? (Богосл. В-къ 1907, №№ 1 и 2).

Нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи нравовъ греческаго высшаго духовенства въ турецкій періодъ (Богосл. В-къ 1907, № 3).

Три очерка по церковной исторіографіи у насъ (Богосл. В-къ 1907 г., №№ 4 и 5).

Къ моей учено-литературной автобіографіи (Богосл. В-къ 1907 г., № 6).

Безъ сомнѣнія, въ портфель покойнаго осталось не мало интереснаго и готоваго матеріала. Между прочимъ, по моей просьбѣ, была приведена въ порядокъ статья о Прокопѣ, какъ авторѣ 'Авѣхдота. Статья не была напечатана за моимъ переходомъ въ Петербургъ. Она интересна потому, что А. П. Лебедевъ не признаетъ Прокопія авторомъ *Тайной исторіи*. Слѣдуетъ надѣяться, что статья скоро увидитъ свѣтъ. Въ высшей степени жаль, чтобы поскорѣе были напечатаны остальные томы полного собранія.

Въ свое время работы А. П. Лебедева въ громадномъ большинствѣ сочувственно отмѣчались нашей и иностранной критикой. Взятая вмѣстѣ, она сейчасъ производитъ безшумную работу созданія публички, интересующейся церковной исторіей. Со времени переизданія сочиненій, съ 1896 г. отдѣльные томы выдержали уже два изданія—усиѣхъ необычайный для серьезныхъ церковно-историческихъ сочиненій въ нашемъ обществѣ. Раньше о рядовомъ читателѣ по церковной исторіи говорить не приходилось: были только любители въ небольшомъ количествѣ.

Имя профессора Лебедева безспорно историческое имя. Очень трудно преувеличить оцѣнку его работы, особенно если принять во вниманіе тѣ невозможныя условія, съ которыми ему приходилось бороться въ теченіе всей жизни.

И. Андреевъ.

НОВООТКРЫТАЯ КОМЕДИЯ МЕНАНДРА

ЕПТРЕПОНТЕС.

Въ Римѣ, въ Латеранскомъ музеѣ, среди другихъ скульптурныхъ сокровищъ, хранится, между прочимъ, одинъ очень интересный памятникъ, останавливающий на себѣ вниманіе какъ тонкостью своей работы, такъ и оригинальностью своего содержанія. Это—маленькій рельефъ, изображающій комическаго поэта, предъ которымъ, на иѣ-которомъ отъ него разстояніи, стоитъ его вдохновительница Муза ¹⁾.

Поэтъ держитъ въ рукѣ маску молодого человѣка, тогда какъ двѣ другихъ маски, одна—дѣвушки, другая—старика, лежатъ передъ нимъ на столѣ. Его глаза устремлены на Музу, и въ ней какъ будто черпаетъ онъ свое вдохновеніе, чтобы излить его потомъ на тотъ папирсный свитокъ, который лежитъ развернутымъ на пультѣ, стоящемъ за столомъ съ масками.

Лицо поэта носитъ на себѣ отпечатокъ полного отрѣшенія отъ всего, что дѣлается вокругъ; поэтъ ушелъ въ самого себя, онъ видитъ только одну Музу и съ ней одной онъ только и бесѣдуетъ.

Таково содержаніе нашего рельефа, содержаніе, удивительно хорошо гармонирующее съ тонкостью выдѣлки, благодаря чему основная мысль художника представить поэта въ минуту творчества находитъ себѣ полное выраженіе въ мраморѣ и дѣлаетъ нашъ маленький памятникъ удивительно краснорѣчивымъ и въ своемъ родѣ единственнымъ. Но если, согласно указанію Амелунга ²⁾, мы сравнимъ съ изображеніемъ поэта на рельефѣ тотъ мраморный бюстъ, который хранится въ Ватиканѣ, въ Museo Chiaramonti, и который изображаетъ собой Менандра, то рельефъ получитъ еще большее значеніе, ибо

¹⁾ См. *Amelung*, Die Antikensammlungen, 345 сл. (=Moderner Cicero: Rom I, Antike Kunst).

²⁾ о. с., 346.

поэтъ, въ немъ выведенный, идентиченъ чертами своего лица съ выше-упомянутымъ бюстомъ.

Итакъ, въ Латеранскомъ рельефѣ мы имѣли портретъ Менандра, но намъ не доставало еще такого же папируснаго свитка, какой изображенъ лежащимъ на пультѣ. Судьба и въ данномъ случаѣ оказалась къ намъ милостивою!

Пѣдра Египта, которыя в раньше выносили на свѣтъ разныя, считавшіяся утерянными, сокровища греческой литературы, еще разъ вскрылись и одарили насъ новымъ памятникомъ, а именно, папируснымъ кодексомъ Менандра. Этотъ кодексъ или, вѣрнѣе, остатки кодекса, въ числѣ 17 листовъ, былъ найденъ въ 1905 г. французомъ Лефевромъ на мѣстѣ древняго Афродитополя, въ селеніи Kôm Ichkaou, среди развалинъ дома византійской эпохи, и въ настоящее время уже сдѣлался достояніемъ науки, благодаря быстрой публикаціи Лефевра, за которой, помимо массы разныхъ статей и рецензій, успѣли послѣдовать и другія изданія ¹⁾).

Несмотря на то, что до насъ дошелъ не весь кодексъ, а лишь его малая часть, мы все-таки располагаемъ теперь въ общей сложности болѣе, чѣмъ тысячею новыхъ стиховъ Менандра и, что еще важнѣе, состояніе текста таково, что мы, по большей части, совершенно ясно можемъ видѣть, какъ развивается дѣйствіе той или другой комедіи, какъ постепенно вырисовываются характеры и типы дѣйствующихъ лицъ, какъ и съ какой стороны подходитъ поэтъ къ изображенію правовъ, обычаевъ и жизни своего времени.

Однимъ словомъ, новая находка совсѣмъ не похожа на извѣстные до сихъ поръ отрывки Менандра: несмотря на всѣ свои дефекты она все-таки показываетъ намъ новую комедію въ ея приблизительно цѣльномъ видѣ, благодаря чему открываетъ цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ и проблемъ, о постановкѣ и рѣшеніи которыхъ мы еще недавно не смѣли и думать. Только теперь, съ открытіемъ Менандроваго кодекса, начинается новая эра для исторіи „новой“ комедіи и только теперь получаемъ мы въ свои руки вѣрную путеводную нить для разсужденій о самомъ поэтѣ и о томъ жанрѣ, въ которомъ онъ работалъ.

Какъ я уже говорилъ выше, число новооткрытыхъ стиховъ нѣсколько превышаетъ тысячу, причемъ стихи эти приходится не на

¹⁾ *Gustave Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre, Le Caire 1907. I. van Leeuwen, Menandri quatuor fabularum Herois, Disceptantium, Circumtonsaе, Samiae fragmenta nuper reperta, Lugduni Batavorum 1908.*

одну комедию, но распредѣляются между четырьмя пьесами, а именно: "Πρωτος, Ἐπιτρέποντες, Περιχειρομένη и Χαμία. Всего больше пострадала первая пьеса. Отъ нея сохранился только краткій υπόθεσις, списокъ дѣйствующихъ лицъ въ порядкѣ ихъ выхода на сцену и первые 50 стиховъ вступительной сцены, въ которой набрасывалась общая канва и давались первыя необходимыя для зрителя указанія. Все остальное пропало. Такимъ образомъ, съ количественной точки зрѣнія комедія "Πρωτος значительно уступаетъ тремъ другимъ пьесамъ и въ особенности второй—Ἐπιτρέποντες.

Но несмотря на это она въ высшей степени цѣнна для насъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, съ ея помощью можно, повидимому, рѣшить нѣсколько чисто формальныхъ вопросовъ, касающихся структурной стороны Менандровскихъ пьесъ¹⁾, а во-вторыхъ, она поднимаетъ одинъ очень любопытный историко-литературный вопросъ, на которомъ я позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Вступительная сцена открывается разговоромъ между двумя рабами, Гетой и Давомъ. Хотя отъ этого разговора сохранилось всего на-всего 50 стиховъ, тѣмъ не менѣе, оба дѣйствующихъ лица очерчены удивительно тонко и настолько вычлукло, что оба они стоятъ передъ нами точно живыя со всѣми присущими имъ индивидуальными черточками. Давъ—это типъ мечтателя, типъ человѣка, котораго интересуютъ не только матеріальные вопросы, но и вопросы сердечнаго свойства, причемъ подъ давленіемъ послѣднихъ онъ можетъ забыть и дѣйствительно забываетъ обо всемъ остальномъ. Наоборотъ, Гета—настоящій рабъ, пронырливый, хитрый, не чуждый грубости, не понимающій того, что заходить за рамки подневольной жизни, а если и понимающій, то лишь односторонне, въ матеріальномъ смыслѣ. Для него на первомъ планѣ стоитъ выгода и только, но зато въ немъ чувствуется ловкость, сила и смекалка, чего у Дава нѣтъ и въ поминѣ. Поэтому Давъ возбуждаетъ въ Гетѣ легкое презрѣніе, какъ человѣкъ непутящій, изъ котораго не можетъ выйти никакого толка, и Гета все время смѣется надъ нимъ то открыто, то подъ сурдинку.

Сопоставленіе такихъ типовъ, само по себѣ очень интересное, станетъ еще болѣе интереснымъ, если мы наведемъ о немъ справку у одного изъ поэтовъ Александрійскаго періода, а именно, у Теоокрита. Я предложилъ бы сравнить съ указанной мной сценой изъ "Πρωτος X-ую идиллію Теоокрита, гдѣ выступаютъ Букей и Милонъ. Въ ней мы

¹⁾ См. Leo, Der neue Menander, 126—127 (=Hermes, 43).

видимъ тоже съ одной стороны—человѣка, проводящаго время въ мечтахъ о возлюбленной, съ другой—практика, которому чуждо и смѣшно все, что отрываетъ отъ работы и выгоды. Но помимо общности ситуации, даже отдѣльныя выраженія у Теокрита сильно напоминаютъ Менандровскія, въ виду чего я готовъ утверждать, что Теокрить въ X-ой пиллинъ подражалъ нашему комику или, по крайнѣй мѣрѣ, внесъ въ свое стихотвореніе невольную реминисценцію изъ пьесы послѣдняго, — фактъ очень характерный для Александрійской поэзіи вообще и для буколической—въ частности ¹⁾.

Я оставляю въ сторонѣ третью и четвертую комедію, а именно, Περικλομένην и Χαμία, такъ какъ каждая изъ нихъ требуетъ подробнаго и детальнаго разбора, чтѣ не входитъ въ рамки настоящей статьи, цѣль которой—дать нѣкоторое представленіе хотя бы объ одной изъ новооткрытыхъ пьесъ. Для этой цѣли я выбралъ комедію Ἐπιτρέποντες, которая сохранилась всего лучше и текстъ которой въ виду сравнительно хорошаго состоянія папируса всего легче поддается переводу. Сверхъ того, браться за Περικλομένην — безусловно самую интересную пьесу сборника—я не рѣшаюсь потому, что сперва должны быть проверены по подлиннику чтенія Лефевра, которыя во многихъ мѣстахъ возбуждаютъ во мнѣ сомнѣнія въ своей правильности. Что же касается до Χαμία, то при сложности интриги этой пьесы и при меньшемъ по сравненію съ Ἐπιτρέποντες; количеству сохранившихся стиховъ переводъ этой комедіи можетъ дать менѣе ясное представленіе объ искусствѣ Менандра какъ въ развитіи дѣйствія, такъ и въ очеркѣ характеровъ.

Вотъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ я остановилъ свой выборъ на Ἐπιτρέποντες, на пьесѣ, переводъ которой съ прибавкой нѣкоторыхъ необходимыхъ для пониманія разъясненій я и предлагаю читателямъ.

Папирусный листъ, открывающій собой пьесу Ἐπιτρέποντες, не есть первый листъ, на которомъ находилось начало комедіи. Это начало утрачено, и мы, такимъ образомъ, вводимся прямо въ середину дѣйствія или, вѣрнѣе, въ тотъ моментъ послѣдняго, который и служить завязкой для всего дальнѣйшаго.

¹⁾ На подобный же фактъ указываетъ Лео по поводу Ἐπιτρέποντες (о. с. 129, прим.).

По замѣчанію Лефевра ¹⁾, не достаетъ одного листа, т. е. двухъ страницъ. Но если это такъ, то по аналогіи съ началомъ комедіи "Πρωκ", которое сохранилось, мы можемъ разсчитать приблизительно, сколько стиховъ не достаетъ. Оказывается, что пропалъ ὑπόθεσις, списокъ дѣйствующихъ лицъ и, наконецъ, около 50 стиховъ текста, служившаго такой же вводной сценой, какую мы видимъ въ „Πρωκ“.

Спрашивается теперь, польза ли на основаніи извѣстныхъ раньше отрывковъ нашей комедіи возстановить съ приблизительною точностью содержаніе утраченной вводной части? Что она должна была заключать въ себѣ нѣкоторыя данныя, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго, само собой понятно. Менандръ, какъ это видно изъ сохранившейся части комедіи, путемъ постепеннаго вплетенія деталей мало-по-малу достигалъ того, что картина, имъ набрасываемая, развертывалась во всю ширину, причемъ каждый мазокъ былъ такъ разсчитанъ, что необходимо вносилъ какое-нибудь уясненіе для читателя.

Изъ раньше извѣстныхъ намъ отрывковъ комедіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе fr. 600 Коск.

А. Онисимъ, правда ли, что баринъ твой, недавно
Женившійся, себѣ арфистку раздобылъ,
Г'абротононъ, и съ ней живетъ?—В. Да, это—вѣрно!

Что эти слова могли стоять въ началѣ пьесы, вполне вѣроятно. Они вполне подходятъ къ тому, чтобы открывать дѣйствіе, а фактъ, ими сообщаемый, сразу скидываетъ завѣсу съ жизни тѣхъ лицъ, которыя будутъ играть въ комедіи важную роль. Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что между молодыми супругами, слугой которыхъ является *Онисимъ*, не все обстоитъ благополучно и что неурядица, имѣющая мѣсто въ семьѣ, сдѣлалась уже предметомъ глухихъ толковъ и пересудъ.

Тотъ, кто обращается къ Онисиму съ вопросомъ, повидимому, незнакомъ еще со всеми подробностями этой неурядицы. Онъ, надо думать, человѣкъ пришлый, которому любопытно толкомъ поразузнать обо всемъ, чтобы затѣмъ вволю посплетничать. Но кто же этотъ человѣкъ, распрашивающій Онисима? Лео въ своей прекрасной статьѣ „Der neue Menander“ ²⁾ предполагаетъ и, кажется, не безъ основанія, что лицо, задающее вопросы, ни кто иной, какъ поварь, котораго Онис-

¹⁾ О. с., 25, нр. 2.

²⁾ *Hermes*, 43, 130.

симъ только что привелъ съ рынка. Вполнѣ встаетъ Лео сопоставляетъ съ fr. 600 Коокъ другой фрагментъ изъ тѣхъ же 'Επιτρέποντες, находящійся въ „Лексиконѣ“ Фотія ¹⁾):

А про обѣдъ забылъ? Эхъ, снова бродить онъ
Безъ дѣла, зря!

а также указываетъ на стихъ 165, гдѣ снова идетъ рѣчь о томъ же поварѣ, по милости котораго обѣдъ состоялся гораздо позже, чѣмъ обыкновенно. Надо думать, что нанятый Онисимомъ поварь вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, предпочиталъ наводить у Онисима разныя справки насчетъ семейной хроники того дома, куда онъ попалъ, чтѣ вызывало оерйки Онисима ²⁾ и отвѣтныя шуточныя повара вродѣ той, которая заключается въ fr. 178 Коокъ, — быть можетъ, отвѣтъ повара на слова Онисима:

Къ копченой рыбки
Подсыпалъ соли я, коль ужъ на то пошло!

Между этими поваромъ и Онисимомъ, слугой Харисія, находящагося не въ ладахъ со своей женой Памфилой, и происходилъ, повидимому, разговоръ, открывавшій собой комедию. Разговоръ этотъ, надо думать, носилъ шутливый характеръ и, вѣроятно, къ нему именно и относятся слова Аэиней (XIV, 659 d): μάλιστα γὰρ εἰσάγονται οἱ μάγειροι σκωπτικοί τινες, ὡς παρὰ Μενάνδρου ἐν 'Επιτρέπουσιν.

Какъ бы то ни было, изъ разговора Онисима съ поваромъ слушатели врядъ ли узнавали многое насчетъ причины несогласій между Харисиемъ и его женой. Вѣрнѣе, что въ разговорѣ давались только первые отдаленныя намски. Въ дальнѣйшую же фазу дѣйствіе вступило только съ появленіемъ на сценѣ новаго персонажа, которымъ, какъ думаетъ Лео (о. с., 131), былъ Смикринъ, тесть Харисія.

Съ Смикриномъ мы встрѣчаемся въ самомъ началѣ сохранившейся части комедіи, гдѣ онъ играетъ важную для себя роль третейскаго судьи. Но надо думать, что онъ выступалъ уже раньше, ибо въ противномъ случаѣ для зрителей было бы неясно, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: вѣдь рабы, споромъ которыхъ начинается пьеса въ своемъ настоящемъ видѣ и которые выбираютъ Смикрина третейскимъ судьей, ни разу не называютъ его по имени, а обращаются къ нему со словами βέλιπτε и πάτερ. Отсюда ясно, что Смикринъ былъ для зрителей

¹⁾ Reitzenstein, Der Anfang des Lexicons des Photios, p. 83, s. v. ἄλοξ.

²⁾ Ср. также fr. 175 Коокъ.

уже знакомымъ лицомъ, раньше выступавшимъ передъ ними. Но въ такомъ случаѣ единственная сцена, въ которой онъ могъ выступать, должна была идти непосредственно вслѣдъ за разговоромъ Онисима и повара.

Возможно, что Смикринъ сразу обрушивался на обоихъ собесѣдниковъ и, вѣроятно, имъ обоимъ порядкомъ доставалось отъ старика, который, какъ онъ охарактеризованъ въ пьесѣ, не принадлежалъ къ числу людей мягкихъ и покладистыхъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, выступленіемъ Смикрина Менандръ пользовался для того, чтобы дать дѣйствию дальнѣйшій толчокъ и чтобы выяснить общую ситуацію, до сихъ поръ все еще не вполне ясную. Изъ словъ Смикрина слушатели могли узнать новыя подробности, которыя въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы рисуются уже какъ нѣчто извѣстное: они могли узнать, что Харисій, заподозрѣвъ свою жену въ невѣрности, отослалъ ее назадъ къ ея отцу, что онъ открыто живетъ съ флейтисткой Габротононъ, что онъ ведетъ распутный образъ жизни и безумно тратитъ какъ свои деньги, такъ и приданое своей жены,—фактъ, который особенно не по душѣ скупому Смикрину.

Все это дѣлалось теперь извѣстнымъ для зрителей, которые получали, такимъ образомъ, рядъ цѣнныхъ указаній, необходимыхъ для уясненія дальнѣйшаго, хотя многое все-таки оставалось для нихъ пока тайной, равно какъ тайной было оно и для самого Смикрина. Смикринъ тоже не зналъ въ точности той причины, которая послужила основнымъ толчкомъ къ распрѣ между супругами. Объ этомъ знали другія лица, а именно, отчасти—Онисимъ, отчасти—нянька (?) Памфилы, Софрона, не говоря уже о самомъ Харисіи и его жегѣ. Но въ чемъ же заключалась эта причина? Она заключалась въ слѣдующемъ.

Незадолго до своей женитьбы Харисій въ пьяномъ видѣ, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, вломился на ночное бдѣніе женщины, имѣвшее мѣсто во время праздника Таврополій, и тамъ изнасиловалъ Памфилу, которой онъ не зналъ раньше и лица которой онъ не запомнилъ. Единственной уликой противъ Харисія былъ перстень, который упалъ съ его руки и который былъ поднятъ и взятъ Памфилой.

Но Памфила тоже не успѣла разглядѣть того человѣка, жертвой котораго она сдѣлалась, и ей оставалось одно: скрыть отъ отца то, что съ ней случилось. О несчастіи Памфилы знали только ея няня, Софрона, да флейтистка Габротононъ, тоже бывшая на праздникѣ.

Спустя нѣкоторое время Памфила, не зная, что она выходитъ за-

мужъ за челоуѣка, ее изнасиловавшаго, вышла замужъ за Харисіа, который, надо думать, вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ ¹⁾. Тѣмъ временемъ Памфила родила мальчика, который и былъ, съ вѣдома Софроны (ср. стихъ 366—367), а, можетъ быть, и ею лично, брошенъ въ лѣсу. Но это не укрылось отъ Онисима, который, по возвращеніи своего барина, передалъ ему обо всемъ происшедшемъ (ср. стихи 207—208), и результатомъ всего было то, что взбѣшенный Харисій отослалъ свою жену къ тестю, а самъ въ вихрѣ разгульной жизни пытался заглушить свое горе, ибо, въ сущности, онъ продолжалъ любить свою жену и тяготился разлукой съ ней.

Но эта тайная причина семейной неурядицы пока еще скрыта отъ зрителей, если не думать только, что кое-какіе просвѣты были сдѣланы либо Онисимомъ, либо Смикринномъ.

Какъ бы то ни было, утраченная вводная сцена, въ которой впервые выступали Онисимъ и Смикринъ, кончалась тѣмъ, что Онисимъ вмѣстѣ съ поваромъ удалялись въ домъ Харисіа, а Смикринъ, произнеся еще нѣсколько заключительныхъ стиховъ, готовился идти въ городъ, вѣроятно, въ Аонины, если предположить, что дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ пригородовъ, напримѣръ, въ Пирей ²⁾.

Этимъ кончалось *первое* явленіе перваго акта, явленіе, за которымъ слѣдуетъ новос, уже сохранный папирусомъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[*На сценѣ, которая представляетъ собой городскую улицу (?), стоитъ недалеко отъ своего дома (Смикринъ: онъ въ задумчивости и кажется разстроеннымъ. Сильно жестикуютъ, на сцену вбѣгаютъ Давъ и Сирискъ, за которыми слѣдуетъ жена Сириска, съ ребенкомъ на рукахъ).*

СИРИСКЪ (продолжая начатый споръ).

Нарушилъ право ты!

¹⁾ Ср. приблизительно такую же ситунцію въ Несуга Теренція, на что указываетъ *Лесбейръ* (о. с. 31 яqq.). Тамъ тоже молодой челоуѣкъ женится на изнасилованной имъ дѣвушкѣ и тоже немедленно послѣ свадьбы уѣзжаетъ, не зная ни того, на комъ онъ женился, ни того, что вѣзгалъ имъ въ жены дѣвушка беременна.

²⁾ Возможно, впрочемъ, что дѣйствіе происходило въ деревнѣ, за городомъ. Это, пожалуй, будетъ даже естественнѣе и проще.

Давъ.

Ну, это врешь, бездѣльникъ!

Сирискъ.

Чужимъ добромъ владѣть не слѣдъ тебѣ!

Давъ.

Пускай

Насъ разберетъ судья.

Сирискъ.

Не прочь и я судиться! (оглядываясь по сторонамъ).

Ис у кого?

Давъ.

По мнѣ годится всякъ, торилю

Я по заслугамъ. Эхъ, въ чему я съ нимъ дѣлялся?

5

Сирискъ (замѣчая Смирину).

Возьмемъ его судьей.

Давъ (равнодушно).

Что-жъ въ добрый часъ.

Сирискъ (обращаясь къ Смирину).

Отецъ,

Минуточку одну ты удѣлять намъ можешь?

Смиринъ (мрачно).

Минутку, вамъ? Зачѣмъ?

Сирискъ (вкрадливо).

Да, видишь ли, мы споримъ.

Смиринъ.

Мнѣ дѣла нѣтъ до васъ!

Сирискъ.

Судью себѣ мы ищемъ,

Третьейсаго. Такъ воть, коли угодно будетъ, 10
Ты разсуди насъ.

Смикринъ (гнѣвно).

Дрянъ, ахъ чтобъ вамъ пусто было!
Туда же,—судятся, а на плечахъ лохмотья
Звѣриныхъ шкуръ!

Сирискъ (вкрадчиво, но настойчиво).

А всё-жь—дѣлишко сушій вздоръ
И трудности въ немъ нѣтъ!—ты разсуди насъ, отче.
Ну, ради всѣхъ боговъ, ты снйвойди до насъ! 15
Вездѣ, всегда должна владычествовать правда,
И каждый встрѣчный, вѣрь, пешишь о ней обязанъ,
Поскольку хватить силъ. Таковъ ужъ нашъ удѣлъ!

Давъ (въ сторону).

Онъ—мастеръ говорить! Къ чему я съ нимъ дѣлился?

Смикринъ (заинтересованный).

Мой приговоръ блжости согласны вы?

Сирискъ.

Согласны. 20

Смикринъ.

Ну, что-жь, послушаемъ. Не жъ снѣху мнѣ (обращаясь къ Даву).
Сначала

Ты будешь говорить, ты, что молчишь упорно.

Давъ.

И надали начну,—я расскажу не только
Про свару съ нимъ,—о нѣтъ, я выясню всё толкомъ.
Въ кустарникѣ густомъ, рукой подать отсюда, 25
И насъ свои стада, тому назадъ дней тридцать,
Не больше,—я одинъ, и вотъ нашелъ случайно
Ребенка малаго: онъ тамъ, подкинутъ былъ,
При немъ лежалъ браслетъ и разныя вещички,
Дрянцо.

Сирнонь.

Объ нихъ и споръ!

Давъ.

Мѣшаетъ говорить.

30

Смикринъ (обращаясь къ Сириску).

Коль перебьешь еще, вотъ этой самой палкой
Я по тебѣ пройдуся.

Давъ.

И по дѣломъ!

Смикринъ (обращаясь къ Даву).

Ну, дальше.

Давъ.

Ребенка поднялъ я, принесъ къ себѣ домой,
Хотѣлъ воспитывать: такъ я рѣшилъ сначала.
Но за ночь мысль пришла—со всѣми такъ бываетъ—
И сталъ я про себя иное говорить:

35

„Къ лицу ли мнѣ дитя? Ну, мнѣ ли съ нимъ возиться?
Гдѣ деньги на прокормъ? Къ чему заботы мнѣ?“

Такъ думая, съ зарей я снова выгналъ стадо,
А тутъ пришелъ Сирискъ (онъ угольщикъ) себѣ
Дровъ напилить: мы съ нимъ друзьями раньше были,
Любили поболтать. Ну, увидавъ, что я

40

Смотрю задумчиво, онъ и скажи: „что, Давъ,
Повѣсилъ голову?“—„хлопотъ ужъ больно много“,
Отвѣтилъ я,—да всё я выболталъ ему,

45

Какъ я дитя нашелъ, какъ поднялъ. Онъ же сразу,
Не давъ мнѣ кончить рѣчь, и ну, меня просить:

„Дай Богъ тебѣ, мой Давъ, во всемъ, во всемъ удачи
— Онъ перечислилъ, въ чемъ—„ты-жъ мнѣ дитя вручи,
И да блеснетъ тебѣ лучъ счастья, лучъ свободы!“

50

„Есть женка у меня“—онъ продолжалъ—„она
Недавно родила, но нашъ ребенокъ умеръ“.

(Подъ женкой разумѣлъ онъ ту, что здѣсь стоитъ).

Смикринъ.

Сирискъ, всё это такъ?

СИРИСКЪ

Да, такъ.

Давъ.

Сплошь цѣлый день

Онъ приставалъ. И внялъ, я обѣщалъ, я отдалъ
Ему ребенка, онъ же, кучу разныхъ благъ
Мнѣ насуливъ, ушелъ... поцѣловавъ мнѣ руку.

55

Смикринъ.

Ты цѣловалъ, Сирискъ?

СИРИСКЪ.

Да, цѣловалъ.

Давъ.

Ушелъ

Съ женою онъ, и вдругъ, со мной намеренн встрѣтись,
Сталъ требовать, чтобъ вещи я вернулъ, что были
Съ ребенкомъ кинуты,—а вещи эти—дрянь,
Такъ... пустячки, не больше! „Ты меня проведъ“—
Кричалъ онъ—„если ихъ себѣ присвоить хочешь“.
А я въ отвѣтъ: „небось, скажи спасибо лучше,
Что въ часть тебя я взялъ“. Вѣдь, онъ отнюдь не въ правѣ
Разнюхивать про то, всё-ль вещи на лицо! (къ Сириску)
Вотъ если-бъ ты со мной кладъ отыскалъ и былъ бы
Находкой общей онъ,—владѣлъ бы ты однимъ,
А я—другимъ. Но ты... ты не при чемъ: находка
Моя! Такъ какъ же всё—тебѣ, а мнѣ... ни гроша?
По доброй волѣ часть я удѣлилъ тебѣ,
Коль нравится она, владѣй ей на здоровье,
А коль не по душѣ, верни её назадъ,
И насъ не обижай, а мы... мы не обидимъ.
Но всё прибрать къ рукамъ,—гдѣ силой, гдѣ мольбой,
Ну, это, братъ, шалишь. (Къ Смикрину) Я рѣчь свою окончу.

60

65

70

75

СИРИОКЪ.

Онъ кончилъ?

СМИКРИНЪ.

Ты оглохъ? Да, кончилъ.

СИРИОКЪ.

Хорошо.

Такъ, значитъ, мой чередъ. Ребенка онъ нашель,
Одинъ,—онъ въ этомъ правъ, всё было такъ, отецъ.
Тутъ спорить не о чемъ. Его просилъ я слезно, 80
Датя я выпросилъ. Онъ въ этомъ тоже правъ.

Но вотъ одинъ настухъ, его собрать по службѣ,
Съ его же словъ сболтнуть, что будто Давъ нашель
При маленькомъ еще какія-то вещички.
Чтобъ ихъ потребовать, малютка—здѣсь, отецъ. 85
Дай мнѣ его, жена (женщина подаетъ ребенка).

Примѣтъ и ожерелья

Съ тебя онъ требуетъ и такъ лепечеть, Давъ:
„Всѣ вещи—мой надѣлъ, но—не твоя добыча“.
А я, какъ опекунъ, я за дитя стою:

Мнѣ эту должность ты вручилъ, отдавъ малютку! 90
Теперь же, батюшка—такъ мнитса мнѣ—твой долгъ
Рѣшить, должно ли намъ припрятать для ребенка,
Пока онъ не взростеть, какъ мать того хотѣла,
(Кто бъ ни была она!) и золото и все,

Что тамъ окажется, иль вору имъ владѣть, 95
Хотя бы первымъ онъ нашель добро чужое?

Но почему, ребенка взявъ, вещей я сразу
Съ тебя не стребоваль? Да, я объ нихъ не зналъ!
Я и теперь вѣдь здѣсь не для своей корысти,
Не своего ищу. „А общая находка?“ 100

Нѣтъ слова „я нашель“ тамъ, гдѣ дитя страдаетъ!
Здѣсь не „находка“, нѣтъ, я вижу здѣсь грабежъ!
Подумай самъ, отецъ. Вѣдь, можетъ быть, малютка
Знатнѣе насъ. Вскормясь средь подневольныхъ рукъ,
Когда-нибудь взглянѣтъ онъ свысока на рабство 105

И, сердцу слѣдуя, возьметса за дѣла,
Что баричамъ къ лицу: за лъвиную охоту,

За дротикъ, или за бѣгъ на играхъ. Ты бывалъ,
 Небось, въ театрѣ? Да. Такъ штуки эти знаешь!
 Какой-то козонасъ, какъ я, *носившій шкуру*, 110
 Нашелъ Пилса разъ и Пелія. Когда
 Узналъ онъ, что они—не то, что онъ... почище,
 Онъ разсказалъ имъ всё, какъ ихъ нашелъ, какъ поднялъ,
 И сумку отдалъ имъ съ примѣтами. Онъ-жъ,
 Узнавъ такимъ путемъ всё то, что ихъ касалось, 115
 Царями сдѣлались, а были... пастухи.
 Но если-бъ онъ, какъ Давъ, распродалъ всё вещицы,
 Чтобъ выручить себѣ, ну, хоть двѣнадцать драхмъ,
 Въ безвѣстности глухой они прожили-бъ оба,
 Они-то, славные, да знатные притомъ! 120
 Ну, значить, мой отецъ, не будетъ вовсе толка,
 Коль я возьму дитя, чтобъ воспитать, а Давъ
 Затреть тѣмъ временемъ пути къ его спасенью!
 Вѣдь, съ помощью примѣтъ одинъ сестры не взялъ
 Себѣ въ супружницы, другой снасъ мать, а третій, 125
 Тотъ брата вызволилъ. Вся наша жизнь полна
 Превратностей и бурь, и мы должны провидѣть
 За много, много лѣтъ всё, чѣмъ она грозить.
 Но Давъ сказалъ: „верня, коль не по нраву“. Этимъ
 Онъ мыслить одолѣть меня въ своихъ дѣлахъ. 130
 Но это—не законъ, чтобъ ты, себѣ присвоивъ
 Имѣнье дѣтское, присвоилъ и дитя,
 И на свободѣ вновь вредить ему бы началъ,
 Растративъ тѣ дары, что спасены Судьбой!
 Я все сказалъ. Теперь поставь свое рѣшенье. 135

Смикринъ.

Да, вѣдь, рѣшить легко. Что при ребенкѣ было,
 Принадлежитъ ему. Таковъ мой судъ.

Давъ.

Чудесно!

Ну, а ребенокъ? Онъ—?

Смикринъ.

Его я отдаю,

Конечно, не тебѣ: ты тать, а вотъ ему,
Что защищалъ дѣтя отъ нападений вора.

140

СИРИСКЪ.

Да вкусишь счастье ты!

ДАВЪ.

Что за неправый судъ!
Спаситель-Зевсъ! Вѣдь мной всё найдено, и что же?
Всё отняли они, и онъ моимъ владѣетъ!
Неужли дать суму?

СМИКРИНЪ.

Ну, да.

ДАВЪ.

Неправый судъ,
А коли вру, да сгибнуть мнѣ!

СМИКРИНЪ (обращаясь къ Даву).

Эй, ты, скорѣе.

145

ДАВЪ.

Геракль, обиженъ я!

СИРИСКЪ.

Давай сюда суму,
И покажи, что въ ней: вѣдь въ содержимомъ дѣло!

ДАВЪ.

Минутку подожди, пожалуйста! (Въ сторону). Зачѣмъ
Я взялъ его судьей?

СИРИСКЪ.

Давай суму, ногодникъ!

ДАВЪ (отдавал суму).

Обиженъ, оскорбленъ!

СМИКРИНЪ (обращаясь къ Сириску).

Все тутъ?

СИРИСКЪ.

Да, всё какъ будто.

150

А, впрочемъ, можетъ быть, онъ и слизнулъ кой-что,
Пока я рѣчь держалъ.

ДАВЪ.

И не подумалъ даже!

СИРИСКЪ (уходящему Смикрину).

Спасибо, дорогой. Такъ праведно и скоро
Судить бы должно всѣмъ!

ДАВЪ.

Ну, вѣтъ. Неправый судъ!

Клянусь Геракломъ я! Скажи, я-ль не обиженъ?

155

СИРИСКЪ.

Негодникъ ты!

ДАВЪ (въ бѣшенствѣ).

Ну, дрянъ, смотри теперь ты въ оба.
Коль дѣтское добро растратишь ты, тебѣ
Не сдобровать: стеречь тебя я не стану!

СИРИСКЪ (презрительно).

Проваливай, не то влетитъ! (Давъ уходитъ).

160

Теперь, жена,

Ребенка отнеси ты въ барское жилище.
Сегодня переждемъ мы Хэрестрата здѣсь,
А завтра за дѣла опять съ тобой возьмемся,
Чтобъ барщину отбыть. А впрочемъ, нужно намъ
Сперва пересчитать всѣ вещи. Есть корзина?

Ну, коли вѣтъ, клади за пазуху.

165

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

[Изъ дома Харисія выходитъ Онисимъ и медленно направляется въ сторону Сирика и его жены, не замѣчая изъ сначала].

Онисимъ (про себя).

Не поварь,
А просто размазня! Вчера мы въ это время
Обѣдъ ужъ кончили —

Сирикъ (разбирая вещи и передавая женѣ).

Вотъ это... пѣтушокъ...
Какъ будто, да. Возьми его. Какой онъ крѣпкій!
Вещичка съ камешкомъ! А вотъ тебѣ сѣкира!

Онисимъ (замѣтивъ Сирика, про себя).

Что это?

Сирикъ (не замѣчая Онисима).

Перстень... да... желѣзный, съ позолотой,
На немъ печать: быкъ, а можетъ и козель.
Ну, гдѣ тутъ разобрать? Какимъ-то Клеостратомъ
Онъ сдѣланъ, какъ о томъ мнѣ буквы говорятъ.

170

Онисимъ (подойдя влѣтнюю).

Дай посмотрѣть.

Сирикъ (протягивая перстень).

Смотри. Ты кто?

Онисимъ.

Онъ самый!

Сирикъ.

Кто?

Онисимъ.

Да перстень.

Сирикъ.

Этотъ? Да? Тебя не понимаю!

Онисимъ.

Харисій, баринъ мой,—хозяинъ перстня.

Сирискъ.

Врешь!

Онисимъ.

Опъ обропилъ его —

Сирискъ.

Отдай кольцо, проклятый.

Онисимъ.

Тебѣ дать напѣ? Нѣтъ, скажи мнѣ, гдѣ нашель?
Гдѣ подняль?

Сирискъ.

Аполлонъ и вы, другіе боги!
Ну, чистая бѣда! Попробуй-ка спасти
Сиротское добро! Кому не лѣнь,—всякъ тащить...
Дай перстень, говорю.

180

Онисимъ.

Да что ты? Очумѣль?
Кольцо—Харисія, клянусь я Аполлономъ!

Сирискъ.

Я раньше удавлюсь, чѣмъ уступлю тебѣ,
Хоть капельку! Бери, но я судиться буду
Со всѣми: что въ сумѣ, то—не мое,—дитяти! (къ жепѣ, продолжая раз-
бирать вещи).

185

Что это за уборъ? Возьми. Лоскутъ пурпурный!
Теперь ступай домой. (Обращаясь къ Онисиму).
Что скажешь?

Онисимъ.

Я скажу:

Кольцо—Харисія! Его онъ обронилъ,
Когда былъ выпивши.

СИРИСЬ.

А я—рабъ Хэрестрата.

190

Коль хочешь, береги ты перстень у себя,
А то мнѣ передай,—я сохранию.

ОНИСИМЪ.

Нѣтъ, буду

Я самъ его беречь.

СИРИСЬ.

Мнѣ это все равно.

Вѣдь, мы съ тобой идемъ въ одно и то же мѣсто,
Сюда, не правда ли? (указываетъ на домъ Харисія, сосѣдній съ домомъ Хэрестрата?).

ОНИСИМЪ.

У насъ теперь пріемъ,

Такъ, значить, барину передавать не время.
До завтра подождемъ.

СИРИСЬ.

Что жъ, подождемъ до завтра!

Я напередъ готовъ, чтобъ насъ съ тобой судить
Любой судья! (Въ сторону).

Ну, вотъ опять недурно вышло!

А право, не пора ль, оставивъ всё, заняться
Судебнымъ ремесломъ! Имъ нынѣ всё спасешь!

200

(Уходятъ. Онисимъ въ домъ Харисія, Сирискъ—въ жилище Хэрестрата).

Музыкальная интермедія.

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

[Изъ дома Харисія выходитъ Онисимъ. Онъ задумчивъ и мраченъ].

ОНИСИМЪ.

Я барину разъ пять, а то и больше, перстень
Всѣ показать хотѣлъ. Бывало подойдешь

Близехонько,—стойшь совсѣмъ къ нему вплотную,
 Да и опять назадъ. Эхъ, старый мой доносъ! 210
 И каюсъ же я въ немъ! Мой баринъ то и дѣло
 Твердить: „Зевсъ разрази того, кто язву вскрылъ
 На горе мнѣ!“—Боюсь, что, примирясь съ женою,
 Меня, наушника, онъ въ порошокъ сотретъ,
 За то, что знаю все! Придется половчѣе, 210
 Съ опаской, къ старому прибавить новый шагъ!
 Вѣдь для меня и въ немъ одна бѣда таится!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

[Изъ дома Харисія выбѣгаетъ вся въ слезахъ флейтистка Габротононь и поспѣшно направляется къ Онисиму].

ГАБРОТОНОНЪ (къ кому-то изъ гостей Харисія).

Оставьте вы меня... прошу... не прибавляйте
 Къ слезамъ мнѣ новыхъ слезъ. Сама я виновата! (Обращаясь къ Онисиму).
 Не видѣть, что иду на поруганье! Онъ, 215
 Представь себѣ, меня, ну, прямо вснавидеть.
 Спать не даетъ съ собой, заставилъ спать отдѣльно.
 Прямой дуракъ!

Онисимъ (про себя, не слушая Габротононь)

А что, коль передать кольцо
 Опять тому рабу? Да, будетъ странно!

Габротононь.

Глупый!

Къ чему онъ тратитъ зря такую уйму денегъ? 220
 А я-то... я могу теперь, мой дурачекъ,
 Съ кошницею идти богиню славословить:
 Чиста ужъ третій день я „отъ объятій брачныхъ“,
 Какъ говорится—

Онисимъ (про себя).

Охъ! Вы, боги, помогите!
 Гдѣ выходъ для меня?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

[На сцену поспышно вблаетъ Сирискъ. Онъ, повидимому, кого-то ищетъ и находится въ сильномъ волненіи].

СИРИСКЪ.

Ищу его, ищу 225

Повсюду... зря. (Замѣчая Онисима).

Ты здѣсь! Отдай-ка мнѣ, мой милый,
Кольцо, иль покажи, кому ты тамъ хотѣлъ.
Судиться будемъ мы! Пора мнѣ въ путь-дорогу!

Онисимъ (въ замѣшательствѣ).

Дѣлцо то—чистый грѣхъ... Навѣрняка я знаю:
Харисій, баринъ мой—хозяинъ перстня. Но... 230
Какъ показать ему? Коль я отдамъ, то сразу
Харисій нашъ отцомъ тому ребенку станетъ,
Съ кѣмъ перстень кинуть былъ—

СИРИСКЪ (съ недоверіемъ).

Ишь ты, куда загнулъ!

Онисимъ (съ убѣжденіемъ).

На Таврополіяхъ, при бдѣніи ночномъ,
Гдѣ были женщины, онъ обронилъ свой перстень. 235
Ты пораскинъ умомъ, и выйдеть: онъ дѣвицу
Тамъ изнасиловалъ, она же родила
И кинула дитя.—Найти-бъ ее сначала,
Да ей бы перстень дать,—всѣ вышло бы на свѣтъ!
Пока жо—тутъ одна лишь смута, да волненье! 240

СИРИСКЪ (не убѣжденный доводами Онисима).

Самъ обсуди! Но знай: коль тянешь дѣло ты,
Чтобъ перстень мнѣ отдать за малую толику,—
Ты плохо разсчиталъ! Дѣлиться я ни съ кѣмъ
И не подумаю!

Онисимъ (презрительно).

Мнѣ не нужна дѣлежка!

Сирискъ.

Я въ городъ побѣгу. Тамъ обойду дѣльцовъ, 245
 Да разспрошу, какъ мнѣ съ тобою дѣло дѣлать! (Уходитъ).

Гавротононъ (указывая на окно въ домъ Херестрата въ которомъ видна жена Сириска, кормящая ребенка).

Онисимъ, женщина, что кормить тамъ дитя,—
 Его-то я нашель нашъ угольщикъ? Скажи-ка!

Онисимъ.

Да, по его словамъ

Гавротононъ (съ лѣжностью).

А крошка, хоть куда!

Онисимъ.

И перстень барина, что у меня остался. 250

Гавротононъ (показывая на ребенка).

Чудовище! Коль это вправду—твой барчукъ,
 А ты глядишь себѣ, какъ онъ живетъ съ рабами,—
 Ты смерти стѣишь, да!

Онисимъ (жрачно).

Пожалуй, что и стѣю,

Гавротононъ.

Про мать не вѣдаютъ? А перстень имъ потерянь
 На Таврополяхъ?

Онисимъ.

Онъ пьянъ былъ, мнѣ сказалъ

255

Съ нимъ бывший рабъ.

Гавротононъ (припоминая что-то).

Ну, да, онъ на ночное бдѣнье,
 Гдѣ были женщины, должно быть, ворвался!
 Однажды и при мнѣ такая-жъ точно штука
 Была.

Онисимъ (пораженный).

Какъ при тебѣ?

Габротононъ.

А въ прошломъ-то году,
На Таврополіяхъ! Играла я на арфѣ
Тогда для дѣвушекъ и забавляла ихъ.
Вѣдь я мушьянъ тогда совсѣмъ еще не знала,
Клянусь Кипридою!

260

Онисимъ.

А вѣдома тебѣ

Та дѣвушка?

Габротононъ.

Еще-бъ! Она была сродни
Тѣмъ, кто привезъ меня.

Онисимъ.

А кто отецъ, слышала?

265

Габротононъ.

Ну вѣтъ! Зато ее признать не трудно мнѣ!
О боги, какъ она красива, да притомъ
Богата, просто страсть!

Онисимъ (со страхомъ).

Не барыня ли наша?

Габротононъ.

Не знаю я.—Такъ вотъ, на время насъ оставивъ,
Ушла она, и вдругъ бѣжить назадъ въ слезахъ,
Терзая волосы. Мы смотримъ: платье—въ клочьяхъ,
Изорвано совсѣмъ, лохмотья лишь висятъ.
А было дивное: вѣдь, прямо изъ Тарента!

270

Онисимъ.

А перстень былъ у ней?

Габротононъ.

Возможно, но она—

Не буду лгать—его не показала.

Онисимъ (съ отчаяніемъ).

Что-жъ

275

Мнѣ дѣлать-то теперь?

Габротононъ.

А вотъ что! Если ты

Не глумъ и вѣришь мнѣ, то перстень господину
Ты покажи. Къ чему, коль крошка—отъ свободной,
Его мы будемъ зря отъ барина таить?

Онисимъ.

Сперва, Габротононъ, найди мнѣ мать малютки,
А ужъ потомъ мы съ ней и къ барину пойдёмъ!

280

Габротононъ.

Ну, это—не легко, пока не знаю точно,
Кто былъ насильникомъ. Я, видишь ли, боюсь
Такъ, не подумавши, раскрыть глаза знакомымъ.
Кто знаетъ, можетъ быть, онъ перстень заложилъ
Пріятелю, а тотъ такъ, зря, его посѣялъ.
Возможно, вѣдь и то, что при игрѣ, въ закладъ
Онъ далъ свое кольцо, иль объ него побился,
Да проигралъ пари и отдалъ перстень. Часто
Такіе случаи бывають на циряхъ!
Пока обидчика не знаю я, не стану
Искать я дѣвушки, иль раскрывать глаза
На что бы ни было!

285

290

Онисимъ.

Ты складно говоришь!

Но что же дѣлать мнѣ?

Габротононъ.

Послушай-ка, Онисимъ.

Коль по душѣ тебѣ, что мнѣ взбрело на умъ,

295

То я примусь одна за наше дѣло. Перстень
Я у тебя возьму и барину отдамъ.
Вотъ я къ нему вхожу—

Онисимъ.

Такъ, такъ! Я начинаю

Брать въ толкъ.

Габротононъ.

Онъ видитъ: я съ кольцомъ. „Гдѣ это ты
Взяла кольцо?“— „Взяла, когда была дѣвницей,
На Таврополіяхъ“. Я выдамъ за свое,
Что было съ той: онд, вѣдь, мнѣ почти извѣстно!

300

Онисимъ (въ восторгѣ).

Вотъ ловко-то!

Габротононъ.

Ну, видишь ли, коль тотъ грѣшокъ
Имъ вправду совершенъ, онъ самъ помчится прямо
На встрѣчу совѣсти, и такъ какъ выпилъ онъ,
То выболтаетъ всё, безъ удержа, съ наскока.
Я-жъ буду повторять, но первой не начну,
Чтобъ не провратъся вдругъ.

305

Онисимъ.

Чудесно, вотъ-те Гелій!

Габротононъ.

Жеманиться начну, и чтобъ не ошибиться,
Такъ кое-что болтать. „Ты былъ такимъ безстыднымъ,
Такимъ неистовымъ!“

310

Онисимъ.

Чудесно!

Габротононъ.

„Ты меня

Вразъ повалилъ! Мое совѣмъ пропало платье!
О я несчастная“.—Да, передъ этимъ я

Ребеночка возьму, начну ласкать и плакать,
А женщины скажу: „Гдѣ ты нашла“?

Онисимъ.

Гераклъ!

315

Габротононъ.

А подь конецъ всего я крикну: „вотъ—твой мальчикъ!
Онъ—отъ тебя“, и тутъ я протяну ему
Дятя.

Онисимъ.

Габротононъ, подстроено всё ловко!

Габротононъ.

Когда же выйдетъ всё наружу, и отцомъ
Себя признаетъ онъ, мы на досугъ същемоъ
Ту дѣвушку.

320

Онисимъ (съ ироніей).

Одно ты упустила: ты
Свободной станешь. Онъ, сочтя тебя за мать
Малютки, дастъ тебѣ, конечно, отпускную.

Габротононъ (съ дѣланннмъ равнодушіемъ).

Не знаю, но хочу!

Онисимъ (съ прежней ироніей).

Ахъ, ты о томъ не знаешь!
Ты за содѣйствіе мнѣ что-нибудь вручишь?

325

Габротононъ.

Клянусь богинями! Тебя считать я буду
Винникомъ всего.

Онисимъ (недовѣрчиво).

А что, коль ты нарочно
Дѣвцы не найдешь, да проведя меня,
И успокоишься,—тогда что дѣлать?

ГАБРОТОНОНЪ (съ подъемомъ).

Глупый!

Да для чего? Иль, мыслишь, я дѣтей хочу?
Свободу надо мнѣ, ее одну. О, боги!
Вотъ если бы ее мнѣ получить!

330

Онисимъ (убѣжденно).

Получишь!

ГАБРОТОНОНЪ (радостно).

Такъ, значить, ты со мной?

Онисимъ.

Вполиѣ съ тобой! Но если
Ты въ сторону свернешь, тогда съ тобой сражусь.
На это хватитъ силъ! Пока же мы посмотримъ,
Что выйдетъ у тебя.

335

ГАБРОТОНОНЪ (радостно).

Такъ, значить, по рукамъ?

Онисимъ.

Да по рукамъ.

ГАБРОТОНОНЪ.

Тогда отдай мнѣ этотъ перстень.

Онисимъ.

Бери.

ГАБРОТОНОНЪ.

Теперь, Пинод, лети на помощь мнѣ
И рѣчь мою направь, какъ я того желаю. (Уходитъ).

Онисимъ (съ горечью по адресу Габротононъ).

Страсть, какъ находчива! Почуявъ, что нельзя
Любовью выманить себѣ свободы право,
Что дѣло дрянъ,—она пустилась въ путь иной
И шествуетъ себѣ! А я всю жизнь работъ
Пробуду! Я—слюняй, дубина! Нюха нѣтъ

340

На тонкости! (Съ надеждой).

Зато перепадетъ мнѣ, вѣрно,

345

Коль дѣло выгоритъ! Я заслужилъ! (Съ отчаяніемъ).

Пустое!

И глупъ же ты! Мечтать, что женщина тебя

За помощь одаритъ? Спасибо, если горя

Ты не хлебнешь еще! (Нерѣшительно, но съ радостью).

Пока, въ томъ спора нѣтъ,

Дѣла-то барыни неважны, даже очень!

350

Вѣдь, если дочерью свободнаго отца

Окажется та мать, что родила ребенка,

Съ ней баринъ вступить въ бракъ, и баринъ тогда

Придется домикъ нашъ покинуть безъ возврата.

Пока что, надо мнѣ въ сторону отойти,

355

Да сдѣлать видъ, что я—чистехонекъ. Простите,

Дѣлшки крупныя! А если я опять

Иль сплетничать начну, иль носъ въ чужое суну,—

Пусть выбьютъ... зубы мнѣ! (Всматривается въ даль).

Кто это тамъ идетъ?

Смиринъ къ намъ жалуетъ, изъ города вернулся,

360

(Смиринъ подходитъ)

<Взволнованъ чѣмъ-то онъ.> Что, если рассказаль

Тамъ кто-нибудь ему про <нашего малютку?>

Убраться бы скорѣй, чтобъ не мозолить глазъ!

Но Онисиму, повидимому, не удалось исполнить своего намѣренія. Насколько можно судить объ этомъ по обрывкамъ послѣдующихъ стиховъ, ему пришлось все-таки вступить въ разговоръ съ раздраженнымъ Смириномъ. Этотъ разговоръ касался, повидимому, того самого повара, котораго въ началѣ пьесы Онисимъ привелъ съ рынка. Но надо думать, что помимо этого Смиринъ не преминулъ затронуть и наболѣвшій вопросъ, а именно, вопросъ о легкомысленномъ поведеніи Харисія, своего зятя. Во всякомъ случаѣ тонъ Смиринина врядъ ли былъ пріятенъ для Онисима. Не даромъ говоритъ онъ: ὦ τριθάλιος | ἐγὼ κατὰ πάντα! Что же до Смиринина, то повышенность его настроенія въ достаточной степени характеризуется слѣдующимъ, пущеннымъ по адресу повара (?) ругательствомъ: ἐκλατ' εἰς μαχαρίας ¹⁾).

¹⁾ Приписывать эти слова Онисиму врядъ ли возможно.

Очень можетъ быть, что въ діалогъ Смикрина съ Онисимомъ вступалъ подь конецъ и Харисій, впервые, такимъ образомъ, появившійся передъ публикой и, вѣроятно, оправдывавшій передъ лицомъ тестя свое поведеніе.

Какъ бы то ни было, непрерывное теченіе комедіи нарушается, начиная со стиха 364, и въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ уже только отдѣльныя сцены, изъ которыхъ лишь нѣкоторыя тѣсно связаны одна съ другой.

Отрывокъ, идущій за діалогомъ Смикрина и Онисима, начинается съ появленія Габротононъ, которая выходитъ изъ дома Харисія, держа на рукахъ плачущаго ребенка. Тотъ плачь, о которомъ она говорила Онисиму, повидимому, приведенъ ею въ исполненіе и удался вполне. Въ глазахъ Харисія она идетъ теперь за подлинную мать ребенка и можетъ на свободѣ заняться разыскиваніемъ настоящей матери найденныша.

Вполнѣ возможно, что этой сценой открывалось *третье* дѣйствіе комедіи, вступавшей въ новую фазу complicatіонъ и интригъ и захватывавшей по дорогѣ новыхъ лицъ, о которыхъ до сихъ поръ лишь упоминалось. Такимъ лицомъ, прежде всего, является Софрона, нянька (?) Памфилы, жены Харисія. Этотъ персонажъ былъ, безусловно, необходимъ для приведенія къ благополучному концу всего плана Габротононъ, такъ какъ Софрона, какъ это выясняется изъ дальнѣйшаго, была съ Памфилой на Таврополіяхъ, а слѣдовательно, могла лучше всѣхъ навести Габротононъ на слѣды отыскиваемой дѣвушки, которая и была матерью ребенка и жертвой Харисія.

Габротононъ (выходя изъ дома Харисія).

Съ ребенкомъ выхожу, онъ горько плачетъ, бѣдный!

Что приключилось съ нимъ, никакъ не разберу.

375

СОФРОНА (взволнованная, послѣшно выбѣгаетъ изъ дома Смикрина, что примыкаетъ къ дому Харисія).

Кто изъ боговъ меня, бѣдняжку, пожалѣетъ?

Далѣе идутъ слова Габротононъ (ст. 377—380), обращенныя, повидимому, къ зрителямъ, слова, смыслъ которыхъ въ виду отрывочности текста, не вполне ясенъ. Изъ двухъ послѣднихъ стиховъ (ст. 381—382), которые Lefebvre и Leeuwen относятъ къ Софронѣ, но которые, какъ мнѣ кажется, надо приписывать Габротононъ, можно.

выводить, что Габротононъ замѣчаетъ Софрону, няньку Памфилы, жены Харисія, напоминаетъ, что видѣла ее на Таврополияхъ видѣть съ обезпеченной Харисіемъ дѣвушкой и, обрадованная встрѣчей, которая можетъ помочь ей найти мать ребенка, обращается къ Софронѣ со словами: „здравствуй, милая“ (ᾠ χαῖρε, φίλτατη). Софрона, удивленная этимъ привѣтомъ со стороны какъ будто незнакомой женщины, вглядывается въ Габротононъ, напоминаетъ, что встрѣтила ее еще дѣвушкой въ минувшемъ году на Таврополияхъ и, увидѣвъ у нея на рукахъ ребенка, задаетъ ей вопросъ.

Софрона.

Скажи мнѣ, милая, откуда у тебя
Ребенокъ?

385

ГАБРОТОНОНЪ (вмѣсто отвѣта показывая на ожерелье, которое найдено на шею ребенка).

Ты на немъ не видишь ли вещицы
Знакомой для тебя? (Софрона приглядывается, узнавъ ожерелье и въ нерѣшительности молчитъ).

Да, не робѣй, голубка!

Софрона.

Такъ ты ему... не мать?

ГАБРОТОНОНЪ.

Я сию назвалась. (Замѣчая, что на лицѣ Софроны отражается ужасъ и негодованіе, продолжаетъ съ поспѣшностью).

Не для того, чтобъ мать законную обидѣть,
А чтобъ найти ее. И вотъ —

390

Софрона.

Такъ ты нашла?

ГАБРОТОНОНЪ (торжественно показывая рукой на Памфилу, которая показывается въ окнѣ дома Смякрна).

Вновь предо мной она!

СОФРОНА (съ живостью).

А кто... отецъ ребенка?

ГАБРОТОНОНЪ.

Харисій!

СОФРОНА (пораженная, съ недоверіемъ).

Милая, а тутъ... ошибки нѣтъ?

Харисій! Онъ—отецъ?

ГАБРОТОНОНЪ (съ удареніемъ).

Его жену я вижу!

СОФРОНА (указывая на окно).

Ту, что—въ окнѣ?

ГАБРОТОНОНЪ.

Ну, да!

СОФРОНА (радостно).

Счастливица! Ея

Богъ, видно, пожалѣлъ!

395

ГАБРОТОНОНЪ (прислушиваясь).

Какъ будто у сосѣдей

Дверь хлопнула. Шаги... сюда идутъ! Съ собой

Возьми-ка ты меня, чтобъ я про остальное

Тебѣ повѣдала подробно, не спѣша. (Уходя въ домъ Смиверна).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[На сцену изъ дома Харисія выходитъ Онисимъ. На немъ лица нѣтъ, онъ чѣмъ то напузанъ].

Онисимъ.

Бѣснуется во всю, клянусь въ томъ Аполлономъ!

Въ него вселился бѣсъ! Онъ бѣсится, о боги!

Онъ—это баринъ мой Харисій! Горькой желчью

400

Полна его душа, а, можетъ, и другимъ
 <Недугомъ тягостнымъ онъ боленъ. Посудите!>
 Сначала у дверей ¹⁾ стоялъ онъ долго, въ щель 405
 Украдкою смотря и слухъ свой напрягая.
 А за дверьми отецъ его жены въ сердцахъ
 Ей что-то говорилъ, сдается мнѣ. Нашъ баринъ
 Блѣднѣль, краснѣль, да вдругъ—противно вспоминать!—
 И ну, давай вопить: „о свѣтъ моихъ отецъ!
 410
 Что слышу отъ тебя!“ Потомъ съ ужасной силой
 Себя по головѣ ударилъ и сказалъ,
 Минуту погода: „И я съ такой женою
 Несчастливымъ мнилъ себя, негодникъ!“ Наконецъ,
 415
 Прослушавъ рѣчь жены, онъ скрылся въ домъ и началъ
 Рвать волосы, стонать, ну, впрямь, сходить съума!
 „Такъ поступить, какъ я“—онъ повторялъ—„такъ гадко!
 Прижить на сторонѣ ребенка, а женѣ
 Грѣха не отпустить, не пожалѣть несчастной!
 Да я совсѣмъ дикарь! Гдѣ сердце у меня!“ 420
 Такъ онъ себя бранилъ, безъ жалости, а очи,—
 Тѣ кровью налились, и былъ онъ—виѣ себя!
 Струхнулъ порядкомъ я! Я весь отъ страха высохъ!
 Въдь если бѣшенный меня увидитъ онъ,
 Меня, доносчика,—того гляди, прикончить. 425
 Вотъ почему тайкомъ я проскользнулъ сюда!
 Куда дѣваться мнѣ? Что выдумать? (Прислушивается).
 ОВ, лихо!
 Подходить смерть! Дверьми онъ хлопнулъ... онъ идетъ!
 Спаситель Зевсъ, меня, колы можешь, защити! (Кидается въ сторону).

¹⁾ Для того, чтобы ясно представить себя, въ чемъ тутъ дѣло и какими обра-
 зомъ Харисій могъ подслушать слова жены, нужно сдѣлать еще одно предположеніе.
 Я уже не разъ упоминалъ о томъ, что домъ Харисіа примыкалъ къ дому Смикрина,
 такъ что оба жилища какъ бы продолжали другъ друга. Но одного этого еще недо-
 статочно для объясненія того, какимъ образомъ Харисій могъ ясно слышать всю
 бесѣду отца съ дочерью. Надо думать, что для удобства совместной жизни оба дома
 были соединены внутри или путемъ простой двери или на манеръ того, какъ гово-
 рится объ этомъ въ Stichus Плавта (vv. 449 sqq.) и на что указываетъ Leo (о. с. 136).
 Услышавъ громкіе голоса и желая узнать, въ чемъ дѣло, Харисій принаккаетъ къ
 передаточной двери и ясно различаетъ, какъ его жена, ниѣ отвергнутая, не согла-
 шается на предложеніе отца развестись съ мужемъ и потребовать назадъ приданое.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

[Изъ дома выбывает Харисій. Видно, что онъ внѣ себя: его одежда— въ безпорядкѣ, на его лицѣ написано отчаяніе и полное презрѣніе къ самому себѣ]

ХАРИСИЙ (указывая на себя).

Вотъ—онъ, кто безъ грѣха, кто доброй славы ищеть, 430

Кто благо и порокъ умѣетъ различать,

На комъ ни пятнышка, кто чистъ и непороченъ! (Съ горечью).

Да, божество со мной расправилось по-свойски,

И подѣломъ!—Пойми, ты—тоже человѣкъ!

Ты смѣешь пыжиться, ты съ высоты вѣщаешь! 435

Женѣ своей простить невольнаго грѣха

Не въ силахъ, да? А самъ (куда хороше!) впадаешь

Въ такой же грѣхъ! И вотъ, она съ тобой мягка!

Ты-жъ топчешь въ грязь её: а коли—такъ, то, значить,

Ты—дрянь, ты—негодяй, ты—жалкій человѣкъ 440

(Какъ бы припоминалъ что-то).

Небось, она отцу совсѣмъ не то сказала,

Что про себя о ней ты говорилъ. (Съ нѣжностью повторяетъ слова жены).

„Коль съ нимъ

Я жизнь дѣлю, то съ нимъ я раздѣлю и горе!“ (Съ ожесточеніемъ).

<Вотъ это такъ отвѣтъ!> А ты, ты слишкомъ гордъ!

Конецъ монолога къ сожалѣнію не сохранился. Не сохранилось и сцены, непосредственно примыкавшей къ нему. Благодаря этому возстановить полное теченіе дѣйствія мы не можемъ. Что же касается до отрывка, состоящаго изъ 7 неполныхъ стиховъ и помѣщаемаго въ изданіяхъ вслѣдъ за монологомъ Харисіа, то онъ сохранился настолько плохо, что составить себѣ ясное представленіе объ его содержаніи довольно трудно. Очевидно только одно: сохранившіеся семь стиховъ составляли часть разговора между двумя лицами, причемъ предметомъ бесѣды служилъ, повидимому, найденышъ ¹⁾. Изъ словъ τὰς. μὴ βλέπ[ης ἀπίστ[ιστον?]] ²⁾ можно заключать, что одинъ изъ собесѣдниковъ былъ пора-

¹⁾ Врядъ ли этими лицами были Смикринъ и Памфила, какъ это думаетъ Иссувен (стр. 37).

²⁾ По поводу этого дополненія ср. Eur. fr. 309 (Kock, I, 341):

Отд. классич. филол.

женъ сдѣланнымъ ему открытіемъ, которое, вѣроятно, касалось разоблаченій насчетъ происхожденія ребенка. Я былъ бы не прочь видѣть въ одномъ изъ разговаривающихъ *Сириска*, пришедшаго снова за перстнемъ, а въ другомъ—*Габротононь*. Последняя могла открыть глаза Сириску на истинное происхожденіе ребенка, на то, что онъ не τὸ τοῦδ' [παίδιον?], не сынъ „гестеры“ (ἑταίριδίου), но παιδάριον [τὸ γνήσιον?], и затѣмъ направить Сириска къ Харисію, чтобы подготовить почву для окончательныхъ разоблаченій, которыя должны были послѣдовать уже съ ея стороны. Если все это такъ, то надо думать, что Сирискъ удалялся въ домъ, а Габротононь, оставаясь на сценѣ, произносила нѣсколько стиховъ, въ которыхъ она могла, между прочимъ, снова призывать къ себѣ на помощь боговъ, какъ въ стихахъ 338—339. Въ такомъ случаѣ слѣдующая картина открывалась появленіемъ Харисія, сопровождаемаго Сирискомъ, къ которому взволнованный сообщеніемъ Харисіи и обращался съ слѣдующими словами ¹⁾:

Харисій.

Зачѣмъ томишь меня, негодникъ?

455

Габротононь (выступая впередъ).

Я—въ отвѣтъ!

Харисій.

Ну, отвѣчай!

Габротононь.

Твоя законная жена

Ребенка родила: онъ—не чужой!

Харисій.

О если-бъ

Всѣ было такъ!

Габротононь.

Да, такъ, клянусь тебѣ Димитрой!

συνέτυχεν ἕποντι μοι
ἄνθρωπος ἀποφράς καὶ βλάπων ἀποτίαν.

¹⁾ Эти стихи находятся на оборотѣ того обрывка, место котораго замято вышеупомянутыми 7 стихами.

Харисій.

Ты говоришь...

Габротононъ.

Одну лишь правду.

Харисій.

Что дитя

460

Памфилы?

Габротононъ.

И твое!

Харисій.

Дитя—моей Памфилы?

Габротононъ, надеждъ напрасныхъ не сули!

Сцена, идущая въ настоящее время за діалогомъ Харисіа и Габротононъ, не примыкала къ ней непосредственно. Между ними былъ, безъ сомнѣній, еще цѣлый рядъ дополнительныхъ сценъ, о приблизительномъ содержаніи которыхъ мы можемъ только догадываться.

Насколько я понимаю ходъ дѣйствій, вслѣдъ за открытіемъ, сдѣланнымъ Габротононъ Харисію, послѣдній долженъ былъ искать немедленнаго примиренія со своей женой. По свойственной ему пылкости, да къ тому же измученный продолжительной душевной борьбой между любовью къ женѣ и нежеланіемъ ее простить, Харисій долженъ былъ поступать стремительно, поступать такъ, какъ этого требовалъ его несдержанный характеръ. Онъ не могъ дожидаться прихода своего тестя, чтобы мирнымъ путемъ уладить всѣ недоразумѣнія. Повинуясь движенію своего сердца, онъ долженъ былъ немедленно вслѣдъ за бесѣдой съ Габротононъ броситься къ женѣ, чтобы вымолить у нея прощеніе. Но для этого ему надо было войти въ домъ Смикрина, гдѣ временно находилась Памфила, и попытаться перевести ее оттуда къ себѣ.

И вотъ въ сопровожденіи Описима, Сириеса, а, можетъ быть, и Габротононъ, онъ, пользуясь отсутствіемъ тестя, проникалъ къ нему въ домъ, гдѣ Памфила, освѣдомленная обо всемъ происшедшемъ благодаря Софронѣ и той же Габротононъ, съ нетерпѣніемъ ждала прихода своего мужа, который по прежнему былъ ей любъ.

Возможно, что Менандръ, какъ глубокий знатокъ человѣческой при-

роды, не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для болѣе детальной характеристики Памфилы, и можно думать, что между примирившимися супругами происходилъ нѣжный діалогъ, послѣ котораго они вмѣстѣ удалялись въ домъ Харисіа. Это и будетъ то *ἀρκασιον*, о которомъ съ усмѣшкой говоритъ Смикрину Описимъ (стихъ 484) и предъ которымъ *σπουδή* Смикрина является запоздалымъ.

Мы, конечно, не можемъ сказать, что изъ предполагаемаго нами имѣло мѣсто на сценѣ и что происходило за сценой. Вполнѣ мыслимо, что Менаандръ, согласно своему обычаю, много разъ прибѣгалъ въ утерянной для насъ части комедіи къ косвенной передачѣ того или другого факта, пользуясь для этого такими персонажами, какъ Описимъ или Габротононъ.

Само собой разумѣется, что счастливое для Харисіа событіе должно было благотворно отразиться и на положеніи другихъ лицъ, заинтересованныхъ во всей исторіи, т. е. на положеніи Габротононъ, Сириска, Описима и Дава. Можно думать, что всѣ они, какъ люди болѣе или менѣе причастные къ открытію тайны и къ установленію мира между супругами, получали свободу, такъ что найденныя являясь для нихъ своего рода рогомъ изобилія, изливавшимъ на нихъ всевозможныя блага.

Все мною изложенное и развивалось, вѣроятно, въ пропавшихъ для насъ сценахъ, причемъ, конечно, и Софрона имѣла тутъ свою долю участія, какъ лицо наиболѣе послѣ отца близкое къ Памфилѣ¹⁾. Такимъ образомъ, еще до возвращенія Смикрина все въ домѣ Харисіа входило въ нормальный видъ, и осталось только ждать того момента, когда Смикринъ, вернувшись къ себѣ, увидитъ, что всѣ его планы развести дочь съ ея мужемъ потерпѣли неудачу.

Въ настоящее время мы располагаемъ только концомъ той сцены, въ которой выступаетъ Смикринъ, взбѣшенный всѣмъ происшедшимъ. Надо думать, что объ уходѣ дочери онъ узнавалъ отъ Софроны, съ которой и происходилъ у него разговоръ, причемъ Софронѣ, думается мнѣ, принадлежать и тѣ два стиха (ст. 462—463), которые предшествуютъ рѣчи Смикрина. Если мое предположеніе вѣрно, то возможно, что въ своей рѣчи Софрона давала Смикрину отчетъ о послѣднемъ шагѣ его дочери, попутно высказывала свои личныя соображенія на-

¹⁾ Неясно мнѣ только, что представлялъ собой Харестратъ. Отца Харисіа? Неясна мнѣ также и его роль въ пьесѣ, тѣмъ болѣе, что въ сохранившейся части комедіи онъ нигдѣ не выступаетъ: о немъ только говорятъ, да и то глухо.

счетъ образа дѣйствій самого Смикрина и заканчивала рѣчь своего рода панегирикомъ въ честь Памфилы, находя, что она поступила „разумно“.

На эту рѣчь Софроны и обрушивается Смикринъ въ слѣдующей сценѣ, которая является послѣдней при настоящемъ состояннн текста.

Софрона (?)

<Сказала>

<Она> разумное: „Что говорить! Грѣха
Она не простилъ бы мнѣ, но я ему прощаю“.

Смикринъ (въ отъешествн).
465

Коль я не разобью башки твоей, Софрона,
Пусть пропаду совсѣмъ! Ты будешь мнѣ читать
Нравоученья? Ты, негодная старуха?
Съ увозомъ дочери я, вишь ты, поспѣшилъ!
Иль ждать, по твоему, пока зятекъ почтенный
Приданого не съѣстъ? Иль о своемъ добрѣ
Балясы съ нимъ точить? И лѣзть съ такимъ совѣтомъ!
470

Софрона.

Ты поспокойнѣй будь!

Смикринъ (угрожающ.).

Поговори еще,
Такъ завопишь во всю!—И я съ Софроной спору!
Уговори мнѣ дочь: такъ будетъ лучше! (Иронически).
Ты
Мудрецъ вѣдь у меня!—Пойду домой. (къ Софронѣ).
Вотъ лужа!
475
Видала? Ночку въ ней тебя я продержу...
Ты и скапутишься! Ужъ я тебя заставлю
Не возражать ни въ чемъ, не спорить! (Про себя).
Надо въ дверь
Мнѣ постучать! (Стучать къ Харисию).
Закрота! Рабъ! Эй, вы, скорѣе!
Ну, отпирай! Рабы! Вамъ говорю иль нѣтъ?

НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

[Дверь дома медленно отворяется и на пороге ея показывается Онисимъ. Въ немъ не замѣтно прежней растерянности; онъ спокоенъ, важенъ и торжествененъ; видно, что буря, которой онъ боялся, не принесла ему ни малѣйшаго вреда и что онъ снова обрѣлъ свою прежнюю самоувѣренность].

Онисимъ.

Кто это въ дверь стучить?—Ахъ, это самъ Смикринъ, 480
Сердитый, жалуется за дочерью своею
И за приданымъ!

Смикринъ.

Да, треклятый!

Онисимъ (извѣтельно).

Что-жъ, тому,
Кто деньгамъ счетъ ведетъ и разумомъ богатъ,
Къ лицу и этотъ спѣхъ и... похищенье. Чудно 485
Сложилось всё, Гераклъ!

Смикринъ.

О демоны и боги!

Онисимъ (иронически).

Неужли у боговъ есть время для того;
Чтобъ каждый день имѣть про каждаго въ запасъ
Добро и зло, Смикринъ?

Смикринъ (недоумѣвающе).

Что хочешь ты сказать?

Онисимъ (наставительно).

Я выясню сейчасъ! Всѣхъ городовъ, примѣрно,
Пойдется съ тысячу. А въ каждомъ тысячѣ тридцать 490
Живетъ людей. И вотъ приходится богамъ
Губить и миловать всѣхъ безъ остатка...

Смикринъ.

Врки!

Вѣдь выйдетъ, что у нихъ не жизнь, а вѣчный трудъ!

Описимъ (съ убъжденіемъ).

Ну, значить, не они о насъ пекутся. „Кто же?“

Ты спросишь. — Къ каждому приставленъ нравъ его

495

Начальникомъ. Однихъ онъ въ порошокъ стираетъ,

Коль худо съ нимъ они обходятся, другихъ —

Блюдетъ и милуетъ. Нашъ нравъ — вотъ кто нашъ богъ!

И счастье и бѣда, — всё отъ него зависитъ,

Его и ублажай, да не дури притомъ,

500

Коль счастья хочется!

Смикринъ.

Нравъ и меня толкаетъ

На дурь, подлець?

Онисимъ.

Уже толкнулъ!

Смикринъ.

Ахъ, ты, нахаль!

Онисимъ.

Ты думаешь, Смикринъ, дочь уводить отъ мужа

Куда какъ хорошо?

Смикринъ (передразнивая Онисима).

А кто тебѣ сказалъ,

Что это *хо-ро-шо*? Пойми: такъ нужно было!

505

Онисимъ.

Онъ нужнымъ зло призналъ! Ну, кто иной ведетъ

Къ гибели его, какъ не характеръ дикій!

На этотъ разъ тебя, хоть ты задумалъ зло,

Случайность сберегла, и въ домъ ты застанешь

Любовь и тишину и прекращенье бѣдъ.

510

Но берегись, Смикринъ, чтобъ не попасться снова

На той же глупости! А на сегодня твоей

Отпущенъ грѣхъ. Входи! И поласкай гѣжигѣ...
Внученка!

Смикрингъ.

Что? Внученка? Ахъ, ты, подлый рабъ!

Онисимъ.

Считался умникомъ, а вышелъ гѣднолобымъ! 515
Дочь зрѣлую держалъ онъ подъ замкомъ. И вотъ,
(О чудо изъ чудесъ! вдругъ появился крошка,
Да пятимѣсячный!

Смикрингъ.

Я не пойму!

Онисимъ (указывая на Софрону).

Зато
Старуха поняла, навѣрное! — Мой баринъ
На Таврополіяхъ — 520

Смикрингъ.

Софрона!

Онисимъ.

Оттащилъ

Красотку отъ подругъ...

Смикрингъ.

Ты въ толгъ берешь?

Софрона.

Конечно!

Онисимъ.

А нынче онъ... призналъ её, она жъ — его,
И всё наладилось.

Смикрингъ (обращаясь къ Софронѣ).

Скажи, въ чемъ дѣло, вѣдьма!

Онисимъ (горжественно).

„Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!
Удѣлъ жены родить“.

525

Смикринъ.

Дуракъ, да что съ тобою?

Онисимъ (въ презрѣннѣ тояѣ).

Смикринъ! Я произнесъ изъ „Авги“ два стиха.
Авось теперь поймешь.

Смикринъ.

Вся кровь во мнѣ вскипаетъ
Отъ этой наглости! (Къ Софронѣ).
А ты, ты поняла,
О чемъ онъ говорить?

Софрона.

Хоть онъ и судить вкривь,
Я знаю хорошо... не бойся...

530

Смикринъ.

Ты пугаешь!

Софрона.

Что счастья большаго и въ мѣрѣ не найти.

Смикринъ (радостно).

Такъ значитъ правда всѣ?

И у меня есть внучекъ?

Пьеса обрывается радостнымъ восклицаніемъ Смикрина, который, откинувъ свою прежнюю мрачность и злость, начинаетъ превращаться въ нѣжнаго дѣдушку и, повидимому, готовъ исполнить недавній совѣтъ Онисима, предлагавшаго ему поласкать внучка.

Такимъ образомъ, мы стоимъ почти у самаго конца пьесы. Недостаетъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь маленькой заключительной

сценки, которая могла быть выдержана приблизительно въ томъ же духѣ, въ какомъ выдержана соответствующая сцена въ Перихоревѣ.

Конечно, наступаетъ моментъ общей радости, общаго восторга. Всѣ только что пережитыя тревоженія забываются, все темное и скучное отходитъ на задній планъ и недавніе враги, тестъ и зять, снова дѣлаются друзьями благодаря ребенку, который изъ бѣднаго найденныша превращается въ желаннаго для всѣхъ продолжателя рода и наслѣдника всѣхъ Смикриновскихъ сокровищъ.

Г. Церетели.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ ¹⁾.

III.

Нѣкоторыя подробности въ разсужденіяхъ критика о *limitum* связаны съ другой крупной лингвистической проблемой, а именно — съ вопросомъ о хронологіи языковыхъ фактовъ и явленій. Фонетика, формы слововзмѣненія и словообразованія, синтаксисъ, лексикография и т. д. — все должно изучаться во времени, а не въ статическомъ видѣ. Нельзя, напр., безнаказанно смѣшивать доисторическую эпоху латинскаго языка съ золотымъ вѣкомъ его, или, тѣмъ паче, съ временемъ поздняго средневѣковья, такъ какъ иначе лингвистическое изслѣдованіе неминуемо превращается въ совершенно беспочвенныя фантазіи. Но, съ другой стороны, есть такіе языковые факты и явленія, которые могутъ возникать въ разныя эпохи, подчиняясь общимъ тенденціямъ, проявляющимся въ языкѣ независимо отъ различій времени. Эти двѣ категоріи отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать, такъ какъ между ними есть существенная принципиальная разница, которая, какъ я надѣюсь, выяснится при ближайшемъ разсмотрѣніи тѣхъ хронологическихъ возраженій, которыя дѣлаетъ мнѣ Покровскій и которыя, въ большинствѣ случаевъ, обусловлены именно неразличеніемъ указанныхъ двухъ категорій.

1) По поводу высказаннаго мной (Э. 22) предположенія, что прилагательное *consetimnis* извлечено изъ *consetimnare* Покровскій замѣчаетъ (Р. 9), что „глагола *consetimnare* въ хорошую эпоху не было ²⁾ и уже одно это обстоятельство дѣлаетъ поствербальное происхождение *consetimnis* очень подозрительнымъ“. Когда рѣчь идетъ о словахъ или формахъ по своему типу обычныхъ не для всѣхъ эпохъ

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, сентябрь.

²⁾ Такъ слѣдуетъ читать согласно печатной поправкѣ автора.

языка, тогда, конечно, необходимо обращать специальное вниманіе на время засвидѣтельствованія такихъ фактовъ, да и то съ оговоркой, что время ихъ засвидѣтельствованія не всегда близко ко времени ихъ возникновенія ¹⁾; но неужели глаголь *conseminare* (хотя бы его пришлось даже реконструировать теоретически) принадлежитъ къ такому типу образованій? Впрочемъ, ниже я покажу, что объяснить *conseminus* помимо гл. *conseminare* было бы очень затруднительно.

2) На стр. 10 своего критическаго этюда Покровскій говоритъ: „Превосходно параллелью къ (*terminus*,—) этому по гипотезѣ автора еще долатинскому помен *postverbale*, могло бы служить очень позднес ²⁾ *distertina* «діаметръ» и отчасти (тоже позднее) *extertimus* «изгнанникъ» ³⁾. На первый взглядъ получается дѣйствительно впечатлѣніе грубаго нарушенія хронологической перспективы. Но всегда ли нужно ея соблюденіе? Едва ли,—по той простой причинѣ, что есть такіе типы языковыхъ явленій, которые не представляются характеристичными для какой-нибудь данной эпохи и которые могутъ наблюдаться спорадически въ любую эпоху языка, причемъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности осмыслить ихъ съ специально-хронологической точки зрѣнія. Сюда относятся, напр., многіе факты изъ области аналогическихъ новообразованій (напр., синтаксическія уподобленія), многія семасіологическія явленія, народныя этимологіи и т. п. Что касается обратныхъ образованій, то они, можно сказать, по преимуществу принадлежать къ этому разряду спорадическихъ явленій языка. И это понятно. Каждое обратное образование представляетъ собой изолированный фактъ, который по самому существу своему не *tire pas en consequence*, т. е. не способенъ оказать специальное влияніе на возникновеніе другихъ аналогичныхъ случаевъ. На это обстоятельство я уже давно, хотя въ краткой формѣ, но очень опредѣленно указывалъ Покровскому ⁴⁾.

3) Протестуя противъ моего сопоставленія (И. 218) глаголовъ

¹⁾ О томъ, какъ мало считался Покровскій съ этой капитальной методологической точкой зрѣнія, мы будемъ имѣть случай подробнѣе говорить ниже, въ пунктѣ 6.

²⁾ Эти слова подчеркнуты самимъ критикомъ.

³⁾ Ср. также сказанное мной оппонентомъ по поводу этихъ моихъ сопоставленій на стр. 56 его рецензіи.

⁴⁾ См. приведенную выше (В, I, 3) цитату изъ И. 219. Съ другой стороны, въ своей докторской диссертациі (стр. 98) я какъ разъ подчеркнул, что „обратныя образованія, вообще говоря, могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ являться во всѣ эпохи языка“.

inducet (у Плинія Младшаго), *inoboclire* (впервые у Тертуллиана) и *insipere* (у Симмаха), мой критикъ замѣчаетъ, между прочимъ, (Р. 70): „Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактами рѣдкими и спорадическими и вдобавокъ засвидѣтельствованными въ различныя эпохи“. Ссылка на различіе эпохи, какъ на препятствіе къ ближайшему сопоставленію упомянутыхъ глаголовъ, несостоятельна въ силу соображеній, весьма близкихъ къ изложеннымъ въ предыдущемъ пунктѣ ¹⁾).

4) „(*Impetus*)—несомнѣнно-древнее образованіе, замѣчаетъ Покровский (Р. 19), и его неудобно (какъ это дѣлаетъ авторъ Д. 110) истолковывать поздне-историческими аналогіями въ родѣ... *incessus*“. Въ указанномъ мѣстѣ моей диссертации читается, однако, слѣдующее: „нѣкоторое вліяніе на возникновеніе *impetus*, быть можетъ, оказало существовавшее *incessus*, засвидѣльствованное впервые, какъ кажется, у Турпилія,... но, по всей вѣроятности, возникшее раньше... Впрочемъ, особенно настаивать на этомъ моментѣ при объясненіи *impetus* я не рѣшился бы“. Изъ этихъ словъ съ полной ясностью вытекаетъ, что я обуславливалъ возможность такого объясненія *impetus* допущеніемъ, что *incessus*, быть можетъ, возникло въ языкѣ раньше, чѣмъ *impetus*. Неувѣренность въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве и была причиной моего скептицизма, который, кстати сказать, мой критикъ (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ!) недостаточно оцѣнилъ, что и дало ему возможность выступить съ вышеназваннымъ критическимъ замѣчаніемъ. Если же Покровский, несмотря на всѣ сдѣланныя мной оговорки, будетъ настаивать на томъ, что мною допущена хронологическая ошибка, то мнѣ остается заподозрѣть одно изъ двухъ: или, что, по мнѣнію моего оппонента, *incessus* по самому своему характеру не можетъ быть очень древнимъ образованіемъ, или, что, разъ это слово засвидѣльствовано впервые у Турпилія, т. е. писателя II-го вѣка до Р. Х., то мой критикъ считаетъ абсолютно невозможнымъ его болѣе раннее возникновеніе въ языкѣ. Однако, и то и другое мнѣніе до такой степени несостоятельны, что я считалъ бы излишнимъ опровергать ихъ.

5) Впрочемъ, Покровский (*ibid.*) считаетъ неудобнымъ вообще сопоставлять *impetus* съ какими бы то ни было образованіями на *-tus* (4), осложненными префиксами, въ родѣ *attonitus*, *introitus* и т. п.,

¹⁾ Болѣе подробный анализъ этихъ фактовъ съ другихъ точекъ зрѣнія будетъ сдѣланъ мной ниже, въ Х-экскурсѣ.

такъ какъ это—донсторическое образование, между тѣмъ, по его словамъ: „факты, реальныя факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что многіе извѣстныя намъ психологическіе процессы историческаго періода жизни языка позволительно, съ извѣстными предосторожностями, искать въ донсторическомъ періодѣ; но отсутствіе извѣстныхъ психологическихъ явленій въ историческую эпоху не доказываетъ ихъ невозможности въ донсторическую, хотя бы потому, что намъ трудно, иногда прямо невозможно возстановить весь реальный *habitus* донсторической эпохи¹⁾). Съ точки зрѣнія исторической эпохи оба образования и *compositum* и *impetulus* дѣйствительно необычны, но мѣрять ихъ масштабомъ историческаго времени, какъ это дѣлаетъ А. А. Грушка, я бы не рѣшился“ и т. д. При всей кажущейся безукоризненности этого обширнаго методологическаго замѣчанія, оно страдаетъ неполнотой и только поэтому оно и могло быть обращено противъ меня. Я самъ не менѣе моего критика горячо протестую противъ безапелляціоннаго употребленія исторической мѣрки для измѣренія донсторическихъ фактовъ языка²⁾, но думаю, что страхъ передъ этой процедурой долженъ имѣть свои границы, которыя притомъ допускаютъ вполне методологическое опредѣленіе. А именно, подобныя опасенія рациональны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ донсторической эпохи сохранились хоть какіе-нибудь слѣды фактовъ, противорѣчащихъ нормамъ исторической эпохи (въ предѣлахъ того или другаго типа). Если же такихъ слѣдовъ нѣтъ, то страхъ передъ донсторической эпохой оказался бы страхомъ *quand tème*, въ основѣ котораго лежало бы нѣкоторое злоупотребленіе дедукціей, противъ чего, какъ мы видѣли, предостере-

¹⁾ Разрядка принадлежитъ моему критику.

²⁾ Такъ напр., въ числѣ возраженій, выставленныхъ мной (Н. 246 сл.) по поводу взгляда Покровскаго на такія образования, какъ *fenestris, funebriis* и т. д. (М. 133 сл.), не послѣднее мѣсто занимаютъ соображенія хронологическія. На хронологическомъ моментѣ построена отчасти и моя критика (Н. 102*) нѣкоторыхъ частностей въ гипотезѣ Покровскаго (М. 162 сл.) о происхожденіи латинскаго суффикса *-tu-don-*: ср. въ особенности пункты 2 и 4 въ моихъ критическихъ замѣчаніяхъ. Кстати, исправлю теперь еще одну филологическую неточность, закрывшуюся въ тотъ же этюдъ Покровскаго о суффиксѣ *-tu-don-*: а именно, на стр. 160 авторъ приписываетъ Апулею—впрочемъ, безъ всякой точной цитаты—оригинальное образование *ambitudo*. Въ данномъ случаѣ (какъ и во многихъ другихъ) его, по всей вѣроятности, ввелъ въ заблужденіе Георгесъ, который сопровождаетъ это слово отгѣлкой: „Apul. Ascl. 31“; однако, въ настоящее время едва ли найдется хоть одинъ спецiалистъ по исторіи римской литературы, который рѣшился бы приписать трактатъ Asclepius Апулею.

гаетъ самъ Покровскій. Между тѣмъ, развѣ есть хоть какіе-нибудь слѣды изъ доисторической эпохи образованій типа *com-ret-um* и *im-ret-us*? А кромѣ того—неужели моему критику кажется правдоподобнымъ предположеніе, что оба эти образованія при различіи морфологическаго типа (въ первомъ случаѣ мы имѣемъ основу на *-o*, во второмъ—на *-u*) представляющіе одну и ту же особенность (извѣстную, определенную модификацію обычнаго вида суффикса), обязаны ей разнымъ причинамъ, искусственно и бездоказательно сводимымъ къ одному принципу: „доисторическую латышь мы повполнѣ знаемъ“. Что касается всей моей теоріи о группѣ словъ съ корнями, оканчивающимися на *l* (: *s*), частью которой являются мои толкованія *comritum* и *impetus*, то этому вопросу будетъ посвященъ ниже специальный экскурсъ.

6) Въ связи съ вышеприведенной тирадой о необходимости различать факты доисторической эпохи отъ таковыхъ же эпохи исторической Покровскій замѣчаетъ слѣдующее (Р. 20): „Съ моей точки зрѣнія, неосторожно даже заикаться (*sic*) о томъ, что „исходъ *-itum* имѣетъ во всемъ латинскомъ языкѣ лишь двѣ аналогіи: *comritum* и *limitum*“ (А. А. Грушка, Э. 114)“, причемъ тутъ же прибавлено: „Какъ указано выше, *limitum*—почти романское слово“. Для меня, во-первыхъ, совершенно неясно, откуда заключаетъ критикъ объ эпохѣ возникновенія *limitum* ¹⁾? а во-вторыхъ,—и это главное—неужели онъ думаетъ, что, говоря объ аналогичности исходовъ въ *comritum* и *li-*

¹⁾ Выше (см. Б, II, 3), говоря о *funditor*—*possessor*, мы видѣли, къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ привести предвзятый взглядъ на глоссографическія ипіса какъ на факты поздне-латинскаго языка. Между тѣмъ, Покровскій обнаруживаетъ несомнѣнную склонность къ такому взгляду. Такъ, помимо отмѣченныхъ случаевъ, сюда относится, наир., безапелляціонная квалификація *ostitor*, какъ „очень позднего“ (Р. 47); точно также и *fascimentum* Покровскій—называетъ (*ibid.*) „очень позднимъ ипісомъ“ и т. д. Между тѣмъ, еще въ своей магистерской диссертации и какъ разъ подчеркнул (стр. 8), что „глоссографическій матеріалъ представляетъ собой извѣстныя неудобства, заключающіяся главнымъ образомъ въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы лишены возможности опредѣлить, къ какой эпохѣ языка онъ относится; сравнительно рѣдко морфологическій анализъ позволяетъ дѣлать болѣе или менѣе точныя заключенія относительно хронологіи тѣхъ или другихъ фактовъ языка, засвидѣтельствованныхъ въ глоссаріяхъ“. Кістати напомню затронутыя выше хронологическія недоразумѣнія Покровскаго по поводу гл. *comare* (ср. выше, А, I, 4) и причастной формы *lanctus* (см. А, II, 9); хронологическую неточность представляетъ собой въ концѣ концовъ и указаніе Покровскаго относительно *ambitudo* (см. предшествующее примѣчаніе).

mitum ¹⁾, я предполагаю аналогичность ихъ генезиса? Вѣдь я даю имъ совершенно разныя толкованія!

7) По поводу моей этимологіи *nuntium*: *nuntius* Покровский отмѣчаетъ (Р. 61) „затрудненіе, (являющееся) при предположеніи, что *nuntius* возникло позднѣе *nuntium*“ и продолжаетъ: „напрасно (авторъ) упустилъ изъ виду, что *nuntius* фигурируетъ въ феціальному правѣ,—по преданію столь же древнемъ, какъ и сакральное,—въ качествѣ техническаго термина *nuntius populi Romani*“. Этотъ пунктъ, пожалуй, превосходитъ всѣ предыдущіе своей неожиданностью. Неужели въ самомъ дѣлѣ Покровскаго смущаетъ отмѣченное имъ затрудненіе? Въ такомъ случаѣ, укажу на слѣдующія обстоятельства. Прежде всего, одновременность возникновенія феціальнаго права съ сакральнымъ, устанавливаемая по мнѣнію моего критика преданіемъ—настолько шаткій фактъ, что даже самого легкаго затрудненія создать не можетъ. Если же Покровский настаиваетъ на необходимости обсуждать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія античныхъ преданій, то почему же онъ не обратилъ вниманія на цѣлый рядъ свидѣтельствъ, приписывающихъ учрежденіе ауспицій первому римскому царю, Ромулу: ср., напр., Cic. *rep. II*, 17: *Romulus duo firmamenta rei publicae percipi(ss)it, auspicia et senatum*, или *de nat. deor. III*, 5: *mihî ...ita persuasi Romulum auspiciis... constitutis fundamenta iccisse nostrae civitatis*. Къ этой же традиціи восходятъ и знаменитый отрывокъ изъ первой книги Энциевыхъ *Анналовъ*, приводимый Цицерономъ *de div. I*, 107, гдѣ говорится объ *auspicio augurioque* братьевъ Ромула и Рема. Что касается феціаловъ, то введеніе ихъ античной традиціей приписывалось то Пумъ Помпилю (*Dionys. II*, 72. *Plutarch. Numa* 12), по Туллию Гостилю (напр. *Cic. de rep. II*, *cap. 17*; ср. *T. Liv. I*, 24, 4), то—по крайней мѣрѣ въ формѣ разработаннаго *ius fetiale*—Анку Марцію (ср. *T. Liv. I*, 22) и т. д. Но неужели всѣмъ этимъ датамъ можно придавать серьезное значеніе? Впрочемъ,—и это второе и притомъ главное мое возраженіе Покровскому — если бы даже математически было доказано, что феціальное и сакральное право возникли въ одинъ день (я нарочно беру этотъ крайній случай), то и это не создало бы ни малѣйшаго „затрудненія“ для моего этимологическаго построенія, такъ какъ этимъ еще отнюдь не было бы дока-

¹⁾ Притомъ это замѣчаніе сдѣлано мной попутно, въ связи съ выясненіемъ этимологіи *pulcritum*: въ виду необычности исхода въ этомъ послѣднемъ словѣ я просто перебралъ всѣ извѣстныя мнѣ латинскія слова (неотглагольныя) на *-itum*, и больше ничего!

зано, что и терминъ *nuntius* возникъ въ этотъ же день, а, напримѣръ, не черезъ нѣсколько лѣтъ, и притомъ сперва въ сакральной сферѣ, лишь впоследствии (быть можетъ, черезъ много лѣтъ) перекочевавъ въ сферу феціальную? Выражаясь общѣе — неужели хронологія возникновенія культурнаго явленія опредѣляетъ собой хронологию возникновенія всѣхъ (или хотя бы большинства) терминовъ, связанныхъ съ этимъ явленіемъ? Такой взглядъ является результатомъ безусловно неправильной дедукціи. — Кстати, воспользуюсь случаемъ, чтобы прибавить нѣкоторые новые факты и соображенія по поводу моего толкованія *nuntius*. Такъ, прежде всего, въ связи съ тѣми глоссами, которыя приведены мной И. 199, замѣчу, что глоссографическое сопоставленіе *auspicium* съ гл. *inspicere* находитъ себѣ прекрасную параллель въ эпиграфическихъ данныхъ: ср. CIL. II 5078 (надпись II вѣка): *avium inspex*, „qui n'est, какъ справедливо замѣчаетъ Carnoy (Le latin d'Espagne d'après les inscriptions², 262), qu'une variante périphrastique et étymologique d'*auspex*. Cette décomposition a eu vraisemblablement pour but de mieux marquer la signification d'*auspex* où la valeur des éléments composants devait au second siècle commencer à s'oblitérer¹). En effet l'on trouve, à cette époque assez souvent *aspicium* pour *auspicium*, ce qui témoigne d'un faux rapprochement avec *aspicere*“³). Съ другой стороны, отмѣчу теперь еще одну обширную глоссу изъ Exc. ex lib. gloss. CGL. V, 169 (съ поправками и интерпункціей Гётца): *Auspicia* (cod. *auspices*) *sunt quae iter* (cod. *inter*) *facientes observant. dicta sunt autem auspicia quasi avium aspicia*³). *duo sunt autem genera auspiorum: unum ad oculos,*

¹) Ср. мои соображенія по поводу лат. *atlegrare*, ит. *convitare* и т. д. (И. 159); интересны также нѣкоторыя романскія отраженія латинскаго *hibernus(-um)*, въ родѣ ит. *inverno* (ср. *Körting*, Lat.-rom. Wtb.² s. v.).

²) Это явленіе наблюдается, между прочимъ, и въ тѣхъ глоссахъ, которыя мной приведены И. I. с. Замѣчу кстати (въ виду отсутствія соотвѣтствующей оговорки у Carnoy), что смѣшенію *auspicium* съ *aspicium* могло явиться и на чисто фонетической почвѣ: ср. напр. *agurium*: *augurium*, *Augustus*: *Augustus* и т. п. Объ этомъ явленіи очень подробно и хорошо говорить тотъ же Carnoy (op. с. 92 сл.), не упоминая однако въ этой связи *aspicium*.

³) Не слѣдуетъ ли читать *aspicia*? Впрочемъ, ср. Gloss. Vatic. 3321: *Haud ospicato sine ospicio*. Любопытно, что въ этой послѣдней глоссѣ Гётцъ (Thes. I, p. 513) исправляетъ *ospicato* въ *auspicato*, а *ospicio* снабжаетъ знакомъ восклицанія, тогда какъ въ приведенной выше (въ текстѣ) глоссѣ, гдѣ *ospicia* представляется мнѣ гораздо болѣе сомнительнымъ (такъ какъ несовсѣмъ понятно, какимъ образомъ глоссаторъ могъ объяснить *auspicium* при помощи *ospicium*), эта форма не вызвала у Гётца никакихъ недоумѣній.

allem ad aures pertinen[te]s, ad oculos scilicet volatus, ad aures vox avium. Подчеркнутыя мной части этой глоссы интересны въ томъ отношеніи, что здѣсь выдвигается, такъ сказать, вокальный моментъ въ аусинціяхъ, что служитъ лишней иллюстраціей къ нашимъ разсужденіямъ о *mutium*: *silentium* И. 198 сл. ¹⁾). Что касается значеній *mutius*: 1) „вѣстникъ“ и 2) „вѣсть“, то возможность перехода отъ перваго значенія ко второму обуславливается, конечно, тѣмъ, что функція вѣстника цѣликомъ сводится къ передачѣ вѣсти; обратный переходъ значенія мы находимъ, напримѣръ, въ греч. πρόλογος, что значило сперва „прологъ, вступленіе въ драматическое произведеніе“, а затѣмъ также—„актеръ, произносящій прологъ“; тѣ же два значенія перешли и на латинское *prologus*; ср. также двойное значеніе греч. μῦθος и лат. *mutus*. Еще ближе къ *mutius* въ его двухъ значеніяхъ стояло бы лат. *sermo*, если только правъ Фишъ, высказывающій предположеніе (*Arch. f. lat. Lex.* V, 84 сл.), что „*sermo* ist ursprünglich ein Wort wie *flamo*, *germo*, *semo* und bedeutet nicht „Rede“, sondern „Redner“. Personelle Bedeutung tritt noch hervor in *Marcus Sermo* (Liv. 42, 41)“. Этой гипотезѣ, несмотря на недостовѣрность нѣкоторыхъ фактовъ, приведенныхъ въ ея оправданіе ²⁾, нельзя отказывать не только въ остроуміи, но и въ значительной степени правдоподобія и, кажется, единственное соображеніе, которое можно привести противъ безусловной ея достовѣрности, это то, что въ *sermo*,

¹⁾ „Въ сущности, говоритъ Покровский (Р. 61), черезчуръ строгій параллелизмъ между *mutium* и *silentium* въ сакральномъ языкѣ намъ представляется нѣсколько искусственнымъ“; однако этотъ параллелизмъ навязывается самъ собой, если мы обратимъ болѣе пристальное вниманіе на факты, отмѣченные мной И. 199².

²⁾ Такъ, *germo* фактически нигдѣ не засвидѣтельствовано и извлекается авторомъ (ор. с. 71) изъ женскаго имени *Germilla* [засвидѣтельствовано также таск. *Germillus*, ср. *Schulze*, *Z. Gesch. lat. Eigennam.* 36], однако эта реконструкція, подобно многимъ другимъ реконструкціямъ изъ ономастологическихъ фактовъ (ср. мои замѣчанія по поводу возстановленнаго Покровскимъ *laborius*, А, II, 20) очень необѣдительно, и названныя имена скорѣе всего—не латинскаго происхожденія (ср. *Schulze*, l. c.). Нѣсколько правдоподобіе *flamo* (но только слѣдовало снабдить это слово звѣздочкой, такъ какъ оно—не болѣе, какъ реконструкція, извлекаемое авторомъ изъ *flaminius* (см. объ этомъ словѣ въ особенности у *Моммсенна* въ *Erphem. epigr.* I, 221 сл.); впрочемъ, эта реконструкція приобретаетъ почву только при допущеніи большой древности образованія *flaminius*: не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что это послѣднее образованіе можетъ быть, пожалуй, объяснено и иначе, а именно изъ **flamini-miinius* < **flaminiium* (ср. *latro[n]icium*) < *flaminius* (ср. *sc[im]modius*), какъ это предполагаетъ (условно) *Брунманъ* (*Grundriss*, II², 237²); впрочемъ, это послѣднее объясненіе представляется мнѣ нѣсколько искусственнымъ.

быть можетъ, суффиксъ *-mōn-* имѣлъ съ самаго начала „инструментальное“ (въ широкомъ смыслѣ этого грамматическаго термина) значеніе: ср., напр., уже несомнѣнно инструментальное образованіе *lento*, *-ōnis*. Что касается собственнаго имени *Sermo*, то оно, взятое само по себѣ, еще не рѣшаетъ вопроса въ пользу признанія въ *sermo* исконаго nomēn agentis, такъ какъ, какъ я показалъ Э. 35, въ качествѣ cognomina нерѣдко являются различныя abstracta (такъ, напримѣръ, cognomen *Sermo*—если только оно не было иноземнаго происхожденія—могло первоначально значить „рѣчистый“) ¹⁾. Вообще, высказаться опредѣленно о семасіологической исторіи латинскихъ образованій на *-mōn(i)-* нѣсколько трудно въ виду чрезвычайной скудости этой категоріи въ историческую пору латинскаго языка, но въ общемъ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе частымъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ случаевъ—исконымъ) значеніемъ такихъ именъ было, безусловно, значеніе *nominum agentis*, что само по себѣ даетъ гипотезѣ Фиша полное *raison d'être*. Возвращаясь снова къ *nuntius*, замѣчу въ заключеніе, что мнѣ было очень пріятно узнать изъ *Indogerm. Forsch.* XIX Anz., 33, что предложенная мной этимологія для этого труднаго слова встрѣтила полное сочувствіе такого превосходнаго лингвиста, какъ Нидерманъ, который отдаетъ ей рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми другими гипотезами и, въ частности,—предложенной недавно Бругманомъ и принятой въ этимологическомъ словарѣ латинскаго языка Вальде.

Мы видимъ такимъ образомъ, что ни одно изъ хронологическихъ возраженій моего критика не можетъ быть признано состоятельнымъ ²⁾.

¹⁾ Превосходную параллель къ *Sermo* представило бы *cogn. vir. Loquella*, если бы былъ правъ надатель Сп., возстановляя это имя VII 4681; однако *Boisselery* (*Carth. epigr.* № 511) выяснилъ съ полной очевидностью несостоятельность этой конъектуры.

²⁾ Единственная хронологическая неточность, которую и усматриваю у себя, по отношенію къ фактамъ латинскаго языка, это—безаппеляціонное отнесеніе **lacuster* къ прароманской эпохѣ (Э. 12). Впрочемъ, аргументація Покровскаго (Р. 34²), направленная противъ этого, далеко не достигаетъ намѣченной цѣли. А именно, критикъ указываетъ на то, что фр. *lacustre*—искусственное, не народное образованіе. Это—совершенно вѣрно (ср. мои замѣчанія о фр. *canastre* :). 61), но вѣдь для романскаго прототипа было бы достаточно и одного итальянскаго прототипа *lacustre* [вѣдь говоритъ же Покровскій (М. 141) о „прароманской формѣ“ *fontanea* (даже безъ звѣздочки)] на основаніи одного португальскаго отраженія *fontainha*, но дѣло въ томъ, что самая эта форма—едва ли органическаго происхожденія, такъ какъ фонетика итальянскаго языка требовала бы формы **lagustre* (ср. хотя бы ит. *laguna*

Зато намъ удалось выяснитъ попутно цѣлый рядъ несомнѣнныхъ хронологическихъ неточностей и недоразумѣній, допущенныхъ самимъ Покровскимъ.

IV.

Помимо общихъ вопросовъ хронологіи, языковѣдъ обязанъ обращать вниманіе также на характеръ того памятника письменности, изъ котораго онъ извлекаетъ тотъ или другой фактъ, и притомъ не только съ точки зрѣнія критической достовѣрности всего памятника или отдельныхъ частей или мѣстъ, но и съ точки зрѣнія историко-литературнаго рода этого памятника, его стиля и т. п. Невниманіе къ этой сторонѣ дѣла часто лишаетъ лингвиста детально оцѣнить значеніе того или другого факта: иное дѣло, напримѣръ, разговорное словечко или риторическое выраженіе, прозаическій терминъ или поэтический эпитетъ, случайное слово, выдуманное *ad hoc*, или прочный лексикографическій фактъ, чисто латинская или вульгарно-діалектическая форма и т. д. и т. д. Въ моихъ обѣихъ диссертацияхъ внимательный читатель безъ труда найдетъ очень много замѣчаній и оговорокъ по вопросамъ этой категоріи. Однако, мой критикъ, не отмѣчая моихъ положительныхъ усилій въ этомъ направленіи, дѣлаетъ попытку обнаружить рядъ относящихся сюда промаховъ. Я надѣюсь, однако, показать, что всѣ замѣчанія критика на эту тему частью основаны на недоразумѣніи, частью не даютъ никакого положительнаго результата. Разсмотримъ примѣры.

1) Начну съ случая, имѣющаго отношеніе отчасти къ проблемѣ о хронологіи. „Старое производное *compitalis* (или *Compitalia*), замѣчаю мой оппонентъ (Р. 18), произошло, вѣрнѣе всего, отъ основы на *-o-* и, во всякомъ случаѣ, не на *-u-*. Однако ¹⁾ (NB) авторъ говоритъ: „на вопросъ, какая основа была въ этой формѣ (NB) на *-o-*

при лат. *lacīna*); итакъ, въ лучшемъ случаѣ, ит. *lacustre*—„полученное“ слово. въ родѣ ит. *nipote* (= *неспотъ*) вмѣсто ожидаемаго **nivote*: ср. *Meyer-Lübke*, Gramm. d. rom. Spr. I, 373 (цѣлый рядъ интересныхъ и частью прямо парадоксальныхъ въ фонетическомъ отношеніи „полученныхъ“ словъ изъ романскихъ языковъ приводить тотъ же ученый *ibid.*, § 13, стр. 26 сл.). Какъ бы то ни было, обращаю вниманіе романястою на это любопытное и загадочное слово. Зато, напримѣръ, Покровский, уже безусловно не правъ методологически, приписывая (С. 39) правидійской формѣ, лежащей въ основѣ санскр. *śilva* значеніе *Sprache* на томъ основаніи, что это значеніе имѣетъ соответствующая форма въ цыганскомъ языкѣ (подробности см. *Филол. Обзор.* XI, 43).

¹⁾ Разрядка тутъ и дальше принадлежитъ мнѣ.

или на *-u-*, быть может (NB), мы въ правѣ отвѣтить, опираясь на эпиграфическое показаніе: CIL. XI, 3384: *a compitū*“. Но, продолжаетъ критикъ, вѣдь дѣло идетъ объ одной тарьвиніиской надписи, повидимому, не особенно ранней; вполне возможно, что это діалектическая, народная форма“. Все это разсужденіе Покровскаго—новый примѣръ явнаго недоразумѣнія и несовѣмъ внимательнаго отношенія къ моему контексту. Дѣло въ томъ, что критикъ не обратилъ вниманія на то, по поводу какой именно формы я возбудилъ вопросъ объ основѣ: вѣдь это касалось только формы мужескаго рода *compitū*, на которую ни *Compitalia*, ни *compitalis*, ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ рукописныхъ текстовъ не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта касательно вопроса объ основѣ. Единственная точка опоры, это—приведенное мной эпиграфическое свидѣтельство: изъ *compitū* мы можемъ заключить объ основѣ на *-u-* для *compitū*. Казалось бы, вопросъ объ основѣ *compitū* во всѣхъ остальныхъ текстахъ тѣмъ самымъ рѣшался категорически; между тѣмъ, я выражаюсь съ большою осторожностью („быть можетъ“). Поужоли можно сомнѣваться, что единственнымъ мыслимымъ поводомъ къ такой осторожности могла быть моя неувѣренность въ томъ, что эта надпись воспроизводитъ нормальный фактъ чисто латинскаго языка? Впрочемъ, къ формамъ *compitū*: *compitū* я вернусь еще ниже, въ другой связи.

2) На стр. 34 рецензіи мой критикъ, признавая предложенную мной поправку *Aquestor* въ *Aquester* (CIL. VIII 9433) „заманчивой“, спрашиваетъ: „но гдѣ текстъ надписи и ея характеристика“? Ни того ни другого нѣтъ, потому что ни то ни другое не даетъ аргументовъ ни за, ни противъ моей догадки. И почему критикъ думаетъ, что и не просмотрѣлъ этой надписи?

3) „Я не рѣшился бы, говорить Покровскій (Р. 30), какъ А. А. Грушка (Э. 9), безъ предварительнаго изученія Эннопдія, объяснять встрѣчающееся у него собственное имя *Mascator* изъ **mascare*, возникшаго въ свою очередь изъ *maslicare*“¹⁾. Для меня невольно ясны два обстоятельства: 1) на какомъ основаніи критикъ думаетъ, что я совершенно не изучалъ Эннопдія? 2) исходя изъ какихъ фактовъ, онъ подозрѣваетъ, что подобное изученіе должно привести къ какимъ-либо

¹⁾ Кстати, прибавлю теперь еще греч. имя *Μασούτιας* (ср. *Lambertz. Die griech. Sklavennamen*, 72) и то толкованіе, которое дано этому имени *Урлицомъ* въ *Киѣв'а Zeitschr.* XII, 248. *Кирль Шмидтъ* (*Berl. phil. Woch.* 1908, стлб. 727) сравниваетъ еще *παρμασούτης, μασάδας, μασούτης*.

заключеніямъ противъ моей гипотезы? Что касается того обстоятельства (смущающаго моего оппонента), что „гл. *maslicare* довольно распространены въ поздней латыни, но какъ разъ синкопированной параллельной формы намъ не засвидѣтельствовано“, то оно имѣетъ тѣмъ меньшее значеніе, что форма **mascare*, во всякомъ случаѣ, предполагается нѣсколькими романскими отраженіями, на которыя я и указалъ I. с.

4) По мнѣнію моего критика (Р. 31), „цитата (автора, Э. 99) изъ латинскаго текста Фабія Пиктора (II, 97 по Геллію X, 15, § 14) нуждалась бы въ дополнительномъ замѣчаніи о времени происхожденія латинскаго перевода этого писателя“. Такое дополнительное замѣчаніе было бы однако излишне въ виду того, что древность этого перевода (если не принадлежность его самому Фабію Пиктору)—общее мѣсто въ исторіи Римской литературы; къ тому же (и это, — хотя косвенное, но немаловажное обстоятельство) интересное для меня слово въ приведенномъ отрывкѣ находится бокъ-о-бокъ съ несомнѣнно древними техническими терминами *strues* и *fertum*.

5) „По поводу глоссы (Э. 173) изъ Ювенала (VIII, 155) у Павла Діакона Th. de Pop. 359, 9, замѣчаетъ мой оппонентъ (Р. *ibid.*), можно было бы сказать нѣсколько словъ о проникновеніи словъ изъ текстовъ послѣ-августовскаго періода въ словарь Феста“. Конечно, можно, но необходимо ли? А кромѣ того, я сомнѣваюсь, чтобы это можно было сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ безъ риска вызвать цѣлый рядъ новыхъ „дополнительныхъ“ вопросовъ въ родѣ тѣхъ, которые критикъ ставитъ мнѣ въ пунктахъ 4, 5 и т. п. Посвящать же обширный экскурсъ этому вопросу по поводу даннаго случая представлялось и представляется мнѣ неполнѣ цѣлесообразнымъ.

6) Относительно *proprium* (Lucr. II, 975), сопоставленнаго мной (Э. 4) съ *fascimentum* и *ostitor*, Покровский говоритъ, между прочимъ, слѣдующее (Р. 47 сл.): „Можно ли *unicis* Лукреція, заявлявшаго, еще до Цицерона, о трудности изложенія греческой философіи на латинскомъ языкѣ, придавать слишкомъ большое значеніе, какъ такимъ явленіямъ языка, которыя способны были породить другія новообразованія, даже довольно далекія отъ философской сферы“¹⁾? Часть этой тирады уже опровергнута мной выше (В, II, 1), а именно—мнѣ-

¹⁾ Вся эта тирада, вдобавокъ, подчеркнута Покровскимъ при помощи разрядки; я, съ своей стороны, выдвинулъ только нѣкоторыя отдѣльные мѣста въ ней, противъ которыхъ я специально возражаю въ этой критической замѣткѣ.

ніе, будто я утверждаю, что *propriūm* могло породить новообразованія *fasciculum* и *ostitor*. Теперь остановлюсь на другомъ въ методологическомъ отношеніи не менѣе важномъ вопросѣ, а именно, на оцѣнкѣ *propriūm*, какъ языкового факта. Что у Лукреція встрѣчается много терминовъ, созданныхъ имъ ad hoc для перевода соответствующихъ греческихъ философскихъ терминовъ, это можно было бы предположить уже почти a priori, принимая во вниманіе лишь содержаніе его поэмы; болѣе того — многіе изъ такихъ терминовъ удалось фактически выдѣлить даже при чрезвычайной скудости тѣхъ непосредственныхъ остатковъ отъ его греческихъ первоисточниковъ и ихъ откликовъ на греческой и римской почвѣ, которыми мы располагаемъ; наконецъ, несомнѣнно, что при болѣе обильныхъ остаткахъ этого рода обнаружилось бы гораздо больше такихъ терминовъ. Все это такъ, но всего этого отнюдь не достаточно въ качествѣ большой посылки для умозаключенія, что *propriūm* есть философскій терминъ, связанный притомъ съ греческимъ первоисточникомъ. Но допустимъ даже, что *propriūm* — философскій терминъ, допустимъ, что онъ передаетъ какой-нибудь опредѣленный греческій эквивалентъ, допустимъ, что *propriūm* изобрѣтено именно Лукреціемъ, а не заимствовано имъ у какого-нибудь римскаго предшественника, но неужели необычность формы этого слова находится въ какомъ бы то ни было отношеніи къ трудности изложенія греческой философіи на латинскомъ языкѣ, на которую жаловался Лукрецій? Все это разсужденіе Покровскаго заключаетъ въ себѣ очень много дедуктивныхъ моментовъ, притомъ такихъ, правильность которыхъ въ высшей степени сомнительна.

V.

Наряду съ вниманіемъ къ литературному характеру памятниковъ письменности языковѣду-латинисту приходится считаться и съ возможностью того, что то или другое явленіе латинскаго языка или непосредственно заимствовало изъ греческаго языка (народнымъ или книжнымъ путемъ) или, по крайней мѣрѣ, возникло подъ извѣстнымъ влияніемъ фактовъ греческаго языка: неловкій переводъ, механическое приспособленіе латинскихъ словъ и выраженій къ нормамъ греческаго языка сказывается въ различныхъ явленіяхъ латинской морфологіи, синтаксиса, семасіологіи и т. д. Эта сторона дѣла привлекла къ себѣ вниманіе Покровскаго и обусловила собой рядъ критическихъ замѣчаній, которыя я считаю необходимымъ разсмотрѣть съ тѣмъ болѣею

внимательностью, что ни съ однимъ изъ этихъ замѣчаній я не могу согласиться. Кстати, упомяну въ этомъ же экскурсѣ всѣ вообще замѣтки моего оппонента по поводу затронутыхъ мной фактовъ латинскаго языка, такъ или иначе соприкасающихся съ греческимъ языкомъ. Эта послѣдняя черта и будетъ служить объединяющимъ моментомъ между по существу разнородными группами предстоящихъ возраженій и замѣчаній.

1) Уже замѣчаніе Покровскаго относительно *proprium*, разобранный въ послѣднемъ пунктѣ предыдущаго экскурса, относится отчасти къ данной области. Отъ этого случая, по многообразной ассоціаціи идей, перехожу къ одному интересному и важному мѣсту въ критикѣ моего оппонента. А именно, по поводу высказаннаго мной одиннадцать лѣтъ тому назадъ (*Филол. Обзор.* XII, 231) мнѣнія относительно гл. *inobedire*, что „греческое ἀπειθεῖν вовсе не есть такой специальный терминъ, ради передачи котораго на латинскій языкъ стоило бы прибѣгать къ какимъ-либо особымъ ухищреніямъ“, Покровскій спрашиваетъ теперь (Р. 72): „Но развѣ въ переводной, иногда рабски подражающей подлиннику, литературѣ только термины получаютъ болѣе или менѣе нискостранную форму? И зачѣмъ понадобилась критику формальная діалектика (разъ въ ого распоряженіи могъ быть) богатый фактический матеріалъ“¹⁾? Дальше слѣдуютъ примѣры, которые должны опровергнуть мою діалектику. Эти примѣры могутъ быть разбиты на три категоріи: 1) не имѣющіе ничего общаго съ *inobedire* = ἀπειθεῖν, таковы греческія слова почти въ сыромъ видѣ: *adynatus*, *dyscolus*, *eucharis*, 2) не представляющіе особенныхъ „ухищреній“, напримѣръ, *inaurire* = ἀνοικίζεσθαι (ср. *inlabrare*, *ingurgitare*, *irretire* и т. п.), 3) взятые изъ двуязычныхъ глоссаріевъ, которые заключаютъ много специфическихъ особенностей, напримѣръ, *insemitatio ἀνοδία* (CGL. II, 86, 55, 4), представляющіе какъ разъ трудные термины, для которыхъ нелегко было придумать латинскія естественныя выраженія: напримѣръ, *admanumdeductor* = χειραγωγός, *iterumgeneratio* = κατεσκευασία, *sciniiverbius* = σκερμολόγος, а кромѣ того — и это главное — ни одинъ примѣръ изъ этой категоріи не представляетъ собой какого-нибудь такого ухищренія, для котораго бы не было извѣстныхъ, болѣе или менѣе близкихъ, аналогій въ чистомъ латинскомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, для перваго выраженія ср. Цицероновское (ad Att. II, 9, 1): *traductor ad plebem*, для втораго — изъ того же Цицерона (ad Att.

¹⁾ Отличенныя слова подчеркнуты самимъ Покровскимъ.

IX, 16, 1) *de obviam itione*, для третьяго — ср. *Verticordia* или *poscimitius* (Arul. Met. X, 21) ¹⁾. Итакъ, мой тезисъ, добытый, какъ полагаетъ мой критикъ, лишь при помощи формальной діалектики, отнюдь не противорѣчитъ фактамъ, и, во всякомъ случаѣ, объяснить *inoboedire* исключительно какъ гречизмъ я не считаю возможнымъ. Кромѣ того, характерно, что этотъ глаголъ мы находимъ не только въ переводахъ съ греческаго языка священнаго писанія, но и у христіанскихъ писателей, напримѣръ, у Иринея (V, 19, 1): *et si ea inoboedierat Deo, sed haec suasa est oboedire Deo*. Покровский, конечно, чувствовалъ нѣкоторую опасность этого примѣра для своей радикально-греческой теоріи и потому, приводя его, въ скобкахъ восклицаетъ: „въ сильной антитезѣ“! Я не думаю, однако, чтобы этотъ лаконическій комментарий выяснялъ дѣло въ желательномъ для моего оппонента смыслѣ. Конечно, никто не станетъ отрицать, что антитеза способна создать или поддержать очень рискованныя морфологическія новообразованія, но лишь при непромѣнномъ условіи, чтобы то слово, которое даетъ толчекъ этому рискованному новообразованію, предшествовало этому послѣднему. Такъ, напримѣръ, я въ имѣю ничего противъ того, чтобы, вслѣдъ за Покровскимъ, объясняя въ извѣстномъ стихѣ Теогида (621):

Πᾶς τις πλοῦσιον ἄνδρα τίει, ἀτίει δὲ πενυχρῶν

ἀτίει, какъ новообразованіе при τίει, вызванное антитезою²⁾; я готовъ признать такое толкованіе и для цитаты изъ Паулин. Поланскаго

¹⁾ Правда, *Скутинъ* (De nom. lat. compositione, 20) утверждаетъ что *seminiverbis* представляеть собой сложное слово, состоящее изъ двухъ существительныхъ, однако трудно поручиться за то, что идеальной точкой отравленія м этого слова не было выраженіе *qui seminat verba*. Во всякомъ случаѣ, *seminiverbe* во является точнымъ воспроизведеніемъ морфологическаго типа греч. *σπερμιλόγος*. Вообще, этотъ вопросъ требуетъ еще болѣе глубокаго разслѣдованія.

²⁾ Впрочемъ, Покровскому слѣдовало бы упомянуть о попыткѣ объясненія этого стиха, предложенной *Вильгельмомъ Шульце* (Quaest. epicae, 64^a), котый читаетъ ἀτίει (отъ *ἀτίης). Кстати, отмѣчу одну мелочь въ рецензіи моего критика, вызывающую нѣкоторое недоумѣніе. „На стр. 212 второй книги, замѣчаетъ Покрокій (I^a 56), авторъ даетъ интересную (но не новую) этимологию для *mundus*“, и впримѣчаніи сообщаетъ, что сближеніе *mundus* съ нашимъ мѣмъ уже дано въ одной работѣ *Персона* и у *В. Шульце* (ор. с. 170^a). Не имѣя подъ руками малодоступной работы *Персона*, не могу ничего сказать о соотношеніи его толкованія *mundus* предложеннаго мной. Что касается гипотезы Шульце, то она въ сущности такъ-алека отъ моей, что признавать ближайшую связь между ними представляется мнѣ чуждѣйшей натяжкой.

(ор. 24, 9), заимствованной мной оппонентомъ у Паукера: *qui per obedienciam pietatis suae reconciliavit Patri mundum, quam inconciliaverat primi parentis*, я согласенъ также съ антитетическимъ толкованіемъ нѣкоторыхъ новообразованій у Плавта (ср. Р. 77²) ¹⁾. Но всѣ эти случаи подходятъ подъ вышеуказанное условіе, необходимость котораго легко выясняется при болѣе внимательномъ отношеніи къ психологическимъ факторамъ языка ²⁾. Что касается моего объясненія *inobediens*, какъ обратнаго образованія изъ *inobediens*, то къ этому вопросу я вернусь ниже.

2) Подвергая нѣкоторому сомнѣнію мое толкованіе *determina* „діаметръ“, какъ поствербальнаго образованія (Э. 22), Покровский, между прочимъ, указываетъ (Р. 10) на то, что это слово „встрѣчается у Марціана Капеллы (писателя 5-го вѣка по Р. Хр.!) для перевода діаметрос... Можеть быть, этотъ терминъ существовалъ еще до Марціана, во всякомъ случаѣ, это—терминъ переводный, созданный ad hoc“ ³⁾. Осваля совершенно въ сторонѣ хронологическій моментъ въ этомъ возраженіи, такъ какъ онъ былъ затронутъ выше (см. В, III, 2), замѣчу, что переводный характеръ слова *determina* лишь въ такомъ случаѣ представлялъ бы хоть какое-нибудь значеніе въ данной связи, ели бы имѣлись на лицо тѣ или другіе признаки формальнаго приспособленія этого слова къ греческому оригиналу *diámetros*, а такъ какъ этого нѣтъ, то ссылка на данный моментъ—новый случай незаконнаго примѣненія дедукціи. Къ этой же категоріи

¹⁾ Ср. еще болѣе эксцентрическія слова и формы: Cic. ad Att. I 16, 13: *Quare, ut opinor, φλορυγίον et istos consulatus non flocci faciteon*, или Plaut. Pseud. 235. *At... bat*. Сюда относится и упоминаемое Вельфлингомъ (*Arch. f. lat. Lex.* IV, 407) Тертуліановоде cultu fomin. 1, 3): *Cultum dicimus, quam mundum muliebreum vocant, ornatum, quem immundum muliebreum dici convenit*.

²⁾ Этому общему наблюденію отноудь не противорѣчитъ тотъ примѣръ изъ Плавта (Роеп. 1282), который приведенъ мной выше (см. В, II, 5 первое примѣчаніе) и въ которомъ имѣло новообразованіе (*subnolturius*) предшествуетъ тому слову, по образцу котораго оно создано (*subaquilus*); но дѣло въ томъ, что тутъ имъ сталкиваемся съ совершенно особымъ случаемъ, а именно: выводимое авторомъ лицо сперва какъ будто оваривается, а затѣмъ быстро поправляется, благодаря чему создается совершенно нецифическій комическій эффектъ. Вообще, порядокъ словъ въ предложеніяхъ—оудь не безразличный моментъ въ языкѣ: наоборотъ, онъ часто опредѣляетъ собойъ или другіе языковые факты и явленія. Такъ, что касается синтаксиса, ср. моя замчанія въ *Филол. Обзор.* XIX, 2, 123 (въ концѣ страницы), а также опытынаблюденія С. II. Соболевскаго (*ibid.* XI, 84).

³⁾ Это слова подчеркнуты самимъ критикомъ.

недоразумѣній я отношу замѣчаніе, что *distertina*—терминъ „созданный ad hoc“. Развѣ всегда термины такого происхожденія представляютъ морфологическія особенности? Какъ развѣ въ данномъ случаѣ этого нѣтъ. И почему терминъ *distertina* можно назвать созданнымъ ad hoc въ большей степени, чѣмъ любое другое слово латинскаго языка? Вообще, этотъ примѣръ—характерный образчикъ непровѣренной на фактахъ формальной діалектики.

3) Изъ встрѣчающагося у пророка Аввакума сочетанія *fantasma mendum* (φᾶσῶν—Vulg. *imaginem falsam*), я, вслѣдѣ за нѣкоторыми лексикографами, извлекъ (Э. 25) настоящее прилагательное *mendus* „лживый“, которое истолковалъ какъ обратное толкованіе, возникшее изъ *mendax*. Покровский, категорически отвергая это образованіе, считаетъ необходимымъ (Р. 13) „произвести хотя бы общій лексикографическій анализъ словъ“ въ отрывкѣ изъ упомянуто пророка, каковой анализъ, по его мнѣнію, долженъ выяснитъ, то мы имѣемъ здѣсь „неудачный переводъ съ греческаго“, такъ какъ, „принимая во вниманіе, что существительное *mendum* въ позднемъ особенно церковномъ языкѣ, было равносильно греч. δόλος, ψῆδος“ легко можно заподозрѣть въ сочетаніи *fantasma mendum* „нѣсколько неловкое употребленіе существительнаго вмѣсто прилагательнаго, въ качествѣ приложенія“, причемъ въ подкрѣпленіе этой гипотезы критикъ приводитъ изъ латинскаго языка (и отчасти—съ помощью Мейеръ Любке—изъ романскихъ нарѣчій) цѣлый рядъ примѣровъ употребленія существительныхъ вмѣсто прилагательныхъ. Однако, вся эта гипотеза представляется мнѣ не только не „проще всего“ вытекающей изъ анализа контекста, какъ это думаетъ Покровский, но наоборотъ, по многимъ соображеніямъ въ высшей степени сомнительной. Такъ, прежде всего, всѣ извѣстные изъ латинскаго языка примѣры адъективированныхъ существительныхъ, обусловлены или какими-нибудь спеціальными морфологическими причинами ¹⁾, или представляютъ собой первоначальныя названія одушевленныхъ существъ, приснособленные кѣмъ-ли другимъ предметамъ (не исключая и нѣсколько сомнительнаго *felix*), или названія неодушевленныхъ предметовъ или абстрактныхъ понятій, примѣненные къ существамъ одушевленнымъ. Что касается такихъ случаевъ, какъ *vetus* и *uber* (ср. Delbrück, Vergl. Synt., 418), то ихъ возникновеніе относится къ доисторической эпохѣ, а по му выяс-

¹⁾ Ср. напр. такіе случаи, какъ *fraginnis*, о чемъ см. выше А, I., а также ниже, экскурсъ VIII, пунктъ 7.

нить детально условія этого возникновенія представляется дѣломъ довольно труднымъ ¹⁾. Между тѣмъ, каждый конкретный случай такого перехода требуетъ спеціальнаго обоснованія, тѣмъ болѣе, что подобный переходъ въ индо-европейскихъ языкахъ (а тѣмъ болѣе—въ латинскомъ), не представляетъ, вообще говоря, распространеннаго явленія. Вотъ причина, почему, между прочимъ, я не могу признать существеннаго значенія при разубищеніи интересующей насъ контroversы и за тѣми романскими примѣрами, которые Покровский почерпнулъ въ сравнительной грамматикѣ романскихъ языковъ Мойера Любке (II, 449); всѣ эти примѣры возникли, несомнѣнно, при особыхъ условіяхъ, опредѣлить которыя для неспеціалиста по романскихъ языкамъ очень нелегко. Такъ, напримѣръ, мой оппонентъ указываетъ на рум. *mic* „маленькій“ при лат. *mīca*. Однако, я говоря уже о томъ, что еще вопросъ, не было ли уже въ латинскомъ языкѣ прилагательнаго **mīcus* или **mīccus* (ср. греч. *μῆκος* SIG. I, 3498 или дор. *μῆκος* = *μῆρος*) ²⁾, но даже допустивъ (что вѣстать сказать, пожалуй, вѣроятнѣе), что точкой отправленія для рум. *mic* послужило лат. *mīca*, придется, скорѣе всего, предположить, что первоначально это слово примѣнялось къ лицамъ женскаго рода (ср. французское *mioche* „каранузикъ.“ или наше *крушка*), откуда и рум. *mīcă*, изъ котораго затѣмъ (уже на почвѣ румынскаго языка) могло возникнуть новообразование мужскаго рода *mīc* ³⁾. Возвращаясь теперь къ примѣру изъ пророка Аввакума, я долженъ подчеркнуть съ особенной силой полную непонятность того, какимъ образомъ переводчику съ греческаго могла придти въ голову

¹⁾ Попытки *Skutina* (*Arch. f. lat. Lsc.* XV, 35) выяснить эти условія едва ли можно считать вполне удовлетворительной. Еще менѣе убѣдительно предлагаемое *Skutinem* (*ibid.*, 37 сл.) объясненіе для *amīcus*, въ которомъ этотъ ученый видитъ первоначальное существительное (съ значеніемъ „годочекъ“), которое затѣмъ перешло въ категорію прилагательныхъ. Гораздо проще, какъ мнѣ кажется, то объясненіе, которое предложено мной для даннаго образованія Э. 206⁴.

²⁾ Кроме того, не надо упускать изъ виду, что въ румынскомъ языкѣ очень много самостоятельныхъ заимствованій изъ греческаго языка.

³⁾ Ср. *Iskariu*, *Etym. Wtb. d. rum. Spr.* № 1067, гдѣ приведена также и литература по тому вопросу. Что касается послѣдняго момента въ изложенномъ выше процесѣ (т. е. появленія мужеской формы *mīc* при женской *mīcă*), то ср. мои замѣчанія съдной стороны по поводу адъективированныхъ *dominus* (ср. кстати, ит. *domno* „векотѣпный, большой“) и *famulus* (Э. 28 сл.), а съ другой—относительно *consubstantivatus*, *μῆρος* и т. п. (*ibid.* 33 и 234); прибавлю теперь, что для греч. *μῆρος* есть какъ разъ прекрасная аналогія въ румынскомъ (арумынскомъ) *nercu*, котораго *Puskariu* (op. c. № 1199) возводитъ къ прототипу **novercus*.

мысль отступить такъ рѣзко отъ самой простой формы выраженія мысли въ греческомъ подлинникѣ и прибѣгнуть къ чрезвычайно манерному синтаксическому обороту, который притомъ не можетъ быть объясненъ никакимъ синтаксическимъ или морфологическимъ недоразумѣнiемъ¹⁾. Въ виду всего изложеннаго я считаю гипотезу моего оппонента совершенно необоснованной и продолжаю настаивать на своемъ объясненiи, которое тѣмъ болѣе правдоподобно, что обратное образование изъ прилагательныхъ—явленiе само по себѣ не представляющее ничего страннаго и кромѣ того для даннаго случая мы можемъ опереться на довольно краснорѣчивую пропорцію: *mendax*: *mendus* = *verax*: *verus*²⁾.

4) По поводу моего объясненiя *arcister* (Э. 49²), въ которомъ я заподозрѣлъ влiенiе исхода латинизированнаго ἀρχιστήρ, Покровский (Р. 59) упрекаетъ меня за „искусственность аргументацiи“ и характеризуетъ мою гипотезу, какъ „типичное предположенiе ad hoc“. На это замѣчу слѣдующее: 1) предположенiе это сдѣлано мной мимоходомъ и притомъ въ очень осторожной формѣ („скорѣ, повидимому, слѣдуетъ предположить“), 2) осторожность эта объясняется какъ разъ тѣми соображенiями, какiя explicite приведены Покровскимъ, 3) это предположенiе представляется мнѣ единственно возможнымъ для *arcister*. Конечно, можно заподозрѣть реальность этого слова и предположить, что Альдгельмъ почерпнулъ его въ какомъ-нибудь испорченномъ англосаксонскомъ глоссарiи (предположенiе, высказанное мнѣ Покровскимъ устно), но вѣдь и это—не болѣе, какъ предположенiе ad hoc, тѣмъ болѣе характерное, что моему оппоненту едь ли удастся найти аналогичный случай въ Альдгельмовой лексикѣ. С другой стороны, нѣкоторый интересъ представляетъ въ данной связѣ тотъ фактъ, что у того же Альдгельма встрѣчается другое „гибридное“ образование, притомъ также (зарегистрованное въ глоссарiяхъ: я разумѣю слово *iocista*, о которомъ см. Gootz, Thes. s. v. Поужели это слово должно быть признано нереальнымъ?

¹⁾ Конечно, нельзя было бы предположить, что ψαδῆ было сѣтмай переводчикомъ съ ψαδῆ; тогда была бы во всякомъ случаѣ ненормальная форма сдч. *mendim*.

²⁾ Кстати: въ числѣ аргументовъ, приведшихъ меня къ „несомнѣннѣ“ предположеннаго мной толкованiю *mendus*, Покровскiй (Р. 12 сл.) включаетъ и мое замѣчанiе о *mendus* въ его отношенiяхъ къ *mendax*, а также о значенiяхъ *mda*. Болѣе внимательный просмотръ моего контекста показалъ бы, что всѣ эти замѣчанiя не входятъ въ составъ моей аргументацiи, а представляютъ собой полныя соображенiя.

5) Не считаю удачнымъ, говоритъ Покровский (ibid.), предположеніе (автора, Э. 24), что «*ergastor* восходить, по всей вѣроятности, къ **ērgāstor*, которое, кажется, не сохранилось въ дошедшихъ до насъ памятникахъ». Жаль, что при этомъ критикъ не указываетъ ни причины, почему моя гипотеза признается имъ неудачной, ни иного способа толкованія *ergastor*. Что касается меня, то я въ данный моментъ жалѣю лишь объ одномъ,—что я въ своей диссертациіи высказался чрезчуръ уклончиво о такой лингвистической комбинаціи, несомнѣнность которой очевидна ¹⁾).

А. Грушка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ По поводу *ergastulus*, соприкасающагося отчасти съ греческимъ языкомъ, я скажу нѣсколько словъ ниже, въ другой связи.

Содержание
НОВОЙ СЕРИИ ЧАСТИ XII
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
(сентябрь и октябрь 1908 года).

СОДЕРЖАНІЕ
НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ XII
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
(сентябрь и октябрь 1908 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ИМЕННЫЯ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ, ДАННЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

	СТРАН.
1. (14-го іюля 1908 года)	3
2. (28-го августа 1908 года)	87

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ МИНИСТРОВЪ.

1. (24-го мая 1908 года). Обь условіяхъ, требуемыхъ для назнанія преподавателями русскаго и церковно-славянскаго языковъ, исторіи и географіи въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа	—
2. (24-го мая 1908 года). Обь учрежденіи при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ двухъ должностей врачей-консультантовъ по ушнымъ и глазнымъ болѣзнямъ	88

УЗАКОНЕНІЯ.

1. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства 40.000 рублей на выдачу пособій ж.скимъ профессиональнымъ учебнымъ заведеніямъ	3
--	---

2. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на устройство и содержание въ городѣ Воронежѣ средняго восьмикласснаго механико-техническаго училища 4
3. (3-го іюля 1908 года). О преобразованіи Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ въ ремесленное училище по штату 26-го іюня 1889) года съ отпускомъ изъ казны на содержаніе сего училища въ до-полненіе къ мѣстныхъ средствамъ и суммамъ, ассигнуемымъ изъ казны на содержаніе Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ, 3.695 руб-лей въ годъ и одновременно 4.200 рублей на дополнительное оборудо-ваніе училища 8
4. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ на устройство и содержаніе художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеній —
5. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ казны средствъ на удов-летвореніе квартирнымъ довольствіемъ служащихъ въ низшей ремеслен-ной школѣ при Николаевскомъ среднемъ техническомъ училищѣ 9
6. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ государственнаго казна-чества средствъ на переустройство зданія Грозненской низшей ре-месленной школы 10
7. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ средствъ государствен-наго казначества 20.000 рублей на возстановленіе сгорѣвшихъ зданій низшей ремесленной школы въ селѣ Старомъ Буягѣ, Самарскаго уѣзда. —
8. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ средствъ государствен-наго казначества дополнительныхъ средствъ на содержаніе Москов-скаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелапутина на Миусской лошади 11
9. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ въ пособіе сред-нимъ и низкимъ учебнымъ заведеніямъ и другимъ учрежденіямъ, пре-следующимъ учебно-просвѣтительныя цѣли —
10. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на расширеніе зданія Риж-ской низше-ремесленной школы 13
11. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ государственнаго казна-чества средствъ на содержаніе въ городѣ Брайскѣ женскаго ремеслен-наго училища 14
12. (3-го іюля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на устройство и содержаніе госпитальныхъ клиникъ Томскаго университета въ зданіи втораго студенческаго общежитія 16
13. (30 іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ казны средствъ: 1) на содержаніе мужской гимназій въ городѣ Мстиславѣ и 2) на содер-жаніе и заведеніе реальнаго училища въ городѣ Барѣ, Подольской губерніи 20
14. (30 іюля 1908 года). Обь отпускѣ изъ казны средствъ на устройствъ и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Дрисѣ, Витебскъ губерніи 21
15. (30 іюля 1908 года). Обь ассигнованіи изъ государственнаго казначества средствъ на содержаніе Ирбитской школы ремесленныхъ учениковъ и на постройку зданій для названной школы —

16. (3-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Никольскомъ-Торжкѣ, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи 22
17. (3-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на устройство и содержаніе учреждаемаго въ 1908 году въ городѣ Сорокахъ, Бессарабской губерніи, средняго семикласснаго сельско-хозяйственно-техническаго училища съ низшей ремесленной при немъ школой 23
18. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи 27
19. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селѣ Вознесенскомъ, Архангельскаго уѣзда и губерніи —
20. (3-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ казны кредита на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ селеніи Красномъ-Кутѣ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи 28
21. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ с. Ловжѣ, Полоцкаго уѣзда, Іттебской губерніи 29
22. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Алапаевскѣ, Пермской губерніи —
23. (3-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе низшей сельско-хозяйственной ремесленной, имени М. С. Иваннпы, школы въ селѣ Чеботаркѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи 30
24. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Брацловѣ, Подольской губерніи 33
25. (3-го іюля 1908 года). О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Городкѣ, Витебской губерніи —
26. (3-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны кредита на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ Шемоньской волости, Велико-Устюгскаго уѣзда, Вологодской губерніи 34
27. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ двумъ ученымъ секретарямъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ квартирныхъ денегъ 35
28. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства суммъ на разъѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы инспекторамъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области —
29. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 6.625 рублей въ годъ на выдачу квартирныхъ денегъ служащимъ въ учительскихъ семинаріяхъ 36
30. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на нужды учебнаго дѣла въ Кавказскомъ учебномъ округѣ 37
31. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе низшихъ ремесленныхъ школъ въ слободѣ Маньково-Калитвенской, Донецкаго округа, области Войска Донскаго, въ городѣ Миценскѣ, Орловской губерніи, и селѣ Ст

пановѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, а также объ ежегодномъ дополнительномъ отпускѣ изъ казны по 600 рублей на содержаніе такой же школы въ городѣ Рѣжицѣ, Витебской губерніи . . .	43
32. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и обзаведеніе: мужскихъ гимназій въ городахъ Ирбитѣ и Новохоперскѣ, реальныхъ училищъ въ городахъ Кунгурѣ, Ядринѣ, Королѣ, Саранскѣ, Владимірѣ (губернскомъ), Торопцѣ, Бузулукѣ, Петровкѣ (Саратовской губерніи) и Орѣховѣ и мужскихъ прогимназій въ городахъ Чистополю, Дорогобужѣ и Ельнѣ	45
33. (6-го іюля 1908 года). Объ измѣненіи штата Комиссаровскаго технического училища въ Москвѣ	50
34. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на пополненіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій Московскаго учительскаго института и состоящаго при немъ городского училища необходимыми приборами и пособиямъ	54
35. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на постройку зданія для Благовщенской мужской гимназій	—
36. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытіе части расходовъ по постройкѣ зданія для Бугурусланской женской гимназій	55
37. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Пензенской учительской семинаріи	56
38. (6-го іюля 1908 года). Объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Благовщенской и Новоторжской учительскихъ семинаріяхъ	—
39. (6-го іюля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе учителя начальнаго училища при Красноярской учительской семинаріи	57
40. (6-го іюля 1908 года). О назначеніи Императорскому русскому техническому обществу пособия на содержаніе С.-Петербургскаго ремесленнаго, механическаго дѣла, училища	—
41. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ пособия Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской школы десятикласснаго строительнаго дѣла	58
42. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на окончаніе постройки зданія для Ставропольской учительской семинаріи	—
43. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на постройку зданія для Етлонской, Тамбовской губерніи, женской прогимназій	59
44. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Туркестанской учительской семинаріи	—
45. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на строительныя надобности Царскосельскаго, Никольскаго, Великоустюгскаго, Александровскаго на Мурманѣ, Дмитровскаго, Орловской губерніи, и Верро-скаго городскихъ училищъ	60
46. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ 25.000 рублей на сооруженіе служительскихъ казармъ при Томскомъ университетѣ	61
47. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казна-	

чейства средствъ: 1) на содержаніе столярно-токарянаго отдѣленія при низшей ремесленной школѣ въ селѣ Рождественской Хавѣ, Воронежскаго уѣзда и губерніи; 2) на устройство и содержаніе столярной мастерской и дополнительное оборудованіе слесарной мастерской при Азовской низшей ремесленной школѣ; 3) на устройство и содержаніе столярно-токарянаго отдѣленія при Подольской, имени Г. И. Козлова, высшей ремесленной школѣ; 4) на содержаніе третьяго кузнечнаго отдѣленія при Новороссійской низшей ремесленной школѣ, на оборудованіе сего отдѣленія и на устройство кухни для учениковъ; 5) на введеніе въ курсъ Юрьевецкой, Костромской губерніи, низшей ремесленной школы преподаванія кузнечнаго дѣла и рациональнѣйшейковки лошадей; 6) на устройство при Ананьевской, Херсонской губерніи, школѣ ремесленныхъ учениковъ ноющеніи для кузницы и двигателя и на пополненіе оборудованія; 7) на содержаніе литейнаго отдѣленія при Александровской Клябужской школѣ ремесленныхъ учениковъ, учрежденной на средства Гирбасовыхъ; 8) на содержаніе литейнаго отдѣленія низшей ремесленной школы, состоящей при Рыбинскомъ изомомъ механико-техническомъ училищѣ, имени д. с. с. Комарова; 9) на окончательное устройство низшей ремесленной школы въ городѣ Мологѣ; 10) на устройство и содержаніе школы ремесленныхъ учениковъ въ городѣ Луганскѣ; 11) на расширеніе зданія Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища, и 12) на пособіе низшей ремесленной школѣ въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговско губерніи, на устройство кузницы и пополненіе ея оборудованія —

48. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на расширеніе зданія Бахмутскаго ремесленнаго училища, а также устройство при немъ и содержаніе электро-техническаго класса и литейнаго отдѣленія 66

49. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на внутреннее устройство подвального этажа въ зданіи Николаевского средняго механико-техническаго училища 67

50. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на расширеніе мастерскихъ Клиновскаго средняго технического училища и на устройство классныхъ комнатъ для состоящей при немъ низшей ремесленной школы 68

51. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на окончаніе постройки зданія для Кашинскаго Алексѣевскаго реальна училища —

52. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому русскому техническому обществу на постройку и оборудованіе зданія для С.-Петербургскаго ремесленнаго, по механическому дѣлу, училища 69

53. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на постройку зданія для Юрьевецкой низшей ремесленной школы 70

54. (6-го іюля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны дополнительно 300 рублей въ годъ на содержаніе учителя пѣнія при Читинской учительской семинаріи —

55. (6-го июля 1908 года). Обь учрежденіи учительскаго института въ городѣ Ярославѣ 71
56. (6-го июля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на содержаніе Кавказской Археографической Комиссіи —
57. (6-го июля 1908 года). О преобразованіи Тимоновскаго, Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, ремесленнаго класса въ низшую ремесленную школу 72
58. (6-го июля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на окончаніе постройки зданія и оборудованіе кожевеннаго завода при Богородскомъ ремесленномъ училищѣ 73
59. (6-го июля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе низшей ремесленной школы въ селеніи „Пороховые Заводы“ близъ С.-Петербурга —
60. (6-го июля 1908 года). Обь открытіи при Карачевской, Херсонской и Благовѣщенской учительскихъ семинаріяхъ четвертыхъ классовъ и обь учрежденіи при названныхъ семинаріяхъ четвертыхъ штатныхъ должностей наставника 74
61. (6-го июля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ: 1) на содержаніе мужскихъ гимназій въ Тифлисѣ (Кувахъ) и Армавирѣ и мужской прогимназіи въ Екаѣринодарѣ, 2) на содержаніе мужской гимназіи въ Сочи и 3) на образованіе 15 стипендій въ пансіонахъ учебныхъ заведеній Общества Св. Нны для дѣвицъ магометанскаго исповѣданія въ городахъ Тифлисѣ, Яку и Эривани 75
62. (6-го июля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а также на организацію курсовъ профессиональныхъ знаній при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и введеніе преподаванія ручнаго труда 76
63. (6-го июля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе инженерно-механическаго зданія и лабораторій Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III 77
64. (6-го июля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на выдачу третью же въ зачетъ жалованья лицамъ, опредѣляемымъ въ учительскимъ должностямъ —
65. (8-го июля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на выдачу пособій женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ и обь увеличеніи нормы такихъ пособій 88
66. (8-го июля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на выдачу вознагражденія дамамъ, предназначеннымъ на должности начальниковъ открываемыхъ въ 1908 году ремесленныхъ учебныхъ заведеній, а также начальникамъ уже открытыхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній за особые труды и поѣздки по дѣламъ службы 89
67. (8-го июля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на переустройство зданія Ревской мужской гимназіи Императора Николая I —
68. (8-го июля 1908 года). Обь отпускѣ средствъ на содержаніе второй мужской гимназіи въ городѣ Самарѣ 90

69. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ на постройку зданія для реального училища въ городѣ Бузулукѣ	91
70. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ единовременнаго пособия Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ	—
71. (8-го іюля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе низшихъ механико-техническихъ училищъ: 1) Калязинскаго, имени Н. М. Полежаева, 2) Иваново-Вознесенскаго и 3) Рыбинскаго, имени М. Е. Комарова	92
72. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ на изданы химической лабораторіи университета Св. Владиміра	—
73. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ Тамбовскому ремесленному училищу въ пособіе на содержаніе дитяиной мастерской	93
74. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ на обаведеніе гистологической лабораторіи и анатомическаго театра при университетѣ Св. Владиміра	—
75. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе классовъ черчвіи и рисованія для взрослыхъ рабочихъ на Малой Охтѣ въ С.-Петербургѣ	94
76. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ на оборудованіе заднаго пристроя къ главному корпусу зданій Казанскаго университета и на содержаніе находящихся въ семъ пристроѣ аудиторій и кабинетовъ	—
77. (8-го іюля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе Омскаго пансіона для киргизскихъ и русскихъ дѣтей	95
78. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ для удовлетворенія нѣкоторыхъ неотложныхъ строительныхъ потребностей учебнаго заведенія Кавказскаго учебнаго округа	—
79. (8-го іюля 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ средствъ на содержаніе С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища	96
80. (8-го іюля 1908 года). Обь отпускъ средствъ на содержаніе похѣщенія физико-математическаго факультета въ зданіи бывшагостуденческаго общежитія Императорскаго Харьковскаго университета	97

Высочайшія повелѣнія.

1. (9-го февраля 1908 года). О присвоеніи Ученской земской кодѣ, Старорусскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго князя Алексѣя Николаевича	78
2. (9-го февраля 1908 года). О присвоеніи двухклассному жекому училищу въ селѣ Городцѣ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго князя Алексѣя Николаевича	—
3. (2-го апрѣля 1908 года). Обь утвержденіи рисунковъ форменныхъ знаменъ для фуражекъ и кушаковъ учениковъ Орловской Алексѣевоѣ гимназіи	—

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(14-го іюля 1908 года, № 50)	79
(21-го іюля 1908 года, № 52)	—
(28-го іюля 1908 года, № 54)	80
(2-го августа 1908 года, № 56)	—
(9-го августа 1908 года, № 57)	97
(16-го августа 1908 года, № 58)	98
(23-го августа 1908 года, № 59)	99
(30-го августа 1908 года, № 61)	100

ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (14-го іюля 1908 года, № 17083). О дополнительных экзаменах для поступления в С.-Петербургскій женскій медицинскій институт	81
2. (14-го іюля 1908 года, № 17084). О студенческом представительствѣ	—
3. (14-го іюля 1908 года, № 17085). Объ условіяхъ опредѣленія на учительскія должности лицъ, окончившихъ курсы университетовъ	82
4. (16-го ма 1908 года, № 12179). Объ условіяхъ приема въ студенты и вольнослушатели университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній	104
5. (14-го августа 1908 года, № 19163). Объ отсрочкѣ экзаменовъ студентовъ медицинскихъ факультетовъ и слушательницъ медицинскаго института	106
6. (1-го сѣнября 1908 года, № 21918). О приемѣ въ студенты историко-филологическихъ факультетовъ на общихъ для прочихъ факультетовъ основаніяхъ	107

ОПРЕДѢЛЕН ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 83 и 108

ОПРЕДѢЛЕН ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ. 83 и 111

ОПРЕДѢЛЕНА ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ. 114.

Описокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и
привязанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи
бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ . . . 84 и 115

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣ-
щенія. 116

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Г. В. Балицкий. Зарожденіе періодической печати въ Россіи . . .	1
В. Ф. Миллеръ. О братьяхъ судальцахъ	77
И. А. Тихомировъ. Строельная книга города Пены, какъ ма- териалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ XVII вѣкѣ	93
А. И. Яцимирскій. Значеніе румынской филологіи для слави- стики и романскихъ изученій	121
А. Г. Векштремъ. Медицинскій факультетъ въ Монпелье до се- редины XIV вѣка	143 и 209
Н. М. Вубновъ. Абакъ и Бовѣй (<i>продолженіе</i>)	250
А. С. Мулюминъ. Иностранцы свободныхъ профессіи въ Мо- сковскомъ государствѣ	307

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Л. Авалиани. Къ вопросу объ учебныхъ пособіяхъ въ высшей школы	170
Д. М. Синцовъ. По поводу „одной теоремы элементарной гео- метріи“	178
А. А. Васильевъ. <i>Дмитрій Петрушевскій</i> . Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Москва. 1907.	180
С. Г. Вилинскій. Новые труды по изученію дѣятельности Ивана Пересвѣтова	185
М. С. Грушевскій. Болеславъ-Юрій II, князь всей Малѣ Руси. С.-Пб. 1907	198
Н. К. Козминъ. Отвѣтъ И. И. Замотину	208
П. П. Гензель. <i>М. И. Фридманъ</i> . Современные косвенные на- логи на предметы потребленія. Т. I. С.-Пб. 1908	353
К. М. Милорадовичъ. <i>Густавъ Ле Бонъ</i> . Психологія соци- ализма. С.-Пб. 1908.	383
К. Г. Вобльнъ. <i>Stanislaw Grabski</i> . Zaris rozwoju idei spozno- gospodarczych w Polsce. w Krakowie. 1903	398
А. Л. Погодинъ. <i>Herman Hirt</i> . Die Indogermanen. Leipzig . . .	407

Н. М. Петровскій. <i>Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра.</i>	
Часть первая: XVII и XVIII вѣкъ Казань. 1908	419
— Книжница новости	206 и 424

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. Ф. Никитинъ. Школьные эпидеміи и мѣры борьбы съ ними	1
В. В. Акимовъ. Дѣятельность сибирскаго земства по народному образованію.	43 и 121
А. А. Красевъ. Чего ждетъ отъ школы наша страна для своего обновленія	86 и 145
И. И. Ульяновъ. Классы ручного труда и ремесленныя отдѣленія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	178

Отзывы о книжкѣ:

И. И. Холопякъ. Мигель де Сервантесъ Сааведра. <i>Донъ-Кихотъ.</i> Переводъ І. В. Ватсонъ	107
О. Д. Хвольсонъ. <i>А. А. Зоннеитраль</i> и <i>А. Н. Яницкій.</i> Таблицы практическихъ занятій по физикѣ	112
— Спикри для современной школы. Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи	113
Л. Г. Моръ. <i>Готфридъ Воллертъ.</i> Учебникъ нѣмецкаго языка	114
— <i>Neue Erzählungen.</i> Band № 6. Erklärt von <i>N. Oerdel</i>	115
О. Д. Хвольсонъ. <i>Р. Джудъ.</i> Электричество и магнетизмъ	116
И. Ѡ. Анненскій. <i>А. Г. Филоновъ.</i> Идиллія и образцы ея у разныхъ народовъ	117
В. В. Федоровъ. Исторія Россійскаго государства. Иллюстрированная хронологія.	118
И. И. Кооднякъ. <i>Ломфелло.</i> Пѣснь о Гайаватѣ	223
В. И. Соляртинскій. Новое воспитаніе и образованіе. Подъ редакціей <i>И. Орбунова-Посадова</i>	228
О. Д. Хвольсонъ. <i>І. І. Косоноговъ.</i> Концентрической учебникъ физики	231
К. В. Фатъ. <i>Лэзанъ.</i> Развитие математической инициативы	232
О. Д. Хвольсонъ. <i>И. Соколовъ.</i> Элементарная физика	235
Б. М. Кяловичъ. <i>В. Александровъ.</i> Основанія анализа безконечно малыхъ въ связи съ дополнительными статьями алгебры	245
— книжница новости	119 и 247

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Л. Л.--ъ. Письмо изъ Парижа	1
Т. Д. Форнискій. Н. П. Дашкевичъ (<i>некрологъ</i>)	12

	Стран.
М. И. Ростовцевъ. Международный историческій съездъ въ Берлинѣ	25
Ю. А. Кулаковскій. Изъ Берлина	37
И. Д. Андреевъ. А. П. Лебедевъ (<i>некрологъ</i>)	56

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. А. Грушка. Спорные вопросы изъ области латинскаго языко- знанія (<i>продолженіе</i>)	394 и 427
Г. Ф. Церетели. Новоткрытая комедія Менандра <i>Ἐστράποντες</i>	385

О в ъ я в л е н і я 4

А. А. Красевъ. Чего ждешь отъ школы наша страна для своего обновленія (<i>окончаніе</i>)	145
Н. Н. Ульяновъ. Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія вѣдомства министерства народнаго проsvѣщенія .	178

Отзвмы о книгахъ:

И. И. Холоднѣкъ. <i>Ломфелло</i> . Пѣснь о Гаиватѣ	223
В. И. Сохлертинскій. <i>Кембелъ</i> . Наглядная геометрія	228
О. Д. Хвольсонъ. <i>Г. Г. Косонозовъ</i> . Концентрическій учебникъ физики.	231
К. В. Фохтъ. <i>Лэвинъ</i> . Развѣтїе математической инициативы	232
О. Д. Хвольсонъ. <i>Н. Соколовъ</i> . Элементарная физика	235
В. М. Кошловъ. <i>В. Александровъ</i> . Основанія анализа бесконечно малыхъ въ связи съ дополнительными статьями алгебры	245
— Книжныя новости	247

Современная лѣтопись.

М. И. Ростовцевъ. Международный историческій съездъ въ Берлинѣ.	26
Ю. А. Кулаковскій. Изъ Берлина.	37
И. Д. Андреевъ. А. П. Лебедевъ (<i>некрологъ</i>)	56

Отдѣлъ классической филологіи.

Г. Ф. Церетели. Новооткрытая комедія Менандра <i>Евтрепонта</i> . .	385
А. А. Грушка. Опорные вопросы изъ области латинскаго языкованія (<i>продолженіе</i>)	427

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ОЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагоги и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by**

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

**□
1994**

